Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

9.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1897.

Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Т. 2-й (см. „Русскій Архивъ" нынѣшняго года, вып. 8-й.

Еще въ Октябрѣ 1801 г. Александръ писалъ графу С. Р. Воронцову, что онъ будетъ стараться слѣдовать преимущественно *національной* системѣ, т. е. основываться на пользѣ государства, а не на пристрастіи (prédilection) къ той или другой державѣ, и какъ это часто случалось"; но уже въ концѣ того же года графъ Кочубей, которому противъ его воли Государь ввѣрилъ управленіе внѣшними дѣлами имперіи, подмѣтилъ первые признаки Прусской дружбы. Въ Апрѣлѣ Александръ объявилъ Кочубею о своемъ рѣшеніи ѣхать въ Мемель на свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, обѣщая, что поѣздка не будетъ имѣть политическаго значенія.

Въ роковыхъ послѣдствіяхъ Мемельскаго свиданія почтенный авторъ видитъ вредное вліяніе, обнаруженное Гатчинскимъ воспитаніемъ на воззрѣнія Александра; онъ заранѣе восторгался увидѣть, наконецъ, славныя Прусскія войска и расширить свои свѣдѣнія въ дѣлѣ строеваго обученія, выправки и парадовъ. Сверхъ того, по словамъ князя Чарторижскаго, онъ радовался знакомству съ прекрасной королевой.

Послѣ этого свиданія Александръ „перестаетъ разсматривать Пруссію какъ политическое государство, но видѣлъ въ ней дорогую ему особу, по отношенію къ которой призналъ необходимымъ руководствоваться особыми обязательствами".

Въ 1803 году, среди усердныхъ заботъ о преобразованіи и просвѣщеніи, Аракчеевъ былъ снова вызванъ на службу дружескимъ письмомъ Александра.

Дерзкій отвѣтъ Талейрана на протестъ Русскаго правительства по поводу убійства герцога Энгіенскаго, отвѣтъ, заключавшій личное оскорбленіе Александру, обратилъ его недоброжелательство къ Бонапарту въ явную вражду. Воинственное настроеніе Государя было поддерживаемо кн. Чарторижскимъ, который, въ 1804 г. назначенный управлять иностранными дѣлами, убѣждалъ своего царственнаго друга низвергнуть колосса, поправшаго династическіе законы и независимость народовъ, возстановить въ Европѣ принципы справедливости и законности, а первымъ шагомъ къ этому является возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года.

Одновременно съ воинственнымъ характеромъ внѣшней политики сталъ замѣтенъ новый оттѣнокъ въ управленіи внутренними дѣлами имперіи. Въ 1805 году возстановлена *тайная экспедиція*, торжественно уничтоженная при началѣ царствованія; въ 1807 году учрежденъ комитетъ охраненія общей безопасности.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1897.

3.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

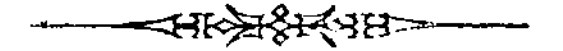
Петромъ Бартеневымъ.

Не найдешь въ себѣ—не ищи въ селѣ.

Старинная пословица.

1897.

КНИГА ТРЕТЬЯ.



МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1897.

ЦАРИЦА МАРІЯ ВЛАДИМИРОВНА.

(род. 1608, скончнч. 1625).

Посвящается памяти отца моего А. А. Васильчикова *).

Юная княжна Марія Владимировна, дочь князя Владимира Тимоѳеевича Долгорукова и третьей жены его, княжны Маріи Васильевны Барбашиной, была избрана самой великой старицей Марѳой Ивановной въ невѣсты къ сыну ея, царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову.

Отецъ княжны Марьи Владимировны велъ свой родъ отъ праправнука св. Михаила Всеволодовича Черниговскаго (замученнаго въ Ордѣ въ 1246 г.), отъ князя *Ивана Андреевича Долгорука*, который былъ старшимъ сыномъ князя Андрея Константиновича и внукомъ перваго князя Оболенскаго, Константина Ивановича, получившаго свое прозваніе отъ его удѣла, села Оболенска на рѣкѣ Протвѣ, защищая который отъ Ольгерда онъ былъ убитъ въ 1368 г. *Иванъ Андреевичъ* былъ въ свою очередь прозванъ, вѣроятно по длинѣ своихъ рукъ, *Долгорукимъ* и передалъ это имя своему потомству. Этого родоначальника Долгоруковыхъ, Ивана Андреевича, не надо смѣшивать съ другимъ потомкомъ Св. Владимира, носившимъ одинаковое съ нимъ прозваніе, но жившимъ гораздо ранѣе, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, съ Юріемъ Владимировичемъ Долгоруковымъ, основателемъ Москвы.

Долгоруковы состояли въ родствѣ съ князьями Воротынскими, Пожарскими, Ромодановскими, Сицкими, Одоевскими, Репниными, Барятинскими.

Дѣдъ княжны Марьи Владимировны, Тимоѳѣй Ивановичъ, сынъ Нижегородскаго воеводы Ивана Тимоѳѣевича, прозваннаго Рыжко, внукъ

*) Директора Императорскаго Эрмитажа, автора прекрасной и единственной въ этомъ родѣ у насъ книги „Семейство Разумовскихъ“, недавно появившейся въ чужихъ краяхъ во Французскомъ переводѣ. Память Александра Алексѣевича Васильчикова незабвенна для тѣхъ, кому дороги успѣхи Русскаго самосознанія. Его изслѣдованія одушевлены и согрѣты любовью къ предкамъ, которые воскресли въ его книгѣ съ достоинствами и недостатками. Многихъ пріохотилъ онъ дорожить родными преданіями, и между прочимъ ему принадлежитъ починъ въ изданіи „Архива Князя Воронцова“. П. Б.

Тимоѳѣя Владимировича, третьяго сына Владимира Ивановича, и правнукъ *Ивана Андреевича Долгорука*, началъ службу до 1550 года. Въ 1579 году онъ пожалованъ окольничимъ и оставленъ въ Москвѣ вторымъ осаднымъ воеводою, во время отъѣзда царя Іоанна Грознаго въ Ливонскій походъ; скончался онъ въ 1581 году. Второй сынъ его, *Владимиръ*, началъ съ молодыхъ лѣтъ нести службу царскую въ званіи стольника, затѣмъ находился воеводою въ Пронскѣ, 1588—1591, участвовалъ въ походѣ подъ Нарву въ 1590 году, подъ предводительствомъ самаго царя Ѳедора Іоанновича (походъ этотъ кончился взятіемъ Ямъ, Иванъ-города и Копорья и перемиріемъ на годъ). Лѣтомъ 1591 года Шведы, воспользовавшись нашествіемъ хана Казы-Гирея, вновь явились близъ Гдова (на Чудскомъ озерѣ), разбили нашъ отрядъ и взяли въ плѣнъ воеводу Владимира Тимоѳѣевича. Два года провелъ князь въ плѣну и былъ выкупленъ въ 1593 году. Въ 1598 году онъ посланъ строить городъ на рѣкѣ Койсѣ и защищалъ южныя границы отъ Крымцевъ, въ 1600 году воеводствовалъ въ Чебоксарахъ, съ 1604 по 1606 годъ въ *Теркахъ* (на рѣкѣ Терекѣ), а въ 1607 году возведенъ въ степень боярина, что̀ призывало его въ Москву. Къ этому времени слѣдуетъ отнести его третью женитьбу; ибо, если предположить, что княжнѣ Марьѣ Владимировнѣ во время ея избранія въ супруги царю, шелъ шестнадцатый годъ (самый подходящій возрастъ по понятіямъ того времени для вступленія въ бракъ), то годомъ ея рожденія будетъ *1608* годъ, что̀ вполнѣ согласуется со вступленіемъ князя Владимира Тимоѳѣевича въ третій бракъ въ 1607 г.; отнести же года третьяго брака и рожденія княжны къ болѣе отдаленному времени не приходится: ибо въ 1604 и 1606 году князь былъ на воеводствѣ въ Теркахъ, на Кавказѣ, а въ 1607 году находился въ Москвѣ, гдѣ могъ встрѣтить свою невѣсту. Время его двухъ первыхъ женитьбъ также неизвѣстно; знаемъ только, что въ первый разъ князь взялъ за себя вдову князя Дмитрія Петровича Елецкаго, Марію, дочь Василія Петровича Ноздреватаго, Зарайскаго воеводы, и что̀, такъ какъ кн. Марія Васильевна овдовѣла въ 1586 г., то бракъ ея съ княземъ Владимиромъ Тимоѳѣевичемъ могъ состояться никакъ не раньше 1587, что̀ совпадаетъ со временемъ воеводства Владимира Тимоѳѣевича въ Пронскѣ въ 1588, такъ что около 1587—1588 годовъ можно поставить время его перваго супружества. Во второй разъ князь женатъ былъ на дѣвицѣ Нащокиной, дочери Петра Аѳанасьевича *).

---

*) По словамъ Петрова отъ этихъ двухъ браковъ родились у князя двѣ дочери: Марѳа Владимировна за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ, что̀ невѣрно, ибо жена Шуйскаго именовалась Марѳой Васильевной (см. Дворцовые Разряды) и другая дочь княжна Ѳетинья Владимировна, бывшая за княземъ Юріемъ Андреевичемъ Сицкимъ

Въ третій разъ Владиміръ Тимоѳѣевичъ сосваталъ себѣ княжну *Марію Васильевну Барбашину*, дочь стараго воеводы Василія Ивановича Барбашина, тридцать лѣтъ воевавшаго на Литовской границѣ и въ Ливоніи и бывшаго въ 1571 году воеводою въ Тарусѣ, на рѣкѣ Упѣ. Василій Ивановичъ велъ свой родъ отъ перваго князя Суздальскаго Андрея Ярославича, брата Св. Александра Невскаго. Послѣ 1571 года, имя князя Барбашина болѣе не упоминается, и можно предположить, что онъ послѣ того времени уже удалился на покой.

Княгиня Марія Васильевна родила своему князю двухъ дочерей: княжну Марію Владиміровну въ 1608 году и княжну Елену Владиміровну (годы рожденія и кончины ея, какъ и судьба ея, неизвѣстны). Въ 1608 году кн. Владиміръ Тимоѳѣевичъ, по указу царя Василія Шуйскаго, сопровождалъ пана Мнишка и развѣнчанную дочь его въ Польшу. Ѣхали они окольными путями, черезъ Угличъ и Тверь: ибо отрядъ у князя былъ маленькій, а Поляки разсѣяны были по всей странѣ. Цѣлый мѣсяцъ пробирался князь по мѣстамъ пустыннымъ, то болотистымъ, то лѣсистымъ; иной разъ приходилось прокладывать дорогу топоромъ, и часто всѣ терпѣли отъ недостатка въ продовольствіи. На пути къ крѣпости Бѣлой, отрядъ князя былъ настигнутъ Александромъ Зборовскимъ; произошла небольшая стычка, въ которой Поляки одержали верхъ и, захвативъ Марину съ отцомъ, отвезли ихъ въ Тушино (Смутное Время, у Иловайскаго, стр. 96). Не смотря на то, князь Владиміръ Тимоѳѣевичъ остался близкимъ человѣкомъ при царѣ Васильѣ и когда престолъ его заколебался отъ внутреннихъ смутъ и натиска со стороны Поляковъ извнѣ, кн. Владиміръ Тимоѳѣевичъ былъ однимъ изъ немногихъ остававшихся вѣрными Шуйскому. Не изъ личной привязанности, но по сознанію долга, служилъ онъ подпорой колебавшемуся правительству. Онъ отличался горячей любовью къ отчизнѣ, пользовался и въ думѣ боярской, и во всей Москвѣ заслуженнымъ уваженіемъ, былъ мужемъ ума и совѣта и нерѣдко собиралъ у себя въ домѣ князей и бояръ вѣрныхъ отечеству (Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ, стр. 11—12). Послѣ паденія Шуйскаго, когда Жолкѣвскій подступилъ къ Москвѣ и предлагалъ въ цари королевича Владислава, Москва и дума боярская раздѣлились на три стороны. Большая часть думы желала возвести на престолъ князя Мстиславскаго, съ ограниченіемъ власти; духовенство и воеводы хотѣли князя Василія Голицына, а часть дѣтей боярскихъ стояла на томъ, чтобы вѣнчать

и принявшая по его смерти монашество и схиму; но объ этомъ и слѣда нѣтъ въ родословной Долгорукова, хотя дѣйствительно княгиня Ѳетинья Сицкая по отцу была Владиміровна.

царемъ митрополита Филарета Никитича Романова. Изъ всей думы боярской примкнули къ нимъ только двое: князь Владиміръ Тимоѳеевичъ, котораго соединяла съ Филаретомъ Никитичемъ тѣсная дружба, и бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, мужъ государственнаго ума, женатый на родной племянницѣ Филарета Иринѣ Борисовнѣ Черкаской. Князь Владиміръ Тимоѳеевичъ находился въ Москвѣ и послѣ присяги Владиславу. Тѣснимая Поляками, боярская дума издала тогда нѣсколько предписаній, вынужденныхъ отъ нея силой; она предписала посламъ, митрополиту Филарету и кн. Голицыну, уважать волю короля Польскаго и велѣла боярину Шеину немедленно сдать Смоленскъ Сигизмунду. Этотъ приговоръ подписали 17 бояръ; трое изъ нихъ оказались безграмотными, и за нихъ росписались другіе. Къ числу безграмотныхъ принадлежалъ и князь Владиміръ Тимоѳеевичъ (Смутное Время, у Иловайскаго 303).

Въ началѣ Апрѣля 1612 года мы находимъ князя Владиміра въ Ярославлѣ во главѣ втораго ополченія, товарищемъ Пожарскаго. Съ прочими боярами приложилъ онъ руку на грамотѣ къ Вологодцамъ, въ которой они извѣщались о сборѣ всеобщаго ополченія, о беззаконной присягѣ Псковскому самозванцу съ просьбою о присылкѣ выборныхъ людей для земскаго совѣта и денежной казны на жалованье ратнымъ людямъ. Затѣмъ князь защищалъ отъ Поляковъ Псковъ и Тверь (Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ). Въ 1615 году отправленъ земскимъ совѣтомъ въ Нижній-Новгородъ, приводить людей къ присягѣ царю Михаилу Ѳеодоровичу. (Двор. Разр. 1086). Въ 1615 г. онъ назначенъ воеводою въ Казань вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Гагаринымъ и дьяками Андреемъ Подлѣсовымъ и Аѳанасіемъ Истоминымъ. Здѣсь въ 1619 году застало его радостное извѣстіе о возвращеніи изъ плѣна Филарета Никитича. Не подлежитъ сомнѣнію, что княгиня Марія Васильевна и малолѣтняя княжна Марія поѣхали за княземъ на его воеводство въ Казань, гдѣ и провели послѣдующіе годы. Но гдѣ скрывалась мать съ дочерью во время пожара и грабежа Москвы Поляками? Ютились ли онѣ близъ своего естественнаго защитника, были ли отосланы имъ въ отдаленную вотчину, или за крѣпкія стѣны монастыря, неизвѣстно. Можно почти безошибочно утвердить, что отъ *семи* до *одиннадцати* лѣтъ княжна провела въ Казани, вѣроятно молилась тамъ у мощей святителей Гурія и Варсонофія и каждую весну могла любоваться на величественный разливъ Волги, которая въ полноводье подходитъ къ самому городу. По возвращеніи Филарета, кн. Долгоруковъ прибылъ въ Москву, засѣдалъ въ боярской думѣ и судьею въ Судномъ Патріаршемъ Приказѣ, пользовался значительнымъ вѣсомъ и очень часто обѣдалъ у Государя и патріарха.

Дружба его съ Филаретомъ, родственныя связи съ знатнѣйшими боярами, вѣроятно и личныя достоинства молодой княжны подали великой старицѣ Мареѣ Ивановнѣ мысль избрать ее себѣ снохою. Выборъ казался вполнѣ подходящимъ; но не такъ думалъ самъ молодой царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Влюбленный въ свою красавицу-невѣсту (1616 г) Анастасію Хлопову, такъ безсердечно оклеветанную Салтыковыми въ порчѣ и навсегда удаленную ими въ Тобольскъ отъ его любви и вѣнца брачнаго и царскаго въ безвинное изгнаніе, Михаилъ Ѳеодоровичъ семь лѣтъ оставался вѣрнымъ дорогой ея памяти и не рѣшался раздѣлить свою судьбу съ другою дѣвушкой. Цѣлый почти годъ Михаилъ Ѳеодоровичъ не поддавался увѣщаніямъ матери; но та заклялась, что не быть Анастасіи на царствѣ; а годы все шли, Михаилу Ѳеодоровичу исполнилось 28 лѣтъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ женить его на Датской принцессѣ (1621) или на Бранденбургской (1623), не пожелавшихъ перемѣнить свою лютеранскую вѣру, наконецъ «царь смирился, презрѣлъ себя Бога ради», не захотѣлъ разлучиться съ матерью, склонился предъ ея любовью, «аще и не хотя, но матере не преслушавъ, поять вторую царицу Марью» (Забѣлинъ, Бытъ Русск. Царицъ 253).

12 Іюля 1623г., въ день ангела царя, княжна Марія Владимировна наречена царскою невѣстою. Избраніе это совершилось вѣроятно въ тайнѣ, безъ всякаго торжества, ибо дворцовыя разрядныя книги, упоминая объ имениномъ столѣ, бывшемъ въ этотъ день у Великаго Государя въ Золотой палатѣ, перечисляя всѣ дары, поднесенные по обычаю царемъ своему отцу и приводя дословно рѣчь, какую при этомъ говорилъ дьякъ патріарху отъ имени Царя, ни словомъ не упоминаютъ о новоизбранной царской невѣстѣ; не видно даже отца княжны, князя Владимира Тимоѳѣевича въ спискѣ званныхъ къ столу бояръ. Точно также 8 Сентября, во время пира у Государя въ столовой избѣ, за рѣчью, говоренной отъ имени Царя дьякомъ Жданомъ Шиповымъ, во время явки даровъ патріарху, въ которой упоминается и о Мареѣ Ивановнѣ и о князѣхъ, боярахъ и христолюбивомъ воинствѣ, ни слова о Марьѣ Владимировнѣ, и это было за 6 дней до ихъ свадьбы. Избранія явнаго не было, и Марія Владимировна, во избѣжаніе тѣхъ козней, коихъ сдѣлалась жертвой первая невѣста Царя, была введена, вѣроятно, во дворецъ лишь за недолгое время до вѣнца, какъ была позже Евдокія Лукьяновна, всего за три дня. Введеніе невѣсты въ царскій теремъ сопровождалось обрядомъ ея царственнаго освященія; съ молитвою нареченія, возлагали на нее царскій дѣвичій вѣнецъ и нарекали ее царевною. (Забѣлинъ, Б. Р. Царицъ, 226). Для царицы поставлены были новыя палаты (Забѣ-

линъ тамъ же, 61 — 62); въ Вознесенскомъ монастырѣ началась кройка бархатовъ и атласовъ для его «государевой радости»; всего пошло 280 аршинъ, всѣхъ самыхъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ радуги: бѣлаго, желтаго, синяго, малиноваго, алаго, темно-алаго, красноалаго, зеленаго, свѣтло-зеленаго, темно-зеленаго, травнаго, двоеличнаго и рудожелтаго; а въ мастерской палатѣ, что̀ вверху, своимъ чередомъ шились платья изъ бархатовъ золотныхъ, Турецкихъ, по червчатой землѣ, атласовъ съ золотыми травами по бѣлой землѣ, атласовъ Турецкихъ; круги золотые, островатые по червчатой землѣ, всего на сумму 315 рублей (Забѣлинъ, 61). Сентября 10 отпущено 99 золотниковъ серебра волоченаго, вѣроятно на шитье или кищенье (на кисти) свадебныхъ ширинокъ, въ Вознесенскій монастырь. Государю скроили терликъ (узкій кафтанъ съ перехватомъ, съ короткими рукавами, почти безъ сборокъ) изъ платна (платно – торжественная верхняя одежда, съ широкими и короткими рукавами), Крымскаго атласа, по малиновому полю котораго затканы были золотые круги и цвѣты бѣлые и желтые. Въ Шатерномъ Приказѣ изготовляли нарядные полавочники изъ зеленаго бархата, одни затканные серебромъ съ алымъ шолкомъ, другіе изъ серебрянаго глазета въ червленныхъ (малиновыхъ) бархатныхъ разводахъ (полавочники—ковры постилавшіеся по лавкамъ въ торжественныхъ случаяхъ). Въ окна Грановитой Палаты повѣсили алыя суконныя занавѣски; къ Государынѣ въ новые хоромы отпустили 30 аршинъ сукна багроваго, 9 юфтей сафьяновыхъ, да три кожи бараньихъ красныхъ для оконъ и дверей, къ ней же въ новые хоромы на обтирку (пыли на лавкахъ и сто̀лахъ) аршинъ сукна лятчины лазоревой за 8 алтынъ 2 деньги, взялъ истопникъ Проня Ушаковъ; да къ ея же колымагѣ отпущено на занавѣски 12 аршинъ желтой тафты, а на подушечки на оглобляхъ 3$^3/_4$ арш. тафты Веницейки червчатой, кармазину; въ Конюшенный Приказъ отпущены два ковра золотныхъ, одинъ попроще въ 40 рублей съ кистями изъ зеленаго шелка съ золотомъ, другой бархатный пестрый, затканный серебромъ въ 100 рублей съ кистями изъ разноцвѣтнаго шелка и золота. Въ сѣнникѣ (или подклѣтѣ), гдѣ надлежало приготовить опочивальню молодымъ, дверь обили червчатымъ сукномъ по два рубля аршинъ, пошло 3$^1/_2$ арш., постельничій Константинъ Михалковъ принялъ 12$^1/_2$ пудовъ ваты по 4 рубля за пудъ, вѣроятно для набивки матрацовъ. Сшили два одѣяла: одно парадное изъ бѣлаго атласа въ золотыхъ и серебряныхъ кругахъ, подбитое соболями, опушенное бобромъ, другое меньшаго наряду, изъ червленнаго атласа, затканное золотомъ на соболяхъ съ горностаевой оторочкой. Двери у Государя въ новой мыленкѣ, гдѣ онъ долженъ былъ мыться на другой день свадьбы, ровно какъ и окна въ ней,

обиты были съ многочисленными рѣзными желѣзными украшеніями (замками, крюками, засовами) двѣнадцатью аршинами сукна. Къ иконѣ Барловской Богоматери, именуемой иначе «Благодатное Чрево», у Государя въ верху, подвѣшена пелена низанная жемчугомъ и украшенная дробницами съ изображеніями святыхъ (взялъ крестовый дьякъ Иванъ Семеновъ). На шесть сголовьицъ (сголовье—изголовье: цилиндрическія подушки, которыя въ торжественныхъ случаяхъ клались на скамьи поверхъ полавочниковъ) да на полуторный столъ, взято 11½ аршинъ сукна, багрецу червчатаго. Государынѣ для ея даровъ (т. е. ширинокъ и убрусовъ), полотенецъ (шитыхъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ, раздававшихся роднымъ и гостямъ отъ невѣсты въ день свадьбы); куплена въ коробейномъ ряду за 2 гривны царицынымъ чеботникомъ Иваномъ Галкой осиновая лубяная коробья, росписная красками съ замкомъ (Забѣлинъ, 106). Вездѣ кипѣла работа, все украшалось для пріема молодой княжны и для свѣтлой государевой радости. Дороги намъ всѣ эти подробности о приготовленіяхъ царской свадьбы, но еще дороже было бы имѣть хоть нѣсколько личныхъ чертъ, которыя бы обрисовали молодую царскую невѣсту; но ихъ къ сожалѣнію нѣтъ, и молодая царица скрыта отъ насъ какъ бы туманомъ. Да къ тому же въ старину на Руси мало было простора для проявленія личности, особенно царской; она сковывалась рамой вѣковыхъ обычаевъ строго и неизмѣнно; каждый шагъ ея былъ предусмотрѣнъ, для каждой важной минуты ея жизни, какъ то сватовство, замужество, смерть близкихъ, былъ заранѣе обдуманъ планъ дѣйствія, даже слова и цѣлыя фразы; такимъ образомъ за обычаями стушевывалась личность.

14 Сентября 1623 г. Государь, посовѣтовавшись съ отцемъ своимъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ, указалъ кому быть на его Государевой радости въ *чинахъ* (т. е. кому быть посаженнымъ отцемъ, кому тысяцкому, кому дружками, свахами), при чемъ приказалъ: мѣстами не считаться и жалобъ не подавать, «а для укрѣпленія указалъ Государь государственный указъ подписать думнымъ дьякамъ и своею государскою печатью запечатать». Однако, не смотря на это предостереженіе, и тутъ не обошлось безъ недовольныхъ. Князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаскій жаловался на то, что Иванъ Борисовичъ Черкаскій (его двоюродный братъ, въ тоже время двоюродный братъ царя Михаила Ѳеодоровича по матери своей Марѳѣ Никитичнѣ, сестрѣ патріарха Филарета) назначенъ въ тысяцкіе, а онъ только въ дружки. Бояринъ князь Дмитрій Тимоѳѣевичъ Трубецкой (сподвижникъ Минина и Пожарскаго, получившій въ 1613 году вотчину Вагу, нынѣшній Шенкурскъ, «за многія службы и за радѣніе, и

за промыслъ и за дородство, и за храбство, и за правду, и за кровь» намѣстникъ въ Сибири, скончался въ Тобольскѣ 24 Іюня 1625 года, тѣло его перевезено въ Троицко-Сергіевскую Лавру), билъ челомъ на князя Ивана Шуйскаго, брата царя Василія. Михаилъ Борисовичъ *Шеинъ* (славный защитникъ Смоленска въ 1611, казненный въ 1634 году за сдачу этого же города) билъ челомъ государю, что въ его версту съ княземъ Дмитріемъ Мамстрюковичемъ Черкаскимъ никто не бывалъ и его бы отечеству впередъ въ томъ порухи не было. Но эти челобитныя оставлены безъ вниманія, и недовольные смирились; не покорился одинъ только князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ (окольничій въ 1592 году, бояринъ въ 1597 г.), назначенный быть въ сидячихъ боярахъ съ женою своею княгинею Ульяной Ивановной пониже князя Ивана Ивановича Шуйскаго и его княгини Марѳы Васильевны. Онъ билъ челомъ объ этомъ безчестьѣ царю и патріарху, говоря, что ему меньше бояръ князь Ивана Шуйскаго, да князь Дмитрія Тимоѳѣевича, который написанъ у царицы первый бояринъ, а онъ у Государя въ другихъ, нельзя быть. На это Государь велѣлъ сказать князю Голицыну, что по ихъ государскому указу велѣно имъ быть безъ мѣстъ, и онъ бы князь Иванъ на его государской радости былъ по его государеву указу безъ мѣстъ по тому, какъ имъ сказано, и тѣмъ его государскому дѣлу порухи не чинилъ; а не будетъ онъ князь Иванъ, и ему быть въ опалѣ. Да и самъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, «Московскій и всея Руссіи», боярину князь Ивану Голицыну говорилъ, чтобъ онъ на государевой радости былъ безъ мѣстъ, а отечеству его въ томъ порухи не будетъ. И бояринъ князь Иванъ Голицынъ государева указу не послушалъ и говорилъ: въ томъ ихъ государская воля, хоть вели государь казнить, а ему по той сказкѣ бояръ князь Ивана Шуйскаго и князь Дмитрія Трубецкаго меньше быть никакъ нельзя. И думный дьякъ Иванъ Грамотинъ сказывалъ про то Государю и патріарху, а Государь и патріархъ сослались черезъ того же дьяка на мнѣніе бояръ, и думный дьякъ про то сказывалъ боярамъ, и бояре говорили, что князь Иванъ Голицынъ учинилъ то измѣною, что на государевой радости быть не хочетъ, а государская милость ко всѣмъ къ нимъ, что быть указалъ Государь на своей государской радости всѣмъ имъ безъ мѣстъ, и въ князь Ивановѣ непослушаньи и измѣнѣ ихъ государская воля, а князь Иванъ по своей винѣ достоинъ всякаго наказанья и разоренья. И Государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Руссіи, и отецъ его государевъ, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Руссіи указали князь Ивана Голицына, за его непослушанье и измѣну, помѣстья и вотчины отписать на себя Государя и помѣстья въ раздачу роздать, а

вотчины вѣдать во дворцѣ, а за нимъ оставить въ Арзамасѣ изъ вотчины его одно село, которое поменьше, а его и съ женою сослать съ приставомъ въ Пермь, а у него быть приставу, да стрѣльцамъ; а двора и животовъ (людей) разнимать у него не велѣли. И ко князю Ивану Голицыну посланъ на дворъ Ермола Мясоѣдовъ, а велѣно его свести въ Бѣлый городъ на Сенькинъ дворъ Собакина; а въ Пермь со княземъ Иваномъ посланъ въ приставахъ Михайло Лодыженскій, а съ нимъ 30 человѣкъ стрѣльцовъ для береженья, которымъ приказано быть при князѣ «безотступно». Въ Перми князю Голицыну отвели дворъ съ двумя избами; изъ своей прислуги позволили ему взять 12 человѣкъ, да священника; по праздникамъ разрѣшили ходить въ церковь. Черезъ 3 года князь Голицынъ умеръ въ изгнаніи (тѣло его вѣроятно было перевезено для погребенія въ Троицко-Сергіеву Лавру, ибо тамъ мы находимъ подпись «бояринъ князь Иванъ Васильевичъ, преставися въ 1626 году Мая въ 18 день». См. Историческое описаніе Свято-Троицко-Сергіевой Лавры, Горскаго, стр. 80).

Неладно было и между лицами болѣе приближенными къ молодымъ. Отецъ и мать молодой царицы, назначенные вмѣстѣ съ Өеодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ и его боярыней Марѳой Петровной стоять постельничими въ самомъ подклѣтѣ, гдѣ изготовлена была опочивальня молодыхъ, межъ собой повздорили, и сильная вражда разгорѣлась между ними; отецъ молодой царицы билъ челомъ царю на Шереметева «недружбою». Была ли эта уловка, чтобы избѣжать битья челомъ объ *отечествѣ*, что́ строго воспретилось на этой свадьбѣ и такъ сурово казнилось, или тутъ дѣйствовалъ какой-нибудь другой поводъ къ ссорѣ, неизвѣстно; но и царскій тесть долженъ былъ склониться передъ государевой волей и остался вмѣстѣ съ Шереметевымъ: «а съ нимъ былъ», дополняетъ разрядная книга.

Бракъ состоялся 19 Сентября 1623 г. и былъ отпразднованъ съ торжествомъ и порядкомъ. У распорядительныхъ лицъ были записи, по которой устанавливались свадебные чины, собранные передъ началомъ въ сборную палату. Распорядителей было нѣсколько; одни заправляли порядкомъ свадебнаго поѣзда и поѣзжанъ, на долю другихъ легли хлопоты объ угощеніи, потчиваніи и разсаживаніи гостей. Приводимъ современное описаніе этой свадьбы. Хотя оно лишь состоитъ изъ сухаго перечня лицъ; но надо дорожить каждымъ словомъ современника, въ которомъ хотя бы косвенно упоминается имя царицы Маріи Владимировны, столь мало извѣстной въ свое время и почти забытой въ наше.

Лѣта 133 (1624) Сентября въ 19 день, женился царь и великій князь Михаилъ Өеодоровичъ всея Русіи, а понялъ боярина князь Воло-

димера Тимоѳѣевича Долгорукова дочь, дѣвицу княжну Марью Володимеровну. А на свадьбѣ у великаго князя въ первый день за столомъ сидѣлъ дядя его государевъ бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ (братъ патріарха Филарета, сосланъ въ Пелымъ, возвращенъ изъ ссылки Самозванцемъ, сдѣланъ бояриномъ въ 1605 году, ум. въ 1640).

Въ материно мѣсто боярыня Иванова жена Никитича Романова Ульяна Ѳеодоровна († 1649, погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ).

У царицы въ отцово мѣсто отецъ ея бояринъ князь Володимеръ Тимоѳѣевичъ *Долгоруковъ*, а въ материно мѣсто князь Андреева жена Даниловича Сицкаго княгиня Ѳедора (въ монашествѣ Ѳеодосія, мать стольника Юрія Андреевича). А въ тысяцкихъ былъ бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій (двоюродный братъ государевъ † 1642, женатъ на красавицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Морозовой, той самой, что̀, по словамъ Олеарія, не хотѣла портить природной красоты лица румянами и бѣлилами, но которая должна была уступить этому обычаю).

Поѣзжане (которые верхами сопровождали Государя къ вѣнцу):

Князь *Катыревъ-Ростовскій* (женатый на родной сестрѣ царя Михаила Ѳеодоровича Татьянѣ Ѳеодоровнѣ, умершей въ 1611 году безъ потомства; воевода въ Новгородѣ † 1640 г.

Князь Алексѣй Никитичъ *Трубецкой* (бояринъ, потомъ инокъ Аѳанасій † 1663 г., женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ).

Князь Никита Ивановичъ Одоевскій (бояринъ † 1689 г., женатъ на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Шереметевой, † 1671 г., посолъ въ Польшѣ, управлялъ Казанскимъ и Сибирскимъ Приказами).

Князь Василій Яншеевичъ *Сулешевъ* (кравчій, братъ боярина и воеводы Юрія Яншеевича Сулешева).

Борисъ да *Глѣбъ* Ивановичи *Морозовы*. Ихъ семья стала извѣстна съ XV вѣка. Въ Разрядныхъ Книгахъ видимъ обоихъ братьевъ въ 1631 году подвозящими хлѣбные запасы къ Смоленску и потомъ ставящими на государскую службу пѣшихъ людей, вооруженныхъ пищалями. Борисъ Ивановичъ былъ воспитателемъ царя Алексѣя Михайловича, грамотный, съ сильнымъ характеромъ, пользовался любовью царя, женатъ на сестрѣ царицы Маріи Ильиничны, Аннѣ Ильиничнѣ Милославской. Братъ его Глѣбъ, бояринъ въ 1638 г., близокъ къ царю Михаилу.

Князь Ѳедоръ да князь Григорій Семеновичи *Куракины*. (Кн. Ѳедоръ бояринъ, † 1656 г., кн. Григорій бояринъ, † 1661 г., трижды женатъ).

Иванъ Михайловичъ *Шеинъ* (сынъ знаменитаго Михаила Борисовича, мальчикомъ высидѣлъ осаду Смоленска и при сдачѣ города взятъ плѣнникомъ къ королю Сигизмунду, у котораго провелъ, вѣроятно, столько же, сколько другіе плѣнные, т. е. девять лѣтъ).

Иванъ Васильевичъ Морозовъ (стольникъ и воевода).

Князь Иванъ, да князь Юрій Петровичи *Буйносы-Ростовскіе*. (Князь Иванъ стряпчій, † 1639 г., князь Юрій стольникъ, бояринъ, воевода въ Архангельскѣ, братья несчастной царицы Екатерины Петровны Шуйской, насильно постриженной въ 1610 году съ именемъ Елены).

Князь Өедоръ Андреевичъ *Телятевскій* (стольникъ, † 1645 г.).

Князь Иванъ Никитичъ *Хованскій* (бояринъ, Тульскій воевода, † 1675 г.).

Князь Иванъ Михайловичъ *Кашинъ* († 1632 г.), стольникъ и воевода.

Князь Матвѣй Васильевичъ Прозоровскій (стольникъ, умеръ бездѣтнымъ).

Александръ Өедоровичъ *Шереметевъ* (сынъ боярина Өеодора Ивановича).

Князь Юрій Андреевичъ *Сицкій* (бояринъ, † 1674 г., женатъ на княжнѣ Өетиньѣ Владимировнѣ, принявшей монашество и схиму по его смерти; по родословной Петрова, она была сестрой царицы Маріи Владимировны, но въ Родословной книгѣ кн. Долгорукова объ этомъ умалчивается. Княгиня Өетинья пожертвовала въ Новоспасскій монастырь серебряную ладанницу на поддонѣ, прекрасной чеканной работы, въ 1624 году, что̀ совпадаетъ съ годомъ смерти царицы Маріи Владимировны).

Князь Өеодоръ Алексѣевичъ *Сицкій*.

Князь Петръ Александровичъ *Репнинъ* (бояринъ, † 1643 г., женатъ два раза, но дѣтей не имѣлъ).

Князь Иванъ Борисовичъ *Татевъ* (какъ выборный подписалъ грамоту избранія Михаила Өеодоровича на царство, бездѣтный).

Михайло да Өеодоръ Матвѣевичи *Бутурлины* (Михайло окольничій, † 1646 г.).

Петръ Григорьевичъ *Очинъ-Плещеевъ* (стольникъ и воевода въ Козмодемьянскѣ).

Левъ да Иванъ Аөанасьевичи *Плещеевы* (Левъ стольникъ, Иванъ чашникъ).

Князь Петръ да князь Өеодоръ *Дмитріевичи Пожарскіе* (сыновья знаменитаго князя Дмитрія Михайловича и первой жены его Прасковьи Варөоломѣевны).

Павелъ Ивановичъ Волынскій (въ Большомъ Приказѣ въ Москвѣ).

Василій Ивановичъ *Нагой* (стольникъ и воевода, въ 1642 г. въ прибыломъ полку во Мценскѣ, въ Сентябрѣ отпущенъ къ Москвѣ, въ 1625 г. въ передовомъ полку въ Дѣдиловѣ, въ 1650 г. воевода въ Торопцѣ).

Князь Иванъ Ивановичъ *Ромодановскій* (бояринъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, сынъ его Юрій дѣйствовалъ при разрывѣ царя съ Никономъ).

Князь Андрей Өеодоровичъ *Литвиновъ-Мосальскій* (окольничій, † 1664 г., безъ потомства).

Василій да Андрей Артемьевичи *Измайловы* (*Василій* стольникъ и воевода въ 1620 г. въ Бѣлгородѣ, въ 1623 г. посланъ въ Мценскъ съ прибылымъ полкомъ, противъ Нагайскихъ Татаръ «надъ Татары промышлять", въ Октябрѣ отпущенъ изъ Бѣлгорода въ Москву, въ 1625 г. въ сторожевомъ полку въ Крапивнѣ, въ 1629 г. посланъ въ Елецъ воеводой. *Андрей*—воевода въ Ливнахъ 1626 г., въ 1627 г. отпущенъ къ Москвѣ, въ 1633 посланъ подъ Невель, воевода въ Торопцѣ). Это дѣти воеводы Артемія Измайлова, казненнаго вмѣстѣ съ Шеинымъ.

Григорій Григорьевичъ *Образцовъ* (служилъ въ военной службѣ въ Ржевѣ «въ головахъ»).

Князь Дмитрій Петровичъ *Львовъ* (стряпчій въ 1618 году, въ 1628 г. воевода въ Рыльскѣ, въ 1630 г. на Устюгѣ, въ 1635 г. въ Переславлѣ Рязанскомъ. Өедора Колтовскаго, не желавшаго съ нимъ служить и бившаго на него челомъ въ отечествѣ, велѣно посадить въ тюрьму).

Всѣ эти поѣзжане, большею частью воеводы и люди служилые, ѣхали на коняхъ передъ царемъ, а во время вѣнчанія оставались на площади; ихъ поѣздъ наряжали князь Өедоръ Лыковъ и Григорій Нечаевъ.

А въ дружкахъ были бояре князь Дмитрій Мамстрюковичъ *Черкаскій* (бояринъ, † 1651 г., воевода въ Ярославлѣ въ 1617, позже посланъ на Волокъ для промыслу надъ Польскими и Литовскими людьми, въ 1628 году былъ подъ Смоленскомъ, въ 1630 г. засѣдалъ въ Казанскомъ Приказѣ, въ 1631 г. посланъ къ Дорогобужу, отвозилъ на своихъ подводахъ 150 четв. ржи къ Смоленску, откуда приказано идти на Польскаго короля, изъ-подъ Смоленска посланъ въ Можайскъ. *Лыкова*, жаловавшагося на него, присудили заплатить за безчестье 1,200 рублей, огромная сумма въ тѣ времена, а жаловавшихся на него Никиту Одоевскаго и Өедора Куракина Государь приказалъ посадить въ тюрьму. Нраву князь былъ тяжелаго, и служить съ нимъ было трудно (Разрядная, II, 548, женатъ на Еленѣ Александровнѣ).

Дружкою же былъ на царской свадьбѣ князь *Дмитрій Михайловичъ Пожарскій* (знаменитый полководецъ, сынъ стольника Михаила Θеодоровича при Іоаннѣ IV и Марьи Θеодоровны Беклемишевой, родился въ 1578 году, женатъ два раза: на Прасковьѣ Варθоломѣевнѣ и на Θеодорѣ Андреевнѣ, умеръ въ 1642 г.).

А у великія княгини *дружки* были: бояринъ Михайло Борисоничъ *Шеинъ* (защищалъ Смоленскъ въ 1611 г., казненъ за сдачу этого города въ 1634 г.), да князь Романъ Петровичъ *Пожарскій* (воевода въ Брянскѣ въ 1626 г., въ 1632 г. въ Вязьмѣ, жен. на Авдотьѣ Андреевнѣ).

Свахи были: князь Дмитріева жена Мамстрюковича Черкаскаго княгиня Елена Александровна да окольничаго князь Данилова Ивановича *Долгорукова* княгиня *Марья Алексѣевна* (двоюродная тетка по мужу царицы Маріи Владимировны, жила великолѣпно для пріема пословъ; царь посылалъ за ея дворовыми по 5 и по 7 человѣкъ «въ уборѣ»).

А у великой княгини свахи: боярыня *Марья Михайловна*, жена Михаила Борисовича *Шеина* (она находилась въ 1611 году въ Смоленскѣ вмѣстѣ съ дочерью и сыномъ во время осады этого города, по взятіи котораго мужъ ея послѣ пытокъ уведенъ въ Литву, гдѣ 9 лѣтъ провелъ въ плѣну, сына взялъ себѣ король, а она съ дочерью досталась въ плѣнъ Льву Сапѣгѣ, главному совѣтнику Польскаго короля, канцлеру Литовскому и двоюродному брату Яна Сапѣги) да князь Романова жена Петровича *Пожарскаго* княгиня *Авдотья Андреевна*.

Съ кикою *) сваха: постельничаго Константинова жена Ивановича Михалкова, Ирина Абрамьевна.

У бѣлаго платья стряпчій съ ключомъ Иванъ Ивановичъ *Чемодановъ* да Θедоръ Михайловъ сынъ *Толочановъ*.

Съ полотенцомъ съ запаснымъ Никита Ивановъ сынъ *Заболоцкой* (воевода въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ до 1617).

На постельномъ крыльцѣ къ патріаршу двору у дверей Семенъ Яковлевъ сынъ *Смольяниновъ* (воевода въ Шацкѣ 1615 г., въ 1616 году на Невелѣ).

Въ первый день сидѣли за столомъ бояре: князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій (послѣдній князь Шуйскій † 1638, братъ царя Василія Ивановича. Прозванъ Пуговкою, началъ службу рындою при царѣ Θедорѣ Іоанновичѣ 1586 г. Въ 1596 г. бояринъ, въ Польскомъ плѣну вмѣстѣ съ братьями; завѣдывалъ Московскимъ Суднымъ Приказомъ, женатъ по словамъ Петрова на Марθѣ Владимировнѣ, сестрѣ царицы, по родословной Долгорукова на Евдокіи *Васильевнѣ*, по Дворцовымъ

*) Т. е. въ особомъ головномъ уборѣ (кичкѣ). П. Б.

Разряднымъ на Мареѣ *Васильевнѣ*, по Вивліоѳикѣ на Марьѣ *Васильевнѣ*, умеръ бездѣтнымъ въ 1638 году), да князь Дмитрій Тимоѳѣевичъ Трубецкой) сынъ Тимоѳѣя Романовича, во инокахъ Ѳеодорита и Ксеніи Семеновны, во инокиняхъ Кантелины † 1625 намѣстникомъ въ Сибири, женатъ 1) на Маріи Борисовнѣ † 1617, 2) на Аннѣ Васильевнѣ, не оставилъ потомства), да князь Иванъ Васильевичъ *Голицынъ* (умеръ въ Перми въ ссылкѣ).

А боярыни ихъ сидѣли за тѣмъ же столомъ, противъ ихъ: боярыня князь Иванова княгиня Ивановича *Шуйскаго* Марія Васильевна, боярыня князь Дмитріева жена Тимоѳѣевича Трубецкаго княгиня Анна Васильевна, боярыня князь Ивана княгиня Ивановича Одоевскаго, Марья Михайловна (и она не была потому, что была больна, говоритъ Дворцовая Разрядная), боярыня князь Алексѣева княгиня Юрьевича Сицкаго Авдотья(княжна Пожарская), окольничаго Ѳедорова жена Леонтьевича Бутурлина Анна Савиновна.

Въ Дворцовыхъ Разрядныхъ сидячія боярыни поименованы подробнѣе и раздѣлены на сидячихъ боярынь государя и на сидячихъ боярынь государыни.

Въ кривомъ столѣ, въ лавкѣ и въ скамьѣ сидѣли на первый день бояре и окольничіе, которые въ разныхъ чинахъ, а не въ сидячихъ, безъ мѣстъ, а подъ ними поѣзжане (Дворцовыя Разрядныя, стр. 633).

У мѣста стоялъ (чертожное, брачное мѣсто, нарядно убранная скамья, сперва стоявшая въ Грановитой Палатѣ, потомъ за молодыми перенесенная въ церковь) Левъ Ивановичъ *Далматовъ-Карповъ* (стольникъ, воевода и окольничій, у печати въ Москвѣ, въ 1616 на Устюжнѣ-Желѣзопольской «для обереганья пословъ отъ Нѣмецкихъ людей», въ 1627 на Валуйкѣ «для посольской размѣны», въ 1634 подвозилъ къ Смоленску на своихъ подводахъ хлѣбные припасы).

У поѣзжанья урядничій (т. е. учреждалъ порядокъ поѣзда верховыхъ поѣзжанъ) былъ окольничій князь Ѳедоръ Ивановичъ *Лыковъ* (воевода въ 1618 г. въ Суздалѣ, въ 1621 г. Тулѣ, сынъ Ивана Ивановича *Дуды*).

А въ большой столъ смотрѣли стольники Иванъ Петровичъ *Шереметевъ* (стольникъ и воевода въ 1622 на Рязани) да Григорій Андреевичъ *Плещеевъ* (стольникъ и воевода въ 1614 въ Тулѣ, въ 1620 въ Великихъ Лукахъ, въ 1625 снова въ Тулѣ).

Въ кривомъ столѣ смотрѣли стольники: Борисъ Петровичъ Шереметевъ (стольникъ и воевода, бояринъ † 1650 г.) да князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ *Шериха-Волконской* (началъ службу съ рынды, защищался въ Бѣлгородѣ отъ Польскаго короля, отбилъ всѣ его приступы, произведенъ за то въ окольничіе, намѣстникъ Муромскій, усмирялъ мя-

тежъ въ Псковѣ въ 1650 г., въ 1663 г. посланъ въ Казань противъ Башкиръ, гдѣ и умеръ въ 1665 году).

За кушаньемъ сидѣлъ бояринъ князь Данило Ивановичъ *Мезецкой* (сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ, куда сперва приносили кушанье ему для отвѣдыванья, раньше чѣмъ ставить Царю на столъ).

А у царицы сидѣлъ за кушаньемъ Степанъ Ивановичъ *Волынской* (стольникъ и воевода).

У мыльни былъ князь Петръ Андреевичъ *Хилковъ* (стольникъ и воевода въ 1633 въ Орловѣ).

У воды были Дмитрій Васильевичъ *Лодыгинъ* (воевода въ Ярославлѣ въ 1629 и 1633 годахъ) да Василій Ивановъ сынъ *Полтевъ* (ихъ было 5 братьевъ Борисъ, Василій, Данило, Иванъ и Ѳедоръ; въ 1616 году Василій былъ воеводой на Алатырѣ, въ 1618 году посланъ къ Михаилу Ѳеодоровичу съ другими отъ Троицкой Сергіевой Лавры для извѣщенія о мирѣ съ Польшею и Литвою).

У Золотой Палаты былъ у дверей Аѳанасій Михайловъ сынъ *Толочановъ* (воевода въ Брянскѣ въ 1615 году, въ 1617 въ Бѣлевѣ, въ 1621 въ Новосилѣ, въ 1627 въ Царевѣ-Кокшайскомъ, въ 1635 на Ельцѣ, въ 1636 въ Березовѣ).

Въ сѣняхъ у Золотой Палаты былъ Михайла Игнатьевъ сынъ *Новосильцевъ* (ихъ было два этого имени, одинъ воеводою въ Арзамасѣ 1625—1626, другой меньшой въ Крапивнѣ въ 1628; рѣчь идетъ, вѣрно, о Михаилѣ Игнатьевѣ Меньшомъ, который былъ стольникомъ) да дьякъ Андрей *Подлѣсовъ* (былъ въ 1615—1617 годахъ съ княземъ Долгоруковымъ въ Казани, въ 1633 дьякомъ въ Астрахани).

Отъ столовой избы къ сборной палатѣ (гдѣ собирались всѣ свадебные чины) у дверей былъ Баимъ Ѳедоровъ сынъ *Болтинъ* (воевода, былъ подъ Смоленскомъ въ 1634 г.).

Съ постельнаго крыльца у *подклѣта* (опочивальни молодыхъ) у рѣшетки на низу былъ Никита Смирнова сынъ *Мотовиловъ*.

На Красномъ крыльцѣ у рѣшетки былъ голова стрѣлецкій Лукьянъ Ивановъ сынъ Мясной, да дьякъ Александръ Ивановъ; а на Красномъ крыльцѣ былъ Богданъ *Воейковъ* (Богданъ Борисовъ Воейковъ, воевода).

А передъ великимъ княземъ ходили въ окольничьихъ: князь Иванъ Никитинъ *Одоевскій* (меньшой † 1629, бояринъ, имѣлъ сына Ивана, боярина умершаго при немъ въ 1628 и дочь Ѳедосью за княземъ Пронскимъ) да князь Андрей Васильевичъ *Сицкой* (прозванный Жухлой † 1629, имѣлъ двухъ сыновей, послѣдніе князья Сицкіе, Юрія 1674 и Андрея), да окольничій князь Григорій Константиновичъ *Волконской* (Кривой-Волконской, посолъ въ Крыму 1600, воевода въ Брянскѣ 1605,

угощалъ на свадьбѣ Самозванца Поляковъ, посланъ къ Сигизмунду съ извѣстіемъ о гибели Лжедмитрія и при Шуйскомъ оборонялъ Москву отъ Лисовскаго 1609, побилъ Шведовъ на Ладогѣ 1610, помогалъ Пожарскому разбить Поляковъ у Никитскихъ воротъ, отбилъ приступъ Владислава, умеръ въ 1634 г. въ Валуйкахъ при размѣнѣ плѣнныхъ съ Крымцами, замѣчательный дипломатъ).

Великаго князя звать ходилъ на мѣсто бояринъ Петръ Петровичъ *Головинъ* (меньшой, бояринъ умеръ въ схимѣ въ 1627).

А у сголовей у мѣстныхъ былъ у великаго князя князь Андрей Андреевичъ *Хованской* (воевода въ Тобольскѣ † 1639). А у великія княгини сголовей князь Андрей Даниловичъ *Сицкой* (въ монашествѣ Авраамъ † 1644, женатъ на Ѳеодорѣ, въ монашествѣ Ѳеодосіи).

А у постели были бояре: Ѳедоръ Ивановичъ *Шереметевъ* да князь Володимеръ Тимоѳѣевичъ *Долгоруковъ* (отецъ царицы).

А у мыльни князь Андрей Васильевичъ *Хилковъ* да постельничій Константинъ Ивановичъ *Михалковъ* (немного раньше былъ названъ у мыльни Петръ Андреевичъ Хилковъ, Андрей Васильевичъ, бояринъ и воевода, патріаршій бояринъ).

А боярыни были у постели: боярыня Ѳедорова жена Ивановича Шереметева Марья Петровна, да князь Володимерова княгиня Тимоѳѣевича *Долгорукова* Марья Васильевна (мать молодой царицы).

А у великаго князя конюшій былъ бояринъ князь Борисъ Михайловичъ *Лыковъ* (Лыковъ-Оболенскій, 1646, женатъ на Настасіи Никитичнѣ, сестрѣ патріарха Филарета † 1655, дѣти ихъ умерли въ младенчествѣ—сынъ Иванъ въ 1624, а дочь Ульяна еще въ 1607) да ясельничій Богданъ Матвѣевичъ *Глѣбовъ* (его встрѣчаемъ въ Разрядныхъ ясельничимъ на конюшнѣ и въ 1631 г.).

А у великія княгини у саней былъ окольничій князь Данило Ивановичъ *Долгоруковъ* († 1627; женатъ на Маріи Алексѣевнѣ, двоюродный дядя царицы, воевода въ Калугѣ, въ Брянскѣ, защищалъ Калужскіе ворота отъ королевича Владислава, пожалованъ въ окольничіе, посланъ въ 1627 году въ Валуйки для переговоровъ съ Крымскими гонцами, гдѣ и умеръ въ томъ же году; въ этомъ же городѣ, семь лѣтъ спустя, скончался Григорій Волконскій, какъ было видно выше).

Съ осыпаломъ думный дьякъ Ѳедоръ *Лихачевъ* (осыпаломъ назывались хмѣль, макъ и золотыя монеты, которыми до вѣнца сваха осыпала молодыхъ; его несли на золотомъ блюдѣ-мисѣ, передъ царевной, когда она шествовала къ жениху въ Грановитую; оно на этотъ разъ состояло изъ 18 золотыхъ Угорскихъ, 30 головокъ мака, гривенки хмѣля за 4 деньги, 36 серебряныхъ золоченыхъ пенязей; кромѣ этого на блюдѣ лежалъ пучекъ изъ 54 соболей, 54 бѣлокъ и 54 лоскутовъ серебря-

наго глазета, всѣ эти шкурки и лоскуты вмѣстѣ связывались и составляли родъ большаго вѣника, называемаго также осыпаломъ; въ его складкахъ лежали пенязи, золотыя монеты, макъ и хмѣль и потомъ высыпались надъ головами молодыхъ).

Чару держалъ дьякъ Дементій *Образцовъ* (чарка эта наполнялась медомъ, въ который сваха окунала гребешокъ, когда чесала молодыхъ до вѣнца).

Великаго князя соболей держалъ за мѣстомъ дьякъ Андрей *Карѣевъ* (эти соболи, счетомъ 40, лежали на мѣстѣ царя до его прихода и снимались, когда онъ садился рядомъ съ царевной).

А великія княгини соболей держалъ за мѣстомъ дьякъ Андрей *Подлѣсоевъ* (ему поручено было стоять тоже въ сѣняхъ Золотой Палаты, вѣроятно до прихода царевны).

Скляницу (съ краснымъ виномъ) несъ къ вѣнчанію бояринъ Василій Петровичъ *Морозовъ* (воевода въ 1616 во Псковѣ, въ 1619 году приговоренъ къ тюрьмѣ за то, что не хотѣлъ вмѣстѣ съ Дмитріемъ Тимоѳѣевичемъ Трубецкимъ встрѣчать Филарета Никитича, но прощенъ «для радостныя встрѣчи», въ 1631 году засѣдалъ во Владимирскомъ Приказѣ).

Подножіе коврикъ, на которомъ царь съ царицею стояли въ церкви; онъ былъ сдѣланъ изъ 6 аршинъ камки куфтерю червчатаго, по рублю аршинъ, и сорока соболей въ 30 рублей, а (пожаловалъ Государь тою камкою и соболями протопопа Максима), несъ стольникъ князь Борисъ Александровичъ *Репнинъ* (бояринъ † 1670 имя его встрѣчаемъ въ 1633 году, когда онъ съ другими людьми посланъ «по Крымскимъ вѣстямъ по Серпуховской и по Коломенской дорогѣ») да Никита Богдановъ сынъ *Глѣбовъ* (ихъ было 3 брата, Матвѣй, Никита и Ѳеодоръ, всѣ трое стольники, сыновья ясельничаго Богдана Матвѣевича, имя ихъ встрѣчаемъ въ 1633 году, когда они на своихъ подводахъ подвозили хлѣбные припасы къ Смоленску).

Съ колпакомъ со княжимъ стольникъ князь Ѳеодоръ Борисовичъ Татевъ († 1630 г., воевода передоваго полка въ Дѣдиловѣ въ 1627 г., въ этомъ же году Иванъ Плещеевъ посланъ въ тюрьму за то, что безъ основанія билъ челомъ Государю въ отечествѣ на князя Ѳедора и князя Ивана Татевыхъ; вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ подписалъ грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича, погребенъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ). Колпакъ низался изъ жемчуга, украшался перомъ изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ и надѣвался поверхъ мѣховой шапки въ торжественныхъ случаяхъ.

Свѣчу великаго князя несли: Михайло Васильевъ сынъ *Олферьевъ* (стольникъ, голова въ Ядринѣ въ 1631 и 1633 годахъ, ихъ было 3

брата, Иванъ, Михаилъ да Романъ Васильевичи), да Василій Ивановъ сынъ *Стрѣшневъ* (бояринъ, † 1661 г., двоюродный дядя будущей царицы Евдокіи Лукьяновны, участникъ избранія царя Михаила Θеодоровича, при Алексѣѣ Михайловичѣ, бояринъ и посолъ въ Польшѣ, два раза женатъ 1) на Аринѣ Прокофьевнѣ, 2) на Авдотьѣ Андреевнѣ).

Княгинину свѣчу несли: Иванъ Васильевъ сынъ *Олферьевъ* (въ 1636 году былъ посланъ въ Рыльскъ головой), да Иванъ Петровъ сынъ *Чихачевъ.* Свѣчи эти, вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ, украшенныя широкими серебряными вызолочеными обручами, вѣсомъ: на царской свѣчѣ въ 4 гривенки, а на царициной въ 3 гривенки (Забѣлинъ, 105); свѣчи вставлялись въ узкіе мѣшки «кошельки» изъ золотнаго бархата съ шелковыми червчатыми травами (разводами), у кошельковъ были сдѣланы шлеи изъ ремней, за которыя подиимались свѣчи, шлеи были покрыты тѣмъ же бархатомъ, на кошелькахъ у отверстій сдѣланъ былъ розетокъ изъ сукна-кострыша червчата, чтобы воскъ не стекалъ на кошельки; золоченые обручи должны были достаться въ награду несшимъ свѣчи, но замѣнены 30 рублями. Свѣчи неслись незажженными передъ невѣстой въ Грановитую Палату подъ фонарями, и тамъ зажигались Богоявленскою свѣчею, во время покрыванія главы царевны, затѣмъ въ церковь, и наконецъ ставились въ спальнѣ въ кадушку полную хлѣбнаго зерна, у изголовья кровати, потомъ скатывались вмѣстѣ и относились въ церковь.

Фонарь великаго князя (фонари все время неслись подъ свѣчами, даже незажженными) несли Дмитрій Ефимьевъ сынъ *Воейковъ* да *Нефедъ Кузьминъ сынъ Мининъ.*

А княгинин фонарь несли: Θедоръ Андреевъ сынъ *Обляевъ* да Михайло Васильевъ сынъ *Ларгоновъ* (стряпчій, встрѣчается въ этомъ же году въ Декабрѣ мѣсяцѣ въ бѣломъ платьѣ близъ престола царя въ меньшой Золотой палатѣ во время пріѣзда «Кизылбашскаго купчины»).

Коровай великаго князя несли: князь Θедоръ да князь Петръ княжъ Θедоровы дѣти *Волконскаго* (Петръ и Θедоръ, сыновья *Мерина,* осаждавшаго Поляковъ въ Москвѣ въ 1611—1612 гг., а въ 1620 г. судья въ Челобитномъ Приказѣ. Петръ Θеодоровичъ, стольникъ, воевода въ 1633 году противъ Калмыковъ, проводилъ границу съ Литвою въ Торопцѣ, судья въ Челобитномъ Приказѣ, 2 раза женатъ 1) на Марьѣ Петровнѣ Постельниковой, 2) на Пелагеѣ. О Θеодорѣ ничего неизвѣстно; въ родословной Петровъ этого Θеодора Θеодоровича смѣшиваетъ съ другимъ Θеодоромъ Θеодоровичемъ Шерихой-Волконскимъ, который доводился ему родственникомъ по Долгоруковской Родословной; но эта ошибка неудивительна въ виду многихъ соименныхъ и современныхъ

князей Волконскихъ). Осипъ да Иванъ Ивановы дѣти *Чемодановы* (сыновья Ивана Ивановича Чемоданова, стряпчаго съ ключемъ).

А княгининъ коровай несли: Богданъ Алексѣевъ сынъ *Голохвастовъ*, да Богданъ Андреевъ сынъ *Мусинъ*, да Юрья, да Степанъ Васильевы дѣти *Телепневы* (Степанъ стряпчій). Короваи эти были накрыты шелковой матеріей, поверхъ которой были нашиты 50 большихъ серебряныхъ позолоченныхъ пенязей; такъ какъ хлѣбы эти были очень тяжелы, то ихъ несли на носилкахъ, къ которымъ придѣлано было 8 шлей изъ сыромятной кожи. «Скроено къ носиламъ коровайнымъ 8 шлей въ участкѣ золотномъ, по немъ травы шелкъ червленъ, пошло 6 аршинъ 1 вершокъ по 6 рублей, да на подкладку подъ шлеи пошла кожа сыромятная цѣлая 30 алтынъ, да 24 аршина покромей и 4 деньги, длина всѣмъ шлеямъ 24 аршина. Да къ тѣмъ же шлеямъ сдѣлано 8 пряжъ желѣзныхъ посеребрены, цѣна рубль 8 алтынъ. Да на короваи пошло 50 пенязей большихъ, серебрены, позолочены, взяты изъ Серебрянаго Приказа» (Забѣлинъ, 63).

Свѣчи обручальныя несъ Никита Ѳедоровъ сынъ *Шушеринъ*.

А съ Богоявленскою свѣчею шелъ Илья Кузьминъ сынъ *Безобразовъ* (судья Разбойничьяго Приказа въ 1665 году, управлялъ Патріаршимъ Разрядомъ, а раньше былъ воевода въ Астрахани).

Сголовья несъ: великаго князя Яковъ Михайловичъ сынъ *Толочановъ* (въ 1636 г. посланъ въ Сѣвскъ на мѣсто Ивана Иванова Стрѣшнева), а великой княгини несъ сголовье Ѳедоръ Ждановъ сынъ *Шиповъ* (сголовья, продолговатыя подушки цилиндрической формы, на какихъ возсѣдали восточные императоры, и доселѣ употребляются на Востокѣ; такое сголовье видно на креслѣ Евдокіи Лукьяновны невѣстой, въ старинномъ лицевомъ повѣствованіи о ея свадьбѣ).

А какъ государь великій шелъ изъ Грановитой Палаты къ вѣнчанью и стлали подножіе до церкви Ондрей Ивановъ сынъ *Чеплуговъ*, да князь Дмитрій княжъ Александровъ сынъ *Ростовской*, да Петръ Никитинъ сынъ *Измайловъ*, да Иванъ Ивановъ сынъ *Карамышевъ*, да Иванъ Ивановъ сынъ *Опухтинъ*, да Михайло Ефимовъ сынъ *Телепневъ* (они постилали 45 аршинъ атласу червчатаго по рублю, и государь пожаловалъ тѣмъ атласомъ стольниковъ и стряпчихъ, которые передъ государемъ путь стлали (Забѣлинъ, 64).

Вотъ современный списокъ свадьбы царя Михаила Ѳеодоровича и царицы Маріи Владимировны, извлеченный изъ Древней Россійской Вивліоѳики и Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ; но какъ въ немъ не по порядку поименованы лица, участвовавшія въ шествіи, то для ясности объяснимъ вкратцѣ порядокъ вѣнчанія. Когда государь былъ совсѣмъ готовъ, онъ послалъ дружекъ сказать княжнѣ, чтобы она шла къ «мѣ-

сту» т. е. въ Грановитую Палату, гдѣ уготовлено было чертожное, брачное мѣсто. Дружками у царя были князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаскій и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; у невѣсты Михаилъ Борисовичъ Шеинъ и князь Романъ Петровичъ Черкаскій. Царевна, принаряженная, окруженная свахами, ждала царскаго слова. Ее благословила къ вѣнцу великая инокиня образомъ Казанской Богоматери (Забѣлинъ, 105 и 106). Икона эта, какъ ни странно покажется, была безъ окладу; это ясно видно изъ того, что 17 Декабря сама царица отдавала окладывать ее серебряною ризою; прямо сказано «отъ царицы изъ хоромъ»; а далѣе видно, что серебряному мастеру Давиду Омельянову дано 30 золотыхъ червонцевъ Угорскихъ на позолоту. При появленіи дружекъ молодая царевна поднялась съ мѣста и, бережно ведомая подъ руки свахами государевыми и своими: княгинями Еленой Александровной Черкаской, княгиней Марьей Алексѣевной Долгорукой, боярыней Марьей Михайловной Шеиной, да княгиней Авдотьей Андреевной Пожарской (женою Романа), направилась къ Грановитой Палатѣ. Сзади шла съ кикою сваха Ирина Абрамьевна Михалкова. Путь царевны кропился святою водою; передъ нею несли огромныя восковыя свѣчи, Богоявленскую, тащили на носилкахъ изукрашенные караваи, несли ковшъ съ медомъ, мису съ осыпаломъ, тарелки съ шитыми серебромъ и золотомъ убрусцами и ширинками для раздачи. Пришедъ въ Грановитую, чертожное мѣсто окропили святою водою, сняли съ царевниной стороны 40 соболей, отдавъ ихъ держать дьяку, и усадили ее на обручальное мѣсто; рядомъ съ нею до прихода царя сѣлъ Яковъ Куденетовичъ Черкаскій (Урусканъ-мурза, отличный полководецъ † 1666, женатъ на княжнѣ Евдокіи Семеновнѣ Прозоровской) по верхъ сорока царскихъ соболей. Страшно боялись на Руси тогда сглаза, особенно на свадьбахъ, и тщательно избѣгали того, чтобы мѣсто жениха или невѣсты оставалось порожнимъ. Дабы злая сила не могла во вредъ молодымъ воспользоваться пустымъ мѣстомъ около нихъ, то покрывали до ихъ прихода чертожное мѣсто соболями, которымъ въ данную минуту рѣшительно придаютъ свойство талисмана (соболями покрываютъ ихъ мѣста, соболями обводятъ трижды кругомъ головы, соболями осыпаютъ, соболями заворачиваютъ свѣчи, соболями прикрываютъ короваи, на соболяхъ вѣнчаютъ, соболями обвѣваютъ кашу, которою кормятъ молодыхъ, двѣ пары соболей дарятся царицѣ на другой день свадьбы, на пиру) или же сажали замѣстителя: на чертожное мѣсто Черкаскаго, на лошадь государя Лыкова, въ сани невѣсты конюшаго. Запрещали чтобы между жениховой лошадью и санями невѣсты переходили путь не только во время шествія, но и во время вѣнчанія. Обручальное мѣсто было обито бархатомъ и устроено

на возвышеніи, къ которому вела ступень-приступъ. На государево и государыни царицы и великой княгини Марьи Володимировны на обручальное мѣсто пошло 22 аршина бархату кармазину червленаго по рублю 26 алтынъ 4 деньги, да на приступъ къ тому жъ обручальному мѣсту бархату Нѣмецкаго червленаго гладкаго же 8¼ ар. по 40 алт. (Забѣлинъ, 63). Кромѣ того на обручальномъ мѣстѣ положено по нарядному сголовейцу и по верхъ каждаго по сорока соболей. Передъ мѣстомъ поставленъ столъ, на немъ каравай, сыры, солонка, ширинки и убрусцы. Бояре и боярыни разсѣлись по старшинству на лавкахъ, покрытыхъ богатыми парчевыми полавочниками. Когда всѣ были на мѣстахъ,Петръ Петровичъ Головинъ пошелъ оповѣстить Государя. Томительно должно было быть для невѣсты, пріученной къ тишинѣ и уединенію своего дѣвическаго терема, сразу очутиться на глазахъ сотни незнакомыхъ ей людей, предметомъ всеобщаго вниманія, среди наступившаго молчанія, рядомъ съ незнакомымъ ей человѣкомъ. Поневолѣ долженъ былъ опуститься ея робкій взоръ и преклониться головка, отягченная драгоцѣннымъ вѣнцомъ. Но вотъ Государь входитъ, всѣ встаютъ, Черкаскій уступаетъ мѣсто, и Царь садится рядомъ съ невѣстой, а соболи съ его мѣста дали держать дьяку. Немного погодя, сваха благословясь развернула большой платъ передъ молодыми, а концы съ обѣихъ сторонъ дала держать свѣчникамъ. Закрывъ такимъ образомъ царя съ невѣстой отъ постороннихъ взоровъ, сваха сняла вѣнецъ съ головки царевны и, обмокнувъ гребешокъ въ чару съ медомъ, начала чесать головы молодымъ, затѣмъ трижды овѣяла ихъ соболями и, раздѣливъ на двѣ косы волосы невѣсты, начала ихъ заплетать и укручивать ей голову, т. е. надѣвать волосникъ, подзатыльникъ и кику. Духовникъ въ это время читаетъ молитву «о покрываніи главы,» свѣчники возжигаютъ Богоявленскою свѣчей свои огромные свѣтильники, а дружки рѣжутъ на части перепечи и сыръ, кладутъ ихъ съ ширинками на тарелки и по росписи разносятъ ихъ отъ имени царевны, сперва Государю, священнику и роднымъ, а потомъ и всѣмъ гостямъ. Такая ширинка съ убрусцемъ и перепечью послана была отъ царскаго имени въ Новгородскую область, въ Тихвинскій монастырь, къ старицѣ Даріи, въ міру царицѣ Аннѣ Ивановнѣ Колтовской, четвертой женѣ Іоаннаго Грознаго. Избранная за красоту въ царицы въ 1579 году, она скоро опостылѣла своему жестокому и развратному супругу и черезъ три года уже удаляется отъ него и принуждена постричься въ монахини. Безропотно покорилась царица своей судьбѣ и вскорѣ сдѣлалась благодѣтельницей своей обители. Въ 1613 году Шведы сожгли монастырь до тла, а въ 1616 году царица-инокиня вновь возстановляетъ его на собственныя средства. Она скончалась въ схимѣ 5 Апрѣля 1626

и погребена подъ папертью соборной церкви (Ратшинъ, 391). Къ царицѣ посланъ былъ въ видѣ особеннаго знака вниманія двоюродный братъ ея, стольникъ Дмитрій Ѳеодоровичъ Колтовской. Царица-схимница благодарила царя слѣдующимъ письмомъ.

Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руссіи нищая твоя, государь, царская богомолица, блаженныя памяти государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руссіи царица старица Дарья, Бога молю и челомъ бью. Пожаловалъ ты государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Руссіи меня нищую свою царскую богомолицу, прислалъ ко мнѣ съ своимъ государскимъ жалованьемъ стольника Дмитрія Колтовскаго, а съ нимъ пожаловалъ прислалъ своей государской радости и государыни царицы и великія княгини Марьи Влодимировны жалованья: каравай, да сыръ, да убрусецъ, да ширинку. И до меня государей вашей государской богомолицы то ваше государское жалованье дошло, и я, государь, ваша царская богомолица на вашемъ государскомъ жалованьѣ челомъ бью и о вашемъ государскомъ многолѣтномъ здоровьѣ должна Бога молить. (Письма Русскихъ государей).

Когда царицу Марію Владимировну окрутили и покрыли до ногъ непроницаемымъ покрываломъ, молодые встали, и сваха высыпала на нихъ изъ осыпала хмѣль, макъ и червонцы. Затѣмъ всѣ направились къ выходу; подъ ноги «молодымъ» въ сѣняхъ и по крыльцу и по лѣстницѣ постилали яркой полосой алый атласъ. У крыльца ясельничій Богданъ Матвѣевъ Глѣбовъ подвелъ царю лошадь, съ которой соскочилъ конюшій Борисъ Михайловичъ Лыковъ; царь сѣлъ въ сѣдло и направился къ собору; передъ ними поѣхала кавалькада изъ 36 поѣзжанъ, за ними слѣдовали дружки и тысяцкій Иванъ Борисовичъ Черкаскій; передъ государемъ въ окольничихъ были князь Иванъ Никитичъ Одоевскій, князь Андрей Васильевичъ Сицкой, князь Григорій Константиновичъ Волконской. За государемъ въ богато убранныхъ саняхъ ѣхала царица со свахами, до ея прихода въ саняхъ сидѣлъ ея конюшій Данило Ивановичъ Долгоруковъ, у саней ея шли онъ да дьякъ Третьякъ Корсаковъ. За санями государыни шли дворяне: князь Александръ Пріимковъ-Ростовской, Миронъ Вельяминовъ, князь Семенъ Лыковъ, князь Богданъ Долгоруковъ, князь Василій Щербатый, князь Ѳедоръ Волконской, Алексѣй Собакинъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Наумовъ, князь Петръ Хилковъ, Василій Наумовъ, Иванъ Чичеринъ. «А какъ государыня выходила изъ саней къ церкви, и на ея мѣстѣ въ саняхъ сидѣлъ князь Данило Долгорукій.» Въ церковь внесли свѣчи, короваи, сголовейцы, камки на чѣмъ вѣнчаться, подножейца, мѣсто (скамейку), вино. Вѣнчалъ государя Благовѣщенскій протопопъ Максимъ, духовникъ

царскій. Послѣ вѣнца отъ собора до дворца стлали камки, а передъ самымъ подклѣтомъ атласы «отъ Пречистой къ подклѣту камки стлали, по чему государю и государынѣ къ подклѣту идти.» Въ Грановитой Палатѣ былъ изготовленъ пиръ. У государыни у отдачи блюдъ былъ дворецкій Степанъ Ивановичъ Волынской, въ ея казнѣ былъ и въ хоромахъ сидѣлъ у царицына бѣлаго платья князь Иванъ княжъ Михайловъ сынъ Долгорукой, а съ нимъ въ казнѣ дьякъ Иванъ Поздѣевъ.

Въ столы сказывали, въ большой столъ, Иванъ Петровичъ Шереметевъ, да Григорій Андреевъ сынъ Плещеевъ; въ кривой столъ стольникъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и Иванъ Григорьевъ Глазуновъ-Плещеевъ. Среди пира молодые встали и направились къ подклѣту; путь имъ до дверей подклѣта постилали атласами Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ и отецъ молодой царицы.

На другой день брачныя торжества продолжались, всѣ вновь съѣхались во дворецъ, Грановитая опять наполнилась блестящей толпой пирующихъ; не занятымъ только осталось на пиру мѣсто подлѣ царя: молодая царица понемогла и оставалась у себя въ палатѣ, мучимая сильнымъ и болѣзненнымъ недугомъ, «и бысть скорбь ея (болѣзнь) велія зѣло»... «Во второй же день царица Марія Владимировна обрѣтеся испорчена. Грѣхъ ради нашихъ отъ начала врагъ нашъ діаволъ, не хотя добра роду христіанскому, научи врагъ человѣка своимъ дьявольскимъ наущеніямъ и ухищреніямъ, испортиша царицу Марью Владимировну, и бысть государыня больна, и бысть скорбь ея велія зѣло»... А царицыну выходу и чину въ тѣ дни не было, потому что по грѣхамъ въ то време царица и великая княгиня Марія Владимировна не помогла (Дворц. Разр. 634 и далѣе). «А Иванъ Петровичъ Шереметевъ съ братьею не были, потому что въ тѣ дни государевыхъ свадебныхъ чиновъ не было, потому что въ то время государыня царица и великая княгиня Марія Владимировна понемогла.» Но пока молодая царица томилась и недомогала, въ Грановитой пиръ шелъ своимъ чередомъ. Бояре сидѣли безъ мѣстъ въ большомъ столѣ, а въ кривомъ столѣ поѣзжане. Больной царицѣ съ пира послали вверхъ три пары соболей, двѣ пары по 3 рубля, а пара въ три съ полтиною, да 3 золотыхъ Угорскихъ по 30 алтынъ золотой (Забѣлинъ, 64). На третій день 22 Сентября въ Грановитой Палатѣ вновь устанавливаютъ пиршественные столы. Государь угощаетъ отца своего святѣйшаго патріарха, «а ѣлъ у государя отецъ его государевъ, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Руссіи; у стола были бояре: князь Иванъ Ивановичъ Шуйской, Михайло Борисовичъ *Шеинъ*, князь Дмитрій Михайловичъ *Пожарской*; окольничіе: князь Өедоръ Ивановичъ *Лыковъ* (воевода въ 1618 въ *Суздалѣ*, въ 1621 г. въ Тулѣ), князь Григорій

Константиновичъ Волконской; у стола стояли стольники князь Василій Еншинъ-Мурзинъ сынъ Сулешевъ, Левъ Аѳанасьевъ сынъ *Плещеевъ* (имя его встрѣчается въ 1615 году на новосельѣ въ селѣ Рубцовѣ, гдѣ поручено ему смотрѣть въ кривой столъ, а Ивану Петрову Шереметеву въ большой; недовольный этимъ Левъ Плещеевъ билъ царю челомъ на Шереметева, что ему меньше его быть невмѣстно, и чтобъ государь велѣлъ ему дать оборонь). Въ столы смотрѣли стольники: въ большой столъ князь Ѳедоръ, княжъ Андреевъ сынъ *Телятевской*, въ кривой столъ князь Григорій, княжъ Васильевъ сынъ *Тюфякинъ* (стольникъ и воевода въ 1624 въ Бѣлгородѣ). Вина наряжалъ стольникъ князь Юрья княжъ Петровъ Буйносовъ-Ростовской. И послѣ стола великій государь отца своего дарилъ для своей царской радости. А рѣчь говорилъ и дары являлъ дьякъ Жданъ Шиповъ.

Патріархъ въ свою очередь благословилъ сына иконой Живоначальной Троицы въ серебряномъ золоченомъ окладѣ.

23 Сентября царь простился съ болящею царицею и отправился на богомолье въ Троицко-Сергіеву лавру.

Государь ѣхалъ, какъ всегда, не торопясь. 24 Сентября въ селѣ Воздвиженскомъ у царя былъ столъ «по столовой избѣ»; въ этотъ же вечеръ онъ прибылъ въ лавру. Намѣстникомъ ея былъ тогда преподобный Діонисій. 25 Сентября у государя былъ столъ въ трапезѣ, 27 Сентября на обратномъ пути въ селѣ Тайнинскомъ столъ имѣлъ въ передней избѣ.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ нигдѣ не упоминается имя болящей царицы. Въ началѣ Ноября видимъ, что царь награждаетъ одного изъ ея родственниковъ, князя Василія Долгорукова. «Ноября 4 въ верхъ къ государю въ хоромы 5 аршинъ сукна лундышу вишневаго по рублю по 26 алтынъ 4 деньги, а пожаловалъ государь тѣмъ сукномъ князь Василья Долгорукова. (Б.Р.царицъ, 65). Въ этотъ же день «отпущено къ государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Володимировнѣ кисея тонкая 5 рублей, поллитры золота 3 рубля, 4 алтына 1 деньга; 87 золотниковъ шелку бурскаго всякихъ цвѣтовъ по 8 денегъ золотникъ; взялъ князь Богданъ Долгоруковъ». Очевидно кисеи на рубашку или полотенце, а шелкъ и золото для вышивки, что̀ доказываетъ, что если больная царица не была сама въ состояніи заняться любимымъ свѣтличнымъ дѣломъ, вышиваніемъ въ пяльцахъ, то чувствовала себя на столько бодрой, что могла заняться подборомъ шелковъ и указать узоръ. Что ей было нѣсколько легче, видно еще изъ того, что царь приказалъ выстроить ей новую избушечку. Едвали для умирающей стали бы это дѣлать. Въ эту избушечку поставили печи ценинныя, т. е. съ синей поливой. 12 Ноября къ царицѣ Маріи Владимировнѣ отпущено къ новой избушечкѣ на дверь

да на окна да подъ крюки 6½ аршинъ сукна настрофилю червчатаго по 16 алтынъ 4 деньги. Черезъ два дня въ верхъ къ государынѣ царицѣ отпущено 54 портища тафтъ венецеекъ широкихъ разныхъ цвѣтовъ по 5 аршинъ въ портищѣ, четырнадцать (портищъ) по 26 алтынъ 4 деньги; сорокъ портищъ по 21 алтыну 4 деньги; шесть косячковъ тафтъ Нѣмецкихъ зеленыхъ по 60 алтынъ, вѣроятно кому нибудь въ награду. Видно, что была надежда, что царица скоро встанетъ на ноги и оправится отъ недуга. 27 Ноября имя царицы упоминается въ рѣчи, которую отъ имени царя держалъ патріарху дьякъ Жданъ Шиповъ при явкѣ ему даровъ: соболей и шелковыхъ тканей. 9 Декабря въ верхъ къ царицѣ отпущено полтора аршина бархату травнаго по зеленой землѣ травы шелкъ чернъ по рублю аршинъ, приняла боярыня Татьяна Степановна Долгорукова. Декабря 11 въ верхъ къ царицѣ Маріѣ Владимировнѣ въ хоромы два участка двойныхъ золото съ серебромъ 26 рублей, два участка двойныхъ золотные по зеленой землѣ по 14 рублей; кафтанъ по червчатой землѣ круги золотые, въ разводѣ шелки разные 12 рублей, приняла боярыня Татьяна Степановна Долгорукова да казначея Варвара Упковская. Въ тотъ же день по государеву указу по памяти за приписью дьяка Ивана Ѳедорова, государева жалованья печнику ценинныхъ печей Мартынкѣ Васильеву 4 аршина безъ четверти сукна настрафилю лазореваго, цѣна 2 рубля; а пожаловалъ его государь за то, что онъ дѣлалъ въ хоромахъ государыни царицы и великія княгини Маріи Володимировны ценинныя печи. 17 Декабря царица пожелала украсить серебрянною ризою свою благословенную икону Казанской Богоматери. Призваны серебрянные мастера Давидъ Емильяновъ и Астафій Ивановъ и дано имъ 21 алтынъ 4 деньги, а они на тѣ деньги купили въ ряду къ серебряному дѣлу пять гривенокъ воску по гривнѣ гривенка; да 15 гривенокъ смолы по двѣ деньги гривенка; окладываютъ серебромъ образъ Пречистыя Богородицы Казанскія отъ царицы изъ хоромъ. 21 Декабря царица испытала непріятность въ лицѣ своего двоюроднаго дяди князя Даніила Ивановича Долгорукова, который навлекъ на себя немилость царскую. Въ этотъ день, на память Петра Чудотворца государь ѣлъ у отца своего патріарха Филарета. Среди пира окольничій князь Данило Ивановичъ Долгоруковъ билъ челомъ государю и патріарху на боярина Ѳедора Ивановича Шереметева о мѣстахъ, «а говорилъ, что ему сидѣть ниже его у стола невмѣстно, и билъ челомъ о судѣ». Но это обидило въ свою очередь князя Пожарскаго, и онъ билъ челомъ на Данилу Долгорукова, что онъ, желая сѣсть выше Шереметева, хочетъ быть выше его Пожарскаго, «а мнѣ-де по своему отечеству и самому быть меньше его невмѣстно». Шере-

метевъ же билъ челомъ государю и патріарху объ оборонѣ, жалуясь, что князь Данило «бьетъ челомъ на него въ другорядь въ отечествѣ не дѣломъ и тѣмъ его безчеститъ». А можно быть съ нимъ Өедоромъ дѣду князя Данилы Андрея Андреевичу Долгорукову, тѣмъ болѣе ему, «а ему же князю Данилѣ со мною всегда быть можно безсловно». Такъ какъ Долгоруковъ все упрямился и не хотѣлъ садиться ниже Шереметева, то государь велѣлъ разрядному дьяку Өедору Лихачеву окольничьяго князь Данилу Долгорукова за столъ посадить, но не велѣлъ стольнику князь Өедору Куракину «сказывать его князь Данила», и подачъ ему отъ государя и отъ государя патріарха не было. Послѣ стола государь черезъ разряднаго дьяка Өедора Лихачева велѣлъ сказать Шереметеву: государь тебя боярина Өедора Ивановича пожаловалъ, велѣлъ тебѣ отъ князь Данилы Долгорукова въ отечествѣ оборонь учинить, велѣлъ его князь Данилу посадить въ тюрьму, а не достало ему князь Данилѣ въ отечествѣ не токмо до тебя и до племянниковъ твоихъ... и въ государевѣ разрядѣ то записано, и посланъ князь Данило въ тюрьму съ Степаномъ Осиповымъ сыномъ Карауловымъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ 4 дня, а для праздника Рождества Христова государь пожаловалъ его князь Данилу изъ тюрьмы выпустить велѣлъ, а съ двора съѣзжать ему не велѣно до государева указа. Только 6 Января государь пожаловалъ князь Данилу и велѣлъ ему свои царскіе очи видѣть», но опять выговаривалъ ему за то, что онъ билъ челомъ на Шереметева прежде сего и нынѣ не по своей мѣрѣ, и тѣмъ своимъ челобитьемъ онъ князь Данило его Өедора безчестилъ. Это происшествіе должно было быть весьма непріятно для родныхъ царицы, особенно для ея отца, такъ сильно неполадившаго съ Шереметевымъ еще до свадьбы и не долюбливавшаго его съ той поры.—Декабря 25 имя царицы вновь упоминается въ рѣчи дьяка Ждана Шипова отъ имени царя къ патріарху при явленіи даровъ послѣ стола въ Золотой Палатѣ.

Царица однако все еще по немногу вставала; такъ 30 Декабря ей купленъ теплый войлокъ подъ ноги: «за войлокъ ордынской 10 алтынъ взять на царицыно подножье». Этого же числа куплены кленовыя колонки-столбцы къ ея богато-раззолоченному стулу, надъ которымъ все еще хлопочутъ мастера. 1 Января Англійскій гость (купецъ) Фабіанъ Ульяновъ съ товарищами поднесли царицѣ по случаю новаго года кубокъ, на кровлѣ котораго былъ «мужикъ крылатъ въ правой рукѣ помело, въ лѣвой свитокъ; вѣсу 3 гривенки 10 золотниковъ по 5 рублей гривенка». Это одинъ изъ послѣднихъ предметовъ, на которомъ остановился взоръ молодой царицы. Силы ея съ каждымъ днемъ угасали, она уже была въ краю вѣчности, а уста людей ей сулили еще выздоровленье: такъ за 3 дня до ея кончины, умирающей царицѣ провозглашается въ

ея хоромахъ многолѣтіе. «Генваря въ 3 день, по государеву именному приказу, государева жалованья отъ Рождества Пречистыя Богородицы, чтó у государя на сѣняхъ, діакону Никитѣ, за кликальное, за Рождественское сукно, что онъ кликалъ на вечери, въ хоромахъ у государыни царицы и великой княгини Марьи Володимеровны многолѣтье, дано 2 рубли деньгами». А 4 Января ей присылають къ большой ея комнатѣ на двери и на окна 4 сорока соболей по 100 рублей. Какъ будто у умиравшей царицы явилось желаніе подняться со скорбнаго одра на богомолье и вымолить себѣ горячею мольбой продолженіе жизни. (Доп. къ Дворц. Разрядной Книгѣ 402).

Въ ночь на 6 Января 1624 г. царица предаде свою праведную душу... и погребена со многимъ плачемъ въ Вознесенскомъ монастырѣ съ прочими царицами. Такимъ образомъ второй разъ молодой царь разлученъ со своею избранницей. Отъ чего скончалась царица Марія Владимировна, дѣйствительно ли была сведена въ раннюю могилу медленнымъ ядомъ, или пала жертвой какой нибудь нервной болѣзни, не знаемъ; но всѣ современники утверждаютъ, что она была отравлена. Во всякомъ случаѣ виновники ея смерти остались неизвѣстны, розыска не производили, и кроткая тѣнь царицы никому не мстила по своей кончинѣ. 7 Января отпущено на представленіе государыни царицы и великой княгини Марьи Володимеровны аршинъ 6 верш. камки куфтерю бѣлаго по 40 алтынъ; взялъ дьякъ Сурьянинъ Таракановъ. Этою тафтою, вѣроятно, покрыли лицо и тѣло усопшей царицы. 8 Января были похороны, гробъ былъ обитъ малиновымъ Англійскимъ сукномъ. Похоронами распоряжались князь Богданъ Долгоруковъ (двоюродный братъ царицы) и крестовый дьякъ Василій Семеновъ. Похоронили царицу «съ великимъ плачемъ» въ Вознесенскомъ монастырѣ, за лѣвымъ столпомъ подлѣ западныхъ дверей на лѣвой сторонѣ у стѣны; позднѣе могилу ея окружили могилы царевенъ, умершихъ въ младенчествѣ. На другой день похоронъ гробницу покрыли подъ покровцемъ 4 аршинами сукна багрецу по 40 алтына. Генваря 22-го по приказу государыни великой старицы иноки Мароы Ивановны въ серебряной приказъ Кузьмѣ Титову 5 гривенокъ серебра по счету деньгами 21 рубль 2 гривны; а въ томъ серебрѣ велѣно Кузьмѣ сдѣлать ко гробу блаженныя памяти царицы и великой княгини Марьи Володимеровны на покровъ крестъ съ дробницами; взялъ деньги Кузьма самъ. 23 и 24 Января вдовьему попу Ждану Аврамьеву съ подмастерьемъ Иваномъ Невѣровымъ дано въ награду по 4 аршина сукна лазореваго, за то что они вырѣзали на гробницѣ царицы Маріи Владимировны вязью слова, вызолотили ихъ а поля росписали лазоревою краскою (Доп. къ Двор. Р. 403). 3 Апрѣля подъ наблюденіемъ Мароы Ивановны въ

Вознесенскомъ монастырѣ стали изготовлять болѣе нарядный покровъ на гробницу царицы; его выкроили изъ застѣнка (завѣсы) кармазинной камки, посреди которой была надпись: «сей застѣнокъ Пречистой Богородицы Умиленіе на празелени Борисоглѣбской съ устья». Завѣса эта была низана жемчугомъ и 14 золочеными дробницами: вѣроятно съ нея спороли только жемчугъ и дробницу, самую же пелену знаменилъ знаменщикъ Иванъ Некрасовъ бѣлилами: (Бытъ. Р. царицъ, 156).

Дважды въ годъ совершалась ея память въ Вознесенскомъ монастырѣ, 8 Января и 22 Іюля, при чемъ игуменьѣ, келарю да казначеѣ давались панихидныя деньги «на каждый день памяти по гривнѣ, а сестрамъ ста человѣкамъ удѣльнымъ по 10 денегъ».

Вотъ единственные блѣдные слѣды, сохранившіеся въ современныхъ бумагахъ объ этой юной увядшей, подобно цвѣтку полевому, царицѣ. Кроткою страдальческою тѣнью промелькнула она и въ исторіи, и въ жизни своего царственнаго супруга.

Цѣлый мѣсяцъ при дворѣ не было никакихъ пріемовъ, и явившихся 6 Февраля пословъ отъ Крымскаго хана Магметъ-Гирея и Персидскаго шаха Аббаса принимали не въ палатахъ, «а на дворѣ, въ Золотой Палатѣ» (Доп. къ Дворц. Раз. 406). Персидскихъ пословъ царь принялъ 25 Февраля, и мы встрѣчаемъ среди лицъ посланныхъ ихъ встрѣчать за Срѣтенскіе вороты отца покойной царицы князя Владимира Тимоѳѣевича съ шестью человѣками своей прислуги. Мая 17 на отпускѣ этихъ же пословъ видимъ въ меньшой золотой палатѣ въ золотомъ кафтанѣ его же возсѣдающаго въ присутствіи царя и патріарха между Михайлой Борисовичемъ Шеинымъ и княземъ Пожарскимъ, но на царскихъ пирахъ вплоть до Іюня нигдѣ его не видно, только 5 Іюня на Троицинъ день участвовалъ онъ въ царской трапезѣ въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Въ 1626 году Владимиръ Тимоѳѣевичъ посланъ былъ воеводою въ Вологду, гдѣ прослужилъ 1627, 1628 и 1629 гг., а скончался въ 1633 г. Въ Сказаніи о родѣ князей Долгоруковыхъ ошибочно показано, будто князь по кончинѣ любимой дочери отъ горести совершенно удалился отъ міра.

А. Милорадовичъ.

Село Ивановка,
1897 г. Май.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

IV [1]).

Отъ осени 1836 года по осень 1839 года.

Et moi je fus aussi pasteur de l'Arcadie!
(Delille).
„I am not what I am,—they haul changed me in my cradle".
(Irish bull).

Во Львовѣ мы нашли двухъ сестеръ стараго г. Понятовскаго, г-жу Сѣраковскую съ мужемъ и г-жу Кобыляцкую. Сложивъ вмѣстѣ года̀ брата и обѣихъ сестеръ, получалась цифра итога, много превосходящая 200 лѣтъ, между тѣмъ какъ обѣ дамы были въ трaурѣ по недавно скончавшейся ихъ матери, пани маршалкòвой, какъ ее всѣ тамъ называли. А г-жа Кобыляцкая тѣмъ болѣе еще грустила, что считала смерть своей родительницы якобы преждевременной, отъ огорченія, причиненнаго ей управлявшимъ ея дѣлами. Недоставало этой старухѣ дожить еще до одного поколѣнія (вещь возможная по лѣтамъ Матильды Осиповны Шимановской и даже невѣстки моей графини Авроры Осиповны, коей было тогда отъ роду 36 лѣтъ), чтобы можно было ей сказать, какъ одной дамѣ, о которой говоритъ г-жа де-Севиньи въ одномъ изъ своихъ писемъ: Ma fille, dites à votre fille, que la fille de sa fille pleure [2]).

Изъ Львова мы поѣхали въ Карлсбадъ, гдѣ мой братъ тогда находился со своимъ семействомъ и куда онъ часто ѣзжалъ лѣчиться отъ разстройства печени. Роскошная тамошняя растительность была во всей лѣтней своей свѣжести, хотя наступила уже осенняя пора года; густые лѣса, перемежающіеся съ площадками изумрудной зелени, разстилались по скатамъ горъ вплоть до ихъ макушекъ, а на площадкахъ виднѣлись опрятные одиночные домики съ садиками. Противъ нашихъ оконъ возвышалась одна изъ таковыхъ крутыхъ горъ, называемая Трехъ Крестовъ; на верхушкѣ ея Петръ I-й, если вѣрить преданію,

[1]) См. „Русскій Архивъ" сего года, выпускъ 8-й, стр. 601.

[2]) Дочь моя, скажи своей дочери, что дочь ея дочери плачетъ.

своеручно водрузилъ огромный деревянный крестъ, на деревѣ коего вырѣзалъ свое имя, годъ и число мѣсяца. Все это было ново для меня, не видавшаго дотолѣ гористой мѣстности иначе, какъ въ дикомъ состоянiи, въ Балканахъ, въ Альпахъ и въ оголенныхъ до гребней Аппенинахъ. Въ сихъ послѣднихъ присутствiе осѣдлости и скудной культуры представляется лишь отрывками, и то въ небрежномъ и грязномъ видѣ, хотя съ артистической точки зрѣнiя эта-то самая небрежность домашняго Итальянскаго быта и дѣлаетъ ее живописною *). Карлсбадскiе быстрые ручьи, текущiе въ уровень почти съ своими берегами и запруженные иногда въ чистенькiе прудики, рознятся также съ Аппенинскими ручьями, каковые въ большинствѣ суть не что иное, какъ весеннiе и осеннiе протоки, русла коихъ обозначаются, въ лѣтнее сухое время, лишь сплошнымъ слоемъ мелкихъ камней. Итальяноманкамъ, каковыми были наши семейныя женщины, прискорбны были иногда таковые мои отзывы о прелестяхъ Германской природы въ ущербъ Итальянской. Добрѣйшiй мой братъ былъ тамъ, какъ дома: оружейникъ Herr Schmidt, токарь Herr Wolf или шорникъ Herr Franz были все его знакомые и прiятели; но вѣдь заслужилъ онъ и благодарность отъ жителей. Вѣрный одной изъ главныхъ цѣлей безупречной жизни содѣйствовать благу ближняго, онъ, съ разрѣшенiя мѣстныхъ властей, проложилъ черезъ горы и лѣса новую дорожку для кратчайшаго пѣшеходнаго сообщенiя между Карлсбадомъ и однимъ селенiемъ за горами, жителямъ коего часто приходилось приносить свои продукты на Карлсбадскiй рынокъ. И какъ его занимала планировка, имъ же составленная, этой дорожки! Кажется, что она названа была жителями Бутурлиновской.

Почти въ часовомъ разстоянiи отъ Карлсбада, въ одной живописной долинѣ, возвышается надъ рѣчкою рядъ перпендикулярныхъ

---

*) Кстати замѣчу, что хотя принято называть иныя мѣста въ центральной Россiи гористыми, но въ строгомъ смыслѣ слова ни въ Великой, ни въ Малой Россiи нѣтъ горъ; потому что прежде чѣмъ подняться на такъ называемыя горы, мы первоначально спускаемся съ плоскости въ оврагъ, тогда какъ гора по географическому о ней понятiю должна быть круто возвышающiйся со всѣхъ сторонъ пирамидообразный, такъ сказать, наростъ, окруженный плоскою поверхностiю. По этому опредѣленiю, мнѣ кажется правильному, я не признаю горами даже возвышенностей одного берега на большихъ нашихъ рѣкахъ, какъ Волгѣ, Окѣ и Днѣпрѣ; потому что, когда взобраться на этотъ гористый берегъ, начинается безконечная плоскость, какъ въ Ярославлѣ, Костромѣ, въ Серпуховѣ и Каширѣ, въ Кiевѣ, и таковыя мѣстности правильнѣе было бы называть возвышенными плоскостями (plateaux élevés). Дудоровская гора близъ Петербурга дѣйствительно нѣчто въ родѣ отдѣльной горы; но что̀ касается до Валдайскихъ горъ, признаюсь, что въ неблаженное время по Московско-Петербургскому шоссе, я, какъ ни старался, никогда не могъ разглядѣть признаковъ этихъ горъ. Упомянувъ о возвышенныхъ берегахъ нашихъ большихъ рѣкъ, замѣтить стоитъ, что оба берега никогда не бываютъ возвышенными, а всегда попремѣнно, то правый, то лѣвый.

скалъ высокою стѣной, съ острыми конусами, похожими немного на головы и туловища статуй. Мѣсто это зовется *Гансъ-Гейлингенъ* (т. е. Св. Іоанна), и къ нему относится поэтическая легенда, что какая-то влюбленная чета, или въ тайнѣ обвѣнчанныхъ бѣглецовъ, настигнутыхъ погонею родителей на этомъ мѣстѣ, превращена была въ камень силою родительскаго или церковнаго проклятія. Насъ очень занимало въ Карлсбадѣ странное свойство гигіеническаго источника шпруделя: брошенный въ его воды колосъ оказывался послѣ однихъ или двухъ сутокъ весь покрытымъ, даже и съ остью, желтоватою окаменѣлою массою.

Отъѣздъ нашъ изъ Карлсбада былъ ускоренъ по случаю полученнаго извѣстія о смерти въ г. Кремонѣ князя Видони, мужа меньшой моей сестры Елены Дмитріевны. Компанія наша раздѣлилась на два поѣзда. Мать моя съ графинею Авророю Осиповною и ея двумя дочерьми, графинями Анною и Маріанною Петровнами, и съ Екатериною Ивановною Леруа отправились впередъ, не останавливаясь ночевать нигдѣ. (Мать моя почти до своей кончины не знавала усталости въ дорогѣ). Такого ускореннаго путешествія я всегда старался избѣгать и потому весьма былъ радъ, что, по причинѣ беременности моей жены и малолѣтства двухъ моихъ племянниковъ, мы съ братомъ составили особенное отдѣленіе неспѣшнаго поѣзда въ двухъ экипажахъ съ ночлегами и всѣмъ возможнымъ комфортомъ. Меньшой изъ братниныхъ дѣтей, Джой (Англійская передѣлка имени Осипа), прелестный и много обѣщавшій ребенокъ, очень полюбилъ жену мою, и его пересаживали иногда въ карету къ ней. Проѣзжая чрезъ Баварію, мы остановились, гдѣ-то по дорогѣ, осмотрѣть какую-то замѣчательную церковь (Католическую), гдѣ были между прочимъ мощи—скелеты двухъ святыхъ, однимъ изъ коихъ былъ, помнится мнѣ, святой Викторъ; мощи эти стояли на ногахъ, въ какой-то странной позѣ, подъ большими стеклянными колпаками, что̀ составляло одну изъ причудливостей, свойственныхъ Римской только церкви и не внушающихъ чувства благоговѣнія къ останкамъ Божіихъ угодниковъ. Зрѣлище это до того перепугало малютку Джоя, что онъ бросился къ женѣ моей съ словами: «Не правда ли, тётенька, что ты никогда не будешь святою?» (N'est ce pas, chère tante, que tu ne sera jamais sainte). Въ Мюнхенѣ, гдѣ мы провели два-три дня для отдыха дѣтей и моей жены, нашимъ посланникомъ былъ князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, отецъ нынѣшняго вице-президента Академіи художествъ, князя Григорія Григорьевича. Лишь только предъявленъ былъ ему мой паспортъ, выданный мнѣ изъ канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора, для приложенія къ нему пе-

чати Мюнхенской нашей миссіи, какъ князь Гагаринъ воскликнулъ: «Ого, человѣкъ намъ знакомый (т. е. подпись и скрѣпа), Михайло Ивановичъ Топтыкинъ!» Видно, что такъ звали графа Александра Дмитріевича Гурьева, сверстника его.

Тогдашній путешественникъ, не запертый наглухо въ вагонѣ, разсѣкающемъ смрадныя облака стелющагося по обѣимъ сторонамъ дыма, не могъ бы, не будь онъ даже ни артистическаго, ни поэтическаго настроенія, не быть пораженнымъ зрѣлищемъ Альпійскаго переѣзда между Инспрукомъ и Трентомъ, такъ называемаго Бреннера, гдѣ въ теченіе одного дня онъ переносится изъ царства снѣговъ и растительности суроваго Сѣвера въ природу и культуру южнаго края. Выѣзжая, бывало, изъ Инспрука, климатъ коего можно причислить къ умѣреннымъ, утромъ на почтовыхъ, и постепенно подымаясь все выше и выше, путешественники видѣли, что растительность ограничивалась уже одною елью, сосною и березою, не переносящею теплаго климата низменныхъ долинъ по обоимъ Альпійскимъ скатамъ; ручьи, зачатки рѣкъ, выходящіе изъ ущелій, текли всѣ назадъ, то есть къ Сѣверу; въ полдень достигалась страна, гдѣ царила Русская вполнѣ зима, но не на долго, ибо вскорѣ затѣмъ начинался спускъ по противоположному Альпійскому скату, и ручьи начинали течь къ Югу. Исчезали одна за другою береза, ель, сосна, лиственница (mélèze), уступая мѣсто дубамъ, пирамидальнымъ тополямъ, тутовымъ и грецкихъ орѣховъ деревьямъ; потомъ показывались сладко-каштановыя и буковыя деревья съ площадками виноградныхъ лозъ, шпалерами. Еще часъ или полтора, и раскидывались предъ глазами панорамою Ломбардскія плодоносныя равнины, въ коихъ выглядывали, хотя въ нѣкоторомъ еще отдаленіи, мрачные конусы кипарисовъ и какъ бы сѣроватыя волны отъ сплошныхъ пепелистыхъ оливковыхъ деревьевъ. Къ обѣденному времени, къ 4-мъ часамъ пополудни, достигали до перваго Ломбардо - Венеціанскаго города Больдзано, понѣмецки Боцценъ.

Въ этомъ переѣздѣ, на южномъ, кажется, скатѣ Альпъ, виднѣлось съ боку селеніе по названію «Mezzotedesco» (т. е. полу-Нѣмецкое), раздѣленное пополамъ: сѣверная часть была Тирольская, а южная входила въ составъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства, и хотя обѣ провинціи были еще тогда въ Австрійскихъ владѣніяхъ, но селеніе это ясно опредѣляло противоположныя свойства и домашній бытъ Германскаго и Итальянскаго племенъ. Домà верхней части селенія отличались уютностію и опрятностію, какъ и ихъ жители; эта часть называлась «Mezzotedesco и составляла яркій контрастъ съ нижнею частію «Mezzoitaliano», съ его грязными жилищами, единственное, но эффектное укра-

шеніе коихъ заключалось въ наружныхъ стѣнахъ, отчасти покрытыхъ стелющимися вѣтвями исполинскихъ виноградныхъ лозъ, съ висящими апетитными гроздами плодовъ изъ-за густой зелени листьевъ.

Въ Трентѣ я осматривалъ церковь, внутри коей засѣдалъ въ XVI-мъ столѣтіи знаменитый на Западѣ Тридентскій соборъ, признаваемый у Латинянъ вселенскимъ. Мнѣ показался не совсѣмъ умѣстнымъ выборъ храма для преній, въ пылу коихъ можно позабыть о святости мѣста, хотя впрочемъ и Флорентинскій соборъ, въ 1438 г. созванный, какъ извѣстно, для соединенія восточной съ западною церковью, засѣдалъ также въ Флорентинской каѳедральной церкви «Il duomo», иначе «Santa Maria dei fiori» (т. е. храмъ пресв. Дѣвы Маріи, что̀ въ цвѣтахъ).

Въ Веронѣ я и молодой Нѣмецъ г. Рейхенбергъ, дядька моихъ племянниковъ, отправились обозрѣвать археологическія мѣстныя достопамятности, въ числѣ которыхъ виднѣлись еще хорошо сохранившіеся фасады домовъ враждебныхъ межъ собою семействъ Монтекки и Капулетти, а въ одномъ саду показывали гробницу изъ цѣльнаго камня (стоявшую снаружи) съ просверленнымъ внизу узкимъ отверстіемъ для возможности дыханія, въ коей будто бы лежала Джіуліетта во время летаргическаго своего сна. Трудно провѣрить истину этого преданія; да и такъ называемая гробница сильно сбивается на каменное корыто, которое ставится обыкновенно передъ фонтаномъ для водопоя животнымъ *).

Спутникъ мой, человѣкъ сентиментальнаго направленія, ухитрился, послѣ нелегкихъ усилій, отбить осколокъ мнимой гробницы злополучной невѣсты Ромео, тщательно завернулъ его въ бумажку, и когда позднѣе все наше семейство было въ сборѣ во Флоренціи, онъ съ таинственнымъ выраженіемъ въ лицѣ поднесъ эту эмблематическую драгоцѣнность наставницѣ моихъ племянницъ, Каролинѣ Сорелли, къ коей Нѣмецъ нашъ питалъ нѣжно-меланхолическое чувство, трудно имъ обуздываемое.

---

*) Замѣчу мимоходомъ, что на первоначальный Шекспировскій сюжетъ Ромео и Джіуліетты имѣются въ Итальянскомъ репертуарѣ три оперы. Первая изъ нихъ была написана въ концѣ прошлаго столѣтія, или, можетъ быть, въ первыхъ годахъ настоящаго, маестромъ Цингарелли; изъ нея осталась нынѣ незабытою одна лишь сопрановая арія (писанная для кастрата) „Ombra adorata aspetta,“ отъ коей наши матушки и бабушки впадали въ экзальтацію или въ обморокъ. Затѣмъ, въ 1825 или 1826 году, состязался на тотъ же сюжетъ полу-знаменитый композиторъ Ваккаи, но опера его упала за исключеніемъ финальной аріи и дуэта „Ah se tu dormi, svegliati,“ вставленной неподражаемою въ свое время пѣвицею г-жею Малибранъ (сестрою г-жи Віардо) въ третью того же сюжета оперу съ переименованіемъ Монтекки и Капулетти, написанную въ началѣ 30-хъ годовъ рано умершимъ Беллини, ученикомъ Цингарелли.

Въ Кремонѣ мы нашли сестру мою Елену Дмитріевну, вполнѣ предавшуюся отчаянію. Много есть между нами обоими сходнаго: таже впечатлительность, таже способность принимать фикцію игриваго воображенія за истину, таже наклонность смѣшивать головную работу съ ощущеніями сердца. Горячая и любящая ея натура представляла ей прошедшее въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, а дѣйствительность выказывала, что она никогда не была влюблена въ мужа, годившагося ей по своимъ годамъ почти что въ отцы; она жила съ нимъ менѣе трехъ лѣтъ, и потому привязанность не успѣла превратиться въ привычку.

Религіозныя увѣщеванія матери нашей и невѣстки графини Авроры Осиповны не дѣйствовали на сестру. Въ помощь увѣщательницамъ присоединился почтенный нѣкій аббатъ, сестринъ духовникъ; но онъ вздумалъ убѣдить ее покориться волѣ Божіей неудачнымъ сопоставленіемъ ея скорби съ чувствами Пресвятой Богородицы при видѣ Божественнаго Сына, лежавшаго во гробѣ; но при этомъ сравненіи находчивая всегда сестра моя встрепенулась и отвѣчала аббату: «Конечно, Пресвятой Богородицѣ не трудно было утѣшиться, ибо она знала навѣрно, что Сынъ Ея воскреснетъ на третій день; а съ мужемъ моимъ этому конечно не бывать.» Увѣщевателю пришлось вѣроятно стать въ тупикъ отъ таковой неожиданной и неопровержимой логики.

Въ Кремонѣ квартировалъ съ своею бригадою Австрійскій генералъ баронъ д'Аспръ, ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ, свѣтскій и весьма любезный господинъ, то чтó пофранцузски говорится «homme de bonne compagnie». Онъ проводилъ почти что всѣ вечера у моей сестры. У нея же часто бывали также командиръ Тирольскаго стрѣлковаго баталіона маіоръ баронъ Цабель, Баварецъ по отцу, Англичанинъ по матери, и гусарскій поручикъ или ротмистръ Генигштейнъ [1]). Эти господа приняли меня какъ военнаго своего товарища: моему полувоенному виду способствовали синяя со шнурками венгерка, любимый тогда мой костюмъ, на груди висѣвшіе Польскій крестъ «virtuti militari» [2]), медаль за Турецкую войну 1828—1829 гг. и мои усы. Гене-

[1]) Въ неудачной для Австрійскаго оружія Франко-итальянской кампаніи 1859 г., упомянутый баронъ Цабель командовалъ уже корпусомъ въ арміи недаровитаго главнокомандующаго Джіулая, и также какъ и его принципалъ, ни въ чемъ, кажется, не отличился. Во время послѣдней же, не болѣе удачной для Австрійцевъ, войны съ Пруссіею въ 1866 году я встрѣтилъ въ газетахъ имя генерала Генигштейна, начальника, кажется, штаба главнокомандующаго генерала Бенедека, попавшаго, какъ и его начальникъ, подъ военный судъ; но оба оправдались. Не знаю, этотъ ли Генигштейнъ, котораго я знавалъ въ Кремонѣ.

[2]) Не могу удержаться не упомянуть, что у нижнихъ чиновъ названіе „virtuti militari“ переиначивалось въ „вертись около медали.“

ралъ д'Аспръ устроилъ въ нашу честь непродолжительные манёвры изъ всѣхъ находившихся подъ его начальствомъ войскъ, и обязательно далъ мнѣ одну изъ своихъ верховыхъ лошадей, на которой я ему сопутствовалъ, могъ удобно полюбоваться разсыпнымъ строемъ Тирольскихъ стрѣлковъ, и какъ они, исчезая внезапно, подавались ползкомъ то впередъ, то назадъ, и при этихъ движеніяхъ пользовались всякимъ пригоркомъ и кустикомъ. Дамы наши слѣдили съ любопытствомъ за этими манёврами, разъѣзжая въ колясκѣ. Въ другой разъ, по приглашенію г. Генигштейна, я ѣздилъ на одной изъ его верховыхъ лошадей смотрѣть гусарское эскадронное ученіе, крайне меня интересовавшее; но я нашелъ, что хотя иныя построенія были почти что одинаковыя съ нашими, однакоже исполненіе ихъ далеко отставало отъ нашего относительно отчетливости; а уже на счетъ выравниванія фронта оно было, помнится мнѣ, таковымъ, что насъ, пожалуй, въ былыя времена, прогнали бы съ учебнаго поля. Въ тѣ давнопрошедшія времена выравниваніе въ кавалерійскомъ фронтѣ было почти тоже, что́ тотъ неизобрѣтаемый (по изреченію будто бы великой княгини Елены Павловны) философскій камень пѣшей выправки и игры носка, за призракомъ коихъ тщетно гонялся покойный Михаилъ Павловичъ. Австрійскіе гусарскіе мундиры у нижнихъ чиновъ показались мнѣ довольно плохо пригнатыми; но все это сходило у нихъ съ рукъ безъ выговора. Шефомъ или поавстрійски владѣльцемъ (propriétaire) этого гусарскаго полка былъ (номинально) одинъ изъ многочисленныхъ князей Рейсовъ, дѣйствительнымъ же командиромъ полка былъ одинъ князь Лихтенштейнъ, находившійся тогда въ отлучкѣ. Изъ рядовыхъ было много Словаковъ; я услышалъ, къ немалому своему удивленію, Нѣмецкихъ гусарскихъ офицеровъ, разговаривавшихъ съ нижними чинами на Славянскомъ нарѣчіи, и я почти все понималъ.

Изящный въ манерахъ, маіоръ Цабель былъ неравнодушенъ къ моей сестрѣ и, спустя года два, когда она уже свыклась вполнѣ со вдовьимъ своимъ положеніемъ, показалось намъ во Флоренціи, что она была тронута постоянствомъ своего обожателя; но романъ ничѣмъ не кончился. Образчикомъ тугаго производства въ чины въ Австрійскомъ войскѣ былъ въ томъ же Тирольскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ одинъ немолодыхъ уже лѣтъ офицеръ, въ чинѣ, кажется, поручика, участвовавшій (помнится мнѣ) въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ; о немъ говорили, что онъ былъ незаконорожденный сынъ князя Іосифа Понятовскаго.

Сдержанность обыденной семейной жизни, въ постоянномъ присутствіи моей матери, тяготила меня, ради чего я отправлялся послѣ

обѣда (всегда весьма поздняго) бродить по темнымъ Кремонскимъ улицамъ, забѣгалъ въ кофейные дома и, проглотивъ на перехватъ нѣсколько рюмокъ ликера, уходилъ на отведенную намъ половину во 2-мъ этажѣ, и тамъ передъ пылающимъ каминомъ и съ сигарою въ зубахъ, заставлялъ нашу Еленушку пускаться въ разсказы о годовомъ ея пребываніи въ моихъ Порзняхъ и о тамошнихъ жителяхъ, предметъ мнѣ любимый и неисчерпаемый.

Спальня наша, въ парадномъ отдѣленіи втораго этажа, была вся обтянута краснымъ штофомъ, каковой же матеріи (vieux damas) были также стулья и занавѣсы оконъ и широкой нашей кровати, съ вызолоченнымъ балдахиномъ, какъ часто встрѣчается въ старинныхъ домахъ Итальянской аристократіи; мебель была рококо и частью позолочена, и вся эта роскошь представляла собою хорошо сохранившееся убранство во вкусѣ прошлаго столѣтія. Парадная гостинная и кабинетъ, примыкающіе къ спальнѣ, остававшіеся тогда безъ употребленія и запертыми, были убраны тою же матеріею и въ томъ же вкусѣ, такъ что, при усиленномъ немного воображеніи, можно было какъ бы ожидать появленія напудренныхъ красавицъ, въ фижмахъ и мушкахъ, и ихъ вздыхателей, въ шитыхъ камзолахъ и кафтанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ со шпагою на боку. Накурившись и наболтавшись съ Еленушкою до сыта, я заходилъ не надолго къ нашимъ дамамъ внизъ. Въ теченіе дня вдвоемъ подъ руку мы обходили съ женою весь этотъ непространный городъ, такъ какъ пѣшій моціонъ былъ для нея необходимымъ. Мы оба нѣхотя оставили Россію; въ ней чувство это было естественно по причинѣ разлуки съ матерью и потому, что очутилась она на чужбинѣ; послѣднее чувство раздѣлялъ и я: хотя я примкнулъ къ моему семейству, но оно было совершенно итальянизировано и иновѣрнаго исповѣданія. Потому мы оба какъ бы переброшены были въ міръ рѣзко рознившійся со всѣми нашими привычками и оттого сблизились въ супружеской нашей жизни, какъ никогда еще дотолѣ. Это было по истинѣ не повтореніе, а запоздалое проявленіе медоваго мѣсяца новобрачныхъ послѣ двухлѣтней женитьбы; интимному этому сближенію трудно было ощущаться въ Кіевѣ, гдѣ мы не выходили почти изъ вихря шумной общественной жизни. Къ утреннему чаю все наше семейство сходилось внизу, а послѣ моей съ женою прогулки мы оба уходили въ нашу спальню, гдѣ я садился рисовать канвовый узоръ на клѣтчатой бумагѣ для нея, а она читала мнѣ вслухъ (о какъ ясно я все это помню!) только что вышедшую поэму Ламартина «Jocelin.» Подобныя отрадныя минуты повторялись во Флоренціи, но чаще еще въ Ливорнѣ, гдѣ въ 1839 году мы провели лѣто совершенно одни

съ дорогою нашею двухлѣтнею тогда Анетиною. Но этими минутами я не умѣлъ тогда дорожить.

У сестры моей Елены Дмитріевны была одна только дочь, по третьему тогда году, нынѣ замужемъ за Венеціанскимъ графомъ Томазомъ (Ѳома) Соррандзо-Мочениго, одинъ изъ предковъ коего былъ дожемъ *). Настоящее ея имя Каролина, но въ семействѣ звали и зовутъ ее по сю пору Лили. Князь Видони оставилъ дочери большое номинально состояніе, но обремененное долгами, уплаченными, впрочемъ, во время опеки малолѣтней княжны, племянницы моей. Сестра моя, съ увлеченіемъ ей свойственнымъ, предалась всецѣло воспитанію дочери безъ посторонней помощи, своими исключительно силами и научными средствами, и успѣла въ томъ вполнѣ. Однимъ изъ опекуновъ малолѣтней Лили былъ родственникъ ея отца, мѣстный землевладѣлецъ графъ Францискъ Албертони; по флегмѣ характера онъ скорѣе походилъ на Нѣмца, нежели на Итальянца и придерживался между прочимъ принципа, что когда жена его или кто иной попроситъ его о чемъ-нибудь, то онъ отвѣчалъ всегда отказомъ, на томъ-де основаніи, что, имѣвъ досугъ размыслить какъ слѣдуетъ о просимомъ, онъ всегда успѣетъ дать согласіе, тогда какъ если согласится съ перваго слова, уже трудно-де будетъ обратиться на попятный дворъ. Жена его, графиня Амалія, была очень милая и образованная особа, въ тѣсной дружбѣ съ моей сестрою.

По первому извѣщенію о кончинѣ князя Видони поспѣшили прибыть изъ Флоренціи, до нашего пріѣзда въ Кремону, старшая моя сестра Марія Дмитріевна Дини и бывшая воспитательница сестры моей Елены, Англичанка миссъ Кларкъ, уже тогда замужемъ за Французомъ г. Флёларомъ, когда-то библіотекаремъ у моего отца въ Флоренціи послѣ Француза г. Аллѐ. При г-жѣ Флёларъ была старшая ея 6-ти лѣтняя дочь Анна (имя данное въ честь нашей матери), но г-жа Флеларъ и сестра моя Дини оставили на попеченіе мужа послѣдней, во Флорентинской подгородной его виллѣ, своихъ двухъ малютокъ-дочерей, и случилось такъ, что въ отсутствіи ихъ матерей обѣ онѣ заболѣли и умерли, отравленныя небрежностію повара, отъ окисленія дурно вылуженной мѣдной посуды. Скорбь сестры моей отъ потери

*) Графъ Соррандзо, еще весьма молодымъ, былъ адъютантомъ у умершаго нынѣ герцога Генуезскаго, брата короля Виктора Эмануила, во время краткаго изгнанія Австрійцевъ изъ Ломбардіи въ 1848 г. при королѣ Карлѣ Албертѣ, и потому по возвращеніи Австрійцевъ находился въ неловкомъ отношеніи къ мѣстному правительству, хотя преслѣдованій ему никакихъ не было. Человѣкъ онъ трезваго весьма сужденія, не увлекающійся ни въ какія политическія крайности.

единственной дочери (хотя у ней оставалось три сына) усиливалась отъ столь несчастнаго случая, постигшаго чужаго ребенка въ ея собственномъ домѣ. Съ того времени все семейство Флёларовъ осталось на щедромъ иждивеніи сестры моей Елены, что̀ было въ ея привычкахъ; но поговорка, что «щедрая рука не оскудѣваетъ,» не совсѣмъ оправдалась относительно ея, и подъ конецъ она совершенно разстроила свое лично (но не дочернее) состояніе неразсчетливостью въ жизни и награжденіями окружавшихъ ее лицъ. Признательный г. Флёларъ началъ съ того же времени добросовѣстно и усердно заниматься личными (но не по опекѣ) дѣлами моей сестры и неутомимо, но тщетно проповѣдывалъ объ экономіи въ ея бюджетѣ.

У умершаго князя Видони былъ родной дядя, кардиналъ Видони, ничѣмъ кажется незамѣчательный кромѣ своею тучностію, проживавшій въ своемъ палаццѣ въ Римѣ. Мать князя Видони была изъ полувладѣтельнаго Австрійскаго дома князей Кёвенгюллеровъ и, какъ таковая, имѣла честь быть помѣщенною въ Готскомъ алманахѣ. Она пережила чуть ли не двадцатью годами своего сына и въ глубокой старости сохраняла умственныя способность, физическую рѣдкую силу, и держалась выпрямившись какъ стрѣла; характера была настойчиваго, склонна къ эгоизму и не долюбливала ни одного изъ двоихъ своихъ сыновей (изъ нихъ графъ Бартоло Видони, старый холостякъ, живъ о сю пору), ни дочери своей, незамужней княжны Изабеллы. Жила̀ она безвыѣздно лѣтомъ и зимою въ замкѣ князей Видони, Санъ-Джіованни, около двухъ часовъ разстоянія отъ Кремоны, предоставленномъ въ ея пожизненное владѣніе, и гдѣ она своеручно копалась въ саду и занималась плантаціями, но скупилась и рѣдко принимала гостей, и такъ достигла почти до ста лѣтъ. Она довольно холодно обращалась съ малолѣтнею внучкою Лили, которую сестра моя считала обязанностію привозить иногда къ своей свекрови; старуха сѣтовала на то, что ребенокъ этотъ былъ не мужскаго пола, вслѣдствіе чего сестра моя ограничивалась одной или двумя поѣздками туда въ годъ. Дочь ея Изабелла, дѣвица уже не первой тогда молодости, была почти что идіотка отъ рожденія, но узнавала поименно своихъ семейныхъ. Она отдѣлена была еще при своемъ отцѣ, но находилась подъ опекою, жила особымъ домомъ въ Кремонѣ, почти что никогда не видалась съ матерью, и при ней неотлучно находилась компаньонка въ родѣ няньки, которую она любила и слушалась. Сохранились однакоже у ней религіозныя понятія, и она любила говорить окружавшимъ ее лицамъ поученія. Это она звала «far la predica», постояннымъ, но единственнымъ, кажется, ея занятіемъ было прясть ленъ на самопрялкѣ, и когда

ей отпускался для этой работы новый льняной пучекъ, она торжественно заявляла о томъ всѣмъ своимъ знакомымъ.

Я уже говорилъ, что наставницею при дочеряхъ моего брата была молодая Каролина Сорелли, воспитанная вмѣстѣ съ сестрой моей Еленою Дмитріевной и сдѣлавшаяся какъ бы дочерью моей матери. Встрѣча моя послѣ десятилѣтней разлуки съ подругою моего отрочества была какъ свиданіе брата съ сестрою, и мы бросились въ объятія другъ другу. Хотя въ Кремонѣ братъ мой пробылъ съ своимъ семействомъ не болѣе одного мѣсяца, племянницы мои принялись однако снова за учебныя свои занятія съ Каролиною, и меня забавляло входить къ нимъ въ класное время и придумывать разныя шутки, чтобы имъ мѣшать заниматься; но скоро строгая исполнительница наставническихъ своихъ обязанностей просила меня прекратить эти посѣщенія въ класное время, потому что младшая моя племянница, Маріанна, принимала шуточныя мои выходки насчетъ наукъ за чистую монету. Вотъ въ чемъ было дѣло. Однажды по поводу урока изъ астрономіи я принялся было серьезнымъ тономъ доказывать этой, особенно любимой мною, дѣвочкѣ, что астрономія ничто иное какъ чушь, потому что никто не можетъ вымѣрить воздушное разстояніе отъ земли до планетъ тѣми же вѣрными способами, коими измѣряются разстоянія на морѣ и на сушѣ, что вся наука основана на однихъ гипотезахъ, и что Каролина преподаетъ эту науку по обязанности и для одной только формы, какъ входящую въ курсъ ея собственнаго ученія. Доводы мои показались настолько удовлетворительными 10-ти лѣтней дѣвочкѣ, что при первомъ слѣдующемъ урокѣ она сказала наставницѣ своей: «А вѣдь чтò ты думаешь! Дядя Мишель правъ; ну какъ ты докажешь мнѣ, что разстояніе отъ насъ до солнца дѣйствительно измѣрено и что измѣреніе вѣрно?»

Старшей моей племянницѣ, графинѣ Аннѣ Петровнѣ, было тогда 13 лѣтъ; она отличалась серіознымъ умомъ и любовью къ занятіямъ, и уже въ то время проявлялась въ ней религіозная наклонность, доведшая ее впослѣдствіи, послѣ долгаго испытанія, до монашескихъ обѣтовъ ордена «le sacré coeur de Jésus». Маріанна же имѣла что-то особенно-привлекательное въ своей наивной довѣрчивости ко всѣмъ ее окружавшимъ и ко всему, чтò бы ни было сказано ей, хотя бы въ шутку. Это была одна изъ тѣхъ нѣжныхъ, любящихъ всю вселенную, не исключая животныхъ, натуръ, готовыхъ на всякое самопожертвованіе и потому легко обреченныхъ на несчастіе, отъ котораго, однакоже, Всемудрый Промыслъ избавилъ ее призывомъ къ Себѣ во цвѣтѣ ея лѣтъ. Уже въ раннемъ своемъ дѣтствѣ она была до того впечатлитель-

на, что, разсказывая сама себѣ какую-нибудь, ею же импровизированную исторію съ горестными приключеніями, она бывало расчувствуется и начнетъ плакать. Собою она представляла типъ настоящей Русской, свѣжей деревенской дѣвушки съ бѣлокурыми волосами, свѣтло лазуревыми глазами, бѣлая и румяная во всю щеку, съ немного широковатымъ носомъ и пухлыми губками, открытымъ лбомъ и полноватаго тѣлосложенія. Она была контрастомъ со старшею своею сестрой, у которой темные глаза (не заимствованные ею ни у отца, ни у матери), обликъ, волоса̀ и оттѣнокъ кожи напоминали дѣвушку южныхъ болѣе, чѣмъ сѣверныхъ странъ. Вся преданная понынѣ дѣлу воспитанія юношества (одна изъ главныхъ цѣлей ордена, куда она поступила), она тѣмъ не менѣе сохранила природную веселость характера, душевную теплоту и привязанность ко всѣмъ намъ, ея свѣтскимъ роднымъ, и благоговѣетъ по сю пору передъ своею матерью. Она отрицаетъ всякую иную свою національность кромѣ Русской, хотя, конечно, не знаетъ ни одного слова порусски, и если бы возможно было согласовать взгляды Римскаго католичества съ событіями, совершающимися въ нашемъ отечествѣ, то она была бы горячею Русскою патріоткою [1]). Какъ надежный членъ своего ордена, она была посылаема иногда ревизовать учебныя заведенія того ордена, раскинутыя въ Австріи и во Франціи, но центръ и главная дирекція ихъ всегда въ Римѣ [2]).

После почти четырехнедѣльнаго пребыванія всѣхъ членовъ нашего семейства въ Кремонѣ, общество наше мало-по-малу стало рѣдѣть. Первыми тронулись братъ мой съ семействомъ на зиму во Флоренцію, а такъ какъ были холерные случаи въ сѣверной Италіи, то учрежденъ былъ санитарный кордонъ на границѣ Церковной Области, не доѣзжая Болоньи, гдѣ братъ съ семействомъ выдержали двухнедѣльный, если даже и не болѣе, карантинъ. Собрались вскорѣ въ путь жена и я, такъ какъ дальнѣйшее замедленіе въ Кремонѣ сдѣлало бы переѣздъ до Флоренціи тяготительнымъ для жены, по случаю ея беременности; но, для избѣжанія карантинной задержки по почтовому тракту чрезъ Болонью, мы отправились медленною ѣздою на каретныхъ лошадяхъ матери моей, прибывшихъ въ Кремону, съ ея толстымъ куче-

[1]) Графиня Анна Петровна поступила въ монахини въ 1848 или 1849 году. Года два или три спустя поступила также туда сестра ея графиня Маріанна Петровна и умерла, кажется, чахоткою, въ 1850 году.

[2]) Безсмысленно, по моему, гоненіе, которому подвергся этотъ педагогическій отчасти орденъ со стороны правительства новаго Итальянскаго королевства при завладѣніи имъ восточными частями церковныхъ областей въ 1859 году. Преслѣдованіе это основано на ненависти къ клерикальному элементу и на томъ-де, что Іезуиты имѣютъ вліяніе на сказанный женскій орденъ.

ромъ Піетро, чрезъ Парму, Модену и Реджіо, а оттуда прямикомъ по малопроѣзжей непочтовой, хотя шоссейной дорогѣ, чрезъ Аппенинскія горы и съ нихъ спустились въ первый Тосканскій городъ Пистоію [1]). Въ Пармѣ, гдѣ мы провели почти сутки для отдыха жены, я, проходя по главной городской площади, увидалъ карету Пармской тогдашней герцогини Маріи-Луизы, выѣзжавшей изъ своего дворца, поспѣшилъ навстрѣчу экипажа въ надеждѣ разсмотрѣть вблизи вдову Наполеона I-го, но попалъ на ту сторону, гдѣ сидѣла у окна ея штатсъ-дама. Вторымъ ея мужемъ былъ Австрійскій генералъ Нейпергъ, по смерти коего она вышла замужъ за своего камергера графа де-Бомбелли, брата бывшаго въ 20-хъ годахъ Австрійскимъ посланникомъ при Тосканскомъ дворѣ; онъ, при разговорѣ о ней, называлъ ее «mon illustre belle-soeur». Противъ обвиненія, что этими браками она роняла свое достоинство, защитники ея возражали, что она никогда не любила своего вѣнценоснаго супруга; но если это и правда, всетаки слѣдовало бы ей дорожить славою его имени.

По административному, санитарному распоряженію властей крошечнаго Моденскаго герцогства, чемоданы и важи нашей кареты не подвергались вскрытію и окуркѣ внутреннихъ вещей; но ихъ только запечатали съ приложеніемъ пломбъ, и одинъ экипажъ окурили снаружи, послѣ каковой операціи наклеили на кузовъ и на чемоданы надписи съ курьезною редакціею «purgato di fuori, sporce di dentro», т. е. очищено снаружи, пакостно внутри, и отпустили насъ съ миромъ, взявъ съ насъ ничтожную, помнится мнѣ, контрибуцію. Я уже говорилъ, что съ Аппенинскаго спуска въѣзжаешь тотчасъ въ Тосканскій городъ Пистоію, но не досказалъ, что онъ извѣстенъ въ древней исторіи тѣмъ, что Римскій заговорщикъ Катилина, послѣ пораженія своихъ сообщниковъ, былъ тамъ убитъ, и одна изъ улицъ сохранила по сю пору названіе могилы Катилины (tomba di Catelina); но слѣдовъ ея, кажется, не имѣется.

Приближаясь къ Флоренціи и затѣмъ къ родительскому крову въ улицѣ «via dei Servi» [2]), изъ коего я десять ровно лѣтъ предъ тѣмъ выѣхалъ какъ будто бы искателемъ приключеній на чужбину, оставивъ тамъ отца моего въ живыхъ, я былъ сильно взволнованъ. Жена

---

[1]) Немногимъ, чай, извѣстно, что *пистолетъ* названъ этимъ именемъ по той причинѣ, что былъ первоначально изобрѣтенъ въ городѣ Пистоіѣ, славившемся въ среднихъ вѣкахъ своими оружейными заводами.

[2]) „Servi“, по итальянски значитъ слуги, отъ имени монастыря ордена „Servi di Santa Maria“ (слуги Святой Маріи) при церкви „Santissima Annunziata“ (Святое Благовѣщеніе), на площадь коей выходитъ улица, гдѣ стоитъ нашъ палаццо.

моя не могла въ томъ мнѣ сочувствовать, ибо она вступила въ незнакомую ей семью, Русскую лишь номинально. Помнится мнѣ, что въ «Семейной Хроникѣ» С. Т. Аксакова имѣется гдѣ-то удачный весьма отчетъ того, что̀ ощущалъ молодой Багровъ въ разные періоды его жизни, когда онъ подъѣзжалъ къ родной усадьбѣ, гдѣ протекло раннее его дѣтство, и какъ эти ощущенія, столь отрадныя во время молодости, постепенно стали измѣняться и впослѣдствіи при его старости приняли мрачно-болѣзненный оттѣнокъ. Это-то самое психическое разстройство ощущалъ и я не въ 1836 году, а въ послѣднюю мою поѣздку во Флоренцію въ 1862 году, съ тою скорбною для меня разницею, что въ свѣтской обстановкѣ устарѣлаго автобіографа Багрова не произошло никакой особенной перемѣны въ сравненіи съ его молодостью, а я, павъ въ житейскую нищету, осиротѣлый душою и временно одинокій, возвращался въ родительскій домъ, гдѣ въ послѣднюю мою передъ тѣмъ бытность я жилъ съ молодымъ своимъ семействомъ самостоятельною жизнію, въ роскоши, при блестящихъ свѣтскихъ условіяхъ и имѣя предъ собою улыбающуюся будущность. Все это кружилось въ моей головѣ по мѣрѣ моего приближенія къ Флорентинскому нашему паллацо въ сказанный 1862 годъ, и я сталъ какъ бы недоумѣвать, не сномъ ли была прежняя моя тамъ съ женою жизнь, или не галлюцинаціею ли было мое послѣднее туда возвращеніе? Я теперь понимаю, какъ тяжело, не отупѣвъ морально, «se survivre à soi-même» *). Но ничего подобнаго не было въ 1836 году: тогда горизонтъ мой, изъ-подъ призмы волшебницы, называемой молодостію, ничего не предвѣщалъ страшнаго. Были, конечно, тучки въ образѣ запутанныхъ денежныхъ моихъ обстоятельствъ, но онѣ улетучивались въ надеждѣ на *авось*.

Подъѣзжая къ крыльцу нашего палаццо, мы повстрѣчались съ выходившимъ изъ него на улицу г. Слоаномъ, съ которымъ я не видался со времени грубой моей съ нимъ выходки три года передъ тѣмъ въ моемъ домѣ въ Порзняхъ. Я спустился съ заднихъ козелъ (мое обычное мѣсто въ дорогѣ), мы обнялись, и онъ шепотомъ мнѣ на ухо и съ видимымъ чувствомъ попросилъ, чтобы всѣ предыдущія межъ нами неудовольствія преданы были забвенію; но я долженъ сознаться, что примиреніе не было полнымъ съ моей стороны, а изъ словъ его я усматривалъ какъ будто бы самопризнаніе, что въ одномъ щекотливомъ случаѣ онъ не былъ правъ противъ меня.

Вдвоемъ съ женою мы заняли огромный нашъ домъ (со включеніемъ, впрочемъ, г. Слоана, имѣвшаго двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ)

*) Пережить самого себя.

и помѣстились въ приготовленномъ для насъ отдѣльномъ апартаментѣ въ 3-мъ этажѣ. Добраться до него было не совсѣмъ легко, по 80 почти ступенямъ, и потому я устроилъ носилки, на которыхъ самъ, съ помощію одного изъ домашнихъ слугъ, переносилъ мою жену въ наши компаты. Братъ мой съ семействомъ до нашего пріѣзда поселился въ палаццо Джерини (Gerini) въ сосѣдней намъ улицѣ «Кокомеро», съ окнами, выходившими въ садъ нашего палаццо, и къ нему мы ежедневно отправлялись обѣдать до возвращенія матери моей во Флоренцію, съ коей съ того времени мы держали столъ на общій нашъ счетъ. Выѣзды жены ограничивались прогулками въ Кашины, но мы чаще ходили съ нею пѣшкомъ по городу. Весь вечеръ она проводила у невѣстки моей гр. Авроры Осиповны, и я отправлялся одинъ въ оперу и былъ пріятно пораженъ музыкальною революціею, совершенною молодыми композиторами Беллини, Донидзетти и братьями Риччи, отбросившими окончательно методъ руладъ и фіоритуръ (agilité de voix) Россиніевскаго стиля, бывшаго въ полной модѣ, когда десять лѣтъ предъ тѣмъ я жилъ въ Италіи. Оперы новаго репертуара тогда въ славѣ были Анна Болена, Паризина, Лукреція Борджіа, Эликсиръ д'аморе и только что поставленная на Парижской и Болонской сценахъ Марино-Фаліеро, всѣ Донидзетти, и Норма, Сомнамбула, Пуритани, Беатриче ди Тенда, Монтекки и Капулетти, недавно предъ тѣмъ умершаго Беллини; остальныя двѣ его же оперы, Страніера и Пиратъ, рѣдко уже давались. Недостатокъ выработки Беллиніева таланта особенно замѣтенъ въ этихъ двухъ послѣднихъ операхъ (въ первыхъ его произведеніяхъ): онѣ хотя переполнены мелодіею, но грѣшатъ слабостію инструментаціи и отсутствіемъ энергіи и «morceaux d'ensemble», то есть терцетовъ (тріо), квартетовъ и эффектныхъ финаловъ. Спеціальность Беллини состояла въ гармоніи мотивовъ (поитальянски cantinela), но недоставало ему одушевленія. Одинъ изъ двухъ братьевъ Риччи сразу стяжалъ популярность буффовою своею оперою Скарамуччія. Были, впрочемъ, попытки въ родѣ музыкальной реакціи со стороны одного композитора Коппола, желавшаго возвратиться къ стилю до-Россиніевской эпохи, т. е. къ Паизіеллю, Чимарозѣ или Цингарелли, для чего воскресилъ онъ забытый сюжетъ «Нины или сумасшедшей отъ любви», сочин. Паизіелля, которая, въ концѣ прошлаго вѣка, имѣла всеобщій Европейскій успѣхъ; но нововведеніе на старый ладъ не удалось, хотя тотъ же Коппола поставилъ на сцену вторую свою оперу «La festa della rosa» (Праздпество розы). Итальянская публика удивительно какъ чутка ко всѣмъ оттѣнкамъ и недостаткамъ опернаго вокальнаго исполненія, и не стѣсняясь громко высказываетъ свое одобреніе или свои возраженія при первыхъ представленіяхъ новой какой-нибудь оперы, и по-

тому она лучшая школа для дебютантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ и даже для композиторовъ.

На главномъ театрѣ Пергола шли въ тотъ осенній сезонъ двѣ оперы: «Il furioso» (Донидзетти) и «Эдуардъ Стуартъ въ Шотландіи,» забытаго нынѣ композитора Коччи» [1]).

Чтобы освѣжить, такъ сказать, запущенность моего метода пѣнія, я отыскалъ прежняго своего учителя Маніелли [2]); но на все есть свое время, и я вскорѣ убѣдился, что престарѣлый мой маэстро, когда-то въ большой славѣ, уже не годился для современной школы пѣнія, требующей болѣе драматической энергіи, чѣмъ патетичности,—направленіе, котораго онъ не одобрялъ, и потому я скоро съ нимъ разстался и съ тѣхъ поръ довольствовался однимъ слушаніемъ и подражаніемъ славящихся тогда басовъ-баритоновъ Козелли, Варезе и въ особенности Ронкони, подражая послѣднему даже въ его крикахъ, и тѣмъ, можетъ быть, подорвалъ свои высокія грудныя ноты, и тѣмъ болѣе, что при малѣйшей возможности я силился на теноровыя партиціи, сѣтуя на свою натуру, что я не настоящій теноръ.

Завлекшись музыкальнымъ отчетомъ, не сказалъ я въ своемъ мѣстѣ, что, почти по пріѣздѣ въ Флоренцію, я поспѣшилъ въ Ливорно, поклониться праху моего отца. Могила его, не то чтобы была забытою прочими членами моего семейства, но по невѣротерпимости Латинянъ, называющихъ насъ схизматиками, сирѣчь, раскольниками, мѣсто, гдѣ погребенъ мой отецъ, для нихъ считается запретнымъ, какъ находящееся внутри зданія иновѣрческаго для нихъ храма [3]). При Ливорнской Греческой церкви не было уже священника Іоахима Валламонте, удаленнаго по какому-то неудовольствію на него прихожанъ, и самого его въ то время не было въ Ливорнѣ. Когда же, вскорѣ послѣ сего, онъ возвратился изъ своей родины (Іоническихъ острововъ), то его уже не опредѣлили на прежнее его мѣсто.

По пріѣздѣ во Флоренцію я отпустилъ своего камердинера Поляка, взятаго во Львовѣ, и нанялъ Флорентинца Габріелло, который

---

[1]) По скучнѣйшему принятому правилу, въ Итальянскій оперный сезонъ входятъ всего только двѣ и въ рѣдкихъ весьма случаяхъ три оперы.

[2]) Напоминаю, что этотъ г. Маніелли формировалъ даровитую нашу Московскую диллетантку Екатерину Александровну Соймонову. Имя этого маэстра помѣщено въ числѣ композиторовъ церковной музыки во Французскомъ біографическомъ лексиконѣ музыкантовъ, Фетиса.

[3]) Я уже упомянулъ гдѣ-то прежде о переданномъ мнѣ Александромъ Адріановичемъ Дивовымъ, что когда въ бытность его въ Американскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ, получено было имъ извѣстіе о кончинѣ его отца, патеры эти запретили ему молиться объ упокоеніи души его родителя.

для меня былъ свой, такъ сказать, человѣкъ, потому что еще мальчикомъ находился подъ рукою у нашего буфетчика въ первые годы семейнаго нашего переѣзда во Флоренцію и, обращаясь въ то время въ кругу Русской прислуги, имѣлъ притязаніе, совершенно впрочемъ ошибочное, болтать по-русски.

Однообразная наша жизнь начинала меня тяготить, и отъ нечего дѣлать я отправлялся послѣ обѣда бродить по улицамъ, безъ всякой особенной цѣли, и заходилъ въ магазины купить какую нибудь бездѣлушку женѣ, также въ свою очередь скучавшей этою жизнію....

Такъ какъ пускаться въ мѣстное, новое общество безъ жены мнѣ не хотѣлось, то я довольствовался возобновленіемъ знакомства съ поселившимся тамъ давно Григоріемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ и его женою, Француженкою, о коей было уже говорено, и съ временно проживавшей во Флоренціи княгинею Маріею Аркадьевною Голицыною, урожденной княжной Суворовой, въ салонѣ коей я видѣлъ скульпторку дѣвицу де-Фово́ (изъ ярыхъ Французскихъ аристократическихъ легитимистокъ) и знаменитаго историка Сисмонди*); но и у Орловыхъ, и у княгини Голицыной, я весьма рѣдко бывалъ. Съ Анатоліемъ Николаевичемъ Демидовымъ, проживавшимъ тогда въ пышной загородной своей виллѣ Санъ-Донато, я не искалъ, не знаю почему, возобновить отроческое мое знакомство, хотя съ того времени я однажды встрѣтился съ нимъ въ 1830 году въ Петербургѣ на пасхальной заутренѣ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ онъ, какъ камеръ-юнкеръ, участвовалъ въ церемоніалѣ царскаго выхода; со мною онъ обошелся тогда весьма дружелюбно и напомнилъ мнѣ о юношеской нашей шалости въ 1819 или 1820 году, когда по моему наущенію мы запрягли лошадь въ прекрасную дѣтскую коляску, имъ только что подаренную моей меньшей сестрѣ; съ лошадью мы не умѣли справиться, она понесла и разбила въ дребезги коляску, отъ чего мнѣ порядочно досталось отъ моего отца.

Сопровождалъ я разъ г. Слоана на балъ хорошаго его знакомаго, зажиточнаго Американца г. Томсена, поселившагося лѣтомъ и

*) Княгиня М. А. Голицына въ то время или немного позднѣе предалась, какъ слышно было, особому мистицизму, кончившемуся будто-бы переходомъ въ протестантство. Изъ Италіи она переѣхала на жительство въ Швейцарію.—Въ упомянутомъ историкѣ Сисмонди Итальянскаго была одна его фамилія, самъ же былъ онъ Швейцарецъ и написалъ извѣстную свою „Исторію Итальянскихъ средневѣковыхъ республикъ“ по-французски.

зимою на загородной виллѣ маркиза Пуччи *), каковая мѣстность была знакома мнѣ съ дѣтства по близости съ виллою Гонди, которую занимали мы лѣтомъ 1818 года. На балѣ у г. Томсена я познакомился съ даровитымъ молодымъ Итальянскимъ живописцемъ Карломъ Ливерати, рано для искусства похищеннымъ скоротечною чахоткою.

Мать моя, съ неразлучною при ней Екатериною Ивановною Леруа, возвратилась во Флоренцію въ началѣ Января. Вскорѣ потомъ пріѣхала туда же сестра моя Елена Дмитріевна съ дочерью Лили. Жизнь наша шла тѣмъ же почти монотоннымъ порядкомъ, какъ и прежде до конца Февраля, когда приблизилось время родовъ моей жены. Всѣ подробности и почти что минуты кануна и самаго дня 24 Февраля (по заграничному 8 Марта) для меня и для жены знаменательнаго, развиваются и понынѣ въ памяти моей, какъ будто бы дѣло шло о вчерашнемъ днѣ. Ни годы, ни рядъ испытаній не изгладили свѣжести дѣйствительности, и чрезъ 17 лѣтній пробѣлъ эра 28 Февраля 1837 года сливается съ другою, потрясшею обоихъ насъ 26 Марта 1854 г. въ Рязани, неожиданностію катастрофы, когда обожаемой нашей Анетины не стало.

Прерываю разсказъ, чтобы переждать волненіе, овладѣвающее всегда мною при этомъ воспоминаніи, и перехожу къ свѣтскому положенію обѣихъ старшихъ моихъ сестеръ, о которомъ говорилось лишь вскользь.

Обѣ сестры мои, вышедшія замужъ при жизни отца, получили въ приданое около 300 тысячъ рублей ассигнац. (85 тысячъ рублей серебр.) наличными деньгами каждая, для чего заложены были въ Россіи, чрезъ посредство Ѳед. Александр. Голубцова, имѣнія нашего отца: капиталъ весьма въ то время значительный повсюду, а еще болѣе въ Италіи, гдѣ дворянство, въ имѣніяхъ коего не имѣлось маіоратства, находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Къ несчастію, брачные договоры сестеръ моихъ (contrats de mariage) основаны были на мѣстныхъ обычаяхъ, по коимъ одно изъ условій договора опредѣляетъ, что вносимое женою денежное приданое поступаетъ въ общій составъ мужнинаго состоянія (mariage en communauté de biens), хотя въ иныхъ, помнится мнѣ, случаяхъ женинъ капиталъ приданаго обезпечивается (hypothèque) мужнинымъ недвижимымъ имуществомъ. Мужъ старшей моей сестры, г. Джіованни Дипи-Кастелли, владѣлъ, обще съ двумя своими братьями Петромъ и Александромъ, номинально состояніемъ, но

*) Мужъ Паолины Ненчини, уѣхавшей отъ него и впослѣдствіи вышедшей за мужъ за г. Хитрова.

обремененнымъ значительными долгами, а раздѣла между собою онп не учинили ни тогда, ни впослѣдствіи. Зять мой надѣялся жениными деньгами выплатить всѣ долги, не прибѣгая къ продажѣ имѣній, коихъ было три, и сверхъ того большаго дома во Флоренціи, но не достигъ своей цѣли. Разсудительнѣе и справедливѣе, конечно, было бы отдѣлиться ему отъ своихъ братьевъ и приданое жены употребить на приходившуюся ему часть изъ общаго имѣнія; на это онъ не рѣшился изъ состраданія, можетъ быть, къ братьямъ, коимъ было бы весьма затруднительно вывернуться безъ этого способа, сверхъ чего онъ могъ принять въ соображеніе, что по бездѣтству обоихъ своихъ братьевъ (хотя Піетро Дини былъ женатъ) все родительское имѣніе имѣло, рано или поздно, возвратиться къ его, Джіованновымъ, дѣтямъ. Онъ былъ честный и отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, хорошій мужъ, почтительный къ нашимъ родителямъ и весьма родственный въ его обращеніи съ нами всѣми. Онъ съ увлеченіемъ болѣе, кажется, чѣмъ съ знаніемъ предался сельскому своему хозяйству, а въ денежныхъ оборотахъ, безъ коихъ трудно бы ему вести это дѣло, былъ, по видимому, весьма не свѣдущъ. Тогда (въ концѣ 1836 года) у сестры моей было три сына: Дино 9 лѣтъ, Августинъ 7 или 8 лѣтъ, и Джуліо около 5 или 6 лѣтъ; позднѣе, въ 1837 году, родился послѣдній, Піетро. У зятя моего Джіованни Дини было, какъ я уже говорилъ, два брата; самъ онъ былъ средній изъ нихъ и 10 или 11-ми годами моложе брата своего Піетро Дини, коего я молодымъ не знавалъ, ибо когда я былъ мальчикомъ 12 или 13 лѣтъ, онъ уже былъ «un ci-devant jeune homme», особенно изящно одѣвался (таковыхъ модниковъ звали тогда Англійскимъ прозвищемъ «дэнди»), съ перетянутою въ рюмку таліею и туго накрахмаленнымъ галстухомъ, въ которомъ утопалъ по тогдашней модѣ подбородокъ почти что до ушей. Заискивалъ онъ интимности у Англійскихъ и Русскихъ туристовъ, былъ первымъ и, пожалуй, наилучшимъ танцоромъ мазурки, танца весьма еще мало тогда въ ходу (говорю о началѣ 20-хъ годовъ) за границей. Онъ принадлежалъ къ числу Флорентинскихъ англомановъ, виднымъ представителемъ коихъ былъ пожилой уже маркизъ Торреджіани, получившій отъ уличнаго люда саркастическое прозвище «Inglesi scapati di Peretola» (Англичане-бѣглецы изъ подгороднягo Флоренціи селенія Перетолы). Благодаря своему космополитизму, г. Піетро Дини натерся лоскомъ высшаго иностраннаго общества и тѣмъ отличался отъ своихъ соотечественниковъ, людей вообще отсталыхъ, удовлетворительно весьма говорилъ по-французски, вещь необщая всѣмъ тогдашнимъ Флорентинцамъ; словомъ, былъ *«un homme très comme il faut»* высшаго круга, но заниматься чѣмъ нибудь

серіознымъ не было въ его натурѣ [1]). Зять мой Джіованни былъ плотный, здоровый и выше обыкновеннаго роста мужчина, но немного неуклюжеватъ и сбивался на *фармера* [2]), съ молодости за элегантствомъ не гнался и за барынями не ухаживалъ, но былъ меломаномъ и за плюху (кажется) данную имъ когда-то въ театрѣ одному господину, по поводу спора о достоинствѣ пѣвицы Лауренціани, просидѣлъ въ полиціи. Меньшой его братъ Алессандро былъ старый холостякъ и бирюкъ, и изрѣдка только показывался въ домѣ моихъ родителей, тогда какъ старшій Піетро былъ у насъ свой человѣкъ, и съ сестрами моими и со мною на ты. Всѣ трое нигдѣ не служили, такъ какъ весьма мало вообще лицъ изъ Флорентинской аристократіи находилось на службѣ, что́ однако не мѣшало Піетру Дини имѣть доступъ къ великогерцогскому двору, во время осенняго обычнаго пребыванія двора на виллѣ Поджіо-а-Каіано, гдѣ онъ гостилъ по нѣскольку дней [3]).

Однажды во время *вилледжіатуры* [4]) великогерцогскаго двора, случилось, что г. Піетро Дини сдѣлалъ открытіе, что изъ всего его гардероба одна лѣтняя пара штановъ какъ-то особенно хорошо сидѣла на немъ, коей онъ и далъ предпочтеніе для придворныхъ вечеровъ, и потому то и дѣло что отсылалъ ее для стирки во Флоренцію къ моей сестрѣ (такъ какъ хозяйствомъ всего дома завѣдывала она), къ немалому ея удивленію и отчасти затрудненію. По семейнымъ разсказамъ, отецъ троихъ Дини насильственно будто бы женилъ своего сына г. Піетро еще несовершеннолѣтнимъ на крестьянской дѣвушкѣ (contadina), изъ которой вышла однакоже весьма почтенная женщина (въ 1825 и 1826 г. я засталъ ее еще въ живыхъ), но по воспитанію своему она не могла быть въ обществѣ, въ коемъ вращался ея мужъ, который поэтому велъ жизнь холостяка; дѣтей у нихъ никогда не было. Старая г-жа Дини умерла около того времени, какъ сынъ ея Джіованни женился на моей сестрѣ, т. е. между 1824 и 1825 годами; а какъ я въ

---

[1]) Г. Піетро Дини умеръ не такъ давно совершенно ослѣпшимъ. Странно, что три лица, съ коими связаны были раннія мои воспоминанія, а именно тетка моя графиня Марія Артемьевна Воронцова, г. Милліарини и г. Піетро Дини, всѣмъ, коимъ было круглымъ счетомъ въ 1863 г. по 85 лѣтъ каждому, какъ будто-бы выжидали повидаться еще разъ со мною и умерли въ одно приблизительно время послѣ моего оттуда отъѣзда.

[2]) А не *фермера*, какъ принято нашею литературою, потому что прототипное Англійское слово „farmer", произносится „фармеръ".

[3]) Императоръ Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна посѣтили эту виллу и записали свои имена на одной изъ дворцовыхъ стѣнъ, или въ павильонѣ. Разстояніе Поджіо-а-Каіано отъ Флоренціи около 15 верстъ.

[4]) „Villedgiatura" значитъ пребываніе на дачѣ; сезонъ этотъ продолжается обыкновенно до половины Ноября.

то время находился въ Одессѣ съ г. Слоаномъ, то никогда ея не видалъ.

Мужъ второй моей сестры граф. Елисаветы Дмитріевны, маркизъ Клавдій де-Сейссель д'Эксъ (marquis de Seyssel d'Aix en Savoie), носившій одно время титулъ маркиза Соммаривы, отъ мѣстности, гдѣ находился семейный его замокъ Соммарива-дель-Боско, былъ первоначально (какъ о томъ уже сказано) адъютантомъ и любимцемъ Кариньянскаго принца, впослѣдствіи короля Карла Алберта. Во время смутъ въ сѣверной Италіи въ 1821 году, маркизъ Клавдій, вѣрный долгу и чести, дрался съ однимъ своимъ эскадрономъ съ возставшею чернью въ Генуѣ и тѣмъ далъ отпоръ революціонному движенію до прибытія подкрѣпленій; но подвигъ былъ купленъ истребленіемъ почти всего эскадрона храбрецовъ, и самъ маркизъ былъ весь изувѣченъ [1]). По восшествіи на престолъ двуличнаго Карла-Алберта [2]), зять мой былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (général de camp), а много позднѣе, въ Итальяно-австрійскую войну 1849 года, удержалъ съ своею кавалерійскою бригадою натискъ Австрійской арміи подъ Піяченцою и тѣмъ далъ время Піемонтской арміи отступить въ порядкѣ; но, примкнувъ въ Миланѣ къ разбитому фельдмаршаломъ Радецкимъ Карлу-Алберту (прозванному своими сторонниками «шпагою Италіи», la Spada d'Italia), онъ вмѣсто должной ему благодарности за услугу встрѣтилъ холодный пріемъ и даже чуть-ли не выговоръ, чтó заставило его оставить службу. Изъ себя онъ былъ высокій и видный, и не будь лице его испещрено слѣдами оспы, то былъ бы почти красавцемъ; сердца былъ незлобнаго, но характеромъ вспыльчивъ до бѣшенства, не укротившагося годами. Раздражительность эта поддерживалась употребленіемъ спиритуозныхъ напитковъ, и бѣдная и кротчайшаго нрава сестра моя много перенесла отъ него; наконецъ, дѣло дошло до того, что его же родные, весьма любившіе мою сестру, убѣдили ее бѣжать изъ дому съ меньшою дочерью Алиною къ нашей матери, тогда находившейся въ Римѣ. Это произошло въ началѣ 50-хъ годовъ, и съ тѣхъ поръ сестра моя не встрѣчалась болѣе съ своимъ мужемъ до его кончины, происшедшей въ 1861 или въ началѣ 1862 года. Двоюродными его братьями были два брата маркизы Ламармора, одинъ изъ коихъ (кажется Альфонсъ) былъ военнымъ министромъ въ послѣднюю

---

[1]) Онъ получилъ, помнится мнѣ, семь ранъ отъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. Воинственная его наружность выказывала его чѣмъ онъ былъ: неустрашимый рубака и отличный кавалеристъ.

[2]) Таковымъ по крайней мѣрѣ звали его современники тѣхъ событій, потому что, сочувствуя сначала заговору либеральной революціонерной партіи, онъ позднѣе выдалъ своихъ единомышленниковъ.

войну 1866 г. Итальянцевъ съ Австрійцами. Но когда маркизъ Клавдій былъ въ духѣ и ничѣмъ не встревоженъ, то являлся забавнымъ разсказчикомъ и дома у себя любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ. Онъ разсказывалъ объ одной близкой ему родственницѣ, горбатой дѣвицѣ (фамилію ея я забылъ), захотѣвшей во что бы ни стало выйти замужъ, и когда мать ея представляла ей, что по сложенію своему она можетъ умереть въ родахъ, дочь отвѣчала, что предпочитаетъ умереть мученицею, нежели дѣвственницею («j'aime mieux mourir martyre, que vierge»). Частою темою для остротъ маркиза Клавдія служило религіозное направленіе матери моей, графини Авроры Осиповны и его жены; брата моего онъ звалъ «le commis voyageur», по поводу частыхъ его, дѣйствительно, странствованій, и изъ всего нашего семейства болѣе прочихъ онъ любилъ меня, потому-де что я повѣса и гуляка (parce que c'est un mauvais sujet). Внесенное приданое моею сестрой казалось долго обезпеченнымъ; но, ко всеобщему удивленію, дѣла по смерти ея мужа оказались въ ужасномъ разстройствѣ, и изъ ея денегъ ничего почти не осталось. У маркиза Клавдія былъ большой собственный домъ въ Туринѣ, замокъ (уцѣлѣвшій понынѣ) Соммарива-дель-Боско, разстояніемъ часахъ въ двухъ отъ Турина, и почти что прилегающее къ землямъ сказаннаго замка значительное имѣніе Кераско, въ Альпійскихъ горахъ, а въ Савойской провинціи замокъ д'Эксъ, нынѣ проданный *). У него были два брата, умершіе холостыми прежде него; ихъ я не знавалъ.

О меньшой моей сестрѣ, княгинѣ Видони, я уже говорилъ. Весьма странно, что изъ огромнаго состоянія нашего отца у пятерыхъ его дѣтей ничего почти не осталось: ибо касательно брата моего графа Петра Дмитріевича, изъ вырученныхъ капиталовъ за выходъ на волю крестьянъ слободы Бутурлиновки, чуть ли не половинная часть пропала отъ неудачныхъ помѣщеній денегъ, какъ повѣреннымъ его Иваномъ Антоновичемъ Кавецкимъ, такъ, кажется, и самимъ братомъ моимъ въ Италіи. И этой прискорбной случайности коренная, хотя косвенная, причина лежитъ въ католицизмѣ. Не будь сестры мои католички, онѣ вышли бы за Русскихъ и владѣли бы своими придаными, на основаніи нашихъ законовъ; и не обратись братъ мой въ католицизмъ, не было бы ему повода эмигрировать, а какъ онъ былъ человѣкъ расчетливый и хорошій сельскій хозяинъ, то состояніе его, пожалуй, даже бы и умножилось.

---

*) Старинный домъ въ имѣніи Кераско имѣлъ историческое значеніе, потому что въ одной изъ его залъ былъ подписанъ въ 1631 году мирный договоръ между Французскимъ королемъ Людовикомъ XIII и Савойскимъ герцогомъ Амедеемъ.

Возвращаюсь къ Флорентинской жизни въ началѣ 1837 года. Приходо-расходною частію по дому моей матери, выдачею жалованья служившимъ при ней людямъ и прочимъ, завѣдывалъ, со временъ моего отца, *маестро-ди-каза* г. Дженовини, преемникъ по мѣсту віолончелиста Пуччини, бывшій долго конторщикомъ или бухгалтеромъ во Флорентинскомъ банкирскомъ домѣ гг. Борри и комп., чрезъ коего получались изъ Россіи всѣ деньги съ самаго переѣзда нашего семейства въ 1817 году во Флоренцію. Годовой приходъ при жизни нашего отца простирался приблизительно до 300 тыс. франковъ, иногда быть можетъ нѣсколько болѣе, и потому всѣ семейные наши разсчеты съ сказанными банкирами возлагались на г. Дженовини, человѣка, представлявшаго олицетворенную честность. Въ послѣднее десятилѣтіе жизни моего отца, г. Дженовини не пропускалъ являться къ нему каждый вечеръ, безъ всякаго особеннаго дѣла, и просиживалъ возлѣ него неподвижно и не открывая рта, безсознательно вперивъ глаза (одинъ изъ коихъ былъ съ бѣльмомъ) на игравшихъ въ вистъ, къ чему отецъ нашъ пристрастился во Флоренціи, тогда какъ въ Россіи онъ никогда не игрывалъ; но не менѣе того, нашъ господинъ, маестро-ди-каза, никогда, повидимому, не могъ достигнуть до пониманія этой игры, къ общей досадѣ, потому что можно было бы превратить его въ партнёра нашему отцу, въ случаѣ нужды. Онъ былъ глубоко преданъ всему нашему семейству, безцеремонно говорилъ нашимъ дамамъ «cara mia» (изреченіе по-итальянски крайне фамильярное) и чуть ли не до самой кончины матери моей завѣдывалъ ея домомъ и Флорентинскими ея дѣлами *).

Со времени возвращенія моей матери изъ Кремоны во Флоренцію, я платилъ въ общій расходъ мою съ женою часть и на содержаніе двухъ находившихся при ней женщинъ (второю была ея горничная молодая Флорентинка Джертруда, такъ какъ Аленушка готовилась въ няньки будущему нашему ребенку). Этотъ нашъ расходъ простирался, помнится мнѣ, до 130 скудовъ въ мѣсяцъ (около 200 рублей); сюда входили столъ, отопленіе, освѣщеніе нашего апартамента (изъ четырехъ комнатъ), утренній и вечерній чай и сахаръ; кромѣ того, мы пользовались каретою моей матери, рѣдко весьма выѣзжавшей. Она ежедневно вставала въ 6 часовъ, отправлялась пѣшкомъ въ ближнюю къ палаццо церковь «Санъ-Микеллино» и, пробывъ тамъ раннюю читанную (не пѣтую) обѣдню, «messe basse», приходила домой, и всѣ мы собирались къ 9 часамъ къ семейному чаю, который она сама разли-

*) Въ 1863 г. онъ еще былъ живъ, но въ умалишенномъ состояніи и не вставалъ почти съ постели.

вала при Русскомъ самоварѣ: вещь отъ насъ перешедшая въ употребленіе ко многимъ во Флоренціи, тогда какъ до того времени употреблялись для того металическія лишь урны со спиртовою конфоркою снизу [1]).

Я уже говорилъ, что братъ мой жилъ съ семействомъ отдѣльнымъ отъ насъ домомъ. Невѣстка моя (графиня Аврора Осиповна) вывезла съ собою изъ нашего юго-западнаго края двухъ горничныхъ; не то, чтобы были онѣ настоящія Польки, а скорѣе, думается мнѣ, дворовыя хохлачки тамошнихъ Польскихъ помѣщиковъ, а можетъ быть изъ самой Таганчи, взятыя съ малолѣтства въ домъ, и потому ополяченныя и обращенныя въ католицизмъ. Объ одной изъ нихъ я утвердительно почти могу сказать, что она была первоначально православною. Когда наша Алена Андреева сблизилась съ ними, то онѣ не преминули попытать прозелитировать свою полуземлячку, и забавною весьма выходила обличительная религіозная контроверсія съ обѣихъ сторонъ. Католички выставляли упрекомъ, что мы не признаемъ папы, тогда какъ онъ по преемству отъ св. Петра есть глава христіанской церкви, противъ чего доморощенная наша богословка возражала, что «у васъ, дескать, причащаются облаткою, ксензы брѣютъ бороды, умершихъ выносятъ хоронить головою впередъ (значитъ, задомъ), а главное, что собаки пускаются въ ваши храмы [2]); вы-молъ творите крестное знаменіе съ лѣва на право», и прочія обрядовыя подобныя разницы. Но пуще всего пришла въ азартъ наша Аленушка, когда Итальянская прачка въ спорѣ съ нею за неисправную доставку бѣлья изъ стирки сказала, что она утверждаетъ сказанное ею, какъ истинная христіанка, а что Алёнушка не христіанка, а схизматичка, выраженіе совершенно новое и непонятное для нашей дворовой дѣвушки [3]). Это даетъ мѣрило, какъ на насъ смотрятъ тамошніе простолюдины изъ набожныхъ.

---

[1]) Въ послѣднюю бытность мою въ Венеціи, въ Февралѣ 1863 года, я крайне удивился, увидѣвъ въ одной кофейнѣ гигантскаго размѣра Русскій самоваръ на прилавкѣ; его весьма правильно называли „samovar“.

[2]) Кромѣ какъ въ Италіи, не думаю, чтобы подобное безобразіе было допускаемо въ какихъ либо иныхъ католическихъ странахъ.

[3]) Мать моя цѣнила и отличала нашу Аленушку за ея уходъ, какъ няньку за нашей Анетиной, и Аленушка воспользовалась этимъ впослѣдствіи, чтобы выпросить у моей матери благодѣяніе: выкупить на волю двухъ ея незамужнихъ сестеръ, Дуняшу и Юлію, бывшихъ приписанными къ Вологодскому имѣнію Нарышкиныхъ, которое шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ продалъ въ 40-ыхъ годахъ г. Брянчанинову. Этимъ сердобольная моя мать сдѣлала доброе несомнѣнно дѣло, но и горячее попеченіе нашей дворовой дѣвушки о ея родныхъ дѣлаетъ ей честь. Когда же упомянутая Дуняша возвращена была къ намъ въ Знаменское, вотъ что сказала ей наша Аленушка: „За то что я тебя выкупила, ты служи какъ слѣдуетъ моей Аннѣ Михайловнѣ“, т. е. нашей дочери, которой было тогда 16 или 17 лѣтъ и при коей Дуняша осталась горничной до смерти ея. Елена столь же усердно выходила и моего сына и нынѣ живетъ у насъ на пенсіи.

Братъ мой держалъ пару каретныхъ своего Бутурлиновскаго завода лошадей, при коихъ кучеромъ былъ дворовый оттуда человѣкъ, Лаврентій, отпѣтый дуракъ, но малый смирный и непьющій. Запряжка была Англійская съ мунштуками и кони съ подрѣзанными хвостами, а кучеръ выбритый и въ ливреѣ съ галунами. Принялись постепенно и за его вѣроисповѣданіе, выучили (кажется) Итальянской грамотѣ и мало по малу перетащили (какими убѣжденіями, не понимаю) въ латинство. Впослѣдствіи, графиня Аврора Осиповна, сама какъ-то обративъ при мнѣ разговоръ на этотъ предметъ, замѣтила, что Лаврентія нельзя было до того времени считать христіаниномъ, гдѣ бы то ни было, потому что онъ принадлежалъ къ сектѣ, отвергающей таинство крещенія (можетъ быть, молоканской или хлыстовщинѣ). Немыслимо было бы требовать, чтобы Римскіе католики увѣщевали Русскаго раскольника возвратиться въ лоно православной церкви, и потому я согласенъ, что лучше уже Русскому человѣку вступить въ Римскую церковь, признаваемую нами апостольскою *), чѣмъ оставаться въ расколѣ, отвергающемъ таинства христіанской церкви. Ничего другаго о немъ не знаю, и что̀ стало съ нимъ впослѣдствіи, не вѣдаю.

Приступаю къ разсказу о всемъ случившемся 28 Февраля стараго стиля. Вечеромъ, наканунѣ того дня, жена рѣшилась послѣ долгихъ колебаній выдернуть себѣ зубъ, мучившій ее нѣсколько дней; операція эта была быстро и удачно исполнена искуснымъ зубнымъ врачемъ г. Кампаною, и она легла спать, не ощущая ничего особеннаго. Предъ разсвѣтомъ начались у нея настоящія боли, но съ перерывами; таковыя временныя были уже у нея и наканунѣ. Аленушка поспѣшила разбудить меня, а я, по предварительному съ графинею Авророю Осиповною условію, отправился разбудить ее; она не замедлила прибыть къ намъ, гдѣ уже была у насъ наготовѣ акушерка Санти, и часа черезъ два все благополучно кончилось. Все это время я стоялъ въ сосѣдней комнатѣ, проходя въ торопяхъ чрезъ которую Аленушка сказала мнѣ мимоходомъ: «молитесь, уже начинается», и вскорѣ послѣ я услыхалъ первый крикъ моей Анны. Я побѣжалъ въ комнату родильницы, и она первая пожелала обнять меня; съ разрѣшенія авторитетныхъ распорядительницъ, невѣстки моей и акушерки, я подошелъ къ женѣ и крѣпко было обнялъ ее; но невѣстка моя тотчасъ же заявила, что довольно, и я бросился внизъ разбудить мою мать (которую намѣренно не хотѣли безпокоить) столь счастливою вѣстью. Она встала

*) Это мнѣ изустно подтвердилъ покойный митрополитъ Филаретъ въ 1865 году. „Не смотря на всѣ ея (Римской церкви) отступленія и неправильности, сказалъ онъ, она все таки апостольская“.

и попросила меня отправиться въ сосѣднюю намъ церковь Санъ-Микеллино (т. е. Малаго Св. Михаила) и тамъ распорядиться, чтобы зажгли свѣчи на престолѣ, воздвигнутомъ во имя недавно обрѣтенныхъ мощей св. мученицы Филомены и тутъ же находившіяся. Признавая заступничество о насъ угодниковъ Божіихъ, причисленныхъ къ лику святыхъ западною церковью до ея отдѣленія отъ нашей, а изъ таковыхъ, я полагаю, что была св. мученица Филомена, имя коей обозначаетъ Греческое ея происхожденіе [1]), я охотно исполнилъ набожное желаніе матери моей [2]).

И какою роскошною внѣшнею обстановкою окружена была колыбель нашей Анночки! Изъ оконъ нашего 3-го этажа глаза разбѣгались по макушкамъ исполинскихъ камелій, доходившихъ до 2-го этажа, и густая зелень коихъ исчезала подъ массою цвѣтовъ всѣхъ колеровъ и оттѣнковъ. Камеліи сидѣли въ этомъ маленькомъ садикѣ (кромѣ котораго былъ еще другой, большой) густыми куртинами и шпалерами вдоль четырехъ стѣнъ, а въ серединѣ квадрата не переставалъ журчать днемъ и ночью фонтанъ, переливая излишнюю воду изъ переполненнаго верхняго бѣлаго мрамора бассейна въ нижній бассейнъ [3]). За этимъ нашимъ садикомъ виднѣлись квадратные, обнесенные стѣнами, садики сосѣднихъ домовладѣльцевъ, съ деревьями горькихъ померанцевъ, съ золотистыми ихъ въ то время года плодами, а въ небольшой отдаленности и чрезъ крыши сосѣднихъ четырехъэтажныхъ палаццовъ, возвышался величественный куполъ Флорентинской соборной церкви

---

[1]) Въ точномъ переводѣ имени Санъ-Микеллино (которое есть фамильярное сокращеніе имени Микеле, т. е. Михаилъ) оно выходитъ „Мишенька", и потому имя той церкви выходитъ Св. Мишенька, а не что̀ было бы у насъ „Малаго Святаго Михаила". Тоже самое и о другой Флорентинской церкви „Санто-Амброджино", имя коей есть сокращеніе отъ Амброджіа (Амвросій), и потому здѣсь также выходитъ „Св. Амвросиньки, а не Малаго Святаго Амвросія"; но въ Италіи никто не пораженъ этою неумѣстностію.

[2]) Конечно слѣдуетъ быть болѣе осторожнымъ и разборчивымъ относительно святыхъ Римской церкви позднѣйшей эпохи, особливо при встрѣчѣ съ подобными Іосафату Кунцевичу, гонителю православія, канонизированному нынѣшнимъ папою Піемъ IX. Вспомнилъ я теперь о странномъ мнѣніи нѣкоторыхъ изъ семейныхъ нашихъ прозелитокъ, продолжающихъ (вѣроятно по привычкѣ) чествовать Св. Димитрія Ростовскаго, на томъ-де основаніи, что онъ будто бы былъ *Уніятскимъ святителемъ*. И вотъ справедливость Французскаго изреченія „qu'on croit aisément à ce que l'on voudrait qui fût vrai". Сами вѣрующіе въ этотъ церковный анахронизмъ ничего мнѣ о томъ не говорили, но оно передано было мнѣ третьимъ, вѣрнымъ лицомъ. Онѣ клонятся также къ признанію Лже-Димитрія за настоящаго, также можетъ быть подъ вліяніемъ покровительства, оказаннаго ему іезуитами.

[3]) Отецъ нашъ былъ изъ первыхъ, заведшихъ культуру камелій во Флоренціи; вскорѣ явились подражатели, и въ серединѣ 30-хъ годовъ славились уже цѣлые сады камелій, графини Ненчини (матери г-жи Хитровой) и князей Понятовскихъ (Флорентинской отрасли).

«il Duomo», единственный въ мірѣ соперникъ Микеланджелова купола Св. Петра въ Римѣ, сооруженный двумя вѣками позже Флорентинскимъ, обезсмертившимъ свое имя, архитекторомъ Брунелески, временъ Флорентинской республики до узурпаціи герцоговъ Медичи. Была тогда ранняя пора Итальянской весны; камеліи и рододендроны оканчивали свое цвѣтеніе, начинавшееся съ послѣднихъ чиселъ Ноября; за то миндальныя и прочія плодовитыя деревья съ косточками (теряющія листья зимою) покрывались, какъ бы снѣжными хлопьями, своими цвѣтами, а на ветхихъ городскихъ стѣнахъ пестрѣлся высокоствольный сине-лиловатый Флорентинскій ирисъ (iris florentina). Луга и газоны въ Кашинахъ усыпаны были головками розовыхъ, желтыхъ и лиловыхъ крокусовъ, выглядывавшими изъ земли безъ листьевъ и стебельковъ. Это была также пора скоропроходящаго разцвѣта крупныхъ махровыхъ фіалокъ того сильнѣйшаго аромата, какимъ одарены всѣ пахучія растенія на Югѣ *).

Возвращаюсь къ событію 28 Февраля. Весь домъ былъ на ногахъ, но переполошилась особенно добрѣйшая наша Екатерина Ивановна Леруа. «Ну такъ!» воскликнула она, «ускорили роды тѣмъ, что наканунѣ выдернули зубъ», какъ будто бы было что-нибудь общее между этими вещами; но при всѣхъ своихъ рѣдкихъ качествахъ Екатерина Ивановна была немного ворчуньею, и часто доставалось моей матери отъ нея, да и вообще она была немного склонна къ критикѣ многаго происходившаго въ семейной нашей сферѣ: «to find fault with wery thing». Опустилъ я также сказать, что когда наканунѣ появились у жены легкія первоначальныя схватки, то она, по совѣту матери моей, написала заранѣе конвертные адресы на имя своей матери для моихъ и прочихъ членовъ семейства писемъ, имѣвшихъ возвѣстить тещу мою о рожденіи ея внука или внучки, такъ какъ уже потомъ женѣ моей не дозволено было бы писать, но чтобы мать ея тѣмъ не менѣе успокоилась насчетъ состоянія здоровья своей дочери, видя ея почеркъ на конвертѣ. Женская предусмотрительность изумительна!

Узнавъ, что почтенный отецъ Іоахимъ возвратился съ Іоническихъ острововъ въ Ливорну, я поспѣшилъ вызвать его во Флоренцію для совершенія таинства крещенія нашей малютки; онъ не замедлилъ своимъ пріѣздомъ и взялъ съ собою святое мvро для мvропомазанія, по

*) Туберозы, напримѣръ, издаютъ тамъ такое сладко-одуряющее благоуханіе, что были смертные случаи отъ букета, оставленнаго на ночь въ спальнѣ при закрытыхъ окнахъ. Есть тамъ и деревья, подъ тѣнью коихъ небезопасно засыпать лѣтомъ: таковы лавровое обыкновенное дерево (laurus nobilis) и вишне-лавровое дерево, изъ листьевъ коего гонятъ извѣстныя капли.

не изъ тамошней Греческой церкви, къ коей онъ уже не былъ болѣе причисленъ, а имѣлъ его при себѣ, приватно, каковое обстоятельство надѣлало было намъ изрядную тревогу, какъ я разскажу о томъ далѣе. Рѣшено было назвать дочь нашу, въ честь матери моей, Анною; но должно быть, что кѣмъ-то изъ постороннихъ высказано было, что не мѣшало бы-де назвать ее и Елисаветою въ честь тещи моей, на каковое предложеніе отецъ Іоахимъ объяснилъ намъ, что не запрещается по канонамъ восточной церкви давать при крещеніи болѣе одного имени, вслѣдствіе чего при купели даны были, помнится мнѣ, оба имени; но какъ у насъ въ Россіи этого не водится, то жена и я никогда не признавали имени Елисаветы за нашей дочерью. Не скажу, чтобы я особенно желалъ рожденія сына, а не дочери; для меня оно было все равно: я былъ заранѣе готовъ любить то созданіе, которымъ благоугодно будетъ Всевышнему насъ осчастливить. Наша Анночка, при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, была просто дурнушкою, тощенькая, смугловатая, и съ рѣдкими черными почти волосами *), но тѣмъ не менѣе мать моя, по пристальномъ обозрѣніи новой своей внучки, объявила намъ о разительномъ ея сходствѣ съ ея дѣдомъ Жанó Нарышкинымъ, этимъ любимымъ двоюроднымъ братомъ матери моей. Женщины владѣютъ особенною способностію опредѣлять физіономію новорожденнаго младенца и его сходство съ такимъ-то или съ такою-то, тогда какъ для нашихъ мужскихъ глазъ всѣ младенцы подходятъ почти подъ одинъ и тотъ же неопредѣленный образецъ мясистой красной массы съ морщинами. Жена моя жаждала сама кормить свою дочь, и, не смотря на свою худобу, мало предвѣщавшую ей быть надежною кормилицею, она усердно и успѣшно принялась за дѣло. Воспріемницею при купели была Екатерина Ивановна Леруа (тогда еще и долго послѣ несовратившаяся въ католицизмъ), но упоминали заочно кумою Елисавету Ивановну Нарышкину, а кумомъ сына ея Алексѣя Ивановича. Никто изъ прочихъ семейныхъ моихъ не находился при этомъ столь всегда торжественномъ событіи: тому препятствовалъ взглядъ Римской церкви по клерикальному истолкованію.

Оправившись отъ родовъ, жена моя вся сосредоточилась въ своей дочери, и большую часть времени приходилось мнѣ одному гранить мостовую. Никакой, ни Русской, ни Греческой церкви, не было въ то время во Флоренціи: миссія наша была упразднена и причислена къ

*) Когда она преставилась въ 1854 году въ Рязани, 17 лѣтъ и одного невполнѣ мѣсяца, это была свѣжая, полноватая, голубоглазая дѣвушка, съ русо-каштановыми волосами, съ правильными чертами и крѣпкаго тѣлосложенія. Странно довольно, что въ предшествовавшія ея смерти двѣ недѣли какая-то дума садилась на ея челѣ.

Римской, и хотя на виллѣ А. Н. Демидова въ Санъ-Донато была устроена, какъ говорили, церковь, но священника при ней не было, и женѣ не гдѣ было взять молитву послѣ сорока дней отъ родовъ; она это исполнила много позднѣе въ Ливорнѣ, какъ видно будетъ впослѣдствіи.

Изъ сохранившихся у матери моей преданій изъ ея прежняго Русскаго быта было то убѣжденіе, что для ухода за новорожденнымъ нянька Англійской націи необходима какъ масло къ кашѣ, вслѣдствіе чего поступила къ намъ нѣкая мистрисъ Алисонъ, когда-то камеристка при матери моей, вышедшая замужъ за курьера, Италіянца Чипріяни, а Аленушка наша сошла на степень поднянюшки.

Появились вереницы чепцовъ и платьицъ для новорожденнаго *беби*, съ вычурными вышивками гладью и рельефомъ, съ кружевами, блондами, съ бантами и кокардами изъ лентъ разныхъ колеровъ, и шелковая мантилія для гулянья, подолъ коей волочился по полу. Всякая женщина изъ нашего семейства считала обязательнымъ принести свою дань нарядовъ для нашего *беби*, сдѣлавшагося центромъ безконечной возни и пріятныхъ заботъ всѣхъ этихъ добрѣйшихъ дамъ; тутъ была пища для женской дѣятельности, и шелесть платьевъ то и дѣло что отзывался по узкой и крутой внутренней лѣстницѣ, ведущей къ намъ. Рѣдко удается младенцу родиться подъ столь счастливой планетой, какъ родилась наша Анна. И когда, послѣ 23-хъ лѣтняго отсутствія, я снова очутился на той половинѣ палацца (нынѣ принадлежащаго моему племяннику графу Дмитрію Петровичу), я одинъ только разъ попытался взойти въ комнату, свидѣтельницу пережитаго счастія. Прикоснулся я къ ручкѣ двери, и замокъ издалъ тотъ же, столь извѣстный мнѣ полухрипливый скрипъ, точь-въ-точь какъ и прежде; вступилъ я въ комнату, никѣмъ тогда незанятую, и все прошедшее возстало передо мною какъ бы въ живой дѣйствительности: стѣны съ росписью и прочіе всѣ предметы были тѣже, что̀ за четверть вѣка передъ тѣмъ. Испытаніе было неожиданнымъ и свыше силъ моихъ:—я убѣжалъ, и хотя впослѣдствіи ежедневно почти навѣщалъ больную Каролину, занимавшую часть бывшей въ концѣ 30-хъ годовъ моей съ женою половины, но въ ту комнату направо, гдѣ родилась наша Анна, я никогда болѣе не заглядывалъ.

Разныя размышленія, относящіяся къ этой позднѣйшей эпохѣ моей жизни, переполняютъ душу; они требуютъ исхода, и потому нарушаю хронологическій порядокъ моего разсказа.

Послѣдняя моя поѣздка въ Италію, 1862—1863 года, казалось, не должна была быть ошибкою. Она была предпринята съ цѣлію лично выразить г. Слоану глубокую мою благодарность за его ко мнѣ благодѣянія. Лучшаго доказательства въ этомъ я не могъ ему дать; но я не расчелся съ своими моральными силами, не взвѣсилъ степени моей несчастной впечатлительности, и потому встрѣча лицомъ къ лицу съ предметами и лицами періода жизни моей, столь противоположнаго настоящему моему положенію, потрясла нервную мою систему сильнѣе, чѣмъ я могъ предугадывать. Когда я увидѣлъ себя окруженнымъ, безъ обстановки достаточной жизни, нѣмыми свидѣтелями давно минувшаго счастія, почти что забытыми среди служебныхъ моихъ и позднѣйшихъ по сельскому хозяйству занятій (да и самая моя несостоятельность совершилась не вдругъ, а постепенно), мнѣ вдругъ представилось, какъ будто бы этотъ двадцатитрехлѣтній пробѣлъ былъ лишь нѣчто въ родѣ сновидѣнія, и какъ будто бы я хватался за житейскую нить, прерванную въ этихъ самыхъ комнатахъ поспѣшнымъ моимъ отъѣздомъ въ Россію въ 1839 году. Теперь (въ 1869 году) все это ясно для меня. Но въ 1862 году я не могъ дать себѣ отчета, почему послѣ восторженнаго настроенія моего духа въ первое время пріѣзда въ Италію, и особенно въ Венеціи (гдѣ въ Ноябрѣ я совершенно одинъ провелъ цѣлую недѣлю), почему, говорю я, по прибытіи во Флоренцію, это мое экзалтированное настроеніе вдругъ уступило мѣсто хандрѣ и какому-то паническому страху, что не суждено мнѣ болѣе свидѣться съ женою и сыномъ, и, лежа по цѣлымъ днямъ на кровати, безъ малѣйшихъ признаковъ физическаго недуга, я все себя укорялъ, зачѣмъ я оставилъ свое семейное, въ Знаменскомъ, гнѣздо? Въ первые дни моего пріѣзда, когда первый мой недугъ еще не разыгрался вполнѣ, я поспѣшилъ въ публичный садъ Боболи, коего фонтаны и статуи были мнѣ знакомы съ 10-ти лѣтняго возраста; но не того времени воспоминанія волновали меня теперь, а много позднѣйшія. На площадкѣ одной изъ терассъ этого сада я узналъ каменную скамейку, на которую жена однажды сѣла, чтобы покормить грудью нашу Анетину (это было, помнится мнѣ, весною 1838 года): меня кольнуло какъ искрою изъ электрическаго тока, и я весь затрясся.

Когда, послѣ ряда свѣтскихъ невзгодъ и душевныхъ скорбей, возвращаемся къ мѣстностямъ, гдѣ нѣкогда жилось счастливо и беззаботно, безъ признаковъ угрожавшей будущности, на душѣ дѣлается какъ бы досадно, зачѣмъ строенія и прочіе предметы намъ столь фамильярные стоятъ въ томъ же неизмѣнившемся видѣ, въ какомъ мы разстались съ ними, или родится сомнѣніе (какъ это было со мною), дѣйст-

вительно ли претерпѣли мы то великое крушеніе, которое разбило насъ безвозвратно, и не находимся ли мы подъ вліяніемъ галлюцинаціи?......

Рѣшеніе мое отправиться въ Италію было дѣломъ мгновенія, безъ предшествующихъ замысловъ, а вслѣдствіе сказанныхъ мнѣ, осенью 1862 г., словъ моею женою, когда мы получили первый денежный переводъ отъ г. Слоана: «Ты бы поѣхалъ во Флоренцію поблагодарить лично г. Слоана за благодѣтельное его пособіе, обезпечивающее теперь остатокъ нашихъ дней, да и кстати свидѣлся бы съ твоими тамошними родными? Какъ думаешь? Вѣдь теперь по желѣзнымъ дорогамъ поѣздка твоя не дорого обойдется?» Я пораженъ былъ дѣльностію жениной мысли и безъ траты времени собрался въ путь. То-то, думаю, будетъ мнѣ радостно тамъ во Флоренціи! Но, кто этому повѣритъ? Едва добрался я до Петербурга, какъ въ Знаменской гостинницѣ (что возлѣ вокзала) меня взяло уже раздумье, не обойтиться ли мнѣ безъ этой дальней поѣздки и не повернуть-ли оглобли обратно въ деревенскій нашъ уголъ? Благоразуміе и сознательное чувство исполненія долга взяли верхъ.

Возвращаюсь къ разсказу *).

Изъ числа прежней отца моего Русской прислуги оставался тогда на жительствѣ во Флоренціи (кромѣ бывшаго Ивана, повара, о которомъ уже говорено было) послѣдній его камердинеръ Илья Кашинцовъ, давно вышедшій изъ нашего дома и занимавшійся комерческими предпріятіями, въ товариществѣ съ Иваномъ Великановымъ, отставшимъ во Флоренціи отъ князя В. С. Трубецкаго. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ съ женою во Флоренцію, этотъ Илья навѣстилъ меня; но какъ я былъ предупрежденъ противъ него (основательно ли, или нѣтъ, не знаю по сю пору), что онъ будто-бы въ послѣднее время своего служенія при отцѣ моемъ несовсѣмъ почтительно обходился съ нимъ, я принялъ его сухо и даже сказалъ ему, что встрѣча съ нимъ не составляетъ для меня никакого удовольствія, но, помнится, не выговорилъ ему ничего о причинѣ таковаго моего пріема, и напрасно: дѣло бы выяснилось. Я весьма сожалѣлъ впослѣдствіи объ этой моей выходкѣ,

---

*) Знаю всю неправильность принятаго мною разсказа, въ коемъ, увлекаясь предметами, относившимися къ періодамъ, отдѣленнымъ одинъ отъ другаго двадцатью и болѣе годами, забѣгаю впередъ; но не могу, и даже не хочу, удерживать всегда перо въ правильныхъ границахъ строгой хронологіи, хотя бы изложеніе мое выиграло, можетъ быть, чрезъ то въ трезвости. Дѣлаю же я это именно потому, что не вѣдаю, придется ли мнѣ довести мои записки до настоящаго десятилѣтняго періода, тогда какъ этотъ-то самый періодъ и служитъ развязкою, а иногда и объясненіемъ, происшедшаго въ жизни моей за много лѣтъ назадъ.

тѣмъ болѣе что Кашинцовъ былъ нѣкоторое время при мнѣ дядькою въ 1815 году, а позднѣе обучалъ меня верховой ѣздѣ (такъ какъ прямая его должность была берейторская), да и мать моя сама не одобрила моего съ нимъ обхожденія, что̀ и могло бы почти быть доказательствомъ неосновательности слуховъ о его непочтительности къ моему отцу. Съ тѣхъ поръ я его никогда болѣе не видалъ и потому не имѣлъ случая извиниться передъ нимъ; и хотя онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ началѣ 1840 года, когда и я находился тамъ, и онъ бывалъ у старинныхъ знакомыхъ нашего семейства, отъ которыхъ могъ знать о моемъ нахожденіи въ Петербургѣ, но не отыскивалъ тамъ меня. Не могу простить себѣ этого проступка. Онъ высказывалъ матери моей свое огорченіе отъ моего пріема и просилъ ее показать ему новорожденную графинюшку (мою дочь), что̀ доказываетъ привязанность его къ прежнимъ своимъ господамъ.

Въ Страстную Пятницу (Римско-католическую) я отправился съ Нѣмцемъ Рейхенбергомъ (дядькою братниныхъ сыновей) въ сосѣдній городокъ Пра̀то на весьма любопытное зрѣлище. Въ этотъ день, или точнѣе сказать, въ эту ночь, совершалась бывающая издавна чрезъ каждые три года религіозно-маскарадная процессія, возможная только въ Италіи или въ средневѣковой, клерикальной Испаніи. Сюжетъ ея, если смѣю такъ выразиться, есть погребеніе Спасителя. Мѣстные обыватели наряжаются древне-Римскими всадниками со знаменами, на которыхъ изображены буквы S. P. Q. R., т. е. Senatus populus que Romanus *), и раздѣляются на дружины (cohorte) и взводы, каждый изъ послѣднихъ въ двѣ шеренги, съ своими офицерами впереди. Всѣ лошади этой конницы раскованы, а улицы усыпаны толстымъ слоемъ песку, чтобы лошади не скользили, что̀ придаетъ всему легіону, представляющему почетную стражу при тѣлѣ Богочеловѣка, нѣчто таинственное, такъ какъ онъ подвигается безъ малѣйшаго шума. За конницею тянутся братства (confraternità), по два человѣка въ рядъ, поющія псалмы, а впереди каждаго братства несется крестъ огромныхъ размѣровъ, на которомъ изображены вещественныя орудія страданій Спасителя, терновый вѣнецъ, копье, гвозди, лѣстница и проч. Братства не составляютъ монашескихъ орденовъ, а только корпорацію благочестивыхъ людей изъ всѣхъ сословій, собирающихся на молитву въ опредѣленное для того время. Когда они въ сборѣ, братья эти носятъ длинную рясу, перепоясанную веревкою, и капюшонъ, закрывающій

*) Буквы эти часто встрѣчаются въ надписяхъ надъ сохранившимися древними Римскими зданіями. Нынѣ иные забавники читаютъ эти буквы такъ: Sono porci questi Romani, т. е. эти Римляне суть свиньи.

все лицо какъ маска, съ маленькими прорѣзами для глазъ, таковаго же покроя какъ костюмъ Флорентинскаго братства *мизерикордіи*, но съ тою разницею, что каждое изъ сказанныхъ братствъ вмѣсто чернаго имѣетъ свое отдѣльное бѣлое, кофейное, красно-кирпичное и темно-голубое одѣяніе. Тихо, въ ночной темнотѣ, освѣщенной свѣчами и ручными лампадами, выставленными въ окнахъ домовъ, подвигается странное это шествіе: точно идутъ привидѣнія. Въ заключеніе всей процессіи на плечахъ несутъ картонное или гипсовое изображеніе лежащаго какъ бы во гробѣ Спасителя, въ натуральную величину; фигура лежитъ на доскѣ и потому вся видна. За нею несутъ статую или, правильнѣе сказать, куклу, изображающую Пресвятую Богородицу въ траурномъ платьѣ и, помнится мнѣ, въ фижмахъ или роброндѣ съ кружевами, и чуть-ли не съ бѣлымъ носовымъ платкомъ въ рукѣ. Не помню также навѣрно, замыкается-ли вся процессія музыкантами, играющими похоронный маршъ; но въ обыкновенныхъ лѣтнихъ процессіяхъ военный оркестръ слѣдуетъ по пятамъ за священникомъ, несущимъ монстранцію съ св. тѣломъ Христовымъ для поклоненія вѣрныхъ, и я самъ слышалъ, какъ эти музыканты разыгрывали маршъ изъ опернаго мотива. Чины и мѣста, т. е. въ какой когортѣ или ряду должны находиться дѣйствующія лица этого театральнаго войска, такъ же какъ и костюмы и вооруженія, чуть-ли не передаются гражданами того городка отъ одного поколѣнія другому.

Много было еще въ то время средневѣковаго въ Флорентинскихъ узкихъ улицахъ, въ зданіяхъ и даже въ обычаяхъ и народныхъ празднествахъ. Все это, къ сожалѣнію, теперь быстро истребляется претензіею сдѣлать изъ Медицейской знаменитой резиденціи современную Европейскую столицу. Такъ, напримѣръ, съ одной изъ городскихъ башенъ ровно въ половинѣ девятаго часа вечера гудѣлъ особенный колоколъ, называемый «della cavolaia», по имени, завѣщанію и вкладу одной разбогатѣвшей въ среднихъ вѣкахъ торговки цвѣтной капустой, съ цѣлію, чтобы слышащіе этотъ звонъ въ необычное время помолились объ ея душѣ. Существовало также (и нынѣ вѣроятно существуетъ) человѣколюбивое, полурелигіозное общество, называемое «confraternità della misericordia» (братство милосердія), занимающееся переноскою на носилкахъ заболѣвшихъ жителей въ госпитали или изувѣченныхъ по какому либо случаю на улицѣ и внѣ города, въ опредѣленномъ разстояніи отъ заставъ, при чемъ, если страдалецъ изъ неимущихъ или обремененъ многочисленнымъ семействомъ, братья дѣлаютъ между собою денежный сборъ въ его пользу. Учрежденіе братства восходитъ ко временамъ республики, и въ немъ участвуютъ безразлично духовные и

міряне, высшая аристократія, буржуазія и ремесленники, даже владѣтельные Тосканскіе великіе герцоги, не гнушавшіеся идти бокъ о бокъ съ простолюдиномъ, ихъ подданнымъ, при исполненіи богоугоднаго дѣла. Для бо́льшаго смиренія и избѣжанія людской похвалы, узнать въ лицо братьевъ невозможно въ оффиціальномъ ихъ костюмѣ, состоящемъ изъ длинной клеенчатой (непромокаемой) черной рясы съ таковымъ же капюшономъ, спускающимся, какъ-бы маска, на всё лицо съ прорѣзами для глазъ; ряса перепоясана толстымъ чернымъ шнуромъ, на которомъ висятъ четки. Сборнымъ мѣстомъ братства служитъ особенная каплица, ему принадлежащая на каѳедральной площади (piazza del Duomo); тамъ же имѣется особый для сбора колоколъ, звукъ коего и особенный скорый звонъ хорошо извѣстны всѣмъ жителямъ и слышны отовсюду. Для извѣщенія о случившемся уличномъ несчастіи, какъ то о задавленіи человѣка лошадьми, о паденіи съ высоты съ опаснымъ ушибомъ, и тому подобномъ, всякій свидѣтель таковаго происшествія имѣетъ право (да и чуть ли не обязанность) спѣшить къ упомянутой каплицѣ и о случившемся извѣстить находящагося непремѣнно тамъ дежурнаго изъ братьевъ, который и ударитъ въ колоколъ. И удивительно, какъ братья-носильщики бережно обходятся съ больнымъ во время переноски его, всегда безвозмездной (и это правило строго наблюдается: разрѣшено братьямъ испросить, для утоленія жажды, стаканъ воды, и болѣе ничего). Впереди каждаго шествія идетъ братъ, въ родѣ церемонимейстера, въ статскомъ полу-мундирномъ костюмѣ, въ трехугольной шляпѣ, въ бѣломъ галстухѣ и, кажется, съ жезломъ въ рукѣ, для очищенія (вѣроятно) пути по узкимъ по большей части улицамъ. Всѣ встрѣчающіеся почтительно снимаютъ шляпы. Добрѣйшій братъ мой, всегда подвизавшійся въ пользу ближняго, гдѣ только представлялся къ тому случай, принадлежалъ къ числу этихъ братьевъ и часто, услыхавъ знакомый колокольный призывъ, спѣшилъ къ мѣсту сбора. Нечего, думаю, говорить, что братьями этого общества могутъ быть лишь Римскіе католики. Я упомянулъ объ узкихъ Флорентинскихъ улицахъ. Одна изъ таковыхъ «via dei Calzaioli», весьма многолюдная и центральная, была до того узка, что при встрѣчѣ въ ней двухъ экипажей одинъ изъ нихъ долженъ былъ или своротить въ единственный боковой переулокъ, или осаживать лошадей и пятиться назадъ до начала улицы *).

Существовали еще тогда любимыя Флорентинцами торжества наканунѣ и въ день праздника св. Іоанна Крестителя, 24 Іюня, призна-

*) Въ послѣднее 20-ти лѣтіе ее расширили, на сколько было возможно, и отдѣлали тротуары, весьма узкіе, но достаточные, чтобы охранить пѣшеходцевъ отъ опасенія быть раздавленными. Вся улица въ магазинахъ и хорошо освѣщена теперь газомъ.

ваемаго покровителемъ города. Строился для сего огромный, временный, досчатый амфитеатръ во всю площадь Санта-Марія-Новелла [1]), на гиподромѣ коего былъ бѣгъ вызолоченныхъ колесницъ, съ возницами въ древне-Римской одеждѣ и въ разноцвѣтныхъ мантіяхъ, запряженныхъ разношерстными попарно лошадьми. Бѣгъ этотъ назывался «corso dei cocchi». Въ одной сторонѣ овальной формы амфитеатра возвышалась роскошно убранная трибуна, въ которой всегда присутствовалъ при этомъ бѣгѣ весь Тосканскій великогерцогскій дворъ со свитою; туда же приглашались члены дипломатическаго корпуса, акредитованные при этомъ дворѣ, и разныя лица изъ туземцевъ и иностранцевъ, имѣвшихъ право пріѣзда ко двору: почетъ, впрочемъ, почти всѣмъ доступный. Скажу мимоходомъ, что это напоминаетъ мнѣ, какъ однажды я съ женою собрался было явиться въ эту герцогскую трибуну, на что мы имѣли также право. Она одѣлась въ бальный костюмъ, а я въ дворянскій шитый мундиръ при шпагѣ; но, благодаря неисправимой своей привычкѣ вѣчно опаздывать, мы подъѣхали къ трибунѣ, когда весь дворъ былъ уже въ сборѣ, тогда какъ, по придворному этикету, приглашенные должны находиться на мѣстахъ при появленіи великогерцогскаго двора. Бѣгъ Римскихъ колесницъ, такъ же какъ и вслѣдъ за тѣмъ богатый фейерверкъ, пущенный съ высотъ древняго Медиційскаго дворца (Palazzo Vecchio, обращеннаго въ муниципальное правленіе и градскую думу), происходили наканунѣ; а въ самый день праздника, вечеромъ, былъ бѣшенный бѣгъ однихъ лошадей безъ сѣдоковъ (corso dei barberi), пущенныхъ по волѣ чрезъ весь городъ отъ одной заставы до другой [2]), для чего, на всемъ пространствѣ, улицы усыпаны были толстымъ слоемъ песку и разставлена была по всему протяженію цѣпь изъ часовыхъ, чтобы удерживать публику въ должномъ разстояніи отъ бѣгущихъ коней, убранныхъ для этого плюмажами. Присутствовалъ и при этомъ народномъ торжествѣ великогерцогскій дворъ въ трибунѣ, но не изъ досокъ, а въ каменной, съ расписаннымъ потолкомъ, такъ какъ этотъ бѣгъ совершался три или четыре раза въ году, также въ извѣстные праздничные дни; а трибуна

[1]) Замѣчу кстати, что въ этой церкви похороненъ Константинопольскій патріархъ Іосифъ, умершій во время Флорентинскаго собора въ 1437 году, хотя онъ не успѣлъ еще (если не ошибаюсь) подписать свое согласіе подъ актомъ соединенія восточной съ западною церковію (на условіяхъ требуемыхъ Латинянами), а изъявилъ будто бы свое согласіе только на словахъ, каковое оказалось повидимому достаточнымъ для почести быть похороненнымъ въ этомъ великолѣпномъ храмѣ. Надъ его могилою сохранилась понынѣ стѣнная живопись аль-фреско, изображающая его въ полномъ Греческомъ облаченіи и въ омофорѣ, довольно вообще вѣрная.

[2]) Слово заставы не совсѣмъ точное, ибо въѣзжали тогда во Флоренцію древними каменными воротами, изъ коихъ нѣкоторые были о двухъ этажахъ.

эта находилась возлѣ городскихъ воротъ «*Porta al prato*», ведущихъ въ загородный паркъ «Кашины» [1]). Но всѣ почти эти народныя забавы отмѣнены ошибочнымъ (по мнѣнію моему) распоряженіемъ теперешней Піемонтской администраціи, стремящейся къ объединенію всѣхъ частей новаго Итальянскаго королевства, смѣшивающей понятія единообразія съ единствомъ (*prendre l'uniformité pour l'union*) и тѣмъ оскорбляющей національное чувство соединенныхъ народностей, лишая ихъ внѣшнихъ, вовсе неполитическихъ обычаевъ, принимаемыхъ однакоже простолюдиномъ за неотъемлемую свою собственность. Періодическое возвращеніе этихъ народныхъ увеселеній ожидалось съ нетерпѣніемъ и въ земледѣльческихъ хижинахъ, и у семейнаго очага городскихъ обывателей.

На нашей Страстной недѣлѣ (прошу не забывать, что нить событій относится къ веснѣ 1837 года) я поѣхалъ говѣть въ Ливорно одинъ; но и это мое говѣніе было не изъ примѣрныхъ, хотя я и сохранялъ постъ.

Причащался я Святыхъ Таинъ въ первый день Пасхи и былъ въ дворянскомъ мундирѣ съ своимъ Польскимъ крестомъ и съ Турецкою медалью, что̀ произвело большой эффектъ на собравшуюся въ церкви Греческую колонію, и церковные старшины (syndics) попросили меня стать на болѣе почетное мѣсто возлѣ нихъ. Вліятельною особою былъ между ними прежній, съ дѣтства мнѣ знакомый, негоціантъ г. Панаіота Палли [2]), который вмѣстѣ съ старымъ священникомъ той церкви от-

---

[1]) Въ торжественные эти случаи великій герцогъ являлся всегда въ Австрійскомъ генеральскомъ бѣломъ мундирѣ, войско его также было въ бѣлыхъ мундирахъ. Описаннымъ бѣгамъ всегда предшествовало „corso", т. е. гулянье въ экипажахъ рядами (какъ на Московскомъ гуляньѣ въ Сокольникахъ), а дворъ былъ въ Ивановъ день въ золотыхъ каретахъ.

[2]) Одинъ изъ братьевъ Палли жилъ издавна (со временъ имп. Павла) въ Петербургѣ и какъ бы на хлѣбахъ у графа Ивана Илларіоновича Воронцова-Дашкова и вѣчно торчалъ, не открывая рта, въ салонѣ обворожительной графини Александры Кириловны Воронцовой. Сынъ третьяго изъ братьевъ Палли, молодой человѣкъ довольно пріятной наружности, долго болтался въ 40-ыхъ годахъ по Московскимъ клубамъ и чуть ли не пользовался репутаціею сомнительнаго игрока. Имени его суждено, быть можетъ, перейти въ потомство, благодаря экспромптамъ графа Владимира Сологуба:

Пришлецъ я съ перспективы Невской,
Въ Москвѣ я выдержалъ изъянъ,
Когда помѣщикъ Базилевскій
Терпѣлъ отъ собственныхъ крестьянъ.
Мои фонды всѣ упали,
Мои денежки пропали,
Всѣ осталися у Палли.

NB. Въ стихѣ, что онъ выдержалъ изъянъ, графъ Сологубъ намекаетъ на то, что

цемъ Евгеніемъ, ввели меня въ большое безпокойство своими сомнѣніями, что св. муро, употребленное отц. Іоахимомъ при крещеніи нашей дочери, могло быть не дѣйствительно-получаемое отъ патріаршей каѳедры, и потому г. Палли совѣтовалъ мнѣ снова подвергнуть дочь таинству муропомазанія имѣвшимся при церкви муромъ. Я передалъ это сомнѣніе женѣ моей, по возвращеніи моемъ къ ней, но она и слышать не хотѣла о повтореніи таинства; да и самому мнѣ трудно было допустить подлогъ со стороны почтеннаго отца Іоахима. Впослѣдствіи, узнавъ о возведенномъ на него подозрѣніи, онъ увѣрилъ меня, что, въ виду своего отчисленія отъ Ливорнской Греческой церкви, онъ, по праву священствовать, запасся для исполненія требъ св. муромъ прямо отъ Александрійскаго патріаршаго престола.

Теперь нѣсколько словъ по театральному отдѣлу. Великимъ постомъ *) пошла въ первый разъ на сценѣ главнаго театра во Флоренціи «la Pergola», новая опера Донидзетти «Марино Фаліеро»: сюжетъ заимствованный первоначально изъ поэмы лорда Байрона, а позднѣе обработанный также и Французскимъ поэтомъ Казимиромъ-деля-Виньемъ въ трагедіи того же названія. Сюжетъ этотъ былъ для всѣхъ Итальянцевъ національнымъ, съ намеками на угнетеніе черни Венеціянскою аристократіею, и въ самой піесѣ заговорщики противъ магнатовъ, осужденные на смерть, въ томъ числѣ и самъ дожъ Фаліеро, выставлены мучениками за всеобщую свободу. По этой причинѣ, кромѣ музыкальнаго достоинства, опера возбуждала сильный энтузіазмъ и была запрещенною въ Итальянскихъ Австрійскихъ владѣніяхъ. Увлеченіе перешло въ область художествъ, и на академическихъ выставкахъ являлся до пресыщенія зрителей этотъ дожъ, павшій будто бы за плебейскія права. Поставка этой оперы ничего не оставляла желать, ни

разъ проигрался въ палки, игру, тогда въ большомъ ходу. У Ливорнскаго г. Панаіоты Палли была дочь поэтесса съ довольно замѣчательнымъ талантомъ импровизаціи. Отецъ ея былъ въ то время генеральнымъ консуломъ вновь учрежденнаго Эллинскаго королевства; но какъ Ливорнская Греческая церковь подчинена была юрисдикціи Александрійскаго патріаршаго престола, а ея прихожане почти всѣ уроженцы Іоническихъ островов (тогда еще подъ протекторатомъ и управленіемъ Великобританіи), то на литургіи поминался нашъ государь Николай Павловичъ, какъ единственный православный царь. Кстати о новомъ тогда Греческомъ королевствѣ; разсказывали, что на уличныхъ стѣнахъ въ Аѳинахъ появлялись мѣловыя надписи съ цифрами 860, не имѣвшими съ перваго взгляда никакого смысла, но если произносить по итальянски (каковой языкъ въ общемъ употребленіи во всей почти Греціи, а въ Іоническихъ островахъ почти что природный со временъ Венеціянскаго владѣнія) всякую изъ этихъ цифръ отдѣльно, выходила эпиграмма: „Otto“ (цыфра 8, а также имя короля Оттона) „sei“ (цыфра 6, также „ты еси“ dsero (цифра 0), а вмѣстѣ „Оттонъ, ты еси нуль“.

*) Это лучшій оперный сезонъ во Флоренціи.

въ отношеніи декорацій, ни въ отношеніи костюмовъ (чѣмъ вообще не балуютъ Итальянскую публику), и артисты того сезона были изъ первокласныхъ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1838 г. пріѣхалъ во Флоренцію великій князь Михаилъ Павловичъ. Братъ мой, я и всѣ прочіе находившіеся тамъ Русскіе представлялись его высочеству; въ томъ числѣ былъ Николай Ивановичъ Ершовъ, братъ лейбъ-гусарскаго Ивана Ивановича. Великій князь обошелся весьма ласково со всѣми, съ иными даже фамильярничалъ, въ томъ числѣ и съ моимъ братомъ, но со мною былъ лаконичепъ и сухъ, по милости, вѣроятно, небитыхъ мною оконъ въ 1830 году въ Петербургѣ. Первый визитъ великаго князя былъ къ принцу Монфору (Іерониму Бонапарту, бывшему нѣкогда Вестфальскимъ королемъ), какъ къ своему дядѣ, такъ какъ Іеронимъ Бонапартъ былъ вдовцемъ послѣ родной тетки великой княгини Елены Павловны по ея отцу, принцу Павлу Виртембергскому; великій князь звалъ низложеннаго короля «mon oncle». Старшій сынъ послѣдняго (давно умершій) предупредилъ заранѣе визитъ его высочества, явившись первый къ нему. Кстати скажу, что второй сынъ того принца, Наполеонъ, нынѣ столь извѣстный своею руссофобіею и, кажется, ничѣмъ еще болѣе, развѣ только полонофильствомъ, находился въ сказанное время при своемъ дядѣ Виртембергскомъ королѣ корнетомъ въ одномъ тамошнемъ гусарскомъ полку, гдѣ, какъ разсказывали, накуралесилъ и отправленъ былъ обратно къ своему папашѣ, во Флоренцію. Въ общественныхъ кругахъ этого города онъ слылъ, по тучности своей, подъ прозвищемъ, «Plonplon», съ чѣмъ бы остался по всей вѣроятности до конца жизни, еслибы не возсѣлъ на императорскій Французскій тронъ двоюродный его братъ, озаривъ эфемерной лучезарностію весь свой родъ.

Второй визитъ великаго князя Михаила Павловича былъ къ моей матери. При входѣ его къ намъ въ домъ, его узналъ кривоногій простякъ, камердинеръ мой Габріелло, помнившій прежнее посѣщеніе его высочества, когда мы еще жили въ 1819 году въ наемномъ домѣ на площади Санъ-Феличе, въ каковое время Габріелло былъ у насъ буфетнымъ мальчикомъ. Онъ поцѣловалъ руку его высочеству и впослѣдствіи гордился симъ случаемъ. Къ сожалѣнію, меня въ то время не было дома; а когда я возвратился, мать моя передала мнѣ, что въ разговорѣ своемъ съ великимъ княземъ она сказала ему, что жена моя недавно передъ тѣмъ разрѣшилась отъ бремени, и что еслибы его высочество пріѣхалъ поранѣе, то она просила бы его сдѣлать намъ честь быть воспріемникомъ моей дочери, и что на это великій князь отвѣчалъ съ любезностію, что онъ непремѣнно исполнилъ бы таковое ея

желаніе. Припоминая этотъ случай, наврядъ-ли, однакоже, могу сказать, что «по усамъ текло, да въ ротъ не попало»; ибо не думаю, чтобы великая честь покумиться съ его высочествомъ повела бы къ чему-нибудь особенно полезному для моего семейства или для самого меня. Въ честь его высочества театръ Перголо, который онъ посѣтилъ, былъ иллюминованъ a giorno; но должно быть, Тосканскаго двора не было въ то время во Флоренціи, потому что никакихъ празднествъ по случаю пріѣзда великаго князя не было.

Бывалъ я изрѣдка у Одесскаго моего знакомаго графа Серристори, вышедшаго изъ нашей службы около 1831 года полковникомъ и поселившагося въ своемъ Флорентинскомъ палаццѣ, на набережной Арно за послѣднимъ мостомъ «Ponte delle grazie», гдѣ нѣкогда жилъ Николай Никитичъ Демидовъ. Графъ Людвигъ Серристори женился еще въ Одессѣ на Нероткѣ Франкини, отецъ коей былъ драгоманомъ при нашемъ Константинопольскомъ посольствѣ *). Графъ Серристори занималъ часть огромнаго своего палацца, а другую нанималъ Іосифъ Бонапарте, бывшій Испанскій король, поселившійся во Флоренціи, подъ скромнымъ названіемъ графа Сюрвилье, и съ нимъ жила горбатая его дочь принцесса Шарлотта, вдова принца Наполеона, старшаго сына Людовика Бонапарта, экс-короля Голландіи (тогда графа Сенъ-Лё, брата нынѣшняго императора Наполеона). Еще за долго до этого моего пріѣзда во Флоренцію поселился тамъ съ семействомъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, отецъ казненнаго декабриста, и тамъ онъ продолжалъ оставаться, когда я возвратился одинъ въ Россію, осенью 1839 года. Онъ занималъ палаццо г-жи Ненчини, владѣтельницы одного изъ лучшихъ садовъ, насажденныхъ камеліями. Обѣ дочери Ивана Матвѣевича отъ втораго брака, Авдотья и Елисавета Ивановны, были талантливыя дѣвушки въ музыкѣ и масляной живописи. Одна изъ нихъ вышла много позднѣе за вдовца князя Александра Петровича Хованскаго и вскорѣ умерла. Обѣ онѣ весьма рѣдко выѣзжали въ свѣтъ. Въ слѣдующемъ 1839 году я у Муравьевыхъ встрѣтилъ въ первый разъ и познакомился съ Александромъ Александровичемъ Вонлярь-Лярскимъ, путешествовавшимъ тогда въ Италіи съ своею женою Вѣрою Дмитріевною (урожденною Полтарацкой) и съ старшею ихъ дочерью Анною Александровною (ей было тогда 5 или 6 лѣтъ), и съ того времени я остался съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

---

*) Позднѣе, графъ Серристори былъ губернаторомъ въ Ливорнѣ и, кажется, министромъ при послѣднемъ великомъ герцогѣ Леопольдѣ 2-мъ. Замѣтить стоитъ, что, въ противоположность отцу своему, посвятившему лучшіе свои года и полезную свою дѣятельность на службу Россіи, молодой графъ во время Крымской войны служилъ въ Турецкихъ баши-бузукахъ.

Такъ какъ И. М. Муравьевъ былъ когда-то акредитованнымъ нашимъ представителемъ при Вестфальскомъ королѣ Іеронимѣ Бонапарте, то понятно, что, встрѣтившись снова съ нимъ во Флоренціи, подъ названіемъ принца Монфортскаго, бывшій посланникъ продолжалъ, изъ чувства приличія къ падшему монарху, титуловать послѣдняго величествомъ, тогда какъ всѣ мы, прочіе иностранцы, говорили ему «Monseigneur»; но дѣти его дѣйствительно признаны были королевскими высочествами Виртембергскимъ королемъ, по праву ихъ матери, принцессы того дома.

Хаживалъ иногда по вечерамъ къ матери моей нѣкто докторъ Пиццати, долго жившій въ Россіи, въ семействѣ князя Николая Григорьевича Репнина и поселившійся во Флоренціи. Онъ успѣлъ собрать одну изъ замѣчательнѣйшихъ, какъ говорятъ, коллекцій древнихъ Этрусскихъ вазъ и урнъ, которую онъ успѣлъ впослѣдствіи продать чуть-ли не въ Петербургскій Императорскій Эрмитажъ. Живя на покоѣ во Флоренціи, онъ болѣе не занимался практикою.

Мать моя не бывала во дворцѣ Питти на оффиціальныхъ пріемахъ; но какъ обѣ великія герцогини, одна изъ коихъ царствующая, а другая, вдова великаго герцога Фердинанда 3-го (Саксонскія принцессы и родныя сестры), очень уважали мою мать, то она ѣзжала къ нимъ въ обыкновенномъ своемъ туалетѣ, когда эти принцессы давали ей знать, что онѣ желаютъ ее видѣть, и онѣ принимали ее по просту, въ своихъ жилыхъ апартаментахъ. Обѣ были весьма любезны, доступны въ обращеніи и популярны въ народѣ за щедрое вспомоществованіе нуждающимся, и бесѣды ихъ съ моею матерью были вѣроятно по сему предмету. Да и вообще, все великогерцогское семейство сближалось, по преданію отцовъ и дѣдовъ, съ простолюдинами, и я думаю, что не будь пагубнаго для нихъ Австрійскаго вліянія, эти принцы никогда не были бы изгнаны. У великаго герцога Леопольда 2-го была горбатая и не вышедшая замужъ сестра, также отличавшаяся сердоболіемъ къ неимущимъ и особеннымъ дружелюбнымъ чувствомъ къ моей матери, у которой она часто спрашивала прежде, скоро-ли я пріѣду во Флоренцію. Ее всѣ звали «l'arciduchessa gobba» (горбатая эрцгерцогиня). Прежній мой учитель пѣнія г. Маніелли хаживалъ къ одной изъ великихъ герцогинь акомпанировать ей, и когда послѣ постигшаго его несчастія (потери взрослаго и единственнаго сына, помогавшаго уже семейству уроками на фортепіано) онъ въ первый разъ былъ у принцессъ, то, возвращаясь отъ нихъ, разсказывалъ, что вмѣсто обыкновеннаго урока они втроемъ (т. е. обѣ принцессы и онъ) все рыдали, и

съ Итальянскимъ полукомизмомъ выразился: «Si è fatte tutta una tragedia in trè». (Мы дали втроемъ трагическое представленіе).

Въ началѣ Мая нужно было сестрѣ моей Еленѣ Дмитріевнѣ (княгинѣ Видони) побывать въ Ломбардіи по дѣламъ опеки надъ ея дочерью, и по желанію матери нашей я сопровождалъ ее туда. Краткая эта поѣздка оставила во мнѣ самыя пріятныя впечатлѣнія. На пути изъ Флоренціи въ Кремону, мы провели половину дня въ Моденѣ, въ домѣ родственника сестрина мужа графа или маркиза Монтекукули, потомка знаменитаго средневѣковаго полководца этого имени. Представитель древняго сего рода былъ весьма привѣтливый и пріятный молодой человѣкъ, и въ залахъ его палацца сохранялись еще нѣкоторыя современности его воинственнаго предка. Во время завтрака, добрая мадамъ Флёларъ, прежняя миссъ Кларкъ (сопровождавшая съ мужемъ своимъ и дочерью мою сестру) шепнула мнѣ на ухо: «Ахъ, какъ бы хорошо было, еслибы»... и глаза ея, переходя отъ сестры моей къ хозяину дома, договорили остальную часть того, что́ было у ней на умѣ. Мысль ея была несбыточною: на первыхъ порахъ своего вдовства сестра была неутѣшна, а позднѣе... не сбылись эти мечты.

Во время почти трехнедѣльнаго нашего пребыванія въ Кремонѣ, мы ѣздили однажды къ старой княгинѣ Видони, въ ея замокъ Санъ-Джіованни. Она приняла мое посѣщеніе, какъ знакъ особенной, оказанной ей любезности и вниманія, водила меня, не утомляясь, по всѣмъ новымъ своимъ плантаціямъ, переходя въ разговорѣ съ одного предмета на другой, коснулась до втораго своего сына графа Бартоло Видони и начала его передразнивать, какъ неуклюжаго и мужиковатаго, и этою непрошенною откровенностію сконфузила немного меня, такъ какъ я тогда въ первый разъ имѣлъ честь видѣть эту барыню.

Въ Кремонѣ мы условились съ семействомъ Альбертони (родственника моей сестры по ея мужу) провести нѣсколько дней въ Миланѣ и оттуда отправиться обозрѣть живописныя озера Комо и Лаго-Маджіоре. На пути въ Миланъ мы останавливались въ мѣстечкѣ (bourg) Кодоніо, полюбопытствовавъ увидѣть тамошніе огромные амбары или сараи для склада такъ называемаго Пармазанскаго сыра, хотя въ сущности ни въ городѣ Пармѣ, ни въ его окрестностяхъ, никакихъ особенныхъ сыровъ не выдѣлываютъ, а продуктъ этотъ составляетъ исключительный почти предметъ промышленности упомянутаго борга (по нашему мѣстечка) Кодоніо и сосѣдняго къ нему города Лоди.

Въ Миланѣ мы однажды обѣдали у восьмидесятилѣтняго графа или князя Кёвенюллера. Это былъ феноменъ въ своемъ родѣ; добрый,

веселый, общительный, проворный въ движеніяхъ, легкій на ходу, съ перехватомъ въ таліи и съ сохранившимися волосами, да и чуть-ли не съ собственными своими зубами, онъ одѣвался изящно и грѣшилъ немного болтовнею (впрочемъ любезною) и склонностію къ смѣху. Онъ жилъ постоянно въ Миланѣ, гдѣ былъ когда-то чуть-ли не гражданскимъ губернаторомъ. Въ доказательство, насколько онъ былъ еще юнъ въ своихъ привычкахъ, разсказывали, что однажды, когда онъ уже совсѣмъ улегся на ночь въ постель, онъ вспомнилъ, что далъ слово быть гдѣ-то на вечерѣ, онъ всталъ, одѣлся и поѣхалъ туда.

Когда мы обѣдали у него въ Миланѣ, я имѣлъ удовольствіе вести подъ руку къ столу племянницу его маркизу Панетту Фалко, плѣнительную вполнѣ особу въ физическомъ отношеніи и съ прекрасными манерами, а потому, можетъ быть, фамилія ея не изгладилась у меня изъ памяти.

Славный Миланскій соборъ отдѣлывался тогда въ разныхъ наружныхъ деталяхъ, остававшихся недоконченными въ теченіе многихъ вѣковъ, и все изъ бѣлаго мрамора, и таковаго же мрамора безчисленные его шпицы, на острыхъ оконечностяхъ коихъ стоять статуйки знаменитыхъ въ исторіи Миланскихъ мужей, или участвовавшихъ въ сооруженіи этого великолѣпнаго зданія; тутъ показывали туристамъ статую Наполеона, терпимую Австрійскимъ правительствомъ. Въ Миланѣ есть также древняя весьма церковь, при портикѣ, во имя великаго святителя этого города св. Амвросія; но странно, что мѣсто, гдѣ почиваютъ его мощи, никому неизвѣстно.

Изъ Милана мы предприняли поѣздку къ озеру Комо. Въ городѣ того же имени сестра моя осталась, по какому случаю, не помню; а я и молодой Альбертони, мальчикъ 12 или 13 лѣтъ, поплыли въ пароходѣ обозрѣвать живописные берега этого озера, усѣянныя непрерывнымъ рядомъ роскошныхъ виллъ, межъ коими замѣчательна въ историческомъ отношеніи вилла Младшаго Плинія, «вилла Плиніяна». Въ ней изумительно то, что въ трехъ или четырехъ саженяхъ за домомъ (не Римской, а средневѣковой постройки) падаетъ съ отвѣсной скалы водопадъ очень сильною струею, въ полдень, а послѣ этого времени постепенно уменьшается, и ночью совершенно прекращается, начиная на разсвѣтѣ снова течь жиденькою струею и, постепенно возростая, переходить опять въ шумный потокъ къ полудню. Меня увѣряли, что этотъ самый феноменъ существовалъ во время Римскаго владѣльца виллы и имъ будто-бы описанъ въ письмахъ къ его друзьямъ; и хотя долбилъ я въ юношествѣ письма Младшаго Плинія, но объ этомъ обстоятельствѣ ничего рѣшительно не помню и о достовѣрности его не справлялся.

Въ теченіе дня пароходъ совершаетъ рейсъ отъ города Комо на южной части озера къ сѣверной у подножья Швейцарскихъ горъ и вечеромъ обратно приходитъ въ Комо, и такимъ образомъ оба берега развертываются полною панорамою передъ глазами путешественниковъ. На палубѣ небольшого нашего парохода я замѣтилъ пожилыхъ лѣтъ человѣка, оживленно разсказывавшаго что-то про Россію находившемуся тутъ аббату. Я вмѣшался въ разговоръ и узналъ, что фамилія этого человѣка Діотти и что онъ имѣлъ очень долго магазинъ оптическихъ принадлежностей въ Москвѣ, на Мороссейкѣ, вывѣску котораго я еще засталъ. Онъ весьма обрадовался, когда узналъ отъ меня, что я сынъ того графа Бутурлина Нѣмецкой слободы, съ которымъ онъ имѣлъ дѣла до 1811 года.

Я примкнулъ къ сестрѣ въ Миланѣ, и мы съ нею и съ семействомъ графа Альбертони предприняли поѣздку къ озеру Маджіоре и къ Боромеевскимъ островамъ. При городѣ Аронѣ, на берегу того озера, стоитъ на холмѣ колоссальная бронзовая статуя св. Карла Боромео; величина ея такова, что внутри статуи устроена лѣстница, по которой доходить можно до головы, гдѣ свободно помѣщается человѣкъ. Я задумалъ было полѣзть въ статую, но прежде чѣмъ достичь до отверстія въ нижней части статуи, надо было подняться по приставленной снаружи лѣстницѣ вдоль по всему піедесталу, а вышина піедестала была не менѣе 12 аршинъ, если не болѣе, и я струсилъ. Сторожа, промышлявшіе этою лѣстницею для любопытныхъ и болѣе меня отважныхъ путешественниковъ, сильно поворчали на мой отказъ, но нечего имъ было дѣлать. Углубляясь немного въ страну, въ окрестностяхъ небольшого городка Варезе*), мы поднялись на макушку высокой горы, гдѣ стоитъ монастырь «la Madonna del Monte», и возлѣ него на открытомъ мѣстѣ и опершись на скалу воздвигнута огромныхъ размѣръ статуя Спасителя или Богородицы (хорошо не помню) изъ бѣлаго мрамора, работы лучшаго въ то время Миланскаго ваятеля Маркези; она видна издали и потому весьма эффектна. Отъ этого монастыря видъ открывается на семь островов, и зрѣлище это украшалось тогда заходившимъ солнцемъ, послѣдніе лучи коего озаряли холмы и возвышенности, погружая почти что въ ночную темноту долины и низменныя мѣста. Артистическія впечатлѣнія, вынесенныя мною въ этотъ день, не изгладятся никогда изъ моей памяти, и настроенію этому способствовало наше возвращеніе: настигнутые ночью, мы, спускаясь съ горъ, проходили чрезъ лѣсъ исполинскихъ вѣковыхъ каштановыхъ (сладкихъ)

---

*) Возлѣ живописнаго городка Варезе была вилла графини Юліи Павловны Самойловой, гдѣ она обыкновенно проводила лѣто.

деревьевъ, сквозь зелень коихъ проглядывала луна; дамы наши сидѣли на ослахъ, а мы мужчины шли около нихъ пѣшкомъ.

На подобіе того, какъ признано въ художественномъ мірѣ, что у Рафаэля было три манеры (т. е. періода) живописи, одна другой совершеннѣе, старикъ Бріоскій *), реставраторъ картинъ при Императорскомъ Эрмитажѣ, говаривалъ, что «Naples est la troisième manière du bon Dieu». О томъ не могу судить, такъ какъ, по непонятной своей безпечности или нелюбознательности, никогда въ Неаполѣ не бывалъ; но скажу, въ подражаніе цитированному художнику, что вся описываемая мною часть сѣверо-западной Ломбардіи, со включеніемъ долинъ называемыхъ «la Brianza», есть конечно, «la seconde manière du bon Dieu». Понятно, что Австрійцамъ не хотѣлось разставаться съ этимъ краемъ.

Сестра и я удивляли Ломбардское мѣстное общество безукоризненнымъ нашимъ Итальянскимъ нарѣчіемъ, въ противоположность жаргону, бывшему во всеобщемъ тамъ, даже въ высшихъ классахъ, употребленіи; говорили про насъ: «come parlano finito» (какъ договариваютъ они каждое слово). Дѣло въ томъ, что въ ихъ нарѣчіи не договаривается гласная буква, находящаяся непремѣнно при окончаніи каждаго Итальянскаго слова, отъ чего слова у Ломбардцевъ выходятъ непріятно усѣченными.

Проводивъ сестру обратно въ Кремону, я поѣхалъ одинъ въ Туринъ, къ другой моей сестрѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ, которую я еще не видалъ съ тѣхъ поръ какъ она была замужемъ.

Ея не было тогда въ городѣ, гдѣ мужъ ея имѣлъ собственный домъ, и потому я отправился въ ихъ замокъ Соммарива-дель-Боско, въ двухъ часовомъ разстояніи отъ Турина. Надо здѣсь сказать, что зять мой, маркизъ Клавдій, нерасположенный вообще ни къ кому изъ моихъ семейныхъ, дѣлалъ для меня исключеніе и заглазно полюбилъ меня за военные мои подвиги и за мою наклонность къ разгульной жизни, и данное имъ мнѣ прозвище «d'un mauvais sujet» имѣло отнюдь неукоризненный, а скорѣе симпатичный смыслъ. Онъ былъ весьма радъ моему пріѣзду. Замокъ его представлялъ удачное весьма смѣшеніе суровой средневѣковой архитектуры съ комфортомъ и изяществомъ современнаго намъ вкуса: большой залъ былъ весь убранъ всякаго рода

---

*) Фамилія Бріоскій могла казаться Польскою; но онъ былъ чистѣйшій Итальянецъ и Флорентинскій урожeнецъ.

оружіемъ древняго и новаго времени, въ видѣ трофеевъ (panoplies), а при самомъ въѣздѣ въ зàмокъ ворота вели во внутренній дворъ, гдѣ въ феодальную эпоху удобно было владѣльцу съ своею дружиною отражать осаждающаго врага. На слѣдующій день маркизъ повезъ меня въ другое свое, въ горахъ, имѣніе, называемое Кераско, гдѣ хотѣлось ему похвастаться винами своего издѣлія, коими славится та мѣстность. Перепробовали мы оба уже не помню сколько сортовъ этихъ винъ, не стѣсняясь присутствіемъ моей сестры (она привыкла, бѣдняжка, къ безусловному во всемъ повиновенію своему владыкѣ); но хотя я въ угодность своему хозяину поглощалъ стаканъ за стаканомъ, вина эти были на мой вкусъ ничто иное какъ кислая бурда. Тогда у сестры было еще трое только дѣтей: Альбертъ, Анна и новорожденный Артемій *).

Не могъ я посвятить сестрѣ болѣе четырехъ дней, такъ какъ спѣшилъ обратно къ женѣ, съ коею былъ въ разлукѣ почти уже два мѣсяца; да она же извѣстила меня, что должна на дняхъ ѣхать въ Ливорно съ моею матерью, для взятія тамъ молитвы послѣ родовъ, и потому я избралъ кратчайшій путь изъ Турина на Геную, а оттуда моремъ въ Ливорну.

Не успѣлъ я совсѣмъ отобѣдать въ гостиницѣ въ Генуѣ, какъ вбѣжалъ служитель съ извѣстіемъ, что пароходъ, на которомъ приходилось мнѣ отправляться, развелъ уже пары и готовъ къ отплытію; но какъ я хотѣлъ, во что бы ни стало комфортабельно докончить весьма вкусный поданный мнѣ обѣдъ и распить бутылку Шампанскаго не спѣша, то приказалъ этому служителю сходить немедленно въ контору парохода (въ городѣ) и тамъ заявить, что на пароходѣ имѣетъ отправляться Русскій курьеръ съ депешами, и просить, чтобы его немного обождали. Въ блаженное то время званіе Русскаго агента имѣло важное дипломатическое значеніе, и въ особенности, можетъ быть, въ

---

*) Маркизъ Альбертъ родился въ 1830 году; по сіе время онъ не женатъ и служитъ нынѣ по дипломатической части консуломъ Итальянскаго правительства въ одномъ изъ Австрійскихъ портовыхъ городовъ на Адріатическомъ морѣ. Сестра его Анна, годомъ моложе его, славилась своею красотою и вышла замужъ за Генуэзскаго маркиза знаменитой фамиліи Доріа. Послѣ несчастныхъ первыхъ своихъ родовъ, она совершенно оглохла Артемій, отличный малый, посѣтившій Россію въ 1862 году и отыскавшій одинъ дорогу ко мнѣ въ Знаменское, нынѣ маіоромъ кавалеріи. Позднѣе 1837 года у сестры родились сынъ Еймаръ (Aimar) и дочь Алина, вышедшая замужъ недавно (въ 1869 году) за маркиза Саннадзара. Игрою ли случая, или намѣренно, но всѣ имена пяти дѣтей моей сестры начинаются буквою А.

Не могу пропустить безъ замѣчанія, что традиція жертвы Бироновскаго мщенія, Артемія Волынскаго, перешла изъ Россіи заграницу въ лицѣ племянника моего Артемія Соммаривы.

Генуѣ, гдѣ губернаторомъ былъ тогда маркизъ Паулуччи, бывшій, какъ извѣстно, весьма долго въ Русской службѣ и генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ. Хитрость моя увѣнчалась успѣхомъ. А вотъ и другіе два примѣра, какъ тогда все дѣлалось въ Европѣ въ угодность Русскому царю и его правительству. Графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой разсказывалъ мнѣ, что въ бытность его въ Дрезденѣ въ 1839 году, онъ познакомился съ однимъ Французскимъ герцогомъ де-Ронѐ (duc de Raunay), который щеголялъ великолѣпною окладистою бородою (борода начала тогда входить въ моду во Франціи). Годъ спустя, графъ Толстой пріѣхалъ снова въ Дрезденъ, встрѣтился съ этимъ Французомъ уже обритымъ, и на его вопросъ, почему тотъ разстался съ бородою, послѣдній отвѣчалъ, что это было ради Русскаго императора. «Когда здѣсь ожидали его пріѣзда», объяснился Французъ, «то нашъ министръ, призвавъ меня къ себѣ, убѣдительно настоялъ, чтобы я сбрилъ бороду, какъ ненавистную вашему императору». Графъ Толстой путешествовалъ съ своимъ дядею, старымъ графомъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Толстымъ и съ дочерью послѣдняго, графинею Закревскою; они, проѣзжая черезъ Шалонъ въ Парижъ, накупили партію Шампанскихъ винъ и уложили ихъ въ дорожный фургонъ. Такъ какъ положенъ пошлинный сборъ на всѣ продукты при въѣздѣ въ Парижъ, то предстояло заплатить порядочный кушъ за эти вина у заставы; но скачущій передъ экипажами верховой курьеръ закричалъ, что ѣдетъ Русскій посланникъ, и таможенные сторожа немедленно подняли шлагбаумъ *).

Переѣздъ въ Ливорну пароходомъ совершается въ одну ночь, и на слѣдующее утро, послѣ несноснаго карантиннаго осмотра, какъ будто бы мы плыли изъ зараженной чумою мѣстности, я пос-

---

*) Насколько утратилось двадцать лѣтъ спустя обаяніе Русскаго имени, можно судить изъ слѣдующаго случая, также переданнаго мнѣ графомъ Д. Н. Толстымъ. Проѣзжая черезъ Брюссель въ Парижъ въ 1859 году, жена тамошняго нашего представителя, г-жа Рихтеръ, просила графа Толстаго захватить съ собою посылку съ Брюссельскими кружевами, для одной ея знакомой въ Парижѣ; въ избѣжаніе таможеннаго осмотра, резидентъ нашъ снабдилъ графа курьерскимъ открытымъ листомъ, а посылку запечаталъ посольскою печатью съ надписью, „въ императорское Россійское посольство въ Парижѣ". Не смотря однако же на это, таможенные чиновники у Парижской заставы настаивали, что не могутъ пропустить эту посылку не вскрывши ее: обстоятельство, не только неожиданное, но угрожавшее опасностію компрометировать наше Брюссельское посольство, въ сознательномъ провозѣ контрабанды, отчего завопила бы вся Европейская печать. На это графъ Толстой рѣшительно заявилъ, что никакъ не можетъ согласиться, чтобы посольская печать была сорвана, и что если ему невозможно лично доставить посылку въ цѣлости Парижскому нашему посольству, то въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ же, не въѣзжая въ городъ, возвратится въ Брюссель, но что отвѣтственность за задержаніе кабинетнаго Русскаго курьера падетъ на таможенныхъ чиновниковъ. Угроза подѣйствовала, и графа пропустили безъ осмотра.

пѣшилъ въ гостиницу «Чернаго Орла», гдѣ всѣ изъ нашего семейства обыкновенно останавливались, я встрѣтилъ обѣихъ моихъ дамъ на полу-пути, близъ городка «Санъ-Миніато или Тедеско» *) и съ ними возвратился въ Ливорну. Тамъ не взирая на высказанныя Греками сомнѣнія въ дѣйствительности св. мѵра, употребляемаго отцемъ Іоахимомъ при совершеніи таинства мѵропомазанія нашей дочери, жена моя не согласилась на повтореніе этого таинства. Она взяла молитву и въ первый разъ поднесла къ святому причащенію нашу Анночку. Изъ Ливорны мы поѣхали въ Пизу обозрѣвать тамошнія замѣчательности. Напомню здѣсь, что въ Пизанскомъ каѳедральномъ соборѣ, построенномъ Греческими зодчими въ XI или XII вѣкѣ, въ запрестольной его части усматривается на плафонѣ надъ горнимъ мѣстомъ мозаичное изображеніе Спасителя, благословляющаго перстосложеніемъ нашей восточной церкви (тогда какъ Латиняне благословляютъ всею ладонью, не загибая пальцевъ); по обѣимъ сторонамъ сидящаго на престолѣ Спасителя стоятъ Пресвятая Богородица и (кажется) Іоаннъ Предтеча; надъ всѣми тремя изображеніями находятся ихъ монограммы въ заглавныхъ Греческихъ буквахъ, точь въ точь, какъ на нашихъ иконахъ [1]); внутри же церкви идетъ во все ея пространство галерея во 2-мъ ярусѣ, для женщинъ, по восточному обычаю. Нечего говорить, что порядокъ этотъ давно уже не соблюдается. Въ Пизѣ на «Кампо Санто» похоронена молодая графиня (дѣвица) Анастасія Петровна Шувалова, умершая въ 1817 или 1818 году, въ Римско-католическомъ исповѣданіи.

Вскорѣ по прибытіи нашемъ во Флоренцію, мы получили извѣстіе отъ Елисаветы Ивановны Нарышкиной, что она, собравъ всѣ свои скудныя средства, готовится ѣхать въ Италію. Можно представить себѣ радость моей жены при такомъ извѣстіи. Приходится прервать ненадолго нить моего разсказа ради Нарышкинскаго семейства. Всю предыдущую зиму Елисавета Ивановна провела въ Москвѣ, съ недавно женившимся сыномъ ея, у коего родился первый его сынъ Сергѣй, въ началѣ 1837 года, и потому почти что ровесникъ нашей дочери. Теща моя не ладила съ Маріею Сергѣевною (снохою своею), да и о послѣдней нельзя сказать, чтобы она очень расточалась въ нѣжности и вниманіи къ своей свекрови; но Алексѣй Ивановичъ, какъ новый Сократъ,

*) Городокъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ только, что былъ колыбелью всего Бонапартскаго семейства, въ XVI вѣкѣ, до его переселенія, много позднѣе, на островъ Корсику.

[1]) Ужъ какъ бы не вертѣлись паписты, а православная Греческая старина то и дѣло проглядываетъ не только въ постройкѣ ихъ храмовъ, но и въ ихъ церковной службѣ, тогда какъ никакого слѣда латинства не встрѣчается въ нашей восточной церкви.

не обращалъ никакаго вниманія на эти женскія распри и раздоры, и постоянно подшучивалъ надъ обѣими. Правду сказать, въ характерѣ покойной Маріи Сергѣевны было что-то рѣзкое; но тѣмъ не менѣе, она была достойная вполнѣ и солидная, такъ сказать, женщина, примѣрная жена и даже нянька за своимъ мужемъ, вся преданная воспитанію дѣтей, отличная хозяйка и дѣловая вообще барыня. Слабостію, или точнѣе сказать, прихотью у нея было—окружать себя десятками кошекъ и шавокъ, подобранныхъ ею съ улицы, и заводить курятники на чердакахъ нанимаемой въ Москвѣ квартиры. Ее обвиняли иные въ скупости, но это было необходимо при склонности мужа къ расточительности; живя въ Москвѣ, она почти ничего не тратила на свою особу и одѣвалась столь невзрачно (обыкновенно въ сарпинковомъ платьѣ), что Алексѣй Ивановичъ приходилъ отъ этого въ отчаяніе. Она получила въ приданое, наравнѣ со старшею своею сестрою Варварою Сергѣевною Абаза, сорокъ тысячъ рублей асс., что́ самое получила также третья сестра Надежда Сергѣевна, неудачно вышедшая замужъ за артилерійскаго офицера Богуславскаго *). Эти деньги Алексѣй Ивановичъ сразу истратилъ въ неудачномъ предпріятіи винокуреннаго завода; онъ весь разстроился, и если имѣніе его уцѣлѣло, то это благодаря опекунскому управленію тестя его Сергѣя Васильевича Цурикова, опытнаго въ дѣлѣ сельскаго хозяйства.—Затѣмъ возвращаюсь къ нашему Флорентинскому житью-бытью.

Теща моя пріѣхала во Флоренцію съ нѣкою г-жею Засядкою на общіе ихъ путевые издержки, въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Рѣдко встрѣчалъ я въ жизни такое добрѣйшее и сердобольное существо, какъ эта г-жа Засядко. Она была лѣтъ 50-ти, весьма тучная изъ себя, но тѣмъ не менѣе болѣзненная. Одинъ изъ недуговъ ея состоялъ въ спячкѣ, такъ что среди бѣлаго дня и въ обществѣ она засыпала въ одинъ мигъ; можетъ быть, что отъ этого недуга она и пріѣхала лечиться въ Италію. Это была благороднѣйшая натура, деликатно резборчивая въ средствахъ подачи помощи ближнему, и щедроты неисчерпаемой, къ чему допускало ее хорошее ея состояніе; но сама она жила весьма скромно, одна и съ одною только горничною и однимъ лакеемъ. Не знаю, право, къ какого рода грѣху могла она быть причастна и о чемъ приходилось ей исповѣдоваться своему духовнику. Со времени этой поѣздки въ Ита-

*) Этотъ г. Богуславскій, ловкій и весьма пріятный въ обществѣ господинъ, промоталъ женины деньги, уѣхалъ отъ нея, опредѣлился на службу на Кавказъ и тамъ безъ вѣсти пропалъ; но изъ приказовъ не видно, чтобы онъ былъ умершимъ. Самая меньшая изъ сестеръ Цуриковыхъ, Анна Сергѣевна, вышла замужъ въ 50-хъ годахъ за славившагося въ Москвѣ медика А. И. Овера. По смерти А. И. Овера годъ спустя, въ началѣ 1865 года, она вышла опять замужъ за доктора Александра Петровича Попова.

лію она сдружилась съ Елисаветою Ивановной и въ этихъ отношеніяхъ осталась до своей кончины. Она поселилась впослѣдствіи въ Москвѣ на Садовой, близъ церкви св. Ермолая.

Елисавета Ивановна пріѣхала къ намъ со всегдашнею своею горничною, ея крестницею Машею, и съ наемнымъ изъ Москвы Русскимъ лакеемъ, котораго тотчасъ же и отправила обратно. Никто изъ нихъ трехъ не зналъ ни бельмесса по-итальянски; дѣло шло у нихъ хорошо, пока проѣзжали чрезъ Германію, такъ какъ теща моя говорила по-нѣмецки, но когда перевалили чрезъ Альпы въ Ломбардію и дальше, непонятно, какъ они перебивались для своихъ надобностей въ гостинницахъ и съ ветуринами.

Такъ какъ въ нашемъ палаццѣ не было свободнаго помѣщенія для Елисаветы Ивановны, то для нея сыскали квартиру рядомъ съ нами, гдѣ отдохнувши три-четыре дня, она поспѣшила поѣхать въ Ливорну, поклониться праху моего отца, коего она всегда чтила, какъ бы своего роднаго, и куда я ее сопровождалъ. Все это лѣто 1837 года мы провели въ удушливой городской атмосферѣ, чего никогда мнѣ дотолѣ еще не случалось; но такъ какъ невозможно было оставаться въ нашемъ отдѣленіи, расположенномъ на самый полдень, то мы перебрались внизъ, въ «піанъ-террено», на уровнѣ съ садомъ и обращенномъ къ Сѣверу, съ каменными и мраморными полами, отъ чего комнаты были прохладны. Теща моя всегда обѣдала у насъ, и потому издержки ея ограничивались содержаніемъ ея горничной и нанятой для черной работы Итальянки. Мать моя уѣхала на всю остальную часть лѣта къ своей дочери, княгинѣ Видони, въ Ломбардію, оставивъ въ полное наше распоряженіе свою карету и лошадей; а братъ съ семействомъ уѣхалъ для морскихъ купаній куда-то, около, кажется, Генуи, и мы снова вдвоемъ сдѣлались единственными обитателями громаднаго палацца; такъ какъ г. Слоанъ предпринялъ той весною, единственную со времени своего вступленія къ намъ въ домъ въ 1817 году, свою поѣздку въ Англію, да и живя во Флоренціи, онъ имѣлъ свой особенный кругъ знакомства, гдѣ каждодневно обѣдалъ и проводилъ вечеръ, мы рѣдко весьма встрѣчались съ нимъ.

Все время у жены моей было поглощено уходомъ за Анетиною, которая изъ дурнушки начинала хорошѣть. Для нашихъ прогулокъ мы выбирали городскія окрестности или публичные сады, гдѣ бы можно было женѣ присѣсть, чтобы кормить грудную дочь, что̀ часто повторялось во время прогулокъ, а Анночку носили попеременно на рукахъ Аленушка и я.

Постояннаго себѣ занятія дóма я еще тогда не сыскалъ и отъ нечего дѣлать шатался по улицамъ одинъ, пока наступало время гулянья съ женою. Замѣтивъ во время одного изъ таковыхъ одиночныхъ моихъ странствованій цѣлыя груды старинныхъ, почернѣвшихъ и иногда прорванныхъ картинъ, выставленныхъ на уличныхъ прилавкахъ, я сталъ въ нихъ пристальнѣе вглядываться и, увидавъ въ иныхъ слѣды художественнаго достоинства, принялся скупать ихъ по грошевымъ цѣнамъ. Сначала я отдавалъ иныя реставрировать спеціалисту по той части, каковаго люда было много во Флоренціи. Предметъ этотъ обратился въ промыселъ весьма выгодный для мѣстныхъ торговцевъ, дѣлавшихъ большіе денежные обороты своими галлереями реставрированныхъ заново древнихъ картинъ, привлекавшихъ покупателей въ роскошныхъ ихъ золотыхъ съ рѣзьбою рамахъ. Любопытенъ сталъ для меня процессъ, какимъ образомъ изъ дыряваго холста иногда даже въ лохмотьяхъ, съ едва внятными остатками живописи, вдругъ какъ будто бы волшебствомъ являлась свѣжая картина съ блестящимъ колоритомъ, покрытая лакомъ и безъ всякихъ слѣдовъ прежняго поврежденія. Принявшись изучать эту новую для меня отрасль художества съ обычнымъ моимъ увлеченіемъ, я скоро постигъ настолько премудрость этого превращенія, что завелся колерами, мольберомъ и прочими аттрибутами настоящаго художника и устроилъ у себя мастерскую, сначала подъ чердакомъ палацца, гдѣ просиживалъ все свободное время. Основный процессъ сего рода живописи состоитъ въ приготовленіи на палитрѣ колеровъ (т. е. красокъ въ порошкахъ) не на маслѣ, какъ обыкновенно, а разведенныхъ на скипидарномъ спиртѣ съ примѣсью къ нимъ спиртоваго лака, на томъ основаніи, что масляныя краски темнѣютъ со временемъ, а такъ какъ реставрація состоитъ въ томъ, чтобы свѣжія поправки подходили бы точь въ точь къ остаткамъ подлинника, то еслибы употреблялась для того масляная краска, она сдѣлалась бы со временемъ много темнѣе подлинника и поправки вышли бы пятнами, между тѣмъ какъ краска, разведенная указаннымъ способомъ, никогда не темнѣетъ; скипидарный же спиртъ употребляется здѣсь, потому что безъ него краска на одномъ лакѣ слишкомъ густа и черствѣетъ даже на самой палитрѣ во время ея употребленія. Семейныя мои дамы не весьма сочувствовали новому моему роду занятій, по причинѣ сильнаго скипидарнаго зловонія, коимъ вѣяло отъ меня, хотя я изъ предосторожности имѣлъ особый костюмъ для этой работы, который и оставлялъ въ своей мастерской. Залегла у меня въ головѣ мысль спекулировать съ большимъ барышемъ этими картинами въ Россіи въ виду того, что цѣлые транспорты таковыхъ были отправляемы изъ Флоренціи въ другіе края, и особенно въ Америку, и я началъ распространять кругъ

своей дѣятельности покупкою отдѣльныхъ частей, а иногда цѣлыхъ галлерей, коими переполнены были виллы въ окрестностяхъ Флоренціи и въ прочихъ Тосканскихъ городахъ. Побывавъ съ этою цѣлью нѣсколько разъ въ Пизѣ, Ливорнѣ, Луккѣ и въ другихъ городкахъ и посадахъ внутри страны, я въ теченіе трехъ почти лѣтъ (1837—1839) успѣлъ скупить, реставрировать и отправить моремъ черезъ Ливорну и Одессу въ Москву, къ Леону Капенштейну, приблизительно до 2000 картинъ. Цѣны я назначалъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: за самыя лучшія, которыя стоили мнѣ съ покупкою, поправкою, упаковкою и прочими издержками до Москвы отъ 10 до 20 р. сер. (таковыхъ было немного), я назначилъ отъ 300 до 600 рублей; за прочія низшаго достоинства, обходившіяся мнѣ съ провозомъ отъ 1 до 3 рублей (какихъ было въ большинствѣ, а иныя даже менѣе одного рубля) я назначалъ отъ 10 до 50 р. и, забывъ пословицу, что цыплятъ осенью считаютъ, потѣшалъ себя исчисленіемъ будущихъ барышей. Для этихъ экспедицій у меня были два складочныхъ амбара: одинъ во Флоренціи, а другой въ Ливорнѣ съ смотрителемъ при каждомъ изъ нихъ, и живописецъ-реставраторъ, нѣкто Піаченти, на годовомъ у меня окладѣ, коему я самъ помогалъ.

Встрѣтивъ въ Ливорнѣ весною 1837 года того самаго Паоли, что̀ былъ нѣкогда камердинеромъ у моего брата (возвратившагося передъ тѣмъ изъ Константинополя, гдѣ коммерческія его предпріятія не удались), я взялъ его въ услуженіе комиссіонеромъ, и весною 1838 г. онъ отправился моремъ въ Одессу, а оттуда въ Москву, съ первымъ транспортомъ картинъ. Онъ былъ для того сподрученъ какъ мараковавшій по-русски [1]). Всѣ таковыя отправки дѣлались черезъ Ливорнскій торговый Греческій домъ гг. Папудовыхъ, имѣвшихъ также свою контору въ Одессѣ [2]), и у коихъ я завелъ было весьма значительный денежный кредитъ, лопнувшій, какъ все прочее, послѣ неудачной Леоновской операціи на Бородинскихъ маневрахъ въ 1839 году. Картины однакоже плохо шли съ рукъ въ Москвѣ, и спекуляція не удалась; но кромѣ того, я одновременно съ ними отправлялъ также и средневѣковую ме-

---

[1]) Этотъ Паоли, отошедъ отъ меня въ Москвѣ въ 1843 г., поступилъ сперва къ князю Петру Михайловичу Волконскому, а послѣ, мэтръ-д'отелемъ къ княгинѣ Кочубей (вдовѣ князя Бѣлосельскаго), отъ которой отошелъ въ концѣ 1862 года, и съ нажитымъ капиталомъ, около 45 т. р., возвратился во Флоренцію (гдѣ я его тогда видѣлъ), купилъ, кажется, землю, и тамъ же умеръ въ 1866 или 1867 году.

[2]) Изъ болѣе замѣчательныхъ Греческихъ торговыхъ домовъ въ Ливорнѣ, кромѣ гг. Папудовыхъ, были г. Родоканаки и г. Тозица; всѣ они вели торговлю въ Итальянскихъ приморскихъ городахъ пшеницею изъ южнаго края Россіи, каковой хлѣбъ безразлично назывался тамъ Таганрогскимъ.

бель и даже старинный Венеціянскій хрусталь. Не удалась спекуляція отчасти и потому, что Леонъ роздалъ часть картинъ въ долгъ или въ уплату своихъ долговъ, и потому я лишенъ былъ возможности поддерживать свой кредитъ въ Италіи. Послѣдняя же партія, отправленная изъ Ливорно въ самый разгаръ Бородинскаго разгрома, застряла гдѣ-то на пути и никогда не дошла до Москвы. А будь только сбытъ и что-нибудь похожее на правильную торговлю, какую вели въ то время въ Москвѣ гг. Негри, Лухмановъ, Волковъ или Родіоновъ, съ аккуратною доставкою мнѣ въ Италію вырученныхъ денегъ, я могъ бы нажить большія деньги и началъ бы закупать вещи гораздо цѣннѣе, напримѣръ, арматуры и старый фарфоръ. Много позднѣе оставшійся какой-нибудь десятокъ отборныхъ картинъ украшалъ еще Московскую мою квартиру въ домѣ Попова (прежде Альбини, на углу Тверской и Леонтьевскаго переулка), но подвернулся на мою бѣду прогорѣлый аферистъ изъ Нѣмцевъ, котораго я любилъ за его услужливость и какъ забавнаго разсказчика и компаніона; онъ-то и уговорилъ меня отдать ему эти картины для поправки его дѣлишекъ, по условленной цѣнѣ; но онъ сошелъ въ могилу, и я ни денегъ, ни моихъ картинъ болѣе не видалъ.

Возвращаюсь къ Флорентинской лѣтней жизни ничѣмъ не отличавшейся отъ зимней до поздней осени, когда жена моя начала свое появленіе во Флорентинскомъ большомъ свѣтѣ. Я настаивалъ, чтобы туалетъ ея былъ бы самый изящный, и она стала все забирать у первенствующихъ модистокъ госпожъ Безансонъ и Аглае Ламаръ. Наряжать любимую нами женщину вещь весьма естественная и даже похвальная, когда эта женщина наша жена; но все дѣло состоитъ въ размѣрахъ таковой траты. Притомъ извинительно было бы тратить наличныя деньги, но онѣ какъ-то рѣдко бывали у меня, и я началъ прибѣгать къ губительному способу кредита; тѣмъ болѣе опасному, что завлекаясь его легкостію, забываемъ соразмѣрность возможныхъ къ уплатѣ средствъ. Какъ ни старалась разсудительная моя мать уговорить меня умѣрить мои расходы, или, точнѣе сказать, заборы въ долгъ, мнѣ непріятно даже было выслушивать ея наставленія. Я хотѣлъ высказать ей, что относительно туалета моей жены, я не раздѣлялъ ея (т. е. матери моей) воззрѣній и не одобрялъ скромности, какой она всегда придерживалась съ ранней своей молодости, какъ въ отношеніи самой себя, такъ и въ отношеніи моихъ сестеръ, когда онѣ начали выѣзжать въ свѣтъ.

Осенью того (1837 г.) пріѣхалъ во Флоренцію Евгеній Осиповичъ Понятовскій для поправленія здоровья, и съ тѣхъ поръ онъ оконча-

тельно тамъ поселился. Изъ прежняго свѣтскаго и общественнаго человѣка онъ сдѣлался почти затворникомъ, весь предался религіозному настроенію, бывалъ только у своей сестры и кое-когда посѣщалъ насъ. Постояннымъ его товарищемъ сдѣлался нѣкто каноникъ тамошней каѳедральной церкви аббатъ Бижевскій (или Биржевскій), природный Флорентинецъ, хотя фамилія его выказывала Польское происхожденіе. Впослѣдствіи Понятовскій переселился изъ города въ купленную имъ виллу, гдѣ и умеръ въ началѣ 50-хъ годовъ [1]). Провелъ также эту зиму, во Флоренціи князь Николай Григорьевичъ Репнинъ съ своимъ семействомъ, и здѣсь же въ слѣдующемъ 1838 году состоялась свадьба меньшой изъ княженъ Репниныхъ съ Павломъ Ивановичемъ Кривцовымъ, состоявшимъ тогда при Римской нашей миссіи [2]), для чего выписанъ былъ оттуда іеромонахъ отецъ Герасимъ. Временная Русская церковь устроена была на площади Питти, въ домѣ того Маріотти, который имѣлъ постоянныя денежныя дѣла съ Русскими туристами. Памятно мнѣ, какъ однажды старый князь Репнинъ [3]), заказавши заупокойную службу по императорѣ Александрѣ I-мъ, горько плакалъ во время богослуженія. Мать моя въ своей молодости и позднѣе до самой нашей эмиграціи изъ Россіи была постоянно въ близкихъ отношеніяхъ съ княгинею Репниною (рожденною графиней Разумовской), но при свиданіи опять съ нею во Флоренціи послѣ двадцати лѣтней разлуки прежняя дружба между обѣими не возобновлялась, какъ мнѣ казалось, виною чего была, по мнѣнію моему, разность ихъ вѣроисповѣданій, хотя можетъ быть, обѣ дамы не давали себѣ въ этомъ отчета. Несомнѣнно для меня, что Римскій прозелитизмъ дѣйствуетъ болѣе или менѣе не только на гражданскія отношенія, но и на родственныя и дружескія связи. Но никто изъ семейныхъ моихъ женщинъ не пытался совращать мою жену.

Я уже говорилъ, что въ этотъ зимній сезонъ съ 1837 по 1838 г., жена моя и я начали посѣщать Флорентинскій *бо-мондъ*. Домъ принца де-Монфора (Іеронима Банапарта) былъ изъ первыхъ: у него были тан-

---

[1]) Вилла Данте, съ тѣхъ поръ извѣстная подъ именемъ виллы Понятовской, принадлежащая нынѣ невѣсткѣ моей графинѣ Аврорѣ Осиповнѣ, которая проводитъ теперь въ этой виллѣ даже зиму. Въ ней же умеръ весною 1869 года на 65-мъ году отъ рожденія, и всѣми знакомыми его оплакиваемый, Августъ Осиповичъ Понятовскій, пріѣхавшій на зиму къ своей сестрѣ.

[2]) Министромъ нашимъ при Римскомъ дворѣ былъ тогда нѣкто г. Потемкинъ, женатый на Англичанкѣ-католичкѣ.

[3]) Сынъ его, князь Василій Николаевичъ Репнинъ, однимъ или двумя годами старше меня, былъ уже тогда нѣсколько лѣтъ женатъ на Балабиной. Въ настоящее время сынъ князя Василія Николаевича женатъ на троюродной своей сестрѣ княжнѣ Софіи Дмитріевнѣ Волконской.

цовальные вечера разъ въ недѣлю, которые мы рѣдко пропускали. Умершая незадолго до нашего пріѣзда во Флоренцію, принцесса де-Монфоръ, хотя по себѣ Виртембергской королевской крови, держала, однакоже, себя, какъ слышно было во Флорентинскомъ обществѣ, какъ бы частное лицо; но низринутый съ Вестфальскаго трона, надменный ея супругъ не мирился съ своимъ паденіемъ, продолжалъ называть жену свою не иначе какъ «la reine», и на вечерахъ у себя придерживался полу-дворцоваго этикета, состоявшаго въ томъ, что Нѣмецкая баронесса (фамилію ея я забылъ), находившаяся при ея дочери принцессѣ Матильдѣ, нынѣ женѣ Анатолія Николаевича Демидова [1]), объявляла кавалерамъ о чести выбора ихъ самою принцессою для танцевъ съ нею, чему я былъ очевидцемъ. Передано же было мнѣ, что, при открытіи бала, домашній церемоніймейстеръ принца де-Монфора, какой-то Итальянецъ (изъ нуждающейся, вѣроятно, братіи) растворялъ настежъ двери бальнаго зала передъ входомъ своего патрона и возвѣщалъ громогласно собравшимся гостямъ о входѣ его величества короля. Этого я самъ не видалъ, но могу засвидѣтельствовать, что принцъ на своихъ пріемныхъ вечерахъ расхаживалъ по заламъ со шляпою и тростью въ рукѣ, что̀ однакоже, надо сказать правду, не мѣшало ему быть весьма внимательнымъ къ гостямъ. Далеко не такъ надменно держалась низринутая съ неменьшей высоты сестра его Каролина Мюратъ, также поселившаяся во Флоренціи подъ скромнымъ псевдонимомъ графини Липона [2]). И она жила тамъ открытымъ домомъ, но простотою своего обращенія и радушною привѣтливостію снискала себѣ всеобщее уваженіе и привязанность. Разсказывали, что, изъявивъ однажды величественному своему брату сожалѣніе, что, не смотря на то, что она часто бывала у него въ домѣ, невѣстка ея не хочетъ сдѣлать ей удовольствія своимъ посѣщеніемъ, онъ отвѣчалъ сестрѣ, «la reine reçoit les visites, mais ne les rend pas» [3]). «О, если это такъ»,—возразила та,—«то и королева Каролина одинаково будетъ также дѣйствовать». Принцъ Іеронимъ былъ уже нѣсколько лѣтъ въ связи съ Флорентинскою одною дамою Б., худощавою, но интересною блондинкою, съ коею онъ, помнится мнѣ, прижилъ нѣсколько дѣтей, а впослѣдствіи женился на ней тайнымъ бра-

---

[1]) А. Н. Демидовъ возведенъ былъ въ началѣ 40-хъ годовъ въ достоинство графа ди-Санъ-Донато Тосканскимъ великимъ герцогомъ, но титулъ этотъ никогда не былъ признанъ за нимъ въ Россіи.

[2]) Вымышленная фамилія Липона есть ни что иное какъ анаграмма „Napoli“. Она умерла во Флоренціи въ началѣ 1839 года въ своемъ палаццѣ, превратившемся нынѣ въ великолѣпный отель „Италію“. Кончина ея возбудила всеобщую скорбь во Флоренціи, гдѣ всѣ ее горячо любили.

[3]) „Королева принимаетъ визиты, но не отдаетъ ихъ никому“. (Анекдотъ этотъ переданъ мнѣ моею матерью).

комъ [1]). Принцесса Матильда, коей только что миновало тогда 16 лѣтъ, была очень не дурна собою, но толста не по лѣтамъ. Оба сына принца де-Монфора (старшій изъ коихъ давно умеръ) находились тогда при немъ. Меньшой изъ нихъ прозванный «Plon-plon», по причинѣ его тучности, только что возвратился тогда отъ своего дяди, короля Виртембергскаго, куда отправленъ былъ въ военную службу съ молодымъ Флорентинцемъ маркизомъ Бентиволіо, сыномъ г-жи Изабеллы Риччи отъ ея перваго брака [2]); оба они напроказничали, кажется, въ Штутгардѣ, вслѣдствіе чего отправлены были обратно восвояси. Я уже замѣтилъ, кажется, что за исключеніемъ И. М. Муравьева, всѣ мы Русскіе не честили принца Іеронима титуломъ «величества», а говорили ему только «Monseigneur», и «votre altesse».

Весною 1838 года братъ мой ѣздилъ на короткое время въ Россію. Это была послѣдняя его поѣздка въ отечество, пламенно любимое имъ до конца его примѣрной и страдальческой въ послѣднемъ ея періодѣ жизни. Зиму съ 1837 на 1838 годъ онъ съ семействомъ провелъ во Флоренціи, въ домѣ маркиза Пуччи, насупротивъ театра «Нуово» [3]) на улицѣ Сантъ-Эджидіо, ведущей къ госпиталю Санта-Марія-Нуова.

Составъ Флорентинскаго дипломатическаго корпуса былъ въ то время много скуднѣе въ свѣтской своей обстановкѣ противъ того, чѣмъ онъ былъ въ моемъ дѣтствѣ и позднѣе, когда я провелъ годъ во Флоренціи по возвращеніи изъ Одессы. Русской миссіи тамъ никакой не было; не было также Французскаго посланника, и былъ только повѣренный въ дѣлахъ нѣкто г. де-Беллокъ, при коемъ состоялъ одинъ секретарь г. Лафонъ, сынъ знаменитаго въ началѣ столѣтія скрипача. Англійскою миссіею управлялъ также повѣренный г. Аберкрóмби, но въ 1838 году прибылъ новый министръ, сиръ Фоксъ, сынъ лорда Голланда, человѣкъ женатый и съ состояніемъ, но онъ не жилъ такимъ открытымъ домомъ, какъ его предмѣстникъ лордъ Бургешъ [4]). Австрійскимъ посланникомъ былъ генералъ графъ Ревицкій, человѣкъ уже по-

---

[1]) Принцъ Іеронимъ, проживая въ первой своей молодости въ Америкѣ, женился на Американкѣ, нѣкой дѣвицѣ Патерсонъ, каковой бракъ расторгнутъ былъ державнымъ его братомъ для его (Іеронима) женитьбѣ на принцессѣ Виртембергской. Сынъ отъ перваго брака, носившій фамилію своей матери Патерсонъ, остался навсегда въ Америкѣ.

[2]) Г-жа Риччи была узаконенная въ Австріи и Италіи дочь князя Станислава Понятовскаго. Дочь ея Біанка вышла замужъ впослѣдствіи за графа Валевскаго, пресловутаго друга Наполеона III-го сына Наполеона I-го (?).

[3]) Домъ маркиза Пуччи (тогдашняго мужа Паолины Пенчини, которая впослѣдствіи вышла замужъ за г. Хитрово) былъ также насупротивъ нынѣшняго дома г. Слоана.

[4]) Впослѣдствіи герцогъ Вестморландскій и, кажется, посланникъ въ 40-хъ годахъ при Берлинскомъ дворѣ.

жилой, но недавно передъ тѣмъ женившійся на красавицѣ Полькѣ; у него старшимъ секретаремъ посольства былъ баронъ Шницеръ. Сардинскимъ представителемъ былъ повѣренный въ дѣлахъ, Броліо ди-Момбель. Фамиліи Неаполитанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ (посланника также не было) не помню, но дипломатъ этотъ ничѣмъ не отличался, кромѣ кучерскимъ своимъ искусствомъ править съ высоты козелъ цугомъ въ четыре лошади (four in hand) и даже, кажется, въ шесть кровныхъ Англійскихъ лошадей въ шорахъ и безъ форейтора. Онъ былъ молодой еще человѣкъ, холостякъ, у себя никого не принималъ и самъ почти ни у кого не бывалъ. Открытѣе всѣхъ прочихъ жили два брата князья Карлъ и Джіузеппе Понятовскіе, усыновленные въ Австріи и Тосканѣ, дѣти князя Станислава Понятовскаго, брата послѣдняго Польскаго короля.

Братья Понятовскіе владѣли большимъ состояніемъ гдѣ-то въ Австріи, но былъ слухъ, что старшій изъ нихъ, князь Карлъ сильно будто-бы разстроилъ свои дѣла. Всѣ три брата и старая княгиня-мать жили въ своемъ огромномъ палаццѣ въ улицѣ «Via larga» (нынѣ улица Кавуръ); она была первоначально не болѣе какъ женою кучера князя Станислава, и когда она овдовѣла и князь могъ поэтому жениться на ней, сыновья его были уже совершеннолѣтними; и вотъ почему Австрійское правительство возвратило его сыновьямъ фамилію и княжескій титулъ не къ законнымъ его дѣтямъ, а къ усыновленнымъ пріемышамъ бездѣтнаго яко бы князя. Въ первой четверти настоящаго столѣтія кн. Станиславъ поселился было въ Римѣ, купивъ значительныя помѣстья въ Церковной области, но поссорившись съ Римскою куріею по случаю отказа сей послѣдней въ усыновленіи незаконнорожденныхъ его дѣтей, распродалъ всѣ тамошнія свои имѣнія и переѣхалъ окончательно на жительство во Флоренцію. Сыновья его не знали ни одного слова по-Польски.

Я уже говорилъ, что Николай Никитичъ Демидовъ завѣщалъ значительное весьма помѣстье незаконному своему сыну Романовичу, въ окрестностяхъ Ливорна, называемое «Монте-Лимоне». По смерти убитаго на дуэли Романовича имѣніе это, за отсутствіемъ законныхъ наслѣдниковъ, имѣло перейти въ казну; но великій герцогъ Леопольдъ 2-й не захотѣлъ воспользоваться симъ правомъ и передалъ имѣніе Анатолію Николаевичу Демидову, на томъ-де основаніи, что оно принадлежало нѣкогда его отцу. Анатолій Николаевичъ при таковой любезности не захотѣлъ оставаться въ долгу и заявилъ Тосканскому владѣтельному принцу, что онъ превращаетъ великолѣпную свою подгородную

резиденцію Санъ-Донато въ шелковую фабрику, съ цѣлью, чтобы тамъ была постоянная работа для нуждающихся классовъ народа. Фабрикою этою завѣдывалъ въ 1837—1839 годахъ Французъ, нѣкто графъ-де Монтіе, весьма любезный и съ аристократическими манерами господинъ, но черезчуръ болтливый [1]).

Въ числѣ иностранцевъ былъ довольно скучный Датчанинъ нѣкто баронъ Мольтке, жена коего Елиза была воспитанницею графини Маріи Григорьевны Разумовской и ея племянницею по мужу, то есть эта Елиза, носившая за-границею до замужества имя графини Разумовской, была дочерью графа Григорія Кирилловича Разумовскаго отъ втораго его брака за-границею и при жизни первой его жены, каковой бракъ не признаваемъ былъ въ Россіи. Графиня Мольтке была свѣженькая блондинка и болѣе ничего, то, что̀ называется «*une blonde fade*». Въ обществѣ повсюду встрѣчаемы были два брата графы Потоцкіе, эмигранты послѣ Польскаго возстанія 1830—1831 г., не имѣвшіе, впрочемъ, ничего общаго съ мало-мальски извѣстными лицами этой фамиліи и, пожалуй, можетъ быть, что графскій ихъ титулъ подлежалъ сомнѣнію *). Судя по образу жизни этихъ двухъ братьевъ (старшій изъ коихъ былъ женатый), житейскіе ихъ рессурсы были весьма ограниченными. Въ одинъ изъ Флорентинскихъ зимнихъ сезоновъ явилась весьма загадочная личность, подъ именемъ г. Луза̀да, по фамиліи яко бы Португалецъ, но на повѣрку, изъ Британскихъ цивилизованныхъ сыновей Израиля. Его сопровождала жена его эфирная блондинка изъ чистокровныхъ дщерей Албіона, скромная и степенная весьма барынька, обращавшая первоначально вниманіе на себя клерикальныхъ мѣстныхъ дамъ ревностію своею къ католицизму, ибо, если не ошибаюсь, она перешла по убѣжденію изъ протестантизма въ лоно Римской церкви. Сверхъ голубыхъ своихъ глазъ она владѣла любезностію и нарѣчіемъ Парижанки; но былъ слухъ яко бы подозрительная личность ея *америбическаго* происхожденія супруга дозволяла себѣ спекулировать впечатлѣніемъ красоты своей сожительницы надъ молодежью съ состояніемъ, изъ коихъ мужъ ея приглашалъ иныхъ къ себѣ и будто бы обыгрывалъ ихъ въ карты. Этимъ, однако же, я не хочу сказать, что жена его была къ тому причастна. Много позднѣе, одинъ мой знакомый разсказывалъ

---

[1]) Графъ де-Монтіе прибылъ въ Россію въ 1841 г. и прожилъ въ Москвѣ до 1843 года, сдѣлавшись интимнымъ лицомъ въ салонахъ нашей бѣлокаменной столицы. Онъ въ то время отошелъ отъ А. Н. Демидова, и покровительствуемый княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ предпринялъ было новый методъ мощенія улицъ, образчикъ коего онъ выказалъ на одной части Тверской улицы, но методъ этотъ оказался неудачнымъ.

*) За-границею всѣ почти безъ исключеній Поляки именуютъ себя графами.

мнѣ въ Москвѣ, что, въ бытность его гдѣ-то на водахъ въ Германіи, онъ повстрѣчался съ упомянутымъ рыцаремъ-искателемъ приключеній, и что онъ выдавалъ себя тогда за Португальскаго (или Американскаго) политическаго выходца. Жена моя по неопытности начала было сближаться съ г-жею Лузада, о коей мать моя, какъ домосѣдка, не имѣла никакого понятія; но бойкая тетка моя графиня Марія Артемьевна, временно жившая тогда во Флоренціи и принимавшая у себя по утрамъ нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго общества, предупредила насъ обоихъ не слишкомъ сближаться съ этою четою. Глава знаменитаго Женевскаго ювелирныхъ и часовыхъ дѣлъ торговаго дома г. Ботъ втерся какъ-то въ аристократическій Флорентинскій кругъ, благодаря своей женитьбѣ на одной дѣвицѣ де-Фово̀ изъ Французской легитимисто-бурбонской старинной фамиліи, сестрѣ ваятельницы де-Фово̀, о которой уже было упомянуто. Молодые супруги Ботъ жили довольно открыто; мы были однажды у нихъ на балѣ, гдѣ были сливки мѣстнаго высшаго общества, а между тѣмъ внизу, въ 1-мъ этажѣ занимаемой ими квартиры, находились магазинъ и контора ювелирныхъ произведеній г. Бота, подъ управленіемъ главнаго прикащика г. Сарразена.

Супруги Ботъ были весьма милые люди, весьма просты въ обращеніи и жили между собою какъ голубки. Говорено было много прежде, что я провелъ однажды вечеръ со скульпторкою де-Фово̀ въ салонѣ княгини Маріи Аркадьевны Голицыной въ первое время моего пріѣзда во Флоренцію. Артистка-легитимистка эта была не безъ таланта, но не выходила изъ небольшаго размѣра фигуръ и орнаментальной части, одѣвалась почти что по-мужски, со стриженными въ кружокъ волосами, какъ наши кучера [1]); ей было, повидимому, уже около 30 лѣтъ. Статуетка Жанъ д'Аркъ съ сложенными накрестъ руками и съ мечомъ подъ мышкою обошла всю Европу и можетъ быть часть вселенной, на тумбахъ, и повторялась даже въ ювелирныхъ мастерскихъ въ видѣ булавокъ для мужскихъ шарфовъ [2]). Былъ въ то время наплывъ въ Тосканской столицѣ легитимистскаго Французскаго элемента, во

[1]) Прическу эту, называемую за границей „à la renaissance", а Французскими куаферами въ Россіи „à la moujik", мы всѣ мужчины начали носить около того времени за-границей, стали уже нерѣдко появляться бороды, но у насъ въ Россіи было противъ послѣднихъ административное гоненіе.

[2]) Много позднѣе, въ 1863 г., я снова встрѣтилъ дѣвицу де-Фово̀ во Флоренціи, сильно сочувствовавшую Французскимъ легитимистамъ, какъ всѣ Русскія дамы высшаго круга того вѣка. Аристократическая артистка была въ 1863 году въ томъ же почти костюмѣ какъ въ 1836 году, разсыпалась передо мною любезностями и, между прочимъ, сказала, что въ моей особѣ видно сейчасъ „un homme (ou représentant) de la vieille haute souche".

главѣ коего стоялъ величественный герцогъ-де-Роганъ съ своимъ семействомъ, и на челѣ его какъ бы читался фамильный этого рода девизъ «Dieu ne peux, roi ne veux, Rohan suis», что не мѣшало, однако же старшему его сыну носить титулъ «prince de Léon». Юноша этотъ былъ постоянно въ нашемъ обществѣ, и онъ мечталъ въ одно время поступить въ нашу службу въ Кавалергардскій полкъ, но это и осталось мечтою.

По пословицѣ «рыбакъ рыбака видитъ издалека», и еще точнѣе по Французской поговоркѣ «qui se ressemble, s'assemble», женская часть семействаРгановъ сошлась съ теткою моею и болѣе прочихъ, кажется, старая мадамъ (или дюшессъ) де-Гонтò, теща герцога; но съ матерью моею, продолжавшею вести уединенную жизнь, никто, помнится мнѣ, изъ того семейства знакомъ не былъ. Изъ этой категоріи легитимистовъ, людей весьма пріятныхъ и съ утонченными манерами, постоянно были въ нашемъ обществѣ графъ де-Балліонъ, виконтъ де-Романъ (Roman), баронъ Гаріò и г. де-Шарнайль. Первые двое ухаживали за моею женой, но я дѣлалъ видъ будто-бы ничего не замѣчалъ, тѣмъ болѣе, что я подружился со вторымъ изъ нихъ (виконтомъ де-Романъ) и съ барономъ Гаріò [1]). Въ числѣ кавалеровъ (т. е. танцоровъ) нашего общества были изъ Французовъ секретарь миссіи Лафонъ и г. Августъ Валабрекъ, сынъ знаменитой пѣвицы Каталани-Валабрекъ, недавно передъ тѣмъ вышедшій изъ Французской военной службы. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ несчастіе попасть въ кавальеръ-сервенти къ одной Флорентинской маркизѣ, ревность коей преслѣдовала его повсюду, даже на балахъ; случалось, что когда онъ засиживался гдѣ нибудь въ мужской компаніи, она подъѣзжала къ дому, гдѣ онъ гостилъ, и увозила его. Надо предполагать, что счастіе это тяготило его (да и барыня эта была рыженькая и вовсе не изъ казистыхъ), потому что онъ былъ неразговорчивъ въ обществѣ.

Къ этому времени относится начало многолѣтней дружбы жены моей съ маркизою Вирджиніею Бочелла, мужъ которой, литераторъ и

---

[1]) Г.г. де-Балліонъ, Романъ, Гаріò и весьма еще молодой маркизъ де-Таллейранъ (тотъ самый вѣроятно, чтò нынѣ посломъ Наполеона 3-го при нашемъ дворѣ) посѣтили Россію въ 1843 году и обѣдали у меня въ Москвѣ. Бѣдный де-Романъ, покончивъ со своимъ состояніемъ на Французскимъ гиподромахъ, поступилъ впослѣдствіи, вопреки династическимъ своимъ убѣжденіямъ, въ военную службу въ Алжиръ, гдѣ и умеръ. Почти всѣ эти молодые люди носили бороду. Здѣсь не мѣшало бы замѣтить, что бороды въ Россіи, не смотря на постоянное ихъ существованіе, въ крестьянскомъ, торговомъ и духовномъ сословіи, нами какъ-бы не замѣчались и вошли въ употребленіе въ высшихъ сколько нибудь классахъ съ Французскаго образца. Мы даже и въ этомъ случаѣ не умѣли быть самостоятельными. Здѣсь должно искать причину административнаго гоненія на бороды. Мы сбрили ихъ (при Петрѣ) по-Нѣмецки, и отпустили по-Французски.

меломанъ, былъ чѣмъ-то при дворѣ миніатюрнаго Лукскаго герцога. Она и сестра ея, баронесса Лёвенбергъ (мужъ ея былъ шталмейстеромъ при сказанномъ герцогѣ) были природныя онѣмеченныя Мадьярки, незаконнорожденныя дочери графа Павла Эстергази, бывшаго въ то время Австрійскимъ посланникомъ при Великобританскомъ дворѣ. Маркиза Вирджинія Бочелла, хотя прекрасно сложенная при маленькомъ своемъ ростѣ и очень изъ себя миловидная (figure piquante), не была красавицею, то тѣмъ не менѣе, была въ обществѣ тѣмъ, что́ нѣсколько позднѣе было принято называть львицею. Она имѣла хорошее весьма свое собственное состояніе, и постоянное мѣстопребываніе ея было не во Флоренціи (куда она пріѣзжала лишь временно), а въ прекрасно устроенной своей виллѣ, подъ самымъ городомъ Луккою и не болѣе какъ въ 5-ти часовомъ разстояніи отъ Флоренціи. Имя, впрочемъ, львицы, которымъ я было почтилъ маркизу Бочеллу, относится только къ ея туалету и обстановкѣ дома; ибо свѣтскія ея манеры и привычки всегда были скромны и чужды всякой эксцентричности. Не была она вполнѣ счастлива въ своей домашней жизни, и потому мать моя принимала въ ней участіе, а маркиза Бочелла питала къ ней большое довѣріе въ первые года своего замужества и была въ перепискѣ съ нею. Такъ какъ незадолго до моего съ женою пріѣзда во Флоренцію баронесса Лёвенбергъ уѣхала совсѣмъ отъ своего мужа, оставивъ у него малолѣтнюю свою дочь, то мнѣ никогда не случилось видѣть ее.

Зимою съ 1838 па 1839 годъ, я познакомился, какъ упоминалъ выше, въ домѣ Муравьева-Апостола съ Александромъ Александровичемъ Воплярлярскимъ, пріѣхавшимъ съ своею женою Вѣрою Дмитріевною (урожденной Полторацкой) и съ малолѣтнею дочерью на зиму во Флоренцію. Насколько я сразу сблизился съ нимъ, настолько же и сошлась жена моя съ достойнѣйшей и милой Вѣрою Дмитріевною. Лярскіе жили въ то время весьма еще скромно и разсчетливо [1]). Во время великаго поста мы пополамъ съ ними были абонированы на ложу въ Перролѣ, гдѣ давалась Беллиніева опера «Беатриче ди Тенда», съ примадонною г-жи Блазисъ, пѣвицею 1-го разряда, имѣвшею передъ тѣмъ большой успѣхъ въ Лондонѣ въ

---

[1]) А. А. Воплярлярскій не пускался еще тогда ни въ какія подрядныя дѣла. Онъ уже былъ офицеромъ въ Семеновскомъ полку во время такъ называемаго бунта 1820 г. и по раскассированіи полка попалъ въ армейскій пѣхотный (кажется, Бутырскій) полкъ, послѣ чего былъ адъютантомъ у генерала Набокова и вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика или штабсъ-капитана. Онъ былъ вполнѣ человѣкомъ, созданнымъ для общественной жизни, веселаго нрава, услужливаго до крайности, и добрѣйшей души, но со склонностію пустить при удобномъ случаѣ пыль въ глаза. Поговоркою у него было „что надо стремиться къ невозможному, чтобы получить лишь возможное.

оперѣ «Норма». Второю оперою того сезона и съ тѣмъ же составомъ артистовъ была «Марія-ди-Рудензъ», безцвѣтное вообще произведеніе бывшаго тогда въ славѣ Донидзетти, которое могло имѣть успѣхъ лишь при исполненіи главной мужской партиціи баритономъ Ронкони, но ее исполнялъ Варезе. Только что кончился контрактъ г-жи Блазисъ съ импрессаріемъ, какъ она заболѣла и умерла. По свѣдѣніямъ, полученнымъ однимъ коротко знакомымъ мнѣ музыкантомъ отъ ея духовника, симпатичная и даровитая эта артистка сподобилась примѣрной христіанской кончины, и при ея отпѣваніи, куда случайно попалъ и я, въ церкви Бадія было большое стеченіе публики.

Кстати опишу возмутительный обычай преданія землѣ Флорентинскихъ низкаго званія людей и тѣхъ непривилегированныхъ особъ, которыхъ не хоронятъ при церквахъ или въ аристократическихъ, семейныхъ погребальныхъ каплицахъ, находящихся въ церквахъ или примыкающихъ къ онымъ. Кладбищей вблизи города нѣтъ вовсе кромѣ одного, небольшаго, у воротъ Питти для членовъ братства «Мизерикордіи» исключительно, и другого, устроенныхъ въ началѣ 40-хъ годовъ для иновѣрцевъ, преимущественно для протестантовъ, но гдѣ хоронятъ нынѣ православныхъ [1]). Для всѣхъ же низшихъ сословій, существуетъ слѣдующій порядокъ. Тѣло по отпѣваніи его (утвердительно не могу даже сказать вносятся-ли въ приходскую церковь всѣ тѣла низшаго сословія) переносится въ общее складочное мѣсто, въ мало населенной части города, называемое «Santa Caterina»,гдѣ имѣется, кажется, каплица или небольшая церковь и тамъ кладется въ большой залъ или сарай, по обѣимъ сторонамъ устроены мраморныя нары, на которыя кладутъ всѣ тѣла, накопившіяся въ теченіе каждаго дня. Въ сумеркахъ подъѣзжаетъ къ воротамъ того зданія крытый фургонъ, куда складываютъ эти тѣла безъ гробовъ, запираютъ крышу фургона замкомъ, ключъ отъ коего остается у сторожа; затѣмъ фургонъ отправляется къ общему кладбищу, называемому Треспіано въ 8 или 9 верстахъ отъ города, въ Аппенинскихъ горахъ, и тамошній кладбищенскій сторожъ, у котораго имѣется двойной ключъ отъ фургона, вынимаетъ всѣ тѣла и предаетъ ихъ землѣ въ общей могилѣ. Отъ подобнаго безчиннаго погребенія отказались бы, конечно, православные, даже и безъ мѣстнаго запрета хоронить ихъ въ Треспіано. Разсказывали мнѣ, что возчикъ подобнаго транспорта, услыхавъ однажды стоны въ фургонѣ, сильно перепугался, но по неимѣнію при себѣ ключа отъ фургона не могъ до своего прибытія къ мѣсту освободить несчастную женщину, очнувшуюся отъ летаргическаго сна. Когда же совершается парадное,

[1]) Есть, впрочемъ, еще кладбище для Евреевъ.

такъ сказать, поминовеніе кого нибудь изъ знаменитаго рода или изъ богатыхъ, тѣло коего уже предано прежде того времени землѣ, вся церковь обвѣшивается внутри и снаружи длинными полотнищами также траурнаго цвѣта, а въ серединѣ церкви возвышается катафалкъ съ мнимымъ гробомъ. Снаружи, надъ входными дверями, прибивается щитъ съ Латинскою надписью имени, фамиліи, рода, свѣтскаго положенія, лѣтъ и дня кончины виновника этого церковнаго торжества. А въ земляхъ Церковной области, на наружныхъ стѣнахъ церквей наклеиваются раскрашенные гербы недавно передъ тѣмъ умершихъ не изъ низшаго сословія съ обозначеніемъ ихъ именъ и фамилій, дабы мимоидущіе молились за нихъ; а иной разъ наклеены раскрашенные рисунки, съ изображеніемъ смерти въ видѣ скелета съ косою въ рукахъ, а подъ ними надпись «Hodie mihi, cras tibi». (Сегодня мнѣ, а завтра тебѣ). Истинно диковинно, что когда только обрядность въ Римской церкви стремится быть торжественною, то ради бо̀льшаго эффекта она впадаетъ въ театральную обстановку.

На все лѣтнее время я нанялъ въ окрестностяхъ Ливорна виллу Кокки, такъ какъ морскія купанья предписаны были моей женѣ по случаю одной женской болѣзни, и они значительно ей помогли. Въ началѣ Іюня мы, а съ нами и теща моя, Елисавета Ивановна, переѣхали на эту виллу. Послѣ безолаберной Московской жизни въ Бибиковскомъ домѣ на Пречистенкѣ; это было въ первый разъ, что мы оба жили своимъ маленькимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, и это обстоятельство насъ потѣшало. Мать моя между тѣмъ провела часть лѣта при моей сестрѣ княгинѣ Видони, въ Ломбардіи, а возвратившись оттуда, съ семействомъ брата моего, въ нанятой имъ виллѣ, также въ окрестностяхъ Ливорна и неподалеку отъ насъ, но самъ онъ туда переѣхалъ много позднѣе насъ. Не нуждаясь по этой причинѣ въ поварѣ, мать моя уступила намъ своего по имени Базиліо на все лѣто. У насъ, на виллѣ Кокки ежедневнымъ гостемъ былъ добрый нашъ падре Джіовакино, все еще не причисленный къ Ливорнской Греческой церкви. За неимѣніемъ постояннаго занятія онъ началъ, какъ и я, скупать старыя поврежденныя картины, которыя я взялся реставрировать, и по случаю этого занятія я отправлялся каждое утро пѣшкомъ къ нему въ городъ и привозилъ его съ собою къ намъ обѣдать.

Въ числѣ посѣтительницъ морскихъ купаній того сезона была одна наша соотечественница, незнакомая еще въ нашемъ Русскомъ обществѣ, дѣвица не первой молодости, по фамиліи Акацатова (Французы наши звали ее m-lle Catastrophe, Одесская уроженка и жительница,

необыкновенно дородная. О ея происхожденіи и предъидущей жизни ничего намъ не было извѣстно, развѣ только, что она имѣла будто бы большое состояніе; во Флоренціи же она явилась впервые въ концѣ истекшей зимы, ни съ кѣмъ изъ Русскихъ не сблизилась и привезла съ собою въ видѣ компаніонки молоденькую и весьма миловидную Англичанку, миссъ Вильсонъ, оказавшуюся (какъ носился слухъ) дочерью содержательницы Петербургскаго Англійскаго отеля (boarding house) на Галерной улицѣ [1]). Мы увидимъ, какое блистательное и неожиданное свѣтское положеніе готовилось этой дѣвицѣ Акацатовой.

Вскорѣ послѣ нашего переѣзда на виллу я поѣхалъ одинъ въ Лукку удостовѣриться лично о существованіи и о касающемся до Славяно-уніятской церкви, находившейся у владѣтельнаго Лукскаго герцога, разсказы о коей, переданные мнѣ моею матерью во время нашего пребыванія въ Кіевѣ, возбудили мое любопытство. Изъ тогдашнихъ ея словъ ясно для меня проглядывало радостное, возникшее въ ней чувство, когда она посѣтила ту церковь отъ возможности присутствовать ей при отечественномъ богослуженіи, не переставая быть въ общеніи съ Римскою церковью.

Переѣздъ изъ Ливорна черезъ Пизу въ Лукку совершался тогда по шоссе въ $4^1/_4$ часовъ. Объективный мой пунктъ (то есть Славяно-уніятская церковь) былъ не въ самомъ городѣ Луккѣ, а въ паркѣ, лѣтней резиденціи герцога, въ Мàрли, почти въ получасовомъ разстояніи отъ города, по дорогѣ къ минеральнымъ водамъ. Упомяну мимоходомъ, что значительная часть Флорентинскаго фашіонабельнаго бомонда переселялась на лѣто на Лукскія минеральныя воды, вовсе не для гигіенической потребности, ибо воды эти не имѣютъ никакихъ цѣлебныхъ свойствъ, а служатъ моднымъ сборнымъ пунктомъ лѣтняго сезона; тѣмъ не менѣе тамъ находится огромное зданіе съ ваннами, имѣющее значеніе одинаковое съ нашими Москворѣцкими, Сандуновскими или Полторацкими банями. Время весело и шумно текло на Лукскихъ водахъ въ балахъ, въ мѣстномъ Казино, и кавалькадахъ по живописнымъ горамъ; а въ Казинѣ, кромѣ танцевъ, была приманка антрепренера азартныхъ игръ и открытое метаніе банка, вещь недопускаемая строгонравнымъ Тосканскимъ монархомъ. Говоря о кавалькадахъ, я вспомнилъ, что однажды, по случаю паденія съ лошади одной красавицы Англичанки по имени миссъ Локъ, неисправимый каламбуристъ г. Валабрекъ (мужъ пѣвицы Каталани) не замедлилъ за-

[1]) Миссъ Вильсонъ вышла замужъ немного позднѣе за графа Васильева, о которомъ я упустилъ упомянуть, какъ объ одномъ изъ Русскихъ, проведшихъ предыдущую зиму во Флоренціи.

явить собравшемуся въ Казинѣ обществу, что «c'était la plus belle *locataire* (Lock à—terre) que le duc ait eu dans ses états»: игра словъ непереводимая на Русскій языкъ. Кончаю это отступленіе отъ нити разсказа тѣмъ, что владѣтельный герцогъ, отличавшійся своимъ общительнымъ характеромъ, давалъ лѣтнимъ посѣтителямъ водъ по нѣскольку баловъ въ своей резиденціи Марли, находившейся около 2-хъ часовъ разстоянія отъ водъ.

Итакъ, переночевавъ въ г. Луккѣ, я поспѣлъ на слѣдующій день, который былъ Воскресенье, къ обѣднѣ въ Марли [1]). Небольшое зданіе церкви, отдѣльно стоящее въ живописномъ Англійскомъ паркѣ, снаружи не имѣетъ ничего напоминающаго церковно-восточную обрядность, но во внутреннемъ его устройствѣ церковный чинъ строго выдержанъ въ иконостасѣ и во всемъ прочемъ. Домъ для священника и церковнослужителей находится при церкви. Священникъ былъ изъ уніатовъ Австрійскихъ Славянскихъ западныхъ провинцій, съ бородою и длинными волосами. Онъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ. Всѣ служебныя книги выписаны были изъ Московской сѵнодальной типографіи, но въ нихъ рукою самого владѣтельнаго герцога (какъ мнѣ показывали) приписано было «и отъ сына» Славянскими буквами надъ печатнымъ текстомъ въ Символѣ вѣры. Литургія, по чину св. Златоуста, безъ всякихъ пропусковъ и при пѣніи клиросныхъ двухъ причетниковъ, не отличалась, помнится мнѣ, ничѣмъ отъ нашей. Упоминаніе на эктеніяхъ мѣстнаго царствующаго герцога не поражало посторонняго слушателя своею странностію; но когда на большомъ выходѣ священникъ, помянувъ его святѣйшество папу Григорія XVI, провозглашалъ затѣмъ благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего герцога Лудовика Карловича (или подобное тому отчество) — и супругу его благочестивѣйшую государыню герцогиню Амалію (или Каролину Францевну или другое подобное имя), а далѣе, мѣстное «христолюбивое воинство» (состоявшее всего изъ 700 солдатъ) трудно было не улыбнуться. Кромѣ меня въ церкви никого не было. Прежняя славяноманія герцога Лудовика видимо охладѣла, и устроенную имъ церковь онъ, какъ мнѣ говорилъ священникъ, рѣдко посѣщалъ. Бѣдный священнослужитель жилъ отшельникомъ, и ничего общаго не было между нимъ и окружавшимъ его Латинскимъ духовенствомъ, а еще менѣе мѣстными жителями. При встрѣчѣ со мною, какъ съ осѣняющимъ себя одинаковымъ крестнымъ знаменіемъ, онъ забылъ или не хотѣлъ обратить вниманія, что я въ глазахъ его схизматикъ, и

[1]) О богослуженіи въ этой Славяно-уніатской церкви, подробно было мною изложено въ „Духовной Бесѣдѣ“ за 1867 годъ.

крайне обрадованный моимъ посѣщеніемъ, пригласилъ меня послѣ службы къ себѣ въ домъ и радушно угощалъ меня. Таково уже чувство національности, что оно заглушаетъ даже религіозныя предубѣжденія. Мы свободно понимали другъ друга, хотя я говорилъ порусски, а онъ пославянски. Онъ сказывалъ мнѣ, что очень скучаетъ образомъ своей жизни.

Впослѣдствіи передано было мнѣ, что славянофильство Лукскаго герцога относить можно въ 1832 году, при возникновеніи Эллинскато королевства, на которое онъ тогда возымѣлъ поползновеніе; но надежды его не сбылись. За этою маніею послѣдовала новая, о подражаніи Русскому милитаризму, начавшаяся по слѣдующему случаю.

Въ нѣкій, злосчастно - памятный для Лукскаго государственнаго бюджета день, вошла въ голову Анатолію Николаевичу Демидову мысль презентовать герцогу Лудовику иллюминованное и роскошное изданіе мундировъ всѣхъ Россійскихъ войскъ. Этого было достаточно, чтобы дать другое направленіе игривой фантазіи Лукскаго принца, и онъ не замедлилъ приняться наряжать своихъ солдатъ точь въ точь въ такіе же мундиры, какъ Русскіе, съ разницею въ томъ только, что мундиры были синіе съ серебромъ по фамильному его цвѣту, вмѣсто зеленыхъ. Но чтобы коллекція сдѣлалась полною въ натурѣ, пришлось ему создать нѣчто въ родѣ войска вмѣсто 150 или 200 людей, составлявшихъ дотолѣ всю охранную стражу государства, и потому онъ цифру эту учетверилъ, раздѣливъ свое войско, какъ слѣдуетъ, на пѣхоту, кавалерію, артиллерію, инженеровъ, піонеровъ и проч. Такимъ образомъ цифра сдѣлалась весьма чувствительною для его военнаго бюджета. Онъ нашелъ ревностнаго себѣ помощника въ лицѣ бывшаго прапорщика или поручика Французской службы графа де-ла-Рошъ-Пушéна, полный титулъ коего былъ «le comte Achille de la Roche-Pouchain de la Rochenoir», воспитанника Сенъ-Сирскаго или Сомюрскаго кавалерійскаго училища, возведеннаго имъ (герцогомъ Лукскимъ) въ званіе своего генералъ-адъютанта и главнокомандующаго всѣмъ его войскомъ. Въ какое время и за какіе подвиги импровизованный этотъ генералъ попалъ въ графы, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что его отецъ, коего помню въ моемъ дѣтствѣ во Флоренціи, былъ нѣкогда, какъ говорили тамъ, интендантомъ въ Наполеоновскомъ войскѣ, и по изгнаніи Французовъ изъ Италіи поселился въ купленномъ имъ домѣ, во Флоренціи, рядомъ съ казино Торреджіани, въ улицѣ, ведущей къ Римскимъ городскимъ воротамъ, гдѣ и умеръ подъ именемъ генерала Пушéна, никогда не мечтавъ о графскомъ титулѣ. Сановный его сынъ женился около этого времени на княжнѣ Чарторижской (дочери или родственницѣ эмигранта князя Адама, не знаю), чѣмъ и пріобрѣлъ нѣкоторую осанку и значе-

ніе въ аристократическомъ обществѣ. Изъ себя онъ былъ молодчина высокаго роста, бѣлокурый и бѣлолицый съ румяными щеками, и надо признаться, что генералъ-адъютантскій его мундиръ съ толстыми серебрянными эксельбаптами шелъ къ нему какъ нельзя лучше. Между герцогомъ Лукскимъ и мною было сходство во вкусѣ окружать себя звѣринцемъ изъ иностраннаго люда, но конечно въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ скромный мой Царскосельскій и Варшавскій звѣринецъ. Камергеромъ и интимнымъ при немъ лицемъ былъ нѣкій Англичанинъ, по фамиліи Кокрелъ, человѣкъ незнатнаго происхожденія, но не возгордившійся своимъ фаворитизмомъ. Шталмейстеромъ былъ упомянутый уже мною Нѣмецъ баронъ Лёвенбергъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ «comme il faut», а адъютантомъ или состоящимъ при его особѣ, но съ военнымъ званіемъ, былъ молодой Австріецъ, фамилію коего я забылъ. Знаменитый впослѣдствіи Дёллеръ числился тогда также чѣмъ-то при его дворѣ. При собственной конюшнѣ барона Лёвенберга былъ первоначально простой конюхъ изъ Англичанъ (groom), нѣкто Га̀рве (или Гѐрве), понравившійся герцогу Лудовику до того, что, взявъ этого конюха въ услуженіе къ себѣ, онъ постепенно началъ возвышать своего фаворита, и когда, нѣсколько лѣтъ позднѣе, онъ получилъ Пармское герцогство взамѣнъ Лукскаго, то этотъ Англичанинъ сдѣлался тамъ, какъ мнѣ передавали, министромъ финансовъ. Главнокомандующій войсками не ладилъ съ оберъ-шталмейстеромъ и, во время холеры, когда величавый графъ де-ла-Рошъ-Пуше́нъ отнесся къ сказанному шталмейстеру объ отпускѣ ему лошадей изъ герцогской конюшни (или одной только верховой лошади) для объѣзда карантиннаго кордона, шталмейстеръ ему въ томъ отказалъ, вслѣдствіи чего г. главнокомандующему, не имѣвшему вѣроятно еще въ то время своего хозяйства, пришлось отправиться на ревизію пѣшечкомъ, или добывать гдѣ нибудь себѣ клячу за свои деньги.

Жена герцога Лудовика (сестра, если не ошибаюсь, тогдашней Австрійской императрицы, супруги Фѐрдинанда) была вся предана строжайшему піетизму и въ этомъ духѣ воспитывала единственнаго своего сына. Въ противуположность своему супругу, она никуда не выѣзжала, и оффиціальныхъ пріемовъ при ея дворѣ никакихъ не было *). Разсказывали, что она внушала своему сыну, что театры суть дьявольскія храмины; не взирая на это, юноша потихоньку поговаривалъ, что хотѣлось ему весьма посмотрѣть на эти сатанинскія зрѣлища. Въ одномъ отношеніи герцогъ Лудовикъ здраво

*) Молодой принцъ, сынъ герцога Лудовика, впослѣдствіи Пармскій герцогъ, трагически кончилъ жизнь въ новой своей столицѣ. Онъ былъ женатъ на дочери убитаго герцога де-Берри (mademoiselle de France, какъ ее звали легитимисты), сестрѣ герцога Бордоскаго, иначе графа Шамборскаго.

мыслилъ, а именно, что всякая съ его стороны фанаберія была бы неумѣстною; онъ сознавалъ себя болѣе подходящимъ къ категоріи крупнаго землевладѣльца, чѣмъ къ монарху, и потому любилъ сближаться съ иностраннымъ обществомъ, проводившимъ лѣто на Лукскихъ водахъ, и настаивалъ, чтобы и съ нимъ обращались попросту, какъ съ частнымъ лицомъ. Особенно любилъ онъ поселадонничать съ молодыми дамами, посѣщать ихъ салоны на интимной ногѣ, и давалъ иногда балы въ прекрасной своей виллѣ Марли, на коихъ супруга его никогда не показывалась. Милитаризмъ его не простирался однакоже до его одежды, и я не видывалъ его одѣтымъ иначе какъ въ статскомъ платьѣ.

У насъ не было въ Ливорнѣ почти никого знакомыхъ, кромѣ семейства нашего консула г. Энгельбаха, состоявшаго изъ его жены-старухи и незамужней и немолодой уже дочери. Хотя онъ жилъ не открыто, но весьма прилично по занимаемому имъ мѣсту, и мы однажды обѣдали у него. Онъ былъ человѣкъ далеко не глупый и былъ бы даже пріятнымъ въ разговорѣ, если-бы этому не мѣшалъ сильный его Нѣмецкій акцентъ. Однажды, въ бесѣдѣ съ нами о политикѣ, онъ высказалъ удачную весьма фразу, запечатлѣвшуюся въ моей памяти: «Empereur Alexandre I-r coquettait avec sa réputation européenne». Для моей тещи встрѣча въ Ливорнѣ съ г-жею Энгельбахъ была кладомъ: она, какъ Московская Нѣмка по рожденію, въ противность своему мужу (бывшему до 1812 года книгопродавцемъ въ Москвѣ) чисто и правильно говорила по-русски, и обѣ онѣ вмѣстѣ подняли всю допожарную бѣлокаменную старину.

Мать моя, съ неразлучною своею Леруа, провела остальную часть лѣта (1838 г.) съ семействомъ моего брата, на виллѣ неподалеку отъ нашей *). Въ то время Леруа была еще тверда въ православіи и ѣздила съ нами къ обѣднѣ по Воскресеньямъ въ Ливорнскую Греческую церковь. Она говаривала, что если обѣ церкви, Греческая и Латинская, одинаково правы въ своихъ вѣрованіяхъ и между ними никакого почти различія не существуетъ (чтò и намъ твердили съ самаго почти дѣтства), то къ чему же переходить изъ нашей въ западную? Но вѣроятно, что позднѣе, по мѣрѣ увеличившейся въ семейныхъ нашихъ женщинахъ ревности къ новому ихъ вѣроисповѣданію, воззрѣніе сроднившейся съ нами Екатерины Ивановны на этотъ вопросъ измѣнилось.

---

*) У графини Авроры Осиповны появились тогда затвердѣлости на грудяхъ, грозившія кончиться ракомъ, чѣмъ умерла ея мать; но, благодаря своевременному и правильному леченію, въ томъ числѣ постоянному употребленію ослинаго молока, опасность миновала, и она по сю пору здравствуетъ.

Меньшой изъ братниныхъ сыновей, прелестный и по лѣтамъ развитый ребенокъ Джоѐ (Іосифъ), сильно началъ страдать біеніемъ сердца, оказавшимся аневризмомъ, и угасъ тою осенью въ полномъ пониманіи того, что̀ значитъ смерть и съ назидательною покорностію волѣ Провидѣнія, не преставая усердно молиться до послѣдняго почти своего издыханія. Изумительно христіанская эта кончина была не дѣтскою, а взрослаго праведника.

Получено было въ то время неожиданное для всѣхъ извѣстіе отъ г. Слоана, что онъ, наконецъ, избралъ себѣ сопутницу жизни и что его бракъ вскорѣ имѣетъ состояться. Всѣ мы были этимъ удивлены, тѣмъ болѣе, что при недавнемъ еще его свиданіи съ моею матерью, не было о томъ и рѣчи. Да и дѣйствительно трудно понять, какъ онъ, человѣкъ 45 уже лѣтъ, съ изящными манерами и привыкшій къ холостому образу жизни, могъ на это рѣшиться. Нареченная его была немногимъ моложе самого его, безъ всякаго состоянія, собою весьма не казиста и, судя по настоящему, никогда и прежде не могла отличаться красотою, но за то владѣла тихимъ и всегда ровнымъ характеромъ и выказала впослѣдствіи рѣдкія нравственныя достоинства и бережливость въ домохозяйствѣ. Чета эта прожила нынѣ тридцать лѣтъ въ полномъ согласіи, и по истинѣ трогательно смотрѣть со стороны на этихъ олицетворенныхъ Филимона и Бавкиду, всю заботу которыхъ составляетъ предупредительность взаимныхъ ихъ желаній. Г. Слоанъ познакомился съ нею этимъ же лѣтомъ, по случаю ея перехода изъ протестантства въ католицизмъ; но не думаю однакоже, чтобы это самое обстоятельство могло быть причиною возникшаго въ немъ нѣжнаго къ ней чувства: ибо, хотя г. Слоанъ исполнялъ акуратно уставы своей церкви, но никогда не отличался религіознымъ фанатизмомъ, и скорѣе можно было причислить его къ рѣдкимъ сторонникамъ вѣротерпимости.

Дополненія.

Геніальный Микель-Анджело, любуясь размѣрами ротонды (т. е. внутренности) уцѣлѣвшаго отъ времени и рукъ варваровъ Римскаго Пантеона, сооруженнаго Агриппою въ царствованіе Августа, будто бы воскликнулъ: «я его поставлю на воздухъ!» и въ тѣхъ же размѣрахъ выстроилъ куполъ церкви св. Петра. Не безъинтересно будетъ для Русскаго любителя художествъ знать, что тотъ самый размѣръ сообщенъ круглому внутреннему двору зданія Петербургской Академіи Художествъ. Флорентинскій куполъ имѣетъ не совершенно сферическую форму, а выходитъ осьмиугольникомъ. Замѣчательно, что большая часть Флорентинскихъ публичныхъ и частныхъ зданій относится къ

Флорентинской республиканской эпохѣ и весьма мало къ позднѣйшей, Медичійской. Изумительно, когда вспомнишь, какими богатствами и средствами располагала эта небольшая республика, территоріальное пространство коей долго занимало не болѣе 50 верстъ въ длину. Позднѣе она расширилась черезъ порабощеніе Сіенской и Пизанской республикъ и Ареццо, но утратила республиканское начало и была переименована въ герцогство при первомъ изъ Медичійской династіи Космѣ, прозванномъ отцемъ отечества, власть коего была еще чѣмъ то въ родѣ президентской и не посягала на титулъ герцога Тосканы; этотъ титулъ былъ принятъ только его сыномъ, Космою 1-мъ.

*

Изъ корня Флорентинскаго ириса выдѣлывается тотъ ароматичный порошокъ, имѣющійся въ нашихъ аптекахъ, который извѣстенъ подъ неправильнымъ названіемъ фіалковаго корня. Онъ изготовляется исключительно въ химической лабораторіи и дистилярномъ заведеніи монаховъ Доминиканскаго ордена, при церкви Санта-Марія-Новелла. Тутъ же изготовляются всякія благовонныя и косметическія издѣлія, мыла, помады, разныя эссенціи и нюхательные спирты; но главную отрасль торговли составляетъ ликеръ, извѣстный подъ названіемъ алкермеса, составъ коего хранится доселѣ въ тайнѣ. Ликеръ этотъ разсылается почти по всему свѣту. Отдѣлку магазина при этомъ заведеніи можно назвать роскошною, а начало его основанія относится чуть ли не къ XIII-му вѣку, эпохѣ самой дѣятельной и плодотворной между Итальянскими монашескими орденами. Благодаря сказанной лабораторіи, монастырь Санта-Марія-Новелла владѣетъ (или владѣлъ въ мое время) большими денежными капиталами.

Кстати о Доминиканскомъ орденѣ замѣчу, что въ одномъ изъ внутреннихъ дворовъ съ открытою квадратною галлереею (chiostro) того монастыря имѣется большая стѣнная живопись, сюжетъ коей, кажется, Страшный судъ, и гдѣ между фигурами снуютъ нѣсколько чернопѣгихъ псовъ, одинъ изъ коихъ держитъ въ зубахъ надпись «*Domini cani*», т. е. «Господни псы», каламбуръ относящійся къ Доминиканскому ордену, а черно-пѣгая шерсть псовъ къ одеждѣ того ордена, состоящей изъ бѣлой рясы съ черною мантіею и съ таковымъ же капюшономъ. Подобнаго рода неумѣстныя, по мнѣнію моему, черты встрѣчаются не разъ у Итальянскихъ художниковъ; такъ напримѣръ, въ трапезномъ залѣ (refectorio) упраздненнаго нынѣ монастыря Бадіи, на склонѣ горы подъ Этрусскимъ городкомъ Фіезоли, въ стѣнной живописи, представляющей Спасителя, окруженнаго сонмомъ ангеловъ, служащихъ ему послѣ сорокодневнаго поста, усматривается въ одномъ углѣ живописи убѣгающій сатана, одѣтый въ монашеское платье, со связкою ключей,

висящей у него на поясѣ. Фигура эта изображаетъ, какъ гласитъ преданіе, портретъ монаха-погребщика той обители; она здѣсь помѣщена живописцемъ Джіовани-ди-Санъ-Джіовани (артистомъ извѣстнымъ своею эксентричностію болѣе чѣмъ особеннымъ талантомъ) въ отместку за то, что ключникъ отпускалъ ему плохое вино, когда этотъ художникъ занимался стѣнною живописью въ монастырѣ на монастырскомъ иждивеніи.

О немъ разсказываютъ также, что, писавши распятіе Спасителя въ большомъ размѣрѣ въ церкви какого-то женскаго монастыря, онъ безконечно затягивалъ работу, потому что его очень хорошо кормили: но на его бѣду кто-то догадался о причинѣ этой медленности и шепнулъ игуменьѣ въ чемъ дѣло. Та распорядилась вмѣсто прежнихъ харчей отпускать живописцу одинъ только хлѣбъ и жареныя цибули (лукъ); но смекнулъ и онъ о причинѣ этой перемѣны и поспѣшилъ подмалевать крестъ во всю величину заказанной работы, выставивъ изъ-за креста голову Спасителя и выдающіяся отчасти Его колѣна, и спустя нѣсколько дней объявилъ, что работу свою окончилъ. Собрались сестры съ игуменьею въ церковь и поздравляли свою начальницу съ успѣхомъ ея хитрой выдумки, но когда отдернули занавѣсь, покрывавшую картину, то всѣ остолбенѣли, увидѣвъ, что распятіе написано сзади. На вопросъ игуменьи, что̀ это значитъ, артистъ невозмутимо отвѣчалъ, что Спаситель вѣроятно отвернулся отъ сильнаго запаха жареныхъ цибуль.

*

Можно почти навѣрно предположить, что нынѣшняя Ливорнская Греческая церковь (помѣщающаяся въ зданіи церковнаго Греческаго дома, гдѣ живутъ также находящіеся при церкви священники) основана не ранѣе прошлаго столѣтія, или въ концѣ XVII-го вѣка, вмѣсто прежней большой и съ фасадомъ, какъ слѣдуетъ быть храму; прежняя же церковь относится ко временамъ Медичійскихъ великихъ герцоговъ и была, вѣроятно, основана по случаю наплыва Грековъ въ Италію, по занятіи Царьграда Турками, и позднѣе обращена въ Греко-уніятскую, чѣмъ и осталась понынѣ, хотя Греко-уніятовъ вовсе не имѣется въ Ливорнѣ. Слѣды Римской религіозной нетерпимости повсюду видны. Для этой безприходной уніятской церкви назначается (если не ошибаюсь) священникъ того обряда изъ Римскаго коллегіума распространенія вѣры, и вѣроятно тамошній воспитанникъ, который однакоже въ мое время носилъ бороду и одѣвался, какъ Греческій священникъ. Римско-католики посѣщаютъ эту церковь, ибо совершаемая тамъ литургія считается у нихъ дѣйствительною (valida) наравнѣ съ Латинскою миссою; но иконостасъ, хотя оставшійся тамъ въ неизмѣненномъ

видѣ, не имѣетъ никакого значенія: царскія врата остаются въ немъ всегда отверстыми, и міряне входятъ въ нихъ безразлично. На потолкѣ церкви изображенъ реліефомъ извѣстный гербъ Медичисовъ, состоящій изъ шести шариковъ, какъ бы пилюль, откуда заимствовано-де фамильное имя Медичи, значущее медика, т. е. лекаря, доказывающее покровительство этихъ Тосканскихъ владѣтелей, оказываемое ими нѣкогда Грекамъ. Въ нынѣшней Греческой церкви, размѣръ коей много менѣе уніятской, висящія въ ней люстры увѣнчаны двуглавымъ орломъ и были, кажется, пожертвованными императрицею Екатериною. Лица, болѣе прочихъ почетныя, похоронены въ широкомъ корридорѣ, окружающемъ церковь съ двухъ только сторонъ, а въ боковомъ входѣ въ нее покоится прахъ моего отца, съ Латинскою надписью на надгробной доскѣ. При церкви имѣется общее пространное кладбище, за прежнею городскою чертою (нынѣ вошедшее, кажется, въ составъ города) съ своею особенною церковью; тамъ, между прочими, похоронена въ 1847 году двоюродная сестра моя, княгиня Аделаида Александровна Голицына, урожденная Тимофеева, а на кладбищѣ одинъ изъ камердинеровъ моего отца, Николай Петровъ Бѣшенцовъ.

Умѣстнымъ считаю передать здѣсь разсказъ, сообщенный мнѣ часто упоминаемымъ священникомъ Ливорнской Греческой церкви, отцемъ Іоахимомъ Валламонте, подтверждающій то, что Римская церковь не столь много значенія придаетъ исповѣдуемому ею догмату о происхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, сколько безусловному подчиненію всего христіанскаго міра папской власти. Въ Ливорнѣ былъ обычай, что духовенство разныхъ вѣроисповѣданій, какъ-то Греко-православнаго, Греко-уніятскаго, Армянскаго и проч., находившееся при тамошнихъ церквахъ, ходило въ день Пасхи съ поздравленіемъ къ мѣстному Латинскому епископу. Въ одинъ таковой визитъ о. Іоахимъ встрѣтился съ Греко-уніятскимъ священникомъ. Итальянскій епископъ, въ разговорѣ, спросилъ обоихъ священниковъ, дѣйствительно-ли нѣтъ никакого различія въ церковномъ служеніи обѣихъ церквей. Оба подтвердили это, но съ оговоркою со стороны уніятскато священника, что уніятство читаетъ «credo» (сѵмволъ вѣры) по ученію Римской церкви объ исхожденіи Св. Духа. «О, что до этого касается, сказалъ епископъ, то и вы, т. е. уніяты, можете, если хотите, читать сѵмволъ вѣры, какъ они православные, лишь бы вѣровали, что Св. Духъ *можетъ* исходить и отъ Сына».

Въ заключеніе упомяну о той у Грековъ (по крайней мѣрѣ Ливорнскихъ) особенности, что въ моментахъ литургіи, въ коихъ мы Русскіе кладемъ земные поклоны (напр. при пресуществленіи Св. Даровъ, или при выносѣ оныхъ послѣ причастнаго стиха), они того не дѣла-

ютъ, а только выходятъ изъ своихъ мѣстъ, на середину церкви. Говорю, изъ своихъ мѣстъ, потому что вдоль стѣнъ церкви, съ обѣихъ сторонъ и съ западной (по обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей) устроены мѣста для стоянія, съ ручками, чтобы можно было опираться на нихъ локтями, и съ лавочкою для сидѣнія, которая подымается и опускается по желанію, и такимъ образомъ присутствующіе при службѣ стоятъ не рѣдко спиною къ стѣнѣ, бокомъ къ иконостасу; а по окончаніи литургіи выходятъ по большинству изъ церкви не какъ у насъ послѣ отпуска «Благословеніе Господне на васъ» и проч., а тотчасъ по вторичномъ выносѣ Св. Даровъ, послѣ словъ: «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.» Символъ вѣры и молитва Господня не поются у нихъ, а читаются; это исполняется почетнѣйшимъ лицомъ изъ присутствующихъ, но не священно-дѣйствующимъ іереемъ, а другимъ, если таковыхъ два или болѣе въ церкви. Гречанки стоятъ по восточному обряду въ верхней галереѣ (въ родѣ хоръ) за рѣшеткою; но наши Русскія женщины не подчиняются этому обычаю, а становятся внизу съ мужчинами. Другая особенность въ Греческомъ чинѣ та, что священнодѣйствующій (когда служитъ безъ діакона) читаетъ Евангеліе не у самого престола, а въ царскихъ дверяхъ, обращаясь лицомъ къ народу. Также, по окончаніи имъ причащенія Святыхъ Таинъ, онъ ударяетъ два-три раза по дискосу, дабы тѣмъ дать знать клиросу, чтобы прекратили пѣніе причастныхъ стиховъ, а въ сугубой эктеніи (между Евангеліемъ и Херувимской) выпускаютъ эктенію объ оглашенныхъ. Въ концѣ 1862 года панихиду надъ могилою моего отца въ Ливорнѣ оба священника тамошней церкви, надѣвъ эпатрахили, отслужили безъ діакона и безъ причетника; стояли же они рядомъ.

*

Младшій Плиній въ своихъ письмахъ упоминаетъ о своей виллѣ, гдѣ онъ собралъ бюсты замѣчательнѣйшихъ чѣмъ нибудь людей и въ томъ числѣ бюстъ Галилеянина (или Назарянина, т. е. Спасителя), какъ необыкновеннаго мыслителя или проповѣдника новаго ученія. Фактъ этотъ весьма важенъ, какъ историческое свидѣтельство о земной жизни Іисуса Христа. И послѣ этого Вольней дерзаетъ утверждать (если не ошибаюсь, что я читалъ это въ его «Les ruines»), что кромѣ одного мѣста въ лѣтописи Еврейскаго исторіографа Іосифа, нѣтъ никакихъ историческихъ доказательствъ о существованіи Іисуса Христа, да и то-де мѣсто въ лѣтописи Іосифа апокрифическое, или по крайней мѣрѣ сомнительное.

*

Любимая поговорка А. А. Вонляръ-Лярскаго (стремиться къ невозможному, чтобы получить лишь возможное) даетъ, кажется мнѣ, ключъ ко всей послѣдующей его спекулятивной дѣятельности. Милліоны, буквально, таяли у него въ рукахъ отъ его расточительности, и хотя онъ оставилъ единственному своему сыну Александру (женатому нынѣ на Вырубовой) порядочное весьма состояніе, но оно далеко не соотвѣтствовало средствамъ, коими Александръ Александровичъ пользовался, и денежнымъ оборотамъ, предоставленнымъ ему черезъ особенное покровительство графа П. А. Клейнмихеля. Помню, между прочимъ, что когда онъ вздумалъ въ концѣ 1846 или въ началѣ 1847 года, взять подрядъ только что утвержденной постройки Смоленскаго шоссе, всесильный графъ П. А. Клейнмихель исходатайствовалъ ему эту операцію (чуть-ли не въ пять милліоновъ) безъ обязательнаго немедленнаго представленія залоговъ, для пріисканія каковыхъ данъ былъ ему срокъ (какъ разсказывали) въ нѣсколько мѣсяцевъ. Хорошій и давній мой знакомый, почетный гражданинъ Эрнестъ Ивановичъ Иммеръ (нынѣ директоръ депо Московскаго Общества любителей садоводства), разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ въ то время главнымъ садовникомъ у А. А. Лярскаго въ его Смоленскомъ имѣніи Вонляровѣ, гдѣ затѣянъ былъ Англійскій паркъ на пространствѣ, если не ошибаюсь, около 8 или 10 верстъ, для посадки коего набрано было чуть ли не до тысячи работниковъ; но, продолжалъ Э. И. Иммеръ, работники очень долгое время не получали уплаты, и потому онъ самовольно убѣжалъ отъ этой кутермы. По словамъ самого А. А. В. Лярскаго, онъ выстроилъ въ своемъ Вонляровѣ нѣчто въ родѣ Итальянскаго палацца, съ водою фонтанами и съ водою проведенною до 2-го и даже 3-го этажа; а для обойки мебели покупалъ въ Петербургѣ шелковыя Ліонскія матеріи, кажется по 5 рубл. за аршинъ, и прочее въ этомъ родѣ, и все это для дома въ глухой деревенской усадьбѣ! Этотъ его палаццо былъ, кажется, выстроенъ по плану славившагося тогда архитектора Быковскаго, по проекту коего Александръ Александровичъ также выстроилъ между 1845 и 1847 годами огромный домъ въ Петербургѣ, на Благовѣщенской площади, у самого Николаевскаго моста. Однажды на мой вопросъ, какъ это онъ успѣваетъ въ своей всеобъемлющей дѣятельности, онъ мнѣ отвѣчалъ: «я дѣятеленъ и предпріимчивъ, потому что у меня спокойно на душѣ; а спокойно на душѣ, потому что у меня дома семейное счастье»: условіе, дѣйствительно помогающее во всѣхъ свѣтскихъ предпріятіяхъ, и Вѣра Дмитріевна вполнѣ оправдывала мужнинъ о ней отзывъ. Въ интимномъ кружкѣ милѣйшая эта женщина не скрывала, впрочемъ, своего страха отъ все болѣе и болѣе расширявшихся размѣровъ предпріятій ея мужа.

*

Политическая комбинація, нынѣ почти что забытая, въ силу которой Лукскій государь получилъ взамѣнъ миніатюрныхъ своихъ владѣній много болѣе видныя герцогства Пармы и Піаченцы, со включеніемъ непринадлежавшаго къ нимъ города Гуасталлы, была слѣдующая. Принцесса Испанской-бурбонской династіи (имя коей я забылъ), она же и мать упомянутаго въ разсказѣ герцога Лудовика, пріобрѣла когда-то на чистыя деньги отъ Наполеона I-го Тосканское великое герцогство, коимъ дотолѣ владѣла принцесса Елиза Бачіокки, сестра этого императора, который, не стѣсняясь, какъ извѣстно, своею роднею, раздавалъ и отнималъ у нея королевства и герцогства по своему усмотрѣнію. Сдѣлавшись Тосканскою владѣтельницею, Испанская принцесса приняла громкій титулъ Этрурской королевы. Когда же, вслѣдствіе Вѣнскаго конгресса и трактата 1814 года, началась общая размежовка земель изгнанныхъ Наполеономъ монарховъ и герцоговъ, Австрійскій эрцгерцогъ Фердинандъ снова водворенъ былъ въ прежнія свои Тосканскія владѣнія, а бывшей Этрурской королевѣ предоставлена была на время небольшая Лукская територія съ тѣмъ, что по смерти эрцгерцогини Маріи-Луизы (бывшей Французскою императрицею), коей дано было въ пожизненное владѣніе Пармское и Піаченцкое герцогства, она имѣли перейти къ династіи Лукскихъ-Испанскихъ Бурбоновъ, въ уваженіе прежнихъ ихъ, пріобрѣтенныхъ покупкою, правъ на Тоскану, и уже тогда упраздненное Лукское герцогство имѣло войти въ составъ Тосканы, что̀ и послѣдовало въ 40 годахъ. Перешедшій въ Парму, герцогъ Лудовикъ не долго тамъ царствовалъ; вспыхнувшая революція принудила его отречься отъ престола въ пользу его сына, вскорѣ послѣ убитаго чуть ли не по какому-то дѣлу любовной интрижки. По его смерти вплоть до изгнанія всѣхъ Итальянскихъ владѣтельныхъ принцевъ въ 1859 году, Пармскимъ герцогствомъ управляла съ замѣчательнымъ, можно сказать, мужествомъ регентша, вдова убитаго герцога, по себѣ Беррійская принцесса; герцогъ же Лудовикъ сталъ со времени своего отреченія проживать кое-гдѣ, принявъ скромное названіе графа де-Вилланова, и подъ этимъ именемъ онъ жилъ въ Ниццѣ, когда я былъ тамъ въ 1863 году. Я весьма сожалѣю, что не привелъ въ исполненіе блеснувшей мнѣ тогда мысли навѣстить его, въ знакъ моей признательности за особенное вниманіе, коимъ онъ почтилъ жену мою и меня во время нашихъ поѣздокъ въ Лукку въ 1838 и 1839 годахъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

РЕСКРИПТЫ

высочайшихъ особъ Антонію, епископу Воронежскому и Задонскому.

I.

Государыни императрицы Александры Θеодоровны.

Преосвященный епископъ Антоній!

Съ особеннымъ удовольствіемъ я получила письмо ваше отъ 18-го Августа и благодарю васъ за доставленіе образа святаго чудотворца Митрофана. Благодатное явленіе мощей Святителя, знаменуя милость Всевышняго, исполняетъ радостію сердца вѣрующихъ, а совершеніе чудесъ свидѣтельствуетъ о торжествѣ вѣры и великости заступленія Чудотворца предъ Богомъ. Съ чувствами утѣшительными, благодарными молю, да осѣнитъ насъ благословеніе новоявленнаго угодника Божія.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонною. *Александра.*

6 Сентября 1832.

II.

Наслѣдника цесаревича Александра Николаевича.

Преосвященнѣйшій владыко!

Получивъ благословеніе отъ вашего преосвященства—образъ со свято-нетлѣнныхъ мощей перваго Воронежскаго святителя Митрофана, приношу мою благодарность. Сей даръ вашего преосвященства я буду хранить какъ памятникъ торжества церкви, но вмѣстѣ какъ знакъ вашего ко мнѣ вниманія. Я прошу ваше преосвященство предъ свято-нетлѣнными мощами въ вашихъ святительскихъ молитвахъ призывать на меня благодать Божію, которая бы просвѣщала и укрѣпляла меня на дальнѣйшемъ пути жизни.

Всегда вамъ благосклонный *Александръ.*

Сентября 7 дня 1832 года.

III.

Великаго князя Михаила Павловича.

Преосвященный Антоній, епископъ Воронежскій и Задонскій!

Явленіе чудотворца, святителя Митрофана, перваго епископа Воронежскаго признавая за новое и ясное знаменіе безпредѣльныхъ милостей, Господомъ изливаемыхъ на благочестивѣйшаго Государя нашего и Россію, я съ сердечнымъ умиленіемъ принялъ образъ праведника сего, вами мнѣ присланный и, поручая себя, жену и дѣтей моихъ предстательству святителя и чудотворца у Престола Всевышняго и молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ доброжелательный ***Михаилъ.***

Москва,
Августа 26 дня 1832 г.

Государя императора Николая Павловича.

Преосвященный архіепископъ Антоній!

Получивъ при письмѣ вашемъ отъ 23 минувшаго Ноября иконы Воронежскаго чудотворца Митрофана [1]), коими на день святителя Николая благословляете меня, мое семейство и всѣхъ пребывающихъ здѣсь членовъ императорской фамиліи, я принялъ даръ сей съ тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія, которымъ преисполненъ къ святости сего новоявленнаго угодника Божія, и вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе изъявить вамъ за таковое приношеніе совершенную мою благодарность.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, я прошу васъ соединить ихъ съ моими объ утоленіи бѣдствій,—бѣдствій, постигшихъ въ числѣ другихъ и губернію Воронежскую [2]).

Пребываю всегда къ вамъ благосклонный *Николай* [3]).

С.-Петербургъ,
7 Декабря 1832 года.

Всѣ помѣщенные здѣсь высочайшіе рескрипты извлечены изъ „Дѣла объ открытіи мощей святителя и чудотворца Митрофана, епископа Воронежскаго“, хранящагося въ архивѣ Св. Правительствующаго Синода 1832 г. № 293.

Сообщилъ священникъ **Стефанъ Звѣревъ.**

---

[1]) Мощи св. Митрофана были открыты 7 Августа 1832 г.

[2]) Бѣдствія отъ холеры.

[3]) Подписи всѣ собственноручныя.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ПРОТАСОВЪ.

(Изъ записей и воспоминаній протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова).

Мое знакомство съ А. П. Протасовымъ состоялось въ послѣднее время его жизни, лѣтомъ 1853-го года *). Послѣ службы въ Сенатѣ, въ Московскомъ его присутствіи, сначала въ должности оберъ-секретаря, а потомъ въ званіи сенатора, онъ рано вышелъ въ отставку и жилъ въ уединеніи, въ своемъ небольшомъ деревянномъ домѣ, въ приходѣ Іакова Апостола, близъ Садовой. Его аристократическое происхожденіе (онъ родственникъ бывшаго синодальнаго оберъ-прокурора графа Н. А. Протасова) сказывалось во всемъ: въ его благородномъ, величавомъ наружномъ видѣ и деликатномъ, утонченномъ обращеніи, въ его широкомъ образованіи и знаніи нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ. Онъ имѣлъ избранную библіотеку, преимущественно на иностранныхъ языкахъ; изъ произведеній Русской литературы онъ обладалъ избранною коллекціей мистическихъ писателей. Говорили, что А. П. Протасовъ, какъ мистикъ по убѣжденіямъ, любилъ сосредоточенное духовное чтеніе, созерцательное состояніе духа, такъ называемую „умную молитву"; но злые языки утверждали, что онъ, какъ богатый человѣкъ, бывшій владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, отпустившій ихъ на волю за хорошія деньги и прослывшій между дворянами за опаснаго либерала, страстно любилъ драгоцѣнные камни и золото, запирался въ своей спальнѣ, раскладывалъ передъ собою солитеры и груды имперіаловъ и любовался ими. Напоминаемъ, что мы передаемъ чужія рѣчи.

Какъ бы то ни было, онъ оставилъ свѣтъ и никуда не выѣзжалъ. Но какъ человѣкъ мыслящій, живой и общительный, слѣдившій за политикой и любившій знать, что́ дѣлается въ обществѣ, онъ рѣшился открыть свою гостиную для пріема въ извѣстные дни. Пріемными днями были у него Воскресенья. Мое знакомство съ нимъ произошло вслѣдствіе того, что онъ былъ крестнымъ отцомъ моей жены и захотѣлъ видѣть мужа своей крестницы, магистра Духовной Академіи. Оказалось, что его очень интересовала Духовная Академія по личности Ѳ. А. Голубинскаго, а между тѣмъ онъ не имѣлъ никого въ числѣ своихъ знакомыхъ изъ этого круга. Я тотчасъ же получилъ самое рѣшительное приглашеніе посѣщать его Воскре-

*) А. П. Протасовъ род. 19 Апрѣля 1790, ум. 21 Февраля 1856 г. Отецъ его Павелъ Ивановичъ былъ Орловскимъ вице-губернаторомъ, а мать Марья Николаевна - родная сестра извѣстнаго председателя Государственнаго Совѣта Н. Н. Новосильцова. П. Б.

сенья. Тутъ-то увидѣлъ я великихъ оригиналовъ-стариковъ, людей какъ-бы другого міра. Таковъ былъ генералъ-суперъ-интендентъ Губеръ, отецъ извѣстнаго переводчика „Фауста“, гебраистъ, съ которымъ Протасовъ бесѣдовалъ о богословскихъ матеріяхъ; таковъ былъ какой-то представитель Сарептской колоніи (кажется Блюэръ), владѣвшій такъ называемой Сарептской лавкой на Никольской, въ которой не столько продавались Сарептскіе товары, сколько распространялись въ огромномъ количествѣ переводныя короткія, миніатюрныя по формату, аллегорическія по заглавіямъ, назидательныя книжки, похожія на изданія нынѣшнихъ Пашковцевъ; таковъ былъ князь Ханджіери, вѣстникъ новостей иностранной биржи и политики, пріѣзжавшій очень рѣдко, непремѣнно въ каретѣ и на очень короткое время. По словамъ Протасова, этотъ князь исполнялъ будто бы Латинскую пословицу: „**Omnia mea mecum porto**“, т. е. носилъ такой костюмъ, въ которомъ зашиты были въ особыхъ приспособленіяхъ всѣ его банковые билеты на огромныя суммы. Встрѣчались у Протасова и другіе „чудные“ старцы, больше бывшіе масоны: Шуманъ, Чубаревъ, Астафьевъ, Гевличъ и др.; изрѣдка пріѣзжалъ докторъ П. Н. Кильдюшевскій, на нѣсколько минутъ, ссылаясь на свою врачебную практику. Но всѣ подобные посѣтители пріѣзжали рѣдко, въ одинъ разъ, въ маломъ числѣ, одинъ, много двое, а бо́льшую часть воскресныхъ вечеровъ мы проводили наединѣ. Я впрочемъ не жалѣлъ объ этомъ, даже скучалъ, когда пріѣзжалъ какой-нибудь профанъ, появленіе котораго прерывало интересный разговоръ. Протасовъ говорилъ всегда умно, содержательно, серьезно о предметахъ важныхъ и съ живымъ юморомъ о случаяхъ житейской суеты и пошлости. Я никогда не скучалъ, слушая его рѣчи, и жалѣю только, что сталъ записывать его разсказы и замѣтки спустя уже значительное время послѣ моего знакомства. Я однажды сообщилъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой замѣчательной личности въ автобіографической статьѣ, напечатанной мною во вступительной брошюрѣ къ изданію журнала „Дѣтская Помощь“ (1885 г.). Вотъ еще нѣсколько отрывочныхъ записей, предлагаемыхъ „Русскому Архиву“.

1. «Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, оберъ-камергеръ, однажды въ присутствіи многихъ у себя на дачѣ, на Каменномъ острову, передавалъ замѣчательный и доселѣ малоизвѣстный разсказъ о Шведенборгѣ, слышанный имъ лично отъ Русскаго посланника при Шведскомъ дворѣ. Въ Стокгольмѣ, въ одномъ аристократическомъ домѣ, былъ однажды блестящій балъ, на которомъ былъ и Русскій посланникъ. Неожиданно встрѣчаетъ онъ на этомъ балу Шведенборга, который былъ уже славенъ тогда какъ знаменитый духовидецъ. Нашъ посланникъ до того изумился этой встрѣчѣ, что не могъ не высказать своего изумленія. «Какъ?» сказалъ онъ Шведенборгу. «Прилично ли вамъ, человѣку, который столько занятъ предметами духовными, столько углубленъ въ духовный міръ, прилично ли вамъ быть на балу?» —«А мнѣ кажется еще болѣе страннымъ», отвѣчалъ Шведенборгъ, «ви-

дѣть на балу Русскаго посланника тогда, какъ Русская императрица такъ недавно скончалась.» Посланникъ разсердился и съ строгимъ видомъ обратился къ хозяину дома, замѣчая, что есть границы шуткамъ и что слова господина Шведенборга не должны быть позволены. Между тѣмъ проходитъ нѣсколько дней, и посланникъ получаетъ оффиціальное извѣстіе о неожиданной кончинѣ императрицы (Елисаветы Петровны): она скончалась въ тотъ самый день, когда говорилъ объ этомъ Шведенборгъ.

2. Тетушка моя, камеръ-фрейлина графиня Протасова, Анна Степановна, долгое время жившая во дворцѣ въ С.-Петербургѣ, была въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ бывшимъ Русскимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ, а послѣ сенаторомъ, Тамарой. Тамара вѣрилъ въ явленія духовнаго міра, зналъ нѣкоторые случаи такихъ явленій и иногда о нихъ разсказывалъ. Однажды Тамара пріѣхалъ къ тетушкѣ при мнѣ; тутъ были графиня Растопчина Екатерина Петровна, урожденная Протасова (бывшая за графомъ Растопчинымъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ) и княжна Голицына Елисавета Алексѣевна, сдѣлавшаяся впослѣдствіи католической монахиней. Недавно передъ тѣмъ вышло въ свѣтъ въ Русскомъ переводѣ сочиненіе Юнга Штиллинга «Scenen aus der andern Welt»; Русскій переводчикъ издалъ его подъ названіемъ «Приключенія по смерти» и послѣ подписался буквами: *У. М.*, то есть *Увѣренный Масонъ*. Это былъ одинъ изъ уважаемыхъ и прекрасно образованныхъ людей того времени, Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника,» принадлежавшій къ обществу мистическихъ масоновъ, настольный мастеръ «Ложи Умирающаго Сфинкса.» Въ разговорѣ объ этой книгѣ Тамара въ собраніи упомянутыхъ лицъ разсказывалъ:

«Я передалъ Александру Ѳедоровичу одинъ очень замѣчательный случай: если вы его не знаете, то я разскажу вамъ. Мой родной братъ, получивъ отставку, жилъ въ провинціи; онъ былъ женатъ и имѣлъ сына и дочь, уже совершеннолѣтнихъ. Когда въ Германіи вышло въ свѣтъ сочиненіе Юнга Штиллинга «Scenen aus der andern Welt», я, какъ новое сочиненіе, послалъ его брату. Между тѣмъ вскорѣ узнаю, что братъ мой умеръ. Сынъ его началъ мотать и промоталъ бы все, чтó принадлежало ему по наслѣдству изъ отцовскаго имѣнія, если бы обстоятельства не перемѣнились. Невѣстка моя и племянница приходили въ отчаяніе, видя, что ничѣмъ нельзя остановить мота, и что его мотовство угрожаетъ имъ почти нищетою, а слѣдовавшія имъ по закону части имѣнія (седьмая и четырнадцатая) были очень незначительны.

Но прошло очень немного времени, какъ племянница моя видитъ во снѣ своего покойнаго отца. Обрадовавшись его явленію, она обращается къ нему во снѣ съ распростертыми объятіями и восклицаніями: «Батюшка! Батюшка! Какъ я рада васъ видѣть! Скажите, каково теперь ваше положеніе?» —«Не совсѣмъ хорошо», отвѣчаетъ отецъ; «а я дѣлаю еще хуже, что являюсь къ вамъ: мнѣ не слѣдовало бы этого дѣлать. Но скажи матери, что въ моемъ старомъ бюро есть секретный ящичекъ, и въ немъ оставлено мною завѣщаніе отъ крѣпостныхъ дѣлъ, въ которомъ я назначаю въ продолженіи жизни жены моей пользоваться ей всѣми доходами съ имѣнія (имѣніе было благопріобрѣтенное). Если же не найдете, то пусть мать возметъ въ Гражданской Палатѣ копію съ моего завѣщанія. Прощай!» — «Батюшка! Куда же вы? Постойте, дайте поговорить съ вами!» — «Мнѣ нельзя», отвѣчалъ отецъ; «о состояніи душъ послѣ смерти прочитай въ новомъ сочиненіи Юнга Штиллинга: онъ почти вездѣ правду написалъ.» Сновидѣніе прекратилось. Дочь разсказала матери свой сонъ и такъ вѣрила въ истину видѣннаго ею явленія, что настояла передъ матерью, чтобы бюро, въ которомъ на первый разъ ничего не нашли, было взломано. Бюро взломали и въ секретномъ ящичкѣ нашли завѣщаніе покойнаго, точь-точь какъ самъ онъ говорилъ въ своемъ явленіи дочери. А въ кабинетѣ его нашли присланное мною и незадолго до смерти полученное имъ новое сочиненіе Юнга Штиллинга, еще не совсѣмъ разрѣзанное».

Тамара окончилъ свой разсказъ, и тетушка моя, не вѣрившая явленіямъ духовнаго міра въ нынѣшнее время, только пожала плечами и съ сожалѣніемъ посмотрѣла на Тамару, а послѣ отъѣзда его мнѣ сказала, что удивляется, какъ такой прекрасный человѣкъ, съ такимъ здравымъ разсудкомъ, могъ *такъ ослабѣть въ разсудкѣ* отъ старости лѣтъ. Графинѣ же самой было въ то время около 70 лѣтъ.»

3. Было время, когда вѣрили всякимъ чудесамъ. Бухмейеръ Өедоръ Астафьичъ, артиллерійскій генералъ, разсказывалъ мнѣ что̀ при немъ однажды случилось въ Грузинѣ, имѣньи графа Аракчеева, недалеко отъ Петербурга, куда лѣтомъ пріѣзжалъ иногда самъ графъ. Прискакалъ туда во весь духъ, запыхавшись, монахъ изъ Юрьевскаго монастыря отъ архимандрита Фотія съ бумагой, въ которой было написано отъ имени Фотія въ видѣ донесенія слѣдующее. Въ одну ночь Фотій видитъ во время молитвы явленіе; ему представился престолъ на облакахъ, пониже его на лѣвой сторонѣ другой меньшей величины, и слышитъ онъ *гласъ велій*: «престолъ сей уготовалъ я для *новообращеннаго* раба моего Александра (т. е. императора Александра), а ошуюю его

я уготовалъ мѣсто для раба моего Алексѣя» (т. е. графа Аракчеева). Бумага была подписана Фотіемъ. Когда потомъ довели это до свѣдѣнія императора Александра, онъ принялъ это съ душевнымъ умиленіемъ, а графъ Аракчеевъ сказалъ: «Фотій насъ надуваетъ!»

4. Въ Петербургѣ было одно, не очень благородное общество, члены котораго, пользуясь общею, господствовавшею тогда склонностью къ чудесному и таинственному, сами составляли подъ именемъ *бѣлой магіи* различныя сочиненія, выдумывали очистительные обряды, способы вызывать духовъ, писали аптекарскіе рецепты куреній и т. п. Однимъ изъ главныхъ былъ тутъ нѣкто Салакадзи, у котораго бывали собранія, и въ домѣ его въ одной комнатѣ висѣлъ на потолкѣ большой крокодилъ. Вы можете видѣть эти сочиненія въ рукописи у нашего общаго знакомаго И. М. Чубарова, который получилъ ихъ отъ одного изъ высшихъ адептовъ общества Грейца. Грейцъ открыто хвастался, что можетъ вызывать духовъ и повелѣвать ими; между тѣмъ онъ былъ человѣкъ несчастнѣйшій, надавалъ заемныхъ писемъ не по состоянію, впалъ въ нищету, ослѣпъ и умеръ у Чубарова, оставивъ ему свои книги. Чубаровъ уважаетъ Грейца и вѣритъ его книгамъ; но по моему мнѣнію эта магія есть вѣрнѣйшее средство быть несчастнымъ.

5. Общество Татариновой называлось обществомъ *вертящихся.* Татаринова, дворянка, Рязанская помѣщица [1]), удержала въ своемъ обществѣ главные обряды скопцовъ, исключивъ оскопленіе. Членами ея общества были многія значительныя лица: вертѣлся тутъ и Головинъ, главнокомандующій. Собранія были въ квартирѣ Татариновой, во флигелѣ Михайловскаго дворца, въ С.-Петербургѣ; а потомъ, когда ее отсюда выгнали, она имѣла собранія на Петергофской дачѣ. *Вертѣться* считалось необходимымъ для того, чтобы придти въ самозабвеніе; чтó произносимо было въ этомъ состояніи, то считалось пророчествомъ. У меня есть книга этого общества, она вся состоитъ изъ текстовъ; въ ней однакожъ не найдете ничего неблагонамѣреннаго. Въ это общество проникнулъ наконецъ графъ Протасовъ, синодальный оберъ-прокуроръ, который и разрушилъ его. Онъ притворился, что желаетъ быть посвященъ въ адепты и былъ принятъ; между тѣмъ, узнавъ обряды общества, донесъ обо всемъ Государю. Общество застигнуто было врасплохъ во время своихъ таинствъ жандармами [2]), Татаринову сослали въ монастырь, другихъ лишили мѣстъ и также сослали на покаянье.

---

[1]) Мужъ Татариновой былъ Рязанскимъ помѣщикомъ и директоромъ тамошней гимназіи, а сама она была Эстляндка, урожденная Буксгевденъ. П. Б.

[2]) Преданіе увѣряетъ, будто застигнутъ былъ въ бѣлой сорочкѣ и съ мистическими

6. Есть предметы, о которыхъ нельзя говорить не съ затворенными дверями. Таковъ наприм. вопросъ о грѣхопаденіи, который заслуживаетъ все вниманіе христіанства; но можетъ ли удовлетворить кого то, чтó предлагаютъ намъ отъ имени церкви объ этомъ предметѣ? И можно ли послѣ того открыто разсуждать о такомъ высокомъ предметѣ, который самъ по себѣ составляетъ вопросъ? Вотъ вамъ и начало тайныхъ обществъ, въ которыхъ, хотя и примѣшивалось много кое-чего другого (какъ наприм. то, что всѣ мы братья и равны между собою и проч.), однакоже первоначальная цѣль ихъ была именно рѣшеніе высшихъ вопросовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ жизни христіанской. Здѣсь же скрывается и начало такъ называемыхъ *орденскихъ книгъ*. Орденская книга это значитъ книга, которая предлагаетъ опытъ разрѣшенія христіанскихъ вопросовъ, недоступный для общаго разумѣнія, такой, который отъ большинства должно скрывать. Поэтому орденскія книги печатались обыкновенно въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, только для высшихъ адептовъ извѣстнаго общества, членомъ котораго составлено сочиненіе: «Орденская книга». Эта орденская книга написана на алхимическихъ началахъ и раскрываетъ ту мысль, что разложеніе матеріи, собственно тѣла человѣческаго, есть процессъ сожженія, чрезъ который все матеріальное и нечистое истребляется, а духъ, самъ въ себѣ чистый, освобождается отъ этой нечистой оболочки и продолжаетъ жизнь уже по смерти тѣла въ лучшемъ видѣ. Таковы напр. книги: «О сожженіи вещей и истлѣніи», «Божественная Метафизика» Пордетча и др. Всѣ такія книги очень рѣдки и дороги, иногда не по содержанію только, но и по ихъ немногочисленности. Книга Пордетча — одна изъ рѣдчайшихъ; она была издана за границею въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, именно по числу членовъ общества. Она была напечатана и у насъ, хотя не въ полномъ видѣ, за то въ бóльшемъ числѣ экземпляровъ, нежели сколько слѣдовало; напечаталъ ее Н. И. Новиковъ въ Русскомъ переводѣ. За этотъ переводъ давали у насъ въ свое время рублей по пяти сотъ.

7. Когда я бывалъ въ прежнее время у митрополита Филарета, однажды онъ меня спрашиваетъ: «чтó вы читаете?» Я отвѣчаю: — Якова Бёма «Christo - Sophia, Путь ко Христу». Вы его знаете? «Знаю. А гдѣ вы достали его? Вѣдь это книга запрещенная».— «Досталъ и имѣю».— «Какъ же вы находите эту книгу?» Я счелъ долгомъ отвѣчать правду и сказалъ: «Нахожу, что это отлично хорошая христіанская книга».—Филаретъ помолчалъ, а потомъ сказалъ: «Только не вся-

---

лентами и крестами самъ канцлеръ Россійскихъ орденовъ, другъ царевъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. П. Б.

кій можетъ ее понимать». А я спросилъ: «Могу ли я, ваше высокопреосвященство, читать эту книгу?»—«На Русскомъ нѣтъ: это книга запрещенная».—«Я имѣю ее на Французскомъ». — «На иностранномъ *запретить не могу*».

8. Еще при Екатеринѣ II-й было гоненіе на тайныя общества. Новиковъ, какъ извѣстно, содержался въ Шлиссельбургской крѣпости. Другой знаменитый мистикъ, тоже глава общества, былъ *С. И. Гамалей*, правитель канцеляріи у гр. Чернышова; онъ не содержался, но долженъ былъ оставить службу и жить въ деревнѣ. Онъ имѣлъ цѣлый кружокъ почитателей. Уединеніе располагаетъ къ созерцательности, и Гамалей былъ духовидецъ. Почитатели его вѣрили его видѣніямъ; многіе имѣли съ нимъ переписку, какъ напр. князь Трубецкой, и даже обращались къ нему въ различныхъ случаяхъ за совѣтомъ. Гамалей ко многимъ лицамъ писалъ письма, которыя были принимаемы какъ пастырскія посланія. Онъ жилъ очень долго; любилъ Французскій нюхательный табакъ, но, видя, что это стоитъ денегъ, сталъ нюхать Русскій, чтобы болѣе имѣть возможности дѣлать добро, а потомъ и совсѣмъ пересталъ нюхать. Друзья Гамалея по смерти его вознамѣрились собрать всѣ его посланія, писанныя въ разное время и къ различнымъ лицамъ, и издать. Рукопись была представлена въ Московскую Духовную Академію; это было, когда гр. Строгановъ былъ попечителемъ университета. Ѳ. А. Голубинскій пропустилъ рукопись, и письма Гамалея были напечатаны *), но вскорѣ запрещены.

9. *Серафимскій Цвѣтникъ Іакова Бёма*, прекрасно сдѣланный выборъ изъ сочиненій Бёма, работанъ былъ въ одной старинной масонской ложѣ временъ Екатерины (у *Поздѣева*) подъ главнымъ руководствомъ Гамалея, при чемъ старшимъ членамъ поручено было читать сочиненія Бёма, а Гамалей дѣлалъ пересмотръ и выборъ. Въ заглавіи *Цвѣтника* означено время составленія, и начальными буквами означена ложа. Въ томъ заглавіи упоминается, что присовокупленъ регистръ мѣстъ изъ Бёма, кои никогда не были напечатаны. Въ объясненіе сего Протасовъ говорилъ, что еще до Новикова извѣстна была Славянская рукопись: «иже во святыхъ отца нашего Іакова Бемена». Рукопись эта содержала въ себѣ будто-бы молитвы Бёма и была переведена или передѣлана; изъ нея-то, какъ говорилъ Протасовъ, Новиковымъ въ типографіи его, для членовъ тайнаго общества, были напечатаны нѣкоторыя молитвы, которыя и раздавались членамъ съ строгимъ разборомъ. Уже послѣ Новикова Гамалей, глава тайнаго об-

*) Подъ заглавіемъ: *„Письма С. И. Г.“* Ихъ три книги. Первыя двѣ вышли въ двухъ изданіяхъ 1832 и 1836 гг. Послѣдняя (наиболѣе рѣдкая) въ 1839 г.. П. Б.

щества, предпринялъ тотъ выборъ изъ всѣхъ сочиненій Бёма, которому далъ названіе «Серафимскаго Цвѣтника».Этотъ Цвѣтникъ не скоро и не вдругъ давался вступавшимъ въ общество: давали его послѣ многихъ другихъ книгъ и при томъ не иначе, какъ по одной главѣ, строго замѣчая, какое дѣйствіе производитъ рукопись на того, кому ее рѣшили дозволить. Она, какъ видно изъ словъ Протасова, употреблялась между старшими членами и въ позднѣйшихъ ложахъ временъ Александра. Но и здѣсь долгое время вступавшимъ въ общество давали другія книги, именно *О послѣдованіи Іисусу Христу* Ѳомы Кемпійскаго, переводъ Уткина, 1816 г., *Іоанна Арндта объ истинномъ христіанствѣ семь словъ, Брань духовная, О душевномъ мирѣ* и т. п. Потомъ въ собраніяхъ общества кто нибудь изъ старшихъ читалъ какое нибудь свое сочиненіе, въ которомъ предлагались опытныя наставленія о томъ, какъ успѣвать въ духовныхъ упражненіяхъ или опытахъ христіанской жизни. Наконецъ уже, когда видѣли въ комъ духовные успѣхи, дозволяли для того чтеніе такихъ книгъ, въ которыхъ предлагались образцы разрѣшенія высшихъ вопросовъ.

10. «Брань Духовная» была переведена на Русскій языкъ *А. Ѳ. Лабзинымъ.* Авторъ книги въ точности неизвѣстенъ, но книга писана католикомъ; Франдискъ-де-Саль всегда носилъ ее въ рукавѣ. *О подражаніи Іисусу Христу* — книга извѣстная подъ именемъ Ѳомы Кемпійскаго, также въ точности неизвѣстно, кому она принадлежитъ. Одни приписывали ее Жерсону, а католическіе монахи, Бенедиктинцы и Доминиканцы, говорили, что она написана однимъ изъ ихъ обществъ. Лабзинымъ издана была также книга, которая могла служить продолженіемъ *Брани Духовной*: *О душевномъ мирѣ.* Протасовъ подарилъ мнѣ и ту, и другую книгу, но касательно книги. *О душевномъ мирѣ* продиктовалъ мнѣ слѣдующее замѣчаніе: « Опытные мистики очень одобряютъ это сочиненіе Ламбеза о душевномъ мирѣ, называя его книгою превосходною; но они не находятъ правильными нѣкоторыя, впрочемъ очень немногія, положенія сочинителя». При этомъ онъ прибавилъ, что орденъ не одобрилъ всего четыре или пять строкъ въ книгѣ. Это однакоже считалось важнымъ. — Пріятель Лабзина былъ Маркеловъ, также писавшій мистическія сочиненія.

11. Товарищъ мой по службѣ, сенаторъ Нечаевъ познакомилъ меня съ Карабановымъ, человѣкомъ, который собиралъ рѣдкія вещи. Однажды съ Нечаевымъ мы были у Карабанова, и онъ показывалъ намъ свое собраніе. Между прочимъ мы замѣтили у него въ числѣ вещей маленькую позолоченую лопатку, подъ которой было подписано,

что такою лопаткою древніе бояре брали соль. Я улыбнулся и далъ замѣтить эту вещь Нечаеву. Это была масонская лопатка, принадлежавшая мастеру. Извѣстно, что у Франкмасоновъ употреблялись три рода такихъ лопатокъ: для *ученика* серебряная матовая, для *товарища* серебряная съ глянцемъ, для *мастера* серебряная позолоченая. У Карабанова была лопатка старинныхъ масонскихъ ложъ времени Екатерины, принадлежавшая мастеру. Карабановъ презентовалъ свой музей Государю Наслѣднику, и въ этой коллекціи осталась масонская лопатка подъ именемъ вещи, которою древніе бояре брали соль.

12. Въ отрывкахъ изъ одной неизданной рукописи Гамалея, почитателя Бёмова, сообщенныхъ мнѣ Протасовымъ, объясняется между прочимъ значеніе аттрибутовъ масонской ложи. Такихъ отрывковъ изъ Гамалея онъ сообщилъ мнѣ три; это нѣчто изъ тѣхъ объясненій и наставленій, кои давалъ въ собраніи общества Гамалей; а какъ онъ былъ почитатель Бёма и составилъ извѣстный «Цвѣтникъ», то Протасовъ въ объясненіе духа Гамалеева сообщилъ мнѣ эти отрывки, прося приложить ихъ при «Цвѣтникѣ». Третій отрывокъ—подражаніе *Этингеру* [1]).

13. При Новиковѣ приняты были орденскою книгою *Семь Словъ* св. Макарія Египетскаго, переведены и напечатаны у Новикова. Касательно же другихъ переводовъ отеческихъ, изданныхъ Новиковымъ, Протасовъ говорилъ, что это дѣлалось въ угоду митрополита Платона, съ которымъ старшіе члены имѣли сношенія, съ тою цѣлью, чтобы жить въ ладу съ духовнымъ начальствомъ. М. Платону нравилось, что къ нему обращались за совѣтами и изъявляли готовность слушать его разсужденія. Онъ самъ съ удовольствіемъ назначалъ Новикову для переводовъ и изданій тѣ или другія изъ отеческихъ сочиненій, а Новиковъ съ своими друзьями въ угоду ему печатали, строго скрывая все прочее, что̀ употреблялось въ ихъ тайныхъ собраніяхъ и нисколько не пользу̀ясь тѣми переводами отцевъ, которые печатались по назначенію Платона.

14. Новиковъ не былъ въ свое время главнымъ. Главнымъ дѣятелемъ былъ тогда знаменитый мистикъ и духовидецъ *И. Г. Шварцъ*, профессоръ Московскаго университета [2]), и еще нѣкоторые другіе иностранцы. Къ нимъ пріѣзжали иностранцы изъ за границы, члены тамошнихъ тайныхъ обществъ, привозили съ собою книги, давали со-

---

[1]) Рукопись, молитвы и „Серафимскій Цвѣтникъ“ Бёма переданы мною въ Епархіальную библіотеку.

[2]) Дѣдъ нынѣшняго Московскаго профессора и педагога, у котораго сохраняется портретъ И. Г. Шварца въ масонскомъ одѣяніи. П. Б.

вѣты и дѣлали указанія что̀ напечатать, чѣмъ руководствоваться. Новиковъ, содержатель нѣскольких типографій, былъ ревностнымъ исполнителемъ и однимъ изъ старшихъ членовъ: онъ часто печаталъ у себя, безъ всякой цензуры, тайно, орденскія книги. Вслѣдствіе этихъ заграничныхъ сношеній появлялись у насъ иногда въ печати и такія сочиненія, которыя за границей напечатаны не были и оставались только въ рукописяхъ: таковы Семь Словъ *Іоанна Арндта.* Однимъ изъ старшихъ и уважаемыхъ членовъ былъ *Михаилъ* (*Десницкій*), впослѣдствіи митрополитъ, многія бесѣды котораго, совершенно мистическія, изданы во многихъ томахъ; они широко распространены, особенно въ духовенствѣ. *Гамалей* также пользовался большимъ уваженіемъ, вмѣстѣ съ Поздѣевымъ, ложа котораго существовала долгое время и послѣ гоненія въ Екатерининское время. Ложа Поздѣева — это послѣдній остатокъ тайныхъ обществъ временъ Екатерининскихъ. Поздѣевъ засталъ еще и видалъ дѣятельность Лабзина, который, ревнуя о распространеніи духовнаго христіанства, своими многочисленными изданіями и переводами, даже изданіемъ книгъ орденскихъ въ бо́льшемъ числѣ экземпляровъ, нежели сколько нужно было, былъ невѣренъ общимъ правиламъ тайныхъ обществъ. Поздѣевъ съ упрекомъ говорилъ Лабзину: «Ты дѣлаешь больше вреда, нежели добра»... Лабзинъ въ отвѣтъ Поздѣеву выразилъ то убѣжденіе свое, что истина распространяется не единымъ только тѣмъ путемъ, когда люди ищутъ книгъ, но и наоборотъ, книга можетъ иногда находить человѣка: пусть многіе берутъ въ руки книгу и съ презрѣніемъ бросаютъ потомъ ее; многіе бросятъ, а найдется человѣкъ, который съ уваженіемъ ее приметъ, а еслибы не было книгъ, гдѣ нашелъ бы этотъ человѣкъ столь нужное для него чтеніе? Пусть разойдутся, говорилъ Лабзинъ, изданныя мною книги по всѣмъ краямъ и степямъ нашего обширнаго отечества, пусть навлекутъ презрѣніе многихъ; а, можетъ быть, иная книга въ пустынныхъ краяхъ Сибири или гдѣ-нибудь въ степяхъ южной Россіи пріобрѣтетъ Христу иного человѣка.

15. Тайныя общества, бывшія у насъ, какъ въ Екатерининское, такъ и въ Александровское время, знали и читали Шведенборга, но находили въ немъ многое неправильнымъ и не признавали его, главнымъ образомъ потому, что его отношенія къ духовному міру были собственно отношенія къ духамъ. Они признавали, что Шведенборгъ былъ духовидецъ, но допускали, что при видѣніяхъ собственно духовъ можетъ быть много ошибочнаго; ибо нѣкоторые духи также, какъ и люди, могутъ заблуждаться и не имѣть просвѣтлѣнія Божественнаго.

Тайныя общества выше всѣхъ ставили Бёма, полагая, что въ немъ дѣйствовало непосредственное вдохновеніе или просвѣтлѣніе Божественное. Впрочемъ, въ Петербургѣ, въ Александровское время, была Шведенборгская ложа, или лучше, въ маломъ видѣ своя новая церковь, *церковь Новаго Іерусалима.* Во всѣхъ другихъ ложахъ былъ алтарь или престолъ, на который ставился свѣщникъ; но въ этой ложѣ стоялъ престолъ круглый, соотвѣтственно тому, какъ у Шведенборга представляются на небѣ ангельскія *общества въ кругахъ.* Ученіе Шведенборга было привезено къ намъ изъ Швеціи тайнымъ совѣтникомъ *Кноррингомъ.* Въ числѣ членовъ были нѣкоторыя значительныя лица, между прочимъ графъ Будбергъ. Отличительной чертой этого общества было то, что оно сознательно старалось скрываться отъ правительства; прочія тайныя общества для правительства были открыты, это же общество скрывалось.

16. Вотъ отзывы Протасова о нѣкоторыхъ книгахъ. *Опытъ о дѣйствіи Св. Духа въ душахъ*—одна изъ самыхъ назидательныхъ книгъ, которую полезно почаще перечитывать. *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви*—книга очень уважаемая (орденомъ), но въ ней встрѣчаются ошибочныя мысли; впрочемъ ихъ немного. (Его неблагопріятные отзывы о магнетизмѣ и о сочиненіяхъ *Шведенборга*). Эта книга, говорилъ Протасовъ сочинена *И. В. Лопухинымъ,* при чемъ велѣлъ принести мнѣ показать писанный масляными красками портретъ Лопухина. Портретъ написанъ очень живо. Лопухинъ представленъ въ красномъ сенаторскомъ мундирѣ того времени съ орденами, голова сѣдая, лицо очень красивое, моложавое, энергичное, живое. *Пастырское Посланіе* очень было уважаемо; оно заключаетъ въ себѣ наставленія, которыя были нужны въ то время, когда ее издали, потому что нѣкоторые сомнѣвались въ божествѣ Іисуса Христа, а другіе много занимались химіею и мало внутренней религіей. Эта книга была полезна въ свое время, но не можетъ произвести такого чувства назидательнаго, какъ первая, то-есть «Опытъ о дѣйствіи Св. Духа». Эти отзывы А. П. записаны мною подъ его диктовку. Говоря о «Пастырскомъ Посланіи», онъ сказывалъ, что поводомъ къ составленію его были не только заграничныя обстоятельства, но и слѣдующее. Во времена Екатерины II наши тайныя общества состояли въ тѣсной близости съ заграничными; нѣкоторое важное лицо (не сказалъ, кто), членъ ордена, потому имѣвшій доступъ и къ заграничнымъ старшинамъ, привезъ изъ за границы всѣ книги и бумаги ордена и выдалъ ихъ Екатеринѣ. Этотъ измѣннической поступокъ, предполагавшій уже полное недовѣріе къ ученію ордена и могшій усилить и распространить такое недовѣріе, былъ между про-

чимъ поводомъ къ этому «Пастырскому Посланію», написанному съ явнымъ подражаніемъ Посланіямъ Апостольскимъ, но въ духѣ символическомъ отъ имени ордена и разосланному въ качествѣ окружной грамоты, подобно грамотамъ древнихъ патріарховъ. Въ тайныхъ обществахъ книга пользовалась великимъ уваженіемъ; члены общества въ ея пользу и въ пользу ордена указывали на то, что бумаги и книги, дозволенныя Екатериною и запечатанныя для сохраненія въ назначенномъ мѣстѣ, сгорѣли во время пожара, случившагося прежде, чѣмъ могла состояться назначенная императрицею комиссія для разбора ихъ.

17. Изображеніе *сфинкса*—общій символъ или печать масонства. Кромѣ этой общей печати каждое общество имѣетъ свои. Печать Розенкрейцеровъ: или (крестъ) или *два треугольника*, одинъ въ другомъ. *Умирающій сфинксъ*—печать *Ложи Умирающаго Сфинкса*, къ которой принадлежалъ А. Ѳ. Лабзинъ. *Гранъ-метръ* или *гроссъ-мейстеръ*—глава многихъ ложъ, настольный мастеръ—глава одной ложи.

18. *Философскій камень* различно понимали члены различныхъ обществъ. Одни понимали подъ нимъ духовное возрожденіе христіанина; другіе, пристрастившись къ алхиміи, хотѣли добывать черезъ него золото; третьи понимали подъ нимъ особаго рода процессъ, чрезъ который должно быть добыто политическое гражданское благополучіе, именно—все должно быть обращено въ хаосъ, чтобы изъ этого хаоса могъ выдти порядокъ. Черный цвѣтъ въ хаосѣ означаетъ смерть. Общество декабристовъ имѣло такія смутныя понятія, не приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но пользуясь такою системою воззрѣнія, какъ мѣрою давленія на общественное сознаніе. Но еще прежде императоръ Александръ, который покровительствовалъ тайнымъ обществамъ и имѣлъ свѣдѣнія о книгахъ Франкмасонскихъ, самъ желалъ дать конституцію, и втайнѣ была уже написана *Уставная Грамота*; такъ названа была конституція. Однакожъ императоръ введенъ былъ въ сильное раздумье княземъ Меттернихомъ, который представилъ ему на видъ, что вездѣ, гдѣ сильно распространялись тайныя общества, вездѣ появлялась конституція съ паденіемъ царской власти: въ Англіи, Голландіи, въ Швеціи. Императоръ не только воздержался отъ конституціи, но и запретилъ тайныя общества.

19. Когда при Екатеринѣ закрыты и воспрещены были тайныя общества, одинъ Гамалей тайно поддерживалъ ихъ, хотя они продолжались не въ прежнемъ видѣ; онъ говорилъ, что присяга, данная нами и при томъ неоднократно (т. е. при вступленіи въ каждую новую степень), никѣмъ не можетъ быть снята съ насъ, и такимъ образомъ со-

средоточилъ и удержалъ около себя цѣлый кружокъ лицъ, которыя, если не собирались по прежнему, то продолжали прежнія занятія: это были, по словамъ А. П., искры, таившіяся подъ пепломъ. Въ царствованіе Александра эти люди образовали новыхъ дѣятелей и новыя общества. Не такъ уже дѣйствовали начальники обществъ при воспрещеніи ихъ въ 1822 году: большая часть ихъ изъ друзей обратилась во враговъ франкмасонства. Ланской (Сергѣй Степановичъ), впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, бывшій еще въ 1806 и въ 1807 годахъ гранъ-метромъ Петербургскихъ мистическихъ обществъ, въ 1822 году, при закрытіи обществъ, говорилъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что всѣ члены обществъ должны оказать послушаніе.

20. Протасовъ отзывался объ *Яни*, какъ о человѣкѣ не только замѣчательномъ, но и великомъ, какъ по духовному его вѣдѣнію, такъ и по практикѣ: это тоже одинъ изъ бывшихъ начальниковъ тайныхъ обществъ, весьма уважаемый и долго жившій въ Ярославлѣ; изрѣдка бывалъ онъ въ Москвѣ и посѣщалъ Протасова, который сожалѣлъ, что въ одно Воскресенье я, пріѣхавъ къ нему поздно, не засталъ у него Яни.

—

А. П. не разъ говорилъ мнѣ о своихъ тяжелыхъ душевныхъ состояніяхъ, происходившихъ отъ того, что дѣйствительная жизнь часто не соотвѣтствовала тѣмъ идеальнымъ направленіямъ, на тонъ которыхъ была настроена его душа Крайности крѣпостнаго права расположили его отпустить на волю своихъ крестьянъ. Умѣренный по природѣ, а еще болѣе по убѣжденіямъ, онъ не могъ выносить никакой роскоши. Видъ роскоши, особенно дорогихъ дамскихъ нарядовъ, возмущалъ его до глубины души, и онъ (какъ говорилъ) не могъ отвязаться отъ представленія, что вся эта роскошь облита слезами и кровью крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ оставилъ службу въ Сенатѣ преждевременно, потому что не могъ выносить той легкости и небрежности, съ которой подписывались добродушными старцами-сенаторами уголовные приговоры, обрекавшіе виновныхъ на арестантскія роты и каторгу, на безчисленные удары плетьми и кнутомъ, и это послѣ засѣданія, въ которомъ старцы проводили время въ болтовнѣ, разсказывая пустые анекдоты или развлекаясь выходками кого-либо изъ присутствующихъ. Такъ покойный Башиловъ, извѣстный строитель вокзала и украситель Петровскаго парка, по фамиліи котораго цѣлая линія дачъ получила названіе „Башиловки“, имѣлъ обыкновеніе пѣть и плясать въ присутственной комнатѣ. Скучая зрѣлищемъ безпорядковъ и пошлости, такъ часто встрѣчающихся въ нашемъ общественномъ быту, Протасовъ задумалъ оставить Москву и Россію и переселиться въ Италію. Онъ искренно уважалъ митрополита Филарета и поѣхалъ къ нему повѣрить ему свой замыселъ. Выслушавъ признанія его о тѣхъ тяжелыхъ состояніяхъ, которыя такъ часто

онъ испытываетъ, митрополитъ Филаретъ сказалъ ему: „Вы не имѣете душевнаго мира и надѣетесь добыть его перемѣною мѣста“. Послѣдовала продолжительная пауза молчанія. „Я желаю, чтобы въ вашей душѣ нашлась Италія“. Послѣдовала новая пауза, послѣ которой Протасовъ принялъ благословеніе святителя и уѣхалъ. Онъ признавался, что эти простыя слова произвели такое сильное впечатлѣніе на него, что онъ совсѣмъ отказался отъ своего намѣренія оставить родину.

Однакожъ его племянникъ, по женской линіи, извѣстный Севастопольскій герой, адмиралъ Корниловъ *), не разъ посѣщавшій его проѣздомъ въ Петербургѣ, убѣдительно приглашалъ его поселиться въ Севастополѣ. Эти настойчивыя приглашенія подѣйствовали, и Александръ Павловичъ, по выбору Корнилова и при его посредствѣ, купилъ себѣ землю въ лучшей мѣстности Крыма, вблизи Севастополя. Онъ сталъ собираться въ Крымъ, и библіотека его была уже уложена въ ящики, какъ надвинулась политическая туча, быстро разрѣшившаяся Крымской войной. Съ первыхъ минутъ войны, съ самой высадки соединеннаго флота на берега Крыма, Протасовъ предсказывалъ, что Англичане и Французы останутся нашими побѣдителями; съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ онъ по иностраннымъ газетамъ за всѣми подробностями начавшейся кампаніи. Но онъ не дожилъ до окончанія войны.

Протоіерей **Григорій Смирновъ-Платоновъ.**

---

*) Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ женатъ былъ на Елисаветѣ Васильевнѣ Новосильцовой; мать А. П. Протасова была родомъ Новосильцова. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРЫ ОСИПОВНЫ СМИРНОВОЙ

(ур. Россетъ).

Сентябрь 1855 года [1]).

«Не знаю что̀ будетъ; но знаю и вижу, что Россія находится въ самомъ не только критическомъ, но и кризисномъ состояніи. Если тѣ, которыхъ безсмысленные салонные дѣльцы называютъ пессимистами, сулятъ Европѣ un grand cataclysme social et moral [2]), то какой же катаклизмъ ждетъ Россію, у которой приданое—крѣпостное состояніе?»

Еще въ 1852-мъ году Петербургскія гостиныя оглашались разсказами объ оперѣ, радовались верченію столовъ для препровожденія времени на вечерахъ, а Господь захотѣлъ, и куда все слетѣло, кажется такъ прочно устроенное на пескѣ? А теперь какое уныніе, какое безсиліе! Ждемъ извѣстій изъ Одессы; вѣрно ее обратятъ семивершковыя бомбы въ груду развалинъ: всѣ выѣзжаютъ, кто можетъ. Флотъ стоитъ тоже у Кронштата. Щербатовъ (князь Григорій) и Уваровъ уже за Кіевомъ съ Владимирцами [3]). Ольга [4]) меня спрашиваетъ, за чѣмъ я къ вамъ пишу? Я отвѣчаю: es dringt mich die Freundschaft [5]).

Всѣ составляютъ теоріи и пишутъ брошюры. Состояніе общественнаго здоровья очень плохо. Я очень счастлива, что мужъ мой [6]) не предается теоріямъ. Свирѣпствуетъ тифъ, и онъ думаетъ, какъ бы устроить бѣдняковъ, которыхъ отсылаютъ изъ больницъ за недостаткомъ мѣста. Онъ хочетъ учредить двѣ конторы, гдѣ бы бѣдные помѣщались до тѣхъ поръ, пока вечеромъ ихъ не распредѣлятъ по больницамъ на освободившіяся койки, такъ какъ теперь часто таскаютъ больнаго въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, прежде чѣмъ его удается положить. Сегодня три человѣка умерли на улицѣ, пока ихъ перево-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1897, вып. 8-й. А. О. Смирнова писала большею частью по французски, и мы помѣщаемъ ея письма въ переводѣ; писанное ею по русски отмѣчается здѣсь вносными знаками, что̀ и даетъ понятіе о пестротѣ ея изложенія. П. Б.

[2]) Великій общественный переворотъ.

[3]) Т. е. во Владимирскомъ ополченіи. П. Б.

[4]) Старшая дочь Смирновой, Ольга Николаевна. П. Б.

[5]) Меня побуждаетъ дружба.

[6]) Тогда С.-Петербургскій гражданскій губернаторъ. П. Б.

зили изъ больницы въ больницу. Отъ размышленія къ размышленію, и приходишь къ вопросу, кого слѣдуетъ предпочесть: человѣка дѣла или теоретика?»

Жоржъ Вертернъ говорилъ мнѣ, что если Австрія заключитъ конкордатъ, она устроитъ Прусскія дѣла въ Германіи и, можетъ быть, наши.

«Припоминаю Англичанку, миссъ Гаслеръ въ Дрезденѣ, которая такъ боялась войны тому почти два года; сынъ ея былъ на эскадрѣ Дундаса. Она мнѣ все повторяла: надѣюсь, что вашъ императоръ не будетъ больше требовать этихъ ключей?! [1]) А я ее увѣряла, что мы всѣ жадно желаемъ этихъ ключей, а теперь ключи у Бадинге [2]), и Джонъ-Буль ихъ просвисталъ, кажется. Но намъ отъ этого не легче».

«Я въ страшной хандрѣ. Графу Нессельроде не легко также подписывать миръ, который не будетъ блестящимъ; но теперь еще дѣло не о мирѣ, а о войнѣ».

«Итакъ вы въ ополченіи; оно хорошо впрочемъ, и И. С. Аксаковъ также; онъ мнѣ написалъ прелюбезное письмо».

Должна вамъ сказать, что здѣсь все еще Славянофилы и красные суть синонимы, и Блудовъ слыветъ за поджигателя!

«Тютчевъ меня утѣшаетъ, говоря, что *Русскій Богъ* все исправитъ. Ахъ, Севастополь, Севастополь! Сколько крови проливали наши солдатики; они залили развалины кровью и, наконецъ, перешли на Сѣверную».

День, когда пришло роковое извѣстіе, наступилъ. Мы ожидали его все это время, такъ какъ уже пріѣхали курьерами Эльстонъ и князь Оболенскій съ дурными вѣстями. Поутру очень рано пріѣхалъ фельдъегерь; наканунѣ вечеромъ я посылала во дворецъ. Каждую минуту ждали извѣщенія, но не знали впередъ, что это произойдетъ такъ скоро; не знали, *какъ* это будетъ. Итакъ, наканунѣ пріѣхали два фельдъегеря съ извѣстіемъ о первомъ приступѣ, о томъ, что мы теряли ежедневно больными и ранеными по тысячѣ человѣкъ. Знаменитая Марѳуша была убита на четвертомъ бастіонѣ, гдѣ она постоянно бывала. «Она ставила самоваръ, солдатики сидѣли въ ложементахъ, она у выхода на воздухъ. Два раза бомба упадала, и самоваръ засыпало пескомъ; она поставила третій, заварила чаю. Бомба лопнула, ее убила и нѣсколькихъ ранила. Это очень поразило солдатъ; они ее любили старуху».

«Очень рано пришло извѣстіе. Мой докторъ пришелъ къ Ольгѣ и объявилъ ей, что Севастополь сдался. Она въ три ручья заплакала и

---

[1]) Т. е. ключей отъ Гроба Господня. П. Б.

[2]) Прозвище Наполеона III-го. П. Б.

просила его мнѣ объявить». Вы можете представить, каково было мнѣ, хотя я этого ожидала! Я ее послала къ Аннѣ Тютчевой, и она присутствовала на панихидѣ, которую отслужили по убитымъ въ придворной церкви. У меня это утро былъ обычный приступъ лихорадки. Государыня послала ко мнѣ Анну Тютчеву, чтобы она передала подробности.

На улицѣ, въ Царскомъ, Ольга видѣла плачущихъ крестьянъ и рыдающихъ солдатъ.

Мнѣ передавали, что двоюродный братъ моего мужа, флигель-адъютантъ Платонъ Воейковъ, убитъ во время перехода по мосту, равно какъ и Александръ Мейендорфъ, сынъ барона Петра. Моему мужу приказано извѣстить объ этомъ его несчастную мать; другой ея сынъ уже на Югѣ въ ополченіи.

Вечеромъ прибылъ другой курьеръ. Остались лишь края стѣны на Южной сторонѣ. Французы не рѣшились тотчасъ взойти, опасаясь минъ. Приступъ былъ ужасенъ, съ обѣихъ сторонъ безумная потеря людей на Малаховомъ курганѣ и на Зеленой горѣ, вся Корабельная изрыта.

Прекрасная оборона, но это ужасно! Теперь заключено перемиріе, чтобы похоронить мертвыхъ и подобрать раненыхъ, «а потомъ чтó? Иные говорятъ, что они пойдутъ въ Ѳеодосію; другіе, что будутъ укрѣпляться въ Евпаторіи, а никто ничего не знаетъ, и нельзя ничего предвидѣть». Эти одинадцать мѣсяцевъ осады настоящій кошмаръ. Воронцовъ *) былъ болѣе тяжело раненъ, чѣмъ мнѣ разсказывали: онъ получилъ контузію отъ осколка бомбы. Маленькій Голицынъ, о которомъ я вамъ говорила, былъ убитъ почти сейчасъ по прибытіи: онъ весело шелъ на четвертый бастіонъ, бомба ударила въ него, и онъ былъ разорванъ на части. Одинъ изъ его товарищей видѣлъ, какъ онъ упалъ, возвращаясь съ своего бастіона; онъ шелъ поздороваться съ нимъ.

Мой мужъ смотритъ на вещи еще съ большею тревогою; но по счастію у него столько дѣла, что не остается ни минуты предаваться мрачнымъ мыслямъ.

«Въ эту войну какъ-то всѣ лучшіе пали, напримѣръ Михаилъ Михайловичъ Віельгорскій, и сколько другихъ! По нашему человѣческому разумѣнію кажется, что мы довольно пожертвовали подъ Севастополемъ; но, видно, Господь готовитъ еще тяжкія испытанія и не помилуетъ насъ своимъ благоволеніемъ. А когда воздвигнутся стѣны Іерусалимскія *въ сердцахъ Россіянъ*, Ему же одному извѣстно».

---

*) Князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ. П. Б.

«Мнѣ кажется, хотя только искрится сквозь туманъ фальшивыхъ толковъ, недоразумѣній и, главное, уродливой администраціи въ чудовищныхъ размѣрахъ, кажется, что въ административномъ отношеніи мы дошли до того, чтó такъ хорошо предсказывалъ Алексѣй Степановичъ [1]) тому назадъ 10 лѣтъ, т. е. ни тпру ни ну, а сила обстоятельствъ заставитъ измѣнить то, чтò обносилось и сдѣлалось невозможнымъ».

«Объ отставкѣ Бибикова[2]) судятъ и рядятъ въ Питерѣ по своему и, конечно, невпопадъ; по моему она многозначительна. Какъ человѣкъ, онъ мнѣ антипатиченъ, и по дѣломъ его сковырнули; но въ послѣднее время онъ представлялъ собою вопросъ жизненный [3]), а объ этомъ-то вопросѣ судятъ криво въ Петербургѣ».

«Мнѣ довелось въ царскомъ саду слышать отъ крестьянина Витебской губерніи такія рѣчи и видѣть такіе взгляды, что меня морозъ по кожѣ подиралъ. По несчастію, крестьянинъ былъ правъ, а помѣщикъ кругомъ виноватъ. Помѣщикъ этотъ проживаетъ за-границей и очень либеральный господинъ!»

Изъ Царскаго Села.

Воронцовы пріѣхали и живутъ въ Китайскихъ домикахъ. Я съ большою радостью снова увидалась со старымъ княземъ, неизмѣннымъ патріотомъ безъ шовинизма. Россія ему многимъ обязана. Покойный государь уважалъ его, но не очень долюбливалъ; между ними не было связей личнаго чувства, но какъ люди сердца и просвѣщенные они воздавали взаимно другъ другу должное.

Онъ видалъ на своемъ вѣку больше нашего, пережилъ великія войны; благодаря этому, онъ бодрѣе насъ. Теперь стало видно, что все сдѣланное имъ на Кавказѣ полезно и приноситъ плоды. Онъ очень сдержанъ относительно Кавказскаго Комитета, такъ часто подставлявшаго ему ногу. О Ермоловѣ онъ отзывается хорошо, съ большимъ тактомъ. Мещериновъ намъ разсказывалъ этою зимою, что Ермоловымъ до сихъ поръ пугаютъ дѣтей на Кавказѣ. Алексѣй Петровичъ былъ крутъ! Воронцовъ видѣлся съ нимъ въ Москвѣ; онъ говоритъ о немъ: Ермоловъ постарѣлъ, у него дивная голова стараго льва; мы расходились во взглядахъ на административные вопросы, но я его всегда уважалъ, и какъ солдатъ онъ превосходенъ. Мнѣ жалко, что онъ слишкомъ старъ для того, чтобы быть въ Севастополѣ.

У Воронцовыхъ было много Кавказцевъ. Сологубъ также вернулся, равно какъ и Гагаринъ (Григорій). Конечно мы говорили исключи-

---

[1]) Хомяковъ. П. Б.

[2]) Министра внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

[3]) Т. е. вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. П. Б.

тельно о Севастополѣ, Карсѣ и о Муравьевѣ съ большимъ уваженіемъ къ его военнымъ достоинствамъ.

О Кавказскомъ войскѣ старикъ Воронцовъ говоритъ съ энтузіазмомъ двадцатилѣтняго юноши: такъ и вспыхнулъ, разсказывая про дѣло при Башкадикларѣ, гдѣ убили Илью Орбеліани. Нижегородцы взяли батарею, они выдержали десять атакъ и прибавилъ: а подъ Бородинымъ было только семь! Атака Кардигана подъ Балаклавою была прекрасна, но безполезна; не въ первый разъ наша кавалерія беретъ батарею и атакуетъ пушки. Онъ добавилъ: только у насъ не говорятъ объ этомъ такъ много, потому что мы не печатаемъ такихъ вещей въ газетахъ, а «Инвалида» публика не читаетъ.

Онъ передавалъ свои воспоминанія о Наполеоновскихъ войнахъ, о Циціановѣ, Розенѣ и Котляревскомъ, о всѣхъ Кавказскихъ герояхъ, о которыхъ вообще знаютъ слишкомъ мало. Изъ всѣхъ Русскихъ героевъ только Суворовъ и Кутузовъ сдѣлались легендарными.

Онъ сдѣлалъ еще одно чрезвычайно вѣрное замѣчаніе. Англичане воюютъ лишь для того, чтобы сохранить себѣ морской путь; Наполеонъ, чтобы сохранить свое мѣстопребываніе въ Тюльери. Турки воюютъ, потому что это дѣло традиціи: они кочуютъ въ Европѣ. Сардинцы воюютъ, чтобы со временемъ сдѣлаться чѣмъ либо въ родѣ великой державы. Также: имперскія войны и коалиціи сдѣлали изъ Пруссіи вторую великую державу въ Германіи, и война тамъ составляетъ даже дѣло традиціи послѣ короля-сержанта и особенно Фридриха Великаго.

Я ему отвѣчала: мы его побили подъ Кунерсдорфомъ. Онъ съ живостью подхватилъ: Да, и я очень горжусь тѣмъ, что одинъ изъ моихъ предковъ содѣйствовалъ восшествію на престолъ Елисаветы Петровны*). Я сдѣлала нескромность, передала нашъ разговоръ императрицѣ Маріи Александровнѣ; думаю, что она ему говорила объ этомъ, такъ какъ старый князь сказалъ мнѣ какъ-то: однако вы ко мнѣ доброжелательны, сударыня; это довольно рѣдко дается состарѣвшимся людямъ, представляющимъ собою одну легенду, да къ тому же еще и не популярную.

Александръ Барятинскій прибылъ; онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ папахѣ. Онъ постарѣлъ. Надѣюсь, что его пошлютъ въ Крымъ. Я его уважаю; онъ совсѣмъ юнымъ покинулъ легкомысленный образъ жизни въ Петербургѣ, уѣхалъ воевать и много работалъ. Онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ слугъ новаго царствованія. Онъ *безъ лести преданъ* (но

---

*) Дѣдъ-дядя, графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ. Онъ находился въ саняхъ Елисаветы Петровны, когда она ѣхала спасать Россію изъ подъ власти Нѣмцевъ. П. Б.

не какъ Гатчинскій капралъ); онъ любитъ Государя, любитъ и Россію со страстью. Вообще я была всегда хорошаго мнѣнія о немъ и объ его способностяхъ. Будучи еще очень юнымъ, онъ уже мыслилъ. Онъ былъ друженъ съ Іосифомъ Віельгорскимъ, который былъ не кое-кто. Алексѣй Толстой также преданъ Государю и настоящій патріотъ. Александръ Адлербергъ очень преданъ и очень способенъ; вы, можетъ быть, будете смѣяться, но по моему изъ него вышелъ бы прекрасный дипломатъ. Онъ тонокъ, не будучи хитрымъ, и мнѣ кажется, что ему надлежало бы служить по этой части. «Въ немъ гораздо болѣе, чѣмъ полагаютъ не знающіе его».

Барятинскій говорилъ со мною о Кавказѣ (онъ жаждетъ снова туда попасть) и о Карсѣ. Онъ сказалъ: Мы брали Карсъ и отдавали Карсъ; съ сѣверной стороны нельзя брать Карса штыками, а можно голодомъ, а съ южной это возможно. Впрочемъ, это не мое дѣло.

Въ Карсѣ находились Вильямсъ Джонъ-Буль и Омеръ-паша Кроатъ, ренегатъ изъ Баната, командовавшій Турецкими войсками.

Барятинскій говоритъ, что Персія не двинется.

Онъ разсказывалъ о Паскевичѣ и говорилъ, что тотъ имѣлъ основаніе въ 1849 г. утверждать, что дорога въ Константинополь идетъ черезъ Вѣну, что Австрія возбуждаетъ для насъ самыя серьёзныя затрудненія, но онъ не вѣритъ, чтобы она была въ состояніи выставить 300.000 подъ ружье. Отъ этого не легче, такъ какъ она оказываетъ тайное и нравственное воздѣйствіе. За тѣмъ, улыбнувшись, онъ прибавилъ: или безнравственное.

Я выразила предположеніе, что, если Муравьевъ уйдетъ, его замѣститъ Барятинскій. Онъ мнѣ на это сказалъ: если это будетъ, я потребую полной свободы дѣйствій, права не спрашиваться Кавказскаго Комитета и больше денегъ; если бы у князя Воронцова были деньги, мы бы не имѣли болѣе безпокойства съ этой стороны.

Вотъ цивилизованный человѣкъ, вполнѣ Русскій, очень тонкій, въ очень малой степени куртизанъ; но онъ понимаетъ, что нельзя все брать лбомъ вдругъ и ломать окна. Впрочемъ онъ рѣшилъ не оставаться здѣсь и не торчать въ лакейской.

Онъ уважаетъ Семена Воронцова и очень радъ, что тотъ получилъ, наконецъ, бригаду, которой просилъ въ началѣ войны. Онъ его видѣлъ въ дѣлѣ на Кавказѣ, гдѣ тотъ жертвовалъ своею жизнью. Онъ мнѣ говорилъ: Красносельскихъ генераловъ довольно для парадовъ; Семенъ Михайловичъ не годится въ Красносельскіе генералы; онъ военный и боевой генералъ. Я вамъ не говорю, чтобы онъ былъ полководецъ; но ихъ, вѣдь надо сказать, бываетъ такъ мало.

Я спросила его мнѣнія о Французахъ, и онъ сказалъ, что С. Арно и Канроберъ самые лучшіе ихъ генералы. О Пелисье онъ не высокаго мнѣнія: онъ выкуривалъ дымомъ Арабовъ въ Алжиріи—варварскій способъ войны. Бурбаки хорошій рубака. «Вотъ его мнѣніе; но онъ прибавилъ: сужу по реляціямъ, а самъ я тамъ не присутствовалъ. Теперь съ новыми ружьями и новыми пушками война совершенно перемѣнилась, нельзя разсчитывать на одни штыки. Впрочемъ у Наполеона Перваго артиллерія всегда почти рѣшала дѣло». Это была армія будущаго, и она начала быть настоящею съ тѣхъ поръ, какъ онъ пустилъ въ дѣло пушки подъ Тулономъ.

«Моя дочь все записываетъ, все что слышитъ и что я ей говорю, когда у меня были визиты, а ея не было. И я кое-что записываю. Она ужасно интересуется всѣмъ этимъ». Я поддерживаю въ ней этотъ интересъ, такъ какъ онъ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ свѣтскіе пустяки, и такъ какъ она живетъ въ такой средѣ и во время чрезвычайно важное. Оно пойдетъ ей въ пользу. Хорошая вещь молодость! Она мнѣ признавалась, что все-таки она довольна тѣмъ, что живетъ въ такое историческое время.

«Я также была молода въ 1828 — 1831 годахъ, во время войнъ съ Персіей, Турціей и Польской кампаніи, и находилась въ первыхъ рядахъ театра, чтобы все знать и слышать; но не было тогда этого чувства, говорящаго, что совершается великое событіе. Даже во время Венгерской кампаніи было нѣчто эпизодическое, а теперь это Culminationspunkt трагедіи, которая какъ-то пріостановилась въ 1815-мъ году» съ intermezzo болѣе или менѣе серьёзными».

«Помните, какъ К. С. Аксаковъ говорилъ, что онъ уже слышитъ тяжелые шаги исторіи; кажется, это было въ 1848 году? Этому смѣялись; онъ былъ правъ, и для насъ эти шаги въ настоящее время страшно тяжки, но, мнѣ кажется, что воздухъ очищается».

«Сегодня я не такъ мрачна, что с мною не всегда бываетъ. Это дѣло здоровья: я лучше спала, не было у меня приступовъ лихорадки, «а у меня были припадки того, что мои дѣти называютъ помужицки *лисоманка*. Это слово имъ очень понравилось. Она также была у Надежды Николаевны [1]), и мы ее отправили въ Старую Русу, откуда она пишетъ письма въ родѣ госпожи Севинье, и была также у Миши [2]), но легкая, а у меня такой припадокъ однажды, что Ольга почти до смерти перепугалась, нашла меня холодную и посинѣвшую. Она бросилась къ Николаю Михайловичу и закричала: у мамы маларія, какъ у Гоголя; она умретъ. А вѣдь это и есть malaria». Нервы мои совершенно

[1]) Это младшая дочь А. О. Смирновой, нынѣ г-жа Сорѣнъ (р 1840). П. Б.

[2]) Единственный сынъ А. О. Смирновой. П. Б.

разстроенны; вы тамъ въ Москвѣ все думаете, что у меня ничего нѣтъ, но и отъ нервовъ также умираютъ.

«Грустно жить на свѣтѣ, а умирать не хочется!»

Я не могу вамъ передать много интереснаго, но пишу вамъ изъ дружбы, такъ какъ вы находите, что мои письма, «хоть и пестрыя, смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ», для васъ занимательны.

Да будетъ вамъ извѣстно, «что мой губернаторъ поѣхалъ въ новой коляскѣ въ Гдовъ; въ другой сидѣли его чиновники, Григорій Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ и прочіе. Ольгѣ ужасно захотѣлось побывать въ Нарвѣ у сестры [1]), и я ее отпустила съ Николаемъ Михайловичемъ; онъ ее тамъ оставилъ и взялъ на обратномъ пути».

«Въ Красномъ Селѣ они были на зарѣ и Николай Михайловичъ принималъ подводы, также и въ Ямбургѣ, очень былъ ими доволенъ; лошади превосходныя, откуда взялись! Вѣдь деревенскія лошади—клячи. Въ Ямбургѣ ему сказали, что это помѣщики пожертвовали свои, а нѣкоторыхъ купцы купили на заводахъ; это хорошо. Телѣги также хороши, колеса окованы желѣзомъ, и даже подставныя колеса на каждую подводу; сбруя въ порядкѣ, мужики бодрые, хорошо одѣтые, въ сапогахъ и съ ними валенки, новые тулупы, шапки, все отлично, и Николай Михайловичъ предоволенъ».

«Изъ Нарвы Ольга мнѣ писала каждый день, описывала ополченцевъ. Это Ямбургская дружина, полковникъ Андрей Васильевичъ Зиновьевъ, меньшой братъ Николая Васильевича, который теперь при Наслѣдникѣ и при Александрѣ Александровичѣ. Я часто видаю Юлію Зиновьеву и его, и дѣтей [2]), у нихъ; они здоровые мальчики и очень полюбили Зиновьева и Юлію» [3]).

«Въ этой дружинѣ Николенька Мещерскій [4]), Голубцовъ (племянникъ Завадовской), Петръ Шуваловъ, Александръ Бобринскій, Андрей Трубецкой и Владимиръ Карамзинъ. Женатые живутъ на маленькихъ дачахъ внѣ города; у Шуваловыхъ и у Бобринскихъ дѣти съ ними. Дамы ѣздятъ даже утромъ на ученіе, и Ольга писала, что» Владимиръ Карамзинъ всѣхъ удивилъ: онъ маршируетъ будто упражнялся лѣтъ 20, и прибавила: онъ такой важный, марширует съ достоинствомъ, настоящая статуя командора, онъ очень педантиченъ и сердится, когда марширують плохо.

[1]) Старшая дочь А. О. Смирновой Софья Николаевна находилась тогда въ Нарвѣ съ мужемъ своимъ ополченцемъ кн. Андреемъ Васильевичемъ Трубецкимъ. П. Б.

[2]) Т. е. двухъ великихъ князей П. Б.

[3]) Сестру поэта Батюшкова. П. Б.

[4]) Князь Николай Петровичъ, по матери своей внукъ Карамзина, внукъ Карамзина въ наши дни попечитель Московскаго учебнаго округа. П. Б.

Англичане сдѣлали десантъ близъ устья Наревы. Тамъ былъ батальонъ дружины, встрѣтившій ихъ ружейными выстрѣлами; «они пришли за водой и ограбили Чухонцевъ. Ночью была тревога, и нянька Шуваловыхъ, Англичанка, ужасно перепугалась, прибѣжала и закричала, что Англичане пришли. Трубецкой ей объявилъ, что въ другой разъ ее пошлютъ, какъ парламентера; она ихъ боится ужасно, *своихъ-то!* Было много смѣху!»

«Дружина очень желаетъ десанта, надѣясь пострѣлять на Англичанъ; они высаживаются иногда, чтобы пограбить и запастись водой, но видно не могутъ высадиться въ значительной силѣ».

«Мои дочери воспитаны въ добрыхъ правилахъ. Ольга посѣтила крѣпость царя Ивана, какъ туристка, рисовала замокъ; говоритъ, что городъ Нарва Нѣмецкій городокъ въ родѣ Старгарта, откуда пришли во время оно Новгородцы! Мѣстоположеніе очень красивое, особенно» Нарвскіе водопады; «у Штиглица есть дача и фабрика недалеко отъ этой Ніагары; народъ разнаго состава, и Русскіе (Яма), и Чухны, и Нѣмцы, и живутъ недурно, даже довольно зажиточно».

«У насъ гоститъ мой дядя, Николай Ивановичъ Лореръ, Декабристъ; онъ пріѣхалъ съ пріятелемъ Пущинымъ [1]), который остался нѣсколько дней. Они взяли Ольгу съ собой, показали ей въ Лицеѣ комнату Пушкина и его мѣсто въ класной и отслужили по немъ панихиду; Пущинъ былъ очень растроганъ. Онъ много говорилъ съ моимъ мужемъ и мною о Пушкинѣ».

«Ольга ужасно довольна разсказами Декабристовъ; Надежда Николаевна и даже Миша» съ сильнымъ волненіемъ смотрѣли на людей, которые въ тюрьмѣ сидѣли. Это произвело большое впечатлѣніе на младшихъ.

Какъ они сохранились эти люди 14-го Декабря! Они меня ободрили немного. Они помѣрились съ Наполеономъ Первымъ въ 1812 году, «ходили въ Парижъ, Дизвитскаго [2]) посадили на тронъ. Что третій Наполеонъ въ сравненіи съ первымъ, дрянь и ничтожество, das war ein grosser Krieger, а этотъ Badinguet! Но отъ этого намъ не легче, потому что тогда Англія была противъ него, а теперь die Tante cordiale, иначе говоря l'entente cordiale, друзья-пріятели». Кладерадачъ назвалъ l'entente cordiale—die Tante cordiale. Это Берлинская острота. Берлинскіе гранители мостовой остроумны, и почти всѣ Жиды! Крестовая Газета совсѣмъ не остроумничаетъ.

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Пущинъ. „Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!" писалъ ему Пушкинъ въ изгнаніе. Поэтъ, умирая, вспоминалъ его и Малиновскаго. П. Б.

[2]) Дизвитскимъ (dix-huit) называли наши солдаты короля Людовика XVIII. П. Б.

«Замѣтьте, что и въ Вѣнѣ Зафиръ, остроумный Зафиръ—Жидовскій органъ. Первый Наполеонъ насолилъ всей Европѣ, такъ что всѣ подъ конецъ взбѣленились, а этотъ проходимецъ (chenapan) III-й ихъ обворожилъ, напугалъ всѣхъ краснымъ страшилищемъ [1]); а развѣ война не тоже красное страшилище?»

Послѣ каждаго дурного извѣстія Ѳ. И. Тютчевъ говоритъ мнѣ: война негодяевъ противъ христіанъ (des gredins contre des crétiens). Это совсѣмъ другое дѣло; здѣсь нѣтъ ни христіанъ, ни негодяевъ, а есть историческая коалиція противъ чего-то огромнаго, обладающаго непомѣрною силою, «но неповоротливаго, потому что Гуливера опутали Лилипуты. Въ этой коалиціи находятся народы старые, утомленные разочарованіями, они ищутъ новаго рѣшенія; мы идемъ навстрѣчу новымъ и тяжелымъ временамъ. Нашъ чередъ придетъ, но совсѣмъ иначе нежели думаютъ».

«Я не пророкъ и не хочу слыть Даніиломъ, а тѣмъ паче Іереміей; но я предвижу черезъ 15 лѣтъ Пруссію очень сильною, Австрію очень раздѣленною внутри. Врядъ ли она долгое время удержитъ Италію. Послѣ насъ Бадингэ насолитъ имъ въ Миланѣ. Этого я ожидаю скоро. А потомъ онъ возмется за Пруссію, а можетъ быть и съ нею будетъ за одно. Онъ все думаетъ о Рейнѣ; но, чтобы добыть Рейнъ, онъ долженъ побороть Пруссію, часть маленькой Германіи. Что же мы тутъ скажемъ?»

«Прежде чѣмъ быть Славянкой, я Русская, не такъ какъ К. С. Аксаковъ; ибо для меня Хохлы такіе же хорошіе Русскіе какъ и Москвичи; но прежде чѣмъ думать о Малороссахъ, я думаю о Русскомъ народѣ. Между прочимъ вы всѣ Славянофилы. сдѣлайте что нибудь для бѣднаго Серба, сражающагося подъ Севастополемъ; я ему послала денегъ съ Шеншинымъ; дайте и вы отъ себя что нибудь. Здѣсь приложена записка объ немъ. Его письмо раздираетъ душу: его дурно приняли; онъ умиралъ съ голоду, Шеншинъ нашелъ его больнаго въ госпиталѣ въ Севастополѣ» [2]).

Подробности о концѣ въ настоящее время почти всѣ напечатаны; я вамъ посылала письмо о неоглашенномъ съ нашимъ фельдшеромъ, человѣкомъ вѣрнымъ.

---

[1]) Политическій пріемъ, состоящій въ запугиваніи перспективою революціонныхъ ужасовъ получилъ названіе отъ брошюры A. Romici „Spectre rouge de 1852“, подготовившій переворотъ Наполеона Третьяго. Ю. Б.

[2]) Этотъ Сербъ былъ нѣкто Николичъ.

Алексѣй Толстой и Александръ Бобринскій, Ливенъ (Павелъ изъ Кремоны) находятся въ стрѣлковомъ баталіонѣ.

Моя дочь сопровождала дѣда [1]) на ученіе; тамъ былъ Царь, онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа. Дѣдъ былъ въ восторгѣ отъ ихъ выправки, одежды, также и отъ ополченцевъ. Государь увидалъ мою дочь и спросилъ ее, съ кѣмъ она была, онъ замѣтилъ военную выправку Николая Ивановича; она отвѣчала: мой дѣдъ Лореръ, Декабристъ [2]).

На слѣдующій день я пила чай у Императрицы Маріи, и она мнѣ говорила о Николаѣ Ивановичѣ, расхваливая военныхъ Декабристовъ. Я передала ей его мнѣніе о стрѣлкахъ во фронтѣ и объ ополченцахъ. Она была удивлена и отвѣчала мнѣ: Онъ въ этомъ знаетъ толкъ; они почти всѣ были очень образованные офицеры.

Николай Ивановичъ былъ у стараго Воронцова, который былъ очень хорошъ для нихъ на Кавказѣ. Они много говорили съ нимъ о войнѣ, о прошломъ, о современности.

Удивляюсь я ясности духа всѣхъ этихъ Декабристовъ, ихъ вѣрѣ, ихъ справедливости. Они всѣ говорили со мной о покойномъ Государѣ съ удивительною умѣренностью, не такъ какъ этотъ Вигель, который никогда не смѣлъ сказать ему двухъ словъ въ лице.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЧАСТНАГО ПИСЬМА СЕЛЬСКАГО КОНТОРЩИКА.

(Владимирской губерніи).

Дневникъ.

8-го Марта 1861 г.

... Я еще лежалъ въ постели, какъ Иванъ Михайловичъ сказалъ мнѣ, что привезли, дескать, *волю*. — Гдѣ она? — У васъ въ конторѣ на столѣ лежитъ. Я побѣжалъ за волей и прочиталъ манифестъ, подписанный 19-го Февраля. Такъ надъ этимъ-то думали $3^1/_2$ года!.....

Вечеромъ.

Манифесту никто не обрадовался. Отъ крестьянъ ни слова, ни звука радости. Народъ понялъ одно: оставаться, дескать, два года крѣпостными, да и шабашъ, а льготъ никакихъ нѣтъ. Снова уныло повѣсилъ онъ голову и занялся мыслями объ оброкѣ. . . . . . .
Мнѣ тяжело...

13-го Марта.

Въ церкви утромъ вчера читали манифестъ. Народъ внимательно слушалъ и также остался недоволенъ. «Два года, значитъ, еще подвластны, а тогда и будетъ настоящая воля. Можетъ быть, околѣешь до той поры!» говорилъ одинъ мужикъ, выбираясь изъ церкви. Стеченіе народа было большое. «Эй вы, государевы!» острили бабы надъ мужиками. «Куда пошли?»

Послѣ обѣдни управляющій собралъ сходку и толковалъ мужикамъ, что̀ значитъ вольный и крѣпостной. «Это вы, ваше благородіе, намъ загадки загадываете».—Нѣтъ, что̀ это значитъ?»—«Вольный, извѣстно, что̀ такое значитъ вольный: вольный оброку не платитъ, барщины не правитъ; куда, значитъ, захотѣлъ, пошолъ».—«Нѣтъ, вотъ что̀ значитъ такое крѣпостной. Это, напримѣръ, тебѣ баринъ говоритъ: полѣзай въ воду! Ты и долженъ лѣзть, а не то онъ тебя выпоретъ и ты все-таки полѣзешь. А вольный: полѣзай въ воду!» «Шалишь!» (подхватилъ Фролъ Марковъ). «Нѣтъ, полѣзай въ воду! Давай 15 цѣлковыхъ! (А то и ничего я съ него не возьму, да и не полѣзу, опять перебилъ Фролъ). Нѣтъ! Давай 15 цѣлковыхъ! Десять! Ну и сойдемся на 12, т. е. понимаете: *свободный трудъ* и пр. Все въ такомъ родѣ.

(Печатается съ подлинника).

Письмо конторщика.

25 го Сентября 1861 года.

Приглашеніе къ пожертвованію на построеніе храма во имя Александра Невскаго я получилъ и имѣю честь препроводить при этомъ къ вамъ на это дѣло 3 рублей серебромъ.

Со времени обнародованія въ нашихъ краяхъ законовъ объ отмѣнѣ крѣпостного права прошло уже около шести мѣсяцевъ. Я поналядѣлся таки на это дѣло, и мнѣ хочется разсказать вамъ, какъ совершилось у насъ обнародованіе этихъ законовъ. Можетъ быть, я это дѣлаю совершенно не кстати; но смѣю надѣяться, что вы извините меня. Я разсчитываю на ваше любопытство: вы житель городской, а это деревенское событіе весьма интересно. Въ газетахъ по этому пишутъ только извѣщенія о молебнахъ, да успокоительныя извѣстія о томъ, что все, слава Богу, сошло (т. е. мужики, дескать, услышавъ манифестъ, не осерчали и не взялись за дубье, а молились усердно Господу Богу). Обѣщаю быть краткомъ, на сколько возможно.

Неизвѣстность о работахъ по отмѣнѣ крѣпостного права подавала поводъ всѣмъ интересующимся этимъ дѣломъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ, разнорѣчивость, а иногда поразительная наивность и нелѣпость коихъ заставляла ожидать самыхъ несбыточныхъ вещей. Сначала слухамъ конца не было: то и дѣло назначались сроки обнародованія; но такъ какъ никакіе слухи не оправдывались, то, какъ водится, ихъ стали принимать съ сомнѣніемъ, а подъ конецъ мужики плохо вѣрили всему, даже самому дѣлу освобожденія. Положеніе людей чающихъ, но незнающихъ чего, только чего-то хорошаго, и трактующихъ объ этомъ хорошемъ и вкривь и вкось,—и все вздоръ — было бы въ высшей степени комическое, если бы не было въ этомъ чего-то грустнозахватывающаго душу. Будетъ вотъ то и то, сказывали тамъ-то. Это, чай, вздоръ. Я думаю не такъ. — А какъ-же? — Да какъ... Богъ знаетъ. — Подъ конецъ, всякаго, кто разѣвалъ ротъ объявить объ этомъ новость, осаживали насмѣшкой, и всякіе толки замолкли.

Незадолго передъ прошлымъ постомъ опять пошли голоса по этому дѣлу. Мужики уже не обращали на нихъ особеннаго вниманія. Замѣчательна мнѣ показалась одна черта при этомъ—именно какоето опасеніе, что вотъ-де стрясется бѣда тотчасъ за манифестомъ, опасеніе, выразившееся потомъ въ газетахъ объявленіями радостными со всѣхъ сторонъ: бѣды, дескать, не было. Оно преимущественно было

распространено между начальствующими и господствующими, а потомъ отчасти и между другими, не состоявшими подъ крѣпостными законами. Въ этомъ было нѣчто тупоумное, особый видъ помѣщательства разсудка, что̀ весьма ясно доказывается извращеніемъ понятій о вѣчныхъ законахъ человѣческихъ чувствъ. Извѣстно, что, если человѣку дѣлаютъ что нибудь хорошее (какъ и отмѣна крѣпостного права), то бунтовать ему и драться тутъ совершенно не изъ чего. Бунтуютъ тогда, когда отбиваются отъ горя, а не тогда, когда получаютъ радость. И этого мало. Выражать опасенія, что на пиру 23 милліоновъ людей, возрожденныхъ яркимъ блескомъ солнца съ лазурной синевы освобожденія (какъ иные говорятъ у насъ), выражать, говорю я, опасеніе, что на этомъ пиру насъ, дескать, угостятъ палочными ударами въ спину, это, по моему мнѣнію, значило признать себя такимъ человѣкомъ, которымъ никто себя не признаетъ. Воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ сужденій о людяхъ, встрѣчающихъ такъ чужую радость и предполагающихъ, что у мужиковъ психическія движенія совершаются по другимъ законамъ, чѣмъ у людей вообще.

Но ничего не случилось. Манифестъ мы получили неожиданно. Это вѣрно. Опредѣленныхъ объявленій объ немъ не было, а всякимъ слухамъ давно перестали вѣрить. Никакихъ предварительныхъ свѣдѣній мы (разумѣю мужиковъ и людей подобныхъ мнѣ) не имѣли, кромѣ, разумѣется, первыхъ рескриптовъ [1] но они были почти уже забыты. Никто не готовился ни къ чему. Я ошибся, думая, что любопытство подниметъ всѣхъ на ноги и всѣ бросятся узнать, въ чемъ дѣло. Вовсе не было этого. «Прислали, говорятъ, волю».—А! Что̀ же тамъ такое?— «Да, братецъ ты мой, два года, значитъ, мы еще повинны барину, а льготъ никакихъ нѣтъ». И только. Послали по деревнямъ манифесты. Ихъ много читали; но самый торжественный, реторическій слогъ манифеста не совсѣмъ ясно доступенъ для мужичьихъ понятій. Всѣ читали, говорю я; но ни на минуту ни одинъ мужикъ не оставилъ ни топора, ни рубанка, ни пилы: всѣ продолжали спокойно заниматься своимъ дѣломъ [2], толкуя, разумѣется, обо всемъ, какъ толкуютъ о всякой новости.

Въ первое Воскресенье прочли манифестъ въ церкви. Стеченіе народа было больше обыкновеннаго. Слушали чтеніе внимательно, но никакого особеннаго движенія я не замѣтилъ. Вышли съ такими же выраженіями на лицахъ, какъ и всегда, только слѣдъ какой-то заботы

[1]) Т. е. рескриптовъ 1857 года. П. Б.

[2]) Это дало поводъ историку Карлейлю уподобить Русскій простой народъ Тихому океану и съ восторгомъ признать, что онъ одаренъ великимъ талантомъ повиновенія. П Б.

былъ виденъ у некоторыхъ: «какъ оно тамъ, тово, сказано!» Крестьянскія девушки острили, крича парнямъ: «эй вы, государевы!» Ни одного лишняго стакана вина не было выпито; ни одной пьяной штуки не выкинуто, чемъ обыкновенно мужичье выражаетъ свою радость.

Тутъ скоро прислали Положенія. Особеннаго любопытства узнать ихъ содержаніе я также не заметилъ. Крестьяне плохо понимаютъ эти законы. Имъ разослали Положенія въ деревни, читали въ Правленіи, делали все, что нужно для обнародованія. Надобно было посмотреть, какъ они ихъ слушали. Сначала свежее любопытство, но прочтется страница, другая — любопытство это гаснетъ; потомъ является сонливость; они начинаютъ потеть и уходятъ мало-по-малу: «что будетъ, дескать, то ужъ безпременно случится». Мужики не устаютъ слушать крупную, сжатую, юмористическую речь съ притчами. Все другое ихъ утомляетъ, а особенно что-нибудь построенное несколько отвлеченно*).

Изъ вопросовъ, которые предлагали крестьяне, главными были следующіе: «А оброкъ-то платить?—Платить!—Неужели во веки платить?.. А лесу-то будетъ даваться?—Нетъ, даромъ не будетъ. Такъ, значитъ, это все купи?» Потомъ: сколько земли дастся, сколько оброка—вотъ и все. Остальное ихъ занимало мало.

Некоторые каламбурили и острили, и я бы могъ передать несколько остротъ по этому случаю въ чисто-Русскомъ духе; но боюсь, что это слишкомъ растянетъ и безъ того длинное письмо мое.

Я полагаю, что крестьяне и въ настоящее время, имея въ рукахъ все документы, изданные по случаю отмены законовъ о крепостномъ праве (манифестъ, полное положеніе и краткое положеніе) имеютъ о своемъ положеніи весьма смутное понятіе. Толки о воле решительно прекращаются, если не прекратились вовсе. Все идетъ прежнимъ порядкомъ.

Можетъ быть, это по устройству крестьянъ въ здешнемъ именіи. Здесь они платятъ съ ревизской души по 10 р., сами делая раскладку и собирая деньги своими выборными, исправляютъ для помещиковъ некоторыя работы, строго определенныя и незначительныя (чистку парка весною разъ въ годъ, косьбу луговъ около 60 дес., вывозку навоза на 20 дес. и запрудку плотины небольшой) опять всемъ обществомъ, при чемъ распоряжается общество же чрезъ своихъ выборныхъ и пользуется землею более 4½ дес. на душу среднимъ числомъ,

*) Кто-то заметилъ, что дело шло объ участи милліоновъ безграмотнаго люда, а законовъ о томъ и грамотные неясно понимаютъ. П. Б.

получая топливо и лѣсъ на поддержку строеній. Въ своихъ деревенскихъ дѣлахъ они совершенно свободны. Можетъ быть поэтому, говорю я; но собственно у насъ законы объ отмѣнѣ крѣпостного права не произвели пока ни малѣйшей ощутительной перемѣны, никакого особеннаго движенія. Какъ было, такъ и осталось.

Я представилъ вамъ разсказъ объ этомъ, не дозволяя себѣ никакого разсужденія, не дѣлая никакихъ выводовъ. Въ заключеніе прибавлю, что и въ окрестностяхъ, на сколько я знаю, обнародованіе это не было ознаменовано никакой шумной радостью. Въ небольшихъ имѣніяхъ, гдѣ крестьянъ заставляли работать ужъ слишкомъ много, замѣтна была искра жизни, пробѣжавшая по утомленнымъ. Были и непріятности, весьма незначительныя; но эти непріятности, на сколько мнѣ извѣстно, произошли отъ недоумѣнія, отъ тупости сельскихъ начальниковъ, отъ опасенія, о которомъ я говорилъ. Такъ, напримѣръ, верстъ 15 отсюда, одинъ глупый дьячекъ сталъ толковать мужикамъ, собравшимся къ обѣднѣ, о манифестѣ, да и навралъ что-то. «Вы-де, братцы, теперь вольные, послѣ обѣдни можно водочки выпить и мнѣ поднести» и т. п. Предполагать въ немъ какія бы то ни было намѣренія, дальше водочки или просто болтливости, совершенно невозможно. Всѣ сельскіе дьячки народъ незнающій рѣшительно ничего кромѣ книгъ, которыя они читаютъ въ церкви, народъ большею частію задавленный бѣдностью и отличающійся дикимъ невѣжествомъ. Разсказы этого дьячка сдѣлали то, что крестьяне послѣ обѣдни, прослушавъ манифестъ, толпой встрѣтили у церкви попа и спросили у него на счетъ того, чтó говорилъ дьячекъ. Священникъ отвѣчалъ имъ, чтó нужно, и пошелъ домой, а они по домамъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но сельское начальство усмотрѣло въ этомъ бунтъ, настрочили бумагу въ полицію, и пошли суды да расправы. Мужиковъ чуть-ли не посѣкли за бунтъ; а дьячка, говорятъ, поминай, какъ звали! Это самая крупная исторія: судите—каковы же мелкія.

*

С. Т. Аксаковъ, за годъ до своей кончины (1859), привѣтствовалъ свѣтлую зарю раскрѣпощенія въ извѣстномъ стихотвореніи, которое появилось въ „Днѣ“ 1861 года, но безъ слѣдующей строфы:

Въ церковь ли пойдешь съ смиреньемъ,
Иль, начавши кабакомъ,
Всѣ свои недоумѣнья,
Порѣшишь ты топоромъ?

Несомнѣнно, что въ чужихъ краяхъ именно этого ждали и застрѣльщиками выставили Поляковъ. Но Богъ помиловалъ Святую Русь. П. Б.

ПРОХОЖДЕНІЕ СЛУЖБЫ Д. Г. БИБИКОВА.

1 Января 1808 г. Поступилъ на службу корнетомъ Бѣлорусскаго Гусарскаго полка, изъ милиціи Московскаго войска.

1809 г. За отличіе при взятіи м. Резуата—Св. Анны 4 степени.

25 Октября 1810 г. Прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка.

1 Февраля 1812 г. Поручикомъ.

5 Ноября 1812 г. За отличіе въ сраженіи—штабсъ-капитаномъ, Св. Анны 2 степени и Св. Георгія 4 класса.

5 Ноября 1813 г. Камеръ-юнкеромъ.

17 Мая 1814 г. Капитаномъ.

2 Ноября 1817 г. Подполковникомъ, съ оставленіемъ по кавалеріи.

20 Января 1819 г. Уволенъ отъ службы за ранами для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ повышеніемъ чина.

14 Марта 1819 г. Владимирскимъ вице-губернаторомъ съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники.

18 Февраля 1820 г. Статскимъ совѣтникомъ.

16 Апрѣля 1820 г. Саратовскимъ вице-губернаторомъ.

9 Іюля 1821 г. Св. Владимира 3 степени.

28 Октября 1821 г. Московскимъ вице-губернаторомъ.

9 Іюля 1822 г. Дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

Въ Мартѣ 1823 г. Св. Владимира 2 степени.

19 Декабря 1823 г. Высочайшее благоволеніе за отлично-усердную службу по управленію Московскою Казенною Палатою.

9 Мая 1824 г. Директоромъ Департамента внѣшней торговли.

9 Января 1825 г. Св. Анны 1 степени.

22 Августа 1826 г. Алмазные знаки къ этому ордену.

1 Января 1828 г. Тайнымъ совѣтникомъ.

29 Февраля 1828 г. Св. Станислава 1 степени.

22 Августа 1828 г. Знакъ отличія за XV лѣтъ.

19 Октября 1828 г. Членомъ Мануфактурнаго совѣта съ оставленіемъ директоромъ департамента.

1 Мая 1829 г. Членомъ комитета для разсмотрѣнія существующихъ узаконеній по предмету обезпеченія взаимной довѣренности въ торговыхъ и денежныхъ оборотахъ и для начертанія новаго проекта общаго узаконенія, опредѣляющаго со всею ясностью и точностью правила этихъ сношеній и оборотовъ.

10 Января 1830 г. Членомъ комитета для разсмотрѣнія предположеній коллежскаго совѣтника Демидова, относящихся до Министерства Финансовъ.

21 Марта 1830 г. Табакерка съ вензелемъ имени Его Императорскаго Величества.

25 Декабря 1830 г. Тоже съ портретомъ Его Императорскаго Величества.

15 Мая 1831 г. Высочайшее благоволеніе за труды при составленіи проектовъ торговыхъ узаконеній.

22 Августа 1831 г. Знакъ безпорочной службы за XX лѣтъ.

10 Апрѣля 1832 г. Бѣлаго Орла.

23 Ноября 1835 г. Согласно желанію, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ должности директора департамента съ оставленіемъ при Министерствѣ Финансовъ и при увольненіи удостоился получить Высочайшій Государя Императора рескриптъ, въ коемъ Его Величество изволилъ изъявить полную признательность свою за отлично-успѣшное управленіе означеннымъ департаментомъ и за постоянное усердіе къ пользамъ службы.

12 Ноября 1837 г. Сенаторомъ.

29 Декабря 1837 г. Переименованъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ по арміи и съ назначеніемъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ съ управленіемъ гражданскою частію сей губерніи и генералъ-губернаторомъ Подольскимъ и Волынскимъ, съ оставленіемъ сенаторомъ.

24 Апрѣля 1838 г. Главноуправляющимъ временною коммиссіею для окончанія дѣлъ бывшаго главнаго штаба 1-ой арміи и счетовъ интендантовъ 1-й и 2-й арміи, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ.

26 Марта 1839 г. Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго.

29 Января 1840 г. Высочайшее благоволеніе *рескриптомъ* за успѣшное дѣйствіе состоявшей подъ его начальствомъ Кіевской временной счетной коммиссіи, какъ въ производствѣ въ 1839 г. ревизіи книгъ и счетовъ, такъ и въ заключеніи возникшихъ изъ ревизіи дѣлъ.

29 Апрѣля 1840 г. Высочайшимъ *рескриптомъ*—изъявленіе совершенной признательности за благоразумное содѣйствіе мѣрамъ, предпринятымъ къ сліянію западнаго Русскаго края съ древнимъ отечествомъ природныхъ его жителей и за попечительность объ управляемыхъ губерніяхъ.

14 Августа 1840 г. Высочайшее благоволеніе въ приказѣ за отличіе во всѣхъ отношеніяхъ состояніе и примѣрный порядокъ при осмотрѣ Кіевскаго Военнаго госпиталя.

21 Августа 1840 г. Высочайшее благоволеніе въ приказѣ за отличный порядокъ и устройство въ Кіевѣ.

16 Апрѣля 1841 г. За отлично-усердную службу, неутомимую дѣятельность и примѣрные труды по управленію генералъ-губернаторствомъ—алмазные знаки къ ордену Св. Благовѣрнаго Александра Невскаго.

20 Марта 1842 г. Высочайшимъ *рескриптомъ*—совершенная признательность Государя за успѣшное окончаніе дѣйствій коммиссіи счетовъ и дѣлъ главнаго штаба 1-ой арміи и интендантствъ 1-ой и 2-ой армій, послѣ-

довавшее отъ неослабнаго надзора и примѣрной дѣятельности въ качествѣ главноуправляющаго коммиссіею.

24 Сентября 1842 г. Высочайшее благоволеніе въ приказѣ за отличный порядокъ и устройство, замѣченные Государемъ въ г. Каменецъ-Подольскѣ.

19 Ноября 1842 г. Высочайшимъ *рескриптомъ*—совершенное благоволеніе за успѣшное окончаніе, съ выгодою для казны, изготовленія потребнаго для округовъ Новороссійскаго и Кіевскаго военнаго поселенія продовольствія.

1 Января 1843 г. Генералъ-адъютантомъ.

20 Сентября 1843 г. Высочайшее благоволеніе въ приказѣ за отличный порядокъ и устройство, найденное Его Величествомъ въ г. Кіевѣ.

21 Сентября 1843 г. Высочайшимъ *рескриптомъ особое* благоволеніе за истинно - полезную дѣятельность по главному управленію краемъ и за дѣйствія, клонящіяся къ достиженію предположенной Его Величествомъ цѣли.

22 Сентября 1843 г. Высочайшее благоволеніе въ приказѣ за отличное состояніе и примѣрный во всѣхъ осношеніяхъ порядокъ, найденные Его Величествомъ при осмотрѣ Кіевскаго Военнаго госпиталя.

10 Октября 1843 г. За отличіе въ генерал-отъы-инфантеріи.

10 Апрѣля 1844 г. Высочайшимъ *рескриптомъ* повелѣно ускорить по краю приведеніе въ дѣйствіе предположенной мѣры обращенія крестьянъ казенныхъ имѣній на поземельный оброкъ.

23 Мая 1845 г. Высочайшее благоволеніе въ дополнительномъ приказѣ за отличный порядокъ и устройство, найденные Его Величествомъ при осмотрѣ Кіевскаго Военнаго госпиталя, а также за отличный порядокъ въ г. Кіевѣ.

3 Іюля 1845 г. Высочайшимъ *рескриптомъ — особая* Высочайшая признательность и благоволеніе за примѣрно-попечительную дѣятельность и ревность по управленію ввѣренными губерніями.

13 Декабря 1846 г. Особая Высочайшая признательность Государыни Императрицы за неусыпное попеченіе на пользу Кіевскаго Института Благородныхъ дѣвицъ, по званію предсѣдателя совѣта сего заведенія.

14 Сентября 1847 г. Высочайшее благоволеніе въ приказѣ за найденный порядокъ въ г. Кіевѣ.

25 Іюля 1848 г. Св. Равноапостольнаго князя Владимира 1 степени за дѣятельные труды и неусыпную попечительность о пользѣ и благоустройствѣ края.

9 Октября 1848 г. Рескриптомъ—заявлена искренняя Его Величества благодарность за дѣятельныя и благоразумныя распоряженія въ продолженіе десятилѣтняго управленія краемъ, увѣнчанныя полнымъ успѣхомъ полезнѣйшихъ для него предначертаній.

3 Ноября 1848 г. Членомъ Государственнаго Совѣта съ сохраненіемъ прежнихъ должностей.

26 Августа 1849 г. Австрійскій орденъ Леопольда 1 степени.

22 и 25 Сентября 1850 г. Въ дополнительныхъ приказахъ Высочайшее благоволеніе за отличное состояніе и примѣрный порядокъ, найденные Его Величествомъ въ Кіевскомъ Военномъ госпиталѣ, а также и за отличный во всѣхъ частяхъ порядокъ въ г. Кіевѣ.

30 Августа 1852 г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

4 Ноября 1852 г. Рескриптомъ—изъявлена искренняя Ея Величества признательность и совершенное благоволеніе за неутомимое усердіе и труды по приведенію въ цвѣтущее состояніе какъ Кіевскаго Института Благородныхъ дѣвицъ, такъ и тамошняго училища графини Левашовой.

14 Ноября 1852 г. Высочайше повелѣно производить содержаніе по 12000 р. въ годъ.

15 Ноября 1852 г. По повелѣнію Ея Величества утвержденъ почетнымъ членомъ Дома призрѣнія трудящихся.

25 Января 1853 г. По ходатайству Ея Величества, вслѣдствіе представленія главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, Высочайше назначенъ членомъ онаго.

22 Августа 1853 г. Знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ при грамотѣ.

30 Декабря 1853 г. Высочайшее благоволеніе за весьма успѣшный ходъ дѣла по департаменту полиціи исполнительной, въ особенности же арестантскихъ дѣлъ.

31 Марта 1855 г. По состоянію въ званіи генералъ-адъютанта отъ исполнителей духовнаго завѣщанія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича сообщена, въ выпискѣ изъ сего духовнаго завѣщанія, совершеннаго 4 Мая 1844 г., въ день Вознесенія, статья 23, въ которой изображено: искренне благодарю всѣхъ бывшихъ при мнѣ гг. генералъ-адъютантовъ, генераловъ моей свиты и флигель-адъютантовъ за вѣрную ихъ службу; прошу ихъ съ тою же любовію и преданностью служить моему сыну.

20 Августа 1855 г. Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности Министра внутреннихъ дѣлъ съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта.

Походы и сраженія въ коихъ участвовалъ Д. Г. Бибиковъ.

Въ 1809 г. Марта 24 при штурмованіи и взятіи ретраншемента и форштата крѣпости Журжи; 2 Сентября у Троянова вала съ непріятелемъ въ сраженіи; 4-го у разбитія непріятельскаго Турецкаго войска и взятіи м. Резуата въ дѣйствительномъ сраженіи, за что и награжденъ орденомъ Св. Анны 4 степени; а съ 21 Сентября при обратномъ походѣ въ Большую Валахію по 5 Февраля *1810 г. 1810 г.* изъ Валахіи чрезъ Молдавію до Россійскихъ границъ. *Въ 1812 г.* Февраля 29 въ Россіи до границъ герцогства Варшавскаго; съ 13 Іюня въ сраженіи противъ Французовъ и ихъ союзниковъ; съ 16 Іюня при г. Вилькомирѣ, Іюля 13 и 14 подъ г. Витебскомъ, при деревняхъ Островнѣ и Колухвалкѣ; Августа 4, 5 и 6 при г.

Смоленскѣ; 24 и 26 въ генеральномъ сраженіи при селѣ Бородинѣ, гдѣ ему ядромъ оторвало лѣвую руку, а въ правую и въ грудь раненъ, за что произведенъ въ штабсъ-капитаны и пожалованъ орденами Св. Георгія 4 класса и Св. Анны 2 степени.

(Сообщено внучатнымъ племянникомъ Д. Г. Бибикова, княземъ Д. Д. Оболенскимъ).

*

Печатаемъ это „прохожденіе службы“ Д. Г. Бибикова (род. 1792 † 21 Февр. 1870), какъ рамку для будущей его біографіи, которая можетъ представить собою крайне-занимательную и поучительную книгу: онъ былъ главнымъ сотрудникомъ императора Николая Павловича въ приготовленіи мѣръ къ гражданской помѣщичьихъ крестьянъ свободѣ съ надѣленіемъ землею. Важныя показанія о немъ и его служеніи содержатся въ Запискахъ Николая Эварестовича Писарева, которыя, по нашей просьбѣ, привезены были при любезномъ посредствѣ канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ изъ Болоніи отъ г-жи Нагорной для „Русскаго Архива“ и, къ сожалѣнію до сихъ поръ не могутъ быть изданы. П. Б.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОМѢЩИКЪ.

(Отголоски Польской пропаганды въ Нижегородской губерніи).

Въ Декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1896 годъ, въ своихъ посмертныхъ запискахъ „Тяжелые дни Казанскаго университета“ покойный Н. Д. Шестаковъ, описывая студенческія волненія 60-хъ годовъ, между прочимъ, говоритъ, что волненія эти происходили вслѣдствіе давленія какой-то Польской революціонной шайки, замыслившей произвести въ Поволожьѣ бунтъ, подобный Пугачовскому, чтобы сдѣлать въ Россіи переворотъ.

Дѣйствительно по архивнымъ даннымъ видно, между прочимъ, что революціонная пропаганда не только гнѣздилась въ научномъ центрѣ Приволжскаго края — Казани, но распространялась и далеко за предѣлы самой Казанской губерніи. Въ ней были замѣшаны и помѣщики, и офицеры, и даже сельскіе учителя. Въ Нижегородскомъ историческомъ архивѣ находится, напримѣръ, дѣло канцеляріи Нижегородскаго военнаго губернатора (за 1863 г. № 11 — 31), по которому приблизительно можно составить такой разсказъ

У мироваго посредника 3-го участка Макарьевскаго уѣзда, колл. секрет. Валерія Левашева служилъ письмоводителемъ нѣкто Контовичъ. Проникнутый ненавистью къ Русскому государству, онъ пренебрежительно относился къ существующему въ Россіи порядку и строю, велъ дѣятельную переписку съ какимъ-то поручикомъ Михайловымъ и учителемъ Копиченко и, пользуясь расположеніемъ къ себѣ Левашева, также и ему внушалъ соціально-либеральныя идеи, такъ что, когда Контовичъ былъ арестованъ „по донесенію Нижегородскаго военнаго губернатора о вредной его для правительства переписке“, то въ отобранныхъ у него бумагахъ нашлись „письма, которыя обращали особенное вниманіе на вредное направленіе мыслей мироваго посредника Левашева“.

Исправляющій должность временнаго Нижегородскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютантъ Огаревъ 27-го Іюля 1863 г. предписалъ Нижегородскому военному губернатору генералъ-лейтенанту Одинцову произвести у Левашева внезапный полицейскій обыскъ, командируя для этого въ его имѣніе [2]) капитана корпуса жандармовъ Перфильева съ тѣмъ, чтобы „бу-

---

[1]) Кто такіе были Михайловъ и Копиченко, гдѣ они жили и какую роль играли въ пропагандѣ, изъ архивныхъ документовъ трудно узнать. Въ Іюнѣ 1863 г. они препровождены въ Казань, „гдѣ разсматривала ихъ дѣйствія главная слѣдственная коммиссія“.

[2]) Сельцо Галибиха, Макарьевскаго уѣзда.

маги, письма, записки и книги вреднаго содержанія, которыя могутъ быть найдены у него", были представлены прямо къ Огареву „запечатанными", а самъ Левашевъ былъ бы вытребованъ въ Нижній-Новгородъ и „съ него взята подписка о не выѣздѣ".

1-го Августа обыскъ былъ сдѣланъ, бумаги у Левашева отобраны и въ его же портфелѣ пересланы къ генералъ-губернатору, но самъ посредникъ не пожелалъ явиться въ Нижній и сказался больнымъ. Между тѣмъ, какъ доносилъ губернатору Макарьевскій исправникъ, 7-го Авг., Левашевъ не только былъ совершенно здоровъ, но, оставаясь на своемъ мѣстѣ, по прежнему старался вредить общественному дѣлу Среди крестьянъ распущенъ слухъ, что Левашева хотѣли взять, но не посмѣли, а возьмутъ другаго посредника и всѣхъ начальствующихъ на Ветлугѣ за то, что они неправильно требуютъ уплаты оброковъ, тогда какъ Левашевъ этого не требуетъ. Къ такому нелѣпому слуху присоединились еще другіе нелѣпѣйшіе, которые, какъ радіусы, шли отъ мѣстопребыванія Левашева, и въ краѣ не водворится порядокъ, пока Левашевъ будетъ жить на Ветлугѣ. Исправникъ полагалъ, что опасное движеніе начнется именно въ этомъ краю, такъ какъ, по его выраженію, *„крестьяне, не платя оброка, показываютъ протестъ на несправедливость этого налога и тѣмъ самымъ признаютъ, что земля есть собственность общая, а не одного какого сословія"* Идея эта проводится съ успѣхомъ. Каждый шагъ Левашева указываетъ, что Положеніе 19-го Февраля онъ не признаетъ; какъ осторожный человѣкъ, изъ чувства самосохраненія, онъ принимаетъ мѣры къ понужденію крестьянъ, но что это за мѣры? На крестьянъ онѣ производили впечатлѣніе, но какое? Желаніе смѣяться и безнаказанно дѣлать, что хотятъ. Присутствіе Левашева въ этомъ краѣ, особенно въ настоящую минуту, способно парализировать всѣ распоряженія мѣстной власти, опирающейся на вооруженную силу, отъ присутствія которой можно ожидать благопріятныхъ результатовъ по тому нравственному впечатлѣнію, какое одинъ слухъ о движеніи отряда произвелъ на крестьянъ. Для блага и пользы общей, для спокойствія края, исправникъ просилъ губернатора „употребить всѣ усилія къ немедленному удаленію преступно-вреднаго человѣка".

То было самое безпокойное время отъ перехода крестьянъ изъ крѣпостной зависимости въ свободныхъ землепашцевъ. И вмѣсто того, чтобы разъяснить народу истинный смыслъ высочайше дарованной милости и льготъ, большинство мѣстныхъ властей своими поступками и дѣйствіями усиливали только броженіе умовъ, которое потомъ приходилось успокоивать вооруженной силой. Макарьевскій исправникъ указываетъ на два подобныхъ случая, бывшихъ въ его уѣздѣ, и прежде всего обращаетъ вниманіе на Макарьевскаго уѣзднаго судью, „многоговорящаго, но ничего не дѣлающаго и ничѣмъ не занимающагося", и на секретаря того же уѣзднаго суда Варварскаго, „который съ каждаго преступника беретъ деньги и рѣшаетъ самое вопіющее дѣло въ его пользу".—„Такъ, напримѣръ, волостной писарь Покровской волости Бовыринъ при многихъ свидѣтеляхъ ругалъ бывшаго

исправника Варавву". Послѣдній приказалъ арестовать его; по производствѣ дознанія судебнымъ слѣдователемъ Гласономъ, Бовыринъ оказался виновнымъ и былъ заключенъ въ острогъ. Что же сдѣлалъ уѣздный судъ? Въ день св. пророка Иліи (храмовой праздникъ с. Покровскаго) Бовыринъ „явился среди пьяной толпы отпущеннымъ изъ уѣзднаго суда подъ присмотръ волостнаго начальства, того самаго, съ которымъ водилъ онъ хлѣбъ-соль и вмѣстѣ пьянствовалъ". Изъ-за этого порочнаго человѣка Левашевъ „затѣялъ цѣлый процесъ съ исправникомъ, требуя отъ послѣдняго отчета, на какомъ основаніи Бовыринъ былъ арестованъ"...

За другимъ примѣромъ также „ходить недолго". По слѣдствію, произведенному объ ослушаніи крестьянъ Чухломской волости, оказался главнымъ виновникомъ въ подстрекательствѣ и явномъ возмущеніи крестьянинъ Лазарь Ильинъ, который былъ препровожденъ судебнымъ слѣдователемъ въ острогъ, но и тутъ уѣздный судъ „готовится его выпустить" на свободу.

Мѣстные представители власти, одни, проникнутые ложнымъ либерализмомъ, а другіе ради набитія своего кармана, растравляя народъ, сами того не замѣчая, легко могли подготовить мятежъ. Даже приходится удивляться, какимъ образомъ онъ не произошелъ въ то время. Развѣ только потому, что по всей губерніи, гдѣ замѣчался безпокойный духъ народа, а особенно въ Макарьевскомъ уѣздѣ, съ его знаменитыми Керженскими раскольническими скитами, были разосланы воинскія команды.

Губернаторъ предписалъ Левашеву немедленно явиться въ Нижній. Между тѣмъ, въ отобранныхъ у него бумагахъ нашлись „разныя двусмысленныя письма и замѣтки" и одна собственная записка Левашева, которую онъ хотѣлъ пустить на мировой съѣздъ и въ которой предлагалъ: „Пересмотръ всѣхъ нашихъ законовъ земствомъ, уничтоженіе исправниковъ и земской полиціи отъ правительства и предоставленіе исключительно крестьянамъ выбирать посредниковъ."

Хотя въ этомъ не было ничего удивительнаго, и у насъ на Руси не разъ законы разсматривались земскимъ соборомъ, а исправники еще недавно назначались по выбору дворянства, тѣмъ не менѣе генералъ-адъютантъ Огаревъ потребовалъ отъ Левашева отвѣтовъ на вопросные пункты относительно всего, въ бумагахъ его заключающагося, и усмотрѣвъ въ нихъ, что „лицо это, по свойству своему, крайне для правительства вредно". Почему, отобравъ отъ Левашева подписку о невыѣздѣ изъ Нижняго, генералъ-губернаторъ донесъ (въ Сентябрѣ) о случившемся шефу жандармовъ, въ заключеніе прибавивъ къ своему донесенію, что „съ отбытіемъ Левашева изъ Ветлужскаго края, крестьяне онаго начали входить въ исполненіе своихъ обязанностей по положенію 19 Февраля 1861 г. и уплачивать недоимки безъ продажи ихъ имуществъ, каковое обстоятельство доказываетъ, что Левашевъ былъ главною причиною упорства крестьянъ, которое начинало уже заражать сосѣдніе уѣзды не одной Нижегородской, но и Костромской губерніи".

Началось долгое слѣдствіе. Левашеву надоѣло сидѣть въ Нижнемъ и ожидать окончанія своей участи. 18-го Октября онъ послалъ губернатору письмо, гдѣ, оправдываясь, что „въ письмахъ, найденныхъ у Контовича и послужившихъ основаніемъ гнусной клеветы“, нѣтъ ничего такого, что могло бы послужить къ обыску въ его домѣ и задержкѣ въ Нижнемъ, просилъ Одинцова дать разрѣшеніе на выѣздъ изъ города; ибо ему необходимо съѣздить въ свои имѣнія и имѣнія жены „для заключенія договора съ крестьянами о выкупѣ надѣловъ“. Такъ какъ разрѣшеніе это не зависѣло отъ губернатора, то послѣдній отказалъ ему. Тогда Левашевъ (8 Ноября) подалъ прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ; но отвѣтъ также получился неблагопріятный, и лишь на вторичное его письмо (отъ 31-го Января 1864 г.) министромъ позволено было ему выѣхать изъ Нижняго, если Нижегородская Уголовная Палата „признаетъ отсутствіе его на нѣкоторое время непрепятствующимъ ходу уголовнаго дѣла“, производившагося о немъ. Палата не заявила съ своей стороны препятствія, и Левашевъ былъ отпущенъ изъ Нижняго; но вмѣсто того, чтобы ѣхать во Владимирскую и Калужскую губерніи, какъ просилъ, онъ прямо направился на Ветлугу и поселился въ 10 верстахъ отъ своей усадьбы, въ д. Лодыгиной. Узнавъ объ этомъ, Макарьевскій исправникъ тотчасъ же донесъ губернатору, а послѣдній предписалъ немедленно выслать его изъ имѣнія въ Нижній. Но Левашевъ отвѣчалъ, что „не считаетъ себя обязаннымъ“ исполнять предписанія губернатора, хотя далъ слово выѣхать изъ д. Лодыгиной въ Симбирское имѣніе своей жены, и дѣйствительно черезъ нѣсколько дней отправился въ Козьмодемьянскъ.

Въ Августѣ, возвращаясь оттуда, онъ снова не на долго заѣхалъ на Ветлугу и потомъ явился въ Нижній, гдѣ сейчасъ же было сдѣлано распоряженіе „имѣть полиціи строгое наблюденіе о его невыѣздѣ“.

Между тѣмъ губернаторъ объ этихъ поступкахъ Левашева не замедлилъ сообщить министру внутреннихъ дѣлъ; но противъ всякаго ожиданія, въ Маѣ 1865 года, „по всеподданнѣйшему докладу объ освобожденіи его отъ ограниченія, которому онъ подвергнутъ, вслѣдствіе воспрещенія ему пребывать въ его имѣніи, *Государь Императоръ* „*на удовлетвореніе* означеннаго *ходатайства* высочайше *соизволилъ*“.

Тѣмъ дѣло „о крайне либеральномъ направленіи мыслей“ Левашева, слишкомъ сильно раздутое Огаревымъ, обвинявшимъ его еще въ перепискѣ съ Герценомъ, кончилось. Левашевъ свободно остался жить въ своемъ Ветлужскомъ имѣніи.

П. Юдинъ.

ЗАМѢТКА О Н. И. ЛОРАНѢ.

Въ 6-й книжкѣ „Русскаго Архива“ за сей годъ, стр. 317 и слѣд., помѣщена, въ числѣ прочихъ документовъ о Восточной войнѣ 1853—1856 гг. и о переселеніи Болгаръ въ Россію, записка Н. Лорана: „Переселеніе Болгаръ въ Россію. 1854. Современная запись“. Для лучшаго освѣщенія значенія этого историческаго документа, думаю, не излишне сообщить нѣсколько данныхъ объ авторѣ этой „записи“ (дядѣ по матери пишущаго эти строки).

Николай Ивановичъ Лоранъ*), сынъ Француза изъ Лозанны, (вызваннаго въ 20 годахъ профессоромъ, кажется, естествознанія въ Одесскій Ришельевскій лицей) получилъ въ послѣднемъ окончательное образованіе и вышелъ изъ него съ правомъ на 14 классъ въ 1836 г. Въ 1838 г. онъ началъ свою служебную дѣятельность въ канцеляріи С.-Петербургскаго губернатора, откуда въ 1842 г. перешелъ на службу въ департаментъ общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Князь (въ то время графъ) М. С. Воронцовъ, назначенный намѣстникомъ Кавказскимъ 27 Декабря 1844 г., желалъ привлечь на службу въ Кавказскомъ краѣ образованныхъ молодыхъ дѣятелей, и въ 1845 г. Н. И. Лоранъ переѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ занялъ мѣсто столоначальника въ гражданской канцеляріи намѣстника. Ко времени службы его на Кавказѣ относится начало дружеской связи его со многими выдающимися лицами, изъ которыхъ назовемъ маститаго поэта Я. П. Полонскаго, посвятившаго ему нѣсколько стихотвореній. Служба Н. И. въ Тифлисѣ позволила ему занять также видное мѣсто въ исторіи Кавказовѣдѣнія. Князь М. С. Воронцовъ, въ видахъ изученія края, задумалъ издавать въ Тифлисѣ газету „Кавказъ“ и „Кавказскій Календарь“ и составленіе послѣдняго на 1846 г. поручилъ Лорану. и онъ составилъ не только первый „Кавказскій Календарь“ на 1846 г., но и на 1847 и 1848 годы, которые весьма интересны по своему содержанію. Календарь на 1846 годъ, изданный въ 1845 г. въ Тифлисѣ, потребовался въ такомъ большомъ количествѣ экземпляровъ, что былъ напечатанъ въ 1846 г. вторымъ изданіемъ въ С.-Петербургѣ; составитель его былъ всемилостивѣйше награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. Такимъ образомъ Н. И. Лоранъ положилъ начало изданію, продолжающемуся до сихъ

---

*) Некрологъ Н. И. Лорана былъ напечатанъ въ „Харьковскихъ Вѣдомостяхъ“ 1892 г., откуда перепечатанъ въ „Кавказскомъ Календарѣ“ на 1893 годъ.

поръ, и придалъ ему съ начала тотъ характеръ, который дѣлаетъ рядъ его томовъ настольными книгами всякаго изслѣдователя Кавказа. Начиная съ 1848 г., Н. И. провелъ нѣсколько лѣтъ въ различныхъ командировкахъ, служа по Одесскому карантину до 1854 г., когда былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора. Состоя на этой должности, онъ могъ близко ознакомиться съ вопросомъ о переселеніи Болгаръ въ Бессарабію, и знакомство свое съ этими переселенцами онъ усилилъ еще вслѣдствіе, какъ дальнѣйшей своей служебной карьеры, такъ и личными отношеніями. Въ 1859 г. онъ былъ назначенъ испр. должн. управляющаго Бессарабскою палатою государственныхъ имуществъ, вскорѣ былъ утвержденъ управляющимъ названною палатою и оставался въ этой должности вплоть до закрытія Бессарабской палаты въ 1870 г., когда былъ назначенъ управляющимъ государственными имуществами въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, въ каковой должности оставался до смерти, послѣдовавшей 20 Января 1892 года. Знакомство Н. И. съ Болгарскими поселенцами въ Бессарабіи (въ Комратѣ, Бѣлградѣ и др.) было тѣмъ живѣе и основательнѣе, что, во время жизни его въ Кишиневѣ, родная сестра его вышла замужъ за извѣстнаго дѣятеля по возрожденію Болгарской литературы и народности, Д. П. Мутьева, бывшаго директоромъ школъ (гимназіи) въ Болградѣ и рано погибшаго отъ чахотки, къ горю всѣхъ Болгарскихъ патріотовъ. Единственный сынъ Мутьева не послѣдовалъ примѣру патріота-отца и остался на службѣ въ Россіи.

Некрологъ Лорана заканчивается такъ: „Всѣ, кто зналъ покойнаго Николая Ивановича, не могутъ не скорбѣть о его кончинѣ. Люди такой рѣдкой доброты, такой незлобливости, такого безкорыстія, такой высокой честности, какія характеризовали Николая Ивановича, рѣдко встрѣчаются на свѣтѣ. Миръ праху твоему, честный труженикъ и добрый, прекрасный человѣкъ!“

Что слова эти не обычныя, казенныя фразы некрологовъ, помимо личныхъ воспоминаній пишущаго эту замѣтку, свидѣтельствуютъ дружескія связи покойнаго Николая Ивановича съ такими людьми, какъ Я. П. Полонскій, гг. Тройницкіе, К. П. Яновскій и др. *).

Е. Козубскій.

Т.-Х.-Шура,
12 Августа 1897 г.

ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ А. П. ДУБОВИЦКАГО КЪ Н. И. БУЛИЧУ

Позвольте мнѣ, какъ внучкѣ А. П. Дубовицкаго, (младшая дочь котораго, Софья Александровна, бывшая въ замужествѣ за генералъ-адъютантомъ С. В. Мерхелевичъ, была моею матерью) обратить ваше вниманіе на нѣкоторую неточность тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщены о моемъ дѣдѣ и о членахъ его семьи въ замѣткахъ по поводу писемъ его къ Н. И. Буличу, напечатанныхъ въ 7-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" текущаго года.

Такъ, напримѣръ, сообщено, что Петръ Ивановичъ Озеровъ былъ тесть А. П. Дубовицкаго, между тѣмъ какъ онъ былъ ему шуриномъ, т. е братомъ жены моего дѣда Марьи Ивановны, рожденной Озеровой. При существовавшихъ въ то время почтительныхъ отношеніяхъ младшихъ къ старшимъ членамъ семьи, мало вѣроятно, чтобы А. П. Дубовицкій сталъ называть братомъ (хотя бы и во Христѣ) Петра Ивановича, какъ онъ это дѣлаетъ въ приводимомъ вами письмѣ, еслибы онъ былъ ему тестемъ Затѣмъ должна вамъ замѣтить, что дочери Александра Петровича никогда не обучались, повивальному искусству и если въ „Русскомъ Архивѣ" 1873 года было сдѣлано сообщеніе, на которое вы ссылаетесь, утверждающее, что Дубовицкій обучалъ своихъ дочерей этой спеціальности, то подобное сообщеніе есть не болѣе какъ отголосокъ многихъ ложныхъ и вздорныхъ слуховъ, распространявшихся о моемъ дѣдѣ и проникавшихъ въ печать.

Для своего сына Дубовицкій дѣйствительно избралъ медицинское поприще, какъ наиболѣе высокимъ и угоднымъ Богу примѣненіемъ отмѣнныхъ способностей Петра Александровича считалъ служеніе страждущимъ въ качествѣ *безвозмезднаго врача человѣчества.* Къ этому служенію онъ и предназначилъ своего единственнаго сына, избравшаго своею спеціальностью хирургію и подававшаго всегда *безвозмездно* врачебную помощь всѣмъ къ нему обращавшимся бѣднымъ и богатымъ.

Что же касается дочерей Александра Петровича, изъ которыхъ старшая Надежда Александровна скончалась всего четыре года тому назадъ, а младшая Софья Александровна, моя мать, въ 1883 году, то онѣ получили прекрасное, по тогдашнему времени, домашнее образованіе, обучались языкамъ Французскому, Нѣмецкому, Англійскому, Итальянскому, а также и другимъ наукамъ; кромѣ того, каждая изъ нихъ выбрала себѣ особую отрасль искусства: старшая съ увлеченіемъ занималась живописью, а младшая музыкою, при чемъ она пользовалась уроками такихъ музыкальныхъ знаменитостей, какъ Фильдъ и Листъ. О повивальномъ искусствѣ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Точно также невѣрно предполагается, что сынъ Дубовицкаго не былъ женатъ, между тѣмъ какъ Петръ Александровичъ въ 1843 году, въ двадцати шести-лѣтнемъ возрастѣ, женился на шестнадцати-лѣтней дѣвицѣ Марьи Александровнѣ Стаховичъ, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, умершихъ въ младенчествѣ.

Относительно вашей заключительной замѣтки къ письмамъ моего дѣда къ Н. И. Буличу, имѣю вамъ сказать, что Рязанскимъ помѣщикомъ собственно Александръ Петровичъ никогда не былъ, такъ какъ Рязанскія имѣнія его отца (принадлежащія нынѣ моему брату А. С. Мерхелевичу) перешли къ матери Александра Петровича, Надеждѣ Ивановнѣ Дубовицкой, которая получила ихъ послѣ смерти мужа на свою вдовью долю, управляла ими безъ всякаго участія своего супруга, бывавшаго у нея только въ гостяхъ и умерла полгода спустя по смерти Александра Петровича. Самъ же онъ владѣлъ большими имѣніями въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи при богатомъ селѣ Гуслицахъ, впослѣдствіи проданныхъ его наслѣдниками, а также и въ Тульской и Орловской губерніяхъ. Одно изъ этихъ имѣній сельцо Суходолъ (Дубовицкое тожъ) находится въ настоящее время въ моемъ владѣніи. Въ немъ жилъ Александръ Петровичъ еще при жизни своей жены, въ немъ онъ и поселился послѣ окончательнаго своего возвращенія изъ монастырскаго изгнанія. Здѣсь онъ и скончался 6-го Сентября 1848 года. Въ деревняхъ, принадлежавшихъ къ Суходолу многіе изъ крестьянъ живутъ до сихъ поръ въ просторныхъ каменныхъ избахъ, рѣзко отличающихся по своему внѣшнему виду отъ болѣе позднихъ крестьянскихъ строеній. Эти избы были выстроены Александромъ Петровичемъ для своихъ крестьянъ. Имъ же на барскомъ дворѣ были выстроены два большихъ флигеля, существующіе до сихъ поръ. Въ одномъ изъ нихъ помѣщались аптека и больница, въ которой его крѣпостные получали врачебную помощь; въ другомъ былъ устроенъ пріютъ-школа для ихъ дѣтей. Постройки эти, получившія давно другія назначенія, сохраняютъ до сихъ поръ свое прежнее названіе и свидѣтельствуютъ о томъ, что Александръ Петровичъ съ заботливостью относился къ своимъ крѣпостнымъ. Правда, что на сколько мнѣ извѣстно со словъ нѣкоторыхъ его прежнихъ слугъ, доживавшихъ впослѣдствіи свой вѣкъ въ нашемъ домѣ, заботливость эта отличалась и нѣкоторою суровостью; но надо замѣтить, что суровость эта, по ихъ же словамъ, вызывалась не требовательностью относительно личныхъ услугъ себѣ, не барскими причудами, которыя были ему совершенно чужды, но исключительно тою строгостью, съ которою оно относился къ нравственности своихъ крѣпостныхъ и дворовыхъ, въ особенности къ нему приближенныхъ.

Строгъ, впрочемъ, былъ Александръ Петровичъ и ко всѣмъ близкимъ къ нему людямъ и въ томъ числѣ и къ своимъ дѣтямъ, которыхъ, однако, онъ горячо любилъ и которыя до конца дней своихъ сохраняли о немъ благоговѣйную память.

Надежда Беръ.

По поводу статьи о новыхъ сооруженіяхъ въ Свято-Троице-Сергіевой Лавре.

(„Русскій Архивъ" 1897, вып. 8-й).

На статью эту получена нами нижеслѣдующая замѣтка:

1) Лавка у святыхъ воротъ вовсе не „пристроена къ нимъ", какъ пишетъ г-нъ А. Н. О.: между нею и угломъ воротъ оставленъ проходъ въ двѣ сажени. 2) Эта лавка вовсе не загораживаетъ вида на храмы Лавры, ибо стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ; мѣсто для нея указано лично его высокопреосвященствомъ митрополитомъ Сергіемъ. 3) Новыя зданія примкнули къ лаврской стѣнѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ продолженіе болѣе ста лѣтъ были ретирады, до того испортившія стѣну, что ее, но отломкѣ, пришлось въ значительной степени исправить, и если бы новое зданіе къ ней не примкнуло, то она грозила паденіемъ. 4) Новая больница-богадѣльня построена частію на мѣстѣ кустовъ крыжовника, частію же на буграхъ, куда посадскіе обыватели не стѣснялись сваливать всякую нечисть въ виду стѣнъ святой обители. Ужели же г-ну А. Н. О. пріятнѣе было бы видѣть эту нечисть и отхожія мѣста у стѣны Лавры вмѣсто нынѣ построенныхъ зданій и разведеннаго вокругъ ихъ кедроваго сада? 5) Наконецъ, новое зданіе странноиріимнаго дома вовсе не заслоняетъ вида на Лавру отъ вокзала желѣзной дороги, ибо оно стоитъ внизу, и Лавра возвышается надъ нимъ не только зданіемъ трапезы, но даже и стѣною своею.

Архимандритъ *Никонъ, редакторъ, „Троицкихъ Листковъ" и казначей Лавры.*

Свято-Троицкая Сергіева Лавра,
Августа 2-го 1897 года.

Между тѣмъ столкновеніе съ Наполеономъ произвело такія „обстоятельства, среди которыхъ, по словамъ Александра, надобно было думать преимущественно о самомъ себѣ и руководствоваться однимъ побужденіемъ: благомъ государства“. 13 Іюня 1807 года послѣдовало Тильзитское свиданіе, и Россія снова вступила на путь прежней національной политики; но Русское общество негодовало на перемиріе съ Франціей, и графъ С. Р. Воронцовъ предлагалъ, чтобы сановники, подписавшіе Тильзитскій договоръ, въѣхали въ столицу на ослахъ.

Вигель говоритъ, что отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата, всѣ роптали съ негодованіемъ. Но Александръ обнаружилъ въ данномъ случаѣ необыкновенную стойкость и политическую прозорливость.

Томъ доведенъ до 1809 года включительно и заканчивается размолвкою Государя съ Аракчеевымъ по поводу образованія Государственнаго Совѣта.

Странно, что при описаніи войны съ Швеціей не упомянуто объ извѣстномъ письмѣ Буксгевдена къ Аракчееву и ни слова не сказано о небываломъ въ военной исторіи переходѣ Русскаго отряда по льду черезъ Ботническій заливъ.

Среди прекрасно - воспроизведенныхъ портретовъ, въ изобиліи украшающихъ книгу, мы не нашли портрета графа Маркова (онъ представляетъ большую рѣдкость и князя П. П. Долгорукова, портрета котораго намъ никогда не приходилось видѣть.

Исторія Россійскаго флота въ царствованіе Петра Великаго. Перевелъ съ неизданной Англійской рукописи *графъ Е. Путятинъ.* 8-ка, 108 стр. Спб. 1897.

Прекрасно изданная В. А. Березовскимъ книжка эта даетъ нѣкоторые цѣнныя указанія для исторіи нашего флота. Авторъ рукописи неизвѣстенъ, но несомнѣнно онъ стоялъ близко къ изображаемому имъ съ живыми подробностями Русскому морскому дѣлу.

Въ концѣ данъ списокъ Россійскихъ судовъ годныхъ для навигаціи въ 1724 году.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина, часть третья. Изданіе П. И. Щукина. Большая 4-ка. 349 стр. Москва. 1897. (Напечатано двѣсти экземпляровъ).

Владѣлецъ и основатель Музея, сдѣлавшагося одною изъ достопамятностей Москвы, П. И. Щукинъ, поставивъ своею цѣлью собирать все то, въ чемъ отображается Русская жизнь, не ограничивается однимъ колекціонированіемъ старинныхъ вещей, но пріобрѣтаетъ также старыя книги, документы и рукописи. Такимъ образомъ, при музеѣ образовалась обширная рукописная библіотека. Издавая съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ сборникъ принадлежащихъ ему старинныхъ бумагъ, преимущественно бытоваго содержанія, П. И. Щукинъ несомнѣнно оказываетъ услугу лицамъ, занимающимся исторіей Русскаго языка и жизни.

Книга издана безупречно.

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

10.

Стр.

„РУССКІЙ АРХИВЪ" БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1898 ГОДУ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1897.

Описаніе рѣдкихъ Россійскихъ книгъ. Составилъ Александръ Бурцевъ. Пять частей. Спб. 1897. 8-а Издано въ количествѣ 100 экземпляровъ.

Въ настоящемъ изданіи г. Бурцевъ даетъ описаніе 1078 книгъ, что показываетъ трудолюбіе автора, но съ другой стороны даетъ поводъ думать, что г. Бурцевъ не былъ особенно строгъ при опредѣленіи рѣдкости какого нибудь изданія, и это подозрѣніе, при ближайшемъ знакомствѣ съ трудомъ г. Бурцева, подтверждается Такъ указаны напримѣръ: „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ" и сочиненіе Н. И. Кутепова „Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ", изданное въ 1895 г. Первое изъ этихъ изданій продается въ московскомъ Главномъ Архивѣ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ; а второе, правда, дорогое изданіе, но не вслѣдствіе библіографической рѣдкости, а по роскоши изданія. Между тѣмъ есть дѣйствительно рѣдкія изданія, которыя г. Бурцевымъ не указаны.

Возьму изданія по генеологіи, какъ болѣе мнѣ извѣстныя. Всѣхъ сочиненій по генеологіи указано 25, считая и мою брошюру „Избранная Библіотека Русскаго генеолога" (№ 229), на которую, между прочимъ, дѣлаетъ указанія и г. Бурцевъ; но въ „Избранной Библіотекѣ" я привожу 48 сочиненій, т. е. почти вдвое больше г. Бурцева. Положимъ, мое опредѣленіе о рѣдкости книги можетъ быть и ошибочно; но посмотримъ, какія изъ сочиненій, указанныхъ мною, пропущены въ описываемомъ изданіи г. Бурцева.

а) Гербовникъ дворянскихъ родовъ Царства Польскаго, Высочайше утвержденный (Избр. Б. № 2).

б) Для немногихъ. П. Н. Петрова, указанъ только первый томикъ, изд. 1871 г., второй же (1873) и третій (1875) не указаны, хотя второй есть въ „Книжныхъ рѣдкостяхъ" Остроглазова. (Избр. Б. № 3).

в) Изъ родословій, изданныхъ Ювеналіемъ Воейковымъ, указаны только два: Воейковыхъ (Избр. Б. № 7) и Кропотовыхъ и Дуровыхъ (Избр. Б. № 8. Г. Бурцевъ ошибочно называетъ Кропотовыхъ—*Кротовыми*), а остальныя пропущены.

г) „Книга родословная благородныхъ дворянъ Левшиныхъ" не указана подъ отдѣльнымъ №, хотя г. Бурцевъ и упоминаетъ о ней въ описаніи сочиненія „Историческое сказаніе о выѣздѣ....... дворянъ Левшиныхъ (№ 308); между тѣмъ это изданіе кромѣ „Избранной Библіотеки, № 11", указано у Геннади (№ 119).

д. „Нѣсколько словъ о родѣ Греческихъ князей Комниныхъ", указано у Геннади, 193, Остроглазова 201 и Савелова, 22.

е. Пропущены всѣ девять родословій, изданныхъ К. М. Бороздинымъ, хотя всѣ они указаны Геннади (№ 178), Остроглазовымъ (№№ 237 – 245) и Савеловымъ (№№ 24 – 32).

ж. „Родъ князей Мосальскихъ", соч. Н. Е. Бранденбурга. Это сочиненіе, хотя и выпущенное только въ количествѣ ста экземпл., въ продажу не поступало и несомнѣнно должно быть отнесено къ числу рѣдкихъ книгъ, что я и сдѣлалъ, помѣстивъ его въ Избранной Библіотекѣ (№ 42).

з. „Русская родословная книга", составленная княземъ А. Б. Лобановымъ - Ростовскимъ быстро вышедшая изъ обыкновенной продажи, при чемъ цѣна на нее возросла въ четыре раза. (Избр. Б. № 44).

и. „Краткій опытъ историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ", трудъ М. Г. Спиридова, указанный Геннади (№ Ш), Сопиковымъ (№ 7832) и Савеловымъ (№ 46).

Итого, изъ 48 сочиненій, указанныхъ мною въ Избран. Библ., г. Бурцевъ не указалъ 28-ми; хотя только 4 сочиненія изъ указанныхъ мною не указаны другими библіографами, но

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА ПРИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

I.

Несудимая патріаршая грамота, данная патріархомъ Іовомъ Арзамасскому Спасо-преображенскому монастырю и подтвержденная патріархами Гермогеномъ и Филаретомъ.

(1594).

Божіею милостію, се азъ смиренный Іевъ, патріархъ царствующаго града Москвы и всея Руси. Что мнѣ били челомъ изъ Арзамасскаго Спасскаго монастыря игуменъ Тихонъ съ братіею его, что-де имъ и крестьянамъ ихъ отъ нашихъ Арзамасскихъ десятниковъ чинится насильство и пропажа великая. И на мельницѣ-де на монастырской мелютъ на себя и на другихъ насильствомъ безденежно. И впередъ-де имъ отъ десятниковъ прожити и священниковъ призвати не можно. А старцы-де ихъ и крестьяне отъ ихъ насильства разбрелися. И намъ бы игумена Тихона съ братіею пожаловати, велѣти имъ наша церковная дань и казенныя и платежныя пошлины платити въ нашу казну самимъ на Москвѣ на срокъ, на Крещеніе Христово, а десятникамъ и старостамъ по повѣсткамъ для нашей дани къ нему игумену Тихону въ монастырь не въѣзжати.

И я, Іевъ, патріархъ царствующаго града Москвы и всея Руси, игумена Тихона съ братіею его или по немъ иный игуменъ въ томъ монастырѣ будетъ, пожаловалъ: нашимъ Арзамасскимъ десятникомъ къ нему игумену Тихону съ братіею въ монастырь для нашей дани не въѣзжати и не судити и на мельницѣ имъ того монастыря на себя и на друговъ сильно не молоти; а давати игумену Тихону съ братіею въ нашу пользу патріархову дани десять алтынъ, десятнику за кормъ и за въѣздъ пять алтынъ, казенныхъ и платежныхъ пошлинъ полъ-четверти алтына на годъ.

Также, если того игумена Тихона или по немъ иный игуменъ въ томъ монастырѣ будетъ, пожаловалъ: кто по него и по братіи того монастыря въ какомъ дѣлѣ возметъ моего патріархова пристава, и

онъ пишетъ имъ одинъ срокъ къ году—стати передъ нами на Крещеніе Христово; а мимо того сроку приставы мои къ нимъ не выѣзжаютъ, и на поруки ихъ не даютъ, и зазывныхъ не наметываютъ. А учнутъ приставы мои въѣзжати и сроки наметывати, или зазывную возмутъ, а не по тому сроку, и азъ тѣмъ приставамъ на поруки даваться не велѣлъ, а срокъ не въ срокъ, и безсудная не въ безсудную. А вѣнечныя знамена того монастыря крестьянамъ имати у нашихъ Арзамасскихъ десятниковъ. А вѣнечныхъ пошлинъ денегъ съ отрока по два алтына, съ двоеженца по четыре алтына, съ троеженца по шести алтынъ. да писчаго и печатнаго по три деньги съ знамени.

А дана грамота въ Москвѣ лѣта 7102 года Марта въ 15-й день. Смиренный Іевъ, Божіею милостію, патріархъ Московскій и всея Россіи». «Гермогенъ Божіею милостію, патріархъ всея Руси».

«7115-го года Февраля въ 9-й день великій государь святѣйшій Гермогенъ патріархъ Московскій и всея Руси, сіи грамоты слушалъ изъ Спасскаго монастыря игумена Іесея съ братіею его, пожаловалъ сіи грамоты у нихъ рушати не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ оттоля о всемъ ходити какъ въ сей нашей жалованной грамотѣ написано.»

«7127 года Іюля въ 19-й день великій господинъ и государь святѣйшій Филаретъ патріархъ Московскій и всея Россіи, сея грамоты слушалъ изъ Спасскаго монастыря игумена Іосифа съ братіею, пожаловалъ сея грамоты у нихъ рушати не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ о томъ о всемъ ходити, какъ въ сей нашей жалованой грамотѣ написано».

«Филаретъ, Божіею милостію патріархъ всея Россіи».

II.

Настольная и отпустная грамота, данная Іоною, митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ, Ржевскому священнику Василію Андрееву.

(1617 года).

Божіею милостію преосвященный Іона, митрополитъ Сарскій и Подонскій, по благодати, дару и власти, данной намъ отъ Пресвятаго и Животворящаго Духа, по повелѣнію Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси самодержца, благословилъ есми изъ патріаршія области Ржева Володимирова *) соборныя церкви пресвятыя

*) Такъ въ старину, и даже въ прошломъ столѣтіи, назывался нынѣшній городъ Ржевъ, Тверской губерніи. П. Б.

Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія, священника Василія Андреева сына, и соверши его въ протопопа во Ржеву Володимирову къ той же соборной церкви Успенія пресвятыя Богородицы, межъ патріаршіи *); по неже бо обрѣтохомъ его во всемъ любомудра и добродѣтельна и страхъ Божій всегда въ себѣ имуща и свидѣтельствуема въ кротости, и смиреніи, и чистотѣ, и въ прочихъ добродѣтелѣхъ, боголюбива и человѣколюбива, и сокрушенна сердцемъ, и православіемъ сіяюща, и разумомъ божественныхъ писаній довольна и исполнена, и приводяща себе во всякое благоспасительное нѣло, и нынѣ се пріиде по благословенію нашего смиренія, наипаче же великіе труды къ церковному исполненію безъ лѣности несуща.

И сего ради нашего смиренія благословеніе благословляетъ и уставляетъ его быть священнопротопопу той же соборной церкви пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія во Ржевѣ Володимировѣ, со всяцѣмъ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ и чистотою и со благословеніемъ нашимъ (*блюсти*) божественныя церковныя правила святыхъ Апостоловъ и святыхъ отецъ.

Обрѣтающіеся же тамо священницы, и діаконы, и весь причетъ церковный да почитаютъ его, и слушаютъ его, и повинуются ему о Господѣ во всемъ, яко присному своему господину и отцу, пастырю и учителю священнопротопопу Василію по нашему благословенію.

Да имѣетъ же сей протопопъ Василій совѣтъ съ нами во всякихъ духовныхъ вещѣхъ, паче же и въ неудомѣваемыхъ, и во всѣхъ церковныхъ вещѣхъ имѣти же его во всемъ яко святителя глаголю, во Христа мѣсто, такоже и къ дѣтямъ духовнымъ имѣти ему о Христѣ духовную любовь и попеченіе, и о вашихъ единородныхъ безсмертныхъ душахъ пецися и направлять еже ко спасенію. А милость Божія и пречистыя Богородицы и святыхъ великихъ Московскихъ и всея Руси чудотворцевъ Петра, Алексѣя и Іоны, и всѣхъ молитва и нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ всегда и во вѣки. И сего ради дана бысть ему сія наша настольная и отпустная грамота на утвержденіе его. Писано на Москвѣ, на Крутицахъ, лѣта 7125, Сентября въ 18 д.

«Смиренный Іона, Божіею милостію митрополитъ Сарскій и Подонскій». Внизу краснаго воска печать съ благословляющею рукою въ срединѣ и съ надписью кругомъ: «Смиренный Іона, митрополитъ Сарскій и Подонскій».

---

*) Т. е. междупатріаршество. Патріарха тогда въ Москвѣ не было, такъ какъ Филаретъ еще находился въ плѣну Польскомъ. Н. Б.

На оборотѣ подтвердительныя подписи: «Филаретъ, патріархъ всея Руси». «Іоасафъ, патріархъ».

III.

Молитва святому Димитрію Ростовскому.

Молитва эта, написанная на небольшой деревянной доскѣ, хранилась въ Спасской церкви, перенесенной изъ бывшаго прихода села Кавреси, Ардатовскаго уѣзда, въ с. Канергу въ 1871 году. Въ Церковное Древлехранилище Нижегородской Духовной Семинаріи молитва доставлена священникомъ села Канерги.

1758 *). Молитва св. Димитрію, Ростовскому чудотворцу; празднуется обрѣтеніе его мощей Сентября 27 дня. О великій святителю и предивный Димитріе, градъ Ростовъ тобою радуется и прославляется имя Божіе новообрѣтенными вашими мощами. Угодниче Божій, помилуй насъ, не забуди въ молитвахъ своихъ насъ грѣшныхъ рабовъ Божіихъ. Старость подкрѣпи, болѣзнь облегчи, младыхъ въ одной совѣсти утверди, вдовицъ и сиротъ призри, младенцевъ воспитай, нищихъ награди, больныхъ, темничныхъ посѣти и свободи, алчныхъ напитай, печальныхъ горести услади и къ радости обрати, злобныхъ присмири и обидимыхъ защити чрезъ святыя твои молитвы къ Богу и пречистой Богородицѣ, не даси въ отчаяніе пріити и душею пропасти. На тебя святителя Димитрія надежду несомнѣнно имѣемъ, уже и многія исцѣленія получили, и мы того ожидаемъ, готовы наслѣдницы царствія небеснаго быти во вѣки аминь.

Содержаніе молитвы нѣсколько напоминаетъ 9-й икосъ акаѳиста свитителю Димитрію: „Радуйся, больныхъ исцѣленіе, Радуйся, немощныхъ подкрѣпленіе, Радуйся, скорбныхъ и печальныхъ утѣшеніе, Радуйся, страждущихъ скорая помощь“.

(*Сообщилъ Ѳ. Кудринскій*).

---

*) Т. е. на другой годъ послѣ открытія святыхъ мощей. П. Б.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА [1]).

Во второй половинѣ 1797 года положеніе графа Н. П. Шереметева при императорѣ Павлѣ поколебалось, и онъ сталъ помышлять объ уходѣ изъ званія обергофмаршала; къ тому же здоровье его разстроилось, онъ не выходилъ изъ дому, а 7-го Сентября 1797 года написалъ слѣдующія письма.

Письма графа Н. П. Шереметева къ императору Павлу и къ князю А. Б. Куракину.

Всемилостивѣйшій Государь!

Предыдущій [2]) день рожденія вашего величества [3]) толико благословенный для Россіи, для меня же особенно вождѣленный, обязываетъ принести самолично всеподданнѣйшее мое поздравленіе вашему величеству, упасть къ священнымъ стопамъ вашимъ въ изъявленіи безконечной моей благодарности за новое подтвержденіе въ высочайшемъ указѣ, мною на сихъ дняхъ полученномъ, монаршаго благоволенія и вашего всемилостивѣйшаго вниманія на службу мою, о которомъ не смѣлъ я донынѣ себя удостовѣрить; но жестокость болѣзни моей воспрещаетъ меня отъ того долга.

Примите, всемилостивѣйшій Государь, обыкновенною вашею благостію таковой долгъ въ сихъ строкахъ, приносимый отъ вѣрноподданнаго, чистымъ сердцемъ къ особѣ вашей приверженнаго; сколь же скоро получу я малѣйшую свободу отъ болѣзни, поспѣшу прибыть къ моей должности и польщусь доказать самыми опытами, что я не жалѣю ни силъ моихъ, ни самой жизни принести въ жертву Государю, меня столь много облагодѣтельствовавшему. Вашего Императорскаго Величества вѣрный подданный графъ Николай Шереметевъ.

7-го Сентября 1797 г.

---

[1]) См. „Русскій Архивъ", сего года II, 497.

[2]) По нынѣшнему: наступающій. П. Б.

[3]) Императоръ Павелъ родился 20 Сентября 1754 года. П. Б.

Въ тоже время графъ Николай Петровичъ рѣшается высказать тревожившее его чувство другу своей молодости, князю Александру Борисовичу Куракину.

Милостивый государь мой князь Александръ Борисовичъ. По многимъ опытамъ дружескаго ко мнѣ расположенія вашего сіятельства не могу, наконецъ, не признаться вамъ въ томъ, что̀ скрывалъ столь долго и чего никому не захотѣлъ бы открыть на счетъ отправляемой мною службы. Она имѣетъ два способа, изъ коихъ первымъ обыкновенно руководствуются, чтобы являть себя въ глазахъ Государя расторопнымъ, метаться при бываемыхъ празднествахъ и столахъ, угождать царедворцамъ и успѣвать при всѣхъ наружностяхъ. Сей образъ управленія есть самый блестящій, ежели вамъ сказать, самый надежнѣйшій удержать себя на своемъ мѣстѣ. Второй: чтобы не прилѣпляться къ однимъ наружностямъ, но быть чаще упражнену въ самыя мелкія подробности, отъ которыхъ всѣ должности получаютъ желаемое благоустройство, дворъ свое благолѣпіе, а казна свои выгоды. Я всегда гнушался первымъ способомъ, бывъ воспитанъ правилами моихъ предковъ, искавшихъ истинной пользы своимъ монархамъ, и потому лучше хочу лишиться всѣхъ милостей моего государя, нежели быть вѣроломнымъ подданнымъ, буде бы имѣлъ и самое надежное средство сокрыть отъ глазъ человѣческихъ таковые душевредные поступки, дабы не сдѣлаться жертвою собственной своей совѣсти.

Но послѣдній способъ былъ и будетъ для меня самый пріятнѣйшій, къ которому всѣ честные люди привязаны; однакожъ имѣетъ онъ въ себѣ такія затрудненія, коихъ, кажется, никогда не буду я въ силахъ преодолѣть. Мнѣ совершенно затворены двери въ кабинетъ его величества; я принужденъ бываю даже при самыхъ важныхъ и скорыхъ случаяхъ подавать мои доклады чрезъ другія руки, а симъ образомъ теряю время во исполненіи воли государевой. Мнѣ становится гораздо неизвѣстнѣе образъ мыслей его величества, нежели то было при началѣ моего вступленія въ должность.

Можетъ быть, лишился я сей милости по нѣкоторымъ случившимся ошибкамъ; но онѣ должны быть для новаго и незнающаго дворскихъ обстоятельствъ человѣка весьма извинительны, тѣмъ паче, что при тогдашней перемѣнѣ, при множествѣ важнѣйшихъ дѣлъ, время было весьма коротко, и я не успѣвалъ докладывать такъ, какъ бы хотѣлъ.

Вамъ извѣстно, что и въ приватномъ быту связь необходима; посудите же сколько она должна быть нужна между государемъ и обер-

гофмаршаломъ. Я никогда бы не отважился безпокоить его величество о всѣхъ мелочахъ моими докладами, но довольствовался бы представлять въ кабинетъ одни важные и непремѣнно требующіе высочайшей резолюціи. Впрочемъ же всякое слово, сказанное въ публикѣ и мимоходомъ, послужитъ къ моему наставленію, просвѣтитъ меня въ моемъ невѣдѣніи, дастъ мнѣ понятіе о тѣхъ вещахъ, кои благоугодны Государю, и приведетъ въ желаемое дѣйствіе всѣ должности отъ меня зависящія, кои имѣютъ основательную причину роптать за мою нерѣшимость на ихъ представленія.

Вотъ, милостивый государь мой, тѣ причины, которыя убѣждаютъ меня удалиться отъ моей должности и кои повидимому снова останутся безъ всякой перемѣны, и я никакъ не уповаю выдти съ честію изъ моего званія.

Извините пространство письма сего, ибо я въ немъ отважился повѣрить дружбѣ вашей мои истинныя чувства въ нѣкоторое облегченіе бремени, меня отягощающаго. Гр. Н. Шереметевъ.

Сентября   дня 1797 г.

Дальнѣйшее писано къ тому же князю Куракину, 3 Октября 1797 г., и приводится въ переводѣ съ Французскаго чернового подлинника. П. Б.

Когда, по восшествіи на престолъ, возложена на меня была тяжкая задача преобразовать дворъ и устранить злоупотребленія, я, весьма естественно, и слѣдовательно весьма легко, имѣлъ ежедневную возможность освѣдомляться о желаніяхъ Государя, и такимъ образомъ, получая отъ него непосредственныя приказанія, благополучно достигъ съ Божьею помощью той цѣли, которая имъ была предположена. Два раза въ день подносилъ я ему списокъ для отмѣтки лицъ, которыя допускались къ обѣду или ужину Его Величества, что̀ и было для меня весьма удобно. Конечно, объ утратѣ этого удобства сожалѣю я не изъ суетности и честолюбія. Этими пороками я никогда не страдалъ; но не могу я скрыть, какъ необходимо и для Государя, и для меня, чтобы я могъ имѣть къ нему свободный доступъ. Этимъ доступомъ облегчился бы мой трудъ, возвысилось бы мое значеніе, обезпечилась бы подчиненность и устранились бы всякія произвольныя притязанія, возникающія вслѣдствіе нарушенія порядка, всегда во вредъ Государю.

Вотъ два примѣра достаточныхъ для того, чтобы показать, какъ безпрестанно приходится мнѣ встрѣчать препятствія и затрудненія. Его Величество приказалъ починить и заново отдѣлать почти всѣ

дворцы, какъ городскіе, такъ и загородные; назначенныхъ для того денегъ оказалось недостаточнымъ; находясь все болѣе и болѣе въ затруднительномъ положеніи, я рѣшился положить этому конецъ и приказалъ отпускать товары на мой собственный счетъ. Если бы я не рѣшился на это, то многіе дворцы оказались бы необитаемы, и вина́, несомнѣнно, пала бы на меня. Съ другой стороны, Его Величество благоволило предоставить въ мое распоряженіе запасныя и остающіяся сверхъ смѣты деньги. На мѣсто старыхъ мѣдныхъ блюдъ надо было пріобрѣсти хорошія серебряныя, какихъ Его Величеству давно хотѣлось имѣть, равно какъ починить золоченые приборы какъ для Ихъ Величествъ, такъ и для Ихъ Высочествъ и для молодыхъ великихъ княженъ, у которыхъ вся посуда была перепорчена; но только что я успѣлъ объ этомъ позаботиться, какъ назначенныя для того деньги были у меня отняты и переданы въ другое вѣдомство. Замѣчу кстати, что въ иныхъ случаяхъ бываетъ много лишнихъ издержекъ, а въ другихъ недостаетъ денегъ на самое необходимое. Такъ напримѣръ, у Дворцовой Конторы нѣтъ довольно денегъ на ея содержаніе; благодаря отсутствію надзора, въ ней господствуютъ всяческая нечистота и неприличіе. Ее безпрестанно осаждаетъ цѣлая толпа всякаго званія людей; они толкутся въ ея помѣщеніи, громко кричатъ, спорятъ, что́ проникаетъ даже въ залу совѣта, и въ такомъ шумномъ мѣстѣ невозможно заниматься дѣломъ съ должнымъ спокойствіемъ и осторожностью. Мнѣ нерѣдко случалось, вслѣдствіе тамошняго шуму и гаму, уходить оттуда, даже и не начавъ того дѣла, за которымъ пришелъ. Къ тому же самое помѣщеніе Конторы представляетъ неудобство почти непреодолимое, оно находится, такъ сказать, на небесахъ, тогда какъ склады ея въ самомъ низу. При всемъ усердіи къ дѣлу невозможно переходить столь большое пространство такъ часто, какъ бы хотѣлось.

Не могу скрыть и другого обстоятельства, отъ котораго могутъ произойти для начальника Конторы непріятныя послѣдствія: секретари зависятъ непосредственно отъ Государя. Такимъ образомъ скромный и терпѣливый начальникъ зависитъ отъ произвола своихъ подчиненныхъ.

Кромѣ того, на каждомъ шагу бываю я въ непріятнѣйшемъ затрудненіи: мнѣ приходится или раздражать просителей отказомъ, или брать всю отвѣтственность на себя, такъ какъ всякій, имѣющій право чего либо требовать, требуетъ неумѣренно. Я замѣчаю эту требовательность даже со стороны моихъ подчиненныхъ: имъ бы лишь получить, а что̀ затѣмъ будетъ, я въ отвѣтѣ.

Какъ для меня, такъ и для дѣйствительной пользы службы желательно, чтобы мнѣ позволено было иногда или, по крайней мѣрѣ въ крайнихъ случаяхъ, докладывать Государю лично. Я не злоупотребляю этимъ преимуществомъ. Ежели Государь удостоить меня въ этомъ отношеніи своимъ довѣріемъ, я попрошу, какъ милости, чтобы это было сообщено мнѣ письменно и безъ чьего либо посторонняго вѣдома, такъ чтобы я былъ положительно уполномоченъ не соглашаться на издержки, очень часто выходящія изъ предписанныхъ предѣловъ.

Въ 1797 году затрудненія были устранены, но въ слѣдующемъ году послѣдовала рѣзкая перемѣна во всемъ окруженіи Государя: графъ Н. П. Шереметевъ уволился отъ дожности обергофмаршала, которую занялъ обергофмейстеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ.

Письмо князя П. М. Волконскаго *).

22 Іюня 1797 года

Съ наступающимъ днемъ рожденія твоего, дражайшій другъ, всею душою и сердцемъ всеискреннѣйше тебя поздравляю. Желаю сердечно и молю Бога, чтобы Онъ даровалъ тебѣ все желаемое и сохранилъ здравіе твое навсегда невредимо и ниспослалъ тебѣ всѣ Свои милости. Я, мой другъ, уже третья недѣля, какъ живу въ Кривцовѣ съ дочерьми, благодаря Бога, изрядно; только силы мои весьма ослабѣваютъ: сколько ни стараюсь подкрѣплять себя, но старость и болѣзни весь корпусъ мой приводятъ въ разстройку. Но да будетъ воля Божія! Два вѣка не жить, а приходится отдавать долгъ натурѣ. Но оставлю сію непріятную матерію съ пословицей: чему быть, того не миновать. А скажу тебѣ, какъ я время провождаю. Встаю въ восемь часовъ и сижу у себя въ кабинетѣ и ипохондричаю; потомъ въ одиннадцать часовъ одѣнусь и пойду бродить; но больше, правду сказать, меня таскають, нежели я самъ хожу. Возвратясь, по обыкновенію, въ два часа обѣдаю; компанія моя: три дочери, Авдотья Николаевна и лекарь съ женою. Послѣ обѣда выйду на крыльцо, посижу и опять похожу туда и сюда, и, пришедъ домой, сяду въ карты ворожить, то есть гранпасьянсъ (раскладываю) до ужина, въ десять часовъ отужинаю и въ двѣнадцатомъ ложусь спать. Вотъ, мой другъ, тебѣ сказалъ препровожденіе моего времени.

---

*) Это былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Петръ Михайловичъ (по Родословной Книгѣ князя Долгорукова, I, стр. 262, № 217). Потомство его пресѣклось въ 1845 году, съ кончиною его единственнаго сына, камергера князя Михаила Петровича, тоже театрала. П. Б.

Театръ мой и все принадлежащее къ нему рушилось, и актеры мои лучшіе живутъ съ сыномъ въ Москвѣ. И такъ мнѣ нечѣмъ уже заниматься; да правду сказать, все и прискучило. Бывало, я ролями занимался, а нынче уже изъ актрисъ сдѣлались швеи и всякій вздоръ въ пяльцахъ шьютъ у дочерей. Вотъ, мой другъ, какое превращеніе; музыканты мои также въ разнотѣ... Егорычъ съ лучшими въ Москвѣ, а со мною нѣкоторые при должностяхъ, а музыка у меня всегда нанятая; а чужая, духовая, которая со мною; у нихъ ученики чужіе и всегда у меня зорю играютъ. Ты, мой другъ, никогда слышать не хотѣлъ, чтобъ я театръ бросилъ; но вотъ сбылось это, и онъ совсѣмъ палъ и рушился самъ собою. Не знаю, возстанетъ ли когда нибудь.

Съ пріѣзда моего сюда, всякій почти день дожди, а не то громы. 29-го числа цѣлый день громъ продолжался и была буря съ градомъ престрашная; множество стеколъ у меня въ хоромахъ перебило, и мы думали, что преставленіе свѣту. У меня всюду превеликія липы пополамъ переломало и больше ста деревъ яблокъ изъ корню сломало и разодрало; но, благодареніе Богу, недолго продолжалось, не болѣе пяти минутъ; послѣ обѣда и еще ввечеру былъ громъ и градъ гораздо больше прежняго и разными фигурами. Ко мнѣ принесли градину, которую я карандашемъ очертилъ и съ него здѣсь тебѣ спявъ показываю *). Но на этотъ градъ и страшно, и пріятно было смотрѣть, ибо онъ былъ при солнечномъ сіяніи; казалось, какъ золотой градъ шелъ и отъ него искры золотыя отъ рефлекціи солнца, и продолжался три минуты; но хлѣбъ въ полѣ, благодаря Бога, цѣлъ, только что сильно повалило, однако подымается. Вотъ, мой другъ, всю тебѣ жизнь свою описалъ, а теперь принесу тебѣ сердечную мою просьбу не лишить меня драгоцѣнной для меня твоей дружбы и твоихъ дружескихъ мнѣ благодѣяній, которыми я всегда наслаждался. Неужли я столько несчастливъ, что ты меня забудешь? Нѣтъ, кажется, это быть не можетъ, судя по добротѣ твоей души, и ты всегда любить будешь сердцемъ и душею тебѣ преданнаго, вѣрнаго твоего друга князя Петра Волконскаго.

Письмо графа А. Н. Самойлова.

Въ слѣдственность высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, сообщеннаго мнѣ сего часа въ письмѣ отъ графа Александра Андреевича Безбородка, долженъ я отдать вашему сіятельству оставшія послѣ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго серебряныя литавры и о которыхъ я

*) Въ подлинномъ письмѣ нарисована перомъ елипсовидная градина. П. Б.

чрезъ графа Александра Андреевича осмѣлился всеподданнѣйше испрашивать высочайшей воли, куда благоугодно будетъ повелѣть отдать оныя литавры. Какъ я не имѣю при себѣ никого, опричь собственныхъ моихъ людей, то не разсудите ли ваше сіятельство за благо прислать ко мнѣ за ними кого либо, которому могъ бы я порядочнымъ образо̂мъ ихъ вручить? Ваше же сіятельство всепокорно я прошу, по полученіи оныхъ, не оставить меня вашимъ увѣдомленіемъ, чѣмъ много одолжите пребывающаго навсегда и пр. Графъ Самойловъ.

17 Генваря 1797.

Петербургскаго генералъ-губернатора Н. П. Архарова.

На почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства имѣю честь отвѣтствовать, что, по достовѣрному моему освѣдомленію, мука ржаная продается здѣсь въ лавкахъ и лабазахъ не дороже какъ отъ семи рублей до семи съ полтиною куль, а крупа грешневая отъ шести до восьми рублей четверть. Николай Архаровъ.

Генваря 31 дня 1797.

И. И. Шувалова *).

1.

Прошу ваше сіятельство приказать выдать за Сентябрскую треть жалованье учителямъ Пажескаго Корпуса. Его Императорское Величество приказалъ въ Москву отправить 12 камеръ-пажей и 48 пажей, о чемъ вашему сіятельству имѣю честь сообщить. Иванъ Шуваловъ.

Февраля 7 дня 1797 года.

2.

Получивъ отпускъ мой отъ Его Императорскаго Величества въ Москву, скоро туда и поѣду, почему я докладывалъ Императору объ отправленіи камеръ-пажей и пажей. Въ мое отсутствіе онъ мнѣ приказалъ о семъ снестись съ маршалами, а какъ мнѣ извѣстно, что и ваше сіятельство скоро отъѣзжаете, то прошу отправленіе ихъ препоручить остающемуся на время здѣсь гофмаршалу, который ежели надобно для него по сему отъ меня объявленіе, получить можетъ. Впрочемъ честь имѣю быть и т. д. Иванъ Шуваловъ.

19 Февраля 1797 года.
Н. П. Шереметеву.

---

*) И. И. Шуваловъ былъ тогда оберкамергеромъ. Онъ, по старости, въ Москву не поѣхалъ и скончался весною этого 1797 года, а графъ Н. П. Шереметевъ позднѣе занялъ эту его должность. П. Б.

Письмо А. А. Аракчеева.

Посылаю къ вамъ съ просьбою, чтобы меня приказать увѣдомить, по приказанію Императора, что-ли у меня взяли лакеевъ и истопниковъ, такъ, что я теперь долженъ въ каретѣ безъ лакея ѣздить; а домъ казенный вашъ, а истопника нѣту, и некому истопить. То я и прошу приказать меня объ ономъ увѣдомить, чѣмъ обяжете того, который съ почитаніемъ остался покорнымъ слугою Алексѣй Аракчеевъ.

12 Февраля 1797.

Письма гофмаршала графа Тизенгаузена.

1.

По вступленіи моемъ, въ силу приказанія вашего сіятельства, въ дежурство, встрѣтились мнѣ слѣдующія обстоятельства вчерашняго дня, которыя представивъ, симъ прошу покорнѣйше разрѣшенія.

Во 1-хъ, госпожа Ливенъ требуетъ, что находящемуся при Ихъ Высочествахъ учителю Зиберху производимъ былъ столъ во время вояжа и гдѣ либо въ отсутственномъ мѣстѣ присутствія даванъ ему былъ столъ отъ двора. Я нахожу за нужное вамъ сообщить, что сей договоръ заключенъ былъ съ нимъ не у насъ въ Конторѣ; стола же давать ему неудобно, ибо онъ живетъ въ городѣ. То не лучше ли давать по 4 рубля деньгами въ день, о каковой суммѣ и нужно, я думаю, доложить Его Величеству?

Во 2-хъ, вчерашняго числа столъ былъ на 90 кувертовъ, и безъ прибавки... былъ онъ не очень изобиленъ, и посему я за нужное и нахожу вамъ донести, не лучше ли будетъ нынѣшній день къ оному столу прибавить блюдъ 20 и учинить на оное прибавленіе, ибо нынѣ оный столъ будетъ не менѣе.

Въ 3-хъ, до столовъ поднесено было вино въ рюмкахъ неполныхъ, что̀ совсѣмъ высочайшему двору благолѣпія не приноситъ; то не лучше ли будетъ приказать купить поменьше, дабы былъ гораздо лучшій порядокъ?

Въ 4-хъ, по отношенію вашему о довольствіи фрейлинъ и прочихъ писалъ я Шилгеру и надѣюсь, что все будетъ имъ исполнено, но только надобно о суммѣ для платежа тому принять надлежащія мѣры. Исполняя приказаніе вашего сіятельства въ точности, пребываю съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностью навсегда графъ Тизенгаузенъ.

Марта 20-го 1797 года.

2.

Въ ожиданіи принца Конде сюда, который уповательно пребываніе свое имѣть будетъ въ Таврическомъ замкѣ, необходимо нужно, ежели бы ваше сіятельство приказали на первый случай отпустить туда два пуда восковыхъ и одинъ пудъ сальныхъ свѣчей, а также подсвѣчниковъ. Еще напоминаю вамъ о заготовленіи билетовъ, въ числѣ коихъ всепокорнѣйше прошу доставить мнѣ 18. Графъ Тизенгаузенъ.

4 Ноября 1797 года.

Камерфрейлины Валуевой.

По просьбѣ флейлинъ и прочихъ дѣвицъ, живущихъ при дворѣ съ оными, прошу ваше сіятельство сдѣлать намъ милость и испросить милостиваго позволенія продолжать намъ имѣть столъ у себя на половинѣ, какъ имѣли мы съ прихода нашего изъ Москвы, въ разсужденіи отдаленности нашихъ комнатъ и большого числа дѣвицъ, изъ которыхъ случаются нездоровы и не въ состояніи выходить за столъ. Вы симъ чувствительно обяжете всѣхъ насъ. Екатерина Валуева.

3 Ноября 1797 года.

Архитектора Бренны.

Его Императорское Величество указать высочайше соизволилъ выбрать изъ Эрмитажа изъ излишнихъ картинъ на двѣ или на три комнаты для Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Павловича. А какъ скоро ваше сіятельство изволили приказать оныя комнаты мнѣ показать, то по онымъ и выберу нужныя картины.

Бренна.

10 Декабря 1797 года.

Сергѣя Крылова.

Осмѣливаюсь вашему сіятельству донести, что Государь Императоръ, Ихъ Императорскія Высочества и вся свита прибыли въ городъ Казань сего Мая 24 дня въ шестомъ часу послѣ полудня благополучно и во всю дорогу, начиная отъ города Павловскаго до Москвы, и отъ Москвы до города Казани, какъ Государь Императоръ, такъ и Ихъ Высочества и вся свита совершенно были довольны какъ то столомъ и всей услугой, за что̀ я отъ ихъ имераторскихъ высочествъ великихъ князей получилъ благодарность, о чемъ ваше сіятельство честь имѣю увѣдомить, и дай Богъ, чтобы мнѣ быть столько счастливу и на обратный путь изъ Казани до города Павловскаго. Я же смѣю донесть вашему сіятельству о всѣхъ людяхъ при свитѣ, какъ то офиціантахъ, метръ д'отеляхъ, лив-

рейныхъ служителяхъ и поварахъ, что я всѣми совершенно доволенъ и столько счастливъ, что всякій свои приказанія выполняетъ въ совершенной точности и съ превеликой охотой, то и осмѣливаюсь всѣхъ вашему сіятельству рекомендовать, и признаться могу, что съ оными людьми можно всюду ѣздить. Но еще донесу, что Государь Императоръ изволитъ выѣхать изъ города Казани сего Мая 30 дня по утру по новому маршруту и прибыть изволитъ въ городъ Павловскъ будущаго Іюня 12 дня. Извините меня, ваше сіятельство, что я такъ въ скорости къ вамъ описалъ по причинѣ той, у насъ сегодня въ саду, гдѣ Государь изволитъ имѣть пребываніе, будетъ собраніе, то мнѣ, признаться, время нѣтъ, а фельдъ-егерь отъѣзжаетъ, а я имѣлъ желаніе обо всемъ увѣдомить, и я увѣренъ, что ваше сіятельство меня въ томъ простите милостиво.

Пребываю съ моимъ высокопочтеніемъ и преданностью покорный слуга Сергѣй Крыловъ.

26 дня 1798 года.
Городъ Казань.

Неизвѣстнаго лица.

Le général Obolianinoff me mande que les appartements de Ses Altesses Impériales les Grands-Ducs et les Grandes-Duchesses dans le nouveau corps du palais de Gatchina sont finis et que le temps presse pour les ammeublements; il croit même, que si l'on tarde encore, on ne pourra plus loger la cour, et comme vous m'avez communiqué l'ordre de Sa Majesté que c'est vous qui êtes chargé pour meubler ces appartements, sur quoi tous les magasins vous ont été ouverts et vous avez déjà choisi des meubles et des tapis, je vous prie par conséquent de me faire savoir ce que je dois répondre là-dessus au général Obolianinoff, et d'autant plus que c'est une expédition extraordinaire et qui demande, comme vous m'avez dit, jusqu'à 150000 roubles. Il faut absolument avoir une somme destinée à cette dépense, puisque je n'ai même pas 10000 roubles de reste de la somme de kamersalmeistorska et qui doivent être encore payés pour les dépenses faites de cette année.

le 13 juin 1798.

Статсъ-секретаря Н. И. Неплюева.

Препровождая при семъ къ вашему сіятельству сего утра воспослѣдствовавшій высочайшій указъ, по коему Государь Императоръ поручаетъ вамъ главное надъ театральными зрѣлищами вѣдѣніе, честь имѣю поздравить васъ съ симъ новымъ знакомъ монаршаго къ вамъ благоволенія и при

томъ по высочайшему повелѣнію увѣдомляю васъ, что Государь Императоръ, вслѣдствіе желанія вашего, указать изволилъ быть подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ вашимъ камергеру графу Чернышову; вамъ же нераздѣльно одному имѣть попеченіе о порядкѣ во всѣхъ частяхъ новой должности вашей, употребляя его графа Чернышова сообразно склонностямъ и вкусу его по сей части. Неплюевъ.

Февраля 14 дня 1799 года.
СПБ.

Г. Р. Державина.

1.

Всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство принять на себя трудъ и приказать меня завтра представить Ихъ Императорскимъ Величествамъ со всеподданнѣйшею моею благодарностью за всевысочайшую милость, которую я получить удостоился награжденіемъ табакерки съ брильянтами. Пребываю впрочемъ съ глубокимъ моимъ всепочтеніемъ и таковою же преданностью всепокорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ.

18 Декабря 1798 года.

2.

Будучи удостовѣренъ въ милостивомъ вашего сіятельства ко мнѣ расположеніи, осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ объ опредѣленіи въ Пажескомъ Корпусѣ на порожнюю вакансію, по приложенной при семъ запискѣ, подпоручика Клушина, который извѣстенъ мнѣ съ хорошей стороны какъ въ поведеніи, такъ и въ знаніи Французскаго и Нѣмецкаго языковъ и прочихъ наукъ. Симъ меня особливо одолжить изволите. Гавріилъ Державинъ.

Извиняюсь, что вчерась изустно позабылъ попросить.

15 Ноября 1798 года.

Записка: подпоручикъ Клушинъ проситъ о помѣщеніи его на открывающуюся въ Пажескомъ Корпусѣ вакансію гофмейстерскаго помощника.

Переписка съ графомъ Аполосомъ Епафродитовичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ.

1.

Monsieur le comte.

J'ai entendu l'année passée Sa Majesté l'Impératrice dire qu'elle mangerait avec plaisir des grenouilles qu'elle aimait beaucoup, si on pouvait s'en procurer ici. On vient de m'en apporter un pot, et je m'estimerai heureux de pouvoir procurer ce pétit régal à Sa Majesté Impériale. Veuillez etc. Le comte Apollos de Moussin-Pouchkin.

le 16 Avril 1798.

2.

Monsieur le comte.

C'est avec beaucoup de succès que j'ai eu le plaisir d'exécuter la commission dont vous avez bien voulu me charger, et le régal que vous avez envoyé était reçu avec une bienveillance particulière. Si vous voulez bien me croire à cette occasion, vous pourriez lui faire encore plaisir en fournissant de temps en temps une pareille provision de la même sorte. J'ai l'honneur etc. Comte N. C.

le 17 Avril 1798.

3.

Monsieur le comte.

On ne saurait être plus reconnaissant que je ne le suis de la bonté que vous avez eu de faire valoir ma petite offrande, ainsi que de l'assurance qu'un semblable envoi serait à l'avenir reçu avec la même indulgeance. Quoique la saison de ce plat tire vers la fin, je me flatte de pouvoir en procurer encore dans le courant de la semaine et prendre a liberté de l'adresser à votre excellence

Comte Apollos de Moussin-Pouchkin.

le 17 Avril 1798.

4.

Monsieur le comte.

Je profite avec un extrême empressement de permission que vous avez bien voulu m'accorder de vous adresser un nouvel envoi du plat qui a si bien fait portion la semaine passée. Comme la saison en est entièrement finie, ce sera le dernier cette année-ci, et il ne me reste que l'espoir qu'il sera reçu avec la même bienveillance que le premier.

Comte Apollos de Moussin-Pouchkin.

le 22 Avril 1798.

Приказъ графа Н. П. Шереметева.

Никита Александровъ.

Посылаю къ тебѣ табакерку брилліантовую, изъ которой въ серединѣ вынулъ я нарочно медальонъ, почему и осталось пустое мѣсто. Оное сдѣлано для того, что Государь позволилъ тутъ поставить его портретъ, писанный изъ красокъ, и для того тебѣ и Аргунову должно поговорить и пріискать хорошаго мастера, которому велѣть найтить самаго лучшаго мастера, который пишетъ хорошо, и велѣть написать портретъ Государя миніатюрный и въ оную табакерку вставить и подъ

хорошее стекло, и стараться, чтобы написать самый схожій и чтобы какъ можно не мѣшкавъ вставить и ко мнѣ прислать. Съѣздить тебѣ къ Дефаржу къ Кезенбеку и къ Нюрембергцу и если гдѣ что есть новое и хорошее или что пріятное, такое что̀ я люблю, то ко мнѣ привези; если изъ фарфоровъ что́ есть, тарелки или чашки, то хотя по одной на пробу.

Что нибудь привези, постарайся хорошенькаго, что нибудь пріятное, и съ пустыми руками не пріѣзжай, также изъ хрусталю Англискаго. Поищи хорошенько. Графъ Николай Шереметевъ.

Іюля 13-го числа 1798 г.

Священника А. Өедорова.

Я, нижайшій вашъ богомолецъ, бью челомъ.

По неизреченной вашей ко мнѣ милости пожалованъ мнѣ для послугъ мальчикъ Иванъ Сѣдовъ, который нынѣ старъ и дряхлъ и худо видитъ, съ великою нуждою лошадью владѣетъ и до церкви меня немощнаго неоднократно съ дрожекъ и съ саней опрокидывалъ.

Уповая на великія ваши щедроты, падъ на землю, прошу онаго мнѣ служащаго по милости вашего сіятельства безпорочно 28 лѣтъ опредѣлить въ богадѣльню, котораго состояніе и простоту всѣ вашего сіятельства служители довольно знаютъ; а мнѣ немощному, уже близко смерти находящемуся, въ послуги вмѣсто онаго Сѣдова пожаловать другаго. И о семъ милостивѣйшую учинить резолюцію.

Вашего высокографскаго сіятельства грѣшный слуга и богомолецъ старый Кусковскій іерей Алексѣй Өеодоровъ.

Августа 20-го дня 1799.

Графа Д. И. Хвостова.

Къ Н. П. Шереметеву.

Имѣю я долгъ принести всеподданнѣйшую благодарность мою Государю Императору за всемилостивѣйшее, вопервыхъ, соизволеніе родственнику моему, князю Италійскому, графу Аркадію Александровичу Суворову-Рымникскому на бракосочетаніе съ герцогинею Саганскою *); а вовторыхъ за пожалованіе шурина моего, князя Андрея Ивановича Горчакова въ генералъ-лейтенанты, и потому прошу ваше сіятельство внесть меня въ реестръ для представленія къ его императорскому величеству. Дмитрій Хвостовъ.

Февраля 18 дня 1800 года.

---

*) Бракъ не состоявшійся. Герцогиня Саганъ (ур. Роганъ) вышла за князя Василія Сергѣевича Трубецкаго. П. Б.

Графа П. А. Палена.

Государю Императору благоугодно, дабы были здѣсь въ городѣ балы, и какъ ваше сіятельство изъявили на оное согласіе, то его императорское величество указать соизволилъ, чтобы вы, милостивый государь мой, сіе начали, то покорнѣйше прошу для донесенія Государю Императору увѣдомить меня съ означеніемъ дня, въ который вы предполагаете дать балъ. Пребываю со всѣмъ къ вамъ почтеніемъ покорный слуга графъ фонъ-деръ Паленъ.

№ 674.
Ноября 27 дня 1800 г.

Приказъ графа Н. П. Шереметева.

На уничтоженіе переулка, который съ Воздвиженки пролегаетъ на Никитскую мимо моихъ домовъ, я согласенъ, если правительство оное дозволитъ [1]). Графъ Шереметевъ.

Іюня 22 дня, 1800.

Письмо гофмаршала графа Ю. М. Віельгорскаго.

Его императорское величество указать соизволилъ, дабы отъ нынѣ впредъ навсегда во время высочайшаго гдѣ-либо ихъ императорскихъ величествъ присутствія придворными должностями для пріуготовленія кушанья и прочаго Невской воды не было, а употреблять оную всегда такую, какая гдѣ имѣется. И сей его императорскаго величества высочайшій указъ придворной конторѣ объявляю ко исполненію.

Графъ Віельгорскій.

Въ Валдаяхъ,
Марта 11 дня 1797 г. [2]).

Высочайшій указъ о театрахъ.

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсупову.

Спектаклямъ и музыкѣ при дворѣ нашемъ повелѣваемъ быть въ вѣдѣніи вашемъ съ тѣмъ, чтобы вы управляли сею частію, яко въ числѣ общаго дворцоваго разряда состоящею, на слѣдующемъ основаніи.

Первое, всѣхъ принадлежащихъ къ спектаклямъ и музыкѣ придворныхъ людей имѣть вамъ въ точной дирекціи вашей, иностранцевъ выписывать, заключая съ ними договоры и своихъ собственныхъ актеровъ, танцовщиковъ и музыкантовъ заводить.

---

[1]) Предположеніе не состоявшееся. Шереметевскій переулокъ въ Москвѣ до сихъ поръ процвѣтаетъ. П. Б.

[2]) Писано на пути въ Москву, на коронацію. П. Б.

Второе, опредѣленную изъ кабинета нашего на содержаніе сея части сумму сто семьдесятъ четыре тысячи рублей принимать въ ваше распоряженіе, а равномѣрно причислять въ доходъ и весь сборъ, получаемый съ городовыхъ театровъ, на которыхъ позволяются зрѣлища, представляемыя актерами вашего вѣдѣнія, держа всему тому приходныя и расходныя книги и отсылая оныя въ придворную нашу канцелярію для веденія генеральнаго всему по двору счету.

Третіе, принимать отъ насъ повелѣніи касательно спектаклей на придворныхъ театрахъ въ городѣ и въ загородныхъ дворцахъ; но что̀ касается до входа въ оные, о томъ распоряженія по волѣ нашей будутъ въ дѣйство производимы чрезъ оберъ-гофмаршала и гофмаршаловъ.

Четвертое, для всѣхъ спектаклей на придворныхъ театрахъ получать отъ Придворной Конторы освѣщеніе, мебели и прочія необходимо нужныя вещи, принимая и возвращая все то съ росписками; въ случаѣ же спектаклей въ загородныхъ дворцахъ отъ придворной конюшни получать потребное число экипажей для привоза и отвоза театральныхъ служителей.

Пятое, Французскую труппу по старости и неспособности большей части актеровъ отпустить, учиня съ ними разсчетъ въ удовлетвореніе тѣхъ, кои не дожили до срока, въ контрактахъ ихъ положеннаго, и препроводя ихъ для полученія заплаты въ кабинетъ нашъ; тѣмъ же, кои заслужили пенсіи, всего на шесть тысячъ триста рублей ежегодно, указали мы производить оныя изъ кабинета по смерть ихъ.

Шестое, стараться составить наилучшимъ образомъ оперу Итальянскую, такъ чтобъ актеровъ хорошихъ въ ней было достаточно, не токмо для комической части, но въ случаѣ надобности и для серіозной, слѣдовательно были бы пѣвцы и пѣвицы для стола и концертовъ, тоже балеты, и наконецъ театръ Россійскій. А дабы по причинѣ запрещенія спектаклей, въ разсужденіи траура продолжаемаго, не поставить дирекцію надъ театрами въ убыткѣ, указали мы сверхъ ежегодной суммы отпускать въ ту дирекцію изъ кабинета, начиная съ пятаго Ноября сего года, по пяти тысячъ рублей на мѣсяцъ, до того времени покуда послѣдуетъ наше дозволеніе на открытіе театровъ.

Седьмое, хотя, какъ выше сказано, дозволяется въ пользу дирекціи надъ спектаклями давать оныя на городовыхъ театрахъ за установляемую плату, но строжайше запрещаемъ почитать сіи зрѣлища за придворныя; и для того при оныхъ отнюдь не употреблять придворной ливреи. Что̀ же касается до предохраненія отъ шума и всякой непри-

стойности, все сіе относится къ наблюденію полиціи, отъ которой назначаемые дирекціею режиссеры завися, надлежащую помощь получать; и въ прочемъ ей во всякомъ происшествіи отвѣчать должны, чтó самое разумѣется и въ маскарадахъ, на театрѣ ли оные, или же по дозволенію полицейскому частнымъ человѣкамъ въ домѣ за деньги даваны будутъ.

Осьмое, вольные спектакли запретить давать во весь Великій постъ и во всю недѣлю Святыя Пасхи, во весь Успенскій постъ, за двѣ недѣли до Рождества Христова и до 28 Декабря, въ день Воздвиженія Креста Господня, въ день усѣкновенія главы Святаго Іоанна, наканунѣ Богоявленія Господня и во всѣ Субботы; ораторіи же духовныя въ теченіе Великаго поста, кромѣ первой и послѣдней недѣли, давать позволить.

Сими распоряженіями при добромъ стараніи и наблюденіи вашемъ нетрудно вамъ будетъ привесть ввѣренную вамъ часть въ лучшее состояніе, въ чемъ мы на усердіе ваше надѣемся, пребывая вамъ благосклонны.

Павелъ.

С.-Петербургъ, Декабря 22-го дня 1796 года.

*

Оканчивая здѣсь печатаніе тѣхъ бумагъ Н. П. Шереметева, которыя относятся къ царствованію императора Павла, приносимъ за сообщеніе ихъ въ „Русскій Архивъ" благодарность нашу графу Сергѣю Дмитріевичу Шереметеву. Это хотя и случайныя, но подлинныя, живыя черты удивительнаго времени, пережитаго нашими предками съ 6 Ноября 1796 года по 12 Марта 1801 года. Сколько разнообразныхъ ощущеній и душевныхъ мукъ долженъ былъ испытывать тогда графъ Николай Петровичъ, знавшій близко, съ самаго дѣтства, прекрасныя качества Павла Петровича, любившій его искренно и поставленный въ невозможность предотвращать несообразности и бѣдствія, проистекавшія отъ болѣзненнаго настроенія его государя и друга!

П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАСИЛІЯ БОРИСОВИЧА БЛАНКА [1]).

Въ 1831 году старшій братъ нашъ, Григорій Борисовичъ, отвезъ насъ двухъ меньшихъ братьевъ-близнецовъ въ Петербургъ и помѣстилъ въ Первую гимназію, переименованную изъ Благороднаго пансіона, гдѣ онъ самъ воспитывался. Гувернеръ гимназіи, Французъ Фукъ, насъ малолѣтокъ принялъ подъ свое покровительство.

Братъ служилъ въ то время по Министерству Народнаго Просвѣщенія и жилъ на казенной квартирѣ у Чернышова моста, въ нижнемъ этажѣ, а надъ нимъ въ бельэтажѣ жилъ директоръ департамента князь Ширинскій-Шахматовъ (въ послѣдствіи министръ). Два сына князя, ровесники намъ, воспитывались въ той же гимназіи и въ одномъ съ нами классѣ, почему мы познакомились съ ихъ родителями и часто бывали у нихъ. Старикъ отецъ былъ человѣкъ весьма серьезный, но очень добрый, и принималъ насъ всегда ласково. Мать ихъ [2]) была необыкновенно добрая женщина и ласкала насъ, какъ родныхъ дѣтей, такъ что намъ всегда было очень пріятно бывать у нихъ. Учителей и гувернеровъ нашихъ мы всѣ любили, кромѣ инспектора, который былъ строгъ, и мы его прозвали *Сатана*. Разъ въ рекреаціонной залѣ, гдѣ мы приготовляли уроки, я былъ назначенъ дежурить, и гувернеръ, куда-то отлучившись, поручилъ мнѣ слѣдить за порядкомъ какъ дежурному. Рядомъ съ дверью нашей залы была стеклянная дверь въ квартиру инспектора. Воспитанники, тотчасъ по уходѣ гувернера, повскакали со своихъ мѣстъ и начали болтать и хохотать, такъ что шумъ въ залѣ былъ порядочный. Я стоялъ въ дверяхъ и караулилъ въ стеклянную дверь, не выйдетъ ли инспекторъ и, увидавъ его подходящимъ къ своей двери, бросился тотчасъ въ залу и сказалъ товарищамъ: «Тише, господа, Сатана идетъ!» Вдругъ кто-то положилъ мнѣ на плечо

---

[1]) Достопочтенный В. Б. Бланкъ, внукъ славнаго архитектора Карла Ивановича и сынъ стихотворца Александровскихъ временъ Бориса Карловича († 1825), нынѣ почетный мировой судья Липецкаго уѣзда Тамбовской губерніи. П. Б.

[2]) Анна Николаевна, ур. Спечинская. П. Б.

руку и сказалъ: «А какъ вы смѣли сказать, что я иду?» Эти слова возбудили общій хохотъ въ залѣ, а инспекторъ до того сконфузился, что молча повернулъ и ушелъ изъ залы, и мои слова остались безнаказанными.

Черезъ четыре года князь Шахматовъ взялъ своихъ дѣтей изъ гимназіи и помѣстилъ въ Лицей. Братъ нашъ послѣдовалъ его примѣру и тоже взялъ насъ изъ гимназіи и помѣстилъ въ частный пансіонъ инспектора студентовъ Филиппова, для приготовленія въ университетъ. У Филиппова въ мое время было только трое, мы съ братомъ и Французъ Оже-де-Ранкуръ. Филипповъ очень прилежно занимался со своими воспитанниками: мы съ братомъ въ гимназіи терпѣть не могли математики; у него же занимался ею съ нами студентъ математическаго факультета Реде и такъ толково объяснялъ свой предметъ, что я сдѣлалъ большіе успѣхи подъ его руководствомъ; брату же *) математика не давалась. Вскорѣ къ Филиппову поступилъ студентъ Нарышкинъ съ своимъ гувернеромъ Французомъ. Мать отдала его въ пансіонъ Филиппова, чтобы репетировать университетскія лекціи. Въ одинъ вечеръ вбѣжалъ къ намъ Нарышкинъ и сталъ примѣрять свою трехуголку передъ зеркаломъ, то по формѣ, то съ поля (студенты тогда носили фуражки). Вошелъ Филипповъ и удивленно спросилъ: «Что это вы, Нарышкинъ, дѣлаете? За чѣмъ эта трехуголка?» Нарышкинъ ему объяснилъ, что онъ приглашенъ сегодня на балъ къ министру Уварову. «Согласитесь сами, что нельзя же ѣхать на балъ въ фуражкѣ, а круглая шляпа къ мундиру вовсе нейдетъ. Но вы не безпокойтесь: я скажу министру, что купилъ трехуголку, ѣхавши къ нему на балъ по дорогѣ, а слѣдовательно вы этого ничего не знаете, всю отвѣтственность беру на себя». Филипповъ махнулъ рукой и ушелъ.

На другой день Нарышкинъ намъ разсказывалъ: «Когда я явился къ министру, тотъ спросилъ его: «Чтò это, Нарышкинъ?» «Ваше сіятельство мнѣ сдѣлали честь пригласить меня на балъ, и я счелъ, что въ фуражкѣ пріѣхать на балъ невѣжливо, и поэтому по дорогѣ купилъ трехуголку». Министръ отвѣчалъ: «Ко мнѣ обѣщалъ пріѣхать великій князь Михаилъ Павловичъ, и если онъ васъ спроситъ, кто вамъ позволилъ явиться въ трехуголкѣ, то вы скажите, что это я вамъ разрѣшилъ». И дѣйствительно, когда великій князь остановилъ меня и спросилъ: «Нарышкинъ, что этò за форма?» тотчасъ къ нему подошелъ министръ и сказалъ: «Ваше императорское высочество, извините меня, что я не успѣлъ испросить разрѣшенія. Нарышкинъ, приглашенный мною на балъ, явился ко мнѣ утромъ съ объясненіемъ, что онъ находитъ, что

*) Петру Борисовичу († 25 Ноября 1886), извѣстному дѣятелю Тамбовской губерніи, сочинителю книги „О съѣдобныхъ грибахъ въ Россіи". П. Б.

ему невѣжливо явиться на балъ въ фуражкѣ; а пріѣхать въ штатскомъ платьѣ къ своему министру онъ не можетъ себѣ позволить».—«Вѣрно!» отвѣчалъ великій князь; но по моему къ трехуголкѣ нужна уже и шпага; я поговорю завтра объ этомъ съ братомъ.» Вслѣдствіе этого студентамъ разрѣшено было носить и шляпу, и шпагу.

Наступало время вступительнаго экзамена въ университетъ. Братъ ужасно боялся математики. Грѣшный человѣкъ, я вызвался ему и за себя, и за него отвѣчать, такъ какъ мы были очень похожи другъ на друга: насъ и не отличатъ. Экзаменаторами въ математикѣ были Чижовъ старшій, Чижовъ младшій и профессоръ химіи и физики Ленцъ. Вызвали нашу фамилію. Я надѣлъ очки брата, спуталъ волосы и отвѣчалъ удовлетворительно. Когда же вызвали другаго Бланка, то я снялъ очки, пригладилъ волосы и подошелъ къ столу. Ленцъ говоритъ: вѣдь вы уже отвѣчали, мы зовемъ вашего брата. Я говорю, что братъ уже отвѣчалъ. Тогда потребовали обоихъ насъ и удивились необыкновенному сходству нашему, а Филипповъ объяснилъ, что онъ въ теченіи года не могъ привыкнуть отличать насъ одного отъ другого. Долго они толковали между собой о нашемъ сходствѣ, и наконецъ рѣшили, чтобы я отвѣчалъ, а брата отпустили. Я вторично выдержалъ экзаменъ удовлетворительно.

Такъ мы и вступили оба въ университетъ. Намъ было по 16 лѣтъ отъ роду. Вскорѣ братъ очень заболѣлъ; лѣченіе университетскаго доктора не только не помогало, но болѣе и болѣе осложняло болѣзнь. Былъ приглашенъ профессоръ Спаскій, но онъ уже нашелъ положеніе больного безнадежнымъ и предложилъ созвать консиліумъ. Были приглашены придворный докторъ Арендтъ и докторъ перваго кадетскаго корпуса Сольскій. На консультаціи они опредѣлили, что больной не переживетъ ночи, а по отъѣздѣ ихъ Спаскій предложилъ испытать послѣднее средство: поставить банки. На другой день проснувшись, мы увидали больного сидящимъ на кровати, и онъ разсказалъ намъ, что видѣлъ во снѣ покойнаго отца, который приглашалъ его идти съ нимъ по какимъ-то темнымъ коридорамъ. Я былъ очень слабъ, говорилъ онъ, и все отставалъ отъ отца; тогда отецъ сказалъ: «лучше вернись, а я одинъ пойду.» Пріѣхалъ Спаскій и удивился. Теперь я вамъ за него ручаюсь, сказалъ онъ: онъ будетъ живъ. Только не мы его вылечили, а я уже отъ себя приглашу консультантовъ, чтобы взглянули на это чудо. И дѣйствительно пріѣхавшіе вновь врачи только дивились. Наступилъ Май, но зима еще боролась съ лѣтомъ. Братъ сказалъ, что онъ видѣлъ во снѣ монаха, который приказалъ ему схо-

дить пѣшкомъ въ такую-то церковь и поблагодарить Бога за выздоровленіе. На слѣдующую ночь онъ видѣлъ тотъ же сонъ. Дождь лилъ весь день не переставая, но теплый, весенній, и мы рѣшили, что если завтра разгуляется, то идти всѣмъ троимъ въ Сергіеву пустынь. Въ 4 часа утра братъ вскочилъ и говоритъ, что его разбудилъ старикъ, сказавъ: «иди!» Погода была великолѣпная. Мы три брата быстро одѣлись и отправились пѣшкомъ. Больной нашъ шелъ впереди всѣхъ, чрезвычайно бодро, и увѣрялъ, что онъ себя прекрасно чувствуетъ. Когда мы пришли въ пустынь, то больной намъ объявилъ, что это та самая церковь, которую онъ видѣлъ во снѣ. Мы помолились тамъ и пробыли весь день, а на другой день отправились обратно пѣшкомъ же. Дорóгою больной нашъ удивлялся, какъ это онъ совершалъ такое длинное путешествіе, и въ туже минуту почувствовалъ такую сильную слабость, что отказался идти дальше. Въ это время появились два извощика, и мы на нихъ возвратились домой. Не смотря однако на полное выздоровленіе брата Петра, Спасскій посовѣтовалъ ему оставить университетъ и возвратиться на родину. Такъ мы и сдѣлали. Братья уѣхали въ деревню, а я остался въ Петербургѣ.

Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ меня посѣтилъ офицеръ Финляндскаго полка Брандтъ, и мы вдвоемъ съ нимъ сѣли играть въ карты. Вдругъ насъ озарилъ сильный свѣтъ въ окно; мы оглянулись и увидѣли въ огнѣ зданіе Россійской Академіи противъ нашихъ оконъ; оттуда летѣли листы горящей бумаги прямо на нашъ домъ. Брандтъ вспомнилъ, что онъ наряженъ быть на пожарахъ и побѣжалъ за своей ротой; я же пошелъ вдоль линіи оглядѣть, какое пространство захватилъ огонь. Войдя на одинъ дворъ, гдѣ еще огня не было, я увидалъ двухъ плакавшихъ дамъ, прислонившихся къ дому, на крышѣ котораго уже появлялся огонь. Я сталъ ихъ уговаривать уйдти, такъ какъ здѣсь оставаться было небезопасно. Я захватилъ нѣкоторыя изъ ихъ вещей (остальное взяли случившіеся тутъ мужчины) и отвелъ ихъ къ себѣ, гдѣ онѣ могли быть внѣ опасности; потому что Брандтъ уже распорядился разставить по 3-й линіи около моей квартиры роту солдатъ и поливать окно, чтобы оно не загорѣлось отъ летавшей горящей бумаги. Пока я суетился около прибывшихъ дамъ, дверь отворилась и вошелъ какой-то старикъ во флотскомъ мундирѣ и съ нимъ молодой человѣкъ, тоже флотскій офицеръ, и спросили, нѣтъ-ли здѣсь ихъ дамъ? Оказалось, что это былъ адмиралъ Повалишинъ и его адъютантъ, а дамы, которыхъ я пріютилъ, его жена и падчерица. Такъ познакомился я съ семействомъ Повалишиныхъ и часто потомъ у нихъ бывалъ.

Одинъ разъ, придя въ университетъ, я встрѣтилъ въ галлереѣ двѣнадцати коллегій Государя Императора Николая Павловича, а за нимъ нашего новаго инспектора Фицтума. Государь былъ видимо очень не въ духѣ. Оказалось, что когда онъ вошелъ въ аудиторію, гдѣ читалъ профессоръ Куторга исторію, студенты всѣ встали, но на привѣтъ его «здорово ребята» не отвѣчалъ никто, и онъ, оглядѣвши всѣхъ, вышелъ недовольный. Часа черезъ два послѣ него въ университетъ пріѣхали министръ Уваровъ и попечитель князь Дондуковъ-Корсаковъ осматривать, всѣ-ли студенты пришли со шпагами. Конечно, шпаги нашлись у всѣхъ; но еслибы они догадались справиться у казенныхъ студентовъ, то узнали бы, что тамъ не оказалось ни одной шпаги. Впослѣдствіи открылось, что Государь, выйдя изъ университета, не сѣлъ въ сани, а пошелъ пѣшкомъ по Исакіевскому мосту, гдѣ встрѣтилъ трехъ студентовъ въ растегнутыхъ сюртукахъ, безъ шпагъ и не отдавшихъ ему чести. Онъ остановилъ ихъ и спросилъ: «Вы меня не знаете?» Они отвѣчали: «Не знаемъ, ваше превосходительство». Тогда онъ имъ велѣлъ отправиться на адмиралтейскую гауптвахту и сказать тамъ, что, Царь велѣлъ ихъ посадить подъ арестъ. Впослѣдствіи мы узнали, что когда студенты пришли на гауптвахту, офицеръ отвелъ ихъ въ арестантскую комнату, а черезъ полчаса къ гауптвахтѣ подъѣхала фельдегерская тройка, и фельдегерь спросилъ, здѣсь ли трое студентовъ, что онъ за ними пріѣхалъ и что ихъ велѣно отвезти въ Зимній дворецъ. Во дворцѣ ихъ встрѣтилъ караульный офицеръ, давшій о нихъ знать царскому камердинеру, который провелъ ихъ въ большую комнату, гдѣ они увидѣли накрытый на три прибора столъ. Камердинеръ сказалъ имъ, что Государь, полагая, что они, вѣроятно, еще не обѣдали, приказалъ имъ подать обѣдъ. Насъ, разсказывали они, угостили отличнымъ обѣдомъ съ виномъ, затѣмъ подали три бокала Шампанскаго, и въ тоже время изъ противуположныхъ дверей показался Николай Павловичъ съ бокаломъ въ рукѣ и сказалъ имъ: «Господа, теперь, когда вы ѣли хлѣбъ-соль Русскаго Государя, то, вѣроятно, вы при встрѣчѣ съ нимъ узнаете его», и выпилъ за здоровье университета. Потомъ онъ спросилъ фамилію каждаго и объявилъ, что они теперь свободны и могутъ идти куда имъ угодно.

На одной изъ площадей я встрѣтилъ царскій экипажъ и приготовился уже отдать честь, но, оглядѣвъ сидѣвшихъ въ немъ, увидѣлъ незнакомую даму съ кормилицей. Полагая, что это кто-нибудь изъ придворныхъ, я прошелъ мимо. На другой день въ университетѣ я встрѣтилъ Фицтума, который предложилъ мнѣ идти въ арестантскую за то,

что я вчера, встрѣтясь съ груднымъ сыномъ Наслѣдника Цесаревича, не отдалъ ему чести. Это былъ нашъ Царь-Миротворецъ Александръ III-й.

Въ день пожара Зимняго дворца я не вытерпѣлъ, чтобы не пойти туда. Картина была грандіозная. Изъ широкихъ и высокихъ оконъ дворца чудовищные огненные языки разстилались по всему зданію, которое казалось огненнымъ гигантскимъ шатромъ. Ко мнѣ подошелъ студентъ нашъ Кочубей. Поговоривъ со мною, онъ развелъ руки двухъ солдатъ и пошелъ внутрь ко дворцу. Полицейскій офицеръ со словами: куда? нельзя! схватилъ его за шинель. Кочубей растегнулъ крючокъ, и шинель осталась въ рукахъ офицера, а онъ прямо подошелъ къ ходившему по площади Императору и съ нимъ прошелся около дворца. Полицейскій офицеръ поблѣднѣлъ.

Въ началѣ 1846 года я кончилъ курсъ и поступилъ въ Институтъ восточныхъ языковъ, гдѣ мы уже считались на службѣ, носили вицмундиръ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, имѣли квартиру и получали жалованья 1.000 рубл., что̀ тогда составляло чуть-ли не болѣе теперешнихъ 10.000 рубл. Имѣя уже большія средства къ жизни, я позволялъ себѣ нѣкоторую роскошь и каждое лѣто нанималъ дачу то въ Парголовѣ, то въ деревнѣ Заманиловкѣ, гдѣ со мной всегда жилъ другъ мой Макаровъ. Тамъ мы очень веселились, живя довольно шумно. Къ намъ пріѣзжало много знакомыхъ изъ Петербурга, и ранѣе 3—4 часовъ утра мы не ложились спать. Семейство Англичанъ, жившее противъ насъ, было нами крайне недовольно, такъ какъ они ложились въ 9 часовъ, а дѣти ихъ вставали въ 4 часа утра. Каждое лѣто я перевозилъ на дачу свои клавикорды, много занимался музыкой и разучилъ только что вышедшій тогда Романтикеръ-вальсъ. Публика такъ къ нему прислушалась, что однажды, гуляя въ большомъ саду Шувалова, одна дама увидала меня и сказала своей сосѣдкѣ: вотъ идетъ Романтикеръ-вальсъ. Въ Петербургѣ я хорошо былъ знако̀мъ съ нашимъ профессоромъ Итальянскаго языка Мадзини, дочь котораго прекрасно пѣла, и у насъ составлялись музыкальные вечера: она пѣла, я игралъ изъ разныхъ оперъ или что новое изъ сочиненій Германа, дирижера оркестра въ Благородномъ Собраніи. Итальянка Мадзини очень часто пріѣзжала съ своей компаніонкой къ намъ въ Парголово и всегда пѣла, что̀ привлекало вниманіе публики къ нашей дачѣ, и слухъ прошелъ, что къ намъ ѣздитъ Віардо, бывшая въ то время въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Рубини и Тамбурини. Мимо оконъ нашихъ было постоянное гулянье, и въ одно утро, когда я сидѣлъ дома, неожиданно вскочилъ ко мнѣ въ окно офицеръ второго кадетскаго корпуса, стоявшаго недалеко

отъ нашей квартиры лагеремъ съ слабогрудными кадетами. Не найдя входа, онъ безцеремонно влѣзъ въ окно, такъ какъ зналъ, что я холостой. Увлеченный нашей веселой жизнью, онъ захотѣлъ съ нами познакомиться.

Ѣздили мы съ Мадзини и компаніонкой ея въ Токсово въ Чухонской телѣгѣ. Пришлось ночевать тамъ въ избахъ, такъ какъ мы, совсѣмъ разбитые, не были въ силахъ возвратиться тѣмъ же днемъ. Мы ходили много пѣшкомъ и осматривали красивую мѣстность. На возвратномъ пути засталъ насъ сильный дождь, и ѣхать пришлось всю дорогу шагомъ; мы, промокшіе до костей, вернулись домой и нашли у себя многихъ пріѣхавшихъ къ намъ съ братомъ Макаровымъ гостей, для которыхъ нужно было готовить обѣдъ. Благодаря близости ресторана, это не составило особенныхъ хлопотъ, и мы очень весело провели время. Осенью и зимою мы съ Макаровыми часто бывали въ Благородномъ Собраніи, на семейныхъ вечерахъ, гдѣ постоянно игралъ оркестръ Германа, большею частію его сочиненія, и между прочимъ его Паровозъ-галопъ, очень удачно подражавшій ходу ново-открытой тогда Царско-Сельской желѣзной дороги.

Каждое Воскресенье я съ старшимъ моимъ братомъ обѣдалъ у богача Яковлева [1]), который какъ-то приходился намъ сродни и нѣкогда былъ друженъ съ моимъ отцомъ. Въ одно изъ Воскресеній на Масляницѣ мы застали старика очень растревоженнымъ: горѣлъ балаганъ Лемана, а сынъ его Савва [2]) уѣхалъ на пожаръ и долго не возвращался. Посылали его отыскивать, но лошадь его видѣли, а его нѣтъ. Однако онъ скоро пріѣхалъ и весь обѣдъ разсказывалъ объ этомъ ужасномъ пожарѣ, и о томъ, какъ онъ едва вырвался изъ пламени. Кстати не могу не разсказать о надѣлавшей много шума тогда исторіи векселей Саввы и Угрюмова, по которой пострадалъ бѣдный Угрюмовъ. Въ одномъ изъ новѣйшихъ журналовъ мнѣ пришлось прочесть несправедливое обвиненіе Яковлевыхъ за Угрюмова; но такъ какъ эта исторія была вся на моихъ глазахъ, то считаю себя обязаннымъ оправдать Яковлевыхъ. Угрюмовъ считался также родственникомъ Яковлеву, какъ и мы, и каждое Воскресенье онъ вмѣстѣ съ нами у него обѣдалъ. Онъ былъ человѣкъ небогатый, но во всѣхъ кутежахъ Саввы участвовалъ, будучи съ нимъ друженъ, и онъ самъ сознался, что раза два или три подписался подъ руку Саввы на выданныхъ имъ векселяхъ, а

---

[1]) Алексѣя Ивановича (1768—1849). Дядя его, Сергѣй Савичъ, былъ женатъ на Струговщиковой. Супруга Карла Ивановича Бланка была тоже Струговщикова. П. Б.

[2]) Кавалергардъ Савва Алексѣевичъ Яковлевъ (1811—1847). П. Б.

Савва уплачивалъ по его подписи разъ два и нисколько на него за это не сердился. Этимъ воспользовалась шайка негодяевъ, и подъ фальшивою подписью Саввы появились уже не десятки, а сотни векселей, такъ что старикъ Яковлевъ говорилъ со слезами, что любитъ Угрюмова, не смотря на его гнусный поступокъ, и готовъ бы все уплатить, но не знаетъ сколько; а поддѣльные векселя все размножались, и огромнаго Яковлевскаго состоянія могло бы недостать на уплату неопредѣленнаго числа векселей; потому Яковлевъ долженъ отказаться отъ уплаты. Тяжело было мнѣ встрѣтить на Невскомъ Угрюмова, бывшаго элегантнаго гвардейскаго офицера, въ арестантскомъ халатѣ, подметающимъ улицу; по не легче было видѣть и Савву Яковлева, больнаго горловой чахоткой. Доктора отправляли его на Югъ, а судъ не пускалъ. Теперь давно уже никого изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ; но грустно, что люди, незнающіе коротко дѣла, позволяютъ себѣ печатно клеймить безвинныхъ покойниковъ. Старикъ Яковлевъ много помогалъ бѣднымъ и промотавшимся. Также и Савва, когда къ нему пришелъ какой-то старый офицеръ просить для семьи помощи, далъ ему 1000 рубл. и велѣлъ приходить ежемѣсячно за полученіемъ по ста рублей. Много заразъ онъ дать не могъ, такъ какъ самъ всегда былъ безъ денегъ; но такіе поступки безсердечія не показываютъ, вопреки пустословію въ печати.

Въ одинъ изъ святочныхъ вечеровъ мы съ Макаровымъ сговорились поѣхать въ первый освѣщенный домъ, одѣвшись Цыганами и запасшись желѣзнымъ листомъ и двумя палочками. У одного большого дома на Васильевскомъ острову стояло много каретъ; въ окнахъ горѣли огни. Мы туда подъѣхали и спросили, принимаютъ ли благородныхъ масокъ? Молодая хозяйка выбѣжала со словами: принимаютъ, принимаютъ! Мы вошли въ домъ; тамъ гремѣла музыка и были танцы, мы прошли по комнатамъ до рояля и, съ разрѣшенія хозяевъ, я сѣлъ играть и ударилъ аккордъ на басахъ, Макаровъ далъ свистокъ, музыка остановилась, а мы заиграли Паровозъ-галопъ. Макаровъ отбивалъ тактъ по желѣзному листу палочками, что̀ уподоблялось движенію поѣзда. Все общество сошлось слушать галопъ, который всѣмъ понравился; просили повторять и ни за что не хотѣли насъ отпускать. Мы остались на весь остальной вечеръ, сняли маски и много танцовали.

Какъ извѣстно, покойный Государь Николай Павловичъ, по возобновленіи Зимняго дворца, велѣлъ отчеканить особыя медали и раздать всѣмъ участникамъ въ постройкѣ, даже и чернорабочимъ, что̀ дало поводъ актеру (если не ошибаюсь) Мартынову къ выходкѣ, много насмѣ-

шившей Петербургскую публику. Въ Александровскомъ театрѣ давали какую-то комедію, гдѣ Григорьевъ игралъ роль купца, а Мартыновъ дворника; когда купецъ крикнулъ: эй, дворникъ! то на сцену явился Мартыновъ съ большой метлой и съ медалью на груди; купецъ оглядѣлъ его и спросилъ: это что̀ ты на себя навѣсилъ? Дворникъ преважно отвѣчалъ, что это награда за заслуги отечеству. Какія такія твои заслуги? Изъ дворца мусоръ возилъ! Говорили, что Мартыновъ за эту выходку получилъ приличное внушеніе. Черезъ нѣсколько дней появилось повтореніе той же піесы, сборъ былъ необычайный, и въ боковой царской ложѣ появился Государь. Когда дошло дѣло до этой сцены, то дворникъ пришелъ опять съ медалью и опять важно объявилъ, что получилъ ея за заслуги отечеству, но на вопросъ, какія, онъ осторожно показалъ на ложу Царя и на ухо купцу сказалъ громко: «не велѣно сказывать». Государь расхохотался, и въ театрѣ послѣдовалъ взрывъ хохота, долго не умолкавшій.

По праздникамъ я часто бралъ къ себѣ воспитанника Лицея Семенова (нынѣ сенатора, составителя исторіи освобожденія крестьянъ). Семеновъ показалъ мнѣ билетъ на входъ на балъ во второй кадетскій корпусъ, выданный ему Я. И. Ростовцовымъ, съ отмѣткой: *съ братомъ*, и предложилъ мнѣ ему сопутствовать. На ту пору у меня сидѣли два брата Макаровыхъ, молодой инженеръ Логиновъ и еще кто-то. Они стали просить, какъ бы имъ попасть туда.

Будучи знако̀мъ съ Ростовцовымъ, котораго я часто встрѣчалъ у нашего дяди цензора Семенова, женатаго на родственницѣ Ростовцова, я предложилъ написать съ *братьями*, въ томъ разсчетѣ, что если бы насъ не пропустили, то можно будетъ попросить Ростовцова. Насъ не пускали, но въ это время показался Ростовцовъ подъ руку съ сестрой жены цензора Семенова; я обратился къ нему съ просьбой разрѣшить намъ всѣмъ войти въ большую залу. Ростовцовъ посмотрѣлъ билетъ, улыбнулся и спросилъ: «а много васъ братій?» я отвѣчалъ *шестеро*; онъ обернулся къ дежурному офицеру и приказалъ пропустить всю братію. Но въ корпусѣ интереснаго ничего не было. Когда пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, то кадеты стали фехтовать, а великій князь поднялся на хоры. Ростовцовъ, видя, что многіе бросились на хоры, запретилъ пускать туда публику, боясь, что хоры обрушатся; офицеръ сталъ у входа, гдѣ и мы стояли, но заглядѣлся, и одна дама, воспользовавшись этимъ, потихоньку стала пробираться на лѣстницу и, считая себя уже обезпеченной отъ наблюденій офицера, бросилась наверхъ бѣгомъ, но платье ея зашуршало. Офи-

церъ услыхалъ и, схвативъ ее за шлейфъ, тянувшійся по лѣстницѣ, предложилъ возвратиться назадъ, и бѣдной дамѣ пришлось спуститься потихоньку задомъ внизъ.

Съ наступленіемъ лѣта, мы съ Макаровымъ перебрались на дачу въ Заманиловку и проводили время по прежнему. Въ Августѣ, узнавъ, что Благородное Собраніе назначено было на дачѣ на Черной рѣчкѣ, мы взяли извощика и поѣхали туда. Домъ и садъ великолѣпно иллюминованы. Я встрѣтилъ тамъ дѣвицу П...., много танцовалъ съ ней, и потомъ мы гуляли по иллюминованному саду, не подумавъ, что въ Августѣ мѣсяцѣ ночью небезопасно для здоровья ходить въ бальномъ костюмѣ. Бѣдная П. простудилась и недолго прожила послѣ этого бала; зимой она скончалась. Я былъ очень огорченъ, ѣздилъ на ея похороны и вернулся разстроенный домой. Вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Макаровъ и сказалъ, что далъ за меня слово быть сегодня у одного служащаго въ таможнѣ, гдѣ намъ желательно было видѣть поэта Бенедиктова. Я долго отказывался, но убѣжденный товарищемъ, что это меня разсѣетъ, поѣхалъ. Музыки тамъ не было, но молодежь пожелала танцовать. Я вызвался играть, такъ какъ танцовать положительно не былъ расположенъ послѣ утреннихъ похоронъ. Танцы продолжались недолго, и меня просили сыграть что нибудь изъ оперы. Я заигралъ арію Бальфа, которую пѣла Віардо. Разсѣяться я не могъ, и мнѣ было очень тяжело; мое настроеніе невольно передалось моей игрѣ; я весь отдался этой чудной мелодіи, забывъ даже гдѣ я, и когда кончилъ, то меня какъ бы разбудили слова Бенедиктова: «Посмотрите, молодой человѣкъ, какъ васъ всѣ заслушались». Я тотъ часъ же сталъ прощаться, объяснивъ, что мнѣ очень нездоровится, и уѣхалъ домой.

Зимой этого года къ намъ въ Институтъ пріѣхалъ министръ графъ Нессельроде, сдѣлалъ маленькій экзаменъ и объявилъ, кто куда назначенъ, за границу. Я получилъ назначеніе въ Турцію. На утро слѣдующаго дня я поѣхалъ проститься съ семействомъ князя Ширинскаго-Шихматова. Князь по обыкновенію обошелся со мной довольно сухо; но добрая княгиня долго меня крестила и все говорила, что боится, какъ бы Турки меня не убили. Отъ нихъ поѣхалъ я къ старику Яковлеву; онъ оставилъ меня обѣдать, хотя это былъ день, въ который у него обѣдали министры, а не родные. Дочь его графиню *) я засталъ тамъ, изъ министровъ пріѣхалъ одинъ Вронченко. Онъ имѣлъ видъ мастероваго, съ очень угловатыми манерами, въ плохомъ костюмѣ и съ крайне непривлекательной наружностію.

*) Графиню Надежду Алексѣевну, нынѣ вдову графа Александра Ивановича Стенбокъ-Фермора. П. Б.

Нашимъ министромъ мнѣ было разрѣшено пробыть у родныхъ, сколько мнѣ вздумается, но не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Съ паспортомъ по казенной надобности я выѣхалъ изъ Петербурга на почтовыхъ, не останавливаясь въ Москвѣ. Черезъ недѣлю пріѣхалъ я къ матушкѣ [1]) въ деревню, Тамбовской губерніи Липецкаго уѣзда, въ сельцо Елисаветино. Въ деревнѣ я побывалъ у всѣхъ сосѣдей и между прочимъ у Блюмера, который былъ женатъ на родной сестрѣ нынѣшняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Побѣдоносцова.

Въ Тамбовѣ я погостилъ у брата, повидался съ двоюроднымъ нашимъ братомъ Алексѣемъ Михаиловичемъ Замятинымъ, который былъ въ то время вице-губернаторомъ, поѣхалъ въ Саратовскую губернію къ сестрѣ моей Минхъ, познакомился и съ ихъ сосѣдями и встрѣтилъ тамъ нашего Тамбовскаго помѣщика Павлова, который пріобрѣлъ въ Саратовской губерніи до десяти тысячъ десятинъ земли по 10 р. асс. Онъ и зятя нашего [2]) соблазнилъ купить тамъ имѣніе; но тотъ купилъ уже по 20 р. асс. десятину. Братъ жены Павлова, общій нашъ съ зятемъ родственникъ, мичманъ Бунинъ, былъ хорошо знакомъ съ министромъ Киселевымъ, благодаря которому казна приняла землю ихъ въ залогъ безъ крестьянъ, тогда какъ до того времени залогъ выдавали на крестьянъ на душу ревизскую съ 4 дес. земли на каждую, даже и на умершую, впредъ до новой ревизіи, чтó и дало поводъ Гоголю написать «Мертвыя Души[3])». Подъ залогъ земли имъ было выдано по 10 р. сер. на десятину, такъ что Павловъ взялъ лишнихъ по 25 р. асс. съ десятины съ казны, а зять нашъ по 15 р. Тотъ и другой прикупали на эти деньги еще земли и крестьянъ изъ нашей и другихъ губерній. Сосѣди зятя всѣ были мелкопомѣстные, потому считали Павлова за милліонера и относились къ нему подобострастно; онъ этимъ пользовался и смотрѣлъ на нихъ свысока. Однажды въ ихъ обществѣ, развалясь преважно въ креслѣ, онъ началъ разговоръ о хозяйствѣ. «Я вамъ скажу, господа, чтò значитъ хозяйство; ужъ вы повѣрьте мнѣ старику, много лѣтъ я хозяйничаю, и слава Богу не безуспѣшно, кое что пріобрѣлъ, какъ вы сами знаете. Хозяйство, господа, это великое дѣло». Съ этимъ онъ всталъ и ушелъ. Я не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ имъ: ну, чтó, господа, мы теперь поняли, чтó значитъ хозяйство?

---

[1]) Аннѣ Григорьевнѣ, урожденной Усòвой, женщинѣ доблестной по сильному характеру. П. Б.

[2]) Николая Андреевича Минха. П. Б.

[3]) Подобное же случилось и въ Черниговской губерніи съ подаренною Неплюевымъ прикащику своему Николаю Д. пустопорожнею землею. П. Б.

Срокъ отпуска моего истекалъ, и я собрался отъ нихъ ѣхать прямо въ Одессу. Зять съ сестрой поѣхали меня проводить до одного изъ помѣщиковъ верстахъ въ 50-ти отъ нихъ. Это было 8-го Сентября, день ангела жены и дочери помѣщика Полубояринова; мы тамъ застали много гостей и музыку, и мнѣ передъ отъѣздомъ пришлось протанцовать всю ночь до разсвѣта. Не ложась спать, я простился съ сестрой, зятемъ и гостепріимными хозяевами, сѣлъ въ тарантасъ, укутался въ шубу и поѣхалъ въ свой дальній путь.

Въ Одессѣ я остался на нѣсколько дней, чтобы ознакомиться съ городомъ, который былъ въ то время porto franco, и чтобы продать тарантасъ и шубу, въ которыхъ больше не нуждался.

Дешевизна жизни въ то время въ Одессѣ сравнительно съ Петербургомъ была необычайная. Въ самомъ лучшемъ Hôtel de Richelieu порція чего угодно стоила 15 к., въ прочихъ гостинницахъ 10 к.; а кромѣ того, кто спрашивалъ двѣ порціи, тому подавали уже даромъ тарелку великолѣпныхъ фруктовъ или конфектъ Турецкихъ, халву и проч. Набережная на берегу моря замѣчательно красива, и Итальянская опера очень была порядочная. Поѣхалъ я въ театръ и взялъ мѣсто въ 1-мъ ряду за 1 рубль. Подлѣ меня помѣстился студентъ, и я очень радъ былъ съ нимъ познакомиться, такъ какъ онъ напомнилъ мнѣ время моего студенчества. Онъ убѣдительно просилъ меня къ себѣ, далъ свой адресъ, я обѣщалъ и на слѣдующій день вечеромъ къ нему пріѣхалъ. Засталъ я у него общество не Русское, людей уже пожилыхъ. Рекомендовалъ онъ мнѣ графа Негро, и еще двухъ съ Греческими фамиліями. Этотъ подборъ знакомыхъ, не подходящихъ къ возрасту хозяина, меня удивилъ. Предложили они мнѣ играть въ банкъ и поставить карту; но я положительно отказался, заявивъ, что никогда въ банкъ не игралъ и не намѣренъ играть. Тогда составили преферансъ; я согласился принять участіе, но опредѣлилъ небольшую цѣну, рѣшивъ проиграть десятокъ или два рублей, забастую и уѣду, понявъ, что попалъ къ шулерамъ. Одинъ изъ Грековъ взялся меня учить, сталъ сзади меня, и я замѣтилъ, что онъ глазами передаетъ мою игру. Проигравъ имъ 30 рублей, я уѣхалъ домой. На другой день я былъ у князя Шаликова, пріятеля покойнаго отца моего; тамъ меня всѣ обласкали, и когда я имъ разсказалъ о моемъ вчерашнемъ вечерѣ, то князь мнѣ сказалъ, что графъ Негро извѣстный въ Одессѣ шулеръ, и что къ сожалѣнію многіе студенты съ нимъ дружатъ и участвуютъ въ шулерничествѣ.

Покончивъ свои дѣла въ Одессѣ и обративъ всѣ деньги въ звонкую монету (такъ какъ вывозъ за границу ассигнацій былъ тогда за-

прещенъ), я взялъ на пароходѣ билетъ 2-го класса въ Константинополь. Капитанъ парохода отнесся ко мнѣ необычайно любезно, узнавъ, что я служу при посольствѣ, и уступилъ мнѣ свою каюту.

На третьи сутки мы вступили въ Босфоръ. Не знаю, потому ли что Босфоръ очень расхвалили, или потому, что я не оправился отъ морской болѣзни, но въѣздъ въ Константинополь не произвелъ на меня особеннаго впечатлѣнія.

При вступленіи на Турецкую землю послѣднее очарованіе, которое могло оставаться при въѣздѣ въ Босфоръ, исчезаетъ. Мы вступили въ узкую, грязную, наисквернѣйшимъ образомъ намощенную улицу, и должны были по ней подниматься въ гору. Хамалы несли впереди мой багажъ; наконецъ, взобрались на верхъ и повернули на право, въ Европейскую часть города, такъ называемую Перу. Дворецъ нашего посольства великолѣпный на правой сторонѣ, а на лѣвой домъ посольства, куда мы вошли, и тамъ намъ была отведена квартира, комнаты большія и высокія. Тутъ меня встрѣтилъ съ распростертыми объятіями пріѣхавшій мѣсяцемъ раньше товарищъ мой, Якубовскій. Отдохнувъ и закусивъ съ Якубовскимъ, я одѣлся и отправился во дворецъ къ посланнику Титову. Титовъ мнѣ сказалъ, что одному изъ насъ скоро предстоитъ назначеніе, такъ какъ въ Константинополь пріѣхалъ генеральный консулъ изъ Адріанополя Ващенко, у котораго бывшій секретарь, тоже мой товарищъ А., переведенъ въ Салоники, за крайнею непредставительностью въ такомъ городѣ какъ Адріанополь. Отъ посланника я отправился ознакомиться съ служащими при посольствѣ. Первый мой визитъ былъ къ совѣтнику посольства Халчинскому. Квартира его меня поразила своимъ убранствомъ. Онъ меня провелъ по всѣмъ комнатамъ; одна была убрана въ Китайскомъ вкусѣ и съ роскошной Китайской мебелью, состоявшей изъ изящныхъ табуретокъ разнаго вида и величины; другая въ Персидскомъ, съ широкимъ диваномъ и Персидскимъ ковромъ; третья въ Турецкомъ вкусѣ, съ Турецкими диванами, коврами по стѣнамъ и съ соломенными изящно-сплетенными половиками; разница между этими двумя комнатами незначительная. Наконецъ, мы пришли къ нему въ кабинетъ, отдѣланный уже въ Европейскомъ вкусѣ. Безъ закуски онъ меня не выпустилъ. Отъ него я отправился къ старшему секретарю князю Голицыну, который впослѣдствіи погибъ ужасной смертію, утонувъ въ Средиземномъ морѣ. Второй секретарь былъ князь Вяземскій, сынъ извѣстнаго нашего поэта; третій секретарь князь Дондуковъ-Корсаковъ, сынъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа. Онъ былъ нашъ товарищъ по первой Гимназіи, принялъ меня по товарищески и угостилъ

кальяномъ, который постоянно курилъ. Это куреніе мнѣ очень понравилось; дымъ, проходя черезъ воду и черезъ длиннѣйшій вьющійся чубукъ, былъ совершенно холодный. Мы съ нимъ много вспоминали о Петербургѣ. Отъ него я отправился къ старшему драгоману Фонтону, котораго многіе родственники жили въ Адріанополѣ и во многихъ городахъ Турціи. Не заставъ его дома, я зашелъ ко второму драгоману милѣйшему и очень веселому Гамазову, который впослѣдствіи былъ директоромъ Восточнаго Института въ Петербургѣ. Гамазовъ и Дондуковъ-Корсаковъ насъ часто навѣщали. Прочіе только отвѣчали визитомъ.

Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ Ващенко и предложилъ мнѣ быть у него секретаремъ, и ѣхать въ Адріанополь. Я охотно принялъ его предложеніе, потому что Адріанополь второй городъ послѣ Турецкой столицы. Ващенко, пробывъ въ Константинополѣ не болѣе сутокъ, предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ его экипажѣ, и на другой день мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали. Дорогой я спросилъ у него, есть ли какая нибудь гостинница въ Адріанополѣ? Онъ засмѣялся и сказалъ: «Вы все еще думаете, что вы въ Европѣ; хотя мы и въ Европейской Турціи, но здѣсь таже Азія. Квартиру я вамъ пріискалъ; если не будете довольны, возмете другую, а столъ и вечерній чай будете имѣть у меня, во все время вашей службы». Я его поблагодарилъ. Затѣмъ онъ объяснилъ, что занятій у меня будетъ очень немного, но что мнѣ не мѣшало бы выучиться тамъ Новогреческому языку, такъ какъ тутъ говорятъ болѣе по гречески, чѣмъ по турецки. Изъ Константинополя мы выѣхали утромъ очень рано и пріѣхали въ Адріанополь около 3-хъ часовъ, прямо къ его обѣду. Семейство его меня встрѣтило очень привѣтливо; состояло оно изъ его жены и сестры уже пожилыхъ, и троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшей дочери было лѣтъ 16, сыну 10-ть, а меньшой дочери 9 лѣтъ. Столъ у него былъ очень хорошій, вино тоже мѣстное виноградное. За обѣдомъ жена консула спросила меня, зналъ ли я моего предмѣстника А.? Я засмѣялся и сказалъ, что это мой товарищъ по Институту Восточныхъ языковъ. Она тоже засмѣялась и сказала, что онъ былъ большой оригиналъ. Онъ ничего не пилъ кромѣ водки, которую ставили за обѣдомъ въ графинѣ передъ его приборомъ, и онъ послѣ каждаго кушанья выпивалъ рюмку водки и при этомъ всякій разъ какъ выпьетъ, выпускалъ изо рта духъ и присматривался къ нему. Зная причину этого, я не могъ не расхохотаться и объяснилъ, что товарищъ нашъ Якубовскій, котораго консулъ видѣлъ въ Константинополѣ, уговаривая А. поменьше пить водки, сказалъ, что если онъ будетъ такъ много пить, то живой сгоритъ. Это его испугало. Какъ же это узнать? спросилъ онъ, а Яку-

бовскій объяснилъ, что всякій разъ какъ выпьетъ, то надо выпустить духъ, и если покажется синій дымокъ, то это означаетъ, что внутренность загорѣлась; поэтому онъ и присматривался, не является ли зловѣщій синій дымокъ. Это объясненіе очень всѣхъ насмѣшило, въ особенности дѣтей.

Послѣ обѣда консулъ велѣлъ позвать молодого Болгарина, котораго онъ приготовилъ мнѣ для прислуги, велѣлъ ему забрать мои вещи и проводить меня на новую квартиру, приготовленную имъ для меня и вечеромъ, когда устроюсь, просилъ приходить къ нимъ. Квартира моя мнѣ очень понравилась. Это былъ отдѣльный двухэтажный домикъ, по двѣ комнаты въ каждомъ этажѣ; одну комнату окнами на улицу я опредѣлилъ для спальни, а окнами на дворъ прислугѣ, и на верху для пріема гостей. Нѣкоторая мебель была хозяйская, диванъ большой внизу, и такіе же Турецкіе диваны стояли по всѣмъ стѣнамъ на верху въ обѣихъ комнатахъ. Ихъ намъ требовалось покрыть. Болгаринъ обѣщалъ мнѣ утромъ привести столяра и обойщика, для окончательной отдѣлки комнатъ. Нашелся тюфякъ, который я велѣлъ положить на кровать, и вынуть изъ чемодана всѣ принадлежности для постели и, сказавъ Болгарину, чтобы все было нынче готово, отправился обратно къ консулу. Тамъ я засталъ большое общество. Хозяйка дома, гдѣ онъ квартировалъ, была ко мнѣ очень внимательна. Мужъ ея до Ващенки былъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Адріанополѣ, прочіе консулы всѣхъ Европейскихъ государствъ были ея зятья, кромѣ Англійскаго и Греческаго, которые имѣли своихъ представителей. Греческимъ консуломъ былъ Бареца, который пришелъ съ женой и братомъ; Англійскаго консула не было, онъ вообще держалъ себя далеко отъ всѣхъ и изрѣдка бывалъ у нашего консула, у всѣхъ же прочихъ былъ только по дѣламъ службы (фамилію его я забылъ). Прочіе всѣ были съ семьями, и старшая дочь консула пожелала устроить для оживленія вечера танцы, а я вызвался играть на ихъ великолѣпномъ пьянинѣ. Изъ кавалеровъ былъ братъ Греческаго консула изъ Константинополя, очень приличный Грекъ Кочифа, тоже недавно пріѣхавшій изъ Италіи молодой человѣкъ Бартолоно, и много другихъ мѣстныхъ уроженцевъ. Много танцовали, играли въ разные petits jeux, и вечеръ до полуночи прошелъ незамѣтно. Домой меня провожали съ фонаремъ.

Я отправился знакомиться со всѣми консулами. Къ первому пошелъ я къ Англійскому, который мнѣ сказалъ, что онъ очень радъ познакомиться съ Европейцемъ, а то здѣшніе Пероты ужасно скучны. «Я только и бываю у вашего консула», добавилъ онъ, и про-

силъ меня бывать у него запросто; жена и дочь его приняли меня тоже привѣтливо, и съ ними я могъ объясняться свободно, такъ какъ онѣ обѣ хорошо говорили по французски, а съ нимъ я кое-какъ объяснялся по итальянски; дамы тоже просили меня у нихъ запросто бывать, когда вздумается. Отъ нихъ я отправился къ Греческому консулу, тамъ меня также приняли очень радушно; братъ его Франсуа вызвался самъ учить меня говорить по гречески, чему я былъ очень радъ. При мнѣ къ нимъ пріѣхала какая-то Гречанка и приглашала ихъ къ себѣ на свадьбу; жена консула стала меня уговаривать идти съ ними на свадьбу; я согласился. Отъ нихъ я сдѣлалъ визиты Французскому, Итальянскому и Австрійскому консуламъ, а за тѣмъ пошелъ обѣдать къ Ващенкѣ. Послѣ обѣда я отправился домой посмотрѣть, какъ обиваетъ диваны мой Румынъ; пробылъ дома довольно долго, работой его остался доволенъ и, дождавшись конца, пошелъ обратно къ консулу; было уже темно. На полдорогѣ подбѣжало ко мнѣ нѣсколько Турокъ съ фонарями. Они стали громко кричать; я разсердился, разбранилъ ихъ какъ только умѣлъ сказать по турецки, такъ какъ ничего не понялъ, чего они отъ меня требовали. Въ это время я услыхалъ голосъ изъ отвореннаго окна: «M-r Blanc, это вы?» Я отвѣчалъ, что я, и не понимаю, чего эти Турки отъ меня требуютъ; тогда говорившій обратился къ нимъ, сказавъ, «что это Московъ канцеляръ-бей, и чтобы они немедленно меня проводили къ Русскому консулу». Тогда Турки стали со мной очень вѣжливы, извинялись и стали прикладывать руки къ сердцу и головѣ; мнѣ знакомы были Турецкіе поклоны, и я имъ отвѣчалъ тѣмъ же. Они превѣжливо свѣтили мнѣ и проводили до консула. Ващенко объяснилъ мнѣ, что во всѣхъ Турецкихъ городахъ никакихъ фонарей на улицахъ не имѣется, а что всякій долженъ ходить съ своимъ фонаремъ; иначе его берутъ въ полицію, считая его за вора. Турки бросились къ нему съ объясненіями, но онъ ихъ выпроводилъ.

На другой день я получилъ отъ жены Греческаго консула приглашеніе придти къ нимъ и съ ними отправиться на свадьбу. Родители невѣсты приняли насъ съ большой благодарностію. Греческій обрядъ вѣнчанія по большей части бываетъ въ домѣ невѣсты, а не въ церкви. Когда мы пришли, все уже было приготовлено, и священникъ Греческій насъ дожидался. Обрядъ вѣнчанія былъ одинаковый съ нашимъ; разница самая незначительная, а именно, прежде чѣмъ постлать кусокъ шелковой матеріи на полъ, его надѣли жениху съ невѣстой на головы, и потомъ, снявъ съ ихъ головъ, постлали подъ ноги. Шафершею у невѣсты была молодая дѣвица, сестра ея, а у жениха молодой человѣкъ, его братъ, такъ какъ у нихъ, у невѣсты всегда бываетъ ша-

ферша, а не шаферъ, какъ у насъ. По окончаніи вѣнчанія духовенство оставалось недолго, а по уходѣ ихъ заиграла музыка мѣстная Жидовская, и приступили къ танцу серто: кавалеръ съ дамой по-парно составляли длинную цѣпь; конечно женихъ съ невѣстой въ первой парѣ, и какъ тронулись танцовать, такъ со всѣхъ сторонъ полетѣли въ потолокъ мелкіе парочки, цѣною въ нашу бывшую полушку. Дѣти со всѣхъ сторонъ бросились подбирать съ полу эти парочки; а дѣтей было много, что натурально остановило танцы. Обычай этотъ имѣетъ значеніе пожеланія, чтобы молодымъ сыпались деньги какъ манна съ неба въ ихъ коммерческихъ дѣлахъ. Когда все успокоилось, вся цѣпь двинулась впередъ, молодой помахивалъ платкомъ въ первой парѣ, и, нѣсколько припрыгивая, началъ кружить всю цѣпь по залѣ. Кто уставали, тѣ парами уходили, становились другіе, не останавливая общаго припрыгиванія, иногда съ припѣвами. Танцы эти продолжались отъ полудня до полуночи, съ антрактомъ, когда подавали угощеніе, сначала кофе въ маленькихъ чашечкахъ, потомъ варенье густое, запиваемое водой; а потомъ жареный соленый миндаль и мѣстное виноградное вино. Угощенья эти повторялись нѣсколько разъ. Мы съ Барецой скоро вернулись домой.

Погода большею частью была совершенно лѣтняя. Однажды я отправился гулять за городъ, и меня поразило кладбище съ крестами, вмѣсто обыкновенныхъ Турецкихъ тюрбановъ. Я зашелъ на это кладбище, и надписи на крестахъ всѣ были Русскія, начиная съ генераловъ и кончая солдатомъ. Пригласивъ мѣстнаго кладбищенскаго священника, я отслужилъ панихиду по нашимъ воинамъ, схороненнымъ здѣсь въ прежнія войны. На обратномъ пути я зашелъ отдохнуть къ Австрійскому генеральному консулу, мѣстному Пероту; онъ меня очень радушно принялъ, распрашивалъ, гдѣ я былъ и какъ мнѣ понравилась окрестность Адріанополя; я разсказалъ ему, какъ, гуляя, наткнулся нечаянно на кладбище Русскихъ воиновъ. Тогда старикъ оживился и сталъ мнѣ разсказывать про входъ нашихъ войскъ въ Адріанополь. Главнокомандующимъ, говорилъ онъ, былъ фельдмаршалъ Дибичъ, и народъ съ образами встрѣчалъ наше войско; а всѣ лежащіе на кладбищѣ не были убиты, а умерли отъ тифа. Когда фельдмаршалъ, разсказывалъ старикъ, остановился у вашего генеральнаго консула Фонтона, мы всѣ явились къ нему; онъ всѣхъ по очереди отрекомендовалъ фельдмаршалу; а со мной у него была непріятность, и онъ меня обошелъ, такъ что я рѣшился самъ представиться его высокопревосходительству и удостоиться съ нимъ бесѣды; онъ мнѣ отвѣчалъ: убирайтесь вы всѣ къ чорту (à diable), вы мнѣ страхъ какъ надоѣли.

Никогда не забуду этой чести. Такого окончанія разсказа я конечно никакъ не ожидалъ; но консулъ говорилъ такъ искренно, повторяя нѣсколько разъ, что онъ не забудетъ чести, что имѣлъ счастіе бесѣдовать съ великимъ Русскимъ полководцемъ, и вѣкъ будетъ съ гордостію вспоминать объ этомъ. Затѣмъ онъ началъ расхваливать Метерниха, какъ тотъ умно ведетъ Австрійскія дѣла; говорилъ, что въ Пештѣ стоитъ Славянское войско, въ Вѣнѣ Итальянское, въ Тиролѣ Нѣмецкое, а въ Прагѣ Венгерское, все такое войско, котораго населеніе ненавидитъ и что только этимъ и содержится порядокъ въ Австріи. Грустно мнѣ было слушать отживающаго свой вѣкъ старика. Угощенья между тѣмъ слѣдовали по обычаю все тѣже, какія были на Греческой свадьбѣ.

По возвращеніи домой, я засталъ у себя брата Греческаго консула Франсуа съ пріятелемъ его Джономъ Бадети, который пригласилъ меня къ себѣ, чтобъ показать своихъ лошадей, полученныхъ имъ изъ Англіи. Одна изъ лошадей была верховая, большая, совершенно бѣлая, очень красивая и замѣчательна тѣмъ, что когда онъ садился на нее, она становилась на колѣна и потомъ съ сѣдокомъ осторожно поднималась на ноги. Другая была необычайно громадна и толста, болѣе напоминала звѣря, а не лошадь. Онъ запрягъ ее въ шестимѣстную бричку, въ которую мы сѣли втроемъ, кучеръ и лакей, и въ пятеромъ на одной лошади съѣздили довольно скоро за городъ, въ его чифтликъ (дачу) и обратно. Лошадь всю дорогу шла рысью, шаги у нея большіе, и мы съѣздили туда и назадъ очень скоро.

Въ началѣ Декабря неожиданно завернулъ холодъ, и даже въ полѣ снѣгъ. Мѣстные жители о зимнихъ рамахъ не имѣютъ понятія, и даже по небрежности нѣкоторыя стекла и въ лѣтнихъ рамахъ были разбиты, такъ что мы въ эти холода когда гдѣ либо собирались, то сидѣли всѣ въ шубахъ, а я въ ваточномъ пальто, за круглымъ столомъ, покрытымъ огромнымъ ковромъ до полу, а подъ столомъ стоялъ большой мангалъ (мѣдная чаша съ горячими угольями), и такъ мы грѣли ноги. Вскорѣ опять потеплѣло, и настолько, что 31 Декабря, собираясь встрѣчать Новый годъ у консула, я совершалъ свой туалетъ на открытомъ балконѣ, выходящемъ на дворъ. Съ сестрой консула, очень почтенной пожилой дамой, я очень скоро сошелся, игралъ съ ней въ пикетъ, и при ея веселомъ характерѣ время мы проводили очень пріятно. Съ младшими дѣтьми въ свободное время я занимался уроками, и они меня скоро полюбили; такъ зима прошла незамѣтно. Въ свѣтлый праздникъ были всѣ у заутрени и обѣдни въ Греческой церкви; служба такая же какъ у насъ, но пѣніе невыносимо: Греки поютъ въ носъ и считаютъ такое пѣніе самымъ изящнымъ.

Давно ожиданный мною выписанный изъ Вѣны кабріолетъ прибылъ наконецъ. Лошадь была у меня еще ранѣе заготовлена, и когда вскорѣ послѣ Святой поѣхали мы на дачу въ село Корахгачъ, то уже я отправился туда въ своемъ кабріолетѣ. Всѣ консулы жили лѣтомъ въ этомъ селѣ, нашъ консулъ тоже въ домѣ старушки Фонтонъ, и я у ней же во флигелѣ рядомъ. Подъ моимъ флигелемъ былъ устроенъ сарай для кормленія шелковичныхъ червей: производствомъ этимъ занимались всѣ Пероты. Эта отрасль составляла ихъ главное хозяйство и приносила хорошій доходъ; черви во время ѣды производили такой стукъ по доскамъ усыпаннымъ листьями, что мѣшали мнѣ утромъ спать. Въ своемъ кабріолетѣ я ѣздилъ по дѣламъ службы въ городъ; по дорогѣ попадались растущія абрикосовыя деревья, плоды съ нихъ я сбивалъ хлыстикомъ, они попадали въ мой экипажъ, и я съ удовольствіемъ ихъ съѣдалъ. Въ городѣ по улицамъ ѣздить было очень тѣсно, и шахнесе (крытые выдающіеся на улицу балконы) приходились такъ близко, что къ любой шахнесѣ можно было протянуть руку. На меня всѣ жители съ любопытствомъ смотрѣли, и проходящіе прислонялись къ стѣнамъ. Покончивъ дѣла свои, я возвращался на дачу.

По настоятельной просьбѣ одного изъ жителей города Демотики, консулъ нашъ предложилъ намъ поѣхать къ нему.

Подъѣзжая къ Демотикѣ, мы увидали толпу, идущую къ намъ навстрѣчу. Это былъ самъ хозяинъ со всей семьей своей и музыкою, за ними толпа любопытныхъ, и въ городъ мы въѣхали совсѣмъ салтинетомъ, т. е. съ почетомъ. Демотика небольшой городъ; тамъ мы осмотрѣли и домикъ, гдѣ проживалъ Карлъ XII, разбитый Петромъ подъ Полтавой, и тюрьмы мучениковъ-христіанъ, которыхъ спускали на веревкахъ въ глубокую пропасть. Затѣмъ, мы поѣхали за городъ на дачу нашу, гдѣ была устроена большая палатка для пріема; тамъ мы обѣдали и принимали визиты всѣхъ властей города. Между ними былъ одинъ Молдаванинъ съ женой, который здѣсь давно поселился на постоянное жительство. Время проходило въ разговорахъ, угощеніяхъ и прогулкахъ. Пробывъ тамъ до поздняго вечера, мы вернулись домой; хозяинъ предложилъ музыку, но консулъ отказался. Я отправился въ особо отведенную мнѣ квартиру; но едва я вышелъ на дворъ, какъ меня обступила масса женщинъ, хватая меня за полы платья. На вопросъ мой, что̀ имъ нужно, онѣ убѣдительно стали просить, чтобы я уговорилъ консула позволить поиграть музыкѣ, чтобы онѣ могли ее послушать; это былъ первый гаремъ, на который я такъ нечаянно наткнулся. Онѣ были безъ покрывалъ, и при слабомъ свѣтѣ луны я разсмотрѣлъ, что тутъ были очень молодыя женщины, красивыя, и много

старухъ. Я обѣщалъ имъ исполнить ихъ желаніе и вернулся въ домъ, гдѣ и разсказалъ это происшествіе. Жена, сестра и дочь консула помогли мнѣ уговорить его принять музыку; хозяинъ моментально распорядился, и музыка заиграла, а изъ-за угла издали на дворѣ гарема исподтишка плѣнницы посылали мнѣ благодарственные поклоны; около часа музыка играла и пѣла, затѣмъ мы всѣ распростились. Хозяинъ взялъ меня подъ руку, повелъ меня въ отведенное мнѣ отдѣленіе, а музыкѣ велѣлъ провожать насъ. Едва я могъ отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ любезностей, такъ какъ уже очень хотѣлось спать. На другое утро, не смотря на убѣдительную просьбу хозяина еще погостить у него, консулъ не согласился, и мы уѣхали, сопровождаемые музыкой и толпою любопытныхъ.

Однажды вечеромъ, когда мы собрались въ одномъ изъ Перотскихъ домовъ, явился молодой человѣкъ съ феской на головѣ; все общество и дамы встрѣтили его стоя, и пока онъ не поздоровался со всѣми, всѣ стояли, я одинъ сидѣлъ и курилъ папиросу. Онъ гордо на меня посмотрѣлъ. Тогда хозяинъ сейчасъ же насъ познакомилъ, объяснивъ, что я Московъ канцельеръ-бей, а этотъ г-нъ Музурусъ, секретарь паши; мы съ нимъ холодно пожали другъ другу руку. Музурусъ и Кочифа были львы Адріанопольскаго общества еще до моего пріѣзда. Послѣдняго я еще раньше видалъ у нашего консула, гдѣ онъ часто пѣлъ, имѣя очень пріятный голосъ; съ Музурусомъ я только что познакомился. Общество раздѣлилось на Музуристовъ и Кочифистовъ; когда вскорѣ Кочифа уѣхалъ, то его партія очень о немъ жалѣла.

Другую поѣздку устроилъ нашъ консулъ въ одно село, по дорогѣ къ Филиппополю. Тамъ мы наняли квартиры для него и для меня. Поѣздка эта была интересна тѣмъ, что мы подвигались къ Балканамъ; растительность тамъ роскошная, деревья Грецкихъ орѣховъ и множество розановъ. Туда къ намъ часто пріѣзжала молодежь изъ Корахгача. Обѣдали подъ тѣнью раскидистыхъ орѣшниковъ, часто составлялись сорто, въ которыхъ иногда и мы участвовали. Прогостили мы тамъ около недѣли, и консулъ объявилъ, что мнѣ предстоитъ поѣздка въ Родосто къ Мраморному морю защитить одного Армянина, Русскаго подданнаго, отъ грабежа, который у него учинили, а паша его не удовлетворяетъ.

По возвращеніи въ Корахгачъ я скоро собрался въ дорогу.

*

Ѣхать я рѣшился въ кабріолетѣ, такъ какъ онъ былъ несравненно покойнѣе Турецкихъ экипажей. Первая моя станція была Демо-

тика, куда меня проводилъ Бартолоно; тамъ онъ меня познакомилъ съ однимъ Итальянцемъ, который и пригласилъ насъ къ себѣ. Дорога по городу была ужасна, и мостовыя безобразныя, а при этомъ, такъ какъ мѣстность тамъ неровная, съ горы на гору, то ходить было очень трудно. Наконецъ мы добрались до квартиры Итальянца. Онъ нагнулся, поднялъ съ полу щепочку, просунулъ ее въ дверь и приподнялъ щеколду, ворота отворились: двери въ его квартирѣ и не притворялись, вездѣ все открыто. Между тѣмъ по комнатамъ валялись въ безпорядкѣ платье, шуба, бѣлье и всѣ туалетныя принадлежности, и на мой вопросъ, какъ онъ не боится, что его обокрадутъ, онъ отвѣчалъ, что здѣсь о кражѣ никогда не слышно. Для Европейца такое объясненіе непостижимо, но въ дѣйствительности оно вѣрно. О простой кражѣ здѣсь понятія не имѣли. Удаль, грабежъ, варварское убійство—это въ характерѣ Турокъ, простою же кражей они пренебрегаютъ. Раія, т. е. Болгары, Сербы, Греки, Армяне и другіе этимъ не занимаются, вѣроятно отъ того, что скупщиковъ краденаго не существуетъ, такъ какъ народъ тамъ очень трусливый, а за это ремесло они рискуютъ быть убиты Турками; иначе этого объяснить нельзя.

На другой день я отправился далѣе. Кавасъ мой ѣхалъ впередъ, чтобы заготовлять мнѣ квартиру. Среди дня мы останавливались большею частію въ полѣ, такъ какъ съѣстной провизіи со мной было взято для меня достаточно, а для людей и лошадей покупали, что́ нужно, въ деревнѣ, близъ которой останавливались; ночевку кавасъ заготовлялъ впередъ. Слѣдующая ночь была въ Болгарской деревнѣ. Меня ввели въ пустую комнату. Я спросилъ: неужели же здѣсь никого нѣтъ? Кавасъ мнѣ объяснилъ, что когда онъ просилъ очистить комнату для проѣзжаго Френка, то они указали на эту, а сами всѣ разбѣжались изъ деревни. Приходилось оставаться безъ горячей пищи и довольствоваться своей дорожной провизіей. Только принялся я за ѣду, какъ мой слуга Болгаринъ доложилъ мнѣ, что крестьяне желаютъ меня видѣть. Я велѣлъ имъ сказать, чтобы избрали изъ среды себя нѣсколько человѣкъ, которые бы объяснили, чего имъ отъ меня нужно. Вошли четыре старика и упали на колѣни; я ихъ поднялъ и спросилъ, что́ имъ нужно? Стоя на колѣняхъ, они умоляли меня, чтобы я ихъ простилъ. Въ чемъ же мнѣ васъ прощать? сказалъ я имъ, вы ничего дурнаго мнѣ не сдѣлали. Какъ же не дурное, отвѣчали они, когда мы вмѣсто того, чтобы Бога благодарить, что Онъ послалъ къ намъ Русскаго, мы отъ тебя всѣ попрятались. Вѣдь кавасъ твой сказалъ, чтобы Френку очистить квартиру, а человѣкъ твой объяснилъ, что ты Московъ. Позволь намъ пригласить священника отслужить молебенъ, поблагодарить Бога, что

мы видимъ Москова, и помолиться за нашего и твоего царя, и за тебя, присланнаго къ намъ отъ него.

Я имъ объяснилъ, что молиться захотятъ, вѣроятно, всѣ, а здѣсь помѣстить всѣхъ нельзя, то не лучше ли пойти всѣмъ въ ихъ церковь? Они такъ обрадовались этому предложенію, что цѣловали мое платье, и выбѣжали на улицу оповѣстить объ этомъ народъ. Тамъ поднялся шумъ и прыганье; когда я вышелъ, они толкали другъ друга, чтобы прикоснуться къ моему платью. Часть ихъ бросилась предупредить священника о нашемъ приходѣ. Священникъ встрѣтилъ насъ въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, и когда я приложился ко кресту, то онъ меня поцѣловалъ со словами: Какъ же намъ не благодарить Бога, что мы въ первый разъ видимъ у себя посланнаго отъ нашего царя? Вѣдь вашъ царь—нашъ царь, вѣдь онъ православный, такъ же какъ и мы. Взошли мы, сколько могло помѣститься, въ очень бѣдную избенку, гдѣ помѣщалась церковь, съ развѣшанными по стѣнамъ образами безъ окладовъ; облаченіе и вся утварь были очень бѣдны. Отслужили молебенъ, народу около церкви собралось много. По окончаніи службы я далъ священнику нѣсколько башлыковъ (каждый башлыкъ заключалъ въ себѣ пять піастровъ, а піастръ стоилъ 5 копѣекъ). Восторгу народа конца не было, и всѣ со священникомъ проводили меня до моего помѣщенія.

Тамъ уже было приготовлено много вареной и жареной птицы; вареную я ѣлъ съ удовольствіемъ, жареную же не могъ ѣсть, потому что изжарено было на оливковомъ маслѣ и плавало въ зеленой подливкѣ. Старикъ хозяинъ послалъ сыновей своихъ накормить прислугу и лошадей моихъ, и въ особенности, добавилъ онъ: угости его Болгарина, который намъ открылъ глаза. Спать уложилъ меня старикъ на свою кровать, а самъ на концѣ тутъ же прилегъ, чтобы меня оберегать ночью, и завелъ со мной бесѣду, чтобы я, когда вернусь къ царю своему, сказалъ бы отъ ихъ имени, что пусть онъ выставитъ на границѣ свои войска, а уже они тогда сами Турокъ прогонятъ. На другой день, когда я, собравшись продолжать свой путь, предложилъ денегъ за ночлегъ и угощенье, старикъ обидѣлся. Какъ! Чтобы мы взяли деньги съ посланника нашего царя; ты такъ и скажи, что мы его считаемъ нашимъ царемъ. Я просилъ его позволить дать дѣтямъ на пряники, а такъ какъ дѣтей было немало, то я имъ далъ цѣлую горсть піастровъ. Вплоть до границы своей земли они провожали меня пѣшкомъ, большой толпою.

На слѣдующій день, по словамъ каваса, мнѣ предстоялъ ночлегъ у Турецкаго помѣщика. Я хотѣлъ отклонить это и помѣститься гдѣ-нибудь въ деревнѣ, гдѣ бы можно было хозяевъ поблагодарить за ночлегъ; но онъ увѣрялъ, что это обидитъ пашу.

Передъ вечеромъ я подъѣхалъ къ порядочному домику паши, но онъ принялъ меня въ углубленіи при домѣ въ родѣ бесѣдки подъ навѣсомъ. Вѣроятно въ домѣ у него былъ гаремъ, а самъ онъ помѣщался въ этой бесѣдкѣ. Тамъ были низкіе Турецкіе диваны, и видно было, что эта бесѣдка приспособлена къ ночлегу и пріему. Когда я подъѣхалъ къ бесѣдкѣ, то онъ закричалъ: Аферанъ (браво), что это за двухколеску придумали Френки! и съ любопытствомъ долго ее разглядывалъ, не вставая съ мѣста и, сказавъ морофетъ (чудеса), успокоился. Я просилъ у него позволенія сдѣлать свой туалетъ. Какой тебѣ еще туалетъ? Вѣдь ты одѣтъ. Я объяснилъ, что мнѣ нужно побриться (я тогда носилъ одни усы). Я велю прислать тебѣ моего брадобрѣя. Я сказалъ, что брѣюсь всегда самъ. Морофетъ, отвѣчалъ онъ: ну дѣлай, какъ знаешь. Я велѣлъ своему Болгарину вставить въ мои дорожные подсвѣчники стеариновыя свѣчи и приготовить мнѣ бриться. Когда подали свѣчи, онъ опять удивился: это что же? Я говорю, что это свѣчи, чтобы виднѣе было, и сталъ бриться. Онъ пристально все смотрѣлъ на меня, и когда я кончилъ, то онъ обратился ко мнѣ: обернись-ка, дай посмотрѣть; а вѣдь хорошо обрился, удивился онъ.

Простолюдины передъ нами отвѣвали пшеницу, и когда кончили, то явился какой-то оборванецъ и началъ передъ нами пѣть и плясать. «Это, обратился ко мнѣ Турокъ, у насъ такой обычай; когда уберемъ какой нибудь хлѣбъ, то приходитъ бѣдный человѣкъ плясать и пѣть; за это ему дается мѣшокъ зерна, а Богъ намъ въ замѣнъ посылаетъ хорошій урожай». Только что я окончилъ свой туалетъ, а нищій передъ нами свой танецъ, какъ къ хозяину моему пришло двое стариковъ Турокъ. Онъ ихъ посадилъ съ нами и началъ имъ разсказывать, сколько видѣлъ чудесъ, про двухколеску, про свѣчу, которая передъ нами горѣла, а болѣе всего удивлялся, что я обрился безъ помощи его брадобрѣя и нисколько не оцарапался. Одинъ изъ гостей очень глубокомысленно отвѣчалъ, что онъ уже давно знаетъ обо всемъ этомъ просвѣщеніи Френковъ, и начали меня разспрашивать, откуда я и куда ѣду. Я имъ объяснилъ, что я Московъ, канцельеръ-бей и посланъ въ Родосто защитить одного Русскаго подданнаго, котораго тамъ обидѣли. Тогда они всѣ трое приложили руки къ сердцу и къ головѣ. Я имъ отвѣчалъ тѣмъ же. По обмѣнѣ поклоновъ, хозяинъ велѣлъ подать

ужинъ. Подали прекрасно приготовленный пилавъ и потомъ сласти, ракатъ-лукумъ и халву, затѣмъ намъ дали всѣмъ умыться и чубуки, и мы, вдоволь накурившись, распрощались. На другой день я простился съ гостепріимнымъ хозяиномъ и поѣхалъ далѣе. Ночлегъ намъ предстоялъ уже въ Родосто.

Далеко еще не въѣзжая въ городъ, мы увидали Мраморное море, и шумъ его приливовъ былъ ясно слышенъ. Армянинъ, по дѣлу котораго я ѣхалъ, узналъ объ этомъ впередъ отъ каваса; онъ встрѣтилъ меня у заставы и уговорилъ ѣхать прямо къ нему, сказавъ, что у него для меня все готово. Домъ Армянина, порядочный снаружи, внутри былъ не очень просторенъ. Мнѣ уступилъ онъ самую большую комнату, которая отдѣлялась отъ его спальни легонькой перегородкой со щелями. Мнѣ была приготовлена постель. Прочія комнаты состояли изъ гостинной, комнаты жены его и кухни. Онъ меня познакомилъ съ женой, довольно красивой Армянкой, и сказалъ при этомъ, что они живутъ à la franza и женъ своихъ не прячутъ отъ чужихъ мущинъ. Вѣдь мы христіане, такіе же какъ и вы, а не Турки. Мы переговорили объ его дѣлѣ, затѣмъ поужинали и разошлись спать; они отправились за сквозную перегородку, меня освѣщалъ огонь изъ ихъ комнаты, и каждое ихъ слово было слышно, такъ что мы почти были всѣ вмѣстѣ. На другой день Армянинъ пошелъ къ пашѣ узнать, какой день онъ назначитъ на обсужденіе его дѣла, на разбирательствѣ котораго будетъ лично присутствовать пріѣхавшій изъ Адріанополя Русскій консулъ. Я же узналъ отъ жены его, кто здѣсь живетъ изъ иностранныхъ консуловъ. Оказалось, что Греческій и Англійскій, и я отправился съ ними познакомиться. Греческій консулъ жилъ вдвоемъ съ братомъ своимъ, оба холостые. Они были довольны моимъ визитомъ и говорили, что рады очень видѣть Европейца, а то здѣсь тоска ужасная. Спросили меня, гдѣ я остановился, долго ли пробуду и сказали, что желали бы со мной видаться. Я не могъ опредѣлить ничего, такъ какъ былъ въ зависимости отъ дѣла Армянина, и далъ имъ свой адресъ. Грекъ вызвался меня проводить къ Англійскому консулу и сказалъ, что жена у него красавица Малтійка. Когда мы съ нимъ вошли въ домъ, то хозяйка встала и, увидавъ незнакомое лицо, сильно сконфузилась. Я объяснилъ ей, что здѣсь проѣздомъ, и желалъ познакомиться съ проживающими здѣсь иностранными консулами; она все продолжала стоять сконфуженная, а Греческій консулъ сказалъ мнѣ по турецки, чтобы я пригласилъ ее садиться, а иначе она ни за что не сядетъ. Я попросилъ ее сѣсть и самъ сѣлъ возлѣ; тогда она немного ободрилась и сказала, что очень благодарна мнѣ за честь, которую я

имъ оказалъ, что мужа дома нѣтъ и что онъ лично пріѣдетъ благодарить меня за мой визитъ. Мы немного побесѣдовали. Греческій консулъ пошелъ меня проводить до дому и дорóгой разсказывалъ, что они всѣ безъ ума отъ прекрасной Малтійки.

За обѣдомъ Армянинъ сообщилъ мнѣ, что паша проситъ завтра около полудня къ нему и что тамъ будутъ и судьи. Въ назначенный часъ я поѣхалъ къ пашѣ въ своемъ кабріолетѣ, захвативъ съ собой и Армянина въ качествѣ пострадавшаго Русскаго подданнаго. Кавасъ шелъ впереди пѣшкомъ, такъ какъ пришлось ѣхать шагомъ, за тѣснотою улицъ. По пріѣздѣ къ пашѣ насъ встрѣтили его служащіе и съ большимъ почетомъ ввели меня въ комнату, гдѣ сидѣлъ паша съ судьями; за мной слѣдомъ шелъ Армянинъ. Паша и судьи при входѣ моемъ отдали мнѣ селямъ приложеніемъ руки къ сердцу и головѣ; я отвѣчалъ тѣмъ же и затѣмъ объяснилъ пашѣ, что я пріѣхалъ по порученію нашего посольства для защиты нашего Русскаго подданнаго, и увѣренъ, что паша приметъ во вниманіе дружескія отношенія Россіи съ Турціей и не допуститъ обижать нашего подданнаго. Паша мнѣ отвѣчалъ, что они съ судьями только что рѣшили, что требованіе Русскаго правительства совершенно правильное и что онъ немедленно распорядится заключить въ тюрьму всѣхъ зачинщиковъ грабежа; что же касается до заключенія въ тюрьму каймакама (исправника), то это превышало бы его власть, и безъ фирмана султанскаго лишить каймакама свободы онъ не имѣетъ права. Я ему отвѣчалъ, что пробуду здѣсь, пока нашъ подданный не будетъ вполнѣ удовлетворенъ, и что заявленіе его относительно каймакама буду имѣть въ виду. На другой день я узналъ, что всѣ обвиненные посажены въ тюрьму.

Я ѣздилъ по окрестностямъ Родосто въ своемъ кабріолетѣ съ женой Армянина, и онъ самъ сопровождалъ насъ верхомъ. Когда мы катались на берегу моря, Армянинъ нашъ отъ насъ отсталъ, и жена его предложила заѣхать въ домъ, мимо котораго мы проѣзжали, и тамъ обождать отставшаго мужа. Я конечно согласился, и она повернула лошадь въ ворота; но по въѣздѣ на большой дворъ, мы тамъ увидѣли множество Турчанокъ съ непокрытыми лицами, старыхъ и молодыхъ. Молодыя поспѣшили закрыть руками свои лица, а старыя бросились къ намъ съ угрозами и бранью; но въ это время въѣхалъ туда мужъ Армянки и закричалъ на старухъ, какъ онѣ смѣютъ такъ встрѣчать Русскаго посланника. Однако я тотчасъ же повернулъ лошадь и выѣхалъ за ворота, такъ какъ это былъ гаремъ одного Турка, въ который посторонніе мущины не имѣли права показываться (слово гаремъ

значитъ запрещенное). Вскорѣ мы подъѣхали къ широко раскинутой палаткѣ, гдѣ насъ ждали большое общество Армянъ и длинный накрытый столъ. Мой Армянинъ объяснилъ, что это все его хорошіе знакомые, которыхъ онъ пригласилъ, чтобы вмѣстѣ отпраздновать мой пріѣздъ въ Родосто. Всѣ пили мое здоровье.

Въ одно Воскресенье Армянинъ предложилъ мнѣ посѣтить съ нимъ Армянскую церковь. Въ церкви онъ меня проводилъ до самаго престола, обтянутаго кругомъ матеріей, алтарь также обтянутъ. При выходѣ съ причастіемъ, нѣсколько духовныхъ лицъ держали большія палки съ металическими кругами вверху, производившими стукъ, ударяясь между собою; они продѣлывали это всякій разъ, когда кто изъ священнодѣйствующихъ выходилъ изъ алтаря, и кланялись очень низко митрополиту, который былъ весь въ черномъ. Женщины слушали обѣдню на хорахъ, внизу же въ церкви были одни мущины, и всѣ сидѣли на полу, поджавъ ноги по турецки. Послѣ обѣдни мы сдѣлали визитъ нѣкоторымъ изъ болѣе почетныхъ Армянъ, и въ одномъ домѣ встрѣтили жену Англійскаго консула, про которую я узналъ потомъ, что ей очень хотѣлось покататься въ моемъ кабріолетѣ; но исполнить ея желаніе не удалось, такъ какъ я собрался уѣзжать. Грабители Армянина все сидѣли въ тюрьмѣ. Я предложилъ ему взять деньгами стоимость украденнаго; но потерпѣвшій требовалъ по случаю моего пріѣзда болѣе; я ему посовѣтывалъ получить всю сумму за проданныя вещи, а иначе, когда я уѣду, то противникъ его откажется платить. Мои убѣжденія подѣйствовали, такъ какъ впослѣдствіи жалобъ отъ него болѣе не поступало.

Я выѣхалъ изъ Родосто съ женою Армянина въ кабріолетѣ, а онъ верхомъ, также и прислуга. На первой станціи былъ приготовленъ мнѣ обѣдъ, затѣмъ послѣдовало дружеское прощаніе, и я уѣхалъ домой.

*

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Адріанополь, консулъ Ващенко сказалъ мнѣ: «Ну вотъ скоро желаніе ваше исполнится, и вамъ удастся побывать въ Іерусалимѣ; предполагаютъ перевесть васъ въ Бейрутское генеральное консульство, а къ намъ вашего товарища Ступина». И дѣйствительно офиціальная бумага о переводѣ моемъ скоро была получена. Грустно мнѣ было разставаться съ семьей Ващенки, гдѣ я былъ принятъ какъ родной.

Прощальные визиты въ своемъ кабріолетѣ я дѣлалъ съ старшимъ сыномъ консула, моимъ ученикомъ, которому въ свободное время я

давалъ уроки вмѣстѣ съ его меньшой сестрой. Мальчикъ этотъ Костя меня полюбилъ.

Въ Константинополѣ я нашелъ товарища своего Ступина. Онъ меня представилъ женѣ своей и показалъ новорожденнаго сына. Я побывалъ у всѣхъ сослуживцевъ своихъ. Посланникъ Титовъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и за обѣдомъ мнѣ сказалъ, что со мной на Австрійскомъ пароходѣ Ллойда поѣдутъ двѣ Русскія молодыя красавицы княжны В., которыя вѣрно отъ усердія берутъ мѣста на палубѣ, и онъ мнѣ поручаетъ заботу о нихъ, какъ о Русскихъ княжнахъ. Всѣ засмѣялись, и онъ добавилъ: попросите отъ меня капитана парохода устроить имъ на палубѣ какую нибудь палатку. За полученіемъ денегъ изъ деревни я пошелъ къ нашему Русскому купцу Новикову, торговый домъ котораго былъ въ Одессѣ; черезъ него мы все получали изъ Россіи. Прощаясь съ Ступинымъ, я поручилъ ему привѣтствовать семейство Ващенки и пошелъ къ пароходу. Капитанъ былъ предупрежденъ о моемъ отъѣздѣ въ Бейрутъ и, увидавъ лодку съ Европейцемъ, встрѣтилъ меня у борта, а узнавъ отъ меня, что я ѣду туда на службу, отрекомендовался къ моимъ услугамъ. Я передалъ ему просьбу посланника относительно Русскихъ княженъ. Онъ отвѣчалъ, что желаніе посланника будетъ въ точности исполнено; а затѣмъ, указавъ на трехъ старушекъ, сидѣвшихъ на палубѣ, добавилъ: а вотъ и ваши Русскія княжны. Оказалось, что это были двѣ сестры В., и съ ними компаніонка. Когда я подошелъ къ нимъ отрекомендоваться, то онѣ обрадовались, что видятъ Русскаго; а старшая изъ нихъ, лѣтъ подъ 70, сказала мнѣ, что ей не съ кѣмъ слова сказать: «Представьте себѣ, говоришь имъ по русски, а они ничего не понимаютъ. Еще матросы какъ будто понимаютъ, но когда они говорятъ, то мы не можемъ ихъ понять». Матросы были Иллирійцы, говоръ которыхъ ближе всѣхъ другихъ Славянскихъ нарѣчій подходитъ къ Русскому, такъ что издали можно быть увѣреннымъ, что они говорятъ по русски, но прислушиваясь къ нимъ, ничего не поймешь. Старушка княжна осыпала меня вопросами, откуда я, давно ли въ Турціи и требовала всевозможныхъ подробностей о моемъ происхожденіи. Такъ вы Липецкій? Мы съ вами сосѣди, мы Задонскія. Онѣ долго меня отъ себя не отпускали, говоря, что имъ пріятно говорить по русски. Громкіе возгласы и восторги ихъ обратили вниманіе публики и даже капитана, который, посматривая на меня, постоянно улыбался. Наконецъ я съ ними простился, устроился у себя въ каютѣ, и по данному имъ обѣщанію вернулся опять къ нимъ. Капитанъ меня встрѣтилъ словами, что, по желанію нашего посланника, все имъ устроилъ. Онѣ уже си-

дѣли въ своей палаткѣ и благодарили меня, что такъ покойно ихъ помѣстили, усадили меня къ себѣ на своихъ дорожныхъ тюфякахъ и подушкахъ, которыхъ съ ними было много, угостили меня домашней провизіей, взятой ими еще изъ Задонска и безпрестанно спрашивали, что̀ это? кто это? Когда зазвонили къ обѣду, то онѣ ужасно перепугались, уже не случилось ли чего нибудь съ пароходомъ; онѣ уговорили меня пообѣдать съ ними Задонской провизіей.

Наконецъ мы въѣхали въ Мраморное море, а затѣмъ въ Архипелагъ и лавировали между Греческими островами, изъ которыхъ нѣкоторые необитаемы. На другой день мы пріѣхали въ Смирну, гдѣ остановка была на нѣсколько часовъ. Я пожелалъ въ Смирнѣ повидаться съ моимъ знакомымъ секретаремъ Смирнскаго генеральнаго консульства Лаговскимъ. Старшая княжна тоже изъявила желаніе ознакомиться съ Смирной, и мы съ ней высадились на берегъ, гдѣ встрѣтилъ насъ Жидъ-проводникъ, предлагая показать городъ. Я ему обрадовался и предложилъ его услуги княжнѣ, которая охотно ихъ приняла, а я отправился къ Лаговскому, котораго мнѣ, какъ Русскаго служащаго, легко было найти. Не болѣе какъ черезъ полчаса бесѣды моей съ нимъ, пришелъ провожавшій княжну Жидъ и улыбаясь объявилъ, что пришелъ меня пригласить отъ имени княжны къ ней. Она отыскала Русскихъ дамъ изъ Одессы и сидитъ у нихъ, а мнѣ велѣла васъ позвать съ ними познакомиться. Лаговскій долго думалъ, какія это могли быть дамы въ Смирнѣ, и наконецъ расхохотался и сказалъ, что мнѣ непремѣнно нужно идти выручать княжну изъ этого дома; иначе она рискуетъ попасть въ бѣду: это двѣ проститутки, недавно пріѣхавшія сюда изъ Одессы. Я поспѣшилъ съ Жидомъ къ дамамъ и, вошедши къ нимъ, увидалъ княжну сидѣвшую между двумя размалёванными кокотками и дружески бесѣдующую съ ними. А вотъ и вы, вскричала княжна. Представьте, какое чудо, я нашла двухъ настоящихъ Русскихъ изъ Одессы. Рекомендую! Я ей отвѣчалъ, что пришелъ за ней, такъ какъ пароходъ нашъ скоро уйдетъ, и намъ пора туда отправляться. Пойдемте, пойдемте, заговорила княжна, и стала цѣловаться со своими знакомыми. Мы пошли съ ней по городу. Представьте, сказала она, какъ насъ Русскихъ здѣсь любятъ: не отходитъ отъ насъ публика. И дѣйствительно, за нами бѣжало много мальчишекъ, и она спрашивала то того, то другаго, ты говоришь по русски, надо учиться, учиться надо, и одѣляла ихъ дешевыми Смирнскими конфектами. Въ лавкахъ купцы смѣялись, смотря на насъ, окруженныхъ толпою мальчишекъ, которые безпрестанно дергали ее за платье. «Вотъ видите, и лавочники насъ всѣ знаютъ», и съ этими словами послала

имъ воздушный поцѣлуй. Раздался гомерическій смѣхъ всѣхъ собравшихся мелочныхъ торговцевъ. Я началъ ее торопить идти, и мы удвоили шагъ. По приходѣ на пристань, усадивъ ее въ каютѣ, я простился съ провожатымъ и вернулся опять къ Лаговскому, такъ какъ пароходъ еще около часу долженъ былъ стоять у берега. Наконецъ мы тронулись далѣе, уже въ открытое море, и такъ какъ дѣло шло къ ночи, я ушелъ въ свою каюту спать. Въ Родосѣ нашъ капитанъ не сумѣлъ отыскать пристани, обозначенной двумя большими скалами на подобіе колоннъ, на которыхъ, говорить преданіе, стоялъ Колоссъ Родосскій, въ видѣ большихъ воротъ; теперь и слѣдовъ его не осталось, кромѣ скалъ. Видя, что ему не удается отыскать входъ къ пристани, капитанъ поворотилъ пароходъ и пошелъ далѣе. Пассажиры, ѣхавшіе въ Родосъ, взбунтовались, и на предложеніе его свезти ихъ безплатно въ Бейрутъ и на возвратномъ пути высадить въ Родосѣ, они отказались и требовали, чтобы онъ везъ ихъ въ Родосъ. Требованіе ихъ было вполнѣ законное; мы вернулись назадъ, и онъ, нашедши двѣ скалы, подъѣхалъ къ пристани и высадилъ желающихъ остановиться въ Родосѣ. Между тѣмъ уже стемнѣло, поднялся вѣтеръ, и буря разыгралась въ ужасающихъ размѣрахъ; стѣнки парохода трещали по всѣмъ швамъ, посуду било всю въ дребезги, волны перебрасывало черезъ пароходъ, морская болѣзнь сразу у всѣхъ прекратилась, и только слышны были на всѣхъ языкахъ молитвы. Пытка была невыразимая, пароходъ нашъ не шелъ, а кружился на одномъ мѣстѣ, какъ-бы вальсировалъ подъ шумъ оркестра волнъ, и такъ продолжалось всю ночь. Къ разсвѣту немного утихло, дождь прекратился, и я поспѣшилъ на палубу провѣдать своихъ княженъ. Палуба была такъ скользка, что, не держась за перила, невозможно было по ней ходить. Увидавъ капитана, я спросилъ его о княжнахъ; онъ отвѣчалъ, что еще заранѣе озаботился укрѣпить ихъ палатку, что онѣ цѣлы, но ихъ промочило насквозь. Видъ моря былъ поразительно грандіозный; передовой нептунъ нашего парохода поднимался временами такъ, что грозилъ на носъ опрокинуться, то исчезалъ изъ виду, пропадая въ глубокой пропасти; волны поднимались выше борта, совсѣмъ черныя, и затѣмъ отливали все бѣлѣя, и когда показалось солнце, то цвѣтъ ихъ казался золотымъ. Мы двигались однако впередъ, хотя и медленно, но не кружились уже на мѣстѣ какъ ночью. Трескъ, шумъ, бѣготня по палубѣ матросовъ все еще продолжались. Я всѣми силами держался за перила, чтобы не упасть: такъ сильна была качка. Наконецъ вѣтеръ сталъ утихать, опасность миновала, и мы вскорѣ увидали берегъ Кипра. Радость, смѣнившая отчаяніе пассажировъ, была невыразима. Когда мы подъѣхали къ городу Ларнаку, то капитанъ просилъ всѣхъ пассажи-

ровъ сойти на берегъ, такъ какъ пароходъ требовалъ неминуемыхъ поправокъ, чтобы добраться до Бейрута. У пристани былъ ханъ (гостинница), въ которой промокшіе насквозь пассажиры могли немного привести себя въ порядокъ. Затѣмъ всѣ захотѣли идти въ церковь, а такъ какъ большинство были Греки, то пошли въ Греческій монастырь Георгія Побѣдоносца, чтобы отслужить благодарственный молебенъ за чудесное наше спасеніе отъ погибели. Помолившись Богу, мы всѣ вернулись къ пристани, гдѣ и расположились на чистомъ воздухѣ, на принесенныхъ намъ изъ гостинницы коврахъ. Закурили кальянъ, трубки, и любовались моремъ. Я сидѣлъ съ своими спутницами, меньшой княжной и ея компаньёнкой; старшая исчезла, неизвѣстно куда. Капитанъ уже предложилъ пассажирамъ перебираться на пароходъ и ѣхать далѣе, а княжны не было видно. Кромѣ ея оказался отсутствующимъ еще одинъ Англичанинъ; это меня немного успокоило, такъ какъ онъ не могъ забыть время отправленія. Пришедшіе на пароходъ пассажиры уже начали волноваться, но я уговорилъ капитана подождать еще немного: нельзя же было оставить княжну на незнакомомъ островѣ. Прислуга хана была разослана во всѣ стороны отыскивать; но наконецъ вдали показался мущина подъ руку съ дамой. Я пошелъ къ нимъ на встрѣчу и увидалъ княжну сильно жестикулирующую и что-то горячо разсказывающую Англичанину, тотъ улыбался и изрѣдка мычалъ: yes! Капитанъ торопилъ садиться на пароходъ.

Видъ на Бейрутъ меня поразилъ и увлекъ. Городъ расположенъ амфитеатромъ и весь въ зелени великолѣпныхъ пальмъ, налѣво же горы, покрытыя снѣгомъ. Сочетаніе Юга съ Сѣверомъ представляло прелестную и оригинальную картину; при этомъ плоскія крыши домовъ съ раскинутыми на нихъ въ разныхъ мѣстахъ бѣлыми бесѣдками, а на морѣ у берега разнаго вида корабли и пароходы дополняли эфектъ картины, не поддающійся описанію.

Вступленіе мое въ Бейрутъ я началъ съ водворенія моихъ соотечественницъ. Старшая желала непремѣнно имѣть даровую квартиру, а потому помѣстилась въ Греческомъ монастырѣ со своей горничной. Меньшая же съ компаніонкой наняла себѣ небольшое помѣщеніе на берегу моря. Устроивъ ихъ, я отправился въ отель, который содержался однимъ пріѣзжимъ Мальтійцемъ. Квартира моя тамъ была очень оригинальна. Общая обѣденная зала была подъ открытымъ небомъ и со всѣхъ сторонъ окружена комнатами для пріѣзжающихъ. Моя первая комната была съ каменнымъ поломъ въ родѣ корридора, перегороженная ситцевой драпировкой, за которою я устроилъ себѣ спальню. Дру-

гая комната была арка надъ улицей, по обѣимъ сторонамъ ея о́кна на улицу, диваны отъ стѣны до стѣны; арка эта упиралась въ сосѣдній черезъ улицу домъ. Одѣвшись и слегка закусивъ, я отправился къ нашему генеральному консулу Базили; квартира его была казенная въ нашемъ Русскомъ домѣ и чрезвычайно роскошная; тамъ же была и канцелярія.

Базили былъ женатъ на Фонтонъ, дочери Константинопольскаго старшаго драгомана; дѣти у него еще были очень малы. Принялъ онъ меня, хотя и довольно радушно и оставилъ обѣдать, но пріемъ его далеко былъ не таковъ, какъ въ семьѣ Ващенки.

На другой день утромъ я отправился на службу въ канцелярію, гдѣ мнѣ представился мой будущій письмоводитель, уроженецъ Бейрута. Занятій было не особенно много. Просиживая тамъ часовъ до трехъ, я возвращался домой, гдѣ намъ былъ уже готовъ обѣдъ. За общимъ столомъ я познакомился съ Австрійскимъ секретаремъ барономъ Баумомъ. Общество въ Бейрутѣ между генеральными консулами всѣхъ націй было довольно скучное, этикетно-натянутое. Обѣды офиціальные давались иногда генеральными консулами, вечера всѣ проводили у себя, общественнаго не было ничего. Вскорѣ я тамъ познакомился со многими Французами, представителями богатыхъ коммерческихъ домовъ, а такъ какъ они очень общительны, то мы разобрали всѣ дни недѣли и поочередно проводили вечера вмѣстѣ; у меня было тѣснѣе всѣхъ, они всѣ занимали большіе дома. Постояннымъ занятіемъ на этихъ вечерахъ была карточная игра въ вистъ. Съ грустію я вспоминалъ о своей жизни въ Адріанополѣ и о радушной семьѣ Ващенки, которую полюбилъ какъ родныхъ; но необходимость заставила мириться съ новой жизнію. Большимъ развлеченіемъ служили мнѣ Русскіе богомольцы, отправлявшіеся въ Іерусалимъ и обратно. Изъ числа такихъ посѣтителей пріѣхалъ двоюродный братъ князя Дондукова-Корсакова, тоже Корсаковъ, большой любитель живописи и отлично самъ рисовавшій. Его въ восторгъ привела живописная мѣстность Бейрута, и онъ рѣшился провести тутъ нѣкоторое время. Базили не только не препятствовалъ нашимъ прогулкамъ; но, напротивъ, находилъ, что ознакомиться съ краемъ очень полезно. Въ началѣ мы много ходили пѣшкомъ по окрестностямъ, которыя восхищали Корсакова живописнымъ мѣстоположеніемъ, и онъ много срисовалъ окрестныхъ пейзажей. Въ одну изъ такихъ прогулокъ мы встрѣтили мальчика съ навьюченнымъ осломъ; я спросилъ его, о чемъ онъ плачетъ; онъ отвѣчалъ, что не можетъ сладить съ осломъ, который уперся и не хочетъ подниматься на гору, а его

14*

за это дома побьютъ. Тогда Корсаковъ догадался какъ помочь горю; зная упрямство ословъ, которые всегда дѣлаютъ противное тому, чего отъ нихъ требуютъ, онъ спустился съ горы, ухватилъ осла за хвостъ и потащилъ его внизъ; оселъ встрепенулся, вырвался и бѣгомъ взбѣжалъ на гору. Обрадованный мальчикъ еще съ полными слезъ глазами расхохотался и бросился бѣгомъ за нимъ.

Собрались мы съ Корсаковымъ ѣхать къ Друзамъ и Маронитамъ, гдѣ мѣстность славится великолѣпными видами. Въ началѣ мы пріѣхали верхомъ въ Маронитское селеніе Дейръ-уль-Каморъ. Шейхъ Маронитовъ насъ принялъ очень дружески и угостилъ обѣдомъ, усадивъ за столъ не только насъ, но нашего провожатаго, слугу Араба. Въ Дейръ-уль-Каморѣ Корсаковъ снялъ много замѣчательно красивыхъ видовъ, деревню и водопадъ, падавшій съ высокой горы въ глубокую пропасть. Поселяне насъ окружили со всѣхъ сторонъ, и когда увидали его рисунки и свои изображенія на нихъ, то пришли въ восторгъ и пожелали, чтобы со всѣхъ были сняты портреты. Онъ выбралъ двухъ хорошенькихъ поселянокъ, въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ и въ деревянныхъ калошахъ, поставилъ ихъ около колодца съ кувшинами на головахъ и сдѣлалъ изъ нихъ маленькую картинку, которую на память подарилъ мнѣ.

Изъ Дейръ-уль-Камора, чтобы перебраться къ Друзамъ, надо было переѣхать водопадъ. Мы отыскали на горѣ довольно широкое мѣстечко, по которому вода не такъ сильно бѣжала, такъ какъ оно было плоское, и мы перебрались черезъ него. Сверху билъ водопадъ на эту площадку, а внизу образовалась рѣка, сильно бушевавшая. Переѣхавъ площадку, мы поѣхали по другому уже берегу, гдѣ владѣніе Друзовъ, по берегу пропасти. Пошелъ дождь, рисовать было невозможно; нужно было торопиться, чтобы засвѣтло попасть къ Друзскому шейху, такъ какъ начинало темнѣть (на Югѣ сумерекъ нѣтъ, а темнѣетъ вдругъ). Мы поѣхали скорѣе, дождь лилъ проливной, громъ и молнія смѣнялись безпрерывно; проводникъ нашъ предупредилъ, что намъ предстоитъ переѣзжать крѣпость, и выбралъ такое мѣсто, гдѣ грунтъ земли нѣсколько возвышается, и потокъ былъ не такъ силенъ. Съѣзжали мы въ пропасть по ужасной дорогѣ, а поднимались на другой берегъ еще болѣе крутой. Когда мы подъѣхали къ дому шейха, насъ встрѣтили человѣкъ пять прислуги и провели въ большую комнату, покрытую коврами. Слуги сказали намъ, что хозяина нѣтъ дома, и что онъ будетъ очень жалѣть, что не увидитъ насъ, что жена его проситъ насъ погостить у нихъ до его возвращенія, такъ какъ онъ скоро долженъ

вернуться. Остаться ночевать у нихъ мы были очень рады. Корсаковъ развѣсилъ сушить свое верхнее платье около большаго мангала; а я, раздѣвшись, просилъ прислугу принести мнѣ надѣть что-нибудь потеплѣе, пока высохнетъ платье. Корсаковъ отказался, и мнѣ всѣ пятеро отвѣчали: «Башъ устоме» (сейчасъ), приложивъ руки къ головѣ и сердцу, и бросились бѣжать. Въ надеждѣ, что мнѣ принесутъ шубу, я снялъ все; но каково было мое удивленіе, когда они принесли мнѣ дамскую батистовую рубашку, и ничего больше. Надѣвъ ее, я спросилъ опять у нихъ, нѣтъ ли чего потеплѣе? Опять повторилось «башъ устоме», всѣ побѣжали и принесли тонкую суконную накидку. Затѣмъ, на низенькихъ столикахъ подали намъ ужинъ изъ нѣсколькихъ блюдъ. Мы съ апетитомъ поѣли и, выкуривъ принесенный намъ наргиле, укутавшись въ коверъ, я съ удовольствіемъ заснулъ. Утромъ, подавая намъ кофе, прислуга объяснила, что хозяинъ еще не пріѣзжалъ; но жена его проситъ насъ остаться еще и его подождать. Дождь прекратился, и мы просили передать хозяйкѣ, что спѣшимъ домой.

Грустно было проводить Корсакова въ Іерусалимъ и остаться опять одному. На другой день ко мнѣ явился посланный отъ корабля, отправлявшагося въ Яффу съ увѣдомленіемъ, что черезъ пять часовъ корабль отправляется въ Яффу, и чтобы я передалъ объ этомъ привезеннымъ мною Русскимъ дамамъ. Я сейчасъ же отправился къ ближайшей отъ меня меньшой княжнѣ и, передавъ ей это извѣстіе, пошелъ къ старшей; но старшая княжна возмутилась, какъ это я не предупредилъ ее объ этомъ по крайней мѣрѣ за недѣлю, такъ какъ она не молоденькая и собраться ей въ одинъ день невозможно. Сколько я ни старался ей объяснить, что пароходы въ Яффу не ходятъ, а только корабли, которые идутъ по попутному вѣтру, а за недѣлю предупрѣдить нельзя, какой будетъ вѣтеръ: ничто не помогло, она рѣшительно отказалась ѣхать. Я вернулся и засталъ двухъ своихъ старушекъ, т. е. меньшую княжну съ компаньонкой, у пристани; она сказала мнѣ, что багажъ ихъ принесли на корабль. Я огорчилъ ихъ извѣстіемъ, что старшая сестра отказалась ѣхать; сестра расплакалась о томъ, какъ она поѣдетъ одна. Вещей взять съ корабля обратно было невозможно: всѣ онѣ были уже уложены. Между тѣмъ капитанъ просилъ не задерживать и сказалъ по турецки хамаламъ, чтобы перенесли ихъ на корабль; ихъ подняли каждую по два хамала и понесли. Княжна закричала: Василій Борисовичъ, помогите, меня похищаютъ! Я прокричалъ ей вслѣдъ, что не болѣе какъ черезъ недѣлю сестра ея уже будетъ съ нами, чтобы она не безпокоилась; затѣмъ вернулся къ старшей княжнѣ и успѣлъ ее убѣдить уложить вещи и не раскладывать

ихъ, чтобы каждую минуту быть готовой къ отъѣзду слѣдующаго корабля, а иначе она никогда не попадетъ въ Іерусалимъ моремъ, а сухимъ путемъ ѣхать дорого и неудобно. Послѣдній аргументъ ее убѣдилъ, и она наконецъ велѣла своей горничной уложить всѣ вещи и до Іерусалима не развязывать.

Консулъ Базили отлучался по дѣламъ службы, и вечеромъ того же дня мы съ драгоманомъ нашимъ, мѣстнымъ домовладѣльцемъ Хабабомъ-Бустросомъ поѣхали верхами его встрѣчать. Расположившись въ лѣсу подъ деревьями, мы рѣшились тутъ его ждать; черезъ нѣсколько времени Хабабъ говоритъ мнѣ: «А вотъ ѣдетъ отъ паши кавасъ вѣроятно къ вамъ», и дѣйствительно подъѣхалъ кавасъ и подалъ мнѣ пакетъ отъ паши. Я распечаталъ и далъ Бустросу прочесть и перевести мнѣ въ чемъ дѣло. Оказалось, что нѣкто Французскій подданный Мичирелли, разсердившись за что-то на своего консула Буре́, написалъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ бранное къ нему письмо и разбросалъ въ разныхъ мѣстахъ. Консулъ написалъ пашѣ, чтобъ схватить Мичирелли и засадить въ тюрьму, и полицейскіе совсѣмъ было его схватили у дома Хабабъ-Бустроса; но Мичирелли сказалъ имъ, что онъ Русскій подданный; и поэтому паша проситъ увѣдомить его, дѣйствительно ли это такъ, и дозволю ли я взять его изъ дома Бустроса. Прочтя это письмо, Бустросъ взмолился не дозволять этого, такъ какъ жена его беременна, а эта возня можетъ ее напугать, и она занеможетъ. Я его успокоилъ, что я этого никогда не позволю, и просилъ его написать отвѣтъ, который ему продиктую. Бустросъ досталъ изъ кармана чернильницу съ перомъ, которую всѣ Арабы носятъ съ собой, и я ему продиктовалъ: «Мичирелли никогда не былъ Русскимъ подданнымъ и теперь не состоитъ; но права̀ Русскаго гостепріимства не дозволяютъ мнѣ разрѣшить вамъ взять его насильно изъ дома Русскаго подданнаго, и поэтому, пока Мичирелли останется тамъ, чтобы полиція не смѣла брать его; а когда онъ оттуда добровольно уйдетъ, то могутъ его захватить: это до меня не касается». Къ отвѣту этому я приложилъ имянную печать, которая изображаетъ мою подпись по турецки и которую мнѣ сдѣлали еще въ Петербургѣ, по назначеніи моемъ въ Турцію. Бустросъ остался очень доволенъ и отдалъ пакетъ кавасу для передачи пашѣ.

Пока мы возились съ этимъ дѣломъ, показался вдали Базили. Я разсказалъ ему о происшедшемъ; онъ остался доволенъ моими дѣйствіями, но добавилъ, что это еще не конецъ, нельзя же Мичирелли вѣчно поселиться въ домѣ Хабаба, а поэтому, вернувшись домой, по-

слалъ къ пашѣ бумагу, въ которой, одобряя мои дѣйствія, увѣдомлялъ пашу, что онъ велѣлъ своему кавасу проводить Мичирелли до его квартиры, и что пока кавасъ Русскаго консула его провожаетъ, чтобы его полиція не смѣла брать. Впослѣдствіи я узналъ отъ самаго Мичирелли, что онъ съ народомъ дошелъ до дому съ Русскимъ кавасомъ и присталъ въ домѣ Англійскаго подданнаго. Паша обращался къ Англійскому консулу за позволеніемъ взять Мичирелли; но тотъ отвѣчалъ, что комната, въ которой онъ живетъ, принадлежитъ вѣдомству Сардинскаго консула, и потому кавасъ на него не имѣетъ права. Паша обратился къ Сардинскому консулу; тотъ отвѣчалъ, что Мичирелли дѣйствительно принялъ подданство Сардинское, но что кавасъ его не имѣетъ права проходить по корридорамъ дома Англійскаго подданнаго. И такъ Мичирелли сидѣлъ покойно у окна и любовался, какъ около его квартиры болталась Турецкая полиція. Мичирелли оказался однимъ изъ племянниковъ папы Пія IX-го, въ то время за вольнодумство и разные продѣлки свои былъ папою высланъ изъ папскихъ владѣній, пріѣхалъ въ Сирію и принялъ тамъ Французское подданство. Въ память своего освобожденія онъ просилъ меня принять отъ него картинку изъ Сирійскаго быта.

По случаю болѣзни жены своей Базили уѣхалъ съ семьей въ Петербургъ и поручилъ на время его отпуска мнѣ исполнять его должность. Вступивъ въ исправленіе должности консула, я переѣхалъ въ казенный домъ, гдѣ и занялъ кабинетъ консула. Вскорѣ пріѣхалъ Дондуковъ-Корсаковъ, отправлявшійся въ Іерусалимъ. Я его уговорилъ занять домъ консула, пока онъ будетъ въ Бейрутѣ; но онъ сказалъ, что останавливаться здѣсь не будетъ, такъ какъ поѣдетъ тотчасъ же сухимъ путемъ въ Іерусалимъ, благодарилъ меня очень за пріемъ его брата, который часто съ нимъ обо мнѣ говорилъ, выражая удовольствіе отъ временнаго пребыванія въ Бейрутѣ и о нашихъ съ нимъ прогулкахъ.

Въ одно утро явился ко мнѣ Грекъ-монахъ и подалъ небольшую незапечатанную записку; она оказалась отъ князя изъ Іерусалима. Въ запискѣ значилось, что онъ проситъ меня отъ своего имени и отъ патріарха достать изъ таможни десять тюковъ, съ подарками отъ Россіи въ Іерусалимъ на имя патріарха; патріархъ говорилъ, что были такіе предметы, которые по законамъ Турецкимъ должны быть истреблены, а другіе, за которые надо платить большія пошлины. Онъ просилъ по выручкѣ этихъ тюковъ передать ихъ подателю письма для доставленія въ Іерусалимъ. Прочтя записку, я спросилъ, готовы ли у него ослы? Онъ отвѣчалъ, что все готово, и онъ только ждетъ, что̀ я ему скажу.

Я назначилъ ему зайти черезъ часъ, надѣясь къ этому времени все обдѣлать, позвалъ каваса и велѣлъ написать въ канцелярію таможни бумагу такого содержанія, до свѣдѣнія моего дошло, что въ таможнѣ находятся 10 тюковъ на имя Іерусалимскаго патріарха; а такъ какъ мнѣ извѣстно, что это усердное приношеніе въ Іерусалимскій храмъ отъ Русскихъ, то я прошу таможню, не распечатывая тюковъ, доставить ихъ ко мнѣ въ канцелярію. Приложивъ свою печать, я велѣлъ отнести бумагу въ таможню. Таможни въ Турціи всѣ на откупу и, какъ я послѣ узналъ, откупщикомъ Бейрутскимъ былъ нашъ второй драгоманъ консульства, фамилію котораго я забылъ. Очень скоро принесли ко мнѣ въ канцелярію всѣ десять тюковъ. Монахъ ужасно обрадовался этимъ вещамъ и удивился, какъ я могъ такъ скоро все это обдѣлать. Я ему предложилъ немедленно навьючиватьословъ и возвращаться въ Іерусалимъ.

Въ Пятницу на Страстной недѣлѣ ко мнѣ пріѣхалъ свѣтлѣйшій князь Салтыковъ; я пригласилъ его обѣдать. Мы много бесѣдовали, онъ разсказалъ мнѣ о своемъ путешествіи въ Индію. Объѣздивъ всю Европу, онъ возвращался въ Россію, такъ какъ смуты во Франціи ему надоѣли. Я его спросилъ, гдѣ онъ думаетъ встрѣтить свѣтлый праздникъ? Въ постели, отвѣчалъ онъ. Я пригласилъ его пріѣхать въ Воскресеніе ко мнѣ завтракать. Въ Субботу я отправился въ Греческую церковь одинъ, безъ каваса. Когда я вошелъ, всѣ разступились, чтобы дать мнѣ дорогу; священникъ, увидавъ меня, положилъ Евангеліе на плащаницу и съ крестомъ пошелъ мнѣ на встрѣчу. Отслушавъ заутреню и обѣдню въ придѣлѣ подъ Русскимъ гербомъ, я вернулся домой. Во всѣхъ почти Греческихъ церквахъ два придѣла: одинъ подъ Русскимъ гербомъ, другой подъ Греческимъ. Къ завтраку въ Свѣтлое Воскресеніе я пригласилъ пріѣхавшихъ ко мнѣ съ поздравленіемъ Прусскаго генеральнаго консула, молодого человѣка, Австрійскаго барона Баума и пріѣзжаго Француза виконта Дюпрà. Къ 2 часамъ пріѣхалъ и Салтыковъ, и мы впятеромъ сѣли за столъ. Салтыковъ немного безтактно завелъ разговоръ о томъ, что онъ космополитъ и отечества не признаётъ, что оно тамъ, гдѣ ему хорошо. Нѣмцы лукаво посмѣивались, а Французъ горячо заступился за свою націю, говорилъ, что онъ гордится тѣмъ, что онъ Французъ и своего государства ни на какое другое не промѣняетъ. Я по русски замѣтилъ Салтыкову, что споръ этотъ немного неловокъ въ домѣ офиціальнаго лица Русскаго консула; онъ пожалъ мнѣ руку, извинился и перемѣнилъ разговоръ. Князь Салтыковъ каждое утро заходилъ ко мнѣ, прося ему сопутствовать, когда верхомъ, когда пѣшкомъ, по окрестностямъ

Бейрута; онъ, такъ же какъ Корсаковъ, любилъ рисовать и снималъ все, чтò ему нравилось. Когда онъ узналъ, что я вечера провожу дома, онъ приходилъ ко мнѣ, и я ему игралъ разныя оперы. Однажды онъ просилъ меня сыграть ему изъ Аскольдовой Могилы. Я его спросилъ: развѣ вамъ нравится эта музыка? Онъ отвѣчалъ: знаете, какъ-то свое напоминается, родное. Я расхохотался и сказалъ: какъ же вы у меня въ домѣ говорили, что отечества не признаете?—Ну, это я глупости говорилъ; вы меня пожалуйста извините; я понялъ потомъ, что это было дѣйствительно глупо съ моей стороны. Я его успокоилъ, что нисколько не сержусь, а очень благодаренъ ему за то, что онъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

Въ одно утро явилась ко мнѣ цѣлая депутація Греческаго консульства съ просьбой пригласить всѣхъ консуловъ на похороны скончавшагося ихъ митрополита. Я объяснилъ имъ, что такія приглашенія дѣлаются только о своихъ подданныхъ, и что имъ надо отнестись къ пашѣ, такъ какъ митрополитъ подданный Турціи. Они отвѣчали, что были у паши, что онъ на нихъ разсердился и сказалъ: какъ я буду безпокоить консуловъ по случаю смерти гяура? Были мы, продолжали они, у Греческаго консула; тотъ посовѣтовалъ обратиться къ вамъ, что если онъ вамъ въ чемъ окажется нуженъ, онъ все сдѣлаетъ по вашему желанію, а одинъ не можетъ ничего сдѣлать, а согласитесь, что и безъ того наша вѣра здѣсь въ такомъ пренебреженіи. Если мы схоронимъ митрополита, главу нашей церкви, какъ простого смертнаго, это очень дурно подѣйствуетъ на всѣхъ нашихъ прихожанъ. Выводъ ихъ былъ правиленъ, и помочь имъ было необходимо.

Я отвѣчалъ: попросите ко мнѣ Греческаго консула; можетъ быть, мы что либо придумаемъ вдвоемъ, но за успѣхъ я не ручаюсь. Греческій консулъ не замедлилъ пріѣхать ко мнѣ и еще болѣе убѣдилъ меня, что нельзя допустить похоронъ митрополита какъ частнаго человѣка. Я ему предложилъ послать приглашеніе отъ насъ обоихъ. Онъ съ удовольствіемъ на это согласился. Я написалъ такого рода циркуляръ ко всѣмъ консуламъ: «Глава нашей Грекороссійской церкви, митрополитъ Бейрутскій, скончался; а потому, мы генеральные консулы, Русскій и Греческій, покорнѣйше просимъ генеральнаго консула такого-то государства пожаловать отдать послѣдній долгъ покойному въ домъ Россійскаго генеральнаго консула». Мы уговорились, что, въ случаѣ еслибы никто не пріѣхалъ, мы вдвоемъ схоронимъ патріарха со всею почестью подобающей его сану, т. е. въ полныхъ мундирахъ и въ траурѣ, съ кавасами. Въ назначенный день Греческій консулъ прі-

ѣхалъ ко мнѣ съ утра, чтобы вмѣстѣ принимать гостей. Въ назначенный часъ первый пріѣхалъ Французскій генеральный консулъ Бурѐ въ полномъ парадѣ и съ кавасами. Англійскій не пріѣхалъ. Мы уже думали приступить къ похоронамъ, какъ явился его драгоманъ и объявилъ, что онъ присланъ отъ полковника Рооза переговорить предварительно со мной наединѣ. Я отвѣчалъ, что секретовъ у насъ нѣтъ, и я его прошу объяснить здѣсь, что̀ ему нужно; онъ настаивалъ на своемъ. Тогда Буре взялъ меня подъ руку и сказалъ тихо: «исполните его желаніе; любопытно знать что̀ онъ вамъ скажетъ». Попросивъ позволенія у гостей, я ушелъ съ драгоманомъ въ кабинетъ. Драгоманъ передалъ мнѣ, что полковникъ Роозъ поручилъ ему узнать отъ меня: извѣстно ли мнѣ, что подобныя приглашенія дѣлаются только въ случаѣ кончины своего подданнаго. Я отвѣчалъ, что тутъ о подданствѣ и рѣчи нѣтъ, одно и тоже лицо не можетъ быть подданнымъ двухъ государствъ, а что покойникъ глава нашей Греко-Россійской церкви, тоже извѣстно всей Европѣ. Онъ отвѣчалъ, что полковникъ поручилъ мнѣ сказать, что если бы на похороны приглашенъ былъ одинъ Греческій консулъ, онъ бы первый явился и что ему важна подпись Русскаго генеральнаго консула, а что̀ касается до выраженія глава церкви, то онъ признаетъ его за довольно ловкій оборотъ, но остается при мнѣніи, что такія приглашенія дѣлаются только для своихъ подданныхъ и потому проситъ прекратить порядокъ похоронъ, а иначе это можетъ повести къ разрыву. Меня ужасно разсердили эти слова, и я довольно рѣзко отвѣчалъ ему: «Всѣ генеральные консулы признали приглашеніе наше правильнымъ, какъ вы сами видите; мы не имѣемъ права отступить, и угрозы полковника Рооза меня не испугаютъ, и за тѣмъ болѣе мнѣ говорить нечего, прощайте». Я ушелъ въ общій залъ. Драгоманъ раскланялся и уѣхалъ. Бурѐ отвелъ меня въ сторону и просилъ разсказать ему нашъ разговоръ; я передалъ слово въ слово. «Конечно, отвѣчалъ онъ, если Европа и Америка признали своимъ пріѣздомъ дѣйствія ваши правильными; то онъ одинъ противиться этому не можетъ. Вамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, а я вамъ откровенно скажу, между нами, что у Россіи и у насъ съ Англичанами что-то не совсѣмъ ладно, и такого рода придирки Франція никогда бы себѣ не позволила». Я предложилъ приступить къ дѣлу. Греческій консулъ сказалъ, что все готово, и мы всѣ вмѣстѣ отправились проводить тѣло покойнаго въ церковь; народу было много, и мы всѣ вошли въ церковь. Первымъ встрѣтилъ меня Роозъ въ простомъ сюртукѣ и сказалъ мнѣ, что онъ прибылъ на похороны не по моему приглашенію, а изъ личнаго уваженія къ покойнику. Я отвѣчалъ, что вижу это по его костюму; тогда онъ повторилъ мнѣ слова своего драгомана о раз-

рывѣ. Я указалъ ему на всѣхъ присутствовавшихъ и сказалъ: «Вы видите, кромѣ васъ никто не протестуетъ». Изъ церкви все общество собралось у меня. Я пригласилъ и полковника, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что какъ полковникъ Роозъ къ г-ну Бланкъ онъ всегда готовъ идти, но какъ генеральный консулъ Англіи къ генеральному консулу Россіи при настоящихъ обстоятельствахъ принять приглашенія не можетъ. За обѣдомъ о выходкѣ Англичанина никто не вспоминалъ, и мы дружно бесѣдовали.

Вскорѣ послѣ этого Базили вернулся, и первыми его словами мнѣ было: «Вы здѣсь схоронили митрополита; знаете, что Англійскій посланникъ требовалъ отъ Титова объясненія, а тотъ конечно долженъ былъ приписать вашей неопытности и успокоивалъ его, увѣривъ, что вамъ будетъ сдѣланъ выговоръ; но мнѣ поручилъ вамъ передать, что выговора никакого не будетъ, и вашими дѣйствіями онъ очень доволенъ и весьма васъ благодаритъ».

Австріецъ-баронъ предложилъ поѣхать мнѣ съ нимъ на Ливанскія и Антиливанскія горы въ Бельбекъ и Дамаскъ. Я охотно согласился. Первая остановка наша была у моста черезъ небольшую рѣчку въ тѣни огромныхъ олеандровъ, въ полномъ цвѣту, распространявшихъ пріятный запахъ; затѣмъ мы поѣхали по берегу моря. Во все время прилива мы мчались въ карьеръ, и все таки брызги воды задѣвали насъ. Скоро добрались мы до Ливанскихъ горъ; здѣсь намъ уже пришлось ѣхать шагомъ, по каменному ущелью между горъ. Ущелье шло тоже съ подъемомъ и спускомъ, и когда при одномъ спускѣ я вздумалъ закурить папироску и бросилъ для этого возжи, то едва не упалъ черезъ голову лошади; удержало меня только теплое пальто мое, положенное ей на шею. Свернуть и закурить папиросу все таки удалось. Изъ этого ущелья мы выѣхали опять къ морю въ городокъ Латонію, извѣстный своимъ особеннымъ табакомъ, который по моему пріятнѣе Турецкихъ.

Латонія имѣетъ одну только улицу полукруглую соотвѣтственно морю, которое здѣсь образуетъ полукруглый небольшой заливъ. Запасшись въ Латоніи чернымъ табакомъ, мы стали подниматься въ гору. По камнямъ взобраться въ гору было нелегко, и становилось много холоднѣе. Окрестности Бейрута замѣчательны тѣмъ, что часовъ черезъ шесть ѣзды, поднимаясь въ гору, изъ тропическаго климата, попадаешь въ умѣренный, а на вершинѣ намъ пришлось надѣть все теплое. При спускѣ увидали мы маленькій городокъ или деревушку, которая казалась намъ близко; но мы достигли ея только на другой

день и должны были ночевать между Ливанскими и Антиливанскими горами. На другой день уже передъ вечеромъ мы спустились въ городокъ Джебель, видѣнный нами наканунѣ съ горъ. Джебель испещренъ мелкими ручейками, стекающими со всѣхъ сторонъ съ горъ. Тамъ мы остановились у Греческаго священника.

На другой день передъ вечеромъ мы увидали Бельбекскія развалины, которыя вполнѣ осмотрѣть мало было бы цѣлыхъ сутокъ. Огромныя колонны и валявшіеся около нихъ гигантскіе барельефы обозначали, чтó за громадное было здѣсь зданіе. Преданіе гласитъ, что тутъ былъ храмъ Соломона. Мы было хотѣли подняться по одной уцѣлѣвшей лѣстницѣ до вершины столбовъ, между которыми она шла; но оказалось, что цѣлы были только нѣсколько нижнихъ ступенекъ, а остальныя провалились. Въ Бельбекѣ у насъ былъ третій ночлегъ, и на другой день мы поѣхали на Ливанскіе кедры; но тутъ уже дорога невозможная: нужно было подниматься на перпендикулярную гору. Мы слѣзли съ лошадей и повели ихъ подъ устцы, а сами взбирались ползкомъ. Я увидалъ большой камень и, поднявшись на него, сѣлъ, а чтобы не скатиться, уперся въ него ногами; но недолго я могъ сидѣть, скоро камень зашатался, и меня едва успѣли поднять, какъ онъ съ шумомъ полетѣлъ. Затѣмъ вскорѣ попали мы на снѣгъ, взобраться по которому было еще труднѣе чѣмъ по камню, потому что ноги ежеминутно проваливались, а когда пришлось спускаться, то это былъ чистый адъ; мы безпрестанно падали, даже и опытные проводники подвергались тому же. Затѣмъ намъ предстояло вновь подниматься на Ливанскіе кедры, но уже подъемъ былъ не такъ крутъ и высокъ. Тогда оставалось Ливанскихъ кедровъ не болѣе 300 — 400 деревьевъ большихъ, съ совершенно прямыми вѣтками; шишки огромнѣйшія, но орѣшки въ нихъ только начинали образовываться. Тамъ живетъ какой-то сторожъ, не знаю добровольно или по найму. Я у него спросилъ, нѣтъ ли у него чего напиться. Онъ удивился, посмотрѣлъ на меня и показалъ рукою на снѣгъ, сказавъ, что инаго питья здѣсь не найдешь. Утоливъ жажду снѣгомъ, мы отправились далѣе. Дорóга пошла лучше, шла зигзагомъ на половинѣ горы, тропинка была довольно широкая. Я нѣсколько отсталъ изъ-за импровизированнаго питья моего и поскакалъ галопомъ, чтобы ихъ догнать; но когда я оглянулся на лѣвую сторону, то сердце мое сжалось: оказалось, что я скакалъ надъ глубокой пропастью. Видъ былъ внизу очаровательный: живописно раскинутыя деревья, между деревьями дорожки и ручейки казались лентами, скотъ какъ игрушечный между блестящей зелени деревьевъ и ручейковъ. Деревня эта называлась Эдинъ, и здѣсь по

преданію былъ рай, который по гречески называется Эдемъ. Мы приближались къ Дамаску, и дорога пошла уже значительно лучше.

Дамаскъ весь окруженъ садами, такъ что постройки тоже всѣ въ зелени; но когда мы въѣхали въ городъ, то все очарованіе исчезло, такъ какъ по обѣ стороны улицъ были однѣ глухія стѣны, безъ оконъ и дверей. Я недоумѣвалъ, какъ жители входятъ въ дома и остаются вѣчно безъ свѣта. Въ одной изъ улицъ вдругъ изъ стѣны показался какой-то мальчикъ одѣтый по европейски и на Итальянскомъ языкѣ сталъ предлагать намъ занять номеръ, расхваливая комфортъ, бѣлье и столъ. Оказалось, что тутъ Итальянская гостинница. Баронъ Баумъ поѣхалъ къ своему консулу, а я принялъ предложеніе мальчика, слѣзъ съ лошади, и онъ мнѣ отворилъ узенькую дверь, которую простымъ глазомъ трудно было и увидать, такъ какъ она плотно прилегала къ стѣнѣ. Я вошелъ, за нами мой кавасъ провелъ и лошадь. Мы вступили въ какой-то темный корридоръ между двухъ сплошныхъ стѣнъ; но какъ только вышли изъ него, то неожиданво очутились въ волшебномъ царствѣ: весь полъ двора мозаичный, посреди высоко бьющій фонтанъ, обсаженный великолѣпными высокими деревьями, кругомъ этого двора высокая въ нѣсколько этажей стеклянная галлерея, такъ что здѣсь въ противоположность улицѣ стѣнъ не видать, а только одно стекло въ большихъ рамахъ. Мальчикъ отворилъ большую стеклянную дверь, а тамъ опять мозаичный полъ и опять фонтанъ. Въ углу противъ входной галлереи большая желѣзная кроват съ чистымъ одѣяломъ, мебель Европейская. Все это представляло весьма комфортабельное помѣщеніе, и за умѣренную цѣну. Едва я окончилъ свой туалетъ и принялся за кофе, какъ ко мнѣ пришелъ старичекъ нашъ консулъ. Онъ пенялъ мнѣ, что я не у него остановился, спрашивалъ, не нужно ли мнѣ чего и просилъ, чтобы я во всемъ къ нему относился, что сюда такъ рѣдко пріѣзжаютъ Русскіе, и особенно служащіе, уговаривалъ у него обѣдать, что̀ я ему обѣщалъ и просилъ его прислать ко мнѣ его письмоводителя, чтобы познакомить меня съ городомъ.

Онъ очень обрадовался и сказалъ, что у него сынъ письмоводителемъ, и что онъ тотчасъ же пришлетъ его ко мнѣ представиться, и каждое утро онъ будетъ приходить ко мнѣ, и чтобы я безъ церемоніи располагалъ имъ. Я спросилъ о часѣ его обѣда; онъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ того, какъ я самъ назначу: они обыкновенно обѣдаютъ въ 4 часа. Я посмотрѣлъ на часы, еще не было 12-ти, и сказалъ ему, что успѣю еще съ его сыномъ походить по городу. Не про_

шло десяти минутъ, какъ явился молодой человѣкъ, сынъ консула. Мы отправились съ нимъ по городу. Онъ мнѣ показалъ стѣну, съ которой по преданію Апостолъ Павелъ, преслѣдуемый бывшими своими единовѣрцами, перескочилъ на противоположную сторону, гдѣ имъ догнать его было невозможно. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть домъ Англійскаго генеральнаго консула, который былъ въ отлучкѣ, и домъ его осмотрѣть стоило. Входъ также былъ въ незамѣтную дверь маленькимъ корридоромъ, который велъ на дворъ, красиво выложенный мозаикомъ; по срединѣ его была громадная раковина, изъ которой высоко билъ фонтанъ. По всему двору было насажено много тропическихъ растеній; въ домъ вела прекрасная мраморная лѣстница, съ двухъ сторонъ обставленная пальмами. Мебель Европейская, красивая и покойная, во всѣхъ почти комнатахъ фонтаны, убранные раковинами и ползучей зеленью.

Изъ дворца онъ повелъ меня на *горши*, гостиный дворъ, крытый парусиной, гдѣ продавцы, каждый у своей лавки, занимались разными работами, т. е. всѣми возможными ремеслами. Турку одному брили голову; поваръ, около съѣстной лавки, поджаривалъ маленькими кусочками баранину иа вертелѣ. Тутъ и кофейни съ Турками, курившими наргиле. Дверей въ гастрономическихъ лавкахъ не было. Внутри разостланы ковры, на которыхъ по турецки возсѣдала разная публика: Армяне, Жиды и даже Персіяне въ своихъ высокихъ шапкахъ. Мы выкурили въ одной изъ этихъ лавочекъ наргиле, и такъ какъ время приближалось къ обѣду, то оттуда пошли къ отцу моего провожатаго. Старикъ представилъ мнѣ свою жену и дочерей; всѣ были безъ покрывалъ. Обѣдъ былъ безконечно длинный; приборъ мнѣ поставили Европейскій съ ножемъ и вилкой, кушанья были перемѣшаны, мясное съ сладкимъ, въ заключеніе пилавъ и кофе, затѣмъ наргиле. Наргиле мнѣ подали очень роскошный, съ предлиннымъ чубукомъ, который, какъ змѣя, вился по полу. Мы курили полулежа на диванахъ вмѣстѣ съ его дамами. Насъ приходили обрызгивать духами и подавали намъ мѣстное виноградное вино.

Затѣмъ мы всѣмъ семействомъ ходили въ гости. Убранство домовъ вездѣ одинаковое, и угощеніе также. Жидовскихъ домовъ очень много и женщины съ открытыми лицами, на улицѣ же закрывались.

На возвратномъ пути, минуя Бельбекскія развалины и Ливанскіе кедры, мы прямой дорогой возвратились въ Бейрутъ. Одной изъ нашихъ ночевокъ была деревня Эдемъ, на которую я такъ любовался съ

Ливанскихъ горъ; она дѣйствительно была восхитительна. Ручейки, стекавшіе въ нее съ тающихъ снѣговъ, освѣжали зелень и придавали ей изумрудный колоритъ.

Хозяинъ угощалъ насъ по европейски, т. е. съ ножами, вилками и ложками. На вопросъ нашъ, откуда онъ добылъ эту сервировку, онъ намъ разсказалъ; что, девять лѣтъ тому назадъ, пріѣзжалъ изъ Дамаска Французъ Ламартинъ, только что схоронившій свою десятилѣтнюю дочку, нашелъ большое сходство между нею и имъ (тогда тоже мальчикомъ) и просилъ отца отдать его ему, но тотъ не согласился; тогда, уѣзжая, онъ подарилъ ему на память полдюжины приборовъ, заказавъ ему, чтобы онъ, когда выростетъ и будетъ самъ хозяиномъ, то подавалъ бы ихъ пріѣзжающимъ Европейцамъ, и это заставитъ предпочесть его гостинницу другимъ въ этой деревнѣ, чтò оправдалось: у него всѣ останавливаются, и онъ богатѣетъ.

Въ Бейрутѣ мы получили полуофиціальное извѣстіе изъ посольства, что къ намъ ѣдетъ писатель Гоголь, и чтобы консульство постаралось быть ему полезнымъ во время путешествія его въ Іерусалимъ и пребыванія въ Бейрутѣ. Базили былъ ему товарищемъ по Нѣжинскому лицею и по пріѣздѣ его въ Бейрутъ сопровождалъ его до Іерусалима. Оттуда Гоголь вернулся одинъ, а Базили остался тамъ по дѣламъ службы. Я часто навѣщалъ его. Онъ былъ очень привѣтливъ, но грустенъ, былъ набоженъ, но не ханжа, никогда не навязывалъ своихъ убѣжденій и не любилъ разговора о религіи. Часто посѣщалъ онъ жену Базили и приглашалъ меня показывать ему окрестности Бейрута. По возвращеніи, Базили пожелалъ самъ ознакомить его съ Бейрутскимъ обществомъ, чтобы разсѣять немного его грустное настроеніе. Однажды, входя въ домъ консула, на лѣстницѣ я встрѣтилъ уходившаго Гоголя и на вопросъ мой, чтò онъ такъ рано уходитъ, онъ махнулъ рукой и отвѣчалъ: «Ваше Бейрутское общество страшную тоску на меня навело; я ушелъ потихоньку, пора домой; не говорите Базили, что меня встрѣтили». Войдя въ залъ, я увидалъ Бейрутскаго пашу, съ поджатыми ногами сидѣвшаго на шахнесе и пожирающаго глазами двухъ Англичанокъ Чѣрчель, только что окончившихъ ученіе въ одномъ изъ аристократическихъ Лондонскихъ пансіоновъ: онѣ танцовали польку съ фигурами. Возлѣ паши сидѣлъ красивый мущина въ Турецкомъ военномъ костюмѣ на креслѣ. Базили познакомилъ меня съ нимъ; это былъ Омеръ-паша, родомъ Иллиріецъ, и по сходству его языка съ нашимъ, онъ немного понималъ по русски. Я сѣлъ возлѣ него, и онъ, нагнувшись ко мнѣ, указалъ на Бейрутскаго пашу и замѣтилъ: «По-

смотрите, какъ жадно глядитъ на Англичанокъ, такъ и забралъ бы ихъ въ гаремъ». Мы оба разсмѣялись. Жалка судьба этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ-сиротъ. Отецъ ихъ, по смерти своей жены, поселился въ Сиріи, въ деревнѣ, надѣлъ Арабскій костюмъ и окружилъ себя мастеровыми, выписалъ къ себѣ дочерей, и онѣ, образованныя дѣвушки, должны были довольствоваться обществомъ простолюдиновъ. Жена Базили замѣтила имъ, насколько имъ, вѣроятно, скучна ихъ жизнь; онѣ промолчали, а отецъ отвѣчалъ за нихъ: «Помилуйте, мы окружены самымъ привлекательнымъ обществомъ, сапожниками, кузнецами, портными; все полезный и дѣловой людъ». Старшая дочь съ глазами полными слезъ сказала: «Отецъ, если уже ты насъ поселилъ въ такомъ обществѣ, то грѣшно тебѣ смѣяться надъ нами».

Собранія наши у Французовъ продолжались, и я, пріѣхавъ разъ вечеромъ къ Овадье́, засталъ ихъ въ восторженномъ состояніи. Они встрѣтили меня со словами: «Поздравьте насъ, у насъ республика!» Я улыбнулся и поздравилъ ихъ; но не прошло и двухъ недѣль послѣ ихъ радостнаго событія, у того же Овадье́ я засталъ всѣхъ ихъ не въ духѣ, и спросилъ, чѣмъ они недовольны? Они отвѣчали: «Все это Парижане устроили, а мы Марсельцы ничего подобнаго никогда не желали. Луи-Филипъ не былъ деспотомъ, мы при немъ блаженствовали, а Парижанамъ вздумалось его прогнать и провозгласить республику, и теперь наши коммерческіе дома обанкрутились».

Въ Бейрутъ прибылъ Русскій тендеръ. Офицеры пригласили меня къ нимъ, угощали завтракомъ съ Шампанскимъ; но долго я оставаться не могъ; хотя тендеръ стоялъ въ тихомъ мѣстѣ, но постоянное покачиваніе нагнало на меня морскую болѣзнь. Извинясь, что дольше не могу пользоваться ихъ бесѣдой, я на слѣдующій день пригласилъ ихъ къ себѣ, и за невозможностію достать въ Бейрутѣ порядочнаго Шампанскаго, угостилъ ихъ мѣстнымъ Кипрскимъ виномъ. Они пришли отъ него въ восторгъ и спрашивали меня, гдѣ я могъ достать такое чудное вино? Я указалъ имъ на островъ Кипръ, гдѣ оно производится, и они были очень довольны, что могутъ на возвратномъ пути имъ запастись.

Здоровье г-жи Базили съ каждымъ днемъ ухудшалось, у нея была злѣйшая чахотка; ни климатъ Бейрута, ни старанія докторовъ не могли ея спасти, и она скончалась. Онъ былъ очень огорченъ и просилъ меня распорядиться похоронами и пригласить офицеровъ тендера. Похороны были очень парадныя, народу была масса, конечно больше изъ любопытства смотрѣть на офицеровъ, несшихъ гробъ, и послушать

Русскаго пѣнія нашихъ матросовъ. Вскорѣ послѣ похоронъ Базили сказалъ мнѣ, что онъ на долго уѣзжаетъ и просилъ посольство прислать замѣстителемъ его князя Дондукова-Корсакова, чему я былъ очень радъ. По отъѣздѣ Базили вернулся изъ своего странствованія по Сиріи и Палестинѣ князь Салтыковъ, и мы опять съ нимъ катались по окрестностямъ. Собираясь въ Россію, онъ отправился къ Серве, повѣренному дома Ротшильда въ Бейрутѣ, для полученія денегъ по чеку Ротшильда; но вернулся оттуда недовольный и разсказалъ мнѣ, что Серве уплатить отказался, ссылаясь на теперешнюю безурядицу во Франціи, и прибавилъ, что если генеральный консулъ дастъ удостовѣреніе, что князь имѣетъ въ Россіи обезпеченное состояніе, то деньги выдастъ. Я вызвался дать ему немедленно такое удостовѣреніе; онъ крѣпко меня поцѣловалъ, сказавъ, что ему крайне нужно спѣшить въ Россію и заѣхать въ Марсель и Парижъ за своими вещами, тамъ оставленными. Онъ получилъ деньги и уѣхалъ, дружески простившись со мной и прося писать ему въ Петербургъ до востребованія.

Наконецъ пріѣхалъ и князь Дондуковъ. Я большую часть вечеровъ проводилъ у него. Узнавъ отъ меня о поѣздкѣ нашей съ его двоюроднымъ братомъ къ Друзскому шейху, онъ предложилъ мнѣ исполнить мое обѣщаніе быть у него, и мы на другой день отправились туда, не заѣзжая къ Маронитамъ. Шейхъ оказался дома, принялъ насъ очень радушно и пригласилъ съ нимъ отобѣдать. За столомъ сидѣли одни мущины, блюдъ было около 20-ти въ восточномъ вкусѣ, 20 человѣкъ прислуги служили намъ, и обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ; потомъ по обыкновенію подали кальянъ, также и десятилѣтнему его сыну, который преважно, поджавши ноги, курилъ. По окончаніи куренья шейхъ пригласилъ насъ на половину жены его, т. е. въ гаремъ; въ качествѣ проводника съ нами былъ Хабабъ-Бустросъ, и мы отправились къ дамамъ. Меня съ княземъ усадили на диванахъ противъ дамъ, лица которыхъ были открыты, а Хабаба посадили рядомъ съ нами, и когда они обращались въ его сторону, то закрывались. Встрѣчалъ я въ Бейрутѣ женщинъ съ однимъ огромнымъ рогомъ въ одну сторону, но не могъ разглядѣть, какъ онъ былъ прикрѣпленъ къ головѣ, потому что вмѣстѣ съ лицомъ онъ былъ укутанъ покрываломъ, сквозь которое ничего нельзя было разсмотрѣть. У дамъ же шейха покрывало висѣло только на кончикѣ рога, и я могъ разсмотрѣть, что рогъ крѣпко прикрѣпленъ въ волосахъ; я узналъ, что они и спятъ въ немъ. Нѣсколько прислужницъ, тоже съ рогами, не скрывавшихъ отъ насъ своихъ лицъ, а только отъ Хабаба, разносили кофе, варенье, вино и кальянъ. Молодая жена очень горевала, что въ тотъ мой пріѣздъ

не сумѣла мнѣ угодить платьемъ; я увѣрялъ ее, что намъ было очень хорошо и покойно у нихъ и что если мы не остались, то потому, что нужно было торопиться домой. Провели мы у нихъ весь день; ночлегъ намъ былъ приготовленъ на широкихъ диванахъ.

На другой день, не смотря на усиленное приглашеніе остаться еще на сутки, мы не согласились, такъ какъ оставлять городъ на долго обоимъ намъ по дѣламъ службы было невозможно, и выѣхали обратно домой. На полдорогѣ отъ шейха до Бейрута, мы остановились въ Турецкихъ казармахъ устроенныхъ въ домѣ прежняго Друзскаго шейха, сосланнаго по распоряженію правительства въ отдаленныя мѣста, за частыя распри съ Маронитами. Домъ его былъ взятъ въ казну. Въ большомъ домѣ были казармы, а флигель занималъ завѣдующій ими.

Сосланный шейхъ, для устрашенія Маронитовъ, разставилъ вплоть до границы ихъ столбы, въ родѣ нашихъ телеграфныхъ, на которыхъ вѣшалъ плѣнныхъ, замѣняя одного другимъ, такъ что тѣла Маронитовъ не сходили со столбовъ. Маронитскій же шейхъ устроилъ въ своихъ владѣніяхъ такія же висѣлицы для Друзовъ. Но когда ихъ шейхъ былъ сосланъ, то Маронитскій покорился и былъ переименованъ въ каймакана. Разсказывали, что когда старикъ шейхъ былъ сосланъ, то сынъ его, жившій во флигелѣ, гдѣ помѣщался полковникъ, успѣлъ убѣжать, и долго не могли его поймать; наконецъ изловили, повезли въ Константинополь по Малой Азіи. На одной горѣ, верхушка которой представляла довольно обширную площадку, онъ сталъ хвастать пашѣ, что если бы ему дозволили выбрать одну изъ Турецкихъ лошадей, онъ показалъ бы свое искусство джигитовки. Паша, обойдя площадку, увидалъ, что она со всѣхъ сторонъ окружена обрывомъ, соблазнился посмотрѣть на его искусство, о которомъ и прежде слышалъ, и велѣлъ дать ему лошадь. Онъ долго выдѣлывалъ разные фокусы акробата, но замѣтивъ, что команда вся зазѣвалась, неожиданно прыгнулъ въ пропасть. Паша, немедленно собравъ команду, бросился за нимъ, но такъ какъ никто не рѣшался сдѣлать такой отчаянный прыжокъ, то поѣхали въ объѣздъ. Долго они гнались за нимъ, но наконецъ увидали его сидящаго подъ деревомъ съ трубкой; всѣ бросились къ нему, онъ же моментально сѣлъ на коня и, дѣлая неимовѣрные прыжки, ускакалъ отъ нихъ. Поймали его или нѣтъ, неизвѣстно.

Великолѣпенъ былъ по наружности дворецъ сосланнаго шейха; но Турки такъ сумѣли его загрязнить и испортить внутри, что онъ былъ очень непривлекателенъ. Потолки были подперты толстыми деревьями, гаремныя комнаты служили солдатскими спальнями. Мрамор-

ныя бани и ниши все было загажено и исковеркано до безобразія. Навстрѣчу къ намъ вышелъ Турецкій полковникъ, и по обходѣ съ нами казармъ пригласилъ къ себѣ завтракать. Къ нему велъ очень чистенькій палисадникъ, съ дорожкой, усыпанной краснымъ пескомъ. Подходя къ флигелю, мы увидали огромную мраморную лодку, изъ которой высоко билъ фонтанъ; у него все было чисто, опрятно; намъ подали многоблюдный обѣдъ. Прокейфовавъ у него съ полчаса, мы съ княземъ вернулись въ Бейрутъ.

Вскорѣ я переѣхалъ изъ Мальтійской гостинницы въ особый домикъ за заставой, очень близко отъ дома нашего генеральнаго консула, около самой заставы. Домикъ этотъ мнѣ очень нравился; въ особенности я любилъ сидѣть на маленькомъ балконѣ, который висѣлъ надъ Средиземнымъ моремъ; подъ нимъ постоянно бушевали волны и съ приливомъ сильно ударяли въ стѣны дома. Видъ съ этого балкона былъ очарователенъ; влѣво виднѣлся весь городъ съ плоскими крышами и раскинутыми въ разныхъ мѣстахъ бѣлыми шатрами, вправо гигантскія горы съ снѣговыми шапками.

Въ Бейрутѣ появилась холера. Сначала мы на нее не обращали никакого вниманія; но когда кавасъ, являясь по утрамъ, докладывалъ о томъ, сколько народу умирало на базарѣ, падая въ корчахъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, я уговорилъ князя переѣхать въ горы на дачу, и я съ Бустросомъ поѣхали вмѣстѣ искать подходящей квартиры. Вскорѣ по выѣздѣ за городъ, мы увидали массу народа; оказалось, что тутъ былъ устроенъ карантинъ, не пропускавшій никого далѣе до выдержанія 10-ти дневнаго срока. Не желая сидѣть такъ долго въ пустомъ полѣ, я просилъ Бустроса написать къ начальнику карантина, что мы съ нимъ ѣдемъ по порученію Русскаго генеральнаго консула, по дѣламъ службы, и чтобы насъ пропустили немедленно. Приложивъ къ письму свою печать, я отослалъ его съ солдатомъ къ начальнику; онъ тотчасъ велѣлъ насъ пропустить, но не иначе какъ сопровождаемыхъ Турецкимъ солдатомъ, который былъ обязанъ кричать всѣмъ, что мы ѣдемъ, не выдержавъ 10 дневнаго карантина, и чтобы насъ остерегались. Проводилъ онъ насъ на горы, гдѣ народъ не боялся холеры (ея тамъ никогда и не было по рѣзкой перемѣнѣ климата). Остерегаясь насъ во все время проводовъ, онъ не побоялся при прощаніи принять отъ меня изъ рукъ бакшишъ (на водку). Добравшись до села, Бустросъ скоро пріискалъ для своей семьи квартиру, а я нашелъ въ слѣдующемъ селѣ прекрасную дачку для насъ обоихъ. Узнавъ отъ меня о существованіи карантина, князь

заблаговременно отправилъ каваса съ оффиціальной бумагой, чтобы насъ безпрепятственно отпустили переѣхать на дачу, и затѣмъ мы и Хабабъ Бустросъ, безъ малѣйшей задержки, перебрались. Митрополитъ Греческій тоже помѣстился въ томъ селѣ, гдѣ жилъ Бустросъ съ семьей.

Дача князю понравилась, и мы въ ней очень удобно расположились. Окрестности были очень живописны. Собрался я навѣстить митрополита и Бустроса и пошелъ къ нимъ пѣшкомъ одинъ. Дорога шла лѣсомъ, идти было нежутко. Но по пути оказался по дорогѣ глубокій оврагъ, и съ противуположной стороны крутая какъ стѣна гора; между ними дорожка въ аршинъ ширины. Палки со мной не было, и срѣзать было нечѣмъ, переправа была не длинна, такъ что второй шагъ былъ уже на ровное мѣсто, и я рѣшился перейти; но когда я ступилъ на эту дорожку, то у меня закружилась голова, и я вздумалъ отдохнуть нѣсколько; головокруженіе продолжалось, я сѣлъ прислонившись къ горѣ, и спустилъ ноги въ оврагъ, сидѣть было покойно какъ на диванѣ. Но пока я обдумывалъ, какъ мнѣ быть дальше, дожидаться, не появится ли кто на дорогѣ, или передохнувъ продолжать путь, у меня страшно закружилась голова, и меня потянуло въ оврагъ; встать я рѣшительно не могъ себя принудить. Я уперся руками на противуположную сторону, гдѣ шла опять ровная дорога, и перебросилъ ноги черезъ голову. Очутившись на той сторонѣ, я нѣсколько времени не могъ опомниться, какъ это я рѣшился надъ самымъ оврагомъ учинить такое salto-mortale; но такъ какъ оврагъ остался назади, а я былъ на ровномъ мѣстѣ, то пришелъ въ себя довольно скоро и продолжалъ путь. Митрополитъ принялъ меня очень радушно, благодарилъ за посѣщеніе и разсказывалъ ужасъ его положенія, когда, сидя у окна, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ здоровые люди падали въ корчахъ на улицахъ и испускали духъ. Отъ него я пошелъ къ Хабабу, разсказалъ ему свое приключеніе надъ оврагомъ, и онъ вызвался проводить меня до нашей дачи.

Кавасъ изъ Бейрута привезъ почту. По нѣкоторымъ бумагамъ потребовалось немедленное исполненіе. Я вызвался съѣздить утромъ въ городъ и обыденкой вернуться, объяснивъ князю, что холеры не боюсь, тѣмъ болѣе, что далѣе консульства я не буду, а она свирѣпствуетъ преимущественно на базарѣ, внутри города. Князь обрадовался моему предложенію; кавасу велѣно было все заготовить къ моему пріѣзду, собрать у паши точныя свѣдѣнія о холерѣ, о которой насъ спрашивали, такъ чтобы меня не задерживать въ городѣ и чтобы засвѣтло я могъ вернуться. Съ вечера мы послали нанять лошадь и

провожатаго мальчика (взрослые всѣ боялись холеры). На другой день, рано утромъ, я усѣлся на осла, мальчикъ шелъ впереди, ноги мнѣ пришлось подбирать, иначе онѣ доставали бы землю; такое положеніе меня утомило, и я уперся ногами въ шею осла.

Дорога до Бейрута была довольно сносна, хотя оврагъ шелъ почти на всемъ протяженіи, но большею частію довольно далеко отъ проѣзда; изрѣдка приходилось ѣхать по краямъ, мальчикъ шелъ бойко, и мы благополучно добрались до города. Обѣдъ мнѣ былъ уже приготовленъ, но отвѣты отъ паши относительно холеры были неудовлетворительны, такъ что пришлось еще разъ относиться къ нему за дополнительными свѣдѣніями; кромѣ того нужно было распорядиться кое-какими текущими дѣлами, такъ что возвращаться на дачу мнѣ пришлось довольно поздно, а какъ на Югѣ лѣтомъ не бываетъ такихъ длинныхъ дней какъ у насъ на Сѣверѣ, а почти одинаковое какъ зимой, такъ и лѣтомъ, число часовъ дня и ночи, то я долженъ былъ запастись фонаремъ; фонари тамъ бумажные. Проѣхали мы менѣе третьей части пути, безъ фонаря, а затѣмъ зажгли его. Мальчикъ несъ фонарь впереди и сильно размахивалъ руками; отъ этого движенія фонарь вспыхнулъ. Испугавшійся мальчикъ бросилъ его на землю. Ярко освѣтилъ онъ нашъ путь и указалъ намъ, что мы ѣдемъ близко пропасти по привычкѣ ословъ держаться края. Мы остались въ полной темнотѣ. Со всѣхъ сторонъ раздавался вой шакаловъ, похожій на крикъ ребенка. Мальчикъ мой расплакался, жаловался на усталость, просился присѣсть сзади на осла и предоставить ослу везти насъ, куда ему заблагоразсудится. Совѣтъ его былъ благоразуменъ, какъ потому, что мы въ темнотѣ не могли видѣть куда править, такъ и потому, что ослы очень упрямы и большей частью дѣлаютъ наоборотъ того, чего отъ нихъ требуютъ; предоставленные же себѣ, они очень осторожны. Я позволилъ мальчику взобраться сзади на осла, а самъ подвинулся впередъ и обхватилъ ногами шею осла. Такъ мы двинулись; вой шакаловъ все усиливался. Ѣхали конечно шагомъ, и наконецъ увидали вдали огни; но трудно было удостовѣриться, были ли это глаза волковъ, ночью свѣтящіеся, или огни въ деревнѣ. Вдругъ оселъ нашъ такъ сильно качнулся, что я едва не перелетѣлъ черезъ его голову. Я очень испугался, а мальчикъ обрадовался и увѣрялъ, что мы спускаемся въ деревню, что̀ и подтвердилось, и мы могли свободно разсмотрѣть, что огни свѣтились изъ жилыхъ домовъ. Тогда я велѣлъ мальчику направлять путь къ Греческому священнику. Подъѣхавъ къ дому его, я пошелъ немного отдохнуть, купилъ у него фонарь, выкурилъ папироску и съ радостью узналъ, что болѣе

овраговъ не будетъ, и мы проѣдемъ лѣсомъ вплоть до нашей дачи. Успокоенный священникомъ, я взобрался на своего осла, зажегъ фонарь и отдалъ мальчику свѣтить. Въѣхали мы въ лѣсъ, мальчикъ началъ опять размахивать руками, и сожженіе фонаря повторилось. Въ потьмахъ я сильно стукнулся объ дерево, такъ что едва удержался на ослѣ, но затѣмъ увидалъ огонь на нашей дачѣ. Князя я засталъ за чаемъ. Онъ очень безпокоился, что я такъ опоздалъ, и обрадовался, когда я вернулся. Я ему подробно повѣдалъ о своемъ путешествіи.

На дачѣ мы пробыли до глубокой осени, а когда получили извѣстіе отъ пріѣзжавшихъ кавасовъ, что холера въ Бейрутѣ значительно ослабѣла, вернулись въ городъ. Вечера я всѣ проводилъ у князя и возвращался домой только ночевать. Одну ночь, войдя въ спальню, я увидалъ около кровати на стѣнѣ небольшую ящерицу, позвалъ Арабченка, чтобы снять ея и выбросить; но онъ поблѣднѣлъ, объяснивъ, что это скорпіонъ. Пробовалъ я прижать его щипцами, но онъ ловко отвертывался и только переползалъ дальше; тогда я пробовалъ убить его подошвой сапога, но и тутъ онъ очень ловко вывернулся, сползъ внизъ и исчезъ; искали мы его по всей комнатѣ, но не могли найдти; пришлось провести ночь съ нимъ вмѣстѣ. Едва я только улегся, какъ чувствую, что-то ползетъ по подушкамъ; я зажегъ свѣчку, тщательно оглядѣлъ всю кровать и ничего не нашелъ. Долго я находился въ томительной тревогѣ; наконецъ сонъ одолѣлъ, и я заснулъ.

На слѣдующее утро отправился я съ своимъ Арабомъ купаться въ морѣ. Мы спустились возлѣ моей квартиры, раздѣлись и прямо отправились въ воду; дно было песчаное, идти было покойно, и мы далеко отошли отъ берега, но сверху поднялась на насъ высокая волна. Арабъ какъ-то ловко подпрыгнулъ и остался въ водѣ, меня же выбросило далеко, и я ухватился за скалу, чтобы не упасть. Арабъ меня догналъ; но когда я отнялъ руку отъ скалы, то увидалъ что у меня на всѣхъ пальцахъ висѣли какія-то насѣкомыя съ клещами въ родѣ раковъ. Оказалось, что это морскіе пауки, которые безмятежно живутъ въ скалахъ; испуганные моей рукой, они ухватились за нее, чтобы защитить свое жилище. Арабъ училъ меня, какъ нужно дѣйствовать, чтобы бороться съ волной, но напалъ на безтолковаго ученика: я никакъ не могъ научиться подпрыгивать въ водѣ, и потому онъ всякій разъ меня приподнималъ.

Въ концѣ Ноября этого года пріѣхалъ изъ Петербурга Базили, и я съ грустью простился съ княземъ, съ которымъ мы прожили вмѣстѣ болѣе года. По отъѣздѣ князя я скоро подалъ прошеніе о трехмѣ-

сячномъ отпускѣ въ Россію, и до полученія его собрался съѣздить въ Іерусалимъ сухимъ путемъ, чтобы побывать во святыхъ мѣстахъ.

Въ Николинъ день, 6-го Декабря 1849 года, я отстоялъ обѣдню въ полной парадной формѣ вмѣстѣ съ Базили въ митрополичьей церкви, вернувшись домой переодѣлся въ покойное дорожное платье и выѣхалъ изъ Бейрута въ сопровожденіи каваса и владѣльца лошадей, съ двумя погонщиками на пяти лошадяхъ. Первый мой ночлегъ былъ въ городѣ Торѣ. Я прямо въѣхалъ къ нашему консулу Арабу и у него засталъ празднованіе царскаго тезоименитства; было нѣсколько Арабовъ въ гостяхъ, и когда я явился, то они всѣ выпили за мое здоровье, поздравляя меня съ торжественнымъ днемъ ангела императора нашего Николая I-го. Переночевавши я отправился далѣе въ Сидонъ. Выѣзжая изъ Тора, мы ѣхали мимо великолѣпнаго апельсиннаго сада, огороженнаго каменною оградою, около которой симметрично росли кипарисовыя деревья; а между ними били фонтаны, выливающіеся изъ мѣдныхъ пастей львовъ, въ придѣланные подъ ними каменные резервуары. Проѣхавши садъ, я простился съ консуломъ и по ровной дорогѣ по берегу моря добрался до Сидона еще засвѣтло. Тамъ опять я остановился ночевать у православнаго Араба, и когда поднялся на плоскую крышу дома, то со всѣхъ сторонъ на крышахъ увидалъ много любопытныхъ, вышедшихъ поглядѣть на проѣзжаго Русскаго. Изъ Сидона дорога началась хуже, да еще полилъ дождь; здѣсь я нагналъ нѣсколькихъ католическихъ монаховъ, ѣхавшихъ, также какъ и я, въ Санъ-Жанъ д'Акръ (древняя Птоломаида). Дорога была каменистая, и по причинѣ дождя скользкая, но пока мы не добрались до скалы, висѣвшей надъ моремъ, еще не опасная, и хотя тутъ дорога была довольно широка, но скользка, и притомъ ничѣмъ не отгорожена отъ моря; мы поѣхали одинъ за другимъ. Вскорѣ мы въѣхали въ городъ, гдѣ разстались съ монахами; они направились въ католическій монастырь, а я въ Греческій. Отсюда выѣхали мы рано утромъ въ Назаретъ. Обѣдать поѣхали на гору св. пророка Иліи, гдѣ былъ богатѣйшій Кармелитскій монастырь. Въ горѣ много пещеръ, гдѣ скрывались христіане отъ преслѣдованія Евреевъ. Въ монастырѣ насъ встрѣтили католическіе монахи и очень привѣтливо проводили насъ въ столовую, гдѣ прислуживалъ Русскій Полякъ, порядочно говорившій по русски. За обѣдомъ онъ заявилъ мнѣ сожалѣніе, что я не пріѣхалъ часомъ ранѣе, такъ какъ тутъ былъ герцогъ Гогенлое-Зигмарингенъ съ женой, урожденной княжной Трубецкой, которая очень обрадовалась, что могла съ нимъ поговорить по русски, такъ какъ давно не слыхала роднаго языка.

Изъ Кармелитскаго монастыря я поѣхалъ ночевать въ Назаретъ, и хотя кавасъ увѣрялъ меня, что мы къ нему подъѣзжаемъ, но я не видалъ его, и только когда мы начали спускаться съ горы, я разглядѣлъ внизу плоскія крыши домовъ. Городокъ небольшой, стоитъ въ котловинѣ, улицы немощены и грязны. Я поѣхалъ въ монастырь, игуменъ повелъ меня въ церковь, увѣрялъ, что она выстроена на томъ мѣстѣ, гдѣ жила Пресвятая Дѣва Марія, Которая ниспослала имъ колодезь близъ самой церкви, очень красивой, и богомольцевъ бываетъ тамъ очень много. Пришелъ туда къ намъ настоятель католическаго монастыря и пригласилъ меня побывать въ ихъ церкви, и я съ нимъ отправился. Она отдѣлана гораздо красивѣе нашей. Онъ повелъ меня внизъ, гдѣ подъ алтаремъ указалъ мнѣ на обитель Святой Дѣвы Маріи; полъ былъ тамъ земляной, съ плохо побѣленными стѣнами, на стѣнѣ висѣлъ крестъ распятаго Спасителя. На другой день я рано всталъ. Ночлегъ предстоялъ въ городѣ Никлузѣ, послѣдней станціи до Іерусалима. Слегка отдохнувъ въ полѣ на полдорогѣ, пріѣхалъ я въ Никлузъ засвѣтло. Городъ этотъ рѣзко отличается отъ всѣхъ городовъ Турціи; тутъ попадаешь въ какой-то дикій край; лица у всѣхъ встрѣчныхъ озлобленныя, не видно было естественнаго любопытства, какъ въ прочихъ городахъ, жителей, желающихъ взглянуть на чужестранца; уличные мальчишки, отголосокъ настроенія старшихъ, не съ любопытствомъ меня оглядывали, а съ наглостью бросались подъ лошадей съ крикомъ «френни куку камеруку» (слова эти остались у меня въ памяти и до сихъ поръ; они ни на какомъ языкѣ ничего не значатъ, только выражаютъ бѣснованіе дикихъ). Сколько ихъ ни отгонялъ кавасъ, они забѣгали съ другой стороны и не давали намъ покоя, такъ что я радъ былъ добраться до хана, гдѣ и заперся отъ нихъ, поужиналъ взятой съ собой провизіей и легъ спать, чтобы ранѣе выбраться изъ города и засвѣтло доѣхать до Іерусалима. Съ утра погода измѣнилась, пошелъ дождь. На полдорогѣ останавливаться въ полѣ было немыслимо, дождь усиливался, и я очень обрадовался, когда увидалъ не въ далекѣ какую-то хату съ продѣланной на верху дырой, изъ которой валилъ дымъ; слѣдовательно я могъ надѣятся не только позавтракать, но и просушить платье и согрѣться. Посреди хаты былъ разведенъ большой огонь, дымъ отъ котораго, хотя и уходилъ въ продѣланную дыру, но разстилался внутри и разъѣдалъ глаза до слезъ; не смотря на это неудобство, я былъ радъ, что могъ согрѣться. Хозяева, мущины и женщины, съ открытыми лицами, сидѣли кругомъ огня; но когда я вошелъ, они раздвинулись и пригласили меня сѣсть между ними. Я велѣлъ подать сумку съ провизіей, досталъ водку, вино, сыръ; мальчишки тутъ вертѣвшіеся съ любопытствомъ

меня осматривали, и когда я бросилъ срѣзанную корку сыра, то бросились поднимать, а одинъ, успѣвшій схватить ее, попробовалъ и выплюнувъ сказалъ: сабунъ (мыло) ѣстъ; и все смотрѣли на меня какъ на человѣка питающагося мыломъ. Я угостилъ двухъ стариковъ, уступившихъ мнѣ мѣсто, водкой; они охотно выпили, но отъ закуски мыломъ отказались. Въ хатѣ было жарко, я снялъ платье, отдалъ его кавасу сушить, а самъ закурилъ папиросу. Ихъ еще болѣе удивило, что я курю бумагу; они предложили мнѣ покурить изъ ихъ трубокъ, но, зная, что они курятъ корешки табаку, я отказался. Отдохнувъ и узнавъ, что лошади поѣли корму, я поѣхалъ далѣе. Дождь вскорѣ полилъ еще сильнѣе. Мы ѣхали лѣсомъ почти всю дорогу вплоть до Іерусалима.

По въѣздѣ въ городъ, кавасъ привезъ меня прямо къ парадному подъѣзду патріарха, такъ какъ тутъ же была квартира на случай пріѣзда консула. Мы отворили входныя двери и увидали намѣстника и множество монаховъ, подъ руки провожавшихъ какого-то почтеннаго старичка; я догадался, что это былъ патріархъ, и кавасъ мой поспѣшилъ сообщить мнѣ, что это блаженнѣйшій Кирилъ. Я сбросилъ кавасу на руки мокрую шинель и подошелъ къ патріарху подъ благословеніе. Кавасъ сей часъ же сообщилъ и монахамъ про меня. Его блаженство благословилъ меня и велѣлъ эконому, чтобы немедленно проводилъ меня въ квартиру Русскаго консула, подалъ мнѣ самоваръ и чай и далъ бы надѣть его патріаршую шубу, пока не высохнетъ платье. Мнѣ же смѣясь онъ сказалъ: «я васъ временно посвящаю въ монахи и прощаюсь съ вами до скораго свиданія». Отецъ-экономъ послалъ одного монаха ставить самоваръ, другого за шубой патріарха, и самъ проводилъ меня въ квартиру консула. Шуба оказалась очень теплою, я сбросилъ все мокрое и пріятно согрѣлся. Самоваръ очень скоро подали, заварили чай; я пригласилъ эконома со мной напиться, онъ съ удовольствіемъ согласился и спросилъ: не я ли одолжилъ патріарха, вытребовавъ присланные ему въ Бейрутъ тюки, и распорядился тотчасъ же доставить его блаженству? И на мой отвѣтъ, что это сдѣлалъ я, онъ сказалъ, что патріархъ мнѣ былъ очень признателенъ и будетъ теперь радъ лично познакомиться и поблагодарить. За чаемъ отецъ-экономъ отъ имени патріарха спросилъ у меня, какой столъ я пожелаю имѣть, постный или скоромный; я предпочелъ постный, такъ какъ собрался этимъ постомъ отговѣть въ Іерусалимѣ. Вошелъ отецъ-дьяконъ, привѣтствовалъ меня по русски и сказалъ, что патріархъ поручилъ ему быть при мнѣ въ качествѣ переводчика. Сопровождая пріѣзжихъ Русскихъ богомольцевъ, онъ научился говорить по русски. Онъ разсказалъ, что здѣсь есть и Русскій священникъ со

студентомъ изъ семинаріи, и онъ сей часъ же пригласитъ его ко мнѣ, если только онъ не служитъ всенощной въ нашей Русской церкви. Я поблагодарилъ за свѣдѣніе и сказалъ, что завтра попрошу его, послѣ визита къ патріарху, проводить меня въ соборъ осмотрѣть всѣ мѣста страданія Спасителя, а потомъ пойдемъ къ Русскому священнику. Отецъ-экономъ простился со мной, сказавъ, что онъ сей часъ велитъ мнѣ принести поужинать. Отецъ-дьяконъ говорилъ довольно порядочно по русски; я очень былъ радъ имѣть его спутникомъ по святымъ мѣстамъ. На другой день онъ пришелъ очень рано (я только что всталъ съ постели) и сказалъ мнѣ, что къ патріарху можно хоть сейчасъ идти, онъ всегда рано встаетъ, и вѣроятно уже за чаемъ, и я одѣвшись отправился въ покои патріарха. Блаженный Кирилъ принялъ меня очень радушно, распрашивалъ, хорошо ли я отдохнулъ съ дороги и просилъ безъ церемоніи спрашивать у діакона все, чего пожелаю, что онъ остается въ полномъ моемъ распоряженіи во все время пребыванія моего въ Іерусалимѣ, очень обрадовался, что я собираюсь отговѣть у нихъ, и сказалъ, что въ день моего причащенія будетъ самъ служить обѣдню и причаститъ меня. Патріархъ благодарилъ меня за вырученные мной тюки изъ таможни и говорилъ, что если бы не Русское посольство, то имъ было бы очень трудно жить. Получивъ вторичное его благословеніе, я отправился съ діакономъ въ храмъ. Когда отворили наружныя двери храма, то въ сѣняхъ сидѣло нѣсколько Турокъ, курившихъ табакъ; это были караульные при храмѣ. Затѣмъ діаконъ отворилъ слѣдующую дверь, и мы вошли въ большую комнату, въ противоположномъ концѣ которой лежала на небольшомъ возвышеніи плащаница, на которую, по снятіи со креста, Спаситель былъ возложенъ учениками Своими и увитъ пеленою на погребеніе. Мѣсто это было у самой Голгоѳы, гдѣ Онъ былъ снятъ со креста. Надъ плащаницей висѣли лампады всѣхъ христіанскихъ церквей: Сирской, Коптской, Армянской и всѣхъ Европейскихъ христіанъ. Затѣмъ мы поднялись на Голгоѳу. Съ лѣстницы вошли въ длинный корридоръ, гдѣ нѣсколько нишей имѣли каждая, на задней стѣнѣ своей, изображенія того страданія, какое Онъ гдѣ перенесъ, гдѣ били Его по ланитамъ, гдѣ надѣвали на Него терновый вѣнецъ, гдѣ Онъ стоялъ передъ Пилатомъ. Изъ корридора мы вошли въ большую круглую и очень высокую залу, гдѣ по срединѣ надъ гробомъ Господнимъ была сооружена часовня съ куполомъ и крестомъ на верху. У входа въ часовню по обѣ стороны стояли паникадилы, самыя высокія у стѣны часовни, а далѣе, постепенно, ниже и ниже. Входъ былъ въ низенькую дверь, въ круглую комнату; прямо противъ двери была отсѣченная колонна, съ которой Ангелъ возвѣстилъ о воскресеніи Спа-

сителя. Сзади этой колонны была другая дверь еще ниже той, въ которую мы вошли. Дверка эта ввела насъ въ длинную продолговатую комнатку, гдѣ на правой сторонѣ въ углубленіи былъ гробъ Господень, означенный двумя мраморными плитами, нижней и верхней. Первая покрывала гробъ, а на верхней разставлено много образовъ, и передъ ними неугасимая лампада, въ которой монахи обязаны постоянно поддерживать огонь, днемъ и ночью. По разсказамъ сопровождавшаго меня дьякона, чинъ служенія въ Свѣтлое Христово Воскресеніе происходитъ такъ. Патріархъ, сопровождаемый по бокамъ консулами Русскимъ и Греческимъ, съ пукомъ свѣчей незажженныхъ, по выносѣ плащаницы, идетъ въ часовню; за нимъ слѣдуетъ митрополитъ Петро-Аравійскій, а за нимъ все духовенство и монахи. Послѣдніе становятся въ первой круглой комнатѣ по стѣнамъ, отъ первой входной двери до второй по обѣ стороны. Митрополитъ, обойдя колонну, остается у входа во вторую дверь. Патріархъ, сопровождаемый консулами, входитъ ко гробу Господню и, помолившись у гроба со словами «Христосъ анисти» (Христосъ воскресе), подходитъ съ зажженными уже свѣчами къ дверкѣ и передаетъ свѣчи стоящему тутъ митрополиту Петро-Аравійскому, который, съ пѣніемъ «Христосъ анисти», поднимаетъ свѣчи выше отсѣченной колонны, и все духовенство, стоящее кругомъ стѣнъ, ему подпѣваетъ, и тогда патріархъ выходитъ изъ часовни, за нимъ все духовенство въ находящуюся напротивъ Греческую церковь, и митрополитъ раздаетъ народу зажженныя свѣчи.

Церковь Греческая, какъ выше сказано, прямо противъ часовни на высотѣ Голгоѳы. Противъ алтаря стоитъ высокій крестъ, на мѣстѣ распятія Христова; возлѣ креста золотая задвижка, отодвинувъ которую можно видѣть растреснувшіе камни, въ послѣднюю минуту, когда Спаситель на крестѣ испускалъ духъ.

Рядомъ съ нашею католическая церковь, далѣе протестантская и Армянская. Въ этомъ же зданіи храма и келіи монаховъ Греческихъ при гробѣ Господнемъ.

По выходѣ изъ храма мы съ діакономъ отправились къ Русскому священнику. Онъ очень радъ былъ видѣть Русскаго. Помѣщеніе у него отличное; тутъ же живетъ и студентъ духовной семинаріи, псаломщикъ. Священникъ проводилъ меня въ Русскую церковь, гдѣ онъ всегда служитъ. Церковь не велика, но чрезвычайно красиво отдѣлана. Узнавъ, что я собираюсь въ монастырь св. Саввы и оттуда въ Виѳлеемъ, онъ вызвался мнѣ туда сопутствовать съ своимъ псаломщикомъ. Отъ него мы отправились въ келіи бывшихъ въ то время въ Іерусалимѣ Рус-

скихъ богомольцевъ. Въ одной изъ нихъ двѣ Русскія мѣщанки уговорили меня напиться у нихъ чаю и разсказали мнѣ, какъ онѣ бѣжали изъ Неаполя отъ страстей, которыми тамъ были напуганы. Народъ взбунтовался, крикъ, гвалтъ, шумъ по всему городу, наконецъ началась и перестрѣлка; онѣ заперлись въ своемъ номерѣ и только молили Бога унести ихъ поскорѣе оттуда живыми и, благодаря Бога, успѣли бѣжать на корабль и отплыли въ Яффу. Мѣщанки увѣряли, что не могутъ еще опомниться отъ страху, который вынесли тамъ. Потомъ я прошелъ къ дряхлой старушкѣ. Она тотчасъ же начала мнѣ жаловаться на патріарха, что онъ отвелъ ей такую сырую комнату, что она стала въ ней слѣпнуть и глохнуть. Я спросилъ у нея, сколько ей лѣтъ? Она отвѣчала, что до 90 считала, а потомъ потеряла счетъ. Въ комнатѣ ея сырости я не нашелъ; но чтобы успокоить старуху, обѣщалъ переговорить объ ней съ патріархомъ, и она осталась очень довольна. Богомольцевъ было много; я всѣхъ ихъ посѣтилъ, и многіе говорили мнѣ, что ходятъ въ Русскую церковь пѣть.

Въ назначенный день мы отправились верхами съ Русскимъ священникомъ и его псаломщикомъ въ монастырь св. Саввы. По выѣздѣ изъ Іерусалима священникъ обратилъ мое вниманіе на памятникъ Авессалома, на пригородномъ кладбищѣ, мимо котораго не проходитъ не одинъ Еврей, не бросивъ въ этотъ памятникъ камень, и дѣйствительно, мнѣ пришлось скоро въ этомъ удостовѣриться, такъ какъ Евреевъ въ Іерусалимѣ очень много, и двое или трое при мнѣ бросали въ памятникъ камнями. Затѣмъ проѣхали мы село Скудельничье, которое по преимуществу состояло изъ груды камней разрушенныхъ зданій; цѣльныхъ домовъ было очень мало. Здѣсь, по преданію, Іуда за 30 сребренниковъ продалъ Спасителя, и здѣсь же по близости, мучимый совѣстію, повѣсился. Дороги въ Палестинѣ вообще несравненно лучше Сирійскихъ, и потому мы могли свободно ѣхать довольно крупной рысью. Вскорѣ я услыхалъ сильный колокольный звонъ; въ Турціи я давно отвыкъ его слышать. Священникъ объяснилъ, что это вѣроятно въ монастырѣ св. Саввы увидали насъ; они всегда встрѣчаютъ пріѣзжихъ колокольнымъ звономъ. Слова его подтвердились, черезъ четверть часа вышелъ изъ воротъ монахъ, отворилъ ворота, и когда мы къ нимъ подъѣхали, то онъ по русски проговорилъ: «Милости просимъ! Добро пожаловать!»—«Какъ, однако, вы хорошо научились говорить по русски», сказалъ я ему. «Еще бы на родномъ языкѣ, да не умѣть говорить», отвѣчалъ онъ, «вѣдь, насъ на 9 человѣкъ монаховъ 6 человѣкъ Русскихъ; годъ тому назадъ и настоятель былъ Русскій, а теперь Грекъ. Мы вамъ и чаекъ приготовили; знаемъ, что Русскіе любятъ». Вышелъ

другой монахъ, съ тѣмъ же привѣтомъ: милости просимъ, ужъ самоварчикъ закипѣлъ. Они насъ ввели въ свою келью, очень просторную, изъ двухъ большихъ комнатъ. Въ первой столъ уже былъ накрытъ, и на немъ кипѣлъ большой самоваръ. Монахи обратились къ священнику за благословеніемъ, и, получивши его, мы всѣ усѣлись кругомъ стола. Никакъ я не ожидалъ встрѣтить въ глубинѣ Азіи такую обстановку. Я спросилъ нашихъ хозяевъ, не скучаютъ-ли они по Россіи, и не проявляется ли у нихъ желаніе вернуться на родину? Чего намъ скучать? отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Мы ветераны 1812 года, а когда были въ Нѣметчинѣ, тамъ было хорошо. Неправда-ли, пріятель? обратился онъ къ своему сожителю. Тамъ, что̀ твое, то мое; вотъ это житье, въ Россіи же не смѣй трогать чужое. Какое же это житье! Нѣтъ, здѣсь, пожалуй, лучше, чѣмъ въ Россіи, заключилъ онъ.

Нашъ генеральный консулъ Базили имѣлъ обыкновеніе за какой-либо проступокъ простолюдина-богомольца отсылать въ монастырь св. Саввы на покаяніе. Ознакомившись съ коммунистическимъ образомъ мыслей мѣстныхъ монаховъ, я по возвращеніи въ Бейрутъ передалъ консулу образъ сужденія этихъ богомольцевъ. Онъ благодарилъ меня за эти свѣдѣнія; но подвигавшаяся тогда туча Крымской войны все измѣнила, и были ли впослѣдствіи приняты мѣры не отсылать провинившихся къ коммунистамъ учиться уму-разуму, я не знаю.

Священникъ разлилъ намъ чай, и я, свернувъ себѣ папироску, охотно за него принялся; но неугомонный мой наставникъ ушелъ въ другую комнату, принесъ оттуда записки какія-то и, положивъ ихъ передо мной, сказалъ: Вотъ, ваше благородіе, почитайте-ка что̀ писалъ нашъ покойный архимандритъ. Я прочелъ: «не мечите бисера передъ свиньями». А кто же свиньи, какъ не тѣ, что̀ курятъ табакъ. Я расхохотался и говорю ему, что ихъ архимандритъ былъ изъ старовѣровъ: но священникъ не выдержалъ и сталъ объяснять строптивому монаху всю непристойность его поведенія. Старикъ сконфузился. Да я что-же? пробормоталъ онъ, я вѣдь только далъ прочесть ихъ благородію мысли нашего покойнаго архимандрита, а они тотчасъ догадались, что онъ былъ старовѣръ; а въ былое время въ полку и я это зелье любилъ, теперь вотъ отвыкъ; а ты, ваше благородіе, не сердись на меня глупаго старика. Я успокоилъ его, что нисколько не сержусь и, можетъ быть, къ старости, такъ же какъ и онъ, брошу это зеліе. Послѣ этого старикъ сталъ за мной очень ухаживать и просилъ не брезгать ихъ угощеніемъ и еще чайку съ ними выпить; а потомъ, я тебѣ, ваше благородіе, все что̀ у насъ есть покажу; ознакомишься, какъ мы здѣсь живемъ.

Напившись чаю, мы со священникомъ отправились къ архимандриту. Тотъ принялъ насъ очень радушно и уговорилъ остаться обѣдать чѣмъ Богъ послалъ, но сказалъ, что вотъ ихъ бѣда, что хлѣба часто не бываетъ. Это насъ удивило. Неужели вамъ не присылаютъ хлѣба изъ Іерусалима? спросили мы. Какъ не присылать, частенько присылаютъ, да мы то рѣдко его получаемъ, развѣ что удастся тайкомъ провезти, а то Бедуины, какъ увидятъ, что намъ хлѣбъ везутъ, бросятся на насъ, да все и отберутъ, да насъ же еще поколотятъ: не смѣй сопротивляться. Да вы бы жаловались, сказалъ я. Кому жаловаться? Турки сами ихъ боятся и платятъ имъ за то, чтобы они насъ и богомольцевъ не обижали; а имъ все мало. Скверный народъ! Вотъ взгляните на нашу церковь, ничего цѣннаго имѣть не можетъ: сейчасъ нагрянутъ и все отберутъ. Дѣйствительно церковь ихъ, выбитая въ горѣ, какъ и всѣ ихъ келіи, была хотя и прилична, но цѣнныхъ украшеній въ ней не было: образа безъ окладовъ, подсвѣчники оловянныя, Евангеліе въ простомъ кожанномъ переплетѣ, а ризы изъ кусочковъ разныхъ матерій, на которыхъ нашиты изъ матерія же кресты. Къ обѣду намъ подали разныя маринованныя овощи, вареныя овощи и хлѣбъ. Изъ церкви повели насъ въ библіотеку, которая огромна, но большею частію вся рукописная, на всѣхъ возможныхъ восточныхъ языкахъ, начиная съ Коптскаго. Священникъ жаловался на Англичанъ, которые тайкомъ вырывали листы изъ книгъ, чтобы помѣстить ихъ у себя въ музеѣ. Послѣ обѣда мы съ священникомъ отправились ходить по двору и увидали въ каменныхъ горахъ много вытесанныхъ оконъ и балконовъ каменныхъ висячихъ и, найдя вытесанную изъ камня лѣстницу, поднялись по ней, вошли въ пробитую дверь, и тамъ оказались комнаты, вытесанныя въ горѣ съ лавами изъ камня же. Выйдя на балконъ, увидали мы тамъ монаха, который вытесывалъ изъ камня кресты, образки и формы для просфоръ. Я купилъ нѣкоторыя изъ этихъ вещей у него. За воротами почва не такъ камениста, и тамъ сдѣланы грядки, засѣянныя разными овощами. Показали намъ также смоковницу, проклятую Спасителемъ за безплодность; она была почти вся сухая, только кое-гдѣ виднѣлись свѣжіе листики.

Переночевавъ въ монастырѣ на каменныхъ диванахъ, на другой день провожаемый чуть не всѣми монахами, поѣхалъ я по дорогѣ въ Виѳлеемъ. Тамъ отыскали мы соборнаго священника. Онъ насъ ввелъ въ соборъ, гдѣ стѣны мозаичныя, но мозаика во многихъ мѣстахъ вылуплена или сама отвалилась. Соборный іерей Болгаринъ, но говоритъ немного по-русски. Онъ намъ говорилъ, что надо бы поправить церковь, но христіане одни другимъ мѣшаютъ: каждый хочетъ, чтобы

ему одному разрѣшили исправленіе, а общими силами не хотятъ согласиться. Католики черезъ своихъ консуловъ хлопочутъ, чтобы имъ однимъ было предоставлено это право, и чтобы соборъ былъ признанъ Католическимъ, и если бы не Русскіе, то Грекамъ давно пришлось бы уступить. Армяне имѣютъ вѣсъ въ Турціи, такъ какъ они почти банкирами въ Турціи. Изъ собора онъ насъ провелъ въ маленькую церковь на самомъ мѣстѣ рожденія Спасителя, гдѣ возлѣ алтаря была вдѣлана въ полъ Греческая золотая звѣзда. Ее украли, и начались требованія Католиковъ, Армянъ, Протестантовъ и Грековъ, чтобы имъ дали однимъ право возобновить звѣзду на томъ мѣстѣ, гдѣ она руководила Волхвовъ и остановилась, чтобы указать мѣсто рожденія Спасителя. Кончилось тѣмъ, что никому не позволили ее возобновлять. Въ нашемъ генеральномъ консульствѣ шли долго пререканія съ Католиками, которые требовали, чтобы Греческая одежда на престолѣ снималась, когда служили Католики, такъ какъ они считаютъ за грѣхъ надѣвать на себя одежду схизматиковъ Грековъ, и было рѣшено, что имъ позволили класть доску на престолъ сверхъ одежды Греческой, такъ они и дѣлали. Направо отъ входа въ церковь Католики уставили ясли, въ которыя во время службы на Рождество Христово кладутъ воскового младенца въ память о Спасителѣ. Соборный іерей Болгаринъ пригласилъ насъ на слѣдующій день въ эту церковь отслушать обѣдню на Славянскомъ языкѣ. Провожавшій меня Іерусалимскій священникъ хотѣлъ служить за діакона, а псаломщикъ его взялся руководить хоромъ пѣвчихъ, которыхъ набрали изъ знающихъ по церковно-славянски. Отстоявъ на другой день обѣдню и на скоро закусивъ у Болгарина-священника, мы поспѣшили вернуться въ Іерусалимъ, пока ворота въ городъ еще не были заперты Турками. Думалъ я еще съѣздить на Іорданъ; но нашъ священникъ отговорилъ меня, такъ какъ слѣдовало внести крупную сумму Бедуинамъ, чтобы они насъ проводили туда и обратно, иначе по дорогѣ они ограбятъ, а сопротивляющагося имъ убьютъ, а потому туда ѣздятъ разъ или два въ годъ, заплативши сообща извѣстную сумму.

Въ Іерусалимъ мы вернулись, когда Турки собирались запирать ворота. Побывавъ въ церкви, гдѣ покоилась Богоматерь и на Элеонской горѣ, гдѣ показываютъ камень, гдѣ напечатлѣна нога Спасителя и съ котораго Онъ вознесся на небо, я приступилъ къ говѣнію. Я ходилъ молиться въ Русскую церковь, гдѣ служилъ нашъ священникъ и пѣли наши богомольцы. Послѣ службы я постоянно заходилъ къ священнику который разсказывалъ мнѣ о распряхъ въ Іерусалимѣ между Христіанами. Исповѣдываться я пошелъ къ митрополиту Пѣтро-

Аравійскому. Онъ не отпустилъ меня безъ чая, и мы долго съ нимъ бесѣдовали. Онъ разсказывалъ про бѣдность его митрополіи. Слава Богу, помогаютъ намъ Татьяна Борисовна Потемкина да Фроловъ-Багреевъ, и вотъ мы къ нимъ письмо заготовили; не возьметесь ли вы имъ передать? Я просилъ его написать адресъ и запечатать. Послѣ исповѣди, я отправился ко Гробу Господню, гдѣ долженъ былъ оставаться въ келіи ночевать, такъ какъ съ вечера храмъ запирается, и только утромъ его отворяютъ.

Игуменъ Святоградскаго монастыря пригласилъ меня къ себѣ, и я, просидѣвъ у него въ компаніи монаховъ довольно долго, отправился въ отведенную мнѣ келію. Окошко изъ моей келіи выходило на Голгоѳу, и крестъ Голгоѳскій приходился у самаго моего окошка. Заснуть я не могъ, будучи полонъ разнородныхъ впечатлѣній. Въ 12 ч. ночи, услышавъ благовѣстъ въ Голгоѳской церкви и одѣвшись, я вновь отправился въ церковь; служили по гречески, я ничего не понималъ, носовое пѣніе просто навело на меня дремоту, такъ что я вернулся къ себѣ и, не раздѣваясь, улегся спать. Меня разбудили на разсвѣтѣ, и оправившись я пошелъ опять въ церковь. Пришелъ патріархъ, и началась обѣдня. Пока онъ не служилъ и сидѣлъ на своемъ престолѣ, я, по обычаю принятому во время служенія патріаршаго, стоялъ возлѣ него. Службы Греческой хотя я и не понималъ, но по сходству съ Русской могъ слѣдить за ней. Когда патріархъ подходилъ къ алтарю, я шелъ за нимъ. Чрезвычайно оригинально было, что такъ какъ было Воскресеніе, то служба шла въ Католической и Армянской церквахъ одновременно, и звуки пѣнія Греческаго перемѣшивались съ Католическимъ органомъ и со стукомъ въ мѣдныя тарелки Армянъ. Причастившись у патріарха Св. Таинъ, я отправился домой. Когда я сидѣлъ за чаемъ, пришелъ отецъ-дьяконъ и принесъ мнѣ въ благословеніе отъ патріарха листъ отпущенія грѣховъ, настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ, перламутровую раковину съ изображеніемъ Воскресенія Христова, много разныхъ четокъ, кипарисныхъ образковъ и елей въ пузырькѣ отъ Гроба Господня. Онъ объявилъ при этомъ, что черезъ часъ патріархъ самъ будетъ ко мнѣ благословить меня, и съ нимъ придетъ также нашъ Яффскій консулъ Марибути. Я поспѣшилъ одѣться, а патріархъ уже поднимался ко мнѣ, сопровождаемый своимъ духовникомъ митрополитомъ и отцомъ - экономомъ. Благословивъ меня, онъ сказалъ, что сегодня онъ оставляетъ меня въ покоѣ, послѣ ночи проведенной въ келіи, а завтра проситъ къ нему обѣдать. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ и Марибути, съ которымъ я очень радъ былъ познакомиться, и обѣщалъ въ Яффѣ у него побывать. На другой день въ назначен-

ный часъ я пришелъ къ патріарху и засталъ уже тамъ Марибути и нашего Русскаго священника; обѣдъ былъ изъ рыбы, которую туда привозятъ изъ Яффы.

Изъ Іерусалима Марабути проводилъ меня за заставу, извиняясь, что не можетъ ѣхать со мной вмѣстѣ, такъ какъ получилъ отъ Базили нѣкоторое порученіе, и сказалъ, что онъ послалъ своего каваса предупредить жену свою въ Яффу, что я ѣду, и она будетъ ждать меня къ обѣду.

На полдорогѣ въ Рамлѣ я остановился въ Греческомъ монастырѣ, гдѣ закусивъ, поспѣшилъ въ Яффу. Дорога туда была превосходная, песчаная, и я ѣхалъ очень скоро, не обративъ вниманія на то, что проходящіе здѣсь верблюды, въ рыхломъ пескѣ понадѣлали своими тяжелыми ступнями глубокія ямы. Чтобы попасть скорѣе въ Яффу, я поскакалъ въ карьеръ, и лошадь моя со всего размаха попала ногой въ одну изъ этихъ ямъ и упала мордой въ песокъ, а я, перелетѣвъ черезъ нее на довольно большое пространство, лицомъ и руками ударился въ песокъ. Къ счастію по всей Турціи устроены фонтаны по дорогѣ, такъ что я могъ умыться и привести себя въ порядокъ. Въ Яффѣ кавасъ мой привезъ меня прямо къ дому консула, гдѣ жена его ждала меня обѣдать. Обѣдъ былъ рыбный, къ дессерту поставили передо мной тарелку съ апельсиномъ величиной съ арбузъ; такіе апельсины можно найдти только въ Яффѣ; они очень толстокожи и не такъ сладки какъ мандарины, которыми они тоже меня угощали вмѣстѣ съ сладкими апельсинами. Съ послѣдними я уже былъ знакóмъ еще въ Бейрутѣ; изъ нихъ выжимаютъ только сокъ очень ароматный и приторно-сладкій, и если долго его выдавливать, то онъ дѣлается горькимъ къ концу. Послѣ обѣда я поѣхалъ далѣе. Ночевать пришлось въ деревнѣ у берега моря, гдѣ меня предупреждали, что надо быть осторожнѣе: когда какой либо корабль разбивается морской волной, то жители баграми топятъ его, а за тѣмъ грабятъ безнаказанно. Всю ночь я просидѣлъ съ своимъ кавасомъ и хозяиномъ моихъ лошадей за кофеемъ. Лошади наши стояли тутъ же рядомъ за дверью избы. Къ утру я задремалъ, а съ разсвѣтомъ поѣхали дальше. Не вдалекѣ отъ меня показался какой-то Европеецъ, тоже съ конвоемъ какъ и я, и направилъ свою лошадь прямо ко мнѣ. Мы отрекомендовались другъ другу; это былъ горбатый Австрійскій баронъ Хорватъ. Онъ по фамиліи моей принялъ меня вѣроятно за католика и началъ бранить Греческихъ монаховъ, разсказывая про нихъ разныя скандальныя небылицы. Я его остановилъ, сказавъ, что мало ли что мнѣ Греческіе монахи раз-

сказывали про католиковъ; предоставимъ имъ болтать всякій вздоръ, а намъ можно сожалѣть, что въ такомъ святомъ мѣстѣ, какъ Іерусалимъ, Христіане-монахи, наши и ваши, другъ друга упрекаютъ и даже иногда дерутся, что̀ крайне грустно, но вѣрить ихъ разсказамъ мудрено. Развѣ вы не католикъ? спросилъ онъ меня. Я отвѣчалъ, что я Греко-Россійскаго исповѣданія, служу при Русскомъ посольствѣ. Онъ сталъ извиняться передо мной, и дальнѣйшій разговоръ о попахъ прекратилъ. Онъ мнѣ объяснилъ, что онъ издатель Нѣмецкой газеты «Algemeine Zeitung», ѣздилъ ознакомиться съ Турціей, Іерусалимомъ и Египтомъ. Бесѣдовали мы съ нимъ вплоть до Санъ-Жанъ-д'Акры, гдѣ онъ поѣхалъ на лѣво въ католическій монастырь, а я въ Греческій.

Въ Бейрутъ я пріѣхалъ по знакомой уже дорогѣ черезъ Сидонъ и Тиръ.

На Австрійскомъ пароходѣ Ллойда я поѣхалъ въ Константинополь; но въ Смирнѣ мы должны были выдержать двухнедѣльный карантинъ. Насъ помѣстили въ зданіи въ родѣ гостинницы, гдѣ каждый занималъ особый ночлегъ, и мы часто посѣщали другъ друга, чѣмъ и убивали несносное заточеніе наше. По выпускѣ изъ карантина я провелъ два дня въ Смирнѣ, былъ у нашего генеральнаго консула Иванова, у товарища Лазовскаго и у Греческаго митрополита, который оставилъ меня у себя обѣдать. Обѣдъ весь состоялъ изъ frutti di mare, даже и рыбы на было; но блюдъ было до 20-ти, которыя я всѣ ѣлъ, и они всѣ показались мнѣ одного вкуса. Когда я пришелъ на пароходъ, то спросилъ себѣ порцію бифштекса.

Въ Смирнѣ я получилъ письмо изъ Дарданелъ отъ товарища Якубовскаго, въ которомъ онъ убѣдительно просилъ меня заѣхать къ нему погостить, и обѣщался выѣхать за мной на баркасѣ; потому, вошедши на пароходъ, я распросилъ капитана, какъ устроить мнѣ остановку въ Дарданелахъ. Онъ успокоилъ меня, сказавъ, что это очень легко сдѣлать, и выдалъ мнѣ удостовѣреніе, что плата за проѣздъ на пароходѣ съ меня получена въ Бейрутѣ до Константинополя, и съ какимъ бы пароходомъ я ни пожелалъ ѣхать, чтобы меня везли по этому удостовѣренію; о багажѣ не нужно безпокоиться: онъ будетъ отданъ въ таможнѣ. Одинъ изъ пасажировъ-Грековъ, съ которымъ мы вмѣстѣ сидѣли въ Смирнѣ въ карантинѣ, обѣщалъ мнѣ наблюсти, чтобы весь мой багажъ, въ количествѣ столькихъ-то тюковъ, былъ взятъ на сохраненіе въ таможню до востребованія. Успокоившись относительно заѣзда къ Якубовскому, я на палубѣ выжидалъ появленія баркаса, и дѣйстви-

тельно почти одновременно, какъ пароходъ остановился противъ Дарданелъ, такъ и баркасъ съ Якубовскимъ подъѣхалъ къ пароходу. Я тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ спустился, и мы поѣхали въ Дарданелы. Мы оба были рады провести нѣсколько дней вмѣстѣ. Я ему разсказалъ подробно, какъ пріятно проводилъ время въ Адріанополѣ, и какая наоборотъ была скука въ Бейрутѣ, при натянутости и этикетѣ между консулами, посѣщавшими другъ друга только по приглашенію.

Вечеромъ мы съ нимъ отправились къ нашему консулу Фонтону. Вечеръ этотъ напомнилъ мнѣ Адріанополь: общее радушіе, никакого стѣсненія, не то что̀ въ Бейрутѣ, гдѣ нужно было въ обществѣ обдумывать каждое слово, чтобы оно не было истолковано неблагопріятно.

Въ Константинополѣ я остановился опять въ томъ же домѣ посольства, гдѣ познакомился съ Русскимъ капитаномъ, который пригласилъ меня ѣхать на его пароходѣ въ Одессу.

На пути туда я познакомился съ Русскими Бибиковымъ и Дерибасомъ, и мы сговорились двухнедѣльный карантинъ въ Одессѣ провести вмѣстѣ, чтобы не было скучно наше заключеніе: карантинъ былъ столь строгъ, что сообщеніе между пасажирами разныхъ пароходовъ не допускалось, какъ въ Смирнѣ. Намъ отвели большую комнату съ передней, пищу выставляли съ наружи на выступъ, который мы повертывали сами къ себѣ; но требовать за свои деньги изъ города все чего бы мы ни захотѣли мы имѣли полное право. Въ такомъ заключеніи намъ предстояло провести всю Страстную и Святую до самой Субботы. Время мы проводили нескучно. Бибиковъ возвращался изъ Рима, Дерибасъ съ острова Мальты, я изъ Іерусалима, и многое имѣли мы передать другъ другу. Библіотека была въ полномъ нашемъ распоряженіи. Къ Свѣтлому дню мы заказали пасху, куличъ, яйца и разговѣлись вмѣстѣ послѣ заутрени. Наконецъ настала желанный день нашего выѣзда. Погода была очень плохая, мокрый снѣгъ валилъ хлопьями, и холодъ былъ порядочный. Съ Дерибасомъ мы простились въ Одессѣ, гдѣ онъ жилъ на Дерибасовской улицѣ, прозванной такъ въ память его предка; съ Бибиковымъ же условились ѣхать вмѣстѣ, хотя въ разныхъ экипажахъ до мѣста разлуки: ему на Рязань, мнѣ на Воронежъ. Таможня для осмотра багажа проѣзжающихъ была за заставой, и хотя багажъ нашъ былъ уже хорошо извѣстенъ, такъ какъ во время карантина каждая мелочь была отдѣльно окуриваема, но для соблюденія порядка насъ все-таки задержали и смотрѣли. Вещи наши

окуривались моимъ табакомъ, который я везъ съ собой, и изъ двухъ большихъ мѣшковъ, Турецкаго и Анатолійскаго, осталось по ¼ мѣшка каждаго; все остальное въ карантинѣ выкурили. При осмотрѣ моихъ вещей усомнились, пропустить ли ящикъ съ раковинами, окаменѣлостями и губкой въ родѣ вазы, на которой росли кораллы. Я съ трудомъ убѣдилъ досмотрщиковъ, что все это собрано на берегу Средиземнаго моря, въ память моего путешествія; тогда одинъ другому сказалъ: оставь, извѣстно ихнее; и ящикъ былъ пропущенъ подъ именемъ «ихнее».

Дорога отъ снѣга съ дождемъ была не проѣзжаема, и на слѣдующей же станціи Бибиковъ поѣхалъ на вольныхъ, а я взялъ почтовыхъ, и на полдорогѣ мои кони стали. Пришлось ихъ кормить; но тутъ притащился возокъ Бибикова. Онъ размѣстилъ свои вещи на имперіалѣ, а меня взялъ съ собой до слѣдующей станціи, гдѣ бы я могъ по крайней мѣрѣ пообѣдать и отдохнуть, пока мои лошади доберутся до станціи; послѣ этого мы съ Бибиковымъ разстались.

Наконецъ я добрался до дому, гдѣ меня ждала бумага изъ Петербурга, въ которой мнѣ предлагалось, въ виду предстоявшей войны съ Турціей, не возвращаться въ Турцію и по окончаніи моего отпуска ѣхать въ Петербургъ. Я подалъ въ отставку.

Тѣмъ кончились мои странствованія. Съ того времени, безвыѣздно поселившись въ деревнѣ, я занимался частію хозяйствомъ, частію службой по выборамъ.

Василій Бланкъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА [1]).

Съ осени 1839 года.

Такъ какъ мой комиссіонеръ по высылкѣ картинъ изъ Флоренціи въ Москву, Итальянецъ Паоли, жилъ праздно въ Москвѣ, потому что всѣ картины были розданы, какъ я уже говорилъ, Леономъ въ долгъ или въ подарокъ, то я его взялъ съ собою, въ видѣ компаніона, въ Порзни, а камердинеромъ нанялъ въ Петербургѣ человѣка, рекомендованнаго мнѣ прежнимъ моимъ камердинеромъ, Ѳедоромъ Варенцовымъ, тогда уже капельдинеромъ при одномъ изъ Петербургскихъ театровъ [2]). Этотъ новый личарда обладалъ нахальною рожею съ ухватками и привычками деревенскаго двороваго хама и присвоилъ себѣ часть новыхъ моихъ сорочекъ Голландскаго холста, только что высланныхъ мнѣ женою съ оказіею изъ-за границы, и кромѣ того, такъ нализывался, что проѣздомъ въ Костромѣ я его передалъ въ руки городской полиціи вмѣстѣ съ его паспортомъ.

Въ Порзняхъ ожидало меня отрадное свиданіе съ друзьями моими Мироновыми. Они переселились тогда въ уѣздный городъ Юрьевец-повольскъ, такъ какъ Александръ Алексѣевичъ былъ тогда уѣзднымъ предводителемъ, а имѣніе ихъ, какъ и мое, было въ 60 верстахъ отъ города. Дѣтей у нихъ было тогда только одна дочь, Наташа, почти ровесница нашей Анночкѣ. Екатерина Наканоровна Миронова обра-

---

[1]) См. выше стр. 33. Нѣсколько тетрадей подлинной рукописи графа М. Д. Бутурлина доселѣ неотыскано, именно за 1839-й годъ, такъ что между нижеслѣдующимъ и тѣмъ, что напечатано въ 9-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года, есть пропускъ. Изъ личныхъ разсказовъ покойнаго графа намъ памятно, что въ этомъ году Еврей Леонъ Капенштейнъ, распоряжавшійся его имуществомъ, устраивалъ на Бородинскихъ маневрахъ 1839 года гостинницы съ буфетами и потратилъ на то большія деньги непроизводительно, и тѣмъ вновь потряслось благосостояніе довѣрчиваго графа. Въ это время онъ поступилъ на гражданскую службу, въ канцелярію Московскаго генералъ-губернатора. П. Б.

[2]) У Варенцова оказался большой шрамъ во всю щеку отъ удара, какъ онъ разсказывалъ, нагайкою, нанесеннаго ему однимъ офицеромъ, который, въ сообщничествѣ подобныхъ себѣ ловеласовъ-театраловъ, присталъ однажды къ поѣзду воспитанницъ, возвращавшихся въ Театральное Училище изъ спектакля, гдѣ онѣ участвовали; а ихъ конвоировалъ тогда верхомъ Варенцовъ и отбивалъ приступы этихъ офицеровъ.

щалась со мною и тогда и въ послѣдствіи какъ съ роднымъ братомъ, и мнѣ всегда чувствовалось спокойно и хорошо на душѣ, когда я находился въ кругу этой милой четы. Оба они въ дружественныхъ своихъ ко мнѣ чувствахъ оцѣнивали меня свыше того, чего я стóю, особенно Екатерина Никаноровна, а немудрено, что дружба ко мнѣ Александра Алексѣевича усилилась отъ того, что не ускользало отъ его прозорливости угрожавшее мнѣ въ недальней будущности лишеніе всего моего состоянія отъ моей довѣрчивости къ людямъ; ему обязанъ я отчасти отсрочкою катастрофы до самаго 1849 года. Немного позднѣе описываемаго мною времени, старшая сестра Мироновой (ур. Кетовой) красавица Ольга Никаноровна неудачно влюбилась и вышла замужъ за молодого армейскаго пѣхотнаго офицерика Александра Михайловича Цвиленева, человѣка безъ всякаго состоянія, не замедлившаго запутать состояніе своей жены; но она спохватилась во время, и супруги разъѣхались. Помню, А. М. Цвиленевъ говаривалъ, что портеръ есть ни что другое, какъ Зельцерская вода съ дегтемъ. Меньшая изъ Кетовыхъ Марія Никаноровна, незадолго передъ тѣмъ (т. е. въ 1839 г.) вышла замужъ за помѣщика нашего же уѣзда Грибунина и вскорѣ померла, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей.

Мироновъ передалъ мнѣ, что мѣстная полиція обязана была въ то время ежегодно извѣщать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ объ одной престарѣлой таинственной женщинѣ, проживавшей тогда въ посадѣ Пучежѣ, Юрьевецповольскаго уѣзда и получавшей ежегодныя пособія изъ Петербурга; но никакихъ другихъ свѣдѣній о ней я не имѣю, кромѣ того, что въ 1845 году она еще была жива *).

Личность А. А. Миронова крупно выдавалась изъ общаго служебнаго состава. Думаю, что онъ повсюду бы годился, хоть бы въ министры; иначе трудно объяснить быстроту, съ которою онъ составилъ себѣ видную въ провинціи карьеру. Въ какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ или менѣе онъ дошелъ изъ исправниковъ въ губернскіе предводители, изъ поручиковъ конно-полевой артиллеріи въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Еще исправникомъ онъ сдѣлался авторитетомъ въ своемъ уѣздѣ: и судья, и городничій, и казначей, и город-

---

*) Лѣтъ пять или шесть назадъ, когда печаталось много о княжнѣ Таракановой, я гдѣ-то вычиталъ, что слухъ о какой-то дочери Елисаветы Петровны существовалъ въ Пучежѣ. Не относится ли онъ къ упомянутой мною таинственной особѣ? Если такъ, то ей было въ 1845 году по малой мѣрѣ 90 лѣтъ.

ской голова, и уѣздный врачъ, словомъ, весь Юрьевецповольскій служебный составъ единодушно признавалъ превосходство Александра Алексѣевича надъ прочими изъ ихъ среды. «Надо переговорить объ этомъ съ Александромъ Алексѣевичемъ», или, «надо узнать отъ Александра Алексѣевича, какъ, по его мнѣнію, будутъ смотрѣть на это дѣло въ губерніи» (т. е. въ губернскомъ городѣ). А что̀ до крестьянъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, они его боготворили, и на сходкахъ все дѣлалось по его внушенію *). Ужъ на что былъ дѣлецъ нашъ стряпчій, и тотъ отправится, бывало, въ казусныхъ случаяхъ къ своему «разумнику», какъ онъ называлъ Миронова, въ его усадьбу за 60 верстъ отъ Юрьевецповольска. Передъ моими глазами возстаетъ теперь давно забытый образъ этого добраго, свѣдущаго, но въ тоже время потѣшнаго старичка-стряпчаго (фамиліи его не помню). Кого онъ полюбитъ (а въ томъ числѣ былъ и я), тотчасъ, бывало, на *ты* съ нимъ; да и я платилъ ему той же монетою, а вдобавокъ посылалъ ему кое-когда муку или подобные съѣстные припасы, также синенькую и красненькую депозитку, не потому что онъ домогался, а въ виду того, что у него было большое семейство на рукахъ; а получалъ онъ, по тогдашнему окладу, что-то въ родѣ полутораста рублей въ годъ, то-есть менѣе чѣмъ получалъ даже тогда порядочный лакей у барина средней руки. За то, онъ только что не молился на меня. Слабенекъ былъ подчасъ нашъ старичекъ къ хрусталю, сирѣчь къ вину-зеленὸму. Ну, тогда сущая бѣда: дѣла пріостанавливались въ городѣ. Шибко закутилъ онъ однажды въ заштатномъ городѣ Лухѣ съ однимъ изъ нашихъ небогатыхъ помѣщиковъ Р. Кутили они что-то долго, чуть-ли не цѣлую недѣлю, а время было, пожалуй, горячее: начался рекрутскій наборъ. Отправился къ закутнувшимъ Мироновъ, въ надеждѣ отрезвить ихъ.— «Что̀ вы, черти, тутъ безобразничаете», вскрикнулъ онъ на нихъ. «Вотъ я обоимъ вамъ лбы забрѣю». А друзья допились до того, что потеряли всякое сознаніе, кто они сами. Помѣщикъ Р., вытаращивъ глаза и выпрямившись, отвѣчалъ на эту угрозу: «Ну, что-жъ? Отдавай въ солдаты, коли хочешь; я и царю готовъ служить». Но нашъ стряпчій бросился на колѣни и слезно сталъ умолять Миронова: «Отецъ родной, Александръ Алексѣевичъ! Не погуби меня несчастнаго на вѣки! Вѣдь куда дѣваться тогда моимъ дѣвчонкамъ, если ты забрѣешь мнѣ лобъ?»

---

*) Въ этой мѣстности господскіе крестьяне, будучи всѣ на оброкѣ, пользовались нѣкоторою автономіею, и потому у нихъ часто бывали мірскія сходки. Значительная часть этихъ имѣній принадлежала Петербургскимъ и Московскимъ заглазнымъ тузамъ, какъ напримѣръ графамъ Паниныхъ, Орловымъ, князьямъ Долгоруковымъ, Оболенскимъ, Черкасскимъ и др.

Разительный примѣръ, до чего доводитъ пьянство, представлялъ собою молодой засѣдатель уѣзднаго суда А., человѣкъ, хорошо кончившій курсъ въ университетѣ. Онъ впадалъ въ бѣлую горячку (delirium tremens), между тѣмъ какъ бодро стоялъ на ногахъ и ходилъ на службу. Воображаю себѣ, что̀ могъ онъ тамъ говорить и дѣлать. У него проявлялась въ это время вотъ какая манія. Прежде чѣмъ выходить со двора, онъ становился на однихъ пяткахъ, прислонясь сначала къ стѣнѣ, а на поднятые носки онъ надѣвалъ, на одинъ носокъ фуражку, а на другой опрокинутый чайникъ и, перепрыгивая, старался достичь противуположной стѣны комнаты, не роняя фуражки и чайника. Эту операцію трудно было совершить сразу; но онъ не терялъ терпѣнія, и когда одинъ изъ этихъ предметовъ падалъ, онъ сызнова на̀чиналъ, пока не достигалъ своей цѣли, и лишь послѣ того отправлялся на службу. Каково было бѣдной его женѣ, милой и образованной молоденькой женщинѣ! Но таковыхъ мужей у насъ на Руси, къ несчастію, немало.

Будучи однажды въ гостяхъ у сосѣдки моей Кетовой, я проигралъ въ карты бездѣльную сумму, четырнадцать рублей ассигнаціями, и когда сталъ расплачиваться, то увидѣлъ предъ собою изумленное лицо добраго моего Порзненскаго протопопа, отца Іоанна, котораго я привезъ туда съ собою. Не бывая никогда въ другомъ обществѣ, кромѣ своихъ собратій духовнаго званія, и то въ околодкѣ, и не видавъ въ жизни никакихъ другихъ городовъ кромѣ Костромы, Кинешмы, Юрьевецповольска и Шуи, онъ былъ наивенъ какъ дитя, и въ данномъ случаѣ не могъ никакъ сообразить, что игра у насъ шла взаправду и что можно было проиграть три синія бумажки. Кстати разскажу анекдотъ о Леонѣ, касающійся до этого почтеннаго священника. Съ самаго перваго времени моего владѣнія Порзнями я назначилъ въ смѣтѣ расходовъ въ вотчинной моей конторѣ ежегодное денежное пособіе духовенству моего села. Цифра эта была вѣроятно незначительная, потому что, въ бытность мою въ Италіи, отецъ Іоаннъ отнесся къ Леону съ просьбою о прибавкѣ оклада; ибо, выражался онъ, «его сіятельство, назначая-де намъ это пособіе, имѣлъ въ виду избавить насъ отъ унизительной необходимости сбора пятачками отъ крестьянъ, когда мы ходимъ къ нимъ по домамъ съ крестомъ по праздникамъ». На это домогательство послѣдовалъ великомудрый отвѣтъ моего фактотума, что онъ-де неволенъ измѣнить или добавить графское распоряженіе, но все что̀ онъ можетъ сдѣлать въ этомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что разрѣшаетъ святымъ отцамъ снова ходить по міру и Христа славить, пользуясь однакоже прежнимъ окладомъ.

Отмѣчу кстати одну черту, характеризующую патріархальный служебный строй уѣздныхъ инстанцій того времени. Въ нашемъ городѣ Юрьевецповольскѣ существовалъ обычай, по которому въ тамошнемъ уѣздномъ судѣ не бывало присутствія по базарнымъ днямъ, хотя этотъ ежедневный базаръ не былъ не по Воскресеньямъ и даже не по Субботамъ, а въ будни. На вопросъ о томъ какого нибудь пріѣзжаго, житель города считалъ, что вопрошающій господинъ долженъ быть совершенно удовлетворенъ объясненіемъ, что то былъ базарный день.

Изъ Порзней я отправился въ Петербургъ, прямо черезъ Кострому, Ярославль, Рыбинскъ, Мологу и Тихвинъ. На переправѣ чрезъ Волгу, въ Кинешмѣ, въ холодную ночь Августа мѣсяца, не взявъ съ собою ничего изъ теплой одежды кромѣ легкаго плаща безъ ваты, я получилъ такой сильный насморкъ, что потерялъ совершенно всякое обоняніе. Это продолжалось почти полгода, и хотя мало по малу я получилъ облегченіе отъ этого состоянія, но съ тѣхъ поръ осталось у меня искаженное ощущеніе носомъ и во вкусѣ, такъ что по сю пору доступны мнѣ лишь крѣпкіе запахи. Тоже самое случилось и относительно вкуса: всѣ почти рыбы за исключеніемъ стерлядей и сильно пахучей наваги кажутся мнѣ безразличными на вкусъ.

Въ Петербургѣ я избѣгалъ встрѣчи съ великосвѣтскими моими знакомыми. Впрочемъ, это было напрасно, такъ какъ всѣ они, по случаю лѣтняго сезона, жили на дачахъ или въ отдаленныхъ своихъ имѣніяхъ. Въ Петербургѣ я прожилъ около двухъ недѣль и встрѣтился съ М. Я. Вейсбергомъ въ кофейнѣ Доминика, какъ было условлено между нами (не мѣшаетъ замѣтить, что мы усѣлись разговаривать въ вновь устроенномъ великолѣпномъ салонѣ, во вкусѣ Альгамбры съ бьющимъ въ серединѣ фонтаномъ). Я узналъ отъ него всю суть придуманнаго имъ спасительнаго для меня плана, состоявшаго въ слѣдующемъ. Такъ какъ въ то время незначительное еще количество взысканій подано было лично на меня (прямымъ отвѣтчикомъ являлся еще тогда въ большинствѣ случаевъ самъ Леонъ): то слѣдовало, во первыхъ, немедленно уничтожить мою довѣренность Леону, а за тѣмъ, покуда кредиторы не успѣли еще наложить запрещеніе на мое имѣніе, выбрать кого нибудь изъ близкихъ мнѣ лицъ и съ нимъ совершить законное въ Гражданской Палатѣ условіе объ отдачѣ (мнимой, конечно) ему въ арендное содержаніе на десять лѣтъ всего моего имѣнія, обозначивъ въ актѣ, что за все это время получена мною впередъ вся арендная сумма сполна, цифра коей была, кажется, около одного милліона рублей.

Таковой актъ, если былъ совершенъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ, ставилъ арендатора кредиторомъ по первому разряду, а прочимъ приходилось бы ждать истеченія десятилѣтняго срока, чтобы потомъ получить какой либо на долю ихъ дивидендъ. Понятно, что въ такомъ случаѣ кредиторы, вмѣсто того чтобы ждать неизвѣстнаго имъ дивиденда послѣ столь дальняго срока, предпочли бы идти на всякую со мною сдѣлку и уступку съ ихъ стороны, тѣмъ болѣе, что можно было еще оспаривать законность значительной части документовъ, выданныхъ Леономъ. Проектъ этотъ смѣлъ и замысловатъ; но, не говоря уже, что онъ грѣшилъ, какъ фальшь и подлогъ (на таковую штуку я теперь бы не пошелъ), онъ не вполнѣ былъ безопасенъ съ юридической стороны для самаго меня: ибо, если кредиторы не имѣли въ виду никакого полученія изъ моего имѣнія, а имѣніе мое не подвергалось продажѣ за частные долги до истеченія аренднаго срока, то ничто не мѣшало бы имъ взыскивать лично съ меня весь впередъ полученный будто бы мною милліонъ, подвергнуть личность мою аресту, потребовать законодательнымъ порядкомъ отчета въ полученномъ мною милліонѣ; а какъ невозможно было бы мнѣ ни взнести имъ эту сумму наличными деньгами, ни дать удостовѣрительнаго отчета, куда я ее употребилъ, то меня признали бы, пожалуй, злостнымъ банкротомъ. Правда, что личность моя была въ то время ограждена отъ ареста по случаю моего нахожденія на службѣ; но и это огражденіе было отчасти шаткимъ: ибо кредиторы мои могли начать искъ съ цѣлію доказать, что я поступилъ только недавно на службу ради укрывательства отъ долговъ, о чемъ они уже поговаривали. Въ такомъ случаѣ законъ былъ бы на ихъ сторонѣ, и при всей протекціи трудно было бы начальству не уволить меня отъ службы. Но такъ какъ добиться кредиторамъ моимъ до этаго результата было не такъ легко, по милости судебныхъ нашихъ проволочекъ и крючкотворствъ (да еще и съ тратою съ ихъ стороны денегъ), то на моей сторонѣ была вѣроятность, что они (т. е. кредиторы) сдѣлаются сговорчивы, и потому вымыселъ М. Я. Вейсберга былъ дѣйствительно временнымъ оплотомъ. Касательно же сговорчивости кредиторовъ я почти увѣренъ, что, найдись тогда денежное лице, пожелавшее мнѣ помочь, можно было бы скупить всѣ неоспариваемые мои долги по 25 коп. за рубль; а большинство долговъ, надѣланныхъ Леономъ вслѣдствіе новой моей (заграничной) довѣренности, подвергалось спору и, пожалуй, они могли бы быть признаны недѣйствительными. Этой предполагаемой сдѣлкою благодѣтель мой, если бы таковой нашелся, коему я бы тогда же предоставилъ всѣ доходы съ моего имѣнія, выручилъ бы затраченный имъ капиталъ не позже, думаю, какъ чрезъ 15 лѣтъ, и я остался бы съ имѣніемъ и квитъ съ долгами за исклю-

ченіемъ, конечно, долга Сохранной Казнѣ. Но такъ какъ такого благодѣтеля не нашлось, то я погибъ.

Возвратившись въ Москву, я, для избѣжанія всякой встрѣчи съ Леономъ, не остановился на прежней моей квартирѣ и даже не въѣзжалъ въ городъ, а скитался временно по окрестностямъ, а именно въ Царицынѣ, въ Останкинѣ и даже въ с. Косинѣ[1]). Ко мнѣ пріѣзжали въ эти мѣста только М. Я. Вейсбергъ и мой Итальянецъ Паоли, первый изъ коихъ занятъ былъ тогда составленіемъ на бумагѣ проекта о передачѣ моего мнѣнія въ арендное содержаніе, но кому именно, мы сами еще не знали. Я мѣтилъ на двоюроднаго моего брата Петра Адріановича Дивова и, въ надеждѣ склонить его взять на себя роль подставнаго лица, отправился къ нему въ его подмосковную, с. Соколово[2]).

У него тогда гостилъ Французъ Петръ Петровичъ Дюкрò, по профессіи архитекторъ, но довольно неудачный въ этомъ искусствѣ, потому что нѣкоторыя изъ его построекъ обрушивались вскорѣ послѣ ихъ возведенія; но за то былъ онъ истинный кладъ въ общежительствѣ и безукоризненной честности. Добродушный, всегда веселый, услужливый, готовый во всякое время дня и ночи дѣлать что̀ бы ему ни предлагали: гимнастикой-ли упражняться, кататься-ли на лодкѣ или въ жмурки играть, или распить вдвоемъ бутылочку вина. Хотя, какъ Французъ, онъ наслаждался гастрономическимъ столомъ, но могъ довольствоваться одинаково Русскими сѣрыми щами и ржанымъ хлѣбомъ, и даже хоть ничего не ѣсть цѣлый день. Тамъ, гдѣ ему, бывало, укажутъ его уголъ, онъ и устроится; въ господскомъ-ли домѣ, въ избѣ-ли, въ сараѣ или на сѣновалѣ. Постоянно напѣвая какую-нибудь Беранжеровскую пѣсню, онъ всѣмъ старался угождать и всѣмъ былъ доволенъ. Но особенно любилъ онъ устраивать сюрпризы, иллюминаціи, фейерверки и бесѣдки въ саду; словомъ, въ деревенской жизни этотъ чело-

---

[1]) Косино принадлежало тогда извѣстному торговцу антикварными предметами Лухманову, магазинъ и домъ коего были на Лубянкѣ.

[2]) Нынѣ принадлежитъ Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой. Оно стоитъ въ 4 верстахъ отъ станціи Химки, что̀ на Николаевской желѣзной дорогѣ. Тамъ похоронены тетка моя Елисавета Петровна Дивова и мужъ ея Адріанъ Ивановичъ. *Примѣчаніе графа Бутурлина.*—Прекрасное Соколово, одно изъ любимыхъ мѣстъ для соколиной охоты царя Алексѣя Михайловича, описано Герценомъ въ его „Былое и Думахъ“. Пишущій эти строки проводилъ въ Соколовѣ лѣтніе мѣсяцы 1869 года, на дачѣ, нѣкогда нанимаемой Герценомъ. Престарѣлый тогда священникъ села Соколова съ удивленіемъ говорилъ про Герцена: „Какъ это онъ попалъ въ безбожники? Вѣдь вотъ въ этой самой комнатѣ служивалъ я у него молебны съ водосвятіемъ“. Старинные прихожане Московской церкви св. Іоанна въ Старой Конюшенной помнятъ, какъ Герценъ клалъ земные поклоны на мѳеимонахъ. Соколово нынѣ принадлежитъ Мазуринымъ. П. Б.

вѣкъ былъ неоцѣнимый. Живя въ Россіи почти двадцать лѣтъ, онъ не научился Русскому языку; но это никогда не мѣшало ему не запинаясь болтать съ работниками на какомъ-то нарѣчіи будто бы Русскомъ. Однажды (много позднѣе описываемаго мною времени) въ Зенинѣ, Н. А. Дивовъ, замѣтивъ, что плотники не дѣлаютъ какъ слѣдовало какую-то работу, надзоръ за которой онъ препоручилъ г-ну Дюкрò, пришедши въ домъ, сказалъ объ этомъ ему. Mais, mon général, que voulez-vous que je fasse? отвѣчалъ Французъ. Je leur ai pourtant bien expliqué ce qu'ils devaient faire [1]). Vezmi chetire palki, delaï chetire doski, i dira na dira, i verchok na verchok. J'espère que c'est clair! Après cela, si ils ne me comprennent pas, ce qu'ils y mettent de la mauvaise volonté.

Возвращаюсь къ разсказу. Въ Соколовѣ я засталъ Петра Адріановича и Дюкрó запятыми устройствомъ бассейна для фонтана, у подножія ската живописной и покрытой густымъ лѣсомъ горы. Тощая струя воды била, помнится мнѣ, изъ простой камышевой трубочки, и потому затѣйливая эта игрушка недолго, къ сожалѣнію, существовала. Оба эти немолодые полухолостяка (ибо жены ихъ, съ коими они оба разъѣхались, жили во Франціи) сильно смахивали на Парижскихъ старыхъ буржуа и нарѣчіемъ (Петра Адріановича трудно было не принять за Француза), и манерами, и несеріозностью почти всегда игриваго ихъ разговора.

Петръ Адріановичъ не захотѣлъ принять участіе въ предлагаемой мною операціи и совѣтовалъ отнестись по этому дѣлу къ брату его, Николаю Адріановичу. Сколько помнится мнѣ, послѣдній былъ тогда за границей, и потому нечего было мѣтить на него. Оставалась въ виду одна только теща моя, Е. И. Нарышкина, и я, взявъ съ собою М. Я. Вейсберга, отправился къ ней въ Знаменское. Съ нами поѣхалъ также вѣрный мой Радзиковскій, заклятый врагъ Леона; ему мы сообщили нашъ планъ, и онъ уже радовался, что, слѣдуя совѣту М. Я. Вейсберга, я публиковалъ въ газетахъ, что уничтожаю данную мною Леону довѣренность. Это происходило въ первыхъ числахъ Октября, ровно черезъ годъ послѣ поспѣшнаго моего выѣзда изъ Флоренціи. Оставшаяся тамъ бѣдная жена моя уже начинала ощущать послѣдствія Бородинскаго разгрома. Такъ какъ въ теченіи минувшихъ весны и всего

[1]) Что же мнѣ дѣлать, ваше превосходительство? Вѣдь я имъ растолковалъ что имъ дѣлать. *Везьми шетыре палки, дѣлай шетыре доски, и дира на дира, и вершокъ на вершокъ.* Надѣюсь, что это ясно, и если послѣ того они не понимаютъ, такъ это отъ того, что не хотятъ понять".

лѣта ни я, ни Леонъ не могли выплатить Ливорнскому торговому дому братьевъ Папудовыхъ денегъ, выданныхъ, по условію, моей женѣ, то субсидія эта прекратилась. По тѣмъ же причинамъ я не могъ высылать ей ничего, помимо Леона, кромѣ того что въ теченіи минувшей зимы я послалъ ей изъ Петербурга переводъ въ нѣсколько сотъ франковъ. Жена моя очутилась на иждивеніи моей матери, средства коей не были слишкомъ обширны. По правдѣ сказать, положеніе ея не озабочивало меня, какъ бы слѣдовало; ибо я могъ, кажется, настаивать, чтобы Леонъ снабдилъ ее деньгами изъ Порзненскаго оброка, мною предоставленнаго дотолѣ въ полное его распоряженіе. Жена моя провела зиму въ замкнутомъ семейномъ кругу: переходъ весьма для нея чувствительный послѣ блестящей прежней ея свѣтской жизни. Я уже прежде указывалъ на то обстоятельство, что отъ обращенія въ католичество и отъ 20-лѣтняго пребыванія въ Италіи тамошнее мое семейство представляло уже не Русскую, а чисто-иностранную семью, взгляды которой, привычки, убѣжденія и даже предубѣжденія не имѣли ничего общаго съ нами. Несправедливо говорятъ, что разность въ религіозныхъ воззрѣніяхъ не имѣетъ вліянія на семейныя узы: горькая опытность доказала мнѣ противное, не смотря на то, что въ домашнемъ кругу та и другая сторона тщательно избѣгали всякихъ богословскихъ преній и контроверсій, чувствуя, что предметъ этотъ приводитъ къ раздраженію.

Къ счастію жены моей, она имѣла рессурсъ въ частыхъ свиданіяхъ съ Зинаидою Сергѣевной Дивовой и съ графинею Софіею Григорьевною Чернышовой-Кругликовой, проведшихъ всю эту зиму во Флоренціи. Жена и мать мои ѣздили тѣмъ лѣтомъ на озеро Комо.

И такъ я отправился въ Знаменское съ М. Я. Вейсбергомъ, уговорить тещу мою взять на себя роль мнимой арендаторши моего имѣнія, на что̀ она согласилась. Разсуждая нынѣ съ болѣе зрѣлой точки зрѣнія, я долженъ сознаться, что весь этотъ планъ былъ основанъ на обманѣ, и теперь я наврядъ-ли бы согласился на подобное дѣло*).

Изъ Знаменскаго мы поѣхали втроемъ (т. е. теща, г. Вейсбергъ и я) чрезъ Москву въ Порзни, а оттуда въ Кострому, чтобы привести въ исполненіе нашъ планъ. Въ Костромѣ теща моя сблизилась съ губернаторомъ и съ его супругой Софіей Ивановной Жуковой, рожден-

*) Братъ мой, графъ Петръ Дмитріевичъ, олицетворенная правдивость (la ligne invariablement droite, какъ называетъ его г. Слоанъ), узнавъ во Флоренціи о семъ изворотѣ, весьма справедливо упрекалъ меня въ согласіи на подлогъ и, какъ я слышалъ, даже заплакалъ, что я запятналъ себя этимъ дѣйствіемъ.

ной Шепелевой; но губернаторъ, Николай Ивановичъ Жуковъ, отказалъ намъ въ своемъ содѣйствіи. Не согласилась также совершить этотъ актъ и Костромская Гражданская Палата, водимая, помнится мнѣ, за носъ секретаремъ палаты, по обычаю былаго добраго времени, когда выборный дворянствомъ составъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ былъ изъ людей безъ всякой юридической подготовки, и нерѣдко столь же знакомыхъ съ законовѣдѣніемъ, сколько могли быть лихой гусарскій корнетъ или мичманъ, каковыми эти члены высшей судебной инстанціи могли дѣйствительно быть накапунѣ своего избранія. Съ нами взошелъ въ сношеніе по нашему дѣлу засѣдатель палаты, олицетвореніе одного изъ Гоголевскихъ типовъ, или изъ «Утра въ палатѣ», Аксакова. Пріѣхалъ онъ однажды къ намъ съ визитомъ и пустился, ни съ того ни съ сего, въ безконечные разсказы о Ермоловѣ. Наконецъ, когда я, или М. Я. Вейсбергъ, навелъ его на настоящій, насъ занимавшій, предметъ (т. е. арендный договоръ), то онъ рѣшилъ сказать: «Никакъ нельзя-съ совершить».—«А почему же нельзя?» спросилъ кто-то изъ насъ. «А вотъ-съ нельзя по этимъ-то статьямъ», и затѣмъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана сложенную узенькую бумажку, на которой начертаны были ссылки (но однѣ только ссылки съ цифрами безъ текста) на статьи Свода Законовъ. «А позвольте васъ спросить», продолжалъ кто-то изъ насъ, «что гласятъ эти статьи?»—«Право не могу вамъ сказать», наивно отвѣчалъ нашъ засѣдатель. Намуштрованъ онъ былъ по видимому своимъ секретаремъ не вполнѣ.

Такъ какъ дѣло наше провалилось въ Костромѣ, то одинъ изъ служившихъ тамъ научилъ насъ попытаться, не сговорчивѣе ли будетъ Ярославская Гражданская Палата, при чемъ указалъ намъ на лицо, хотя не занимавшее особенно виднаго въ Ярославлѣ мѣста и даже служившее по другому вѣдомству, но могущее быть намъ полезнымъ. Человѣкъ этотъ дѣйствительно уладилъ тамъ наше дѣло, но не безъ малыхъ съ его стороны хлопотъ и денежныхъ издержекъ съ нашей. Впрочемъ немного, помнится мнѣ, пришлось изъ послѣднихъ на его собственно долю.

Возвратившись оттуда въ Кострому (отстоящую отъ Ярославля всего на 60 верстъ), мы попали на свадьбу старшей дочери губернатора съ тамошнимъ вице-губернаторомъ Бороздинымъ, «un ci-devant jeune homme», не совсѣмъ подъ пару по годамъ молодой Жуковой. Вся почти семья Сухово-Кобылиныхъ прибыла въ Кострому, по родству съ Софіею Ивановною Жуковою (отмѣчу мимоходомъ, что это была женщина высокаго достоинства), и на свадебномъ

балѣ я познакомился съ молодою графинею Евгеніею Саліасъ (рожденною Сухово-Кобылиной) и съ молодымъ ея мужемъ, весьма привѣтливымъ Французскимъ господиномъ. Графиня Саліасъ въ описываемое мною время не предвѣщала рѣшительно ничего и говорила по французски съ сильнымъ Русскимъ акцентомъ.

Помѣщу кстати одинъ анекдотъ, касающійся до графини Саліасъ, хотя относящійся къ позднѣйшему времени. Узнавъ, что модный тогда свѣтскій повѣса и левъ, князь Левъ Гагаринъ, тотъ самый, что изъ-за пари толкнулъ императора Николая Павловича на Невскомъ проспектѣ [1]), не щадилъ сарказмовъ на счетъ ея туалета (да и въ обществѣ говорили, что она неизящно весьма одѣвалась), она не пригласила его на одинъ изъ своихъ вечеровъ, хотя онъ посѣщалъ ея домъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ туда явился. Понятно, что хозяйка вечера встрѣтила его недружелюбно и стала его упрекать, что онъ позволяетъ себѣ повсюду разсказывать, что она выкраиваетъ себѣ платья изъ оконныхъ драпировокъ ея Турнемирскаго замка (que je me torche avec les drapperies de mon château de Tournemire). Предпочитаю, впрочемъ, привести весь діалогъ въ подлинникѣ, какъ онъ былъ сообщенъ мнѣ. «Quelle calomnie, madame! Je n'ai jamais dit pareille chose».—«Comment une calomnie? Mais je vous citerai des témoins, qui l'ont entendu». — «Je vous certifie encore, madame, que je n'ai jamais pu dire pareille chose, par la très bonne raison que je n'ai jamais cru à l'existence de votre château de Tournemire» [2]). Фамилію же Саліасъ де-Турнемиръ Левушка Гагаринъ пародировалъ въ «Сатіасъ де-Турнеброшъ». (Сатіасъ былъ тогда модный Французскій портной въ Москвѣ, а турне-брошъ значитъ по-французски вертелъ для жаркова).

Въ Порзняхъ, гдѣ мы пробыли тогда около 3 недѣль, я потѣшался остатками пѣвческаго моего хора, но уже разстроеннаго. Въ эту свою поѣздку, теща моя взяла съ собою внучку свою, трехлѣтнюю Лизочку Нарышкину. Эта дѣвочка была апатична донельзя и дурнушка, молчаливая и неподвижная до того, что когда, бывало, посадятъ ее на стулъ, она не трогалась съ него по цѣлому часу. Никакъ нельзя было ожидать, чтобы изъ этого безжизненнаго созданія вышла прелест-

[1]) Левушка (какъ звали его) Гагаринъ, хотя весьма юный лѣтами, уже женатъ былъ на милѣйшей Юліи Соломоновнѣ Мартыновой. Онъ служилъ тогда въ Лейхтенбергскомъ (Кіевскомъ) гусарскомъ полку.

[2]) „Это клевета, графиня! Я ничего подобнаго никогда не говорилъ.“—„Какъ не говорили? Я вамъ назову свидѣтелей, при конхъ это было сказано.“—Опять таки увѣряю васъ, что я не могъ этого сказать по той простой причинѣ, что я никогда не вѣрилъ въ существованіе вашего Турнемирскаго замка.“

ная и всѣми обожаемая Лиза Кашкина, такъ внезапно похищенная смертію, два почти года тому (въ Декабрѣ 1869 года) послѣ благополучныхъ, казалось, родовъ *).

Проживавшій у меня въ имѣніи на покоѣ съ 1833 года, старый батюшкинъ камердинеръ Андрей Антоновичъ Каменцовъ, былъ весьма обрадованъ увидѣть опять Елисавету Ивановну Нарышкину, которую онъ помнилъ еще ребенкомъ и которой не видалъ со времени жизни нашей въ Бѣлкинѣ въ 1816 году. Вѣрный привычкамъ старины, онъ упорствовалъ прислуживать намъ за столомъ, для чего наряжался въ бѣлый галстукъ съ огромнымъ жабо, выглядывавшимъ изъ-за растегнутаго бѣлаго жилета. Продолжительная деревенская глушь не изгладила въ немъ отпечатокъ чопорности и полу-величавой сдержанности въ осанкѣ и манерахъ, присущихъ старому слугѣ вельможнаго дома прошлаго вѣка, хотя глушь эта выучила его придерживаться лишней рюмочки Русскаго зеленаго винца, вмѣсто прежняго Флорентинскаго краснаго, виноградныго.

Забылъ я упомянуть, что, въ бытность нашу уже въ Костромѣ, теща моя и я навѣстили преосвященнаго Владиміра, знакомаго намъ по Кіеву, гдѣ онъ тогда былъ викарнымъ архіереемъ. Въ Ипатьевскомъ монастырѣ (мѣстѣ пребыванія Костромскихъ іерарховъ) только что возобновлены были покои, гдѣ скрывался отъ Поляковъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ. Рисунки этихъ комнатъ, исполненные братьями Чернецовыми, явились тогда литографированными, чрезъ чтò всей читающей и нечитающей Русской публикѣ стали извѣстны подробности столь важнаго историческаго событія. И опять таки скажу къ похвалу царствованія Николая, что во время «Благословеннаго» его предшественника, кромѣ историковъ-спеціалистовъ, многіе-ли изъ Русскихъ слыхали (какъ думается мнѣ) объ Ипатьевской обители, при всемъ томъ, что имѣли вѣроятно точныя свѣдѣнія о пресловутомъ дубѣ, на которомъ спаслись Карлъ и Яковъ Стуарты отъ преслѣдованія Кромвелевскими дружинами, или ломали себѣ головы угадать тайну Желѣзной Маски, заключенной въ Бастильской крѣпости?

Преосв. Владиміръ дорожилъ, повидимому, Кіевскими воспоминаніями, судя по тому, что въ пріемной у него висѣли по стѣнѣ два

*) Мужъ ея, Николай Сергѣевичъ Кашкинъ неутѣшенъ по сю пору. Безоблачное супружеское его счастіе продолжалось 9 только лѣтъ. Лиза оставила по себѣ дочь, 10-ти лѣтнюю нынѣ Катю, обѣщающую быть повтореніемъ своей матери, и двоихъ малолѣтнихъ сыновей, изъ коихъ старшій умеръ въ прошломъ году.

акварельные виды, мною написанные для него: Кіевской Злато-верхо-Михайловской обители, внѣшній общій видъ и внутренность храма *).

Изъ Порзней я ѣздилъ въ Юрьевецповольскъ для явки въ тамошній Уѣздный Судъ нашего условія, совершеннаго въ Ярославской Гражданской Палатѣ. Уѣздный судья, нѣкій г. Варенцовъ (хорошій онъ былъ человѣкъ; къ нему я отправился первоначально съ визитомъ), въ ознаменованіе удачнаго исхода этого дѣла, приказалъ подать Шампанскаго. Какъ ни склоненъ былъ я и есмь къ сему напитку, но не весьма охотно, помнится мнѣ, принялъ эту любезность, по несвоевременности часа дня (это было въ 9 или 10 часовъ утра). Всѣ должностныя лица уѣзда были расположены ко мнѣ, но вовсе, могу сказать, не изъ подобострастія, какъ къ помѣщику 2800 душъ, пригодному для нихъ въ видѣ дойной коровы (упомянутый уѣздный судья Варенцовъ женатъ былъ на купеческой вдовѣ, принесшей ему въ приданое нѣчто въ родѣ полумилліончика чистоганомъ); но видно было, что личность моя и непринужденное мое со всѣми обращеніе были имъ по нутру, и даже казалось мнѣ, что они брали участіе въ томъ, чтобы имѣніе мое уцѣлѣло за мною.

Нелишнее упомянуть также, что искренній другъ мой А. А. Мироновъ (нашъ уѣздный предводитель), съ своимъ прямодушнымъ и практическимъ взглядомъ на вещи и на приказныя каверзы, недовѣрчиво смотрѣлъ па хитросплетенное изобрѣтеніе М. Я. Вейсберга.

---

*) Я теперь вспомнилъ объ одномъ курьозѣ, относящемся къ этимъ двумъ рисункамъ и характеризующемъ безсмысленную подозрительность и назойливую придирчивость тогдашней полиціи. Когда я усѣлся на площади передъ Михайлоархангельской обителью для снятія съ нея вида, ко мнѣ присталъ кварташка для объясненія, по какому поводу и по чьему разрѣшенію рисую я на улицѣ, и долго подвергалъ онъ терпѣніе мое этому испытанію, не смотря на то, что я неоднократно говорилъ ему, чтобы онъ отнесся для разъясненій къ самому викарному архіерею, что̀ въ концѣ концевъ онъ рѣшился сдѣлать. Наши простолюдины смотрятъ иногда на человѣка, рисующаго на открытомъ воздухѣ, съ натуры, какъ на подозрительное лицо. Однажды я, снимая такимъ образомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ Англійскихъ военноплѣнныхъ морскихъ офицеровъ г. Стоаномъ-Эльфинстономъ, жившимъ въ 1854 г. въ Рязани, живописный видъ села Дядькова (имѣніе нынѣ умершаго Дубовицкаго, въ 3 верстахъ отъ Рязани), былъ окруженъ толпою крестьянъ, и хотя они не помѣшали намъ продолжать наше занятіе, но не расходились; да и видъ ихъ былъ почти что угрожающій. Вскорѣ потомъ Дубовицкій сообщилъ мнѣ, что крестьяне эти (его крѣпостные) тогда же немедленно дали ему знать, что *нерусскіе какіе-то люди* снимаютъ *планты* съ его имѣнія, и что еслибы онъ не послалъ сказать имъ, чтобы они оставили насъ въ покоѣ, то съ нами, пожалуй, приключился бы непріятный весьма скандалъ или, чего добраго, что-нибудь еще хуже. Подобнаго рода подозрительность объясняется тогдашнею Крымскою войною, но полицейская подозрительность въ мирное время, образчикъ коей я привелъ, неразъяснима.

Возвратившись въ Москву, я предложилъ тещѣ моей лучше оставаться тамъ у меня на зиму, чѣмъ ей скучать въ одиночествѣ въ ея Знаменскомъ безъ всякаго другого общества, кромѣ Тридопа, съ которымъ она, болѣе отъ нечего дѣлать, чѣмъ отъ иной причины, нерѣдко ссорилась, хотя въ душѣ отдавала ему должную справедливость. Да и кстати было ей не разлучаться со мною, такъ какъ теперь обоимъ намъ слѣдовало дѣйствовать за одно. Я нанялъ квартиру въ домѣ бывшемъ Альбини, а тогда Попова (нынѣ Пѣгова), на углу Тверской и Чернышовскаго переулка, съ окнами насупротивъ канцеляріи Московскаго военнаго ген.-губернатора, и платилъ за 7 комнатъ въ 2-мъ этажѣ и за двѣ комнаты для прислуги въ 1-мъ этажѣ, съ конюшнею и каретнымъ сараемъ, 750 или 800 рубл. асс. въ годъ, что̀ на серебро выходитъ около 230 рублей [1]). На дворѣ того дома въ числѣ квартирантовъ были два родные братья, хотя носившіе разныя фамиліи; Артари и Колдмба. Они были уроженцы Итальянскихъ кантоновъ Швейцаріи. Г. Артари былъ талантливый, стѣнной живописецъ, здравствующій доселѣ, а г. Колдмбо искусный ружейный фабрикантъ. Въ томъ же домѣ, вдоль по Тверской, былъ магазинъ Французскаго куафёра Галиси, и понынѣ существующій на Неглинной, въ промежуткѣ между Кузнецкимъ мостомъ и Софійской улицей. О немъ я упоминаю заблаговременно, потому что парикмахеръ этотъ случайно игралъ нѣкоторую роль въ одномъ театральномъ моемъ приключеніи, въ слѣдующемъ 1841 году. Квартиру эту въ домѣ Попова я занималъ до 1844 года.

Хотя я числился при канцеляріи князя Д. В. Голицына, но не занималъ тамъ никакого штатнаго мѣста, не получалъ жалованья, и меня никогда туда не требовали. Правителемъ оной все еще былъ П. Ѳ. Степановъ, а военнымъ отдѣленіемъ оной завѣдывалъ маіоръ Барышниковъ, добрый, но безцвѣтный, если можно такъ выразиться, человѣкъ. Княжескими адъютантами были тѣже: князь Н. А. Щербатовъ и князь Друцкой (по прозвищу пустой возокъ съ фонарями, по поводу выпуклыхъ его глазъ), а изъ новыхъ Дмитрій Петровичъ Солнцевъ (сынъ бывшаго въ 1827—1828 годахъ Орловскаго губернатора), молодой баронъ Розенъ (кажется, Дмитрій), меньшой изъ сыновей дѣйствовавшаго во время Польской войны 1831 года генерала [2]).

---

[1]) Для сравненія цѣнъ прежнихъ съ настоящими (въ 1870 г.) отмѣчу, что въ этомъ самомъ домѣ Пѣгова, въ отдѣленіи меблированныхъ комнатъ г-жи Лавіаль, одинъ мой знакомый теперь платитъ 35 руб. сер. въ мѣсяцъ за двѣ комнаты (правда съ отопленіемъ), что̀ составляетъ 420 р. сер. въ годъ.

[2]) Послѣ Польской войны баронъ Розенъ (отецъ извѣстнаго нынѣ Серпуховскаго Владычнаго дѣвичьяго монастыря игумени Митрофаніи) назначенъ былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ.

Вмѣсто В. Д. Олсуфьева, назначеннаго недавно передъ тѣмъ гофмаршаломъ двора Государя Наслѣдника, Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ Сенявинъ, женатый на баронессѣ д'Огеръ. Московсимъ вице-губернаторомъ былъ уже (кажется) тогда Петръ Петровичъ Новосильцовъ, бывшій передъ тѣмъ адъютантомъ при князѣ Д. В. Голицынѣ и женившійся немного позднѣе (вторымъ бракомъ) на непервой уже молодости Меропѣ Александроввѣ Берингъ. Оберъ-полицемейстеромъ все продолжалъ быть свиты Е. И. В. маіоръ Левъ Михайловичъ Цынскій. Князь Д. В. Голицынъ, принимавшій живое участіе въ запутанныхъ моихъ обстоятельствахъ, назначилъ одного изъ служившихъ въ его канцеляріи, нѣкоего г. Кондратьева, *офиціозно* (какъ нынѣ говорятъ) заняться разсмотрѣніемъ всѣхъ моихъ дѣлъ. Оффиціальнаго характера князь не могъ придать таковому пересмотру, ибо оно равнялось бы попечительной коммиссіи, могущей учредиться не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія. Дѣло о моихъ долгахъ и о степени моей состоятельности или несостоятельности уплатить ихъ разсматривалось тогда въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ, на томъ основаніи, что, какъ я уже объяснилъ прежде, Леонъ записалъ меня для Бородинской операціи по первой гильдіи. Рѣшенія по комерческимъ дѣламъ долго не затягиваются въ этой инстанціи, и потому надо было всячески стараться достичь судебнаго признанія, что въ сущности я, дворянинъ и помѣщикъ, не имѣю никакихъ торговыхъ заведеній, и что потому подсудность моя подлежитъ гражданскому вѣдомству, то есть Московскому Надворному Суду. Предсѣдателемъ Комерческаго Суда былъ нѣкто г. Любимовъ, человѣкъ обязанный, сколько помнится мнѣ, этимъ мѣстомъ князю Д. В. Голицыну, и онъ препоручилъ разсмотрѣніе этаго дѣла одному изъ присяжнымъ стряпчихъ Коммерческаго Суда, г. Рагозину. Благодаря такой обстановкѣ, я выигралъ дѣло, и всѣ поданныя на меня взысканія переданы были для производства въ Надворный Судъ. Тамъ нетрудно было хлопотать, чтобы дѣло мое пошло въ дальній ящикъ, и дѣйствительно окончательное рѣшеніе послѣдовало по прошествіи почти десяти лѣтъ. Можетъ быть, что эта минута была на столько для меня благопріятною, что я могъ бы выпутаться изъ моего омута. Кредиторы мои убѣдились бы, что ничего почти не очистилось бы на ихъ долю отъ продажи моего имѣнія, и пошли бы на всякую уступку и сдѣлку; но я не сумѣлъ воспользоваться моимъ положеніемъ. Впрочемъ, надо и то сказать, что безъ наличнаго капитала для этой сдѣлки она врядъ ли могла состояться. Весь этотъ милліонъ, или около того (на ассигнаціи), можно было бы скупить по 20 коп. за рубль на наличныя деньги; а какъ за уплату годовыхъ процентовъ въ Сохранную Казну оставалось еще изъ до-

ходовъ съ моего имѣнія 30 тыс. рублей, то я могъ бы выплатить чрезъ 10 или 12 лѣтъ весь затраченный на сдѣлку съ кредиторами капиталъ тому благодѣтелю, который захотѣлъ бы войти въ мое дѣло, и выплатить даже съ процентами. Но таковой не отыскался, и все лопнуло.

Таковъ былъ общій конспектъ моихъ дѣлъ въ началѣ 1841 года. Они съ того времени постепенно ухудшались, но протянулись до весны 1848 года. Съ Леономъ я избѣгалъ всякой встрѣчи со времени лѣтней моей поѣздки въ Порзни и въ Петербургъ, когда я публиковалъ объ уничтоженіи моей довѣренности, и по мысли тогдашнихъ моихъ совѣтчиковъ произведенъ былъ при мнѣ полиціею форменный обыскъ въ Леоновой конторѣ и на квартирѣ главнаго его приказчика Адольфа Вейса *). Чѣмъ была мотивирована эта мѣра, теперь не помню; но она была изъ тѣхъ, о которыхъ говоритъ пословица «шиломъ патоку задѣлъ». Ничего конечно при обыскѣ не оказалось ни въ конторѣ, ни у Вейса: ни денегъ, ни документовъ, ни даже конторскихъ книгъ. Касательно послѣднихъ, помнится мнѣ, что конторскій писарь, изъ Русскихъ, скрылъ ихъ у себя и далъ знать Леону, что онъ не иначе выдастъ ихъ ему какъ за весьма значительный кушъ денегъ; но Леонъ не погнался за ними, и писарская спекуляція не удалась. Тѣмъ не менѣе всѣ эти мои (или, правильнѣе сказать, М. Я. Вейсберга) дѣйствія, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ конторскихъ книгъ (ибо они были торговыя, и уничтоженіе ихъ могло подвергнуть Леона суду за злоумышленное банкротство) навели страхъ на Леона, и онъ началъ добиваться, подъ рукою, сближенія со мною; одобрялъ впрочемъ отдачу моего имѣнія въ арендное будто бы содержаніе тещѣ, какъ оплотъ противъ кредиторовъ, но говорилъ, что теперь-то и нужно дѣйствовать мнѣ за одно съ нимъ. Долго избѣгалъ я этого сближенія, и оно состоялось не прежде весны 1841 года. Первоначальная встрѣча наша была, помнится мнѣ, въ Кремлевскомъ саду. Онъ представилъ мнѣ, что только онъ одинъ можетъ расхлебать заваренную имъ кашу, что одинъ онъ можетъ-де выказать и опровергнуть безденежные документы (то есть тѣ, по коимъ онъ не получалъ денегъ); что относительно Сохранной Казны, гдѣ ничего не уплачено было за Порзни уже нѣсколько лѣтъ, онъ, по своимъ тамъ связямъ, удерживалъ до-

*) Человѣкъ этотъ, одинаковаго какъ и его принципалъ, Еврейскаго происхожденія, былъ приказчикомъ у Леона, когда онъ былъ маркитантомъ при нашемъ полку въ Турецкой кампаніи 1829 года. Въ продолженіе этой кампаніи Адольфъ Вейсъ опредѣлился по рекомендаціи Леона камердинеромъ къ нашему полковнику Е. И. Пашкову, а во время Бородинскаго предпріятія 1839 г. снова поступилъ къ Леону.

толѣ опись и продажу этого имѣнія, что̀ отчасти было справедливо *). За тѣмъ онъ силился доказать, что цифра поданныхъ лично на него взысканій стала незначительна (около 60 тыс. рубл., сколько помнится мнѣ) въ сравненіи милліона (или около) долга, поданнаго на меня; что я ничѣмъ не рисковалъ признать эти личные его долги надѣланными будто бы для моихъ же дѣлъ, а между тѣмъ я этимъ освободилъ бы его отъ ежеминутно угрожавшаго ему ареста, и онъ свободнѣе бы могъ дѣйствовать по моимъ дѣламъ. И тутъ подчинился я его вліянію и осенью того 1841 года подалъ заявленіе въ Комерческій (или Надворный) Судъ, что признаю якобы своими всѣ личные долги бывшаго моего повѣреннаго. Это было страшною ошибкою; потому что во первыхъ, мнѣ въ точности неизвѣстно было, на какую сумму простирались Леоновскіе личные долги, а во вторыхъ, я обезоруживалъ себя на будущее время закрѣпленіемъ всѣхъ тѣхъ исковыхъ документовъ, которые дотолѣ подлежали спору. Хотя послѣ этого моего съ Леономъ сближенія я болѣе не выдавалъ ему никакой формениой довѣренности, но онъ фактически началъ снова съ осени 1841 года, когда я разсорился съ тещею моею (какъ скажу въ своемъ мѣстѣ), завѣдывать моими дѣлами.

Теперь обращаюсь къ описанію Московской моей жизни зимою съ 1840 на 1841 годъ и событій того времени.

Всѣ медицинскія ухищренія для поддержки жизни княгини Татьяны Васильевны Голицыной, впавшей въ маразмъ, были истощены, и она умерла около новаго 1841 года. Московское дворянство, желая почтить ея память, отмѣнило по сему случаю балъ или какое-то оффиціальное празднество, имѣвшее быть въ Дворянскомъ Собраніи, или чуть-ли не закрыло временно Собраніе, какъ бываетъ въ оффиціальныхъ траурахъ, каковой почести не бывало еще дотолѣ, какъ я слышалъ, для частнаго лица.

Нельзя коснуться описанія тогдашняго Московскаго общества и пропустить типическую, выдающуюся впередъ, личность нѣкоего доктора Газа или Гаазе.

Начну съ его наружности. Ему было тогда, какъ предполагаю, шестьдесятъ съ чѣмъ-то лѣтъ; роста онъ былъ низкаго, толстенькій и кругленькій, въ парикѣ, всегда во фракѣ, въ короткихъ до колѣнъ штанахъ, въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ и въ башмакахъ, съ жи-

*) Сохранная Казна терпѣла до 1845 года. Вещь неслыханная!

выми манерами и дѣятельными привычками. Не помню, какого онъ былъ вѣроисповѣданія, Лютеранскаго или Римско-католическаго; но, будучи глубоко проникнутъ Евангельскими заповѣдями, онъ неуклонно примѣнялъ ихъ въ практической жизни, и особливо въ любви къ ближнему,—чувство, доходившее у него иногда до крайности съ свѣтской точки зрѣнія. Съ таковою же строгостію относился онъ къ правдивости во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ служебныхъ и общественныхъ, и въ рѣчахъ, въ каковомъ отношеніи мало уступалъ Квакерамъ. О медицинскихъ его достоинствахъ мало знаю; но можно думать, что онъ былъ искуснымъ довольно врачемъ, если судить по обширной его кліентелѣ въ высшихъ кругахъ общества. Онъ вовсе не считалъ себя призваннымъ къ апостольскому служенію; но главною задачею жизни было у него распространеніе Евангельскихъ началъ и врачеваніе духовныхъ недуговъ. Онъ напечаталъ на свой счетъ таблицы для народнаго руководства, на каждой изъ каковыхъ помѣщались азбука, Молитва Господня и десять заповѣдей, и эти таблицы онъ распространялъ между арестантами, съ которыми имѣлъ ежедневныя сношенія, будучи членомъ тюремнаго комитета *), и раздавалъ своимъ знакомымъ. Онъ избралъ предметомъ особеннаго своего попеченія духовное преуспѣяніе караемыхъ правосудіемъ заблудшихъ овецъ. Въ увѣщеваніи преступниковъ у него проявлялись такая душевная чистота, такое состраданіе къ страждущему человѣчеству, что для посторонняго онъ могъ казаться смѣшнымъ. Такъ, наприм., разсказывали, что, увѣщевая однажды какого-то убійцу, онъ нѣжно обнималъ его, приговаривая: «Ну да, ты вѣдь каешься, не правда-ли, въ твоихъ дѣйствіяхъ? Ты теперь добрый человѣкъ и впередъ никогда не будешь этого дѣлать, не правда-ли?» Разсказывали также, помнится мнѣ, что въ подвѣдомственной ему больницѣ былъ человѣкъ съ ракомъ на наружной части тѣла, отъ чего больничные его товарищи избѣгали всякаго съ нимъ сообщенія. Сочувствуя этому отлученію бѣдняка и, можетъ быть, въ доказательство, что прикосновеніе къ нему неопасно, докторъ Гаазъ облобызалъ при всѣхъ эту гніющую язву. Но этотъ самый, столь снисходительный и сердобольный къ меньшей братіи человѣкъ дѣлался непреклоннымъ упрямцемъ въ столкновеніяхъ съ сильными міра сего, когда задумывалъ проводить между ними какую-либо изъ своихъ филантропическихъ идей. Такъ однажды, когда князь Голицынъ, выведенный изъ терпѣнія настойчивостію и горячностію, съ каковыми Гаазъ чего-то домогался отъ него, закричалъ (что̀ впрочемъ не было ему свойственно): «M-r Haas, si vous ne cessez pas, je vous ferai mettre

---

*) Пересылочный замокъ помѣщался тогда на Воробьевыхъ горахъ, куда Гаазъ не пропускалъ ѣздить въ день отправленія этапныхъ командъ, разъ въ недѣлю.

à la porte». — «Et moi, mon prince», отвѣчалъ докторъ, «je rentrerai par la fenêtre» *). Объ его справедливости и честности судить можно по слѣдующему анекдоту. Однажды староста подмосковной его деревушки донесъ ему, что намѣревается воспользоваться предстоящимъ рекрутскимъ наборомъ, чтобы сбыть какого-то негодяя. «Какъ?» крикнулъ на него съ негодованіемъ Гаазъ. «Чтобы я обманулъ моего Государя и Императора? Никогда! Отдать на царскую службу самаго лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка изъ моего имѣнія».

Другихъ воспоминаній о достойномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинальномъ этомъ лицѣ, не имѣю, кромѣ того, что онъ особенно почиталъ посланія Св. Павла, и однажды при мнѣ выразился объ одномъ мѣстѣ изъ этого апостола: «quel joli passage!», и хотя слово «joli» не примѣняется по французски къ священнымъ предметамъ, но у Гааза оно имѣло значеніе совершенства по слогу и по смыслу.

Въ это время (т. е. зимою съ 1840 на 1841 г.), стоя на краю пропасти, я весь предался пѣнію, какъ будто бы нечего было мнѣ безпокоиться о будущности моей. Познакомившись съ учителемъ пѣнія, тогда бывшимъ въ большемъ ходу, Итальянцемъ г. Занноти, я сошелся у него съ однимъ дилеттантомъ, Людвичомъ Антоновичемъ Гизетти, медикомъ по профессіи, но покинувшимъ всякую практику. Хотя по фамиліи онъ казался Итальянцемъ и принадлежалъ Римско-католическому вѣроисповѣданію, но былъ природный Москвичъ, сынъ нотаріуса или биржеваго маклера, женатый на Русской, принесшей ему въ приданое порядочный, повидимому, капиталъ, но бывшей старше мужа годами и до крайности ревнивой. Заблаговремевно скажу, что Л. А. Гизетти пустилъ женины деньги въ оборотъ, сошелся съ моимъ Леономъ (хотя, не чрезъ меня, но упрекаю себя, что я не постарался отвлечь его отъ столь опаснаго человѣка, какъ упрашивала меня о томъ г-жа Гизетти) и съ другимъ по подрядной части людомъ, запутался, послѣ чего переѣхалъ въ Петербургъ, въ надеждѣ, должно быть, поправить свои дѣла, но разорился окончательно и умеръ въ 1845 году. Какъ пѣвецъ, онъ былъ одаренъ чисто-груднымъ и сильнымъ теноровымъ голосомъ, свободно прокрикивалъ свои «si bemol» или чуть ли не «si naturel», но не отличался особенно методомъ пѣнія, хотя и провелъ нѣсколько времени въ Италіи. У него я часто проводилъ вечера, и мы такъ хо-

*) „Г. Гаазъ, если вы не перестанете, я прикажу выбросить васъ въ дверь“.—„А я, князь, взойду опять чрезъ окно“. Анекдотъ этотъ переданъ былъ мнѣ на горячихъ слѣдахъ Андреемъ Степановичемъ Кронбергомъ, домашнимъ врачемъ князя Голицына.

рошо спѣлись, что обоихъ насъ, какъ неразлучныхъ, приглашали иногда на музыкальные вечера. Чрезъ меня онъ познакомился съ увлекательною, какъ женщина и талантливою, какъ артистка-аматёрша, Софіею Александровною Рябининой (рожденной княжной Черкасской). Хорошо не помню, она ли или г. Занотти познакомили меня и Л. А. Гизетти съ двоюроднымъ братомъ Софіи Александровны по ея мужу, Владиміромъ Михайловичемъ Боборыкинымъ, ярымъ меломаномъ и знатокомъ Итальянской музыки, владѣвшимъ хотя несильнымъ, но пріятнымъ басомъ. И вотъ мы вчетверомъ составили, подъ дирижерствомъ общаго нашего акомпаніатора Занотти, маленькую, но комплектную труппу. Музыкальный нашъ союзъ выдержалъ весь зимній и весенній сезонъ 1841 года; врозь мы рѣдко пѣвали, а въ свой кружокъ постороннихъ пѣвцовъ и пѣвицъ не пускали. У С. А. Рябининой было первоначально нѣчто въ родѣ контральта, но усиленною обработкою своего органа она пріобрѣла самыя высокія сопрановыя ноты и пѣвала съ большимъ увлеченіемъ («entrain et feu», чего не доставало Е. А. Соймоновой), и даже съ чувствомъ. Органъ у нея былъ могучій, но тембръ его грѣшилъ немного неясностію. Долженъ я сознаться, что былъ немного влюбленъ въ нее; да и трудно было устоять противъ обаянія вдохновительной этой женщины. А вѣдь странно сказать, она далеко не была красавицею. Черты лица были не тонкія, и все лице въ веснушкахъ; волоса хотя густые и волнистые, но если не назвать ихъ рыжими, то конечно «d'une teinte très hazardée»; росту средняго, но за то было роскошное тѣлосложеніе, бюстъ и плечи статуарные при тонкой и элегантной таліи. Кромѣ музыкальныхъ своихъ дарованій, Софія Александровна успѣшно весьма писала портреты масляными красками, свободно владѣла четырьмя языками и знала поэзію этихъ нарѣчій, но рядомъ съ тѣмъ всеобъемлющій ея умъ углублялся охотно въ философическія и даже богословскія чтенія, пытливо отыскивая (какъ я впослѣдствіи замѣтилъ) точку опоры противъ скептицизма. Душевнаго этого оплота искала она въ борьбѣ съ жизнію, не сложившеюся по потребностямъ горячей и отчасти поэтической ея натуры. Мужъ ея Александръ Андреевичъ, хотя хорошій, какъ обыкновенно говорится въ свѣтѣ, человѣкъ, но весь преданъ былъ житейскимъ заботамъ, сельскому хозяйству и сахароваренію. Помню время ея колебаній; помню, что я однажды засталъ ее всю въ слезахъ. Она разъ призналась мнѣ, что, алча духовнаго подкрѣпленія, она обращалась къ покойному митрополиту Филарету, но что онъ не удовлетворилъ душевной ея жажды. «J'ai trouvé sa morale très sèche» *), сказала она мнѣ. Убѣдившись (вѣроят-

*) Я нашла его мораль очень сухою.

но), что вопросъ о жизни неразгадаемъ, она впала въ скептицизмъ, махнула рукою на все, перестала бороться и пустила свою ладью на произволъ житейскихъ бурь. Потребность сильныхъ ощущеній особенно высказывается въ этотъ періодъ ея жизни, и вотъ она отправляется въ Алжиръ и участвуетъ въ львиной охотѣ [1]).

Около десяти лѣтъ спустя, молодой и талантливый нашъ фортепіанистъ Дмитріевъ посвятилъ Софіи Александровнѣ извѣстный свой романсъ «Густолиственныхъ кленовъ аллея», нарочно для нея имъ написанный [2]).

До́ма мнѣ акомпанировалъ молодой Итальянецъ Лоръ, черезъ протекцію графа М. Ю. Віельгорскаго наслѣдовавшій отъ маестра Ерколини мѣсто учителя пѣнія при одномъ Московскомъ институтѣ Воспитательнаго Дома.

Въ Январѣ или Февралѣ пожаловала къ намъ угасавшая знаменитость Европейскихъ первоклассныхъ сценъ, г-жа Па́ста. Она дала первый свой концертъ въ партикулярномъ залѣ, въ домѣ Корсаковыхъ, что̀ у Страстнаго монастыря, а затѣмъ два отрывочныя представленія въ Большомъ театрѣ, выбравъ для того первую сцену изъ Нормы (оперы, написанной для нея молодымъ Беллини въ 1829 или 1830 году) и финалъ Россиніева Отелло.

Не могу не провести здѣсь параллели между свѣтскими приличіями, какъ ихъ понимали въ 40-хъ и нынѣ въ 70-хъ годахъ. Г-жа Паста просила меня участвовать съ нею въ этомъ концертѣ въ Корсаковомъ залѣ, а такъ какъ я числился тогда въ канцеляріи князя Д. В. Голицына, то нужно было испросить его на это согласіе. Князь, хотя всегда благоволившій ко мнѣ, тѣмъ не менѣе отказалъ мнѣ въ этомъ случаѣ, потому-де, что не принято было у насъ, чтобы актеры изъ нашего высшаго общества участвовали на публичныхъ (т. е. за деньги) концертахъ профессіональныхъ артистовъ. Въ настоящее же время я видѣлъ на афишахъ Московскаго временнаго общедоступнаго театра (на Варваркѣ) имена князя Урусова и г-жи Путяты съ ея сыномъ. Слѣдуетъ добавить, что спектакли эти не имѣли никакой благотворительной цѣли. Въ столь извѣстной аріи первой сцены Нормы «Casta diva» были у Пасты дѣйствительно минуты, напоминавшія лучшія времена двадцатилѣтней ея карьеры; но вслѣдъ затѣмъ голосъ ея подъ часъ срывался, а уже въ ролѣ Дездемоны ее постигло полное

[1]) Все это относится къ 50-мъ уже годамъ.

[2]) С. А. Рябинина скончалась въ 1854 г. въ Парижѣ, отъ холеры (род. въ 1817 г.)

фіаско, и публика произнесла надъ нею окончательный судъ, что, «мадама Паста—баста». Драматическая ея игра въ финальномъ дуэтѣ Отелло была высшей трагической школы; но одна игра не могла выкупать надтреснутаго органа, а дородность тѣлосложенія и старческая походка (особливо, когда Дездемона порывается убѣжать отъ освирѣпѣвшаго Отелло) уничтожали всякую иллюзію. Вдобавокъ, путешествовавшій съ нею молодой теноръ Гамберини, посягнувшій на трагическую роль Мавра, былъ артистъ ниже посредственности. Удивительно, право, какъ иные пѣвцы обоего пола не мирятся съ мыслію, что артистическое ихъ поприще окончено и не умѣютъ вó-время разстаться съ нимъ при неувядшихъ еще лаврахъ.

По поводу Шекспирова Отелло, я вспомнилъ разсказанное мнѣ объ игрѣ въ этой трагедіи знаменитаго Негра Олриджа, бывшаго въ Москвѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Онъ увлекался до того, что чуть-чуть не задушилъ игравшую съ нимъ въ роли Дездемоны трагическую артистку г-жу Козицкую, которая заявила Театральной Конторѣ, что дирекція можетъ сколько угодно штрафовать ее, но что жизнь дороже денегъ, и что она впередъ рѣшительно не станетъ болѣе играть съ такимъ изступленнымъ человѣкомъ. Мнѣ не случалось видѣть Олриджа; но мнѣ сдается, что эти спектакли, передѣланные для него (онъ игралъ также въ Королѣ Лирѣ и въ Венеціанскомъ Купцѣ) смахивали на шутовство; ибо Американецъ-Негръ декламировалъ на Англійскомъ нарѣчіи, а реплика и все прочее шло по-русски. Изъ всей публики едва-ли трое изо ста знали Англійскій языкъ, и потому восторгъ (если дѣйствительно онъ былъ), произведенный Олриджемъ, былъ напускной.

Внѣ сцены, г-жа Джудитта Паста была милѣйшая, веселая и безцеремонная особа: сядетъ, бывало, непрошенная къ фортепіано и затянетъ какую-нибудь комическую пѣсенку. Она съ мужемъ была у у меня въ гостяхъ *), и простотою манеръ и обхожденія (то что̀ зовется по французски franchise d'allures) очень понравилась тещѣ моей и Маврѣ Егоровнѣ Быховецъ, съ коими она провела вечеръ и ужинала у меня. Она показывала мнѣ браслетъ съ портретомъ малолѣтней своей внучки (дочь ея была замужемъ за какимъ-то Ломбардскимъ маркизомъ) и говорила, что носитъ этотъ браслетъ на счастіе, когда должна являться передъ публикою. Любя дѣтей, она ласкала и брала на свои колѣна маленькую Лизу Нарышкину, продолжавшую тóгда

*) Г. Паста, какъ и г. Валабрекъ, мужъ г-жи Каталани, и большинство супруговъ знаменитыхъ пѣвицъ, былъ безцвѣтный совершенно человѣкъ, не отличавшійся никакимъ талантомъ, ни складомъ ума.

находиться у своей бабушки, а моей тещи. Исключая музыки, эстетическій вкусъ не особенно высказывался у г-жи Паста: въ Москвѣ ей очень нравилось то, что крыши домовъ всѣ зеленыя.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда явились двѣ другія потухавшія звѣзды Парижской Французской оперы, г-жи Даморо-Чинти и Фальконъ. Впрочемъ онѣ не пускались на драматическія представленія, а въ концертахъ были весьма сносны, особливо Фалконъ [1]), не старая еще артистка, преждевременно оставившая сцену по причинѣ болѣзни, повредившей ея голосу. Она была еще очень красивая женщина и исполнила въ концертѣ, помнится мнѣ, весьма удовлетворительно арію изъ Жидовки, которую писалъ Галеви нарочно для нея. Г-жа Даморо-Чинти, хотя поступила на сцену съ 1814 года, но и въ 1841 г. отдѣлывалась весьма еще порядочно руладнымъ пѣніемъ, преобладавшимъ въ Россиніевскую эпоху. Изъ Русскихъ артистовъ замѣчательны были молодой Девитте и его двѣ сестры. Всѣ трое были арфисты и фортепіанисты, и одна изъ сестеръ вышла позднѣе замужъ за нѣкоего Хомякова. Они были дѣти попавшаго подъ судъ инженернаго генерала и по нуждѣ сдѣлались артистами.

Но вотъ, благодаря неусыпной дѣятельности пріятеля моего, медика Кронберга, готовилось открытіе дѣтской больницы (на Бронной), директоромъ коей онъ былъ назначенъ [2]). Въ пользу ея составлялся концертъ въ залѣ Дворянскаго Собранія изъ Московскихъ диллетантовъ обоего пола. Въ концертѣ этомъ участвовали нашъ вышесказанный квартетъ (Рябинина, Гизетти, Боборыкинъ и я), также Меропа Александровна Берингъ (еще не выходившая за П. П. Новосильцова), меньшая ея сестра Зинаида Александровна (недавно передъ тѣмъ вышедшая за яраго меломана Семена Павловича Яковлева [3]), Михаилъ Дмитріевичъ Засѣцкій и хоръ диллетантовъ обоего пола изъ высшаго общества, а по инструментальной части княжна Марія Николаевна Щербатова прекрасно выполнила на фортепіяно одинъ изъ концер-

---

[1]) Меньшая ея сестра, бездарная актриса, была въ то время въ составѣ Петербургской Французской труппы.

[2]) Какъ директоръ больницы, г. Кронбергъ занималъ весь правый отдѣльный флигель. По его просьбѣ, садовникъ изъ крѣпостныхъ моихъ людей Шобановъ (знатокъ своего дѣла и пьяница) разбилъ тогда и засадилъ садикъ порядочнаго пространства, примыкающій къ этому флигелю. Когда я посѣтилъ въ послѣдній разъ тамъ г. Кронберга въ 1860 году, деревья въ саду были уже огромныхъ размѣровъ. Шобановъ былъ сынъ любимаго садовника моего отца и такого же пьяницы какъ его чадо. Послѣ 1860 г. Кронбергъ переселился за границу со всѣмъ своимъ семействомъ.

[3]) Зинаида Александровна Яковлева умерла ударомъ на Святой недѣлѣ въ 1866 или 1867 году. Отличная была мать семейства.

товъ Шопена. Оркестръ былъ Большаго театра, а дирижеромъ всего концерта г. Дзанотти, у котораго учились всѣ почти дѣвицы, участвовавшія въ хорѣ *). Концертъ начался шумною интродукціею изъ оперы Марино Фаліери (Донидзетти), впервыя слышанною Москвичами, которая сошла съ рукъ съ большимъ эффектомъ; въ ней участвовали хоромъ всѣ пѣвцы и пѣвицы. Не менѣе удовлетворительно (осмѣливаюсь сказать) исполненъ былъ нашимъ квартетомъ, при окончаніи 1-й части концерта, большой финалъ 1-го дѣйствія изъ Лучіи ди Ламермуръ «Chi mi frena in tal momento», также впервыя исполненный въ Москвѣ. Въ этомъ «morceau d'ensemble» вибрація голоса Софіи Александровны наполняла весь большой дворянскій залъ, не хуже сценической артистки. Съ нею же я пропѣлъ дуэтъ изъ Донидзеттіевой оперы Марія ди Риденсъ, но помню, что я не былъ доволенъ моимъ исполненіемъ; потому что дуэтъ этотъ, написанный для баритона Ронкони, былъ слишкомъ высокъ для меня, по милости высокаго (противъ Итальянскаго) камеръ-тона, какъ Петербургскаго, такъ и Московскаго оркестра. Затѣмъ Софія Александровна блистательно исполнила трудную каватину изъ оперы Пуритане, Меропа Александровна Берингъ съ успѣхомъ пропѣла пѣсню Вани изъ Жизни за Царя. Тембры ея и сестры ея, З. А. Яковлевой были ясны, звучны и мягки. Концертъ вполнѣ удался; очистилось за расходомъ около 10 тыс. р. асс., и немедленно затѣмъ послѣдовало открытіе Дѣтской больницы тамъ, гдѣ по сю пору она находится. Квартетъ нашъ, въ знакъ признательности за труды г. Дзанотти, поднесъ ему серебряно-вызолоченный большой бокалъ, работы славившагося уже тогда Губкина, съ нашими на немъ именами.

Около того же времени я познакомился у Гизетти съ Александромъ Егоровичемъ Варламовымъ. По просьбѣ его, Гизетти и я согласились участвовать въ его концертѣ, въ Дворянскомъ Собраніи. Въ немъ участвовали также Елисавета Алексѣевна Дьякова (бывшая знаменитая наша диллетантка Окулова, ученица графа Риччи въ 1826 и 1829 годахъ), графиня Екатерина Александровна Зубова и ея сестра Еврей-

*) Ихъ я помню поименно: двѣ сестры Демидовы, мать коихъ была рожденная Панина (одна изъ нихъ вышла за вдовца графа Армфельда, а другая за Казакова); двѣ сестры Тришатныя (дочери извѣстнаго, попавшаго подъ судъ, генерала), хорошенькая графиня Прасковья Петровна Толстая (вышедшая за князя Григорія Николаевича Вяземскаго, сына княгини Софіи Егоровны, бывшей вдовы Беринга), Бибикова (вышедшая за князя Оболенскаго, убитаго вскорѣ послѣ свадьбы своимъ поваромъ), двѣ сестры Голынскія и, кажется, обѣ дочери Андрея Николаевича Небольсина. Изъ болѣе замѣчательныхъ артистовъ театральнаго оркестра были: г. Грасси, первая скрипка, гг. Марку и Кудельски, оба віолончелисты. Былъ еще третій, помнится мнѣ, віолончелистъ, г. Шмидтъ.

нова, дочери князя Александра Петровича Оболенскаго, обѣ красавицы, и нѣкая дѣвица Хвицкая, дочь коменданта гдѣ-то въ Сибири. Слыхалъ я немало хорошихъ сопрано, но органа, какимъ владѣла Хвицкая, я рѣшительно дотолѣ не слыхивалъ; онъ соединялъ рѣдкое пространство (étendue du régistre de la voix), силу и неимовѣрную гармонію звучности. Этотъ феноменъ-дѣвица брала безъ всякихъ натяжекъ или усилій верхній «re» и «mi» (да и чуть-ли не «fa»); но эти столь острыя нотки были у нея бархатныя, такъ сказать, и точь въ точь какъ будто звонъ серебрянаго колокольчика. Я всегда твердилъ ей впослѣдствіи, что еслибы она рѣшилась поступить на сцену, то несомнѣнно пріобрѣла бы извѣстность и составила бы себѣ фортуну, между тѣмъ какъ житейскія средства ея семейства были самыя ограниченныя, и она была въ зависимости у своей мачихи, имѣвшей взрослую дочь отъ перваго брака съ нѣкіимъ Арсеньевымъ. На концертѣ А. Е. Варламова пропѣто было Е. А. Окуловою, Л. А. Гизетти и мною извѣстное тріо изъ Жизни за Царя, «Не томись напрасно», въ коемъ Антонина наша, вопреки нѣкотораго замѣтнаго уже отсутствія свѣжести тембра, исполнила свою партицію съ артистическимъ совершенствомъ и искусствомъ своимъ и энергіею музыкальной дикціи увлекла слушателей. Я пропѣлъ романсъ изъ Донидзеттіевой оперы Марія ди Руденсъ, «Ah non avea più lagrime», съ акомпаниментомъ віолончели (obligato), превосходно исполненнымъ первымъ театральнымъ віолончелистомъ г. Марку*); но романсъ прошелъ незамѣтнымъ для публики. Л. А. Гизетти прекрасно пропѣлъ финальную арію оперы Роберто д'Эврё «Come uno spirito angelico», слышанную имъ въ Неаполѣ отъ самого славившагося тогда Бассадонна, для коего партиція эта была написана. Затѣмъ мы оба исполнили буффовый дуэтъ «Venti scudi», изъ оперы Эликсиръ д'Аморе (Любовный Напитокъ). Молодая Хвицкая привела публику въ неожиданный восторгъ однимъ изъ романсовъ А. Е. Варламова; графиня Зубова и сестра ея Евреинова пропѣли извѣстный дуэтъ «Пловцы» того же композитора и бенефиціанта, а Меропа Александровна пропѣла пѣсню Офеліи того же автора.

Странный былъ человѣкъ Александръ Егоровичъ Варламовъ, настоящій артистъ и по таланту, и по безпечности. Слава его привлекла ему столь много учениць, что онъ могъ бы, по примѣру товарища своего по профессіи Итальянца Дзанотти, легко нажить капи-

*) Инструментацію къ этому гармоническому романсу, въ коей обязательно (obligato) первенствовала віолончель (какъ будто вторя пѣнію), удачно весьма составилъ, по просьбѣ моей, даровитый авторъ нѣсколькихъ Русскихъ романсовъ Гурилевъ, преждевременно умершій въ умопомѣшательствѣ.

талецъ (конкуренціи между обоими не было, потому что спеціальность ихъ была неодинаковая), а между тѣмъ Варламовъ постоянно нуждался. Причиною того была лѣнивая до того его натура, что по цѣлымъ мѣсяцамъ онъ носа не показывалъ тамъ, гдѣ условливался бывать по два и три раза въ недѣлю. Передавали мнѣ, что однажды, на упрекъ одной изъ его учениць или ея маменьки за подобную неаккуратность, онъ будто бы отвѣчалъ: «Ахъ, матушка; вѣдь я не поденщикъ, а артистъ; прихожу, когда мнѣ вздумается». Покойный Гресееръ, единственный издатель романсовъ Варламова, разсказывалъ мнѣ, въ какое затрудненіе ставила его безпечность послѣдняго. По существовавшему между ними условію, композиторъ нашъ получалъ 25 рубл. сер. за каждый новый романсъ, съ обязательствомъ, кажется, доставить условленное число въ годъ; вмѣсто этого заберетъ, бывало, деньги впередъ и ничего не напишетъ, тогда какъ по легкости, съ какою онъ сочинялъ, ему возможно было снабжать своего издателя по десяти и болѣе романсовъ въ мѣсяцъ. Да когда наконецъ и принесетъ Грессеру какой нибудь романсъ, то онъ былъ до того небрежно составленъ и не просмотрѣнъ, что издатель вынужденъ бывалъ передавать романсъ вышеупомянутому Гурилеву для исправленія акомпанимента и другихъ отступленій отъ правилъ композиціи, вкравшихся конечно не отъ незнанія, а отъ пренебреженія или поспѣшности. При подобной безпечности понятно, что скудный окладъ репетитора при театрѣ по части пѣнія недостаточенъ былъ для его съ семействомъ существованія *), а потому у него возникали непріятности съ домохозяевами за неплатежъ квартиры.

Я близко сошелся съ нимъ, былъ даже на «ты» и въ бытность мою осенью 1845 года въ Петербургѣ (куда онъ переселился); когда онъ засиживался у меня, я попросту выгонялъ его напомипаніемъ, что онъ безъ всякой причины манкируетъ уроками, а между тѣмъ все охаетъ, что жить нечѣмъ; но ничего не подѣлаешь съ лѣнивой этой натурою. А ужъ какъ наткнется, бывало, хоть на копеечный преферансъ (игру взошедшую тогда въ моду), то готовъ былъ просиживать за картами цѣлую ночь.

Изъ многочисленныхъ его романсовъ лучшими по мнѣнію моему остаются и не старѣютъ: «По небу полуночи ангелъ летѣлъ» (мелодію

*) У Варламова было двое дѣтей: сынъ отъ перваго брака, поступившій въ юнкера въ 1841 году, и дочь Елена отъ второго брака, о музыкальномъ образованіи коей отецъ ея не заботился, не смотря на то, что у нея былъ хорошій голосъ. По смерти отца, осенью 1848 года, Елена Александровна, при пособіи г. Грессера, дала одинъ или два концерта въ Москвѣ. Что сталось съ нею впослѣдствіи, не знаю.

эту я считаю наравнѣ съ Шубертовыми); «Птичка Божія не знаетъ», «Челнокъ», «Отойди, не гляди», «О молчи, милый другъ, о молчи», «Безумная», «Пловцы», «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи», «Горныя вершины», двѣ оживленныя пѣсни, «Осѣдлаю коня» и «Отворите мнѣ темницу», и элегію «Давно-ль подъ волшебные звуки», посвященную имъ мнѣ, въ знакъ дружбы.

Съ слабенькимъ и сиповатымъ своимъ теноровымъ голосомъ Александръ Егоровичъ неподражаемо высказывалъ (болѣе чѣмъ пѣвалъ) иные свои романсы, но эту его манеру никто изъ его учениц не сумѣлъ себѣ присвоить. Въ Петербургѣ онъ проживалъ, какъ говорилъ мнѣ, въ надеждѣ получить чрезъ протекцію графа М. Ю. Віельгорскаго мѣсто помощника директора придворной Пѣвческой Капеллы, Алексѣя Ѳедоровича Львова.

Въ перечнѣ Русскихъ артистовъ начала 40-хъ годовъ видное довольно мѣсто и вполнѣ заслуженное занималъ молодой фортепіанистъ, Москвичъ Фрикманъ, вдобавокъ очень собою красивый. Чтó сталось изъ него впослѣдствіи, мнѣ неизвѣстно.

Никогда не участвовалъ я столь часто въ концертахъ, какъ въ этотъ періодъ, отъ Января до Мая 1841 года. Весною пріѣхалъ арфистъ Европейской знаменитости, г. Бокcá, въ сопровожденіи г-жи Бишопъ, пѣвицы Лондонской оперы, но Итальянской артистки по обработкѣ голоса и произношенію и вдобавокъ, талантливой какъ актриса и хорошенькой брюнетки [1]). Вставляла она въ свои концерты, въ угодность публикѣ, романсъ графа М. Ю. Віельгорскаго, тогда въ большемъ ходу «Любила я твои глаза,» но произносила «Лупила я твои глаза».

Къ этимъ двумъ артистамъ Л. А. Гизетти и я примкнули, и на одномъ ихъ концертѣ, въ домѣ Татищевой на Моховой [2]), мы оба столь удачно поддержали г-жу Бишопъ, въ тріо изъ Донидзеттіевой Лукреціи Борджія «Quai se ti sfugge un moto», что восхищенный г. Бокcá возымѣлъ мысль поставить на театръ при нашемъ содѣйствіи нѣсколько сценъ изъ той оперы. Этого-то я только и жаждалъ, и жаждалъ давно.

При устройствѣ сенаторомъ Башиловымъ въ Петровскомъ паркѣ вокзала, лѣтнихъ горъ и разныхъ другихъ увеселительныхъ затѣй, онъ

---

[1]) Мужъ ея, съ коимъ она разошлась, пользовался извѣстностію, какъ Англійскій національный композиторъ, чуть ли даже не оперный.

[2]) У этой г-жи Татищевой были отъ перваго брака два сына Арсеньевы, люди уже тогда пожилыхъ лѣтъ; одинъ изъ нихъ былъ порядочный весьма диллетантъ на віолончели.

тутъ же построилъ небольшихъ размѣровъ театръ, въ предположеніи, что на этой сценѣ будутъ аматёрскіе спектакли *), но до 1841 года театръ оставался безъ всякаго употребленія; да и самый вокзалъ, въ которомъ были по воскреснымъ днямъ танцовальные семейные вечера (дамы входили въ шляпкахъ и тѣхъ же платьяхъ, въ которыхъ онѣ гуляли въ паркѣ), мало посѣщался публикою, покуда наконецъ, въ 1843 или 1844 году, вокзалъ былъ взятъ по найму Нѣмецкимъ клубомъ.

Сенаторъ Башиловъ съ величайшимъ удовольствіемъ и безденежно отдалъ этотъ театръ въ распоряженіе г. Бокса, который взялъ немедленно подъ свое дирижерство полный оркестръ г. Теплова, лучшій въ то время послѣ оркестра театральной дирекціи. Составъ спектакля былъ слѣдующій. Дуэтъ въ костюмахъ изъ Севильскаго Цирульника (Dunque io son, tu non m'inganni), исполненъ былъ г-жею Бишопъ (Розина) и мною (Фигаро). Подруга моя была очаровательна пѣніемъ и игрою, да и съ моей стороны партиція моя сошла порядочно, могу сказать, съ рукъ, такъ какъ мимику этой роли я изучалъ съ давнихъ временъ. Сбился я только при самомъ вступленіи на сцену, въ речитативѣ, въ коемъ я съ начала не попалъ подъ тонъ оркестра, и за что г. директоръ Бокса состроилъ мнѣ гримасу съ лобнаго своего мѣста. Нарядъ мой, голубой съ бѣлымъ, Испанскаго покроя, былъ весь унизанъ круглыми пуговицами, а волосы на головѣ моей были собраны въ падающую длинную сѣть, и все приводило меня, малодушнаго, въ восторгъ, подобный тому, какой я ощущалъ, когда въ первый разъ надѣлъ Павлоградскій бирюзовый ментикъ. Впрочемъ, я былъ уже и отъ того въ третьемъ небѣ, что имя мое являлось наконецъ не въ концертной, какъ прежде, а въ оперной афишѣ, и стояло какъ бы имя профессіональнаго, по контракту, артиста. И въ какое отчаяніе я было впалъ, когда вдругъ всѣ эти давно лелѣянныя мечты, чуть не разрушились отъ отказа моего товарища Гизетти участвовать въ этомъ спектаклѣ, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ дражайшей его половины, которую я въ этомъ слу-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать этого театра съ другимъ, публичнымъ, въ Петровскомъ же паркѣ, болѣе обширныхъ размѣровъ, гдѣ въ лѣтній сезонъ играли артисты Московской сцены. Князь Д. В. Голицынъ, коему Москва обязана между прочимъ и разведеніемъ Петровскаго парка, исходатайствовалъ гдѣ-то особенную сумму на постройку вокзала и прочихъ къ тому принадлежностей, каковое устройство было княземъ препоручено сказанному сенатору Башилову. Его превосходительство былъ записной бонъ-виванъ, гастрономъ, весельчакъ и добрѣйшей души человѣкъ. На одномъ пикникѣ у Московской хлѣбосолки М. И. Корсаковой сенаторъ Башиловъ, въ костюмѣ Французскаго артиста-повара, съ фартукомъ и въ бѣломъ коленкоровомъ колпакѣ, самъ готовилъ кушанья и подносилъ ихъ гостямъ, играя роль содержателя или метрдотеля гастрономическаго ресторана. Старикашка этотъ былъ пузатый и съ коротенькою трубочкою вѣчно въ зубахъ. Миръ его праху!

чаѣ подозрѣваю отчасти въ ревности къ хорошенькой пѣвицѣ Бишопъ. Однакоже удалось мнѣ уломать его и не отказываться отъ участія въ этомъ представленіи. Какъ г-жѣ Бишопъ, такъ и мнѣ нѣкоторыя указанія и совѣты на счетъ жестикуляціи давалъ Французъ Геррино (или Гверрино), первый тогда балетный танцоръ Московскаго театра, съ коимъ г. Бокса былъ когда-то знакомъ въ Парижѣ *).

Послѣ нашего дуэта, г-жа Бишопъ исполнила одна сцену изъ старинной оперы Ромео и Джуліетта, композитора Цингарелли. Это была извѣстная въ свое время арія «Ombra adorata aspetta», производившая фуроръ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Третьимъ отдѣленіемъ спектакля было нѣсколько сценъ Донидзеттіевой оперы Лукреція Борджіа. Первая изъ сценъ была та, въ которой Лукреція, подкрадываясь къ спящему своему сыну Дженаро (коимъ былъ Гизетти), поетъ арію Come è bello quale infanto. Вторая сцена была, когда Дженаро, сопровождаемый молодыми своими друзьями, выходя ночью на улицу, искажаетъ надпись Борджія въ гербѣ, на фасадѣ палацца, принадлежащаго этой фамиліи, откалывая концемъ шпаги первую букву (B) фамиліи Bordgia: выходить Orgia, т. е. оргія. Обстановка этой сцены была плоховата, и декораціи почти что лубочныя. Ассистенты нашего Дженаро, тупоумные и немилосердно ломавшіе Итальянскій языкъ, аматёры изъ Нѣмцевъ, были кое-какъ набраны знакомымъ моимъ нѣкіимъ Бергольцомъ, директоромъ когда-то Нѣмецкой вольной труппы въ Москвѣ; самъ же онъ взялся за пустѣйшую роль моего слуги и безпощадно вралъ тѣ немногія слова, что̀ приходилось ему пропѣть въ речитативѣ. Третья сцена состояла изъ дуэта между герцогомъ Альфонсомъ (коимъ былъ я) и Лукреціею (Soli noi siamo), и тутъ-то начались мои драматическія бѣдствія. Надо сказать, что я отчетливо помнилъ всѣ жесты и всякую даже интонацію знаменитаго Козелли, коего я часто видалъ въ Италіи въ ролѣ герцога Альфонса, и потому я слѣпо ему подражалъ, даже въ костюмѣ изъ чернаго бархата и атласа, съ цѣпью и съ медаліономъ на шеѣ. Хотя я носилъ тогда модную прическу «à la renaissance» (иначе «à la moujik»), однако волоса мои казались мнѣ не довольно длинными въ сравненіи съ типомъ, коему я хотѣлъ подражать, и потому сосѣдъ мой по квартирѣ, Французскій куаферъ Галиси, облекъ меня въ длинноволосый парикъ. Къ несчастію, будучи немного узокъ, парикъ имѣлъ наклонность

*) Этотъ Геррино также артистически плавалъ и показывалъ намъ образчики своего искусства въ купальнѣ содержателя Гока, насупротивъ Тайницкихъ воротъ. Это была плàвальная школа, обратившаяся почти что въ плàвальный клубъ высшаго и негоціантскаго общества, и я былъ однимъ изъ всегдашнихъ его посѣтителей.

подниматься съ макушки головы и соскакивать, и вотъ, въ концѣ нашего дуэта, когда, въ пылу игры, мнѣ приходилось быстро пробѣжать черезъ сцену и отрывистымъ жестомъ упрекнуть Лукрецію въ супружеской измѣнѣ, въ этотъ самый моментъ проклятый мой парикъ поднялся съ макушки отъ отрывистаго киванія головою, перевернулся, и длинные задніе локоны покрыли мое лицо какъ маска. Тщетно старался я мотаніемъ головы привести парикъ въ прежнее положеніе, да и вдобавокъ, помнится мнѣ, я неосторожно задѣлъ его рукою. Весь драматизмъ столь важной минуты исчезъ, въ партерѣ послышался сдержанный хохотъ, и въ числѣ смѣявшихся я замѣтилъ Беркура, одного изъ лучшихъ артистовъ Московской Французской труппы, что́ еще болѣе раздосадовало меня. Между тѣмъ куафёръ мой Галиси, не менѣе меня озабоченный этимъ приключеніемъ, изъ-за кулисъ махалъ головою и руками какъ телеграфъ, чтобы я подошелъ къ нему оправиться. Я растерялся окончательно и, улучивъ добрую минуту приблизиться къ кулисамъ, бросилъ туда злосчастный парикъ. Пришлось довольствоваться своими природными волосами до окончанія спектакля. Они вовсе не были бы помѣхою моему типу, если бы я въ нихъ явился съ самаго начала; но теперь это составляло слишкомъ явный контрастъ. Послѣ спектакля графъ Васильевъ, часто видавшій въ Италіи Козелли, поздравилъ меня съ тѣмъ, что я весьма удачно скопировалъ Итальянскаго артиста-пѣвца. Забылъ я досказать, что, во время этого тріо, кисть одной изъ моихъ рукъ, обвитыхъ кружевами, запуталась какъ-то въ мою княжескую цѣпь, висѣвшую на груди. Словомъ, было для меня во всемъ этомъ нѣчто въ родѣ фіаско, тогда какъ, не будь несчастія съ парикомъ, то по знанію моему этой роли со всѣми ея пріемами и оттѣнками, я могъ имѣть, какъ казалось мнѣ, притязаніе на заслуженные апплодисменты. Суета суетствій и всяческая суета!

Партеръ и ложи были полны, и на выручку г. Бокса и г-жи Бишопъ жаловаться, кажется, не могли. Костюмы наши, взятые на прокатъ, были приличны; но декораціи Башиловскаго театра были балаганныя.

Артистическая эта моя выходка оказалась однакоже не по нутру нѣкоторымъ моимъ родственникамъ или, точнѣе, родственницамъ. Теткѣ моей Маріи Васильевнѣ Олсуфьевой мнилось неприличнымъ, чтобы человѣкъ моей фамиліи являлся на театральныхъ подмосткахъ въ спектаклѣ не съ благотворительною цѣлію. Въ этомъ духѣ она принялась науськивать свою невѣстку, тещу мою, жившую тогда со мною. Отношенія мои къ послѣдней становились уже и безъ того натянутыми, благодаря М. Я. Вейсбергу, вкравшемуся въ ея довѣренность. Онъ

твердилъ ей, что я ничего не предпринимаю для поправки моихъ дѣлъ (чтó впрочемъ было справедливо) и что она имѣетъ законное право вступить въ полное распоряженіе моимъ имѣніемъ, каковыя внушенія не замедлили принесть свой плодъ. Строго винить тещу мою за воспользованіе фиктивнымъ ея правомъ надъ моимъ имѣніемъ я не могу; личнаго съ ея стороны интереса тутъ не было, а она думала, что, слушаясь г. Вейсберга, она спасаетъ и меня, и свою дочь; но изъ всего этого вышли одна только путаница и новыя для меня непріятности; да и врядъ-ли могла программа, начертанная медикомъ-адвокатомъ Вейсбергомъ, достигнуть своей цѣли.

Уже раннею весною того (1841) года, великимъ постомъ, когда рѣшено было между нами отправить моего коммиссіонера Паоли во Флоренцію, чтобы порасплатиться тамъ съ нѣкоторыми моими мѣстными кредиторами и, облегчивъ этимъ способомъ выѣздъ оттуда моей жены, сопровождать ее обратно въ Россію, съ того уже времени начались мои затрудненія, чтобы получить самому мнѣ весенній мой оброкъ изъ Порзней. Я былъ почти что отстраненъ, и только послѣ великихъ усилій и настояній могъ отправить Паоли во Флоренцію.

Теща уѣхала отъ меня въ свое Знаменское, чѣмъ, признаюсь, я былъ очень доволенъ; но сношеній своихъ съ г. Вейсбергомъ она не прекратила. Надо предполагать, что однимъ изъ сильныхъ аргументовъ, которые этотъ юридическій и медицинскій консультантъ выставлялъ противъ меня, былъ тотъ, что я снова началъ видаться съ Леономъ, чтó было справедливо, хотя завѣдывать по прежнему моими дѣлами я его не допускалъ. О немъ кстати скажу, что не надо думать, чтобы этотъ неутомимый путанникъ провалился окончательно изъ-за того, что я уничтожилъ данную ему законную мою довѣренность. Обычная изобрѣтательность и теперь не измѣнила ему, и онъ уговорилъ И. А. Кавецкаго взять подрядъ на поставку припасовъ въ Московскій Военный Госпиталь, а самъ управлялъ ходомъ этого дѣла. Кромѣ того, онъ втянулъ, помнится мнѣ, и другихъ денежныхъ лицъ въ разныя спекуляціи, въ томъ числѣ и Людвига Антоновича Гизетти [1]), въ послѣднемъ

---

[1]) Итальянецъ родомъ, старикъ Гизетти (отецъ Людвига Антоновича) былъ долго биржевымъ маклеромъ въ Москвѣ. Въ описываемое мною время онъ еще здравствовалъ. Людвигъ Антоновичъ родился въ Москвѣ и, кончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету, женился на Исленевой, дѣвицѣ уже непервой молодости, послѣ чего бросилъ совершенно практику, уже и безъ того, помнится мнѣ, необширную. *Примѣчаніе автора.* Недавно скончавшаяся сестра Людвига Антоновича Гизетти, Евгенія Антоновна Селивановская (супруга извѣстнаго типографщика), владѣтельница извѣстной дачи за Симоновымъ монастыремъ, была женщина высокой добро-

случаѣ противъ желанія его жены, деньгами которой Гизетти распоряжался довольно удачно до бѣдственнаго его знакомства съ Леономъ. Это обстоятельство лежитъ у меня на совѣсти, потому что бѣдная эта женщина просила меня уговорить ея мужа не связываться съ Леономъ. Я не исполнилъ ея желанія, не находя ничего особенно нечестнаго (въ строгомъ смыслѣ слова) въ дѣйствіяхъ прежняго моего агента (онъ и тогда еще имѣлъ даръ отчасти обаять меня); а можетъ статься, я надѣялся, что, съ помощію чужихъ капиталовъ, авось-де онъ выплыветъ на чистую воду и тѣмъ поправитъ и мои дѣла. Оправдывать невозможно эту кривизну моего тогдашняго взгляда; однакоже добавлю, что желаніе топить другихъ ради спасенія себя на мысль мнѣ не приходило: я былъ подъ вліяніемъ глупой иллюзіи, что и въ этомъ дѣлѣ волкъ могъ быть сытъ, а всѣ овцы оставаться цѣлы.

Послѣ бракосочетанія Государя Наслѣдника (нынѣ царствующаго Императора), весь дворъ переѣхалъ недѣли на двѣ или на три въ Москву. Въ числѣ празднествъ, данныхъ по сему случаю, былъ великолѣпный балъ у князя Сергія Михайловича Голицына, на который получилъ и я приглашеніе. Заказалъ было я по сему случаю короткіе до колѣнъ бѣлые, казимировые штаны, башмаки съ пряжками и купилъ было длинные бѣлые шелковые чулки (составлявшіе, съ мундиромъ и шпагою, костюмъ, требуемый по случаю присутствія Императорской фамиліи и заранѣе указанный въ пригласительномъ билетѣ), но полѣнился поѣхать на балъ. По старой своей привычкѣ не любилъ я вообще ни торжественныхъ, ни обыкновенныхъ великосвѣтскихъ баловъ и ассамблей (во Флоренціи я бывалъ на нихъ только для моей жены), однакоже я не избѣгалъ по прежнему салоннаго общества, когда оно было малолюдное или изъ хорошо знакомыхъ мнѣ лицъ. Бывалъ я на вечерахъ у Соймоновыхъ и у молодыхъ Мертваго (вторая изъ Соймоновыхъ, Сусанна Александровна, была уже замужемъ за Николаемъ Дмитріевичемъ Мертваго*), обѣдывалъ кое-когда у родственницъ

дѣтели и долго будетъ памятна многимъ Москвичамъ. Она передавала намъ, что Гизетти происхожденія Венеціанскаго. П. Б.

*) Николай Дмитріевичъ Мертваго жилъ въ своемъ домѣ, съ оранжереями и большимъ садомъ, на Ольховцахъ, подлѣ отъ Новой Басманной, совершенно какъ на обширной дачѣ. Славный былъ онъ малый, неглупый, предпріимчивый, и жили они съ женою какъ два голубка. Графъ Закревскій, назначенный въ 1818 г. Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, выхлопоталъ ему въ Петербургѣ выдачу заимообразно (чуть-ли не безъ процентовъ) значительной весьма суммы на учрежденіе фабрики тонкаго полотна на манеръ Голандскаго. Сначала Н. Д. Мертваго пошелъ было въ гору, но какъ-то запутался. Фабрика перешла въ завѣдываніе Русско-Греческаго купца Спиридонова, а учредитель вскорѣ умеръ въ молодыхъ еще годахъ, не оставивъ ничего своей женѣ. Талантливой Сусаннѣ Александровнѣ (писавшей масляными красками портреты съ худож-

моихъ Чертковой и Олсуфьевой и показывался, хотя изрѣдка, у Базилевскихъ (жившихъ открыто въ собственномъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ), у Маріи Аполлоновны Волковой, М. Ѳ. Орлова, и еще коегдѣ; но почти все остальное время проводилъ или у Гизетти, или съ докторомъ Кронбергомъ (директоромъ вновь открытой Дѣтской больницы), съ учителями пѣнія Джанотти и Лора или съ пріѣзжими артистами. Случалось и тогда, что я засиживался до поздняго часа ночи въ полукутежахъ въ магазинѣ гастрономическихъ товаровъ всѣми уважаемаго Итальянца Петра Петровича Николи, на углу Софійской улицы и Лубянской площади, гдѣ было сборище всякаго пестраго люда изъ иностранцевъ. Старый гусарскій червячекъ еще не замиралъ окончательно.

О князѣ Сергіѣ Михайловичѣ Голицынѣ нечасто приходится говорить, и потому помѣщу здѣсь одинъ о немъ анекдотъ. Онъ не былъ конечно ни государственнымъ человѣкомъ, ни однимъ даже изъ усердныхъ посѣтителей Зимняго дворца и куртаговъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, не протискивался никогда впередъ, а жилъ дружно со всѣми сильными Невскаго міра. Не отличался онъ особенными блистательными служебными способностями, но былъ человѣкъ прямой откровенный и добродушный до крайности. За эти-то послѣднія, вѣроятно, качества онъ былъ особенно любимъ покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, и въ нечастыя свои поѣздки въ Петербургъ князь С. М. Голицынъ былъ всегда благопріемлемымъ гостемъ въ кружкѣ царской семьи. Случись разъ, что за карточнымъ столомъ съ августѣйшими супругами князь Голицынъ просилъ дозволенія отправиться обратно въ Москву на слѣдующій день, и какъ ни уговаривалъ его Государь остаться еще въ Петербургѣ дня на два или на три, князь отозвался, что неотлагательныя по службѣ дѣла требуютъ немедленнаго его тамъ присутствія. Князь, уложившись совсѣмъ въ путь, послалъ уже за лошадьми, какъ вдругъ является къ нему полицейскій офицеръ съ заявленіемъ, что по случаю поданнаго на него денежнаго взысканія выѣздъ его изъ столицы задерживается. Крайне удивленный Московскій богачъ-вельможа, не бывъ никогда никому долженъ ни полукопѣйки, ѣдетъ къ оберъ-полицмейстеру узнать, кто этотъ неизвѣстный ему кредиторъ и на какую сумму поданъ на него искъ,—и

пическимъ совершенствомъ) пришлось жить трудами, и она въ настоящее время начальницею Казанскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Туда къ ней переселилась сестра ея Екатерина Александровна Соймонова (наша бывшая даровитая примадонна, по смерти ихъ родителей, такъ какъ обѣимъ почти что ничего не досталось изъ наслѣдства. Дѣтей у супруговъ Мертваго не было, и Сусанна Александровна воспитывала какую-то пріемную дѣвочку, какъ родную свою дочь.

узнаетъ, что кредиторъ ни кто другой какъ Государь, а искъ состоитъ изъ нѣсколькихъ бездѣльныхъ рублей съ копѣйками, проигранныхъ княземъ одному изъ августѣйшихъ его партнёровъ на послѣднемъ вечерѣ во дворцѣ.

По случаю прiѣзда въ Москву Анатолiя Николаевича Демидова съ его новобрачною, королевской крови, женою, принцессою Матильдою де-Монфоръ, былъ званый вечеръ у М. Ѳ. Орлова, только что роскошно отдѣлавшаго купленный имъ домъ на Пречистенкѣ [1]). Гизетти и я получили приглашенiе на этотъ вечеръ, съ просьбою не отказываться участвовать въ музыкальномъ исполненiи, вмѣстѣ съ г-жею Бишонъ, также по этому случаю приглашенною. Мнѣ и безъ удовольствiя, предстоявшаго отъ новаго случая пѣть съ этою милою артисткою, было небезинтересно находиться на этомъ вечерѣ, ради встрѣчи съ принцессою Матильдою, преобразившеюся въ жену нетитулованнаго Русскаго дворянина [2]) изъ королевскаго высочества, каковою мы всѣ во Флоренцiи честили ее; да и кромѣ того мнѣ хотѣлось удостовѣриться, не станетъ-ли избалованный богатствомъ и свѣтскою своею обстановкою Демидовъ спѣсивиться передъ прежнимъ товарищемъ его дѣтскихъ игръ.

На этомъ вечерѣ мы пропѣли уже извѣстный трiо изъ оперы Лукреціи Борджiа, и болѣе, кажется, ничего. Принцесса Матильда удостоила признать меня и снисходительно довольно обошлась со мною; а я, чтобы показать, что считаю ее давнишнею своею знакомою, развязно болталъ съ нею весь вечеръ по итальянски, тогда какъ на балахъ у ея отца, бывшаго Вестфальскаго короля, я говорилъ съ нею постоянно по французски и не съ такою, помнится мнѣ, фамильярностью, какъ теперь: хотя продолжалъ давать ей княгининскiй титулъ (principessa), но воздерживался, кажется, отъ «вашего высочества». Не думаю, чтобы я этимъ хотѣлъ ее кольнуть, по случаю ея поступленiя въ наше, грѣшныхъ дворянъ, сословiе, а просто такъ, чтобы корчить развязнаго черезъ-чуръ свѣтскаго кавалера. Результаты моего эксперимента надъ ея супругомъ состояли въ томъ, что онъ не подошелъ первый ко мнѣ,

---

[1]) По смерти М. Ѳ. Орлова домъ этотъ купилъ тогдашнiй богатый откупщикъ Воронинъ.

[2]) Хотя Тосканскiй герцогъ Леопольдъ II возвелъ А. Н. Демидова въ званiе князя ди Санъ-Донато (каковымъ его честятъ за границею), но какъ ни хлопотали онъ и его супруга о признанiи за нимъ въ Россiи этого титула, ему было отказано въ этомъ окончательно. Принцесса Матильда была принята въ царской семьѣ, какъ близкая родственница (мать ея, принцесса Виртембергская, была родная племянница императрицы Марiи Ѳеодоровны и родная сестра принца Павла, отца великой княгини Елены Павловны). Государь и великiй князь Михаилъ Павловичъ называли ее кузиною.

хотя радостно сошелся съ находившимся въ числѣ гостей княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Долгоруковымъ *), съ коимъ, если не ошибаюсь, онъ только что познакомился въ Италіи, во время поѣздки туда Долгоруковыхъ въ 1839 году. Конечно, и я удержался отъ перваго шага сближенія съ нимъ, и съ того времени уже болѣе никогда не видалъ его.—На этомъ же вечерѣ былъ и другой Флорентинскій мой знакомый, Французъ графъ де-Монтіё. Онъ давно уже передъ тѣмъ отсталъ отъ управленія Тосканскимъ имѣніемъ Демидова и, пріѣхавъ въ Москву, познакомился и даже подружился со многими лицами Московскаго высшаго общества. Онъ сильно хлопоталъ о введеніи въ Москвѣ новаго образца мостовой, о чемъ подалъ проектъ князю Голицыну. Отведено было ему для опыта небольшое пространство на Тверской, между Чернышовскимъ и Леонтьевскимъ переулками. Новая эта система состояла въ томъ, что вмѣсто обыкновеннаго кругляка разной величины Французъ нашъ сталъ мостить тесанными квадратными, одинаковаго размѣра, твердыми камнями. Слишкомъ-ли дорого обходилось это мощеніе, или по другой какой причинѣ, но подряда подобной мостовой на всю Москву или на часть ея не удалось взять графу Монтіё, а сдѣланный имъ образчикъ на Тверской, простоявъ нѣсколько лѣтъ, покосился и уступилъ мѣсто обыкновенному способу мощенія кругляками. Почти что одновременно съ этимъ опытомъ, какіе-то другіе контрагенты пытались было завести кое-гдѣ въ Москвѣ асфальтовые тротуары, оказавшіеся также негодными. Въ лѣтній жаръ, асфальтъ (основный составъ коего смола) размягчался и прилипалъ къ подошвамъ гуляющихъ по тротуару, а въ зимнее время трескался отъ стужи.

Князь Д. В. Голицынъ, дабы завлечь Москвичей строить дачи въ Петровскомъ паркѣ и около него, разбилъ мѣста на участки, которые тянулись линіею отъ Петровскаго парка почти что вплоть до Бутырской заставы. Цѣна за каждый участокъ была, помнится мнѣ, 1000 р. асс. Случись, что у одного изъ младшихъ полицмейстеровъ И. И. Брянчанинова былъ одинъ таковой пустопорожній участокъ, съ которымъ онъ не зналъ что дѣлать. Подвернулся мой Леонъ, всегда готовый угождать полицейскимъ властямъ, и пріобрѣлъ у Брянчанинова эту землю за первоначальную ея цѣну. Повѣренный мой имѣлъ впрочемъ какіе-то особенные на нее виды, не осуществившіеся никогда по неимѣнію у него, какъ обыкновенно, денегъ на постройку. Впослѣдствіи полиція заставляла однакоже меня огораживать это мѣсто, и потому, кромѣ убытковъ, оно никогда ничего мнѣ не принесло, за исключеніемъ

*) Онъ былъ женатъ на недавно умершей Ольгѣ Александровнѣ Булгаковой.

одного лѣта, когда отыскался какой-то огородникъ, нанявшій у меня эту землю за ничтожную плату. Послѣ разгрома всѣхъ Леоновскихъ дѣлъ документы на эту землю затратились, но въ думскихъ актахъ можно бы доказать мои на нее права̀, потому что, года три назадъ, я неожиданно получилъ форменную бумагу отъ предсѣдателя Московской Земской Управы съ вопросомъ, имѣю ли я кромѣ этой одной десятины, что̀ въ Бутыркахъ, еще гдѣ-нибудь другое недвижимое имущество въ количествѣ нужномъ для ценза, чтобы участвовать мнѣ въ выборѣ гласныхъ по Московскому уѣзду. Я на это ничего не отвѣчалъ; да и кромѣ того не удалось мнѣ совершить ни купчей крѣпости, ни заключить какое либо условіе о сдачѣ этой земли въ арендное содержаніе, хотя былъ недавно на это покупатель. Не могъ-же я этого сдѣлать по нижеслѣдующей причинѣ. Когда, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, разбиралась въ Московскомъ Надворномъ Судѣ моя несостоятельность, при описи всего моего недвижимаго имущества (въ Костромской губ.), эта несчастная Бутырская земля была какъ-то пропущена; да о ней ни мнѣ и никому изъ заинтересованныхъ въ моихъ дѣлахъ лицъ и въ голову не входило. Когда же я, года 4 или 5 тому, хотѣлъ было совершить запродажную о ней запись, знающіе люди меня отъ этого удержали; потому что неравно какой-нибудь изъ старыхъ кредиторовъ, провѣдавъ объ этой продажѣ, сдѣлаетъ доносъ, что когда разсматривалось законнымъ порядкомъ дѣло о моей несостоятельности, я умышленно, въ ущербъ кредиторамъ, скрылъ часть недвижимаго моего имущества, за что могу и теперь подпасть подъ строгую отвѣтственность передъ закономъ. Въ виду подобнаго казуса мнѣ присовѣтовали также избѣгать всякаго оффиціальнаго акта, относящагося къ этой землѣ и не заключать форменнаго условія объ отдачѣ ея въ арендное содержаніе, и потому приходится мнѣ прикидываться, что мнѣ ничего о ней неизвѣстно. Впрочемъ, надо бы справиться, не существуетъ ли юридической десятилѣтней давности на подобнаго рода обстоятельство, какъ существуетъ давность, избавляющая отъ отвѣтственности и наказанія даже по поводу уголовныхъ преступленій.

Изъ всѣхъ Московскихъ красавицъ того времени плѣнительнѣйшею была, конечно, Варвара Павловна Солнцева, дочь недавно умершаго князя Павла Павловича Гагарина *). Мужа ея, Дмитрія Петровича, я знавалъ еще мальчикомъ въ пажескомъ мундирѣ въ Орлѣ, гдѣ

*) Князь П. П. Гагаринъ, будучи одаренъ блистательными способностями, требуемыми для государственнаго дѣятеля, неутомимымъ трудомъ, въ долголѣтнюю его бытность сенаторомъ, пріобрѣлъ юридическій навыкъ и отличался прямымъ въ дѣлахъ сужденіемъ и добросовѣстностію.

отецъ его Петръ Александровичъ былъ тогда губернаторомъ. Въ 1841 году онъ былъ адъютантомъ при князѣ Голицынѣ. Молодые супруги неладно жили между собою (какъ о томъ слышно было), и указывали на княгиню Гагарину (носившую въ обществѣ прозвище «la princesse Mégère»), какъ на причину разлада; она продолжала жить при дочери Солнцевой, тогда какъ всѣми почитаемый супругъ ея давно уже былъ переведенъ изъ Московскаго Сената въ Петербургъ. Неразлучною компаньонкою В. П. Солнцевой была дѣвица Голохвастова, пикантная брюнетка съ выразительными, Итальянскими глазами. Тѣмъ не менѣе, эти огнеметающія очи весьма долго не достигали конечной, практичной цѣли быть подведенными подъ пѣніе «Исаіе ликуй»; отъ того, можетъ статься, что житейскаго мамона, прилагательнаго, не доставало нашей нимфѣ. Присватался было къ ней вдовецъ, князь Александръ Петровичъ Хованскій, да и раздумалъ. Наконецъ, «de guerre lasse» [1]), она вышла за Алексѣя Ѳедоровича Рахманова, вдовца со взрослыми дѣтьми.

Въ плеядѣ женскихъ свѣтилъ того времени видное мѣсто занимали графиня Екатерина Александровна Зубова, рожденная княжна Оболенская, и г-жа Ховрина съ своею дочерью (между обѣими не могло быть болѣе 16 лѣтъ разстоянія, но мать все еще была прекрасна), г-жа Кирѣева (рожден. Алябьева), прелестная, хотя была уже почти десять лѣтъ за мужемъ [2]). Очень не дурна была нѣкая г-жа Охотникова, хотя со страннымъ довольно выраженіемъ въ глазахъ, предвѣщавшимъ то, что позднѣе сбылось: она сошла съ ума. Немного позднѣе явилась на горизонтѣ княгиня Викторина Черкасская, красавица безъ всякихъ аристократическихъ антецедентовъ: слухи носились, что она была дочь какого-то Малороссійскаго мелкаго помѣщика или даже одного изъ тамошнихъ исправниковъ. Имени ея мужа не помню, но онъ былъ братъ того князя Черкасскаго (кажется, Алексѣя Борисовича), что около того же времени женился на княжнѣ Маріи Николаевнѣ Щербатовой. Какъ и гдѣ этотъ князекъ (таковымъ я его называю по причинѣ очень маленькаго его роста) подобралъ миловидную свою сожительницу, мнѣ неизвѣстно. На бальномъ горизонтѣ порхали тогда нижепоименованныя Сильфиды: Самарина, свѣженькая личикомъ, рыжеволосая и вышедшая замужъ

---

[1]) Утомленная отъ войны: Французская поговорка.

[2]) Настоящій перечень Московскихъ красавицъ включаетъ въ себѣ весь періодъ отъ 1841 по 1844 годъ. Я счелъ удобнѣе соединить весь этотъ букетъ воедино, дабы не возвращаться къ этому, тѣмъ болѣе, что послѣ 1844 года я уже не жилъ постоянно въ Москвѣ.

позднѣе за меньшаго изъ двухъ братьевъ графовъ Сологубовыхъ; двѣ дочери Андрея Николаевича Небольсина (одна изъ нихъ Евдокія Андреевна вышла вскорѣ за Апраксина), три сестры Тришатныя, весьма симпатичныя, хотя и не красавицы, и усвоившія себѣ прическу съ распущенными локонами «à l'anglaise», мало тогда въ модѣ. Затѣмъ двѣ сестры Сухово-Кобылины (сестры графини Евгеніи Саліасъ), одна изъ коихъ Евдокія была прелестна собою и талантливо писала масляными красками. Изъ всѣхъ этихъ дѣвицъ ни одна, кромѣ Душеньки (какъ ее звали) Сухово-Кобылиной, не заслуживала названія красавицы; но таковыми были вполнѣ двѣ Польки, дочери генерала Аслановича, начальника Московской Коммиссаріатской Комиссіи. О судьбѣ старшей изъ нихъ, Жозефинѣ, ничего мнѣ неизвѣстно; но младшая, Ѳеофила, вышла позднѣе за моего пріятеля, Владимира Михайловича Боборыкина. Я былъ вхожъ въ домъ Аслановича, потому что Леонъ находился въ сношеніяхъ съ нимъ по подрядамъ въ Коммиссаріатской Комиссіи; но семейство это не принадлежало нашему бо мондному кружку, и этими двумя сестрами-красотками можно было любоваться только въ театрѣ и на гуляньяхъ, или на балахъ въ Дворянскомъ Собраніи. Обѣ превосходно играли на фортепіано, а у Жозефины (брюнетки съ правильными чертами) былъ вдобавокъ прекрасный голосъ, усовершенствованный уроками г-жи Финкъ-Лоръ.

Кончая музыкальное и великосвѣтское обозрѣніе Москвы, въ началѣ 40-хъ годовъ, надо бы сказать и о другихъ художествахъ; но бѣлокаменная наша никогда не была палладіумомъ художествъ, и потому матеріалы въ этомъ отношеніи чрезмѣрно скудны и потребуютъ немногихъ словъ.

Прозябалъ еще тогда въ неизвѣстности ваятель Иванъ Петровичъ Витали, но не далекъ уже былъ конецъ труженическимъ его днямъ, благодаря прозорливости соорудителя Исакіевскаго собора Монферана, какъ о томъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Единственный хорошій портретистъ изъ Русскихъ былъ тогда въ Москвѣ Тропининъ. Придерживался онъ детальной школы, но не дошелъ до манеры Зарянки (тогда еще неизвѣстнаго), и портреты его не отличались особеннымъ рельефомъ отъ неяркости колорита. Тѣмъ не менѣе Тропининъ былъ добросовѣстный художникъ, правильный рисовальщикъ и удачно схватывалъ сходство. Другой портретистъ былъ обрусѣвшій Плюшаръ, сынъ Петербургскаго книгопродавца и типографщика. Кисть его была побойчѣе Тропининской и колоритъ болѣе блестящій. Очень хорошій карандашный портретистъ и литографщикъ былъ глухо-нѣмой Гальпельнъ, и въ одно время былъ изрядный спросъ на его работы; но и онъ вскорѣ

кануль въ неизвѣстность. Былъ также и акварельный пейзажистъ Нѣмецъ Тимъ [1]); ему повезло, какъ рисовальному учителю пейзажовъ, и въ 1817 году онъ отретировался въ родную свою Нѣмечину съ порядочнымъ, должно быть, капитальцемъ. Какъ акварельный ландшафтистъ, онъ былъ плоховатъ; для небесной синевы онъ употреблялъ Прусскую лазурь вмѣсто ультрамарина или кобальта, а зелень и древесная листва выходили у него медянковаго, ненатуральнаго цвѣта. Съ г. Тимомъ жилъ его кузенъ портретистъ Лашъ, художникъ не безъ таланта. Колоритъ его былъ изъ эффектныхъ, и онъ придавалъ живописныя позы своимъ моделямъ, но контуры лицъ иногда выходили у него рѣзковаты. Онъ былъ въ ходу въ Московскомъ высшемъ обществѣ до конца 50-хъ годовъ и нажилъ, какъ надо полагать, копѣйку. У З. С. Дивовой находятся два портрета старшаго ея сына Сергѣя, и одинъ портретъ меньшаго ея сына Николая, работы Лáша.

Нерѣдко посѣщалъ я молодыхъ супруговъ Мертваго, жившихъ въ своемъ домѣ (скорѣе усадьбѣ по пространству земли съ просторнымъ садомъ, оранжереями и надворными строеніями), на Ольховцахъ, въ пустыряхъ, налѣво отъ Новой Басманной. Тамъ часто бывала С. А. Рябинина, и тамъ же я познакомился съ Сергіемъ Александровичемъ Соболевскимъ [2]). Разъ, одна изъ гостей, миловидная Вѣра А . . . ва [3]), вздумала быть особенно любезною со мною, хотя мое съ нею знакомство было самое поверхностное. Немало удивленный такимъ ко мнѣ вниманіемъ, я послѣ спросилъ у С. А. Рябининой (съ которой я былъ на короткой ногѣ), что̀ бы это значило, и она мнѣ объяснила, что я тутъ, безъ моего вѣдома, игралъ незавидную роль пробнаго камня для г-жи А....ой, которая была заинтересована С. А. Соболевскимъ и, замѣтивъ въ немъ нѣкоторое къ ея особѣ равнодушіе, начала кокетничать со мною, чтобы возбудить его ревность. О женщины!

Все это лѣто я провелъ безвыѣздно въ Москвѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ экскурсій въ Варьино къ Ланскимъ. Въ моихъ дѣлахъ былъ тогда чистѣйшій ералашъ. Перебивался я съ копѣйки на копѣйку, забирая по пяти рублей у Леона, съ которымъ опять сошелся (но безъ всякихъ письменныхъ условій), такъ какъ происками М. Я. Вейсберга

---

[1]) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Петербургскимъ академикомъ Тимомъ, издававшимъ „Художественный Листокъ".

[2]) С. А. Соболевскій, извѣстный острякъ и эпиграмматистъ, былъ, какъ извѣстно, незаконнорожденный сынъ г. Соймонова, отца Екатерины и Сусанны Александровнъ.

[3]) Мужъ ея былъ тогда дежурнымъ генераломъ при корпусѣ Тимоѳеева, штабъ котораго находился въ Москвѣ.

я былъ отстраненъ отъ полученія своего Порзненскаго оброка. Осенью умерла чахоткою молодая жена моего друга, Англичанина Ф. Ф. Путо, и потому я уговорилъ его переѣхать ко мнѣ на квартиру. (Я продолжалъ жить на Тверской, на углу Чернышовскаго переулка). Общество этого человѣка развлекало по крайней мѣрѣ мое одиночество, какъ вдругъ разразилась надъ моей головой гроза отъ накопленныхъ рукою извѣстнаго уже Израильскаго медика-адвоката тучъ. Былъ онъ въ Знаменскомъ и уговорилъ тещу мою снабдить, въ силу заключеннаго между нами арендпаго акта, формепною довѣренностію близкаго ей человѣка, князя Александра Андреевича Волконскаго (бывшаго опекуна малолѣтнихъ ея дѣтей) на полученіе и распоряженіе, по его усмотрѣнію, всего собраннаго въ эту четверть года оброка въ Порзняхъ, и вообще распоряжаться тамъ, какъ полный ея повѣренный. Разумѣется, прямодушный князь Волконскій, входя въ столь новое для него дѣло, взялъ въ руководители М. Я. Вейсберга, и оба помчались въ Порзни. Не говорю, чтобы цѣль князя Волконскаго или тещи моей была корыстною: они налегали пуще всего на то опасное обстоятельство, что ничего не было уплачено въ Московскую Сохранную Казну по залогу Порзней съ самаго 1837 года, когда Леону удалось, вмѣсто полученія (какъ желалось ему) надбавочныхъ по 50 р. ассиг. на душу, причислить эту сумму къ общимъ недоимкамъ, такъ какъ ничего не внесено было съ 1833 года. Терпѣлось же это такъ долго, потому что Леонъ подмазывалъ, гдѣ слѣдовало, въ нижнихъ чиновническихъ слояхъ Сохранной Казны. И дѣйствительно, князь Волконскій съ новымъ своимъ пестуномъ внесли въ Опекунскій Совѣтъ нѣсколько тысячъ рублей ассигн., т. е. почти что ничего сравнительно съ суммою накопившейся недоимки, доходившей уже почти до 100 т. р. ассигн. Словомъ, со всѣхъ сторонъ былъ безвыходный лабиринтъ. Тёщины эмиссары направили первоначально свой путь прямо въ г. Кострому, чтобы тамъ заявить документъ, по которому дѣйствовалъ князя Волконскій. Были слухи, что престарѣлый и выдохнувшійся тогдашній губернаторъ Н. И. Жуковъ (человѣкъ впрочемъ недурной, но слабохарактерный) былъ должникомъ князя Волконскаго по старымъ какимъ-то счетамъ, вслѣдствіе чего онъ охотнѣе, быть можетъ, началъ содѣйствовать новымъ пріѣзжимъ. Все это такъ быстро совершилось, что когда я узналъ объ этомъ приключеніи и прискакалъ въ Порзни, то уже никого тамъ не засталъ. Деньги (оброчныя) за четверть года уже были взяты сполна, князь Волконскій отправился обратно въ Москву, а спутникъ и совѣтникъ его остался, не знаю по какой причинѣ, въ Костромѣ.

Встрѣтилъ я въ Порзняхъ искреннее сочувствіе со стороны давнѣйшаго моего друга и сослуживца А. А. Миронова (продолжавшаго еще быть исправникомъ), также и съ стороны нашего уѣзднаго предводителя дворянства Петра Павловича Панютина; оба они не одобряли этого юридическаго воспользованія фиктивнымъ правомъ. Не зачѣмъ было мнѣ долго оставаться въ Порзняхъ, гдѣ незванные гости надѣлали мнѣ страшную кутерьму: ссадили старика-бурмистра Макара Иванова, моего любимца (того самаго, котораго самъ Леонъ, при всей своей самонадѣянности, не посмѣлъ смѣнить во время моего нахожденія въ Италіи), вмѣсто коего посадили одного крестьянина, извѣстнаго мнѣ какъ неблагонадежнаго, вздорнаго и пьяницу. Поспѣшилъ я въ Кострому и при свиданіи съ губернаторомъ старался доказать ему, насколько права тещи моей были фиктивными и пр., и что единственное значеніе аренднаго нашего контракта состояло въ томъ, чтобы быть отпоромъ противъ моихъ кредиторовъ и тѣмъ выиграть время. Но ничего не помогло. Раздосадованный всею этою исторіею, которую самъ накликалъ на свою голову, я еще пуще взбѣсился, увидѣвъ въ партерѣ тамошняго театра (куда отъ нечего дѣлать я пошелъ) виновника моихъ непріятностей, и (самому теперь не вѣрится!) дикая мысль блеснула мнѣ: не дождаться ли мнѣ, когда этотъ господинъ выйдетъ изъ театра и не пырнуть ли его въ брюхо складнымъ моимъ ножемъ, бывшимъ у меня всегда въ карманѣ? Конечно, это было не что иное какъ пустяки, и у меня никогда на это духа бы не хватило. Нѣсколько дней спустя, отправился я за медицинскимъ совѣтомъ (или для полученія свидѣтельства о мнимой моей болѣзни въ случаѣ, еслибы губернатору вздумалось выслать меня изъ города, такъ какъ я на этотъ разъ, кажется, не запасся отпускомъ изъ канцеляріи Московскаго военнаго губернатора, гдѣ я продолжалъ числиться) къ тамошнему инспектору Врачебной Управы доктору Соломону *). Во время моей съ нимъ консультаціи вдругъ выходитъ изъ боковой двери кабинета сидѣвшій тамъ г. Вейсбергъ, и какъ ни въ чемъ не бывало привѣтствуетъ меня съ своею макіавеллическою улыбкою словами: «здравствуйте, графъ». Не успѣлъ я опомниться, какъ хозяинъ дома подошелъ къ намъ и, сказавъ, что ему весьма бы желательно обоихъ насъ тутъ-же помирить, самъ вышелъ въ другую комнату. Въ исторіи читаемъ, что Римскіе авгуры не могли будто бы встрѣчаться одинъ съ другимъ безъ смѣха отъ сознанія, что они надуваютъ легковѣрную публику; нѣчто въ этомъ родѣ произошло тутъ между мною и бывшимъ моимъ юри с-

---

*) Медика этого не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ медикомъ той же фамиліи, весьма тогда извѣстнымъ въ Петербургѣ.

консультомъ. Объясненіе наше было впрочемъ непродолжительно. Михаилъ Яковлевичъ силился доказать, что онъ все продолжаетъ дѣйствовать въ мою пользу, хотя и помимо меня; а я, благодаря его за медвѣжью въ данномъ случаѣ услугу, возражалъ ему, что ни теща моя, ни новый ея сіятельный повѣренный, не могутъ помочь мнѣ и что единственное средство спасти меня было бы скупить по 25 коп. за рубль всѣ надѣланные Леономъ на мое имя долги, какъ ему самому (т. е. г. Вейсбергу) довольно извѣстно; на это-де требуется около 300 т. р. ассигн., каковыхъ нѣтъ ни у тещи, ни у князя Волконскаго; что теперь ничего болѣе не остается дѣлать, какъ валить черезъ пень колоду, и что если кто-нибудь могъ бы еще поладить съ моими кредиторами, то это конечно только Леонъ, потому что онъ одинъ могъ бы указать и уличить, какіе изъ подписанныхъ имъ векселей и прочихъ бумагъ были безденежными. Наконецъ я заявилъ моему собесѣднику, что скорѣе чѣмъ подпасть подъ дѣтскую опеку моей тещи я готовъ наложить руки на себя заявленіемъ судебнымъ порядкомъ, что арендный нашъ актъ есть не что иное какъ подлогъ. Правда, что я за это попаду подъ судъ; но вѣдь не миновать той участи и тещѣ моей, а можетъ статься и самому ему, г. Вейсбергу. (Кажется мнѣ, что я именно выставилъ этотъ послѣдній, вящій аргументъ, но навѣрно вспомнить не могу). Какъ бы то ни было, но мы однакоже помирились, и Михаилъ Яковлевичъ обязался болѣе не вмѣшиваться въ мои дѣла. Тутъ взошелъ съ сіяющимъ лицемъ хозяинъ дома и приказалъ подать Шампанскаго на мировую. Дѣйствительно, медикъ-адвокатъ сдержалъ свое слово и отстранилъ себя совершенно отъ моихъ дѣлъ *).

Добрый мой Радзиковскій, услыхавъ въ Москвѣ, въ какомъ я нахожусь передѣлѣ (о чемъ я далъ знать Леону), бросилъ свою кондитерскую (тогда еще подъ Новинскимъ) и прискакалъ ко мнѣ въ Кострому. И теперь еще помню, какъ меня обрадовало это неожиданное прибытіе столь преданнаго мнѣ человѣка среди враждебной ко мнѣ обстановки мѣстной администраціи. Это безкорыстное и неутомимое служеніе мнѣ во всю его жизнь (пока параличъ не лишилъ его обѣихъ ногъ, лѣтъ девять тому), эта неограниченная его мнѣ преданность равнялась преданности лягавой собаки къ своему хозяину.

*) Онъ вскорѣ послѣ пустился въ подрядныя дѣла, бросилъ службу и сталъ также заниматься адвокатурою въ широкихъ размѣрахъ. Между прочимъ, онъ выигралъ окончательно громадное, казавшееся проиграннымъ, дѣло называемое Нѣмчиновскимъ о нѣсколькихъ милліонахъ, изъ которыхъ досталось ему, по заключенному первоначальному условію, болѣе полумилліона рублей. Слышно, что онъ уже давно „превосходительство“.

Въ Костромѣ служилъ тогда совѣстнымъ судьею [1]) старикъ Александръ Юрьевичъ Пушкинъ, внучатный братъ моей матери (онъ же былъ родной братъ умершей до 1812 г. Анны Юрьевны Станкеръ). Онъ крѣпко держался старобытныхъ семейныхъ традицій, и первый былъ у меня съ визитомъ, хотя я не былъ съ нимъ знакомъ. Онъ съ признательностію разсказывалъ мнѣ, что, когда онъ былъ выпущенъ въ офицеры при императорѣ Павлѣ, мой отецъ приказывалъ камердинеру своему Кашинцову наблюдать, чтобы вся обмундировка А. Ю. Пушкина была строго по формѣ, т. е. Прусскаго покроя, съ напудренными косами, висѣвшими на спинѣ [2]). Отрадно было мнѣ слышать подобное выраженіе признательности къ моему родителю, не охладившейся по прошествіи почти что полу-вѣка [3]).

Изъ Костромы я и Радзиковскій отправились прямо къ А. А. Миронову, усадьба коего была въ сосѣдствѣ съ Порзнями. Прямо въ имѣніе свое не хотѣлось мнѣ пріѣхать: тамъ царствовало нѣчто въ родѣ анархіи. Въ свой домъ я водворенъ былъ полу-торжественно почтеннымъ нашимъ предводителемъ П. П. Панютинымъ въ сопровожденіи А. А. Миронова, какъ лица официальнаго, и становаго пристава.

Послѣ этого я уѣхалъ обратно въ Москву. Тамъ двоюродный мой братъ, Н. А. Дивовъ, извѣщенный уже обо всей этой исторіи, вступился за меня: онъ повидался съ княземъ Волконскимъ и уговорилъ его отказаться отъ своихъ довѣрительныхъ правъ, по совѣсти не существовавшихъ. Князь пріѣхалъ ко мнѣ, мы помирились, и онъ, или руководитель его М. Я. Вейсбергъ, выхлопотали мнѣ новый документъ отъ тещи, по которому она предоставляла уже мнѣ распоряжаться моимъ имѣніемъ по моему усмотрѣнію и получать оброки. Я было заикнулся князю Волконскому о возвращеніи мнѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей, взятыхъ имъ изъ моего имѣнія; но онъ отозвался, что всѣ ихъ истратилъ по сему дѣлу. Тѣмъ и кончилась вся эта путаница. Арендный нашъ актъ былъ нарушенъ и потому давалъ поводъ быть оспариваемъ моими кредиторами.

Я уже говорилъ, кажется, что Порзни (не включая деревень, входившихъ въ составъ всего моего имѣнія) принадлежали тремъ владѣль-

---

[1]) Инстанція, амфибическаго довольно свойства, Совѣстнаго Суда (только въ губернскихъ городахъ) была упразднена, кажется, въ 50-хъ годахъ.

[2]) У нижнихъ чиновъ косы эти смазывались свѣчнымъ саломъ и потомъ посыпались пудрою или, вѣроятнѣе, ржаною мукою, и я слыхалъ, что у заснувшаго на гауптвахтѣ солдата крысы отъѣдали эти лакомыя косы.

[3]) Не помню, были-ли сыновья у А. Ю. Пушкина; но одна изъ его дочерей была уже въ 1841 году замужемъ за княземъ Козловскимъ, тамошнимъ помѣщикомъ.

цамъ. Большая часть принадлежала мнѣ другая графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой, передавшей впослѣдствіи свою часть Михаилу Ѳедоровичу Орлову; а третья часть досталась, около 1840 г., по наслѣдству, князю Александру Александровичу Черкасскому (отцу С. А. Рябининой) отъ его тетки, какой-то старухи княжны Вяземской. Въ 1841 году князь А. А. Черкасскій продалъ свою часть въ селѣ, съ принадлежащими ему тамъ же деревнями (всего около, помнится мнѣ, 700 или 800 душъ) нѣкоему д. с. с. Шульцу. Предполагаю, что господинъ этотъ былъ выскочка по службѣ, безъ права на предлогъ *фонъ-деръ* передъ фамиліею Шульцъ, потому что братъ его былъ хозяиномъ аптеки въ Москвѣ на стрѣлкѣ между Поварской улицею и Молчановкою (если не ошибаюсь). Новый помѣщикъ, Нѣмецъ или полунѣмецъ, началъ съ того, что избалованныхъ издавна оброчныхъ крестьянъ посадилъ на барщину, вещь вообще необычайная въ большихъ имѣніяхъ сѣверной полосы Россіи. Барщиною же онъ началъ постройку большаго господскаго дома, подъ личнымъ своимъ надзоромъ; но не прошло трехъ лѣтъ или около того, какъ крестьяне составили противъ него заговоръ, и одинъ молодецъ застрѣлилъ его изъ ружья. Справедливо говоритъ Н. А. Диковъ, что Русскій мужикъ (во время крѣпостнаго права) мало-ли что бывало стерпитъ отъ своего кореннаго, Русскаго помѣщика, но не спуститъ не-Русскаго происхожденія новому помѣщику. Этотъ убитый г. Шульцъ не былъ вовсе злымъ человѣкомъ, и его не обвиняли (помнится мнѣ) ни въ какихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, а былъ онъ только нововводитель. При покупкѣ имъ этого имѣнія онъ подарилъ князю А. А. Черкасскому одно изумительное художественное произведеніе, которое не могу не описать. Это была копія съ извѣстнаго во многихъ галлереяхъ портрета Рубенса; но дѣло въ томъ, что картина была написана не масляными красками, а составлена изъ восковыхъ, разноколерныхъ и толстыхъ (въ глубину) слоевъ, и потому могла рѣзаться большими такъ сказать ломтями, ни дать ни взять какъ рѣжется колбаса. Удивительно было, съ какимъ искусствомъ всѣ эти слои, горизонтально поставленные одинъ подъ другимъ, какъ бы ячейки и на подобіе мозаики, сливались безъ всякихъ рѣзкихъ переходовъ отъ одного оттѣнка въ другой. Подобной вещи я болѣе никогда не видывалъ.

Этою осенью (1841 г.) пріѣхалъ въ Москву Европейской знаменитости вольтижеръ Сульè, съ отборною труппою. Его смѣлостію и искусствомъ, дававшими ему несомнѣнное право на званіе артиста, я уже имѣлъ случай изумляться нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, во время моего проѣзда съ женою въ 1836 г. черезъ Львовъ; но о вольтижерѣ, какъ-бы онъ

ни былъ искусенъ, едва-ли бы слѣдовало упоминать, еслибы личность эта не представляла этюдъ для психологическаго наблюденія. Встрѣчалъ я его не разъ у содержателя магазина гастрономическихъ припасовъ Николи у коего можно было по знакомству приходить обѣдать, хотя открытаго ресторана онъ не содержалъ), и былъ я истинно пораженъ его изслѣдованіями надъ нравомъ лошадей и анатомическими его свѣдѣніями. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ могъ бы читать интересныя лекціи о гиппологіи, каковую науку онъ излагалъ отчетливо и съ пріемами спеціалиста, или могъ бы составить себѣ имя и состояніе, какъ старшій берейторъ при какой-нибудь дворцовой конюшнѣ; но этимъ не могло удовлетворяться его тщеславіе. Любимецъ публики во многихъ Европейскихъ столицахъ, онъ избалованъ былъ переполненнымъ обыкновенно сборомъ въ его циркѣ, и безпечный, и чванный (какъ свойственно Французу) онъ смотрѣлъ на деньги, какъ на средство удовлетворенія всѣхъ его жуирскихъ прихотей на сей день, а завтра-молъ будетъ что̀ будетъ. Сказывалъ онъ мнѣ, что исписалъ было цѣлую стопу своихъ замѣтокъ надъ лошадьми, но забросилъ куда-то этотъ неоцѣнимый имъ трудъ. Вдобавокъ къ мотовству, Сульѐ былъ страстный игрокъ и проводилъ цѣлые дни за картами, въ отдѣльныхъ комнатахъ при гастрономическомъ магазинѣ П. П. Николи, гдѣ однажды при мнѣ, играя съ нѣкимъ Московскимъ Итальянцемъ, извѣстнымъ всему городу какъ аферистъ, Сульѐ, войдя въ азартъ, поставилъ на одну карту банковый билетъ въ 500 рублей. Съ подобными житейскими замашками понятно, что приходилось иногда ему тайкомъ удирать изъ города, гдѣ онъ пожиналъ заслуженные лавры. Говорилъ онъ мнѣ, что могъ бы давно обезпечить себя берейторскою должностію; но таковымъ мирнымъ, хотя бы и сытнымъ, пристанищемъ не могла довольствоваться его натура. «Il me faut la parade et le clinquant des tréteaux» *), говаривалъ онъ. «Вотъ-молъ, только что въѣзжаю въ городъ, какъ, при прочтеніи о томъ въ уличныхъ афишкахъ, раздается *Сульѐ пріѣхалъ*, *Сульѐ пріѣхалъ*, и вслѣдъ затѣмъ я устраиваю (до начала представленій) по главнымъ городскимъ улицамъ парадную кавалькаду изъ всѣхъ артистовъ моей труппы, въ Римскихъ, Греческихъ и средневѣковыхъ костюмахъ». Въ бытность его въ Константинополѣ, султанъ пожаловалъ ему званіе шталмейстера своего двора и наградилъ его орденомъ на шеѣ, съ алмазными знаками. Съ этими-то атрибутами, при вторичномъ его пріѣздѣ въ Москву (въ 1843 или 1844 г.), онъ явился къ вновь назначенному военному генералъ-губернатору князю Щербатову, который, если вѣрить городскимъ разсказамъ, принялъ Оттоманскаго шталмей-

*) Мнѣ нужны парадировка и эфемерный блескъ подмостокъ.

стера какъ подобаетъ принять дворцовое высшее должностное лицо и любезно пустился съ нимъ въ безконечный разговоръ. Находившійся при аудіенціи тогдашній оберъ-полицмейстеръ Левъ Михайловичъ Цинскій, смекнувъ въ чемъ дѣло, подошелъ къ князю и сказалъ ему въ полголоса: »Ваше сіятельство, вы вѣрно ошибаетесь; господинъ этотъ ничто болѣе какъ фигляръ-вольтижеръ».

Весною или лѣтомъ 1841 года, князь Д. В. Голицынъ, здоровье коего начинало разстраиваться, уѣхалъ въ отпускъ за границу, и воротился въ слѣдующемъ 1842 году. Во время этой отлучки должность его исправлялъ (не какъ обыкновенно, всѣми почитаемый комендантъ, баронъ Карлъ Густавовичъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ) а генералъ-адъютантъ А. И. Нейдгардъ. Когда всѣ мы, чиновники канцеляріи, представлены были новому нашему начальнику правителемъ канцеляріи Павломъ Ѳедоровичемъ Степановымъ (не могу не добавить мимоходомъ, что человѣкъ этотъ всегда ко мнѣ благоволилъ), генералъ Нейдгардъ или позапамятовалъ о Петербургской исторіи разбитія стеколъ и о кормленіи супомъ бюста Государя Императора (за что я былъ высланъ изъ лейбъ-гусарскаго полка въ прежній свой Павлоградскій), или имѣлъ деликатность не напомнить мнѣ о ней.

(*Продолженіе будетъ.*)

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ Ю. Н. БАРТЕНЕВУ.

I.

С.-Петербургъ, Марта 29-го 1832 г.

Нѣтъ намъ, батюшка Юрій Никитичъ, Костромичамъ [1]) счастія. Что̀ прикажете дѣлать? Ужь мы ли не старались! Видно такая судьба, или воля Божья. Самъ министръ желалъ исполнить просьбу вашу, предлагалъ совмѣстныя разныя другія мѣста, даже съ повышеніемъ. Только отказался бы отъ того! Нѣтъ, сталъ на одномъ, да и полно. Кажется, если теперь бы, пока слѣды еще не простыли и память свѣжа, имѣлъ Сергій Степановичъ [2]) мѣсто на виду для вашего благопріятеля, зависящее отъ Дашкова [3]), то онъ [4]) поспѣшилъ бы дать его, потому-что истинно хотѣлось ему уважить представленіе Ланскаго. Кстати, скажите Ланскому, что на дняхъ слышалъ я въ честь его похвальное слово изъ устъ юстиціи и внутренности. Если мнѣ не удается исполнить ваши приказанія, то платите мнѣ добромъ за это и постарайтесь исполнить мою всенижайшую просьбу. Слѣпецъ и несчастный Козловъ издаетъ свои полныя сочиненія. Онъ живетъ и кормитъ семейство риѳмами своими. Понаберите въ Костромѣ нѣсколько подписчиковъ, вотъ и подписной листъ. Много просить мнѣ васъ нечего: у васъ душа добрая и поэтическая. Я увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи.

Присланы-ли вамъ были изъ Москвы нѣсколько экземпляровъ перевода моего Адольфа [5]) во первыхъ одинъ въ приношеніе вамъ, а дру-

---

[1]) Князь Вяземскій называетъ себя Костромичемъ, потому что у него было помѣстье въ Костромской губерніи, а Ю. Н. Бартеневъ, тогда директоръ Костромской гимназіи, ходатайствовалъ о комъ-то изъ Костромичей. Читатели „Русскаго Архива“ (1886 года) помнятъ воспоминанія и разсказы этого достопамятнаго человѣка. Князь Вяземскій въ то время служилъ въ Министерствѣ Финансовъ и участвовалъ въ изданіи основанной Канкринымъ „Коммерческой Газеты. П. Б.

[2]) Сергѣй Степановичъ Ланской, Костромской губернаторъ, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

[3]) Министра юстиціи. П. Б.

[4]) Т. е. министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ. П. Б.

[5]) Романъ Бенжамёна Констана, переведенный и отдѣльно изданный княземъ П. А. Вяземскимъ. П. Б.

гіе для размѣщенія или распродажи по добрымъ людямъ? Вышелъ третій томъ мелкихъ стихотвореній Пушкина. Тутъ есть большая сказка новая.

Передайте, прошу покорно, мое сердечное почтеніе супругѣ вашей [1]), Трубецкимъ, Ланскимъ, вашему товарищу, поэтической Готовцовой (прозаическаго переименованія ея не знаю). Мой усердный поклонъ почтенному прокурору. Пока простите. Мой адресъ: на Моховой, въ домѣ Межуевой. Хорошо, если возвратили-бы вы мнѣ подписку къ концу Апрѣля. Обнимаю васъ отъ всего сердца. На всегда преданный вамъ Вяземскій.

II.

С.-Петербургъ, Іюля 2-го 1832 г.

Здравствуйте, любезнѣйшій и почтеннѣйшій! Какъ поживаете? Жалѣю, что дѣла ваши какъ-то все не клеятся и что нѣтъ у меня подъ рукою благодѣтельнаго клея, чтобы все устроить по желанію вашему. Вамъ передали разговоръ мой объ васъ съ Языковымъ [2]). Онъ именно сказалъ мнѣ, что назначеніе ваше у министра задерживается только потому, что нѣтъ еще гимназіи и слѣдовательно не можетъ быть директора въ гимназіи. Скажите мнѣ на всякій случай, что думаете дѣлать. Можетъ быть и откроется благопріятное обстоятельство и удастся замолвить съ успѣхомъ слово, или употребить чье-нибудь ходатайство. Дѣло Самсонова, кажется, улажено. Слава Богу, хоть одна удача на починъ и на зубокъ. О Метелкинѣ говорилъ я Дашкову при вашемъ губернаторѣ. Дашковъ непремѣнно обѣщалъ дать ему награжденіе, но не прежде конца года, потому что представленіямъ его положенъ только одинъ срокъ въ годъ. Мнѣ хотѣлось-бы поручить Метелкину смотрѣніе за Костромскимъ имѣніемъ моимъ. Какъ думаете, возмется ли онъ, способенъ-ли, на какихъ условіяхъ согласится? Сдѣлайте одолженіе, пощупайте его съ этой стороны и скажите мнѣ вашу мысль и его отзывъ.

Пока простите и простите мое мараніе физическое и интеллектуальное: рука и голова устали. Я сегодня записался, исписался и выписался. Пушкину дано позволеніе издавать газету политическую и литературную. Готовьте денежки! Если хотите читать мою поэзію и мою прозу, читайте Коммерческую Газету объ отшедшихъ и пришедшихъ корабляхъ, цѣну соли и проч. Душевно вамъ преданный Вяземскій.

---

[1]) Екатерина Степановна, дочь инженера-генерала Микулина, подруга дѣтства графа П. Х. Граббе (см. „Русскій Архивъ" 1873, стр. 798). П. Б.

[2]) Дмитрій Ивановичъ Языковъ, директоръ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія. П. Б.

III.

С.-Петербургъ, 23 Февраля 1833 г.

Имѣю честь отрапортовать вашему высокоблагородію, что я имѣлъ честь получить почтеннѣйшія отношенія ваши, одно за № 19-мъ по партикулярному счету, а другое за № 49-мъ по официальному исчисленію, и при томъ 36 рублей ассигнаціонныхъ денегъ за три экземпляра стихотвореній Козлова, коихъ для дирекціи вамъ ввѣренной потребуется еще осемь экземпляровъ. Какъ скоро книга отпечатается и поступитъ въ продажу, я поспѣшу отправить означенные 11-ть экземпляровъ на имя Костромской Губернской Гимназіи, а между тѣмъ я сообщилъ уже о требованіи вашемъ издателямъ, и оно внесено въ число иногороднихъ подписокъ.

Такъ ли, ваше высокоблагородіе, такъ ли почтеннѣйшій Квакеръ-Беверлей, мистикъ, философъ, классикъ, романтикъ и хиромантикъ, естествоиспытатель, первый чудодѣй по Костромской губерніи и едва ли не третій, или много что четвертый по всей имперіи, и развѣ десятый по цѣлому Божьему миру? Я очень обрадовался крупнымъ свидѣтельствамъ руки вашей и памяти обо мнѣ, а то полагалъ уже, что гнѣвъ вашъ, за что не вѣдаю, на жену, палъ по принадлежности и на меня грѣшнаго. Благодарю васъ покорнѣйше и за письмо отъ г-на Метелкина, къ которому прошу доставить прилагаемое при семъ письмо

Сердечно сожалѣю, что, не смотря на все желаніе и усилія мои, не успѣлъ я ничего сдѣлать путнаго въ пользу добраго подполковника Писемскаго *), котораго я душевно полюбилъ. Онъ мнѣ былъ здѣсь очень жалокъ, особенно же какъ долго не получалъ письма отъ семейства своего. Сдѣлайте одолженіе, передайте ему мой нижайшій поклонъ и скажите, чтобъ онъ наказалъ своему повѣренному, здѣсь пребывающему, приходить ко мнѣ въ случаѣ нужды. Я и забылъ сказать ему о томъ предъ отъѣздомъ его. Разумѣется не могу дать другой ходъ дѣлу, но по знакомствамъ, по связямъ своимъ, имѣю всегда средство пояснить или поторопить, когда предстоитъ надобность.

На дняхъ на новосельѣ у Смирдина говорилъ я объ васъ съ директоромъ Языковымъ, который отвѣчалъ мнѣ все по прежнему, то есть, что вы въ Москву не переведены, потому что въ Москвѣ нѣтъ еще не только предполагаемой гимназіи, но и дома для гимназіи. Впрочемъ говорятъ, что Языковъ выходитъ въ отставку.

---

*) Отецъ извѣстнаго писателя, Ѳеофилактъ Гавріиловичъ, Чухломскій помѣщикъ, родственникъ Ю. Н. Бартенева. П. Б.

А получаетъ ли, ваше высокоблагородіе, гимназія ваша Коммерческую Газету? Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что въ ней много поучительнаго для юношества и много также свѣдѣній, необходимыхъ для желающихъ и обязанныхъ знать Россію, которыхъ вы не найдете нигдѣ, какъ въ газетѣ нашей. А между тѣмъ отыщите мнѣ въ дирекціи вашей корреспондента для газеты, или въ какомъ другомъ мѣстѣ, который доставлялъ бы раза три или четыре въ годъ свѣдѣнія о цѣнахъ на главнѣйшія произведенія Костромской губерніи, о движеніи торговли и промышленности, о судоходствѣ по Волгѣ, даже о подробностяхъ сельскаго хозяйства, разумѣется, когда онѣ выходятъ изъ обыкновеннаго круга, напримѣръ о льняномъ промыслѣ, и однимъ словомъ, доставлялъ бы свѣдѣнія обо всемъ, что̀ по Костромской губерніи относится до торговли, промышленности, сельскаго хозяйства на улучшенной степени и вообще до народнаго благосостоянія, основаннаго на правилахъ Политической Экономіи. Я забылъ упомянуть и о коммерческо-статистическихъ свѣдѣніяхъ, которыя также идутъ къ дѣлу. Поговорите о семъ и съ г-номъ Метелкинымъ, который вѣроятно знаетъ въ Костромѣ и въ уѣздахъ много людей и болѣе вашего имѣетъ въ этомъ практическаго опыта. Департаментъ нашъ писалъ между прочимъ и къ Костромскому главѣ и просилъ содѣйствія его для газеты, но донынѣ не имѣемъ еще отвѣта. Сдѣлайте одолженіе, велите узнать, что̀ онъ намѣревается сдѣлать.

Простите. Довольно ли я вамъ намаралъ? Мое душевное почтеніе любезнѣйшей директоршѣ, равно и семейству Трубецкихъ; нижайшій поклонъ Ивану Петровичу Протасьеву. Жена моя, которая любитъ враговъ своихъ и прощаетъ обидѣвшимъ ее, свидѣтельствуетъ вамъ свое дружеское почтеніе и между тѣмъ спрашиваетъ: за что вы на нее изволили разгнѣваться? Если это должно остаться тайною для меня, то можете отвѣчать на вопросъ прямо ей самой.

Желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ и бодрости душевной и тѣлесной и прошу отвѣчать мнѣ на письмо мое, а для сбереженія бумаги и чернилъ совѣтую не величать меня *членомъ общаго присутствія*, потому что сей титулъ поглощенъ вице-директорствомъ. На вѣки вѣковъ вамъ преданный Вяземскій.

И. В. КИРѢЕВСКІЙ И ЦЕНЗУРА „МОСКОВСКАГО СБОРНИКА“ 1852 г.

Въ 1852 году вышелъ „Московскій Сборникъ“, органъ Московскихъ Славянофиловъ. Это изданіе было возобновленіемъ попытокъ, предпринятыхъ славянофилами въ 40-хъ годахъ, именно въ 1846 и 1847, когда также издано ими два первыхъ тома „Московскаго Сборника“. События 1848 года прекратили на время изданіе, которое могло вновь осуществиться лишь въ 1852 году, но и тогда вызвало большія затрудненія со стороны цензуры.

Послѣ нѣсколькихъ словъ редакціи въ память Н. В. Гоголя, скончавшагося въ то время, „Московскій Сборникъ“ 1852 года начинается статьею И. В. Кирѣевскаго подъ заглавіемъ: „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“. Статья эта, написанная въ формѣ открытаго письма къ графу Егору Евграфовичу Комаровскому, начинаетъ собою Сборникъ и занимаетъ въ немъ стр. 1—68 *). Личныя отношенія И. В. Киреевскаго къ другу его юности А. В. Веневитинову, на сестрѣ котораго былъ женатъ графъ Комаровскій, дали поводъ автору открытаго письма къ послѣднему подѣлиться оттисками своего произведенія съ своимъ Петербургскимъ пріятелемъ. Но въ библіотекѣ А. В. Веневитинова оказался не одинъ, а два оттиска статьи Кирѣевскаго. Пагинація оттисковъ и форматъ бумаги вполнѣ соотвѣтствуютъ формату и счету страницъ „Московскаго Сборника“ 1852 года. Такимъ образомъ эти оттиски являются не новымъ изданіемъ статьи Кирѣевскаго, а отдѣльнымъ воспроизведеніемъ лишнихъ экземпляровъ этой статьи. Разница между оттисками и подлиннымъ „Московскимъ Сборникомъ“ заключается лишь въ страницѣ второй, гдѣ помѣщено цензурное разрѣшеніе, подписанное цензоромъ княземъ Львовымъ и помѣченное на Сборникѣ—17 Марта 1852 года, а на оттискахъ—Апрѣля 10 дня того же года. Кромѣ того на оттискахъ прибавлено подъ цензурнымъ разрѣшеніемъ: изъ „Московскаго Сборника“, а еще ниже: „Въ типографіи Александра Семена“.

Покончивъ съ библіографическимъ описаніемъ этихъ отрывковъ, обратимся къ изложенію находящихся въ нихъ рукописныхъ надписей, отмѣтокъ и добавленій. Какъ увидимъ далѣе, И. В. Кирѣевскій прислалъ два

*) Кстати сказать: въ оглавленіи Сборника вкралась опечатка и вторая въ немъ статья, принадлежащая К. С. Аксакову, помѣчена страницею 49 вмѣсто 69.

экземпляра своей статьи нарочно, а не случайно. Въ одномъ экземплярѣ авторъ на внутренней сторонѣ обложки собственноручно сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Любезному и многоуважаемому другу своему Алексѣю Владиміровичу Веневитинову, какъ задушевное рукожатіе, посылаетъ статью свою сочинитель". Этотъ оттискъ испещренъ карандашными замѣтками А. В. Веневитинова, встрѣчающимися почти на каждой страницѣ, въ видѣ подчеркнутыхъ словъ и строкъ, знаковъ NB на поляхъ, вопросительныхъ знаковъ и подробныхъ замѣчаній съ боку текста. Въ числѣ этихъ замѣчаній на страницѣ 43 и 49 при точкахъ, поставленныхъ въ текстѣ, А. В. Веневитиновъ отмѣтилъ: „Здѣсь пропускъ цензуры". Эти пропуски цензуры указаны на основаніи другаго экземпляра, гдѣ непропущенныя цензоромъ мѣста возстановлены въ собственноручныхъ добавленіяхъ автора, изъ которыхъ одно, первое, перенравлено въ текстѣ, а остальныя три написаны на лоскуткахъ бумаги, приклеенныхъ на поляхъ статьи.

Что же князь Львовъ счелъ нужнымъ не пропустить въ письмѣ Кирѣевскаго къ графу Комаровскому „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи?"

На страницѣ 6—7 находится слѣдующее мѣсто: „Многовѣковой холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло Европейское просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія такъ что, собственныя его коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло, сдѣлались для него посторонними, чужими, противорѣчащими его послѣднимъ результатамъ, между тѣмъ какъ прямою собственностію его оказался этотъ самый разрушившій его корни анализъ,—этотъ самодвижущійся ножъ разума, этотъ отвлеченный силлогизмъ, не признающій ничего, кромѣ себя и личнаго опыта,—этотъ *самовластный* разсудокъ, какъ вѣрнѣе назвать эту логическую дѣятельность, отрѣшенную отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ силъ человѣка, кромѣ самыхъ грубыхъ, самыхъ первыхъ чувственныхъ данныхъ, и на нихъ однихъ созидающую свои воздушныя, діалектическія построенія".

Тутъ авторъ подвергся лишь исправленію цензоромъ одного только слова: не сочтя возможнымъ назвать разсудокъ „самовластвующимъ", цензоръ разрѣшилъ лишь эпитетъ *самовластный*.

Прочія случаи примѣненія цензурной ферулы оказались болѣе существенными. Защищая древность Русской образованности, коренящуюся въ условіяхъ XII и XIII вѣковъ, въ просвѣтительномъ значеніи Русскихъ монастырей, въ знакомствѣ древнихъ князей съ Греческимъ и Латинскимъ языками, въ Русскихъ переводахъ Греческихъ отцовъ Церкви, Кирѣевскій, на страницѣ 43, дѣлаетъ слѣдующій заключительный выводъ, въ которомъ пропущенное цензурою окончаніе мы для отличія печатаемъ курсивомъ. „Наконецъ, когда мы вспомнимъ, что эта Русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита и потому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь Русскую, что, не смотря на то, что уже полтораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,

какъ монастыри наши перестали быть центрами просвѣщенія, не смотря на то, что вся мыслящая часть народа своимъ воспитаніемъ и своими понятіями значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго Русскаго быта, изгладивъ даже и память о немъ изъ сердца своего:—этотъ Русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ почти неизмѣненно въ низшихъ классахъ народа. Онъ уцѣлѣлъ, хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже не связанный господствомъ образующей мысли, *уже не оживляющійся какъ въ старину, единомысленными воздѣйствіями высшихъ классовъ общества; уже не проникающійся, какъ прежде, вдохновительнымъ сочувствіемъ со всею совокупностію умственныхъ движеній отечества*".

Говоря на стр. 49 о Римско-западной юриспруденціи, отвлеченно выводящей логическія заключенія изъ каждаго законнаго условія и старающейся всѣ формы связать въ одну разумную систему, чтобы все вмѣстѣ составляло не только разумное дѣло, но *самый написанный разумъ*, Кирѣевскій сравниваетъ Западъ съ развитіемъ права въ Россіи и заключаетъ: „Право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, выростая изъ жизни, совершенно чуждалось развитія отвлеченно-логическаго. Законъ въ Россіи не изобрѣтался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами, не обсуживался глубокомысленно и краснорѣчиво въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи и не падалъ потомъ, какъ снѣгъ на голову, посреди всей удивленной толпы гражданъ, ломая у нихъ какой-нибудь уже заведенный порядокъ отношеній. *Законъ въ Россіи не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумагу, уже послѣ того, какъ онъ самъ собою образовался въ понятіяхъ народа и мало по малу, вынужденный необходимостью вещей, взошелъ въ народные нравы и народный бытъ*". Послѣдняя фраза, напечатанная курсивомъ, была вычеркнута цензоромъ.

Наконецъ, послѣдній пропускъ цензуры, также отмѣчаемый нами курсивомъ, относится къ слѣдующему мѣсту на стр. 66: „Но корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ и, что̀ всего важнѣе, онъ живетъ въ его Святой, Православной Церкви. Потому на этомъ только основаніи, и не на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи, *созидаемое донынѣ изъ смѣшанныхъ и большею частію чуждыхъ матеріаловъ, и потому имѣющее нужду быть перестроеннымъ изъ чистыхъ собственныхъ матеріаловъ*".

Посылка этой статьи въ Петербургъ дала содержаніе обмѣну нѣсколькихъ писемъ изъ долголѣтней постоянной переписки И. В. Кирѣевскаго съ А. В. Веневитиновымъ. Писемъ послѣдняго у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ; но мы считаемъ нелишнимъ воспроизвести здѣсь слѣдующіе отрывки изъ писемъ Ивана Васильевича Кирѣевскаго. Отрывки эти, именно первый, послужатъ также къ объясненію поводовъ къ отмѣткамъ, которыми Кирѣевскій и его Петербургскій другъ снабдили два описываемые оттиска открытаго письма къ графу Комаровскому.

„29 Апрѣля 1852 г.

Милый другъ мой Веневитиновъ!

Посылаю тебѣ мою статью (которую моя болѣзнь помѣшала мнѣ окончить концомъ) и прошу тебя сдѣлать мнѣ одолженіе, разослать и частію передать другіе экземпляры по принадлежности. Тотъ экземпляръ, который идетъ при этомъ письмѣ, тоже для тебя; въ немъ обозначены тѣ мѣста, которыя цензура у меня вычеркнула. Прошу тебя, другъ мой, прочесть мою статью со вниманіемъ и сказать мнѣ объ ней не только искреннее твое мнѣніе, но и всѣ частныя замѣчанія, которыя прійдуть тебѣ въ голову во время чтенія; ибо я думаю чрезъ нѣкоторое время издать ее еще разъ, а потому твои совѣты будутъ для меня очень полезны.

Комаровскому скажи, что заключительное обращеніе къ нему, которое было уже написано, но только еще не переписано, исключено было изъ статьи особеннаго рода цензурою: воспаленьемъ въ боку, которое стóитъ Шихматова [1]) и всѣхъ его ангеловъ, такъ что у меня статью взяли, печатали, не показывая мнѣ корректуры, и прислали наконецъ отпечатанные экземпляры, прежде чѣмъ я успѣлъ выздоровѣть. Теперь, благодаря Бога, я уже на послѣдней станціи отъ совершеннаго выздоровленія; жду только теплой погоды, чтобы совсѣмъ воскреснуть.

Обнимаю тебя и дружески кланяюсь твоей женѣ. Твой И. Киреевскій».

Черезъ три недѣли, именно 17 Мая, авторъ статьи еще не получилъ о ней отзыва своего Петербургскаго пріятеля.

«Благодарю тебя (пишетъ И. В. Кирѣевскій А. В. Веневитинову) за доставленіе посланныхъ мною брошюрокъ; но что-жъ ты не скажешь мнѣ ничего о моей статьѣ? Не полѣнись пожалуйста прочесть ее и сказать мнѣ о ней твое мнѣніе. Я очень бы желалъ знать его. Ты обязалъ бы меня также, еслибы сообщилъ откровенно мнѣніе Михаила Юрьевича [2]). Но изъ того, что мнѣ ничего не пишетъ о моей статьѣ Комаровскій, я заключаю, что онъ готовитъ отвѣтъ также въ 70 страницъ [3]).

Обнимаю тебя и низко кланяюсь твоей женѣ. Твой И. Кирѣевскій. 17 Мая 1852 года“.

---

[1]) Т. е. князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, въ вѣдомствѣ котораго состояла цензура.

[2]) Графа Вьельгорскаго. На его дочери былъ женатъ А. В. Веневитиновъ.

[3]) И. В. Кирѣевскій ошибся въ своемъ ожиданіи. Письмо къ нему графа Е. Е. Комаровскаго, писанное по французски и напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1896 г. (I, стр. 464—470), занимаетъ всего три страницы печатнаго текста.

Черезъ двѣ недѣли новая просьба Кирѣевскаго отозваться объ его статьѣ, при чемъ онъ выражаетъ А. В. Веневитинову надежду повидаться съ нимъ предстоящимъ лѣтомъ.

«Большое также удовольствіе доставляетъ мнѣ твое обѣщаніе разобрать мою статью и, что̀ для меня еще важнѣе, разобрать *не совсѣмъ по пріятельски*, т. е. безпристрастно; этого-то я и желаю. Но что̀ сдѣлаетъ для меня твой разборъ совсѣмъ драгоцѣннымъ, это то, что онъ будетъ писанъ рукою твоей жены... Мы здѣсь пробудемъ, кажется, весь Іюнь, и если вы пріѣдете, какъ ты пишешь, въ половинѣ Іюня, то я надѣюсь много и много потолковать съ тобой. Однакоже пожалуйста, чтобы свиданье наше не было на счетъ *писаннаго* разбора моей статьи: писанное лучше обдумывается и лучше понимается, и на него лучше отвѣчать.

Обнимаю тебя. Твой И. К.

30 Мая 1852 года".

Въ заключеніе нашего сообщенія мы должны сказать, что намѣреніе И. В. Кирѣевскаго воспользоваться замѣчаніями А. В. Веневитинова для новаго изданія его статьи не осуществилось, такъ какъ письмо къ графу Комаровскому не было перепечатано при жизни автора, а по его смерти описываемая статья появилась въ изданномъ А. И. Кошелевымъ „Полномъ собраніи сочиненій Ивана Васильевича Кирѣевскаго", вышедшемъ въ Москвѣ въ 1861 г. (т. II, стр. 229—280 *), въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ она была помѣщена въ „Московскомъ Сборникѣ" 1852 г., безо всякихъ измѣненій, дополненій и съ тѣми же цензурными пропусками, обозначенными въ текстѣ точками. Даже разсудокъ остался *самовластнымъ*.

М. Веневитиновъ.

9 Сентября 1897 года.

ПИСЬМО МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ С. С. ЛАНСКОГО КЪ НИЖЕГОРОДСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ А. Н. МУРАВЬЕВУ.

Управленіе Нижегородской губерніи генералъ-лейтенантомъ Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ (1856—1861 г.) было, кажется, самымъ худшимъ временемъ въ исторіи Нижегородскаго Поволожья; по крайней мѣрѣ такъ находятъ сами Нижегородцы. Произволъ и грубая сила присныхъ не знали въ это время надъ собой никакой власти, а взяточничество и различнаго рода сборы и поборы были развиты до невѣроятныхъ размѣровъ. Странное дѣло! Обо всемъ этомъ вѣдалъ Муравьевъ; но вмѣсто того, чтобы подвергать виновныхъ законной отвѣтственности, онъ, для обузданія ихъ, прибѣгалъ къ другимъ мѣрамъ, и именно къ печати, публикуя поступки виновныхъ въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, такъ сказать, выражаясь офиціальнымъ языкомъ, „предавалъ ихъ позорному осмѣянію“. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, который вызвалъ даже со стороны министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского любопытную по взглядамъ того времени отповѣдь.

Какъ-то разъ зимой исправлявшій должность старшаго Нижегородскаго полицмейстера, младшій полицмейстеръ маіоръ Полторацкій, на парѣ лихихъ коней съ отлетомъ, ѣхалъ по улицѣ. На встрѣчу ему трусилъ извощикъ.

— Берегись! крикнулъ кучеръ.

Но извощикъ или не разслышалъ, или по другой какой причинѣ, не своротилъ съ дороги, такъ что лошади Полторацкаго на всей рыси наскочили на него. Полицмейстеръ разсвирѣпѣлъ.

— Что ты, оселъ! Али не видишь? напустился онъ на извощика. Экъ нализался!.. И отборная брань загремѣла въ воздухѣ, собирая все больше и больше около происшествія проѣзжихъ и прохожихъ.

Полторацкій схватилъ извощика за шиворотъ и тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, началъ наносить ему ударъ за ударомъ. Натѣшившись въ волю, онъ, въ довершеніе всего, крикнулъ городоваго:

— Возьми этого негодяя, свези его въ часть и скажи тамъ, чтобы всыпали ему 50 горячихъ.

Можетъ быть, возмутительный случай этотъ, какъ и другіе, по обыкновенію, прошелъ бы незамѣченнымъ для мѣстной администраціи, если бы не нашелся одинъ изъ добрыхъ людей, нѣкто Ивановъ, учитель Александровскаго Дворянскаго (мужскаго) Института, который, лично видѣвъ все случив-

шееся, написалъ по этому поводу замѣтку и послалъ ее въ мѣстныя „Губернскія Вѣдомости“ [1]), редактируемыя тогда извѣстнымъ писателемъ П. И. Мельниковымъ-Печерскимъ. Противъ всякаго ожиданія, замѣтка была напечатана, произвела шумъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и обратила на себя вниманіе столичной печати. Но больше всего, конечно, затронула эта статья виновника происшествія Полторацкаго, который, помимо посылки въ редакцію „Вѣдомостей“ опроверженія, подалъ еще губернатору жалобу, прося подвергнуть автора наказанію по всѣмъ строгостямъ закона. Въ силу необходимости пришлось нарядить слѣдствіе, которое было поручено адъютанту Муравьева, поручику Нарышкину.

Сначала Нарышкинъ допросилъ „обвиняемаго“ Иванова, потомъ свидѣтелей и, наконецъ, побитаго извощика Дмитрія Осипова Чижова, и по этому предварительному дознанію вполнѣ подтвердилось, что Полторацкій былъ виноватъ. Однако, когда Нарышкинъ послалъ ему, какъ обвиняемому, вопросные пункты [2]), онъ, на основаніи нѣкоторыхъ статей закона, доказывалъ, что онъ *истецъ, а и обвиняемый,* потому-де, что по *его жалобѣ производится слѣдствіе*, и по этой причинѣ категорически отказался дать какія-либо показанія. Нарышкинъ донесъ объ этомъ Муравьеву и просилъ окончить слѣдствіе безъ объясненій полицмейстера. Полторацкій же, считая себя крайне обиженнымъ, въ свою очередь сталъ жаловаться на Нарышкина и обвинялъ его въ пристрастіи и неправильномъ производствѣ слѣдствія.

Муравьева въ это время не было въ Нижнемъ, и слѣдствіе съ Февраля затянулось до Апрѣля. Между тѣмъ статья Иванова въ Петербургѣ надѣлала переполохъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, прочитавъ ее, вскипѣлъ гнѣвомъ на своего любимца Муравьева и, отношеніемъ 24 Февраля того же 1860 года (№ 154), нашелъ нужнымъ сдѣлать ему „внушеніе“ [3]). Съ нѣкоторыми, однако, взглядами министра нельзя не согласиться и не привѣтствовать ихъ.

*

Въ неофиціальной части «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (23 Января 1860 г., № 4), писалъ Муравьеву Ланской, съ разрѣшенія вашего превосходительства помѣщено письмо г. Иванова [4]), гдѣ онъ разсказываетъ происшествіе, случившееся 17-го Января, въ

---

[1]) Частныхъ періодическихъ изданій въ то время не было въ Нижнемъ-Новгородѣ.

[2]) Вопросы эти оригинальны. Нарышкинъ спрашивалъ Полторацкаго: 1) „Стояли ли ваши лошади на мѣстѣ, когда извощикъ столкнулся съ ними, или произошло это на ѣздѣ? 2) Были ли вы за это извощика тутъ же на улицѣ? 3) Отдавали ли названному вами будочнику приказаніе отвести его въ часть и приказать ему тамъ дать 50 розогъ, и 4) призывали ли вы означеннаго извощика, спустя нѣсколько времени послѣ этого происшествія, въ полицію и для чего именно?“

[3]) См. Дѣло канцеляріи Нижегородскаго военнаго губернатора за 1860 г. № 2.

[4]) Письмо Иванова было перепечатано въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 34). *Замѣтка С. С. Ланского.*

которомъ выказался будто бы съ невыгодной для себя стороны Нижегородскій младшій полицмейстеръ. Происшествіе состояло въ томъ, что полицмейстеръ, по неосторожности (?) кучера, наскакалъ на извощичьи сани, избилъ извощика, отнеся столкновеніе къ его винѣ, и отправилъ его еще въ часть, гдѣ и приказалъ высѣчь.

Въ слѣдующемъ номерѣ, съ разрѣшенія управляющаго Нижегородскою Палатой Государственныхъ Имуществъ, напечатано возраженіе Полторацкаго, въ которомъ упомянутое происшествіе представляется въ иномъ видѣ: Ивановъ обвиняется въ умышленномъ искаженіи обстоятельствъ, и гдѣ, независимо отъ разъясненія описаннаго происшествія (что̀ еще могло бы быть допущено въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», какъ правительственномъ органѣ), высказано нѣсколько намековъ, имѣющихъ чисто-полемическій характеръ.

Въ существующихъ узаконеніяхъ (Св. Зак. т. II, Общ. Губ. Учреж., ст. 864—889) довольно ясно высказана цѣль изданія «Губернскихъ Вѣдомостей», указано направленіе, какого они должны держаться, поименованы даже предметы, которые должны входить въ составъ газеты. Въ неофиціальной части «Губернскихъ Вѣдомостей», которыя во всякомъ случаѣ составляютъ офиціальный органъ правительства, дозволено помѣщать свѣдѣнія и матеріалы, могущіе служить къ изученію губерніи въ какомъ бы то ни было отношеніи, географическомъ, историческомъ, этнографическомъ и т. п. (ст. 867) и вообще свѣдѣнія, представляющія почему-либо мѣстный интересъ, которыя однакоже *никакъ не должны имѣть характера повѣствовательно-беллетристическаго, тѣмъ менѣе полемическаго* *). По сему допущеніе на страницы «Губернскихъ Вѣдомостей» полемики между частными лицами представляется несогласнымъ ни съ цѣлію изданія ихъ, ни съ указаннымъ для нихъ въ законахъ направленіемъ; еще болѣе неумѣстна такая полемика между частными лицами и правительствомъ (sic).

Дозволеніе къ печати въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» письма г. Иванова могло вызвать и дѣйствительно вызвало такое объясненіе, что ближайшее начальство Полторацкаго, не одобряя поступка его, разсказаннаго Ивановымъ, предавало его суду общественнаго мнѣнія. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, при этомъ, что въ распоряженіи начальства всегда есть другія болѣе употребительныя въ служебной практикѣ сред-

---

*) Послѣдняя фраза подчеркнута А. Н. Муравьевымъ и его рукой поставлено на поляхъ „N. B."

ства наказанія подчиненныхъ за неправильныя и противузаконныя ихъ дѣйствія, такія средства, которыя могутъ поправить дѣло безъ всякаго подрыва общественнаго мнѣнія къ дѣйствіямъ правительственныхъ лицъ вообще.

Помѣщеніе отвѣта Полторацкаго заставило, напротивъ, думать, что начальство не принимало никакого участія въ настоящемъ дѣлѣ, что оно не обратило вниманія на жалобу, оффиціально и публично принесенную ему на дѣйствія его подчиненныхъ, а предоставило обвинителю и обвиняемому вѣдаться, какъ знаютъ, предъ судомъ общественнаго мнѣнія. Такое положеніе представляется довольно страннымъ, и въ настоящее время общество въ правѣ спросить: «Кто же, наконецъ, правъ и кто виноватъ? Каждый разсказываетъ дѣло по своему. И что сдѣлано съ виновнымъ?» *).

Задача правительства въ томъ, между прочимъ, состоитъ, чтобы не оставлять безъ взысканія проступки и преступленія, доходящіе до его свѣдѣнія, и чтобы принимать мѣры къ предупрежденію оныхъ на будущее время.

Казалось бы, проще и прямѣе было, получивъ письмо Иванова, разузнать основательно обстоятельства дѣла и сдѣлать надлежащее взысканіе съ Полторацкаго, если онъ дѣйствительно былъ виноватъ, а въ противномъ случаѣ объяснить Иванову неосновательность его жалобы и предупредить, что ложные извѣты влекутъ за собою опредѣленное по закону наказаніе. Допущеніе же полемики подобнаго рода въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» легко можетъ превратить ихъ въ сборникъ провинціальныхъ сплетенъ, перебранки и пересудъ.

Такимъ же страннымъ характеромъ отличается статья, помѣщенная въ № 1 «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» *Голосъ изъ уѣзда*, въ которой разсказаны разные безпорядки по почтовому управленію. Если такіе безпорядки дѣйствительно существуютъ, то со стороны начальства губерніи не довольно еще дозволить напечатать о нихъ статью въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: надо принять мѣры къ искорененію ихъ и надлежащему взысканію съ виновныхъ.

Неумѣстною также для «Губернскихъ Вѣдомостей» представляется статья, перепечатанная изъ Указателя Политико-Экономическаго: *Объ*

*) Отъ словъ „такое положеніе" всю эту фразу Муравьевъ обвелъ по полямъ карандашемъ.

улучшеніи была женщинъ. Не отвергая возможности и даже необходимости помѣщать въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» статьи, имѣющія не только мѣстный, но и общій интересъ, нельзя однакоже не замѣтить, что если приведенная статья представлялась доступною и полезною для читателей Политико-экономическаго Указателя, то для читателей «Губернскихъ Вѣдомостей» она была или излишнею для тѣхъ, кто имѣлъ полную возможность прочитать ее въ Указателѣ, или не только безполезною, но даже вредною для тѣхъ, которые не развились и, по положенію своему, не могли развиться до современныхъ взглядовъ высшаго общества и которые находятъ иногда въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» единственный источникъ полезнаго чтенія. «Губернскія Вѣдомости» *должны быть доступны и полезны для всѣхъ сословій.*

*

Въ началѣ Апрѣля Муравьевъ возвратился въ Нижній и, прочитавъ такую пилюлю Ланского, предписалъ (12 числа) Нарышкину потребовать отъ Полторацкаго объясненій на вопросные пункты и наивозможно скорѣе окончить слѣдствіе. И оно дней черезъ десять было окончено, но только безъ помощи Нарышкина. *Обвиняемый* Ивановъ и *истецъ* Полторацкій, восчувствовавъ, должно быть, каждый свою вину, признали за лучшее помириться, и дѣло было прекращено, о чемъ Муравьевъ „съ великою радостію“ поспѣшилъ донести Ланскому. Но подвергся ли Полторацкій за избіеніе извощика какому-либо наказанію, изъ дѣла не видно.

П. Юдинъ.

КАНКРИНІАДА.

(1839).

Стихотворная шутка С. А. Соболевскаго.

Кто на Сѣвера нашъ суровый
Изобиліе пролилъ,
И ему вѣнокъ лавровый
Самъ народъ опредѣлилъ?

*

Кто странѣ, скажите, отчей
Придалъ исполинскій ростъ?
Кто построилъ, чудный зодчій,
Самопадающій мостъ?

*

То Канкринъ!!!—пришелъ съ алтыномъ
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ;
Сталъ Россіи вѣрнымъ сыномъ
Понабивъ себѣ карманъ.

*

Канкрину Россія вѣритъ
Золото и серебро;
Онъ за Русское добро
Депозитомъ такъ и вѣетъ.

*

Окомъ быстрымъ и прилежнымъ
Онъ повсюду проникалъ,
За Ураломъ вѣчно снѣжнымъ
Геспериду отыскалъ.

*

Золотые самородки
Наши!! и порукой въ томъ
Купленный у Безбородки
Трехъэтажный пышный домъ.

*

Они наши, они слиты,
На нихъ выбитъ нашъ орелъ
И на нихъ у графа Литты
Онъ имѣнье пріобрѣлъ!!

*

Сѣрно-кисленная влага
Намъ полезна, призналъ онъ,
И для общаго всѣхъ блага
Захватилъ себѣ Бальдонъ.

*

Въ окончаніи легенды
Чтó осталось мнѣ сказать?
За собою всѣ вренды
Онъ умѣетъ удержать.

*

Сидніями сидя мы на печкѣ
Мы узнаемъ наконецъ,
Что для Нѣмца мы овечки,
Шленскихъ прибыльнѣй овецъ!

ЭПИЛОГЪ.

И. С. Мальцову.

Надъ министромъ иль коллонной,
Ты не смѣйся! Горе тутъ!
Обойдутъ тебя короной
Станиславомъ обнесутъ!

*

И пошлютъ тебя въ Бразилью,
А не то, чтобы въ Парижъ!
За служебныя усилья
Ты получишь только шишъ.

*

А со мной будетъ peddio!!!
Въ съѣзжій домъ меня возьмутъ
И по всѣмъ частямъ arpeddio
Kinforzando зададутъ.

*

Зададутъ мнѣ fice-face,
И за таскіе грѣхи
Будутъ сѣчь меня тѣмъ паче,
Чѣмъ смѣшней мои стихи!

* Канкринъ устроилъ мостъ, который упалъ въ день освѣщенія.

4 Получены въ подарокъ отъ царя Больдонскіе ключи.

5 У Канкрина большое овчеводство.

Авторъ раскаивается въ этихъ стихахъ, ибо Канкринъ былъ геніальный экономистъ и оставилъ дѣтямъ менѣе того, чтó у него въ формулярѣ записано подареннаго отъ государей. *Примѣчаніе С. А. Соболевскаго.*

СУДЬБА КНЯЗЕЙ БАГРАТІОНОВЪ-ИМЕРЕТИНСКИХЪ ВЪ РОССІИ.

I.

Родъ Багратіоновъ-Имеретинскихъ весьма древній на Кавказѣ. Преданіе говоритъ, что Багратіоны ведутъ свое начало со временъ Христа Спасителя отъ какого-то Баграта, который былъ въ родствѣ съ Іаковомъ, братомъ Господнимъ, изъ колѣна Давидова.

Еще въ прошломъ столѣтіи родъ этотъ раздѣлился на нѣсколько вѣтвей и всѣ съ удержаніемъ княжескихъ титуловъ, какъ напримѣръ: князья просто — Багратіоны, одинъ изъ потомковъ которыхъ князь Петръ Ивановичъ, родственникъ по женскому колѣну князьямъ (бывшимъ царевичамъ) Грузинскимъ, такъ прославился въ Отечественную войну; потомъ просто князья Имеретинскіе (одинъ изъ представителей этого рода нынѣ Варшавскій генералъ - губернаторъ), и наконецъ, князья Багратіоны - Имеретинскіе, послѣдніе представители которыхъ княгиня Лидія Алексѣевна (ур. Розонова) съ дѣтьми Ольгой и Александромъ и понынѣ здравствуютъ въ городѣ Уфѣ.

Въ бытность мою въ этомъ городѣ лѣтомъ 1897 года, княгиня Лидія Алексѣевна любезно передала въ мое распоряженіе нѣсколько бумагъ этого послѣдняго рода Багратіоновъ-Имеретинскихъ. Въ числѣ ихъ есть такіе документы, которые не только важны для родословной князей этихъ, но отчасти выясняютъ нѣкоторыя обстоятельства, предшествовавшія присоединенію Имеретіи къ Россіи.

По времени написанія и по содержанію первымъ актомъ рода Багратіоновъ является грамота царя Соломона I-го, данная имъ въ 1763 году сыну своему царевичу Александру на управленіе удѣломъ. Грамота эта написана на Китайскомъ пергаментѣ въ обыкновенный листъ газетнаго формата, по-грузински. По витіеватости своей и по имѣющимся въ ней даннымъ она настолько любопытна, что мы рѣшаемся привести ее въ переводѣ *).

„Во имя существа Безконечнаго, Всеблагаго, по существу, по божеству, по силѣ и Исповѣдуемаго въ трехъ лицахъ, но нераздѣльнаго Вседержителя, Всеобъемлющаго, Блага Небеснаго, Учредителя власти и порядка, Свѣта Самосущаго, Отца Превѣчнаго, которымъ сотворено все существующее. По свидѣтельству Господа небесныхъ силъ, Неизъяснимаго Бога Отца, Бога

*) Дословный переводъ грамоты на Русскій языкъ сдѣланъ 7-го Февраля 1858 года въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, по желанію князя Александра Багратіонъ-Имеретинскаго.

Сына и Бога Духа Святаго, величаемаго въ трехъ лицахъ и въ двухъ естествахъ, совершеннаго, единосущнаго, нераздѣльнаго Бога, Господа нашего Іисуса Христа, предавшаго Себя на смерть, распятаго на крестѣ и пронзеннаго въ ребро, изъ котораго истекла пречистая кровь и пречистая вода. Также по свидѣтельству предстоящихъ предъ Богомъ и зрящихъ на небесахъ славу Его и доставляющихъ свыше на землю Божіи милости: Михаила и Гаврила и всѣхъ прочихъ святыхъ ангеловъ и небесныхъ силъ Также главныхъ апостоловъ, держащихъ райскія двери: Петра (камень святости) и Павла (Лицо Христово, коимъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „елика свяжите на земли, свяжутся и на небеси, и елика разрѣшите на земли, разрѣшается и на небеси", и всѣхъ прочихъ апостоловъ Христовыхъ. По свидѣтельству четырехъ евангелистовъ, проповѣдовавшихъ намъ слово Божіе: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна; великомучениковъ, изъ нихъ семикратъ непобѣжденнаго и сотворившаго триста шестьдесятъ пять чудесъ Св. Георгія, пророковъ, отцовъ, пустынниковъ и отшельниковъ и всѣхъ Св. мученницъ и прочихъ таковыхъ, памятуемыхъ въ Прологѣ,—сію твердую и непреложную грамату мы царь царей Соломонъ (дали) сыну нашему любезному царевичу Александру въ томъ, что блаженной памяти родитель нашъ царь Александръ еще при жизни своей пожаловалъ намъ Сверскую крѣпость и Верхнее владѣніе, Земо-Квекана называемое, и мѣстечко, именуемое Ломсіантъ-Хеви. Сіе послѣднее находилось въ рукахъ измѣнника нашего Абашидзева, у котораго отняли мы его силою оружія. Сверхъ сего купили мы у Георгія Мамукашвили Харагаульскую крѣпость со всѣми при ней состоящими дворянами, крестьянами, землею, мѣстами, лѣсомъ и водою, на что имѣется и документъ. Теперь всѣ сіи имѣнія, по смерти нашей, должны принадлежать тебѣ одному, безъ притязанія со стороны нашего дяди и другихъ нашихъ родственниковъ. Тебѣ одному всѣ оныя жалуемъ и въ томъ устраняемъ всѣхъ другихъ. Владѣй оными счастливо и съ благословеніемъ Божіимъ. Свидѣтели этому суть: Каціа Дадіановъ, дядя нашъ, почитаемый нами родительскою почестію, царевичъ Георгій, Ростомъ Эристовъ, сердарь Кайхаро Абашидзе, пата Цулукидзе, еще другой пата Цулукидзе, Шакара Микеладзе, Росиъ Мурзакановъ; Зубаръ (и) Гиги Нижарадзевы; Плата Кайхоро и Вахтангъ Салтхуцевы, Плата Месхи и Амиранъ Месхи, Давидъ Абашидзе, Георгій Абдушеловъ, Бери Баратовъ, Тамаза Месхи. Грамату эту писалъ Давидъ Мдиванъ 1763 года".

Къ граматѣ приложено двѣ печати въ видѣ сердецъ. Кругомъ первой написано въ рифмахъ: *„Изъ добраго камня происшедшая вѣтвь, царь Багратовичъ"*, а въ срединѣ ея: *„Царь Соломонъ Коронованный"*. Другая печать стерта и неизвѣстно чья; но судя по формѣ и окружности (какъ замѣчаетъ переводчикъ), должна быть царицы Маріи, супруги самого царя Соломона. Подъ граматой идутъ еще слѣдующія подписи:

„Свидѣтельствуетъ духовникъ нашъ Абхазетскій каталикосъ Бесаріонъ (М. П.); царевичъ преосвященный Генатель митрополитъ Іосифъ (М. П.); преосвященный Кутатель митрополитъ Максимъ (М. П.).

Удѣлъ, данный законнымъ и наслѣднымъ царемъ Имеретіи Соломономъ І-мъ, по обыкновенію Азіатскому" при жизни своему сыну, „дабы онъ царевичъ Александръ владѣлъ онымъ до кончины родителя своего царя Соломона и до принятія всего Имеретинскаго престола„, заключалъ въ себѣ слѣдующія имѣнія *): „Князья Цертелевы со всѣми имъ принадлежащими крестьянами, крѣпостями и городами, крѣпость Чхерская со всѣми ей принадлежащими дворянами, крестьянами и доходами; крѣпость Сверская со всѣми ей принадлежащими дворянами, крестьянами и доходами; царское село Мухура съ Мухурскою крѣпостью и со всѣми жителями; ущелье Ломсіатхевское со всѣми въ немъ живущими дворянами и крестьянами; деревня Таваса съ живущими въ ней царскими крестьянами".

Царевичъ Александръ „владѣлъ этими имѣніями, какъ своими собственными", но скончался до смерти царя Соломона, оставивъ послѣ себя „малолѣтняго единороднаго сына" Георгія. Тогда царь взялъ внука къ себѣ и, „воспитавъ его, назначилъ наслѣдникомъ всего Имеретинскаго царства". Къ несчастію, по кончинѣ царя, назначенный наслѣдникъ Георгій Александровичъ, по малолѣтству своему, не въ состояніи былъ править царствомъ. Поэтому царемъ Имеретіи сначала сдѣлался Давидъ, а потомъ Соломонъ II Арчиліевичъ, сынъ брата царя Соломона І-го.

Ненавидя царевича Георгія, дабы окончательно завладѣть Имеретинскимъ престоломъ, Соломонъ II схватилъ его, лишилъ всего имущества и заключилъ въ крѣпость, гдѣ царевичъ провелъ девять лѣтъ „въ жесточайшемъ заключеніи въ банѣ" *). „Но, уповая на Россію и препоручивъ себя

*) Изъ донесенія генерала отъ кавалеріи Тормасова (25 Іюня 1811 г. № 100) министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву.

ея покровительству", съ помощію друзей, онъ нашелъ случай бѣжать изъ крѣпости и прибылъ въ С.-Петербургъ, гдѣ вскорѣ скончался, оставивъ на попеченіи Русскихъ властей на Кавказѣ свою жену царевну Дареджану и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, князей Александра и Димитрія.

Противъ царя Соломона были посланы Русскія войска, которыя принудили его бѣжать въ Турцію и скрыться въ г. Ахалцыхѣ. Но скоро Соломонъ сдѣлалъ новое возмущеніе въ Имеретіи, явившись туда лѣтомъ 1810 г. съ Турецкими и Лезгинскими войсками. Противъ мятежниковъ, которые уже успѣли занять нѣкоторыя выгодныя мѣста, выступилъ Русскій отрядъ, подъ начальствомъ „Грузинскаго гражданскаго на правахъ военнаго губернатора правителя Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи", Симоновича, при которомъ находился пятнадцатилѣтній царевичъ Александръ (сынъ умершаго Имеретинскаго царевича Георгія).

*) Какъ это видно изъ свидѣтельства, составленнаго по-грузински въ г. Кутаисѣ бывшей столицѣ Имеретіи) 10-го Марта 1814 года и подписаннаго десятью лицами изъ родовитыхъ Грузинскихъ фамилій съ приложеніемъ изъ именныхъ печатей, а именно: Кутатель-митрополитъ Досиѳей, Гекатоль-митрополитъ Евѳимій, итаварепископъ Антоній, Николай Цимдскій архіепископъ Софроній, ген.-майоръ кн. Зубаръ Цертелевъ, подполк. кн. Отій Цулукизе, Подполк. кн. Сехній Цулукизе, кн. Мдиванбегъ - Бежанъ Цулукизе, кн. Мдиванбегъ Давидъ Микелазе и майоръ кн. Мдиванбегъ Ростомъ Чхейзе.

Юный потомокъ царя царей, какъ свидѣтельствуетъ самъ начальникъ отряда *), въ теченіе Іюля, Августа и Сентября, участвовалъ подъ его командой въ сраженіяхъ, „по выгнаніи непріятельскихъ войскъ и мятежниковъ изъ крѣпчайшихъ позицій при Гелатѣ, Нагареви и Гоги, а также въ разбитіи непріятеля при селеніи Верхней Сакаро и, наконецъ, когда Соломонъ, усилясь новымъ сикурсомъ Турецкихъ войскъ, укрѣпился было въ Ханійскомъ ущельи". Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, царевичъ Александръ „оказывалъ отличное усердіе и храбрость", такъ что успѣшностью его дѣйствій „царь Соломонъ, будучи стѣсненъ, оставилъ сдѣланныя укрѣпленія и принужденъ былъ опять бѣжать въ Турецкій городъ Ахалцыхъ".

Въ слѣдующемъ (1811) году, царевна Дареджана (супруга умершаго въ Петербургѣ царевича Георгія) удостоилась получить высочайшее соизволеніе на пріѣздъ ея къ нашему двору „для представленія двухъ ея сыновей Александра и Димитрія на службу всемилостивѣйшаго Государя Императора". На переѣздъ ея было отпущено 3000 руб асс. Кромѣ того, генераломъ Тормасовымъ ей выдано было впередъ „двѣ трети получаемаго ею пенсіона" (неизвѣстно только въ какомъ размѣрѣ).

Сообщая объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву, ген.-отъ-кавалеріи Тормасовъ, между прочимъ, писалъ, что „царевна, исполненная чувствованіями вѣрноподданнической благодарности къ щедротамъ монаршимъ, на нее изливаемымъ, питаетъ въ душѣ своей истинную преданность и усердіе къ Его Императорскому Величеству, которыя твердо ею вкоренены въ юныхъ сердцахъ малолѣтнихъ ея сыновей"... Описывая далѣе горестное положеніе, этой семьи, лишившейся всего имущества, захваченнаго мятежнымъ царемъ Соломономъ, Тармосовъ просилъ Козодавлева исходатайствовать царевнѣ Дареджанѣ приличное содержаніе, „сыновьямъ же ея, старшему Александру, вступившему уже на 16 годъ своего возраста, испросить всемилостивѣйшее опредѣленіе въ камеръ-пажи, сообразно съ его лѣтами, званіемъ и оказанной отъ него опытомъ искренней преданности къ пользамъ службы Е. И. В., а меньшому Димитрію — опредѣленіе пажемъ въ сей корпусъ".

Но опредѣленіе князя Александра въ камеръ-пажи, какъ это видно изъ фамильныхъ бумагъ, не состоялось Онъ въ томъ же году былъ прямо пожалованъ въ корнеты, съ назначеніемъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ и высочайшимъ приказомъ 10 Апрѣля 1811 года, „въ воздаяніе усердія и заслугъ, оказанныхъ въ 1810 году, во время бывшей противъ Имеретинскаго царя Соломона экспедиціи, гдѣ, будучи употребленъ съ нашими войсками, находился въ разныхъ сраженіяхъ и съ храбростью содѣйствовалъ къ разбитію мятежниковъ... и прогнанію ихъ изъ предѣловъ Имеретіи", всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. Князь же Димитрій былъ произведенъ въ корнеты 27-го Августа 1816 года „изъ пажей двора Е. И. В-ва", будучи только 17 лѣтъ отъ роду, съ назначеніемъ въ Литов-

*) Свидѣтельство генерала Симоновича, данное въ Тифлисѣ, 7-го Апрѣля 1815 г. № 318.

скій эргерцога Австрійскаго Альберта Уланскій полкъ. На содержаніе имъ, кромѣ жалованія по чину, вольно отпускать изъ суммъ государственнаго казначейства по 3.600 р. асс. въ годъ каждому *).

II.

Служба съ самаго начала улыбнулась обоимъ братьямъ. Князь Александръ участвовалъ даже въ войнѣ 1812 года, за что, 30 Августа 1814 года, получилъ бронзовую медаль, а въ 1818 году, 11-го Апрѣля, произведенъ въ поручики. За годъ же передъ тѣмъ (10-го Января 1817 г.) въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ былъ переведенъ и князь Димитрій.

Такимъ образомъ оба начали службу почти въ одномъ полку и почти въ одинаковыхъ чинахъ. Совмѣстная и одинаковая полковая жизнь еще больше сблизила и безъ того сильно любившихъ другъ друга братьевъ. Казалось, все было направлено въ ихъ пользу, точно они родились подъ счастливой звѣздой. Увы, скоро ихъ постигъ неожиданный ударъ: около этого времени скончалась ихъ мать. Императоръ Александръ I желая, видимо, съ одной стороны почтить память покойной, а съ другой оказать молодымъ людямъ поддержку, рескриптомъ, 27 Декабря 1818 года, на имя министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣлалъ такое распоряженіе:

„Двумъ сыновьямъ покойной Имеретинской царевны Дареджаны Ростомовны, князьямъ Александру и Димитрію Имеретинскимъ, служащимъ нынѣ лейбъ-гвардіи въ Уланскомъ полку, всемилостивѣйше повелѣваю: 1) Вмѣсто получаемыхъ нынѣ каждымъ изъ нихъ на содержаніе по 3600 р. въ годъ асс., производить впредь на оное каждому по 6456 р., а обоимъ 12912 р. асс. въ годъ изъ государственнаго казначейства. 2) На заплату долговъ выдать имъ единовременно 13000 р. асс. изъ того же казначейства“.

Времена были благопріятныя для военныхъ отличій и наградъ. Многихъ выдвинуло декабрьское возмущеніе, въ усмиреніи котораго князья Имеретинскіе принимали участіе. Потомъ открылась Турецкая война 1828—1829 гг., гдѣ оба брата также участвовали (по выходѣ изъ Петербурга 14-го Апрѣля 1828 г. по 29 Ноября 1829 г., день обратнаго вступленія въ Россію) и гдѣ въ дѣлѣ 3-го Октября при рѣчкѣ Камчикѣ князь Димитрій былъ даже раненъ. Получили они отличія и за усмиреніе Польскаго мятежа 1831 года. Черезъ какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ братья были уже въ генералъ-майорскихъ чинахъ.

Положеніями Государственнаго Совѣта 12-го Сентября 1804 года и Комитета Министровъ 26-го Марта 1812 года опредѣлено было, что „царевичи, сыновья Грузинскихъ царей, сами по себѣ сохраняютъ сіе титло; дѣти же ихъ именуются князьями Грузинскими, а дѣти царевичей Имеретинскихъ— князьями Имеретинскими и такимъ образомъ будутъ уважены съ первыми родами Имперіи *); наконецъ дѣти, рожденныя отъ царевенъ Грузинскихъ и

*) Высочайшій рескриптъ 27 Декабря 1818 года.

*) Положеніе 12 Марта 1812 г. Слѣдовательно съ князьями свѣтлѣйшими.

Имеретинскихъ, вышедшихъ замужъ за князей, удерживаютъ фамилію своихъ отцовъ". Но, не смотря на сдѣланныя неоднократно подтвержденія объ этомъ, нѣкоторыя изъ дѣтей царевичей продолжали именовать себя царевичами и царевнами. Поэтому высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ 1-го Апрѣля 1833 года вновь было подтверждено, „дабы впредь они не писались не принадлежащими имъ титулами".

По этимъ же законоположеніямъ и потомки царей Имеретинскихъ князья Александръ и Димитрій должны были именоваться просто князьями Имеретинскими, безъ присовокупленія частицы Багратіоновъ, которой они подписывались раньше и которая обозначала фамилію ихъ династіи. Но Николай Павловичъ сдѣлалъ для нихъ исключеніе и, „во вниманіе къ отличной службѣ сихъ князей, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы они сохранили фамилію *Багратіоновъ* съ прибавленіемъ *Имеретинскихъ*" **).

Послѣ присоединенія Мингреліи къ Россіи, одному изъ потомковъ этихъ владѣтелей, князю Георгію Дадіану-Мингрельскому, въ возмѣщеніе за принятыя подъ власть Русской короны земли, по высочайшему повелѣнію, выдана была обусловленная сумма для пріобрѣтенія такого же приблизительно имѣнія внутри Россіи. Въ виду этого, князь Александръ Багратіонъ, жалуясь на свое и брата стѣсненное положеніе, въ началѣ 1838 г. просилъ министра внутреннихъ дѣлъ исходатайствовать и имъ, какъ князю Дадіану, приличную сумму для покупки въ Россіи имѣнія. Графъ Блудовъ не замедлилъ отвѣтомъ и 16-го Апрѣля того же года (№ 2480) написалъ князю; что „Государь Императоръ, 14-го Апрѣля с. г., высочайше благоволилъ соизволилъ вамъ и брату выдать каждому, въ сравненіи съ кн. Георгіемъ Дадіаномъ-Мингрельскимъ, изъ суммъ государственнаго казначейства, для пріобрѣтенія въ Россіи недвижимаго имѣнія, по 150 тыс. руб. асс., и таковую выдачу произвести вамъ чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по пріисканіи вами къ покупкѣ для себя имѣній, которыя, какъ потомственная принадлежность цѣлаго вашего рода, отдаются въ непосредственное ваше распоряженіе съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы вы не могли сихъ имѣній передать отъ себя какимъ-либо способомъ во владѣніе другихъ; въ замѣнъ же таковыхъ капиталовъ, обратить отъ каждаго изъ производимаго вамъ содержанія ту часть, которая составляла бы подобно, какъ у князя Дадіана, 1250 р. сер., и именно по 4500 р. асс."

Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемаго пособія „своему стѣсненному положенію", князья Имеретинскіе прогадали больше, чѣмъ на половину и изъ того, что́ имѣли прежде. Ассигнованныя 300 т. р. не выдали имъ на руки: они хранились въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, между тѣмъ какъ изъ получаемаго ими пенсіона уже стали производить по 9 т. руб. вычета, такъ что на содержаніе имъ обоимъ оставалось лишь 3912 р. асс. въ годъ.

Тогда князь Александръ снова обратился къ графу Блудову съ письмомъ, прося его „о взносѣ Высочайше пожалованныхъ суммъ въ Государ-

**) Изъ сообщенія Депрерадовича начальнику 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи ген. Чичерину, отъ 4 Іюля 1833 г., за № 1232, изъ Краснаго Села.

ственный Заемный Банкъ для приращенія процентовъ, подобно капиталамъ членовъ бывшихъ царскихъ домовъ Грузинскаго и Мингрельскаго". Ходатайство это увѣнчалось успѣхомъ, и въ Октябрѣ того же года состоялось о томъ Высочайшее соизволеніе съ тѣмъ, чтобы выдавать князьямъ Имеретинскимъ съ этого капитала 5% годовыхъ, но „удерживая за то у каждаго по 4500 р, асс. въ годъ*).

Преемникъ гр. Блудова Л. А. Перовскій совмѣстно съ министромъ финансовъ снова входили съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ „о способахъ для упроченія состоянія членовъ бывшихъ царскихъ домовъ Грузинскаго и Имеретинскаго", и по положенію Комитета Министровъ (2-го и 18-го Іюня 1842 года), Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „Царевичамъ Грузинскимъ Парнаозу Ираклієвичу, Теймуразу, Михаилу, Ильѣ, Окропиру и Ираклію Георгіевичамъ, сыновьямъ царевича Іулона— князьямъ Луарсабу и Дмитрію, внуку царевича Іоанна—князю Іоанну и сыновьямъ царевича Баграта Георгіевича князьямъ Давиду и Александру; Имеретинскому царевичу Константину Довыдовичу*) и, наконецъ, сыновьямъ Имеретинскаго царевича Георгія Александровича, князьямъ Александру и Димитрію Багратіонъ-Имеретинскимъ, вмѣсто производимыхъ имъ пожизненныхъ пенсіоновъ, равно пожалованныхъ на покупку имѣній капиталовъ, назначить потомственные пенсіоны въ увеличенномъ размѣрѣ; но дабы оные прочнымъ образомъ обезпечивали состояніе вышепоименованныхъ лицъ, то постановить правиломъ, что пенсіоны сіи ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть обращаемы на уплату казенныхъ и частныхъ долговъ ихъ, а должны считаться неприкосновенною собственностію означенныхъ членовъ бывшихъ Закавказскихъ царскихъ домовъ и ихъ наслѣдниковъ**".

Вслѣдствіе этого повелѣно было: 1) назначить потомственные пенсіоны членамъ помянутыхъ царскихъ домовъ, сохранивъ пожизненно царевичамъ: Парнаозу Ираклієвичу, Михаилу Георгіевичу и Константину Давидовичу получаемыя ими экипажныя деньги, а царевичу Теймуразу Георгіевичу экипажъ натурою. 2) Съ опредѣленіемъ потомственныхъ производимые имъ пожизненные пенсіоны, какъ равно и пожалованные на покупку имѣній капиталы, обратить въ казну. 3) Царицѣ Маріѣ Георгіевнѣ*) увеличить пожизненную пенсію до 10 т. р. сереб. и, сверхъ того, отпускать изъ Государственнаго Казначейства по ея смерть ежегодно по 3142 руб. $85^5/_7$ коп. сер. на наемъ и отопленіе квартиры, и по 857 руб $14^2/_7$ коп. сер. экипажныхъ денегъ. Равнымъ образомъ и дочери ея, царевнѣ Тамарѣ, сверхъ пенсіона по 1200 руб., отпускать на квартиру 1142 р. $85^5/_7$ коп. и на экипажъ 857 р. $14^2/_7$ коп. сереб. въ годъ. 4) Назначенные потомственные пенсіоны ни въ коемъ случаѣ не обращать на уплату долговъ 5) Производство окла-

*) Изъ письма гр. Блудова кн. Александру отъ 6 Октября 1838 г., № 5750.

*) Сыну второго Имеретинскаго царя Давида. Отъ него произошелъ родъ князей просто Имеретинскихъ.

**) Изъ рапорта Перовскаго въ Сенатъ 24 Іюня 1842 г., № 4264.

*) Супругѣ послѣдняго Грузинскаго царя Георгія.

довъ въ увеличенномъ размѣрѣ начать съ 1-го Января 1843 года. 6) Содержаніе, пожалованное въ разное время супругамъ и дѣтямъ обоего пола нѣкоторыхъ царевичей и царевенъ Грузинскихъ и Имеретинскихъ, производить пожизненно, собственно въ пользу ихъ; со смертью же ихъ оныя прекратить. 7) Принять на счетъ казны уплату долговъ числящихся на царицѣ Маріи Георгіевнѣ и на царевичахъ, всего казенныхъ 76,196 р. 64⁴/₇ коп. и частныхъ 67,310 р. 26⁶/₇ коп. сереб., и уплату послѣднихъ произвести чрезъ главнаго пристава при членахъ этихъ домовъ и чиновника Министерства Финансовъ по законнымъ документамъ и 8) Какъ за таковымъ назначеніемъ потомственныхъ пенсіоновъ и принятіемъ на счетъ казны платежа казеннымъ и частныхъ долговъ, состояніе бывшихъ царскихъ домовъ Грузинскаго и Имеретинскаго и ихъ потомства обезпечивается прочнымъ образомъ, то объявить имъ, чтобы они соизмѣряли свои расходы съ даруемыми имъ средствами и что за симъ не будетъ уже оказываемо никакого новаго отъ правительства пособія, и просьбы ихъ на недостаточность состоянія оставляемы будутъ безъ уваженія“ [1]).

По этому повелѣнію князьямъ Александру и Димитрію Багратіонамъ-Имеретинскимъ назначено было потомственнаго пенсіона по 2701 р. 71³/₇ к. сереб. каждому. Но князь Александръ не ограничился этимъ и, не смотря на только что изданное запрещеніе, въ концѣ года снова просилъ Л. А. Перовскаго объ увеличеніи ему съ братомъ содержанія. По докладѣ о томъ Государю Императору, „во вниманіе къ отличной службѣ“ обоихъ князей Багратіонъ-Имеретинскихъ, Высочайше было повелѣно къ назначеннымъ съ 1843 г. потомственныхъ пенсіоновъ „прибавить, не въ примѣръ прочимъ, еще по 4500 р. асс. въ годъ каждому, удержанныхъ изъ прежняго содержанія, при пожалованіи въ 1838 году капиталовъ на пріобрѣтеніе недвижимаго имѣнія“. И такимъ образомъ пенсія каждому изъ князей составилась въ 3987 р. 42⁶/₇ коп. сереб. ежегодно [1]).

6-го Ноября 1845 года князь Димитрій умеръ на 46 году жизни, въ чинѣ маіора и командующимъ 2-й легкой кавалерійской дивизіей числясь въ тоже время командиромъ Гродненскаго гу-сарскаго полка

Не задолго передъ тѣмъ (въ 1842 г.), князь Димитрій женился на Ольгѣ Валеріановнѣ, уроженной графинѣ Стройновской и получивъ за ней въ приданое на правахъ купли имѣніе въ Луцкомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, мѣстечко Рожище съ принадлежащими къ нему деревнями Копачевкою, Топольно, Кульчино, Дубище, Жалобово, Рудни и др.

Умирая, князь Димитрій оставилъ духовное завѣщаніе, по которому весь свой капиталъ (неизвѣстно сколько) оставилъ сыну своему Александру *).

---

[1]) Изъ сообщенія главнаго пристава при членахъ Царскихъ домовъ Грузинскаго и Имеретинскаго Сергѣя Лошкарева князю Александру Багратіонъ-Имеретинскому 28 Іюня 1842 г., № 134.

[1]) Изъ письма Перовскаго къ князю А. Г. Багратіонъ-Имеретинскому 10 Декабря 1842 г., № 8603.

*) Рожденному 29 іюля 1843 г въ Петербургѣ Воспріемниками его были князь Александръ Багратіонъ-Имеретинскій и графиня Валерія Валеріановна Тарновская, сестра жены князя Димитрія.

„а какъ жена моя беременна, говорилось въ завѣщаніи, то буде родится другой сынъ или дочь, то раздѣлить оное пополамъ между ими; вексёля, которые я имѣю на мою жену, тотчасъ, послѣ моей смерти, уничтожить; ежели она послѣ меня выйдетъ за мужъ, то должна заплатить 110 т. р. асс. сыну моему и тому, кто родится, за внесенные мною въ Опекунскій Совѣтъ за Волынское имѣніе ея"... „Весь остающійся мой капиталъ долженъ остаться тайной для всѣхъ, кромѣ брата моего князя Александра и опекуновъ, каковыми назначаю г.-м. Захара Анисимовича Іосселіана, полполковника Бутксвича, колл. сов. Чекуанова и г-на Агаѳона Акимова" [1]).

Послѣ смерти (5-го Февраля 1862 г.) князя Александра [2]) осталось капитала 82,738 руб. 10 коп. Душеприкащиками были назначены д. с. с. Александръ Семеновичъ Чекуановъ, близкій родственникъ князя Александра по матери, князь Самсонъ Давыдовичъ Эристовъ и кол. асс. Константинъ Семеновичъ Штабель, которымъ было завѣщано распредѣлить капиталъ этотъ слѣдующимъ образомъ:

1) 1308 руб. 10 к. полуимперіалами въ пользу Іерусалимскаго храма Гроба Господня для вѣчнаго поминовенія усопшихъ: въ бозѣ почившаго великаго благочестіемъ Имеретинскаго царя Соломона І-го, супруги его царицы Гульхане, сына ихъ Александра, внука Георгія, супруги его Дареджаны, ихъ сына Димитрія, его супруги Ольги, меня всегрѣшнаго Александра, Галатскаго митрополита Генателя, духовника моего іеромонаха и т. д.

2) 250 руб. сер. въ Александро-Невскую Лавру для поминовенія родителей моихъ Георгія и Дареджаны, брата Димитрія, супруги его Ольги и меня всегрѣшнаго Александра.

3) 300 руб. сер. въ обитель свв. Давида и Константина, что̀ близъ Гелатскаго монастыря въ Имеретіи, на сооруженіе церковныхъ сосудовъ съ надписями на нихъ на св. потирѣ: „Кровію Спасителя нашего, Искупителя отъ грѣховъ нашихъ", и на св. дискосѣ: „Се Агнецъ Божій вземляй грѣхи наши", и буде прилично, имени, отчества и фамиліи моихъ.

4) 200 руб. сер. на украшеніе имѣющагося у меня св. Евангелія на Грузинскомъ языкѣ, которое передать въ пользу той же обители свв. Давида и Константина.

5) 400 р. сер. на украшеніе принадлежащей мнѣ св. иконы Спаса Нерукотвореннаго образа; на украшеніе сей же иконы употребить золотыя табакерки, два перстня: одинъ съ алмазомъ и розами, а другой съ двѣнадцатью бирюзами, кольцо съ 2-мя бирюзами, кольцо съ брилліантомъ и, наконецъ, изумруды и брилліанты съ Персидскаго моего ордена Льва и Солнца, ибо орденъ сей украшенъ означенными драгоцѣнными камнями на собственный мой счетъ.

6) 150 р. сер. на сооруженіе ковчега для помѣщенія въ оный св, иконъ Іоанна Крестителя Великомученика и Побѣдоносца Георгія, коими

[1]) Капиталъ заключался въ пяти билетахъ изъ коихъ по одному было положено въ Опекунскій Совѣтъ 37 тыс. рублей.

[2]) Онъ умеръ въ чинѣ г.-адъютанта, генерала отъ кавалеріи (съ 17 Апрѣля 1860 г.) на 69 г. жизни отъ паралича правой руки.

благословлены племянники мои князья Александръ и Димитрій Багратіонъ-Имеретинскіе, а также и св. угодника Божія чудотворца Николая, принадлежавшей покойному родителю ихъ [1]).

7) 250 р. сер. на сооруженіе иконы св. Александра Константинопольскаго—въ домовую церковь князя Давида Эристова въ Бержаулахъ и на пріобрѣтеніе церковныхъ сосудовъ въ церковь, гдѣ погребено тѣло кн. Ломина Эристова.

8) 1750 р. сер. на выкупъ изъ тюремъ г. Кутаиса лицъ, заключенныхъ въ оныя за долги, вслѣдствіе какихъ либо несчастныхъ обстоятельствъ какъ туземцевъ, такъ и Русскихъ.

9) 24000 р. сер. въ собственность племянниковъ кнн. Александра и Димитрія (по 12 т. р. каждому) съ тѣмъ, чтобы они могли распоряжаться оными не прежде достиженія 30 ти лѣтняго возраста. Въ случаѣ смерти одного, наслѣдованіе его части переходитъ къ другому, а въ случаѣ смерти обоихъ бездѣтными, то всѣ эти деньги передаются въ собственность князей Эристовыхъ-Бержаульскихъ.

Этимъ князьямъ [2]), послѣднимъ какъ родственникамъ своимъ по матери князь Александръ (въ 10 пун.) завѣщалъ еще 8000 р. сер. 3000 р. сер. сыновьямъ кн. Вахтанга Эристова княз.Димитрію и Константину потомъ 1500 р. Николаю Григорьевичу Эристову и 500 р. кн. Роману Петровичу Асатіани. Ему же завѣщанъ туалетный приборъ. Чайный и столовый приборы оставлены княгинѣ Варварѣ Өеодоровнѣ Грузинской, книги и вся библіотека кн. Самсону Эристову. Остальныя деньги были распредѣлены между ближайшими знакомыми и прислугой князя, за исключеніемъ 25 т. р., которыя завѣщано было положить въ какое либо государственное кредитное учрежденіе на вѣчное обращеніе изъ процентовъ „съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы были употребляемы на воспитаніе въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія трехъ бѣднѣйшихъ молодыхъ людей, преимущественно круглыхъ сиротъ изъ княжескихъ или дворянскихъ фамилій, изъ коихъ двое должны быть Имеретинскіе и одинъ Гурійскій уроженцы, при чемъ воспитанники именуются пенсіонерами „князя А. Г. Багратіонъ-Имеретинскаго", и выборъ ихъ для опредѣленія въ училище всякій разъ долженъ производиться чрезъ посредство „дворянскихъ предводителей или лицъ, подобныя должности занимающихъ".

Въ заключеніе своего завѣщанія князь Александръ писалъ: „Племянникамъ моимъ князьямъ Александру и Димитрію завѣщаю любить всѣмъ сердцемъ и душою Россію и неизмѣнно быть преданными своему государю и отечеству, почитать и любить братскою любовью другъ друга, имѣть полное уваженіе ко всѣмъ своимъ близкимъ роднымъ, почитать и уважать искренняго друга покойному ихъ родителю и мнѣ Александра Семеновича

---

[1]) Ковчегъ этотъ, въ случаѣ смерти племянниковъ бездѣтными, долженъ быть переданъ въ Гелатскій монастырь.

[2]) Князю Давыду Григорьевичу Эристову, сыну его Семеону и дочери княжнѣ Өеодосіи.

Чикуанова, прекрасныя качества благородной души котораго поселили во мнѣ твердую увѣренность, что онъ не откажетъ племянникамъ моимъ замѣнить во многомъ собою меня и не оставитъ помогать имъ полезными совѣтами и наставленіями. Наконецъ, любить и уважать родственника своего князя Самсона Давыдовича Эристова, жить съ нимъ въ добромъ согласіи, мирѣ и спокойствіи [1]).

Неизвѣстно, приведено ли было въ исполненіе это духовное завѣщаніе; но по нему (какъ и по духовному завѣщанію князя Димитрія) до нѣкоторой степени можно судить, что братья Багратіонъ-Имеретинскіе не лишились, согласно Высочайше утвержденнаго 18 Іюня 1842 года положенія Комитета Министровъ, ассигнованныхъ имъ въ 1838 году капиталовъ на покупку имѣній. Надо думать, что они впослѣдствіи отказались отъ назначенныхъ имъ потомственныхъ пенсіоновъ и предпочли получить разомъ по 150 тыс. руб., на которыя князь Димитрій пріобрѣлъ себѣ Волынское имѣніе, а князь Александръ почти цѣликомъ сохранилъ свой капиталъ. Увы! Въ настоящее время у нынѣшнихъ потомковъ Багратіоновъ-Имеретинскихъ нѣтъ ни этого имѣнія и не значится никакихъ лежалыхъ денегъ. Куда дѣвались онѣ, неизвѣстно.

III.

Князь Александръ Георгіевичъ не былъ женатъ и умеръ бездѣтнымъ. Послѣ же князя Димитрія Георгіевича остались сыновья Александръ, родившійся при его жизни, и Димитрій, родившійся, послѣ его смерти, въ 1846 году.

О князѣ Димитріѣ въ фамильныхъ бумагахъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, холостымъ. Князь же Александръ Димитріевичъ, какъ видно изъ его послужнаго списка, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и выпущенъ оттуда, съ правами 2-го разряда, корнетомъ въ Нарвскій гусарскій полкъ, 16-го Іюня 1861 года. Въ 1862 году, приказомъ отъ 12 Января, онъ былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи гусарскому Его Величества полку, а 10-го Марта 1863 года произведенъ въ поручики и 12 Октября того же года по болѣзни уволенъ отъ службы.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ того, и въ томъ же 1863 году, Высочайшимъ приказомъ 28 Декабря, князь Александръ снова былъ опредѣленъ на службу въ канцелярію Кавказскаго и Сибирскаго Комитетовъ съ переименованіемъ въ губернскіе секретари и съ причисленіемъ къ 1-му Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, откуда 25-го Марта 1865 г. снова уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ.

Черезъ четыре года (6 Іюня 1869 г.) князь поступилъ на службу „въ распоряженіе Туркестанскаго генералъ-губернатора“ прежнимъ чиномъ поручика, но со старшинствомъ 4 Декабря 1868 г. и съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. 13 Мая 1870 г. по Высочайшему повелѣнію онъ былъ

[1]) Завѣщаніе написано 14 Января 1862 г., въ Петербургѣ.

прикомандированъ къ Оренбургскому казачьему войску, гдѣ и закончилъ въ чинѣ подполковника свое служебное поприще, участвуя съ этими казаками въ слѣдующихъ дѣлахъ и походахъ: съ 1 Мая по 9 Ноября 1871 г. находился съ сотней въ степи Оренбургскаго вѣдомства (Зауральная степь) при введеніи въ ней среди Киргизовъ новаго положенія, съ 3-го Января по 12 Октября 1873 г. въ Хивинской экспедиціи и съ 4-го Іюля по 6 Октября 1877 г. въ Алайской экспедиціи.

Какъ среди офицеровъ, такъ и среди простыхъ казаковъ о немъ осталось доброе воспоминаніе. Въ обществѣ онъ былъ милъ и любезенъ, въ кругу товарищей вѣрный другъ и неизмѣнный собутыльникъ, весельчакъ. Для простыхъ казаковъ былъ больше, чѣмъ родной отецъ. Онъ любилъ ихъ, жалѣлъ, заботился о нихъ и защищалъ отъ нападокъ ихъ же войсковаго начальства изъ тѣхъ же казаковъ. И простые казаки платили ему безграничной любовью и по истинѣ сыновней преданностью. Даже теперь его бывшіе подчиненные нижніе чины не забываютъ его семьи и, если кому случится быть въ Уфѣ, то каждый считаетъ долгомъ явиться къ княгинѣ Багратіонъ-Имеретинской и, въ память ея мужа, засвидѣтельствовать ей свое уваженіе. О безграничной добротѣ князя (благодаря которой онъ прожилъ все свое состояніе) ходитъ много разсказовъ.

Какъ-то съ учебной казачьей сотней Оренбургскаго войска князю Александру пришлось стоять въ г. Троицкѣ (Оренбургской губерніи). Дѣло было лѣтомъ. Казаки уже вышли въ лагерь на р. Уй. День выдался очень жаркій, солнце пропекало насквозь. И вотъ, въ такое время, идучи по городу, князь видитъ картину: Два казака его сотни въ бѣлыхъ рубахахъ ведутъ подъ руки третьяго, который, противъ всякаго ожиданія, одѣтъ въ шинель и въ „пимы“ (валенки), а съ двухъ другихъ потъ льется градомъ.

— Что такое вы дѣлаете, братцы подъѣхалъ онъ къ нимъ.

— Да вотъ, ваше сіятельство, товарищъ немножко захмѣлелъ, такъ мы его въ лагерь ведемъ.

— Ну-ну, хорошо! ведите, братцы.

Едва князь успѣлъ пріѣхать въ сотню, прошло не болѣе получаса, какъ въ палатку къ нему является, весь запыхавшись, купецъ-мясникъ.

— Батюшка, князь, помилосердуйте! Сейчасъ у меня съ бойни ваши казаки козла украли.

— Быть не можетъ, возразилъ князь.

— Ей-Богу, право! Больше некому!

Нечего дѣлать, въ силу необходимости и во избѣжаніе скандала, по требованію мясника, пришлось осмотрѣть всѣ котлы и всѣ казачьи палатки. Но козла нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Ну, вотъ, видите! замѣтилъ князь. Мои казаки никогда ничего не воруютъ. Это сдѣлали навѣрно канониры[1]).

---

[1]) Тоже казаки Оренбургской конной батареи, стоявшей лагеремъ рядомъ съ казаками учебной сотни.

Купецъ, конечно, уѣхалъ, не солоно хлѣбавши. Князь, однако, послѣ его отъѣзда, потребовалъ къ себѣ вахмистра.

— Узнай, пожалуйста, кто укралъ козла, сказалъ онъ ему.

Черезъ минуту въ палатку вваливаются съ раскраснѣвшимися отъ жары лицами два казака.

— Что вамъ нужно?

— Да это, значитъ, ваше сіятельство, мы значитъ... тово... козла-то стибрили.. вы еще насъ видѣли...

— Когда?! удивился князь.

— А коли мы пьянаго-то вели...

Князь только руками развелъ. Оказалось, что повстрѣчавшіеся съ нимъ въ Троицкѣ казаки вели подъ руки не пьянаго своего товарища, а козла и преспокойно положили его въ палатку. И князь, и мясникъ, и офицеры заходили въ палатку эту, видѣли лежащаго тамъ въ шинели яко бы пьянаго казака и, конечно, не обратили на него вниманія.

— Ну, ловко обдѣлали, покачалъ головой князь. Молодцы!.. Чтоже теперь съ вами дѣлать? Не подъ судъ же отдавать! И далъ пять рублей на водку.

Въ 1877 г. въ чинѣ войскового старшины князь Александръ Дмитріевичъ временно (съ 6 Апрѣля по 15 Іюня) командовалъ № 5 Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ, а въ 1878 г. командовалъ № 12 полкомъ того же войска, ходившимъ въ Бессарабію. 26 Февраля 1879 г. онъ произведенъ въ подполковники и 27 Марта назначенъ въ распоряженіе командующаго войсками Оренбургскаго военнаго округа.

Разстроенное здоровье, въ Декабрѣ того же года, заставило его покинуть Оренбругъ, чтобы ѣхать лечиться за границу въ Швейцарію, гдѣ онъ и умеръ 17 (29) Ноября слѣдующаго года въ гостиницѣ городка Нерви близь Генуи[1]).

Послѣ него, какъ указано выше, осталась жена, княгиня Лидія Алексѣевна, служащая нынѣ (съ 1879 г.) начальницей Уфимской женской гимназіи, дочь Ольга (рожд. 25 Января 1876 г.) и сынъ Александръ (рожд. въ Августѣ 1879 г.). Семейство числится до сей поры въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, въ станицѣ Буранной, 1-го военнаго отдѣла, куда былъ приписанъ, по званію казака, и самъ князь.

П. Юдинъ.

---

[1]) Изъ письма консула къ княгинѣ Л. А. Багратіонъ-Имеретинской 19 Ноября 1880 года.

А. Л. ЗИССЕРМАНЪ.

(некрологъ).

Мы лишились дорогаго сотрудника: 4 Сентября сего года, въ сельцѣ Лутѳанносѣ подъ Тулою, скончался Арнольдъ Львовичъ Зиссерманъ, статьи котораго, всегда содержательныя, всегда согрѣтыя живымъ чувствомъ добра и правды, одушевленныя любовью къ отечеству, такъ часто украшали собою и наше изданіе. Мы уже имѣли случай говорить о заслугахъ его Русскому слову и Русскому познанію по поводу 50-тилѣтія его дѣятельности (Р. Архивъ 1896). Въ газетахъ появились перечни его сочиненій. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ полученныя нами отъ сына его Павла Арнольдовича.

Зиссерманы происходятъ изъ Силезіи, гдѣ проживаетъ старшая вѣтвь ихъ рода, Отецъ Зиссермана Левъ Карловичъ († 1882) медикъ, переѣхалъ въ Подольскую губернію съ супругою своею (ур. Беръ) и записанъ въ тамошней родословной дворянской книгѣ. Кромѣ старшаго сына Арнольда Львовича у него были:

Сынъ Юлій, служившій въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и бывшій въ Ставрополѣ почетнымъ мировымъ судьей, Генрихъ, нынѣ прокуроръ въ Ставрополѣ, дочь Софія, замужемъ за Руденко-Сахновскимъ, и сынъ Карлъ, служившій губернаторомъ въ Ставрополѣ и Тифлисѣ. Въ дворянскомъ гербѣ Зиссермановъ включена часть герба Ставропольской губерніи. Формулярный списокъ А. Л. Зиссермана наполненъ перечисленіемъ походовъ и сраженій съ горцами, въ которыхъ онъ участвовалъ. Нѣтъ ни одного чина или ордена, который-бы онъ получилъ обыкновеннымъ порядкомъ или по вакансіи; всѣ они даны ему были за „личную храбрость и отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля". Онъ участвовалъ въ Табасеранскомъ походѣ, въ взятіи Гусшба, командовалъ своими сотнями при кавалерійской атакѣ въ Адагумскомъ отрядѣ въ 1863 г. въ присутствіи августѣйшаго главнокомандовавшаго Кавказской арміей и въ экспедиціяхъ по рубѣ лѣса, изъ которыхъ выходилъ невредимъ. По неисповѣдимой волѣ Божьей онъ палъ жертвой несчастнаго случая при рубкѣ лѣса же въ мирной обстановкѣ у себя дома. За нѣсколько минутъ до роковаго удара сказалъ онъ своему сыну въ отвѣтъ на опасенія въ возможности несчастія, что онъ много пережилъ дѣйствительно опасныхъ рубокъ лѣса и потому не боится и невѣритъ въ опасность для себя въ такомъ дѣлѣ.

Полковникъ кавалеріи и георгіевскій и другихъ орденовъ (всѣ съ мечами) кавалеръ А. Л. Зиссерманъ родился въ 1824 г. 13гго Ноября. На гражданскую службу на Кавказѣ вступилъ въ 1842 г. *военныя* награжденъ Георгіевскимъ крест. 1845 г. произведенъ въ *гражданскія* чины въ 1846 и къ 1848 г. Переименованъ прямо въ корнеты по особому Высочайшему повелѣнію въ 1849 г. Будучи дежурнымъ штабъ офицеромъ у барона Врангеля и Евдокимова, участвовалъ во всѣхъ военныхъ экспедиціяхъ, а также получалъ самыя разнообразныя порученія, какъ военнаго такъ и гражданскаго характера, даже миссіонерскія назначенія для возстановленія православія среди отпавшихъ Осетинъ. Наконецъ состоя при намѣстникѣ князѣ Барятинскомъ участвовалъ во взятіи Гулиба. Къ концу Кавказской службѣ онъ ковандовалъ 1-й Кубанской казачьей бригадой. съ которой отличался въ Таксугскомъ градѣ ц въ отрядѣ, сопровождавшемъ великаго князя Михаила Николаевича въ 1864 году. Былъ раненъ въ руку и оглохъ на службѣ. Перешелъ въ Дагестанскій пѣхотный полкъ, гдѣ командовалъ ротой и затѣмъ зачисленъ для особыхъ порученій при командущемъ войсками при Каспійскаго края въ 1858 г. При намѣстникѣ Кавказскомъ состоялъ съ 1859 г. до 1861 г., когда назначенъ командовать 1 бригадой Кубанскаго казачьяго войска, которую сдалъ въ 1866 г. Въ этомъ году онъ уѣхалъ съ Кавказа, а вскорѣ и вышелъ въ отставку.

изъ этихъ четырехъ Бурцевъ внесъ почему-то два—„Боярскій родъ Колычевыхъ“ и „Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ“. Съ другой же стороны, внесены напримѣръ „Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ“, напеч. въ количествѣ 200 экз., а не внесены: „Родъ князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ“ (118 экз.), Родословная дворянъ Савеловыхъ (100 экз.). Указаны мои изданія „Донскіе дворяне Егоровы“ (25 экз.), „Избранная Библіотека“ (100 экз.), а не указаны изданія графа Г. А. Милорадовича, напечатанныя также въ количествѣ 25 экз., Родословная Муравьевыхъ (60 экз.), мои изданія „Коротоякское дворянство“ (50 экз.), „Воронежское дворянство“ (60 экз.), „Матеріалы для генеалогіи Донскихъ дворянскихъ родовъ“ (50 экз). и др.

Кромѣ произвола въ опредѣленіи рѣдкости книгъ, и въ самомъ описаніи ихъ есть недочеты:

1) Заглавія книгъ списаны неточно, встрѣчается много опечатокъ (№ 807) „Роспись Московскихъ церквей и т. д“, вмѣсто ружныхъ и придѣльныхъ, напечатано — нужныхъ и предѣльныхъ; № 808„роспись родословная и т. д.“, вмѣсто знатнѣйшихъ дѣлъ — напечатано значительнѣйшихъ; сдѣланы сокращенія заглавій, чего, мнѣ кажется, не должно быть въ библіографическомъ изданіи.

2) Встрѣчаются невѣрныя указанія страницъ и даже времени изданія книги, какъ напримѣръ: „Акты, относящіеся до дворянъ Голохвастовыхъ“ (г. Бурцевъ вездѣ называетъ почему-то *Голохвостовы*) изданы въ 1848 г. у г., Бурцева указанъ 1845 г. Въ обоихъ моихъ изданіяхъ, также невѣрно указано время. „Донскіе дворяне Егоровы“ вмѣсто 1895 г.—1892, „Избранная Библіотека“ вмѣсто того же 1895 г. указанъ 1859: ошибка повторенная и въ указателѣ, приложенномъ въ концѣ V-й части, съ добавленіемъ еще одной ошибки въ ук з - ніи мѣста печати, вмѣсто Москва—Спбургъ.

3) Въ ссылкахъ же на другихъ авторовъ встрѣчаются ошибки въ именахъ и фамиліяхъ этихъ авторовъ: такъ мое имя упоминается четыре раза, изъ коихъ только одинъ разъ я названъ вѣрно.

А. М. Савеловъ.

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

11.

Стр.

„РУССКІЙ АРХИВЪ" БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1898 г.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1897.

ЛѢТОПИСЬ

церкви Живоначальной Троицы, что въ Страннопріимномъ домѣ граф Шереметева въ Москвѣ. Составилъ діаконъ этой церкви *А. Покровскій* Издано *М. І. Романовой.* Москва 1897. 8-ка, 143 и 14 стр. Прекрасн изданная книжка съ портретами графовъ Николая Петровича, Дмитрі Николаевича (въ молодости и въ старости), Сергія Дмитріевича графини Прасковьи Ивановны Шереметевыхъ, съ видомъ Страннопрі имнаго дома, главнаго иконостаса, со снимкомъ съ картины въ купол церкви и съ рисунками. Что касается до содержанія книги, она отли чается рѣдкимъ умѣньемъ составителя пользоваться немногими сохра нившимися историческими показаніями.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ПЕРВЫЕ ПЯТЬ ВѢКОВЪ РОДНОЙ СТАРИНЫ

(862—1362).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Н. М. Павловъ.

Москва 1896. 8-ка. VIII и 405 стр. Цѣна 1 рубль 50 коп., съ пересылкой 2 рубля.

Складъ изданія въ Москвѣ и Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА *).

Періодъ отъ весны 1842 до весны 1845 года.

Пріѣздъ моей жены изъ-за границы. — Малолѣтній Н. Г. Рубинштейнъ. — Импровизаторъ Джіустиніани. — Французскіе туристы въ Москвѣ. — Отъѣздъ жены на лѣто въ Знаменское, моя туда поѣздка и примиреніе съ тещею. — Осенняя моя поѣздка на всю зиму въ Петербургъ и зимній тамъ сезонъ.—Возвращеніе весною въ Москву и опасная болѣзнь ноги у жены.—Ѳ. И. Иноземцевъ.—Окончательный выѣздъ изъ Москвы военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына и поступленіе на его мѣсто князя А. Г. Щербатова.—Женитьба П. А Олсуфьева.—Иностранные артисты въ Москвѣ и тамошнее общество.—Моя поѣздка въ Порзни и на Нижегородскую ярмарку.—Первое знакомство съ графомъ Дмитр. Никол. Толстымъ. — Несчастные роды моей жены зимою. — Московская жизнь зимою съ 1813 на 1844 годъ.—Кончина въ Парижѣ князя Д. В. Голицына. — Женитьба барона П. А. Вревскаго.—Подрядъ ставить моихъ крестьянъ на строющееся Ярославское шоссе. — Мой переѣздъ осенью на Остоженку.—Поѣздка въ Знаменское и обратно въ Москву. — Моя поѣздка съ Радзиковскимъ въ Кострому и Порзни.

Зиму съ 1841 на 1842 годъ я провелъ въ Москвѣ. Дѣла мои по прежнему, то есть кое-какъ, держались, благодаря отчасти стараніямъ Леона и Радзиковскаго: оба они безпрестанно затыкали, такъ сказать, прорѣхи и умасливали, гдѣ слѣдуетъ, чтобы оттягивать всячески ходъ поданныхъ на меня взысканій. Въ концѣ концовъ эта агонія, продолжавшаяся до окончательнаго разгрома въ 1848 году, оказалась губительною для меня, не въ томъ смыслѣ, что мѣры были лишь паліативныя (да иначе и быть не могло), а потому что, лишись я всего сразу, въ началѣ 40-хъ годовъ, или лишись я тогда хоть призрака возможности удержать за собою мое имѣніе и не мечтай о сдѣлкѣ съ кредиторами: тогда, волею или неволею, я бросился бы въ настоящую, дѣйствительную службу и, при имѣвшейся у меня тогда поддержкѣ вліятельныхъ особъ, могъ бы получить гдѣ-нибудь мѣсто съ приличнымъ окладомъ, вмѣсто того, чтобы торчать сверхкомплектнымъ, безъ жалованья, чиновникомъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Мнѣ было тогда всего 34 года отъ роду, и карьеру я могъ бы себѣ составить и тогда уже жить жалованьемъ; а въ настоящее время, когда я пишу эти Записки, могъ бы, пожалуй, уже отдыхать на лаврахъ съ полнымъ заслуженнымъ пенсіономъ. Но, вмѣсто того, я съ обычною своею без-

*) См. выше, стр. 237.

печностью, добровольно и сознательно дремалъ на краю пропасти и очнулся, когда уже было поздно приниматься за дѣло.

Продолжалъ я жить припѣваючи, не въ аллегорическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ этого слова, съ исключеніемъ финансоваго его значенія. Вечера проводилъ я большею частію въ пѣніи съ Людв. Антон. Гизетти, Софіею Александровною Рябининой и съ недавно появившеюся на музыкальномъ аматёрскомъ горизонтѣ дѣвицею Хвицкою, дочерью коменданта гдѣ-то въ Сибири. Бѣдная состояніемъ и не особенно одаренная физическою привлекательностію, дѣвушка эта была (какъ я уже прежде отозвался о ней) феноменъ по голосу, какого я не слыхивалъ еще внѣ сцены по обширности (около трехъ, кажется, октавъ), серебристой до самыхъ крайнихъ высшихъ нотъ (чуть-ли не *mi* и *fa*) интонаціи и въ тоже время силы, безъ всякаго принужденія. Весьма было жаль, что, по аристократическимъ предразсудкамъ, она не рѣшалась (или родные не допускали ея) поступить на артистическое поприще, гдѣ, конечно, она могла бы составить себѣ и имя, и состояніе.

Наконецъ, въ Февралѣ или въ началѣ Марта, жена извѣстила меня, что она прибыла въ Россію и осталась на двѣ-три недѣли въ Кіевѣ. Въ Москву она пріѣхала, кажется, въ Апрѣлѣ, въ сопровожденіи нѣкоего офицера г. Астромова, Кіевскаго новаго ея знакомаго, которому также нужно было пріѣхать въ Москву.

Можно представить себѣ, какія волновали меня чувства, когда посланный изъ Шевалдышевской гостинницы прибѣжалъ сказать мнѣ, что она тамъ остановилась!... Было уже болѣе двухъ съ половиною лѣтъ, что я разстался съ нею и Анночкою, коей теперь минуло пять лѣтъ.

Записывая болѣе прочихъ крупныя событія, въ паралельно-хронологическомъ порядкѣ, отмѣтить я долженъ, что между 1841 и 1843 годами (но никакъ не позже), по случаю смерти графа Толя, главноуправлявшаго инженернымъ вѣдомствомъ и путями сообщенія, преемникомъ его назначенъ былъ знаменитый графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель. Новый начальникъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность рядомъ приказовъ, пересыпанныхъ колкими намеками. Преслѣдовать казнокрадство и взяточничество похвальное дѣло въ начальникѣ (а уже о томъ, что̀ дѣлалось по инженерному вѣдомству, и камни вопіяли); однакоже, карать надо разборчиво и не иначе, какъ если виновникъ накрытъ на дѣлѣ. Но не совсѣмъ такъ поступалъ

графъ П. А. Клейнмихель, если судить по одному изъ его приказовъ, который остался у меня въ памяти. Дѣло происходило въ самомъ Новгородѣ, и рѣчь шла о построенномъ недавно, съ великимъ тщаніемъ и вкусомъ, двухъэтажномъ каменномъ домѣ одного изъ инженерныхъ (или путей сообщенія) штабъ-офицеровъ Московско-Петербургскаго шоссе. Графъ Клейнмихель возвѣщалъ въ этомъ приказѣ, что онъ полюбопытствовалъ осмотрѣть этотъ домъ; тутъ же онъ хвалилъ тщательность и знаніе строителя, какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и въ орнаментальныхъ деталяхъ постройки, замѣтилъ даже мраморные подоконники. Послѣ изложенія всего этого, не въ очень даже ироническомъ видѣ, приказъ оканчивался тѣмъ, что, по мнѣнію его сіятельства, человѣку, столь много заботящемуся о семейныхъ и хозяйственныхъ своихъ удобствахъ, некогда заниматься дѣлами службы, и потому совѣтовалось ему просить объ увольненіи. Выраженій въ точности, быть можетъ, я не привелъ; но смыслъ ихъ былъ именно таковъ, и этотъ штабъ-офицеръ, заслуженно или незаслуженно, не знаю, но былъ осрамленъ по всему инженерному вѣдомству. По моему, еслибы онъ былъ уличенъ въ противозаконныхъ проступкахъ, то слѣдовало отдать его подъ судъ; если же явныхъ доказательствъ не было, то должно было молчать и терпѣть его на службѣ до поры до времени, пока не провинится вовсеочію. А подобныя распубликованія я считаю недостойными, наравнѣ съ извѣстными Ростопчинскими въ 1812-мъ году бюллетенями, въ родѣ того, что «у меня вчера болѣлъ одинъ глазъ, а нынѣ гляжу въ оба», коими убійца Верещагина думалъ разжигать патріотизмъ Москвичей, и безъ того достаточно уже возбужденный.

Не узналъ бы я моей голубоглазой пятилѣтней Анеттины, которую я оставилъ во Флоренціи осенью 1839 г. по третьему только году. Она болтала поитальянски, какъ настоящая Флорентинка, свободно объяснялась пофранцузски и паче всего, благодаря ея матери и нянюшкѣ Алёнѣ, хорошо говорила порусски. Память у нея была необыкновенная, да и вообще она была развита почти не по лѣтамъ. Жена моя разсказывала мнѣ, что при встрѣчѣ гдѣ-то, прошедшимъ (1841 г.) лѣтомъ въ Германіи, съ теткою моею графинею Маріею Артемьевною Воронцовой, тетка моя, пораженная преждевременнымъ развитіемъ нашей дѣвочки, совѣтовала матери ея притупить, на сколько было возможно, ея способности. «Elle a trop d'esprit pour son âge», говорила она, «tâchez, ma chère, de l'hébêter» *). Впослѣдствіи, она сдержала все то, что̀ обѣщала и, при скудныхъ деревенскихъ воспитательныхъ нашихъ средствахъ была, когда Всевышнему Промыслу благо-

*) Она слишкомъ умна для своего возраста; постарайся, милая, чтобъ она поглупѣла.

угодно было призвать ее, семнадцатилѣтнюю, къ Себѣ, начитанною и, дозволю себѣ сказать, образованною, какъ не всѣ дѣвушки, на воспитаніе коихъ потрачиваются десятками тысячъ рублей. «Блаженни, ихже избралъ и пріялъ еси, Господи!»

Тѣсненько было женѣ моей на моей холостой квартирѣ въ домѣ Попова; но мѣнять ее не стоило на какіе-нибудь три мѣсяца, такъ какъ на лѣто она должна была уѣзжать къ своей матери, въ Знаменское.

Говорилъ я объ Итальянцѣ, учителѣ пѣнія, Лорѣ, получившемъ мѣсто въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ. Этой весною пріѣхала въ Москву для концертовъ его сестра, оперная артистка г-жа Финкъ-Лоръ, у которой была дочь Элеонора, одниxъ почти лѣтъ съ нашею Анеттиною; ее часто отпускали къ намъ на цѣлый день и, слушая обѣихъ дѣвочекъ, ихъ можно было одинаково принять за Итальянокъ. Сказанный маэстро Лоръ написалъ партицію оркестрированной католической обѣдни (grande messe chantée), исполненную, подъ его дирижёрствомъ, во Французской церкви, что́ на Малой Лубянкѣ, въ первый день Пасхи и, по просьбѣ композитора, я участвовалъ, какъ пѣвецъ, въ этой обѣднѣ (отслушавъ, вѣроятно, нашу воскресную литургію ночью, вслѣдъ за утренею). Партію сопрано пѣла упомянутая сестра г. Лора, теноромъ былъ г. Стрѣльскій, недурной артистъ тогдашней Московской оперной труппы [1]), баритономъ былъ я, басомъ Михайло Аполлоновичъ Волковъ [2]), а хоровое пѣніе исполняли пѣвчіе Шереметевской больницы. Небезталантливая пѣвица была эта г-жа Финкъ-Лоръ, но съ непріятно-крикливымъ голосомъ. Музыкальная композиція этой мессы была недурна, но черезъ-чуръ долго длилась. Помню, между прочимъ, что пѣтое такимъ образомъ «Credo» (Сvмволъ вѣры), во время коего, по Латинскому церковному обряду, всѣ трое священнодѣйствующіе садятся на приготовленныхъ для сего трехъ стульяхъ, сбоку отъ престола, что это «Credo» шло очень долго, и сами почтенные Французскіе аббаты, сбитые съ толку, приняли было

---

[1]) Въ тогдашней дирекціи Московскихъ императорскихъ театровъ монополія перваго тенора все еще оставалась за Бантышевымъ и продолжалась чуть-ли не до начала 50-хъ годовъ. Я уже говорилъ, что артистъ этотъ былъ одаренъ отъ природы прекраснымъ голосомъ, которымъ онъ однакоже никогда не выучился управлять, а на сценѣ былъ настоящій истуканъ. Сказанный Стрѣльскій далеко не пошелъ, не знаю почему, и въ 50-хъ годахъ я уже болѣе о немъ не слыхалъ.

[2]) Михаилъ Аполлоновичъ Волковъ, уже немолодой человѣкъ въ 1842 году, долго находился секретаремъ при нашемъ Константинопольскомъ посольствѣ и свободно говорилъ по гречески. Тамъ, или въ Одессѣ, онъ познакомился и женился на Пероткѣ, дѣвицѣ Ураніи Юбшъ, меньшой изъ трехъ сестеръ того семейства, мать коихъ была урожденная Фонтонъ, а во второмъ бракѣ Фродингъ.

одну изъ музыкальныхъ паузъ за конецъ всего Символа вѣры и поднялись было съ своихъ мѣстъ, чтобы направиться къ престолу; но, увидѣвъ, что пауза эта была только переходомъ съ одного музыкальнаго мотива къ другому, снова усѣлись, каковой эпизодъ произвелъ немного забавный эфектъ въ публикѣ. Кстати о музыкѣ. Я уже говорилъ, что Леонъ передалъ нѣкоему изъ своихъ приближенныхъ, Израильскаго происхожденія, Григорію (а по отчеству я забылъ) Рубинштейну, карандашную фабрику, имъ заведенную на мое имя, во время лихорадочной его аферистской дѣятельности. Этотъ Рубинштейнъ, при всемъ томъ, что проводилъ свои вечера въ Нѣмецкомъ клубѣ за картами и за лото́, былъ человѣкъ разсчетливый, трудолюбивый, не входившій ни въ какія аферы и, вдобавокъ, былъ весьма презентабельной наружности, сверхъ того, хорошій семьянинъ, сумѣвшій дать приличное воспитаніе обоимъ своимъ сыновьямъ, нынѣ извѣстнымъ артистамъ. Старшему изъ нихъ Антону было тогда (въ 1842 г.) около 12 лѣтъ и, руководимый Московскимъ фортепіаннымъ учителемъ Вилуаномъ [1]), онъ достигъ уже въ столь юномъ возрастѣ до такого совершенства на этомъ инструментѣ, что восхищалъ весь Лондонъ, куда съ нимъ ѣздилъ его вышеупомянутый учитель, и получилъ подарокъ отъ королевы Викторіи [2]). Леонъ привозилъ къ намъ тогда младшаго изъ Рубинштейновъ, пятилѣтняго Николиньку, и хотя ручонками своими онъ не могъ захватывать цѣлую октаву, но уже изумлялъ насъ всѣхъ отчетливою своею игрою на фортепіано. Другаго учителя онъ въ то время не имѣлъ, кромѣ своей матери, хорошей, повидимому, музыкантши. Кромѣ этихъ двухъ сыновей у Григорія Рубинштейна была еще 6 или 7-ми лѣтняя дочь, о которой впослѣдствіи я ничего не слыхалъ; дѣвочка эта была прехорошенькая собою, съ Еврейскимъ, отчасти, типомъ, ее не портившимъ нисколько. Изъ нашихъ молодыхъ артистовъ-Москвичей весьма замѣчателенъ былъ блистательностію и вмѣстѣ съ тѣмъ экспрессіею своей игры фортепіанистъ г. Фракманъ. Что̀ стало изъ него позднѣе, не знаю; послѣ 1842 и 1843 года я ничего болѣе о немъ не слыхалъ.

Въ числѣ пріѣзжихъ тогда иностранныхъ артистовъ былъ Итальянскій поэтъ-импровизаторъ Джіустиніани, давшій нѣсколько сеансовъ, въ домѣ Соймоновыхъ, на Малой Дмитровкѣ. Извѣстно, что на одномъ только Итальянскомъ нарѣчіи можно импровизировать цѣлыя оды на данный какой-нибудь сюжетъ; не знаю, право, что̀ больше способ-

---

[1]) Этотъ Французъ Вилуанъ (Villoing) былъ братъ Московскаго старожила, торговца антикварными рѣдкостями.

[2]) Это происходило, если не въ 1842, то не позднѣе 1843 года.

ствуетъ этому необыкновенному дару, игривое-ли воображеніе сыновей Италіи, или богатство ихъ стихотворнаго языка, на которомъ бываетъ по нѣскольку словъ для выраженія одного предмета; но достовѣрно то, что ни шарлатанства, ни подготовки въ импровизаціи никакой нѣтъ, между тѣмъ какъ многія изъ этихъ одъ и сонетовъ не уступаютъ сочиненіямъ усидчиваго, досужаго труда. Джіустиніани, какъ вся его братія, не читалъ, а распѣвалъ свои стихи речитативною модуляціею, немного протяжною (единственный способъ дать время процессу мышленія) и подъ акомпаниментомъ фортепіано, монотонно повторяющаго все тѣже три или четыре акорда. Интонація голоса Джіустиніани была теноровою, и голосъ былъ довольно сильный, хотя не отличался пріятною звучностію; но въ числѣ публики нашлись профаны, принявшіе поэта-импровизатора (какъ онъ самъ мнѣ разсказалъ) за учителя пѣнія, и они дѣлали ему предложенія давать имъ уроки пѣнія. О Москвичи!

Что̀ бы ни говорили защитники цивилизаціи нашей бѣлокаменной, но въ ней проглядываетъ по сію пору какая-то дикость. Не далѣе какъ нынѣшнею весною (1872 г.) какой-то профессоръ бѣлой магіи, Эпштейнъ, давалъ въ Большомъ театрѣ представленіе со включеніемъ давняго фокуса обезглавленія живого человѣка, заявляя въ афишкѣ, что приглашаетъ господъ медиковъ и химиковъ пожаловать къ нему на сцену для освидѣтельствованія, что кровь, истекающая изъ отрубленной головы, неподдѣльная, и чуть ли не было такого же приглашенія удостовѣриться, что на столѣ лежалъ настоящій трупъ. Театръ былъ биткомъ набитъ, и едва началось обѣщанное обезглавленіе, какъ часть публики хлынула на сцену. Тщетно магикъ умолялъ дать ему свободу окончить свой фокусъ, обязуясь разъяснить, какъ онъ его совершаетъ: ничто не помогло. На главу его посыпалась брань, что онъ обираетъ и обманываетъ почтенную публику. Ей бѣдняжкѣ, видите, хотѣлось, чтобы магикъ взаправду потѣшилъ ее зрѣлищемъ гильотинированія. «Господа», старался онъ вразумить ее, «нельзя же въ самомъ дѣлѣ отрубить мнѣ голову у живого человѣка! Вѣдь за это ссылаютъ въ Сибирь на каторгу». Такъ и не удалось ему выполнить обѣщанную программу.

Едва уѣхала жена моя, въ началѣ лѣта, къ своей матери, какъ нагрянула въ Москву цѣлая партія молодыхъ Французскихъ туристовъ, все легитимистическаго оттѣнка, въ числѣ коихъ были наши Флорентинскіе знакомые, графъ Балліонъ, виконтъ де-Романъ, баронъ де-Гарри́ и г. Мезонъ; послѣдній только былъ не изъ числа нашихъ знакомыхъ.

Съ ними былъ также молодой маркизъ де-Талейранъ, тотъ самый, что̀ впослѣдствіи (въ 60-хъ годахъ) былъ Французскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Обозрѣвъ слегка всѣ Московскія достопамятности, они улетѣли, за исключеніемъ барона Гарри, пожелавшаго покороче ознакомиться съ Русскою общественною жизнію и съ нашими нравами. Съ нимъ я разъѣзжалъ по Московскимъ окрестностямъ. Мы ѣздили съ визитомъ къ плѣнительной Варварѣ Павловнѣ Солнцевой на дачу въ Петровскомъ паркѣ, и однажды я повезъ его къ Дивовымъ, въ знаменитую ихъ Зенинскую ферму; тамъ онъ очень понравился, какъ человѣкъ болѣе серьознаго направленія, чѣмъ обыкновенно его соотечественники. Не стоило бы почти упоминать, что я былъ чичероне барона Гарри по Московскимъ окрестностямъ, не будь даннаго мною заранѣе обѣщанія сдѣлать изъ сихъ Записокъ мою исповѣдь, и потому долженъ добавить, что однажды, отобѣдавши въ живописномъ Царицынѣ, съ провизіями и виномъ, привезенными нами изъ Москвы, я выпилъ черезъ мѣру и на возвратномъ пути въ городъ, проѣзжая, когда стемнѣло, мимо какой-то ярко освѣщенной церкви, гдѣ шла тогда всенощная (помню, что это было накануне праздника Спаса Преображенія), баронъ Гарри пожелалъ взойти въ церковь посмотрѣть на нашу службу, и я въ нетрезвомъ видѣ дерзнулъ послѣдовать за нимъ.

Тогда же навѣстилъ Москву знаменитый романистъ и легитимистъ виконтъ д'Арленкуръ [1]). Въ обѣихъ столицахъ его встрѣтилъ самый лестный пріемъ въ высшихъ кругахъ общества и, какъ кажется, онъ этимъ немного рисовался. Какъ любознательный туристъ, онъ не брезгалъ никакими мелочами изо всего видѣннаго и слышаннаго имъ и все записывалъ въ свой «calepin» [2]). Иные сочли это за афектацію, и онъ сдѣлался жертвою неимовѣрныхъ мистификацій со стороны подобнаго рода продѣлокъ. Забавлялись, напримѣръ, указывая ему любое дерево и сочиняя потомъ цѣлую легенду о какомъ нибудь историческомъ событіи, будто бы происшедшемъ подъ его тѣнью, и нашъ виконтъ, послѣ обычнаго вопроса «en êtes-vous bien sûr?» [3]), и получивши подтвердительный отвѣтъ, спѣшилъ записывать разсказъ въ своей памятной книжкѣ. Въ Петербургѣ съ нимъ случилось слѣдующее происшествіе. Желая быть представленнымъ ко двору, онъ въ тоже время, какъ ярый лигитимистъ, всячески старался избѣгнуть для этой церемоніи посредничества Шарля Перріе, тогдашняго представителя

---

[1]) Онъ предшествовалъ немного школѣ Виктора Гюго, Бальзака и проч. Первые романы, написанные имъ около 1825 года, были „l'Inconnue" и le Solitaire.

[2]) Карманная книжечка съ карандашемъ.

[3]) Увѣрены ли вы въ этомъ?

у насъ правительства Лудовика Филиппа, надѣясь достигнуть своей цѣли черезъ министра императорскаго двора, или какимъ либо инымъ путемъ. Государь на это не далъ согласія, и волею-неволею, Бурбонистъ долженъ былъ прибѣгнуть къ повѣренному по дѣламъ короля Орлеанской династіи; но, чтобы согласовать свои политическія убѣжденія съ горькою необходимостію, виконтъ придумалъ украсить свою трехуголку бѣлою кокардою, вмѣсто трехцвѣтной, каковое отступленіе онъ какъ-то скрылъ отъ сопровождавшаго его въ Петергофъ, гдѣ тогда находился дворъ, Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Виконту было извѣстно нерасположеніе Государя къ Лудовику-Филиппу, и онъ вообразилъ себѣ, что его штука придется какъ разъ по сердцу Николаю Павловичу, и вотъ, во время его представленія Государю, онъ ловко перевернулъ свою трехуголку такъ, чтобы бѣлая кокарда была вся на виду. Но вышло совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ. Едва Государь бросилъ свой орлиный взглядъ на эту эмблему падшей давно династіи, какъ вдругъ измѣнилъ тонъ своего разговора, и съ замѣтнымъ неудовольствіемъ отпустилъ виконта отъ себя, а послѣ аудіенціи дано было знать Французскому представителю о неодобреніи Государемъ подобнаго отступленія отъ принятаго этикета.

Въ Москвѣ я познакомился съ д'Арленкуромъ черезъ барона Гаррй, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что надѣется, что мои соотечественники останутся довольны его описаніемъ Россіи, имѣющемъ выйти въ печать. Слова эти были вѣроятно намекомъ на негодованіе, возбужденное книгою о Россіи маркиза де-Кюстина, недавно передъ тѣмъ вышедшею. Онъ не только сдержалъ свое слово, но даже пересолилъ. Такъ, напримѣръ, описывая свое посѣщеніе княгини Ольги Александровны Долгоруковой (рожденной Булгаковой) въ ея изящной (какъ говорили) виллѣ, неподалеку отъ Сергіева посада, онъ между прочимъ говоритъ въ своей книгѣ, что въ салонѣ княгини онъ видѣлъ «un bel officier, m-r de Novosiltzeff»*). Тамъ же, кажется, читается, что когда великій князь Михаилъ Павловичъ повезъ автора показать ему одинъ изъ Петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, то\съострилъ: Voici, mon cher vicomte, mes cadets; je vous réponds bien, qu'ils ne sont pas les *cadets* de mes soucis». (Каламбуръ этотъ неудобно перевести ни на какой языкъ).

---

*) „Красавца-офицера, г. Новосильцова". Его звали кажется, Василіемъ Николаевичемъ (сынъ Николая Петровича); онъ служилъ тогда въ лейбъ-гусарскомъ полку, а проживалъ въ Москвѣ, какъ ремонтёръ, велъ довольно большую игру въ карты и сорилъ деньгами, что̀ было загадкою для общества, такъ какъ извѣстно было, что онъ не имѣлъ никакого почти состоянія.

Во время пребыванія въ Москвѣ Французскихъ моихъ друзей получено было извѣстіе о внезапной смерти герцога Орлеанскаго (наслѣднаго принца Франціи), вслѣдствіе паденія изъ экипажа, и баронъ Гаррй говорилъ мнѣ тогда, что это несчастіе поведетъ къ большимъ политическимъ затрудненіямъ по смерти старика короля Лудовика-Филиппа, такъ какъ умершій герцогъ пріобрѣлъ всеобщую любовь.

Въ этомъ же, или въ слѣдующемъ 1843 году, посѣтилъ Россію и другой Французскій писатель, Мармье, но съ нимъ я не повстрѣчался. И ему благоугодно также было, по примѣру другихъ, издать свое путешествіе, сочиненіе, на сколько помнится мнѣ, безцвѣтное и скучное.

Лѣтомъ состоялась женитьба коротко знакомаго мнѣ, Николая Ивановича Ершова съ нѣкоею Михалковою. Такъ какъ, по случаю лѣтняго сезона, все почти общество было на дачѣ или у себя въ деревнѣ, женихъ не могъ найти никого изъ молодежи, ему знакомой, чтобы быть у него шаферомъ, и по его просьбѣ, мнѣ, давно женатому человѣку, пришлось, да и еще въ первый разъ въ жизни, держать вѣнецъ надъ головою жениха, а на слѣдующій день провозглашать за свадебнымъ столомъ, по написанному на бумагѣ реестру, нескончаемую вереницу тостовъ, когда подавалось Шампанское за здравіе молодыхъ, всѣхъ присутствующихъ и неприсутствующихъ родныхъ обѣихъ сторонъ, и все это я исполнилъ весьма неуклюже и сбивчиво, хотя новобрачный то и дѣло поощрительно кричалъ, обращаясь головою ко мнѣ: «валяй!» *).

Вскорѣ за тѣмъ я поѣхалъ къ женѣ въ Знаменское; тамъ я окончательно примирился съ тещею, и съ тѣхъ поръ по день ея смерти, никакой болѣе между нами размолвки не было.

Осенью, Леонъ упросилъ меня съѣздить въ Петербургъ, похлопотать черезъ знакомыхъ мнѣ вліятельныхъ лицъ о сложеніи страшнаго начета по несчастному подряду на продовольствіе Московскаго военнаго госпиталя, въ голодные 1839 и 1840 годы, каковое дѣло все еще тянулось, запутывая бѣдныхъ владѣтелей домовъ, находившихся въ залогѣ по этому разорительному предпріятію. Зная заранѣе, что въ Петербургѣ придется оставаться на неопредѣленное время, я опять поѣхалъ на нѣсколько дней къ своимъ въ Знаменское и, на возврат-

---

*) У Н. И. Ершова не было никакого своего состоянія; за женою онъ взялъ порядочное имѣніе подъ самымъ Рыбинскомъ, гдѣ и поселился.

номъ пути съ 9 часовъ вечера и до 5 часовъ утра по причинѣ глубокой грязи, такъ какъ не все шоссе отъ Москвы до Серпухова было еще кончено. Когда впослѣдствіи оно было открыто, то мы, жители Тарусской и Серпуховской мѣстностей, обрадовались этому не менѣе, чѣмъ когда, въ концѣ 60-ыхъ годовъ, открылась желѣзная дорога изъ Серпухова въ Москву. Разсказывали, что осенью описываемаго времени (1842 г.) какая-то помѣщица, проѣзжая въ грузной своей четырехмѣстной каретѣ по этой дорогѣ, завязла между Верхними Котлами и Бицами, и ее вытаскивали оттуда сосѣдніе крестьяне рычагами, условившись заранѣе получить 100 рублей асс.. Отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе и увидѣвъ, что крестьяне, вмѣсто того, чтобы возвращаться домой, шли за ея каретою, она спросила, чего они еще хотятъ. «А вотъ, матушка», сказали они, «тамъ недалече впереди ты опять увязнешь; ну да тамъ мы съ тебя возмемъ только пятьдесятъ рубликовъ.»

Этой же осенью происходило освященіе теплаго придѣла, устроеннаго двоюроднымъ моимъ братомъ, Петромъ Адріановичемъ Дивовымъ въ его церкви въ прекрасномъ Соколовѣ. Пріѣхали туда братъ его Николай Адріяновичъ съ женою, я и нѣкоторые изъ интимныхъ друзей набожнаго виновника этого празднества. За освященіемъ послѣдовалъ роскошный обѣдъ. Помнится мнѣ, что, описывая первое мое посѣщеніе П. А. Дивова въ Соколовѣ, я не коснулся фамильныхъ преданій его подмосковной, и потому дополняю этотъ пробѣлъ. Въ старомъ Соколовскомъ домѣ хранится по сію пору стулъ, на которомъ сиживала княгиня Екатерина Романовна Дашкова, когда она посѣщала родную свою племянницу, тетку мою Елисавету Петровну Дивову. Въ Соколовѣ же находятся единственные, на сколько извѣстно мнѣ, портреты фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина и сына его графа Петра Александровича.

Въ числѣ сохранившихся у Зинаиды Сергѣевны Дивовой фамильныхъ рукописей я прочелъ куплеты, писанные Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ для интермедіи (pièce d'occasion), разыгранной на домашнемъ спектаклѣ въ Соколовѣ между 1807 и 1810 годами. Въ ней превозносился, какъ слѣдовало ожидать, добрый мѣстный баринъ, и въ его честь куплеты были спѣты горничной моей тетки Дивовой, Наташею, и лицемъ, представлявшимъ старосту. Эту самую Наташу я видалъ проживавшую въ томъ же Соколовѣ въ 1869 году, уже превратившуюся въ дряхлую и ворчливую старушонку и въ «ваше высокоблагородіе»: она стала вдовою какого-то чиновника, дослужившагося до колежскаго ассесора или до надворнаго совѣтника, и поэтому величала себя полковницею. Французскіе эмигранты-роя-

листы, и безъ того принятые съ распростертыми объятіями въ началѣ текущаго столѣтія знатью обѣихъ столицъ, чувствовали себя въ Соколовѣ какъ въ родной имъ стихіи, по причинѣ Парижскихъ привычекъ его хозяевъ, и признательные нахлѣбники передали потомству о счастливыхъ часахъ и дняхъ, проведенныхъ въ этомъ эльдорадѣ, въ виршахъ, которыми можно любоваться и по сіе время въ альбомахъ, сохранившихся въ семействѣ Дивовыхъ. Воображаю себѣ, сколько charmants en vérité и délicieux à l'impossible привѣтствовали счастливыхъ піитовъ! Но вотъ сцена и времена измѣнились, и въ Отечественную войну, когда войска наши, предоставивъ первопрестольный градъ горькой его судьбѣ, потянулись по Коломенской дорогѣ, Николай Адріяновичъ, уже офицеромъ въ гвардейской пѣшей артиллеріи, отпросился на пару дней въ свое Соколово, гдѣ, собравши крестьянъ, онъ одушевлялъ ихъ вооружиться чѣмъ попало и нападать при возможности на непрошенныхъ гостей и басурмановъ. Они послушались, кажется, молодаго своего барина и кромѣ сего такъ обрадовались его посѣщенію, что притащили въ его роту (по теперешнему батарею) всякаго рода живности. Повторяю прежнее мое замѣчаніе, что три четверти вѣка назадъ между истинными барами и крѣпостнымъ ихъ людомъ существовали патріархальныя и какъ бы кровныя отношенія. Въ понятіяхъ мужиковъ образъ ихъ господина сливался съ должнымъ повиновеніемъ Божьему закону, и чувство это могло быть послѣдовательнымъ отголоскомъ, хотя и слабымъ, прежней народной долготерпимости во время мукъ и бѣдствій отъ руки грознаго царя-мучителя, на жизнь котораго никто изъ его подданныхъ ни разу не покусился. Явленіе это иностранными историками и иными изъ нашихъ соотечественниковъ, ошибочно приписывается къ рабской трусости или инерціи. Такъ однакоже оно было, и только этою нравственною неиспорченностію объясняется рѣдкость крестьянскихъ возстаній противъ помѣщичьяго гнета. Но о семъ довлѣетъ.

Итакъ, позднею осенью 1842 года, я готовился ѣхать въ Питеръ. Все было уже уложено, чемоданы вынесены въ тарантасъ, и почтовыя лошади давно уже стояли на дворѣ; а у меня все еще шло по старой (или точнѣе по возобновившейся) привычкѣ прощаніе съ провожавшими меня друзьями, при пробочной пальбѣ Шампанской батареи. Вдругъ вбѣгаетъ мой камердинеръ Василій Ваваевъ (изъ бывшихъ альтовъ пѣвческаго моего хора) съ извѣстіемъ, что самый большой чемоданъ, гдѣ находилось все мое бѣлье и часть платья, украденъ изъ тарантаса. Дѣло было ночное и, при отсутствіи надзора, можно было подозрѣвать въ кражѣ кого нибудь изъ мастеровыхъ и рабочаго люда

жившаго на нашемъ дворѣ. Пришлось поневолѣ отложить поѣздку и экипироваться заново почти что съ ногъ до головы: вещь затруднительная, такъ какъ я перебивался съ копѣйки на копѣйку (какъ обыкновенно) и кое-какъ сколотилъ, съ помощію Леона, нѣсколько сотъ рублей на первыя мои Петербургскія издержки. Обстоятельство это покажется, быть можетъ, довольно страннымъ послѣ того что̀ я сказалъ, что на моихъ проводахъ Шампанское лилось рѣкою; но оно бралось *а бонъ кредитъ* у моего пріятеля Пиколи; а у модныхъ тогдашнихъ портныхъ, Лижеро̀ (преемникъ Сатіаса), Шеллинга, Тепфера, Занфтлебена и проч. артистовъ портняжнаго дѣла кредита у меня не было. Остальная часть ночи до бѣлаго дня прошла въ явкѣ въ частный домъ, куда я самъ ходилъ съ Ф. Ф. Путо̀, о пропавшемъ имуществѣ; но всѣ розыски, какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ, ни къ чему не привели. Спустя нѣсколько дней, я отправился однако въ Петербургъ съ сказаннымъ моимъ камердинеромъ въ маль-постѣ и поселился на зиму въ весьма элегантномъ, маленькомъ апартаментѣ, въ меблированныхъ комнатахъ артистки Французской труппы г-жи Коррежъ, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка, въ домѣ тогда Жако̀, надъ самымъ рестораномъ Леграна (впослѣдствіи Дюссо̀). Случилось на мое счастіе, что почти одновременно З. С. Дивова также переѣхала на всю зиму въ Петербургъ и заняла нижній этажъ дома Потапова (впослѣдствіи Вонлярлярскаго), также на Большой Морской, но въ ея продолженіи за Исакіевскимъ соборомъ, съ правой стороны. Кузина моя была тогда въ большихъ фондахъ и, склонная по натурѣ къ расточительности, жила хотя не открыто, но пышно, то, что̀ по французски весьма мѣтко выражается «un ordinaire très coûteux». Конечно, въ числѣ ея расходовъ непослѣднюю роль играли туалетныя издержки, а изъ главныхъ были столъ съ экстренными гастрономическими аксесуарами изъ магазиновъ Елисеева и Смурова. Я ежедневно обѣдалъ у нея, что̀ уже составляло порядочную для меня экономію. Но сверхъ сего она пристрастилась къ недавно вошедшему въ моду преферансу, и каждый вечеръ акуратно я участвовалъ въ ея партіи до̀ма или въ гостяхъ у Маріи Павловны Сумароковой [1]), принимавшей разъ въ недѣлю, или у княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, или у дочерей послѣдней, Варвары Павловны Чичериной [2]),

---

[1]) Марія Павловна Сумарокова жила на Большой Милліонной, въ домѣ Аренда, каковую квартиру она по сю пору (1872 г.) занимаетъ. Ей теперь не менѣе 90 лѣтъ, но глаза на столько еще ей служатъ, что прошлой зимой она связала шерстяное одѣяло для Н. А. Дивова, при чемъ написала ему, что это уже послѣдняя ея работа.

[2]) Павелъ Александровичъ Чичеринъ былъ ротмистромъ въ конногвардейскомъ полку.

или у княгини Маріи Семеновны Черкасской [1]). Зинаида Сергѣевна весьма плохо тогда играла и каждодневно проигрывала, но ей это было все равно: она любила процессъ игры и ничего болѣе. Правда, что мы играли не по большой, по 3 коп. пуэнъ (кушъ незначительный по счету стараго преферанса и вдвое меньше противъ усиленнаго счета нынѣшней табельки); а такъ какъ я всегда игралъ осторожно и не рискуя, то въ общемъ мѣсячномъ итогѣ пользовался крохами, падавшими отъ этой картежной трапезы, чтò составляло мнѣ въ иной мѣсяцъ до 10 и болѣе рублей сер. Это уже было подспорьемъ для меня; но кромѣ того щедроручная моя кузина дарила меня нерѣдко разными недешевыми принадлежностями мужскаго туалета, и всю эту зиму я былъ одѣтъ, какъ Парижская модная картинка.

Касательно же вышепомянутой, прелестной и умершей во цвѣтѣ лѣтъ, Варвары Павловны Шереметевой, вотъ что случилось съ нею въ концѣ зимы. Мужъ ея, Василій Сергѣевичъ, былъ адъютантомъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ; она была вхожею и любимицей у всѣхъ лицъ царской семьи, и ее вмѣстѣ съ мужемъ приглашали на маленькіе интимные вечера, на которыхъ не всегда бывали лица обоего пола первыхъ 4-хъ классовъ. Однажды, на масляницѣ, когда Варвара Павловна готовилась ѣхать во дворецъ на утренніе блины, къ ней подкинули младенца женскаго пола, въ корзинкѣ, при запискѣ, что онъ не былъ еще крещенъ. Дѣтей у нея никогда не было, и привязчивое ея сердце обрадовалось неожиданному случаю, обязывающему ее взять ребенка на воспитаніе. Но какъ въ эту минуту надо было ей одѣваться, чтобы ѣхать во дворецъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она не хотѣла откладывать крещеніе новаго ея пріемыша, то попросила находившагося тутъ своего отца, князя Павла Алексѣевича Голицына, немедленно послать за священникомъ и самому быть воспріемникомъ отъ купели младенца, чтò достойный князь Голицынъ съ готовностію исполнилъ. Между тѣмъ, едва пріѣхали они во дворецъ, какъ вѣсть о случившемся у нея въ домѣ уже разнеслась (а быть можетъ, что она сама разсказала о томъ первымъ попавшимся ей тамъ знакомымъ), и первыя слова N. N., когда онъ подошелъ къ ней, были: «Je vous remercie, Варвара Павловна, de ce que vous avez recueilli ma progéniture [2]). Шутка эта относилась къ городскимъ вздорнымъ слухамъ, которые приписывали N. N. цѣлый рой незаконнорожденныхъ дѣтей.

---

[1]) Мужъ ея, князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, дальній мой родственникъ, служилъ тогда въ Коммиссіи прошеній.

[2]) Благодарю васъ, Варвара Павловна, что вы приняли одного изъ моихъ дѣтей. Дѣвочка эта названа была Варварою Павловной, именами супруговъ Шереметевыхъ,

После новаго 1843 года, меньшая дочь княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, княжна Марія Павловна, была помолвлена за Владимира Яковлевича Скарятина, бывшаго уже на хорошей по службѣ дорогѣ и страстнаго истребителя медвѣдей, за каковую охоту онъ поплатился, года два тому назадъ, жизнію.

Однимъ изъ частыхъ партнеровъ Зинаиды Сергѣевны былъ Сигизмундъ Венедиктовичъ Мерхелевичъ, тогда еще полковникъ гвардейской артиллеріи. Съ нимъ мы познакомились у М. П. Сумароковой, на вечерахъ у коей бывали артиллерійскіе штабъ и оберъ-офицеры, въ томъ числѣ полковники Баранцевъ и Лутковскій (мужъ прехорошенькой особы), вѣроятно, потому что братъ ея, Сергѣй Павловичъ, командовалъ тогда всею гвардейскою артиллерію [1]). Пріѣзжалъ иногда въ Петербургъ поселившійся въ Москвѣ одинъ изъ интимнаго кружка Зинаиды Сергѣевны молодой виконтъ Жюльвекуръ, женатый на вдовѣ Лидіи Кожиной, урожденной Всеволожской. Онъ принадлежалъ къ числу Французскихъ литераторовъ новой школы, но избралъ своею спеціальностію сюжеты и типы изъ Русской жизни и Русскаго высшаго общества. Какъ салонный человѣкъ, графъ Жюльвекуръ былъ весьма любезенъ, но какъ беллетристъ, хотя и не совсѣмъ бездарный, не могъ соперничать съ тузами, подобными Бальзаку, Еженю-Сю, Сулье, Дюма, Жюлю Сандò и проч. [2]). Впрочемъ, говорю по наслышкѣ; самъ же я не полюбопытствовалъ читать его повѣсти.

Хлопоталъ я, гдѣ слѣдовало, о сложеніи денежнаго взысканія по подряду на продовольствіе Московскаго госпиталя, и хотя имѣлъ поддержку въ Павлѣ Александровичѣ Вревскомъ (пребывшемъ до конца жизни неизмѣннымъ моимъ другомъ), но въ первыхъ мѣсяцахъ 1843 года получилъ отказъ. Обстоятельство это пока не угрожало еще моему имѣнію, такъ какъ отвѣтственность падала первоначально на домà, представленные въ залогъ, а за мои Порзни взялись бы только тогда, когда цѣнность залога оказалась бы недостаточною.

удочерившихъ и обезпечившихъ ее хорошимъ состояніемъ. Такъ какъ въ семейномъ кругу Шереметевыхъ и Голицыныхъ ее звали „*baby*“ (Англійское слово, обозначающее груднаго ребенка), то это прозваніе и осталось за нею и понынѣ, хотя ей уже теперь подъ 30 лѣтъ.

[1]) Сергѣй Павловичъ Сумароковъ (позднѣе графъ) не получалъ еще тогда огромнаго наслѣдства отъ роднаго или двоюроднаго брата его жены Мурузи, поселившагося и умершаго въ Венеціи. Сергѣй Павловичъ жилъ въ наемномъ домѣ въ Бассейной улицѣ.

[2]) Онъ умеръ отъ аневризма въ Москвѣ, въ концѣ 40-хъ годовъ, оставивъ одну малолѣтнюю дочь, умершую въ 1854 году. Графиня Жюльвекуръ, умная весьма и пріятная женщина, еще жива.

Бывалъ я у старыхъ своихъ знакомыхъ Шатиловыхъ, но рѣже чѣмъ въ 1840 году; да и вообще я мало пускался въ эту зиму въ большой Петербургскій свѣтъ и кое-когда бывалъ только у князя Петра Дмитріевича Черкасскаго и Авраама Сергѣевича Норова.

Ежедневно являлся къ обѣду Зинаиды Сергѣевны Левъ Андреевичъ Лебрюнъ (Lebrun), почтенный старецъ неопредѣленной національности [1]). Суворовскій старый ординарецъ, нынѣ въ темнорусомъ парикѣ съ хохломъ, въ баснословно-высокомъ галстукѣ, въ которомъ утопалъ его подбородникъ и всегда гладко выбритый, онъ отказывался рѣшительно старѣть и заявилъ намъ однажды, что чувствуетъ въ себѣ силу быть настоящимъ мужемъ любой женщины. Онъ тогда только открылся Зинаидѣ Сергѣевнѣ, что былъ влюбленъ въ нее съ 1826 года, когда она выходила замужъ [2]).

Къ концу зимы прибыли въ Петербургъ покончившіе въ остальной Европѣ артистическую свою карьеру, почти безголосые, Рубини и Тамбурини; тѣмъ не менѣе производили они восторгъ въ концертахъ, ими данныхъ въ залѣ Дворянскаго Клуба. На одномъ концертѣ или балѣ въ Дворянскомъ Клубѣ, когда я стоялъ прислонившись къ колоннѣ, мимо меня прошла вся царская семья. Нѣсть льсти на языцѣ моемъ (да и съ какой стати льстить по прошествіи 30 лѣтъ?), но по истинѣ скажу, что мнилось, какіе-то идеальные типы, доступные только художнику, пронеслись передъ моими глазами. За величавыми фигурами вѣнценосной четы (покойная императрица, при всей своей худобѣ, была граціознѣйшею женщиною, а о Государѣ и говорить нечего, хотя выдававшійся впередъ животъ уже портилъ немного его статность), мелькнули, въ разстояніи какого-нибудь аршина отъ меня, всѣ три царскія дочери, изъ коихъ Ольга и Александра Николаевны казались созданіями не отъ міра сего, особливо вторая. Это былъ единственный разъ, что̀ я видѣлъ вблизи ея ѳѳирную фигуру, ея ангельскій ликъ съ дѣтскимъ почти еще отпечаткомъ; но призракъ этотъ и понынѣ рисуется въ моей памяти. Что̀ до великой княжны Ольги Николаевны, то бюстъ ея могъ присниться одному лишь ваятелю древнегреческаго искусства. Нѣкто Валентини, талантливый Итальянскій акварельный портретистъ, мой тогдашній сосѣдъ въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Коррежъ, особенно восхищался поставомъ ея шеи (l'attacco del collo),

---

[1]) Таковымъ я его зову, потому что отецъ его былъ Французъ, а мать Итальянка. Самъ же онъ родился въ Римѣ, воспитывался въ Германіи, въ Мюнхенскомъ военномъ училищѣ, послѣ чего поступилъ на службу сначала въ Варшаву, а потомъ въ Петербургъ.

[2]) Г. Лебрюнъ прожилъ еще до 1853 года, продолжая служить помощникомъ г. Лабенскаго, директора въ первомъ отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа.

какъ она примыкала къ плечамъ. Великая княгиня Марія Николаевна, хотя не безусловная красавица, не портила однакоже ничѣмъ состава этой прелестной тройственности. Оттѣнялась великая княгиня цесаревна (нынѣшняя Императрица), къ которой природа не была черезъчуръ щедра; да къ тому же на лицѣ ея виднѣлись пятна.

Не говорилъ я, что осенью 1842 года поставлена была впервыя опера «Русланъ и Людмила» съ Семеновой [1]), съ теноромъ Леоновымъ (незаконнорожденнымъ сыномъ знаменитаго фортепіаниста Фильда), съ контральтомъ, извѣстною уже Петровою, съ баритономъ Артемовскимъ (недурнымъ пѣвцомъ, набравшимся немного методы пѣнія въ Италіи) и съ басомъ, старикомъ Този, у котораго дребезжалъ голосъ, и вдобавокъ онъ коверкалъ Русскія слова. Помнится мнѣ, что авторитетъ Петербургскаго музыкальнаго дѣла графъ М. Ю. Віельгорскій, заявилъ объ этой оперѣ, что «c'est une musique savante» [2]), и эта его фраза самодовольно повторялась всѣми, ни бельмесу не понимавшими въ музыкѣ. Впрочемъ, оперу эту я предпочитаю «Жизни за Царя»: она не столь томительна и длинна, и въ ней встрѣчаются отблески мелодіи, соединенной съ силой, какъ наприм. квинтетъ или сикстетъ «Не сердись, славный гость» и контральтовая арія Ратмира, превосходно (это можно смѣло сказать) исполненная г-жею Петровою.

Въ области хореографіи производила тогда фуроръ Шлейфохтъ. Я ее видѣлъ въ балетѣ «Жизель». Премиленькая собою, она дѣйствительно хорошо танцовала, но куда была далека отъ нашей Москвички Лебедевой, на которую я смотрѣлъ въ 1865 году съ восхищеніемъ. Эта Шлейфохтъ была однакоже несравненно выше Андріяновой, столь превозносимой Петербургскою публикою немного позднѣе.

Въ Александринскомъ театрѣ нельзя было добиться мѣста на длиннѣйшую драму «Ломоносовъ», включавшую въ себѣ всю жизнь стихотворца, и потому-то спектакль шелъ чуть-ли не шесть битыхъ часовъ. Въ ней Каратыгинъ былъ хорошъ въ студенческомъ и академическомъ періодѣ жизни Ломоносова, но, насколько помнится мнѣ, отвратителенъ въ лицѣ Холмогорскаго молодаго рыбака. Разсказывали тогда, что въ піесѣ было мѣсто, гдѣ Ломоносовъ восклицаетъ съ негодованіемъ: «чѣмъ

---

[1]) Эта молодая и симпатичная пѣвица (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ двумя прежними знаменитыми Семеновыми) вышла вскорѣ послѣ сего замужъ за безрукаго и безъ всякаго состоянія Наумова, молодаго человѣка изъ моихъ Московскихъ знакомыхъ, и содержала мужа своимъ артистическимъ трудомъ. Но о ней въ концѣ 40-хъ годовъ всѣ слухи замолкли.

[2]) Это ученая музыка.

же я хуже Сумарокова?» (извѣстно, что оба эти стихоторца ненавидѣли другъ друга), и что Государь будто бы повелѣлъ выкинуть эту фразу, какъ обидную для его генералъ-адъютанта С. П. Сумарокова.

Въ Февралѣ или Мартѣ пріѣхалъ совершенно неожиданно въ Петербургъ Н. А. Дивовъ. Лучше бы онъ сдѣлалъ, еслибы не пріѣзжалъ, потому что здѣсь ожидало его непріятное фіаско. Вотъ въ чемъ дѣло. Однажды въ разговорѣ его съ графомъ П. А. Клейнмихелемъ, тотъ упрекнулъ его въ томъ, что, при его способностяхъ и нестарыхъ еще лѣтахъ (ему было тогда 50 лѣтъ), онъ не служитъ, и какъ будто бы уговаривалъ его болѣе авторитетнымъ образомъ, чѣмъ бы могъ равный съ равнымъ человѣкомъ, поступить опять на службу. Такъ какъ графъ Петръ Андреевичъ былъ тогда въ апогеѣ своей силы [1]), то родственникъ мой вообразилъ себѣ, не знаю почему, что это приглашеніе было почти равносильно высочайшему желанію, вслѣдствіе чего отвѣчалъ временщику, что онъ готовъ поступить снова на службу, лишь бы онъ находился подъ личнымъ, непосредственнымъ начальствомъ его сіятельства. На это предложеніе всемогущій графъ благосклонно отвѣчалъ, что онъ доложитъ объ этомъ Государю, и полагаетъ, что никакихъ затрудненій въ дѣлѣ этомъ не можетъ быть; а такъ какъ Николай Адріяновичъ объяснилъ графу, что нужно бы ему первоначально поустроить кое-какія хозяйственныя свои дѣла, то графъ сказалъ, что ничто не мѣшаетъ ему съѣздить въ Москву недѣли на двѣ, а что въ этотъ промежутокъ онъ надѣется уладить все дѣло. Дивовъ не замѣшкался въ Москвѣ; но̀ еще до отъѣзда туда онъ являлся къ великому князю Михаилу Павловичу (къ коему всегда имѣлъ свободный доступъ и въ каждый пріѣздъ въ Петербургъ у него обѣдалъ) доложить ему о сей новой перемѣнѣ въ его судьбѣ. Великій князь, искренно и до конца любившій своего прежняго шталмейстера, обрадовался этому извѣстію и милостиво вызвался написать особенное, рекомендательное о немъ письмо къ графу Клейнмихелю, въ коемъ было выражено, что всякое вниманіе, оказанное графомъ Николаю Андріяновичу, великій князь сочтетъ какъ знакъ вниманія, лично ему оказаннаго. Что̀ могло быть лучше подобной обстановки? Но, какъ гласитъ Французская пословица, случается, что «qui compte sans son hôte, compte deux fois» [2]). Возвратясь въ Петербургъ, Дивовъ не-

[1]) Приписывали тогда покойному Государю слова, что еслибы, паче чаянія, всѣхъ его министровъ не стало, то у него есть одинъ человѣкъ, который единоличностію своею могъ бы замѣнить ихъ всѣхъ.

[2]) Кто разсчитывается безъ хозяина, тому приходится учинить разсчетъ два раза.

медленно отправился къ графу Клейнмихелю, который принялъ его хотя по прежнему ласково, но съ нѣкоторымъ на лицѣ замѣшательствомъ, и принужденъ былъ высказаться, что онъ встрѣтилъ неожиданное совершенно нерасположеніе со стороны Государя. «Впрочемъ», добавилъ графъ, «надѣюсь еще уладить это дѣло». Вотъ что, по разсказу самаго Николая Адріяновича, случилось во время его отлучки въ Москву. Когда графъ Петръ Андреевичъ доложилъ Государю о желаніи Дивова поступить опять на службу подъ его вѣдомство, Государь будто бы сказалъ наотрѣзъ: «Кто, Дивовъ? Никогда. Я не забылъ его обращенія (или что-то въ этомъ родѣ) съ братомъ моимъ Михайломъ». На это графъ Клейнмихель дозволилъ себѣ замѣтить, что о поступленіи его на службу ходатайствуетъ самъ великій князь, и съ этою цѣлію удостоилъ его (графа) собственноручнымъ письмомъ, которое онъ представилъ Государю. «Ну, да», сказалъ Государь, «это похоже на брата; но я все-таки повторяю тебѣ, что пока я живъ, Дивовъ служить не будетъ». Понятно, что послѣ этого, Николай Адріяновичъ не сталъ болѣе утруждать случайнаго своего патрона, и съ того часа началъ честить императора Николая и живаго, и умершаго, наилучшимъ образомъ.

Слыхалъ я отъ постороннихъ людей, что, въ бытность Николая Адріяновича шталмейстеромъ при дворѣ великаго князя Михаила Павловича, онъ, сочтя себя обиженнымъ тѣмъ, что кто-то изъ его сослуживцевъ, моложе его, получилъ Анну 1-й степени, которой Дивовъ еще не имѣлъ, сгоряча написалъ будто бы рѣзкое довольно по сему поводу письмо къ великому князю, который, по добротѣ своей, не придалъ никакого значенія выраженіямъ, находившимся въ этомъ письмѣ, и даже лично просилъ царственнаго своего брата (вещь ему непривычная) объ удовлетвореніи просьбы Дивова. Но объ этомъ письмѣ Дивова какъ-то извѣстился Государь, но не отъ великаго князя, вслѣдствіе чего появился высочайшій приказъ, по которому Николай Адріяновичъ награждался орденомъ св. Анны 1-й степени, и по его прошенію увольнялся отъ службы. «Inde ira». Объ этой исторіи мнѣ, конечно, неловко было разспрашивать самого Николая Адріяновича; но жена его сказывала мнѣ, что хотя ей не помнится содержаніе этого письма, но что оно было дѣйствительно написано, и даже подъ диктантъ князя А. С. Меншикова, въ которомъ почтеннѣйшій братецъ мой тогда души не чаялъ. Не допускаю, чтобы князь Меншиковъ желалъ повредить Дивову; но онъ никогда не былъ прочь, какъ извѣстно, кольнуть поязвительнѣе кого-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ; онъ же придумалъ прозвище «мудренаго» вмѣсто «мудраго», для покойнаго Государя. Зинаида Сергѣева добавляла, что, не взирая на свою тогда

молодость (ей было всего 17 лѣтъ), она умоляла мужа не отсылать этого жгучаго письма. Съ Николаемъ Адріяновичемъ былъ еще слѣдующій случай, имъ самимъ переданный мнѣ. Когда онъ просилъ Государя о разрѣшеніи сопутствовать въ 1836 г. графу Сергѣю Петровичу Румянцову за границу (въ то время, безъ высочайшаго дозволенія, Русскимъ нельзя было выѣзжать изъ Россіи), то Государь приказалъ тогдашнему Петербургскому военному генералъ-губернатору графу Эссену объявить просителю, что Государь соизволяетъ на его отъѣздъ за границу съ тѣмъ однако, *чтобы Дивовъ не обыгрывалъ графа Румянцова*. Хотя престарѣлый сынъ Задунайскаго героя дѣйствительно проигрывалъ въ Москвѣ порядочные куши людямъ амфибическаго иногда оттѣнка, афронтъ этотъ ничѣмъ не былъ заслуженъ со стороны Николая Адріяновича, и добродушному графу Эссену весьма было конфузно исполнить подобный, непріятный наказъ, но миновать этой чаши онъ не могъ. Пораженный его словами Дивовъ пошатнулся и упалъ на стулъ, къ немалому испугу исполнителя царскаго повелѣнія. Повторяю: «inde ira» Дивова противъ покойнаго Императора.

Въ началѣ Апрѣля, на Страстной недѣлѣ, я возвратился въ Москву съ Николаемъ Адріяновичемъ, въ его двумѣстномъ дормёзѣ. Проѣзжая по Большой Морской, мы слышали за собою, какъ трубилъ кондукторъ маль-поста, который трогался изъ почтамта. Это насъ подстрекнуло, и мы рѣшились во что бы ни стало, не давать почтовой каретѣ обогнать насъ до самой Москвы. Маль-постъ совершалъ тогда этотъ проѣздъ въ 60 часовъ*); а мы, давая на водку ямщикамъ по 50 коп. сер., опередили его чуть-ли не на 6 часовъ.

Въ Москвѣ засталъ я жену съ сильно разболѣвшимся пальцемъ на ногѣ, по милости какого-то неискуснаго мозольнаго оператора, доведшаго ее до того, что она уже нѣсколько времени совершенно не могла ходить. Коротко намъ знакомый докторъ Андрей Станиславовичъ Кронбергъ, часто навѣщавшій мою жену, нашелъ, что болѣзнь эта весьма серьезна и какъ не считалъ себя достаточно знающимъ по этой части, то просилъ позволить ему привезти Ѳ. И. Иноземцова. Этотъ знаменитый медикъ и хирургъ, послѣ тщательнаго осмотра, не скрылъ отъ своего коллеги, что тутъ начинается гангрена (вслѣдствіе чего пришлось бы оперировать и отрѣзать весь палецъ), однакоже добавилъ,

*) Немного позднѣе учреждена была экстра-почтная, съ двумя пассажирскими мѣстами, карета, совершавшая этотъ проѣздъ въ 48 часовъ, быстрота неимовѣрная безъ помощи паровъ и рельсовъ. За то пассажиры должны были запасаться всѣмъ съѣстнымъ, потому что экстра-почта нигдѣ не останавливалась для ихъ обѣда и чаепитія.

что не отчаявается помочь женѣ и безъ операціи. Послѣ перваго его визита жена моя вручила ему 25-ти рублевую бумажку (6 р. 75 коп. сер.), какъ платилось тогда знаменитостямъ, подобнымъ Ѳедору Ивановичу, и хотя деньги онъ принялъ, но поѣхалъ къ Ивану Антоновичу Кавецкому (повѣренному по дѣламъ матери моей и брата въ Россіи), прося его передать намъ, что, помня, сколь много все его семейство обязано фамиліи графа Бутурлина, онъ считаетъ особеннымъ счастіемъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ можетъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ одному изъ этого семейства. Хотя, добавилъ онъ, положеніе этой новой его паціентки довольно опасно, но онъ надѣется-де вылѣчить ее совершенно, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дозволено было ему лѣчить безвозмездно, а что иначе онъ ѣздить не будетъ. Нельзя было намъ не принять подобнаго рода условія, и дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ поставилъ мою жену на ноги. Вотъ образчикъ, каковъ былъ этотъ человѣкъ. Но при всей своей геніальности, онъ увлекался, какъ извѣстно, временными своими теоріями. Такъ наприм. было время, когда онъ приписывалъ большинство болѣзней разстройству спиннаго хребта; а нѣсколько лѣтъ спустя, причину болѣзней видѣлъ въ брюшныхъ завалахъ. Въ періодѣ этаго втораго его конька, онъ самъ говаривалъ, что онъ былъ первоначально спино-земцевъ, а теперь сдѣлался брюхо-земцевъ. Не имѣя досуга поспѣвать вездѣ по огромной своей практикѣ, Ѳедоръ Ивановичъ иногда вынужденъ былъ, послѣ перваго визита, посылать вмѣсто себя одного изъ многочисленныхъ новичковъ-медиковъ, начинавшихъ карьеру подъ его покровительствомъ и при пособіи неоскудѣвавшей щедрой его руки. Эти ученики, прозванные въ городѣ Иноземцовыми *молодцами*, докладывали своему принципалу о ходѣ болѣзни паціентовъ, къ коимъ они были посылаемы, и безъ указанія его ничего особенно важнаго не предпринимали. Визитная плата оставалась въ пользу этой молодежи, между тѣмъ какъ больной успокоивался тѣмъ, что онъ все таки лѣчится у Иноземцова. Пріемный залъ въ его домѣ *) представлялъ по утрамъ видъ какой-то канцеляріи, гдѣ за столами сидѣли до десяти этихъ его молодцовъ, писавшихъ рецепты для приходившихъ на консултацію или записывавшихъ исторію болѣзни переданныхъ на ихъ руки паціентовъ. Въ неважныхъ же случаяхъ и для бѣднаго люда (лѣчившагося даромъ) молодцы дѣйствовали иногда самолично, какъ консультанты. Случилось однажды, когда Анеттина наша немного заболѣла, и другъ нашъ г. Крон-

*) На концѣ Спиридоновки, близъ Садовой и Ермолаевской церкви. Въ этомъ домѣ (нынѣ Бѣлевцевой) кончилъ страдальческую свою жизнь этотъ рѣдкій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, не въ весьма еще глубокой старости.

бергъ, не помню почему, не пріѣхалъ, мы пригласили одного изъ этихъ Иноземцовыхъ помощниковъ, Нѣмчика, какъ теперь помню. Молодой эскулапъ, осмотрѣвъ нашу милую дѣвочку и прописавъ рецептъ для нея, обратился затѣмъ къ намъ обоимъ съ разными вопросами о нашемъ здоровьѣ; но, не довольствуясь нашимъ отвѣтомъ, что Божіею милостію мы находимся въ вожделѣнномъ здравіи, онъ все таки, какъ вѣрный послѣдователь своего наставника, просилъ позволенія перещупать наши спины, на что однакоже мы не изъявили согласія.

До возвращенія Зинаиды Сергѣевны изъ Петербурга въ Зенино, вздумалось ея супругу пошкольничать и устроить тамъ въ мою честь обѣдъ съ кутежомъ, на подобіе того, какъ онъ меня угощалъ въ Ливорнѣ въ 1838 году и въ Петербургѣ въ 1840 г. въ ресторанѣ Сенъ-Жоржа. Но на этотъ разъ имѣлось въ виду подпоить, кромѣ меня, нѣкоторыхъ солидныхъ людей въ лицѣ родного его брата Петра Адріяновича, Ивана Антоновича Кавецкаго и зятя послѣдняго, Наркиза Антоновича Обнинскаго. Кавецкому было за 60 лѣтъ, а зять былъ лѣтъ на 10 моложе его. Въ числѣ гостей были также Французъ архитекторъ Дюкрò и знакомый мой Дмитрій Львовичъ Измайловъ. Въ гастрономическомъ отношеніи, вся Москва знала, что почтенный мой *кузенъ* не ударитъ никогда лицемъ въ грязь; а что касается до прилагательнаго, сирѣчь, возбуждающаго нектара, то на этомъ пиршествѣ было гильотинировано болѣе, конечно, дюжины засмоленныхъ главъ шипучаго Кликò, Аи, Верзенè-Силлери и пр. и пр. Послѣдствіемъ веселаго сеанса было, что, до заката еще солнца, гости отнесены были на рукахъ, яко трупы, и уложены въ постели. Одного изъ нихъ поили ромашкою, и затѣмъ онъ проболѣлъ нѣсколько дней. Пріятель мой Измайловъ завалился въ какой-то уголъ и захрапѣлъ, а побѣдителями на полѣ брани остались мы трое, Николай Адріяновичъ, Дюкро и я. Мы даже засѣли играть въ карты. Чтò кузенъ мой остался невредимъ, это не диковина: онъ фальшивилъ, и хотя поднималъ стаканы вмѣстѣ съ нами, но не опорожнялъ ихъ наравнѣ съ нами.

Характеристика беззаботнаго и вѣчно веселаго Дюкрó очерчена уже въ разсказѣ о моемъ посѣщеніи, осенью 1840 г., П. А. Дивова, въ его Соколовѣ; доканчиваю здѣсь этотъ эскизъ. Въ молодости своей онъ былъ, помнится мнѣ, фурьеромъ (кавалерійскимъ унтеръ-офицеромъ), во времена первой Наполеоновской имперіи, слѣдовательно въ описываемый періодъ ему было подъ 60 лѣтъ; но эта ноша годовъ его ничуть не бременила, и его аллюры, жизненныя привычки и даже прямой станъ, были какъ у 30-ти лѣтняго человѣка. Уличало лишь немного

лицо, начинавшее морщиться, и бѣлокурые волоса, дѣлавшіеся уже рѣдкими. Что̀ до его профессіи, то, если постройки не отличались у него особенною прочностію, то нельзя было ему отказать въ архитектурномъ вкусѣ, о чемъ свидѣтельствовали разныя его сооруженія въ Зенинѣ и въ Городищѣ [1]). Однажды, дѣлая разсчетъ въ Зенинѣ съ однимъ подрядчикомъ по строительной части и всегда строго соблюдая хозяйскій интересъ, Дюкро задержалъ какую-то часть уплаты за неисправность замѣченную имъ въ работѣ этого подрядчика. Мастеровой проходу не давалъ нашему Французу, настаивая: «Петръ Петровичъ, отдай мнѣ мои деньги», и Дюкро, потерявъ терпѣніе, говоритъ ему: «Пошелъ отъ меня, мой тебя не любитъ», а подрядчикъ ему въ отвѣтъ: «А на что мнѣ твоя любовь? Я вѣдь тебѣ не наложница; а ты отдай мнѣ мои деньги».

Дмитрій Львовичъ Измайловъ былъ однихъ почти со мною лѣтъ и недуренъ собою. Незаконнорожденный сынъ извѣстнаго по всей Рязанской губерніи, стараго холостяка-богача, самодура и деспота помѣщичьей власти, отставного генералъ-маіора Измайлова, злосчастный этотъ юноша не получилъ никакого воспитанія и выросъ на псарнѣ, такъ сказать, въ обществѣ доѣзжачихъ и многочисленной дворни крутонраваго своего родителя, который высѣкъ его однажды уже взрослаго съ такою, какъ передано было мнѣ, жестокостію, что его оттащили безъ всякихъ чувствъ. Не позаботившись о воспитаніи бѣднаго Дмитрія Львовича, достойный его родитель не подумалъ одинаково и объ опредѣленіи его куда-нибудь на службу, а потому пришлось записать его въ мѣщанское сословіе. Но этого мало: старикъ Измайловъ, по смерти своей, обезпечилъ будущность сына въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, обязавши по духовному своему завѣщанію законнаго своего наслѣдника и племянника графа Александра Дмитріевича Толстаго выдать 30 т. р. сер. (кажется, не болѣе) Дмитрію Львовичу. Сумму эту молодой Измайловъ получилъ отъ графа А. Д. Толстаго не сразу, а по клочкамъ, и съ большими промежутками; а между тѣмъ онъ началъ мотать въ Москвѣ во всю, какъ говорится, Ивановскую, водился съ Цыганами и Цыганками (это былъ разорительный камень соблазна тогдашней молодежи), завелъ троичныя упряжи *съ градомъ*, à la Балага [2]), и съ помощью друзей-обирателей кончилъ тѣмъ, что въ опи-

---

[1]) Рязанское имѣніе Н. А. Дивова.

[2]) Балага былъ шикозный Московскій ямщикъ и содержатель лихихъ троекъ, счеты коего съ тогдашними модными мотами и ремонтёрами доходили до феноменальныхъ цифръ. Напримѣръ, слышалъ я, что князь Анатолій Ивановичъ Барятинскій задолжалъ ему до 10 или 12 т. р. сер. Между 1845 и 1846 годами я его видѣлъ уже смиреннымъ простымъ

сываемое мною время (въ 1843 году), не зналъ чѣмъ существовать, и ему то и дѣло угрожало сидѣть за Иверской*). Тогда-то онъ прибѣгнулъ къ пособію моего Леона, маніею у коего было также хвататься за сомнительныя и мало предвѣщавшія успѣхъ дѣла. Но кромѣ Леона, вступился за Дмитрія Львовича и другой человѣкъ, болѣе серьезнаго направленія, на томъ-де основаніи, что графъ А. Д. Толстой не выполнилъ будто-бы, какъ надлежало, завѣщаннаго старикомъ Измайловымъ условія: обстоятельство довольно для меня сомнительное, потому что графъ Толстой (коего я знавалъ лично еще полковникомъ въ 1830 году въ л.-г. Преображенскомъ или Семеновскомъ полку, хорошо не помню) всегда слылъ за хорошаго человѣка. Да и быть можетъ, что графъ Толстой съ намѣреніемъ не захотѣлъ выдать сразу столь значительный капиталъ, зная привычки молодаго Измайлова. Какъ бы то ни было, но эти господа-прожектёры записали моего Дмитрія Львовича въ одну изъ купеческихъ гильдій (тогда какъ онъ былъ на столько же свѣдущъ и способенъ къ комерческимъ дѣламъ, сколько былъ я), приставили къ нему пѣстуна-адвоката и его именемъ начали производить какія-то подрядныя операціи. Ничего изъ этого путнаго, конечно, не вышло; но по крайней мѣрѣ молодой Измайловъ могъ тѣмъ временемъ кое-какъ прозябать отрывочными десятками рублей, коими снабжалъ его Леонъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Когда весь этотъ планъ рушился, и Дмитрій Львовичъ впалъ въ купеческую несостоятельность, то не миновалъ онъ своей участи и попалъ въ яму, за Иверской. Задолго передъ тѣмъ, еще въ Рязанскомъ имѣніи своего отца, онъ связался съ крестьянскою дѣвкою, съ коею прижилъ дѣтей; а такъ какъ, когда его наконецъ выпустили изъ подъ ареста, ему негдѣ было преклонить голову, то онъ поселился со всѣмъ своимъ незаконнымъ семействомъ въ Рязанской деревнѣ, въ домѣ натуральнаго, такъ сказать, своего тестя, на хлѣбахъ у этого крестьянина. Таковъ былъ плачевный конецъ бѣднаго Дмитрія Львовича, котораго я искренно любилъ за его простоту и доброе сердце; онъ же былъ человѣкомъ не лишеннымъ природнаго ума.

ямщикомъ, на одной изъ почтовыхъ станцій Московско-Петербургскаго шоссе. Тройка *съ градомъ* значитъ, на идіомѣ ярыхъ охотниковъ національной этой упряжи, сбруя съ бубенчиками, бляхами, бантами изъ разноцвѣтныхъ лентъ, кистями и другими вычурными кожаными украшеніями. Не могу не замѣтить мимоходомъ, что графъ Л. Н. Толстой, въ его „Война и Миръ“, попадаетъ въ анахронизмъ, говоря о Балагѣ въ Московскомъ бытописаніи до 1812 года, тогда какъ я знавалъ эту ямщицкую знаменитость еще совершенно молодымъ человѣкомъ въ 1843 году.

*) Принятое у Москвичей выраженіе „спустить за Иверскую“, значитъ попасть въ арестантское временное долговое отдѣленіе, находящееся близъ Иверской часовни, подъ самымъ Губернскимъ Правленіемъ.

Отецъ его былъ одиимъ изъ послѣднихъ обращиковъ старобоярскаго самоуправства и дури знатнаго вельможи, жившаго осѣдло въ своихъ помѣстьяхъ, чудовищное исчадіе крѣпостнаго права, каковыми милыми господами изобиловалъ прошлый вѣкъ. Родъ ихъ не искоренился еще совершенно въ Александровское время, потому, быть можетъ, что высшія правительственныя очи были обращены паче всего на Европейскую тогдашнюю политику, а что̀ дѣлалось дома составляло повидимому второстепенный предметъ государственныхъ заботъ. Разсказы о беззаконіяхъ, творимыхъ Измайловымъ и его братіею, будутъ казаться въ наше время баснословными. Слышалъ я напримѣръ, что этотъ Рязанскій деревенскій царекъ, подаривъ однажды тройку лошадей (чуть ли не съ упряжью) какому-то исправнику, снискавшему милостивое расположеніе его превосходительства [1]), тутъ же приказалъ было своимъ челядинцамъ задержать и выпороть этого исправника за то, что онъ, вопреки Русской пословицѣ, что «даренному коню въ зубы не смотрятъ,» полюбопытствовалъ было узнать этимъ способомъ о лѣтахъ подареннаго ему коренника; но экзекуція не удалась, благодаря проворству ногъ блюстителя уѣзднаго спокойствія и благочинія. Въ царствованіе Николая Павловича, Измайловъ взятъ былъ въ опеку, вслѣдствіе поданныхъ на него жалобъ. Онъ былъ старый холостякъ или бездѣтный вдовецъ. Были у него и незаконнорожденныя двѣ дочери, Екатерина и Анна Львовны. Первая вышла замужъ въ концѣ 30-хъ годовъ (и безъ вѣдома, кажется, отца), за Московскаго плацъ-адъютанта Александра Ивановича Малышева, молодчину собою, коему она принесла въ приданое весьма значительное имѣніе въ Зарайскомъ уѣздѣ. Она была, какъ видно, фавориткою у отца, не возлюбившаго, не знаю за что, вторую свою дочь, и несчастной этой женщинѣ пришлось пойти въ услуженіе. Проживая одно время въ качествѣ экономки у Ярославскаго (кажется) жандармскаго штабъ-офицера, она разсказала ему горькую свою исторію, и добродушный этотъ человѣкъ вступился было за нее и ходатайствовалъ о ней передъ графомъ Бенкендорфомъ, а послѣдній отнесся конфиденціально къ Рязанскому губернскому предводителю Алексѣю Аѳанасьевичу Ракитину, передавшему мнѣ всѣ эти подробности [2]), коего онъ просилъ убѣдить Измайлова обезпечить чѣмъ нибудь судьбу его дочери; но попытка ни къ чему не повела. Упрямый старикъ принялъ подобное вмѣшательство въ его семейныя дѣла

---

[1]) Измаиловъ генералъ-маіоръ въ отставкѣ, въ 1812 году, былъ начальникомъ Рязанскаго ополченія.

[2]) А. А. Ракитинъ умеръ скоропостижно, ударомъ, въ Москвѣ, во время спектакля въ Маломъ театрѣ, въ Февралѣ 1852 года.

за оскорбленіе и ссылался на непочтеніе къ нему дочери, сверхъ чего не преминулъ выставить на видъ, что когда онъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, просилъ объ узаконеніи его дѣтей, то ему въ томъ было отказано, а теперь-де правительство само требуетъ, чтобы онъ обезпечилъ одного изъ этихъ дѣтей. Позднѣе сего происшествія, Анна Львовна (женщина отличныхъ свойствъ) долго жила у Дивовыхъ надзирательницею ихъ Зенинскаго скотнаго двора по части производства продажнаго тамъ сливочнаго масла. А. И. Малышевъ давно померъ, а состояніе вдовы его Екатерины Львовны въ большомъ нынѣ разстройствѣ.

Еще въ то время, когда больная нога моей жены препятствовала ей выѣзжать и даже ходить, былъ дѣтскій балъ у Екатерины Александровны Базилевской, рожденной Грессеръ *), просившей привезти къ ней нашу Анеттину. И теперь еще свѣжа во мнѣ память того чувства отцовскаго самодовольствія и гордости которое я ощущалъ, когда, въ этотъ первый разъ въ моей жизни, я повезъ въ общество, хотя дѣтское, нашу даровитую уже дѣвочку, и какъ было для меня лестно, что ее тамъ обласкали!

Мимоходомъ упомяну, что я около того времени чуть не сломалъ себѣ шею, по милости своенравной кровной кобылы моей Паризины; но это-то ея упрямство и непослушаніе хотѣлось мнѣ, какъ старому кавалеристу, во что бы ни стало, одолѣть. Не задолго передъ тѣмъ была уже у меня схватка съ нею подобнаго рода у самыхъ Тріумфальныхъ воротъ, у Тверской заставы: ей хотѣлось возвратиться домой, а я настаивалъ вернуться въ Петровскій паркъ, гдѣ передъ тѣмъ мы парадировали. Въ это время въѣзжалъ въ городъ изъ парка Н. И. Ершовъ, тотъ, у котораго я былъ шаферомъ въ предъидущемъ году; онъ остановился посмотрѣть, чѣмъ кончится наша борьба; однакоже, не дождавшись конца, отправился докладывать женѣ моей, что онъ присутствовалъ при отчаянной схваткѣ двухъ наиупрямѣйшихъ натуръ, но еще не знаетъ, чья взяла верхъ. Нечего и говорить, что, послѣ часовыхъ, быть можетъ, усилій, я все-таки поставилъ на своемъ. Но настоящій случай не прошелъ безслѣдно для меня, какъ прежній. Кобыла моя поднялась на дыбы, а затѣмъ неожиданно опустилась и со всего размаху дала козла; я не успѣлъ, рухнулся головой объ мостовую и пробилъ себѣ голову. Не чувствуя однакоже съ горяча никакой особенной боли отъ ушиба, я снова вскочилъ на лошадь; я зналъ по теоріи

*) Родная племянница министра двора князя Волконскаго.

и по опыту, что если спустить ей этотъ капризъ, то я никогда не могъ бы уже совладать съ нею. И задалъ же я ей порку на полныхъ рысяхъ, верстъ 15 по крайней мѣрѣ за городомъ, обтирая платкомъ текущую съ головы кровь, и привелъ я ее домой всю въ мылѣ *). Однакоже, на слѣдующее утро я почувствовалъ послѣдствія моего паденія, и пришлось просидѣть дома нѣсколько дней. Приключеніе это помѣшало мнѣ участвовать въ концертѣ, данномъ Итальянскимъ пѣвцомъ г. Чіабатта (протеже князя Григорія Петровича Волконскаго). А какъ на афишкѣ стояло мое имя, то объявлено было публикѣ о причинѣ моего отсутствія, что̀ произвело нѣкоторую сенсацію.

Баритонъ Чіабатта не имѣлъ въ Москвѣ никакого успѣха, хотя былъ красивъ какъ Аполлонъ. Не то было съ пріѣхавшимъ, почти что единовременно соотечественникомъ его, теноромъ Маррасомъ. По природной малосильности его органа, онъ не могъ подвизаться на сценѣ, и въ большомъ залѣ Дворянскаго Собранія (гдѣ онъ попробовалъ было дать концертъ) голосъ его даже терялся; но въ комнатѣ, или въ небольшомъ залѣ, какъ въ домѣ Соймонова на Малой Дмитровкѣ, мелодичность или, такъ сказать, медоточивость тембра грудного его тенора и оконченность (*un fini parfait*) въ пѣніи ничего не оставляли желать. Пропѣть, какъ онъ пѣвалъ, всѣмъ извѣстную серенаду Шуберта: «De ma voix le chant plaintif» и романсъ изъ оперы «Фаворитка» «Ange du ciel», я никогда не слыхивалъ. Нерѣдко бывалъ онъ у насъ въ домѣ и на безцеремонную просьбу моей жены спѣть что-нибудь не отказывался никогда, и былъ вообще препріятный, веселый и сговорчивый господинъ. Николай Адріяновичъ, услышавъ однажды у насъ этого артиста, пришелъ въ такой энтузіазмъ (а надо знать, что братъ мой не токмо не меломанъ, но питаетъ почти отвращеніе къ музыкѣ), что убѣдительно просилъ меня привезти къ нему въ Зенино этого Итальянскаго соловья. Повезъ я туда моего пѣвца, и онъ, пропѣвъ двѣ-три аріи и дуэтъ со мною изъ новой тогда оперы «Весталка» (Меркаданте), привелъ всѣхъ въ восторгъ и получилъ изъ расщедрившихся рукъ Дивова сторублевую на серебро бумажку. На одномъ изъ концертовъ этого артиста, въ домѣ Соймоновыхъ, захотѣлось ему, ради разнообразія, угостить слушателей длиннѣйшею аріею изъ старой и почти что забытой оперы Бетховена «Фиделіо». Знатоки въ

*) Кобыла эта не знала никогда усталости. Поѣду, бывало, на ней отобѣдать въ Зенино (въ 22 верстахъ отъ Покровской заставы), возвращусь вечеромъ на полной рыси и, подъѣзжая къ моей квартирѣ, на Тверской, кобыла моя играла и была столь же почти свѣжа, какъ при отъѣздѣ. Въ 1856 году, совершенно уже слѣпая, она давала еще жеребятъ на Рязанскомъ заводѣ А. А. Болдырева.

классической глубокоученой музыкѣ могли, пожалуй, наслаждаться этимъ произведеніемъ, но мнѣ, профану, оно казалось прескучною и монотонною канителью. На томъ же или на другомъ (не помню) концертѣ, онъ пропѣлъ съ В. М. Боборыкинымъ и со мною тріо изъ оперы «Скарамуччіа», композитора Риччи, и съ нами же обоими онъ пропѣлъ, на другомъ своемъ концертѣ, въ домѣ Мартыновыхъ (въ Леонтьевскомъ переулкѣ) тріо изъ «Вельгельма Телля» [1]). Артиста этого акомпанировала всегда его жена, бѣловолосая, невозмутимая и малоговорившая Британка, собою нехороша и не дурна, и ничѣмъ не отличавшаяся, кромѣ похвальною чертою, что была по уши влюблена въ своего мужа. Дѣтей у нихъ не было.

Этой же весной осчастливилъ Москву своимъ присутствіемъ фортепіанистъ Европейской славы, Листъ. И у насъ, какъ повсюду, произвелъ онъ фуроръ. Онъ приволокнулся за прелестною В. П. Солнцевой, провозгласилъ на какомъ-то званомъ обѣдѣ тостъ за ея здравіе, послѣ чего разбилъ о полъ свой бокалъ, заявивъ, что такимъ же образомъ онъ обратитъ въ прахъ всякаго его соперника при этой царицѣ мимолетнаго его увлеченія, и затѣмъ, благосклонно принявъ дипломъ почетнаго члена Московскаго Нѣмецкаго Клуба, поднесенный ему мѣстною буржуазіею Германо-Еврейской національности, простился съ нашей гостепріимной бѣлокаменной, не приведя въ исполненіе страшной своей угрозы.

Кончаю музыкальную хронику того времени воспоминаніемъ о томъ, что одна изъ сестеръ Василія Сергѣевича Шереметева и графини А. С. Шереметевой вышла, по любви, за фортепіанную также полузнаменитость, Дёлера, числившагося при миніатюрномъ дворѣ Лукскаго герцога, каковой неравный бракъ поднялъ громкую и неодобрительную, конечно, тревогу въ высшемъ аристократическомъ лагерѣ. Выдержавъ стоически это сословное нападеніе, непрошенно вмѣшавшееся въ ея судьбу, молодая женщина недолго однакоже пользовалась своимъ счастіемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ лишилась обожаемаго ею мужа [2]).

Весною 1843 г. уволенъ былъ снова лѣчиться за границу князь Д. В. Голицынъ, а въ его отсутствіе назначенъ былъ временнымъ Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ князь А. Г. Щербатовъ. Князь Голицынъ давно страдалъ разстройствомъ мочеваго пузыря (или

---

[1]) По безсмысленному распоряженію театральной цензуры опера эта дается у насъ на сценѣ подъ названіемъ „Карлъ Смѣлый“.

[2]) Это была баронесса Елисавета Сергѣевна Дёлеръ († 6 Апрѣля 1890), столь памятная своимъ умомъ, художественнымъ чувствомъ и неистощимымъ сердоболіемъ. П. Б.

каменною болѣзнію) и уже болѣе не возвращался въ любимую имъ Москву, столь много ему обязанную, между прочимъ снабженіемъ ея Мытищенскою водою и устройствомъ фонтановъ, тогда какъ прежде хорошей воды не было кромѣ Трехгорной, коею не всѣ жители могли пользоваться. Ему же обязана она и насажденіемъ Петровскаго парка. Всѣ предначертанія для блага и украшенія ввѣренной ему первопрестольной столицы не трудно было ему приводить въ исполненіе, по чрезвычайному довѣрію къ нему покойнаго Императора.

Не было въ Москвѣ, и наврядъ-ли будетъ у нея, градоначальника съ такимъ значеніемъ и административнымъ вліяніемъ въ С.-Петербургѣ, какими пользовался князь Д. В. Голицынъ. Хотя о достовѣрности всѣхъ разсказовъ, ходившихъ по городу по сему предмету, ручаться не берусь, но, допуская, что они могли быть преувеличены, остается все-таки въ основѣ ихъ немалая доля истины. Вотъ что осталось у меня въ памяти. Какой-то человѣкъ приговоренъ былъ Московскимъ Сенатомъ къ ссылкѣ или къ какому-то другому тяжкому наказанію, между тѣмъ какъ жена его, прибѣгнувши къ заступничеству князя Голицына, успѣла, повидимому, убѣдить его въ невиновности ея мужа; вслѣдствіе чего князь посылаетъ въ Сенатъ просить, чтобы прислали къ нему для прочтенія только что подписанный указъ о семъ дѣлѣ. Сенаторы, изъ личнаго къ нему уваженія, нашли возможнымъ удовлетворить это требованіе, и что̀ дѣлаетъ князь? Онъ прячетъ сенатскій указъ подъ сукно письменнаго своего стола и отправляетъ донесеніе прямо къ Государю по этому дѣлу, ходатайствуя о всемилостивѣйшемъ прощеніи обвиняемаго, и человѣкъ этотъ былъ освобожденъ высочайшимъ именнымъ повелѣніемъ. Жаль только, что онъ не заслуживалъ (какъ я слышалъ) подобной милости. А вотъ былъ также какой случай. Вздумалось было министру внутреннихъ дѣлъ, А. А. Перовскому, отправить одного изъ своихъ чиновниковъ ревизовать канцелярію Московскаго военнаго генералъ-губернатора, на что̀, хотя министръ имѣлъ законное право, но таковыхъ прецедентовъ не было никогда при князѣ Дмитріи Владимировичѣ *). Является однакоже къ князю нашъ превосходительный чиновникъ и докладываетъ ему о цѣли его пріѣзда. «Какъ», воскицаетъ князь, «меня ревизовать? Извольте,

---

*) Такого права министръ не имѣетъ и не имѣлъ. Не только генералъ-губернаторскую, но и губернаторскую канцелярію ревизовать можетъ только сенаторъ. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.* На это я однакоже замѣчу, что мнѣ памятно, что правитель канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора П. Ѳ. Степановъ говорилъ при мнѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ присылалъ чиновника ревизовать эту канцелярію а генералъ-губернаторомъ былъ тогда князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ.

милостивый государь, немедленно отправляться обратно въ Петербургъ и сказать отъ меня вашему... (тутъ, говорятъ, что князь употребилъ крѣпкое слово), что опричь Государя Императора никто не можетъ меня ревизовать». Разсерженный этой выходкою, министръ жалуется Государю. «Я уже просилъ тебя», былъ государевъ отвѣтъ, «чтобы ты не трогалъ у меня ни Голицына въ Москвѣ, ни Воронцова въ Одессѣ» *). Но вотъ еще удивительнѣе обоихъ разсказанныхъ мною анекдотовъ. Богородскій уѣздъ изъ давнихъ временъ запутался накопленіемъ казенной недоимки; ежегодный сборъ все шелъ въ уплату недоборовъ; а въ счетъ наступившихъ сроковъ ничего не попадало, и кончилось тѣмъ, что, не взирая на частыя понужденія земскою полиціею, обезкураженные крестьяне, видя, что при всѣхъ ихъ стараніяхъ они все-таки изъ долгу не выходятъ, махнули рукою и еще меньше противъ прежняго стали платить. Исправникъ, малый ловкій и находчивый, объѣхалъ всѣ деревни (или далъ знать крестьянамъ по всему уѣзду) съ предложеніемъ, согласны-ли крестьяне собрать извѣстную сумму (нѣсколько тысячъ рублей асс.) въ его пользу, если онъ выхлопочетъ имъ сложеніе всей старой недоимки по настоящій, текущій годъ. «Отецъ ты нашъ родной», послышалось отовсюду, «всѣ мы готовы этимъ тебя поблагодарить, дай Богъ тебѣ многія лѣта; только ты не покидай насъ, бѣдныхъ сиротъ».—«Ну, а если начальство проститъ вамъ всю старую недоимку, обѣщаетесь ли вы впредъ аккуратно платить, что̀ слѣдуетъ, безъ недобора?» — «Будемъ, батюшка ты нашъ, будемъ съ радостію; какъ есть, до единой полушки».—«То-то, смотрите, ребята, вы меня въ дуракахъ не оставляйте», заключилъ нашъ исправникъ и поскакалъ въ Москву. Является онъ тамъ къ князю Голицыну и послѣ обычной рапортички, что въ Богородскомъ уѣздѣ все обстоитъ благополучно, проситъ у его свѣтлости наставленія, какъ ему дѣйствовать въ данномъ случаѣ, что крестьяне совершенно уже перестаютъ платить. «Такъ надобно прибѣгнуть къ экзекуціи», говоритъ князь. «Я самъ былъ бы того мнѣнія, ваша свѣтлость; но дѣло въ томъ, что неплательщиками оказываются не то что̀ три или четыре селенія, а весь какъ есть уѣздъ, и для наложенія повсемѣстной экзекуціи потребуется, пожалуй, цѣлая дивизія; а стѣснить четыре полка въ предѣлахъ одного уѣзда вещь невозможная».—«Однако», возражаетъ князь, «что-нибудь

---

*) Не то уже было при князѣ А. Г. Щербатовѣ. Однажды, когда я взошелъ въ нашу канцелярію для полученія отпуска (такъ какъ я все еще числился въ ней до 1848 года) П. Ѳ. Степановъ разсказывалъ кому-то, что князь Щербатовъ выразилъ ему свое удивленіе, что онъ не получалъ еще никакого оффиціальнаго увѣдомленія о присылкѣ министерскаго чиновника для ревизіи его канцеляріи, тогда какъ слышно было, что чиновникъ этотъ уже прибылъ въ Москву.

да надо же предпринять. Ну, какъ вы думаете?»—«Я думаю, что ничего болѣе не остается дѣлать, какъ вашей свѣтлости ходатайствовать о сложеніи, буде возможно, всей старой до чиста недоимки по нынѣшній годъ, и уже затѣмъ имѣть неослабное попеченіе о недопущеніи впредъ ни одной копѣйки недоимки». Понравилась эта мысль князю. «Изложите мнѣ на бумагѣ этотъ проектъ», говоритъ онъ исправнику. Проектъ поданъ; князь, обсудивъ дѣло, рѣшаетъ самовластно простить всю старую крестьянскую недоимку, о чемъ дѣлаетъ распоряженіе въ области своего вѣдомства, а затѣмъ увѣдомляетъ запросто министра финансовъ (тогда графа Канкрина) о сдѣланномъ имъ распоряженіи. Изумленный министръ, считавшій въ своемъ бюджетѣ цифру нѣсколькихъ, быть можетъ, сотъ тысячъ рублей, въ графѣ о приходѣ, хотя еще не на лицо, но имѣющихъ мало-по-малу поступать, не вѣритъ своимъ очамъ, и какъ товарищъ его Перовскій въ предыдущемъ случаѣ, также спѣшитъ къ Государю съ жалобою на князя Дмитрія Владимировича, и что же онъ слышитъ. «Надо предполагать», говоритъ ему Царь, «что князю Голицыну, какъ ближайшему мѣстному начальнику, лучше чѣмъ мнѣ и тебѣ извѣстно все это дѣло, и если онъ на это уже рѣшился, значитъ, что не было иныхъ средствъ принудить Богородскій уѣздъ безнедоимочно уплачивать впредъ государственныя подушныя повинности». Тѣмъ дѣло и кончилось.

Переходя къ семейнымъ событіямъ, отмѣчу, что этимъ же лѣтомъ (1843 года) женился Павелъ Александровичъ Олсуфьевъ (пасынокъ тетки моей Маріи Васильевны Олсуфьевой), на баронессѣ Екатеринѣ Львовнѣ Боде, дочери тогдашняго президента Московской Дворцовой Конторы. Молодой Олсуфьевъ былъ болѣзненнаго сложенія съ юныхъ лѣтъ, и потому родители его, скрѣпя сердце, дали согласіе на его бракъ, не предусматривая изъ этого ничего хорошаго. Опасенія ихъ оправдались не позднѣе, какъ черезъ годъ.

Въ это время я разстался съ моимъ Итальянцемъ Паоли вовсе мнѣ ненужнымъ, но проживавшимъ у меня, такъ какъ я былъ долженъ ему за его службу болѣе 1000 р. сер.; при посредничествѣ добрѣйшаго Петра Петровича Пикколи онъ согласился взять съ меня документъ, но денегъ я, къ несчастію, никогда не могъ ему выплатить, такъ какъ затрудненія мои часъ отъ часу все болѣе усложнялись. По ходатайству старика Итальянца Осипа Карловича Негри, Паоли поступилъ сперва къ министру двора кн. П. М. Волконскому, а позднѣе былъ столовымъ дворецкимъ въ домѣ бывшей княгини Бѣлосельской, вышедшей замужъ за князя В. В. Кочубея.

Познакомился я тогда въ Нѣмецкомъ лѣтнемъ клубѣ (помѣщавшемся въ этотъ сезонъ у Бутырской заставы) съ Итальянцемъ, или Итальянскаго происхожденія, нѣкіимъ докторомъ Біанки, постояннымъ Кіевскимъ жителемъ, который занимался, какъ напослѣдокъ оказалось, сверхъ своей профессіи, денежными аферами. Узнавши, что я причастенъ къ комерческимъ предпріятіямъ Леона, онъ предложилъ мнѣ доставить залоги для подрядныхъ дѣлъ, чѣмъ премного обрадовалъ неутомимаго преслѣдователя химеръ, т.-е. Леона. А такъ какъ г. Біанки говорилъ намъ, что онъ спѣшилъ на открывшуюся уже Нижегородскую ярмарку для полученія денегъ съ должника-купца, то назначилъ мнѣ тамъ *рандеву* для устройства дѣла объ обѣщанныхъ залогахъ. Отправился я сначала съ Радзиковскимъ въ Порзни, гдѣ накуралесилъ мнѣ нѣкій Полякъ Любомирскій, рекомендованный въ управляющіе Радзиковскимъ и Леономъ. Этотъ Любомирскій задержалъ въ свою пользу (сколько припомнить теперь могу) изъ моего оброка нѣсколько тысячъ рублей асс. въ уплату данныхъ имъ (дѣйствительно) денегъ Леону на рушившееся Бородинское предпріятіе. Изъ Порзней Радзиковскій возвратился въ Москву, а я поѣхалъ одинъ въ Нижній, гдѣ еще никогда не бывалъ. Тамошній тогда военный губернаторъ, Михаилъ Петровичъ Бутурлинъ, оказалъ мнѣ всякаго рода вниманіе, хотя я вовсе не былъ съ нимъ знакомъ: онъ первый пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ въ гостинницу, въ Кунавинѣ, гдѣ я стоялъ, и пригласилъ меня обѣдать къ себѣ, въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ живутъ всегда тамошніе губернаторы[1]). Представилъ онъ меня женѣ своей, урожденной княжнѣ Шаховской, весьма привѣтливой и достойнѣйшей барынѣ, и какъ только получено было извѣстіе, что его сынъ (чуть-ли не единственный) произведенъ въ офицеры, то мы, за обѣдомъ, вспрыснули Шампанскимъ эполеты, хотя заочно, молодого гвардейца [2]). Обязательный Михаилъ Петровичъ водилъ меня по всѣмъ замѣчательностямъ вновь исправленнаго Кремля и указалъ мнѣ, между прочимъ, на одну обширную довольно башню, о коей онъ сказывалъ, что покойный государь Николай, въ одно изъ своихъ посѣщеній Нижняго-Новгорода, высказалъ ему свое желаніе отдѣлать со временемъ въ этой башнѣ рядъ комнатъ, чтобы «*когда настанетъ пора отречься ему отъ престола*, онъ могъ бы тамъ поселиться на покой, вдвоемъ съ своею *старухою*», какъ онъ выра-

---

[1]) Послѣ перваго моего посѣщенія М. П. Бутурлина онъ перемѣстился въ губернаторскій временный домъ въ ярмарочной части города, какъ всегда дѣлаютъ тамошніе губернаторы на все время ярмарки.

[2]) Онъ женился много позднѣе на одной изъ дочерей Николая Аполлоновича Волкова, и умеръ 5 или 6 тому лѣтъ. Нелишнимъ будетъ пояснить, что отрасль Бутурлиныхъ, къ коей принадлежалъ Михаилъ Петровичъ, не родня намъ, графамъ Бутурлинымъ.

зился). Таковы въ точности были слова Михаила Петровича. Онъ-же мнѣ передалъ, что Государь какъ бы намѣревался обратить этотъ городъ въ сильный оборонительный пунктъ [1]), «на всякій случай», чему весьма способствуетъ высокая гора, на которой стоитъ Кремль Кстати объ этой мѣстности замѣчу, что, хотя Ока повидимому впадаетъ здѣсь въ Волгу, но на протяженіи двухъ или трехъ (кажется) верстъ воды ихъ не смѣшиваются, и въ Волжскомъ руслѣ вы видите совершенно отдѣльныя одна отъ другой струи, какъ бы двѣ паралельныя ленты, изъ чего рождается вопросъ: точно ли впадаетъ Ока въ Волгу, или не соединяются ли обѣ рѣки самостоятельно на одномъ пунктѣ.

Незабвенна для меня эта поѣздка въ Нижній тѣмъ, что я познакомился съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, директоромъ тогда Нижегородской ярмарки, человѣкомъ, имѣвшимъ впослѣдствіи весьма сильное вліяніе на мое религіозное, въ православномъ духѣ, развитіе и сдѣлавшимъ изъ меня настоящаго Русскаго человѣка, въ противуположность прежняго моего космополитизма. Перечислить все, что̀ дѣлаетъ этого человѣка замѣчательнымъ, потребовало бы слишкомъ много времени. Въ общихъ чертахъ скажу лишь о немъ, что онъ давній Славянофилъ, и въ этомъ качествѣ знако̀мъ со всѣми Славянскими нарѣчіями, въ томъ числѣ съ Польскимъ; горячій Русскій *націоналистъ* [2]), глубоко убѣжденный сынъ православной церкви, довольно близко знакомый съ церковной исторіей и отличный уставщикъ, не чуждый знанія Русской (особенно до-петровской) исторіи [3]) и разумѣющій достаточно Латинскій и Греческій языки.

---

[1]) „На всякій случай“. На какой же именно? На случай возстанія Мордвы или Черемисовъ, что-ли? Это и мы слыхали отъ М. Д. Бутурлина. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.*

[2]) Этимъ желательно мнѣ выразить, что графъ Д. Н. Толстой болѣе нежели обыкновенный патріотъ, потому что у иныхъ таковыхъ патріотизмъ высказывается на не Русскомъ языкѣ, но и въ иностранныхъ совершенно взглядахъ, не говоря уже о житейскихъ привычкахъ.

[3]) Несочувствіе его къ Петровской реформѣ долго казалось мнѣ утрированіемъ свойственнаго нашему времени старо-взглядства; еще одинъ шагъ, думалъ я, и этотъ человѣкъ впадетъ въ старообрядство. Но нынѣ, съ лѣтами и при тщательномъ (хотя позднемъ) изученіи нашей народной исторіи, я отчасти дѣлаюсь сторонникомъ его воззрѣнія. Не могу нарадоваться, что я недавно уговорилъ графа Д. Н. Толстаго предпринять свою біографію, весьма интересную для современной исторіи по разнообразности служебной его дѣятельности, и какъ очевидца многихъ событій административнаго міра, и между прочимъ, гоненія на Латышей за ихъ переходы въ православіе, въ 40-ыхъ годахъ: мѣра, состоявшаяся въ угодность мѣстному Нѣмецкому элементу. Если дерево узнается по плоду, то довольно сказать о графѣ Толстомъ, что онъ пекся о воспитаніи своего племянника, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, нынѣ министра народнаго просвѣщенія и автора „Histoire du catholicisme en Russie“.

Знакомство мое съ нимъ началось страннымъ довольно образомъ черезъ человѣка, вовсе не изъ нашей сферы. Это былъ тотъ самый, амфибическій Александръ Ивановичъ Розе, о коемъ упомянуто прежде въ числѣ Еврейскихъ агентовъ Леона. Хотя онъ значился по формуляру отставнымъ поручикомъ Александрійскаго гусарскаго полка, но документъ этотъ не соотвѣтствовалъ какъ-то ни его выговору, въ коемъ слышался акцентъ сыновей Израилевыхъ, ни его манерамъ; наводить же справокъ о принадлежности ему этого формуляра никому не представлялось надобности, также какъ и о бронзовой медали за 1812 годъ, украшавшей постоянно петлицу его фрака. По службѣ былъ онъ пройдохою; знавали его въ штатѣ открытой и тайной (какъ я слышалъ) Петербургской полиціи, и даже, будто бы, видали его шпіономъ въ Берлинѣ; онъ служилъ напослѣдокъ окружнымъ начальникомъ по вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ, и не запинаясь говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, въ томъ числѣ на Французскомъ и Итальянскомъ, но на всѣхъ дурно. Онъ былъ на столько хитеръ и остороженъ, что не попадалъ подъ судъ. Розе не былъ безъ нѣкотораго юмора, какъ видно изъ слѣдующаго случая, относящагося ко времени его полицейской службы въ Нижнемъ. Тамъ былъ одинъ совѣтникъ Губернскаго Правленія, не расположенный къ нему и часто намекавшій на Израильтянское его происхожденіе. Наконецъ Розе нашъ вышелъ изъ терпѣнія и сострилъ.—«Ну что же изъ этого, что я Жидъ? Соотечественники мои продали Христа за 30 серебренниковъ, а попадись онъ вамъ въ руки, г. совѣтникъ, вы бы конечно Его такъ не продешевили.» Каково! Послѣ разгрома Бородинскаго предпріятія, въ коемъ онъ лишился нѣсколькихъ тысячъ рублей асс. (плодъ многолѣтней служебной его экономіи) онъ попалъ, черезъ чью не знаю протекцію, въ штатъ Нижегородской полиціи, гдѣ посчастливилось ему даже получить доходное мѣсто ярмарочнаго надзирателя гостинаго двора, благодаря графу Толстому. Вздумалось тогда этому Розе кольнуть своего недавняго патрона и соотчича Леона письмомъ слѣдующаго содержанія: «Любезный другъ. Зная, что ваши дѣла въ разстроенномъ положеніи и не забывая о дружескихъ нашихъ отношеніяхъ и о томъ, что все что̀ было мое, было также и ваше, хотя не все то, что̀ было ваше было и мое, не позабылъ я также и о васъ въ настоящее время, когда удалось мнѣ получить порядочное мѣсто въ здѣшней полиціи, и потому берегу для васъ открывшеюся у меня ваканцію въ будочники, каковую не замѣщу до полученія отъ васъ отвѣта». Вѣтренный адресатъ хохоталъ до слезъ при полученіи письма, да и не первымъ былъ этотъ гаерскій эпизодъ въ трагико-комической и разрушительной дѣятельности Леона Капенштейна, alias Капустина.

На Нижегородской ярмаркѣ сошелся я съ Французо-обрусѣвшимъ Московскимъ торговцемъ Эдуардомъ Дюлу [1]), человѣкомъ зрѣлыхъ уже лѣтъ, и изъ той же категоріи съ образованнѣйшимъ, имѣвшимъ прекрасныя манеры молодымъ Карломъ Осиповичемъ Негри, сыномъ Московскаго сторожила Осипа Осиповича Негри, торговавшаго въ теченіи полу-вѣка картинами и антикварными рѣдкостями въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ [2]). Изящный и талантливый, молодой Негри (имѣвшій всѣ данныя аристократическаго льва), женился около того времени на сестрѣ кондитеровъ братьевъ Педотти, управлялъ полномочно сбытомъ знаменитой тогда въ Москвѣ шелковой фабрики Рошфора и, какъ тогда носился слухъ, предназначался преемникомъ мануфактурной этой фирмы; но все это пресѣклось внезапною его смертію.

.... Къ счастію я спохватился во время и далъ тягу къ себѣ въ Порзни, накачивая во время пути свой желудокъ прохладительнымъ огуречнымъ разсоломъ. Прогулявъ въ Нижнемъ до 300 р. с., я ничѣмъ не кончилъ съ докторомъ Біанки, по причинѣ неполученія еще имъ, какъ онъ говорилъ, обѣщанныхъ залоговъ. Но онъ увѣрялъ меня, что въ Москвѣ мы покончимъ, какъ слѣдуетъ, все это дѣло. Встрѣтившись въ Москвѣ съ этимъ господиномъ, смахивавшимъ болѣе на надувательнаго афериста, чѣмъ на дѣловаго спекулянта, мы услышали отъ него такія же обѣщанія, которыми онъ продолжалъ водить насъ за носъ, и напослѣдокъ онъ скрылся, но передъ тѣмъ выманилъ нѣсколько сотъ рублей наличными у одного знакомаго мнѣ купца Розенберга, видавшаго часто этого Біанки въ моемъ обществѣ.

Зимою того года ничего особеннаго не случилось, кромѣ моей поѣздки въ Знаменское и двухъ или трехъ-недѣльнаго тамъ пребыванія по поводу несчастныхъ родовъ моей жены; родившійся мальчикъ жилъ не болѣе сутокъ, но его успѣли окрестить. Незнающіе всѣхъ моихъ тогдашнихъ обстоятельствъ могли бы назвать меня

---

[1]) Братья Дюлу были, на сколько помнится мнѣ, Русскими дворянами, хотя занимались оптовою торговлею иностранныхъ винъ, а упомянутый Эдуардъ имѣлъ дворянскую медаль за 1812 годъ.

[2]) Старикъ г. Негри, современникъ и искренній почитатель памяти моего отца, умеръ въ 1863 году или немного позднѣе, не наживъ, должнаго быть, большого капитала наличными деньгами, одною изъ причинъ чего было то, что у него оставалось постоянно на рукахъ множество художественнаго товара; иное онъ пріобрѣталъ по высокой, почти что по аматерской, цѣнѣ.

эгоистомъ за то, что я проводилъ лѣто и зиму въ Москвѣ, между тѣмъ какъ молодая моя жена жила затворницею съ дочерью въ деревенской глуши, а въ Москву пріѣзжала на какія нибудь три, не болѣе, мѣсяца весенняго времени; но за одно это осуждать меня недолжно. Хотя изъ Порзненскаго оброка я ничего не платилъ въ Опекунскій Совѣтъ, но долженъ былъ тратить по неволѣ большія деньги на подмазку въ присутственныхъ мѣстахъ, чтобы задерживать опись и продажу моего имѣнія, а также чтобы не пускать въ ходъ поданныхъ на меня взысканій; самъ же я перебивался по прежнему изъ рубля въ рубль, и потому жить мнѣ съ семействомъ въ Москвѣ круглый годъ было невозможно.

Въ эту зиму (съ 1843 на 1844 г.) не имѣлъ я охоты посѣщать большой свѣтъ, тѣмъ болѣе, что Дивовы провели ее не по прежнему въ Зенинѣ, а въ Москвѣ, въ домѣ княгини Голицыной (и по нынѣ) на Большой Никитской. На слѣдующее лѣто они поѣхали за границу. Въ Мартѣ 1844 г. я переѣхалъ изъ дома Попова, гдѣ прожилъ три съ половиною года, въ щеголеватый, одноэтажный съ выступомъ и съ садикомъ, домикъ на Мясницкой насупротивъ заведенія братьевъ Бутеноповъ, принадлежавшій тогда Мещеринову *); а въ началѣ Апрѣля пріѣхала ко мнѣ туда жена съ дочерью и съ матерью. Прошло уже три года, что теща моя не бывала въ Москвѣ. Хотѣлось мнѣ не то, чтобы блеснуть, а обстановиться по приличнѣе, чѣмъ въ загрязнѣлой квартирѣ въ Поповомъ домѣ, и потому, сколотивши кое-какія деньженки, прикупилъ я лишнюю лошадку (къ прежней парѣ или тройкѣ), нанялъ лишняго оффиціанта, омеблировалъ, на сколько могъ, нашу квартиру, нашелъ средство доставить моей женѣ наивеличайшее для свѣтской барыни удовольствіе войти въ сношенія съ маршандъ-де-модъ и съ портнихами. И вотъ пустились мы снова въ бо-мондный міръ и даже принимали у себя. И пріятно было мнѣ удостовѣриться на дѣлѣ, что моя Екатерина Ивановна, не взирая на свое двухгодичное заточеніе среди Тарускихъ полей и лѣсовъ, отнюдь не заржавѣла, очутившись опять на коврахъ великосвѣтскихъ салоновъ. Это была веселая, мимолетная эпоха жизни моей жены, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была и прощальною пѣснью умирающаго лебедя. Послѣ этого мы уже никогда болѣе не живали домомъ въ Москвѣ, а только бывали въ ней по нѣскольку дней, да и то рѣдко...

Такъ какъ, по изобилію великосвѣтскихъ событій весною и лѣтомъ того 1844 года, хроника этого сезона будетъ много пространнѣе

---

*) Этотъ домикъ остался по сю пору въ томъ же почти видѣ, какъ онъ былъ тому 28 лѣтъ.

предыдущихъ описаній Московскаго фашіонабельнаго міра, то начну съ болѣе крупнаго, а затѣмъ не стану прерывать моей фютильной болтовни о салонныхъ суетахъ.

Въ Маѣ (кажется) получено скорбное для Московичей извѣстіе о кончинѣ въ Парижѣ князя Голицына. Хотя операція литотритіи мочевого пузыря удалась, но организмъ маститаго старца не устоялъ; онъ постепенно сталъ впадать въ атонію и безъ особенныхъ (какъ говорили очевидцы) страданій угасъ. При немъ были оба его сына, Московскій молодой врачъ Алларъ [1]) и временный его секретарь г. Серебряковъ. Тѣло было привезено въ Москву и, переночевавъ въ Благовѣщенской церкви (на Тверской, рядомъ съ Глазной больницей), было предано на слѣдующій день землѣ въ Донскомъ монастырѣ, въ родовомъ Голицынскомъ склепѣ. Провожали гробъ митрополитъ Филаретъ, князь А. Г. Щербатовъ, всѣ мы, при немъ служившіе (въ парадныхъ мундирахъ) и почти все высшее Московское общество. Надгробное слово, сказанное въ церкви (а не при спускѣ гроба въ могилу) Донскимъ архимандритомъ, было, по моему, безцвѣтно, даже банально, тогда какъ боевое прошедшее этого сподвижника героевъ 12-го года и затѣмъ долголѣтняя благотворная гражданская его дѣятельность давали изобильный матеріалъ для церковнаго краснорѣчія, вмѣсто чего ораторъ все вертѣлся (помнится мнѣ) около темы «мудраго созидателя и домоправителя», да и то въ общихъ, сухихъ чертахъ. Меня отчасти горестно поразило, что знаменитый нашъ владыка, какъ многолѣтній сотрудникъ князя, не взялся за это дѣло; впрочемъ, извѣстная слабость его органа могла быть этому причиною.

Около того же времени умеръ чахоткою молодой Павелъ Александровичъ Олсуфьевъ, женившійся только что годъ передъ тѣмъ на баронессѣ Екатеринѣ Львовнѣ Боде, чего впрочемъ давно опасались чадолюбивые его отецъ и мачиха Марія Васильевна, не менѣе любившая обоихъ дѣтей своего мужа, чѣмъ своихъ собственныхъ [2]).

Приступаю къ хроникѣ о живыхъ. Починъ будетъ съ музыкальной части.

---

[1]) Молодой Алларъ, сынъ стараго лектора Французской словесности при Московскомъ университетѣ, женился позднѣе на Тульской помѣщицѣ Беклемишевой, вскорѣ послѣ сошелъ съ ума и умеръ. Онъ сопутствовалъ князю за границу, потому что прежній домашній его врачъ, А. С. Кронбергъ, будучи уже директоромъ Дѣтской больницы, не могъ отлучиться изъ Москвы.

[2]) Спустя года три, умерла и дочь Александра Дмитріевича Олсуфьева (отъ первой его жены) Дарія Александровна Миклашевская, кончина коей ускорила его собственную.

Тогда впервыя явился на Московскую арену извѣстный впослѣдствіи композиторъ и дирижёръ орфеоновъ и оркестріоновъ, князь Юрій Николаевичъ Голицынъ. Онъ былъ весьма молодъ, но уже тученъ, съ правильными чертами лица, женатъ на прехорошенькой Бахметьевой и былъ настолько мало извѣстенъ въ обществѣ, что когда я, познакомившись съ нимъ, передалъ ему, что меня просили разузнать, къ какой вѣтви Голицыныхъ онъ принадлежалъ, то онъ опредѣлилъ свою семейную спеціальность тѣмъ, что онъ сынъ Голицына-віолончелиста.

Музыкальный дебютъ его былъ тогда въ качествѣ пѣвца, и правду сказать, баритонъ его былъ недуренъ. И вотъ, подъ его эгидою, пріютились новопріѣзжіе два брата Граціани, полу-французы и полу-итальянцы *), старшій изъ коихъ былъ фортепіанистомъ, а меньшой ревѣлъ басомъ и въ годовое свое пребываніе въ Москвѣ никакого не имѣлъ успѣха. Въ ранній (великопостный) сезонъ захотѣли попытать свое счастіе, на подобіе три года назадъ знаменитой Пасты, двѣ Итальянскія оперныя, когда-то перваго разряда, пѣвицы, госпожи Шюць-Ольдози и Ронци-де-Бенисъ (послѣдняя, впрочемъ, пріѣхала по отъѣздѣ первой). И почему это самые талантливые люди заблуждаются такъ часто на свой счетъ? Г-жа Шюць-Ольдози была дѣйствительно одна изъ извѣстныхъ примадоннъ 30-хъ годовъ и даже создала во Флоренціи роль Нормы; но когда я слышалъ ее тамъ-же лѣтомъ 1838 года, въ мужской роли Ромео, въ оперѣ Монтекки и Капулетти, голосъ у нея уже сильно подгулялъ. Понятно, что на ея концертѣ публика не восторгалась ею; но въ комнатѣ, за фортепіаномъ, интонація голоса была еще пріятна (когда она не форсировала ею), и въ дикціи музыкальной фразы было чувство, энергія. Я собрался было участвовать въ ея и позднѣе въ концертѣ г-жи Ронци-де-Бенисъ, но что-то мнѣ помѣшало; а на концертѣ г-жи Шюць-Ольдози отличился изъ насъ аматёровъ одинъ Ассирійскій богъ (т. е. кн. Голицынъ). Что до г-жи Ронци-де-Бенисъ, то она была въ славѣ съ послѣднихъ 20-хъ до самаго конца 30-хъ годовъ, въ каковой періодъ писались для нея оперы лучшими композиторами, въ томъ числѣ Меркаданте. Она была пріятнѣйшею и даже граціозною не по лѣтамъ женщиною, съ увлекатель-

---

Меньшая его дочь (отъ второй жены) Софья Александровна вышла за князя Шаховскаго, а молодая вдова Олсуфьева вышла позднѣе за вдовца князя Александра Сергѣевича Вяземскаго (бывшаго моимъ сослуживцемъ въ Павлоградскомъ и л.-гусарскомъ полкахъ и генералъ маіоромъ въ 1846 году). Первая жена князя А. С. Вяземскаго была Римская-Корсакова, мать коей, урожденная княжна Долгорукова, была сестра Елены Петровны Толстой, друга моей матери.

*) Слышалъ я, что ихъ отецъ былъ когда-то въ Одесской оперной труппѣ для буффовыхъ ролей, послѣ чего поселился въ Крыму, гдѣ и открылъ ресторанъ.

ными манерами и съ сохранившимися слѣдами прежней красоты. Въ этотъ же концертный сезонъ посѣтилъ Москву, превосходный молодой скрипачъ Сивори (Итальянецъ). Никогда подобной игры я не слыхивалъ: въ его рукахъ инструментъ пѣлъ. Съ прибытіемъ въ Петербургъ весною 1843-го года знаменитыхъ пѣвцовъ Рубини и Тамбурини, пріѣхала съ ними концертная пѣвица, полу-Шведка и полу-Англичанка, г-жа Остергардъ, отталкивающей наружности, но не безъ таланта. Она вскорѣ переселилась въ Москву, гдѣ и жила нѣсколько лѣтъ, пользуясь огромною практикою, какъ учительница пѣнія въ аристократическихъ домахъ и, кажется, давала уроки въ женскихъ Московскихъ институтахъ. Она была дѣйствительно мастерица своего дѣла, какъ преподавательница теоріи и школы этой науки и вдобавокъ съ прекрасными манерами въ обществѣ. Я пѣвалъ съ нею у Дивовыхъ.

Въ судьбѣ старшаго изъ упомянутыхъ братьевъ Граціани произошла значительная перемѣна.

Украшенный на подобіе содержателя гостиницы «Франція» какимъ-то иностраннымъ орденомъ въ петлицу, онъ, по отъѣздѣ своего брата-ревуна, пробавлялся или перебивался уроками на фортепіано, акомпанированіемъ пѣвцовъ и чѣмъ-то въ родѣ тапёрства для танцующихъ на вечерахъ, на которыхъ довольствовались фортепіаномъ, вмѣсто бальнаго оркестра. Затѣмъ, въ него влюбилась зрѣлая весталка Зинаида Бергманъ [1]), не смотря на то, что онъ былъ приземистаго роста и не особенно изъ себя казистъ; они бракосочетались, купили большой домъ на Пречистенкѣ [2]) и къ удивленію всей Москвы зажили въ немъ пышно и вмѣстѣ съ тѣмъ на визитныхъ своихъ карточкахъ стали именоваться графомъ и графинею Граціани. Гдѣ открыли они золотое руно или золотую руду, и какой изо всей вселенной монархъ пожаловалъ имъ графскій титулъ, осталось тайною даже до сего дня. Одно было вѣрно, что дѣвица Бергманъ не могла имѣть особенно значительнаго приданаго, а что̀ до импровизированнаго графа, не ради же любви къ искусству или изъ смиренія онъ упражнялся дотолѣ ремесломъ салоннаго тапёра. Но такъ какъ въ большомъ и даже маломъ свѣтѣ не принято изслѣдовать объ источникѣ состоянія каждаго изъ его членовъ (обычай весьма разумный), и когда двери освѣщеннаго «à jour» танцовальнаго зала растворяются настежъ,

---

[1]) Г-жа Бергманъ (мать) была сестра князей Александра и Николая Григорьевичей Щербатовыхъ, графини Шуваловой, Скарятиной, Опухтиной и давно умершей Соловой.

[2]) Впослѣдствіи Настасьи Николаевны Ермоловой, двоюродной сестры графини Зинаиды Граціани.

то несвойственно вламывающейся интеллигентной публикѣ расправшивать гостепріимныхъ хозяевъ: «кто вы такіе», а напротивъ, говорится: «покорнѣйше васъ благодаримъ, что вы доставляете намъ случай попринарядиться и повеселиться; а намъ, буди вамъ извѣстно, никакого дѣла нѣтъ до вашихъ антецедентовъ». И вотъ на основаніи такого свѣтскаго законодательства титулованная чета Граціани сразу получила право гражданства въ Московской высшей сферѣ.

Къ этому же времени относится и слѣдующій эпизодъ. Однажды на вечерѣ у супруговъ Мертваго, гдѣ находились мужъ и жена Граціани, хозяйка дома, замѣтивъ, что графъ Граціани какъ будто бы скучаетъ, подозвала свою пріятельницу Анну Сергѣевну Цурикову [1]) и говоритъ ей: «Ma chère Annette, faites donc quelque chose pour amuser le comte Graziani [2]). Услыхавъ это, остроумная княгиня Ольга Петровна Мещерская [3]), тутъ находившаяся, не вытерпѣла и замѣтила Сусаннѣ Александровнѣ: «Il paraît donc, madame, que les roles sont intervertis; avant c'était m-r Graziani qui amusait la société, et à présent c'est la société qui doit amuser m-r Graziani» [4]).

Но я нарушилъ хронологическое изложеніе событій. Причисляя медика А. С. Кронберга къ близкимъ людямъ моего семейства, упомяну мимоходомъ, что онъ женился этимъ лѣтомъ на меньшой дочери г-жи Севенаръ, содержательницы одного изъ лучшихъ въ Москвѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Долголѣтнею педагогическою своею дѣятельностію труженица эта не пріобрѣла ничего, чѣмъ бы обезпечить свою старость, кромѣ возможности дать приличное воспитаніе двумъ своимъ дочерямъ, старшая изъ коихъ была уже тогда замужемъ за нѣкіимъ Арсеньевымъ, служившимъ въ канцеляріи Московскаго военнаго генералъ-губернатора; но и этотъ зятёкъ не былъ находкою и перебивался съ трудомъ, хотя былъ у него дядя той же фамиліи сенаторомъ и имѣлъ свой домъ на Мясницкой. Г-жа Севенаръ выросла и въ молодыхъ лѣтахъ вращалась въ кругу Разумовскихъ и тому подобной Петербургской знати, обстоятельство, оставившее навсегда печать на ея обращеніи въ свѣтѣ и разговорахъ. Мужъ ея, когда-то учитель фехтованія, ничего также не нажилъ и взялъ на себя экономическую часть по пансіону жены. Оба они были отличные люди.

---

[1]) Этотъ анекдотъ относится по всему вѣроятію ко времени, когда Анна Сергѣевна Цурикова, будучи препоручена ея родителями (не жившими постоянно въ Москвѣ) попеченію Сусанны Александровны Мертваго, жила у нея въ домѣ.

[2]) „Милая Анюта, постарайтесь чѣмъ нибудь развеселить графа Граціани.

[3]) Рожденная княжна Козловская.

[4]) Роли повидимому измѣнились: прежде требовалось отъ г. Граціани, чтобы онъ веселилъ общество, а нынѣ насталъ чередъ обществу веселить г-на Граціани.

Болѣе прочихъ открыто жили тогда какая-то г-жа Столыпина и упомянутые выше Базилевскіе. О личности первой весьма мало мнѣ извѣстно, такъ какъ, когда я поселился въ Москвѣ, о ней не было еще слуховъ, и только передъ настоящимъ мною описываемымъ періодомъ, она купила домъ у Антипія, близъ Колымажнаго двора въ переулкѣ. Изъ себя она была видная и свѣжая, хотя не первой уже молодости, женщина, и о ней отзывались какъ о добрѣйшемъ существѣ. Мужъ ея былъ человѣкъ почтенныхъ уже лѣтъ; впрочемъ онъ на жениныхъ балахъ не показывался, да и я хорошо не помню, видалъ-ли я его или нѣтъ. О Базилевскихъ я не договорилъ, когда о нихъ шла рѣчь. Самъ Петръ Андреевичъ, вопреки своему камергерскому ключу, шибко напоминалъ Мольерова «Мѣщанина во дворянствѣ». Онъ принималъ фашіонабельную публику по утрамъ въ женином кабинетѣ и въ бархатной зеленой ермолкѣ, шитой серебромъ. Ермолка эта получила впослѣдствіи нѣкоторую общую извѣстность тѣмъ, что во время процедуры надъ ея хозяиномъ а-ла-Шешковскій, камердинеръ нашего камергера, дабы придать себѣ болѣе важную осанку и отождествиться съ своимъ бариномъ, облекся, какъ гласила молва, въ халатъ и ермолку своего господина [1]). Въ Московскомъ его домѣ была довольно замѣчательная коллекція произведеній новѣйшихъ художниковъ, имъ когда-то собранная за границею. Былъ онъ также лошадиный охотникъ и садился иногда на козлы коляски, на манеръ Англичанъ, но съ тою разницею, что Британцы въ этихъ случаяхъ управляютъ сами лошадьми (цугомъ отъ 4 до 6 коней и безъ форейтора), а нашъ Москвичъ, не довѣряя своему иппофильскому искусству, передавалъ возжи сидѣвшему рядомъ съ нимъ кучеру въ ливреѣ и въ штиблетахъ, а самъ довольствовался держать въ рукахъ длинный бичъ.

Появилось тогда въ рукописи сатирическое сочиненіе подъ названіемъ «каталогъ Московскаго общества» [2]), гдѣ, въ числѣ множества

[1]) П. А. Базилевскій былъ высѣченъ крѣпостными его людьми за жестокое съ ними обращеніе (мѣсто происшествія было въ деревенской глуши одного изъ его имѣній), послѣ чего они же взяли (какъ тогда разсказывали) съ него подписку, что онъ дѣйствительно былъ сѣченъ ими, на тотъ-де конецъ, что если бы онъ захотѣлъ изъ мщенія отдать кого нибудь изъ нихъ въ рекруты безъ очереди, то они могли бы тогда предъявить начальству этотъ документъ въ доказательство, что баринъ имъ мститъ. Разсчетъ оказался, помнится мнѣ, вѣренъ; неочередная отдача въ солдаты состоялась, и вслѣдъ за тѣмъ появилась на свѣтъ росписка, послѣдствіемъ коей было, что по высочайшему повелѣнію запрещено Базилевскому впредъ владѣть недвижимымъ имѣніемъ, каковое все передано было его сыну, а ему самому назначено мѣстожительство въ Остзейскихъ провинціяхъ, но потомъ разрѣшено переѣхать въ Парижъ, гдѣ, кажется, онъ и умеръ.

[2]) Прецедентъ подобнаго пасквиля (Catalogue de la société de St-Pétersbourg) былъ однажды въ Екатерининское время, какъ читается въ Запискахъ Энгельгардта, и

пошлаго, были однакоже и удачныя эпиграммы [1]). Составителями сатиры заподозрѣвались графъ Саліасъ-де-Турнемиръ и хромой Петръ Ивановичъ Фроловъ, личность которую непремѣнно опишу дальше. По поводу ли пререканій между двумя сказанными господами объ ихъ будто бы авторствѣ или по другой причинѣ, трудно теперь мнѣ припомнить, но они вцѣпились другъ въ друга на гуляньи въ Петровскомъ паркѣ. Графъ Саліасъ, слѣзшій съ лошади, отхлесталъ П. И. Фролова, а послѣдній принялся дубасить Французскаго графа своею неразлучною (по причинѣ хромоты) палкою и, обломавъ ее въ дребезги, подалъ будто бы эти остатки своему противнику при словахъ: «Дарю вамъ эти обломки для храненія въ вашемъ Турнемирскомъ замкѣ.» А затѣмъ послѣдовала между ними дуэль на пистолетахъ, въ коей былъ раненъ (но не тяжко) графъ Саліасъ.

Намъ всѣмъ однакоже ничего не было сначала извѣстно объ этой исторіи. Мы (мужская молодежь общества) сильно были заняты приготовленіями бала по подпискѣ (по 25 р. сер., помнится мнѣ, съ человѣка, а дамы *gratis*), который давали мы Московскому женскому обществу. Мы выпросили (или наняли, не помню) огромный, въ родѣ Ноева Ковчега, балаганъ въ Сокольникахъ, бывшій когда-то вокзаломъ дачниковъ и кое-какъ (довольно однакоже элегантно) украсили внутренность и лѣстницу оранжерейными растеніями. При входѣ въ залъ стояли изъ членовъ-распорядителей я и Аполлонъ Николаевичъ Волковъ [2]) для встрѣчи дамъ, каждой изъ коихъ мы вручали по букету. Въ самомъ разгарѣ танцевъ, находившійся въ числѣ приглашенныхъ одинъ изъ младшихъ полицмейстеровъ полковникъ Верещагинъ (отличный былъ онъ человѣкъ и не изъ хапуновъ), препоручивъ кому-то единственную свою дочку, коей, какъ сиротѣ по матери, рѣдко доставалось удовольствіе выѣзжать въ общество [3]), внезапно исчезъ. Подъ конецъ только бала мы узнали о дуэли графа Саліаса съ г. Фроловымъ и что по этому случаю потребованъ былъ Верещагинъ. Празднество наше удалось какъ нельзя лучше за исключеніемъ непріятности, бывшей его послѣдствіемъ и состоявшей въ томъ, что одинъ изъ

за него пострадали будто-бы мой отецъ и его сестра Елисавета Петровна Дивова. Обстоятельство это однакоже не подтверждается нашими семейными традиціями. Въ этомъ пасквилѣ было между прочимъ сказано о князѣ Безбородкѣ: „le chancelier nouveau, relié en veau."

[1]) Хотя иныя изъ нихъ я помню, но да проститъ читатель мое уклоненіе отъ повторенія ихъ на бумагѣ, такъ какъ многія изъ затронутыхъ лицъ еще по сю пору въ живыхъ и съ Божіею помощію могутъ здравствовать на многія лѣта.

[2]) Нынѣ Рязанскій вице-губернаторъ.

[3]) Прехорошенькая была эта дѣвушка: портилъ ее только черный цвѣтъ зубовъ.

членовъ-распорядителей (имя его не желаю выставить, но ручаюсь, что это не А. Н. Волковъ), кому вручена была часть изъ собранныхъ денегъ на уплату съемщику буфета и стола, по фамиліи Уварову, проигравъ эти деньги въ карты, водилъ за носъ съемщика-кондитера до того, что тотъ намѣревался жаловаться генералъ-губернатору; но дѣло обошлось однакоже безъ скандала.

Хотя выше у меня находится довольно подробный перечень женской части тогдашняго общества, но въ немъ почти вовсе не говорится о молодомъ мужскомъ его составѣ, каковой пробѣлъ требуетъ быть дополненнымъ. О князьяхъ А. М. Хилковѣ, А. П. Хованскомъ, К. А. Черкасскомъ и о нѣкоторыхъ другихъ я уже говорилъ; но пропущены слѣдующіе: Юрій Ѳедор. Самаринъ, блистательно кончившій недавно передъ тѣмъ университетскій курсъ и предвѣщавшій уже то, чѣмъ впослѣдствіи онъ оказался, Аполлонъ и Левъ Николаевичи Волковы [1]), Алексѣй Сергѣевичъ Пушкинъ [2]) князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій, князь Яковъ Григорьевичъ Голицынъ [3]), графъ Николай Петровичъ Апраксинъ [4]), молодой князь Четвертинскій (красивѣйшій гусарскій офицеръ, какихъ только можно было видѣть); князь Левъ Михаиловичъ Голицынъ, который могъ бы быть красавцемъ, еслибы не чрезмѣрная его тучность [5]); князь Шаховскій, не военный и видный изъ себя мужчина [6]); баронъ Левъ Львовичъ Боде [7]); Шеппнгъ [8]), нѣкій Хвостовъ, исполинскаго роста брюнетъ; Мартыновъ (бывшій кирасиръ и женившійся около сего времени на миловидной Ушаковой); князь Левъ Гагаринъ (извѣстный читателю повѣса, тотъ что изъ-за пари чуть не сбилъ съ ногъ Императора Николая Павловича, за что и по-

---

[1]) Л. Н. Волковъ женился позднѣе на княжнѣ Маріи Михайловнѣ Голицыной, дочери построившаго Московскую Голицынскую галлерею. По поводу этой постройки замѣчу мимоходомъ, что за границею строютъ по необходимости „пассажъ", тамъ гдѣ нѣтъ возможности прорѣзать улицу; а здѣсь, напротивъ, уничтожили улицу (правда, что изъ однихъ заборовъ), чтобы соорудить этотъ „пассажъ."

[2]) Женившійся позднѣе на дочери князя Николая Ив. Трубецкаго.

[3]) Гусарскій армейскій офицеръ и ремонтёръ, никогда не бывшій женатымъ и застрѣлившійся въ припадкѣ ипохондріи не въ старыхъ еще лѣтахъ.

[4]) Долго былъ Владимирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, старый понынѣ холостякъ.

[5]) Былъ адъютантомъ при герцогѣ Максимиліанѣ Лейхтенбергскомъ и умеръ очень молодымъ.

[6]) Женился на красавицѣ, княжнѣ Четвертинской и долго былъ Серпуховскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

[7]) Умеръ въ Крыму офицеромъ Подольской дружины Московской губерніи.

[8]) Сынъ Маріи Дмитріевны, рожденной Чертковой; позднѣе онъ женился на Языковой.

платился, помнится мнѣ, заключеніемъ въ крѣпости); Сухово-Кобылинъ (братъ графини Саліасъ и извѣстный, какъ бывшій подъ судомъ въ началѣ 50-хъ годовъ по обвиненію въ убіеніи его людьми Француженки Симонъ, онъ же и авторъ комедіи «Свадьба Кречинскаго»); князья Евгеній и Владиміръ Александровичи Черкасскіе (первый изъ нихъ былъ тогда адъютантомъ при генералѣ Каблуковѣ, а вторый только что окончилъ университетскій курсъ); Алябьевъ, достойный по наружности братъ красавицы Киреевой; нѣкто Огаревъ [1]) и въ заключеніе Зембулатовъ, памяти коего не могу не посвятить нѣсколькихъ словъ.

Еслибы я родился піитой Елисаветинскаго или Екатерининскаго вѣка, когда ни одинъ панегирикъ не обходился безъ миѳологическихъ боговъ и богинь, то я всенепремѣнно сказалъ бы, что Зембулатовъ былъ олицетворенный Адонисъ или Антиной, съ тою однакоже разницею, что въ твореніяхъ Греческихъ ваятелей идеальные эти типы лишены всякаго выраженія, тогда какъ у Зембулатова не было подобнаго недостатка. Всматриваясь въ него, приходило мнѣ въ голову, что трудно любой женщинѣ устоять противъ чарующей силы этого человѣка; но не въ одномъ этомъ наружномъ преимуществѣ состояла отличительность Зембулатова отъ прочей молодежи. Онъ соединялъ въ себѣ манеры истиннаго джентельмана (a perfect gentleman), скромность въ обращеніи, игривый умъ, даръ разсказа и замѣчательный талантъ рисованія карикатуръ и даже ландшафтовъ. По темнымъ длиннымъ волосамъ, по тогдашней прическѣ *à la moujik*, бровямъ и усамъ, онъ напоминалъ южный типъ; но большіе темносиніе глаза и цвѣтъ лица обличали сына Сѣвера. Бороды онъ не запускалъ, не слѣдуя модѣ, казавшейся въ то время эксцентричною. Одна нога была у него повреждена, и я не иначе его знавалъ какъ немного прихрамывающимъ, и потому онъ не былъ въ числѣ танцоровъ. Здоровье его постепенно разстроивалось, и въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ его постигъ параличъ, и онъ вскорѣ умеръ. Хотя я не слыхивалъ, чтобы онъ былъ игрокомъ, но житейскія его средства стали упадать наравнѣ съ жизненными силами. Онъ дошелъ до совершенной почти нищеты, и не думаю ошибиться, если добавлю, что не будь поддерживающей руки двоюроднаго его брата, Михаила Ѳедоровича Рахманова [2]), то блистательному нѣкогда Зембулатову пришлось бы, пожалуй, кончить дни

---

[1]) Не тотъ ли самый, что позднѣе эмигрировалъ? Онъ былъ маленькаго роста и ничѣмъ, помнится мнѣ, не отличался.

[2]) М. Ѳ. Рахмановъ, старый богатый холостякъ, извѣстный гастрономъ и умнѣйшій человѣкъ, умеръ 6 Декабря прошлаго 1871 года.

въ богадѣльнѣ. Помѣщенный выше въ числѣ красавцевъ молодой Алябьевъ былъ довольно схожъ съ Зембулатовымъ, но много ниже ростомъ. Встрѣчалъ я изрѣдка въ обществѣ обѣдавшаго часто у Шевалье извѣстного Москвича Петра Яковлевича Чаадаева, но не былъ съ нимъ знакомъ и не могу формулировать никакого моего о немъ мнѣнія. Отзывы о немъ разнорѣчивы.

Мы (т. е. жена и я) часто видались съ старыми нашими, по Флоренціи, друзьями Вонлярлярскими. (Впредъ буду звать ихъ просто Лярскими, по всеобще-принятому обычаю). Они занимали тогда домъ Пѣвцовой, въ началѣ Армянскаго переулка (отъ Мясницкой), составляющій уголъ, послѣ коего переулокъ дѣлаетъ крутой поворотъ на лѣво. У нихъ было тогда двѣ дочери и сынъ Александръ [1]). Старшая изъ дочерей, Анна, была съ родителями за границею въ 1837 и 1838 годахъ, а Софія оставалась съ своимъ братомъ у бабушки [2]). Однажды, когда я гулялъ съ моею Анеттиною по Кремлевскому саду, вдругъ подбѣжалъ къ ней красивый мальчикъ, 10 или 11 лѣтъ, и поцѣловалъ ее. Это былъ Саша Лярскій, дозволившій себѣ эту фамиліарность по праву знакомства; тѣмъ не менѣе шести или семилѣтняя наша дѣвочка очень сконфузилась подобнымъ съ нею обращеніемъ при публикѣ. Понимаю, что этотъ эпизодъ не интересуетъ посторонняго читателя; но всякое, мельчайшее воспоминаніе объ ангельскомъ этомъ существѣ дорого для отцовскаго сердца, а я вѣдь пишу не столько для другихъ, сколько для себя.

Мы были на одномъ или двухъ дѣтскихъ спектакляхъ у Лярскихъ, и нельзя было не дивиться раннему таланту этихъ маленькихъ актеровъ. Въ числѣ публики помню Меропу Александровну Новосильцову съ ея падчерицею Екатериною Петровною, дочерью ея мужа (Петра Петровича) отъ первой жены, рожденной Мансуровой [3]). Неотвязчиво сватался за Екатерину Петровну князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій, не взирая на ея некрасоту, плоховатое здоровье и отсутствіе всякаго почти приданаго [4]); должно быть, онъ плѣнился ея умомъ, наслѣдованнымъ ею отъ отца. Наконецъ, давши уже слово князю Вяземскому, она продолжала обращаться съ нимъ какъ съ надоѣвшимъ ей сильно господиномъ, и спрошенная кѣмъ-то изъ знакомыхъ, зачѣмъ она рѣшилась выходить за него, отвѣчала: «чтобы только отдѣлаться отъ

---

[1]) Онъ давно уже женатъ на Вырубовой.

[2]) Софія Александровна Лярская скончалась несовершеннолѣтнею въ началѣ 50-хъ годовъ.

[3]) Отъ того же брака Иванъ Петровичъ Новосильцовъ.

[4]) У князя Н. С. Вяземскаго весьма хорошее состояніе въ Симбирской губерніи.

него». Упомянулъ я выше о вечерѣ у Лярскихъ, гдѣ она была подъ крыломъ своей мачихи, для слѣдующей характеристической о ней черты. П. П. Новосильцовъ готовился тогда съѣздить вдвоемъ съ нею, уже просватанной, на короткое время къ своему шурину генералу Мансурову, нашему военному агенту при Прусскомъ дворѣ. По этому поводу кто-то на вечерѣ у Лярскихъ спросилъ у Екатерины Петровны, на долго ли она отъѣзжаетъ за границу.—«Надѣюсь, что уже никакъ не менѣе какъ на 6 мѣсяцевъ». — «Какъ на 6 мѣсяцевъ?» возразила удивленная Меропа Александровна. «Развѣ ты забыла, что свадьба твоя назначена черезъ два мѣсяца?»—«Да, это правда. Ахъ, какъ это скучно!» Можно сказать, что у кн. Н. С. Вяземскаго былъ *ейнъ гроссе куражъ*, чтобы настаивать на выборѣ себѣ въ жены подобной женщины; но онъ не ошибся: изъ нея вышла хорошая жена и хорошая мать [1]).

Александръ Александровичъ Лярскій только что тогда начиналъ идти въ гору, и въ компаніи съ братьями Рябиниными предпринялъ постройку Ярославскаго шоссе.

Пріѣхалъ тогда въ Москву Сергѣй Васильевичъ Цуриковъ, тесть моего шурина Нарышкина [2]), мнѣ знакомый, по моей юнкерской еще службѣ въ Орлѣ. Цѣлью его пріѣзда было *пустить въ свѣтъ* (переводъ Французской фразы «lancer dans le monde», за который прошу меня не осуждать) семнадцатилѣтнюю свою дочь Анну Сергѣевну, и время доказало, что галлицизмъ мой есть самое свойственное выраженіе къ случившемуся съ Анною Сергѣевною; потому что она не замедлила занять такое авторитетное въ Московскомъ свѣтѣ мѣсто, какое не всѣмъ старухамъ, съ большими связями, приходится на долю. Собою она тогда была очень хороша: смугловатою Цыганкою съ розовыми щеками и большими выразительными глазами. Дебюты ея были препоручены мнѣ, но не на бальномъ поприщѣ, а по кавалькадной части; и мнѣ, какъ ея кавалеру, можно было гордиться этою великолѣпною амазонкою (и ростомъ, и таліею), передъ коею останавливались прохожіе. Случалось, что третьею была въ этихъ кавалькадахъ С. А. Рябинина, граціознѣйшая наѣздница, съ коею Анна Сергѣевна скоро сблизилась.

---

[1]) Княгиня Е. П. Вяземская померла чахоткою въ концѣ 50-хъ годовъ.

[2]) А. И. Нарышкинъ былъ въ то время занятъ откупными дѣлами (но не какъ принципалъ) въ Одессѣ и въ южныхъ губерніяхъ. Орловское же его имѣніе было въ опекѣ, по неудачному предпріятію винокуреннаго завода; умнымъ попеченіемъ его тестя имѣніе уцѣлѣло, и долги были уплачены.

Какъ семейное событіе, отмѣчу, что этимъ лѣтомъ двоюродная моя сестра Елисавета Александровна Тимофѣева вышла за Андрея Евграфовича Кикина. Свадьба ихъ была въ с. Воронцовѣ. Премилый, образованный человѣкъ былъ Андрей Евграфовичъ, но плохого здоровья; онъ померъ въ слѣдующемъ 1845 году.

Однакоже я совсѣмъ забылъ объ обѣщанной мною біографіи П. И. Фролова. Вотъ она вкратцѣ даже до сего дня. Начало служебнаго его поприща было въ Черноморскомъ флотѣ, во времена адмирала Лазарева; а что онъ былъ не изъ трусливаго десятка, въ томъ свидѣтельствуетъ его Георгіевскій крестъ. Не изъ богатыхъ помѣщиковъ Коломенскаго уѣзда, онъ при раздѣлѣ съ своими сестрами родительскаго имѣнія предоставилъ имъ все, а самъ рѣшился перебиваться одною службою. Таковы похвальныя его черты; но вслѣдствіе раздражительнаго и буйнаго нрава, увлекавшаго его въ разныя приключенія и житейскія невзгоды, онъ прослылъ въ Москвѣ бретёромъ и дуэлистомъ. При всемогущемъ пашаликатствѣ графа Закревскаго въ Москвѣ, П. И. Фроловъ за какую-то (не упомню) черезчуръ рѣзкую дерзость, сдѣланную имъ нѣкіимъ супругамъ Сипягинымъ, подвергся ссылкѣ административнымъ порядкомъ на крайній Сѣверъ, въ Колу, а потомъ въ Архангельскъ. Возвращенный оттуда въ Москву, въ началѣ 50-хъ годовъ, онъ, на подобіе извѣстнаго въ свое время провалившагося въ житейскихъ своихъ ресурсахъ Львова *), позаинтересовалъ Московскую публику намѣреніемъ своимъ подняться на воздушномъ шарѣ съ однимъ пріѣзжимъ воздухоплавателемъ, но отказался въ минуту исполненія замысла, потому-де (какъ самъ разсказывалъ), что газу не впущено было въ достаточномъ количествѣ на двоихъ, и что антрепренёръ воздухоплаванія злоумышленно поскупился на него въ угодность будто бы тогдашнему оберъ-полицмейстеру, Алексѣю Александровичу Берингу, желавшему, чтобы П. И. Фроловъ (коего онъ повидимому не долюбливалъ), какъ новый Икаръ, слетѣлъ съ небеснаго свода и сломилъ себѣ голову. Толкованіе это я

*) Извѣстно мнѣ по семейнымъ разсказамъ, что, въ царствованіе императора Павла или въ началѣ царствованія Александра Павловича, какой-то промотавшійся Львовъ вздумалъ изъ спекуляціи или другой, быть можетъ, причины подняться на воздушномъ шарѣ и, прощаясь съ близкими его знакомыми, тутъ находившимися, начерталъ экспромптомъ по нѣскольку виршей каждому изъ нихъ. Поднялся-ли онъ или нѣтъ, не знаю; но на него сочинены были стихи:

Генералъ Львовъ
Леталъ до облаковъ
Просить боговъ
Объ уплатѣ долговъ.

считаю баснею, а скорѣе всего, что нашъ аматёръ-аеронавтъ струсилъ, когда приспѣла роковая минута *).

Ради параллельнаго изложенія всѣхъ отъ великихъ до малыхъ событій, не пропущу и того, что, по случаю избранія Московскимъ городскимъ головою купца Шестова, придумано было четверостишіе въ родѣ слѣдующаго:

Въ шестигласной нашей думѣ
Собралось пять дураковъ.
Для устройства городскаго,
Они выбрали *шестаго*.

Слѣдуетъ однакоже сказать, что купецъ Шестовъ далеко не оказался дуракомъ. Онъ грызся зубъ за зубъ съ тогдашнимъ оберъ-полицмейстеромъ Л. М. Цынскимъ (а это немало значило тогда), по поводу городскаго освѣщенія, каковую монополію держала тогда полиція, и не съ убыткомъ (какъ было слышно), хотя для предотвращенія у будочниковъ и фонарщиковъ возможности отдѣлять для пищи часть отпускаемаго ежедневно масла на городское освѣщеніе, туда бросали (если вѣрить разсказамъ) дохлыхъ мышей. Купецъ Шестовъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, и съ того времени уличнымъ освѣщеніемъ завѣдываетъ градская дума.

Въ высшемъ административномъ мірѣ случилось около этого времени (или быть можетъ немного ранѣе) одно крупное приключеніе, надѣлавшее много шуму. Уже болѣе 10 лѣтъ, какъ Константинъ Марковичъ Полторацкій былъ Ярославскимъ военнымъ губернаторомъ. Человѣкъ онъ былъ хорошій и всѣми любимый и. располагая широкими собственными средствами, онъ жилъ царькомъ въ Ярославлѣ. Будучи недоволенъ дѣйствіями мѣстнаго полицмейстера, онъ принудилъ его подать въ отставку; но лицо это вскорѣ послѣ сего отправилось въ Петербургъ, гдѣ, явясь къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Льву Алексѣевичу Перовскому, просило объ опредѣленіи его снова куда-нибудь на службу. Когда же на эту просьбу Перовскій заявилъ ему, что тому препятствуетъ дурная о немъ аттестація отъ бывшаго его прямого начальника, то онъ отвѣчалъ: «Удивляюсь, что его превосходительство такъ строгъ ко мнѣ, тогда какъ самъ не стѣсняется дѣлать

*) Нынѣ П. И. Фроловъ присмирѣлъ, но за то сдѣлался вездѣсущъ, на балахъ, концертахъ, бульварахъ, въ церквахъ, посѣщаемыхъ бо-мондомъ, на похоронахъ, въ клубахъ, на засѣданіяхъ Дворянскаго Собранія, у викарнаго архіерея и пр. Дивиться можно, какъ онъ, прихрамывая, повсюду поспѣваетъ, и особливо гдѣ можно хорошо покушать и попить.

противозаконное.» — «Что вы хотите этимъ сказать?» спросилъ удивленный министръ. «А то, ваше высокопревосходительство, что генералъ Полторацкій изволилъ взять, подъ видомъ займа, для собственныхъ своихъ надобностей, столько-то (20 тыс. рубл. сер.) изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія.» — «Увѣрены ли вы въ томъ, что говорите?» — «Я настолько въ томъ увѣренъ, что предлагаю отправить сію же минуту какого-нибудь изъ довѣренныхъ вамъ лицъ въ Ярославль прямо въ Приказъ для повѣрки моего заявленія.» Перовскій послушался его. Отправленный имъ въ Ярославль чиновникъ прикатилъ прямо къ тамошнему Приказу Общественнаго Призрѣнія и, предъявивъ свой министерскій видъ, запечаталъ денежный ящикъ; а на слѣдующее утро, когда при полномъ присутствіи открытъ былъ ящикъ, тамъ нашлась дѣйствительно росписка К. М. Полторацкаго, что онъ взялъ на короткое время заимообразно 10 или 12 тыс. рублей. Одновременно со взятіемъ этихъ денегъ онъ предписалъ управляющему его имѣніемъ немедленно выслать къ нему таковую же сумму, весьма незначительную въ сравненіи съ доходами Константина Марковича; но управляющій не успѣлъ еще исполнить приказанія своего господина, какъ исторія съ полицмейстеромъ разыгралась. Перовскій, по полученіи этой фатальной росписки, немедленно донесъ о случившемся Государю, и на слѣдующій день явилось въ приказѣ, что Полторацкій увольняется (или даже, быть можетъ, отставляется) отъ службы. Паденіе его было тѣмъ скандальнѣе, что онъ въ то время находился самъ въ Петербургѣ и чуть ли не наканунѣ катастрофы представленъ былъ самимъ Государемъ (очень любившимъ Константина Марковича) какому-то пріѣхавшему въ Петербургъ Нѣмецкому принцу, какъ образцовый губернаторъ, и тутъ же Государь крайне фамиліарно шутилъ съ нимъ и пугалъ будто бы его.

Согласно принятому мною плану излагать въ параллельномъ порядкѣ все достопамятное, помѣщу одинъ курьезъ изъ политическаго міра въ концѣ 1843 или началѣ 1844 года.

Несовершеннолѣтняя тогда Испанская королева Изабелла, находившаяся подъ опекою министра Олоцага, подписала какой-то декретъ, сильно взволновавшій одну изъ вліятельныхъ партій. Испуганная послѣдствіями своего поступка, королева явилась въ сессію кортесовъ и, заливаясь слезами, объявила, что ея опекунъ Олоцага мало того, что настаивалъ, чтобы она подписала злополучный декретъ, но что, схвативъ у нея руку, онъ насильственно водилъ ею по бумагѣ. Царственный ея санъ не допускалъ, конечно, очной ставки съ подданнымъ, хотя

она, какъ легкомысленная дѣвочка, могла быть вовлечена къ подписанію декрета не опекуномъ, а кѣмъ-нибудь изъ окружавшей ее камариллы, вслѣдствіе чего обвиняемаго ею министра хотѣли было предать суду, но не успѣли: его превосходительство удралъ въ Португалію, сопровождаемый шайкою контрабандистовъ, указавшихъ ему потаенный путь туда черезъ горы. Кромѣ какъ въ Испаніи, подобное событіе съ министромъ не можетъ случиться нигдѣ.

Извѣстившись, что, не взирая на всѣ мои старанія задержать въ подлежащихъ инстанціяхъ взятіе въ опеку моего имѣнія, Костромской нашъ губернаторъ склоненъ приступить къ этой мѣрѣ, я упросилъ тещу мою, какъ знакомую съ давняго времени съ семействомъ Жуковыхъ, съѣздить на мой счетъ въ Кострому и постараться отвратить на время эту бѣду. Не могу сказать, чтобы личныя противъ меня причины неудовольствія побуждали Н. И. Жукова намѣренно мнѣ повредить; но при немъ состояло одно лицо, вкравшееся въ его довѣренность и ко мнѣ неблаговолившее, да и самъ онъ былъ старъ, изношенъ, такъ сказать, на службѣ, упрямаго нрава, болѣзненный и раздраженный невліятельнымъ своимъ положеніемъ въ высшихъ министерскихъ сферахъ. Теща моя, при содѣйствіи достойной Софіи Ивановны (жены Н. И. Жукова), успѣла предотвратить собиравшуюся на меня грозу; но не на долго.

Передъ отъѣздомъ моего семейства въ Знаменское на остальную часть лѣта, мы взяли въ гувернантки для нашей Анеттины Швейцарку, г-жу Ломле, вдову знакомаго мнѣ когда-то Англичанина, женщину съ изящными манерами и хорошо знавшую Англійскій языкъ [1]). Съ женою также поѣхала дочь моего давнишняго друга Ф. Ф. Путò, дѣвушка лѣтъ 17-ти, недавно пріѣхавшая къ отцу прямо изъ одного Парижскаго пансіона. Хотя годами она не могла быть компаніонкою для нашей дѣвочки, но, постоянно обращаясь съ нею, Анеттина вскорѣ присвоила себѣ чистый Французскій акцентъ и даже нѣкоторые термины и обороты фразъ Парижскаго жаргона [2]).

---

[1]) Г-жа Ломле (пишется по англійски „Lumley“) какъ-то не поладила съ моею женою и пробыла у насъ менѣе года. Мужъ ея былъ въ 1830-мъ году бухгалтеромъ въ Кронштадтѣ, у Англійскаго консула Букера, главы торговаго дома.

[2]) Я употребляю здѣсь слово „жаргонъ“ не въ смыслѣ тривіальнаго, простолюдпаго нарѣчія, а какъ выраженіе Парижскаго идіома, на которомъ не говоритъ однакоже высшее даже наше общество, правильно изучившее Французскій языкъ. Наши соотечественники присвоили себѣ нѣкоторыя выраженія, каковыхъ не употреблялъ ни одинъ Французъ. Такъ напримѣръ, слышатся у насъ le promis, la promise вмѣсто le futur и la fature, le prétendu, le fiancé, la fiancée, а во Французской грамматикѣ слово „promis“ есть

Наконецъ, баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, послѣ четырехлѣтняго томленія, получилъ, весною того 1844 года, согласіе Ланскихъ на его бракъ съ ихъ дочерью Маріею Сергѣевною, давно платившею ему тѣмъ же чувствомъ. При всѣхъ совершенствахъ Варвары Ивановны Ланской, она не могла совершенно освободиться отъ аристократической спѣси своего вѣка, и долго пришлось ей бороться съ собою, чтобы преодолѣть чувство почти что отвращенія выдать дочь за Вревскаго[1]), при всемъ томъ, что она умѣла цѣнить по достоинству его личность. «Je crois que m-me votre mère», сказала она мнѣ однажды по сему поводу, «n'aurait jamais consenti à pareille mésalliance[2]). Что же дѣлать? Невозможно намъ отречься отъ понятій и убѣжденій, въ коихъ мы выросли.

Свадьба Вревскихъ состоялась въ Іюлѣ, въ Варьинѣ, на Клязьмѣ, въ имѣніи В. И. Ланской, въ 26 или 28 верстахъ отъ Москвы, куда съѣхались всѣ родные, въ томъ числѣ съ Кавказа баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій (уже полковникомъ главнаго штаба), а также нѣкоторые изъ близкихъ знакомыхъ Ланскихъ, въ числѣ коихъ и я, и свадьба была отпразднована на славу. Счастливую молодую чету обвѣнчали утромъ въ сельской церкви, а послѣ свадебнаго стола мы сыграли двѣ піесы: одну Французскую, а другую Русскую, сюжетъ коей былъ взятъ изъ ямщичьяго быта и примѣненъ къ настоящему случаю (pièce d'occasion) однимъ домашнимъ драматистомъ, бывшимъ учителемъ Русскаго языка дѣтей у Ланскихъ. Въ ней я удостоился аплодисментовъ въ роли пожилого ямщичьяго старосты. Во Французской піесѣ первую женскую роль отлично сыграла одна изъ сестеръ

причастіе отъ глагола promettre, означающее „обѣщанный“, а существительнаго таковаго слова, какъ передѣлали его у насъ, не имѣется. Русскіе также говорятъ „j'ai changé de *quartier*, вмѣсто „j'ai changé de logement“; также Русскую нашу копѣйку зовутъ „sou“, тогда какъ Французская монета *су* имѣетъ другую цѣнность. При обращеніи къ нѣсколькимъ собраннымъ дѣвицамъ, у насъ говорятъ „mesdames“, вмѣсто „mesdemoiselles“, также слово fou вмѣсто „imbécile“ (дуракъ); говорятъ „vous“, относясь къ такимъ лицамъ, которымъ они по русски говорятъ „ты“; деревенскаго старосту зовутъ bailli. Фраза „je ne saurais vous dire“ есть переводъ Русскій „не могу вамъ сказать“, а Французъ вмѣсто того скажетъ „je ne sais“, или „je ne puis vous dire, и пр. Я слыхалъ, что графъ-де-Барантъ говорилъ, что, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга (гдѣ онъ былъ Французскимъ посланникомъ) въ отпускъ въ Парижъ, его друзья подсмѣивались надъ нимъ по поводу нѣсколькихъ таковыхъ Русско-Французскихъ выраженій (des russicismes), незамѣтно перешедшихъ въ его нарѣчіе отъ сношенія съ Русскимъ обществомъ. Не говорю уже о ломаномъ псевдо-французскомъ нарѣчіи нашихъ провинціаловъ.

[1]) Я уже говорилъ, что оба братья Вревскіе, какъ и Сердобины, были воспитанники князя А. Б. Куракина.

[2]) Я думаю, что ваша мать никогда не дала бы согласія на подобный неравный бракъ.

Голынскихъ, давняя подруга Маріи Сергѣевны. Весело протекли эти три-четыре дня въ Варьинѣ, въ катаніяхъ съ дамами верхомъ и на лодкѣ, которою мы сами управляли и гребли, въ репетиціяхъ нашихъ піесъ и приготовленіяхъ иллюминаціи, въ хоровомъ пѣніи крестьянскихъ и солдатскихъ пѣсенъ; словомъ, жили непринужденною, Русскою на распашку жизнію, въ предѣлахъ приличія. А подъ конецъ свадебнаго бала (на которомъ, съ дозволенія хозяевъ дома, мы оставались въ нашихъ Русскихъ костюмахъ сыгранной передъ тѣмъ піесы, то есть въ красныхъ, опоясанныхъ, рубахахъ и съ голыми шеями), мы тайкомъ, а напослѣдокъ и не тайкомъ отъ дамъ повдохновились препорядочно Шампаньономъ (за исключеніемъ, разумѣется, новобрачнаго) до разсвѣта, и вслѣдъ затѣмъ, не ложась, я возвратился въ Москву съ одуренною немного головою.

Въ концѣ лѣта, сдавъ домъ Мещеринова*), я переѣхалъ на время на квартиру Ф. Ф. Путò, на Остоженкѣ, насупротивъ церкви Воскресенія Господня, въ коей за десять ровно лѣтъ передъ тѣмъ я далъ обѣтъ въ супружеской вѣрности. Остепенился ли я съ тѣхъ поръ и преуспѣлъ-ли въ добродѣтеляхъ, обязательныхъ для семьянина, о томъ пусть судятъ посторонніе.

Принялся я отъ нечего дѣлать (справедливѣе было бы сказать, отъ того, что не хотѣлъ заняться чѣмъ нибудь серіознымъ, хоть бы службою) за реставрированіе старыхъ картинъ у неоднократно упомянутаго П. П. Пикколи. Какъ я ничего не дѣлаю безъ, такъ сказать, запоя, то и просиживалъ за этою работою по цѣлымъ днямъ, въ признательность за что добрый Пикколи кормилъ меня обѣдомъ съ Шампанскимъ и передавалъ мнѣ иногда свой билетъ въ Итальянскую оперу, тогда открывшуюся въ первый разъ въ Москвѣ. Говорю «въ первый разъ», потому что бывшая въ концѣ 20-хъ годовъ въ Апраксиномъ домѣ Итальянская опера болѣе походила на пародію надъ оной, или на провинціальный составъ пѣвцовъ. Но теперь ангажированъ былъ знаменитый по всей Италіи теноръ Сальви, весьма еще мало спавшій съ голоса. Недостатокъ этотъ замѣчался тогда лишь, когда онъ силился

*) Какъ черту неуваженія къ чужой собственности въ прежней нашей дворнѣ и въ тоже время непрошеннаго коммунизма во всемъ, относившемся къ своему барину, выставлю примѣръ, что, во время сдачи мною дома Мещеринова, прибѣжалъ ко мнѣ хозяйскій дворникъ съ жалобою, что мой кучеръ (дворовый человѣкъ тещи моей) разоряетъ конюшню. Побѣжалъ я туда и дѣйствительно вижу, что кучеръ Семенъ сбиваетъ топоромъ вѣшалки для сбруи, и когда я началъ его бранить за это, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Такъ что-жъ? Вѣдь *мы* за все заплатили, а вѣшалки пригодятся намъ въ Знаменскомъ.“ Очень типично это *мы*.

форсировать острыя (т. е. самыя высокія) грудныя ноты, какъ удавалось его предшественнику Дюпрè и чѣмъ прославился позднѣе Тамберликъ; но въ плавномъ пѣніи (по-итальянски «cantilena») онъ былъ превосходенъ оконченностію вокализаціи *) и экспрессіею. Талантлива довольно была и молодая примадонна Ассандри, хотя съ органомъ не изъ сильныхъ, но звучнымъ и вообще артистка симпатичная. Въ составѣ труппы былъ также удовлетворителенъ весьма баритонъ Кривелли, а также и артистъ низкихъ, басовыхъ партицій (basso profondo), фамиліи коего не упомню: но протодіаконскій его органъ напоминалъ слегка извѣстнаго Лаблаша. Тогда только могли Москвичи вполнѣ наслаждаться геніальными произведеніями Донидзетти, каковыми навсегда останутся «Лучія ди Ламермуръ» и «Лукреція Борджіа», хотя нѣкоторое понятіе объ этихъ операхъ дала нашей публикѣ бывшая незадолго передъ тѣмъ Нѣмецкая оперная труппа, лучшимъ артистомъ коей былъ баритонъ Ферзингъ.

Подъ конецъ осени поѣхалъ я, мѣсяца на два, къ своимъ въ Знаменское и возвратился оттуда въ Москву уже зимнимъ путемъ въ маленькую, но уютную квартирку, меблированную нарочно для меня преданнымъ мнѣ Радзиковскимъ. Квартира эта была во второмъ этажѣ четырехэтажнаго дома княгини Голицыной на Большой Никитской, а кондитерская Радзиковскаго помѣщалась въ первомъ этажѣ: вещь весьма для меня удобная, такъ какъ, занимаясь тогда всѣми вообще моими дѣлами, онъ могъ во всякое время бывать у меня. Въ Ноябрѣ или Декабрѣ получено было изумившее всѣхъ извѣстіе, что З. С. Дивова, какъ новая Сарра, благополучно разрѣшилась въ Римѣ своимъ первенцемъ, коему дано было имя Сергія. Событіе это потому насъ удивило, что она уже 18 лѣтъ была за мужемъ. Бывалъ я въ теченіе всей зимы разъ или два въ Знаменскомъ, гдѣ жена моя опять имѣла несчастные роды; въ Москвѣ же я совершенно пересталъ ѣздить по прежнему въ общество и все занимался дома рисованіемъ, а по вечерамъ бывалъ въ Нѣмецкомъ Клубѣ, гдѣ Радзиковскій, какъ членъ онаго, записалъ меня временнымъ гостемъ на весь зимній сезонъ. Съ Леономъ, озабоченнымъ по обыкновенію безъ явной пользы множествомъ въ одно время дѣлъ, я рѣдко уже встрѣчался. Въ началѣ этого 1845 года, учитель пѣнія, Итальянецъ Джанотти, женился на дочери Французскаго книгопродавца г. Рено̀, бывшаго передъ тѣмъ въ товариществѣ съ г. Урбеномъ, жены коихъ были, если не ошибаюсь, дочерьми современнаго моему отцу стараго книгопродавца г. Риса, еще

*) Метода выпусканія голоса и дикціи.

въ живыхъ въ описываемое мною время, но совершенно ослѣпшаго. Свадебный пиръ, на который были приглашены Л. А. Гизетти и я, былъ въ квартирѣ г. Урбена (въ домѣ нынѣ Торлецкаго, на Кузнецкомъ мосту) и отличался роскошью и изяществомъ, и всѣ вина (отборныя) были отъ почтеннаго Ф. И. Депрѐ (также близкаго родственника новобрачной), которыми онъ самъ потчивалъ гостей. Были тутъ двѣ прелестныя молодыя дамы, дочери упомянутаго Ф. И. Депрѐ, за мужемъ за Французами, фамилій коихъ не упомню; я имѣлъ удовольствіе вести одну изъ нихъ къ свадебному обѣду, по предназначенному заранѣе порядку, и сидѣть за столомъ возлѣ нея.

Пришлось мнѣ тогда творить забавный судъ Соломоновъ въ супружескихъ дѣлахъ Порзненскихъ моихъ крестьянъ, проживавшихъ въ подмосковномъ заведеніи сортированія шерсти Англичанина Бейля, въ с. Свирловѣ [1]). Приходитъ ко мнѣ однажды оттуда приказчикъ съ объясненіемъ, что онъ посадилъ въ домашнюю арестантскую камеру одного изъ моихъ крестьянъ, тамошнихъ работниковъ, за то, что, будучи въ нетрезвомъ видѣ, онъ жестоко избилъ свою жену, и когда приказчикъ, сжалясь надъ этой женщиною, пытался освободить ее изъ мужниныхъ рукъ, крестьянинъ этотъ нагрубилъ ему [2]). Я одобрилъ дѣйствіе приказчика; но вотъ вслѣдъ за нимъ приходитъ избитая женщина съ жалобою на приказчика, какъ смѣлъ онъ заарестовать ея мужа и когда я пытался было доказывать ей, что приказчикъ такъ поступилъ единственно изъ соболѣзнованія къ ней, и что слѣдуетъ сказать ему спасибо, ибо мужъ ея могъ, пожалуй, изувѣчить ее, она мнѣ отвѣчала: «А какое ему до этого дѣло, если мужъ мой *учитъ* меня?» О патріархальный Русскій людъ!

Весну 1845 года можно считать прелюдіемъ финала или, иначе сказать, съ этой эпохи начали яснѣе прежняго выказываться признаки близкой моей катастрофы. Насъ увѣдомили изъ Порзней (слова *мы* и *насъ* будутъ отнынѣ означать меня и Радзиковскаго, сдѣлавшагося неотлучнымъ моимъ товарищемъ въ теченіе этого полугодія), что улаженныя тещею моею предъидущимъ лѣтомъ Костромскія мои дѣла на-

---

[1]) Подмосковное с. Свирлово принадлежало въ первой четверти нынѣшняго столѣтія милліонщику-купцу Ив. Петров. Кожевникову, имѣвшему тамъ суконную фабрику. Въ 40-хъ годахъ, разорившійся Кожевниковъ жилъ въ крайней бѣдности, перебиваясь кое-какъ хожденіемъ по чужимъ дѣламъ.

[2]) Первое заведеніе сортировки шерсти было открыто въ Москвѣ между 1836 и 1838 годами этимъ полу-Англичаниномъ Бейлемъ, коему Леонъ отдалъ въ ученіе по нѣскольку мальчиковъ и дѣвочекъ изъ Порзней; они впослѣдствіи переженились между собою и остались на этой же фабрикѣ съ хорошею довольно годовою платою.

ходятся въ угрожающемъ положеніи, вслѣдствіе чего мы зимнимъ еще путемъ (въ концѣ Марта) поспѣшили прямо въ Кострому черезъ Ярославль. (Ближайшая дорога прямо въ Порзни была черезъ Владиміръ, Шую и Лухъ). Въ Костромѣ мы застали Н. И. Жукова въ страхѣ и трепетѣ отъ висѣвшаго надъ нимъ и надъ всей подчиненною ему фалангою Дамоклесова меча въ образѣ прибывшаго ревизовать Костромскую губернію сенатора князя Алексѣя Александровича Лобанова-Ростовскаго [1]). Да и не совсѣмъ покоенъ былъ, думается мнѣ, и губернскій прокуроръ, нѣкто Ниссенъ или Нитценъ, потому что были у него столкновенія, на прежнемъ его мѣстѣ служенія прокуроромъ въ Тулѣ, съ княземъ Лобановымъ, тогдашнимъ Тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Такъ какъ считалось дальнее какое-то родство между нами и князьями Лобановыми, кромѣ чего сенаторъ князь Алексѣй Александровичъ былъ знакомъ мнѣ по Петербургу: то я немедленно навѣстилъ его, а оттуда отправился къ Н. И. Жукову, который принялъ меня болѣе даже чѣмъ вѣжливо и пригласилъ къ себѣ на семейный вечеръ. Явившись туда, едва успѣлъ я поговорить съ достойнѣйшею Софіею Ивановной и полюбезничать съ ея дочерью Прасковіею Николаевною [2]), какъ Н. И. Жуковъ спросилъ меня: «а были ли вы у нашего сенатора?» (Сенаторская ревизія была, повидимому, его кошмаромъ). «Былъ я сегодня у него, ваше пр—во», отвѣчалъ я, «но потому только, что онъ намъ сродни». Этою выходкою хотѣлось мнѣ сдѣлать, какъ говорится по французски, «d'une pierre deux coups» [3]). Хотѣлось мнѣ дать почувствовать его превосходительству, что «вотъ-молъ къ какой знати мы принадлежимъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ мой говорилъ: «ревизія ваша ничуть меня не интересуетъ». Разстался я съ губернаторомъ въ полной надеждѣ на отсрочку на нѣкоторое время исполненія полученныхъ изъ Москвы требованій въ Костром-

---

[1]) Жена князя А. А. Лобанова провела съ дочерьми зиму или двѣ во Флоренціи, послѣ моего оттуда отъѣзда въ 1839 году, и была весьма внимательна къ оставшейся тамъ моей женѣ. Старшая изъ княженъ Лобановыхъ была уже въ 1845 году за мужемъ и чуть ли не вдовою Испанца Сарачіага, убитаго на дуэли; а изъ двухъ младшихъ княженъ Надежда Алексѣевна отличалась даже въ Италіи своимъ пѣніемъ и, вдобавокъ, была очень собою недурна, но ростомъ сдва выше карлицы.

[2]) П. Н. Жукова, преумная особа, не пользуется издавна крѣпкимъ здоровьемъ и осталась по сю пору въ дѣвицахъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ она получила значительное весьма наслѣдство въ Калужской губ. и уѣздѣ и большой домъ въ самомъ городѣ, отъ своего дяди Шепелева, стараго холостяка. Мать ея была рожденная или Шепелева или Сухово-Кобылина.

[3]) Однимъ камнемъ попасть въ два предмета.

скомъ Губернскомъ Правленіи о взятіи въ опеку моего имѣнія, и поѣхалъ въ Порзни на радостное свиданіе съ искреннимъ моимъ другомъ и прежнимъ сослуживцемъ Мироновымъ и съ милѣйшею его женою. Убаюкивался однакоже я напрасно, какъ увидимъ изъ слѣдующей главы *).

Не договорено мною, что я уже не засталъ преосвященнаго Владимира Костромскимъ епископомъ: его упрятали на Сибирскую каѳедру, въ почетную ссылку (какъ онъ самъ выразился, прощаясь съ Костромитянами), по поводу, какъ разсказывали мнѣ, обрушившейся церкви въ Ипатіевскомъ монастырѣ, постройку коей онъ, по неосторожности, взялъ на себя, въ надеждѣ, что постройка этимъ способомъ обойдется дешевлѣ, нежели отдачею съ подряда. Спустя два-три года, правдивый и неустрашимый въ своихъ убѣжденіяхъ іерархъ кончилъ преждевременно неотрадную свою жизнь на новомъ мѣстѣ своего служенія. «Блаженни ихже избралъ и пріялъ еси, Господи!»

(*Продолженіе будетъ.*)

---

*) По окончаніи сенаторской ревизіи, Н. И. Жуковъ былъ уволенъ отъ занимаемаго имъ мѣста, безъ назначенія въ сенаторы, хотя былъ тайнымъ совѣтникомъ. Преемникъ его (кажется Григорьевъ) отличался тѣмъ, что происходившіе въ Костромѣ, въ 1847 году, частые пожары онъ приписывалъ Полякамъ, коихъ насчитывать въ Костромѣ можно было только десятками, и подъ вліяніемъ этой галлюцинаціи онъ посадилъ въ острогъ одного изъ главныхъ городскихъ медиковъ, съ давнихъ временъ поселившагося тамъ, носившаго Польскую фамилію, а вмѣстѣ съ нимъ и его дочь, за мужемъ за Русскимъ тамошнимъ обывателемъ. За таковыя доблести губернаторъ былъ отрѣшенъ.

ЗЕНИНО.

Въ Запискахъ гр. М. Д. Бутурлина, помѣщаемыхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года, сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о сельцѣ Карнѣевѣ, переименованномъ въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія въ Зенино, по имени владѣлицы Зинаиды Сергѣевны Дивовой. Мѣстность эту во многихъ отношеніяхъ слѣдуетъ считать историческою. Я владѣю Зенинымъ болѣе 30 лѣтъ, близко стою къ его хозяйству и знакомъ нѣсколько съ его прошедшею жизнію. Вотъ почему и взялся я за перо, чтобы ближе познакомить читателей „Русскаго Архива“ съ подмосковнымъ уголкомъ, дѣйствительно заслуживающимъ ихъ вниманія.

Въ 40 и 50-хъ годахъ Зенино было выдающимся помѣстьемъ въ ряду другихъ ему подобныхъ по своимъ замѣчательнымъ особенностямъ, и рѣдкій изъ Москвичей не зналъ или не слышалъ про него. Оно тогда славилось своимъ масломъ, своимъ скотомъ, образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ и было извѣстно роскошью, особенно на пріемы и угощенія.

Прилегающія къ Зенину деревни, Кагулъ, Кайнарджи, издавна пріобрѣли извѣстность, такъ какъ принадлежали фельдмаршалу графу П. А. Румянцову. Послѣ его славныхъ побѣдъ и по заключеніи Куйчукъ - Кайнарджійскаго мира императрица Екатерина пожаловала ему эти земли, отстоящія отъ Москвы въ 18—20 верстахъ, и для увѣковѣченія памяти о славныхъ его дѣлахъ повелѣла отдѣльнымъ участкамъ и пустошамъ дать названія: Румянцовское, Задунайское, Кагульское, Кайнарджійское. Въ гости къ герою Задунайскому она сама туда пріѣзжала.

Кому прежде принадлежали деревни, пожалованныя гр. П. А. Румянцову, что̀ тамъ было устроено и построено, мы не доискивались. Полагать можно, что они составляли часть государевыхъ и не представляли собою пустырей. Нельзя допустить, чтобы къ пріѣздамъ Государыни не было заведено хозяйство съ необходимыми постройками; но въ чемъ оно заключалось, намъ неизвѣстно. Самъ хозяинъ, вообще больной человѣкъ, въ новомъ помѣстьи не живалъ, будучи занятъ государственною службой, и только на время пріѣзжалъ туда. Управленіе и усадьба находились въ Кагулѣ, отстоящемъ въ $1\frac{1}{2}$ вер. отъ села Троицко-Кайнарджи, въ $2\frac{1}{2}$ вер. отъ Зенина.

Въ 30-хъ годахъ все полученное отъ щедротъ Екатерины Великой и перешедшее по наслѣдству къ графу Сергѣю Петровичу Румянцову было раздѣлено почти на двѣ равныя части и дано въ приданое двумъ его дочерямъ. Одна изъ нихъ вышла за мужъ за князя Голицына и получила Кагулъ и Троицко-Кайнарджи, и другая за Н. А. Дивова и получила Зенино (Карнѣево). Съ того времени постепенно Зенино стало пріобрѣтать извѣстность.

Я не имѣю основанія не довѣрять слѣдующему разсказу нынѣ умершаго профессора Московскаго университета, Арсенія Ивановича Меншикова, слышанному мною лично въ началѣ 60-хъ годовъ. Онъ говорилъ такъ: „Не помню, почему мнѣ приходилось бывать нерѣдко въ Зенинѣ; но отлично сохранилась у меня въ памяти та кипучая работа, какая производилась тамъ въ былые годы. Мнѣ хорошо извѣстно, что изъ степныхъ губерній пригонялись сотни людей съ лошадьми; работали они въ Зенинѣ съ самой ранней весны до глубокой осени въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, осушали, измѣняли направленія дорогъ, устраивали по парку шоссе, давали иное направленіе рѣкѣ Пехоркѣ, протекающей вдоль всего имѣнія, отъ Сѣвера къ Югу, созидали на ней острова, дѣлали насыпи, разводили паркъ и сады фруктовый и ягодный“. Въ это время были построены: домъ въ три этажа, не считая подвальнаго, съ двумя фонарями, Итальянской архитектуры; часовня въ готическомъ вкусѣ, поставленная на мѣстѣ, гдѣ прежде была церковь во имя Преподобнаго Сергія; строеніе, въ видѣ замка, средневѣковаго Нѣмецкаго типа, съ довольно высокою башнею, все изъ необлицованнаго бутового камня; амбаръ громадныхъ размѣровъ изъ того же матеріала.

Всѣ эти зданія и по сіе время существуютъ какъ были поставлены. Кромѣ того были еще построены: знаменитый скотный дворъ на 80 головъ, со всѣми возможными приспособленіями, съ отдѣленіями для телятъ, барановъ и свиней, фруктовая и цвѣточная оранжереи болѣе чѣмъ на 200 рамъ, приспособленныя къ выращиванію винограда, ананасовъ и раннихъ ягодъ. Къ нимъ примыкалъ воздушный фруктовый садъ, почти на трехъ десятинахъ, обнесенный большими канавами, и теперь еще служащими препятствіемъ для прохода крестьянскаго скота въ предѣлы усадьбы. На фермѣ былъ устроенъ сарай, въ которомъ помѣщалось болѣе 10 тысячъ пудовъ сѣна, и недалеко отъ нея поставлены красивые птичники. Всѣ эти зданія существовали до 80-хъ годовъ.

Свирѣпствовавшая чума на рогатомъ скотѣ въ 60 и 70-хъ годахъ три раза уничтожала почти весь скотъ, происшедшій и выращенный отъ племеннаго стада, извѣстнаго подъ именемъ Дивовскаго, и заставила меня съ большимъ сожалѣніемъ закрыть скотный дворъ и затѣмъ разобрать дорогое строеніе. Какъ оказалось послѣ, хорошо это я сдѣлалъ: сверхъ большихъ убытковъ отъ падежа скота, и продажа молочныхъ продуктовъ, особенно такъ называемаго Зенинскаго масла, была затруднена Московскими торговцами, отъ чего и не давала прежнихъ выгодъ. Скотные дворы стали облагаться

земскимъ налогомъ, но не съ доходности производства, а со стоимости строенія, почему и расходъ на нихъ значительно увеличился. По всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ дѣйствительно скотный дворъ стоилъ въ то время не менѣе 100 тыс. рубл.; а потому можно себѣ вообразить, сколько земскаго, а за нимъ и дворянскаго налога пришлось бы за него платить. Всѣ другія зданія, построенныя изъ бута, какъ то: конюшни, рабочія избы, громадная рига съ овиномъ, погреба, сараи, все это сохраняется въ цѣлости.

Къ предметамъ, украшавшимъ Зенино въ былое время, принадлежали: памятникъ графу П. А. Румянцову, увезенный З. С. Дивовою въ другое ея имѣніе, Соколово, находящееся близъ Николаевской жел. дороги и давно уже перешедшее въ иныя руки. Модель этого памятника, сохраняющаяся въ Московскомъ моемъ домѣ, составлена изъ мраморовъ чернаго, бѣлаго и желтаго, имѣетъ видъ пирамиды, лежащей на четырехъ столбикахъ, высотою въ 1½ арш. Въ паркѣ стояло нѣсколько каменныхъ бабъ, привезенныхъ изъ южныхъ степей. Оставшаяся въ цѣлости одна изъ нихъ, лучше сохранившаяся и большаго размѣра, въ 70-хъ годахъ мною пожертвована Румянцовскому музею и находится тамъ на дворѣ. Украшеніемъ имѣнія нельзя не признать художественно устроеннаго парка, въ которомъ находятся: домъ, башня, часовня и бесѣдки. Паркъ состоитъ изъ двѣнадцати сортовъ деревьевъ, расположенныхъ такъ, что экземпляры одного сорта перемѣшаны съ таковыми же другихъ, но не закрывающихъ другъ друга. Всѣ деревья, почти одновозрастныя, въ настоящее время представляются гигантами и очень красивыми, особенно осенью. Группы ваймутовой сосны, а также одиночки ея поражаютъ своею стройностію, величавостію. Сколько мнѣ извѣстно, подобныхъ имъ нѣтъ въ окрестностяхъ Москвы, въ богатыхъ и извѣстныхъ имѣніяхъ: Кузминкахъ, Кусковѣ, Останкинѣ и др. Лиственница, пихта и ваймутова сосна на столько аклиматизировались въ Зенинѣ, что свободно и легко обсѣменяются въ разныхъ мѣстахъ парка, даже и близъ лежащаго лѣса, и даютъ хорошую заросль.

Искусственно созданный высокій берегъ рѣки Пехорки, на которомъ стоитъ домъ, съ прекрасною всегда растительностію и красивыми лужайками, не въ меньшей степени представляетъ пріятную для глаза картину. Немало художниковъ посѣщало Зенино единственно для того, чтобы полюбоваться и затѣмъ передать на полотно красивые ландшафты. И нынѣ пріѣзжаютъ для той же цѣли любители съ фотографическими приборами.

Къ выдающимся особенностямъ Зенина въ 30 и 40-хъ годахъ было заведенное съ самаго начала образцовое сельское хозяйство. Поля и луга были распланированы, каждая десятина отдѣлена камнями съ надписями на нихъ, мѣста выравнены, окопаны канавами. Сѣмена хлѣбныхъ и другихъ растеній были разнообразны и, благодаря изобилію навоза, посѣвы давали большіе урожаи.

Всѣ лучшія приспособленія въ хозяйствѣ, хорошія сѣмена, прекрасные укосы и урожаи, все это шло на содержаніе фермы, но дохода не давало.

Условія жизни, однако, стали измѣняться; подвозимые по желѣзнымъ дорогамъ хлѣбные и другіе продукты убили мѣстныя на нихъ цѣны; цѣны же на лѣсные матеріалы, особенно на дрова, сильно возвысились. Все это вмѣстѣ побудило меня измѣнить порядки. Хозяйство, хлѣбопашество и травосѣяніе были уничтожены, и земли, бывшія подъ ними, обращены въ лѣсные участки. Такимъ образомъ Зенино въ хозяйственномъ отношеніи раздѣлено какъ бы на два отдѣла: въ одномъ лѣса, которые ежегодно увеличиваются искусственнымъ разведеніемъ по преимуществу ели и березы, въ другомъ—по заливнымъ и низкимъ мѣстамъ покосы и луга.

Какъ памятники минувшаго времени, сохраняются теперь: домъ, въ которомъ чуть-ли не вся Московская аристократія перебывала въ 40 и 50-хъ годахъ; рядомъ съ нимъ зàмокъ съ башнею и подваломъ, въ которомъ были склады для вина и булочная; часовня, построенная въ 1843 г. изъ бѣлаго камня; ничтожная фруктовая оранжерея; амбаръ, въ которомъ хранятся нѣкоторыя хозяйственныя принадлежности; рига, обращенная въ сѣнной сарай, помѣщенія для рабочихъ, для скотницы, коровъ, лошадей и телятъ. Всѣ другія строенія (а ихъ всѣхъ девять), назначенныя въ былые годы для пріѣзда гостей, подъ больницу, школу и другія надобности, обращены были еще до меня въ дачи. Взамѣнъ закрытой въ 60-хъ годахъ школы я, два года тому назадъ, устроилъ новую рядомъ съ деревнею Марусиной и пожертвовалъ ее Московскому уѣздному земству.

Вмѣсто прежнихъ дорогихъ мостовъ, мостиковъ и бесѣдокъ, до меня уже исчезнувшихъ, нынѣ существуютъ простые деревянные и каменные; всѣ зданія покрыты желѣзомъ, чего въ цвѣтущее время не было. Однимъ словомъ, во всемъ имѣніи нигдѣ нѣтъ роскоши и во всемъ блюдется экономія, отчего расходы уменьшились, а доходы увеличились.

Въ Троицкомъ-Кайнарджи, въ оградѣ церкви, стоитъ часовня съ прахомъ графа С. П. Румянцова, а близъ нея небольшая церковь, построенная дочерью его на могилѣ ея мужа.

Слава Кагула совсѣмъ померкла. Люди нашего поколѣнія разобрали всѣ бывшія тамъ въ большомъ количествѣ строенія и не оставили никакихъ отъ нихъ слѣдовъ. Образовался печальный пустырь, наводящій на мысль о недолговѣчности человѣческихъ созиданій и о полномъ неуваженіи людей къ старинѣ. Историческій кирпичъ отъ зданій, въ которыхъ не очень давно, какихъ - нибудь сто лѣтъ, пребывала среди славныхъ своихъ сподвижниковъ Великая Государыня, въ послѣдніе годы до чиста проданъ для постройки, кажется, трактира, гдѣ тоже будутъ собранія и бесѣды, но какія и ради чего!..

И. Шаховской.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ.

(Р. 1661, ум. 1738).

Въ статьѣ „Краткое описаніе жизни графа Петра Андреевича Толстаго" напечатанной въ І-й книгѣ „Русскаго Архива" за 1896 годъ, между прочимъ говорится объ извѣстномъ дѣятелѣ Петровскаго времени генералъ-аншефѣ Иванѣ Ивановичѣ Бутурлинѣ, и въ примѣчаніи на стр. 26 сказано, что онъ былъ графомъ. Это невѣрно: графомъ Ив. Ив. Бутурлинъ не былъ. Въ царствованіе Петра II, онъ, по интригамъ Меншикова, былъ лишенъ чиновъ и орденовъ и сосланъ въ дальнія вотчины; вскорѣ у него были отобраны и помѣстья, оставили только родовую вотчину Крутцы во Владимирской губ., гдѣ онъ и скончался въ 1738 году, и погребенъ въ Александровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Отъ брака съ Марѳою Тимофеевною Савеловою Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ имѣлъ дочь Анну, вышедшую за мужъ за Сергѣя Автамоновича Головина, и четырехъ сыновей: Юрія, Николая, Аркадія и Сергѣя, изъ которыхъ трое послѣднихъ имѣли дѣтей; но на ихъ внукахъ потомство Ивана Ивановича пресѣклось.

Графская же линія Бутурлиныхъ идетъ отъ Александра Борисовича, возведеннаго въ 1760 году въ графское достоинство, отъ его второй жены, княжны Екатерины Борисовны Куракиной (первая жена его была княжна Анна Михайловна Голицына, скончавшаяся въ 1727 г., не оставивъ дѣтей).

Иванъ Ивановичъ и Александръ Борисовичъ находились между собою въ очень дальнемъ родствѣ; ихъ линіи сходятся на Иванѣ Большомъ Полуехтовичѣ (11-е колѣно отъ легендарнаго Радши, отъ котораго ведутъ свой родъ многія дворянскія семьи, и въ томъ числѣ Бутурлины) и который жилъ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія.

Л. М. Савеловъ.

Коротоякъ.
9 Сент. 1897.

РЕСКРИПТЪ

императора Павла командиру на Сибирскихъ линіяхъ генералъ-маіору Лаврову.

Господинъ генералъ-маіоръ Лавровъ. Получилъ я донесеніе ваше отъ 8 Декабря, вслѣдствіе котораго повелѣваю вамъ: 1-е, Киргизъ-Кайсацкую Среднюю Орду оставить на прежнемъ ея положеніи и пограничнаго для нея суда не учреждать; 2-е, апробую я представленіе ваше, чтобы лошадей, собираемыхъ съ табуновъ Киргизъ-Кайсаковъ, отдать въ ремонтъ артиллерійскихъ лошадей въ 7-й полкъ, а остальныхъ въ подъемные въ полки инспекціи. вашей.

Пребываю вамъ благосклоннымъ. Павелъ.

С.-Петербургъ,
Генваря 4 дня 1800 года.

Собственноручное письмо великаго князя Константина Павловича [1]).

Евдокимъ Федоровичъ.

Пожалуй, другъ мой, пришли ко мнѣ уставъ и осенніе маневры. Когда же ты хочешь, перепиши ихъ и потомъ пришли, такъ какъ мой еспонтонъ [2]). Мнѣ очень грустно безъ васъ. Мы было свыклись съ вами, такъ же и съ Феодоровымъ и съ Аникой, которымъ пожалоста отъ меня кланейся. Вообрази себѣ: мучатъ 9-ть мѣсяцовъ. Дай Божѣ быть у васъ скорея и чтобъ было у насъ хорошо, какъ сего дня. Напиши мнѣ что делаетъ геръ Заренба, Фемгъ, что делаетъ страшной Аракчеевъ? Паче ихъ прижимаетъ, либо нетъ? Всемъ офицерамъ поклонъ, а особливо обними отъ меня Анику и Антона и Федорова. Прощай, быть здоровъ. Константинъ.

Таврическій дворецъ,
сего 8 Августа 1796 года.

(*Сообщено П. Л. Юдинымъ*).

---

[1]) Письмо это хранится въ архивѣ Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи и приводится здѣсь съ сохраненіемъ правописанія подлинника. Оно писано еще въ царствованіе Екатерины. Евдокимъ Өедоровичъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ Гатчинскихъ офицеровъ.

[2]) Гепонтонъ или еспонтонъ—трудно разобрать. Эспонтономъ называютъ у Французовъ коротенькую пику.

Своеручное письмо императора Александра Павловича къ С.-Петербургскому генералъ-губернатору графу М. А. Милорадовичу.

Графъ Михаилъ Андреевичъ! Съ откровенностію, мнѣ сродною, я долженъ вамъ сказать, что я нахожу поведеніе корпуснаго начальника съ полковникомъ Корсаковымъ въ надлежащемъ порядкѣ по службѣ. Въ тѣ времена, когда службою надлежащимъ образомъ занимались, то не позволялось, даже въ театрѣ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, офицерамъ разстегиваться, и многіе за подобное сиживали подъ арестомъ; во дворцѣ же, на балѣ, сему и примѣра не было.—Какимъ же образомъ можно попустить, чтобъ полковникъ, долженствующій быть примѣромъ офицерамъ своего батальона, давалъ подобный образецъ?—Къ сему же долженъ я присовокупить, что полковникъ Корсаковъ замѣченъ уже давно съ весьма невыгодной стороны своими правилами и вольнодумствомъ. Въ происшествіи Семеновскаго полка его поведеніе и разсужденія достойны были, чтобы надъ нимъ примѣръ сдѣлать.

Вообще, зная ваши столь почтенныя правила и неоцѣненное усердіе къ службѣ и къ общему благоустройству, я надѣюсь, что вы, вникнувъ въ смыслъ сихъ строкъ, удостовѣритесь въ необходимости поддержать чинопочитаніе, на коемъ основана единственно военная служба и безъ коего она существовать не можетъ, кольми паче въ нынѣшнія превратныя времена.

Пребываю вамъ искренно доброжелательнымъ. Александръ.

Лейбахъ.
Февраля 8-го 1821 года.

(*Сообщила А. А. Милорадовичъ*).

Печатается съ подлинника. Графъ Милорадовичъ переслалъ это письмо П. В. Кутузову, а тотъ передалъ командиру гвардейскаго корпуса графу Васильчикову, въ конвертѣ, на которомъ надпись: „Его сіятельству графу Ларіону Васильевичу Васильчикову. Въ собственныя руки отъ г. Кутузова“ П. Б.

ГРАФЪ ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ.

Изъ воспоминаній одной дамы.

„Когда я была въ Парижѣ, я года два не слыхала о графѣ Шуваловѣ, хотя знала и Гагарина Іезуита, и Трубецкого. Маркиза де-Monò (Mancos), у которой я была на завтракѣ, говоритъ мнѣ: „Vous me permettrez, madame, de vous offrir un livre écrit par votre compatriote [1]), и принесла мнѣ книгу. Я не вѣрила своимъ глазамъ, прочитавъ: графъ Шуваловъ Барнабитъ! [2])

Я сейчасъ же отыскала его и послала сказать, что Русская дама желаетъ его видѣть. Когда онъ вошелъ, я говорю: Возможно ли, графъ Шуваловъ Барнабитъ? „Vous voyez bien, madame, que c'est possible, puisque c'est moi“ [3])! Мнѣ стало очень жаль его. Я часто посѣщала его и въ долгихъ разговорахъ смущала его, говоря противъ католицизма и чужихъ обычаевъ. Онъ на это отвѣчалъ терпѣливымъ молчаніемъ. Разъ я дожидалась, пока онъ съ полчаса исповѣдывалъ какую-то даму. Я спросила его: что̀ за доброе дѣло онъ дѣлаетъ, слушая всякія глупости?— „Да, сказалъ онъ, надоѣло! Всякую недѣлю я долженъ слушать отъ нея всякія подробности, что̀ мужъ ей сказалъ, что̀ она ему отвѣчала.“ Я говорю ему: „Ну, ваше ли мѣсто здѣсь? Я бы на вашемъ мѣстѣ немедля на желѣзную дорогу, и съ повинной головой въ Россію. Хотите дѣлать добро, возмите Евангеліе и идите учить нашъ народъ по деревнямъ. Это было бы спасеніемъ вашей душѣ.“—„Что̀ вы хотите? отвѣчалъ онъ. Я моей религіи не зналъ совершенно меня разъ въ годъ пріобщали, вотъ и все. Когда я подросъ, меня отправили въ Швейцарію, я начитался разныхъ книгъ, и за тѣмъ, чѣмъ я не былъ!“

Онъ пригласилъ меня слушать его проповѣдь въ одной изъ Парижскихъ церквей. Я пошла. Вся церковь была набита простыми женщинами. На ихъ лицахъ можно было прочесть: „Вотъ у насъ научился, а насъ учитъ!“ Когда я выходила, онъ нагналъ меня и сказалъ, что уѣзжаетъ въ какой-то городъ на три дня проповѣдывать.

---

[1]) Вы мнѣ позволите предложить вамъ книгу, написанную вашимъ соотечественникомъ.

[2]) Барнабиты—католическіе монахи, взявшіе имя св. Варнавы (Barnabé). П. Б.

[3]) Вы видете, что это возможно, потому что вотъ я самъ.

Это было мое послѣднее свиданіе съ несчастнымъ человѣкомъ. Знакомая дама, встрѣтивъ меня на четвертый день послѣ того, сказала мнѣ, что о. Шуваловъ при смерти отъ сильной простуды. Меня не допустили къ нему, а на другой день онъ лежалъ уже въ гробу, гдѣ я и простилась съ нимъ.

Я цѣнила его качества, болѣзновала о его потерянной жизни и считала его истиннымъ другомъ, не смотря на страшное его заблужденіе; потому что это была прекрасная, благородная душа, воспитанная какъ у насъ воспитываютъ многихъ, т. е. брошенная въ водоворотъ свѣта безъ всякаго кормила, искавшая правды и добра, но не тамъ, гдѣ слѣдовало".

*

Графъ Г. П. Шуваловъ, родной братъ обергофмаршала графа Андрея Петровича и дядя столь извѣстныхъ въ новѣйшей нашей исторіи, графовъ Петра и Павла Андреевичей, еще младенцемъ лишился отца своего, и могъ находиться подъ вліяніемъ своей бабки-католички, графини Екатерины Петровны Шуваловой (ур. графини Салтыковой, скончавшейся въ 1816 году). Отъ брака съ свѣтлѣйшей княжной Софьей Александровной Салтыковой († 1841) имѣлъ онъ сына графа Петра Григорьевича (умершаго въ Петербургѣ католикомъ) и дочь гр. Елену Григорьевну, которая была также совращена въ латинство, но, вышедши замужъ за Александра Яковлевича Скарятина, сознательно возвратилась въ Православіе. Это была женщина отмѣнныхъ дарованій. Она написала на Французскомъ языкѣ подробную повѣсть о томъ, какъ Барнабиты совратили отца ея. Я слышалъ отъ нея чтеніе этой занимательной исторіи, въ которой изложена цѣлая сѣть всяческой лжи, пронырства, подтасовокъ, вмѣшательства въ семейныя отношенія и пр. Рукопись должна храниться у одной изъ дочерей покойной Е. Г. Скарятиной, и ее слѣдовало бы напечатать въ предостереженіе Русскимъ людямъ. П. Б.

ПИСЬМО А. С. НОРОВА КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Послѣ 19 Февраля 1861 года А. О. Смирнова на долгое время уѣхала за границу. Давнишняя дружба соединяла ее съ А. С. Норовымъ, она занималась съ нимъ по гречески, и одно время они видались ежедневно. См. „Русскій Архивъ“ 1895, II, 344—346. Ю. Б.

Павловскъ, 21 Мая 1862.

Такія теплыя письма, какъ ваши, моя родная Александра Іосифовна, не могутъ не быть отрадны для разбитаго сердца. Общеніе съ вами напоминаетъ мнѣ былое, когда я жилъ [1]). Теперь я уже расчелся съ здѣшнимъ міромъ. *Послѣднее* мое путешествіе по нашей матери-землѣ, которой красы я такъ любилъ, было то, которое я теперь совершилъ; оно было прощальное! Облобызавъ еще разъ земные слѣды нашего Искупителя, бывъ руководимъ чистою душою моего небеснаго друга (я въ этомъ увѣренъ, она была со мною неразлучна), я пріобрѣлъ въ земномъ, но святомъ Іерусалимѣ[2]) жажду увидѣть Іерусалимъ нерукотворенный, и одинъ Господь можетъ утолить ее, если я буду того достоинъ. Не взыщите, моя родная, что я такъ медлилъ писать вамъ; мѣсяцъ Апрѣль сдѣлался для меня самымъ тяжкимъ въ году, когда я ни къ чему не способенъ, и теперешнимъ письмомъ боюсь нагнать грусть, и потому обращаюсь къ вещественнымъ дѣламъ. Но и вещественныя дѣла не радостны. Какъ же не скорбѣть, когда свѣтлые умы и добрыя сердца не до́ма, а на чужбинѣ, и это въ самое то время, когда они здѣсь такъ нужны? Это не упрекъ, потому что вы не можете не подчиняться обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ вашей воли; но это теплое соболѣзнованіе отъ человѣка, любящаго васъ душевно. Вашъ добрый братецъ [3]) меня не забываетъ; его бесѣда очень меня утѣшаетъ; на дняхъ онъ былъ у меня съ вашимъ милымъ юно-

---

[1]) Говорится о покойной († 1860) супругѣ Авраама Сергѣевича Норова, Варварѣ Егоровнѣ, ур. Паниной. Она принимала дѣятельное участіе и въ составленіи каталога Норовской библіотеки, пріобрѣтенной Румянцевскимъ музеемъ. Въ залѣ, гдѣ помѣщена эта библіотека, находятся прекрасные портреты масляными красками обоихъ супруговъ. Ю. Б.

[2]) Въ 1861 году Норовъ (род. 1795—1869) предпринялъ вторую поѣздку свою на Востокъ; описаніе ея вышло уже послѣ смерти его въ 1876 году съ посвященіемъ *блаженной памяти жены, 14 Ноября 1861 года.* Ю. Б

[3]) Аркадій Осиповичъ Россетъ. Ю. Б.

шей [1]); истинно вамъ скажу, что мнѣ отрадно было видѣть прекрасное направленіе, которое дано его воспитанію; съ милостію Божіею онъ, кажется, огражденъ отъ язвы, которая, по несчастію, вкрадывается въ нашу молодежь и противъ которой нужны дѣятельныя мѣры и зоркое наблюденіе [2]).

У насъ въ Государственномъ Совѣтѣ настало время важныхъ трудовъ и, благодаря Бога, работаютъ усердно. Преобразованіе судопроизводства и судоустройства должно теперь въ скоромъ времени быть приведено къ окончанію. Помоги намъ Богъ и вразуми насъ!

Нынѣшній годъ у меня нѣтъ вакацій: засѣданія бываютъ почти черезъ день, такъ что я мало пользуюсь своей милой дачей въ Павловскѣ, такъ хорошо устроенной моей женой, и гдѣ все для меня дышетъ ею; но все-таки дня три въ недѣлю я здѣсь отдыхаю. Не знаю, въ состояніи ли я буду что нибудь написать; хотѣлось бы что нибудь передать о Синаѣ, гдѣ я былъ теперь въ первый разъ, и еще болѣе хотѣлось бы еще разъ поговорить о Іерусалимѣ, о которомъ нельзя довольно наговориться; но чувствую, что немощенъ.

Вашъ братецъ, конечно, препроводилъ уже къ вамъ изданное мною въ поминовеніе о женѣ Евангеліе на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ. Въ этомъ изданіи давно нуждались; оно нужно и для нашихъ Юго-Восточныхъ Славянъ и для насъ, для распространенія Греческаго языка, которымъ, къ стыду нашему, у насъ такъ мало занимаются.

Какъ болитъ сердце за нашихъ собратій Славянъ! Бѣдная Черногорія! Когда же будетъ этому конецъ? Не могу не ненавидѣть Англіи. Воля ваша—это ли *христіанская* держава, которая такъ постоянно губитъ родъ христіанскій, мѣшая подать имъ руку помощи. Не могу не хвалить ихъ воспитанія, основаннаго на Библіи; въ этомъ вы правы; но что̀ можетъ быть гнуснѣе ихъ политики? Въ этомъ сознается даже ихъ Вилліамсъ, съ которымъ я въ перепискѣ; онъ извѣстенъ своими путешествіями въ Палестину, живетъ въ Кембриджѣ; если будетъ вамъ случай, познакомьтесь съ нимъ.

Когда же васъ можно ожидать къ намъ, моя родная? Порадуйте. Вы ничего не пишете, приноситъ ли вашему здоровью пользу климатъ Англіи? Если это утвердительно такъ, то я не эгоистъ и не буду вамъ пенять за ваше отсутствіе. *Благоденствуйте*, моя родная! Это теплое желаніе моего сердца, нѣжно васъ любящаго. А. Норовъ.

---

[1]) Единственный сынъ А. О. Смирновой, Михаилъ Николаевичъ; онъ умеръ 29 Января 1889 г. въ Одессѣ, оставивъ вдову (ур. Тамамшеву) и сына Георгія, нынѣ студента Петербургскаго университета. П. Б.

[2]) См. „Рус. Арх." 1895, III, 168. Всеподданнѣйшее письмо А. С. Норова. Ю. Б.

ИЗЪ ДАГЕСТАНСКОЙ СТАРИНЫ.

1. Столкновеніе властей.

При новомъ устройствѣ карантинно-таможеннаго управленія за Кавказомъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго о семъ положенія 4 Мая 1847 г., былъ назначенъ въ Петровскомъ укрѣпленіи особый таможенный чиновникъ для исполненія таможеннаго обряда надъ судами, приходившими туда изъ Астрахани и отходившими обратно. На должность эту былъ опредѣленъ состоявшій въ 14-мъ классѣ Илличевскій, съ которымъ случилось нижеслѣдующее.

29-го Іюля 1849 г. Илличевскій писалъ князю М. З. Аргутинскому, командовавшему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ и управлявшему въ немъ гражданскою частью: „Подполковникъ Шумскій предписываетъ мнѣ не являться къ нему (чѣмъ я нигдѣ и не обременялъ его), а изъяснять все на бумагѣ или представлять на разрѣшеніе начальству“. Посылая бумагу Шумскаго и свой отвѣтъ на нее, Илличевскій проситъ объ устраненіи притязаній подполковника Шумскаго (воинскаго начальника Петровскаго укрѣпленія) на подчиненность ему Илличевскаго. Просьба эта была вызвана слѣдующею бумагою Шумскаго отъ 27-го Іюля: „Ваше благородіе, вмѣсто того, чтобы исполнить предложеніе мое, изъясненное въ надписи за № 742, учиненной на отношеніи Бакинской градской полиціи № 1148, возвратили мнѣ таковую лично, считая меня не въ правѣ относиться къ вамъ съ подобными требованіями, и обидѣлись яко бы невѣжливымъ слогомъ подписи, что вмѣсто „покорнѣйше прошу“ употреблено „предлагаю“. Бывъ мѣстнымъ начальникомъ Петровскаго укрѣпленія и считая всѣ части въ ономъ состоящія мнѣ подвѣдомственными, не вижу надобности, въ писаніи по службѣ чиновникамъ бумагъ, употреблять краснорѣчивый и утонченный слогъ, а наблюдаю лишь за правильнымъ ходомъ дѣлъ, а потому и не прошу отъ чиновъ мнѣ подвѣдомственныхъ исполненія прямой ихъ обязанности по службѣ, бывъ въ правѣ требовать. Почему, препровождая вновь при семъ къ вашему благородію отношеніе Бакинской градской полиціи № 1148 съ надписью моей № 742, предлагаю, впредь до рѣшенія г. командующимъ войсками, въ какой степени вы мнѣ подчинены и обязанъ ли я васъ по службѣ просить или требовать, исполнить безотговорочно объясненное въ ней требованіе полиціи, и напредъ сего съ подобными претензіями ко мнѣ не являться, но изъяснять таковыя на бумагѣ или же представлять таковыя на разсмотрѣніе начальству“.

Илличевскій въ тотъ же день отвѣчалъ Шумскому: „Считая вѣжливость не только на службѣ, но и внѣ той, не только съ высшимъ и равнымъ, но даже съ низшими, необходимымъ условіемъ всякаго благороднаго и образованнаго человѣка и мѣриломъ степени образованности того общества, въ кругу котораго онъ поставленъ по отношеніямъ службы или общежитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣя ни желанія, ни намѣренія заводить безполезныя, ни къ чему не ведущія переписки, и стараясь всѣми силами избѣгать ихъ по возможности, получивъ отношеніе Бакинской градской полиціи отъ 9-го Іюля за № 1148, при надписи вашего высокоблагородія отъ 24 сего же мѣсяца за № 742, и нашедъ въ ней слово *предлагать* не совсѣмъ приличнымъ, я счелъ за лучшее явиться къ вамъ лично, не отъ лица собственно моего, но отъ мѣста, занимаемаго мною, и съ самою утонченною вѣжливостью объяснивъ неумѣстность слова „предлагать" въ оффиціальной перепискѣ къ лицу, совершенно по службѣ отъ васъ независимому, просилъ ваше высокоблагородіе перемѣнить надпись и адресовать ее не на имя мое, а на имя Петровскаго карантинно-таможеннаго поста, который дѣйствуетъ, а я только членъ его. При этомъ вы не только согласились съ справедливостью моего объясненія, но даже просили извинить исправляющаго должность плацъ-адъютанта, скрѣплявшаго надпись, сказавъ, что онъ не знаетъ порядка гражданской службы, а вы сами не досмотрѣли. Это было 24 числа, а чрезъ три дня вамъ угодно было измѣнить свое мнѣніе, и сего числа в. в-іе изволили препроводить ко мнѣ опять тоже отношеніе съ тою же надписью при особомъ предписаніи за № 766, въ которомъ в. в-ію неблагоугодно уже было ограничиться однимъ неумѣстнымъ словомъ, какъ въ надписи, но наполнить все предписаніе выраженіями, полагаю, не совсѣмъ приличными даже съ прямо вамъ подчиненнымъ. Почему, считая выраженія, въ немъ помѣщенныя, для себя, по мѣсту мною занимаемому, оскорбительными и имѣя въ виду самое мѣсто оградить на будущее время отъ подобнаго униженія и притязаній на подчиненность, долгомъ поставилъ ваше въ подлинникѣ и этотъ отвѣтъ мой въ копіи представить кому слѣдуетъ, дабы ограничить отношенія воинскаго начальника Петровскаго укрѣпленія къ Петровскому карантинно-таможенному посту. Что же касается до степени подчиненности, о которой вы изволите упоминать въ томъ же предписаніи, то неизлишнимъ считаю имѣть честь доложить в. в-ію, что Петровскій карантинный таможенный постъ рѣшительно ни въ какомъ случаѣ никому не подчиненъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, кромѣ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ г. г.-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова; а помощникъ надзирателя этого поста находится только въ нѣкоторомъ отношеніи къ воинскому начальнику Петровскаго укрѣпленія, не какъ постовой чиновникъ, а просто, какъ частный человѣкъ, житель укрѣпленія, по одной полицейской части, но отнюдь не по службѣ".

Князь Аргутинскій оградилъ краснорѣчиваго служителя Меркурія отъ притязаній сына Марса и 6 Августа, изъ лагеря подъ Чохомъ, написалъ Шумскому, что „карантинно-таможенный постъ и чины его, по службѣ, не

подчинены воинскому начальнику, и что по сему, на общемъ основаніи, сношенія ваши съ нимъ должны имѣть форму не предписаній или предложеній, а отношеній съ соотвѣтственными выраженіями“ [1]).

II. Шамиль и Турція.

Сношенія Шамиля съ Турціею и вообще отношенія послѣдней къ горцамъ нѣсколько обрисовываются слѣдующими случаями.

Житель Турціи селенія Ванъ, Магометъ-султанъ-Магома-оглы въ 1848 г., вслѣдствіе совершеннаго имъ убійства, убѣжалъ изъ Турціи въ Персію, откуда въ 1850 г. пробрался къ Шамилю въ Дарго-Веденъ. Отправившись съ шайкою въ 6 человѣкъ на грабежи, онъ былъ схваченъ въ Губденскомъ лѣсу.

30 Іюня 1858 г. Хасафъ-Юртовскій воинскій начальникъ препроводилъ въ Шуру пойманнаго въ Нагайскихъ кочевьяхъ безъ письменнаго вида Персидскаго подданнаго, который объявилъ, что онъ принадлежитъ къ племени кочующихъ Бедуиновъ и питается милостынею, но откуда именно онъ прибылъ и какъ зовутъ изъ словъ его, произносимыхъ на неизвѣстномъ нарѣчіи, смѣшанномъ частью съ Арабскими словами, узнать было невозможно. Неизвѣстный былъ препровожденъ въ Тифлисъ въ дипломатическую канцелярію намѣстника [2]).

Башлинецъ (Башлы — бывшее село въ Кайтахо-Табасаранскомъ округѣ, Дагест. обл.) Акай-Амиръ-бекъ-оглы, будучи еще сухтою (т. е. готовящимся къ духовному званію), бѣжалъ къ Шамилю, отъ котораго два раза ѣздилъ съ порученіями въ Константинополь и затѣмъ водворился тамъ. Послѣ покоренія Дагестана, Акай началъ письмами изъ Константинополя, съ 1860 года, волновать своихъ бывшихъ односельцевъ и убѣждать ихъ переселяться въ Турцію. Письма его дѣйствовали столь вредно на настроеніе умовъ, что въ 1863 г., по сношенію начальства Кавказскаго съ нашимъ посломъ въ Турціи, чрезъ Турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Аали-пашу, Акаю былъ сдѣланъ строгій выговоръ за возбужденіе односельцевъ къ переселенію въ Турцію и внушено измѣнить на будущее время свое поведеніе [3]).

III. Ношеніе чалмъ.

Въ концѣ 1860 г. Ибрагимъ-ханъ Аварскій писалъ правителю канцеляріи начальника Дагестанской области: „Послѣ умиротворенія Дагестана и назначенія меня управлять народами Аваріи, Караты и другихъ обществъ, я съ самаго начала обратилъ строгое вниманіе на уничтоженіе въ народѣ

---

[1]) Дѣло гражд. канцеляріи команд. войсками въ Прикасп. краѣ, „Объ учрежденіи въ Петровскомъ укрѣпленіи к.-там. поста“, 1849, № 62.

[2]) Дѣло гражд. канц. ком. в. въ Прик. краѣ, „Съ бумагами не требующими производства“, 1858, № 6.

[3]) Дѣло гражд. канц. ком. в. въ Пр. краѣ, „По просьбамъ жителей Прикасп. края о дозволеніи имъ переселиться въ Турцію, а частью въ Персію“, 1859, № 206 двойной.

всѣхъ наружныхъ признаковъ мюридизма, обозначавшихся въ костюмахъ ихъ, исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ и извѣстномъ настроеніи духа. Наружныхъ признаковъ мюридизма нѣтъ уже: чалмы, четки, постоянное чтеніе молитвъ и обычай женщинъ ходить въ чадрахъ, нынѣ оставлены". Но въ Аваріи, подъ предлогомъ торговыхъ и другихъ дѣлъ, являются жители Чечни въ чалмахъ, которыхъ Ибрагимъ-ханъ схватывалъ и представлялъ начальству; теперь же онъ спрашивалъ, есть ли запрещеніе носить чалмы или это предоставлено на волю каждаго? Правитель канцеляріи письмомъ 2-го Октября разъяснилъ слишкомъ усердному хану, котораго начальство вскорѣ было вынуждено за злоупотребленія властью удалить отъ „управленія народами Аваріи", что начальникъ области никакого письменнаго распоряженія по поводу воспрещенія жителямъ Дагестана ношенія чалмъ не сдѣлалъ, а высказалъ мѣстнымъ начальникамъ желаніе, чтобы они исподоволь выводили въ народѣ совѣтами и внушеніями, при удобныхъ къ тому случаяхъ, ношеніе чалмъ тѣми изъ Дагестанскихъ жителей, которые не посѣщали мусульманскихъ священныхъ мѣстъ и потому не имѣютъ права на званіе гаджія. Жителей же Терской области, пріѣзжающихъ въ чалмахъ, отнюдь не должно арестовывать за одно ношеніе чалмъ, а только наблюдать за ними, и тѣхъ, которые будутъ замѣчены въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ, представлять начальнику области *).

IV. Брачные обычаи въ Самурскомъ округѣ.

При выдачѣ въ замужество дѣвицъ, вдовъ и женщинъ, отпущенныхъ мужьями, въ Самурскомъ округѣ Дагестанской области, существовалъ обычай взиманія съ лицъ, кои женятся, денегъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *іола*. Всякій старшій въ домѣ или опекунъ имѣетъ право получать въ свою пользу, при выдачѣ въ замужество дочери, сестры, племянницы, внучки или воспитанницы, съ желающаго жениться условленную плату — *іолъ*. Она простирается отъ 50 до 300 р. и выдается иногда деньгами, иногда скотомъ или другими вещами, независимо отъ закладываемыхъ невѣстѣ кебинныхъ денегъ, которыя рѣдко превышаютъ 15 р. Если выданная такимъ образомъ замужъ женщина овдовѣетъ или получитъ отъ мужа разводную, то она опять поступаетъ въ распоряженіе выдавшаго ее лица, или же за смертью его, заступившаго въ домѣ его мѣсто, и снова выдается замужъ прежнимъ порядкомъ. Прижитыя же при разныхъ замужествахъ дѣти женскаго пола, при возвращеніи матери въ домъ того, кто выдавалъ ее замужъ, отлучаются отъ нея и остаются въ распоряженіи старшаго со стороны мужа или самого его, и также, какъ и мать ихъ, съ самаго нѣжнаго возраста до старости, составляютъ предметъ торговли для отца или другихъ лицъ, старшихъ въ домѣ. А если случается, что у женщины нѣтъ близкихъ родственниковъ, то опекунство предоставляется сыновьямъ ея, которые также получаютъ плату при выдачѣ матери въ замужество.

*) Дѣло канц. нач. Даг. обл. „По вопросу, кто изъ жителей пользуется правомъ ношенія чалмъ", 1860, № 205.

Въ концѣ 50-хъ годовъ начальникъ Самурскаго округа запретилъ *іолъ* при бракѣ, но баронъ Врангель и Дербентскій губернаторъ считали это рановременнымъ вмѣшательствомъ въ семейные союзы жителей. По ихъ мнѣнію, прежде надобно подготовить народъ къ оставленію обычая іола, а потомъ, когда большинство населенія пойметъ несправедливость его, воспретить и преслѣдовать этотъ обычай. Начальникъ Дагестанской области, князь Меликовъ, объѣхавъ въ Ноябрѣ 1860 г. Самурскій округъ, приказалъ предоставить свободно пользоваться обычаемъ *іолъ-пули* тѣмъ жителямъ округа, которые пожелаютъ добровольно оставить этотъ обычай.

Генералъ Манюкинъ, Дербентскій губернаторъ, въ началѣ 1858 года предписалъ воспретить мужчинамъ Самурскаго округа совершать кебины безъ свободнаго согласія невѣстъ, въ чемъ и обязать ихъ подписками. Послѣ обнародованія этого распоряженія многія невѣсты, обрученныя уже съ ихъ согласія и принявшія въ присутствіи свидѣтелей отъ родственниковъ жениха, по мѣстному обычаю, нишанъ (обручальный подарокъ), отказывались потомъ отъ выхода замужъ за тѣхъ, съ которыми были обручены. Имѣя въ виду, что подобные отказы обрученныхъ уже невѣстъ происходятъ всегда по наущеніямъ, разнымъ обѣщаніямъ, а часто и угрозамъ людей, видящихъ въ томъ свои личныя выгоды или изъ вражды къ женихамъ обрученныхъ невѣстъ, а также и то, что такіе отказы невѣстъ предъ самимъ совершеніемъ кебина обрученныхъ уже по собственному ихъ согласію считаются въ народѣ постыдными для людей, подвергшихся имъ, начальникъ Самурскаго округа въ Декабрѣ 1858 г. вошелъ съ запросомъ: слѣдуетъ ли въ вышесказанныхъ случаяхъ принуждать невѣстъ къ замужеству, если будетъ положительно доказано, что первоначально онѣ изъявили согласіе и приняли нишанъ, или предоставить имъ совершенный произволъ и свободу отказаться отъ даннаго слова? Ахтинскій кадій и трое муллъ были запрошены о томъ, составляетъ ли нишанъ (обрученіе) духовный обрядъ по установленію Корана, и въ такомъ случаѣ дозволяется ли невѣстѣ отказываться отъ совершенія кебина по заключеніи нишана. Кадій Рутульскаго магала отвѣчалъ, что обрученіе не имѣетъ той силы, какую имѣетъ кебинъ, потому что кебинную жену нельзя выдать замужъ за другого, а обрученную по Корану можно выдать за другого, хотя бы по Шаріату это было не совсѣмъ правильно (харамъ). Ахтинскіе эфендіи показали, что обрученныя дѣвицы и женщины по собственной волѣ или по желанію ихъ старшихъ, при совершеніи кебина, имѣютъ право по Шаріату отказываться отъ вѣнчанія, ибо обрученіе по Шаріату и по Корану не составляетъ духовный обрядъ, и потому при совершеніи кебина обрученныхъ вновь спрашиваютъ, согласны ли онѣ выйдти замужъ за обрученнаго съ ними жениха, но, „по обычаю нашему, получившія нишанъ дѣвицы или женщины, у которыхъ кто бы ни былъ старшимъ, отецъ или другой кто, не имѣютъ права уничтожать нишана, т. е. отказываться отъ вѣнчанія, и имъ съ понужденіемъ совершаются кебины. Въ народѣ нашемъ въ этомъ случаѣ Адатъ всегда имѣлъ преимущество предъ Шаріатомъ“ *).

*) Дѣло канц. ком. в. въ Прикасп. краѣ, 1858, № 51.

V. Баронъ А. Е. Врангель и его дѣятельность въ Шурѣ.

Баронъ А. Е. Врангель управлялъ Прикаспійскимъ краемъ непродолжительное время, почему, вѣроятно, свѣдѣній объ его дѣятельности почти не имѣется въ печати. Недавно скончавшійся А. Л. Зиссерманъ ставилъ высоко личность барона и не разъ выступалъ въ защиту его памяти. Нижеприводимыя свѣдѣнія о гражданской дѣятельности барона Врангеля даютъ показанія для характеристики его дѣятельности, какъ правителя и для знакомства съ внутреннею жизнію городовъ и укрѣпленій на Кавказѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Баронъ Александръ Евстафьевичъ вступилъ въ должность начальника 21-й пѣхотной дивизіи, командовавшаго войсками и управлявшаго гражданскою частью въ Прикаспійскомъ краѣ, 17 Февраля 1858 г. Въ виду меньшаго содержанія, чѣмъ какое получалъ онъ въ должности Кутаисскаго генералъ-губернатора, занимаемой имъ до назначенія въ Дагестанъ, онъ просилъ о сохраненіи ему того же содержанія. Князь Барятинскій, давъ ему на обзаведеніе половину годового оклада жалованья (всего 1077 р.), исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о производствѣ ему, въ добавокъ къ получавшемуся имъ содержанію (всего 6115 р. 40 к.), еще столовыхъ денегъ по 3500 р. изъ государственнаго казначейства, пока онъ будетъ состоять въ этой должности [1]). Въ концѣ 1858 г. начальникъ штаба сообщилъ управлявшему гражданскою канцеляріею „вновь составленное распредѣленіе занятій г. командующаго войсками“. Отъ 9 до 10 ч. ежедневно: воинскій начальникъ, дежурный по карауламъ и всѣ имѣющіе надобность въ личныхъ объясненіяхъ по службѣ или по собственнымъ дѣламъ, также пріѣзжающіе и отъѣзжающіе офицеры и класные чиновники. Отъ 10 до 11 часовъ: дежурный штабъ-офицеръ, старшій адъютантъ съ приказаніемъ. Отъ 11 до 12 часовъ: оберъ-квартирмейстеръ. Отъ 5 часовъ: въ Понедѣльникъ и Четвергъ управляющій гражданскою канцеляріей, во Вторникъ и Пятницу начальники артиллеріи и инженеровъ, въ Среду и Субботу оберъ-аудиторъ. Лица, имѣвшія экстренныя служебныя и частныя надобности, могли являться для объясненій во всякое время дня [2]).

Б. Врангель обратилъ вниманіе на благочиніе и благоустройство Шуры. 28 Марта 1858 г. воинскій начальникъ донесъ ему, что всадникъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка пьяный зашелъ въ одну лавку, обнажилъ шашку и хотѣлъ ударить хозяина, а когда тотъ убѣжалъ, разрубилъ скамейку и прибавилъ, что „всадники безпрерывно обнажаютъ оружіе и наводятъ страхъ на торговцевъ, которые съ появленіемъ пьянаго всадника и обнаженіи оружія оставляютъ свой товаръ на произволъ“. Вслѣдствіе сего б.

---

[1]) Дѣло гражд. канц. команд. в. въ Прикасп. краѣ, 1858 г., № 27.
[2]) Тоже, 1858 г., № 4.

Врангель написалъ командиру конно-иррегулярнаго полка: „Имѣя въ виду, что подобные случаи въ короткое время начальствованія моего повторялись уже нѣсколько разъ, я предлагаю вашему высокоблагородію принять строгія мѣры къ удержанію всадниковъ ввѣреннаго вамъ полка отъ своевольствъ и буйствъ въ укрѣпленіи Темиръ-Ханъ-Шурѣ". Когда жители укрѣпленія подали ему прошеніе на частыя обиды всадниковъ полка, баронъ назначилъ слѣдствіе. Въ Маѣ мѣсяцѣ б. Врангель предписалъ лѣкарю Чекину свидѣтельствовать напитки въ духанахъ и наблюдать, чтобы рѣзали только здоровыхъ барановъ, а воинскому начальнику предложилъ наблюдать, чтобы перекупщики не допускались за городомъ въ дни привоза туземцами продуктовъ.

Въ томъ же Маѣ мѣсяцѣ б. Врангель издалъ „Инструкцію депутатамъ, избраннымъ отъ проживающихъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ иногородныхъ торговыхъ обществъ". Депутаты избирались для ближайшаго надзора за пребывающими въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ иногородными торговцами, ремесленниками и просто рабочими, а равно за сборомъ и расходованіемъ денегъ, поступающихъ въ городскіе доходы; они избирались по одному отъ обществъ, Русскаго, Армянскаго и Мусульманскаго [1]).

Онъ обратилъ также вниманіе на „жертвы общественнаго темперамента", и писалъ 18 Мая воинскому начальнику: „Дошло до моего свѣдѣнія, что, не взирая на неоднократныя словесныя приказанія мои, чтобы всѣ проживающія въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ п. женщины непремѣнно и еженедѣльно были свидѣтельствуемы исполняющимъ обязанности городоваго врача лѣкаремъ Чекинымъ, въ послѣдній разъ явилось къ нему, въ назначенный для свидѣтельствованія день, только 6, а въ Шурѣ числится свыше 30 п. женщинъ"; почему Чекину предписывалось доносить барону въ *отрядъ* еженедѣльно, сколько являлось для освидѣтельствованія. Подписывая эту бумагу, баронъ сказалъ Чекину, „что ему весьма желательно было бы, чтобы женщины, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя сохранили въ себѣ настолько женственной стыдливости, что всячески стараются избѣжать нахожденія при общемъ осмотрѣ, свидѣтельствуемы были по возможности такимъ порядкомъ, который не давалъ бы этому дѣлу уличной огласки" [2]).

По неимѣнію въ Шурѣ гостинницъ и по неотводу подъ постой обывательскихъ квартиръ проѣзжающимъ офицерамъ и чиновникамъ, одинъ казенный домъ былъ предположенъ для отвода квартиръ проѣзжимъ [3]).

Санитарная часть Петровскаго укрѣпленія обратила на себя вниманіе барона; по его порученію канцелярія его писала воинскому начальнику

---

[1]) Тоже, 1858 г., № 6.

[2]) Дѣло гражд. канц. ком. в. въ Прикасп. краѣ, 1858 г., № 40.

[3]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., 1859 г., отд. 1, № 3.

сего укрѣпленія: „г. командующій войсками, обращая особое вниманіе на доброкачественность съѣстныхъ припасовъ и водки, продаваемыхъ въ духанахъ и другихъ торговыхъ заведеніяхъ, проситъ васъ обратить на это самое заботливое участіе“.

Озабочиваясь уменьшеніемъ пьянства, баронъ Врангель въ концѣ 1858 г., приказалъ оставить въ укрѣпленіи только 10 духановъ изъ имѣвшихся въ то время 69, „изъ которыхъ только одинъ пусть содержится людьми состоятельными, въ остальныхъ же духанахъ производится продажа водки на незначительную сумму людьми, большею частью не совсѣмъ благонадежнаго поведенія, удалившимися сюда по какимъ либо причинамъ изъ разныхъ мѣстъ Закавказскаго края и Кавказской Линіи. Въ духанахъ этихъ, расположенныхъ по всѣмъ улицамъ укрѣпленія, постоянно бываютъ сборища людей разнаго званія, которые, кромѣ пьянства, занимаются тамъ картежною игрою, ссорами и драками, а иногда и воровствомъ одинъ у другого денегъ или вещей, сами же духанщики нерѣдко принимаютъ въ закладъ воровскія вещи“. Оставленные 10 духановъ были отданы съ торговъ, что̀ дало въ 1859 года 5508 р. Эта мѣра б. Врангеля вызвала жалобу торговаго сословія Шуры намѣстнику. Преемникъ б. Врангеля, князь Меликовъ, въ виду того, что эта мѣра оказалась стѣснительною для людей, имѣвшихъ здѣсь съ давняго времени духаны, въ началѣ 1860 г. возобновилъ прежнюю свободу торговли напитками для всѣхъ желающихъ заниматься таковою [1]).

5 Мая 1859 г. баронъ Врангель учредилъ въ Шурѣ должность полицмейстера и назначилъ имъ поручика 81-го Апшеронскаго полка Лебле, въ вѣдѣніе котораго были отдѣлены гражданскія дѣла изъ управленія воинскаго начальника съ подчиненіемъ ему всѣхъ проживающихъ въ Шурѣ семейныхъ воинскихъ чиновъ и съ предоставленіемъ ему права разбора жалобъ, возникающихъ между ними и лицами не военнаго вѣдомства. Для полиціи былъ составленъ временный штатъ. Въ вѣдѣніе полиціи перешло и освѣщеніе Шуры, для чего было 37 фонарей на улицахъ [2]).

VI. Ф. Е. Коцебу и Записки Инсарскаго.

„Русская Старина“ въ Сентябрьской книжкѣ за сей годъ возобновила печатаніе воспоминаній Инсарскаго. Здѣсь напечатаны главы о прибытіи его въ Тифлисъ и съ характеристиками главнаго служебнаго персонала того времени. Какъ извѣстно читателямъ Записокъ Инсарскаго, его никакъ нельзя упрекнуть въ скромности. Вышеназванныя характеристики подтверждаютъ это.

Пока остановимся на Ф. Е. Коцебу, членѣ совѣта главнаго управленія Закавказскаго края, на котораго, по словамъ Инсарскаго, князь А. И.

[1]) Дѣло гражд. канц. ком. в. въ Прикасп. краѣ, 1858 г., № 88.
[2]) Дѣло гражд. канц. ком. в. въ Прикасп. краѣ, 1859 г., № 99.

Барятинскій возложилъ составленіе какой-то „картины всего края“, для чего онъ былъ посланъ въ Эриванскую губернію, какъ нужно судить, въ 1856—1858 годахъ, но торжественно провалился при исполненіи сего порученія. Имѣющіеся въ нашемъ архивѣ документы *) нѣсколько иначе освѣщаютъ, какъ порученіе, данное Коцебу, такъ и его личность. 16 Мая 1859 г. главное управленіе намѣстника сообщило барону Врангелю: „Г. намѣстникъ Кавказскій, желая имѣть полное обозрѣніе высочайше ввѣреннаго ему края, съ цѣлью удостовѣриться, съ какимъ успѣхомъ сопровождается введенное въ немъ гражданское управленіе и вполнѣ ли оно соотвѣтствуетъ мѣстнымъ потребностямъ края, изволилъ возложить на члена совѣта намѣстника Кавказскаго д. с. сов. Коцебу обревизованіе въ настоящемъ году всѣхъ административныхъ учрежденій Дербентской губерніи, согласно данной ему инструкціи“. Отчетъ, представленный Коцебу 30 Декабря же, весьма подробенъ и отчетливъ, указывалъ недостатки и потребности различныхъ учрежденій и вообще губерніи. Если бы Коцебу, какъ говоритъ Инсарскій, не съумѣлъ выполнить порученія въ Эриванской губерніи, то едва ли бы князь Барятинскій поручилъ ему ревизію въ 1859 году; да, какъ видно изъ бумаги главнаго управленія, князь Барятинскій имѣлъ въ виду не столь грандіозное предпріятіе, какое приписываетъ ему Инсарскій.

VII. Дербентскія стѣны.

Какъ извѣстно, г. Дербентъ съ глубокой древности славился своею цитаделью и стѣнами. Къ сожалѣнію, не имѣется описанія стѣнъ и цитадели (Нарынъ-Кале); подробное описаніе съ планами, рисунками и пр., составленное А. В. Комаровымъ, не издано въ свѣтъ, а между тѣмъ стѣны проламываются и разрушаются; цитадель же, въ которой были склады военнаго вѣдомства, вслѣдствіе ветхости, теперь заперта пустая и продана съ публичнаго торга (или продается). Такимъ образомъ грозитъ безслѣднымъ исчезновеніемъ одинъ изъ грандіозныхъ памятниковъ древности. Отсутствіе въ Дагестанской области какого-либо учрежденія, могущаго охранять и описывать древности, лишаетъ надежды на сохраненіе и Дербентскихъ памятниковъ; мечтанія нѣкоторыхъ лицъ объ учрежденіи въ области ученой архивной коммиссіи, по примѣру многихъ внутреннихъ губерній, все еще, къ несчастію, остаются въ области грёзъ. Князь А. И. Барятинскій (родной племянникъ котораго управляетъ нынѣ областью, покоренною имъ), относился къ древности съ просвѣщеннымъ вниманіемъ. Первый начальникъ Дагестанской области писалъ Дербентскому губернатору 9 Декабря 1859 г.: „Г. намѣстникъ изволилъ изъявить желаніе, чтобы Дербентскія стѣны сохранены были въ настоящемъ положеніи и отнюдь не были нигдѣ разбираемы или пробиваемы для новыхъ воротъ впредъ до особаго о томъ распоряженія его сіятельства“. Въ отвѣтъ на представленіе Дербентскаго губернатора о проломахъ въ южной стѣнѣ въ видахъ расширенія города, князь

*) Дѣло гражд. канц. ком. в. въ Прикасп. краѣ, 1859 г., № 110.

Меликовъ отвѣчалъ ему 5 Мая 1860 г.: „При всемъ уваженіи къ ходатайству вашему, изложенному въ представленіи за № 240, соображая оное съ желаніемъ господина намѣстника Кавказскаго, чтобы древнія городскія стѣны г. Дербента были сохранены по возможности въ цѣлости, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство ограничиться двумя проломами для соединенія главныхъ улицъ вновь образуемой части съ старымъ городомъ“. Увы, южная стѣна сильно потерпѣла съ тѣхъ поръ; проводимая желѣзная дорога, еще уничтожитъ части и южной, и сѣверной [1]).

VIII. Обнаженіе головы туземцами.

Консульство его величества шаха Персидскаго въ Астрахани 30 Мая 1859 г., № 280, писало командующему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ: „По перепискѣ, происходившей съ Астраханскимъ губернскимъ начальствомъ о непринужденіи Персидско-подданныхъ снимать шапки при входѣ ихъ въ присутственныя мѣста, такъ какъ это противно ихъ религіи и обычаямъ, г. управляющій губерніею, вслѣдствіе отношенія къ нему Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, внушилъ всѣмъ чинамъ губерніи, чтобы никто изъ нихъ не требовалъ отъ Персіанъ при входѣ въ присутственныя мѣста снимать шапки“. О томъ же консулъ просилъ и командовавшаго войсками, на что уже князь Меликовъ отвѣчалъ ему: „При входѣ въ присутственныя мѣста или къ мѣстнымъ властямъ Прикаспійскаго края никогда не требовалось и не требуется снятія шапокъ не только отъ Персидскихъ подданныхъ, но и отъ туземныхъ мусульманъ, такъ какъ ни у тѣхъ, ни у другихъ не въ обычаѣ снимать шапки“ [2]).

Е. Козубскій.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА-ВИЛЕНСКАГО.

А.

Памятныя замѣтки для докладовъ.

(Набросано карандашемъ въ Маѣ 1864 года въ С.-Петербургѣ).

1) Доложить въ подробности о положеніи края и о всемъ томъ, что̀ сдѣлала Польская пропаганда для уничтоженія Русской народности.

2) Надобно по возможности избѣгать порученія завѣдыванія народными школами свѣтскимъ лицамъ; выразить опасность этого направленія.

3) Необходимость немедленнаго обезпеченія Православнаго духовенства и отпуска ежегодно изъ 5% сбора по меньшей мѣрѣ до 400 т. впредь до прiисканія средствъ Министромъ Финансовъ. Лучше уменьшить число жандармскихъ командъ, нежели оставить духовенство безъ приличнаго содержанія.

4) Прошу о положительномъ повелѣніи, дабы центральныя управленія въ Петербургѣ имѣли въ виду, сколь возможно, продолжительное невозвращеніе лицъ привиллегированныхъ сословій, высылаемыхъ изъ края за содѣйствіе мятежу, по меньшей мѣрѣ на 15 лѣтъ, высланныхъ же изъ края въ видѣ мѣры предосторожности не менѣе 5 лѣтъ. Воспретить мѣстнымъ начальствамъ входить о сказанныхъ лицахъ съ представленіями о помилованіи. Мѣра эта необходима для будущаго спокойствія края, и бѣдственныя послѣдствія нарушенія сего правила Россія уже испытала. Впрочемъ мѣра эта нисколько не стѣсняетъ Монаршее всемилостивѣйшее помилованіе въ видѣ особаго исключенія для нѣкоторыхъ личностей, по особымъ уваженіямъ.

Примѣчаніе. Представляется при семъ примѣръ неосновательности подобныхъ ходатайствъ, въ которыя вмѣшиваются даже полицмейстеры. Подобный примѣръ былъ уже въ Тамбовской губерніи по ходатайству тамошняго полицмейстера.

5) Для огражденія Россіи отъ неминуемыхъ бѣдствій прошу лицъ привиллегированныхъ сословій, размѣщаемыхъ по всѣмъ губерніямъ, сколь возможно скорѣе сосредоточить въ отдаленные пункты Имперіи,

ибо отъ нихъ распространяется самая опасная для цѣлаго государства пропаганда.

6) Бѣдственная идея о разъединеніи народностей въ Россіи, введеніи Малороссійскаго, Бѣлорусскаго и иныхъ нарѣчій уже глубоко проникла въ общественные взгляды. Необходимо положить этому твердую преграду и вмѣнить министру народнаго просвѣщенія въ обязанность дѣйствовать въ духѣ единства Россіи, не допуская въ учебныхъ заведеніяхъ развитія противныхъ тому идей. Учрежденіе теперь университета въ Одессѣ, въ коемъ попечителемъ Арцымовичъ, завзятый Полякъ и въ особенности жена его, безъ сомнѣнія принесутъ величайшій вредъ.

*

Замѣтки, написанныя собственноручно, частью карандашемъ, въ С.-Петербургѣ, 15 Мая 1864 года. Государь Императоръ соизволилъ одобрить эти предположенія).

1) Здоровье мое такъ плохо, что я продолжать теперь дѣятельной службы не въ силахъ. Мнѣ необходимы отдыхъ и серьезное леченіе, на что̀ и испрашиваю Всемилостивѣйшее разрѣшеніе, по крайней мѣрѣ на два мѣсяца.

2) Ежели Его Величеству угодно, чтобы я направлялъ еще нѣкоторое время управленіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ, то испрашиваю себѣ помощника по гражданской части, которому я могъ бы поручить и въ отсутствіе свое управленіе краемъ.

3) Въ эту должность желалъ бы назначить генерала Потапова, съ производствомъ его въ генералъ-лейтенанты, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія и съ добавленіемъ по 500 р. въ мѣсяцъ изъ 10 % сбора.

4) Теперь существенно-важенъ вопросъ гражданской администраціи для окончательнаго слитія Сѣверо-Западнаго края съ Россіею, и потому необходимо имѣть тамъ такого начальника, который, изучивъ во всей подробности край, въ состояніи былъ бы продолжать предстоящую трудную реформу въ управленіи еще многіе годы; въ противномъ случаѣ мы возвратимся къ прежнимъ неурядицамъ и можемъ лишиться края.

5) Помощникомъ начальника военнаго округа можно бы назначить генерала Хрущова, или временно генерала Заболоцкаго, но не поручать имъ гражданскаго управленія: крайне трудно соединить въ Сѣверо-Западномъ краѣ обязанности генералъ-губернатора съ таковыми же начальника военнаго округа. Это было дѣйствительно весьма полезно во время бывшихъ смутъ въ краѣ; но въ мирное время оно представляетъ большія неудобства и затрудненія и едвали возможно безъ ущерба для того или другого управленія.

6) Вопросъ этотъ требуетъ зрѣлаго обсужденія и положительнаго разрѣшенія. Главный начальникъ края можетъ въ отношеніи управленія военнымъ округомъ дѣйствовать лишь въ степени главнаго распорядителя войсками; всѣ прочія обязанности корпуснаго командира должны быть предоставляемы помощнику его. Необходимо составить сообразно съ симъ инструкцію для помощника.

7) Ежели для военнаго управленія признается необходимымъ учреждать штабъ, разныя управленія и особый совѣтъ, то конечно для гражданскаго управленія семью губерніями наименьшее требованіе, которое можно сдѣлать, есть назначеніе помощника.

8) Я полагалъ бы ѣхать въ Вильну на короткое время и, указавъ помощнику по гражданской части главные предметы занятій, отправиться для леченія въ деревню близъ Луги. Болѣе важныя дѣла будутъ присылаться ко мнѣ. На все это испрашиваю высочайшаго разрѣшенія, ибо безъ серьезнаго леченія нынѣшнимъ лѣтомъ я не могу принять на себя управленіе краемъ.

9) По вопросу о помощникахъ по военному и гражданскому управленію краемъ дозволеніе взойти въ соглашеніе съ военнымъ министромъ и окончательно представить совокупно съ нимъ докладъ.

10) Тоже испрашиваю соизволенія объ оказаніи денежнаго пособія офицерамъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, изъ 10% сбора, что̀ составитъ до 140 т. р. с. Я полагалъ бы справедливымъ поощрить вообще же войско и вознаградить за понесенные онымъ труды, установивъ медаль въ память подавленія мятежа и крамолы.

*

По случаю высочайшаго проѣзда чрезъ ввѣренный мнѣ край.

1) Не дозволять Августовскому епископу Люблинскому выѣзжать на встрѣчу къ Государю, какъ онъ это сдѣлалъ 2 Мая въ проѣздъ великаго князя Константина Николаевича.

2) Не допускать никакихъ депутацій и манифестацій со стороны дворянства и Римскаго духовенства, принявъ мѣры, чтобы на станціяхъ не было лишнихъ посѣтителей изъ мѣстныхъ жителей, кромѣ впрочемъ крестьянъ.

3) Не будучи въ силахъ перенести безостановочно путь по желѣзной дорогѣ, испрашиваю дозволеніе встрѣтить Государя въ Вильнѣ; губернаторы же будутъ имѣть счастіе представиться въ Рѣжицѣ, Динабургѣ и Ковнѣ и сопровождать Государя по ввѣреннымъ имъ губерніямъ. Ежели мои силы дозволятъ, то я явлюсь и въ Динабургѣ.

4) Испрашиваю рѣшительнаго приказанія, чтобы высылаемыхъ изъ ввѣреннаго мнѣ края арестантовъ не задерживали въ Петербургѣ, и не давали имъ свиданій съ здѣшними Поляками, кромѣ особыхъ

уважительныхъ случаевъ, ибо это производитъ самое невыгодное впечатлѣніе во ввѣренномъ мнѣ краѣ и возбуждаетъ надежды Польской пропаганды.

5) Казалось бы тоже необходимымъ обратить вниманіе на Польскую пропаганду, распространяемую газетою Голосъ, издаваемою самымъ неблагонадежнымъ *Полякомъ Краевскимъ.* Газета эта есть органъ Польскихъ революціонеровъ и чрезвычайно вредна въ краѣ.

Правительство должно дѣйствовать сколько возможно, въ одномъ направленіи, и потому необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ въ столицѣ, гдѣ сосредоточіе всего управленія, не было допущено столь явное потворство Польскимъ революціонерамъ. На первые 3 пункта сей записки Его Величество изволилъ изъявить свое согласіе. По 4-му пункту изволилъ отозваться, что объ этомъ дано уже приказаніе. По 5-му— приказалъ снестись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Б.

Высочайшіе рескрипты.

1.

Михаилъ Николаевичъ! Съ особымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я изъ вашего донесенія, представленнаго мнѣ ротмистромъ княземъ Шаховскимъ, и изъ приложеннаго къ нему адреса Виленскаго дворянства, что ваши благоразумныя, энергическія и послѣдовательныя распоряженія постепенно приводятъ къ болѣе и болѣе положительнымъ результатамъ.

Фактъ представленія этого адреса я считаю весьма знаменательнымъ. Выражаемыя въ немъ чувства и признаніе нераздѣльности Литвы съ Россіей могутъ быть не вполнѣ искренны; но они произведутъ сильное впечатлѣніе и во всякомъ случаѣ компрометируютъ въ глазахъ Польскихъ патріотовъ всѣхъ тѣхъ дворянъ, отъ имени коихъ они высказаны. Я поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ, согласно вашему предположенію, объявить мою благодарность дворянамъ и мое благоволеніе губернскому предводителю.

Послѣ того я съ сожалѣніемъ узналъ, что онъ израненъ злодѣемъ, желавшимъ отмстить ему за исполненіе его долга. Прошу васъ объявить д. с. с. Домейко, что я цѣню выказанную имъ при настоящихъ обстоятельствахъ рѣшимость, ему за то благодаренъ и увѣренъ, что современемъ его будетъ благодарить и то сословіе, къ которому онъ принадлежитъ. Желаю знать, не опасны ли его раны и отысканы ли какіе-нибудь слѣды убійцы.

Мнѣ пріятно объявить вамъ мою особую, искреннюю признательность за вашу добрую и полезную службу мнѣ и Россіи въ нынѣш-

нее многотрудное время. Отдаю полную справедливость вашему самоотверженію и вашему умѣнію вести дѣло, за которое вы взялись. Желаю вамъ здоровья и надѣюсь, что Богъ поможетъ вамъ скоро довершить умиротвореніе ввѣреннаго вамъ края. Я съ удовольствіемъ исполнилъ ваше желаніе на счетъ переименованія въ генералъ-маіоры вашего сына, коему вы поручаете управленіе Ковенскою губерніею, а ротмистра князя Шаховскаго, который передастъ вамъ это письмо, я назначилъ къ себѣ флигель-адъютантомъ, во вниманіе къ засвидѣтельствованнымъ вами его заслугамъ.

Искренно вамъ благодарный Александръ.

Царское Село,
3 Августа 1863 г.

2.

Михаилъ Николаевичъ! Изъ письма вашего отъ 3-го числа сего мѣсяца я усматриваю, что дѣло умиротворенія ввѣреннаго управленію вашему края быстро приближается къ окончанію. Благодаря вашему вѣрному взгляду, вашей распорядительности, настойчивости и неутомимой дѣятельности при исполненіи предначертаннаго вами себѣ плана, это дѣло, съ самаго вступленія вашего на то трудное поприще, на которое васъ призвало мое къ вамъ довѣріе, ни на одно мгновеніе не остановилось на пути къ цѣли и не уклонилось отъ этого пути. Чѣмъ охотнѣе и искреннѣе я цѣню достоинство и заслуги ваши, съ тѣмъ большимъ и искреннѣйшимъ сожалѣніемъ усмотрѣлъ я изъ того же самаго вашего письма, что утомленныя силы и окончательно потрясенное трудами здоровье побуждаютъ васъ испрашивать, въ непродолжительномъ времени, увольненія отъ нынѣ лежащихъ на васъ обязанностей. Я, знаю, что предпринятый и почти уже довершенный вами подвигъ требовалъ крайняго напряженія силъ. Время непрерывныхъ заботъ и занятій должно было отразиться на вашемъ и безъ того уже разстроенномъ здоровьи. Соболѣзную вамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаюсь на самоотверженіе ваше и на испытанную преданность мнѣ и Россіи. Надѣюсь, что эти чувства поддержатъ ваши силы и позволятъ вамъ, хотя-бы еще на нѣкоторое время, удержать за собою управленіе ввѣреннымъ вамъ краемъ. Чѣмъ долѣе вы это будете признавать возможнымъ, тѣмъ болѣе принесете вы прочной пользы Россіи и тѣмъ болѣе пріобрѣтете правъ на мою искреннюю и неизмѣнную къ вамъ признательность.

Навсегда вамъ благодарный Александръ.

Царское Село,
9 Ноября 1863 года.

В.

Письмо къ главному начальнику Сѣверозападнаго края, генералу отъ инфантеріи Михаилу Николаевичу Муравьеву 2-му. С.-Петербургъ, 6-го Ноября 1863 года.

Глубоко сочувствуя подвигамъ вашимъ на сохраненіе спокойствія, чести и единства любезнаго Отечества, мы просимъ васъ принять ко дню вашего Ангела, изображеніе архистратига Михаила, съ надписью на образѣ словъ изъ напутственнаго вамъ письма преосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго: „Твое имя—побѣда".

Искренно желаемъ вамъ утѣшенія увидѣть, что успокоенный вами край возвратилъ себѣ, еще подъ управленіемъ вашимъ, свойственный ему исконный Русскій складъ, безвозвратно отбросивъ пришлыя начала, вредящія естественному строю его народной жизни.

Гр. Д. Блудовъ.
Гр. А. Блудова.
Н. Зиновьевъ.
Ю. Зиновьева.
Е. Зиновьева.
Н. Анненковъ.
А. Анненковъ.
А. Россетъ.
Кн. П. Мещерскій.
Кн. Ек. Мещерская.
Кн. Н. Мещерскій.
Кн. М. Мещерская.
Кн. А. Мещерскій.
Кн. В. Мещерскій.
Ал. Карамзинъ.
Н. Карамзина.
Ел. Карамзина.
В. Карамзинъ.
А. Карамзина.
А. Зеленой.
Гр. Протасова.
Гр. П. Строгановъ.
Кн. А. Шаховской.
Кн. А. Оболенскій.
Кн. Е. Оболенскій.
Кн. Д. Оболенскій.
Ѳ. Тютчевъ.
Гр. Самойлова.
Гр. Ю. Строганова.
Кн. А. Барятинскій.
Гр. Муравьевъ-Амурскій.
К. Катакази.
О. Катакази.
Н. Стремоуховъ.
Е. Стремоухова.
П. Стремоуховъ.
Е. Стремоухова.
Е. Кавалевскій.
И. Деляновъ.
Ѳ. Корниловъ.
И. Корниловъ.
М. Туманскій.
А. Туманская.
Кн. Н. Долгоруковъ.
Кн. Е. Долгорукова.
Гр. М. Віельгорскій.
А. Веневитиновъ.
А. Веневитинова.
Д. Замятнинъ.
Кн. Н. Урусовъ.
Кн. А. Урусовъ.
Гр. Е. Комаровскій.
Б. Мансуровъ.
Д. Милютинъ.
Гр. П. Клейнмихель.
Гр. К. Клейнмихель.
Ив. Мальцовъ.
А. Баратынская.
П. Мельниковъ.
А. Потаповъ.
Е Потапова.
П. Батюшковъ.
С. Батюшкова.
А. Веригинъ.
С. Веригина.
К. Сербиновичъ.
Гр. Ѳ. Гейденъ.
П. Бутурлинъ.
А. Дренякинъ.
Ѳ. Панютинъ.
А. Горяйновъ.
А. Горяйновъ.
Н. Новосильцовъ.
С. Хрулевъ.
М. Щулепниковъ.
А. Риттихъ.
А. Козловъ.
Р. Колокольцовъ.
К. Кавелинъ.

Съ дозволенія дочери графа М. Н. Муравьева, Софіи Михаиловны Шереметевой, списано съ подлинниковъ, въ 1878 году, въ Петербургѣ. П. Б.

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ *).

Родъ Ю. Н. Бартенева, съ которымъ читатели наши могли въ нѣкоторой степени ознакомиться изъ Записокъ и разсказовъ его (Р. Архивъ 1886 г.) и изъ писемъ къ нему князя П. А. Вяземскаго (тамъ же 1897 г. вып. 10), идетъ отъ того Алферія Бартенева, что̀ упоминается въ синодикѣ Іоанна Грознаго. Родился Юрій Никитичъ 16 Февраля 1792 года. Объ отцѣ его, Никитѣ Григорьевичѣ (р. 1743), намъ извѣстно только, что онъ былъ надворнымъ совѣтникомъ и Галицкимъ предводителемъ дворянства. По нѣкоторымъ письмамъ его сына видно, что Никита Григорьевичъ былъ человѣкъ стараго закала и строгихъ правилъ, старавшійся внушить своимъ дѣтямъ высокія понятія о чести.

Мать его, Марія Васильевна, была урожденная Колобова. Письма къ ней ея сына, уже женатаго, 26-лѣтняго офицера, полны глубокой почтительности и признательности. Онъ робко упрекаетъ ее за то, что она читаетъ его письма къ ней сосѣдямъ, нерѣшительно указываетъ на свое стѣсненное положеніе и горячо благодаритъ за присылку «новины (т. е. холста), которой едва достало на исподнее платье, такъ что, не привези Сидоръ двухъ рубахъ, то не въ чемъ было бы причащаться». И это пишетъ человѣкъ уже вхожій въ домъ князя А. Н. Голицына, посѣтитель Р. А. Кошелева и А. Ѳ. Лабзина, владѣлецъ свыше ста душъ крестьянъ.

Съ 1802 по 1805 годъ Ю. Н. обучался въ частныхъ пансіонахъ и въ Костромской гимназіи, а съ 1805 по 1807 въ Москвѣ, въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Окончивъ тамъ ученіе, онъ записался въ канцелярію Костромскаго Губернскаго Правленія, но уже въ 1809 году поступилъ во второй кадетскій корпусъ «для наученія порядка военной службы», гдѣ и пробылъ до 1818 года; но точно не видно, въ какой именно службѣ. Со 2-го Іюля по 25-ое Декабря 1812 года былъ онъ въ походѣ противъ Французовъ. Первое вре-

*) Составлено по бумагамъ его, завѣщаннымъ Алексѣю Зиновьевичу Зиновьеву, который передалъ ихъ въ „Русскій Архивъ." П. Б.

мя онъ велъ жизнь зауряднаго офицера, не былъ чуждъ «пороковъ сладострастія, пьянства и безчинствъ, посѣщалъ всякія сборища, не выключая и самыхъ подлѣйшихъ»; но и тогда уже у него проявлялись болѣе возвышенныя стремленія, болѣе глубокіе запросы къ жизни. Еще въ 1811 году, будучи прапорщикомъ артиллеріи, онъ проникаетъ къ Филарету. Какъ состоялось и каково было это знакомство, намъ неизвѣстно; но вѣроятно молодой офицеръ сумѣлъ остановить на себѣ вниманіе ученаго архимандрита, потому что въ 1816 году Филаретъ, въ то время уже восходящее свѣтило, не забылъ послать ему свои «Записки на книгу Бытія». Впрочемъ, можетъ быть, это вниманіе, глубоко тронувшее молодого человѣка, было вызвано поступленіемъ его въ томъ же 1816 году въ масонскую ложу «Умирающаго Сфинкса», которой, кажется, не былъ чуждъ и Филаретъ.

Поступить въ орденъ Свободныхъ Каменщиковъ заставило Ю. Н. Бартенева не желаніе сблизиться со знатными людьми на почвѣ духовнаго общенія *), а побужденіе (будемъ говорить его словами):

«болѣе узнать свою ничтожность и паденіе, исправить, поколику возможно, нравственное поврежденіе и болѣе приблизиться къ истинѣ. Путь къ сему, хотя и указанъ въ Священномъ Писаніи, но я посредствомъ однихъ собственныхъ слабыхъ силъ моихъ не могу не только идти по пути сему, даже и попасть на оной; слѣдовательно мнѣ необходимо нужно стороннее руководительство. Найти оное я совершенно надѣюсь въ правилахъ ордена Свободныхъ Каменщиковъ, а надежду сію основываю на томъ, что онымъ правиламъ слѣдовали и нынѣ слѣдуютъ многіе ученѣйшіе и умнѣйшіе люди, отличившіе себя и добродѣтельною жизнію, и писаніями, сколько мудрыми, столько и наставительными».

«Духовнаго Христа или духъ Христовъ я признаю духомъ Божіимъ или самимъ Богомъ, облекшимся въ человѣческое тѣло для спасенія насъ отъ проклятія и казни за преступленіе нашихъ праотцевъ, всѣмъ намъ прирожденное. Безъ ходатайства Его о спасеніи падшаго человѣчества оно никакъ бы не могло собственными силами своими возстановить себя и изгладить пагубныя слѣдствія своего паденія: ибо, въ противномъ случаѣ, имѣло бы оно силу выше обыкновенныхъ силъ своихъ, чего никакъ нельзя допустить безъ явнаго противорѣчія истинѣ; не изгладивъ же слѣдовъ своего беззаконія, не могло бы оно при-

---

*) Одинъ только разъ посѣтилъ онъ засѣданіе ложи „Орфея“, гдѣ членами были многіе знатные люди, а ложи „Елисавета къ добродѣтели“ не посѣщалъ; ложа, къ которой онъ принадлежалъ, имѣла „обособленное существованіе“.

мириться и съ Богомъ, ни съ какою нечистотою не соединяющимся. На сей-то самой конецъ, то-есть чтобы мы сдѣлались паки удобными къ соединенію съ Богомъ, Христосъ и облекся въ наше поврежденное тѣло и освятилъ оное чистою и непорочною Своею жизнію; а перенеся, какъ тѣлесный человѣкъ, всѣ возможныя страданія, не бывъ ни въ чемъ виновенъ, Онъ удовлетворилъ чрезъ то за всѣхъ насъ правдѣ Божіей, которая паденія нашего никакъ не могла оставить безъ наказанія».

«Ученіе Христово и вообще Новый Завѣтъ я признаю за слово Божіе, указующее человѣкамъ путь ко спасенію. Чтожъ касается до Ветхаго Завѣта, то нѣкоторыя онаго мѣста нахожу я несогласными съ моимъ о Богѣ понятіемъ».

Если участіе въ масонствѣ познакомило Юрія Никитича со многими выдающимися и вліятельными людьми, какъ князь А. Н. Голицынъ, Р. А. Кошелевъ, Лѣнивцевъ, сблизило его съ Лабзиными, такъ что съ тѣхъ поръ онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ, а Анна Евдокимовна Лабзина сдѣлалась ему и второй матерью: то оно же сильно повредило его военной службѣ. Общеніе съ людьми серьезными, чтеніе духовныхъ и мистическихъ книгъ отняли въ глазахъ масона-неофита «у товарищескихъ пирушекъ всю ихъ привлекательность», и самое общество офицеровъ сдѣлали мало пріятнымъ.

Но ближайшимъ поводомъ къ отставкѣ послужило слѣдующее событіе. Одинъ изъ кадетовъ видѣлъ необычайные сны. Любовь къ таинственному была тогда очень распространена. Юрій Никитичъ и его другъ, іеромонахъ Өеофилъ, законоучитель корпуса, обратили вниманіе на юношу. Это было время, когда императоръ Александръ, давно уже оставивъ свое вольномысліе, съ увлеченіемъ читалъ Апокалипсисъ и все болѣе и болѣе увлекался христіанскимъ мистицизмомъ и аскетикой. Строитель бѣдной Глинской пустыни (въ семи верстахъ отъ Глухова), какой-то смиренный инокъ Филаретъ, былъ вызванъ по высочайшему повелѣнію въ Петербургъ и, еженедѣльно по два, по три раза являясь во дворецъ, посвящалъ Императора, ученика Лагарпа, побѣдителя геніальнаго Наполеона, въ тайны *умной молитвы.* Родіонъ Александровичъ Кошелевъ, извѣстный масонъ, не имѣвшій никакого оффиціальнаго положенія, жилъ въ самомъ дворцѣ, окруженный величайшимъ почетомъ. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что

«Провидѣніе Божіе довело свѣдѣніе о дѣлѣ семъ *) и до слуха царева и, онъ, какъ христіанскій монархъ въ полномъ значеніи слова се-

*) Т. е. о снахъ кадета. П. Б.

го, исполнилъ требованія кадета, а матери его и въ бѣдности помогъ». Подробностей мы не знаемъ; но «такая неожиданная развязка изумила и поразила всѣхъ чрезвычайно. Стали то приписывать моему другу; недоумѣвали, какъ онъ такъ коротокъ съ высокими особами, окружающими престолъ Монарха, наконецъ въ заключеніяхъ своихъ блуждали часъ отъ часу болѣе».

Хотя Юрій Никитичъ и увѣряетъ, что «происшествіе сіе начато было по Божіему произволенію, а по сему Ему одному извѣстными случаями и доведено къ окончанію, отецъ же Ѳеофилъ былъ только лишь свидѣтель сего случая, а споспѣшествовать оному никакъ не могъ и не умѣлъ», однако офицеры корпуса громко обвиняли отца Ѳеофила въ томъ, что онъ нарочно устроилъ все это дѣло, дабы стать извѣстнымъ Государю. Однажды капитанъ Н. П. Обольяниновъ, когда всѣ офицеры собрались въ дежурную комнату, началъ грубо бранить о. Ѳеофила за интриганство; Бартеневъ вступился за своего друга, но раздраженный капитанъ обвинилъ и его въ томъ же и заявилъ, что «для всѣхъ ихъ удивительно, почему, бывъ прежде ихъ товарищемъ, нынѣ избѣгаетъ онъ ихъ общества и, затворясь въ своей квартирѣ, не дѣлаетъ имъ обычныхъ посѣщеній. Посему-де видно, что онъ себя умнѣе всѣхъ ихъ считаетъ и ихнее общество ему не нравится; такъ на что же-де и мундиръ носить?»

Эта размолвка съ товарищами, какая-то болѣзнь, вѣроятно нервныя желудочныя боли, наконецъ полный недостатокъ средствъ, особенно чувствительный тому, кто былъ вхожъ въ богатые дома, заставили Ю. Н. хлопотать объ отставкѣ. Крайность его объ эту пору доходила до того, что онъ принужденъ былъ носить рубашку о. Ѳеофила; однако она не заставила его обратиться за пособіями къ Лабзинымъ, у которыхъ онъ былъ принятъ какъ родной. «Лучше, писалъ онъ, нужду перенесу, нежели сознàюсь въ сей крайности. Не самолюбіе надуваетъ меня въ семъ положеніи, но прямое чувство достоинства моего родоначальника: я чту священную память моего родителя».

Юрій Никитичъ началъ хлопотать о переводѣ въ гражданскую службу, и въ его дѣлѣ, по просьбѣ Филарета и А. Ѳ. Лабзина, приняли участіе такія лица, какъ князь А. Н. Голицынъ, обратившійся прямо къ Государю съ ходатайствомъ о переводѣ Бартенева въ штатскую службу съ чиномъ титулярнаго совѣтника чиновникомъ особыхъ порученій. Однако Государь отказалъ любимцу своему, не желая «еще въ первый разъ нарушать порядокъ, когда изъ военной службы пря-

мо перевести въ статскую офицера, а что это можно исполнить въ Сентябрѣ, когда означенный Бартеневъ выйдетъ въ отставку». Князь Голицынъ сталъ просить, чтобы Бартенева отпустили въ домовый отпускъ до Сентября; но и въ этомъ ему было отказано.

Между тѣмъ служебное положеніе Ю. Н. все ухудшалось; болѣзнь заставляла его пропускать уроки, и ранѣе благоволившій ему начальникъ, генералъ Маркевичъ, сталъ его преслѣдовать разными строгостями и даже оскорбленіями. Приходилось во всякомъ случаѣ оставлять службу. Ю. Н. подалъ прошеніе и 16 Ноября 1818 года былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ штабсъ-капитана артиллеріи.

Началось исканіе мѣста. Тутъ-то и состоялось личное знакомство его съ княземъ Голицинымъ; но о какой-либо близости и дружбѣ не могло быть и рѣчи: «кабинетъ и гостиная князя были для него недоступными terrae incognitae; дальше портретной залы онъ не бывалъ». Но покровительство А. Ѳ. Лабзина, А. П. Хвостовой и Филарета было не напрасно: 17-го Марта 1819 года князь Голицынъ, тогда министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, далъ Бартеневу мѣсто исправляющаго должность директора Костромскихъ училищъ.

Вѣроятно тогда же онъ и женился на дочери генерала Микулина, подругѣ дѣтства графа П. Х. Граббе, Екатеринѣ Степановнѣ, племянницѣ Лабзиныхъ. Лица, знавшія ее уже въ старости, отзываются объ ней съ необыкновеннымъ почтеніемъ. Кроткая и изящная, она служила противовѣсомъ пылкой и грубоватой природѣ мужа своего. О первыхъ годахъ ихъ супружества намъ ничего неизвѣстно, но въ бумагахъ Юрія Никитича намъ попалась нижеслѣдующая записка, относящаяся къ 20—30-мъ годамъ.

«Обѣщаетесь ли, какъ предъ Богомъ, до смерти жить неразлучно и хранить между собою взаимную вѣрность и любовь? Обѣщаетесь ли имѣть основаніемъ супружеской любви не страсть плотскую, но христіанскую добродѣтельную жизнь? Обѣщаетесь ли дѣла свои основывать на святости закона Божія, другъ друга предостерегать отъ пороковъ и подкрѣплять въ добродѣтели? Обѣщаетесь ли дѣтей своихъ воспитывать въ страхѣ Божіемъ и представлять имъ собою примѣръ вѣры и добродѣтели, а паче не подавать имъ собою соблазна и повода къ беззаконной жизни? Помните, что вы обѣщанія ваши даете самому Богу, Который невидимо здѣсь присутствуетъ и искренность словъ вашихъ слышитъ. Къ сему клятвенному обѣщанію Александръ Вахрушевъ руку приложилъ. Къ сему клятвенному обѣщанію руку приложила

Катерина Вахрушева. Къ сему клятвенному обѣщанію произвольно и съ радостію руку приложилъ Юрій Бартеневъ. Къ сему клятвенному обѣщанію произвольно и съ радостію руку приложила Катерина Бартенева».

И невольно, при чтеніи этого клятвеннаго обѣщанія лицъ, принадлежавшихъ къ «тайному обществу», вспоминается намъ разсказъ Фонъ-Визинской бригадирши о своей супружеской жизни, особенно же о капитаншѣ Гвоздиловой, которую ея мужъ «гвоздитъ, гвоздитъ, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай, ни вынеси за что.» Правда, въ Фонъ-Визинскихъ супругахъ мы можемъ видѣть лишь каррикатуру, а въ приведенной нами «запискѣ» лишь неосуществленный идеалъ, а идеалъ иногда бываетъ еще менѣе чѣмъ каррикатура сходенъ съ дѣйствительностью; но справедливо и то, что возвышенностью идеала измѣряется нравственное достоинство человѣка, такъ какъ

„..совѣсти укоръ сильнѣе всѣхъ сомнѣній,
И не погаснетъ то, что разъ въ душѣ зажглось".

Конечно и раньше мы видимъ не однихъ супруговъ Гвоздиловыхъ: княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, а еще раньше протопопица Марья навсегда останутся высокими примѣрами чисто-христіанской любви; въ самомъ православномъ обрядѣ бракосочетанія преподаются и словесно, и символически возвышеннѣйшія правила супружескихъ отношеній; но вышеприведенная клятвенная росписка нецерковнаго происхожденія вызвана, конечно, *масонскими* наклонностями Юрія Никитича. А если это такъ, то нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ тому обществу, которое прививало своимъ адептамъ столь высокіе правила и взгляды.

До 10-го Сентября 1833 года Юрій Никитичъ занималъ должность директора училищъ Костромской губерніи и привелъ какъ Костромскую гимназію, такъ и уѣздныя училища, въ образцовый порядокъ. «Все здѣсь (говоритъ въ донесеніи своемъ сенаторъ Дурасовъ, ревизовавшій Костромскую губернію) одолжено одной неутомимости самого г. директора Бартенева, который при вступленіи въ свою должность не имѣлъ помощниковъ въ своихъ учителяхъ, но впослѣдствіи, вразумя ихъ и приспособя къ дѣлу, довелъ терпѣніемъ и попеченіемъ своимъ Костромскую гимназію до образцовой».

Не разъ былъ онъ удостоенъ самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны начальства, перечислять которые не находимъ нужнымъ.

Свои досуги онъ посвящалъ самообразованію и ревностному изученію мистическихъ книгъ, такъ что около 1835 года, когда началось его тѣсное сближеніе съ княземъ А. Н. Голицынымъ, онъ уже является начетчикомъ въ мистической литературѣ и поражаетъ умѣньемъ улавливать смыслъ самыхъ отвлеченныхъ тонкостей, излагать кратко и ясно самыя трудныя книги. Не можемъ умолчать о томъ, что погруженіе въ мистическіе арканы, истинная доброта и любознательность не помѣшали Бартеневу совершать поступки, въ наше время недопустимые. Онъ требовалъ, напримѣръ, какъ сохранилось преданіе, чтобы учителя гимназіи, проходя мимо его дома, снимали шапки.

Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что мы познакомимъ ихъ въ общихъ чертахъ съ теоріей христіанской мистики, какъ она является въ сочиненіяхъ Якова Бёма, Гихтеля, Пордеча, Сенъ-Мартена, отчасти Свенденборга и другихъ. Безъ этихъ свѣдѣній трудно не только оцѣнить, но даже и понять увлеченіе «тайными ученіями», широко распространенное среди лучшихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣка.

Тѣлесный міръ есть лишь явленіе міра духовнаго; человѣкъ есть не только чувственное, но и духовное существо; тѣло служитъ лишь покрываломъ духа. Земная жизнь есть лишь *переходъ* отъ ничтожества къ бытію; истинное бытіе есть въ Богѣ. Въ душѣ человѣческой есть сѣмя истиннаго бытія, духъ Божій. Онъ называется иначе Іисусъ Христосъ. Евангеліе изображаетъ, какимъ образомъ Сынъ Божій въ каждой душѣ раждается, растетъ и живетъ. Жизнь Сына Божія можетъ быть разсматриваема двояко: въ каждомъ человѣкѣ особенно и во всемъ родѣ человѣческомъ вообще. Во всякой душѣ чистой Сынъ Божій можетъ родиться; у кого въ душѣ родился Христосъ, тотъ начинаетъ новую жизнь внутреннюю, духовную: это и называется таинствомъ *возрожденія*. По мѣрѣ того, какъ Сынъ Божій въ насъ растетъ, внѣшній человѣкъ, ветхій Адамъ, умираетъ. Христосъ растетъ въ насъ вѣрою, надеждою, любовію. Все дѣло спасенія состоитъ въ приращеніи Христа— жизни духовной. Лишь эта жизнь есть единая истинная, все же прочее есть призракъ и мечта. Жизнь Сына Божія въ душахъ имѣетъ различныя степени; въ однихъ Онъ только зачинается, въ нѣкоторыхъ уже возросъ, но во всѣхъ Онъ единъ и недѣлимъ; поэтому Іисусъ Христосъ во всемъ родѣ человѣческомъ составляетъ единое недѣлимое лице. Истинная цѣль всего міра, единственный смыслъ всѣхъ его проявленій есть соединеніе всего рода человѣческаго въ одну божественную натуру—*Преображеніе*. Оно производится любовью. Безъ любви ко всѣмъ никто одинъ спасенъ быть не можетъ. Слѣдовательно любить другихъ есть

первѣйшая и основная заповѣдь, которая не прейдетъ. Любить другихъ значитъ любить Бога, ибо въ Богѣ всѣ суть едино. Судьба міра совершится, когда воцарится всеобщая любовь на Землѣ; тогда-то настанетъ царство Божіе, которое возвѣщали всѣ пророки, знаменовали всѣ религіи, изображали всѣ науки, пріуготовляли всѣ законы и установленія гражданскія, приближеніе котораго торжественно возвѣщено въ Евангеліи.

Поселившись въ Костромѣ, Бартеневъ не прерывалъ сношеній со своими доброжелателями, и въ особенно-оживленной перепискѣ былъ съ Александрой Петровной Хвостовой: она принимала сердечное участіе въ своемъ молодомъ другѣ и не разъ читала его письма князю А. Н. Голицыну. Въ 1821 году онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и, «разгорячивъ себя предрасположеніемъ князя, предсталъ передъ его очи. Но, вся моя воинская хитрость, говоритъ онъ, завоевать его, всѣ провинціальные апроши къ сіятельной крѣпости ограничивались, увы, одной только залой и гостиной, гдѣ, хотя я и постоянно былъ принимаемъ, но также постоянно содержимъ былъ въ почтительной дистанціи».

Послѣ 1822 года, а особенно въ царствованіе Николая Павловича, занятія мистическими книгами стали небезопасны. Далѣе мы увидимъ, какими трудностями и непріятными послѣдствіями сопровождалось для Бартенева пріобрѣтеніе книги Пордеча, за переписку которой онъ заплатилъ серебряные часы и пятьдесятъ рублей. Въ 1826 году, когда въ силу высочайшаго распоряженія отъ всѣхъ служащихъ требовали подписки «по предмету тайныхъ обществъ», Юрій Никитичъ подалъ слѣдующую бумагу Костромскому губернатору:

«I) Въ Маѣ 1816 года, дѣйствительно я вступилъ въ общество, существовавшее подъ названіемъ *Умирающаго Сфинкса*, въ Санктъ-Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ. Общество сіе, хотя имѣло ритуалъ масонскій, но было единственно *духовное.* Я посѣщалъ оное въ продолженіе 816 года, мѣсяца три въ 817; въ остальное же время сего года былъ боленъ и находился въ домовомъ отпускѣ; въ 818 году рѣдко, по причинѣ болѣзни и жительства моего на мызѣ; первые полтора мѣсяца 819 года, а съ того времени, т. е. съ 819, по опредѣленіи моемъ къ настоящей должности, оставивъ Петербургъ, я уже болѣе не имѣлъ ни личнаго, ни письменнаго сношенія съ обществомъ. При вступленіи въ общество предоставлено мнѣ было полное право, что еслибъ я замѣтилъ что-нибудь противное принятой системѣ правительства, кольми паче что-нибудь противъ священной особы Государя Императора, не только тотъ же разъ оставить общество, но и

налагалась священнѣйшая обязанность тогда же извѣстить о семъ правительство. Мнѣ было открыто, что общество сіе было свѣдомо правительству, даже самому блаженной памяти Государю Императору. Собранія происходили въ ономъ во время дня.

II) *Цѣль его.* Занимая въ обществѣ 4-ую Шотландскую степень, я могъ съ нѣкоторою достовѣрностію прозрѣвать и въ цѣль онаго; а по сему, какъ христіанинъ и какъ вѣрноподданный Его Императорскаго Величества, по самой совѣсти и долгу присяги увѣряю, что единственная цѣль общества была: раскрытіе въ себѣ высшихъ *духовныхъ* силъ человѣка, прозрѣніе въ натуру и усовершенствованіе самого себя. Политика никогда не входила въ составъ общества.

III) Средства для достиженія цѣли были: 1) Практическое христіанство, 2) Бдѣніе надъ помыслами и мысленная молитва, 3) Безкорыстное служеніе Государю и Отечеству безъ всякихъ видовъ собственности.

IV) *Общія замѣчанія.* Общество состояло изъ весьма малаго числа членовъ и ни малѣйшаго не имѣло сношенія съ прочими масонскими ложами или другими какими нибудь тайными обществами; членамъ общества даже поставлено было въ правило всемѣрно удаляться не только какихъ-либо другихъ тайныхъ обществъ, еслибъ таковыя были, но и самыхъ масонскихъ ложъ. Сіе только зналъ и знаю я о томъ обществѣ, которое съ 1819 года вовсе оставилъ и впредъ къ оному никогда уже принадлежать не буду. Верховное правительство, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ средства удостовѣриться, что сіе мое показаніе сдѣлано чистосердечно и со всею откровенностію, которая происходитъ изъ полной увѣренности всегдашняго моего чувствованія видѣть въ священной особѣ моего Монарха второе на землѣ Провидѣніе. Что же касается до меня самого и частныхъ моихъ отношеній, то по долгу присяги чистосердечно объявляю, что я ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ никогда не принадлежалъ и впредъ принадлежать не буду, и соучастникомъ въ оныхъ, какъ по обязательствамъ, чрезъ клятву или честное слово, равно и безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ или чрезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ и управъ, никогда не былъ и не буду, и о существованіи таковыхъ обществъ гдѣ-либо свѣдѣнія не имѣлъ и не имѣю. Въ чемъ своеручно и подписуюсь. 1826 года, Мая 19-го дня. Директоръ училищъ Костромской губерніи коллежскій секретарь Юрій Бартеневъ.»

Въ 1827 г. Бартеневъ опять ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать объ увеличеніи жалованія и пособіи въ излѣченіи отъ болѣзни. Подробности

его служебнаго положенія изложены въ письмѣ къ Государю помѣщенномъ ниже. Поѣздка эта ему очень удалась: окладъ былъ увеличенъ, пособіе въ 300 рублей выдано; но, что̀ главное, князь Голицынъ сталъ примѣтно ласковѣе и довѣрчивѣе и даже предлагалъ ему мѣсто Рязанскаго почтмейстера. «Лишнихъ разговоровъ не было, однако онъ уже сталъ вхожъ въ князевъ кабинетъ». Все было хорошо, но уже надвигалась туча.

Если и въ настоящее время жизнь замкнутая и посвященная внѣ службы научнымъ занятіямъ, а не увеселеніямъ, удаленіе отъ общества, вызываютъ недоумѣнія провинціальныхъ обывателей, порождая сомнѣніе, не пьетъ ли запоемъ или не занимается ли чѣмъ противозаконнымъ такой человѣкъ, то тѣмъ болѣе страннымъ казалось поведеніе Бартенева тогдашнимъ Костромичамъ, отъ которыхъ не могло укрыться его постоянное чтеніе малопонятныхъ книгъ. Успѣхи по службѣ не могли не вызвать зависти, и вотъ въ 1828 году послѣдовалъ доносъ, «что многія дѣвицы города Нерехты состоятъ подъ руководствомъ г. Бартенева, слѣдуютъ какимъ то особеннымъ правиламъ, подрывающимъ религію и правительство; что онъ, Бартеневъ, сообщаетъ имъ какіе-то стихи, въ которыхъ не щадится и высочайшее имя»; словомъ, было донесено, что въ Нерехтѣ находится какое-то тайное противоправительственное общество съ Ю. Н. Бартеневымъ во главѣ.

Память 14-го Декабря слишкомъ еще была свѣжа. Мы знаемъ, какихъ непріятностей надѣлало одному мелкому чиновнику нахожденіе въ его бумагахъ стиховъ Пушкина «Андрей Шенье», надъ самимъ авторомъ которыхъ въ это время снова «собрались тучи»... И вотъ въ весеннюю распутицу въ Нерехту пріѣхалъ Костромской гражданскій губернаторъ и кавалеръ, Яковъ Ѳедоровичъ Гансклу, для производства разслѣдованія.

Слѣдствіе обнаружило полную невиновность Юрія Никитича; но онъ, узнавъ о клеветѣ, грозившей его доброму имени, принялъ цѣлый рядъ самыхъ энергичныхъ мѣръ: написалъ нѣсколько писемъ въ Петербургъ, въ томъ числѣ и самому Государю. Приводимъ здѣсь эти письма.

Всеподданнѣйшее письмо Ю. Н. Бартенева.

Апрѣля 17-го дня 1828 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

Дерзаю умолять тебя о правосудіи. Самъ Богъ, Котораго ты достойный представитель на землѣ, не отметаетъ вопля человѣковъ, когда они, поражаемые злобою себѣ подобныхъ, дерзаютъ взывать къ Нему

о заступленіи. Государь! Повергая къ священнымъ стопамъ твоимъ чудную повѣсть несказанныхъ моихъ бѣдствій, надѣюсь и вѣрю, что широкое сердце твое, вмѣщающее всѣхъ твоихъ подданныхъ, не отринетъ моленій угнетеннаго вопіющею, неслыханною злобою, и возвратитъ мнѣ то спокойствіе въ жизни, котораго мрачная ненависть умыслила навсегда лишить меня. Премудрый Государь! Обрати высокое твое вниманіе на мое дѣло; у меня отъимаютъ честь, жизнь и, что̀ еще болѣе, дѣлаютъ меня крамольникомъ противу тебя, помазанника Божія, противу тебя, вѣнценоснаго моего благодѣтеля. Дѣло мое есть дѣло цѣлой Россіи, которую ты ущедряешь своими благами и которая со скорбію узнàетъ, что одинъ изъ недостойныхъ осмѣлился омрачить свѣтлое лице возлюбленнаго Тита нашего ложнымъ доносомъ, похищающимъ благость отца у дѣтей. Правосудный Государь, склони слухъ твой къ злоключеніямъ, сколько неожиданно, столько безвинно меня постигшимъ; предъ тобою, какъ предъ Богомъ, я пролію сердце мое, да уврачуеши его благодатнымъ правосудіемъ, толико тебѣ свойственнымъ.

Десятый уже годъ служу я директоромъ училищъ Костромской губерніи, опредѣлившись въ сіе званіе изъ офицеровъ кадетскаго корпуса. Что Костромскую дирекцію принялъ я въ самомъ разстроенномъ видѣ, о томъ извѣстно было и бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія князю Голицыну, который меня на сіе мѣсто и опредѣлилъ. Должность мою я проходилъ съ усердіемъ, Государь; великое дѣло отечественнаго образованія мнѣ всегда казалось сладкимъ и отраднымъ служеніемъ. Руководимый чистѣйшими побужденіями, я съ бодростію превозмогалъ всѣ трудности званія моего. Сіи трудности не укрылись и отъ твоего проницательнаго взора; ибо ты первый творческою рукою началъ отдѣлять въ Россіи отечественное воспитаніе отъ той роскоши полузнаній, которая токмо безобразитъ человѣческія общества. Девятилѣтняя, безпорочная служба моя въ званіи директора, повѣренная многократными ревизіями и осмотрами, постоянно обращала вниманіе ближайшаго и высшаго моего начальства; въ засвидѣтельствованіе того, я имѣлъ честь получать многіе лестные для меня отзывы. Между тѣмъ поручена мнѣ была и постройка новыхъ зданій для Гимназіи; болѣе половины въ пользу казны сохранилъ я изъ той суммы, которая на сей предметъ была назначена. Получая скудное жалованье, я истощилъ для службы всю мою собственность: изо ста пятнадцати душъ, назначенныхъ мнѣ родительницею, двадцать душъ уже продано, остальныя въ залогѣ; не имѣя средствъ уплачивать долговъ моихъ, я приходилъ наконецъ въ уныніе и малодушіе. Дослуживъ девятилѣтній терминъ, положенный для директоровъ, изнуренный бо-

лѣзнями и скорбями отъ недостатковъ, я рѣшился или перемѣнить мѣсто, или выдти въ отставку, обрекая себя въ Ветлужскомъ уѣздѣ, гдѣ находится разстроенная, небольшая моя собственность, на сугубое уединеніе. Послѣ ревизіи, произведенной Костромскимъ учебнымъ заведеніямъ г. Московскимъ попечителемъ и г. сенаторомъ Дурасовымъ, открылись мнѣ виды перемѣнить мѣсто; одна благодѣтельная особа дала мнѣ средство пріѣхать въ столицу. Г. министръ народнаго просвѣщенія немало ободрилъ меня, велѣвъ мнѣ выдать квартирныя деньги, которыми я девять лѣтъ не пользовался, нанимая на свой счетъ квартиру даже и для канцеляріи директорской. Г. министръ, опредѣливъ меня въ Москву на мѣсто директора типографіи, исполнилъ мои ожиданія и далъ мнѣ чрезъ то кусокъ хлѣба. Онъ нашелъ за нужное представить о томъ и тебѣ, благосердому Государю на усмотрѣніе, приложивъ къ прочимъ засвидѣтельствованіямъ въ мою пользу и указъ, полученный имъ изъ Правительствующаго Сената о успѣхахъ моихъ въ дѣлѣ служенія. Ты, Государь, въ приснопамятной и вожделѣнной для меня резолюціи своей, послѣдовавшей по сему дѣлу 9-го Декабря прошедшаго 1827-го года, такъ благоволилъ повелѣть: «Г. Бартенева оставить на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ онъ гораздо полезнѣе, чѣмъ въ типографіи, куда другаго пріискать можно». Съ благоговѣніемъ, должнымъ святынѣ, принявши волю твою августѣйшую, я, не смотря ни на болѣзнь, ни на недостатки, спѣшилъ возвратиться къ мѣсту служенія моего; но, наполнивши слухъ свой повсемѣстною молвою о народолюбіи твоемъ, Монархъ благословенный, я возъимѣлъ дерзновеніе открыть тебѣ о многоразличныхъ нуждахъ моихъ и о тѣхъ причинахъ, по которымъ желалось мнѣ быть въ Москвѣ директоромъ типографіи. Г. министръ не отринулъ моего прошенія и вновь повергнулъ оное къ стопамъ твоимъ, во уповаліи на твое великодушіе. Чаянія мои меня не обманули: ты осыпалъ меня своими щедротами, ты оживилъ разбіенное скорбями сердце мое, пожаловавъ мнѣ сенаторскій окладъ жалованья, вмѣстѣ съ тѣмъ даровалъ еще средство воспользоваться и минеральными водами для излѣченія моихъ болѣзней; ты простеръ монаршія милости твои и на вѣрнаго моего помощника, учителя Горскаго, всемилостивѣйше пожаловавъ и ему пособіе для излѣченія отъ недуговъ, истинно служебною дѣятельностію причиненныхъ. Государь, получивъ отъ десницы твоей столько залоговъ такого неслыханнаго попеченія о подданныхъ твоихъ, я истаевалъ въ радостномъ чувствѣ благодарности; обходя въ столицѣ моихъ благодѣтелей и знакомыхъ, я спѣшилъ, такъ сказать, разгружать сердце мое, расказывая всѣмъ и каждому о твоемъ великодушіи; я втайнѣ просилъ Господа моего доставить мнѣ особенный случай показать тебѣ безпредѣльную мою преданность; кромѣ вѣрно-

подданническаго благоговѣнія къ священной особѣ твоей, я находилъ въ сердцѣ моемъ еще особенное чувство любить тебя, какъ благодѣтеля моего, какъ Царя по сердцу Божію, для котораго не чуждо все человѣческое.

Возвращеніе мое въ Кострому чрезъ Вологду и Ярославль было для меня безпрерывною цѣпію семейственныхъ торжествъ, которыхъ ты былъ душею, Государь; ибо ты виновникъ человѣческой радости нашей. Прибывъ на мѣсто, я, хотя больной, но съ новою бодростію принялся за дѣло званія моего; въ теплотѣ моей благоговѣйной признательности къ тебѣ, Монархъ милостивый, я хотѣлъ ввѣренныя мнѣ заведенія довести до возможнаго совершенства. Прибывшій въ Кострому новый губернаторъ, принимая участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, показалъ ревностную готовность споспѣшествовать тому всѣми зависящими отъ него средствами. Но вдругъ онъ сталъ охладѣвать ко мнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ моимъ училищамъ: по смутной молвѣ, до меня дошедшей, услышалъ я ужаснѣйшую новость, которая открыла мнѣ море скорбей. Губернатору сдѣлали на меня доносъ, о которомъ онъ, судя по важности его, безъ сомнѣнія, въ тоже время довелъ и до твоего высочайшаго свѣдѣнія: будто я, находясь въ сношеніи съ какими-то дамами и дѣвицами, особенно въ городѣ Нерехтѣ, замышляю новыя крамольничества для Россіи; будто, бывъ ихъ главнымъ начальникомъ и Корифеемъ, научаю ихъ безбожію, насаждаю новую, какую-то неслыханную ересь въ отечествѣ; будто сочиняю для нихъ стихи, въ коихъ страждетъ имя твое, благословенное для цѣлой Россіи; и что по сему случаю взяты уже показанія съ двухъ сотъ человѣкъ, которые меня, и я ихъ никогда не видывали.

Такая неслыханно-дерзновенная клевета потрясла все существо мое неизъяснимою горестію, къ болѣзнямъ придала болѣзни, и я весь сталъ скорбь и рана... Всемилостивѣйшій Государь! Клевета сія мгновенно породила для меня уже многіе виды несчастій: я сдѣлался притчею цѣлаго города и цѣлой даже губерніи, гдѣ я родился; чрезъ столь пагубное подозрѣніе, я, какъ директоръ училищъ, потерялъ все вліяніе на сограждань моихъ, которые не только не захотять нынѣ отдавать дѣтей своихъ въ школы, мною управляемыя, но еще бѣгать меня будутъ, какъ опустошительной язвы; не говорю уже о томъ, что̀ ты самъ, всемилостивѣйшій Государь, подумалъ бы, недавно осыпавъ милостями такое чудовище, которое столь злодѣйственнымъ образомъ нарушаетъ присягу и въ качествѣ христіанина, и въ качествѣ вѣрноподданнаго? Вотъ почему, правосуднѣйшій

Государь, умываясь горючими слезами, припадаю я къ священнымъ стопамъ твоимъ. Заклинаю тебя Богомъ живымъ и славою царствованія твоего, повели произвести подробнѣйшее изслѣдованіе сего дѣла, чтобы ничто не ускользнуло отъ твоей благотворной проницательности, и тогда увидишь, Государь, какъ горько заплатила мнѣ та неблагодарная губернія, для которой я со всею человѣческою возможностію потрудился въ образованіи дѣтей ея; въ лицѣ гнуснаго доносителя, она опозорила меня предъ цѣлымъ отечествомъ, и особенно въ глазахъ твоихъ, вѣнценосный мой благодѣтель! Увѣренъ, Государь, что подробное изслѣдованіе покажетъ тебѣ всю мою невинность; но клевета, какъ ржавчина, не скоро выводится изъ сердецъ человѣческихъ. Повели спросить обо мнѣ, Государь, нынѣшняго моего министра, повели спросить и предшественника его, князя Александра Николаевича Голицына, который пятнадцать лѣтъ меня знаетъ за честнаго человѣка; повели и мнѣ предстать лицу твоему, всемилостивѣйшій Государь: взглянувъ на меня, ты самъ увидишь, что я неспособенъ къ такимъ нечеловѣческимъ злодѣяніямъ. Коснись державною твоею рукою до меня, Государь, и сними бремя клеветы съ сердца моего: она подавила меня своею тяжестію и втоптала въ землю животъ мой. Я знаю причину сего безбожнаго доноса: это зависть, всемилостивѣйшій Государь, зависть къ твоимъ милостямъ, коими недавно осыпала меня десница твоя; зависть съ того самаго времени въ разныхъ уже проявленіяхъ, кромѣ послѣдняго ужаснаго, начала жалить сердце мое. Прости мнѣ, по сродному тебѣ великодушію, что я дерзаю прямо предъ тобою повергнуть сіе прошеніе мое: бѣдствіе, меня постигшее, столь велико, что я умоляю въономъ высочайшее на землѣ правосудіе твое, Государь! Избери достойное онаго орудіе, поставь прозорливаго и безпристрастнаго посредника между мною и тайнымъ моимъ зложелателемъ, который хочетъ погубить меня въ твоемъ и общемъ мнѣніи, и истина, избавивъ меня отъ клеветы человѣческой, усладитъ и твое отеческое сердце.

Письмо къ А. Х. Бенкендорфу.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Простите великодушно, что, пріемля дерзновеніе утруждать ваше превосходительство нижайшею и слезною просьбою моею, нарушаю я общеполезныя занятія ваши на чредѣ того высокаго государственнаго служенія, на которое призваны вы милостію и правосудіемъ проницательнаго Монарха нашего. Прилагаемое при семъ въ копіи прошеніе мое на имя Государя Императора, слѣдствіе глубочайшей скорби, меня постигшей, ясно покажетъ вашему превосходительству, въ чемъ со-

стоитъ мое дѣло, и какъ ядовита та клевета, которая внезапно и невинно погрузила меня и все мое семейство въ лютое и неизъяснимое уныніе. Во время недавняго пребыванія моего въ С.-Петербургѣ я имѣлъ случай слышать, что вы есть достойнѣйшій представитель истины предъ трономъ великаго Монарха, что любящее сердце ваше понимаетъ, что̀ такое есть грусть человѣческая, что заступленіе невинности есть сладкая потребность благороднѣйшей души вашей; а посему умоляю васъ, генералъ, открыть непремѣнно въ моемъ дѣлѣ истину, и какія имѣлъ причины и побужденія несчастный клеветникъ замарать меня въ глазахъ правосуднѣйшаго Государя, моего особеннаго благодѣтеля. Упросите, ваше превосходительство, чтобъ Его Величество позволилъ мнѣ предстать лицу его: я твердо увѣренъ, что Монархъ, выслушавъ объясненіе мое, не будетъ меня подозрѣвать въ такомъ ужасномъ злодѣйствѣ, какое одно только безпримѣрное недоброжелательство могло взвести на меня; или упросите нарядить особенное слѣдствіе, которое бы въ ясномъ видѣ открыло всю правду. Сердце мое кипитъ отъ горести и негодованія, и болѣзнь разливается по всему тѣлу моему, когда я воображаю, что августѣйшій Монархъ, осыпавъ меня своими милостями, имѣетъ поводъ подозрѣвать во мнѣ злодѣйское нечестіе и неблагодарность. Великодушный генералъ! Успокойте невиннаго раскрытіемъ предъ Государемъ сего ужаснаго дѣла. Чѣмъ подробнѣе оно будетъ изслѣдовано, тѣмъ отраднѣе сдѣлается сердцу моему; ибо я не боюсь свѣта въ дѣлахъ моихъ. Ежели хотя малѣйшее найдется подозрѣніе по сему случаю въ дѣйствіяхъ моихъ, то пусть Государь сторицею меня накажетъ. Неслыханная клевета, меня поразившая, такова, что мнѣ никогда и на мысль не приходила возможность столь безстыдной лжи на ближняго: вотъ уже десятый годъ, какъ служу я въ Костромѣ, и ни одного еще раза, даже по должности моей, не бывалъ въ Нерехтѣ, кромѣ того, что прошлаго года проѣзжалъ чрезъ сей городъ, имѣвши нужду побывать во Владимирѣ.

Умоляю ваше превосходительство заступиться за угнетеннаго такою безобразною клеветою, и Богъ угнетенныхъ и невинныхъ проліетъ блага свои на весь благодатный домъ вашъ; а я во всю жизнь мою вмѣстѣ съ моимъ семействомъ буду благословлять васъ, какъ благодѣтеля всего рода моего. Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д.

17 Апрѣля 1828 г.
Кострома.

Письмо Ю. Н. Бартенева къ министру народнаго просвѣщенія князю К. А. Ливену.

Свѣтлѣйшій князь, милостивѣйшій государь!

Простите дерзновенію моему, что я осмѣлился писать къ вашей свѣтлости. Душа моя долго боролась съ чувствованіями, и приличія, и глубочайшаго уваженія, которыя чиновникъ моего званія обязанъ хранить къ верховному представителю цѣлаго нашего сословія въ Россіи; но въ нравственномъ недугѣ, свѣтлѣйшій князь, какъ и въ физическомъ злѣ, если они содѣлываются для насъ нестерпимыми, мы, по чувству человѣческой ограниченности, стремительно, такъ сказать, ищемъ всякихъ средствъ къ своему избавленію, и чѣмъ средство драгоцѣннѣе, тѣмъ рѣшительнѣе желаемъ усвоить оное къ уврачеванію золъ нашихъ. Вотъ единственная причина, что, вовсе не заслуживши вниманія вашего, я еще прежде сего положилъ уже въ сердцѣ представить вашей свѣтлости наипокорнѣйшую мою просьбу; а нынѣ, имѣвъ счастіе неожиданно получить милостивыя строки ваши, обѣтующія мнѣ еще нѣкоторую отраду въ жизни, я уже нашелъ и силы въ свободѣ сердца моего излить предъ вами, князь великодушный, ту невыразимую благодарность, которою преисполнено къ вамъ сердце мое; вмѣстѣ съ симъ ощутилъ и ту способность ума моего, которая ясно показала мнѣ въ утѣшительнѣйшемъ писаніи вашемъ и христіанское побужденіе, и помазаніе любви къ ближнему, коими облагодатствовано любвеобильное сердце ваше. Въ оффиціальной бумагѣ министра вездѣ просвѣчивается сердечное участіе друга человѣчества въ скорбяхъ его ближнихъ. Будьте же Богомъ хранимы, великодушный мой благодѣтель! Всещедрая Десница да блюдетъ благословенную династію вашу; содѣланное вами мнѣ благо да утѣшитъ васъ въ тотъ торжественный и таинственный моментъ, когда всякому изъ земнорожденныхъ бываетъ необходимо утѣшеніе. Простите моему дерзновенію: это есть дерзновеніе любви, преданности и благодарности невыразимой.

Изливъ въ простотѣ сердца чувствованія мои предъ вами, свѣтлѣйшій князь, осмѣлюсь ли изобразить и настоящее мое положеніе? Хотя мудрая справедливость ваша оградила меня отъ напасти и открыла всю мою невинность, а христіанское великодушіе поспѣшило разлить новую жизнь въ потрясенномъ существѣ моемъ; но язва уже нанесена, но миръ дома моего возмущенъ; болѣзнь моя и жены моей уже содѣлалась, можетъ быть, неисцѣльною; не говорю о томъ убійственномъ подозрѣніи, которое столь успѣшно и охотно распространилось между моими братіями-человѣками и которое содѣлало меня блестящею метою и для враговъ моихъ, и для тѣхъ, кои доселѣ каза-

лись мнѣ благопріятствующими. Свѣтлѣйшій князь, чтобъ перенести безъ совершеннаго изнеможенія такое неожиданное потрясеніе, мало быть только честнымъ человѣкомъ; надлежитъ имѣть высшую крѣпость духа и силъ тѣлесныхъ; при моей же всегдашней слабости, получивъ съ изумленіемъ страшную вѣсть о дѣйствіяхъ сокровенной клеветы противу меня, я и со мною несчастная жена моя доселѣ съ каждымъ днемъ видимымъ образомъ исчезаемъ, такъ что и Кавказскія воды, для пользованія которыми всемилостивѣйше назначено мнѣ нѣкоторое пособіе, теперь, кажется, уже не поддержатъ изнуренныхъ силъ нашихъ. Богъ видитъ, съ какимъ усердіемъ желалъ бы я остаткомъ оныхъ пожертвовать для великаго дѣла общественнаго образованія, потому наипаче, чтобы хотя сколько-нибудь послужить подъ благодѣтельнымъ начальствомъ вашей свѣтлости и посильными трудами моими, оправдавъ въ высоконачальническомъ мнѣніи вашемъ то благоволеніе, которымъ я имѣлъ счастіе пользоваться отъ предшественниковъ вашихъ, пріобрѣсти лестнѣйшее ваше вниманіе; но будущая участь жены моей, которая, не имѣя ни малѣйшей собственности, послѣ меня можетъ вдругъ остаться безъ куска насущнаго хлѣба, и вмѣстѣ то, что и я самъ съ силами моими потерялъ и ту бодрость духа, которая потребна для дѣятельнаго служенія, можетъ быть вскорѣ, невольнымъ образомъ, заставятъ меня преждевременно, такъ сказать, на половинѣ моего поприща, остановиться и искать въ милостивомъ предстательствѣ вашемъ пособія для безбѣднаго окончанія останка дней моихъ и жены моей. Впрочемъ, послѣ Господа, предая участь мою мудрому усмотрѣнію вашей свѣтлости, я за счастіе поставляю подъ высоконачальническимъ покровительствомъ вашимъ продолжать мое служеніе до послѣдняго издыханія. Я узналъ (не поставьте мнѣ сего въ нескромность, свѣтлѣйшій князь), я узналъ, что Промыслъ одарилъ васъ твердостію и великодушіемъ, что добродѣтель ваша есть любовь, облеченная въ дѣйствованіе. Въ вашемъ великодушномъ сердцѣ я найду, можетъ быть, споручительство возможнаго еще для меня на землѣ блага; а милостивое ваше вниманіе къ посильной и обуреваемой службѣ моей послужитъ новымъ залогомъ для всѣхъ имѣющихъ счастіе находиться подъ высоконачальническимъ вашимъ покровительствомъ, что въ васъ, доблественный князь, мы точно обрѣли свѣтлѣйшаго начальника.

Съ высокимъ уваженіемъ и глубочайшею преданностію пребыть честь имѣю вашей свѣтлости, милостивѣйшаго государя, нижайшимъ слугою. Юрій Бартеневъ, директоръ училищъ Костромской губерніи.

Кострома,
23-го Іюля 1828 года.

Письмо Ю. Н. Бартенева къ князю А. Н. Голицыну.

Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь!

Колѣнопреклонно прошу у васъ извиненія, что я, осыпанный привѣтомъ, любовію и милостями вашего сіятельства, доселѣ медлилъ излить предъ вами чувства благодарности моей и той безпредѣльной вамъ преданности, которою исполнена душа моя. По возвращеніи моемъ въ Кострому, извѣстная вашему сіятельству простуда моя въ ухѣ усилилась, такъ что я ничѣмъ почти не могъ заняться. Дорóгою Богъ видимо меня спасъ отъ напрасной смерти; въ Ладогѣ разбили лошади, однакожъ я съ семействомъ остался невредимъ. Послѣ нѣкотораго облегченія въ болѣзняхъ тѣла моего, вдругъ поразила меня лютая болѣзнь душевная. Прилагаемыя при семъ бумаги покажутъ вашему сіятельству, въ чемъ состоитъ дѣло: я не предполагалъ, чтобъ ожидало меня въ жизни такое огненное искушеніе: признаться, оно пополнитъ курсъ моего воспитанія, которое усвояетъ Промыслъ каждому изъ земнорожденныхъ. Какой-то извергъ выставляетъ меня въ глазахъ Государя и отечества Корифеемъ любострастнаго общества дѣвицъ, располагающимъ ихъ къ крамолѣ противъ Царя и Россіи, дѣлаетъ меня стихотворцемъ, которымъ я во всю жизнь не бывалъ. Я смѣялся бы симъ губернскимъ сплетнямъ, еслибы онѣ ограничивались рубежемъ Костромской губерніи, еслибы самъ Государь не имѣлъ повода подозрѣвать меня въ семъ нелѣпомъ, можно сказать, нареканіи. Умоляю ваше сіятельство оказать мнѣ ваше великодушное покровительство, и если офиціальныя бумаги мои, по какому-нибудь случаю, будутъ не доведены до Государя, то представить ему оныя; твердо уповаю, что вы не заподозрите меня ни въ интригахъ съ женскимъ поломъ, ни въ безбожіи, ни въ крамолѣ противъ освященной особы милостиваго и правосуднаго Монарха нашего. Впрочемъ, благодарю Господа моего, что Онъ много подкрѣпляетъ духъ мой; поражаюсь ежечасно чуднымъ какимъ-то для меня самого изумленіемъ, почему при такой напасти сердце мое не скорбитъ, не пугается, какъ бы я воображалъ, еслибы подобное съ другимъ кѣмъ-нибудь случилось. Чувствую только по временамъ приливы страха потерпѣть напраслину, но чаще приходитъ досада на того негодяя, который столь наглымъ образомъ задумалъ погубить меня.

Порядокъ раскрашенныхъ эмблемъ содержится въ прилагаемой при семъ книжкѣ *); въ пополненіе Іоанна Круца имѣю честь препроводить при семъ толкованіе на его творенія. Въ книгѣ сей не менѣе добра, какъ

*) Ю. Н. составлялъ въ это время для князя Голицына лицевой молитвенникъ.

и въ той, которую доставлялъ я покойному Родіону Александровичу *); сіе сочиненіе есть библіографическая рѣдкость.

Препоручаю себя Богу и вашимъ милостямъ, которыя вы, къ утѣшенію моему, многократно мнѣ обѣщали. Отстойте меня отъ клеветы человѣческой; я буду громко благодарить васъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Въ минуты мрака мнѣ иногда приходитъ на мысль, какъ бы и вы не усомнились во мнѣ и въ чистотѣ моихъ побужденій... Это будетъ усугубленіемъ креста моего. Исчезнетъ уже изъ сердца моего всякая вѣра къ людямъ, когда и вы перемѣните ко мнѣ ваше расположеніе. Будьте благодатны, христолюбивый князь, и примите скудную дань усердія отъ гонимаго, но преданнѣйшаго вамъ Юрія Бартенева.

Къ Государю послалъ я прошеніе въ собственныя руки, съ котораго копіи отправлены въ тоже время къ генералу Бенкендорфу и къ министру просвѣщенія, къ первому при прошеніи, къ послѣднему при письмѣ; копіи со всѣхъ сихъ документовъ препровождаю при семъ къ вашему сіятельству. Спасите меня отъ лютой напраслины. Пѣнистыя воды дошли до души моей. Вотъ какъ я хвасталъ, что спокойно сердце мое! Боюсь, чтобъ враги не перехватили писемъ моихъ. Прикажите хотя Петру Димитріевичу меня извѣстить, что вы ихъ получили.

Кострома, 2-го Іюля 1828 года.

Письмо Ю. Н. Бартенева къ директору Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, Д. И. Языкову.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

На почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 24-го Маія имѣю честь отвѣтствовать, что первоначальною причиною всеподданнѣйшей моей просьбы на имя Государя Императора было письмо, полученное мною отъ 31-го числа прошлаго Марта изъ Нерехты отъ одного чиновника ввѣренной мнѣ дирекціи, изъ котораго за нужное считаю здѣсь приложить выписку. Сами изволите усмотрѣть, ваше превосходительство, что срокъ отъ 31-го Марта по 17 Апрѣля, т. е. день отправленія моей просьбы къ Государю Императору, довольно достаточенъ былъ для увѣренія, что столь злодѣйственный на меня доносъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто; кромѣ того, что всеобщая, единодушная молва цѣлаго губернскаго города Костромы и Нерехты доселѣ подтверждаетъ несомнѣнность онаго и существованіе сокровеннаго, но ядовитаго врага моего; таже молва дополняетъ, что слѣдствіе

*) Кошелеву (р. 1749, ум. 1827), члену Государственнаго Совѣта, родному дядѣ издателя „Русской Бесѣды." Ю. Б.

произведено было по особенному высочайшему повелѣнію, и всѣ бумаги, относящіяся къ оному, препровождены или къ Государю Императору, или къ его превосходительству генералу Бенкендорфу. Но, чтобъ имѣть офиціальное свѣдѣніе о началѣ и продолженіи сего дѣла, то не благоугодно ли будетъ его свѣтлости г. министру, чрезъ тѣ посредства, каковыя по его благоусмотрѣнію найдутся удобными, снестися съ г. Костромскимъ гражданскимъ губернаторомъ, какъ слѣдопроизводителемъ по сему дѣлу? Г. губернаторъ, прежде нѣсколько ко мнѣ охладѣвшій, съ нѣкотораго времени снова и въ вящей степени сталъ ко мнѣ благорасположенъ: всѣ отношенія мои къ нему по дѣламъ училищнымъ приводятся въ желаемое и немедленное исполненіе; я не могу надивиться той энергіи его превосходительства, какая обличается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается пользъ училищныхъ; вниманіе свое распростираетъ онъ и на чиновниковъ, ввѣренныхъ моему управленію, приглашая ихъ часто къ обѣденному столу своему и знаменуя имъ при всякомъ случаѣ особенное свое благорасположеніе, которому онъ придаетъ нѣкоторую даже торжественность, весьма лестную для сослуживцевъ моихъ въ глазахъ публики, чего въ Костромѣ не бывало съ самаго учрежденія гимназіи. Его превосходительство почтилъ меня даже и тѣмъ довѣріемъ, что предоставилъ мнѣ избрать для образованія дѣтей его трехъ гимназическихъ учителей, въ томъ числѣ одного для Закона Божія, показавъ тѣмъ примѣръ цѣлому городу, что онъ даетъ дѣтямъ своимъ воспитаніе прямо-Русское, и при посредствѣ тѣхъ именно лицъ, которымъ отъ самого правительства ввѣрено воспитаніе юношества, чего также въ Костромѣ не бывало доселѣ, гдѣ, какъ и въ столицахъ, большею частію Французы были привилегированными наставниками.

Хотя таковая пріязненность г. губернатора и даетъ мнѣ нѣкоторый поводъ думать, что самое слѣдствіе показало мою невинность; еще къ большей отрадѣ моей, самъ милосердый Монархъ, такъ сказать, какъ бы поспѣшилъ пролить бальзамъ на сердечныя мои раны, приказавъ, вскорѣ по полученіи моей просьбы, г. статсъ-секретарю Лонгинову дать мнѣ знать, что огражденіе меня отъ клеветы Его Величество предоставилъ достопочтенному начальнику моему, его свѣтлости г. министру; но клевета тѣмъ не менѣе уже обрызгала меня своимъ ядомъ: мое спокойствіе, честь моя и послѣднія изнуренныя силы тѣмъ не менѣе пострадали, и можетъ быть, не исцѣлимо; даже жена моя начинаетъ уже харкать кровью. Между тѣмъ я пропустилъ благопріятное время ѣхать на Кавказскія воды. Благоволите, ваше превосходительство, показать письмо сіе его свѣтлости г. министру

и заступитесь за директора, которой носилъ на себѣ милости двухъ министровъ, и еще въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ получилъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія официіальное засвидѣтельствованіе о посильной своей службѣ. Его свѣтлости нечуждо все то, что имѣетъ счастіе находиться подъ его покровительствомъ, а Дерптскій уставъ 1820-го года есть достаточное споручительство и въ рѣшимости его поддержать во всякомъ случаѣ званіе директора и въ благоволительномъ его мнѣніи о важности сего служенія. Не говоря уже о моральныхъ причинахъ, по которымъ бы не хотѣлось мнѣ болѣе оставаться въ Костромѣ и которыя имѣлъ я дерзновеніе представить даже и августѣйшему Монарху на усмотрѣніе во всеподданнѣйшемъ моемъ прошеніи, самое болѣзненное положеніе мое и жены моей, о которомъ небезъизвѣстно и вашему превосходительству, обязываетъ насъ желать переселиться въ Москву, гдѣ постоянное пособіе врачей еще могло бы насъ поддержать; а посему прибѣгаю къ великодушному вашему посредству; не благоволите ли употребить ваше ходатайство у его свѣтлости о переведеніи меня, за неимѣніемъ въ виду другихъ мѣстъ, въ Москву, въ должность цензора, которая открылась по новому уставу о цензурѣ, съ удержаніемъ настоящихъ моихъ окладовъ, какъ всемилостивѣйше пожалованныхъ мнѣ не по должности, но за прошедшую мою службу, ежели сіе желаніе мое подтвердится и соизволеніемъ его превосходительства г. Московскаго попечителя? Таковое перемѣщеніе изъ губерніи, гдѣ заплачено мнѣ злою клеветою, содѣйствуя къ поддержанію ослабшихъ силъ моихъ, можетъ быть, дастъ мнѣ возможность еще потрудиться для общаго дѣла и предъ его свѣтлостію оправдать благосклонное мнѣніе о посильныхъ трудахъ моихъ прежнихъ моихъ начальниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ заслужить лестное выше всякой мѣры благоволеніе мудраго и великодушнаго Государя. За нужное считаю присовокупить здѣсь копіи съ бумагъ, посланныхъ съ прошеніемъ на высочайшее имя, къ бывшему г. министру и къ генералу Бенкендорфу, имѣя честь быть съ истиннымъ высокопочтеніемъ и пр.

8 Іюля 1828 г.
Кострома.

Нижеприводимыя письма вскорѣ успокоили Ю. Н. Бартенева.

1.

Господину Костромскому гражданскому губернатору.

Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что отношеніе ваше отъ 25-го Іюня сего года по изъясненному въономъ дѣлу я получилъ и пріятнѣйшею для себя обязанностію поставляю изъяснить вамъ, милостивый государь мой, чувства признательности за обнару-

женіе невинности чиновника, котораго вѣрность къ престолу и доброе имя хотѣли было запятнать клевета и зависть. Объ отношеніи вашего превосходительства ко мнѣ я довелъ до высочайшаго свѣдѣнія.

При семъ случаѣ я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, какъ хозяина губерніи, содѣйствовать благосостоянію учебныхъ заведеній, въ оной находящихся, и принять въ благорасположеніе ваше чиновниковъ сихъ заведеній и въ особенности директора училищъ Бартенева. Министръ народнаго просвѣщенія генералъ отъ инфантеріи князь Карлъ Ливенъ. Директоръ Языковъ.

Въ С.-Петербургѣ
10 Іюля 1828 г.

2.

Милостивый государь мой Юрій Никитичъ.

Г. статсъ-секретарь Лонгиновъ, по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, препроводилъ ко мнѣ всеподданнѣйшее ваше прошеніе объ огражденіи васъ отъ клеветы, взведенной на васъ въ составленіи новаго крамольничества для Россіи. Изъ собранныхъ мною по сему дѣлу свѣдѣній оказалось, что неизвѣстный доносчикъ по злобѣ или зависти хотѣлъ было запятнать вѣрность вашу къ престолу и доброе имя; но правительство, охраняющее всѣхъ вѣрноподданныхъ, открыло совершенную невинность вашу, о чемъ и доведено мною до высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія. Чувствую, сколь сильно должно было поразить васъ извѣстіе о сдѣланномъ на васъ доносѣ; но какъ теперь невинность ваша доказана, то я увѣренъ, что вы возвратите опять спокойствіе духа и будете заниматься своею должностію съ тѣмъ же усердіемъ и ревностію, которыми вы всегда отличались и которыя обратили на васъ особенное вниманіе всемилостивѣйшаго Государя Императора. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь мой, покорнымъ слугою

Князь Карлъ Ливенъ.

С.-Петербургъ.
10-го Іюля 1828 года.

3.

Милостивый государь мой Юрій Никитичъ.

Письмомъ моимъ отъ 10-го Іюля сего года извѣщалъ я васъ, что я довелъ до высочайшаго свѣдѣнія всеподданнѣйшее прошеніе ваше объ огражденіи васъ отъ клеветы и собранныя мною по сему дѣлу свѣдѣнія.

Нынѣ г. статсъ-секретарь Муравьевъ увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, по выслушаніи всеподданнѣйшей вашей просьбы, высочайше повелѣть соизволилъ объявить вамъ, что на васъ не было никакихъ доносовъ и что справки, которыя правительство признало нужнымъ взять о какой-то новой сектѣ, по свѣдѣніямъ до него дошедшимъ, будто въ Нерехтѣ открывшейся, отнюдь не касались до васъ

и не могли имѣть никакого вліянія на счетъ службы вашей и той довѣренности, которою вы отъ начальства вашего пользуетесь.

Исполнивъ симъ высочайшее повелѣніе, имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь мой, покорнымъ слугою. Князь Карлъ Ливенъ.

*

Дѣло о противуправительственномъ обществѣ въ Нерехтѣ только возвысило Бартенева въ глазахъ начальства. Онъ продолжалъ свои занятія и составлялъ для князя Голицына какой-то илюстрированный молитвенникъ; но вотъ въ началѣ 1829 года послѣдовалъ на него новый доносъ о томъ, что онъ велитъ переписывать книгу Пордеча и сочиненія Сковороды. Для огражденія себя онъ опять написалъ всеподданнѣйшее письмо и затѣмъ отправился въ Петербургъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, инспекторомъ гимназіи А. А. Горскимъ, чтобы или выйти въ отставку, или добиться перевода на другое мѣсто. Въ этотъ свой пріѣздъ Ю. Н. Бартеневъ окончательно сошелся съ княземъ Голицынымъ и лично познакомился съ княземъ Ливеномъ.

Письмо Ю. Н. Бартенева къ Государю.

Всемилостивѣйшій Государь!

Предпринимаю дерзновеніе великое, всемилостивѣйшій Государь, дерзновеніе вновь утруждать тебя всеподданнѣйшимъ прошеніемъ. Приложенныя при семъ бумаги, всемилостивѣйшій Государь, покажутъ тебѣ всю тѣсноту моего положенія, всю скорбь сердца моего, тебѣ и отечеству, послѣ Бога моего, единственно преданнаго. Доколѣ неумолимой злобѣ торжествовать надо мною? Когда же торжествовать, всемилостивѣйшій Государь? Тогда какъ въ именномъ твоемъ повелѣніи, чрезъ г. министра мнѣ объявленномъ, августѣйшемъ споручительствѣ моего спокойствія, я имѣю неизъяснимо-сладостный и безцѣнный залогъ державнаго промышленія твоего о подданныхъ твоихъ. Въ предшествовавшей всеподданнѣйшей просьбѣ моей я осмѣлился, всемилостивѣйшій Государь, такъ выразиться: «клевета, какъ ржавчина, не скоро выводится изъ сердецъ человѣческихъ»; она-то, Государь, и не коснитъ поражать меня и доселѣ. Если бы дѣло было обыкновенное, если бы клевета обрызгала меня лишь одного ядомъ своимъ, то я, зная, что ты, великодушный Государь, любишь устройство и дозволяешь жалобѣ восходить до тебя лишь въ прогрессивномъ порядкѣ законныхъ инстанцій, я бы не осмѣлился вновь утруждать тебя. Но въ твоемъ величіи, всемилостивѣйшій Государь, и въ моемъ ничтожествѣ да найдешь ты причины сего дерзновенія. Еслибы ты, просвѣщеннѣйшій Монархъ, не оличалъ въ себѣ Петра, досужаго и средь заботъ и опасностей военныхъ вни-

мать немощному голосу невинности оклеветанной, я бы, можетъ быть, поробѣлъ умолять тебя. Но, великій Государь, въ твои благословенные дни, въ вѣкъ твоего благодатнаго царствованія, который по истинѣ есть палладіумъ для Россіянъ всякаго добраго усовершенія и въ гражданственности, и въ людскости, клевета (въ лицѣ Итальянскаго выходца Гритти, подчиненнаго моего, ибо онъ служитъ лѣкаремъ при училищахъ, мнѣ ввѣренныхъ) оглашаетъ меня въ новомъ преступленіи, что я, между прочимъ, приказываю за плату переписать Пордежа, переписать жизнь извѣстнаго Сковороды, который былъ украшеніемъ вѣка августѣйшей твоей бабки и вѣнценоснаго родителя твоего, который въ мудрой Екатеринѣ видѣлъ Сѣверную Минерву, и которую сей единственно-національный философъ Русскій научалъ любить и благоговѣть предъ геніальностію мудрой монархини. Благоволи, справедливый Государь, повелѣть представить тебѣ сіи рукописи; тогда любознательность твоя, опереживающая соотечественниковъ, ясно увидитъ, что Костромскіе недоброжелатели, злобствуя въ зависти, готовые за мою любовь къ наукамъ заподозрить во мнѣ всякое невѣріе, готовы возобновить на мнѣ извѣстный процессъ Галилеевъ, котораго также слѣпая и закоснѣлая злоба подозрѣвала въ безбожіи. Стою колѣнопреклонно предъ изваяніемъ твоимъ, всемилостивѣйшій Государь, обливаясь слезами, и прошу тебя, обновитель земли Русскія, обрати вниманіе на приложенные при семъ документы, защити отъ клеветы, на меня вновь взведенной, и позволь мнѣ оставить Кострому, гдѣ я и бѣдная жена моя совершенно и неисцѣльно потеряли здоровье.

Имѣю дерзновеніе къ сему моему всеподданнѣйшему прошенію приложить: 1) два предписанія ко мнѣ г. министра, содержащія волю твою августѣйшую, и 2) самый доносъ, писанный собственноручно тѣмъ изъ бывшихъ чиновниковъ моихъ, котораго подкупали*). Сіи сплетенія царское и великодушное твое сердце не укоснитъ усмотрѣть для защищенія ничтожнаго, но вѣрнѣйшаго изъ подданныхъ твоихъ. Государь! Правосудіе твое да возгремитъ надо мною, если въ чемъ-либо я окажусь виновнымъ.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій Юрій Бартеневъ, директоръ училищъ Костромской губерніи.

Мая 1829 года.

*

Князь Ливенъ, любезно принявъ Ю. Н., отказался принять его отставку и обѣщалъ перевести его въ Москву. «Дайте же мнѣ княжеское и христіанское слово, ваша свѣтлость, что вы это сдѣлаете», сказалъ

---

*) Этихъ приложеній у насъ не имѣется. Ю. Б.

ему Бартеневъ. «Вѣрь же мнѣ, батюшка», отвѣчалъ министръ, «что если я кому что обѣщалъ, то еще никогда и никого не обманывалъ: мало этого, что я дамъ тебѣ мѣсто въ Москвѣ, но я и бумагу о томъ напишу въ самыхъ лестныхъ для тебя выраженіяхъ. Будь же спокоенъ; послужи Господу Богу и Государю, любезный другъ, со мною.»

Въ это же время онъ былъ удостоенъ высочайшей награды и самаго лестнаго отзыва отъ попечителя, генералъ-маіора Писарева, и ревизора камергера Веревкина. Вотъ извлеченіе изъ отчета министру народнаго просвѣщенія, поданнаго попечителемъ Московскаго учебнаго округа А. А. Писаревымъ при общемъ обозрѣніи ввѣреннаго ему округа.

Гимназія сія едва ли въ чемъ отстала отъ Рязанской, исключая обширности и внутренняго расположенія самаго дома. Обученіе найдено мною съ тою же успѣшностію, устройство, порядокъ и чистота тѣже; учебныя пособія, хотя не въ такомъ количествѣ, но съ тою же бережливостію и удобностію расположены; гимназисты, числомъ до 80-ти, всѣ безъ исключенія одѣты по всей формѣ. Экономическія и письменныя дѣла въ большой исправности. Здѣсь все одолжено одной неутомимости самого г. директора Бартенева, который при вступленіи въ свою должность не имѣлъ помощниковъ въ своихъ учителяхъ; но въ послѣдствіи, вразумя ихъ и приспособя къ дѣлу, довелъ терпѣніемъ и попеченіемъ своимъ Костромскую гимназію до образцовой.

Въ присутствіе мое флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, князь Лобановъ-Ростовскій, посѣтивъ сію гимназію, въ лестныхъ выраженіяхъ отзывался объ устройствѣ и порядкѣ гимназіи, и въ обязанность вмѣнилъ себѣ о томъ имѣть честь отнестись къ вашему высокопревосходительству.

Уѣздныя училища, подвѣдомыя сей гимназіи, также въ хорошемъ состояніи со стороны обученія, прилежанія и исправности гг. учителей. Бдительность г. директора и заочно надзираетъ за должностями своихъ учителей. Внезапныя мои посѣщенія сихъ училищъ, безъ особаго о томъ предваренія, подтвердили мнѣ то: ибо по всѣмъ симъ училищамъ находилъ я гг. учителей въ часы учебные при своихъ мѣстахъ и учениковъ чинно и пристойно собранныхъ.

*

Г. директору училищъ Костромской губерніи.

При обозрѣніи ввѣренной вамъ гимназіи 5-го, 6-го и 7-го числъ сего Сентября, къ совершенному моему удовольствію, я нашелъ оную по всѣмъ отношеніямъ въ наилучшемъ благоустройствѣ, а именно: 1) Гимназическія зданія отличаются хорошею отдѣлкою и чистотою внутри и внѣ оныхъ. 2) Библіотека, при скудныхъ средствахъ вашими попеченіями, какъ видѣлъ я изъ документовъ, снабжена не только необходимыми, но даже многими драгоцѣнными изданіями. 3) Физическій и минералогическій кабинеты, на которые въ существующемъ штатѣ

ничего не положено и которые заведеніемъ своимъ обязаны единственно вашимъ усиліямъ, при богатствѣ вещей, составляющихъ оныя, размѣщены весьма приличнымъ образомъ. 4) Прочія учебныя пособія и классическія принадлежности также находятся въ достаточномъ количествѣ и порядкѣ. 5) Произведенное испытаніе ученикамъ гимназіи показало, что большая часть положенныхъ предметовъ, какъ то: Законъ Божій, науки математическія, естественныя, историческія, языкъ Греческій, рисованіе и пѣніе преподаются съ желаемыми успѣхами. Въ особенности же не могъ я не замѣтить, что старшіе учители Горскій и Бѣликовъ, равно учитель Закона Божія священникъ Аскаронскій занимаются своимъ дѣломъ съ примѣрною ревностію, сопровождаемою наилучшими успѣхами. Вообще же духъ, водворенный вами въ гимназіи, отличается въ строгой подчиненности, въ примѣрномъ порядкѣ и въ совокупномъ попеченіи чиновниковъ о благѣ мѣста.

Такимъ образомъ относя благоустройство гимназіи преимущественно къ неутомимой дѣятельности, опытнымъ распоряженіямъ и отличнымъ способностямъ вашимъ, какъ начальника оной и предоставляя себѣ подробныя наблюденія мои по сей части довести до свѣдѣнія высшаго начальства, я пріятнымъ долгомъ поставляю для себя предварительно засвидѣтельствовать вамъ, милостивый государь, совершенную мою благодарность, и вмѣстѣ прошу таковую же объявить отъ моего имени и тѣмъ учителямъ гимназіи, коихъ предметы занятій выше исчислены, въ особенности же старшимъ учителямъ Горскому, Бѣликову, священнику Аскаронскому и наконецъ священнику Казанскому, котораго классъ также найденъ въ лучшемъ предъ прочими видѣ. Для возбужденія же вящаго соревнованія въ училищныхъ чиновникахъ вы не оставите сообщить о семъ засвидѣтельствованіи моемъ и въ прочія подвѣдомыя вамъ училища. Камергеръ, статскій совѣтникъ Владиміръ Веревкинъ.

*

Дѣло о переводѣ Бартенева въ Москву повидимому было улажено, какъ видно изъ отношенія попечителя А. А. Писарева министру народнаго просвѣщенія отъ 15-го Февраля 1830 за № 234-мъ:

Директоръ училищъ Костромской губерніи Юрій Бартеневъ обратился ко мнѣ съ просьбою о представленіи его вашей свѣтлости къ перемѣщенію изъ Костромы въ Москву, въ томъ предположеніи, что открытіе новыхъ двухъ гимназій приводится въ исполненіе. Находя причины скорѣйшаго перемѣщенія его Бартенева въ Москву уважительными, я осмѣливаюсь просьбу его представить во вниманіе вашей свѣтлости и просить высоконачальническаго вашего разрѣшенія о перемѣщеніи его директоромъ въ одну изъ предполагаемыхъ къ открытію гимназій.

Князь Ливенъ пишетъ въ отвѣтъ на эту бумагу новому попечителю Московскаго округа князю С. М. Голицыну:

Предмѣстникъ вашего сіятельства, засвидѣтельствовавъ объ отличномъ усердіи къ службѣ и способностяхъ Костромскаго директора училищъ Бартенева, просилъ меня о назначеніи его директоромъ же одной изъ предполагаемыхъ къ открытію въ Москвѣ гимназій. По сему

писалъ я отъ 20-го Іюля прошлаго года къ бывшему г-ну попечителю, что какъ г-нъ Бартеневъ, бывши здѣсь, рѣшительно отозвался мнѣ, что онъ не намѣренъ болѣе продолжать службы въ Костромской губерніи, и нигдѣ, кромѣ Москвы, не можетъ принять мѣста директора; то, дабы сберечь для службы столь достойнаго чиновника, я не оставлю удовлетворить его желанію о перемѣщеніи его въ Москву, какъ скоро откроется къ тому случай. Отъ 15 Февраля сего года, г-нъ Писаревъ представилъ мнѣ о перемѣщеніи г-на Бартенева изъ Костромы въ Москву въ томъ предположеніи, что открытіе въ Москвѣ новыхъ двухъ гимназій приводится въ исполненіе. Предавая на уваженіе вашего сіятельства вышесказанное, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, почтить меня увѣдомленіемъ о мнѣніи вашемъ по оному. Князь Карлъ Ливенъ. Директоръ Языковъ.

Между тѣмъ произошло слѣдующее.

Получивъ отъ князя Ливена письменное подтвержденіе его обѣщанія о назначеніе директоромъ Московской гимназіи, Бартеневъ, «въ непритворной радости отъ торжества надъ клеветою, объявилъ бумагу всѣмъ чиновникамъ гимназіи, сообщилъ копію съ нея губернатору, разослалъ ее циркулярно ко всѣмъ почетнымъ и штатнымъ смотрителямъ училищъ ему ввѣренныхъ; мало того, препроводилъ копію съ нея ко многимъ изъ родственниковъ и знакомыхъ, между прочимъ Д. Н. Блудову, графу Строганову, князю П. А. Вяземскому и В. А. Жуковскому». Приготовляясь переѣхать въ Москву, онъ распродалъ свою движимость и уговорилъ нѣкоторыхъ учителей ѣхать съ нимъ. «Какъ язычникъ предавался онъ шумной радости и настраивалъ свой духъ къ свѣтлой будущности». Но радость была преждевременною. Мѣсяцы проходили въ ожиданіи назначенія. «То, что̀ начало дремать, снова пробудилось; злые языки стали говорить, что министръ перемѣнилъ мнѣніе о Бартеневѣ; стали даже утверждать, что бумага министра была подложна». Такая превратность была невыносима для Ю. Н. «Самые добрые сослуживцы поколебались въ довѣренности ко мнѣ, писалъ онъ, слыша какую-то непостижимую для нихъ перемѣну въ мнѣніи высшаго начальства обо мнѣ. Самые умѣреннѣйшіе изъ друзей моихъ усматриваютъ всю шаткость моего положенія.» Дѣйствительно, положеніе было странное.

Другъ Бартенева Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ писалъ ему отъ 9 Марта: «Въ департаментѣ просвѣщенія такъ были увѣрены, что ты будешь опредѣленъ въ Москву, что хлопотали о помѣщеніи на Костромскую ваканцію, и я самъ даже видѣлъ одного ищущаго. Душевно соболѣзную о тебѣ. Такъ жестоко быть обмануту въ торжественномъ обѣщаніи начальника неизъяснимо тяжело. Желаю, чтобы непріятное извѣстіе сіе застало внутренняго стража твоего сердца бдя-

щимъ и вооруженнымъ молитвою. Желаю, какъ другъ, чтобы сердце твое безъ гнѣва, а съ любовью приняло отказъ сей; а невѣрность человѣческая да укрѣпитъ тебя еще болѣе въ вѣрѣ къ Тому, Который Единъ вѣренъ въ словѣ своемъ. Юрій! Ты уже старый воинъ духовный, ты уже пріобрѣлъ опытность пути крестнаго, и съ помощью Бога укрѣпляющаго насъ въ скорбяхъ и немощахъ, ты конечно мужественно обойдешься съ новымъ опытомъ. Кротость и смиреніе притупляютъ всякое жало креста и извлекаютъ изъ него животворный елей, укрѣпляющій сердце и свѣтъ, просвѣщающій его».

Нѣкоторымъ объясненіемъ неудачи можетъ служить другоэ письмо Ѳ. И. Прянишникова.

Любезный другъ Юрій Никитичъ.

Князь Сергій Михайловичъ *) пишетъ, что ваканція цензора занята уже; что въ дѣлахъ предмѣстника своего онъ дѣйствительно нашелъ письмо князя Ливена о помѣщеніи тебя директоромъ въ одну изъ гимназій Московскихъ; что таковое одобреніе министра просвѣщенія и рекомендація князя Александра Николаевича достаточны были бы рѣшить его къ опредѣленію тебя на желаемое мѣсто; но какъ тотъ же министръ, давая ему полномочіе на замѣщеніе мѣстъ по всему учебному округу, возложилъ на отвѣтственность его дѣлать выборъ людей самый строгій не только въ отношеніи нравственныхъ качествъ и способностей, но и въ отношеніи образа мыслей, въ особенности же просилъ избѣгать сектаторовъ: то онъ, по долгу службы и по совѣсти своей, считалъ себя обязаннымъ собрать свѣдѣнія и о тебѣ. Ему донесено, что ты человѣкъ характера сварливаго, грубъ съ подчиненными и склоненъ прилѣпляться къ сектамъ.

Не смотря однакоже на столь неблагопріятные отзывы, князь Сергій Михайловичъ, уважая ходатайство его сіятельства князя Александра Николаевича и хорошее засвидѣтельствованіе его о нравственныхъ правилахъ твоихъ, соглашается на опредѣленіе тебя директоромъ гимназіи, когда представится возможность, что̀ будетъ зависѣть между прочимъ и отъ покупки дома для гимназіи. Изъявляя согласіе свое, князь Сергій Михайловичъ просилъ внушить тебѣ, любезный другъ, что, перейдя въ Москву, ты долженъ вести себя со всевозможною осторожностію и благоразуміемъ; ибо сотни глазъ будутъ наблюдать твои поступки и образъ мыслей, на которые и самъ Сергій Михайловичъ обратитъ строгое вниманіе; если же замѣтитъ, что правила твои несообразны съ тѣми, какихъ онъ требуетъ отъ служащихъ, а наипаче отъ начальни-

---

*) Голицынъ, попечитель Московскаго учебнаго округа. Ю. Б.

ковъ учебныхъ заведеній, то онъ найдется въ непріятной необходимости удалить тебя.

Приказавъ мнѣ передать тебѣ, любезный Юрій Никитичъ, содержаніе означеннаго письма, его сіятельство поручилъ написать тебѣ, чтобы ты, принявъ его къ надлежащему соображенію, не предавался огорченію; ибо легко быть можетъ, что сообщенныя невыгодныя понятія происходятъ отъ тѣхъ же людей, которые обносили тебя и по Костромѣ. Князь удостовѣряетъ тебя, что Сергій Михайловичъ есть человѣкъ благонамѣреннѣйшій и души отлично доброй, а потому когда увидитъ въ поступкахъ твоихъ благоразуміе, скромность и кротость, а въ отправленіи должности прилежаніе и честность, то онъ охотно отдастъ полную тебѣ справедливость и радъ будетъ изгладить изъ памяти то, что̀ клевета сказала о тебѣ худого.

Изложивъ все что̀ мнѣ приказано, я съ своей стороны долгомъ считаю изъяснить чувства мои, внушаемыя искреннею дружбою. Можешь представить себѣ, какъ огорчительно мнѣ было слышать столь неблагопріятные о тебѣ отзывы, сдѣланные новому начальнику твоему. Душевно соболѣзную и вполнѣ раздѣляю скорбь твою. Но, не останавливаясь на безплодномъ сѣтованіи, я просилъ бы тебя разсмотрѣть безпристрастно, не подалъ ли ты самъ повода, хотя невиннаго, къ такимъ о себѣ заключеніямъ. Согласись, что самая клевета ищетъ для себя какого-либо основанія и часто находитъ въ собственныхъ поступкахъ нашихъ удобность представлять съ правдоподобіемъ то, что̀ представить желаетъ. Ты не любишь, напримѣръ, подчиняться общимъ правиламъ свѣтскаго обхожденія, принятаго уже всѣми, и тебя назвали оригиналомъ; а сія оригинальность, обращенная къ подчиненнымъ, могла быть названа грубостію. Здѣсь не существенныя качества души твоей подверглись обвиненію, а только внѣшняя ихъ оболочка, которою пренебрегать не должно. Мы живемъ, любезный другъ, въ мірѣ тѣлесномъ, гдѣ все выражается въ формахъ; дѣйствія наши имѣютъ свои; чѣмъ они правильнѣе и благообразнѣе, тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ достоинству человѣка. Самъ Творецъ облекъ все твореніе Свое изящнѣйшимъ покровомъ, который плѣняетъ насъ.

Съ другой стороны, можетъ быть, ты съ энтузіазмомъ говаривалъ въ обществахъ о масонствѣ, о пользѣ тобою полученной отъ него, и тебя назвали сектаторомъ. Или, можетъ быть, не зная коротко людей, изливалъ предъ ними въ потокахъ огнистыхъ рѣчей твоихъ высокія понятія, почерпнутыя тобою изъ сочиненій писателей, извѣстныхъ подъ именемъ мистиковъ, и тебя самого прозвали мистикомъ.

Чтобы избѣгать впередъ подобныхъ заключеній, которымъ подвергался ты по довѣрчивости добраго сердца твоего, будь только осторожепъ въ выборѣ людей, предъ коими открываешь чувства и мысли свои. Мудрый Сирахъ совѣтуетъ: «мудрствующіе съ тобой да будутъ тысящи, а друзья—единъ отъ тысящей.»

Если ты найдешь справедливыми предполагаемыя мною причины, постарайся, другъ любезный, уничтожить ихъ. Конечно злоба можетъ изобрѣтать и небывалое, но вымыслы ея будутъ слабы, а поведеніе твое, основанное на благочестіи дѣятельномъ, на правилахъ скромности, обезоружитъ ее. Клевета будетъ поражать, но не сразитъ; ибо добро сильнѣе зла. Желаю тебѣ искренно, чтобы, избавясь отъ имени мистика, ты содѣлался настоящимъ тайновѣдцемъ, познавая болѣе и болѣе тайну Спасительной Благодати, измѣняющей падшее существо наше въ существо новое, обоженное. Обладаніе сей тайны, невѣдомой міру, да проявляется въ дѣлахъ твоихъ и привлекаетъ къ тебѣ любовь Бога и человѣковъ. Развѣсь все, рѣшайся на лучшее, и да сохранитъ тебя Господь на всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы ты ни былъ! Душевно преданный Ѳедоръ Прянишниковъ.

Въ своей горести Бартеневъ обратился вновь къ князю Голицыну. У насъ не сохранилось его писемъ по этому поводу, но нижепомѣщенное письмо отъ 1831 года показываетъ, какія отношенія установились между ними.

Письмо Ю. Н. Бартенева къ князю А. Н. Голицыну.

Достопочтеннѣйшій князь, милостивѣйшій государь!

Драгоцѣнныя строки ваши отъ 29-го Іюля, извѣщающія о еще болѣе драгоцѣннѣйшемъ здоровьѣ вашемъ, я имѣлъ честь получить въ 5-ый день сего Августа. Молю Создателя о сохраненіи дней вашихъ для утѣшенія и счастія нашего; благодарю и васъ за великодушную снисходительность къ отдаленному своему знакомцу, который давно порывается подышать съ вами одною атмосферою, наглядѣться на васъ до сыта и послушать еще разъ въ жизни отеческихъ рѣчей вашихъ. Воистинну, любезный и прелюбезный князь, вѣрный сподвижникъ царевъ, человѣкъ по сердцу Божію, воистинну не знаешь, чему удивляться, христіанскому ли смиренію или добротѣ любвеобильнаго сердца вашего. Самое письмо, нынѣ отъ васъ полученное, не заключаетъ ли въ себѣ всѣхъ видовъ непритворнаго доброжелательства къ ближнему? И кого же вы почтили таковымъ, паче словъ, лестнымъ довѣріемъ? Проницательность ваша неужели не разгадала всю шаткость, всю недостаточность моихъ умственныхъ и нравственныхъ ка-

чествъ? Кого же вы любите, и за что? Бывали примѣры, что особы вашего званія, оказывая къ извѣстнымъ людямъ нѣкоторую дружественность, возвышали ихъ и до короткой съ собою переписки (такъ поступали, между прочимъ, Потемкины, Шуваловы; такъ дѣлывали сіе и самые цари и царицы); но тутъ была особенная причина: столкновеніе великихъ міра сего съ умами геніальными обращалось для первыхъ въ нѣкоторый relief; человѣческое самолюбіе, этотъ рычагъ, всѣмъ на свѣтѣ управляющій, двигалъ и ихъ волею; въ тонкой лести своихъ письменныхъ партнёровъ, въ нѣкоторой знаменитости, отсвѣчивающейся даже и на нихъ самихъ отъ постоянныхъ сношеній съ умами универсальными, глубокомысленными, меценаты сіи находили свою мзду и утѣшеніе. Такимъ образомъ, съ высоты своего величія, они въ любимцахъ своихъ видѣли лишь самихъ себя; они охотно засматривались и любовались собою въ призмѣ, подносимой имъ расчетомъ и своекорыстіемъ ихъ поклонниковъ. Чтобы увѣриться въ этомъ, нужно только припомнить замысловатую переписку Фернейскаго старца съ Великимъ Фридрихомъ, въ которой, признаюсь, я вижу одно только обоюдное убаюкиванье взаимныхъ страстей человѣческихъ.

Вся сія длинная рацея служитъ мнѣ какъ бы предварительнымъ вступленіемъ къ разрѣшенію труднаго и для меня вопроса, вопроса, возобновившагося въ душѣ моей съ новою силою послѣ полученія послѣдняго письма вашего, именно: чѣмъ я заслужилъ такое лестное отъ васъ къ себѣ довѣріе, и какая причина побуждаетъ васъ быть для меня столь милостиву и снисходительну? Оглядывая себя со всѣхъ сторонъ, я вижу въ себѣ одну лишь немощь и неубродившіяся страсти. Что умъ мой ни занять, ни плѣнить васъ собою не можетъ, въ томъ увѣряетъ меня, между прочимъ, и то, что я, часто выдыхаясь, такъ сказать, отъ Костромской жизни моей, къ вамъ же прибѣгаю за помощію и наставленіемъ, а не васъ, на ходуляхъ моего педантизма, спѣшу научить, выставляя предъ вами какую нибудь новую и неизвѣстную еще для васъ сторону человѣческаго сердца. Скажу безъ утайки, что мнѣ случалось пять или шесть разъ слышать отъ васъ, сіятельнѣйшій князь, отъ васъ, стараго царедворца, такія вещи, каковыхъ услышать я даже и не подозрѣвалъ въ васъ. Въ доказательство вспомните только о той іеремiадѣ, въ которой я вамъ описывалъ, сколь долго разжевывалъ я новую для меня идею вашу о формѣ грѣха, произведшую во мнѣ такое броженіе... Наша взаимная переписка была лишь выгодна для меня одного, ибо я извлекалъ изъ оной множество для себя полезныхъ вѣдѣній. Не скрываю отъ васъ, что я полагаю себя на верху человѣческаго удовольствія, получая такимъ образомъ

почтеннѣйшія письма ваши. Встрѣтиться съ практическимъ христіаниномъ и во всякое время жизни очень пріятно; но найти его при дворѣ, въ лицѣ министра, въ ближайшемъ сановникѣ царскомъ, въ истинномъ и до конца вѣрномъ другѣ и предшествовавшаго монарха Россіи, какое дивное явленіе! Какое необыкновенное сочетаніе внѣшнихъ достоинствъ и христіанскаго смиренія, наружнаго блеска и произвольнаго убожества. Повторяется ли сіе явленіе и при прочихъ дворахъ Европы? Не есть ли оно счастливымъ исключеніемъ для одной только Россіи? Счастливы вы, князь, стократъ счастливы, если сумѣете окончить свой подвигъ въ этомъ же устроеніи. Достоинъ благоговѣнія и Государь, который умѣлъ оцѣнить скромное достоинство ваше и подглядѣлъ, такъ сказать, въ сердцѣ вашемъ Сократовскаго генія. Если бы подлинно прежній калибръ дворскихъ потребностей XVIII-го столѣтія обязалъ васъ искать суеты и лести въ знаменитой перепискѣ, то сколько бы атлетовъ явилось на сіе лестное поприще! Когда уже вѣнценосцы Россіи во время своего и маловременнаго отсутствія изъ столицы усвоили себѣ за потребность удостоивать васъ ежедневною перепискою, то неужели бы не нашлось въ Европѣ людей, достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ наполнить и занять любознательность вашу Многочисленная фаланга однихъ только истинныхъ приверженцевъ Благословеннаго Александра, при первомъ проявленіи на то воли вашей, съ наслажденіемъ бы поспѣшила повторить фактъ своей преданности и доброжелательства предъ тѣмъ, кто остался послѣ вѣчнаго друга своего достойнымъ представителемъ частныхъ его добродѣтелей. Еслибъ даже вы возымѣли слабость отразить и наружное свое величіе, которое по достоинству стяжали вы и долговременными заслугами вашими Отечеству и Государю, и мудрымъ избраніемъ васъ владыками Россіи для высокаго совѣта и помысла о благѣ любезной общей намъ родины; если бы, говорю, для проявленія сей знаменитости вашей нуженъ былъ авторитетъ и ученаго міра, то, повѣрьте, всѣ лучшіе публицисты Европы, Гизо, Вильмени и имъ равные за особенную честь поставили бы взойти съ вами на лестное поприще письменнаго сношенія. Но нѣтъ, сіе предположеніе не имѣетъ мѣста въ отношеніи добраго моего князя. Выказывать наружное свое достоинство, гремѣть тяжелыми веригами высокаго сана, получать воздѣйствія въ плескахъ хвалы народной, хотя бы и заслуженной, не есть назначеніе христіанина, слѣдовательно и ваше. Любя смиреніе, вы ищите лицъ, которыя бы практиковали въ васъ сіе святое званіе; вы съ полнымъ любви и дружества сердцемъ обращаетесь не къ вершинамъ человѣчества, но предлагаете пріязнь свою, высокое съ собою общеніе, людямъ незнаменитымъ въ обществѣ. Здѣсь безкорыстная любовь ваша тратится

безъ всякаго видимаго для васъ вознагражденія; вы, по примѣру Богочеловѣка, утѣшаетесь малыми міра сего. Такимъ-то образомъ вы встрѣтились и со мною; такимъ-то образомъ и какой нибудь провинціальный уставщикъ школъ въ отдаленной губерніи (званіе, какъ вы и сами знаете, весьма незавидное и незнаменитое въ отечествѣ нашемъ) имѣетъ право періодически и на просторѣ говорить съ вами. Здѣсь-то надлежитъ искать ключа, разрѣшающаго эту нелѣпость, эту аномалію, такъ сказать, въ нравственномъ мірѣ, что князь Г... переписывается съ Ю. Б.

Но, достопочтеннѣйшій князь, слушайте же и вы. Если безпристрастіе и моя христіанская аналитика обязали поставить себя въ должное мнѣ мѣсто и указали мнѣ степень невысокую на іерархической лѣстницѣ земныхъ отличій, то я еще тѣмъ не думаю унижать себя. Оставляя вамъ преимущества званія вашего, вмѣстѣ показываю вамъ преимущества и моего къ вамъ расположенія. Вспомните, что оно есть расположеніе малаго бога, ибо есть даръ произвольный. Никакая въ свѣтѣ мзда, никакая дворская милость вознаградить и перевѣсить сего дара не могутъ; любовь оплачивается одною же только любовію. Конечно много дѣлаетъ вельможа, если удостоиваетъ селянина своею привязанностію; но не менѣе, если не болѣе, дѣлаетъ и селянинъ, когда вельможу любитъ. Сыне, даждь ми сердце твое, говоритъ премудрость, терпѣливо ожидающая сей безцѣнной и для нея самой дани отъ человѣка. Феноменическая жизнь кончится, кончатся и отличія, во внѣшнихъ токмо знакахъ насъ раздѣляющія; кончится и условная знаменитость, столь звенящая въ уши чадъ Адамовыхъ; но не кончится любовь. Допускаете ли, что она во мнѣ въ отношеніи васъ возможна? Нѣтъ, князь, не допускайте! Моя приверженность къ вамъ конечно растетъ; всякое письмо ваше, исполненное смиренія и помазанія, есть какъ бы извѣстная рѣчь Шатобріанова, которая нѣкогда, какъ горящая головня, зажигала въ Европѣ любовь къ Грекамъ и потрясала сердца и волю человѣческую; всякое письмо ваше, говорю, облагороживаетъ мою любовь, и безъ того уже весьма благородную по понятіямъ язычества, но еще очень корыстную предъ престоломъ истины. Можно ли мнѣ въ такой же свободѣ духа сказать вамъ, какъ нѣкогда сказалъ одинъ знаменитый поэтъ доброму нашему сѣверному Генриху:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю;
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Не сдѣлаете ли, ваше сіятельство, перефразиса симъ немногимъ строфамъ славнаго стихотворца? Не найдете ли вы указанія и къ моему поведенію, не отыщете-ли и причинъ вышеизложенныхъ мнѣній моихъ, въ отношеніи васъ. Доброе ваше сердце отдѣлитъ ли темпераментальность отъ положительнаго и постояннаго чувства? Надѣюсь, что первой найдется немного, и тогда настоящая эпопея моей благодарности покажется вамъ весьма естественною.... Dixi.

Теперь приступимъ къ другимъ предметамъ почтеннѣйшаго письма вашего. Ваше сіятельство писать изволите: «что не холеры, а своихъ грѣховъ бояться должно». Слова сіи замѣчательны, ибо, безъ сомнѣнія, произносятся всею полнотою существа вашего, а у меня они выговариваются, но только не такъ, какъ у васъ: у меня выпечатлѣваются они лишь въ мозгѣ. La folle de la maison, то-есть, воображеніе, съ ними несогласно, воля и слушать этого не хочетъ, а сердце и вовсе не умѣетъ принять сего спасительнаго наставленія при паническомъ страхѣ, его наполняющемъ; словомъ, эта истина оглушаетъ токмо, а не просвѣщаетъ и не умиляетъ грѣховнаго, плотянаго существа моего. Блаженны вы, если научились изрекать христіанскую афоризму сію во всей силѣ; радуйтесь—это залогъ милости Божіей, и милости великой. Видно, сіятельнѣйшій князь, вы еще прежде озаботились выковать тотъ крѣпкій щитъ, которымъ столь успѣшно отражаете губительныя стрѣлы сего духовнаго Тамерлана; но экспромтомъ мужества не выдѣлаешь: долгій и долгій трудъ на сіе потребенъ.

Обращаюсь къ другому предмету письма вашего, къ тому, гдѣ писать изволите: «что Государь своимъ мужествомъ съ помощію Божіею привелъ все въ порядокъ здѣсь и въ военныхъ поселеніяхъ». Ахъ! Много есть добродѣтелей въ добромъ нашемъ Генрихѣ, мужество же есть добродѣтель его наслѣдственная. Поищемъ ее сперва въ темпераментѣ, а потомъ и въ развитіи духа, надъ которымъ трудился Промыслъ, трудились и люди; но есть у него добродѣтель завѣтная, которая не сравнится съ мужествомъ, ибо мужество усвояется ему, какъ человѣку частному, одаренному лишь духомъ крѣпкимъ; есть, говорю, у него добродѣтель, превышающая всѣ царскія доблести. Какая же она? Вотъ какая, сіятельнѣйшій князь, но.... лучше скажу словами того же поэта, котораго стихи цитировалъ я выше.

О, нѣтъ! Хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный;
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Этой-то задачи разрѣшить не разумѣли и мудрые Антонины, и кроткіе Авреліи, и все пресловутое язычество; а нашъ добрый Генрихъ ее твердо знаетъ и съ любовію практикуетъ надъ буйнымъ и безб жнымъ поколѣніемъ. Господь сказалъ однажды мудрому: «Ты знаешь, что я скорби посылаю преимущественно моимъ любимцамъ; онѣ слѣдятъ и всякаго земнорожденнаго по краткому пути его жизни; въ твоей волѣ выбрать ихъ въ началѣ, срединѣ или концѣ подвига».... Мудрый выбралъ въ началѣ....

Душа моя воспылала, говоря о Монархѣ и благодѣтелѣ моемъ; все, что есть благороднаго въ человѣчествѣ, все, что есть доблестнаго въ умѣ, все, что есть любящаго въ сердцѣ, все сосредоточилось въ духѣ моемъ при высокомъ помыслѣ объ отцѣ Россіи. Есть и у меня, сіятельнѣйшій князь, сердце служить ему; есть и у меня воля оличать его приказанія, какъ нѣкое святое призваніе Божіе; есть и у меня ревнованіе.... Но куда ты, земляной червякъ, забираешься? Школьный педантъ! Сиди въ Костромѣ, бери свою ферулу и чаще заставляй спрягать школьниковъ своихъ ихъ Латинскіе глаголы: вотъ твое назначеніе на землѣ. Любовь твоя, можетъ быть, любовь святая къ твоему родному Государю; любовь, можетъ быть, не входящая въ категорію обыкновенной любви, какъ зародышъ нѣкоего добраго и много обѣщавшаго прозябанія, изсохнетъ и не дастъ плода на избитой почвѣ мелкаго, формалистическаго гражданскаго дѣланія. Итакъ, снизойдемъ къ себѣ самимъ и revenons à nos moutons.

Ваше сіятельство писать изволите между прочимъ, что за смертію почтеннаго друга моего и сослуживца какъ бы и не надѣетесь уже получить отъ меня продолженіе извѣстнаго отрывка [1]). Какъ же это быть можетъ! Неужели я не приму, или не принялъ, мѣръ къ исполненію моей обязанности въ отношеніи васъ? Еще до полученія письма вашего, продолженіе рукописи шло своимъ порядкомъ; если переводъ замедлился, то это отъ того, что сей авторъ необыкновенно труденъ и для самого Нѣмца неудобь-понятенъ; впрочемъ подъ моею дирекціею завѣдываетъ симъ переводомъ другой, близкій ко мнѣ человѣкъ, Андрей Андреевичъ [2]), тотъ самый, который имѣлъ счастіе быть столько обласканъ вашимъ сіятельствомъ во время своего пребыванія при мнѣ въ Петербургѣ; онъ въ благородной своей душѣ свѣжее сохраняетъ

---

[1]) Бѣликова. Онъ переводилъ съ Нѣмецкаго для князя Голицына, который какъ и Юрій Никитичъ не зналъ этого языка. Намъ не удалось найти, о какомъ именно сочиненіи идетъ рѣчь. Ю. Б.

[2]) Горскій, инспекторъ Костромской гимназіи, дѣятельный помощникъ Бартенева и беззавѣтно преданный ему человѣкъ. Онъ скончался 6 іюля 1850 года. Ю. Б.

впечатлѣніе о благородномъ и народолюбивомъ князѣ. И онъ и покойный Иванъ Никитичъ, съ самоуслажденіемъ трудились въ составленіи для васъ избираемаго мною чтенія; въ каждую свободную минуту, которая, матку правду сказать, у нихъ и рѣдка, они съ любовію принимались за трудъ, зная, что это для васъ: вотъ вы какой обаятель, сіятельнѣйшій князь! Все для васъ трудится, все васъ любитъ, все спѣшитъ сдѣлать для васъ угодное; и не думайте однако, чтобы чувство наемничье руководствовало ихъ сими побужденіями, нѣтъ! Потому-то и сказано выше про Горскаго, что онъ *въ благородной* душѣ сохранилъ впечатлѣніе пріятства, любви, снисхожденія къ нему отъ благороднаго нашего князя. Эпитеты сіи, вамъ усвояемые, принадлежатъ на сей разъ ему: слѣдовательно, здѣсь не я васъ похваляю.

Вы пишете еще, «что я имѣю чувство вѣрное, что̀ къ вамъ присылать.» Когда бы вы знали, какъ иногда я много занимаюсь вами! И какъ я помню все то, что̀ въ прикосновеніяхъ моихъ съ вами я замѣтилъ однажды, вы бы удивились этому. Если Богъ приведетъ и у меня на сердцѣ будетъ весело, то я въ очеркѣ драматическомъ представлю вамъ всѣ подробности, даже самыя малозначительныя, вашихъ со мною встрѣчъ, имѣвшихъ мѣсто въ продолженіе 15-ти лѣтъ; вы увидите тогда, какъ я все это помню. Я изложу сіи подробности въ гумористическомъ вкусѣ, чтобъ вамъ не было скучно читать, и представлю на усмотрѣніе вашему сіятельству опредѣлительныя, скажу, съ Фламандскою отчетливостію составленныя описанія всѣхъ впечатлѣній, какія вы произвели во мнѣ съ перваго свиданія и до послѣдняго. Вы вообще очень осторожны въ своемъ обращеніи съ людьми, но со мною у васъ была особенная метода; вы не очень торопились показывать мнѣ свое благоволеніе, да и нынѣ вы наблюдаете чудесную послѣдовательность. Я не могу надивиться, что, при своемъ сангвинизмѣ, вы умѣете такъ собою управлять. Первыя мои встрѣчи съ вашимъ сіятельствомъ не такъ были обильны для замѣчаній, и потому-то мнѣ и мудрененько было описывать характеристику вашу, которую однакожъ нѣкогда я попытался изложить вамъ въ пространномъ письмѣ. У меня очень мало собрано данныхъ объ васъ; приближенные ваши не могутъ или не хотятъ, доставить мнѣ какихъ-нибудь объ васъ новыхъ свѣдѣній, а запасъ оныхъ, собранный мною самимъ, весьма еще скуденъ. У меня уже давно вертится нѣчто важное въ отношеніи васъ. Я разумѣю объ умственномъ трудѣ; не знаю, слѣдуетъ ли и прилично ли здѣсь сказать вамъ, что я всемѣрно желалъ бы собрать поболѣе свѣдѣній объ васъ и о безцѣнной Александрѣ Петровнѣ *), благодѣтельницѣ моей. Mais le moyen!

---

*) Хвостовой, ур. Херасковой (1767, ум. 1853). Ю. Б.

Письмо мое длинное и, конечно, скучное да не повредить мнѣ въ глазахъ вашего сіятельства. Оно бы давно послано было къ вамъ въ отвѣтъ на почтеннѣйшее ваше писаніе, но поджидалъ все окончанія главы изъ извѣстной рукописи, которую при семъ имѣю честь приложить; хотѣлось, чтобъ она поспѣла непремѣнно ко дню тезоименитства вашего, на 30-ое Августа, съ которымъ имѣю честь васъ, сіятельнѣйшій князь, и поздравить, пожелавъ вамъ, добрый и почтенный человѣкъ, того же и тѣми же словами, что написалъ мнѣ любезный Ѳедоръ [1]) въ послѣднемъ письмѣ своемъ отъ 31-го Іюля:

Пока жизнь плоти твоей длится,
Жизнь духа ты въ ней самъ открой;
Чтобъ здѣсь еще возмогъ онъ слиться
Съ источникомъ своимъ—съ Тобой.

Болѣе этого и пожелать ничего не умѣю.

Теперь ужъ рѣшительно оканчиваю письмо мое и прошу васъ не прогнѣваться, если какія выраженія покажутся вамъ смѣлыми, или почему-нибудь несовмѣстными; что онѣ невыисканны, а просто и безотчетно сбѣжали съ пера, въ томъ васъ искренно увѣряю. Я писалъ къ вамъ, находясь въ великомъ движеніи духа по причинѣ письма вашего, которое мнѣ очень было пріятно получить и при томъ столь неожиданно; я же полагалъ, что вы меня не такъ уже любите; ибо князь Г. [2]) хотѣлъ меня замарать въ глазахъ вашихъ; по видно, что Господь еще ко мнѣ милостивъ и располагаетъ ваше сердце ко мнѣ по прежнему; при томъ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ просвѣчиваетъ какое-то милостивое участіе... Вотъ почему я такъ и сдѣлался обиленъ и многословенъ въ моемъ отвѣтѣ. Простите великодушно.

Вмѣстѣ съ симъ осмѣливаюсь попросить в. с. при случаѣ приказать извѣстить Ѳ. П., [3]) чтобы онъ и меня при случаѣ увѣдомилъ о полученіи вами настоящаго письма № 27 и вмѣстѣ 5-й главы рукописи.

*

Въ пріисканіи себѣ новаго мѣста службы Бартеневъ обращался за содѣйствіемъ къ Д. Н. Блудову, В. А. Жуковскому и князю П. А. Вяземскому, отвѣтныя письма котораго напечатаны въ «Русскомъ «Архивѣ» сего года. Но дѣло затягивалось, не смотря на всѣ старанія и хлопоты.

---

[1]) Т. е. Прянишниковъ? Ю. Б.

[2]) Т. е. попечитель Московскаго учебнаго округа князь С. М. Голицынъ. Ю. Б.

[3]) Ѳедора Ивановича Прянишникова, служившаго въ почтовомъ вѣдомствѣ подъ начальствомъ князя А. Н. Голицына. Ю. Б.

Въ концѣ 1832 года ему было прямо обѣщано мѣсто директора вновь открываемой Московской Гимназіи. На этотъ разъ о назначеніи Бартенева хлопоталъ уже самъ попечитель, князь С. М. Голицынъ, обратившійся къ князю Ливену со слѣдующимъ донесеніемъ.

Костромская гимназія можетъ быть образцомъ для всѣхъ подобныхъ учебныхъ заведеній. Чистота, отличный порядокъ и устройство вездѣ замѣтны. Директоръ оной, надворный совѣтникъ Бартеневъ, просвѣщенный и образованный человѣкъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, вполнѣ постигаетъ науку воспитанія юношества. Онъ, соединяя опытность съ неутомимою дѣятельностью, довелъ сіе учебное заведеніе до возможнаго совершенства. Подавая примѣръ своимъ подчиненнымъ, онъ съ честію подвизается на избранномъ имъ поприщѣ и заслуживаетъ особенное вниманіе начальства. При обозрѣніи мною сей гимназіи и при испытаніи, дѣланномъ ученикамъ оной, отвѣты сихъ послѣднихъ на задаваемые имъ вопросы превзошли всякое ожиданіе; не робость и застѣнчивость, нерѣдко замѣчаемая въ питомцахъ въ присутствіи начальниковъ, но нѣкая радость и самодовольствіе сіяли на лицахъ ихъ и ясно показывали благоговѣніе и признательность за отеческое объ нихъ попеченіе и проясняли ту мысль, что успѣхами своими, всѣ безъ исключенія они сколько понимаютъ наставленія своихъ воспитателей, столько имъ за сіе благодарны. По сему долгомъ поставляю ходатайствовать у вашей свѣтлости о награжденіи ихъ: Бартенева орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, Горскаго, 10-ть лѣтъ находящагося на службѣ, орденомъ Св. Анны 3-й степени, или чиномъ коллежскаго ассессора, каковой чинъ по общему положенію онъ имѣетъ получить черезъ два года.

Москва.
15-го Января 1832 г.

Орденъ былъ данъ, но назначенія директоромъ Московской гимназіи не послѣдовало. Между тѣмъ мѣсто князя Ливена занялъ С. С. Уваровъ и когда Бартеневъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ, она была принята. 10 Сентября 1833 года онъ былъ уволенъ отъ службы, награжденный выдачею 4000 рублей и чиномъ коллежскаго совѣтника. Ю. Б.

(Продолженіе будетъ).

ОТГОЛОСКИ XVIII ВѢКА.

Приданое княгини Н. Б. Долгоруковой.

Внукъ княгини Натальи Борисовны Долгоруковой, князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, пристрастный авторъ «Капища моего сердца», отличавшійся недоброжелательствомъ къ своимъ родственникамъ, главнымъ образомъ содѣйствовалъ распространенію того мнѣнія, будто княгиня Наталія Борисовна была обдѣлена своимъ старшимъ братомъ, графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ. Мнѣніе это установилось безъ провѣрки и послужило поводомъ къ заявленію нѣкоторыхъ претензій даже до начала нынѣшняго столѣтія.

Дѣти княгини Натальи Борисовны были некрѣпкаго здоровья. Старшій сынъ ея Дмитрій, совсѣмъ больной, жилъ и умеръ у нея въ Кіевѣ. О другомъ ея сынѣ, князѣ Михаилѣ, графъ Петръ Борисовичъ отзывается, какъ о братѣ, и ему стоитъ только сказать слово, чтобы въ извѣстномъ направленіи подѣйствовать на него, а черезъ него на его сына, которымъ онъ имѣлъ причины быть недоволенъ [1]).

Нельзя не считаться съ извѣстною долею раздражительности въ характерѣ княгини Натальи Борисовны: это чувство вполнѣ законное и вызванное ея сложными испытаніями. Ей, конечно, не могло быть пріятно, что ненавистное ей правительство императрицы Анны оказывало брату ея и семьѣ его покровительство [2]), вполнѣ естественное по близкому родству Шереметевыхъ съ Салтыковыми. Не могло быть близкихъ отношеній между верховниками Долгоруковыми и княземъ А. М. Черкаскимъ, хотя сей послѣдній и пытался хлопотать о смягченіи ихъ участи [3]). Само собою разумѣется, что не было особенной близости между княгинею Натальей Борисовной и «Тигрицей», дочерью князя Черкаскаго, вышедшей замужъ за ея старшаго брата, графа Петра Борисовича.

---

[1]) Изъ домашняго архива.

[2]) Архивъ князя Д. Б. Голицына въ селѣ Вязёмахъ.

[3]) Сборникъ Истор. Общества, т. 81.

Сильный и властный характеръ княгини Натальи Борисовны, сочувственный образъ ея, какъ женщины долга и увлеченій, поэтическій отблескъ, составившійся вокругъ ея имени и подтверждаемый ея драгоцѣнными Записками, все это привлекаетъ сочувствіе на ея сторону, когда она жалуется на недостаточную горячность къ ней старшаго брата.

Но память о княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ свято береглась въ домѣ этого брата. Молодое поколѣніе, возроставшее у него, помнило сохранявшіяся о ней сочувственныя преданія. Въ Кусковѣ имѣются два портрета ея (оба поясные): одинъ еще молодой дѣвушкой; другой — монахиней; правою рукою она показываетъ на свитокъ, на которомъ надпись изъ псалма. Сохранилось преданіе о любимыхъ ею Кусковскихъ розахъ, и до нынѣ неизмѣнно средняя аллея за памятникомъ Екатерины обсаживается розами. Если бы была вражда, то врядъ ли бы въ домѣ графа Петра Борисовича поддерживались эти сочувственныя преданія, дошедшія до меня путемъ Т. В. Шлыковой. Сколько разъ заставляла она прочитывать ей поэму Козлова, всегда умилялась, слушая ее, и выражала сожалѣніе, что она уже не застала въ живыхъ княгини Натальи Борисовны.

Отъ нея разговоръ переходилъ нерѣдко на сестеръ ея, Вѣру Борисовну Лопухину и княгиню Екатерину Борисовну Урусову, которыхъ Татьяна Васильевна лично знала. На сколько близки были отношенія брата съ сестрами, въ особенности съ В. Б. Лопухиной, на столько, повидимому, далеки взаимныя отношенія сестеръ. Обѣ сестры до конца дней своихъ пользовались дружбой и покровительствомъ старшаго брата и существенной его поддержкой.

«Единонаслѣдіе» гр. Петра Борисовича, основанное на Петровскомъ законѣ (отмѣненномъ императрицею Анною, но безъ обратнаго дѣйствія), конечно могло раздражать многихъ. Во всякомъ случаѣ относились къ Петровскому закону критически и даже несдержанно, чувствуя за собой опору новаго правительства. Съ этимъ единонаслѣдіемъ болѣе мирился меньшой и любимый братъ княгини Натальи Борисовны, графъ Сергѣй Борисовичъ, отличавшійся характеромъ сговорчивымъ и тихимъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Ѳетиньѣ Яковлевнѣ Лобановой - Ростовской и жилъ уединенно въ своемъ любимомъ Коломенскомъ имѣніи с. Сандырахъ. Здѣсь онъ кончилъ свои дни. Довѣренное лицо графа Петра Борисовича Иванъ Чубаровъ пишетъ въ Петербургъ къ управителю Василію Акимовичу изъ Москвы 31 Января 1768 года:

«Государь мой Василій Акимовичъ! Отписку вашу отъ 29 дня сего мѣсяца его сіятельство получить изволилъ. У насъ въ домѣ еще не-

малая конфузія. Графъ Сергій Борисовичъ вчерашняго дня въ 8 часовъ пополудни въ Коломенской своей деревнѣ селѣ Сандыри скончался, а такъ какъ его сіятельство графъ государь въ немаломъ огорченіи, затѣмъ къ вамъ отписать не изволитъ. Прошу объ томъ сказать князю Андрею Николаевичу [1]). Его сіятельство графъ государь письмо къ нему изволилъ написать вчера по утру, и не надѣюсь, чтобъ о кончинѣ графа Сергія Борисовича писалъ» [2]).

Поселившись въ Кіевѣ, что̀ было вполнѣ понятно, княгиня Наталья Борисовна стала хлопотать о постриженіи въ монахи своего сына Дмитрія; но императрица Екатерина въ письмѣ своемъ отказала ей въ согласіи, и вполнѣ разумно [3]).

Схимонахиня Нектарія жила въ Кіево-Фроловскомъ монастырѣ, гдѣ навѣщалъ ее меньшой ея братъ. Правда, что старшій не трогался изъ Петербурга и Москвы; но его служебное положеніе было иное и менѣе досужное.

Когда возникло дѣло такъ называемыхъ «претендателей», князь И. М. Долгоруковъ былъ конечно на ихъ сторонѣ и не бездѣйствовалъ при дворѣ цесаревича Павла.

Дѣло это имѣетъ своеобразный интересъ и вводитъ насъ въ міръ дрязгъ и сложныхъ тяжебныхъ пререканій, которыми нерѣдко отличались семейныя отношенія въ концѣ прошлаго вѣка. Главнымъ «претендателемъ» являлся графъ Михаилъ Сергѣевичъ Шереметевъ, правнукъ старшаго сына фельдмаршала, графа Михаила Борисовича. Онъ также не мирился съ Петровскимъ закономъ единонаслѣдія.

Слѣдующій документъ заключаетъ въ себѣ прямой отвѣтъ на клевету князя Ивана Михайловича Долгорукова.

1745, Февраля въ пятый день, вдова княгиня Наталья Борисова дочь, князя Иванова жена Алексѣева сына Долгорукова дала сію запись брату своему родному, дѣйствительному камергеру и орденовъ Александра Невскаго и св. Анны кавалеру, графу Петру Борисовичу Шереметеву и женѣ его и дѣтямъ, въ томъ, что въ прошломъ 1730 г. выдана была я княгиня Наталья имъ братомъ моимъ графомъ Петромъ Борисовичемъ замужъ за помянутаго покойнаго мужа моего князя Ивана Алексѣевича Долгорукова къ движимымъ имѣніемъ, по силѣ

---

[1]) Щербатову.

[2]) Графъ Петръ Борисовичъ передъ тѣмъ похоронилъ жену свою, а вслѣдъ за братомъ у него умерла его любимая дочь графиня Анна Петровна.

[3]) Москвитянинъ 1844.

пунктовъ 1714 года и по силѣ завѣта покойнаго отца нашего генерала фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича, писаннаго въ прошломъ 1718 году за его отца нашею рукою, которымъ завѣтомъ покойный отецъ нашъ учинилъ во всемъ недвижимомъ имѣніи законнымъ наслѣдникомъ его брата моего графа Петра Борисовича *одного*, по которому завѣту отца нашего все недвижимое имѣніе, по рѣшенію Вотчинной Коллегіи, за нимъ братомъ моимъ по тому отца нашего завѣту утверждено; а въ движимыхъ покойнаго отца нашего имѣніяхъ по оному же завѣту учинены наслѣдниками я вдова, княгиня Наталья съ братомъ моимъ роднымъ графомъ Сергѣемъ Борисовичемъ и съ сестрами. И по оному отца нашего завѣту, что̀ чего по раздѣлу мнѣ княгинѣ Натальѣ надлежало отъ него, брата моего графа Петра Борисовича, *я получила себѣ все сполна*, и впредь мнѣ вдовѣ княгинѣ Натальѣ и дѣтямъ моимъ и по насъ наслѣдникамъ на него брата моего графа Петра Борисовича и на жену его, и на дѣтей, и на наслѣдниковъ ихъ о вышеописанномъ данномъ мнѣ по завѣту отца моего движимомъ имѣніи и ни о чемъ и впредь по тому отца нашего завѣту не бить челомъ и ничего не искать. А что̀ чего я вдова княгиня Наталья отъ него брата своего получила, въ томъ я вдова княгиня Наталья ему брату моему дала росписку за своею рукою. А ежели я вдова княгиня Наталья и дѣти мои и наслѣдники противъ сей записи въ чемъ нибудь не устоимъ, и ему брату моему графу Петру Борисовичу, женѣ его, и дѣтямъ, и наслѣдникамъ взять на мнѣ княгинѣ Натальѣ и на дѣтяхъ моихъ и на наслѣдникахъ за неустойку денегъ 1000 рублей. А сія запись ему брату моему, женѣ его и дѣтямъ и наслѣдникамъ ихъ съ такою же неустойкою дана въ запись.

Къ сей записи вдова княгиня Наталья, Борисова дочь, князя Иванова жена, Долгорукова вышеписанную сдѣлку при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ учинила и неустойки числомъ 1000 рублей написала и руку приложила.

У сей записи генералъ и кавалеръ Василій Яковлевъ сынъ *Левашовъ* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей записи вице-полковникъ князь Семенъ князь Ѳедоровъ сынъ *Волконскій* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

Иванъ Григорьевъ сынъ *Чернцовъ*.

Далѣе слѣдуютъ такія же подписи свидѣтелей и рукоприкладчиковъ.

Гвардіи коннаго полка ротмистръ графъ Сергій Борисовичъ *Шереметевъ*.

Лейбъ-гвардіи капитанъ Андріанъ Ивановъ сынъ *Лопухинъ*.

Правительствующаго Сената Конторы прокуроръ Андрей Григорьевъ сынъ *Щербининъ*.

Военный совѣтникъ Михаилъ Степановъ сынъ *Опочининъ*.

Ревизіонъ-Коллегіи прокуроръ Михаилъ Романовъ сынъ *Богдашевъ*.

Запись писалъ Московской Крѣпостной Конторы подъячій Антипъ Поповъ 1745 года Февраля въ 5-ый день. Сія запись Московской Крѣпостной Конторы въ книгу подлинно записана. Пошлины 18 рублевъ, расходъ 8 р. $^1/_2$ к. взято. Надсмотрщикъ Андрей Моисеевъ.

Роспись приданому княгини Н. В. Долгоруковой.

1744 года Декабря дня роспись пожиткамъ княгини Натальи Борисовны, которые нынѣ ей отданы, доставшіеся по раздѣлу, по духовной покойнаго генерала-фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича, писанной въ 1718 году Марта въ день, по раздѣлу съ графомъ Сергіемъ Борисовичемъ, съ Вѣрою Борисовною и съ Катериной Борисовной. А что чего, значитъ ниже сего.

Образъ Живоначальной Троицы живописный въ корольковыхъ рамахъ. Образъ Казанской Богородицы въ золотомъ окладѣ съ каменьями цвѣтными, въ кіотѣ серебренномъ. Образъ Бориса и Глѣба въ окладѣ серебренномъ. Образъ Пречистой Богородицы въ шитыхъ рамахъ. Распятіе Господне рѣзное на деревѣ и образъ Богоматери, осыпанъ каменьями, сердечкомъ.

Вещи.

Часы золотые съ репетиціей, крюкъ золотой и цѣпочка съ алмазами, изумрудами и яхонтами красными. Цѣна 300 рублевъ.

Нитка бурмицкая большого жемчуга, счетомъ сорокъ зеренъ. 80 р.

Шесть нитокъ жемчуга, счетомъ 224 зерна. 400 р.

Большого Кафимскаго жемчуга 58 золотниковъ. 860 р.

Перстень зразъ большой въ золотѣ съ волосами батюшкиными; да печатка яхонтовая въ золотѣ. 200 р.

Кресть бриліантовый съ краснымъ камнемъ. Крестъ алмазный розовый, въ немъ 6 камней и осыпанъ мелкими камнями. 150 р.

Тресила бриліантовая, въ ней 8 камней съ подвѣскою розовою. 400 р.

Тресила бриліантовая въ 5 камней большихъ, 4 маленькихъ. 300 р.

Портретъ фельдмаршала Бориса Петровича, осыпанъ большими 16 бриліантами. 1,200 р.

Табакерка, зеркало, яичко, зубочистка на шелкѣ, коробочка, ароматничекъ или табакерочка маленькая, въ нихъ вѣсу одного золота 66 золотниковъ. 200 р.

Скляночка серебренная, да на календарь футлярецъ съ финифтью.

Мошеночка золотая низаная жемчугомъ и каменьями красными и зелеными. 12 р.

Зеркало хрустальное, въ золотѣ оправлено, у него колечко золотое съ алмазами. 40 р.

Табакерка бѣлая черепаховая насѣчена золотомъ. 60 р.

Табакерка томпаковая, обложена серебромъ. 8 р.

Зеркальцо серебреное. 10 р.

Ножичекъ серебреной.

Табакерочка черепаховая.

Янтарей, а именно крестовъ, сердечекъ и всякихъ сортовъ, счетомъ семьдесятъ. 18 р.

Два гребня черепаховые частые, въ томъ числѣ одинъ поменьше.

Старинной работы серебра золоченаго съ чернью, чеканнаго и гладкаго, не золоченаго, а именно чайникъ площатой, въ немъ вѣсу 2 фунта.

Одиннадцать стакановъ, вѣсу 5 фунтовъ 75 золотниковъ.

Въ кружкѣ съ палишниками 2 фунта 91 золотникъ.

Братина колпакъ, два блюдичка, чашечка, сточекъ, горчишникъ вѣсу 2 фунта ³/₄.

Два кубка и четыре дулки вѣсу 3 фунта.

Четвертина шрубомъ, 2 фунта ³/₄.

Чашка меньшая съ крышкою вѣсу 2 ф. 91 золотникъ.

Ковшъ, вѣсу 3 ф. 26¹/₂ золотниковъ.

Кружка золоченая вѣсу 3 ф. 33¹/₂ золотника.

Двѣ тарелки вѣсу 3 ф.

Двѣ перемиды золоченыя вѣсу 4³/₄ ф.

Два шандала мѣстами вызолочены вѣсу 4¹/₂ ф.

Два блюда вѣсу 4³/₄ ф.

Чашка большая на ножкахъ съ крышкою вызолочена, вѣсу 5 ф.

Кофейникъ штигранной на ножкахъ вѣсу 3³/₄

Кофейникъ чеканной съ фонтанами вѣсу 3 ф. 70 з.

Два шандала вѣсу 3 ф.

Подносъ вѣсу 4 ф. 14 з.

Кружка вѣсу 3 ф. 14 з.

Лахань вѣсу 4 ф. 21 з. и съ рукомойникомъ.

Четвертина серебряная шрубомъ, пестро-золоченая, въ ней вѣсу 2 ф безъ малаго.

Доска вѣсу 7 ф. 38 з.

Три чаши золоченыхъ на ножкахъ. Сахарница чеканная. Одна ложка вѣсу 9 ф.

Итого вѣсу въ онемъ серебрѣ 2 пуда 12 ф.

Цѣною за пудъ по 750 рублевъ.

Итого 1,723 р. 50 к.

Да сверхъ онаго подарено во время сговору серебра 3 пуда Цѣна 2,250 р.

Да парчей разныхъ сортовъ, которымъ цѣна 1,820 р.

Посуда.

Шкатулка Саксонская, оклеена хозомъ, оправлена мѣдью и вызолочена съ фарфоровою Саксонскою посудою бѣлою подъ золотомъ съ высокими цвѣтами. 160 р.

Да фарфоровыхъ блюдъ, тарелокъ, чашечекъ съ блюдичками чайныхъ и кофейныхъ и чайниковъ, и разныхъ сортовъ чашекъ, кувшиновъ и блюдъ глинныхъ посуды терпетинной, кружекъ на 80 р.

Платья.

Робныя аграманты съ воротникомъ, да 9 паръ мужскихъ манжетъ кружевныхъ, дамскихъ манжеть съ воротниками 4, да нахцовъ 4, питой флеровой. 500 р.

Два шлафорка парчевые, одинъ по брусничной, а другой по желтой землѣ. 200 р.

Фантанжа кружевная съ приборомъ цѣлой гранитуръ. 200 р.

Гранитуръ серебреной на самару и на юбку. 150 р.

Опушка бѣлая съ стеклярусомъ шолковая. 20 р.

Юбка парчевая золотная по красной землѣ съ кружевомъ серебренымъ. 100 р.

Юбка парчевая золотная по зеленой землѣ съ кружевомъ серебренымъ. 30 р

Епанечка бархатная пунцовая, подложена горностаевымъ мѣхомъ. 40 р.

Четыре чепца парчевыхъ да одинъ бархатной черной съ кружевомъ. 10 р.

Сорокъ четыре платка шелковыхъ разныхъ цвѣтовъ. 40 р.

Двѣнадцать паръ чулковъ шелковыхъ. 24 р.

Пондишпанъ серебреной на юбку. 80 р.

Одна штука парчи камзольной серебреной по малиновой землѣ, четыре аршина одна четверть. 60 р.

Споровъ золотой съ епанечки по красной землѣ 20 р.

Юбка таетяная полосатая. 15 р.

Полушлафорокъ бархатной черной 20 р.
Шнуровка гарнитурная зеленая.
Восемь платковъ шитыхъ по флеру золотомъ и серебромъ. 100 р.
Пять косынокъ шитыхъ же по флеру. 5 р.
Восемь платковъ по флеру же. 25 р.
Шесть косынокъ шитыхъ. 30 р.
Три платка Валендорскихъ. 3 р.
Четыре платка Турецкихъ. 20 р.
Четыре платка простыхъ флеровыхъ. 1 р.
Три платка флеровыхъ съ серебромъ 15 р.
Наволоки Голандскія. 20 р.
Три платочка. 3 р.
Туфли мужскія тканыя золото-серебромъ, да четырнадцать паръ черевиковъ, шиты съ волокою и тканыхъ съ золотомъ и серебромъ 75 р.
Нитокъ Голандскихъ четыре дюжины кусковъ. 4 р.
Мыла въ коробкѣ Грецкаго по счету 87 штукъ разныхъ сортовъ.
5 лацкиновъ съ приборами, шиты золотомъ и серебромъ. 25 р.
21 опахало разныхъ сортовъ. 40 р.
2 колпака касторовыхъ, одинъ шелковой да 2 парчевыхъ, еще 3 колпака мужскіе, 8 р.
18 штукъ лентъ разныхъ серебряныхъ и золотныхъ. 35 р.
30 паръ рукавицъ лайковыхъ дамскихъ. 7 р. 50 к.
Выжиги стараго кружева, вѣсу 2 фунта. 18 р.
Муфта серебреная. 5 р.
Шкатулка орѣховая Нѣмецкая въ оправѣ мѣдной и съ ящиками выдвижными. 100 р.

Сундуки съ бѣлвемъ.

Въ сундукѣ три скатерти камчатыхъ Нѣмецкихъ, три дюжины салфетокъ такихъ же. 36 р.
13 наволокъ Голандскихъ большихъ, среднихъ и малыхъ на подушки.
6 сорочекъ Голандскихъ и Валендорскихъ дамскихъ, въ томъ числѣ одна съ кружевомъ. 80 р.
3 дюжины сорочекъ Нѣмецкихъ дамскихъ изъ того числа шесть, выше оцѣнены 120 р.
3 дюжины сорочекъ Русскихъ полотенъ. 50 р.
8 простынекъ Валендорскихъ среднихъ и малыхъ, двѣ простыни Голандскія. 30 р.
Одна штука полотна Голандскаго. 40 р.
3 штуки полотна Валендорскаго. 42 р.
Одна штука полотна Рижскаго. 5 р.
6 штукъ камортковъ разныхъ. 120 р.
Одна штука батисту. 5 р.
Одна штука тафты алой Турецкой. 20 р.
Дюжина платковъ выбойчатыхъ. 6 р.
Ларецъ съ двумя коробочками на ножкахъ съ замкомъ, оклеенъ парчею съ цвѣтами и обложенъ уженькимъ газомъ. 12 р.
3 платка шиты золотомъ. 3 р.
9 штукъ скатертей ткацкихъ. 20 р.
Одно зеркало небольшое въ рѣзныхъ рамахъ.
Двѣ дюжины ширинокъ Голандскихъ. 30 р.
Одна дюжина платковъ головныхъ. 12 р.
Двѣ дюжины полотенецъ личныхъ камортковыхъ. 48 р.
Три дюжины полотенецъ личныхъ рубковыхъ. 10 р.
Въ первомъ сундукѣ 99 штукъ полотенъ и скатертей. Гладило мѣдное.
Во второмъ сундукѣ скатертей и полотенъ 85 штукъ.
Въ третьемъ сундукѣ скатертей и салфетокъ 75 штукъ.

Итого 209 штукъ каждая, по 3 рубля. 627 р.

Всего вышеписаннаго приданаго вещей, золота, серебра и проч. по цѣнѣ на 14,471 р.

Да еще сверхъ того денегъ 3 тысячи рублевъ.

Да вотчина въ Пензенскомъ уѣздѣ, село Дмитріевское, Тютнярь тожъ, въ ней мужеска полу пять сотъ душъ съ помѣщиковымъ дворомъ и съ виннымъ заводомъ и съ мельницами, съ которой вотчины и съ оныхъ заводовъ получается въ годъ доходу шестьсотъ рублевъ.

По сей росписи вышеписанное свое движимое имѣніе, которое досталось мнѣ по раздѣлу и по завѣту отца моего графа Бориса Петровича Шереметева, у брата своего графа Петра Борисовича Шереметева приняла и росписалась своею рукою *княгиня Наталья Долгорукова.*

*

Въ мрачныхъ краскахъ рисуетъ внукъ ея князь И. М. Долгоруковъ графа Петра Борисовича, къ которому въ стихотвореніи «Торжество совѣсти» обращается съ такимъ воззваніемъ:

„Сюда Махіавель, по модѣ человѣкъ!"

Но мы знаемъ, что этотъ «Махіавель» предложилъ освободить своихъ крестьянъ [1]), что сіи послѣдніе пользовались при немъ просторомъ и благоденствіемъ, что иностранцы со словъ тѣхъ же крестьянъ называли его «Braver Herr...» [2]).

Характерно, что у графа Петра Борисовича въ Кусковѣ былъ «философическій домъ», построенный въ столбахъ и обшитый тёсомъ, а сверху и снизу березовой корой. Снаружи на дверяхъ этого дома была доска съ Русской и Французской надписями золотыми литерами:

L'étude de la philosophie m'apprit à mépriser les honneurs qui ne nous rendent ni meilleurs, ni plus sages.

Въ стѣнѣ внутри этого дома ниша, въ ней постланъ тюфякъ, на тюфякѣ сидитъ философъ Діогенъ, сдѣланный изъ алебастра и расписанный подъ цвѣтъ натуральнаго тѣла. Полъ выложенъ бѣлыми плитками, посреди столъ на дубовыхъ сучкахъ, тутъ же двѣ каменныхъ статуи, въ рукахъ держащія жезлы и при одной олень. Домикъ этотъ пережилъ 1812 годъ. Въ описи 1847 года значится: «Оный домъ весь развалился... доска въ бытность непріятеля утащена... Философъ Діогенъ весь разбитъ».

Графъ С. Шереметевъ.

Михайловское 19 Сентября 1897.

---

[1]) Домашній архивъ.

[2]) Herrmann, Russische Geschichte.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Н. Г. РУБИНШТЕЙНѢ И МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРІИ.

Въ 1873 году мнѣ пошелъ десятый годъ и меня рѣшили отдать въ Консерваторію.

Меня учила мать, которая брала уроки музыки у Дора, бывшаго профессора Московской Консерваторіи. Доръ считалъ ее одной изъ даровитѣйшихъ своихъ ученицъ, и способъ его преподаванія ей отличался, поэтому, нѣкоторою своеобразностью. Давая разучивать какую-нибудь вещь, онъ ничего не объяснялъ, а требовалъ только, чтобы къ будущему разу она была готова, въ слѣдующій урокъ онъ выслушивалъ заданное, спокойно говорилъ: „не такъ", и ноты складывались. *Не такъ* относилось не къ техникѣ, а къ выраженію, къ пониманію произведенія. Надъ нѣкоторыми вещами моей матери приходилось сидѣть очень долго, пока она получала одобреніе своего учителя. Конечно, такой методъ годенъ не для всѣхъ, но польза его для нѣкоторыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Къ упомянутому времени, Доръ уже оставилъ Москву и принялъ мѣсто директора Вѣнской Консерваторіи, которое занимаетъ и до сихъ поръ.

Плата въ консерваторіи тогда была вдвое меньше, чѣмъ теперь (100 р.). Но при поступленіи, дѣло было не въ платѣ, а въ согласіи директора Н. Г. Рубинштейна. Чтобъ получить это согласіе, дѣдъ мой надѣлъ полную генеральскую форму, взялъ въ карету меня съ матерью, и мы поѣхали къ Рубинштейну. Адреса его мы не знали. Тѣмъ болѣе удивительнымъ вышелъ настоящій случай, показывающій, на сколько мы полагались на извѣстность Рубинштейна и какъ, дѣйствительно, она оказалась въ родѣ Крыловской.

На углу какого-то бульвара, еще на порядочномъ разстояніи отъ цѣли путешествія, дѣдъ остановилъ кучера и, подозвавъ стоявшаго вблизи городоваго, спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Рубинштейнъ. — Знаю, ваше пр-во.

И городовой съ точностью указалъ адресъ. Замѣтимъ, что, по адресъ-календарямъ Н. Г. именовался только коллежскимъ секретаремъ.

Помѣщеніе Рубинштейна оказалось состоящимъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ. По докладу о насъ, мы вошли въ кабинетъ (гдѣ качавшееся еще кресло указывало на недавнее помѣщеніе въ немъ хозяина) и въ гостинную, гдѣ стоялъ и рояль.

Николай Григорьевичъ вышелъ очень скоро; въ халатѣ, правда, почти щегольскомъ, но все-таки въ халатѣ.

Въ нѣсколькихъ словахъ, мы объяснили ему причину нашего пріѣзда.

— Можетъ онъ что-нибудь сейчасъ сыграть? — Да, вотъ у него съ собою есть ноты

Успѣхи мои тогда были еще очень невелики, что видно изъ того, что раскрытымъ оказался „Album für die Jugend", Р. Шумана, вещь самая дѣтская.

Но испытаніе Рубинштейна было совсѣмъ другого рода, чѣмъ ожидали. Указавъ на № 2, Солдатскій маршъ, онъ сказалъ мнѣ:

— „Сыграйте это тономъ ниже", должно быть, не ожидая, чтобъ исполнитель такихъ легкихъ вещей могъ это сдѣлать.

Къ счастью конструкція марша оказалась настолько легкою, что я, больше благодаря слуху, чѣмъ глазамъ, безъ остановки сыгралъ первую строчку. Дальше я бы, навѣрно, запутался, но Николай Григорьичъ сказалъ:—Довольно. Онъ принятъ (безплатно).

Воспоминаніе этого оригинальнаго пріема осталось у меня навсегда въ памяти.

Черезъ нѣсколько дней мы съ матерью явились въ Консерваторію и были введены въ директорскую, гдѣ Рубинштейнъ, подавъ матери списокъ профессоровъ, спросилъ, у кого желаетъ она, чтобъ я учился. Мать выбрала молодаго Э. Лангера (его называли „молодымъ" въ отличіе отъ „стараго", Л. Лангера, тоже профессора), и я началъ ходить въ классы.

Классы Консерваторіи помѣщались въ двухъ этажахъ. Въ нижнемъ, на лѣвой половинѣ, были общеобразовательные и нѣсколько музыкальныхъ (классъ самого Н. Г. Рубинштейна), классъ Лауба, совмѣстной игры Э. Лангера. Правую половину занимали профессорская, директорская и пр Всѣ другіе классы, театральная, концертная, рекреаціонная и инспекторская залы были во второмъ и третьемъ этажахъ; въ послѣднемъ, кромѣ того, библіотека.

Для взрослыхъ учениковъ преподаваніе состояло изъ однихъ музыкальныхъ предметовъ; для маленькихъ же (къ маленькимъ причислялись и незнающіе недоросли) существовало четыре общеобразовательныхъ класса. Я по своимъ познаніямъ годился только въ первый классъ.

Въ музыкальныхъ классахъ каждый профессоръ занимался въ отдѣльной комнатѣ со всѣми своими учениками и ученицами; тутъ различія курсовъ не было. Теоріей занимались уже по курсамъ, при чемъ на первоначальную теорію сажали всѣхъ, безъ различія спеціальностей и возраста, и этимъ классомъ теоріи и сопряженнаго съ нею хорового и показного пѣнія завѣдывалъ инспекторъ, К. Альбрехтъ.

Директоръ Консерваторіи Н. Г. Рубинштейнъ (род. 1835 г., умеръ 11 Марта 1881, въ Парижѣ) былъ одною изъ крупныхъ личностей, которыя своею дѣятельностью оставляютъ глубокій слѣдъ въ той области, гдѣ работаютъ. Оба брата, старшій Антонъ и младшій Николай Рубинштейны

съ дѣтства выказали замѣчательныя музыкальныя способности. Дарованіе Николая было еще больше, чѣмъ Антона, и еслибы онъ посвятилъ себя также виртуозной или композиторской дѣятельности, то превозошелъ бы брата. Но, сравнительно съ Антономъ, его музыкальное образованіе было меньше, хотя найденныя тетрадки собственныхъ его упражненій свидѣтельствуютъ, что онъ занимался очень рано и серіозно теоріей музыки. Свидѣтельствуютъ объ этихъ занятіяхъ и нѣсколько вещей, написанныхъ имъ въ ранней юности, собранныхъ и изданныхъ въ 1881 году, тотчасъ же послѣ его смерти подъ заглавіемъ: Сборникъ сочиненій Николая Рубинштейна для фортепіано, Souvenir Album. 9 pieces pour le piano. (Изд. Юргенсона 1881 съ портретомъ). Самъ Николай Григорьичъ считалъ эти произведенія юношескими и при жизни своей не позволялъ ихъ печатать. Изданіе этого сборника сдѣлано въ разсчетѣ на барышъ: дѣйствительно, изданный сборникъ былъ расхватанъ съ необычайною быстротою многочисленными почитателями Рубинштейна для украшенія ихъ полокъ. Но тутъ есть нѣкоторыя піесы съ положительными достоинствами. Антонъ Григорьевичъ включилъ одну изъ нихъ въ программу своихъ историческихъ концертовъ, исполнявшихся весною 1890 г. Въ Петербургѣ въ концертахъ „Tarantelle“ имѣла большой успѣхъ.

Впослѣдствіи Н. Г., вѣроятно, самъ дополнялъ свое музыкальное образованіе, такъ какъ, будучи уже директоромъ Консерваторіи, онъ нерѣдко удивлялъ профессоровъ основательными и вѣрными замѣчаніями о разныхъ сочиненіяхъ и представляемыхъ учениками работахъ, показывавшихъ серіозныя познанія въ теоріи музыки и глубокое пониманіе конструкціи всякаго рода произведеній, что требуетъ солидной теоретической подготовки (отзывъ Буховцева).

Какъ директоръ Консерваторіи и отдѣленія Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ, которымъ онъ отдалъ всю свою жизнь, Рубинштейнъ не имѣлъ много времени заниматься музыкой и совершенствовать себя. Но необходимость играть ему самому, какъ въ собраніяхъ Общества, такъ и въ разныхъ концертахъ, большею частью съ благотворительной цѣлью, не дала возможности заглохнуть на этомъ поприщѣ его дарованіямъ, хотя они и не могли развиться, какъ бы это слѣдовало.

Антонъ Рубинштейнъ, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ братомъ, въ то время наѣзжалъ иногда въ Москву и игралъ отдѣльно и вмѣстѣ съ нимъ, въ 4 руки и на 2 рояляхъ. Нѣкоторые, слышавшіе ихъ обоихъ, находятъ, что, не смотря на меньшія упражненія, Николай игралъ лучше своего брата. Это замѣчаніе относится лишь до тогдашняго времени, такъ какъ въ позднѣйшее Антонъ Григорьевичъ, къ чести его надо сказать, не довольствуясь достигнутымъ, сильно усовершенствовался, чѣмъ показалъ, что нѣтъ предѣла развитію генія, и что если *онъ* не остановился на ступеняхъ своего развитія, и въ 70 лѣтъ продолжалъ работать, то нѣтъ никакого оправданія для тѣхъ, кто останавливается гораздо раньше Многіе наши знакомые говорятъ, что теперь, спустя много лѣтъ, они не мо-

гутъ забыть совмѣстной игры двухъ братьевъ, представлявшей нѣчто невозможное, напримѣръ, при исполненіи ими „Малороссійскаго казачка“ Даргомыжскаго.

Дѣятельность Николая, какъ піаниста, могла бы дать ему большую славу и большія деньги. Вмѣсто того, отказавшись отъ всемірной извѣстности, онъ посвятилъ всего себя развитію, упроченію и правильной постановкѣ музыкальнаго дѣла въ Москвѣ, откуда оно распространилось по всей Россіи Благодаря его стараніямъ, основалось Московское Отдѣленіе Русскаго Музыкальнаго Общества и Московская Консерваторія, и пока онъ стоялъ во главѣ дѣла, оба эти учрежденія высоко поднялись въ ряду имъ подобныхъ. Онъ учредилъ правильныя симфоническія собранія, участвовалъ въ нихъ постоянно самъ, какъ піанистъ и какъ дирижеръ. Какъ послѣдній, онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ, ни по отношенію пониманія композиторовъ, ни, особенно, по управленію оркестромъ.

Въ доказательство приведемъ въ примѣръ исполненіе одного изъ самыхъ трудныхъ композиторовъ—Вагнера. Музыка его была тогда незнакома и нова. Тѣмъ не менѣе, слышавшіе вещи Вагнера подъ его собственнымъ дирижерствомъ не находятъ никакой разницы между пониманіемъ его произведеній имъ самимъ и пониманіемъ ихъ Рубинштейномъ. Послѣ этого Москвѣ приходилось слышать Вагнера въ исполненіи Ганса-фонъ-Бюлова, который считался въ Германіи лучшимъ дирижеромъ и истолкователемъ Вагнера, и Москвичи, профессора и ученики Рубинштейна, нашли разницу: Бѣловъ исполнялъ не такъ и бралъ даже темпы явно невѣрные, если вѣрить толкованію автора и свидѣтельству слышавшихъ всѣхъ трехъ (Вагнера, Н. Г. Рубинштейна и Бюлова).

Для основанія и поддержки Музыкальнаго Общества Рубинштейнъ часто давалъ концерты, дѣлалъ артистическія путешествія, сборы съ которыхъ шли на музыкальное дѣло. При Консерваторіи явились стипендіаты, и устроены были квартиры для помѣщенія бѣдныхъ учениковъ (въ зданіи Консерваторіи; потомъ для этого нанятъ былъ отдѣльный домъ напротивъ). Далеко отъ гласности, но глубоко въ сердцахъ многихъ учившихся останется постоянная помощь Рубинштейна бѣднымъ и недостаточнымъ ученикамъ и ученицамъ. Сколько лицъ училось даромъ, за скольких онъ заплатилъ, не сосчитано. Всякій приходившій къ нему учащійся, дѣйствительно нуждавшійся, не уходилъ съ пустыми руками. Между тѣмъ у него часто у самого ничего не было. Мнѣ лично извѣстно два случая высокаго человѣколюбія его. Однажды, пришедшему за помощью нечего было дать Николай Григорьевичъ одѣваетъ его въ собственное платье и, не смотря на сопротивленіе, выталкиваетъ на улицу. Въ другой разъ, посѣтивъ одну консерваторку и найдя ее почти безъ платья, безъ башмаковъ и голодную, онъ накормилъ ее, купилъ башмаки и далъ на платье.

Рубинштейнъ имѣлъ бы гораздо болѣе средствъ помогать и чужимъ, и себѣ, еслибы не велъ, при всей своей кипучей дѣятельности, очень безпорядочной жизни. Это и было причиною ранняго недуга, который свелъ его

въ могилу. Кромѣ того, не тайна, что онъ имѣлъ страсть къ азартнымъ играмъ, игралъ крупно, и многія тысячи ушли къ болѣе счастливымъ игрокамъ. Жалованья своего онъ никогда не получалъ: все оно шло на содержаніе его стипендіатовъ. Вернувшись изъ одного артистическаго путешествія съ большой суммою (около 15.000), онъ не взялъ себѣ ничего.

Вотъ источникъ той любви, которая его окружала и которая переходила въ обожаніе, особенно среди консерваторокъ.

Считаю нужнымъ дать нѣкоторое понятіе о тогдашнемъ составѣ учившихся въ Консерваторіи.

Болѣе буйнаго народа я не видывалъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи. И это слово, „буйный" относится почти вполнѣ къ женскому полу. Не знаю, чѣмъ объяснить такіе нравы при такомъ строгомъ правителѣ, какимъ былъ Рубинштейнъ. Полагаю, что въ то время большая часть учившихся были люди бѣдные, безъ того свѣтскаго воспитанія, которое дается почти всегда въ состоятельныхъ семействахъ; почти все артисты по призванію, каста, которая, говорятъ, всегда и вездѣ отличается извѣстною безпорядочностью и неумѣренностью въ проявленіи своихъ чувствъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ. Теперь это сильно измѣнилось. Въ Консерваторію идутъ, не обинуясь, люди самыхъ порядочныхъ и состоятельныхъ классовъ общества. Я не хочу сказать, что тогда учащіеся были прямо изъ непорядочныхъ; я употребляю это слово, напротивъ, для выраженія большей ординарности теперешняго уровня, въ артистическомъ отношеніи большей посредственности. При платѣ въ 200 р., самымъ бѣднымъ и невозможно попасть въ Консерваторію, а на стипендію берутъ исключительно заявившее себя дарованіе. Одна изъ артистокъ, пѣвшихъ недавно первыя партіи на сценѣ Московскаго Большаго Театра, обязана пребыванію своему въ Консерваторіи за сборъ, который ей сдѣлали ея покровители, учредивъ копилку, куда клался всякій выигрышъ карточной игры.

Многіе теперь поступаютъ совсѣмъ не съ цѣлью карьеры пѣвца, артиста или виртуоза, особенно женщины, а чтобы получить музыкальное образованіе. Прежде съ понятіемъ о Консерваторіи соединялось понятіе о карьерѣ артистической, не пріобрѣтшей еще тогда такого положенія, какое имѣетъ уже теперь всякій, порядочно это заведеніе окончившій. Въ „Воспоминаніяхъ" А. Г. Рубинштейна указано, что въ его время еще не признавалось слово „артистъ". Дѣятельность его брата много способствовала тому, что оно получило право гражданства въ Россіи.

Другая причина свободнаго поведенія учившихся была та, что составъ профессоровъ былъ болѣе артистическій, нежели педагогическій, и пріемы ихъ были очень свободны. Наконецъ, не смотря на чрезвычайно строгій видъ и голосъ Рубинштейна, всѣ знали, что онъ очень добръ.

Наши общеобразовательные классы, наполненные народомъ вообще маленькимъ (мнѣ было всего десять лѣтъ) вели себя относительно прилично, и для наблюденія за нами достаточно было дежурной дамы. Инспекторъ заглядывалъ еще къ намъ иногда, но директору приходилось дѣлать это

рѣдко. Среди насъ попадались порядочные недоросли. Въ моемъ, первомъ, классѣ сидѣлъ одинъ ученикъ, совершенно взрослый мужчина, съ большою растительностью на лицѣ. Фамилія его была Дефуръ, но мы ее передѣлали въ Дéфуръ, потому что при чтеніи вслухъ изъ Христоматіи, Дефýръ громко, на весь классъ, началъ: „кукурíку, сказалъ"... Учитель сейчасъ же остановилъ его за неправильное удареніе, а у насъ вошло въ поговорку: „кукурíку, сказàлъ Дéфуръ". Мужской полъ садился на одну сторону, женскій на другую; но въ серединѣ происходило смѣшеніе. Такъ, я сидѣлъ на средней лавкѣ а впереди меня двѣ дѣвочки, одну изъ которыхъ я иногда, изъ шалости, безпокоилъ ногами. Она носила странную для Русскаго уха Нѣмецкую фамилію „Лампе", и мы часто забавлялись, восклицая: Лампа, лампа! Она оборачивалась.—Что вамъ угодно?—Мы не васъ. Мы говоримъ: лампа! И сидѣла она, на свое несчастіе, прямо подъ лампой.

По различію возраста учениковъ, и размѣръ проходимыхъ предметовъ въ одномъ и томъ же классѣ былъ неодинаковый. Программъ придерживались рѣдко. Такъ, изъ Нѣмецкаго языка, когда я только началъ проходить первые §§ учебника Керковіуса, рядомъ ученица отвѣчала на 70-ые.

За все время, помню только одинъ случай столкновенія съ директоромъ учениковъ низшихъ классовъ.

Однажды, когда я, съ цѣлою компаніей, обрѣтался въ неузаконенное время на верху, въ надстройкѣ, по лѣсенкѣ раздались шаги. Выглянули головы: „Николай Григорьевичъ!" Отступленіе было отрѣзано, такъ какъ выходъ былъ одинъ. Поневолѣ всѣ остались ждать; идти же навстрѣчу директору первымъ никто не хотѣлъ. Растворилась дверь, и показался Николай Григорьевичъ, въ большомъ гнѣвѣ, что-то крикнулъ и устремился къ намъ съ распростертыми руками. Больше всѣхъ насъ и посмѣлѣе былъ ученикъ не изъ нашего класса, Литвиновъ, теперь довольно извѣстный скрипачъ и дирижеръ. Въ его-то волосы попала длань Рубинштейна и пригнула его голову къ полу. Какъ теперь вижу и не могу вспомнить безъ смѣха его фигуру, со стоячими волосами, въ желтой курткѣ, которая намъ была такъ хорошо знакома по множеству отпущенныхъ на счетъ ея цвѣта остротъ. Но тогда намъ было не до шутокъ. Увидѣвъ, что руки директора заняты, мы, остальные, быстро прошмыгнули мимо него внизъ и бѣгомъ спаслись въ классы. Къ намъ онъ не показался, и изъ насъ никто не пострадалъ.

Я былъ въ Консерваторіи на особомъ счету, и многія мои проказы проходили безнаказанно. Въ началѣ я постоянно опаздывалъ въ классы, никакъ не умудряясь вставать къ 8 часамъ. Дошло это до Рубинштейна. Онъ въ это время былъ занятъ чѣмъ-то въ директорской. — „Пошлите его сейчасъ ко мнѣ! Искать меня пустилась А. К. Аврамова (профессоръ музыки), но такъ какъ я въ это время оказался пребывающимъ въ маленькихъ комнатахъ, въ задней части Консерваторіи, то меня не нашла. На смѣну ей отправился другой, молодой профессоръ и, взявъ за руку, вмѣсто параднаго входа въ директорскую, повелъ по какимъ-то закоулкамъ съ черной лѣстницы. Мы бѣжали сломя голову, спускаясь по лѣстницамъ въ

нижній этажъ и, кажется, самъ профессоръ не менѣе меня боялся замедленія. Николай Григорьевичъ напустился на меня со строгимъ видомъ, объявивъ, что получаетъ отъ классной дамы и преподавателей жалобы, что я опаздываю по утрамъ и, входя въ классъ среди урока, мѣшаю преподаванію. Я объяснилъ, что это происходитъ отъ привычки моей долго одѣваться, а, вообще, встаю я во-время. Тогда онъ вывелъ меня въ темный коридорчикъ, изъ котораго вела черная лѣстница наверхъ, и сказалъ: „Вотъ тебѣ *пять* минутъ. Въ пять минутъ ты долженъ раздѣться совсѣмъ и сейчасъ же одѣться. Если черезъ пять минутъ ты не будешь готовъ, то"... (Что онъ сдѣлалъ бы, мнѣ осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ). Затѣмъ онъ ушелъ.

Помню, я былъ такъ напуганъ, что сейчасъ же исполнилъ приказанное. Ник. Григ., дѣйствительно, пришелъ, освѣдомившись, кажется, предварительно, чрезъ того же молодого профессора, готовъ я, или нѣтъ? — Вотъ видишь, пять минутъ совершенно достаточно для твоего туалета. Чтобъ я больше не слыхалъ жалобъ на твое опаздываніе! Брысь!

Я пустился вверхъ по лѣстницѣ. Жалобъ на меня уже не поступало.

Въ другой разъ поступилъ доносъ, что я съ другими учениками гуляю по бульварамъ и другимъ публичнымъ мѣстамъ и веду себя не совсѣмъ прилично. Доносъ не имѣлъ смысла, какъ по возрасту нашему (старшему было лѣтъ 12), такъ и по невинности поведенія. Бывшія при насъ небольшія деньги мы употребляли на покупку лакомствъ, мороженаго и прохладительныхъ напитковъ. Сдѣлать изъ этого „гулянку" можно было только въ воображеніи. Тѣмъ не менѣе, я подвергся строгому допросу въ директорской: Кто со мной былъ? Фамиліи! Первый, вызванный изъ моихъ спутниковъ, М. Федоровъ (скрипачъ) успѣлъ какъ-то сейчасъ же оправдаться и, кромѣ нѣсколькихъ встряхиваній, ничего не получилъ. Но второй, постоянный мой спутникъ, съ которымъ я сидѣлъ рядомъ, Н. Н. Л. (кларнетистъ), подвергся истязанію. Быстрые и отчетливые удары по щекамъ слѣдовали одинъ за другимъ; когда онъ, наконецъ, не выдержалъ и заплакалъ, Ник. Гр. оставилъ его и, предупредивъ, что если онъ сейчасъ же не скажетъ ему всей правды нашихъ похожденій, то онъ съ нимъ расправится розгами, вышелъ.

Пока онъ производилъ слѣдствіе и искалъ виновныхъ среди другихъ учениковъ класса, мы стояли совершенно напуганные и трясущіеся отъ страха. Обошлось все довольно благополучно. Со мной былъ командированъ одинъ изъ профессоровъ, который и обнаружилъ всю дѣтскую сторону нашихъ похожденій.

Рубинштейнъ велъ себя, вообще, довольно свободно, и свобода эта сообщалась и взрослымъ ученикамъ. Но въ Консерваторіи эти послѣдніе держали себя очень прилично. Многіе любили выпить, покутить, не являлись тогда въ Консерваторію, и послѣдствія этого отзывались очень печально для нихъ самихъ. Очень рѣдко въ общей аудиторіи приходилось дѣлать замѣчанія: гг., потише говорите! При собраніи болѣе ста человѣкъ такія замѣчанія неизбѣжны и въ собраніи взрослыхъ. Но что сказать о молодомъ 20—25-лѣтнемъ человѣкѣ, который, сидя три года, никакъ не могъ преодолѣть самаго

начала теоріи музыки и на первую же четверть неизмѣнно получалъ единицу? Какъ-то онъ, чуть не со слезами, просилъ меня справиться, сколько ему поставили за вторую четверть? И я, забѣгавшій въ инспекторскую и успѣвшій узнать, что мнѣ *2* (при 3 бальной системѣ это было очень хорошо, и я былъ первый и единственный изъ маленькихъ учениковъ, получившій этотъ балъ въ первую же четверть и десяти лѣтъ перешедшій на 2-й курсъ), съ важнымъ видомъ сказалъ, что ему—три. Онъ мнѣ не повѣрилъ, и справедливо: на единицѣ онъ и кончилъ. Были очень способные ученики, которые теряли и время и голосъ, вслѣдствіе непутеваго поведенія. Одинъ изъ такихъ, Н. Д., съ дивнымъ голосомъ, который позволялъ ему пѣть, безъ всякой подготовки, партію „Руслана“ на сценѣ, нѣсколько разъ поступалъ и опять уходилъ отъ ученія и, наконецъ, страсть къ напиткамъ преодолѣла; такъ онъ и остался наполовину диллетантомъ. Другой, г. Т. уже лѣтъ 30, женатый человѣкъ, сидѣлъ со мной рядомъ. На доскѣ появляется нотная строчка. — Г. Т! потрудитесь продиктовать, что́ надо писать? Г. Т. не знаетъ, а я тянусь и заявляю свое желаніе отвѣчать.—Ну-ка ,скажи, болѣе изъ шутки спрашиваютъ меня. Я встаю и говорю совершенно вѣрно музыкальный аккоръ или фразу. Чрезъ нѣкоторое время ко мнѣ уже всегда обращаются послѣ Т. и при томъ прибавляя слово „господинъ“.

— Господинъ: это значитъ ученикъ съ познаніями, шепчутся маленькіе ученики. — Совершенная чепуха! Вырастите только съ дубину, или обростите бородой, держась за свою, возражаетъ имъ Д,—вотъ и попадете въ „господа“.

Итакъ, какъ мы сказали, взрослые консерваторы доставляли мало хлопотъ своимъ наставникамъ; совсѣмъ другое дѣло было съ взрослыми консерваторками. Нѣкоторыя изъ нихъ вели себя совершенно, какъ сумасшедшія: въ классахъ кричали, кривлялись, упрямились, жеманились, падали въ обморокъ, даже убѣгали изъ класса, и положительно выводили профессоровъ изъ терпѣнія, такъ что тѣ отправлялись въ директорскую просить содѣйствія. Рубинштейнъ относился къ этимъ выходкамъ хладнокровно. Если дѣвица падала въ обморокъ, онъ говорилъ: уберите ее“, или „вылейте ей стаканъ воды на голову“. Это средство было самое дѣйствительное и заставляло оживать безчувственныхъ.

Я занимался въ классѣ Э. Лангера, въ сообществѣ нѣсколькихъ учениць еще изъ довольно скромныхъ. Но и то, пока Лангеръ занимался съ одной, двѣ садились около меня и начинали меня щекотать и щипать, на что я, конечно, отвѣчалъ, какъ умѣлъ. Все это происходило въ двухъ шагахъ отъ рояля, и Лангеръ, выведенный изъ терпѣнія нашимъ поведеніемъ, обыкновенно наказывалъ меня, какъ маленькаго, удаленіемъ изъ класса за дверь. Товарки мои были совершенно взрослыя дѣвицы, и наказывать ихъ было не очень ловко.

За нашимъ классомъ находился классъ проф. Л. Лангера. Тамъ было уже не такъ спокойно. Л. Лангеръ, человѣкъ старый и довольно желчный, преподавалъ, вѣроятно, по опытности, съ линейкой, которой и билъ по

рукамъ. Сколько я помню, къ этому орудію приходилось прибѣгать больше для ученицъ, чѣмъ для учениковъ. Часто въ его классѣ слышались шумъ и бѣготня: это профессоръ бѣгалъ съ линейкой въ рукахъ за спасавшейся отъ него жертвой. Иногда съ шумомъ растворялась дверь, и черезъ нашъ классъ во весь опоръ мчалась ученица, а за нею слѣдовалъ также стремительно Л. Лангеръ, и это шествіе скрывалось въ слѣдующихъ залахъ.

При сходѣ женскаго пола въ рекреаціонныхъ залахъ поднималась возня, превосходившая всякое вѣроятіе: шумъ платьевъ, визгливость голосовъ и истерическія вскрикиванія. Часто усмирить разбушевавшихся не оказывалось никакой возможности. Приходилось опять отправляться за Ник. Гр.

Одна консерваторка, уже совершенно взрослая, сѣла на полъ и стала хватать другихъ за платья. Тѣ спасались отъ нея и визжали. Поднялся цѣлый содомъ.

— Дур-р-р-а! загремѣлъ на весь залъ голосъ Ник. Гр. Встаньте!

— Николай Григорьевичъ, душка, миленькій, закричали консерваторки и бросились къ нему обнимать и цѣловать его, куда попало.

— Дур-ры! закричалъ онъ вновь. Пошли вонъ! Чему обрадовались?

— Душка Николай Григорьевичъ, простите, милый!

Подъ конецъ растрепанные туалеты исчезали въ уборной, и порядокъ водворялся.

Разъ какъ-то забрелъ въ прихожую торговецъ арбузами. Сейчасъ же учащіеся сложились и пріобрѣли отъ него нѣсколько штукъ. Для того, чтобы съѣсть ихъ тайно, мужская половина скрылась въ мужскую переднюю, женская—въ женскую. Обѣ переднія раздѣлялись широкою лѣстницею, ведшею на верхъ. Кто-то изъ угощавшихся, не помню ужъ съ какой стороны, кинулъ арбузную корку въ противоположную переднюю. Оттуда послѣдовалъ отвѣтъ, и пошла прегорячая перестрѣлка. Усерднѣе всѣхъ вели ее самыя взрослыя дѣвицы. Обломки корокъ запутывались у нихъ въ волосахъ и головныхъ уборахъ, и комичное зрѣлище подобныхъ украшеній подвигнуло насъ мѣтить именно въ головы. Масса корокъ летѣла во всѣ стороны, и промежуточное между передними пространство, лѣстница и прихожая, покрылось кусками снарядовъ. Дежурная дама, совмѣстно со швейцаромъ, ничего не могла подѣлать и направилась въ директорскую. Обѣ переднія съ визгомъ, шумомъ и хохотомъ опустѣли, и наполнявшія ихъ скрылись наверхъ. Головные уборы дамской половины представляли собою нѣчто въ родѣ убранства фурій или русалокъ, и женская рекреаціонная превратилась въ парикмахерскую

Рубинштейнъ былъ небольшого роста, но плотнаго тѣлосложенія, съ довольно широкими плечами, крѣпкими руками, съ плотными и точно желѣзными, полными пальцами. Эти пальцы могли издавать звуки страшной силы. Рояли некрѣпкаго устройства разбивались имъ, какъ щепки. На его концертахъ необходимъ былъ запасный инструментъ. Волосы его, впослѣдствіи значительно порѣдѣвшіе, поднимались вверхъ и надвигались надъ широкимъ и умнымъ лбомъ и острымъ, хотя и крупнымъ, носомъ. Общее

выраженіе лица его, по крайней мѣрѣ для насъ, всегда было чрезвычайно строгое и внушительное. Говорилъ онъ съ нами тоже очень громко и начальственнымъ голосомъ, и привычка къ постоянному укрощенію учениковъ и ученицъ, къ водворенію порядка въ оркестрѣ, сдѣлала его манеры рѣзкими и повелительными. Внѣшнее впечатлѣніе для незнавшихъ его было самое суровое и подавляющее. Энергія его граничила съ упрямствомъ. Памятенъ случай, который выдвинулъ впередъ одного изъ лучшихъ его учениковъ, А. Зилотти. Рубинштейнъ, дирижируя концертами музыкальнаго общества, поставилъ вещь, исполнять фортепианную партію въ которой долженъ былъ одинъ изъ профессоровъ; профессоръ-же (Клиндвортъ) хотѣлъ сыграть другое. Репетиціи прошли въ пререканіяхъ. На самомъ концертѣ профессоръ опять упрямится и не желаетъ играть свою партію. Надо замѣтить, что Клиндвортъ, отличный музыкантъ безъ публики, совершенно терялся въ присутствіи таковой, и волненіе мѣшало ему исполнять самыя простыя вещи. Тогда Ник. Гр. сажаетъ за фортепіано Зилотти, и молодой піанистъ *безъ репетиціи* играетъ весь концертъ съ оркестромъ.

Учениковъ и ученицъ въ свой классъ Ник. Гр. выбиралъ самъ, и попасть къ нему считалось, конечно, большимъ счастіемъ.

Въ то время вся Консерваторія ожидала чудесъ отъ его любимаго ученика, С. Т. Думали, по отзывамъ Ник. Гр., что Т. будетъ играть такъ же, какъ его учитель. Ожиданія эти сбылись не вполнѣ. Ник. Гр. не успѣлъ передать ему своей мощи, своей силы въ игрѣ, и игра Т. существенно отличается отъ игры Ник. Гр. чрезвычайною мягкостью тона и звука. Конечно, это достоинство, но одностороннее.

Немало позанимался Ник. Гр. съ другимъ своимъ ученикомъ, недавно умершимъ, А. Н. Буховцевымъ. Музыканта онъ изъ него сдѣлать не могъ, но взамѣнъ того далъ ему такія солидныя музыкальныя и теоретически-инструментальныя познанія, которыя позволили потомъ Буховцеву получить извѣстность, какъ музыкальному педагогу. Онъ состоялъ инспекторомъ музыки Николаевскаго Института, написалъ много музыкальныхъ статей и рецензій и издалъ цѣлую серію пьесъ постепеннаго развитія, снабдивъ ихъ фразировкою и знаками исполненія (изд. Гутхейля). Послѣднія работы показываютъ его опытность въ теоретическомъ преподаваніи, независимо отъ практическаго; а этимъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, онъ обязанъ много Рубинштейну.

Переходя къ частной жизни Рубинштейна, я нѣсколько стѣсняюсь. Многое въ ней покажется неказистымъ, и даже просто грязнымъ и безнравственнымъ. Не на ней основана его слава, но большая доля его популярности неотъемлемо связана съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, и потому избѣжать описанія его человѣческихъ достоинствъ и недостатковъ нельзя.

У него на квартирѣ жило нѣсколько учениковъ. Когда это было и въ какое время, я рѣшительно не могу опредѣлить. Бывая у него, я не видалъ, гдѣ они помѣщались. Полагаю, что, по добротѣ своей, Ник. Гр. давалъ пріютъ тѣмъ, которые его не имѣли. Помню, что помѣщенія при

Консерваторіи были недостаточны и что говорили про ночлегъ и болѣе продолжительное пребываніе учениковъ у Ник. Гр. Ночлегомъ пользовались не только ученики, но и ученицы, и слѣдствіемъ этого было то, что Ник. Гр. потомъ часто посѣщалъ этихъ ученицъ въ номерахъ, гдѣ онѣ жили, и на квартирахъ. Тѣ особы, которыхъ я зналъ, всѣ были безусловно-талантливы въ музыкальномъ отношеніи. Двѣ изъ нихъ И. и Ш. завѣдывали потомъ музыкальными классами. Третья, мнѣ извѣстная, m-me У., и теперь сохраняетъ, какъ реликвіи, свои воспоминанія о Ник. Г. Она тогда только что вышла замужъ и мечтала о поэзіи и о лунѣ, была образована, знала три языка и музыку; мужъ же не соотвѣтствовалъ ея мечтаніямъ. Музыка и сблизила ее съ Ник. Гр.; онъ заставилъ ее учиться и наконецъ выпустилъ на эстраду, чтобъ исполнить solo съ дирижируемымъ имъ оркестромъ. Отношенія артистическія переплетались съ человѣческими.

Всѣ консерваторки пользовались безплатною медицинскою помощью врача, чрезвычайно опытнаго въ женскихъ болѣзняхъ, *** Вслѣдствіе этого пошелъ слухъ, что *** по своей добротѣ не беретъ платы, а еще помогаетъ нуждающимся. Я не только называю слухъ этотъ несправедливымъ, но ложнымъ, такъ какъ хорошо зналъ *** который, простите за отзывъ, готовъ былъ утопить человѣка, но не помочь ему. Мнимыя же его участіе и помощь происходили отъ тѣхъ средствъ, которыя тайно ему передавалъ Рубинштейнъ. Впослѣдствіи *** продолжалъ состоять врачемъ общества для пособія недостаточнымъ ученикамъ Консерваторіи, и отношенія его къ нимъ сдѣлались чисто-формальными; по крайней мѣрѣ со смерти Ник. Гр. мнѣ неизвѣстно ни одного случая *человѣческой* помощи съ его стороны, какъ то было прежде. Во время же знакомства съ Ник. Гр. онъ купилъ себѣ домъ, не имѣя практики, кромѣ ординаторства въ одной изъ больницъ. Тѣмъ не менѣе, воспользуюсь разсказомъ его, а также нѣсколькихъ знакомыхъ учениковъ Ник. Гр объ одномъ изъ послѣднихъ вечеровъ, можетъ быть самомъ роковомъ въ жизни покойнаго.

Ранѣе уже Ник. Гр. былъ предупрежденъ. Были мнѣнія д-ра Захарьина, д-ра Остроумова, указывалось на разстройство какъ внутреннихъ органовъ пищеваренія, такъ и на пораженіе мочеполовыхъ. Совѣтовали ему бросить курить сигары; но онъ говорилъ, что отъ нихъ ему легче, а между тѣмъ продолжалъ дѣлать странныя смѣси винъ въ необычномъ порядкѣ; или вдругъ на пари среди учащенія изысканными блюдами и питьями поглощалъ, не переводя духа, графинъ чистой водки.

Въ тотъ вечеръ, про который я говорю, собралось нѣсколько человѣкъ на квартиру Ник. Гр. Были и вино, и карты. Ник Гр. сидѣлъ одинъ за цѣлою стороною стола; противъ него помѣщалось двое игроковъ, а остальные попеременно играли и пользовались угощеніемъ стола Ник. Гр. нѣсколько разъ выходилъ изъ-за стола въ сосѣднюю комнату, въ спальню, подходилъ къ окнамъ; разъ сѣлъ передъ однимъ изъ нихъ и отозвался, что ему дурно. Много разъ были подобные вечера, и всегда они оканчивались благополучно. Хотя въ одинъ изъ предъидущихъ Ник. Гр. тоже почувство-

валъ себя, уже при концѣ, дурно; но его уложили въ постель, а два мертвыхъ тѣла, оставшихся въ его квартирѣ, на утро отправились домой Теперь же игра не дошла до конца: кучка монетъ, лежавшихъ передъ нимъ, разсыпалась, стаканъ или бокалъ, который онъ держалъ въ рукѣ, опрокинулся, и самъ онъ опустился вдругъ въ согнутомъ положеніи между ножками стола и кресломъ. Докторъ нашелъ его уже перенесеннымъ на диванъ въ полубезчувственномъ состояніи, ухватившимся за животъ. Къ утру опредѣлилось пораженіе и атрофія нѣкоторыхъ внутреннихъ органовъ. Консультація, послѣ совѣта Ник. Гр. со знаменитостями, послала его въ Парижъ. Мы не будемъ объ этомъ говорить, такъ какъ эти событія, а также послѣднія минуты его жизни, чрейзвычайно подробно описаны въ газетахъ и журналахъ.

Ник. Гр. чрезвычайно недовѣрчиво относился ко всякой внѣшности, не любилъ ея и съ наслажденіемъ топталъ ее ногами. Это можетъ быть объяснено тѣмъ, что не сразу удалось ему пріобрѣсти то положеніе, въ которое онъ себя поставилъ. Онъ былъ Еврей по происхожденію, и не изъ богатыхъ, образованіе-артистическое; все это для общества отрицательное. Но, благодаря его и брата его достоинствамъ, музыкальному генію обоихъ, уму, энергіи и талантливости, они пробили себѣ путь въ самыя высшія сферы. Покровительство великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича заставили смотрѣть на Рубинштейновъ, какъ на нѣчто особенное, могущее дѣлать то, что обыкновеннымъ смертнымъ невозможно. „Только бы принялъ участіе Ник Гр.: онъ все сдѣлаетъ!“ Таково было мнѣніе Москвичей, и онъ дѣйствительно все дѣлалъ, за что принимался, а аристократическая Москва считала его не за артиста, а за царя артистовъ; а вѣдь извѣстно, что Цыганъ—парія, но Цыганскій баронъ равенъ всякому другому; дикій для насъ жалкій дикарь, но царь дикихъ— „ваше величество“ и для перваго князя первой страны. Впослѣдствіи Ник. Гр. самъ привыкъ къ этой внѣшности, которую преслѣдовалъ, что я — извиняюсь — объясняю спо обностью его расы приспособляться ко всякому положенію, и наружность его въ публикѣ или публичномъ мѣстѣ никогда не носила отпечатка артистической небрежности: онъ часто самъ нуждался, а между тѣмъ всегда былъ одѣтъ лучше всѣхъ профессоровъ; большею частью въ черный, короче нынѣшняго, сюртукъ. Недостатки платья его могли происходить отъ положенія холостого человѣка. Такъ, однажды, у него что-то случилось съ галстукомъ; артистка Кадмина подскочила къ нему съ булавкою и исправила погрѣшность; другой разъ ей же пришлось дѣйствовать иголкой; для этого она заставила Ник. Гр. снять сюртукъ. Но это все мелочи, обычныя при ихъ отношеніяхъ. Можетъ быть, и я сужу теперь по тогдашнему впечатлѣнію. Сюртукъ вообще не былъ принятъ въ Консерваторіи; профессора носили визитки и жакеты всякаго рода, а среди учениковъ, бѣднаго народа, попадались костюмы всевозможныхъ цвѣтовъ и фасоновъ; теперь такой сбродъ не допустили бы въ учебномъ заведеніи, гдѣ и нѣтъ формы, гдѣ завелись извѣстные обычаи

даже для того, чтобы ходить по улицамъ. Дали же студентамъ форму, во избѣжаніе пледовъ и одѣялъ, въ которыхъ я привыкъ ихъ видѣть во время моего дѣтства. Ник. Гр. глядѣлъ на людей, а не на ихъ платье; но ученицы его ходили въ хорошихъ, и даже бархатныхъ платьяхъ, когда и у Ник. Гр. былъ бархатный сюртукъ; иначе случалось, что при бархатномъ платьѣ не было башмаковъ, сплошь до визита Ник. Гр., который съ пустыми руками не являлся: онъ былъ человѣкъ съ самолюбіемъ.

Обращаясь къ взглядамъ Ник. Гр. на музыку и артистическое служеніе, я считаю изложеніе ихъ, вынесенное изъ личнаго знакомства и сообщеній близкихъ лицъ, важнѣе для оцѣнки его дѣятельности, чѣмъ знакомство со внѣшними его дѣйствіями, тѣмъ болѣе домашними. Намъ всѣмъ извѣстно, что̀ онъ сдѣлалъ; заслуги его не нуждаются въ особой апологіи, но, можетъ-быть, не всѣ знаютъ, какъ онъ думалъ, и мнѣнія многихъ, можетъ-быть, подвергаются въ этомъ отношеніи сомнѣнію.

„Музыка", говорилъ онъ, „не существуетъ для одного удовольствія людей; она гораздо болѣе служитъ къ ихъ пользѣ. Всѣ роды музыки хороши; только надо умѣть всѣми ими пользоваться во̀-время. Когда вамъ весело—играйте польки и вальсы. Чтобы сыграть вальсъ какъ слѣдуетъ—нужно большое умѣнье; нужно сыграть его „en train", не для танцевъ только, и не въ видѣ легкой музыки; въ каждомъ вальсѣ долженъ быть романсъ, и если мотивъ его не заключаетъ въ себѣ тѣхъ чувствъ, которыя называются „романсъ безъ словъ", то вальсъ никуда не годится. Музыка Оффенбаха—не легкая музыка. Попробуйте написать „Прекрасную Елену", и вы окажетесь несостоятельными. Арія „Наша честь кувыркомъ, кувыркомъ полетитъ" не безнравственна; чувство „Аркадскаго принца" свѣже и ясно, а галопъ „Орфея" заставляетъ плясать и боговъ. Напротивъ, если у васъ меланхолія, возмитесь за Шопена, Шуберта, Шумана, Мендельсона. Перейдите на Вебера, познакомьтесь съ кокетливыми, а потомъ простыми мелодіями Моцарта, и перейдите къ болѣе серьезному и сложному Бетховену. Гуно дастъ вамъ аріи любви, а Итальянская музыка—отдохновеніе.

Итакъ, первая польза музыки въ томъ, что она успокоитъ чувства или разовьетъ ихъ. Все зависитъ отъ того, какъ ею пользоваться.

Она одинаково разовьетъ и умъ, заставивъ размышлять. Она разовьетъ соображеніе, принуждая по звукамъ угадывать мысли. Она разовьетъ и вниманіе, заставивъ слушать; усилитъ память, а между тѣмъ дастъ возможность легче запоминать. Вотъ ея заслуги для слушателя. Еще болѣе она дѣлаетъ для исполнителя. Въ слушателѣ она только уничтожаетъ безпорядочность своимъ тактомъ; отъ исполнителя она требуетъ строгой регулярности и такого порядка труда, который не устанавливается всякою работой. Попробуйте не держаться извѣстныхъ правилъ, и у васъ никогда не будетъ никакой техники, хотя бы вы работали по цѣлымъ суткамъ; съ другой стороны, попробуйте полѣниться, не играть день-другой, или не играть регулярно, не часъ и не два, и вся ваша работа пропадетъ даромъ. Теперь же, когда вы овладѣли всею техникой, попробуйте правильно понять произведеніе и

правильно его исполнить. Если вы добросовѣстный человѣкъ, вы двадцать разъ передумаете надъ каждою строчкой и не удовлетворитесь много разъ ея исполненіемъ. И если вещь велика, мысль ея глубока и грандіозна по замыслу, рѣдко васъ удовлетворитъ на вашъ собственный слухъ ваше исполненіе; вы все недовольны; и понимаете все, а выходитъ неудачно И когда вы, наконецъ, рѣшаетесь показать публикѣ, какъ вы понимаете то, чтó желаете дать ей послушать, и какъ вы можете исполнить, чтобъ и другіе поняли также, то это наступаетъ послѣ цѣлаго ряда такихъ усилій, умственныхъ и физическихъ, которыя заставляютъ напрягать всѣ ваши силы и которыя требуютъ большого развитія въ томъ и другомъ отношеніи. Вотъ польза для себя, для дѣятеля. Если вы и не собираетесь играть публично, то сдѣлаете все это для удовлетворенія васъ самихъ: иначе не стоитъ заниматься музыкой; можно найти другое, болѣе полезное занятіе. Музыка заставляетъ людей сходиться, обмѣниваться своими мыслями и чувствами, даетъ поводъ и къ серьезному разговору, и къ веселому времяпрепровожденію.

Ко всему этому присоединяется матеріальная сторона Какъ всякое занятіе, музыка можетъ давать средства къ существованію, можетъ обезпечить помощь не только себѣ самому и своему семейству, но и дать излишки, которыми можно подѣлиться съ другими. Чѣмъ я помогу многимъ нуждающимся, если у меня самого нѣтъ ничего? А между тѣмъ я занятъ дѣломъ на мѣстѣ, мнѣ нельзя надолго оторваться отъ своего дѣла. И вотъ я прерываю его, безъ особеннаго для него ущерба, ѣду по Россіи или и дальше, и дѣлаюсь въ короткое время обладателемъ богатства, котораго у меня ранѣе не было и которое не всегда возможно пріобрѣсти на мѣстѣ. Я его не оставляю себѣ, потому что мнѣ оно не нужно, а если и нужно, то другимъ вѣдь еще болѣе: я всегда могу его пріобрѣсти, а тѣ другіе нѣтъ, или ждать не могутъ. Впрочемъ, изъ благоразумія, къ старости надо что-нибудь будетъ собрать и для себя, но пока безъ этого можно обойтись, и поэтому я успокаиваю себя, что рано объ этомъ думать. Зачѣмъ я сижу здѣсь, на одномъ мѣстѣ, въ Москвѣ? Зачѣмъ я не пытаюсь чего-нибудь написать, не композиторъ? На оба эти вопроса могу отвѣтить такъ.

Существуютъ два рода дѣятелей: одни собираютъ средства, другіе употребляютъ ихъ. Я принадлежу къ послѣднимъ. Можетъ быть, я бы собралъ болѣе, но тогда я лишился бы удовольствія ихъ употреблять лично. А это большое удовольствіе. И при томъ это уже случилось. Я занялся этимъ дѣломъ и не брошу его. Меня трудно выманить изъ Москвы, и я думаю, что я здѣсь всегда и останусь, пока мнѣ будетъ дѣло, конечно. Трудно все начинать въ другомъ мѣстѣ, и я бы не желалъ, чтобъ это случилось. Тогда, быть-можетъ, измѣнилась бы моя жизнь и мой родъ дѣятельности".

Чтó можетъ сказать Москва этому своему благородному и безкорыстному гражданину? Чѣмъ отвѣтить? Не упрекомъ въ его недостаткахъ, въ его не всегда безупречной частной жизни, такъ какъ достоинство общественныхъ дѣятелей мѣряется ихъ публичными заслугами, а взгляды ихъ цѣнятся

по мѣрѣ ихъ дѣйствительнаго достоинства и того, какъ они выражались для общественнаго употребленія и въ общественной дѣятельности человѣка. Обращаюсь къ дальнѣйшему изложенію.

Инспекторъ, К. Альбрехтъ, былъ на видъ тощій и жидкій, какъ мы его называли, „Нѣмецъ", небольшая и всегда склоненная фигурка котораго съ необычайною живостью появлялась постоянно, не смотря на множество занятій во всѣхъ комнатахъ Консерваторіи. Особенныхъ заслугъ по музыкальной части онъ не имѣлъ (хотя преподаватель былъ хорошій), но чрезвычайная его дѣятельность и трудолюбіе снискали ему расположеніе Рубинштейна, чрезвычайно дорожившаго его способностью исполнять всю мелкую, будничную работу, которой такъ много въ каждомъ учебномъ заведеніи и къ которой не всякій способенъ. Альбрехтъ завѣдывалъ классомъ первоначальной теоріи, преподавалъ ее очень хорошо и добросовѣстно. Въ началѣ этотъ классъ состоялъ въ пріученіи слуха, въ хоровомъ пѣніи. Составленное Альбрехтомъ по этому предмету руководство считается образцовымъ. Классъ помѣщался въ большой аудиторіи и, по совмѣщенію учениковъ и ученицъ всѣхъ музыкальныхъ классовъ, былъ очень многолюденъ. Боюсь ошибиться, но мнѣ кажется, тамъ сидѣло отъ 100 до 200 человѣкъ. Альбрехтъ писалъ на доскѣ различныя фразы и мотивы. Мы ихъ записывали и пѣли. Отъ этого у каждаго составилась тетрадь упражненій.

При хорѣ болѣе ста человѣкъ трудно было различить что-нибудь отдѣльно. Альбрехтъ подходилъ къ каждому, прикладывалъ ухо ко рту поющаго и, послушавъ нѣсколько времени, отправлялся дальше или поправлялъ, напѣвая. Цѣль пѣнія была въ упражненіи, испытаніи и развитіи слуха, а не въ исполненіи хоровыхъ нумеровъ. Иногда испытывалось это по одиночкѣ, для чего писался мотивъ на доскѣ и вызывались исполнять его отдѣльно. Такой способъ употреблялся рѣдко, въ виду продолжительности его. Потомъ пѣніе прекратилось и пошло преподаваніе чистой теоріи. Домашнія работы состояли сначала только въ писаніи нотъ, которыхъ задавали переписывать цѣлыя страницы, а затѣмъ начали давать дѣлать и упражненія.

Преподаваніе фортепіанной игры начало тогда носить новый характеръ. Въ противоположность старой, Нѣмецкой школѣ, которая учила не подымать рукъ, требовали, чтобы кисти были гораздо выше клавіатуры, и пальцы не лежали, а стояли на клавишахъ. Посмотрѣвъ на мои пальцы, Э. Лангеръ сказалъ, что вся предыдущая игра никуда не годится, и первоначально велѣлъ мнѣ упражняться не на фортепіано, а на деревянномъ столѣ. Дѣло было въ томъ, чтобы, держа какъ можно выше кисти рукъ, по очереди ударять каждымъ пальцемъ, какъ по клавишамъ: do, re, mi, fa, sol и назадъ, sol, fa, mi, re, do, поднимая послѣ ударенія каждый палецъ какъ можно выше и держа на той же высотѣ всѣ пальцы, которые не играютъ. Потомъ такія же упражненія надо было продѣлывать на фортепіано. Спеціалистами этотъ способъ считается лучшимъ для полученія чистоты и ясности каждой ноты. Мнѣ кажется, что это методичнѣе, слѣдовательно, легче, если не для

ученика, то для учителя, такъ какъ и при ученіи старой школы выходили піанисты съ замѣчательною чистотою исполненія каждой ноты (проф. Чези въ Петербургѣ).

Вообще же, всѣ преподаватели брали за образецъ Н. Г. Рубинштейна и сообразовались окончательно съ характеромъ его игры и пониманія. Тѣмъ не менѣе, подражательность эта была не такого рода, чтобы заглушить самостоятельность. Уже оставивъ Консерваторію, я слышалъ разсказъ о томъ, какъ выпускную піанистку сбивали всѣми возможными способами. Наконецъ, какъ будто въ видѣ шутки, одинъ изъ профессоровъ положилъ ноты вверхъ ногами: „разберите!“ Піанистка начала играть и по этимъ нотамъ. Не знаю, къ какому роду испытаній это отнести, такъ какъ вообще въ Консерваторіи учатъ играть безъ нотъ, на память; но разсказъ слышанъ мною отъ этой самой ученицы.

Возвращаясь къ вышесказанному, добавлю, что самъ Рубинштейнъ въ преподаваніе другихъ не мѣшался; не запомню, чтобы во весь годъ онъ зашелъ хоть разъ въ наши классы, а въ его классъ (слушать) ходили многіе профессора.

Въ началѣ мнѣ совѣтовалось играть не болѣе двухъ часовъ въ день; потомъ, постепенно увеличивая, полагалось играть все больше и больше. Для хорошаго піаниста считалось полезнымъ упражняться по семи часовъ ежедневно. Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ пришлось продолжать уроки музыки подъ руководствомъ двоюродной тетки, ученицы Контскаго (директора Варшавской Консерваторіи). Тамъ оказалась принятой нѣсколько иная система. Слѣдуя ей, тетка заставляла меня по цѣлымъ часамъ играть обѣими и преимущественно лѣвою рукою (какъ слабѣйшею) однѣ и тѣже упражненія или просто пять нотъ, чтобы пріучить руки не утомляться, сколько бы онѣ ни играли. Въ Московской Консерваторіи этотъ способъ считается вреднымъ, такъ какъ, говорятъ, ученикъ можетъ остаться совсѣмъ безъ пальцевъ; а напротивъ, утомившись, слѣдуетъ сейчасъ же дать рукамъ отдыхъ. Весьма вѣроятно, что при этомъ методѣ надо брать въ разсчетъ физическое сложеніе, возрастъ, силы ученика, и руки иной можетъ совсѣмъ погубить; но я, дѣйствительно, сначала уставалъ, потомъ пріучился играть часъ-два, наконецъ, достигъ того, что пальцы никогда не стали утомляться. Иной разъ, когда играешь много часовъ, случается, устаютъ не пальцы, а кисти или самыя руки; но и эти случаи рѣдки и бываютъ лишь при исполненіи продолжительное время неудобныхъ для прямолинейнаго, въ срединѣ фортепіано, положенія пьесъ, при игрѣ въ четыре руки и пр.

Для развитія музыкальнаго вкуса учениковъ мы имѣли право безплатнаго входа на собранія Русскаго Музыкальнаго Общества. Маленькіе мало цѣнили это позволеніе, какъ то я заключаю изъ слѣдующаго случая. Шелъ концертъ, гдѣ игралъ Ник. Гр. Пока онъ игралъ, мы слушали, но, конечно, не могли оцѣнить всю артистичность его игры. Во время антракта, компанія маленькихъ учениковъ, бѣгая по хорамъ Благороднаго Собранія, собрала въ курительной нѣсколько окурковъ. Когда антрактъ кончился и

всѣ усѣлись на мѣста, ожидая выхода кого-то, я, воспользовавшись отсутствіемъ на хорахъ большихъ, выпустилъ нѣсколько окурковъ внизъ. Произведенное этимъ смятеніе и ожиданіе, что и здѣсь, какъ въ Консерваторіи, явится Ник. Гр., чтобы расправиться съ нами, такъ насъ напугали, что мы опрометью бросились укрываться въ отдаленныя мѣста и долго изъ нихъ не выходили. И вообще въ концертахъ много насъ прогуливалось по боковымъ и среднимъ заламъ.

Очень памятенъ мнѣ одинъ концертъ, въ которомъ Ник. Гр. былъ предметомъ особыхъ овацій. Концертъ былъ данъ 7 Апрѣля 1874 г. въ пользу фонда для вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ Московскихъ музыкантовъ. Въ Москвѣ въ этотъ сезонъ пѣла Патти, и публика была избалована; тѣмъ не менѣе она биткомъ наполнила залы Собранія и не обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Сначала шла фантазія П. И. Чайковскаго для оркестра на комедію Шекспира „Буря". Это произведеніе молодого тогда композитора появилось тогда въ первый разъ и подъ управленіемъ Н. Г. произвело волшебное впечатлѣніе. Когда замеръ послѣдній звукъ смычка, Чайковскій бросился къ Ник. Гр. въ сильномъ волненіи и воскликнулъ: Ник. Гр., вы сдѣлали больше меня, вы выше всякаго генія! Вы богъ! Я только написалъ, а вы исполнили. Когда Ник. Гр. сошелъ съ эстрады, его окружили дамы. Одна изъ нихъ сказала:—Ник. Гр.! ваша „Буря" произвела бурю въ моемъ сердцѣ. Чѣмъ мнѣ теперь успокоиться? Я всю ночь не буду спать. Вѣроятно, волненія сердца у этой барыни были дѣйствительно бурныя и послужили потомъ причиною развода ея съ мужемъ; а Рубинштейнъ кажется, былъ приглашенъ въ качествѣ доктора-спеціалиста по душевнымъ болѣзнямъ. Въ этомъ отношеніи онъ могъ, дѣйствительно, похвастаться большою практикой.

Талантливая піанистка А. Есипова съ обычнымъ мастерствомъ сыграла фортепіанный концертъ Гензельта. И. В. Самаринъ продекламировалъ подъ акомпанементъ оркестра балладу Шумана. Съ кончиною Самарина упалъ этотъ прекрасный и благородный родъ исполненія, наслѣдіе самыхъ древнихъ вѣковъ исторіи. Упалъ и классъ декламаціи, которымъ онъ завѣдывалъ въ Консерваторіи и куда приходила послушать и помочь Г. Н. Ѳедотова, какъ при урокахъ, такъ и при репетированіи и исполненіи учениками на консерваторской сценѣ. И. А. Булдинъ спеціально учился у И. В. Самарина для приготовленія къ преподаванію, и послѣ его смерти ему дѣйствительно былъ порученъ классъ покойнаго. При всемъ уваженіи къ поистинѣ кипучей дѣятельности И. А. Булдина, мы не можемъ признать въ немъ таланта какъ исполненія, такъ и преподаванія. Онъ старался такъ много и такъ безуспѣшно, что имя Булдина приводило въ веселое настроеніе. Особенно любилъ подтрунивать надъ нимъ проф. Н. С. Звѣревъ, веселый и пріятный старикъ, умершій въ 1893 г., другъ и пріятель П. И. Чайковскаго, очень несчастливый на учениковъ...

Послѣднимъ номеромъ концерта была увертюра Мейербера къ трагедіи „Струензе". Послѣ нея Ник. Гр-ча не хотѣли выпустить. Дѣло въ томъ,

что образовалось двѣ компаніи, которыя хотѣли везти его ужинать: одна сулила ему домъ, другая состояла изъ профессоровъ Консерваторіи. Этотъ случай мнѣ памятенъ потому, что у матери моей пропала какая-то вещь, которую долженъ былъ разыскивать швейцаръ или прислуга. Итакъ мы поневолѣ остались до самаго позднягo разъѣзда и когда, наконецъ, все опустѣло, и мы, дѣлая розыски, бѣгали по заламъ и порядочно задержались въ прихожей, сверху все еще раздавались громкіе и веселые звуки хохота, шутокъ и разговора, производимые окружавшимъ Ник. Гр. обществомъ, которое, при всѣхъ стараніяхъ, до этой поры не могло подѣлить его между собою. Такъ я и не знаю, кто одолѣлъ.

Лучшимъ профессоромъ пѣнія въ Консерваторіи считалась въ мое время г-жа Александрова-Кочетова. Сценическою извѣстностью она обязана отличнымъ составомъ учениковъ и ученицъ, и счастіе имѣть въ первые же года въ своемъ классѣ лучшіе голоса создало ей педагогическую славу. Но съ хорошими голосами и славу пріобрѣсти не трудно. Это противорѣчитъ общему до сихъ поръ о г-жѣ Александровой въ обществѣ сужденію; но. зная хорошо многихъ ея учениковъ и ученицъ, мы не задумываемся утверждать, что выдающіеся голоса трудно испортить, если учитель имѣетъ опытность, и легко съ ними достигнуть хорошихъ результатовъ. За то намъ извѣстенъ цѣлый рядъ голосовъ, которые не получили въ ея преподаваніи правильнаго развитія. Голоса А. Святловской, Хохлова, Кадминой, Пусковой сдѣлали бы имя каждому учителю. Собственная ея дочь З. А. Кочетова поразила первоначально Москвичей феноменальною высотою своего голоса; но съ этимъ голосомъ столь мало было сдѣлано, что при исполненіи дочерью на сценѣ различныхъ трелей и фіоритуръ трудно было удержаться отъ смѣха: получалось впечатлѣніе мяукающей кошки. З. Кочетова поѣхала въ Италію, и тамъ исправили, насколько это оказалось возможнымъ, ея недостатки.

Сама г-жа Александрова пѣла на сценѣ до послѣдней возможности. Когда я слышалъ ее, она еще исполняла такія роли, какъ Антониды въ „Жизни за Царя“ и выступала въ концертахъ. И теперь помню ея голосъ, сухой и надтреснувшій, въ томъ концертѣ, гдѣ я шалилъ съ окурками; онъ произвелъ на меня столь непріятное впечатлѣніе, что я вздрогнулъ. Смѣялись и профессіональные любители музыки, а между тѣмъ ходили ее слушать. Анонсировала она собственный концертъ, и всѣ билеты разбирались. Любимый романсъ ея былъ „Бывало“, графа Вьельгорскаго, и знатоки сложили поговорку „Бывало, бывало... пѣвала“. Впрочемъ, это обыкновенная исторія, что публика идетъ на имя. Вмѣстѣ съ г-жею Александровой въ „Жизни за Царя“ партію Вани исполняла г-жа Оноре, тоже лѣтъ около 50-ти, совершенно уже безъ голоса, а между тѣмъ я видѣлъ, какъ ей подносили букеты Правда, что это нѣкогда тоже былъ замѣчательный голосъ. Въ позднѣйшее время мы имѣемъ такое же положеніе съ г-жею Лавровскою. Первое въ мірѣ бархатное контральто, она въ концѣ 80-хъ годовъ вздумала появиться на Московской сценѣ, не имѣя уже никакихъ нотъ, ни верхнихъ ни нижнихъ, ни среднихъ. По окончаніи сезона ей предложили мѣсто

профессора Московской Консерваторіи. Въ Январѣ 89) г. А. Г. Рубинштейнъ давалъ въ Москвѣ концертъ, въ немъ пѣла и г-жа Лавровская. Она объявила черезъ нѣсколько дней свой собственный концертъ, и всѣ билеты были разобраны Одновременно вывѣшены были объявленія о концертахъ пріѣхавшихъ изъ Петербурга пѣвицъ г-жъ Фриде и Мравиной: въ полной молодости и силѣ и, какъ Петержбурцы знають, дѣйствительно заслуживающія вниманія выдающіеся голоса молодыхъ пѣвицъ удостоились такого равнодушія публики, что первый концертъ пришлось отложить, а второй совсѣмъ не состоялся. А на завтра пріѣзжаютъ г. Тамберликъ или г. Ноденъ, и всѣ бѣгутъ слушать ихъ, и хлопаютъ, и говорятъ: „да, у нихъ сохранились остатки голоса", и никто не рѣшается признать, что его давно уже нѣтъ, что это та же исторія, что „Бывало-пѣвала", и что собственной оцѣнки у публики, даже столичной, долженствующей быть весьма музыкальною, нѣтъ вовсе.

Вся громадная опытность г-жи Александровой не исправляла главнаго недостатка ея преподаванія—ненаучности его.

Въ противоположность ей можно указать на бывшаго въ то время тоже профессоромъ пѣнія Д. Гальвани, нѣкогда тоже извѣстнаго пѣвца, въ 1889 году умершаго въ Италіи. Уже въ то время онъ былъ почти безъ голоса; тѣмъ не менѣе, слушая его, приходилось удивляться нѣжности и пріятности звука. Его уроки начинались съ анатоміи горла. Изучивши подробно строеніе горла и вліяніе разныхъ положеній его на звукъ голоса, ученикъ долженъ былъ, на основаніи этого изученія, практически пріучаться ставить горло, языкъ, зубы въ желаемое положеніе, умѣть владѣть своими звуковыми органами, какъ инструментами. Такую же важность онъ придавалъ физіологіи и гигіенѣ горла. Если бы Гальвани помѣнялся своими учениками съ г-жею Александровой, можетъ быть результаты вышли бы лучше... Но Гальвани, какъ и прочимъ профессоромъ пѣнія, рѣдко приходилось имѣть дѣло съ порядочными голосами: все шло къ г-жѣ Александровой, шло такъ много, что ея ученики и ученицы наполнили всѣ Русскія сцены. Впослѣдствіе уже, не задолго до выхода Гальвани изъ Консерваторіи, онъ началъ входить со своимъ методомъ въ нѣкоторую извѣстность, и изъ учившихся у него мы можемъ назвать г-жъ Климентову, Эйбоженко, г. Медвѣдева.

Что у насъ преподаватели пѣнія всѣ въ родѣ г-жи Александровой, это, кромѣ вышеупомянутаго примѣра ея собственной дочери, мы можемъ показать на цѣломъ рядѣ голосовъ, которые пропали бы у насъ, даже будучи вытащены на свѣтъ Божій г. Лентовскимъ въ „Эрмитажѣ". Такъ, тамъ пѣли: г-жа Енгалычева, отправившаяся въ Парижъ и ставшая тамъ знаменитою примадонною; г. Фигнеръ безъ Италіи былъ бы до сихъ поръ, вѣроятно, опереточный пѣвецъ, и мы лишились бы единственной нашей національной гордости; г. Усатовъ, кажется, хорошо извѣстный Москвичамъ; г. Черновъ (послѣ Италіи возвратившійся въ Петербургъ). Но погибли, т. е. не пошли дальше оперетки, такіе голоса, какъ г. Давыдова и г-жи Зориной.

Какъ примѣръ искусства пѣнія, покойный Гальвани приводилъ всегда г. Барцала. Почти безъ признаковъ, по мнѣнію Гальвани, настоящаго го-

лоса, г. Барцалъ поетъ всѣ партіи, и достаточно громко. Дать Барцалу голосъ—это было-бы чудо міра, говорилъ Гальвани. Я разъ нарочно взялъ билетъ на концертъ въ Славянскій Базаръ, чтобы провѣрить слова Гальвани поближе, и я дѣйствительно увидалъ (но за то промучился весь концертъ) всѣ усилія, которыя употреблялъ г. Барцалъ, чтобы пѣть; а между тѣмъ и въ тріо, и въ квартетѣ его голосъ даже покрывалъ остальные.

Какъ примѣръ голоса безъ воспитанія, можно указать на пѣвшаго нѣкогда въ Москвѣ г. Шакуло. По словамъ газетъ, стѣны обширнаго Московскаго Большаго театра, на сценѣ котораго трудно даже просто пѣть, чтобы было вездѣ слышно, небольшимъ голосомъ, потрясались отъ его возгласовъ, какъ отъ „рыканія дикаго льва"; но музыкальное впечатлѣніе получалось самое печальное....

Въ подкрѣпленіе высказанныхъ мнѣній ссылались на мнѣніе проф. Ѳ. П. Ландцерта, высказанное имъ, когда зашелъ разговоръ о голосѣ З. А. Кочетовой и приведенное потомъ въ одной изъ его лекцій. Говоря о человѣческомъ голосѣ, Ѳ. П. Ландцертъ указалъ на тотъ фактъ, что ни одинъ инструментъ не можетъ соперничать съ человѣческимъ голосомъ по богатству гармоніи тоновъ. Обыкновенный голосъ заключаетъ въ себѣ 2 октавы отъ упражненія развивается на $^1/_2$ октавы; феноменальные голоса обладаютъ 3-мя и даже болѣе октавами. Папскій пѣвецъ Фаринелли бралъ 3 октавы; Форстъ, датскій пѣвецъ, сестры Сессъ, Каталани владѣли $3^1/_2$ октавами. Интересный случай произошелъ съ г-жею Беккеръ въ Петербургѣ въ 1823 г. Спеціально для нея была написана арія съ нотой *la* третьей октавы. Когда она увидѣла, съ какою тревогою ожидаютъ этой ноты авторъ и другіе слушатели, то смутилась и вмѣсто *la* третьей взяла *do* четвертой октавы. Вслѣдствіе перемѣнъ, которыя претерпѣваетъ голосъ въ періодъ наступленія половой зрѣлости, важно совсѣмъ не пѣть въ это время и дать горлу полное спокойствіе. При всѣхъ болѣзняхъ горла обязательно слѣдуетъ молчать. Нѣтъ другого пути, какъ научнаго, для указанія правилъ постановки и сохраненія голоса, и еслибы учителя пѣнія обязывались держать экзаменъ по анатоміи и физіологіи горла, то не пропало бы многое количество голосовъ преждевременно. Если для пѣвца не важны, то для учителя положительно необходимы эти знанія; иначе онъ поставитъ голосъ невѣрно и въ лучшемъ случаѣ, если не сгубитъ его, то сдѣлаетъ исправленіе невозможнымъ.

Первый пѣвецъ, составившій прочную славу г-жѣ Александровой, былъ г. Хохловъ. Были ученики и ученицы у г-жи Александровой и раньше, но никто такъ скоро не вышелъ на сцену. Г. Хохловъ не былъ въ Консерваторіи и учился въ то время у г-жи Александровой на дому. Поучившись всего два года, онъ сталъ уже пѣть отвѣтственныя партіи. Такъ скоро ?Это геніальный профессоръ! крикнула публика и повалила къ учительницѣ.

Г-жа А. Святловская въ то время училась уже второй годъ. Она и г-жа Кадмина были единственныя ученицы, пробывшія четыре года въ Консерваторіи. Къ сожалѣнію, мы не могли удержать у себя г-жу Святлов-

скую, въ настоящее время единственное contralto и въ Россіи, и за границей, и она уѣхала, чтобы занять постоянное и почетное положеніе первой пѣвицы Лондона.

Кадмина была вполнѣ типъ взбалмошной, „буйной“ консерваторки. Курса она все-таки не кончила и ко времени моего поступленія пѣла на сценѣ. Въ Консерваторію она заходила часто и почти все время просиживала въ директорской. Правда, она всѣмъ своимъ воспитаніемъ всецѣло была обязана Ник. Григ... Меня она постоянно дразнила при встрѣчѣ. За это я разъ порядочно вцѣпился въ нее и руками, и зубами, такъ что она пошла жаловаться. Но, зная ее самое, какъ зачинщицу всякихъ шалостей на жалобу не обратили вниманія. Во всякомъ случаѣ, судьба обошлась съ нею очень жестоко, пославъ ей такой несчастный конецъ (какъ извѣстно она отравилась, вслѣдствіе разбитой сердечной исторіи, въ Харьковѣ).

Г-жа Пускова была феноменально-густой и обширный контральто. Въ концѣ втораго года она покинула Консерваторію и, послѣ учебнаго годичнаго (въ 1874 году) испытанія, отправилась пѣть въ Кіевъ.

И Кадмина и Пускова были замѣчательныя красавицы.

Не могу одобрительно отозваться о всемъ педагогическомъ составѣ Консерваторіи. Профессоръ Лаубъ (скрипка) былъ причиною выхода одной изъ лучшихъ ученицъ Ник. Гр-ча. Для акомпанимента ученикамъ его на скрипкѣ приглашались піанисты и піанистки разныхъ курсовъ. Лаубъ, разсердившись за что-то на акомпанирующую ученицу, обозвалъ ее „дурой“. Та обидѣлась и отказалась когда либо съ нимъ заниматься. Самъ Ник. Гр. не могъ заставить ее измѣнить это рѣшеніе. Лаубъ не захотѣлъ поступиться своимъ самолюбіемъ, и ученица должна была оставить Консерваторію.

Лаубъ умеръ вскорѣ послѣ моего поступленія. Онъ былъ очень толстый господинъ, съ большимъ брюшкомъ, небольшаго роста, съ толстыми пальцами, которыми онъ ухитрялся производить изумительные звуки на своемъ инструментѣ. Это была Европейская знаменитость.

Гальвани былъ хорошій профессоръ. Но онъ (вѣроятно какъ Итальянецъ по темпераменту) иногда на столько увлекался своими чувствами, что, не довольствуясь обыкновенными любезностями, порывался обнимать своихъ учениць, и при его возрастѣ это не всѣмъ было пріятно.

Я говорилъ уже о преподаваніи Л. Лангера. Прибавлю, что случай съ перевертываніемъ нотъ вверхъ ногами произошелъ вслѣдствіе злобнаго отношенія одного изъ профессоровъ, который желалъ какъ-нибудь если не сбить, то хоть сконфузить ученицу и что эта по виду шутка была только окончаніемъ цѣлаго ряда придирокъ, которымъ она подвергалась.

Извѣстный композиторъ В. Пасхаловъ окончилъ Консерваторію, но не получилъ диплома, такъ какъ въ сочиненіи, которое онъ долженъ былъ представить для полученія его, нашли какую-то ошибку. Ошибка касалась нѣсколькихъ тактовъ и не могла считаться за незнаніе. Тѣмъ не менѣе, ему было отказано въ выдачѣ какого бы то ни было свидѣтельства: про-

фессоръ не соглашался на аттестацію. Разъ у насъ, дома, зашла рѣчь о немъ. Сидѣло двое профессоровъ. Они признавали, что Пасхаловъ достоинъ диплома и что ошибка не стоитъ и $^1/_4$ бала. Но имъ невозможно уступить ученику... „Мы тогда ему предлагали чтобъ онъ только исправилъ и представилъ, а онъ не захотѣлъ. Пусть онъ теперь напишетъ, хоть для формы: мы ему сейчасъ выдадимъ свидѣтельство". Онъ ссылается, что теперь вы и могли бы взять какое-нибудь изъ его сочиненій, да и въ свидѣтельствѣ онъ не особенно нуждается. „Профессора обидѣлись". Ну, не велика важиость написать нѣсколько романсовъ. Чтобы писать романсы, не нужно особаго дарованія. „Однако, вѣдь вы и того не сдѣлали"... Но не говоря уже о романсахъ его, которые пріобрѣли всеобщую извѣстность, всѣ фортепіанныя вещи его чрезвычайно мелодичны (Свадебный маршъ, Баллада). Довольно долго Пасхаловъ писалъ фантастическую оперу, изъ которой, между прочимъ, готовый уже „Маршъ Чертей" была замѣчательно красивая вещь. Несчастныя семейныя обстоятельства и страсть къ алкоголю погубили сильное дарованіе. Онъ умеръ въ 1885 году въ Казани, какъ признано докторами, отъ сильнаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Торжественныя похороны его, описанныя во всѣхъ газетахъ, представляютъ обычную иронію Русской судьбы: при жизни онъ питался крохами, которыя бросала ему фирма Гутхейля, платя отъ 25—50 р. за романсъ. И эти крохи получались слѣдующимъ образомъ. Идетъ Пасхаловъ по знакомымъ и проситъ ихъ зайти какъ-нибудь къ Гутхейлю и спросить такое-то его произведеніе (еще лежащее въ портфелѣ автора). Послѣ десятка посѣтителей, является предложеніе отъ издателя, съ обычной, впрочемъ, торговлей.

Безпокойные профессора ссорились и съ Ник. Гр., и съ Консерваторіей. Такимъ образомъ произошелъ выходъ г.г. Шостаковскаго и Размадзе. Отдѣленіе г. Шостаковскаго оказалось благодѣтельнымъ для Москвы: она пріобрѣла Филармоническое Общество съ училищемъ; послѣднее не дало особенныхъ результатовъ, но первое явилось причиною устройства „Филармоничныхъ" собраній, т. е. концертовъ, въ противовѣсъ „Симфоническимъ" Русскаго музыкальнаго общества, и, надо сознаться, что послѣ Ник. Гр., съ упадкомъ Консерваторіи, побѣда осталась за филармонистами: они приглашали рядъ знаменитостей, которыхъ не имѣли симфонисты, обходившіеся, большою частью, собственными силами и со всѣми ссорившіеся. Такимъ образомъ они лишились (а съ ними и Москва) такого превосходнаго дирижера, какъ г. Эрмансдёрферъ.

Выходъ проф. Размадзе отозвался для Консерваторіи тѣмъ обстоятельствомъ, что она пріобрѣла въ газетахъ рецензента, постоянно стрѣляющаго въ нее изо всѣхъ угловъ. Но Консерваторія не потерялась; она выставила отъ себя тоже дѣятельнаго вояку: проф. Н. Кашкина, который, защищая свой лагерь, до того пересолилъ, что рецензіи его о бывшихъ ученикахъ Консерваторіи совершенно не имѣютъ никакого значенія для знающаго читателя; кромѣ чистаго сахара тамъ ничего не найдешь. И если ужъ онъ сдѣлаетъ замѣчаніе „о своихъ", значитъ дѣло дѣйствительно плохо. Не мѣ-

шаетъ тутъ вспомнить анекдотъ о Гете. Въ день своего рожденія онъ получилъ множество привѣтствій; но одинъ студентъ поднесъ ему стихотвореніе, которое заставило улыбнуться великаго поэта. „Ну, всѣ подносили куски сахару, а этотъ пустилъ въ меня прямо сахарницей“, сказалъ онъ Дурно то, что проф. Кашкинъ считается нѣкоторымъ въ музыкальномъ мірѣ авторитетомъ, а между тѣмъ привычка къ объективному отношенію въ немъ уже потеряна и къ несчастью, кажется, безвозвратно: такъ природа не допускаетъ долгаго извращенія ея безнаказанно.

Только одинъ П. И. Чайковскій, сколько я помню, никогда ни съ кѣмъ не ссорился. По своей мягкости, добротѣ и привлекательному внѣшнему виду, соотвѣтствовавшему этимъ качествамъ, онъ пользовался въ Консерваторіи всеобщею любовью, хотя имѣлъ дѣло только съ учениками старшихъ классовъ, преподавая имъ гармонію, учебникъ которой имъ написанный всѣмъ знакомъ.

Пользуясь его воспоминаніями и разсказомъ Рубинштейна, сообщу о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя послужили къ его знакомству съ Николаемъ Григорьевичемъ. Какъ извѣстно, по выходѣ изъ Училища Правовѣдѣнія, П. И. началъ посѣщать музыкальные классы Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества *), существовавшіе нѣкоторое время до открытія С.-Петербургской Консерваторіи. Въ 1862 году. Консерваторія открылась, и П. И. поступилъ въ нее на классъ контрапункта къ проф. Николаю Ивановичу Зарембѣ († 11 Апр. 1879 г.), который пользовался большою извѣстностью какъ музыкальный теоретикъ и педагогъ Въ это время Ник Гр. устраивалъ свою Консерваторію. Жалуясь въ письмѣ къ брату на различныя затрудненія, встрѣчаемыя въ офиціальныхъ сферахъ, онъ указывалъ между прочимъ на тотъ нынѣ архаическій случай, что покойный († 1871) А. Н. Сѣровъ, въ числѣ другихъ, хлопоталъ о публичной оваціи въ честь М И. Глинки, по случаю 25 лѣтія „Жизни за Царя“; но просителямъ было отказано, какъ гласитъ офиціальная бумага, „за неимѣніемъ примѣровъ“ такихъ овацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жаловался и на трудность подобрать себѣ помощниковъ, когда не соберешь „трехъ человѣкъ“, преданныхъ искусству и знающихъ свое дѣло. А у насъ совсѣмъ другое дѣло, отвѣчаетъ ему братъ. Пріѣзжай и посмотри. Онъ описалъ ему, насколько это возможно изъ третьихъ рукъ, вечеръ, какъ образчикъ художественно-музыкальнаго единенія и музыкальныхъ средствъ Петербурга.

Этотъ замѣчательный вечеръ состоялся 17 Октября 1864 г. у капельмейстера Русскаго опернаго театра К. Н. Лядова. Послѣдній, пригласивъ къ себѣ пріятелей, предупредилъ ихъ, что онъ ожидаетъ отъ каждаго какой нибудь доли участія въ музыкальныхъ развлеченіяхъ, въ которыхъ предполагалось провести время. Были: Венявскій, Пиккель, А. Рубинштейнъ, О. А. Петровъ, Васильевъ и пр. Вечеръ открылся октетомъ Гоhа. Когда торжественные звуки его умолкли, Венявскій взялся за скрипку, А. Рубинштейнъ

*) Основано въ 1859 году.

сѣлъ за фортепіано и проакомпанировалъ знаменитому виртуозу свою сонату. Послѣ этого слѣдовалъ вокальный номеръ: Никольскій, Кондратьевъ и Васильевъ исполнили извѣстный терцетъ изъ „Вильгельма Телля“. По исполненіи его послѣдовала настоящая буря: рукоплесканія и клики огласили комнаты Лядова и вызвали требованія Шампанскаго, несмотря на раннее время. Чтобы объяснить это, надо знать, что въ это время „Вильгельмъ Телль“ только-что былъ разрѣшенъ къ постановкѣ на сценѣ и разучивался къ бенефису Никольскаго. Разрѣшеніе это считалось побѣдою надъ рутиною и консерватизмомъ воззрѣній тогдашнихъ офиціальныхъ сферъ. Извѣстно, сколько оперъ шло у насъ подъ двойными и даже тройными названіями

На сценѣ Московскаго Апраксинскаго театра исполнялся „Моисей“ Россини. Моисея пѣлъ Този, главную женскую роль исполняла Анти. Послѣ нѣсколькихъ представленій, прошедшихъ благополучно и которыя никому вреда не принесли, опера вдругъ была запрещена. Владѣлецъ театра, С. С. Апраксинъ, поѣхалъ хлопотать, и вотъ Моисей появился снова на сценѣ, но уже подъ именемъ „Магомета“. А. С. Пушкину приписываютъ экспромтъ.

Нынѣ для Россіи всей
Не пригоденъ „Моисей“;
Съ разрѣшенья-жъ Филарета
Разыграютъ „Магомета“.

Затѣмъ несчастный „Магометъ“ вновь подвергся остракизму и появился уже подъ именемъ „Зора“. „Muette de Portici“ превратилась у насъ въ „Фенеллу“, а извѣстное дѣйствующее въ ней историческое лицо Мазаніелло приняло имя Фіорелло. „Сицилійскія вечерни“ Верди передѣланы въ „Іоганну ди Гусманъ“. „Робертъ-Дьяволъ“ данъ былъ только три раза подъ этимъ именемъ, а затѣмъ „Дьяволъ“ исчезъ съ афиши. Говорили, что императоръ Николай Павловичъ сказалъ пѣвицѣ Шелеховой, что этого потребовалъ митрополитъ. Мы, кажется, афишъ ему не посылали, нашлась возразить пѣвица. „Гугеноты“ получили названіе „Рауль и Валентина“, „Пророкъ“ имѣлъ сначала прозвище „Осада Гента“, а потомъ „Іоаннъ Лейденскій“. Впрочемъ, и за границею было не лучше: такъ, чтобы не оскорбить папы, одинъ изъ предшественниковъ котораго носилъ столь зловѣщее имя „Борджіа“, „Лукреція Борджіа“ давалась подъ именемъ „Луизы Фоска“.

Такимъ-то образомъ „Вильгельмъ Телль“ не только не былъ разрѣшенъ подъ своимъ названіемъ, но вообще признавался подлежащимъ цензурному запрещенію на томъ же основаніи какъ „Czaar und Zimmermann“, Лортцинга, опера, никогда у насъ не шедшая, несмотря на прелестную музыку, и „Псковитянка“ Римскаго-Корсакова. Наконецъ, говорятъ, послѣ обѣденнаго концерта во дворцѣ, при посѣщеніи короля Прусскаго, или другой высокой особы, Николай Павловичъ, въ знакъ особаго благоволенія къ пѣвцу О. А. Петрову, разрѣшилъ постановку „Вильгельма Телля“ въ Вѣнской передѣлкѣ, въ переводѣ Рафаила Зотова и подъ названіемъ „Карла Смѣлаго“.

Теперь же Вильгельмъ Телль долженъ былъ пойти подъ своимъ настоящимъ именемъ. Понятны поэтому тѣ возгласы и тотъ либерализмъ, внезапно обнаруженный лицами, совершенно посторонними соціалистическимъ ученіямъ, которые выказали гости почтеннаго К. Н. Лядова. Когда все стихло, однимъ изъ участвующихъ сказана была рѣчь, посвященная значенію этого торжества искусства.

Прерванная музыка возобновилась октетомъ Мендельсона. Венявскій исполнилъ въ немъ партію первой скрипки. Слушатели единогласно признали, что они никогда не чувствовали такого глубокаго впечатлѣнія, какъ при настоящимъ исполненіи. Васильевъ 1-й рискнулъ послѣ этого пропѣть арію изъ „Донъ-Жуана", которую онъ незадолго до этого долженъ былъ повторить на сценѣ нѣсколько разъ въ свой бенефисъ.

Вслѣдъ за этимъ послѣдовала проба инструмента, сдѣланнаго фирмою, которая тогда еще только пыталась вступить на то поприще извѣстности, которою она пользуется нынѣ: это былъ рояль Беккера. Послѣ исполненія сонаты Рубинштейномъ, единогласно признаны были достоинства фабрики, которая согласилась дать его на испытаніе. Послѣдовали оживленные разговоры, и вотъ (у артистовъ дѣло скоро дѣлается) составляется кружекъ, зовутъ К. Н. Лядова, и при наступившей тишинѣ маститый ветеранъ Русской оперы Петровъ сообщилъ, что присутствующіе здѣсь артисты и товарищи дорогого и симпатичнаго всѣмъ капельмейстера, сговорившись между собой, пріобрѣли настоящій инструментъ и просятъ К. Н. принять его отъ подносящихъ не какъ подарокъ, а въ знакъ признательности за доставленное удовольствіе и постоянную любовь и служеніе искусству, выражавшееся, между прочимъ, въ радушномъ всегда отношеніи ко всѣмъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣло. И ужинъ не обошелся безъ концерта. Публика потребовала вокальныхъ солистовъ.

— О. А.! Если вы такъ хорошо говорили, то, навѣрно, можете спѣть еще лучше, напали на Петрова. Отъ стола его увлекли къ роялю, и послѣдовала арія изъ „Фрейшюца : „Чтобъ мы были безъ вина". Воспользовавшись слѣдующею перемѣной, его заставили пропѣть еще „Близокъ ужъ часъ торжества моего" изъ „Руслана". Подали десертъ, и хозяинъ далъ знакъ откупоривать новыя бутылки Шампанскаго, намѣреваясь выпить за здоровье гостей; вмѣсто того, раздался тостъ: „за здоровье глубокоуважаемаго хозяина! Ура!" Сорокъ человѣкъ подхватили это послѣднее привѣтствіе, и домъ потрясся отъ избытка чувствъ Русскаго духа. Подъ вліяніемъ такого настроенія, всѣ присутствующіе составили хоръ и пропѣли извѣстный „Kataplan" (Гугеноты).

Вы думаете все? Нѣтъ. Въ заключеніе, когда еще гости не разошлись, А. Г. Рубинштейнъ сѣлъ за фортепіано, и раздались чудные звуки увертюры изъ „Эгмонта".

Конечно, Ник. Гр. соблазнился, получивъ такое письмо. Не смотря на множество занятій, онъ поѣхалъ въ Петербургъ и, вмѣстѣ съ братомъ, обошелъ классы Консерваторіи.—А вотъ нашъ будущій композиторъ, рекомен-

довалъ Ант. Гр., указывая на молодого ученика. П. И. Чайковскій вспыхнулъ и совершенно смутился.—Онъ у насъ пишетъ по заказу; послушай самъ, мы играемъ его произведенія, вновь поддержалъ Антонъ Григорьевичъ.

Въ слѣдующемъ 1865 году, въ Декабрѣ, когда бывали въ то время выпускные экзамены, Ник. Гр. пріѣхалъ снова и прослушалъ новое произведеніе Чайковскаго: на публичномъ актѣ была исполнена составлявшая экзаменную тему его кантата для соло, хора и оркестра, на текстъ Шиллера „Къ радости“.

Въ это время въ Петербургѣ славою перваго критика пользовался г. Раппопортъ. Чтобы понять, насколько основательно такое сужденіе, достаточно прочитать его рецензію на появившуюся тогда оперу Гуно „Фаустъ“. Разбирая подробно, въ длинной статьѣ новое произведеніе, критикъ не находилъ выраженій, достойныхъ для порицанія каждой строчки, чуть не каждой ноты музыки Гуно. Выраженія, переходящія въ брань, приличную только на улицѣ, сопровождали каждое сужденіе о столь „дикомъ произведеніи искусства“. Критикъ и удивлялся успѣху оперы въ Парижѣ, и бранилъ какъ композитора, такъ и слушателей, и выражалъ надежду, что Русская публика оцѣнитъ ее по достоинству. И публика, дѣйствительно, оцѣнила ее.

Этотъ-то г. Раппопортъ писалъ такъ: „Консерваторскій композиторъ, г. Чайковскій, совсѣмъ плохъ. Правда, что его сочиненіе (кантата) написано въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, по заказу, къ данному сроку, на данную тему. Но все-таки, еслибъ у него было дарованіе, то оно хоть гдѣ-нибудь порвало бы консерваторскія оковы. Чтобы не говорить много о г. Чайковскомъ, скажу только, что гг. Рейнталеры и Фолькманы несказанно-бъ обрадовались кантатѣ и воскликнули бы съ восторгомъ: „Нашего полку прибыло“. (Гг. Рейнталеръ и Фолькманъ считались образцами бездарности).

Въ отчетѣ о „Ромео и Джульетта“ Чайковскаго въ 1876 г. и даже въ изданіи 1886 г.: **Concerte, Composition und Virtuosen** (стр 175 и 196) извѣстный Вѣнскій критикъ Э. Ганслинъ съ отвращеніемъ и ироніей отзывается о сочиненіяхъ нашего композитора: вездѣ ему слышится запахъ сивухи, звуки кнута и визгъ ножа, которымъ скребутъ по тарелкѣ. Только въ 1890 г. онъ перемѣняетъ это мнѣніе.

Такъ-ли понялъ его Н. Рубинштейнъ? Немедленно, послѣ экзамена, онъ пригласилъ его профессоромъ теоріи композиціи, чѣмъ Чайковскій и занимался до 1879 г. До приглашенія, Ник. Гр. видѣлъ его всего четыре раза. Первый разъ знакомство было заочное, такъ какъ Ник Гр. пришлось увидать Чайковскаго, фигуру котораго ему указали знакомые, въ Павловскѣ, въ 1865 г., при исполненіи оркестромъ І. Штрауса „**Danses caractéristiques**“—перваго произведенія Чайковскаго, исполненнаго публично.

Пригласивъ П. И., Ник. Гр. сейчасъ же началъ пропагандировать его произведенія. 4 Марта 1866 г., въ своемъ концертѣ, Ник. Гр. объявилъ, что „будетъ исполняться въ первый разъ Концертная увертюра“ Чайковскаго (*f—dur*)“. Съ этого концерта должна считаться начавшеюся музыкальная извѣстность Чайковскаго, какъ композитора. Игралъ онъ самъ, сравнительно,

довольно плохо. Это доказывается тѣмъ, что не всегда онъ могъ сыграть собственныя произведенія.. Разъ случилось и такъ, что П. И. пришелъ къ Ник. Гр., прося его разыграть свое произведеніе, которое „у него никакъ не выходитъ". Наконецъ, еще я слышалъ, какъ онъ выразился о чемъ-то написанномъ, что „никакъ его одолѣть не можетъ. Это можетъ сыграть только Ник. Гр. Надо пойти его послушать, что̀ у меня выходитъ. Не надо заключать изъ этого, чтобы П. И. игралъ дурно: то, что́ ему было по силамъ, онъ исполнялъ замѣчательно и вкладывалъ въ исполненіе всю свою душу.

Когда же Чайковскій началъ писать свою первую оперу „Воевода", Ник. Гр. не давалъ ему покоя и, не дождавшись, пока она будетъ готова, взялъ у него танцы изъ нея и продирижировалъ ими Московской публикѣ въ Декабрѣ 1867 года. „Танцы" имѣли такой успѣхъ, что вошли въ постоянный репертуаръ концертовъ какъ Рубинштейна, такъ и другихъ артистовъ.

Не буду говорить о неудачѣ его поэмы „Фатумъ"; цѣлой оперы „Воевода" (1869 г.), непринятіи другой оперы „Ундины" и другихъ обстоятельствахъ, съ которыми я ознакомился позднѣе.

Я слышалъ только, что Ник. Гр. познакомилъ П. И. съ М. А. Балакиревымъ. Балакиревъ въ это время пріѣзжалъ въ Москву; онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ник. Гр., поселился въ Москвѣ недалеко отъ Консерваторіи и часто посѣщалъ, какъ ее, такъ и Ник. Гр. Не знаю, обязанъ ли онъ былъ успѣху своему въ Москвѣ въ то время собственнымъ достоинствамъ, или пользовался имъ, благодаря вліянію Ник. Гр.? Я склоненъ думать, что разсвѣтъ Русской національной музыки обязанъ во многомъ той жизни, которая тогда кипѣла въ Москвѣ. Она всегда, эта древняя столица, отличалась славянизмомъ, а тутъ наѣхали Славянскіе гости; вездѣ раздавалось „Сложно, сложно, братья мили , „Мы дружно на враговъ", „На прей" (Славянскій Сборникъ, изданный Крачемъ); съ послѣднихъ произведеній Даргомыжскаго перешли на корифеевъ новой музыки. О Балакиревѣ въ Москвѣ много говорили, исполнялись его произведенія; а онъ, познакомившись съ П. И., подружился съ нимъ, заставилъ его написать концертную увертюру къ Ромео и Джульеттѣ и, поставивъ ее въ Петербургѣ, доставилъ большой успѣхъ автору и въ этомъ городѣ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ 1874 году опера „Опричникъ" пошла уже въ Петербургѣ и была исполнена въ первый разъ 24 Апрѣля, съ оркестромъ подъ управленіемъ г. Направника.

А въ Москвѣ въ это время продолжало развиваться теченіе Русскихъ національныхъ силъ. Первымъ фортепіаннымъ произведеніемъ Чайковскаго (ор. 1) было Scherzo à la russe и Impromptu (1872); первая симфонія—„Зимнія Грезы". Отъ „Чухонской фантазіи" переходили къ „Славянской тарантеллѣ", для игры съ тѣми, кто совсѣмъ не умѣетъ играть въ 4 руки, А. С. Доргомыжскаго, пользовавшейся, вѣроятно, благодаря этому послѣднему условію, большимъ распространеніемъ. Чайковскій написалъ „Снѣгурочку" (1873), а вновь появившаяся „Псковитянка", Римскаго-Корсакова

бралась на расхватъ: ее играли на всѣхъ инструментахъ и пѣли на всѣ голоса. Особеннымъ успѣхомъ пользовались хоръ дѣвушекъ и вѣче, за которое она и была запрещена къ исполненію. У насъ, дома, ее пропагандировалъ В. Пасхаловъ. Онъ принесъ ея фортепіанную партію, затѣмъ партитуру для пѣнія, и вотъ громадная зала директорской квартиры военнаго учебнаго заведенія огласилась кликами буйнаго Новгородскаго вѣча. Мы всѣ были музыканты, и половина нашего семейства вышла артистами. Даже дѣдъ, и тотъ игралъ самоучкою и сочинилъ какую-то польку для фортепіано. Дяди, которые и не умѣли играть, брали „Фауста“ или „Гугенотовъ“ и, играя двумя пальцами одну строчку, заставляли меня акомпанировать имъ другой Одна изъ тетокъ (А. В. Святловская) въ это время училась въ Консерваторіи, другая выступила на сценѣ впослѣдствіи; мать же, какъ ученица Дора по фортепіано и пѣвица впослѣдствіи (перейдя отъ Александровой къ Гальвани), извѣстна по своимъ вокальнымъ и инструментальнымъ концертамъ.

Пасхаловъ часто приходилъ къ намъ, приносилъ какія-нибудь ноты въ 4 руки, и игралъ ихъ съ моею матерью. Затѣмъ слѣдовали дальнѣйшіе №№. Иногда устраивались большіе вечера, и исполненіе затягивалось надолго послѣ ужина. Такъ, я помню, что разъ на такомъ вечерѣ, изъ шутки, дяди напоили меня Шампанскимъ, заставивъ выпить маленькаго мальчика цѣлую бутылку. Пьянымъ меня сдѣлать, однако, не удалось. Я забрался подъ фортепіано, гдѣ въ это время шло исполненіе сонаты Бетховена въ 4 руки, и преспокойно заснулъ. Проспалъ я и декламацію, которая тогда была въ модѣ, какъ я уже упоминалъ, и мать моя, готовясь къ сценѣ, выучила, подъ руководствомъ Г. Н. Федотовой, „Бѣдную Невѣсту“ Мея, и получила за нее отъ знаменитой артистки одобреніе. Проснулся же я, когда раздались вокальные №№ моей тетки и ея товарокъ.

Не могу не упомянуть, что та же клика, которая способствовала удаленію А. В. Святловской съ Московской сцены, смела и всѣхъ ея подругъ. Предлоги для этого выискивались удивительные Такъ, ратуя противъ г-жи Климентовой, воспользовались парадньмъ спектаклемъ въ честь Персидскаго шаха. Многіе, не только артисты, но и артистки, имѣютъ привычку (положимъ дурную), поддерживать свой голосъ предъ выходомъ на сцену извѣстною дозой спиртныхъ напитковъ, преимущественно коньяку Г-жа Климентова, дѣйствительно, злоупотребляла этимъ послѣднимъ напиткомъ, но вредъ былъ болѣе для нея самой. Однако, злые языки доложили, что она выпила цѣлую бутылку и была до того пьяна, что качалась, и это замѣтили въ ложѣ шаха. Сколько мнѣ извѣстно, чувствуя большую слабость, г-жа Климентова, правда, выпила довольно большую долю, но шаталась я думаю, отъ болѣзни, а не отъ алкоголя.

Подъ тѣмъ же предлогомъ удалили Д. Лазареву. Наконецъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, оставила сцену г-жа Коровина, предпочтя семейную жизнь.

Если и въ настоящее время пѣвцы не свободны отъ увлеченій, то тогда нѣкоторые позволяли себѣ выходящій изъ ряда вонъ разгулъ. Такъ,

на одномъ спектаклѣ, гдѣ я въ первый разъ видѣлъ „Аскольдову Могилу“, предъ аріей „Незнакомца“, произошло смятеніе: въ театрѣ не оказалось г. * * * который, вѣроятно въ антрактѣ, сбѣжалъ въ одинъ изъ ближайшихъ трактировъ. Пока посылали и, къ счастью, отыскали пѣвца, публика ждала. Въ другой разъ „Жизнь за Царя“ окончилась безъ послѣдняго акта. Тутъ уже виноватымъ оказался г. * * *, который сталъ ползать по сценѣ на четверенкахъ...

Пасхаловъ такъ былъ восхищенъ совмѣстною и отдѣльною игрой моей матери и особенно исполненіемъ Бетховена, что поднесъ ей сонаты этого композитора, съ надписью: „Н Г. А—й, полковницѣ моей души, на память отъ В. Н. Пасхалова“. Онъ постоянно игралъ у насъ свои новыя произведенія, а при устраивавшихся спектакляхъ (на сценѣ въ зданіи Красныхъ казармъ) аранжировалъ, въ случаѣ необходимости, партіи пѣнія.

Возвращаясь къ г. Чайковскому, укажу, что онъ, въ противоположность другимъ „злостнымъ“ профессорамъ, чрезвычайно снисходительно относился къ ученикамъ и помогалъ имъ всевозможными способами. Между прочимъ, его стараніямъ обязанъ окончаніемъ курса г. Бойцъ. Въ мое время онъ постоянно шатался по всѣмъ корридоромъ, переходя для испытанія отъ одного профессора къ другому. Онъ былъ изъ Евреевъ, и потому предполагали у него способности къ музыкѣ (извѣстно, что и Ник. Гр. принадлежалъ къ этой же расѣ, хотя родился въ Бессарабской деревушкѣ, отъ купца, впослѣдствіи владѣтеля сургучной фабрики въ Москвѣ). Голосъ у Бойца, дѣйствительно, былъ недурной, но писквлый, и сомнѣвались иногда, откуда исходятъ такіе звуки. И опять посылали его на пробу изъ Консерваторіи въ театръ, и маленькій, черненькій и прилизанный г. Бойцъ покорно шелъ на новое странствіе. Изучивъ страницы элементарной теоріи музыки безъ помощи учебника (кажется, тогда еще не было руководства Н. Д. Кашкина), онъ застрялъ на гармоніи. П. И. Чайковскій не только далъ ему возможность получить дипломъ, но и устроилъ его въ провинціи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, потерявъ ангажементъ, г. Бойцъ явился опять за помощью къ Чайковскому. Этотъ эпизодъ описывается въ одномъ изъ помѣщенныхъ въ печати воспоминаній такъ. (прошу извиненія у читателей за характерную вставку, но что эпизодъ вѣренъ подтверждаю, такъ какъ слышалъ разсказъ объ этомъ немедленно послѣ испытанія отъ одного изъ присутствовавшихъ).

Однажды, въ эпоху директорства А. Н. Островскаго, Большой театръ страдалъ особенно тяжелымъ безтеноръемъ. Д. А. Усатовъ, который тогда, одинъ-одинешенекъ, держалъ репертуаръ, потребовалъ прибавки жалованья. Ему отказали, но онъ стоялъ на своемъ. Дирекція желала замѣнить его, да было не кѣмъ. Островскій обратился къ Чайковскому за рекомендаціей, кого бы взять. Чайковскій обѣщаетъ прислать на пробу тенора, самыми заманчивыми красками рисуя его достоинства. Островскій въ восторгѣ и съ Усатовымъ, непреклоннымъ въ своемъ требованіи, важенъ и гордъ. Проба-Теноръ, едва запѣлъ, привелъ всѣхъ въ ужасъ.—И откуда только взялся такой? недоумѣваетъ Островскій. Оказывается: это—г. Байцъ, когда-то, дѣй-

ствительно, довольно порядочный провинціальный тенорокъ, но уже нѣсколько лѣтъ не находившій себѣ ангажемента, за потерею голосовыхъ средствъ, имѣвшею послѣдствіемъ разстройство нервной системы и умственныхъ способностей бѣднаго артиста. Теперь онъ уже въ могилѣ.

Островскій сдѣлалъ Чайковскому легкую сцену: - Батюшка! Что же вы изъ меня дурака-то строите? Кого вы мнѣ рекомендовали?! — Ахъ, Александръ Николаевичъ, — возразилъ добросердечный Петръ Ильичъ, чуть не со слезами, — что же мнѣ было дѣлать? Вы только посмотрите, какой онъ жалкій. .

Извѣстность Чайковскаго простиралась, не смотря на Вѣнскихъ критиковъ, далеко за границею, и въ самой Австріи. Въ началѣ 90-хъ годовъ, играя въ курзалѣ Гаштейна произведенія Чайковскаго, я нашелъ массу слушателей изъ всѣхъ концовъ Европы, которые всѣ, оказалось, знакомы съ нашимъ композиторомъ, и очень близко, и въ дальнихъ уголкахъ Тироля, и въ Альпійскихъ деревушкахъ; оказывается, гдѣ только есть инструментъ, тамъ знаютъ и Чайковскаго. Я ранѣе думалъ, что извѣстность его болѣе касается высшихъ, образованныхъ круговъ, но послѣ того увидѣлъ, что торжественное поднесеніе ему рѣдкаго диплома доктора Оксфордскаго университета было дѣломъ прочно-обоснованной извѣстности.

Славянскій духъ поддерживался тогда бывшимъ въ полномъ расцвѣтѣ своего голоса Д. А. Славянскимъ, который выступалъ въ „Славянскомъ базарѣ“ и другихъ мѣстахъ со своею знаменитой капеллой.

На Итальянской же сценѣ шло соперничество Патти и Нильсонъ. Сравненіе двухъ знаменитыхъ пѣвицъ было сдѣлано, по условію, пробою ихъ въ теченіе нѣсколькихъ разъ оперою „Фаустъ“. И несмотря на то, что это лучшая и коронная роль г-жи Христины Нильсонъ, и что въ сценическомъ отношеніи ей нѣтъ соперницъ въ созданіи поэтическаго образа Гретхенъ, Патти побѣдила на поприщѣ вокальнаго состязанія. Нильсонъ не вынесла пораженія и уѣхала изъ Москвы, чтобы никогда въ нее не возвращаться.

Да, хорошее время тогда было въ Москвѣ для музыки. И если Русская опера была до 70-хъ годовъ въ загонѣ и начала пробуждаться только съ этого времени, то виною этого были дѣйствительныя достоинства Итальянской труппы, кромѣ Патти и Нильсонъ, заключавшей въ себѣ г-жъ Арто, Фричи, Лунну, Бьянку, г.г. Станьо, Марини, Николини, Нери-Баральди, Багаджіоло, Кальцолари, Стеллера и многихъ другихъ, которыхъ я не слышалъ или безъ афишъ не припомню.

Кончая настоящія воспоминанія, не могу не обратиться съ душевнымъ прискорбіемъ къ тому трагическому моменту въ жизни музыкальной Москвы, когда умеръ Ник. Гр.... Я пишу не біографію, а воспоминанія, а потому долженъ опустить или вкратцѣ упомянуть о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя всѣмъ извѣстны и большею частью появлялись уже въ печати. Что Ник. Гр. уѣхалъ изъ Москвы лѣчиться, это всѣмъ было извѣстно. Говорили, что у него серьезная болѣзнь, но что доктора не нашли ничего особеннаго, и полагали, что воды, климатъ и Парижскіе доктора помогутъ ему,

и мы увидимъ его осенью. 28 Февраля, вечеромъ, провожать Ник. Гр., уѣзжавшаго съ С. М. Третьяковымъ на вокзалъ, собралось только нѣсколько человѣкъ-профессоровъ и учениковъ, которые ближе стояли къ покойному. Въ Вильнѣ, какъ извѣстно, получивъ извѣстіе о печальномъ событіи 1 Марта, С. М. Третьяковъ оставилъ Ник. Гр. и уѣхалъ въ Петербургъ. Ник. Григ., прибывъ въ Парижъ, сейчасъ-же слегъ въ постель, и приглашенные доктора единогласно констатировали туберкулезное пораженіе кишечныхъ путей безусловно неизлѣчимымъ Въ Москву хотя проникли объ этомъ слухи, но подъ вліяніемъ извѣстій о томъ, что Ник. Гр. самъ чувствуетъ себя хорошо, Москвичи не очень безпокоились. И вдругъ, въ одинъ день (кризисъ и агонія продолжались съ 10 до 3 часовъ), все было кончено, такъ что даже братъ, спѣшившій изъ Испаніи, не засталъ уже Ник. Гр. въ живыхъ.

Какъ громомъ были поражены Москвичи этою печальною вѣстью, и если она прошла не столь замѣтною въ исторіи внѣшней жизни Москвы, то причиною этого было поглотившее всѣхъ событіе 1-го Марта.

Вечеромъ 24 числа пріѣзжаетъ къ намъ одна изъ ученицъ покойнаго.

— Вы слышали?—Какъ же... — Телеграмма, завтра привозятъ тѣло — Когда?—Въ 9 часовъ.—Вы будете?—Конечно.

Съ утра поднялась сильная мятель со снѣгомъ, вовсе не соотвѣтствовавшая дню Благовѣщенья. Вмѣсто 9 часовъ поѣздъ прибылъ къ часу. Собралась такая толпа народу, что протѣсниться было рѣшительно некуда. На гробъ было положено что-то около шестидесяти вѣнковъ. Но многимъ вовсе не удалось добраться до него, а между тѣмъ въ два часа выступила процессія. За пѣвчими и духовенствомъ шло 43 депутаціи, принесшихъ вѣнки; на первомъ планѣ нужно поставить тѣхъ, которымъ покойный такъ много помогалъ при жизни, а именно: отъ Московской Консерваторіи, музыкальныхъ и другихъ обществъ, студентовъ, театровъ, оперной труппы и наконецъ отъ всего „города Москвы“... Профессора Консерваторіи, перенесшіе гробъ на бѣлый съ золотомъ катафалкъ, шли за депутаціями. Процессія направилась къ Консерваторіи, которая вся обрядилась въ трауръ. Колонны и ворота всѣ были завернуты въ бѣлые и черные флаги. Послѣ литіи тѣло отъ Консерваторіи было перенесено въ университетскую церковь. Покойный такъ много и такъ часто помогалъ студентамъ, что его любили тамъ не менѣе, чѣмъ въ Консерваторіи. Между прочимъ, по его иниціативѣ устроились университетскій оркестръ и студенческій хоръ. Послѣдній особенно процвѣтаетъ и до сихъ поръ (г. Кленовскій). Въ 4 часа, когда процессія достигла университета, ученики Консерваторіи внесли гробъ. Опять литія и послѣ нея панихида, отслуженная соборнѣ. Мы не упоминаемъ о томъ, что Антонъ Григорьевичъ безотлучно находился при тѣлѣ брата. За то отмѣтимъ тотъ фактъ, что одинъ изъ бывшихъ учениковъ Консерваторіи, обязанный Ник. Гр. тѣмъ, что по его настояніямъ былъ высѣченъ дома, все время шелъ за гробомъ его съ непокрытой головой, несмотря на снѣгъ и мятель.

Въ университетской церкви вокругъ гроба составился почетный караулъ. Газеты отмѣтили это явленіе такъ: „много дамъ въ глубокомъ траурѣ остались у гроба до всенощной, послѣ которой до поздней ночи многіе пріѣзжали въ церковь поклониться усопшему". Изъ этихъ дамъ многія были очень близки къ Ник Гр., другія питали къ нему платоническія чувства, еле рѣшаясь касаться его мертваго, безжизненнаго тѣла и смотря на него, какъ на кога, какъ на мечту, которая отлетѣла...

На похоронахъ его желающихъ проводить останки его до Данилова монастыря набралось еще больше, и если на улицахъ появилось и не особенно много народу, то это потому, что кто могъ, нанялъ извозчика и отправился прямо въ Замоскворѣчье, разсчитывая по опыту, что иначе опять не будетъ подпущенъ близко къ гробу.

Трудно описать, какимъ вліяніемъ на окружающихъ пользовался Ник. Гр. Часто приходили къ нему неизвѣстные ему поклонники и просили сыграть какую-нибудь вещь, совсѣмъ ему незнакомую.

— Да вѣдь я ея совсѣмъ не знаю. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, разыграть ее.

Вамъ, Ник. Гр.? Зачѣмъ же учить? Вы и такъ сыграете.

Такъ однмъ разъ при насъ съ подобною просьбою обратились къ нему, принеся Fantaisie или Concertstücke, не помню чей.

— Нѣтъ, мои милыя, этого нельзя сразу сыграть и мнѣ, улыбаясь сказалъ Ник. Гр. и снялъ ноты съ пюпитра.

Но вѣра, что для него не было ничего невозможнаго, не умалялась. Благодаря этой вѣрѣ, этому вліянію, а также энергіи, генію и музыкальнымъ способностямъ Ник. Гр, образовался тотъ оркестръ, подобный которому едва-ли будетъ когда либо въ Москвѣ. Недаромъ симфоническіе вечера пріобрѣли при немъ такую славу, что даже изъ-за Москвы рѣки начали ѣздить на нихъ, какъ въ театръ (многіе впрочемъ, ничего не понимали и зѣвали по сторонамъ) Посадите первоклассныхъ артистовъ, поставьте лучшаго дирижера, дайте имъ великолѣпные инструменты, но такой дисциплины вы нигдѣ не пріобрѣтете. Ник. Гр. обращался съ оркестромъ, какъ со своимъ тѣломъ, и какъ ему не измѣнялъ никогда ни одинъ изъ его членовъ такъ и въ ведомомъ имъ оркестрѣ каждый человѣкъ былъ живымъ клавишемъ, которые онъ могъ нажимать каждый отдѣльно или всѣ вмѣстѣ, какъ и когда ему захочется...

В. А.

Съ 1-го СЕНТЯБРЯ 1896-го года,

въ г. НЬЮ-ІОРКѢ Сѣверо-Восточной Америки издается

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ
„ПРАВОСЛАВНЫЙ АМЕРИКАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(Органъ Православной Американской Миссіи).

Болѣе важныя и существенныя статьи печатаются въ два текста, Русскій и Англійскій, параллельно.

Журналъ выходитъ дважды въ мѣсяцъ, каждаго 1-го и 15-го числа.

Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ три доллара, въ Россію шесть (6) рублей, съ пересылкой.

Подписка принимается—въ Америкѣ:

AMERIKA NEW YORK, CITY, 323 SEKOND AVENUE, REVEREND ALEXANDER HOTOVITZKY.

Въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція «Церковнаго Вѣстника» для перевода въ Нью-Іоркъ.

Статьи и корреспонденціи направлять исключительно по первому адресу.

Редакція «Православнаго Американскаго Вѣстника» твердо убѣждена, что сочувствіе лицъ, которымъ близки интересы Русскаго православнаго дѣла вообще, облегчитъ тѣ исключительныя трудности, съ которыми неизбѣжно сопряжено изданіе Русскаго журнала за границей, подаритъ ей читателей и сотрудниковъ и позволитъ, такимъ образомъ, постепенно расширять программу журнала и тѣмъ самымъ возводить дѣло отъ малаго къ большему.

Редакторъ, настоятель Русской церкви въ г. Нью-Іоркѣ.

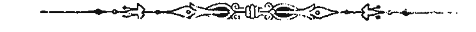
Священникъ А. **Хотовицкій.**

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

12.



„РУССКІЙ АРХИВЪ" БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1898 г.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1897.

Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1894 годъ. СПБ. 1897. большая 8-ка, IV, 190, 29, 12 и 360 стр.

Отчеты Императорской Публичной Библіотеки суть цѣнные вклады въ исторію Русскаго просвѣщенія, археологіи и библіографіи. Недавно вышедшій отчетъ за 1894 годъ начинается прекрасными, прочувствованными страницами о милостивомъ вниманіи, которое оказывалъ библіотекѣ покойный Государь Александръ Александровичъ. Онъ сознавалъ важное образовательное значеніе книгохранилищъ, открытыхъ для общаго пользованія, и особенно такого, какъ Императорская Публичная Библіотека, помѣщающаяся въ самомъ оживленномъ мѣстѣ столицы и посѣщаемая ежедневно сотнями юношей, тружениками пера и вообще людьми любознательными. Неоднократно изволилъ Онъ выражать мысль о перемѣщеніи Библіотеки въ зданіе Михаиловскаго Инженернаго Замка (тоже мѣсто центральное), въ пожарномъ отношеніи болѣе безопасное, чѣмъ нынѣшнее помѣщеніе и имѣющее возможность расширяться новыми пристройками. Это предположеніе почему-то не могли исполниться, и Государь приказалъ отпустить деньги на расширеніе нынѣшняго зданія Библіотеки, въ которую, въ кратковременное Его царствованіе, поступило отъ Него нѣсколько значительныхъ даровъ книгами и рукописями.

Содержаніе Библіотеки обходилось въ 1894 году въ 104 тысячи рублей, а читало въ ней 13.267 человѣкъ. Умственнаго занятія тутъ, пожалуй, больше, чѣмъ въ иномъ университетѣ. Любезность и предупредительность библіотекарей, продолжительность времени пользованія, разнообразіе въ содержаніи книгъ дѣлаютъ Императорскую Публичную Библіотеку такимъ мѣстомъ, къ которому съ сочувствіемъ и благодарностью относится всякій образованный Русскій человѣкъ.

Бóльшую часть нынѣшняго отчета составляетъ Каталогъ рукописей Ѳ. И. Буслаева, пріобрѣтенныхъ отъ него Библіотекою за 4 т. р., которые пожаловалъ покойный Государь. Это трудъ И. А. Бычкова, столь же добросовѣстный, какъ и всѣ другія работы его. П. Б.

Московскій Румянцовскій и Публичный музеи. Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцова, 3 Апрѣля 1897. Москва. 1897. 4°. IV, 75 и LL стр. съ гербомъ графовъ Румянцовыхъ, его рѣдкимъ портретомъ и десятью превосходно исполненными фототипіями.

Изящно изданная книжка эта полна содержанія съ первой до послѣдней страницы своей. Ее читаешь съ признательностію къ новому директору Музеевъ, гдѣ все какъ бы ожило послѣ долголѣтняго застоя. Въ статьѣ С. П. Долгова—весьма дѣльный очеркъ жизни графа Н. П. Румянцова. Народовѣдѣніе Россіи обогащено статьею В. Ѳ. Миллера о пожертвованныхъ въ Музей П. П. Шимкевичемъ предметахъ быта Тунгузскаго племени. Москвичи должны быть особенно благодарны молодому ученому Н. А. Янчуку за его статью о домѣ Музеевъ и объ исторіи той мѣстности, гдѣ высится и красуется это прекрасное зданіе. Замѣтимъ, что зодчій его, знаменитый Баженовъ, едва ли могъ быть ученикомъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Даровитый авторъ съ любовью указываетъ на связь Московскаго Университета съ Музеями. Можно надѣяться, что плодотворная связь эта будетъ крѣпнуть при новомъ управленіи Музеевъ, ко взаимной поддержкѣ и преуспѣянію. Пожелаемъ драгоцѣнному образовательному учрежденію умноженія средствъ, полной описи его сокровищъ, перемѣщенія въ другое мѣсто этнографическихъ куколъ (дабы могла возобновиться прекрасная главная зала), наконецъ очистки и болѣе строгаго подбора въ портретномъ собраніи. П. Б.

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ЛУКЬЯНОВНА СТРѢШНЕВЫХЪ.

Вторая супруга царя Михаила Ѳеодоровича.

(Посвящается матери моей Ольгѣ Васильевнѣ Васильчиковой).

Женственно-царскій обликъ Царицы Евдокіи Лукьяновны величаво возстаетъ на фонѣ Исторіи, окруженный тройнымъ ореоломъ: величія, красоты и благочестія.

Она выдѣляется ярче, жизненнѣе другихъ царицъ. О ней сохранилось болѣе подробностей, до насъ дошло изображеніе ея прекраснаго лица, мы знаемъ на перечетъ ея дорогія ферязи и шубки; шествуемъ вслѣдъ за нею на ея частыя богомолья, участвуемъ въ ея радости при рожденіи дѣтей, слышимъ ея горе при ихъ кончинѣ, и имя ея уже не дѣйствуетъ на насъ однимъ только звуковымъ впечатлѣніемъ, а будитъ въ насъ понятіе о комъ-то извѣстномъ и любимомъ.

Царица Евдокія счастлива: ее не только возлюбилъ молодой царь и почитали современники, но и послѣдующія поколѣнія сохранили къ ней благоговѣйную память. Народная фантазія избрала ее излюбленной своей героиней, вслѣдствіе чего легенды обаятельнымъ кругомъ обступили царицу и придаютъ ей болѣе яркія и плѣнительныя черты. Преданія эти, если и не представляютъ дословной точности въ рѣчахъ и подробностяхъ, рисуютъ намъ ее по крайней мѣрѣ такой, какою она являлась современникамъ и потому драгоцѣнны, какъ вѣрная оцѣнка ея личности. Впрочемъ легендой украшается только ея избраніе и идеализируется личность ея отца; всѣ же остальныя подробности о царицѣ незыблимо покоятся на архивныхъ документахъ и несчетнымъ сокровищемъ собраны въ книгахъ И. Е. Забѣлина о бытѣ Русскихъ царей и царицъ и въ *Дополненіяхъ* къ Дворцовымъ Разряднымъ Книгамъ.

Стрѣшневы принадлежали къ старымъ дворянскимъ служилымъ родамъ и прославились извѣстностью нѣкоторыхъ своихъ членовъ, еще до избранія въ царицы Евдокіи Лукьяновны. Родоначальникъ ихъ

Дмитрій Яковлевичъ былъ воеводою въ Полоцкѣ и выѣхалъ изъ Польши въ Россію при Іоаннѣ III (Домъ Романовыхъ; Фридебурга). Въ 1543 г. одинъ изъ Стрѣшневыхъ Филиппъ былъ посланъ дьякомъ въ Великіе Луки для переговоровъ о мирѣ съ Польскими послами, а въ 1549 г. ему поручили при сдачѣ Ревеля описать и принять весь воинскій снарядъ, находившійся въ городѣ (Родословная кн. Долгорукова, 411). Сынъ его Иванъ Филипповичъ былъ дворцовымъ дьякомъ при Іоаннѣ Грозномъ; правнукъ его „*Иванъ большій Филипповичъ*“ думнымъ дворяниномъ при царѣ Шуйскомъ и въ междуцарствіе. Въ 1613 году мы видимъ родного дядю царицы *Ѳедора Степановича* выборнымъ отъ города Мещевска на Земскомъ Соборѣ, для избранія въ цари Михаила Ѳеодоровича; въ 1615, 1616 и 1617 годахъ онъ былъ воеводою въ Лихвинѣ (Л. С. Стрѣшневъ, арх. Леонида стр. 12, Разрядная книга т. I, 78, 189), гдѣ въ 1616 г. мужественно отсидѣлся отъ Лисовскаго. «Сентября во 2-й день за часъ до свѣта пришли къ Лихвину Лисовской съ Литовскими людьми и къ Лихвину приступили жестокими приступы всѣми людьми; и онъ Ѳедоръ, прося у Бога милости, въ Лихвинѣ въ маломъ острожкѣ (крѣпости)... съ Литовскими людьми бился съ утра и до седьмаго часа дня. Божіею милостью и государевымъ счастьемъ отъ Литовскихъ людей въ маломъ острожкѣ отсидѣлись и Литовскихъ людей на приступахъ многихъ побили и переранили». За эту службу дана ему прибавка въ помѣстномъ окладѣ 100 четей (четь размѣръ земли тогдашній) и въ жалованьѣ 18 рублей. Но Ѳедоръ Степановичъ Стрѣшневъ остался недоволенъ этой наградой и билъ челомъ Государю о пожалованіи ему на ряду съ прочими воеводами шубой да кубкомъ, и царь, выслушавъ его выпись, за прежнюю его Лихвинскую службу велѣлъ ему придать «помѣстья 100 четвертей, денегъ изъ четверти 25 рублей, да съ казеннаго двора жалованья дать: отласъ золотой въ 50 рублей, да 40 соболей въ 60 рублей (Л. С. Стрѣшневъ, арх. Леонида, стр. 13—14). Братъ его *Сергѣй Степановичъ* былъ въ 1615 году воеводою въ Алексинѣ, а въ 1618 году замѣщенъ въ этомъ городѣ братомъ Иваномъ, самъ же переведенъ въ Воронежъ. Двоюродные братья ихъ: *Иванъ Филипповичъ* въ 1606 г. былъ думнымъ дворяниномъ, а въ 1609 г. Устюжскимъ воеводою (Историческіе Акты, т. II, стр. 160, другой *Василій Ивановичъ* былъ въ 1617 году спальникомъ Государя и пожалованъ имъ въ Январѣ 23 дня четырьмя аршинами сукна лундышу [1]) сизоваго, цѣна по рублю по 10 алт. аршинъ, а въ 1618 году Іюня 27 дня налокотниками стальными «до-

[1]) *Лундышъ*-Лундское (Лондонское) или Англійское сукно; лучшими цвѣтами лундыша считались червчатый, желтый, свѣтлозеленый, синій; а дешевыми черный и лазоревый (Савваитовъ 214).

роцеты, навожены золотомъ» (Дополненіе къ Дворцовымъ Разряднымъ, стр. 85 и 134) что доказываетъ, что онъ былъ у царя въ милости за 8 лѣтъ еще до избранія въ царицы Евдокіи Стрѣшневой. Изъ другихъ Стрѣшневыхъ *Матвѣй* Ѳеодоровичъ былъ назначенъ въ 1618 г. защищать Новодѣвичій монастырь, а Илья Аѳанасіевичъ находился въ 1615 году осаднымъ головою въ Мещевскѣ (Разрядная книга т. I, стр. 78). Мещовскъ уѣздный городъ Калужской губерніи былъ роднымъ гнѣздомъ Стрѣшневыхъ; вокругъ него въ сосѣдствѣ стараго Мещовскаго монастыря на рѣкѣ Нисвѣ расположились ихъ помѣстья, а въ Рождественскомъ Георгіевскомъ монастырѣ находилась ихъ усыпальница, въ ризницѣ котораго хранились ихъ вклады; въ память своихъ предковъ Евдокія Лукьяновна содѣлается благотворительницей этой обители (Л. С. Стрѣшневъ, арх. Леонида, стр. 17). Четвертый братъ Стрѣшневыхъ Лукьянъ Степановичъ въ 1614 году служилъ въ Дорогобужѣ, гдѣ завѣдовалъ обозомъ въ отрядѣ Василія Петровича Шереметева, двоюроднаго племянника Ѳедора Ивановича Шереметева (Родъ Шереметевыхъ томъ III, стр. 55). Находясь въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Лукьянъ Степановичъ, по возвращеніи съ похода домой, принужденъ былъ собственными руками воздѣлывать небольшой участокъ земли. Можно предположить, что эта бѣдность послѣдовала послѣ Литовскаго разоренія: такъ думаетъ арх. Леонидъ и прибавляетъ, что родовое село его отца Мурхвичи на рѣчкѣ *Нисвѣ*, уже въ 1626 году называется *пустошью*, въ силу чего Лукьянъ Степановичъ могъ переселиться въ другое свое помѣстье въ Можайскомъ уѣздѣ, гдѣ засталъ его 1626 годъ.

Отъ жены своей Анны Константиновны (кто она была родомъ, неизвѣстно; арх. Леонидъ предполагаетъ, что она была сестрою кн. Г. К. Волконскаго, основываясь вѣроятно на одноименности ихъ отцевъ и на томъ, что царскій любимецъ имѣлъ помѣстья въ Мещовскомъ уѣздѣ вблизи Стрѣшневыхъ) Лукьянъ Степановичъ имѣлъ 5 человѣкъ: 1) Семена, женившагося на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Лыковой и скончавшагося въ 1666 году, 2) Ирину за Елизаріемъ Чебуковымъ, 3) Ѳеодосію за Иваномъ Павловичемъ Матюшкинымъ, 4) Евдокію—царицу, 5) еще дочь за Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ (Родословная П. Долгорукова стр. 411). Не будучи въ состояніи самъ возрастить всѣхъ дѣтей, онъ помѣстилъ среднюю дочь Евдокію на воспитаніе и услуженіе къ однимъ богатымъ отдаленнымъ родственникамъ. Кто была эта семья? Архимандритъ Леонидъ, въ своей интересной статьѣ о Лукьянѣ Стрѣшневѣ, указываетъ на домъ князя Григорія Константиновича Волконскаго окольничаго († 1634), въ коемъ онъ уга-

дываетъ брата Анны Константиновны. Дарвиль, авторъ «Les fastes de l'Empire de Russie, на стр. 86, наоборотъ говоритъ, что Евдокія Лукьяновна проживала у Шереметева (Фридебургъ, домъ Романовыхъ); того же мнѣнія Шведъ Страленбергъ (Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia Stockholm 1730; на стр. 211 онъ еще точнѣе Дарвиля утверждаетъ, что Евдокія Лукьяновна была сѣнною дѣвушкою (Cammer-Freulein) во дворѣ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева[1]). Уже видно было раньше, что Лукьянъ Степановичъ въ 1614 году служилъ въ отрядѣ Василія Петровича двоюроднаго племянника Ѳедора Ивановича Шереметева (родъ Шереметевыхъ т. III) и такимъ образомъ былъ знакомъ этой семьѣ, а по преданію и въ родствѣ съ нею.

Кто бы ни были родственники, пріютившіе Евдокію, господствующій строй въ ихъ домѣ былъ строго нравственный, что̀ сильно отразилось и на воспитаніи Евдокіи. Обучили ли ее тамъ грамотѣ, трудно сказать, ибо неизвѣстно писаны ли сохранившіяся письма ею собственноручно или подъ диктовку, но врядъ ли ею самой; за то вынесла она оттуда привычку къ строгому порядку и усвоила блестящимъ образомъ искусство вышивать въ пяльцахъ, что̀ такъ цѣнилось въ женскомъ воспитаніи того времени. Преданіе однако говоритъ, что жить тамъ Евдокіи было нелегко ради строптиваго нрава своей сверстницы-боярышни, отъ которой она главнымъ образомъ зависѣла; рѣдкій день проходилъ для нея безъ огорченія и слезъ. Не подлежитъ почти сомнѣнію, что эти непріятности были преувеличены, а можетъ и вовсе выдуманы послѣ избранія Евдокіи, чтобы еще болѣе яркимъ контрастомъ оттѣнить ея скромное положеніе до брака съ выпавшимъ на ея долю счастіемъ послѣ избранія. Во всякомъ случаѣ является интереснымъ узнать подробнѣе кто была молодая боярышня. У Ѳедора Ивановича Шереметева было 3 дочери. Но это не могла быть старшая Евдокія Ѳеодоровна, ибо уже въ 1622 году, за 4 года до избранія въ царицы Евдокіи, она была выдана за стольника князя Никиту Ивановича Одоевскаго. Вторая дочь Анна весьма рано постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, такъ что вѣроятнѣе всего то была третья его дочь Ульяна, вышедшая не ранѣе 1627 года за Семена Васильевича Головина, что̀ вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что Ульяна была съ другими 60 боярышнями на царскихъ смотринахъ въ 1626 году. Что же касается якобы притѣсненій, причиняемыхъ ею Евдокіи Лукьяновнѣ, то одно уже то, что Ульяна Ѳедоровна пользовалась впослѣдствіи при дворѣ особеннымъ уваженіемъ и бывала звана къ царицыному столу на ея половину, достаточно опровергаетъ ихъ (Родъ Шереметевыхъ т. III, стр. 127).

[1]) Родъ Шереметевыхъ, т. III.

Между тѣмъ шелъ 1626 годъ, и царь Михаилъ, желая вступить во вторичный бракъ, благословившись у родителей, повелѣлъ представить ему къ означенному сроку 60 пригожихъ дѣвицъ изъ знатныхъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ. Въ извѣстный день молодыя дѣвушки привезены въ царскихъ повозкахъ на смотрины во дворецъ, по осмотру всѣ одарены царемъ и временно отпущены къ роднымъ; наканунѣ же рѣшительнаго выбора вновь доставлены родственницами въ царскія палаты. Онѣ явились въ богатыхъ одеждахъ, пожалованныхъ имъ Государемъ, представлены царицѣ инокинѣ Маѳѣ Ивановнѣ и оставлены во дворцѣ, гдѣ имъ отвели особый просторный покой съ кроватями вдоль стѣнъ для ночлега; при каждой боярышнѣ оставлено по одной только служанкѣ, для услугъ и собесѣдованія, а матери и прочія родственницы отпущены по домамъ. Въ полночь царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ сопровожденіи своей матери, вошелъ въ горницу невѣстъ и каждая изъ нихъ поочередно проходила передъ царемъ и кланялась ему въ ноги (Гейденталусъ, Бытъ Русскихъ Царицъ, 225). Царь обыкновенно жаловалъ каждую изъ нихъ богато расшитымъ золотомъ и жемчугомъ платкомъ; но не одну изъ нихъ не подарилъ онъ восхищеннымъ взоромъ, и ни одна изъ нихъ не всколыхнула сладостнымъ трепетомъ его молодой груди.

Скромно въ сторонкѣ, съ почивальнымъ платьемъ своей баярышни стояла между тѣмъ молодая прислужница Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева.

Темная, какъ соболь, бровь густымъ чернымъ бархатомъ выдѣлялась на нѣжной бѣлизнѣ ея спокойнаго чела и плавной дугой округлялась надъ прекрасными продолговатыми темными очами. Правильный носъ съ немного втянутыми тонкими ноздрями, выразительный ротъ съ не то сдержаннымъ, не то ласково застѣнчивымъ выраженіемъ сочныхъ яркихъ какъ вишни губъ, изящно округленный обликъ лица, все было прекрасно и нѣжно и дополняло одно другимъ женственную красу ея чисто Русскаго лица (см. современныя ея портреты). «Бѣ доброзрачна и совозраста», говоритъ современникъ (Чтенія Ист. Общества при Москов. универс. 1892, книга 2, стр. 2). Росту она была высокаго съ полной шеей, очень высокой грудью и тонкимъ перехватомъ у кистей рукъ (см. записи Кроильныхъ книгъ въ «Бытѣ Русскихъ Царицъ», 154—155), въ ея шубѣ отъ плеча до пола 2 аршина, въ воротѣ 9 вершковъ въ плечахъ 1 арш. съ полувершкомъ. Одѣта она была просто, какъ подобало служанкѣ, одежду которыхъ составляли шубка, шапка и жолтики (высокіе жолтые сапоги). (Бытъ Русскихъ Царицъ, 553). «Не дорога-де она государыня, знали онѣ ее, коли она

хаживала въ жолтикахъ», помнили долго потомъ ея постельницы (тамъ же, стр. 228—553).

На эту то смиренную служанку и перевелъ постепенно царственный женихъ свои восхищенные взоры, оставивъ безъ вниманія выряженныхъ и выхоленныхъ боярышень, каторыя сверкающей вереницей все проходили и проходили предъ нимъ....

Въ задумчивости вышелъ царь изъ дѣвичьяго покоя и на вопросъ его матери, кого онъ избралъ, отвѣчалъ, что выборъ его палъ на служанку. Съ негодованіемъ выслушала это признаніе гордая старица; но напрасно старалась она поколебать рѣшеніе сына, напрасно силилась доказать, что этимъ избраніемъ онъ оскорбитъ бояръ и князей, дочерей которыхъ обходитъ для служанки; покорно, но твердо настаивалъ Михаилъ Θеодоровичъ на своемъ со слезами уговаривая мать...

Медлить между тѣмъ было уже невозможно, ночь выбора была на исходѣ, и съ появленіемъ зари надлежало торжественно объявить имя царской невѣсты. Разспросивъ подробно о счастливой избранницѣ и узнавъ о ней одно лишь хорошее, Марθа Ивановна и Филаретъ Никитичъ рѣшились благословить сына. Съ восходомъ солнца Евдокія Лукьяновна объявлена всенародно невѣстою царя Михаила Θеодоровича, и толпа народа, тѣснившаяся у Красной площади, сливала свои радостные клики «Многая лѣта Государю съ невѣстою его» съ праздничнымъ перезвономъ Московскихъ колоколовъ, торжественный гулъ которыхъ разливался надъ городомъ и, ликуя своими тысячными мѣдными голосами, далеко разносилъ вѣсть о молодой царицѣ. Легко представить себѣ, что̀ творилось въ сердцѣ юной невѣсты. Вчера она заснула бѣдной служанкой, сегодня просыпается царскою избранницею; ее окружаютъ предупредительно-заботливою толпою, несутъ драгоцѣнныя цвѣтныя одежды, хлопочутъ вырядить ея природную красу, такъ глубоко тронувшую сердце царское, величаютъ царевною, зовутъ къ царственному жениху въ его свѣтлыя палаты (Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, арх. Леонида, по преданію прошлаго столѣтія Берхъ и Глинка).

Долго не вѣритъ Евдокія долетавшимъ до нея словамъ, которыя кажутся ей какими-то странными, непонятными звуками, но наконецъ встаетъ со своей постели и въ глубокомъ душевномъ волненіи, дрожащими стопами едва можетъ приблизиться къ образу Богоматери, который всегда при себѣ имѣла. Передъ святою иконою опустилась она на колѣни и съ прерывающимся отъ рыданій голосомъ воскликнула: «Царица Небесная! Ты призрѣла на смиреніе рабы Твоея»! (тамъ же). Облеченную въ свѣтлыя одежды Евдокію препроводили во

дворецъ, гдѣ ее ожидали бояре и вельможи для принесенія ей поздравленія, «а напередъ государской радости (свадьбы) за три дня, ввели государыню въ царскіе хоромы и нарекли невѣстою (Двор. Разрядныя, т. I 763). Ей представили боярышень и княженъ, пріѣхавшихъ на смотрины за одно съ нею. По смиренію своему она не допускала ихъ къ рукѣ, а привѣтливо обнимала каждую; но послѣдняя изъ молодыхъ дѣвушекъ стояла объятая трепетомъ и не смѣла подступить къ Евдокіи, наконецъ упала ей въ ноги и сквозь слезы промолвила: «Государыня, прости меня! Я виновата передъ тобою, не припомни лихости моей»! Царевна съ ласкою приподняла свою родственницу и кротко проговорила: «прости и меня, если я чѣмъ тебѣ досадила, а тебя Богъ проститъ! Я помню твою хлѣбъ-соль; я возросла у твоихъ родителей въ домѣ» и, одаривъ ее, милостиво отпустила (древнее преданіе смотр. Л. С. Стрѣшнева арх. Леонида). Вотъ какими словами преданіе передаетъ о свиданіи Евдокіи Лукьяновны съ Ульяной Ѳедоровной Шереметевой (Дорвиль, Страненбергъ). Ничего нѣтъ удивительнаго, что боярышня смутилась, увидавъ свою сверстницу и бывшую служанку въ вѣнцѣ царевны, нареченною невѣстой царя; понятно, что она съ невольнымъ опасеніемъ спрашивала себя, всегда ли она была къ ней справедлива и ласкова и чувствовала себя стѣсненной передъ царевной, вспоминая свое прежнее надъ нею превосходство; но изъ этого нельзя еще заключить, чтобы она злоупотребляла своею властью, и полныя смиренія слова Евдокіи, которая, кончая съ прошлымъ, желала и себѣ выпросить прощеніе, чтобы все покрыть любовью, вполнѣ гармонируютъ съ рѣчью Шереметевой.

Послѣ обрученія, совершеннаго патр. Филаретомъ, отправили посланныхъ съ богатыми дарами къ Лукьяну Степановичу Стрѣшневу, отцу невѣсты. Преданіе говоритъ, что помѣстье Стрѣшнева находилось въ Можайскомъ уѣздѣ, но видно было раньше, что Стрѣшневы жили въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губерніи. Извѣстный археологъ архимандритъ Леонидъ полагаетъ, что это либо описка писца XVII столѣтія, либо въ Литовское разореніе родовое помѣстье Лукьяна Степановича было опустошено и онъ вынужденъ былъ переселиться въ другое свое или женино помѣстье въ Можайскомъ уѣздѣ, гдѣ его могло застать избраніе дочери въ 1626 (Л. С. Стрѣшневъ, стр. 16—17). Будемъ продолжать устами преданія. Достигнувъ мѣста, гдѣ жилъ Стрѣшневъ, посланные искали его дома. Имъ указали на избушку, крытую соломой. У воротъ стоялъ слуга и исправлялъ борону. На ихъ вопросъ, гдѣ хозяинъ, они узнали, что въ полѣ на работѣ (очевидно маленькое отступленіе отъ истины въ преданіи, ибо едва ли можно пахать въ концѣ

Января или самомъ началѣ Февраля, когда снѣгъ покрываетъ землю; но если ошибка вкралась въ подробность, цѣлое отъ этого не страдаетъ и дѣйствительно Лукьянъ Степановичъ могъ обработывать свою землю, до избранія въ царицы дочери, хотя не былъ занятъ этимъ въ минуту прибытія пословъ). Царскіе посланные приказали вести себя къ нему; но слуга сказалъ, что долженъ прежде довязать борону, такъ какъ безъ нея нельзя ему показаться хозяину. Окончивъ свое дѣло, онъ поѣхалъ съ бороною въ поле, за нимъ пошли слуги царскіе, и вскорѣ увидали статнаго старика съ большой бѣлой окладистой бородой, въ кафтанѣ домашняго, суроваго холста, пролагающаго новую борозду. Поровнявшись съ посланными, онъ отеръ полотенцемъ потъ съ лица, поклонился имъ и, на мигъ съ удивленіемъ на нихъ поглядѣвъ, продолжалъ начатый трудъ свой. Посланные почтительно его обступили и сообщили о избраніи его дочери въ царскія невѣсты. «Конечно вы отправлены къ кому нибудь иному, а не ко мнѣ», возразилъ онъ, «нѣтъ ли другого Стрѣшнева? А меня зовутъ Лукьяномъ Степановымъ». Послы разворотили царскую грамоту, на его имя писанную. «Не смѣю прикоснуться», отвѣчаетъ Стрѣшневъ, не будучи увѣренъ въ точной истинѣ. Прошу пожаловать ко мнѣ въ домъ и тамъ подождать меня; тамъ разберемъ дѣло, и вы узнаете, что я вѣрно не тотъ, кого вамъ надобно. А теперь дозвольте мнѣ допахать мою ниву, пока погода хороша, да и солнце уже на закатѣ. Но послы всячески убѣждали его принять отъ нихъ грамоту. Прочитавъ оную, Стрѣшневъ призадумался и, приказавъ слугѣ допахать и заборонить полосу, пошелъ провожать людей царскихъ въ свою избу. Войдя въ горницу, онъ положилъ грамоту подъ иконы и, ставъ на колѣни, воскликнулъ: «Боже всесильный, изъ ничего свѣтъ создавшій, возводяй меня отъ бѣдности къ изобилію. Сердце чисто и духъ правъ утверди во мнѣ! Подкрѣпи меня десницею Твоею, да не развращуся посредѣ честей и богатства, Тобою мнѣ, можетъ быть, во искушеніе ниспосылаемыхъ». По окончаніи молитвы Стрѣшневъ предложилъ своимъ гостямъ раздѣлить его скромную трапезу. На утро онъ пошелъ въ церковь, отслужилъ молебенъ, пріялъ благословеніе отъ духовнаго отца своего, простился по братски съ сосѣдями и, надѣливъ ихъ чѣмъ могъ, направился къ Москвѣ. По прибытіи въ столицу, Лукьянъ Степановичъ встрѣченъ былъ въ воротахъ съ великою честію. Блестящее шествіе, открывавшееся рындами, окольничими и боярами, предшествовало ему; царскіе стременные вели подъ узцы его коня, стольники, воеводы, назначенные по уряду, провожали его до Грановитой палаты. Самъ Государь вышелъ къ нему за золотую рѣшетку на красное крыльцо и, не давъ ему поклониться до земли, повелъ его въ свои свѣтлые терема, гдѣ дочь его вмѣстѣ съ Маѳой

Ивановной ожидала его пришествія. Поклонившись государевой матери, онъ обратилъ взоры свои на дочь. Евдокія стояла молча въ неизреченной радости, смѣшанной съ нѣкоторой робостью; изъ устремленныхъ на отца очей капали одна за другой тихія слезы радости, и въ отвѣтъ на его слова «здравствуй, дочь любезная!» она поклонилась ему въ ноги и поцѣловала его руку. Ничѣмъ не выдалъ Стрѣшневъ передъ Государемъ волненія своего сердца, только краска залила его старческое лицо, но когда царь съ матерью удалились, отецъ и дочь упали въ объятія другъ къ другу и плакали. «Родитель мой, мнѣ и на мысль не приходило, чтобы я могла быть царскою невѣстою», воскликнула Евдокія. Много говорилъ ей отецъ о величіи и отвѣтственности, ея обязанностяхъ и молился, дабы Господь вразумилъ и укрѣпилъ Евдокію. Преданіе еще добавляетъ, что однажды Лукьянъ Степановичъ принесъ царицѣ въ даръ небольшой старый ларецъ и просилъ ее принять его въ залогъ любви родительской. Когда царица приняла его въ руки, Лукьянъ Степановичъ открылъ его и вынулъ оттуда суровый холстинный кафтанъ, сотканный руками ея матери, въ которомъ онъ пахалъ землю, когда пришла вѣсть о ея избраніи въ царицы, и полотенце, которымъ утирался, когда работалъ въ потѣ лица своего. Онъ еще прибавилъ, что въ этомъ маломъ ларцѣ заключалось все приданое ея матери. Онъ просилъ навсегда беречь этотъ ларецъ и помнить, чья она дочь и въ какой бѣдности родилась: «ибо эти мысли болѣе и болѣе соединятъ тебя съ человѣчествомъ; чѣмъ чаще ты будешь видѣть сіи дары, тѣмъ скорѣе содѣлаешься матерью народа». Господь Богъ порукою тебѣ въ томъ, что дочь твоя пребудетъ всегда достойною любви твоей и благословенія, отвѣчала царица (Л. С. Стрѣшневъ, изъ сборника прошлаго столѣтія, арх. Леонида). Самъ Лукьянъ Степановичъ хранилъ въ пожалованномъ ему царемъ домѣ свои хлѣбопашескія орудія и на почетномъ мѣстѣ разостлалъ старый коверъ, доставшійся ему въ наслѣдство отъ отца. Самымъ приближеннымъ къ нему человѣкомъ изъ его прислуги остался его деревенскій сотрудникъ и слуга. Въ старомъ кожаномъ своемъ молитвенникѣ, гдѣ его рукою были написаны утреннія и вечернія молитвы, онъ приписалъ въ концѣ «Лукіанъ, помни, что ты былъ»! Онъ пристроилъ всѣхъ дѣтей и дождался отъ нихъ внуковъ, пожалованъ на свадьбѣ дочери стольникомъ, въ 1630 году окольничимъ, а въ 1634 бояриномъ, въ 1646 держалъ вѣнецъ надъ головою внука своего Алексѣя Михайловича и скончался въ 1650 году, переживъ на пять лѣтъ царственную дочь свою; погребенъ въ Мещовскомъ Георгіевскомъ монастырѣ. (Берхъ, Глинка, арх. Леонидъ).

Царскую свадьбу отпраздновали въ Воскресеніе, 5 Февраля. Напередъ того «совѣтовавъ государь царь и великій князь Михайло Θеодоровичъ всея Русіи съ отцемъ своимъ великимъ государемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Русіи, указалъ на ихъ Государской радости боярамъ и окольничимъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ, которые будутъ въ чинахъ быть безъ мѣстъ и велѣлъ поименно указать кому быть въ свадебныхъ чинахъ и указъ свой подписать думнымъ дьякамъ Ивану Грамотину да Θедору Лихачеву и приложить къ нему государскую печать, для того, говорится въ Дворцовой Разрядной, чтобы никому не считаться въ отечествѣ и жалобъ ни у кого не принимать. Февраля въ пятый день, въ «недѣлю» т. е. въ Воскресенье, Михаилъ Θеодоровичъ, отслушавъ раннюю обѣдню, отправился къ отцу своему святѣйшему патріарху Филарету просить его благословенія на предстоявшій бракъ. До насъ дошла дословно его немного формальная рѣчь. «Великій Государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи! По волѣ всеблагаго и всесильнаго въ Троицѣ Славимаго Бога нашего и по совѣту и по благословенію васъ, великаго государя отца нашего и матери нашей великой государыни инокини Марθы Ивановны, произволили есми сочтатися законному браку и день радости нашей нынѣ, и тебѣ бъ великому государю, отцу нашему, насъ сына своего, благословити сочтатися законному браку по апостольскому преданію и святыхъ отецъ правиламъ». На это Филаретъ Никитичъ вдохновенно воскликнулъ: «Благочестивый и христолюбивый сынъ нашъ великій государь царь и великій князь Михайло Θеодоровичъ всея Русіи. Всемогущій и неизреченный въ милости, въ Троицѣ славимый Богъ нашъ, иже соблюдай васъ, великаго государя, отъ чрева матери вашей за благочестіе царствомъ прослави и почтій васъ, той и нынѣ благословитъ тя, великаго государя причтатися законному браку, по апостольскому преданію и святыхъ отецъ правиломъ и подастъ тебѣ государю и супругѣ твоей царицѣ Евдокіи долготу лѣтъ живота вашего и благословитъ васъ благословеніемъ послѣднимъ, ему же нѣсть премѣненія, и подастъ вамъ благородная чада, якоже Аврааму и Саррѣ Исаака и Исааку Іакова и Іелкану и Аннѣ чуднаго Самуила и прочимъ древнимъ отцамъ Богу угодившимъ, и да узриши сыны сыновъ своихъ и дщери дщерей твоихъ и благочестивое ваше царство соблюдетъ ото всѣхъ вашихъ враговъ ненавѣтно, распространитъ и умножитъ отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя». Сказавъ это, патріархъ осѣнилъ сына своего образомъ Корсунскія Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ серебряной оправѣ (обложенъ серебромъ со сканью Двор. Разр. I 764—765). Послѣ того Царь въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ,

думныхъ людей и дворянъ ходилъ молиться въ Чудовъ монастырь, въ Архангельскій соборъ и въ Вознесенскій монастырь, гдѣ совершалъ надъ могилами литіи (Котошихинъ) и учинялъ у гробовъ прощеніе (тамъ же). Не пройдена была и ранняя могила его молоденькой невѣсты-жены царицы Маріи Владимировны, которая кроткимъ видѣніемъ едва коснулась его жизни и дѣтскія черты которой уже начинали блѣднѣть въ его памяти. Изъ собора Михаилъ Ѳеодоровичъ ходилъ въ келліи своей матери Великой Старицы и Царицы Марѳы Ивановны, жившей въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ помѣщеніи, занимаемомъ при Лжедмитріи царицей, инокиней Марѳой Ѳеодоровной Нагой. До насъ не дошло подробностей объ устройствѣ ея комнатъ. Знаемъ только, что окна въ нихъ были слюдяныя, подушки для сидѣнья изъ червчатой камки; окруженная многочисленнымъ штатомъ изъ старицъ-инокинь и свѣтскихъ прислужницъ, дураками, юродивыми и карлицами, Марѳа Ивановна обо всѣхъ нихъ заботилась, награждая щедро по мѣрѣ заслугъ, но сама была проста въ своихъ привычкахъ; посуда ея отчасти была ценинная (глиняная съ голубой поливой), подносимые ей дары она большою частью не принимала или отправляла государю въ казну. Испытанная горемъ, лишившись пятерыхъ дѣтей, она всѣми силами своей цѣльной, глубокой натуры привязалась къ единственному своему сыну, царю Михаилу Ѳеодоровичу, и ласково называетъ его въ своихъ вообще довольно лаконическихъ письмахъ «свѣтомъ своихъ очей» и «свѣтлымъ царемъ.» Благодаря сохранившемуся ея портрету, который своею своеобразною жизненностью отвѣчаетъ за сходство, мы такъ и видимъ передъ собою ея типичное старческое лицо съ нѣсколько тяжеловатымъ, но правильныхъ линій, обликомъ и крупными чертами. Густо нависшія брови сосредоточенно сдвинуты надъ умными, немного прищуренными, сѣровато-голубыми глазами. Ротъ довольно большой со складкою у угловъ и тонкими губами, изъ которыхъ нижняя немного выдается впередъ, подбородокъ красиваго склада энергично очерченъ. На головѣ ея поверхъ тонкаго полотнянаго убруса, который туго облегаетъ половину лба и сколотый подъ подбородкомъ ниспадаетъ на грудь своими чистыми длинными складками, надѣта довольно высокая соболья шапка; на плечи накинута поверхъ черной рясы суконная шуба въ мелкихъ сборахъ, опушенная мѣхомъ. Правой рукой она держитъ четки и опирается на посохъ съ клювообразнымъ роговымъ набалдашникомъ; второй и четвертый палецъ этой руки украшены перстнями, одинъ съ большой бирюзой, сердцевидной формы, другой граненымъ яхонтомъ. Она нѣсколько согбенная и небольшаго росту (смотри въ матеріалахъ при «Бытѣ Русскихъ Царицъ мѣру» ея одежды), здоровья была слабаго и подвержена вслѣдствіе тяжелыхъ своихъ

испытаній въ молодости нервнымъ припадкамъ «портежной болѣзни». (Письма Русскихъ Государей, т. I, стр. 55). Невольная постриженница, она не вполнѣ соблюдала монашескіе уставы по отношенію своего платья; дома обыкновенно ходила въ рясках черной камки съ зеленою или синею тафтяною опушкою, съ нашивкою спереди тридцати четырехъ пуговицъ; для выходовъ и пріемовъ охабни ея шились изъ багроваго атласу или синяго Венеціанскаго бархата. Шубы у нея были одна черная тафтяная на горностаяхъ, другая лисья, крытая объярью (муаромъ), таусинною (темно-синею) (Хрущовъ, Ксенія Ивановна Романова).

Пришедши къ старицѣ въ келью, царь просилъ у матери благословенія «и благородная государыня инока Марѳа Ивановна сына своего великаго государя женитися благословила» двумя иконами: образомъ Спаса «обложенъ сребромъ чеканомъ» и образомъ Пречистыя Богородицы Одегитрія, украшеннымъ самоцвѣтными каменьями.

И того дня радость государская была по ихъ государскому чину, какъ бывало у прежнихъ великихъ государей. Когда все было готово, царь вышелъ изъ своихъ покоевъ, одѣтый въ золотой аксамитный кожухъ на соболяхъ (кожухъ—кафтанъ, подбитый мѣхомъ, надѣвался на зипунъ, украшался нашивками, кружевомъ и жемчугомъ, аксамитъ-серебряная или золотая ткань плотная и ворсистая какъ бархатъ) да въ шубу Русскую соболью крытую бархатомъ золотнымъ, полы которой онъ заметалъ себѣ назадъ за плечи, поясъ на немъ былъ кованный золотой (Дворцовыя Разрядныя). Государю было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, современники хвалили красоту его лица и соразмѣрность сложенія: «образомъ красенъ и полонъ и собою во всякихъ мѣрахъ и разуменъ и въ обычаѣ милостивъ». На дошедшихъ до насъ его портретахъ видимъ его въ эту пору жизни. Своимъ широкимъ нѣсколько тяжеловатымъ окладомъ лица напоминалъ онъ мать свою великую старицу, отъ нея же унаслѣдовалъ густыя сдвинутыя, черныя какъ ночь, брови и чуть выдающуюся нижнюю губу. Труды и заботы его царствованія, казалось, наложили грустную тѣнь на чело и печалили взглядъ его темныхъ очей. Продолговатые усы оставляютъ уста открытыми. Небольшая бобровая борода красиво окаймляетъ его строгое, благообразное лицо. Онъ былъ очень набоженъ и нерушимо соблюдалъ всѣ церковныя наставленія, кротокъ. Олеарій говоритъ, что за цѣлыя сто лѣтъ не припомнятъ на Руси такого кроткаго царя. Съ отцовскою заботливостью пекся о народѣ. Воображеніе имѣлъ впечатлительное и въ высшей степени поэтичное; оно вылилось въ его письмахъ къ го-

рячо любимому отцу, въ самыхъ разнообразныхъ, возвышенныхъ и идеальныхъ сравненіяхъ, которыя, подчиняясь вѣянію вѣка, носятъ на себѣ отпечатокъ церковности. То онъ называетъ Филарета Никитича «истиннымъ столпомъ благочестія», «недремательнымъ окомъ» ««вождемъ своего спасенія», «богодухновеннымъ «въ человѣцѣхъ»», неблазнымъ по Христѣ страдальцемъ», «Кормчимъ Христова корабля», а то въ другой разъ такъ начинаетъ письмо къ нему: «Превосходящему честію во святыхъ, по общему естеству человѣку, произволеніемъ же ангелу, Кормчію Христова корабля, въ тихости ученія, Того словесныя овцы во пристанище спасенія направляющу и на пажити спасенныхъ велѣній «соблюдающу». Онъ желаетъ поклониться съ радостью его равноангельскому лицу и паче медоточныхъ страстей языка его словъ напаятися, нынѣ убо мысленно, тогда же чувственно и радостно его святительству челомъ ударити»; «желаемъ бо, святый владыко и государь мой предобрый, твой гласъ слышати яко желательный елень (олень) напаятися» и «испрашивая себѣ его молитвъ онъ такъ выражается: «во еже незабвеннымъ намъ быти предъ Богомъ во святыхъ вашихъ молитвахъ и *твоя честныя молитвы молимъ, да послеши съ нами яко да будутъ намъ руководители и вожди нашего спасенія* и вашихъ ради молитвъ да подастъ Господь Богъ воздуху яснину и теплоту»; узнавъ о болѣзни отца подагрой, онъ сообщаетъ о своей *плачевной скорби* и прибавляетъ: «вкупѣжъ и ваше превосходящее святительство молимъ, да воспеши ко всемогущему Богу честныя ваша и Богу пріятныя молитвы; вѣруемъ бо, дражайшій нашъ отче и государь: аще и тѣлесно скорбиши и немощствуеши, но духовно зѣло бодрствуеши и вѣрою убо *здравъ* сый, мысленное око пресвятыя твоей души и сердечныя руцѣ невещественно со всѣми святыми воздѣжиши и яко не оставить насъ Богъ, молитвъ ради святыхъ своихъ, вѣрно Тому служащихъ въ преподобіи и правдѣ и твоего прошенія не презритъ и свѣтолѣпное твое и равноангельное лицо сподобитъ насъ видѣти». А далѣе какимъ сильнымъ гармоничнымъ слогомъ, съ какимъ воплемъ любви излагаетъ онъ свою и матери своей печаль по поводу той же болѣзни патріарха, «яко въ пучинѣ въ морской жалости нашея, яже о тебѣ, драгій нашъ отче, волнуемся и презѣльными (сильнѣйшими) волнами жалости нашея ударяемы есмы; и аще бы можно и *крылатымъ быть молились бы быти* и долготу пути преминувъ единаго часа равноангельному твоему лицу предстати». Какою трогательною дѣтской вѣрой дышатъ эти слова: если возможно бы сдѣлаться крылатымъ, *онъ молился бы* о томъ, дабы скоротить во единый часъ долгій путь. Онъ ни единаго часа не пропуститъ, чтобы не погорѣвать о болѣзни отца: «никакоже пріемлю малъ часъ безпамятствовати о вашей, государя мо-

его, нынѣшней болѣзни» «желаніе сердца нашего еже зрѣти свѣтолѣпное лице вашего честнѣйшества, яко медъ сладокъ во устѣхъ нашихъ обносится, и *хотящая быти* радость отъ зрѣнія очесъ вашихъ, внутренняя наша услаждаетъ». Какъ свѣтло онъ дальше выражается, что былъ у всенощнаго пѣнія «молебныя благодаренія принести и священныя литургіи слышати сподобихомся и *духовнѣ празднovахомъ*».

На какой недосягаемой высотѣ сердечной чистоты могутъ развиться подобныя ощущенія и чувства! Поистинѣ можно сравнить ихъ съ бѣлоснѣжной лиліей, которая возсылаетъ сладостный ароматъ своего благоуханія къ звѣздному небу.

Михаилъ Θеодоровичъ любилъ охоту на лосей и медвѣдей, но послѣ паденія съ лошади долго страдалъ болью въ боку (Письма Русскихъ Государей). Его тоже тѣшило единоборство его псарей и ловчихъ съ дикими медвѣдями, выходившихъ на нихъ съ рогатиною или вилами, и потерпѣвшихъ въ этой опасной игрѣ увѣчье онъ щедро награждалъ. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ любилъ великолѣпіе и являлся посламъ въ одеждѣ, сверкавшей самоцвѣтными камнями и жемчугомъ. На рукѣ онъ нашивалъ перстни; мы знаемъ объ одномъ съ алмазомъ и о другомъ съ маленькими часами внутри. (Дополненія къ Разряднымъ).

Когда Государь вышелъ изъ своихъ покоевъ къ вѣнцу, передъ нимъ шли стольники (стольники носили ѣсть и пить государю, въ торжественныхъ случаяхъ ихъ посылали на посольство, сажали въ приказы и на воеводство) и дворяне, которые были въ поѣзжанахъ (назначенные сопровождать Государя верхами до церкви), а за ними шли бояре: князь Иванъ Никитичъ Одоевскій (меньшой † 9 Марта 1629). Князь Андрей Васильевичъ *Сицкой* (Жухлай † 1629. Сицкіе были въ свойствѣ съ Романовыми, одинъ изъ нихъ Иванъ Васильевичъ, дядя Андрея Васильевича, былъ женатъ на сестрѣ патріарха Филарета Евфиміи Никитичнѣ). Князь Андрей Васильевичъ *Хилковъ* († 1664). Окольничій Артемій Васильевичъ *Измайловъ* (обезглавленный съ старшимъ сыномъ 8 лѣтъ спустя).

Думный дьякъ Иванъ Грамотинъ упоминается въ Разрядной Книгѣ въ 1633 году, когда подвезъ къ Смоленску 100 четей сухарей на своихъ подводахъ, у него было прозвище *Костромитинъ*; въ 1633 же году, когда укрѣпляли Москву отъ Поляковъ, стоялъ на «башнѣ»; назначенный воеводою въ Шую въ 1635 тамъ же и умеръ въ этомъ году. У него служилъ кравчимъ Илья Даниловичъ Милославскій будущій тесть царя Алексѣя Михайловича (Родъ Шереметевыхъ т. III, 55). За ними шли передъ самымъ Государемъ дружки, съ его стороны бояринъ

князь Дмитрій Мамстрюковичъ *Черкаской* (Каншовъ: Мурза † 1651— женатъ на Еленѣ Александровнѣ) и бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій (знаменитый воевода въ 1612 году). Государя велъ подъ руки тысяцкій (главный чинъ въ свадебномъ поѣздѣ) бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Черкаской (сынъ Хорошой-Мурзы во св. Крещеніи Бориса Камбулотовича и Мароы Никитичны Романовой-Юрьевой, сестры патріарха Филарета, двоюродный братъ Государевъ, женатъ въ 1622 на красавицѣ Морозовой Авдотьѣ Васильевнѣ † 1642). Всѣ эти бояре, стольники и дворяне были одѣты въ золото, въ черныхъ шапкахъ и въ ожерельяхъ (воротникахъ) стоячихъ и отложныхъ (отложной воротникъ имѣлъ форму матросскаго). Пришедъ въ Золотую палату, Государь поклонился иконамъ и сѣлъ на свое мѣсто на лавку на сголовье (длинная цилиндрическая подушка) изъ Персидскаго бархата, скамеечка подъ ногами или, какъ называли колодочка, была обита клѣтчатой золотой парчей (участковая золотная), всѣ лавки въ Золотой палатѣ накрыты были половочниками, втораго наряду. Надъ мѣстомъ Государя и по всѣмъ четыремъ стѣнамъ были поставлены иконы, а подъ ними повѣшены застѣнки (пелены), вынизанныя жемчугомъ (Дворцовыя Разрядныя 767).

И велѣлъ Государь своему посаженному отцу Ивану Никитичу Романову (родной дядя Государевъ) и тысяцкому князю Ивану Борисовичу Черкасскому (двоюродному брату Царя) и дружкамъ и боярамъ сѣсть въ большой лавкѣ, «а поѣзжанамъ въ другой лавкѣ». Посидѣвъ немного, Царь послалъ царицыныхъ дружекъ боярина Михаила Борисовича Шеина да князя Романа Петровича Пожарскаго звать царевну на мѣсто въ Грановитую Палату. Грановитая Палата была украшена по свадебному. На главномъ мѣстѣ находилось *чертожное мѣсто*, обитое малиновымъ бархатомъ. На скамью положено было два сголовья бархатныхъ золотныхъ, узоръ которыхъ былъ выбранъ самимъ Царемъ и на каждомъ изъ нихъ по сороку соболей, а третій сорокъ соболей, чѣмъ опахивать молодыхъ, держалъ у чертожнаго мѣста дьякъ Андрей Подлѣсовъ. Надъ *мѣстомъ* и по четыремъ стѣнамъ сіяли иконы въ дорогихъ окладахъ съ подвѣшанными подъ ними застѣнками (пеленами) перваго наряду; лавки покрыты были половочниками перваго наряду изъ сукна съ вышитыми на нихъ львами. Передъ самымъ мѣстомъ придвинутъ былъ столъ, постланный тремя скатертями и уставленный перепечей (которую подносили Государю, Государынѣ и боярамъ) сыромъ, да солонкой соли. Передъ прочими скамейками стояли тоже столы съ перепечами и солоницами съ солью, но судковъ въ первый день не ставили. Въ это время на Царицыной половинѣ свахи

снаряжали невѣсту. Составитель Дворцовыхъ Разрядныхъ, который не даетъ почти никакихъ подробностей о Царицѣ Маріи Владимировнѣ во время ея свадьбы, съ особеннымъ усердіемъ упоминаетъ о Царицѣ Евдокіи. «А Государыню Царевну Евдокію Лукьяновну нарядили по ихъ государскому чину, какъ ей Государынѣ идти на мѣсто въ ея царициныхъ хоромахъ, въ платье и въ вѣнецъ золотой съ дорогимъ съ каменьемъ и съ жемчугомъ. И сидѣла Государыня до времени въ своихъ хоромахъ, а у ней свахи и боярыни». Картина очень полная, не лишенная подробностей въ описаніи даже наряда, что̀ такъ рѣдко встрѣчается въ старинныхъ записяхъ по отношенію къ женскимъ лицамъ Царской семьи.

Одежда Евдокіи Лукьяновны состояла изъ Царскаго платна, родъ прямого кафтана съ разрѣзнымъ передомъ, съ широкими не очень длинными рукавами обшитыми подобно подолу и переду широкой коймой, усаженной самоцвѣтными камнями; вокругъ шеи надѣвалось ожерелье, родъ пелеринки, богато - вынизанное жемчугомъ, волнистые волосы, изящно завитые въ кудри (Смотри Бытъ Русскихъ Царицъ 588), распустили по плечамъ, чело увѣнчали золотымъ дѣвичьимъ вѣнцомъ, въ городахъ котораго переливались яркимъ огнемъ драгоцѣнные камни. Къ вѣнцу прикрѣпленъ былъ сзади косникъ съ пятью золотыми запонами (запона—дорогой камень въ золотой оправѣ, Бытъ Р. Царицъ 591). Этотъ вѣнецъ хранился потомъ у Царицы въ ея казнѣ въ Новгородской коробьѣ подъ печатью ея свекрови инокини Мареы Ивановны, въ 1629 году Іюля 5 эту коробью съ вѣнцомъ отнесъ къ Государю въ хоромы Өедоръ Степановичъ Стрѣшневъ, и царь велѣлъ выпороть съ вѣнца и косника каменья и украсить ими свой вѣнецъ, что̀ достаточно говоритъ за качество каменьевъ. (Бытъ Р. Царицъ, 591).

Одѣвъ Царевну, ее усадили въ парадное кресло и обступили заботливой толпой. Свахами у Государыни были Марья Михайловна Шеинъ и княгиня Авдотья Андреевна Пожарская, жена Романа Петровича; у Государя боярыня княгиня Олена Алексѣевна Черкаская и княгиня Прасковья Варөоломѣевна Пожарская, жена Дмитрія Михайловича. Изъ всѣхъ этихъ женщинъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ Марья Михайловна Шеинъ, по превратности своей судьбы. Въ 1611 году она вмѣстѣ съ дочерью и сыномъ находилась въ Смоленскѣ во время геройской защиты его мужемъ ея отъ Поляковъ. Одинъ измѣнникъ указалъ Полякамъ на слабую часть городской стѣны, гдѣ они и открыли проломъ. Часть жителей заперлась въ Соборномъ храмѣ, который кто-то изъ Смолянъ поджегъ. Пожаръ распространился по всему

городу. Шеинъ съ женою, дочерью, сыномъ и немногими слугами бросился въ одну башню и началъ отстрѣливаться. Онъ рѣшился погибнуть; но слезы семьи, особенно маленькаго сына, измѣнили его рѣшеніе, и онъ сдался Потоцкому. Шеинъ былъ послѣ пытокъ уведенъ въ Литву, сынъ взятъ королемъ, а Марья Михайловна съ дочерью досталась въ плѣнъ Льву Сапѣгѣ, главному совѣтнику Польскаго короля *). Черезъ 9 лѣтъ они всѣ получили свободу. Въ 1624 Марья Михайловна была свахою на первомъ бракѣ Михаила Ѳеодоровича, въ 1626 на второмъ. Патріархъ Филаретъ жаловалъ Шеиновъ; такъ мы видимъ, что въ 1629 году онъ дарить Шеина и его жену 10 аршинами куфтерю червчатой по рублю съ гривною аршинъ, да 10 аршинами куфтерю желтой по 40 алтынъ за аршинъ (Археологія города Москвы. И. Забѣлина, стр. 996). Въ 1633 году Шеину пришлось самому осаждать Поляковъ въ Смоленскѣ, но послѣ многихъ неудачъ онъ принужденъ былъ съ войскомъ отступить, за что въ 1634 году поплатился головою; той же участи долженъ былъ подвергнуться его сынъ, но по просьбѣ Царицы, царевичей и царевенъ казнь замѣнена ссылкой, и онъ съ матерью Марьей Михайловной и женою сосланъ въ Понизовые города (Соловьевъ, т. IX, стр. 211).

Скоро въ Царицыны хоромы вошли въ золотыхъ кафтанахъ ея дружки: Михаилъ Борисовичъ Шеинъ и князь Романъ Петровичъ Пожарскій и отъ имени Царя звали ее въ Грановитую палату. Поднялась Царевна, и шествіе потянулось черезъ приходную палату и постельное крыльцо. Во главѣ хода были стольники Михаилъ Васильевичъ Олферьевъ и Дмитрій Михайловичъ Толочановъ съ трехпудовою свѣчею Государя, подъ которой держали фонарь стряпчіе Дмитрій Баимовъ сынъ Воейковъ да Нефедъ Кузминъ сынъ Мининъ. Свѣча Государыни вѣсила 2 пуда, ее несли Василій Ивановъ сынъ Стрѣшневъ (двоюродный дядя Евдокіи Лукьяновны († 1661) да Яковъ Михайловичъ Толочановъ, фонарь подъ нею—стряпчіе (стряпчихъ было до 800 человѣкъ, они носили передъ Государемъ или скиптръ, или шапку или платокъ, вообще что либо изъ стряпни, Котошихинъ), Ѳеодоръ Андреевичъ Олябьевъ и Дорофей Шиповъ. Всѣ они были въ терликахъ на соболяхъ (длинные до пятъ кафтаны съ короткими рукавами), казенныхъ кожухахъ и черныхъ лисьихъ шапкахъ. На свѣчахъ были большіе широкіе чеканные обручи изъ вызолоченаго серебра, и онѣ обернуты были каждая парою соболей, у Государя въ 12 р. пара, у Государыни въ 10, этими соболями пожаловалъ Государь свѣчниковъ; на свѣчи обыкновенно надѣвали обручи и огибали соболями во время покрыванія го-

*) Смутное время, у Иловайскаго 204—205.

ловы невѣсты, когда ихъ только что зажгутъ Богоявленской свѣчой (Древняя Россійская Вивліоѳика, т. 13, стр. 7). За ними съ Богоявленскою свѣчею, которою предназначено было зажечь Государевы свѣчи, шествовалъ стряпчій Илья Кузьмичъ Безобразовъ, а съ обручальными свѣчами стряпчій Никита Ѳеодоровичъ Шушеринъ, оба въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ (Дворцовыя Разрядныя, стр. 769). Далѣе съ караваемъ Государя на малиновыхъ бархатныхъ носилкахъ двигались стольникъ князь Ѳедоръ да князь Петръ Ѳеодоровичъ Волконскіе, Иванъ Ивановъ Чемодановъ и стряпчій Юрій Васильевъ Телепневъ; съ караваемъ Царицы шли стряпчіе Богданъ Алексѣевичъ Голохвастовъ (сынъ Алексѣя Ивановича, втораго осаднаго воеводы Троицкой лавры 1608—1610), Раѳъ Родіоновичъ Всеволоцкій (отецъ злосчастной красавицы Еѳиміи, невѣсты царя Алексѣя Михайловича), Степанъ Васильевичъ Телепневъ и Михаилъ Дурново (Михаилъ меньшой стряпчій въ 1617, стоялъ рындою при встрѣчѣ Кизильбашскаго, т. е. Персидскаго посла. Разрядная книга т. I, стр. 410). Караваи эти были *обшиты* червчатой камкой и украшены нашитыми на нихъ пенезями, счетомъ тридцать, одинъ пенезъ золоченый чеканный чередовался съ гладкимъ серебрянымъ пенеземъ и такъ до послѣдняго. Государевъ каравай накрытъ былъ золотнымъ Турскимъ бархатомъ, а Царицынъ золотнымъ участковымъ (клѣтчатымъ) атласомъ. За каравайщиками шелъ съ осыпаломъ на золотой мисѣ думный дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ (Дьяки — секретари. Въ XVII вѣкѣ они составляли особое *приказное* сословіе, нѣчто среднее между дворянъ и торговыхъ людей; ихъ приготовляли къ дѣловодству по принятымъ ѳормамъ, они занимали мѣста въ Московскихъ приказахъ, у воеводъ и пословъ. Трое или четверо самыхъ изъ нихъ опытныхъ состояли при Думѣ Царской и именовались думными). А положено было на мису (большое глубокое блюдо) въ трехъ углахъ хмѣлю (на половину гривенки), 15 маковицъ, цѣна 4 деньги, 27 соболей, 27 бѣлокъ по 8 денегъ бѣлка, 27 платковъ изъ серебрянаго глазету въ золотыхъ разводахъ, пяти вершковъ длины и поларшина ширины, осемнадцать пенезей золоченыхъ чеканныхъ, да девять червонцевъ Угорскихъ. Все это вмѣстѣ называлось осыпаломъ и было разложено по тремъ угламъ, въ каждомъ углу по 9 соболей, по 9 бѣлокъ, по 9 платковъ, немного маку, хмелю да по 9 монетъ, затѣмъ все вмѣстѣ высыпалось на голову вмѣстѣ съ лоскутами (смотри Олеарія, стр. 204).

За дьякомъ съ осыпаломъ шли Царевнины дружки Михаилъ Борисовичъ Шеинъ и Романъ Пожарскій. Да передъ Государынею берегли по обѣимъ сторонамъ путь, чтобы никто не переходилъ черезъ него, любимецъ Царскій, окольничій князь Григорій Константиновичъ Вол-

конской, да дьякъ Иванъ Болотниковъ; сзади нихъ кропилъ дорогу святою водой Благовѣщенскій священникъ Иванъ Насѣдка и слѣдовала поддерживаемая большими свахами, сіяя красотой и дорогимъ вѣнцомъ, сама Царевна. На лицевомъ подлинникѣ ея свадьбы изображена эта минута. У Царевны волнами падаютъ на плечи кудрявые темные волосы, поверхъ платна накинута подбитая мѣхомъ шуба; сопровождающія ее боярыни въ тѣлогрѣяхъ и шубахъ, на головѣ каптуры (мѣховая шапка съ невысокой цилиндрической тульей и съ тремя ушами ниспадавшими до плечъ на затылкѣ и по сторонамъ головы, покрывавшая часть лба и облегавшая обѣ стороны лица). На сапогахъ у всѣхъ очень высокіе каблуки. Рядомъ для береженія или направо посаженная мать Царя, Ульяна Ѳедоровна Романова, налѣво посаженная мать Царицы, Ѳеодора Семеновна Сицкая, около нихъ Орина Аврамьевна Михалкова, жена постельничаго Константина Ивановича, несла на блюдѣ кику. Кика считалась «короной замужества, вѣнцомъ брачной жизни; поэтому на свадьбѣ вмѣстѣ съ подубрусникомъ, подзатыльникомъ, убрусомъ и волосникомъ она принадлежитъ къ числу брачныхъ женскихъ регалій и занимаетъ среди нихъ первое мѣсто» (Бытъ Русскихъ Царицъ, 597—598). Кика эта надѣвалась на невѣсту съ молитвою въ Грановитой Палатѣ до вѣнца. Она сдѣлана была изъ серебра, украшена рясками (длинныя нити, падающія отъ кики на плечи) изъ Гурмыцкихъ*) зеренъ, камнями въ гнѣздахъ и 12 живыми репьями, состоявшими изъ золотыхъ чашечекъ на золотыхъ стебляхъ, которыя дрожали и колебались надъ головой при малѣйшемъ движеніи (тамъ же, 599). Сзади этихъ кикъ прикрѣплялся или цѣльный соболь или задокъ, особый платъ изъ чернаго бархата (тамъ же, стр. 600). За Михалковой толпились боярыни, и шествіе замыкалось длинной вереницей несомыхъ на золоченыхъ блюдахъ даровъ царевны, т. е. убрусцовъ и ширинокъ, предназначенныхъ для Государя, патріарха, старицы Марѳы Ивановны, бояръ и боярынь. Пришедъ въ Грановитую палату, Благовѣщенскій священникъ покропилъ чертожное мѣсто святою водою. Съ сголовья (цилиндрическая подушка) Царевны сняли сорокъ соболей; ихъ дали держать дьяку Андрею Ворѣеву, а Царевну усадили на мѣсто. Рядомъ съ нею во избѣжаніе пустого мѣста помѣстился князь Яковъ Куденетовичъ Черкаскій, поверхъ сорока соболей царя. Свахи всѣ встали возлѣ царевны у стола, а боярыни сѣли по мѣстамъ въ большой лавкѣ за столомъ. Сперва посаженная мать царя, Ульяна Ѳедоровна Романова, жена Ивана Никитича, за тѣмъ княгиня Ѳеодора Сицкая, посаженная мать царицы, боярыня княгиня Авдотья Васильевна

*) *Гурмыцкое* или бурмицкое зерно, крупный жемчугъ; слово это произошло отъ стариннаго названія Персидскаго залива Гурмыцкимъ моремъ.

Шуйская, жена Ивана Шуйскаго, Мареа Михайловна Сулешева, княгиня Овдотья Дмитріевна Сицкая, Анна Савиновна Бутурлина и Офросинья Никифоровна Бутурлина. Свѣчники, войдя въ палату, стали направо противъ государева мѣста у лавки; а каравайщики и фонарщики стали по лѣвой сторонѣ «поотодвинувся подалѣ подлѣ поставца» (этажерка съ серебряной посудой).

А какъ Государыню посадили на мѣсто, и боярыни сѣли по мѣстамъ, и Государю учинили о томъ вѣсть, черезъ дружекъ, царь прислалъ въ Грановитую напередъ своего посаженнаго отца Ивана Никитовича Романова (братъ патріарха Филарета, былъ въ 1601 году сосланъ Годуновымъ по ложному доносу въ Пелымъ, гдѣ съ братомъ Василіемъ сидѣли въ одной избѣ прикованные цѣпями къ разнымъ угламъ; въ 1602 году съ нихъ сняты были цѣпи, но Василій былъ уже чуть живъ и скончался вскорѣ, а Иванъ Никитичъ вслѣдствіе этого страдалъ «черною немочью», домъ Романовыхъ Фридебурга). Вмѣстѣ съ Иваномъ Никитичемъ царь послалъ бояръ сидячихъ, князя Ивана Ивановича Шуйскаго съ товарищами (сидячи бояре—третій чинъ на свадьбѣ, по 12 человѣкъ мужского полу и женскаго, которые *сидятъ* гостями за столами, съ царскимъ отцомъ и матерью вмѣстѣ, а въ церковь съ царемъ не ходятъ. Котошихинъ, стр. 6). Вошелъ Иванъ Никитичъ весь въ золотѣ, помолился святымъ иконамъ на всѣ на четыре стороны и челомъ ударивъ Государынѣ царевнѣ, сѣлъ за столъ рядомъ со своею боярынею Ульяной Өеодоровной; сѣли и бояре. Посидѣвъ немного, Иванъ Никитичъ послалъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Өеодоровичу всеа Русіи, боярина князя Данилу Ивановича Мезецкаго и велѣлъ Государю говорить рѣчь. И бояринъ князь Данила Ивановичъ, пришедъ, Государю говорилъ: «Государь царь и Великій Князь Михайло Өедоровичъ всеа Русіи! Бояринъ Иванъ Никитичъ велѣлъ тебѣ Государю говорити, прося у Бога милости, время тебѣ идти къ своему дѣлу». И царь и Великій Князь, вставши туть, поклонялся святымъ иконамъ и благословяся крестомъ у протопопа Благовѣщенскаго собора, вышелъ изъ золотой палаты, поддерживаемый тысяцкимъ княземъ, Иваномъ Борисовичемъ Черкаскимъ, и предшествуемый поѣзжанами, дружками, бояриномъ княземъ Иваномъ Никитовичемъ Одоевскимъ съ товарищами и думнымъ дьякомъ Иваномъ Грамотинымъ. Путь передъ Государемъ кропилъ святою водою крестовый недѣльный священникъ. Сзади Государя съ его колпакомъ (низался изъ жемчуга, надѣвался по верхъ шапки) шелъ стольникъ, князь Өедоръ Борисовичъ Татевъ, а за нимъ стольники и стряпчіе, которые остались за чинами. А чины сва-

дебные уряжалъ думный дьякъ, Иванъ Курбатовъ сынъ Грамотинъ, да Михайло Даниловъ. А поѣзжанъ и дворянъ, которые у царицыныхъ саней, вѣдали и сбирали окольничій князь Данило Ивановичъ Долгоруковъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ. Когда Государь показался на порогѣ Грановитой, Царевна и всѣ присутствующіе встали, протопопъ Максимъ сказалъ «достойно есть» и осѣнилъ Государя крестомъ. Государь, поклонившись святымъ иконамъ, пошелъ къ своему мѣсту, съ котораго большой дружко царскій, Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаской, поднялъ князя Якова Черкаского и, снявъ лежавшіе на сголовьѣ сорокъ соболей, отдалъ ихъ держать дьяку Андрею Подлѣсову. Сѣвъ рядомъ съ царевной со стороны Благовѣщенскаго собора, Государь далъ приказаніе всѣмъ занять прежнія мѣста. Стольники внесли тогда яства и поставили въ столы предъ царемъ, царевной и боярами, духовникъ царскій произнесъ молитву Господню, и всѣ, кромѣ молодыхъ, постившихся съ самаго утра до вечера, принялись «для чину» за ѣду, передъ царемъ же разрѣзывали кушанья, ставили передъ нимъ и вновь принимали со стола недотронутыми (Котошихинъ 7). Посидѣвъ мало, говорилъ протопопъ Максимъ молитву *покровенію главъ*, а послѣ того сваха, большая княгиня Олена Алексѣевна Черкаская, взявъ изъ рукъ дьяка Андрея Подлѣсова сорокъ соболей для опахиванія, стала трижды обносить ими вокругъ головы молодыхъ (Домострой), потомъ взяла лежавшее подъ кикою большое покрывало съ нашитымъ на немъ крестомъ, развернула его передъ царемъ и царевною и, завѣсивъ ихъ такимъ образомъ отъ взглядовъ всѣхъ находящихся въ палатѣ, дала держать концы онаго свѣчникамъ, которые встали съ обѣихъ сторонъ чертожнаго мѣста, съ возженными уже громадными свѣчами (ихъ зажгли Богоявленскою свѣчою, надѣли на нихъ обручи и обернули соболями, Вивліоѳика, стр. 7, ч. 13), въ самую минуту начала молитвы. Сваха между тѣмъ окунула гребешокъ въ чару съ медомъ, куда было положено немного хмѣлю да двѣ маковицы (Домострой), которую держалъ до этого времени дьякъ Дементій Образцовъ, а затѣмъ передалъ ее въ руки другой свахѣ (Вивліоѳика) и, нагнувшись подъ растянутое покрывало, стали въ образовавшейся отъ шелковаго платка полутьмѣ расчесывать волосы царю и, шелковистыя кудри царевны. Потомъ при помощи другихъ свахъ она на всегда запрятала ихъ роскошную красу подъ волосникъ и робко склоненную голову царевны накрыла женскимъ убрусомъ, расшитымъ золотыми дробницами, да жемчугомъ и увѣнчала серебряною кикою съ дрожащими на ней золотыми цвѣтами и сверкающими каменьями; затѣмъ, взявъ концы покрывала изъ рукъ свѣчниковъ, прикрыла имъ съ головы до ногъ царевну. Окончивъ «укручиванье» молодой, княгиня Олена Алексѣевна Чер-

каская осыпала ее и Царя червонцами, макомъ да хмелемъ изъ золотой мисы и опахивала ихъ сорока соболями. Во все это время большой дружко, Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаской, благословясь у отца и матери, разрѣзалъ на большомъ столѣ передъ Государемъ перепечу и сыръ и укладывалъ ломти на тарелки вмѣстѣ съ ширинками и убрусцами, «и бываютъ тѣ дары ширинки тафтяныя бѣлыя, шиты кругомъ золотомъ и серебромъ, около кисти золото съ серебромъ, а иныя золото и серебро съ шелкомъ» (Котошихинъ, 8 стр.), а царицынъ большой дружко, Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, подносилъ ихъ присутствующимъ. Государю онъ поднесъ особенно богато вышитый убрусецъ (въ Разрядныхъ Дворцовыхъ такъ онъ описанъ: отъ царевны и великой княгини убрусецъ тафтянъ, низанъ жемчугомъ и ширинку и каравай, стр. 773)». Къ великому Государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу Московскому и всея Русіи и къ великой Государынѣ инокинѣ Мареѣ Ивановнѣ отъ царевны и великой княжны ходилъ съ убрусцомъ съ низанымъ, и съ ширинкою, и съ перепечею, и съ сыромъ, царицынъ большой дружко, бояринъ Михайло Борисовичъ Шеинъ. Царицынъ меньшой дружко, князь Романъ Пожарскій, разносилъ отъ царевны ширинки, каравай и сыръ духовнику, отцу и матери царицы, и тысяцкому, и боярамъ, и боярынямъ сидячимъ, и боярамъ, и окольничимъ, которые въ чинахъ и поѣзжанамъ, и въ царицыны же хоромы къ боярынямъ, которыя въ компатѣ и боярамъ и боярынямъ, которыя у постели. Не забыта была свадебными дарами и схимница Дарья, въ міру царица Дарья Колтовская, четвертая жена Іоанна Грознаго; ей послали на Тихвинъ стольника князя Данилу Гагарина съ убрусцемъ, ширинкой, караваемъ и сыромъ.

Послѣ третьей яствы протопопъ, вставъ изъ за стола, учнетъ говорити по обѣдѣ молитву, и потомъ дружки у отца и у матери учнутъ благословлятися царю съ царевною и съ поѣздомъ идти къ вѣнчанью, и они ихъ благословляютъ; и потомъ отецъ и мать царя и новобрачную благословляютъ образами окладными, обложены золотомъ съ каменьемъ и съ жемчугомъ, и потомъ отецъ и мать, дочь свою взявъ за руку, отдаютъ Царю въ руки и прощаются; а какъ пойдутъ въ церковь, и въ то время въ палатѣ протопопъ благословляетъ каравайниковъ и свѣчниковъ, и свадебныхъ людей, и царя и царевну крестомъ. (Котошихинъ, 11). Царь, взявъ царевну за правую руку, выходитъ изъ Грановитой при радостномъ звонѣ Кремлевскихъ колоколовъ; «и въ то время учнутъ во всѣ колокола звонить и во всѣхъ церквахъ Бога молити о здоровьѣ его царскомъ и о царевниномъ и о сочетаніи законнаго брака» (Котошихинъ, 11).

Когда Грановитая опустѣла, первую скатерть, на которой рѣзали каравай и сыръ, снявъ отдали на дворецъ ключникамъ, и велѣно ее беречь запечатавъ, а на столѣ остались двѣ другія скатерти; а подушку Государя, на которой онъ сидѣлъ, положили тогда на царицыно сголовье, а сверху накрыли двумя сороками соболей, а у мѣста для береженья остался князь Андрей Даниловичъ Сицкой, а сорокъ соболей, которыми опахивали молодыхъ, дано держать дьяку Андрею Подлѣсову. Государь и Государыня, держась за руку, пошли сѣньми да лѣстницею, что́ у Грановитой палаты, гдѣ ожидали ихъ аргамакъ (лошадь Кабардинской породы) для царя и сани для царицы. Весь ихъ путь до саней устилали стряпчіе червчатымъ (малиновымъ)атласомъ (этими 45 аршинами пожаловалъ потомъ Государь стряпчихъ князя Дмитрія Александровича Ростовскаго, Петра Никитича Измайлова, Ивана Михайловича Толочанова, Андрея Ивановича Чепчугова, Ивана Азѣева Опухтина, Михайла Ефимова Телепнева). Аргамака держалъ подъ узцы ясельничій, Богданъ Матвѣевичъ Глѣбовъ, а на немъ до прихода Государева сидѣлъ конюшій, князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ (женатый на теткѣ Государя Настасіи Никитичнѣ Романовой, скончавшейся 9 Окт. 1655, Борисъ Михайловичъ умеръ 1646; дѣти ихъ Иванъ и Ульяна умерли въ младенчествѣ). Точно также, дожидаясь царевны, сидѣлъ замѣститель и въ ея саняхъ. Богданъ Глѣбовъ подвелъ коня Государя, съ котораго соскочилъ конюшій, и Государь ѣхалъ къ Пречистой Богородицѣ площадью, а передъ нимъ верхами 40 человѣкъ поѣзжанъ стольниковъ и дворянъ. Кравчій князь Василій Яншинъ, мурзинъ сынъ Сулешевъ, стольники Борисъ и Глѣбъ Ивановичи Морозовы, Иванъ Михайловичъ Шеинъ, князь Өедоръ Семеновичъ Куракинъ, Иванъ Васильевичъ Морозовъ, Иванъ Ивановичъ Салтыковъ, князь Петръ Калмурзинъ Урусовъ, князь Михайло Михайловичъ Темкинъ-Ростовской, князь Иванъ Никитичъ Хованскій, князь Михайло Петровичъ Пронской, князь Иванъ Борисовичъ Татевъ, Левъ Аөанасьевичъ Плещеевъ, князь Юрій Андреевичъ Сицкой, князья Петръ да Борисъ Александровичи Репнины, князья Петръ да Өеодоръ Дмитріевичи Пожарскіе, князь Иванъ Михайловичъ Кашинъ, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ, князь Матвѣй Васильевичъ Прозоровской, Өеодоръ Матвѣевичъ Бутурлинъ, Петръ Григорьевичъ Очинъ-Плещеевъ, Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, князь Никита Ивановичъ Егуновъ-Черкаской, Тимоөей Өеодоровичъ Бутурлинъ, Степанъ Яковлевичъ Милюковъ, князь Юрій Андреевичъ Звенигородской, Исаакъ Семеновичъ Погожевъ, Григорій Григорьевичъ Образцовъ, князь Иванъ Ивановичъ Ромодановской, Григорій Алексѣевичъ Зюзинъ, Семенъ Артемьевичъ Измайловъ (послѣ пораженія подъ Смоленскомъ и казни отца и брата

Василія, былъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь въ тюрьму), князь Θеодоръ Андреевичъ Хилковъ, молодой Θеодоръ Михайловичъ Толочановъ. Изъ дворянъ въ поѣздѣ были: князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ-Ростовской, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, Павелъ Волынской, Иванъ Васильевичъ Измайловъ, Яковъ Михайловичъ Боборыкинъ. А за ними ѣхали дружки и тысяцкой совсѣмъ передъ Государемъ съ боку, Борисъ Михайловичъ Лыковъ и ясельничій Богданъ Глѣбовъ шли пѣшими подлѣ коня Государя. За Государемъ въ большихъ и *налцовскихъ* саняхъ, обитыхъ золотыми атласами, слѣдовала царевна, подушки въ саняхъ были изъ малиноваго Турецкаго атласу съ золотыми по немъ травами съ бѣлыми, зелеными и лазоревыми кубиками, цѣнностью въ 100 р., однихъ соболей на обивку пошло на 1145 р. (Матеріалы въ Бытѣ Р. Царицъ, стр. 69). Противъ Государыни, которая была завѣшана покрываломъ, сидѣли четыре свахи. За санями шелъ окольничій князь Григорій Константиновичъ Волконской, дьякъ Иванъ Болотниковъ, да дворянъ Московскихъ сверстныхъ 23 человѣка: князь Алексѣй Васильевичъ Пріимковъ-Ростовской, Θедоръ Семеновъ сынъ Пушкинъ, князь Лука Осиповичъ Щербатой, князь Семенъ Звенигородской, князь Николай Петровичъ Борятинской, князь Романъ Ивановичъ Гагаринъ, Тимоθѣй Измайловъ, Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ, Θедоръ Кирилловичъ Плещеевъ, князь Семенъ Никитичъ Гагаринъ, Томило Юдинъ Луговской, князь Θедоръ Ивановичъ Волконской, Иванъ Константиновъ Карамышевъ, Ефимъ Григоріевичъ Телепневъ, Степанъ Ивановичъ Волынской, Степанъ Осиповичъ Карауловъ, Николай Никитичъ Новокщеновъ, Иванъ Романовичъ Безобразовъ и шесть Стрѣшневыхъ, всѣ родичи царицы. Сергѣй Степановичъ ея родной дядя по отцу (въ 1615 году воеводою, въ Алексинѣ, въ 1627 въ Воронежѣ, гдѣ и умеръ въ этомъ году), Илья Аθанасьевичъ, двоюродный братъ ея отца (въ 1615 году осадный голова въ Мещовскѣ), Матвѣй Θедоровичъ (назначенъ въ 1618 г. защищать Новодѣвичій монастырь въ 1627 и 1629 воеводою въ Костромѣ), Максимъ Θедоровичъ (братъ Матвѣя Θеодоровича, воевода въ 1627 въ Козьмодемьянскѣ въ 1635 на Устюгѣ Великомъ), Степанъ Θеодоровичъ (назначенъ въ 1627 въ Воронежъ замѣстить умершаго тамъ Сергѣя Степановича), Иванъ Филипповичъ (Устюжскій воевода въ 1609, въ 1629 воевода на Вагѣ, женатъ на Ульянѣ Ильиничнѣ). А съ ними для береженья, чтобъ никто межъ государя и государыни пути не переходилъ, шли царицины дѣти боярскіе 20 человѣкъ. Подъѣхавъ къ Благовѣщенскому собору, государь «сѣлъ съ коня на мостки, а Государыня вышла изъ саней, и они вошли боковыми дверьми, что̀ отъ Архангельскаго собора. Свахи большія держали царицу подъ руки, младшія слѣдовали за нею. Ты-

сяцкой и дружки предшествовали государю, а бояре вошли велѣдъ за нимъ. Войдя въ соборъ, царь съ царевною встали противъ царскихъ дверей на мѣстѣ вынесеннаго для этого случая амвона. Князь Ѳедоръ Сицкій постлалъ имъ подъ ноги 3 аршина камки червчатой куфтерь, сложенной вдвое и покрытой сорокомъ соболей, связанныхъ по двадцати соболей головами вмѣстѣ. Передъ началомъ царевну раскрыли (Котошихинъ), и Благовѣщенскій протопопъ Максимъ соборне съ двумя ключарями и протодіакономъ приступили къ обрученію царя и царицы. На клиросѣ пѣли дьяки строками. Съ государевыми свѣчами стояли на право противъ патріаршаго мѣста, а съ караваями налѣво около крылоса. Вино Фрязское держалъ въ скляницѣ бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, которое принесли за нимъ въ соборъ два погребныхъ ключника въ золотыхъ кафтанахъ и наливали въ скляницу съ отливкою (воронкою). Выпивъ трижды вино, Государь не растопталъ скляницы ногами по старинному обычаю, а велѣлъ взять въ алтарь протопопу. Послѣ вѣнчанія молодые сѣли на лавку у лѣваго клироса, крытую золотымъ Кизилбашскимъ (Персидскимъ) ковромъ, на два сголовья изъ малиноваго бархата въ золотыхъ разводахъ, которыя съ большимъ торжествомъ были внесены въ соборъ до вѣнчанія; въ ногахъ ихъ были двѣ колодочки (скамейки) обитыя клѣтчатой парчей, и научалъ ихъ государей Благовѣщенскій протопопъ Максимъ по священному преданію и, совершивъ поученіе, взялъ царицу за руку и отдалъ ее мужу и велѣлъ имъ межъ себя учинити цѣлованіе и по цѣлованію царицу покроютъ (Котошихинъ стр. 8), послѣ чего протопопъ и свадебный чинъ здравствовали ихъ вѣнчавши, а дьяки пѣвчіе пѣли царю и царицѣ многолѣтіе «демествомъ большое.» Во все время вѣнчанія поѣзжане разъѣзжали на площади; на аргамакѣ государя сидѣлъ конюшій князь Лыковъ, а на царициномъ мѣстѣ въ саняхъ Григорій Константиновичъ Волконской, а царицины дѣти боярскіе берегли путь и никому не давали переходить межъ государевымъ конемъ и царициными санями. А по поздравленіи протопопъ разоблачась идетъ изъ церкви вонъ и весь свадебный чинъ; а царь, взявъ свою царицу за руку и вышелъ съ нею боковыми дверями садится на аргамака, а она въ сани со свахами, а путь Государю и государынѣ до аргамака и до саней слали стряпчіе алыми камками. Подъѣхавъ къ Грановитой, царь спѣшился у лѣстницы и взявъ царицу за руку шелъ съ нею тою лѣстницею до Грановитой, устланной червчатыми атласами, а на аргамака сѣлъ конюшій князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и поѣхалъ къ сѣннику (брачная опочивальня царя) и ѣздилъ около сѣнника въ то время, какъ государь былъ тамъ съ голымъ мечомъ, а на царицино мѣсто въ сани сѣлъ ясельничій Богданъ Глѣбовъ и отвезъ ихъ на конюшню. А свѣ-

чи и караваи несли передъ государемъ во Грановитую и поставили на прежнихъ мѣстахъ. Въ сѣняхъ у дверей духовникъ благословилъ царя съ царицею крестомъ, и тысяцкій послалъ дружку напередъ къ родителямъ царя и царицы, и къ сидячимъ боярамъ и боярынямъ, которые во время вѣнчанія собрались всѣ въ Грановитую извѣстить ихъ, что царь съ царицею вѣнчались въ добромъ здоровьѣ и идутъ къ нимъ, а они отвѣчаютъ, что они пришествіе ихъ ожидаютъ, а сказавъ, дружка воротится и скажетъ ихъ рѣчи тысяцкому и «какъ царь идетъ изъ церкви въ хоромы и въ то время бываетъ звонъ во всѣ колокола.» Передъ входомъ въ Грановитую, протоіерей «вновь благословляетъ всѣхъ крестомъ и въ тоже время отецъ и мать царскіе царя и царицу благословляютъ иконами окладными, и потомъ отцы и матери бояре и боярыни царя и царицу поздравляютъ вѣнчався» (Котошихинъ 12). Царь съ царицею, сѣвъ на чертожное мѣсто, велѣли боярамъ и боярынямъ занять свои, и послѣ того приказалъ государь передъ собой въ столы ставить ѣства и подавать вина Фряжскія. Послѣ третьяго блюда передъ молодыми поставили «куря верченое» жаренную курицу, и большой государевъ дружка, князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаской, взявъ блюдо въ руки, положивъ на него еще перепечу (сдобный куличъ) и солонку, обернулъ все скатертью и отнесъ къ сѣннику, гдѣ отдалъ все боярину Өеодору Ивановичу Шереметеву. Послѣ того государь, вставъ изъ-за стола, взялъ государыню за руку и шелъ къ сѣннику, а съ нимъ тысяцкой, дружки и свахи всѣ. Иванъ Никитичъ Романовъ провожалъ его до дверей палаты, и, вставъ въ дверяхъ, говорилъ рѣчь: «Великій государь царь и великій князь Михайло Өеодоровичъ всея Русіи самодержецъ. Повелѣніемъ всемогущаго и всесильнаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего, и по благословенію отца своего, великаго государя святѣйшаго патріарха, Филарета Никитича Московскаго, и всея Русіи и матери своей великія государыни инокини Мареы Ивановны, изволилъ ты государь, по преданію апостольскому и святыхъ отецъ правиламъ, сочтатися законному браку въ наслѣдіе вѣчно вашему царскому роду, во обладаніе великихъ государствъ вашихъ, а пояти за себя царицу и великую княгиню Евдокію Лукьяновну. И ты великій государь свою царицу и великую княгиню Екдокію, а нашу государыню пріемли и держи, какъ человѣколюбивый Богъ въ законѣ нашей истинной православной Христіанской вѣры устроилъ и апостолы и отцы предаша». А изговоря поклонился, а образы государя и государыню не благословилъ. Бояре и боярыни сидячіе провожали государя и государыню до сѣнника. Свѣчи и караваи несли передъ ними и поставили свѣчи въ сѣнникѣ обѣ вмѣстѣ въ одну кадь во пшеницу у постели въ головахъ, а обручей со свѣчъ не снимали три дня, а какъ отошли три дня, свѣчи

вмѣстѣ свили и поставили въ церковь къ мѣстнымъ образамъ. Вездѣ по пути государя въ хоромахъ и въ сѣняхъ на всѣхъ четырехъ стѣнахъ поставлено было по иконѣ въ серебряномъ окладѣ. Передъ входомъ въ сѣнникъ Ульяна Ѳеодоровна Романова, посаженная мать, надѣла на себя соболью шубу шерстью вверхъ, и изъ другой мисы осыпала молодыхъ хмелемъ, макомъ, золотомъ и парчевыми лоскутами (Олеарій говоритъ на страницѣ 207, что эти платочки тоже высыпались на голову), и кормили свахи большія да дружки молодыхъ жареною курицею (Вивліоѳика, стр. 12).

Проводя государя, посаженные отцы, тысяцкой, дружки и бояре пошли въ Грановитую палату и сѣли бояре за столъ по правую руку, а поѣзжане и дворяне по лѣвую. Посаженныя же матери и боярыни пошли въ царицины хоромы.

По старинному обычаю опочивальня молодыхъ была устроена въ нежиломъ, нетопленномъ помѣщеніи и называлась сѣнникомъ или подклѣтомъ; всѣ въ немъ стѣны были обиты богатыми золотными коврами, по всѣмъ четыремъ сторонамъ поставлены иконы съ шитыми жемчугомъ застѣнками (пеленами), а надъ дверьми сѣнника внутри и съ надворья и надъ всѣми окнами золотые кресты съ мощами. Постель на ржаныхъ снопахъ стояла налѣво, въ головѣ ея иконы, царскія шапки и кадушка съ огромными восковыми свѣчами. Не знаемъ, были ли по всѣмъ четыремъ угламъ воткнуты стрѣлы и повѣшены на нихъ соболя да по одному калачу и стояли ли по всѣмъ лавкамъ по угламъ оловенники съ медомъ, какъ было принято дѣлать за сто лѣтъ ровно передъ тѣмъ на свадьбѣ Василія Ивановича, но такъ какъ всѣ остальные обычаи ни въ чемъ не измѣнились, то можно предположить, что и этотъ исполнили. (Вивліоѳика, ч. 13, стр. 11).

Сѣнникъ устраивали, подбивали коврами и были для береженія бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, да окольничіе Левъ Ивановичъ Долматовъ-Карповъ и царицынъ отецъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ. Они же стлали вмѣстѣ съ дружками, свахами и спальниками государеву постель; всѣ принадлежности для нея торжественно были принесены изъ царицыной мастерской палаты въ предшествіи воздвизальнаго креста и двухъ иконъ, Рождества Христова и Рождества Пречистыя Богородицы. Крестъ и иконы поставили у постели въ головахъ рядомъ съ образомъ Богоматери письма чудотворца Петра митрополита Московскаго, въ главахъ же помѣстили лавку съ двумя сголовьями, а на нихъ царскія шапки да рядомъ кадушку съ пшеницей, въ которую были воткнуты трехпудовая свѣча государя и двухпудовая

государыни съ золочеными обручами; въ ногахъ постели (вѣроятно тоже на скамью) постлали коверъ да одѣяло, да шубу соболью и все покрыли простыней. Самую постель постлали на двадцати семи ржаныхъ снопахъ, сверхъ сноповъ положили семь перинъ, семь бумажниковъ (перинъ набитыхъ ватой), сголовей бархатныхъ, атласныхъ и камчатныхъ и покрыли одѣяломъ изъ лазореваго атласу въ золотыхъ разводахъ съ жемчужною бахромою (гривою), нанизанною на малиновый атласъ, въ гривѣ были перемѣшены цвѣтныя каменья лалы, яхонты и изумруды (Бытъ Русскихъ Царей, 204).

Съ минуты вступленія государя въ сѣнникъ во всю ночь до разсвѣта князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ ѣздилъ на царскомъ аргамакѣ съ мечомъ на голо вокругъ сѣнника и близко къ тому мѣсту никого не допускалъ.

И послѣ того по времени велѣлъ государь бояръ посаженныхъ отца и мать тысяцкаго, дружекъ, свахъ и боярынь ближнихъ, которыя въ комнатѣ и которыя у постели, позвать къ себѣ. Государь вышелъ къ нимъ въ сѣни, и ему принесли кушанье легкое изъ приказныхъ блюдъ, ибо царь и царица весь тотъ день постили (Котошихинъ) и кромѣ жареннаго куска курицы ничего не ѣли. И кормили государя въ сѣняхъ посаженные отецъ и мать и бояре ближніе; а къ молодой царицѣ въ сѣнникъ вошли мать ея Анна Константиновна, двѣ родственницы, жены двоюродныхъ дядей, Ирина Прокофьевна жена Василія Ивановича Стрѣшнева, Ульяна Ильинична жена Ивана Филипповича; красавица Авдотья Васильевна Черкаская, жена Ивана Борисовича, двоюроднаго брата государя и тысяцкаго, двѣ тетки государевы, сестры патріарха Филарета, вдова Ирина Никитична Годунова и княгиня Настасья Никитична Лыкова, жена Бориса Михайловича, исполнявшаго должность конюшаго, Марья Петровна Шереметева, жена Ѳеодора Ивановича, княгиня Марья Ивановна Пронская. И кормили государыню въ сѣнникѣ.

А. Милорадовичъ.

Село Ивановка,
1897 года 4 Октября.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА *).

Письма разныхъ лицъ.

Я непремѣнно, сударикъ, хочу разбудить тебя въ мирномъ снѣ твоемъ; ибо конечно ты такъ заснулъ, что и забылъ совершенно человѣка, любящаго тебя чистосердечно, какъ жизнь свою. Хотя я уже нѣсколько мѣсяцевъ отъ тебя ни строчки не имѣла, хотя и писала къ тебѣ, но ты не отвѣчалъ. Послѣднее мое было *чрезъ пѣвицу нашу* [1]). Скажи, что̀ я тебѣ сдѣлала и чѣмъ заслужила сіе? Развѣ тѣмъ, что чувства мои тебѣ совершенно посвящены; сердиться я на тебя не могу, а что̀ больно, то правда. Ты блажишь, что нездоровъ; а я скажу, что навѣдомясь чрезъ зятя Зубова о тебѣ, отъ него слышала, что ты былъ у нихъ однако. Я лучше замолчу, а скажу, что я хочу только знать, что̀ ты съ отпускомъ своимъ располагаешь дѣлать и могу ли я надѣяться тебя у насъ видѣть. Прости, вспомни иногда стараго дружка княгиню Елену Вяземскую [2]). Яшенькѣ [3]) кланяйся.

5 Апрѣля 1795 года.

*

По высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію, объявленному отъ его прев-ва господина генералъ-маіора и кавалера Григорія Григорьевича Кушелева въ письмѣ ко мнѣ, полученномъ вчерашняго дня, указано: выбрать въ Селѣ Царскомъ приличный домъ по сношенію лейбъ-кирасирскаго Его Величества полка съ господиномъ полковникомъ Рожновымъ къ устроенію для больныхъ того полка служителей штатами безъ промедленія времени со всѣмъ нужнымъ къ помѣщенію оныхъ. Исполнивъ сіе выс. соизволеніе, покорнѣйше прошу

---

*) См. выше, стр. 157. Обычныя начала и окончанія писемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, для краткости, опускаются.

[1]) По всей вѣроятности Прасковью Ивановну, впослѣдствіи супругу графа Н. П. Шереметева. П. Б.

[2]) Княгиня Елена Никитична Вяземская, дочь и супруга генералъ-прокуроровъ. По отцу своему князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому она приходилась двоюродной сестрой графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Шереметевой, матери графа Н. П. Шереметева. Одна изъ ея дочерей была за Дм. Александр. Зубовымъ, братомъ царицына любимца.. П. Б.

[3]) Яковъ Петровичъ Реметевъ, побочный братъ графа Н. П. Шереметева. П. Б.

в. с. приказать находящемуся въ Селѣ Царскомъ коммисару въ должности гардмебеля Шуберту очистить занятый на время гардмебельскою должностью, состоящій въ Царскосельской слободѣ, казенный деревянный домъ вѣдомства Конторы Царскосельской бывшаго каменнаго мастера Минчаки, также въ каменномъ флигелѣ, гдѣ помѣщается во время высочайшаго присутствія отецъ-духовникъ, противу его комнатъ, занятый малымъ числомъ мебелей, покой для квартированія чиновникамъ того полка, какъ кромѣ сихъ двухъ мѣстъ нѣтъ другихъ домовъ. Затѣмъ еще прошу в. с. приказать тому Шуберту дать потребное число въ казенные дома, которые будутъ заняты полковымъ штабъ и оберъ-офицерами, изъ простыхъ кроватей, стульевъ и столиковъ, на чтò я буду ожидать отъ в. с. съ симъ же нарочно посланнымъ о приказаніи къ настоящему выполненію высочайше повелѣннаго, и за тѣмъ остаюсь и пр. Михаилъ Изъѣдиновъ.

20 Генв. 1797.

*

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Въ прошедшей ночи взятъ патрулями отъ гаубвахты у арсеналу безчувственно пьяный мундшенкскій помощникъ Петръ Алымовъ, который, вытрезвясь, поступилъ весьма грубо съ дежурнымъ на гаубвахтѣ, коего къ вашему сіятельству на разсмотрѣніе при семъ представить честь имѣю. Впрочемъ съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ пребуду Алексѣй Аракчеевъ.

Февраля 11 дня 1797.

*

Какъ извѣстна вашему сіятельству милость Его Императорскаго Величества, что приказать изволилъ взять моихъ дочерей ко дворцу Ноября 29 дня, и онѣ все еще при мнѣ находятся: то я осмѣливаюсь безпокоить ваше сіятельство моею покорною просьбою сдѣлать милость помѣстить моихъ дочерей во дворцѣ, для того, что я по обстоятельствамъ моимъ должна ѣхать изъ Петербурга, то не имѣю здѣсь у кого ихъ оставить. Пожалуйста, ваше сіятельство, доставьте сіе благодѣяніе мнѣ несчастной и моимъ дѣтямъ, которыя утѣснены разными огорченіями, то хотя бы съ этой стороны покойна быть могла, чтобы милость государская была выполнена. Ежели будетъ ко мнѣ ваше благодѣяніе, то покорно прошу меня увѣдомить, когда ихъ привезти во дворецъ; я сама не знаю, на какомъ положеніи остаются дѣти мои и надѣюсь на великодушіе ваше, что покорная моя просьба не будетъ оставлена, а меня обязать изволите навсегда благодарностью и высокопочитаніемъ, съ которымъ имѣю честь быть и пр. покорная Авдотья Нелединская.

16 Февраля 1797.

*

При семъ препровождаю для свѣдѣнія в. с-ва двѣ учиненныя Коммиссіей повѣстки, изъ коихъ по одной всепокорнѣйше прошу приказать чрезъ вѣсточныхъ лакеевъ извѣстить всѣмъ придворнымъ дамамъ и кавалерамъ о съѣздѣ ихъ въ назначенный день и число въ Петровскій дворецъ, а по другой равномѣрно спросить у всѣхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, у кого есть парадные экипажи и кто изъ нихъ пожелаетъ имѣть парадный свой экипажъ въ церемоніи при высочайшемъ въѣздѣ въ Москву, въ силу статей о предыдущихъ знатныхъ особъ экипажахъ, означенныхъ въ церемоніяхъ, съ которыхъ писаны у васъ копіи еще въ Петербургѣ. Равномѣрно прошу в. с-во дать мнѣ знать, какое число можете вы пожаловать для высочайшаго въѣзда двора Е. И. В. камерлакеевъ, гайдуковъ, скороходовъ и лакеевъ. Петръ Валуевъ.

Мартъ 1797.

*

За необходимый долгъ поставляю себѣ симъ ваше сіятельство увѣдомить, что Его Императорское Величество сего Марта 22 дня, то-есть Воскресенье, высочайшее свое присутствіе воспріять изволитъ въ церковь Св. Василія Кессарійскаго ко служенію обѣденной литургіи, для чего мною уже приказано, чтобъ всѣ придворные пѣвчіе тамъ были, а ваше сіятельство покорнѣйше прошу, по неимѣнію въ той церкви, для Ихъ Величествъ ковровъ, коихъ потребно два, ежели у вашего сіятельства имѣются, пребывая и пр. графъ Тизенгаузенъ.

20 Марта 1797.

*

Государь императоръ соизволилъ указать, дабы отпущено было въ гвардію въ Преображенскій полкъ гренадерскій батальонъ генералъ-маіора Аракчеева на пятьсотъ девяносто три человѣка на каждаго по одному фунту говядины. Г.-адъютантъ Нелидовъ.

Апрѣля 20-го дня 1797 года.

*

Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ въ означенныхъ, въ прилагаемыхъ при семъ планахъ, компатахъ Гатчинскаго дворца сдѣлать къ прибытію его величества въ Гатчину балдахины: для его величества въ бельэтажѣ въ проходной комнатѣ, чтò изъ зала проходитъ въ столовую подъ литерою Д, въ нижнемъ этажѣ, подъ портретомъ Государя Петра Великаго, не снимая онаго, подъ литерою С; для ея величества императрицы въ бельэтажѣ въ картинной комнатѣ, чтò изъ Китайской сдѣлана подъ литерою Е; для его величества Александра Павловича въ верхнемъ этажѣ подъ литерою А, а подъ литерою В будетъ опочивальня его высочества, о чемъ

дано повелѣніе архитектору Брену. Впрочемъ пребываю и т. д. Григорій Кушелевъ.

Минскъ,
Мая 10-го дня 1797 года.

*

Камерфурьеръ Назаровъ, не имѣвъ съ собою на расходы иныхъ денегъ кромѣ ассигнацій, которыхъ по неимѣнію въ Литвѣ мѣдныхъ денегъ промѣнивать было не можно, а на серебряныя безъ потери по курсу лажу равномѣрно вымѣнивать нельзя, просилъ меня дать ему триста червонныхъ и мнѣ въ нихъ далъ росписку, съ тѣмъ, что изъ дворцовой канцеляріи тѣ деньги мнѣ возвращены будутъ. Я, выдавъ оныя, помянутую росписку при семъ имѣю честь къ вашему сіятельству препроводить съ покорною просьбою означенныя деньги мнѣ возвратить. Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. князь Николай Репнинъ.

Вильно.
24 Мая 1897 года.

*

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобъ двора Его Величества камерпажи ѣздили на гулянье и на вахтпарадъ въ маленькихъ кафтанахъ, для чего и сдѣлать всѣмъ имъ тѣ кафтаны, а сумму, сколько на оное потребно, требовать изъ придворной канцеляріи, и сей Его Императорскаго Величества указъ Придворной Конторѣ объявляю къ исполненію. Графъ Віельгорскій.

Въ гор. Павловскомъ.
Іюня 2-го дня 1797 г.

*

Какъ сего Іюня 3-го дня вѣдомства придворной конторы кихеншрейберъ Алексѣй Самсоновъ, при выѣздѣ его въ городъ Павловскъ на заставѣ при спросѣ, чтò онъ за человѣкъ, объявилъ, что онъ поручикъ, Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобъ отнынѣ и впредъ никогда придворные чины себя такъ не именовали и не сказывали, а объявляли бъ всегда тотъ чинъ, какимъ кто при высочайшемъ дворѣ служитъ, о чемъ всѣмъ имъ и объявить. И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторѣ объявляю къ исполненію. Графъ Віельгорскій.

Павловскъ.
Іюня 4-го дня 1797 г.

*

На почтенное вашего сіятельства письмо отъ 3-го сего Іюня имѣю честь донести, что за сельтерскую воду, которую ваше сіятельство купить изволили, деньги 1500 р. отпустить къ вашему сіятельству отъ меня приказано; что жъ принадлежитъ до чаю, какъ вашему

сіятельству небезызвѣстно, что по многому отысканію и въ Москвѣ лучшаго отыскать было неможно, и что нынѣ отысканной ея величеству Государынѣ Императрицѣ понравился, поставляю и я за счастіе; и онаго отыскано 20 фунтовъ, то и купленъ оный весь, и приказано хранить въ овошенной единственно для собственнаго Ея Величества употребленія, изъ котораго и отправлено въ Павловское 5 фунтовъ.

Графъ Николай Румянцовъ.

5 Іюня 1797.

*

Ея императорскому величеству Государынѣ Императрицѣ благоугодно было меня увѣдомить, что ваше сіятельство, снисходя къ здѣшнему Воспитательному Дому, по сродному вамъ состраданію, дали повелѣніе въ Московскую домовую контору, на случай настоящаго недостатка въ кормилицахъ, уговорить изъ близъ лежащихъ къ Москвѣ вашихъ деревень. Не могъ я также равнодушно слышать обѣщаніе отъ васъ награды тѣмъ, которыя дѣтей вскормятъ, сверхъ получаемой отъ Дома; но какъ уже нѣкоторое къ тому время прошло, а ни одной кормилицы изъ вашихъ вотчинъ не явилось, когда же я посылалъ въ нѣкоторыя, то охочихъ довольно было, а не смѣли на то пуститься безъ позволенія вашего главнаго управителя, между тѣмъ погибаетъ у насъ много дѣтей: то и побуждаюсь симъ всепокорно вашего сіятельства просить о подтвержденіи въ здѣшнюю домовую контору о семъ человѣколюбивомъ вашемъ подвигѣ; ибо я увѣренъ о склонности вашей и готовности ко всякому добру.

Принимая участіе во всемъ до вашего сіятельства принадлежащемъ, искренно поздравляю съ высочайшимъ наименованіемъ оберъ-камергеромъ, находя съ своей стороны вашего сіятельства увѣдомить, что въ бывшее 28-го Октября производство и я пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, ибо увѣренъ о всегдашнемъ вашемъ ко мнѣ расположеніи и дружбѣ. Александръ Протасовъ.

Москва, 22-го Ноября 1798 года.

О взятіи крестьянкамъ его сіятельства изъ Воспитательнаго Дома на воспитаніе младенцевъ писано въ его сіятельства Московскую канцелярію Ноября отъ 9 и 22 чиселъ сего 1798 г. На сіе письмо въ отвѣтъ отъ его сіятельства писано Ноября 30 дня 1798 года.

*

Придворная служба вынудила графа Николая Петровича купить домъ въ Павловскѣ у танцовщика Лепика (Le Picq), отъ котораго и до нынѣ сохранилось названіе Пикова переулка. Другой домъ купленъ былъ имъ въ

Гатчинѣ, о чемъ сохранилось свѣдѣніе въ дѣлахъ его домовой конторы. „Вознамѣрясь купить домъ у князя Григорія Семеновича Волконскаго, состоящій въ городѣ Гатчинѣ, и препровождая при семъ присланные отъ него на мѣсто подъ тѣмъ домомъ данную, планъ и купчую, выданные ему отъ князя Алексѣя Борисовича Куракина, предписываю совершить на имя мое отъ крѣпостныхъ дѣлъ купчую въ покупкѣ его за 2700 рублей и слѣдующую по законамъ съ той суммы пошлину заплатить, а по совершеніи купчей означенное число денегъ 2700 р. доставить е. с. князю Григорію Семеновичу Волконскому." На бумагѣ надпись „собственной моей канцеляріи", но года нѣтъ. Въ „Описаніи города Гатчины" (изданномъ по случаю его столѣтія) упоминается домъ графа Николая Петровича: „Въ Екатеринвердерѣ, кромѣ четырехъ воинскихъ казармъ, въ 1798 г. имѣлось четыре частныя постройки, принадлежавшія: 1) генералу-фельдмаршалу князю Николаю Репнину, 2) оберъ-гофмаршалу графу Николаю Шереметеву, 3) ген.-адъютанту Дмитрію Неплюеву и 4) камергеру графу Августу Ильинскому. У въѣзда въ Екатеринвердеръ были ворота, около которыхъ въ 1797 г. строились двѣ каменныя караулки".

Домъ въ Павловскѣ подаренъ былъ графомъ Д. Н. Шереметевымъ Ю. Ѳ. Грепингу.

На Петергофской дорогѣ у графа Николая Петровича была дача „Шампетръ" (Champêtre), гдѣ, по словамъ Т. В. Шлыковой, было необыкновенно сыро, и житья не было отъ комаровъ. Ульянка куплена имъ уже послѣ кончины графини Прасковьи Ивановны, у графа Н. П. Панина.

Зная в. с. великодушіе и увѣренъ будучи въ вашей ко мнѣ милости, беру смѣлость симъ адресоваться по долгу моего родства къ князю Василію Алексѣевичу Урусову и къ княгинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Касаткиной, которыхъ вся участь зависитъ отъ в. с., такъ какъ при выдачѣ замужъ княгиню Варвару Алексѣевну за князя Касаткина сдѣлали ей ваше милостивое награжденіе деревнями и деньгами; а какъ я помню, что во время ея свадьбы в. с. объявили покойной тетушкѣ нашей княгинѣ Екатеринѣ Борисовнѣ, также и покойному моему брату князю Алексѣю Васильевичу и всѣмъ намъ роднымъ, что вы исполняете оное награжденіе по назначенію вашего покойнаго родителя, но что вы при томъ не оставите выполнить и то, чтобъ князю Василію Алексѣевичу осталась приданая деревня княгини Екатерины Борисовны, село Вершилово, а меньшой ихъ дочери княгинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ подмосковную Серпуховскую, и что вы всѣхъ ихъ такимъ образомъ уравняете. Но къ сожалѣнію теперь у княгини Варвары Алексѣевны съ братомъ ея княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ выходитъ великое несогласіе. Она говоритъ, что получила награжденіе отъ в. с., а по за-

конамъ еще ей слѣдуетъ получить послѣ родителей 14-ю часть, то и зависитъ отъ рѣшенія в. с., слѣдуетъ ли ей получить часть изъ оставшагося имѣнія или этимъ в. с. сдѣлали ей награжденіе, чтобъ она онымъ была довольна; то ей должно подать отъ себя отзывъ, что послѣ родителей своихъ ни она, ни ея наслѣдники никакой претензіи не имѣютъ, чтобъ они остались безо всякихъ слѣдствій для ихъ дѣтей. И какъ в. с. расположите, то покорно прошу къ княгинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ отписать; а мое истинное желаніе, чтобы стараться по ровной къ нимъ моей привязанности о прекращеніи ихъ ссоры и установленіи ихъ спокойствія. Я же сердечно желаю вѣдать о здоровьи в. с. и именно донесть, что всѣ ваши пріятели, а особливо оберъ-камергеръ князь Александръ Михаиловичъ Голицынъ, крайне жалѣютъ объ отсутствіи в. с. изъ Москвы, а больше всѣхъ сожалѣніе имѣетъ тотъ, который навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. князь Петръ Урусовъ.

Притомъ могу увѣрить в. с., что меня ни моя племянница, ни племянникъ объ ономъ не просили, и не знаютъ, что я къ вамъ писалъ. А по моему истинному чистосердечію и надѣясь на вашу ко мнѣ милость, долгомъ почелъ увѣдомить о семъ в. с., милостиваго государя.

Москва. Іюня 18-го 1800 года.

Письма графа Н. П. Шереметева.

Къ гофмаршалу графу Тизенгаузену.

1.

Французскіе метръ д'отели должны приготовлять всякій день непрестанно для высочайшаго императорскаго стола одинъ паштетъ холодный съ рябчиками, дичью и трюфелями, да два раза въ недѣлю блюдо кровяныхъ сосисокъ, называемыхъ будингъ.

Августа 19-го 1798.

2.

Quoique il était dit que le sieur Michel devrait préparer douze bouteilles à la fois de vin de bichof pour Sa Majesté Impériale, mais comme il est plus convenable que ce vin puisse être toujours frais, il ne fera que par six bouteilles à la fois. Comme il arrive que les viandes dans quelques entremets de la table impériale se trouvent souvent trop dures, à quoi l'on peut citer un exemple qu'hier à table le mouton était bien dur, les maîtres d'hôtels français doivent surtout prendre garde que toutes les viandes qu'ils préparent pour la table de Sa Majesté soient moux et tendres, sans quoi ils ne pourront être acceptées sur les comptes et payées.

Къ неизвѣстному лицу.

Теперь приступлю къ отвѣту на дружественныя ваши ко мнѣ письма о домѣ графа Разумовскаго. Я совершенно съ вами согласенъ и думаю, что лучшее и способнѣе для меня нѣтъ, хотя признаюсь, что скученное его положеніе не имѣетъ никакого вида, и только одна Воздвиженка, и та малолюдна; но со всѣмъ тѣмъ покорнѣйше прошу продолжать ваше о семъ попеченіе и взять на себя трудъ приводить оное къ концу, а для онаго и прилагаю я при семъ письмо къ графу Алексѣю Кириловичу. Желалъ бы я очень, прежде нежели совсѣмъ рѣшиться, увидать планъ и знать, есть ли въ ономъ домѣ церковь и садъ; ибо хотя я и помню, что церковь была, принадлежащая къ оному дому, но не знаю, перейдетъ ли сія принадлежность къ тому кто домъ купитъ. А при томъ нужно мнѣ знать: тотъ домъ, гдѣ жила Софія Осиповна [1]) и который для нея нарочно строенъ, входитъ ли въ счетъ продажи на самую туже назначаемую цѣну. Я совершенно васъ уполномочиваю дѣлать по сей покупкѣ все, что̀ вы заблагоразсудите и къ пользѣ и къ принятію нужныхъ мѣръ. Нужно весьма быть увѣрену, что и мебели изъ онаго дома не будутъ выбраны, а останутся, такъ какъ они теперь, изъ коихъ многіе я самъ помню. Въ разсужденіи платежей вамъ мнѣ нечего описывать. Скажу только, что таковой знатной суммы чистыми деньгами не нахожу я средствъ заплатить, при чемъ не можно ли будетъ подъ залогъ того дома 100.000 р. перевесть платежемъ на себя, съ тѣмъ же или хоть другимъ залогомъ? Повторяю и еще, что оставляю все на дружественное ваше о мнѣ попеченіе и буду ожидать о всемъ отвѣта вашего, пребывая и пр. Вашего превосходидительства покорный слуга графъ Шереметевъ.

Августа 22-го дня 1799 г.

Объясненіе ваше съ графомъ Иваномъ Петровичемъ [2]) въ разсужденіе посѣщенія его Марковскихъ дачъ съ охотою и отвѣтъ, сдѣланный ему вами, что Марково отъ собственнаго моего распоряженія за-

---

[1]) Пріятельница стараго вдовца гетмана Разумовскаго, графиня С. О. Апраксина, ур. Закревская, мать графини В. Н. Завадовской. Московскій домъ на Воздвиженкѣ принадлежалъ нѣкогда Нарышкинымъ и достался сыну гетмана графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому отъ его матери, Екатерины Ивановны, ур. Нарышкиной. По нынѣ существующая прекрасная церковь на дворѣ этого дома (разоренная въ 1812 году непріятелями и возобновленная графомъ Д. Н. Шереметевымъ въ 1842 году) воздвигнута, когда это владѣніе принадлежало одному изъ Нарышкиныхъ. П. Б.

[2]) Салтыковымъ, тогдашнимъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ. П. Б.

виситъ, весьма согласовалось съ моими мыслями. Марково[1]) одно только такое мѣсто, которое оставляю и сберегаю я для себя; зайцы тамъ не только набѣглые, но въ бытность мою много ихъ куплено и насажено единственно для своего собственнаго удовольствія: ибо по болѣзни моей гемороидальной не могу я сдѣлать дальней поѣздки, да и покойнымъ родителемъ моимъ тутъ зайцы сажены, и немало за то заплачено. Послѣ сего согласитесь вы сами, что если не имѣть мнѣ ни одного убѣжища, которое могло бы служить ко временному моему удовольствію, то что же бы мнѣ послѣ сего осталось? Я, конечно, по родству и по искренней привязанности моей, охотно все пріятное сдѣлать желаю, и для того, если угодно, соглашаюсь предоставить Константиново, Николаевское и Троицкое для графа Ивана Петровича; у меня и тамъ сбереженныя мѣста, и никого не пускаю, но изъ уваженія къ графу желаю доставить сіе удовольствіе. А что̀ Измайловъ[2]) посѣтилъ Марково, то довольно извѣстно вамъ самимъ, что оное было совсѣмъ противно моей волѣ, безъ всякаго позволенія и насильно. Слѣдовательно не всякій согласится такимъ образомъ воспользоваться. Я покорно прошу при свиданіи вашемъ съ гр. Иваномъ Петровичемъ изъяснить, что всѣ прочія мѣста остаются къ его услугамъ для охоты.

Іюля 30-го дня 1800 г.

Переписка съ А. Ѳ. Малиновскимъ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій (1762—1840), впослѣдствіи сенаторъ, служилъ тогда въ Московскомъ Архивѣ Министерств Иностранныхъ Дѣлъ молодымъ чиновникомъ. Отецъ его, Ѳедоръ Аксентьевичъ, протоіерей Троицкой церкви въ Сущевѣ (въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ подворьемъ митрополита Платона), пользовался особеннымъ уваженіемъ графа Н. П. Шереметева, который приблизилъ къ себѣ и его сыновей: Алексѣй Ѳедоровичъ завѣдывалъ постройкою Московскаго Страннопріимнаго дома и служилъ первымъ его директоромъ, а Павелъ Ѳедоровичъ былъ впослѣдствіи однимъ изъ опекуновъ малолѣтняго графа Дмитрія Николаевича. П. Б.

Кончивъ какъ можно было скорѣе препорученное мнѣ вашимъ сіятельствомъ дѣло, имѣю честь препроводить у сего, во первыхъ Архивной Коллегіи Иностранной свидѣтельство, въ которомъ включена и поколѣнная роспись, изъ Герольдіи сообщенная. Въ извѣстіяхъ о службахъ знаменитыхъ предокъ вашихъ я пріискалъ документъ на все, что̀ упомянулъ достойнѣйшій мой учитель покойный г. Миллеръ. Удо-

---

[1]) Помѣстье въ Коломенскомъ уѣздѣ. См. о немъ статью графа С. Д. Шереметева въ Майской книжкѣ журнала „Природа и Охота“ 1896 года. П. Б.

[2]) Предшественникъ гр. Салтыкова на Московскомъ генералъ-губернаторствѣ. П Б.

стойте особенно обратить вниманіе ваше на то, что графъ Борисъ Петровичъ означенъ не Имперскимъ, а Россійскимъ графомъ. Не взыщите, в. с., если не найдете вы въ родословной вашей Ксеніи, въ монашествѣ Мареы Ивановны, родительницы царя Михаила Феодоровича. Это оттого, что она была не Ивана Васильевича Шереметева дочь, а Ивана Васильевича изъ фамиліи Шестовыхъ. Я самъ читалъ вкладную старинную Новоспасскаго монастыря книгу, въ которой написано, что она въ 1631 году, на поминъ дѣда своего Ивана Михайловича Шестова и отца своего Ивана Васильевича, отдала въ тотъ монастырь старинную свою родовую вотчину село Домнино съ деревнями, и во многихъ книгахъ сіе уже напечатано. Почитать васъ, сіятельный графъ я по всему обязанъ былъ, но искренно любить вы меня заставили. Алексѣй Малиновскій.

Москва. 15 Декабря 1797.

*

Строеніе гошпитальнаго корпуса очень скоро идетъ, въ бельэтажѣ подъ окнами уже перемычки выведены. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ кончатъ каменную работу, а въ будущемъ покроютъ. А. Малиновскій.

Москва. 3-го Августа 1803 г.

*

Сохраняя всегда въ памяти привязанность и дружество ваше, поставляю пріятнымъ долгомъ предупредить васъ, чтобы вы не удивились, увидя повелѣніе, данное на имя Дмитрія Любимовича Похвиснева въ разсужденіи небольшого строенія въ сельцѣ Жихаревѣ*). Прекрасное мѣстоположеніе того сельца подало мнѣ мысль построить небольшую хижину, которая со временемъ можетъ для меня быть пріятнымъ уединеніемъ и, зная усердіе ко мнѣ г. Похвиснева, препоручилъ ему выполнить, а между тѣмъ не хотѣлъ при томъ васъ оставить безъ увѣдомленія, имѣя случай симъ увѣрить васъ въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности, съ каковыми пребуду. Гр. Н. Ш.

P. S. Здѣсь сказанное ничто иное думаю, какъ мечта, и то для того, если вздумается мнѣ, по грусти моей, поѣздить по бѣлу свѣту и чтобы, не заѣзжая въ Москву, могъ я недѣли три прожить подъ Москвою. Истинно скажу, ничего не будетъ; но не лишнее узнать оное мѣсто, столь положеніемъ пріятное. Мимоходомъ здѣсь скажу, что канцелярія теряетъ планы и также мои повелѣнія. Прошу потрудиться приказать отыскать виновныхъ и наказать и мнѣ дать знать. Желаю вамъ время провести благополучно и зиму встрѣтить весело.

18-го Октября 1803 г.

*

---

*) Жихарево близъ береговъ р. Истры; желаніе гр. Николая Петровича не осуществилось.

Вѣрно дошло до вашего свѣдѣнія, что Елена Сергѣевна Шереметева *) потеряла солитеръ, г. Балку принадлежащій и болѣе 12 тысячъ стоющій. Чрезъ Салтыкову Настасью Ѳеодоровну настраивали меня, чтобъ я тотчасъ отписалъ вамъ о семъ, видно въ чаяніи, что вы горю поможете; но я уклонился отъ сей комиссіи и пишу къ вамъ теперь въ настоящемъ разумѣніи не вплетаться ни во что въ постороннее. Камень этотъ потерянъ, скажу вамъ за секретъ, не самою Еленою Сергѣевной, а дѣвочкой, которая у нея живетъ; кто она такова, я не знаю.

28-го Дек. Получ. 7 Генв. 1805 г.

*

Элегія г. Дюваля въ честь и память достопочтеннѣйшей супруги вашей написана такъ пріятно для меня, что я желалъ самъ перевести ее порусски; но теперешній родъ жизни моей совсѣмъ противуположенъ стихотворческимъ упражненіямъ. И такъ, сыскавъ способнаго къ тому молодого человѣка, г. Бардовскаго, студента университетскаго, я возбудилъ въ немъ желаніе къ переводу сему и нѣсколько помогъ ему выразить лучшія мѣста. Да усладите сей день печали вашей. Знавъ мѣру чувствительности вашей, буду заочно сострадать вамъ. Алексѣй Малиновскій.

Если угодно будетъ, то можно и напечатать.

17 Февраля (1804).

*

Болѣ чувствую необходимость въ вашемъ присутствіи. Отдаленность же можетъ и добрыя намѣренія мои либо исказить, либо совсѣмъ другое теченіе имъ дать. Алексѣй Малиновскій.

Москва.
31-го Января 1805 г.

*

Объ потерѣ сдѣланной Еленою Сергѣевной болѣе ничего сказать не могу; какъ потеряла перстень, дѣвочка и сама не знаетъ. Всѣ считаютъ, что племянникъ не станетъ отыскивать сей потери, и потому и кончится сіе на томъ. Не знавши короткаго вашего отношенія къ сей особѣ, не могу и сказать, прилично ли вамъ ей сдѣлать подарокъ. Ручаюсь вамъ за себя и на предбудущее время, что отъ подобныхъ сему посредничествъ всегда буду уклоняться, чему были уже опыты. Усладите монотонію письма моего нѣжнымъ поцѣлуемъ за меня маленькаго графа Дмитрія Николаевича; не могу налюбоваться изображеніемъ его; подлинникъ долженъ быть ненаглядный. Канцлеръ графъ Воронцовъ

*) Е. С. Шереметева, владѣтельница Нижегородскаго села Богородскаго.

очень хвалилъ портретъ дитяти, съ уваженіемъ отзывался о почтенной матери его, называя ее необыкновеннѣйшею изъ женщинъ и интересовался о здоровьѣ вашемъ; за день передъ тѣмъ, какъ я былъ у него, получено извѣстіе, что дѣло Баландинское кончено. А. Малиновскій.

Получено 21 Генваря 1805.

*

По порученію вашего сіятельства объ Иванѣ Ковалевскомъ [1]) я приложу то попеченіе, котораго вы требуете отъ меня. Какъ скоро онъ явился ко мнѣ, то я, испытавъ его свѣдѣнія и свойства, призналъ его не весьма далекимъ въ успѣхахъ ученія и нѣсколько шаловливымъ. Предопредѣляю его отдать народныхъ школъ учителю г-ну Виноградскому, человѣку надежнаго поведенія съ тѣмъ, чтобъ онъ выучилъ его чисто писать, правиламъ грамматики и ариѳметики и неослабный бы надзоръ имѣлъ за его поведеніемъ. За содержаніе его пищею и за ученіе сіе должно заплатить 200 р. въ годъ, да сверхъ того прошу назначить ему рублей до 100 на пристойное платье и обувь. Желательно бы было, чтобъ онъ на прошлый годъ годился быть помѣщенъ въ штатъ Дома Странноприимнаго на одну изъ вакансій; впрочемъ же сіе расположеніе совершенно предаю воли вашей, а изъясняю здѣсь только мою мысль, ибо ввѣрить судьбу его постороннему начальству не такъ удобно, а чины сего рады будутъ зависить единственно отъ опредѣленія вашего. Имѣю и проч. Алексѣй Малиновскій.

Москва.
27-го Марта 1805 г.

*

Здѣсь переходитъ изъ рукъ въ руки заключеніе Государственнаго Совѣта по просьбѣ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго о воспитанникахъ его Перовскихъ и объ матери ихъ, и всѣ единогласно прославляютъ оное. Пишу о семъ для того, что касается сіе до ближайшей вамъ персоны, которой имя въ сей бумагѣ упоминается [2]). О Димитріѣ Адамовичѣ [3]) могу удостовѣрить васъ, что онъ внѣ опасности и оправляется. Я навѣщаю его. А. Малиновскій.

13 Апрѣля 1805.

*

Препровождаю къ вашему сіятельству опыты успѣховъ, оказываемыхъ мальчиками канцелярскаго института въ началахъ риторическихъ и рапорты, поданные мнѣ отъ учителя ихъ г. Шумова. Онъ человѣкъ знающій и довольно радѣетъ о препорученномъ ему ученіи. Мнѣ жаль будетъ, когда онъ по разсчетамъ своимъ сыщетъ другое

---

[1]) Можетъ быть, родственникъ покойной графини Прасковьи Ивановны? П. Б.

[2]) Елена Семеновна Казакова, мать бароновъ Петровыхъ.

[3]) Олсуфьевѣ.

выгодное мѣсто преподавать свои уроки. Если пожалуете ему единовременно рублей сто, то онъ останется довольнымъ и докончитъ курсъ риторики. Впрочемъ, изъяснивъ здѣсь только мысль мою, предаю сіе совершенно произволенію в. с-ва. Алексѣй Малиновскій.

15 Мая 1805 года,
Москва.

*

Въ учрежденныхъ школахъ въ Останкинѣ и Кусковѣ мнѣ весьма желательно нѣсколькихъ мальчиковъ отдѣлить, чтобъ они между прочими науками обучались Геодезіи. Вамъ извѣстно, сколько нужно по сей часъ людей. Для показанія первыхъ правилъ можно взять домашнихъ геодезистовъ Сошникова и Дубровина, или одного изъ нихъ, который способенъ будетъ. Покорно прошу учредить сіе подъ надзоромъ вашимъ къ совершенному удовольствію пребывающаго къ вамъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью г. Ш.

Іюня 18 д. 1807.

*

Письма ваши объ Яковѣ Петровичѣ [1]) навели грусть и на меня, ибо дѣйствительно я добавилъ недосказанное по чувствамъ своимъ къ положенію вашему и къ той деликатности, которое сродно сердцу вашему. Прошу васъ воспользоваться моимъ обыкновеннымъ изреченіемъ: грустью не убавишь зла. Тутъ вамъ нечѣмъ упрекать себя. Здѣсь только будетъ, что 32-лѣтній молодой человѣкъ, получа мнимую свободу, станетъ ребячиться и разстроитъ состояніе, вами устроенное.

Желалъ бы я знать, съ кѣмъ онъ въ связи болѣе и чьи дома здѣсь ему короче. Не могу никакъ вѣрить, чтобъ онъ рѣшился дурно говорить про васъ. Для прекращенія всякихъ связей во внутренности дома вашего не изволите ли приказать объ удаленіи дѣвки Марьи Поздневой въ другую вотчину или на волю по паспорту? Она близка ему по матери, и всѣ говорятъ, что неспокойная интриганка. Другая же тетка Травина—смирная и хорошая женщина.

Бытность здѣсь канцлера [2]) не допускаетъ меня до сихъ поръ съѣздить въ Жихарево; онъ ѣдетъ въ свою деревню послѣ завтра, прождавъ до распутицы племянника своего изъ Грузіи.

Объ комнатахъ въ Кусковѣ для графини Пушкиной, кажется, можно рѣшиться на то, чтобъ дать уединенный домъ; препятствій къ тому не нахожу. А. Малиновскій.

13 Августа 1805.

*

---

[1]) Реметевъ.

[2]) Графа А. Р. Воронцова. П. Б.

Имѣю честь поздравить васъ, любезнѣйшій благодѣтель, со днемъ вашего ангела, графа Дмитрія Николаевича. Желаніе мое о благополучіи его въ одной мѣрѣ съ искреннѣйшею къ вамъ преданностію. Покорно прошу принять отъ меня букетъ, ему здѣсь приносимый. Изображеніе его въ куполѣ очень сходно съ портретомъ, который у меня. Дай Боже, чтобъ онъ былъ совершеннымъ утѣшеніемъ для жизни вашей! Есмь и буду вѣчно вашъ всепокорнѣйшій слуга Алексѣй Малиновскій.

13-го Сентября 1805 г.

*

Братъ съ чувствительностью принялъ отзывъ вашъ и скоро самъ будетъ благодарить васъ за то, что такъ помнить его изволите. Объ маленькомъ вашемъ онъ всегда съ восхищеніемъ говоритъ. Я знаю, напримѣръ, какъ люстра ваша разбилась... Первое слово гр. Дмитрія было *флагъ*. Дай Богъ быть ему генералъ-адмираломъ. А. Малиновскій.

16 Февраля.

*

Хотя заняться пріуготовленіемъ къ открытію Дома Страннопріимнаго и довольно еще остается времени; ибо не прежде 23 Февраля 1807 воспослѣдовать можетъ, но о всѣхъ принадлежностяхъ къ тому, какъ изволите писать, весьма нужно, чтобъ я заблаговременно представилъ вамъ и испросилъ бы на главные предметы рѣшенія вашего. Для сего я предполагалъ имѣть счастіе видѣть васъ слѣдующаго лѣта въ Жихаревѣ. Если же угодно вамъ приказать, чтобъ я нынѣ зимою пріѣхалъ въ Петербургъ, то покорно прошу приложенный пакетъ съ доношеніемъ въ коллегію отдать брату Павлу Ѳедоровичу, чтобъ отдалъ бы оберъ-секретарю и похлопоталъ бы объ отпускѣ моемъ. Послѣ отъ вашей уже воли будетъ зависить предназначеніе времени, когда мнѣ ѣхать. А. Малиновскій.

11 Декабря 1805.

*

На письмо ваше отъ 27 Іюня нечего въ отвѣтъ сообщить. Для преподаваніи Геодезіи опредѣлить одного Дубровина я согласенъ. Мальчиковъ шесть будетъ довольно, ежели всѣ они будутъ способны; въ противномъ случаѣ, по усмотрѣнію замѣнить ихъ другими, которые бы съ пользою симъ занимались. Въ какіе дни и по скольку часовъ имъ упражняться, зависитъ отъ распоряженія вашего. Мѣсто ученія въ Кусковѣ весьма я опробую и Дубровину квартиру тамъ дать можно. Гр. Ш.

Іюль 6-го 1807.

*

Старичекъ [1]) ничего не сочинилъ и все списалъ изъ доставленныхъ ему документовъ, расположенныхъ не очень порядочно; поправокъ многихъ требуетъ это, но дѣло въ томъ, чтобъ имя его тутъ было. Не угодно ли будетъ отписать ему о полученіи вами сего сочиненія и сдѣлать ему по благоусмотрѣнію вашему награду? Если умедлите, то мнѣ покою не дадутъ: будутъ присылать съ просьбою о деньгахъ. Извольте упомянуть ему, чтобъ всѣ документы возвратилъ. Алексѣй Малиновскій.

*

Самолюбивой мысли, въ которой имѣю теперь причины упрекать себя, я никогда ничего на душѣ у себя не имѣлъ, а гнѣвъ отъ вашей персоны я обязаннымъ себя считаю переносить съ тою непремѣняемою покорностью, съ которою отдалъ вамъ себя на цѣлую жизнь. Преданнѣйшій Алексѣй Малиновскій.

*

Возвратясь вчера изъ деревни, я нашелъ все благополучнымъ по части мнѣ ввѣренной. Привезши съ собою болѣе ста бумагъ, я озабочу исполненіями канцелярію вашу. Помня, что отъ дѣятельности моей зависитъ ваше спокойствіе, я безпрерывно занимаюсь тѣмъ; но все управленіе вообще такъ обширно и случаи такъ неожиданны, что какъ ваше, такъ и мое желаніе видѣть каждую часть въ совершенномъ устройствѣ едва-ли и исполнится; но сколько Богъ поможетъ, столько и успѣю. По возвращеніи моемъ все предстало мнѣ съ требованіями своими, отъ того и прекращаю теперь сладкій для сердца моего разговоръ съ вами. Былъ и буду вѣчно преданнѣйшій вамъ слуга А. Малиновскій.

28-го Іюня.

Надпись къ изображенію графа Дмитрія Николаевича Шереметева, помѣщенному въ куполѣ церковномъ Дома Страннопріимнаго:

Въ небесной славѣ здѣсь парящимъ по эѳиру
Средь ликовъ ангельскихъ *твой видъ* изображенъ.
Живя между людьми, явишь собой ты міру,
Что къ вѣчнымъ истинамъ и *духъ твой* воспаренъ.

Алексѣй Малиновскій [2]).

*

[1]) Монахъ Ювеналій Воейковъ, составлявшій и печатавшій родословія для разныхъ лицъ. Родословіе Шереметевыхъ напечатано не было. Его и до нынѣ полнаго не имѣется въ печати. П. Б.

[2]) Въ настоящее время прекрасная живопись въ куполѣ церкви Страннопріимнаго Дома возобновлена художникомъ Фартусовымъ на иждивеніе Марьи Іосифовны Романовой. Надписи въ куполѣ нѣтъ: Страннопріимный Домъ открытъ уже по кончинѣ графа Н. П. Шереметева. П. Б.

Имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству планъ, сочиненный садовникомъ Маннерсомъ [1]) для поправки плотинъ въ Останковѣ. Оставя ихъ на прежнихъ мѣстахъ, предупредилъ онъ чрезъ то безполезность издержки. Отдать ему въ вѣдѣніе на отчетъ всю работу, кажется, можно: человѣкъ довольно знающій; невѣроятно, чтобъ посрамилъ себя подлостью корыстолюбія.

Я, сверхъ того, посылалъ съ симъ планомъ Миронова [2]) на мѣстѣ сдѣлать повѣрку прожекта Маннерсова, и онъ далъ прекрасную мысль—отнюдь не отдѣлывать съ регулярствомъ сіи плотины, а скрыть искусство дикостію натуры, что̀ очень прилично къ мѣстоположенію. Обложку каскады ноздреватымъ и необдѣланнымъ камнемъ можно сдѣлать точно также, какъ въ Таврическомъ саду; но тамъ лужицы въ сравненіи съ вашими Останкинскими прудами. Мироновъ изъ Ростова пришлетъ сію мысль на бумагѣ.

*

Планъ кладбищенской въ Новоспасскомъ [3]) церкви я велѣлъ снять съ натуры. Назаровъ сказалъ, что планъ иконостасу давно посланъ къ вамъ. Теперешній никакъ не соотвѣтствуетъ красивости зданія. Стѣны для благолѣпія прилично бы было гипсовою лучшею работою украсить; а вмѣсто теперешнихъ деревянныхъ перилъ хорошія рѣшетки желѣзныя заказать съ позолотою мѣстами. А большому окладному образу Знаменія Божіей Матери сдѣлать на правой сторонѣ во впадинѣ кіотъ; ибо теперь поставленъ не у мѣста, и одинъ камень изъ вѣнца выковыренъ уже. Похулить можно только то, что мало мѣста между царскими дверями и рѣшеткою, гдѣ бываетъ амвонъ; дабы придать тутъ болѣе пространства, то необходимо, чтобы иконостасъ полуоваломъ вдался внутрь алтаря, либо отступить за арку.

---

[1]) Англичанинъ-садовникъ въ Останкинѣ.

[2]) Архитекторъ, товарищъ Павла Аргунова.

[3]) Т.-е. въ Москвѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ. П. Б.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА*).

1845—1849.

Взятіе имѣнія въ опеку. — Поѣздка въ Петербургъ. — Арестъ Леона. — Концертъ А. Е. Варламова. — Новые проекты Леона.—Ссылка Леона въ арестантскія роты. — Холера.— Графъ Закревскій.—Поѣздка въ Городище.

Срокъ оброка былъ у меня, четыре раза въ году, по 5 т. асс. каждый разъ. Весною 1845 года я надѣялся получить начатый уже оброчный сборъ; но едва доѣхалъ до Порзней, какъ въ Земскомъ Судѣ полученъ былъ изъ Губернскаго Правленія указъ о немедленномъ взятіи въ опеку моего имѣнія и всѣхъ находившихся въ вотчинной конторѣ наличныхъ денегъ для отправленія прямо въ Московскую Сохранную Казну. Хотя я зналъ, что Московское требованіе не могло долго задерживаться въ Костромѣ, но разсчитывалъ, что всѣ нужныя формальности для составленія описи имѣнія займутъ достаточно времени, чтобы я могъ получить въ мою пользу хотя настоящій сборъ. Какъ ни готовъ былъ всегда А. А. Мироновъ помогать мнѣ, но возможности къ отговоркѣ или оттяжкѣ не было никакой; тѣмъ не мѣнѣе этотъ рѣдкій человѣкъ и тутъ оказалъ мнѣ незабвенную услугу, уговоривъ моихъ крестьянъ сложиться, чтобы они уплачивали мнѣ, помимо отсылки денегъ въ опеку, по 12 тыс. асс. въ годъ, и эту сумму я аккуратно получалъ до 1849 года, когда окончательно лишился моего имѣнія.

Въ Порзняхъ я узналъ о страдальческой кончинѣ, отъ рака, Варвары Ивановны Ланской; о томъ говорили, какъ о горестномъ событіи въ Костромѣ и въ нашемъ Юрьевецповольскомъ уѣздѣ, хотя событіе это произошло въ Петербургѣ: до того оставили у мѣстныхъ жителей добрую о себѣ память Сергѣй Степановичъ Ланской и примѣрная его жена. Впослѣдствіи я узналъ о двойномъ несчастіи, одновременно постигшемъ это семейство. Когда Варвара Ивановна мучилась на смертномъ одрѣ, въ другомъ этажѣ того же дома умирала въ родахъ дочь ея, Марія Сергѣевна Вревская. Пріѣхавшая изъ Москвы по сему случаю Настасья Сергѣевна Перфильева то и дѣло что переходила

*) См. выше, стр. 313.

отъ одной больной къ другой. Первою изъ нихъ померла Марья Сергѣевна; но, щадя сочтенные дни матери, Настасья Сергѣевна рѣшилась скрыть отъ нея кончину своей сестры, и ей пришлось утѣшать мать придуманными извѣстіями, что «Машенькѣ лучше», что «Машенька просила то и то вамъ сказать», но та сомнѣвалась. Материнское сердце—вѣщунъ. Отъѣзжая изъ Москвы, Настасья Сергѣевна оставила малютку свою дочь совершенно здоровою, и вдругъ видитъ она во снѣ, будучи уже въ Петербургѣ, этого ребенка лежащимъ и обложеннымъ цвѣтами. Сонъ этотъ поразилъ ее, и она немедленно написала къ мужу, чтобы онъ съ первою отходившею почтою успокоилъ ее насчетъ здоровья ихъ дѣвочки: «хотя хорошо знаю», прибавляла она, «что снамъ вѣрить нельзя». Въ отвѣтѣ Степана Васильевича Перфильева стояло, что въ ту самую ночь, когда она видѣла этотъ сонъ, дѣвочка умерла отъ крупа.

Въ Іюнѣ я былъ обрадованъ неожиданнымъ пріѣздомъ ко мнѣ въ Порзни жены моей съ дочерью. Ни прежде, ни послѣ она никогда не бывала тамъ, а давно льстило моему самолюбію, чтобы мои крестьяне видѣли хорошенькую ихъ барыню; они же, глядя съ умиленіемъ на Анетину, говаривали: «Вотъ она наша будущая наслѣдница». Но не суждено было ей быть таковой; а какая добрая и любимая была бы она помѣщица!

Посовѣтовавшись съ А. А. Мироновымъ, мы порѣшили, что единственнымъ средствомъ удержать мое имѣніе было хлопотать въ высшихъ Петербургскихъ сферахъ о причисленіи всей недоимки въ Опекунскій Совѣтъ къ капитальной суммѣ, чему были примѣры *). Вслѣдствіе таковаго рѣшенія мы въ Августѣ отправились втроемъ въ Петербургъ, черезъ Ярославль, Рыбинскъ, Тихвинъ, Новую Ладогу и Шлиссельбургъ. Изъ Новой-Ладоги до Шлиссельбурга ходилъ тогда по Ладожскому каналу почтовой трешкотъ для пассажировъ. Это была помѣстительная, двухпалубная крытая шлюпка; бичеву тянула пара или тройка почтовыхъ лошадей, гуськомъ, съ почтаремъ верхомъ на одной изъ нихъ, и шлюпка плыла быстро, потому что лошади шли крупною рысью. Мы однакоже не воспользовались этимъ способомъ сообщенія (можетъ быть, потому что мы опоздали ко времени отхода трешкота изъ Новой-Ладоги) и наняли небольшую барку, въ одномъ концѣ коей было крытое мѣсто, въ родѣ небольшой каюты, гдѣ мы

*) Умершему не задолго передъ тѣмъ Михайлу Ѳедоровичу Орлову было сдѣлано (помнится мнѣ) подобное величайшее снисхожденіе, по милости (вѣроятно) его брата, сильнаго при Государѣ. Подобная же милость была оказана князю Н. Г. Репнину и, какъ я недавно узналъ, графу Д. Н. Толстому.

помѣстились весьма удобно, и тутъ же была вѣроятно небольшая печка или очагъ, на которомъ во время нашего плаванія Радзиковскій стряпалъ намъ обѣдъ *). Изъ Шлиссельбурга можно пересѣсть па пароходъ до Петербурга; но было намъ такъ уютно въ нашей баркѣ, да и хозяинъ ея, простой крестьянинъ, былъ такой разговорчивый и пріятный человѣкъ, что мы предпочли это медленное (на парусѣ) плаваніе до самаго Петербурга и не имѣли повода раскаеваться. Въѣхали мы въ устье тихой и прозрачной Невы, при утреннихъ теплыхъ, какіе рѣдко бываютъ подъ конецъ Августа, солнечныхъ лучахъ, освѣщавшихъ великолѣпную панораму роскошныхъ дачъ Петербургскаго аристократическаго и финансоваго міра, раскинутыхъ по обоимъ берегамъ широкой рѣки. Эта панорама непрерывно развертывалась передъ нашими глазами въ томъ же неизмѣняющемся видѣ, до вечера, когда мы причалили къ пристани, между Александроневской лаврою и Смольнымъ монастыремъ.

Приступить къ дѣлу, по которому мы пріѣхали въ Петербургъ, было преждевременно, такъ какъ почти вся знать еще не возвращалась на зиму съ дачъ и изъ отдаленныхъ мѣстностей, чрезъ что наше пребываніе тамъ продлилось до половины Ноября, и жили мы все это время въ гостиницѣ Кулона (впослѣдствіи Клея), на углу Михайловской площади.

Я уже зналъ о недавней кончинѣ Андрея Евграфовича Кикина и поспѣшилъ навѣстить вдову его, двоюродную мою сестру Елисавету Александровну (рожденную Тимофееву), жившую у княгини Маріи Петровны Волконской (рожд. Кикиной), весьма также огорченной потерею этого двоюроднаго ея брата, болѣе прочихъ (кажется мнѣ) ею любимаго. Дотолѣ я никогда не видалъ княгиню Марію Петровну, но представленный ей Елисаветою Александровною, былъ ею принятъ какъ бы давнишній знакомый, скажу болѣе, какъ бы родственникъ. Она пригласила меня разъ на всегда приходить обѣдать къ ней безъ зова, и это ея обращеніе со мною не измѣнилось до ея кончины († осенью 1854 г.). Женщинъ подобнаго, высшаго нравственнаго закала, соединявшихъ непринужденность обращенія съ вѣрностію въ дружбѣ, теплоту сердца съ терпимостью къ слабымъ сторонамъ ближняго, и признающихъ авторитетъ власти церкви безъ фанатизма или ханжества къ обрядовой церковной части, съ многостороннею начитанностію и съ прямымъ на всѣ житейскіе вопросы взглядомъ, я знавалъ изъ

*) На эту же барку мы поставили нашъ, небольшого размѣра, тарантасъ: иначе мы не могли бы совершить позднѣе обратный нашъ путь въ Москву.

Русскихъ двухъ: В. И. Ланскую и княгиню М. П. Волконскую [1]). Общею также было у нихъ чертою воспитательное направленіе дѣтей, подъ непосредственнымъ и неутомимымъ личнымъ надзоромъ. Не помню, была ли когда у В. И. Ланской гувернантка высшей руки (*huppée*) при ея дочеряхъ, и не сама ли она была единственною ихъ наставницею; а что̀ до княгини Волконской, хотя она взяла Англичанку, когда молодыя княжны Софія и Екатерина Дмитріевны стали подростать, но сама слѣдила, чтобы эта наставница не отступала ни на волосъ отъ начертанной ею программы, а задача эта была подъ часъ для нея тяжела, по разстраивавшемуся ея здоровью. Правда, въ дѣлѣ воспитанія дѣтей была у ней надежная подмога въ лицѣ старой Швейцарки, мамзель Люсиньоль, бывшей собственною ея гувернанткою и только что не молившеюся на прежнюю свою воспитанницу [2]). Въ числѣ правилъ княгини Маріи Петровны было то, что, признавая обязательное значеніе постовъ, церковью установленныхъ (и княгинею соблюдаемыхъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ всю трудность этого исполненія для начинающихъ поститься во взрослыхъ уже лѣтахъ, она не дозволяла своимъ дѣтямъ съ трехлѣтняго ихъ возраста употребленія скоромной пищи великимъ постомъ, а также и въ Сочельники и нѣкоторые другіе постные дни [3]). Супругъ ея князь Дмитрій Петровичъ Волконскій принялъ меня тоже съ радушіемъ, припомнилъ дѣтскія наши игры и съ первой же минуты сталъ со мною на *ты*, хотя мы не встрѣчались въ теченіе 28 лѣтъ. Нечего говорить, какъ пріятно было мнѣ сдѣлаться сразу своимъ человѣкомъ въ подобномъ семействѣ. Хотя князь Дмитрій Петровичъ былъ неблестящаго ума (вслѣдствіе чего онъ и не составилъ особенно видной карьеры), но былъ добродушный человѣкъ, откровеннаго и незаносчиваго нрава и добросовѣстный исполнитель всѣхъ, хотя неважныхъ, служебныхъ своихъ обязанностей [4]). Домъ, или правильнѣе дома̀ Волконскихъ (потому что таковыхъ было

---

[1]) Таковою была моя ангельская мать; но едва-ли могу я, къ несчастію, причислить ее къ Русскимъ, вполнѣ, женщинамъ. Къ этому же примѣрно образцу отчасти подходитъ двоюродная моя сестра Н. А. Гавришенко.

[2]) Княгиня была еще малолѣтнею при смерти (въ Рязани) матери ея, Маріи Ардаліоновны Кикиной, рожд. Торсуковой (это племянница извѣстной Екатерининской камеръюнгферы Перекусихиной).

[3]) Въ извиненіи себѣ въ несоблюденіи постовъ слышится иногда лжепримѣненіе словъ Спасителя, что не оскверняетъ устъ то, что̀ въ нихъ входитъ, а то что̀ изъ нихъ выходитъ. На это неизмѣнно отвѣчаю всегда, что вѣроятно сами апостолы и отцы церкви знавали это евангельское изреченіе, но все-таки учредили постъ; да и кромѣ этого мы видимъ одобреніе постовъ самимъ Спасителемъ въ Его словахъ въ нагорной бесѣдѣ: „Егда же поститеся, не будите якоже лицемѣры сѣтующіе“ и проч., а также. „Ты же постяся, помажи главу твою и лице твое умый“. (Матѳея, VI, 16 и 17).

[4]) Онъ былъ долго Петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства

два рядомъ), составляли уголъ дворцовой набережной и Машкова переулка; одинъ изъ нихъ принадлежалъ еще статсъ-секретарю Петру Андреевичу Кикину, а другой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Волконской (ее звали въ обществѣ la Tante Militaire), передавшей при жизни все свое значительное состоянiе, въ томъ числѣ и этотъ домъ, своему племяннику, князю Петру Михайловичу Волконскому, съ условiемъ получать самой пожизненную, весьма немаловажную, помнится мнѣ, плату и квартиру въ нижнемъ этажѣ дома. Хотя оба дома были отдѣлены снаружи, даже и по архитектурѣ, но внутри соединены въ одинъ общiй. Одинъ изъ нихъ выходилъ на Большую Миллiонную.

Значительная часть высшаго общества была тогда на дачахъ въ Павловскѣ, гдѣ въ лѣтнiй сезонъ издавна царила Марiя Павловна Сумарокова, которую я не преминулъ посѣщать, и былъ ею введенъ въ тамошнее общество, собиравшееся каждый вечеръ въ воксалѣ, гдѣ игралъ оркестръ Нѣмца Гунгеля. Владѣлецъ Павловска, великiй князь Михаилъ Павловичъ былъ здѣсь совсѣмъ не тотъ, какимъ являлся на берегахъ Невы. Усвоивъ помѣщичьи прiемы, онъ безцеремонно ходилъ во всякое время съ визитами къ дачникамъ, посѣщалъ почти каждый день музыкальные и танцовальные вечера въ воксалѣ, не стѣсняя никого своимъ присутствiемъ, но всегда бывалъ одинъ: великая княгиня Елена Павловна съ великими княжнами или не проводила этого лѣта въ Павловскѣ, или не показывалась въ публикѣ. Великiй князь часто заходилъ къ Марiи Павловнѣ и, не будучи прочь пошкольничать, снабжалъ ее повѣстями Поль-де-Кока, часто двусмысленными, а дабы удостовѣриться, что она ихъ прочитывала, разспрашивалъ ее объ ихъ содержанiи. Въ числѣ Павловскихъ лѣтнихъ жильцовъ было семейство графа Д. Н. Блудова, съ коимъ Марiя Павловна меня познакомила. Не стану говорить о графѣ Блудовѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, о чемъ по сю пору я не могъ составить себѣ положительнаго понятiя *), но скажу, что не встрѣчалъ человѣка со столь увлекательнымъ даромъ слова: просто заслушаешься его какъ бы соловья. Но кромѣ качества блестящаго разсказчика онъ отличался утонченною вѣжливостiю и умѣнiемъ внимательно выслушивать своего собесѣдника, чего не дѣлаютъ обыкновенно говоруны. Онъ провожалъ своихъ гостей до передней. Изъ многихъ его остротъ помню его от-

*) Признавая недостаточность моихъ познанiй современной намъ отечественной исторiи, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, я тѣмъ не менѣе не могъ не изумиться заглавiю книги Ковалевскаго „Графъ Блудовъ и его время“, какъ будто бы онъ ознаменовалъ собою эру, на подобiе какъ говорится о Карамзинѣ въ литературѣ или о князѣ Меттернихѣ въ Европейской политикѣ.

зывъ о Ф. Ф. Вигелѣ: «Il n'est bon que quand il est méchant» [1]), а также по предмету нравственности высшаго общества въ прошломъ вѣкѣ: «Nos grand'mères étaient pures de coeur, pas de corps» [2]). Одна изъ его дочерей, незадолго передъ тѣмъ, вышла замужъ за Шевича.

Графъ Блудовъ уѣхалъ въ слѣдующемъ 1846 году въ Римъ, для заключенія конкордата съ папою Григоріемъ XVI, и возвратился уже оттуда въ 1847 году, увѣнчанный дипломатическими лаврами. По поводу этой негоціаціи вотъ что я слышалъ. Вся царская семья, за исключеніемъ Великаго Князя Наслѣдника и его супруги, провели зиму съ 1845 на 1846 годъ въ Неаполѣ и Палермѣ, а Государь съѣздилъ одинъ для свиданія съ папою въ Римъ. Николай Павловичъ, признавая, по ученію нашей церкви, Римскаго первосвященника однимъ изъ пяти вселенскихъ патріарховъ, поцѣловалъ его руку, и при окончаніи дружелюбной его святѣйшества съ нимъ бесѣды, папа сказалъ: «Теперь, когда мы во всемъ согласны, не дозволить-ли ваше императорское величество прислать къ своему двору моего нунція?»—«Напротивъ», отвѣчалъ Государь, «мнѣ кажется, что, именно по тому, что ваше святѣйшество и я согласны по всѣмъ вопросамъ, не за чѣмъ имѣть третье лицо между нами».

Возвращаюсь къ Павловскому фешіонабельному обществу, хотя весь его составъ мнѣ трудно теперь припомнить. Были графы Нироде и Гейденъ съ ихъ семействами, молодые супруги Путяты (Авдотья Егоровна Путята была та самая дочь Егора Ивановича Пашкова, которую мы звали въ полку Душею), генералъ Клюпфель съ женою Англичанкою, ген.-адъют. баронъ Мейндорфъ (храбрый нѣкогда вождь принцъ Альберта кирасирскаго полка въ Гроховской битвѣ 1831 г.) и его жена Ольга Өедоровна, рожд. Брискорнъ [3]), секретарь миссіи Соединенныхъ Штатовъ Клей съ прехорошенькою женою и пр. Марія Павловна представила меня почти всѣмъ имъ; но знакомство я поддержалъ съ немногими. Тогда только что взошелъ въ моду танецъ полька, но не такъ какъ теперь его танцуютъ, а былъ онъ тогда характернымъ, съ разными пантомимами, въ родѣ того, что на сценѣ принято называть Русскою пляскою, хотя тутъ ничего не было національнаго кромѣ завѣтнаго сарафана и кокошника у танцующей, равно какъ

---

[1]) „Онъ только тогда хорошъ (добръ), когда онъ золъ“; но въ оригиналѣ эта эпиграмма выходитъ эффектнѣе, потому что Французское слово „bon“ значитъ хорошъ, а иногда *добръ* и даже *пригоденъ*. Въ буквальномъ переводѣ выходило бы, что Вигель только тогда добръ, когда онъ золъ; но это не имѣетъ смысла по русски.

[2]) Наши бабки были чисты сердцемъ, но не тѣломъ.

[3]) Сестра жены Алексѣя Ираклієвича Левшина.

кафтана и ямской шляпы у ея кавалера, за еще то, что оба они выдѣлывали какіе-то амфибическіе *па*, подъ оркестрированную пѣсню «по улицѣ мостовой». На танцовальномъ вечерѣ въ Павловскомъ воксалѣ, одна темноокая брюнетка, по фамиліи Энгельгардъ, до того восхитила меня своею нѣгою въ фигурахъ этого танца «la fuite et la poursuite», что соблаговолила исполнить мою просьбу повторить этотъ танецъ съ ея кавалеромъ, сыномъ (какъ теперь помню) генерала Набокова. Самъ же я давно перестал танцовать, да и никогда не былъ мастеръ въ этомъ искусствѣ. Тамъ же (т. е. въ воксалѣ) я снова повстрѣчался съ А. Е. Варламовымъ, переселившимся въ Петербургъ въ надеждѣ получить мѣсто репетитора въ Придворной Пѣвческой Капеллѣ. Встрѣча со своимъ братомъ-Москвичемъ порадовала нашего національнаго композитора. Готовился тогда по подпискѣ балъ для великаго князя Михаила Павловича, по случаю его отъѣзда въ Москву. Распорядителями этого празднества были Андрей Ивановичъ Сабуровъ и Марія Павловна Сумарокова, а мѣстомъ для бала избранъ извѣстный «Павильонъ Розъ», нѣкогда устроенный Маріею Ѳедоровною для принятіи въ немъ Александра Павловича, возвращавшагося въ 1814 г. изъ Парижа. Очень захотѣлось мнѣ повстрѣчаться глазъ на глазъ съ его высочествомъ и, будучи принятъ въ число подписчиковъ А. И. Сабуровымъ, я отправился туда изъ Петербурга, съ ночнымъ поѣздомъ, въ холодную Сентябрьскую погоду, и взошелъ въ «Павильонъ розъ» въ разгаръ бала, когда Марія Павловна, хозяйничившая на немъ, разговаривала съ Великимъ Княземъ у самыхъ дверей танцовальнаго зала, куда я не могъ поэтому проникнуть. Увидавъ меня она кивнула мнѣ головою, и вслѣдъ за тѣмъ быстрый взглядъ его высочества обдалъ меня; а когда оба разошлись, и я могъ подойти къ Маріи Павловнѣ, то она передала мнѣ слѣдующее. «C'est Boutourline?» — «Oui, monseigneur».—«Boutourline, le briseur de vitres?» — «Je ne sais pas, monseigneur, s'il a brisé ou non des vitres; mais je sais que c'est le c-te Michel Boutourline, une ancienne connaissance à moi, homme posé et depuis longtemps père de famille» *). Въ другой разъ, встрѣтившись съ нимъ на тротуарѣ въ Петербургѣ, во время дождя, я свернулъ зонтикъ, прижался къ дому и, снявъ шляпу, сдѣлалъ ему полувоенный фронтъ. Проходя мимо меня, онъ сдѣлалъ подъ козырекъ и, повидимому, узнавъ меня, даже удаляясь, повернулъ голову назадъ, и продолжалъ смотрѣть на меня, а я съ своей стороны стоялъ непод-

*) „Это Бутурлинъ?“ — „Точно такъ, ваше высочество“. — „Бутурлинъ? Тотъ, что̀ билъ стекла?“—„Не знаю, ваше высочество, билъ ли онъ стекла; но это графъ Михайла Бутурлинъ, старый мой знакомый, человѣкъ степенный и уже давно отецъ семейства“.

вижно, выдерживая эту инспекцію. Убійственная память была у его высочества и у покойнаго императора.

Не слѣдуетъ умолчать, что я принятъ былъ очень ласково А. И. Сабуровымъ и Василіемъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ, жившимъ тогда въ Китайскомъ городкѣ Царскосельскаго парка, по случаю осенняго пребыванія въ Царскомъ Селѣ Великаго Князя Наслѣдника, при дворѣ коего онъ былъ гофмаршаломъ; онъ пользовался особеннымъ къ себѣ благорасположеніемъ Великаго Князя, умѣвшаго цѣнить этого прямодушнаго царедворца [1])

Не упоминалъ я еще, сколь грустно было первое мое свиданіе съ барономъ П. А. Вревскимъ, коему улыбнулось семейное счастіе для того только, чтобы оставить его болѣе безотраднымъ, нежели онъ былъ прежде; хотя въ то время (осенью 1845 г.) у него оставался еще въ живыхъ залогъ любимой жены, но и этого послѣдняго утѣшенія онъ лишился спустя около года. Жизнь его была разбита навсегда, и хорошо, что обязательная служебная дѣятельность поглощала тогда все его время, а то ему можно было бы сойти съ ума [2]). Съ Сергѣемъ Степановичемъ Ланскимъ и его сыновьями я былъ по прежнему на интимной ногѣ. Старшій изъ нихъ, Степанъ Сергѣевичъ, былъ поручикомъ или штабсъ-капитаномъ въ конногвардейскомъ полку [3]); Александръ Сергѣевичъ, красивый малый, нынѣ умершій, былъ корнетомъ въ томъ же полку, а Михаилъ Сергѣевичъ юнкеромъ въ л.-гв. драгунскомъ полку. Передовой человѣкъ, хотя и не геніальный, былъ С. С. Ланской, и Англоманъ въ жизненныхъ своихъ привычкахъ и убѣжденіяхъ; а что онъ хорошо изучилъ внутренній бытъ своего отечества и механизмъ администраціи и то, въ чемъ именно грѣшилъ этотъ механизмъ, въ этомъ отношеніи онъ напрактиковался въ бытность его губернаторомъ въ Костромѣ и во Владимирѣ. Однакоже по жгучему вопросу о всеобщей язвѣ взяточничества онъ разсуждалъ, къ моему удивленію, какъ и другіе изъ его собратій, что возвышай, молъ, на сколько хочешь окладъ служащаго люда, взяточничество этимъ не прекратится. (Разговоръ нашъ былъ по поводу недавняго тогда

---

[1]) Кажется мнѣ правдоподобнымъ, что, не умри В. Д. Олсуфьевъ, то былъ бы онъ теперь министромъ двора, вмѣсто сына престарѣлаго графа Адлерберга.

[2]) Много позднѣе, онъ женился на вдовѣ ген.-адъют. Храповицкаго, рожд. княжнѣ Щербатовой.

[3]) Бывъ во всю продолжительную свою службу, не болѣе какъ 4 или много 5 лѣтъ въ отставкѣ, С. С. Ланской только что въ прошломъ (1871) году произведенъ въ полковники, послѣ 32 лѣтней дѣйствительной службы, не взирая на то, что отецъ его давно занималъ высшія государственныя должности и былъ уже министромъ съ 1855 года. И въ военной службѣ, какъ вездѣ, кому везетъ, а кому нѣтъ.

назначенія жалованія совѣтникамъ губернскихъ правленій по 800 р. с. въ годъ вмѣсто получаемыхъ ими дотолѣ по 800 руб. асс.). На это я ему, какъ и всѣмъ прочимъ, высказалъ мое мнѣніе, что, обезпечивъ бытъ человѣка (хоть бы въ частности собственнаго нашего слуги) на столько, что онъ *положительно можетъ* существовать однимъ своимъ окладомъ, можно безъ зазрѣнія совѣсти требовать, чтобы онъ не прибѣгалъ къ противузаконнымъ, темнымъ источникамъ вспомоществованія, переходящаго уже въ область житейскихъ прихотей; но требовать этого правительству нельзя при размѣрахъ прежнихъ (и отчасти и нынѣшнихъ) окладовъ, доходившихъ до комизма, какъ напримѣръ окладъ писца въ уѣздныхъ судахъ по 1 р. 80 к. сер. въ мѣсяцъ, или то, что̀ называлось высшимъ окладомъ канцелерскихъ чиновниковъ губернскихъ правленій, получавшихъ по 8 р. въ мѣсяцъ, что̀ составляло 96 р. въ годъ! Правительство само было причиною безнравственности. Ну, а если на это скажутъ (какъ случалось мнѣ слыхать): «такъ зачѣмъ же лѣзутъ они (т. е. чиновники) на службу, зная напередъ, на какой окладъ идутъ» или, что правительству не подъ силу удовлетворительно обезпечивать содержаніе всѣхъ нужныхъ ему для службы лицъ (аксіома, казавшаяся высшею покойному П. П. Новосильцову, съ коимъ я состязался по этому вопросу, когда онъ былъ Рязанскимъ губернаторомъ), то подобные аргументы не выдерживаютъ критики, а на послѣдній изъ таковыхъ я отвѣчалъ тогда моему собесѣднику, что въ такомъ случаѣ правительство находится въ безвыходной дилеммѣ и этимъ признаетъ свою финансовую несостоятельность. Да и опять таки, когда преслѣдуется взяточничество, кара закона выпадаетъ на долю мелкотравчатаго чиновничества, а сильные, въ большинствѣ случаевъ, отъ него ускользаютъ.

Но довольно подобныхъ разсужденій на столь битую и перебитую тему. С. С. Ланской тогда же разсказывалъ мнѣ объ одномъ юридическомъ куріозѣ, относящемся къ 20-мъ годамъ нынѣшняго вѣка, до появленія перваго изданія Свода Законовъ. Одинъ уѣздный судья донесъ ему, какъ губернатору (въ то время уѣздные суды подлежали губернаторскому контролю) о невозможности ему (судьѣ) порѣшить какое-то дѣло, потому-де, что стряпчій *упорствуетъ не показывать* ему законовъ, къ дѣлу подходящихъ. Оно весьма естественно: по мѣрѣ полученія отдѣльныхъ сенатскихъ указовъ, ихъ издавна складывали по годамъ въ кучки. Они покоились такимъ образомъ въ углу присутственной каморы или въ канцеляріи суда, а при накопленіи ихъ связывали вмѣстѣ и переносили въ пыльный архивъ. О нихъ кое-что могли еще знать стряпчій и секретарь суда, какъ чиновники коронные,

не смѣняющіеся, тогда какъ дворянствомъ выбранный на трехлѣтній срокъ судья, да и часто изъ военныхъ, или хотя бы изъ штатскихъ, но безъ всякихъ дѣльныхъ служебныхъ антецедентовъ, никакъ уже не могъ самъ отъискать въ этомъ хламѣ подходящихъ для его руководства законовъ.

Весь Петербургъ слѣдилъ тогда съ напряженнымъ, но недовѣрчивымъ вниманіемъ за ходомъ работъ подземнаго электрическаго телеграфа между кабинетомъ Государя въ Зимнемъ дворцѣ и кабинетомъ графа П. А. Клейнмихеля въ домѣ главнаго управленія путей сообщеній, у Обухова моста. Мнѣ это казалось басней; но при видѣ того, что̀ вышло изъ этого опыта, никакое новое изобрѣтеніе меня болѣе теперь не удивитъ, и я ожидаю ежедневно, что наука дойдетъ до средства управлять аеростатомъ, какъ пароходомъ. Но куда дѣнутся тогда таможни? Вопросъ этотъ разрѣшить трудно. Впрочемъ, придется тогда учредить особую контрольную полицію для отлетающихъ и прилетающихъ шаровъ.

Изъ новыхъ моихъ знакомыхъ упомяну о Ѳеофилѣ Матвѣевичѣ Толстомъ и женѣ его Александрѣ Дмитріевнѣ, рожд. Давыдовой; я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, что Гименъ свелъ ихъ въ Москвѣ, на аматёрскихъ подмосткахъ, въ роляхъ Фигаро и Розины, и меломанъ Толстой, покинувъ въ настоящее время сколачиваніе прежнихъ своихъ Русскихъ романсиковъ (правду сказать, не особенно даровитыхъ), принялся за болѣе крупное дѣло—опернаго композиторства, добывъ для сего отъ какого-то Итальянскаго піиты либретто, подъ заглавіемъ «il Birichino di Parigi», въ которомъ сюжетъ заимствованъ изъ Французской піесы, имѣвшей большой успѣхъ: «le Gamin de Paris». Должно быть, что Толстой не довершилъ своего труда или, если окончилъ его, то партитуры не выпустилъ изъ своего портфёля, потому что я не слыхалъ, чтобы его опера постановлена была гдѣ нибудь на сценѣ. У иныхъ увядшихъ артистокъ было упорство, какъ я уже не разъ замѣчалъ, продолжать свою профессію вопреки подгулявшаго голоса, а у Александры Дмитріевны Толстой было на оборотъ: она бросила пѣть при полномъ еще обладаніи обширнаго и хорошо обработаннаго своего органа; но въ угодность мнѣ она дѣлывала исключеніе и пѣвала со мною подъ акомпаниментъ своего мужа, на что былъ онъ великій мастеръ. Превеселая барыня была Александра Дмитріевна, съ большими и весьма недурными глазами, не знавшими неподвижности (вмѣсто всего этого иносказательства хотѣлось было мнѣ назвать ее просто «быстроглазою», но это было бы черезчуръ тривіально). Была она весьма общительна и предпочитала (на сколько я могъ за-

мѣтить) мужскую компанію женской, и въ таковой готова была просиживать до бѣлаго дня [1]). Въ ея салонѣ я не разъ встрѣчалъ графа Григорія Строгонова, графа Крейца и красавца Альбединскаго; всѣ трое были тогда молодыми офицерами въ конногвардейскомъ полку. Я позднѣе узналъ, что графъ Строгоновъ предназначался въ флигель-адьютанты; но когда его о томъ извѣстили, то онъ усердно началъ хлопотать, чтобы вмѣсто него этой чести удостоенъ былъ его однополчанинъ, графъ Крейцъ, какъ не имѣвшій ни свѣтскаго виднаго положенія, ни протекціи, какими пользовался Строгоновъ, вслѣдствіе чего графъ Крейцъ получилъ это званіе [2]). Подобная черта дѣлаетъ много чести графу Строгонову, да и вся его личность и манеры обличали въ немъ настоящаго, что̀ называется по французски, «enfant de bonne maison».

Въ Октябрѣ 1845 года возвратились изъ-за границы З. С. Дивова, съ годовымъ почти своимъ первенцомъ, Сергѣемъ Николаевичемъ, при коемъ была кормилицею классическаго типа Римлянка. Пріятель мой, карликъ Филипъ Арсеньичъ, неразлучный соперникъ Зинаиды Сергѣевны, разсказывалъ мнѣ, что когда эта кормилица, передъ отъѣздомъ изъ Рима, ходила прощаться съ семействомъ одного тамошняго маркиза, гдѣ она прежде жила, то маркизъ предупреждалъ ее быть осторожною въ Россіи, когда вздумается ей прогуливаться: потому-де что тамъ множество волковъ.

Зинаида Сергѣевна, пробывъ на этотъ разъ только нѣсколько дней въ Петербургѣ, уѣхала на зиму въ Москву.

Я говорилъ выше, какъ обрадованъ былъ А. Е. Варламовъ встрѣчею со мною въ Павловскомъ воксалѣ. Не взирая на знакомства съ графомъ М. Ю. Віельгорскимъ и самимъ генераломъ Львовымъ, директоромъ Пѣвческой Капеллы, онъ до конца жизни († въ Петербургѣ, осенью 1848) не получилъ искомаго мѣста. Жалуясь безпрестанно на стѣсненное свое положеніе, онъ тѣмъ не менѣе былъ крайне безпеченъ и лѣнивъ на подъемъ. Двоюродная моя сестра, Е. А. Кикина, узнавъ отъ меня, что онъ въ Петербургѣ, просила привезти его къ ней, чтобы брать у него уроки Русскаго пѣнія. (У сестры моей былъ и по сю пору остался

---

[1]) Обращеніе ея съ мужчинами не назову кокетствомъ, а то что̀ по англійски зовется „flirtation“. Это нѣчто болѣе нежели любезность, но менѣе чѣмъ кокетство.

[2]) По поводу состязанія о флигель-адъютантствѣ, слышно было, что одинъ Преображенскій офицеръ Л. жалобно разсказывалъ о сдѣланной ему вопіющей несправедливости (un passe-droit), назначеніемъ въ это званіе г. Мирбаха, тогда какъ онъ Л. имѣлъ за собою заслугу, что въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ неутомимо танцовалъ на придворныхъ балахъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, тогда какъ Мирбахъ танцовалъ на нихъ не болѣе двухъ лѣтъ.

сильный контральто). Повезъ я къ ней моего Александра Егоровича. Присѣвъ, по просьбѣ дамъ, къ фортепіану, онъ всѣхъ ихъ восхитилъ своею методою при слабѣйшемъ и едва внятномъ теноровомъ органѣ, своимъ декламированіемъ столько же, сколько пѣніемъ своихъ дивныхъ вдохновеній, Русскимъ горемъ и Русскою жизнью пропитанныхъ. Сестра моя условилась съ нимъ на два или на три урока въ недѣлю и, выходя оттуда, Варламовъ слезно благодарилъ меня за подспорье, доставленное ему этою ученицею. Что же вышло? Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ сестра спросила у меня, по какой причинѣ Александръ Егоровичъ давно глазъ не кажетъ? А завернетъ онъ, бывало, ко мнѣ въ гостинницу Кулона и по цѣлымъ часамъ сидитъ себѣ съ чубукомъ Жукова въ зубахъ *) и хнычетъ, что жить нечѣмъ: а если предложить ему преферанчикъ, хоть бы по самому ничтожному кушу, то онъ готовъ былъ просидѣть за карточнымъ столомъ весь день и всю ночь. Апатичность его была такова, что онъ въ то время даже не занимался развитіемъ голоса дочери своей Елены (отъ втораго брака), и я, видая не разъ эту дѣвушку (ей было тогда 13 или 14 лѣтъ) не подозрѣвалъ даже, что у нея былъ голосъ, и очень удивился, узнавъ, что послѣ смерти отца она дала концертъ въ Москвѣ, устроенный стараніемъ добраго Грессера, издателя романсовъ А. Е. Варламова. Нрава Варламовъ былъ мягкосердечнаго и безхарактернаго, настоящая тряпка и безъ всякой воли въ домашнемъ быту; постоянно лежалъ на немъ меланхолическій оттѣнокъ, какимъ отзывается большинство его произведеній. Я былъ съ нимъ на *ты*. Жена его, тихая и разсудительная, жаловалась мнѣ на безуспѣшность своихъ попытокъ вывести мужа изъ апатіи и лѣнивыхъ жизненныхъ привычекъ, главныхъ причинъ стѣсненнаго положенія всей семьи.

Уличнымъ событіемъ дня было тогда появленіе Голандской вафельницы, коей отведенъ былъ для ея стряпни скверъ, что́ на Александринской площади. Собою она была весьма представительна и даже величава, хоть бы прямо на сцену въ роли королевъ и герцогинь; высокаго роста, плечистая и отчасти тучноватая, брюнетка по глазамъ и волосамъ, но со свѣжестію кожи блондинки, съ выразительными чертами лица, хотя явно было, что ей стукнуло лѣтъ сорокъ. Одѣвалась она изящно, вся въ кружевахъ съ ранняго утра, съ открытою шеею и голыми до локтей руками алебастровой бѣлизны (хотя на дворѣ стоялъ Октябрь), съ браслетами и съ кольцами. Такова была персона, стоявшая за прилавкомъ, въ довольно просторной парусинной палаткѣ,

*) Старожилы помнятъ, чай, въ какомъ ходу былъ тогда Голандскій табакъ Петербургскаго фабриканта Василія Жукова, называемый вакштафъ

убранной съ нѣкоторымъ комфортомъ для посѣтителей (каковыхъ была всегда давка); а въ углубленіи палатки стояла переносная желѣзная печка. Издѣлія ея были дѣйствительно превосходны, такъ что не помню, ѣдалъ ли я гдѣ нибудь подобныя вафли, да еще изъ тѣста съ ванилью. Произведеніе свое она подносила сама посѣтителямъ, безъ помощи прислуги и съ привѣтливою улыбкою. Цѣны вафель были соразмѣрны обстановкѣ, т. е. не самыя, помнится мнѣ, дешевыя; но, кромѣ потребителей на мѣстѣ, въ палаткѣ тѣснились ливрейные лакеи съ заказами изъ богатыхъ домовъ, и была такая толпа покупателей, ожидавшихъ своей очереди, что у рѣшетки сквера стояла полицейская стража для наблюденія за порядкомъ. Барыши отъ этой кажущейся грошевой торговли увеличивались тѣмъ, что приходившая туда свѣтская молодежь и не молодежь запивала вафли Шампанскимъ, за которое платили не по той конечно цѣнѣ, по какой можно было его купить въ винныхъ погребахъ. При появленіи морозовъ эфемерная вафельщица скрылась, а на слѣдующій годъ попытала свое счастіе въ Москвѣ; но тамъ ей не повезло, какъ на Невскомъ берегу, да и вся ея обстановка на Тверскомъ бульварѣ была, помнится мнѣ, грязненька.

Отъ городской хроники перехожу къ театральному отдѣлу. Составъ Итальянской оперной труппы былъ весьма хорошъ. Примадонною была Полина Віардо-Гарція (сестра умершей Малибранъ), знаменитая и голосомъ, и игрою, но лица далеко некрасиваго *). За то вторая примадонна, воспитанница или родственница Тамбурини (фамиліи ея не упомню) была прелесть собою; но этимъ почти однимъ она и брала: хотя въ голосѣ у нея не было особеннаго недостатка, пѣла она безжизненно и игрою не отличалась. Первымъ теноромъ былъ Сальви, весьма еще хорошій, хотя немного уже спавшій противъ того Сальви, какимъ былъ онъ въ Москвѣ въ предыдущій сезонъ. Тамбурини (баритонъ) имѣлъ еще кое-когда не то что блестящія, но удовлетворительныя минуты, хотя выдержать музыкальную фразу въ *адажіо* онъ никакъ не могъ и старался отдѣлаться руладами; кромѣ того, верхнія, необходимыя въ баритонѣ, ноты *фа* и *фа-діезъ*, да и чуть ли не *mi-bemol*, совершенно уже исчезли, отчего онъ искажалъ писанныя для этого голоса партиціи, замѣняя эти высокія ноты болѣе возможными ему нижними. Всѣ эти недостатки онъ, однакоже, почти что выкупалъ умною игрой и глубокимъ сценическимъ навыкомъ. Буффо былъ довольно хорошъ; фамиліи его, а также глубокаго баса, не упомню.

*) Мужъ ея, Французъ Віардо, имѣлъ притязаніе на художническую литературу и издалъ обзоръ галлереи Императорскаго Эрмитажа.

На Александринскомъ театрѣ роли Каратыгина были отданы, по случаю его отъѣзда за границу, нѣкоему Славину, взятому, впрочемъ, дирекціей только на пробу. Я однажды видѣлъ его въ длиннѣйшей піесѣ «Молодость Кина» [1]), въ коей онъ показался мнѣ ниже посредственности. Этотъ Славинъ былъ предъ тѣмъ въ Москвѣ. Дебютировалъ онъ тамъ или нѣтъ, неизвѣстно мнѣ; но я узналъ, что онъ подвизался также и на беллетристическомъ поприщѣ и посвятилъ три свои повѣсти тремъ Московскимъ младшимъ полицмейстерамъ, гг. Брянчанинову, Верещагину и (кажется) Мельгунову. То время было наиблестящею эрой Русской Петербургской сцены, и незабвенными въ ея лѣтописяхъ останутся имена Сосницкаго, второго Каратыгина (онъ же и драматургъ), Мартынова, Самойлова, Григорьевыхъ 1-го и 2-го [2]) и Максимова (въ живыхъ остался теперь одинъ Самойловъ). Изъ женщинъ были обѣ Самойловы, Надежда и Вѣра Васильевны; вторая мало уступала въ иныхъ роляхъ г-жѣ Дюплеси, а въ роляхъ пожилыхъ женщинъ, и въ особенности служанокъ, неподражаемою была пожилая уже Биркина (или Брыкина). Недавно передъ тѣмъ ангажированная на Михайловскую (Французскую) сцену г-жа Дюплесй-Арманъ производила заслуженный фуроръ. Не случалось мнѣ никогда видать, чтобъ искусство столь близко подходило къ природѣ, какъ у этой артистки; помню, что когда въ роляхъ приходилось ей плакать, она не то чтобы хорошо притворялась, но дѣйствительно проливала градомъ неподдѣльныя слезы. Остальной составъ труппы оставался прежній: талантливая г-жа Алланъ (окончательно, хотя не совсѣмъ заслуженно, провалившаяся съ пріѣзда г-жи Дюплесй), Луиза Мейеръ, мамзели Анна и Фальконъ (вторая изъ нихъ была сестра извѣстной пѣвицы того же имени, Парижской Французской оперы), а изъ мужчинъ Брессанъ, Бертини, Алланъ, Дюфуръ, Вернетъ и Ружьѐ.

Сознавая необходимость для пользы дѣла, по которому я жилъ тогда въ Петербургѣ, возобновить мои связи въ аристократическомъ мірѣ, я пустился въ него, и снова, по милости генеалогическихъ моихъ матрикулъ, отверзлись мнѣ салонныя двери, какъ будто бы я не отставалъ никогда отъ этого общества. Въ Питерѣ не то, что̀ въ Москвѣ: новому человѣку, какъ бы шикозенъ онъ ни былъ, попасть въ высшее

[1]) Кинъ былъ извѣстный Англійскій трагикъ и соперникъ Камбеля, въ первой четверти нынѣшняго вѣка.

[2]) Спеціальностью Григорьева 2-го были роли купцовъ, говоръ и ухватки коихъ онъ усвоилъ до комическаго совершенства, такъ что онъ долженъ былъ (какъ разсказывали) избѣгать проходить мимо Щукина двора, гдѣ озлобленные купчики собирались было поколотить его.

общество невозможно безъ аристократическихъ антецедентовъ [1]) и въ силу логики того же правила, напрасно будетъ освѣщаться «*à jour*» бальный залъ разбогатѣвшаго буржуа. Залъ этотъ не узритъ въ своихъ нѣдрахъ, какъ въ неразборчивой Москвѣ, высшаго общества въ полномъ его составѣ; развѣ только нѣкоторые, немногіе его отщепенцы, пренебрегатели кастовыхъ традицій, удостоятъ подобный залъ своего присутствія. Долго добивался въ Петербургѣ подобной чести милліонеръ Лазаревъ, человѣкъ не изъ буржуазіи и женатый на принцессѣ Биронъ; но салоны его не прежде стали наполняться знатью, какъ получивъ предварительную санкцію посѣщеніемъ великаго князя Михаила Павловича. Не слыхивалъ я, чтобы какія нибудь изъ дамъ Петербургскаго высшаго круга бывали на балахъ придворнаго банкира барона Штиглица.

Описывать вечера и балы не къ чему; скажу только, что на вечерахъ у графини Александры Кирилловны Воронцовой я снова повстрѣчался съ знакомою мнѣ Флорентинкою Полиной, урожденною графиней Ненчини, вышедшею замужъ за тамошняго маркиза Пуччи, а въ описываемое время (осенью 1845 года) уже бывшею за Хитровымъ. Неловко было бы съ моей стороны напоминать ей о Флорентинской жизни и объ одновременныхъ моихъ съ нею свѣтскихъ дебютахъ въ томъ обществѣ, зимою съ 1825 на 1826 годъ, потому что подобныя воспоминанія были въ связи съ позднѣйшимъ ея побѣгомъ отъ живаго мужа [2]), событіемъ, сдѣлавшимъ большой эскландръ; но мы все-таки сошлись какъ не чужіе другъ другу и какъ соотечественники. Собою она была весьма еще пикантна, хотя не красавица, каковою была ея мать до старости лѣтъ, и она вскорѣ сдѣлалась такъ-сказать *своею* въ Петербургскомъ обществѣ. Въ томъ же салонѣ графини Воронцовой я сблизился съ барономъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Бюлеромъ. Однажды, сходя съ нимъ съ лѣстницы, послѣ одного вечера у сказанной графини, мы увидали очень молодую дѣвушку, невысокаго роста, но очень хорошенькую собой (упираю на это прилагательное, потому что кто знаетъ нынѣ эту особу, трудно повѣрить моимъ словамъ), сидѣвшую въ страдальческой позѣ на лакейскомъ прилавкѣ, въ швейцарской, и со стоявшею предъ ней озабоченною матерью. Мать эта была графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская, а дѣвушка—ея дочь Лидія Арсеньевна,

---

[1]) Отступленіе отъ этого правила было въ отношеніи чужеземныхъ знаменитостей въ литературѣ или области художествъ, но для таковыхъ изъ Русскихъ отступленія не было. Для нихъ только домъ княгини М. Н. Волконской, какъ исключеніе, былъ всегда открытъ.

[2]) Въ 1845 году маркиза Пуччи не было уже въ живыхъ, а въ настоящее время (1872 г.) и жены его, впослѣдствіи Хитровой.

оступившаяся и повредившая, впрочемъ незначительно, ногу при сходѣ съ лѣстницы. Въ наступавшую зиму (съ 1845 на 1846 г.) она вышла за молодого графа Нессельрода (сына тогдашняго канцлера), причемъ посаженнымъ отцомъ у нея былъ покойный государь Николай Павловичъ.

Въ числѣ иностранныхъ художниковъ, коимъ удалось получить заказы для строившагося тогда Исаакіевскаго собора, былъ небезталантный Флорентинскій живописецъ Муссини, прибывшій въ Петербургъ тою осенью. Хотя во Флоренціи я съ нимъ встрѣчался не болѣе одного или двухъ разъ, но мы скоро сошлись и были на *ты:* привычка въ Итальянскомъ фамиліарномъ нарѣчіи, сходная съ Русскимъ обычаемъ, но не существующая ни на Французскомъ, ни еще менѣе на Англійскомъ языкѣ [1]). Не знаю, помнитъ ли читатель о нѣкоемъ маестро Сарти, капельмейстерѣ при Екатерининскомъ дворѣ, сочинившемъ оркестрированную музыку, съ акомпаниментомъ пушечной подъ тонъ пальбы Амврозіанскаго гимна [2]), при торжествѣ по случаю взятія Очакова. У этого Сарти была дочь, вышедшая за Итальянца же Муссини, и плодомъ этого брака были двое художниковъ, о старшемъ изъ коихъ идетъ здѣсь рѣчь. Старикъ Муссини былъ чѣмъ-то (вѣроятно капельмейстеромъ или пѣвцемъ) при Берлинскомъ дворѣ, и воспитанныя тамъ его дѣти считались полуонѣмеченными. Сынъ его, о которомъ теперь говорю, носилъ какой-то Прусскій орденъ и въ торжественныхъ случаяхъ облекался въ красный мундиръ Прусской дворцовой роты или дворянской стражи, какъ онъ увѣрялъ; должно быть, онъ не вралъ, иначе не посмѣлъ бы являться Императору въ этомъ военномъ костюмѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что когда въ первый разъ онъ представлялся, то Государь, узнавъ чей онъ былъ внукъ, благоволилъ распорядиться доставить ему нарочный случай послушать музыкальное исполненіе придворными пѣвчими произведенія его дѣда, за исключеніемъ (конечно) пушечныхъ выстрѣловъ и треска пиротехническихъ батарей, также находившихся въ партитурѣ композиціи [3]). Замѣчу ми-

---

[1]) На Англійскомъ языкѣ мѣстоимѣніе *ты* употребляется только въ молитвословѣ, а въ разговорѣ второе лицо единственнаго числа употребляютъ одни только квакеры, неотступные приверженцы библейскаго слога.

[2]) „Тебе Бога хвалимъ". Нѣкій дока по церковной исторіи говорилъ мнѣ, что этотъ гимнъ перешелъ къ намъ непосредственно изъ Римской церкви, какими путями—неизвѣстно; но онъ не существуетъ въ Греческомъ Служебникѣ.

[3]) Графъ Д. Н. Толстой сообщилъ мнѣ, что покойный Государь очень любилъ музыку Сарти въ „Нынѣ силы небесныя", кромѣ ея финала, въ „Аллилуія", кончавшемся фугою, и что Государь доставилъ, вѣроятно, Муссини случай слушать эту піесу. Объ этой композиціи мнѣ ничего до сихъ поръ не было извѣстно, и я зналъ лишь о „Нынѣ силы небесныя", Бортнянскаго.

моходомъ, что покойный Государь былъ щедрымъ поощрителемъ художествъ и художниковъ, какъ своихъ Русскихъ, такъ и иноземныхъ, и были случаи, когда онъ оказывался неплохимъ знатокомъ этого искусства. Такъ, напримѣръ, я слыхалъ, что при покупкѣ, по ходатайству герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, нѣсколькихъ псевдо-Рафаэлевъ Государь будто бы твердилъ хвалящимъ эти картины: «Vous aurez beau dire tout ce que vous voudrez, mais ces tableaux ne me plaisent pas» [1]. И дѣйствительно, не прошло пяти лѣтъ, какъ эти мнимыя геніальныя произведенія очутились на дворцовомъ чердакѣ, или гдѣ-то въ захолустьѣ.

Не досказалъ я, что нашъ Муссини втерся въ самые верхніе слои, Петербургскаго общества, благодаря высказанному выше правилу дѣлать исключеніе для иностранцевъ.

Когда съѣхалась вся знать на зиму въ Петербургъ, и подоспѣло время приступить къ дѣлу, вызвавшему меня туда, началъ я соображать, съ какого конца взяться, и зная, насколько имѣетъ иногда на Невскомъ берегу успѣхъ женское вліяніе, пришло мнѣ внезапно на мысль [2], что хорошенькое личико моей жены можетъ сдѣлаться надежнымъ для меня помощникомъ въ данномъ случаѣ. Разсчетъ былъ отчасти основателенъ въ теоретическомъ отношеніи, но на практикѣ жена моя неспособна была на такую роль; да и самъ я никогда не былъ гораздъ на мытарства просителя: тутъ, кромѣ необходимой сильной поддержки, нужна особая смѣтливость разузнавать всѣ лазы и лазейки по вліятельнымъ мужскимъ и женскимъ порогамъ; надо пустить въ ходъ и постороннихъ салонныхъ агентовъ-говоруновъ, и маневрировать неукоснительно и неутомимо по измѣняющейся иногда программѣ, не останавливаясь и не упадая духомъ при первыхъ неудачахъ. Изучить эту алгебру почти что невозможно, а надо родиться съ этою способностью; да и опять-таки не всегда и эта наука удается самымъ даже экспертамъ въ ней: кому везетъ, а кому нѣтъ, хоть будь онъ семи пядей во лбу; а мнѣ, какъ я говорилъ на первыхъ страницахъ настоящихъ Записокъ, почти что никогда не везло въ жизни.

Рѣшившись на эту попытку, мы возвратились въ Москву, а оттуда поѣхали оба въ Знаменское. Проѣздомъ въ Москвѣ, мы узнали о катастрофѣ, постигшей тамъ Леона и его сообщниковъ, по обвиненію въ составленіи подложнаго будто бы духовнаго завѣщанія нѣкоего Разсказовскаго. Многошумное это дѣло состояло въ слѣдующемъ. П. Н.

[1]) Говорите что̀ хотите, но картины эти мнѣ не нравятся.

[2]) Помню, что мысль эта вдругъ блеснула мнѣ однажды послѣ обѣда у друзей моихъ Шатиловыхъ, когда я курилъ, грѣясь у печки, по моей привычкѣ, послѣ обѣда.

М. . . ъ, познакомившись со старымъ холостякомъ Разсказовскимъ, слывшимъ за капиталиста и человѣка нетрезвыхъ привычекъ, перетащилъ его къ себѣ въ домъ, и не прошло много времени, какъ этотъ Разсказовскій скоропостижно умеръ, завѣщавъ свои капиталы М — у. Наслѣдники умершаго начали оспаривать подлинность духовнаго завѣщанія, и одновременно съ тѣмъ найдено было, при описи имущества Разсказовскаго, между прочими денежными документами, нѣсколько векселей и росписокъ, данныхъ умершею тогда Агаѳьею Ивановною Хрущовой на имя Леона, на весьма значительную сумму [1]), подлинность каковыхъ оспаривалась опекуншей надъ малолѣтнею дочерью А. И. Хрущовой [2]), и пошла катавасія. Задержаны были немедленно г-да М...., В...., небогатый Рязанскій дворянинъ В.... и Леонъ; послѣдніе трое по прикосновенности будто бы къ дѣлу. Арестъ Леона былъ мотивированъ тѣмъ, что найденные векселя и росписки А. И. Хрущовой перешли къ Разсказовскому отъ него. Нѣкоторыя подробности этого дѣла я, можетъ быть, передаю невѣрно; но такова была сущность его. А такъ какъ всякое уголовное преступленіе, хотя бы учиненное не военными лицами, но если въ немъ замѣшивалось хотя одно лицо военнаго вѣдомства (къ коему здѣсь принадлежалъ В....й), неподсудно уголовнымъ палатамъ, то состоялась военно-судная комиссія, въ которой первоначально разбиралось дѣло въ Москвѣ, а въ послѣдующемъ (1846) году перешло въ Петербургскій военный Аудиторіатъ. Чѣмъ оно кончилось, увидимъ далѣе, а теперь буду продолжать разсказъ, собственно до меня касающійся.

Улыбалась очень женѣ моей предстоявшая поѣздка въ Петербургъ, гдѣ она сроду еще не бывала, и начались сборы къ отъѣзду. При нашей Анетинѣ гувернанткою была тогда молодая Минская уроженка, полунѣмка и полуполька, Юлія Ивановна Гофманъ, поступившая къ намъ съ весны того года, по рекомендаціи Якова Игнатьевича Радзиковскаго, познакомившагося съ нею, какъ съ жилицею, въ домѣ княгини Голицыной (на Никитской), гдѣ была его кондитерская. Въ Знаменскомъ ожидалъ меня нечаянный сюрпризъ по поводу строившагося тамъ новаго дома Порзненскими моими плотниками. Вмѣсто того, чтобы придерживаться плану домика, съ мезониномъ красивой архитектуры,

[1]) Отецъ и мать моихъ однополчанъ Петра и Николая Александровичей Хрущовыхъ, немало переплатили долговъ своихъ сыновей Леону, и потому у послѣдняго были счеты съ А. И. Хрущовой.

[2]) Опекуншею была Елисавета Александровна Нарышкина. Побочное обстоятельство о документахъ А. И. Хрущовой не попало, насколько помнится мнѣ, въ судебное дѣло о духовномъ завѣщаніи Разсказовскаго, и искъ былъ прекращенъ опекунами.

начерченному однимъ Московскимъ архитекторомъ Горскимъ (за каковой я заплатилъ ему 100 р. ассигн.), увидалъ я длиннѣйшій, одноэтажный сарай, настоящую фабрику и безъ симптомовъ архитектуры, съ двумя симетрическими крытыми крыльцами по концамъ передняго фаса. Ужъ и подлинно одолжили меня за мои же гроши распорядители постройки, не тѣмъ будь они помянуты, т. е. теща моя и задушевный другъ мой Осипъ Августиновичъ Тридонъ. Извѣстно, что у семи нянекъ дитя бываетъ безъ глазу; такъ и здѣсь. Отступивъ, не знаю почему, отъ условленнаго плана, каждый изъ двухъ распорядителей хотѣлъ строить на свой ладъ, изъ за-чего выходили у нихъ споры и пререканія, весьма иногда забавныя для сторонняго человѣка. «Коли такъ», скажетъ одинъ изъ нихъ, «такъ извольте сами завѣдывать постройкою, какъ хотите, а я умываю руки»; но черезъ нѣсколько дней отступившаяся сторона приходитъ на работу и приказываетъ подрядчику-плотнику переставить или убавить, или расширить стѣну, или всю комнату, выведенную безъ его согласія; тогда другая сторона заявляетъ себя обиженною и удаляется. Эти споры были относительно общаго расположенія комнатъ, а что̀ до архитектурныхъ подробностей, то оба распорядителя предоставили таковыя на вкусъ подрядчика, который влѣпилъ къ фасаду неизмѣнный во всѣхъ почти помѣщичьихъ домахъ фронтонъ, съ четырьмя чахоточными колоннами, поддерживающими псевдоклассическій треугольникъ съ разными украшеніями, разводами и другими орнаментными цацами *à jour*, какъ въ избахъ зажиточныхъ Костромскихъ и Нижегородскихъ крестьянъ. Узрѣвъ эту чудовищную постройку, совершенно уже выведенную вчернѣ, я такъ и ахнулъ; но нечего было дѣлать: не ломать же ее всю дотла, и я махнулъ рукою!

Тронулись мы изъ Знаменскаго уже зимнимъ путемъ, а въ Москвѣ взяли цѣлый, особенный дилижансъ (5-го заведенія, какъ теперь помню), и потому останавливались, гдѣ хотѣли; въ Торжкѣ не преминули угостить себя знаменитыми Пожарскими котлетами, хотя это было въ 2 или въ 3 часа пополуночи, добрались до Петербурга на пятый (кажется) день, и поселились въ Англійскомъ пансіонѣ сестеръ Бенсонъ, въ концѣ Англійской набережной, въ домѣ Раля. Отель былъ очень комфортабельный и шикозный, но недешевый: плата съ каждой персоны была по 3 руб. сер. въ день, съ полнымъ столомъ и утреннимъ чаемъ и кофеемъ, а съ нашей прислуги по 1 р. или 1½ р. сер. въ день за каждаго. Насъ было четверо: жена и я, Анетина и Юлія Ивановна, а изъ людей мой крѣпостной Василій Ваваевъ и горничная жены моей Настасья (ея же крестница). Столъ можно былъ назвать роскошнымъ, но не

той прихотливой утонченности, свойственной Французской гастрономіи раздражающей только апетитъ и отъ которой встаешь изъ за стола ни сытъ ни голоденъ, а солидной, прямо ведущей къ цѣли, что выражается по Англійской «strait forward eating*) и состоявшій изъ отборной всегда провизіи, какъ то филея (конечно съ Британскимъ розбифомъ на первомъ планѣ), перваго разбора баранины (mouton-chops), дичи, лучшихъ сортовъ рыбы и свѣжихъ разныхъ овощей, и все приготовлено въ соку, не пережарено и не недожарено, а пустяшныя антре-ме, сальми и химическіе соусы отсутствовали. Въ 12 часовъ сервировался завтракъ изъ 4 блюдъ, въ томъ числѣ холодный розбивъ или ветчина, какую можно имѣть только у однихъ Англичанъ, а въ 5 часовъ обѣдъ изъ пяти блюдъ. Нечего говорить, что столовая посуда и бѣлье соотвѣтствовали безукоризненностію всему прочему. Было немного неловко для Русскихъ дамскихъ привычекъ то, что у себя въ нумеръ можно было требовать только утренній чай и кофе (и къ тому, сливки, свѣжее масло и печенія или Французскій хлѣбъ) и вечерній чай; завтракать же и обѣдать надо было всѣмъ приходить къ общему столу, какъ бываетъ за границею. Коли хотите, подобная подчиненность тяжела для однихъ спѣсивыхъ Русскихъ барынь, а жена моя къ счастію не изъ таковыхъ. Что до общества тамъ встрѣчаемаго, то хотя оно состояло преимущественно изъ Англійскихъ гувернантокъ безъ мѣстъ и при мѣстѣ (послѣднія проводили тамъ свободные для нихъ воскресные дни), Англійскихъ комерсантовъ, туристовъ или артистовъ; но всѣ они были люди благовоспитанные, а иные весьма даже пріятные, за исключеніемъ нѣкоего г-на Р....., о которомъ слѣдуетъ сказать два слова. Это былъ авантюристъ, но высшей руки, съ довольно хорошими манерами, выдававшій себя за племянника тогдашняго Остъ-индскаго лорда-губернатора, Гардинджа; изъяснялся онъ правильно по французски (хотя съ Британскимъ акцентомъ) и по итальянски, объѣхалъ всю Европу, знавалъ многихъ знаменитостей и разсказывалъ (довольно ловко) о своихъ выгодныхъ денежныхъ предпріятіяхъ. Хотѣлось ему втереться въ Петербургское аристократическое общество, но это не удалось; тѣмъ не менѣе онъ какъ-то познакомился и вкрался въ довѣріе княгини Софіи Григорьевны Волконской, жены министра двора и, не взирая на ея всѣмъ извѣстную скупость, выманилъ у нея значительный кушъ денегъ, подъ предлогомъ покупки какихъ-то выгодныхъ акцій, оказавшихся (какъ говорятъ) пуфомъ. Дѣло это было въ Москвѣ и, по желанію этого господина, княгиня Волконская обратилась къ князю А. Г. Щербатову (Московскому гене-

*) Прямое (не уклоняясь въ сторону) ѣденіе.

ралъ-губернатору) съ просьбою пригласить на его балъ этого г-на Р... какъ человѣка хорошо ей знакомаго; но князь Щербатовъ, зная эксцентричность княгини и ея неразборчивость на счетъ знакомыхъ, или имѣя, быть можетъ, какія нибудь свѣдѣнія, неблагопріятствовавшія этому господину, отказалъ ей на отрѣзъ, чѣмъ она очень оскорбилась. Но все это произошло позднѣе; а когда мы жили у сестеръ Бенсонъ, этотъ аферистъ былъ еще съ кредитомъ у нихъ, разыгрывалъ важную роль и не щадилъ ихъ погреба, отъ чего былъ иногда весьма шумливъ и, живя въ одномъ съ нами коридорѣ, безпокоилъ мою жену. Кончилъ онъ однакоже тѣмъ, что сильно задолжалъ въ отелѣ, и ему на послѣдокъ ничего не давали, кромѣ помѣщенія, и то потому, можетъ быть, что хозяйки подали просьбу о запрещеніи ему выѣзда изъ Петербурга, пока не расплатится съ ними. Это продолжалось довольно долго, и все-таки, сколько помнится мнѣ, онъ, выѣзжая, остался порядочно имъ долженъ.

Жена моя пріѣхала на углаженный для нея путь ко вступленію въ Петербургскій бо-мондъ. Принятая наиривѣтливымъ образомъ графинею А. К. Воронцовою и княгинею М. Н. Волконскою, особами первенствовавшими свѣтскимъ своимъ положеніемъ, новопріѣзжая нашла открытый доступъ къ остальной части общества, да и съ нѣкоторыми изъ его членовъ она познакомилась еще въ бытность свою въ Эмсѣ, въ лѣтній сезонъ 1841 года, въ томъ числѣ съ Екатериною Николаевною Нарышкиною (женою Эмануила Дмитріевича), рожденною Новосильцевой. Сія послѣдняя была очень некрасива собою; при всей изысканности туалета она казалась небрежно одѣтою (*torchée comme un chiffon*), но тѣмъ не менѣе силилась корчить львицу (терминъ только что тогда изобрѣтенный), что̀ дало поводъ остроязычному Льву Кирилловичу Нарышкину (брату графини Воронцовой) сказать, что на такомъ-то вечерѣ были ma soeur Alexandrine (Woronzof) la lionne et Catherine Narichkine la *sous-lionne* *). Любезнаго Флорентинскаго нашего знакомца Ивана Петровича Мятлева уже не было въ живыхъ: иначе онъ непремѣнно отплатилъ бы женѣ моей тѣмъ, чѣмъ она нѣкогда была для него во Флоренціи, то есть чичероне въ Петербургскомъ обществѣ.

Долго было бы, да и не къ чему, перечислять всѣ дома, посѣщавшіеся нами; ограничусь тѣмъ, что жена моя была принята на ногѣ

---

*) Каламбуръ этотъ невозможно буквально перевести по русски: въ немъ игра словъ состоитъ въ томъ, что „*sous-lionne*" значитъ подъ-львица, а „*souillone*" замарашка, и смыслъ каламбура таковъ, что на обозначенномъ вечерѣ были-де сестра моя Воронцова-львица и подъ-львица (также и замарашка) Екатерина Нарышкина. Оба эти Французскія слова одинаково произносятся.

близкой родственницы дальнею теткою моею Полянскою и ея двумя дочерьми Устиновой и Леонтьевой, А. С. Норовымъ и его женою, В. Д. Олсуфьевымъ и княгинею Маріею Семеновною Черкасскою*). Она была на балахъ у графини Воронцовой и у Д. П. Бутурлина (автора исторіи войны 1812 года, написанной имъ по-французски). На второмъ изъ этихъ баловъ была великая княгиня Марія Николаевна, необыкновенною граціею коей въ танцахъ я и жена моя любовались впервыя; да и кстати добавлю, что хозяйка дома, рожденная Комбурлей, отличалась неимовѣрною по своимъ лѣтамъ (ей было за сорокъ) свѣжестію и красотою. Въ домѣ графини Воронцовой былъ также домашній спектакль изъ двухъ Французскихъ водевилей, разыгранныхъ ею съ прехорошенькою дѣвицею Натальею Зыбиной и г.г. Альбединскимъ и Жомини. Я нашелъ, что рѣзвая графиня Александра Кирилловна болѣе отличалась на своей салонной аренѣ, нежели на подмосткахъ, а что̀ до вышепомянутой сценической ея молодой подруги, то она вышла впослѣдствіи за какого-то Беклемишева и хотя въ настоящее время красота ея увяла, но драматическій пылъ (какъ слышно) не угасъ, и она подвизается будто-бы на провинціальныхъ любительскихъ сценахъ. Конногвардеецъ Альбединскій хорошо копировалъ Французскихъ «jeunes premiers», но въ его усиліяхъ говорить какъ Парижанинъ была нѣкоторая афектація, что̀ не замѣчалось въ его товарищѣ Жомини. Говоря о хорошенькихъ этого круга, назвать слѣдуетъ Марью Васильевну Нарышкину (жену упомянутаго Льва Кирилловича), рожденную княжну Долгорукову; но въ ней были уже тогда странности, предвѣщавшія умоъразстройство, чѣмъ она позднѣе покончила. Изъ дѣвицъ замѣчательна была красотою Татьяна Васильчикова, дочь Дмитрія Васильевича Васильчикова, а изъ недавно вышедшихъ замужъ графиня Софія Рибопьеръ, дочь г.-адъютанта князя В. С. Трубецкаго.

Но прежде чѣмъ пуститься въ Петербургскій бо-мондъ, жена моя поспѣшила удивить нечаяннымъ своимъ пріѣздомъ туда Флорентинскихъ своихъ друзей, обѣихъ Шатиловыхъ и Вѣру Дмитріевну Лярскую, мужъ коей переѣхалъ окончательно въ Петербургъ на болѣе обширное поле дѣятельности, по шоссейной части, при оказанномъ ему покровительствѣ графа П. А. Клейнмихеля. Дамы эти такъ и ахнули, увидѣвъ мою жену, и бросились ей на шею. Понятно, что возобновившіяся интимныя отношенія моей жены съ Шатиловыми и нахожденіе въ

---

*) Этимъ лѣтомъ (1845 г.), когда князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій находился съ женою и дочерью на водахъ въ Германіи, умеръ въ Петербургѣ одинъ изъ двухъ его сыновей, находившихся въ Училищѣ Правовѣдѣнія и много обѣщавшій, князь Дмитрій Петровичъ.

Петербургѣ В. Д. Лярской составили для нея одну изъ главныхъ прелестей этого эпизода. Когда она обратилась къ Шатиловымъ за совѣтомъ относительно туалета на предстоявшій балъ у графини Воронцовой, то извѣстіе это покоробило немного бѣдную Лидію Николаевну. «Какъ это-молъ новопріѣзжая такъ-таки прямо попадаетъ въ этотъ завѣтный міръ, куда я не могу попасть въ теченіи столькихъ лѣтъ моей жизни въ Петербургѣ!» Нечего дѣлать: потерпи, голубушка, пока промѣняешь свою фамилію на графскую Сиверса, и тогда запретный барьеръ опустится для тебя; ужъ извини, таковъ твой хваленый Петербургъ, а ты еще глумишься надъ нашею старушкою Москвою!

Весьма для насъ кстати двоюродная сестра моя Надежда Александровна Тимофеева съ неразлучною своею подругою миссъ Гарботлъ переѣхала на всю зиму въ Петербургъ, гдѣ постоянно жила ея родная сестра, княгиня Аделаида Александровна Голицына, такъ какъ мужъ ея, князь Николай Григорьевичъ, былъ тогда въ гвардейской конной артиллеріи, черезъ что составился для насъ свой семейный кружокъ. Словомъ, жена вынесла самое пріятное впечатлѣніе о своемъ двухмѣсячномъ пребываніи въ Петербургѣ, и мое самолюбіе было вполнѣ удовлетворено тѣмъ, что не даромъ истрачено на нее и на все наше тамъ пребываніе около 2000 рубл. с. Я могъ показать жену въ самомъ авантажномъ видѣ; а что̀ она произвела эффектъ въ публикѣ, то я впослѣдствіи узналъ отъ видѣвшихъ насъ въ театрѣ, въ ложѣ министра двора, не разъ данной въ наше распоряженіе черезъ княгиню М. Н. Волконскую. Вотъ единственная цѣль, какой я достигъ въ Петербургѣ; а что̀ до другой, мнимой и состоявшей въ томъ, чтобы сдѣлать изъ жены орудіе для успѣха моихъ дѣловыхъ плановъ, это были одни пустяки и ни на чемъ неоснованныя фантазіи. Ну да въ уединенной и безразвлеченной вообще жизни этой бѣдной женщины хоть этотъ эпизодъ остался блестящею точкою въ ея воспоминаніяхъ. До ея однакоже отъѣзда изъ Петербурга, въ концѣ Февраля, дѣло мое было рѣшено, и не въ мою пользу. В. Д. Олсуфьевъ, сильно за меня хлопотавшій передъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ, передалъ мнѣ слова его высочества, что, при всемъ его милостивомъ желаніи помочь мнѣ, онъ не могъ, въ отсутствіи Государя, рѣшиться на столь важную мѣру, какъ причисленіе къ капиталу закладной суммы процентной недоимки, возросшей до 160 т. р. сер. Не скажу, чтобы этотъ исходъ ошеломилъ меня. Особенной надежды на успѣхъ я мало питалъ, и Русское «авось», «какъ нибудь да выпутаюсь такъ или сякъ», поддерживало меня; да и кромѣ того, съ обычнымъ моимъ ослѣпле-

ніемъ и легкомысліемъ къ настоящему, я недовольно серіозно вдумывался въ мое положеніе.

Не сказалъ я, что почти вслѣдъ за нашимъ пріѣздомъ въ Петербургъ умерла, въ глубокой старости, дальняя наша родственница, баронесса д'Огеръ, та самая что̀ лѣтъ восемь передъ тѣмъ упражнялась въ Италіи полированіемъ мраморовъ, а въ бытность свою въ Москвѣ, въ 1842 или 1843 г., охотно посѣщала публичныя гулянья и говаривала женѣ моей, что молодыя женщины новаго поколѣнія оттого скоро старѣютъ, что, сидя въ креслахъ, онѣ опираются о спинку, что̀ не было въ привычкахъ фрейлины Екатерининскихъ временъ: она сидѣла на стулѣ, вытянувшись какъ струнка. Пропущено также мною, что жена моя, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, захотѣла посѣтить почтеннаго Петра Ивановича Жиллѐ и жену его Вѣру Андреевну, бывшую интимнымъ другомъ тещи моей въ молодости обѣихъ. Ни мужъ, ни жена никогда дотолѣ не видали моей жены и, всматриваясь съ умиленіемъ въ дочь Жанѐ Нарышкина и Генріетты [1]), воскрешали въ воспоминаніяхъ дорогіе для нихъ, давно минувшіе дни, проведенные подъ кровомъ семейства Бутурлиныхъ. Когда же жена моя, передъ своимъ отъѣздомъ, ѣздила прощаться съ этою четою, добрая Вѣра Андреевна расплакалась при мысли, какой контрастъ представляетъ эта молодая графиня Бутурлина, путешествующая съ дочерью въ смиренномъ дилижансѣ, со способомъ путешествій прежней знакомой ей, богатой графини Анны Артемьевны Бутурлиной! Предусматривая, что трудно будетъ намъ воспитывать прилично нашу дочь при угрожавшихъ намъ обстоятельствахъ, зародилась у меня мысль отдать ее въ одинъ изъ Петербургскихъ институтовъ. Сторонниками моего намѣренія были М. П. Сумарокова и княгиня М. П. Волконская, вліяніемъ коей Анетина могла бы поступить туда на казенный коштъ и сдѣлалась бы извѣстною Императрицѣ; но, встрѣтивъ сильное противъ этого нерасположеніе моей жены, я отказался отъ этой мысли; къ лучшему или къ худшему это случилось, о томъ вѣдаетъ одинъ Богъ.

Изъ Петербурга жена моя не возвратилась въ Знаменское, а осталась съ Анетиною на всю зиму въ Москвѣ, у Бахметевыхъ, въ собственномъ ихъ домѣ, на Арбатѣ, насупротивъ церкви Николы Явленнаго, по настоятельному приглашенію Варвары Александровны Бахметевой [2]). Единственная дочь Бахметевыхъ, Ольга Николаевна (нынѣ

---

[1]) Я уже говорилъ въ первыхъ главахъ этихъ Записокъ, что Елисавету Ивановну Нарышкину до перехода въ православіе звали Генріеттою.

[2]) Николай Ѳедоровичъ Бахметевъ считается дальнимъ родственникомъ моей жены. Напоминаю, что покойная его жена была Лопухина.

Базилевская) была однихъ почти лѣтъ съ нашею дѣвочкою; онѣ стали учиться вмѣстѣ и по мѣрѣ того, какъ росли, очень подружились.

Я остался на квартирѣ у сестеръ Бенсонъ, рѣдко сталъ показываться въ большой свѣтъ и бывалъ только у княгини М. П. Волконской, у Черкасскихъ, у М. П. Сумароковой и еще изрѣдка коегдѣ, не считая конечно моихъ двоюродныхъ сестеръ ур. Тимофеевыхъ. Видался я также довольно часто съ барономъ П. А. Вревскимъ и съ Сергѣемъ Никаноровичемъ Кетовымъ, тогда студентомъ Петербургскаго университета.

Однажды, когда я пришелъ обѣдать къ Софьѣ Александровнѣ Устиновой (рожденной Полянской), я засталъ у нея съ утреннимъ визитомъ графа Протасова. Онъ разсказывалъ съ грустью и съ одушевленіемъ объ интригахъ Петербургской Нѣмецкой клики, по поводу начавшагося еще съ 1842 года движенія Латышей къ переходу въ православіе. Я напалъ уже на конецъ интереснаго этого разговора, но мнѣ памятны слова графа Протасова: «Tout ce que je demande à ces messieurs de là-bas» (т. е. Остзейскаго края), «c'est de nous tolérer» *). Фразу эту я припоминаю всегда съ удовольствіемъ, какъ доказательство, что тогдашній сѵнодскій оберъ-прокуроръ неиндиферентно смотрѣлъ на это дѣло, и для меня осталось загадкою, какъ покойный Николай (память котораго глубоко чту), съ его смѣтливымъ умомъ, ревностію къ Русской народности и къ интересамъ православія, могъ мирволить Нѣмцамъ въ этомъ дѣлѣ до такой степени, что приказалъ отозвать (что̀ было равносильно изгнанію) изъ Риги Русскаго епископа Иринарха. Говорятъ, что могучая Петербургская, Нѣмецкая партія опутала Государя и представила ему это дѣло въ превратномъ совершенно видѣ; но это-то самое и удивляетъ меня, какъ вещь несвойственная прозорливости Государя.

Такъ какъ преосв. Иринархъ пріобрѣлъ нынѣ нѣкоторую историческую извѣстность (и, конечно, признательность Русскаго новаго вполнѣ поколѣнія) гоненіемъ, которому онъ подвергся по случаю Латышскаго движенія къ православію въ началѣ 40-хъ годовъ, то нелишнимъ считаю передать здѣсь слышанный мною недавно (въ Мартѣ 1868 г.) изустно отъ него разсказъ объ этомъ происшествіи, когда я посѣтилъ его въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ живетъ нынѣ на покоѣ.

Латыши, составляющіе болѣе половины всего сельскаго народонаселенія нашихъ Остзейскихъ провинцій (остальную половину состав-

*) Все чего я прошу у этихъ господъ, это, чтобы они терпѣли насъ.

ляють Эсты), не смотря на давно уничтоженное тамъ крѣпостное право, были крайне стѣсняемы Нѣмецкими мѣстными землевладѣльцами. Отъ частыхъ сношеній съ крестьянами-прасолами изъ сосѣднихъ губерній, снующими по всему Прибалтійскому краю по мелкоторговымъ дѣламъ, они удостовѣрились, что житье-бытье Русскихъ крѣпостныхъ было несравненно завиднѣе, чѣмъ ихъ, мнимо-вольныхъ. Это возбудило въ нихъ желаніе совершенно обрусѣть, какъ въ житейскомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Допускаю охотно, что первая изъ двухъ цѣлей могла дѣйствовать на вторую; но что стремленіе это родилось въ нихъ безъ всякаго извнѣ внушенія, кромѣ бесѣдъ съ Русскими торгашами, это неоспоримо. Пронесся между ними ложный слухъ о состоящемся якобы высочайшемъ разрѣшеніи переселяться желающимъ изъ нихъ въ Великороссійскія губерніи. Они стали подавать о томъ прошенія мѣстному генералъ-губернатору барону Палену, но встрѣтили отказъ. Вотъ какъ обставлено было это дѣло, когда Латыши начали обращаться, сначала поодиночкѣ, а потомъ десятками и болѣе, къ преосв. Иринарху (викарному Псковской епархіи, проживавшему въ Ригѣ), прося его о присоединеніи къ православію и вмѣстѣ съ тѣмъ о переселеніи ихъ въ Россію. Спрашиваю: на какомъ основаніи могъ бы Русскій архіерей не принимать подобнаго рода просьбъ, гдѣ высказано было желаніе, относившееся непосредственно къ его пастырскимъ обязанностямъ? Онъ началъ принимать эти заявленія и чрезъ епархіальное свое начальство представлялъ ихъ въ Сѵнодъ. Между тѣмъ число заявленій увеличивалось въ такихъ размѣрахъ, что Иринархъ нужнымъ нашелъ назначить особаго священника для записи заявленій. Дѣло получило огласку, и Нѣмецкое рыцарство поспѣшило съ доносами въ Петербургъ, что Рижскій викарный архіерей возмущаетъ-де край и подкупомъ склоняетъ Латышей къ православію. Наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія, полученъ былъ викарнымъ сѵнодскій указъ объявить просящимъ, что разрѣшается принятіе ихъ заявленій мѣстнымъ архіереемъ о переходѣ въ православіе съ тѣмъ, чтобы въ нихъ не упоминать о переселеніи. Сообразуясь съ указаннымъ изъятіемъ, Иринархъ продолжалъ принимать Латышскія заявленія и отсылать ихъ къ епархіальному владыкѣ; но вдругъ получилъ высочайшее повелѣніе пріостановиться дальнѣйшимъ принятіемъ прошеній. Въ этомъ повелѣніи не было положительнаго запрещенія и не опредѣлено, относилось ли оно къ прежней формѣ записыванія или къ разрѣшенной Сѵнодомъ, т. е. безъ упоминанія о переселеніи. Однако преосв. Иринархъ счелъ это совершеннымъ на будущее время запретомъ и прекратилъ дальнѣйшее принятіе всякихъ заявленій. Дѣло, казалось, на мѣстѣ заглохло, какъ въ одинъ прекрасный день прибылъ въ Ригу посланный Министер-

ствомъ Внутреннихъ Дѣлъ В. В. Скрыпицынъ (впослѣдствіи директоръ департамента духовныхъ иностранныхъ дѣлъ), снабженный сѵнодскимъ указомъ о немедленномъ возвращеніи викарнаго къ мѣстному Псковскому архіерею въ сопровожденіи г. Скрыпицына, не давшаго ему даже отслужить литургію на слѣдующій день (Воскресеніе). Конечно, министерскій чиновникъ повелѣвать архіерею не могъ, а только совѣтовалъ не откладывать отъѣзда ради служенія; но сила подобнаго совѣта была ясна изгоняемому архіерею, и онъ повиновался. Вмѣсто прямаго кратчайшаго пути къ Пскову, г. Скрыпицынъ повезъ преосв. Иринарха на Ревель и другія мѣста Эстляндіи, немалымъ крюкомъ. Допустить нельзя, чтобы вожатый такъ дѣйствовалъ безъ особеннаго на то приказанія. Добродушный іерархъ отозвался мнѣ незнаніемъ причинъ этой непрошенной имъ прогулки; но, быть можетъ, распоряженіе это состоялось въ угодность Нѣмецкимъ баронамъ, дабы придать публичную торжественность изгнанію Русскаго архіерея [1]). И вотъ какой позоръ постигъ преосв. Иринарха въ подвластномъ Россіи краю за его вовсе нефанатическую ревность къ церкви, въ коей онъ былъ іерархомъ!

По удаленіи его, начался рядъ мѣръ притѣснительныхъ къ дальнѣйшему переходу Латышей въ православіе, продолжавшійся (если не ошибаюсь) во время управленія Остзейскихъ губерній княземъ Суворовымъ, смѣнившимъ Головина. Все это дѣло тѣмъ непонятнѣе, что оно происходило въ царствованіе Николая Павловича, столь много способствовавшаго національному направленію Русскаго общества. Само собою разумѣется, что взведенная Нѣмецкою партіею клевета на преосв. Иринарха, будто въ подкрѣпленіе дѣла проповѣди и обращенія въ православіе онъ прибѣгалъ къ раздачѣ денегъ, не имѣетъ никакого основанія, не говоря уже о томъ, что ограниченный окладъ викарнаго архіерея не дозволялъ бы ему прибѣгать къ подобной мѣрѣ [2]).

---

[1]) Во всемъ вышеписанномъ я строго придерживался разсказа преосв. Иринарха; но, по увѣренію графа Д. Н. Толстаго, прибывшаго въ Ригу вскорѣ послѣ сего происшествія и бывшаго правителемъ дѣлъ при генералъ-губернаторѣ Головинѣ (преемникѣ барона Палена) разсказъ преосв. Иринарха не во всемъ точенъ въ томъ отношеніи, что онъ напрасно обвиняетъ г Скрыпицына, о чемъ изложу далѣе.

[2]) Объ этомъ происшествіи смотри подробную статью графа Д. Н. Толстаго, помѣщенную имъ (безъ его подписи) въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Исторіи и Древностей за 1865 годъ, кн. 1-я. Пересматривая нынѣ (въ Іюнѣ 1870 г.) наброшенный наскоро два года назадъ этотъ разсказъ со свѣжихъ словъ преосв. Иринарха, дополню, что объ этомъ происшествіи имѣется подробная статья Ю. Ѳ. Самарина въ „Русскомъ Архивѣ“ за прош-

Упомянутый въ предыдущемъ замѣчаніи графъ Д. Н. Толстой, прочитавъ все мною выше изложенное, обязательно сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности о неточностяхъ, встрѣчающихся въ разсказѣ преосв. Иринарха. В. В. Скрыпицынъ былъ посланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Строгоновымъ, дабы смягчить, на сколько было возможно, позоръ выѣзда преосв. Иринарха изъ Риги; но іерархъ не понялъ этой мѣры и принялъ министерскаго посланнаго недовѣрчиво и холодно. Когда генер.-губернаторъ баронъ Паленъ не хотѣлъ было выдать особенную подорожную на имя преосв. Иринарха, а предлагалъ таковую на имя В. В. Скрыпицына съ *будущими*, послѣдній отвѣчалъ, что у него есть уже подорожная изъ Петербурга и что никакой другой ему не требуется. Выѣзжая изъ Риги, преосв. Иринархъ сказалъ, что онъ посѣялъ тамъ то, что̀ пѣтухи во вѣкъ не расклюютъ. (Это былъ намекъ на пѣтуховъ, что̀ ставятся надъ Лютеранскими церквами). Еслибы Русскій владыка отправился по прямому изъ Риги во Псковъ тракту, населенному частію его паствою и новообращенными Латышами, жители эти встрѣчали бы, вѣроятно, своего пастыря съ нѣкоторою торжественностію, каковое обстоятельство могло быть перетолковано Нѣмецкими властями въ смыслѣ манифестаціи и протеста противъ отъѣзда преосв. Иринарха, и Нѣмцы опять, пожалуй, сказали бы, что онъ возмущаетъ и подкупаетъ Латышей, и вотъ почему преосв. Иринархъ и министерскій посланный просили барона Палена указать имъ маршрутъ. Передъ отъѣздомъ В. В. Скрыпицына изъ Петербурга въ Ригу, въ послѣдній городъ также отправился по этому же дѣлу графъ Бенкендорфъ, тогда начальникъ III-го Отдѣленія, такъ что Скрыпицынъ чуть не засталъ его въ Ригѣ и встрѣтилъ возвращавшагося въ Петербургъ графа Бенкендорфа на послѣдней станціи передъ Ригою.

лый 1869 годъ. Издатель „Русскаго Архива“ долгомъ своимъ счелъ препроводить экземпляръ того выпуска своего изданія, гдѣ помѣщена была упомянутая статья, самому старцу-іерарху, о коемъ шла рѣчь, и поручилъ мнѣ (такъ какъ я намѣревался тогда быть въ Рязани) просить отъ его имени преосв. Иринарха изложить на бумагѣ свои замѣчанія на эту статью и сообщить ихъ издателю. Много стоило мнѣ труда уговорить преосвященнаго исполнить желаніе П. И. Бартенева. Онъ все отговаривался разными предлогами (иные изъ нихъ были, впрочемъ, достохвальные, какъ наприм. ссылка на евангелькій законъ о прощеніи враговъ); да и очевидно было, что онъ охладѣлъ къ событіямъ той столь интересной эпохи его дѣятельности. Наконецъ онъ что-то изложилъ на бумагѣ, и я съ торжествомъ вручилъ запечатанный его конвертъ г. Бартеневу, который, съ подобнымъ мнѣ нетерпѣніемъ, вскрылъ конвертъ, но неожиданное разочарованіе не замедлило обоихъ насъ постигнуть: замѣчанія преосв. Иринарха были до того лаконичны и безцвѣтны, что не стоило ихъ помѣщать въ „Русскомъ Архивѣ“. Скорбно видѣть историческаго дѣятеля, пережившаго самого себя.

А еслибы Валерій Валерьевичъ засталъ бы его еще въ Ригѣ, немудрено, что выѣздъ преосв. Иринарха не обошелся бы безъ скандала для послѣдняго. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Строгоновъ, глубоко скорбѣлъ о позорѣ, коему подвергся Русскій архіерей, но ничего не могъ дѣлать противъ всесильнаго графа Бенкендорфа и молча стерпѣлъ даже то обстоятельство, что графъ Бенкендорфъ повелѣлъ барону Палену относиться прямо къ нему, помимо министра внутреннихъ дѣлъ, по дѣламъ о стремленіи Латышей обращаться въ православіе, мѣра, на которую едва ли онъ могъ получить высочайшее разрѣшеніе. Графъ Бенкендорфъ дошелъ до того, что отнесся бумагою къ графу Строгонову, чтобы разрѣшено было предавать военному суду и вѣшать или разстрѣливать Латышей за ихъ переходъ въ православіе.

Когда преосвящ. Иринархъ находился уже во Псковѣ, къ нему приходили нѣкоторые Латышскіе крестьяне изъ сосѣдней съ Псковскою губерніею мызы, съ жалобою, что начальство притѣсняетъ ихъ по поводу ихъ обращенія въ православіе. Жалобъ ихъ преосв. Иринархъ не принялъ и указалъ имъ обратиться въ Псковское Губернское Правленіе, что̀ они и сдѣлали; а Псковское Губернское Правленіе отнеслось по сему дѣлу къ Лифляндскому, вслѣдствіе чего баронъ Паленъ взошелъ съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, что отозванный архіерей не перестаетъ возмущать крестьянъ даже изо Пскова. Графъ Строгоновъ, докладывая о томъ Государю, выразилъ мнѣніе, что наврядъ ли опасенія Остзейскаго генералъ-губернатора имѣютъ какое-нибудь основаніе, и Государь отвѣчалъ ему: «конечно, ты правъ; это уже доходитъ до смѣшнаго».

Возвращаюсь къ разсказу. Хотя, благодаря неизмѣнному обо мнѣ попеченію А. А. Миронова, я продолжалъ еще получать изъ Порзней около $3\frac{1}{2}$ тыс. р. с. въ годъ, но такъ какъ этотъ источникъ могъ прекратиться со дня на день отъ продажи съ торговъ моего имѣнія, то надо было серьознѣе подумать мнѣ о будущемъ. Чинишко мой былъ наимизернѣйшій: съ переименованіемъ меня изъ отставнаго штабъ-ротмистра въ соотвѣтствующій гражданскій чинъ, я былъ не болѣе какъ коллежскимъ секретаремъ. Этотъ чинъ, по выраженію умнѣйшаго моего дальняго родственника, князя П. Д. Черкасскаго, равнялся значенію Индійскаго пѣтуха, и съ нимъ невозможно было претендовать на полученіе какого-либо мѣста съ порядочнымъ сколько-нибудь окладомъ; да и мнѣ было уже въ добавокъ подъ сорокъ лѣтъ, и закабалить себя съ непривычки куда-нибудь въ канцелярскіе чернорабочіе ка-

залось мнѣ черезъ чуръ труднымъ [1]). И вотъ, подумалъ я, давай-ка попытаюсь попасть въ реставраторы картинъ при Императорскомъ Эрмитажѣ, каковое дѣло я изучилъ въ Италіи довольно удовлетворительно, и, судя по видѣнному мною образчику искусства дворцовыхъ реставраторовъ, я надѣялся превзойти ихъ. Когда я сообщилъ эту мысль княгинѣ М. П. Волконской, принимавшей во мнѣ участіе, она одобрила мое намѣреніе и свела меня съ старикомъ Лабинскимъ, директоромъ картиннаго и скульптурнаго отдѣленія Эрмитажа [2]). Старикъ принялъ меня весьма благосклонно, вопервыхъ потому, какъ предполагаю, что за меня ходатайствовала снохa министра двора (подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ коего состоитъ Эрмитажъ), а вовторыхъ, потому, что г. Лабинскій былъ нѣкогда обязанъ, при первомъ его вступленіи туда на службу, моему отцу, когда-то директору Эрмитажа, и память его г. Лабинскій благоговѣйно чтилъ. Не сказалъ онъ однакоже мнѣ ни да, ни нѣтъ, хотя я просилъ его дать мнѣ на пробу какую-нибудь изъ поврежденныхъ картинъ, въ видѣ теоретическаго (какъ я понялъ) испытанія. Онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть коллекцію картинъ, подаренную въ Эрмитажъ незадолго передъ тѣмъ умершимъ въ Вѣнѣ Дмитріемъ Павловичемъ Татищевымъ и невыставленную еще для публики. И вотъ отправился я на эту инспекцію по разнымъ неизвѣстнымъ мнѣ дотолѣ корридорамъ дворца, съ предшествовавшимъ мнѣ, какъ бы важному лицу, камеръ-лакеемъ. Когда я сообщилъ Лабинскому отчетъ въ моихъ наблюденіяхъ, старикъ соглашался, какъ мнѣ казалось, съ нѣкоторыми изъ моихъ замѣчаній, такъ какъ я дѣйствительно пріобрѣлъ въ Италіи нѣкоторый навыкъ распознавать школы древнихъ художниковъ [3]). Дѣло мое дошло, не знаю какими путями, до ушей графини А. К. Воронцовой, готовой всегда попирать общія свѣтскія предразсудки, и настоящій случай, что графъ Бутурлинъ, отчасти ей кузенъ, не считаетъ урономъ своего достоинства и своей фамилии

---

[1]) Такъ мыслилъ я тогда, а семь лѣтъ позднѣе (въ 1853 г.) я былъ радъ-радехонекъ получить мѣсто чиновника особыхъ порученій при Рязанскомъ губернаторѣ съ 500 р. сер. годоваго оклада; много позднѣе, въ 1865 или 1866 году, я хлопоталъ о назначеніи меня исправникомъ въ Тарусѣ.

[2]) Другаго отдѣленія Эрмитажа, состоявшаго изъ Керченскихъ древностей, библіотеки и нумизматическаго кабинета, директоромъ былъ тогда Швейцарецъ г. Жиль.

[3]) Въ галлереѣ Д. П. Татищева отдѣлъ Испанской школы дѣйствительно замѣчателенъ художественнымъ богатствомъ; пріобрѣсть эту коллекцію онъ имѣлъ случай, находясь нашимъ представителемъ при Мадридскомъ дворѣ, во время Французскаго занятія Испаніи. Экземпляры Итальянскихъ школъ, тамъ же имѣющіеся, много, по мнѣнію моему, слабѣе, хотя есть между ними одно Святое Семейство, приписываемое Рафаэлю. О подлинности кисти великаго художника можно бы еще поспорить; но отвергать нельзя, что это произведеніе весьма близко подходитъ къ его второй манерѣ, отзывающейся еще Греческимъ иконописнымъ стилемъ наставника его, Перуджино.

поступить въ ряды ремесленныхъ реставраторовъ, случай этотъ, говорю, подходилъ какъ нельзя лучше къ эксцентричной графининой натурѣ. Г. Лабинскій обѣдалъ иногда у нея, и она проходу ему не давала (какъ передано было мнѣ впослѣдствіи), отчего онъ не соглашается исполнить то, о чемъ я его просилъ. Дѣло это затянулось до возвращенія изъ-за границы князя П. М. Волконскаго; но, не взирая на обѣ сильныя женскія поддержки, князь Волконскій рѣшительно отвергъ мою просьбу, на томъ-де основаніи, что немыслимо графу Бутурлину сдѣлаться по профессіи реставраторомъ картинъ. Однако, показавшись столь щекотливымъ на счетъ личнаго моего достоинства, не предложилъ же онъ мнѣ, въ замѣнъ рукодѣльной профессіи какого-нибудь другаго болѣе соотвѣтствующаго, по его мнѣнію, мѣста или должности, хотя онъ не могъ не знать отъ своей эпохи о критическихъ моихъ обстоятельствахъ.

Начатое въ Москвѣ дѣло о духовномъ завѣщаніи Разсказовскаго поступило въ Петербургскій военный аудиторіатъ; задержанныя лица перевезены были въ Петербургъ и размѣщены по разнымъ гауптвахтамъ, за исключеніемъ Леона, посаженнаго подъ арестъ въ ордонансъ-гаузъ. Тамъ онъ сошелся со старшимъ медикомъ Франковскимъ и съ его женой и вскорѣ разнюхалъ, что человѣкъ этотъ былъ съ деньгами. Не владѣя даромъ слова и не всегда правильно объясняясь даже по-русски, Леонъ удивительно какъ умѣлъ увлекать денежныхъ людей, даже изъ коммерческихъ, въ придуманныя имъ спекуляціи. Началось съ того, что здѣсь, какъ и въ Москвѣ, стали заискивать знакомства съ Леономъ разные, чающіе движенія воды, проходимцы Израильскаго происхожденія, и въ томъ числѣ снова явился проживавшій безъ мѣста въ Петербургѣ старый нашъ знакомый Александръ Ивановичъ Розе, помирившійся съ прежнимъ своимъ патрономъ, въ надеждѣ, быть можетъ, чрезъ новыя дѣла Леона съ Франковскимъ, воротить свой капиталецъ, пропавшій въ Бородинскомъ разгромѣ. На первыхъ порахъ не унывавшій никогда Леонъ уговорилъ своего новаго афернаго субъекта завести небольшую фабрику разныхъ незамысловатыхъ химическихъ произведеній, на нанятой для сего дачѣ за Екатерингофскою заставой, для завѣдыванія каковой онъ же и пріискалъ воспитанника Технологическаго Училища, также изъ Іерусалимской буржуазіи. И все это дѣлалось заглазно, потому что изъ ордонансъ-гауза Леона тогда еще не выпускали, хотя доступъ къ нему былъ свободенъ; позднѣе разрѣшено было ему (по причинѣ слабыхъ противъ него уликъ въ дѣлѣ Разсказовскаго) разъѣзжать по городу, въ сопровожденіи одного изъ плацъ-адъютантовъ, жившаго со своимъ семействомъ въ зданіи ордонансъ-

гауза. Химическая спекуляція, въ составъ коей входила гальванопластика, шла кое-какъ; но вслѣдъ за нею Леонъ вызвалъ Франковскаго на болѣе обширное поприще дѣятельности, по запутаннымъ моимъ дѣламъ.

Но прежде чѣмъ излагать этотъ новый его планъ, я долженъ высказать мое убѣжденіе, что, не взирая на всю безалаберность этого не устроителя, а разрушителя всякаго попадавшаго подъ его руку дѣла, совѣсть его грызла за то, что онъ довелъ меня до края пропасти, и онъ искренно желалъ (и что́ страннѣе—вѣровалъ въ возможность) выпутать меня. Новый его проектъ состоялъ въ томъ, чтобы деньгами Франковскаго скупить всѣ какъ мои, такъ и собственныя его, долговыя обязательства (послѣднее было необходимо, чтобы онъ могъ развязнѣе дѣйствовать, безъ опасенія ареста за долги) и каковыя можно было, пожалуй, скупить по 10 или 15 коп. за одинъ рубль; затѣмъ внести въ Опекунскій Совѣтъ всю процентную недоимку, а съ Франковскимъ заключить контрактъ объ отдачѣ ему моего имѣнія въ арендное содержаніе до тѣхъ поръ, пока онъ не выручитъ истраченнаго имъ капитала. Я и безъ него понималъ, что таковъ могъ бы быть единственный исходъ изъ настоящаго лабиринта; но, соображаясь съ громадностью капитала, требуемаго для этой операціи, я мало вѣрилъ въ возможность его осуществленія, пока самъ Франковскій, по выходѣ однажды съ обѣда изъ ресторана Излера (на которомъ мы всѣ были порядочно подъ-шофе), лично не подтвердилъ мнѣ, въ присутствіи Леона, также находившагося тамъ въ сопровожденіи плацъ-адъютанта, о своей готовности предпринять эту операцію. Снова воскресла во мнѣ надежда отстоять любимыя мои Порзни, а такъ какъ я ничего не могъ терять въ этой попыткѣ, то и рѣшился помогать дѣлу во всемъ отъ меня зависящемъ, неуклонно придерживаясь всему, что̀ указано будетъ мнѣ Леономъ. Прежде всего нужно было, для соображеній Франковскаго, привести въ извѣстность имена кредиторовъ и суммы имъ должныя, а также обозрѣть мое имѣніе, дабы узнать, какой получался съ него доходъ, и можно ли было что̀ предпринять для увеличенія дохода; а такъ какъ служба Франковскаго при ордонансъ-гаузѣ не дозволяла ему отлучаться, то онъ поручилъ эти прелиминаріи своему шурину, г. Хотинскому, согласившемуся отправиться на деньги его зятя со мною въ Москву, для переговоровъ съ главными кредиторами, а оттуда въ Порзни. Нечего говорить, что Леонъ, будучи въ полной надеждѣ на скорое свое освобожденіе изъ-подъ ареста, предоставлялъ себѣ роль главнаго распорядителя въ этомъ дѣлѣ.

Отъѣздъ нашъ не могъ состояться ближе Іюня, и я, сидя у моря и выжидая погоды, сталъ упражняться отливаніемъ гипсовыхъ статуэтокъ (тогда въ модѣ), для чего каждодневно ходилъ къ одному Итальянцу этой профессіи, въ Подъяческую улицу. Не мѣшаетъ здѣсь помѣстить, что въ числѣ необычныхъ событій той весны (1846 г.) прибылъ въ Петербургъ Англійскій Еврей, милліонеръ, сэръ Мозесъ (т.-е. Моисей) Монтефіоре, съ цѣлью будто бы просить Государя объ облегченіи судьбы его единовѣрцевъ въ Россіи. Посмѣлъ ли онъ, дѣйствительно, взойти съ подобнымъ вмѣшательствомъ въ наши государственныя дѣла и каковъ встрѣтилъ онъ пріемъ, не знаю. Онъ остановился у вышепомянутыхъ сестеръ Бенсонъ, но съ условіемъ не употреблять ему ничего изъ ихъ стола и дозволить его кухмейстерамъ-Евреямъ готовить для него ѣду въ кухнѣ отеля.

Во время весенней распутицы, А. Е. Варламовъ задумалъ дать свой концертъ въ залѣ Университета и просилъ меня участвовать въ немъ вмѣстѣ съ Надеждою Васильевною Самойловой, при участіи въ концертѣ бывшаго тенора Придворной Пѣвческой Капеллы Евсеева. Концертъ былъ весь изъ сочиненій бенефиціанта, и онъ же акомпанировалъ пѣвцамъ на фортепіано, безъ оркестра. Н. В. Самойлова пропѣла, между прочимъ, элегію «Безумная», съ большимъ эффектомъ, а я пропѣлъ, по назначенію самого Александра Егоровича, Русскую удалую балладу «Осѣдлаю коня», а во второй части концерта—мелодію на слова Фета: «Давно-ль подъ волшебные звуки», нарочно для меня имъ написанную и. мнѣ посвященную. Въ этотъ вечеръ я чувствовалъ себя въ ударѣ, и когда кончилъ оживленную пѣсню-балладу, то продолжительный взрывъ рукоплесканій заставилъ меня повторить ее. Сознаюсь въ своей слабости: этотъ моментъ я считалъ изъ наисчастливыхъ въ моей жизни, и когда я сошелъ съ подмостокъ, тріумфъ сдѣлался еще для меня лестнѣе отъ привѣтственныхъ словъ, сказанныхъ мнѣ временною моею подругой Н. В. Самойловой, одинаково милой на сценѣ, какъ и симпатичной и любезной въ обществѣ.

Вечеръ шелъ своимъ чередомъ, какъ вдругъ, передъ самымъ его концомъ, вбѣгаетъ въ залу полицейскій офицеръ и громко заявляетъ, что ледъ на Невѣ тронулся и что разводятъ Васильеостровскій мостъ *). Паника овладѣла всѣми, въ томъ числѣ и виновникомъ концерта; онъ бросился опрометью съ эстрады; всѣ начали хватать на скорую руку верхнее платье и утекать во всю прыть: счастливцы на первыхъ попавшихся имъ извозчикахъ, а за неимѣніемъ таковыхъ для всей пуб-

*) Николаевскій постоянный мостъ только-что начинали тогда строить.

лики, остальная ея часть поплелась скороходнымъ аллюромъ, въ томъ числѣ Александръ Егоровичъ и я. Еще четверть часа, и пришлось бы всѣмъ намъ оставаться на Васильевскомъ островѣ. На слѣдующій день въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы», въ отчетѣ объ этомъ концертѣ, говорилось обо мнѣ въ лестныхъ весьма выраженіяхъ (и это немало пощекотило тщеславнаго моего червячка); но не могъ я не посмѣяться, что отзывъ обо мнѣ былъ, какъ о молодомъ дебютантѣ-аматёрѣ, много обѣщающемъ, но требующемъ обработки голоса, тогда какъ обработка эта началась для меня въ Италіи съ десятилѣтняго возраста. Со многимъ другимъ не сумѣлъ я справиться въ жизни (въ томъ числѣ со здравымъ разсудкомъ и со сдержанностью страстей), но уже, конечно, не съ голосомъ.

И такъ, въ Іюнѣ г. Хотинскій и я поѣхали первоначально въ Москву. Тамъ, сообщивъ Радзиковскому о цѣли поѣздки, мы попросили его содѣйствовать намъ, такъ какъ ему болѣе, чѣмъ кому другому, извѣстно было, сколько лежало долгу на мнѣ и на Леонѣ, и на какую сумму подано было уже на меня взысканій; а затѣмъ, отправились въ Порзни, гдѣ я познакомилъ Мироновыхъ съ моимъ сопутникомъ. Это былъ человѣкъ весьма пріятный, какъ собесѣдникъ и анекдотистъ, но смахивалъ болѣе на бонъ-вивана, нежели на дѣльца. Остался ли онъ доволенъ своею ревизіею Порзней, не припомню; а на нашемъ обратномъ пути мы разстались въ Москвѣ. Онъ возвратился въ Петербургъ отдать отчетъ своему зятю, а я съ Радзиковскимъ заѣхалъ въ Знаменское, не предполагая долго тамъ оставаться, потому что и мнѣ надо было спѣшить въ Петербургъ, по начатому съ г. Франковскимъ дѣлу. Но вышло иначе. Въ Знаменскомъ меня письменно извѣстили оттуда, что послѣдовало по дѣлу Разсказовскаго высочайше утвержденная резолюція таковаго содержанія: г-нъ М. былъ разжалованъ въ рядовые на Кавказъ; г-нъ В. отставленъ отъ службы съ повелѣніемъ впредь на оную не принимать, къ дворянскимъ выборамъ не допускать и жить ему въ губернскомъ городѣ Т. съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы; Рязанскій дворянинъ В. былъ признанъ невиновнымъ, а Леонъ, хотя и признанъ неприкосновеннымъ къ этому дѣлу, но такъ какъ онъ не могъ удовлетворительно указать на свое мѣсторожденіе, то приговоренъ къ ссылкѣ въ арестантскія роты въ Нарву. Резолюціи этой самъ я не читалъ; но мнѣ сказывали, что Государь, подписывая ее собственноручно, будто-бы добавилъ: «какой вредный для общества человѣкъ».

Обстоятельство это о бродяжничествѣ Леона требуетъ поясненія. Когда, при открытіи второй Турецкой кампаніи, въ 1829 г.,

Леонъ примкнулъ, какъ маркитантъ, къ нашему Павлоградскому полку при перевозѣ черезъ Дунай, ему выданъ былъ билетъ на это званіе изъ полковой канцеляріи, въ коемъ онъ обозначался Австрійскимъ подданнымъ*). По словесному-ли его заявленію, или на основаніи вида, выданнаго ему начальствомъ Валашскаго княжества, онъ былъ названъ Австрійскимъ уроженцемъ, мнѣ неизвѣстно; но съ того времени какъ онъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Москву, т. е. съ осени 1832 года, ему выдавался безпрепятственно, на основаніи его полкового билета, ежегодный видъ изъ канцеляріи Московскаго оберъ-полицмейстера до 1845 года, на прожитіе въ Москвѣ, безъ всякихъ дальныхъ о немъ справокъ. Но когда онъ былъ заарестованъ по обвиненію въ прикосновенности къ Разсказовскому дѣлу, тогда только возникла оффиціальная о немъ переписка съ Австрійскимъ правительствомъ, и оказалось, что въ числѣ Австрійскихъ подданныхъ никакого человѣка съ именемъ Леона Капенштейна по ревизскимъ документамъ не имѣлось. И дѣйствительно, было что-то таинственное въ его происхожденіи и антецедентахъ: даже со мною онъ сбивчиво и неохотно касался до сего предмета; иногда скажетъ, что онъ житель г. Бродъ, а въ иной разъ, что не помнитъ, гдѣ и кѣмъ онъ воспитывался. Но Еврейской своей національности онъ не скрывалъ, увѣряя впрочемъ, что онъ принадлежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію. О послѣднемъ обстоятельствѣ не имѣю никакихъ доказательствъ кромѣ того, что, въ послѣднее время его жизни въ Москвѣ, у него висѣлъ на стѣнѣ великолѣпно гравированный портретъ доктора Мартина Лютера, о коемъ онъ отзывался весьма почтительно, впрочемъ только по одной вѣроятно наслышкѣ, потому что никакого въ немъ ни историческаго, ни религіознаго ученія не было, и онъ не совсѣмъ бѣгло читалъ даже по нѣмецки, а по русски не иначе какъ по складамъ. Словомъ, тутъ было что-то загадочное, и на этомъ основаніи думалось инымъ, что онъ бѣглый Австрійскій каторжникъ. Странно однакоже, что, пока не разыгралось дѣло Разсказовскаго, Московская полиція не озаботилась въ теченіе 13 лѣтъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли онъ Австрійскій подданный и довольствовалась тѣмъ, что онъ таковымъ былъ показанъ въ полковомъ билетѣ. Собственноручная же приписка Государя на сентенціи военносудной коммиссіи, что Леонъ былъ опаснымъ (или вреднымъ) для общества человѣкомъ, могла быть мотивирована дошедшими до Императора слухами о Бородинскомъ предпріятіи и о его несостоя-

---

*) Напоминаю читателю, что переименованіемъ его фамиліи изъ Капенштейна въ Капустина онъ обязанъ шуточной продѣлкѣ одного изъ временныхъ писцевъ нашей полковой канцеляріи, изъ вольноопредѣляющихъ, унтеръ-офицеру Якову Судьбинскому.

тельности по подряду продовольствія Московскаго военнаго госпиталя, а также и на неодобрительныхъ о немъ свѣдѣніяхъ Московской полиціи, такъ какъ самъ оберполицмейстеръ Цынскій говорилъ (сколько помнится мнѣ), что у него не дрогнули бы руки повѣсить Леона [1]).

Такъ какъ этотъ въ своемъ родѣ феноменъ болѣе не явится дѣйствующимъ лицомъ въ дальнѣйшей моей хроникѣ, то доскажу объ окончательной его судьбѣ. Когда онъ отправленъ былъ изъ ордонансъгауза въ арестантской одеждѣ, жена доктора Франковскаго, изъ состраданія къ нему, зашила ему въ его сапогъ 25 рублевый кредитный билетъ: вотъ въ какомъ положеніи былъ этотъ человѣкъ, ворочавшій почти что миліонами. Спрашиваю, можно ли его назвать мошенникомъ, когда онъ не съумѣлъ нажить ни единаго рубля? Чтò онъ былъ дѣйствительно вреденъ для общества, это не подлежитъ сомнѣнію, а также и то, что онъ содѣйствовалъ моему разоренію [2]) и пустилъ многихъ мелкихъ капиталистовъ по міру; но за всѣмъ тѣмъ, скажу, что онъ былъ визіонеръ и фанатикъ-аферистъ изъ любви къ искусству болѣе, нежели съ цѣлію ограбить довѣрчивыхъ людей. Отъявленнаго мошенника не трудно распознать солиднымъ негоціантамъ, и съ таковымъ избѣгали бы имѣть всякое дѣло не только Иванъ Антоновичъ Кавецкій, но банкирскія и купеческія конторы, какъ г. г. Ценкеръ и Коли, г. Мальшъ, г.г. Катуаръ и Трипе, брилліантщикъ Фульда, Московской 1-й или 2-й гильдіи купецъ Сoповъ и многіе другіе, всѣ открывшіе кредитъ Леону [3]). Сорилъ онъ безразсчетно деньгами (не своими, а чужими, это правда) для угощенія и задабриванія нужныхъ ему лицъ, а рядомъ съ этимъ былъ на столько сострадателенъ, что дѣлилъ послѣдній свой рубль съ нуждающимся, мало извѣстнымъ ему, человѣкомъ. Многихъ онъ поставилъ на ноги (хоть бы семейство Рубинштейна), и многіе остались у него въ долгу, а когда онъ увидитъ, что не предстоитъ возможности получить обратно данныя имъ взаймы деньги, или что его надули, то засмѣется, бывало, да и только. Онъ пытался въ 1842 или 1843 году быть приняту въ Русское подданство, по случаю намѣренія жениться на одной соплеменной ему вдовѣ, г-жѣ Лѣви,

[1]) Цынскій былъ креатура князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова, съ того времени, какъ первый изъ нихъ былъ ремонтеромъ и, если не ошибаюсь, казначеемъ въ конногвардейскомъ полку, коимъ командовалъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ; а близкость князя къ покойному Императору довольно всѣмъ извѣстна.

[2]) Говорю *содѣйствовалъ*, а не былъ единственною тому причиною; потому что, какъ я изложилъ выше, при моей нерасчетливости и мотовствѣ, не могъ бы я справиться съ заложеннымъ уже при раздѣльномъ актѣ моимъ имѣніемъ.

[3]) У г.г. Ценкера и Коли пропало, если не ошибаюсь, болѣе 60 тыс. рубл. сер. на Леонѣ, т. е. на мнѣ.

не старой и образованной женщинѣ, искавшей мѣста наставницы; но сватовство позатянулось болѣе года и ничѣмъ не кончилось, такъ какъ ненавидѣвшій Леона Цынскій всячески старался не допустить его къ принятію Русскаго подданства, безъ чего дама эта не соглашалась, вѣроятно, выходит за него. Таковъ въ сущности былъ этотъ человѣкъ, физіологія коего ускользаетъ отъ всякаго анализа: столько было въ немъ многосторонностей, странностей и противорѣчій. Я распространился надъ его характеристикою на основаніи Вольтеровой (кажется) поговорки, qu'il faut rendre justice même au diable.

Однакоже я обѣщалъ разсказать о дальнѣйшей судьбѣ Леона, а вмѣсто того напалъ на его характеристику, довольно извѣстную читателю. Что же дѣлать: у меня уже таковская натура вѣчно удаляться отъ настоящаго предмета. Я говорилъ, что Леона сослали первоначально въ Нарвскія арестантскія роты; но тамъ онъ недолго оставался, и его перевели въ Смоленскъ. Здѣсь онъ поддѣлался къ старику коменданту, и его не только не посылали на работу съ прочими арестантами, но онъ чуть ли не жилъ на особенной квартирѣ, ходилъ въ статскомъ платьѣ и началъ промышлять фейерверочными аппаратами: занятіе и прежде бывшее ему по душѣ, и слѣды его запечатлѣлись неизгладимыми чертами на его лицѣ, въ образѣ пороховыхъ знаковъ. Говорятъ, что снисхожденіе военачальника доходило до того, что приставленный къ Леону конвойный солдатъ обратился въ его слугу и будтобы ходилъ въ статскомъ платьѣ, какъ и онъ. Чувствуя себя на полусвободной почвѣ, онъ снова поддался спекулятивнымъ химерамъ и уговорилъ коменданта завести фабрику химическихъ издѣлій гдѣ-то на хуторкѣ, за городомъ, которою Леонъ почти что явно (какъ оказалось изъ слѣдствія) завѣдывалъ. Мало того: онъ втянулъ коменданта въ подряды по коммиссаріатскому или провіантскому вѣдомству на имя подставного лица; но изворотъ былъ слишкомъ прозраченъ, и бѣдный комендантъ попалъ подъ судъ за противузаконное вхожденіе въ казенныя поставки на мѣстѣ своего служенія, а также за льготы, дѣланныя Леону, вслѣдствіе чего онъ лишился своего мѣста, а Леона сослали на жительство въ Тобольскъ. Въ Смоленской арестантской ротѣ онъ пробылъ около трехъ лѣтъ. Послѣ сего я не имѣлъ никакихъ вѣрныхъ о немъ извѣстій до 1859 года, когда, во время нахожденія моего на службѣ въ Калугѣ, тогдашній губернаторъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ сказалъ мнѣ, что, въ бытность его Тобольскимъ губернаторомъ *), у Леона бывалъ тамъ притонъ всякихъ подозрительныхъ и

*) В. А. Арцымовичъ былъ переведенъ изъ Тобольска въ Калугу въ 1858 году на мѣсто вышедшаго въ отставку графа Д. Н. Толстаго.

безпаспортныхъ личностей; а въ 1869 году я слышалъ отъ служившаго въ Сибири полковника (фамиліи его не упомню), что Леонъ живъ и даже тамъ занимается какими-то мелочными поставками.

Сообразивъ, что съ погромомъ, постигшимъ Леона, рушилось все дѣло съ г. Франковскимъ, я остался у своихъ, въ Знаменскомъ, долѣе чѣмъ предполагалъ, и только глубокою осенью поѣхалъ въ Петербургъ, съ Радзиковскимъ и на этотъ разъ. Оставалась одна надежда получить ту высочайшую милость, на каковую, по случаю отсутствія Государя въ предыдущемъ 1845 году, Великій Князь Наслѣдникъ не считалъ себя въ правѣ дать своего согласія; но и на это новое мое ходатайство черезъ Коммиссію Прошеній послѣдовалъ, мѣсяца черезъ два, отказъ. Значитъ, приходилось мнѣ жить со дня на день, а въ добавокъ въ Костромскомъ Губернскомъ Правленіи продавалось уже мое имѣніе съ торговъ; но въ виду, вѣроятно, множества лежавшихъ на немъ запрещеній казенныхъ и частныхъ, да еще недоимочной процентной большой суммы въ Сохранную Казну, покупателей на имѣніе не явилось. Не могу теперь дать себѣ отчетъ, какъ мало безпокоило меня мое очевидное для всѣхъ безнадежное положеніе; или потому что я уже привыкъ къ мысли, что если не сегодня, такъ завтра все кончится, или меня поддерживало безсмысленное Русское *авось*, или была увѣренность, что любящіе моя мать и братъ графъ Петръ Дмитріевичъ не оставятъ меня бѣдствовать, или все это вмѣстѣ съ добавкою обычнаго моего легкомыслія и наклонности развлекаться всякими пустѣйшими занятіями, препятствовавшими мнѣ вглядѣться, какъ слѣдовало, въ мое положеніе, но вѣрно то, что я и въ усъ себѣ не дулъ, и о томъ можно судить изъ дальнѣйшаго моего разсказа.

Радзиковскій не сталъ дожидаться развязки моего дѣла и возвратился въ Москву (я уже говорилъ, что отъ этихъ со мною разъѣздовъ онъ упустилъ свои торговыя дѣла), а я поселился въ меблированныхъ комнатахъ одной Француженки, на углу Гороховой и Большой Морской, въ домѣ Лерха. Въ числѣ насъ, жильцевъ, былъ давній мой знакомецъ князь Константинъ Александровичъ Черкасскій*), одно изъ свѣтилъ Московской молодежи, но уже не тотъ, чѣмъ онъ былъ прежде: въ Москвѣ онъ проигралъ все свое состояніе и переѣхалъ года два передъ описываемымъ мною временемъ въ Петербургъ, въ надеждѣ на будущее, но только не по служебному поприщу, къ чему онъ имѣлъ не болѣе меня охоты. Его поддерживалъ однофамилецъ его, но не родственникъ, князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, занятый тогда

*) Братъ вышеупомянутой Софіи Александровны Рябининой.

двумя проектами, первымъ изъ коихъ было основать компанію на акціяхъ для предупрежденія всеобщаго въ государствѣ голода, посредствомъ закупки хлѣба въ дешевые года и продажи его въ неурожайные голодные съ явнымъ хотя барышемъ, но не по тѣмъ баснословнымъ цѣнамъ, по которымъ хлѣбные торговцы эксплуатируютъ народное бѣдствіе. Второй же его проэктъ былъ въ полученіи имъ концессіи на постройку желѣзной дороги изъ Москвы черезъ Рязань или Тулу (хорошо не помню) въ степныя губерніи, для облегченія сбыта хлѣба оттуда въ обѣ столицы. Весьма было ему трудно надѣяться получить разрѣшеніе на этотъ второй его проэктъ, потому что всесильный тогда графъ Клейнмихель (строившій Николаевскую желѣзную дорогу) возставалъ противъ всякой концессіи частной компаніи и желалъ, чтобы всѣ желѣзныя дороги въ имперіи строились отъ короны, кромѣ существовавшей уже незначительной Петербурго - Павловской. Князь П. Д. Черкасскій, занятый службою (онъ тогда былъ производителемъ дѣлъ въ канцеляріи ст.-секретаря у принятія прошеній князя Александра Өедоровича Голицына) не могъ бдительно слѣдить за обоими эти проэктами, бывшими уже въ ходу и, зная молодаго князя Константина Александровича за способнаго человѣка, если онъ захочетъ заняться серіознымъ дѣломъ, а также его ловкость въ свѣтскомъ обращеніи, взялъ его въ сотрудники и въ будущіе компаніоны, если проэкты осуществятся. Вотъ чѣмъ былъ тогда занятъ мой любезнѣйшій князь Константинъ Александровичъ, а что до будничныхъ средствъ жизни, то ему въ нихъ помогалъ князь Петръ Дмитріевичъ, конфиденціально передавшій мнѣ о томъ. Живя въ одномъ коридорѣ, мы еще болѣе сблизились, чѣмъ въ Москвѣ. Онъ былъ забавнымъ разсказчикомъ, съ эпиграмматическимъ даромъ, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, и въ числѣ разныхъ его анекдотовъ былъ слѣдующій о находчивости одного черноризца. Поѣхалъ я однажды сказывалъ онъ, изъ Москвы въ наше Каширское имѣніе, и покуда я стоялъ у Московской Серпуховской заставы для прописки (какъ водилось тогда) моей подорожной, подошелъ ко мнѣ монахъ изъ тутъ находящейся часовни Диниловскаго монастыря, побрякивая колокольчикомъ, прикрѣпленнымъ къ кошельку и съ обычною фразою «на построеніе храма Господня». Раздосадованный долгимъ ожиданіемъ прописки подорожной я грубовато кинулъ ему слово «отстань отъ меня, я самъ строю у себя храмъ», и вслѣдъ за тѣмъ монахъ мой опустилъ руку въ свой кошелекъ, вынулъ копѣйку и подалъ мнѣ, сказавъ «на построеніе вашего храма». Этимъ онъ конечно задѣлъ меня заживо и получилъ двугривенный.

Князь К. А. Черкасскій былъ блистательный въ полномъ смыслѣ салонный человѣкъ, рѣзко выдававшійся изъ всей Московской молодежи. Почти что таковымъ я назвалъ и Зембулатова; но хотя они оба были баловни женскаго пола, однакоже расходились, какъ въ наружности, такъ и въ физіологическомъ отношеніи, въ характерѣ и въ способѣ держаться въ обществѣ (la tenue dans le monde); да и свѣтская обстановка у обоихъ была не одна. Зембулатовъ былъ сдержаннѣе, какъ бы человѣкъ не ищущій выказываться съ перваго раза и производить эффектъ при первомъ съ кѣмъ-нибудь знакомствѣ. На его чело находилъ легкій оттѣнокъ задумчивости, придававшій ему особенную привлекательность. Не таковъ былъ князь Константинъ Черкасскій. Начну съ его наружности, которая вполнѣ заслуживала ему названіе «un joli garcon», хотя статуарнаго типа красоты въ немъ не было. Роста былъ онъ выше средняго, съ правильными чертами лица, глаза голубые, сентиментальные, цвѣтъ лица какъ у свѣжей Нѣмецкой блондинки и свѣтло-русые волосы и усы (бороду онъ отпустилъ много позднѣе). Нравъ и манеры были оживлены, послѣднія весьма изящны, умъ пылкій и игривый, не прочь высказаться при первомъ знакомствѣ; разговоръ и фразеологія немного фейерверочные, то-есть не въ томъ смыслѣ, чтобы пускать пыль въ глаза, тогда какъ на днѣ могла быть одна пустота, а со стараніемъ произвести впечатлѣніе и безъ аффектаціи добиться до этой цѣли. Одною изъ его отличительностей было, что онъ хорошо говорилъ не только по-французски, но и по-англійски и, кажется, по-нѣмецки, тогда какъ Зембулатовъ не былъ до такой степени лингвистомъ. Свѣтская же обстановка ихъ была скорѣе противоположною, нежели схожею. Скромныя средства Зембулатова не дозволяли ему ѣздить иначе, какъ на извощикахъ, а въ бальномъ залѣ онъ не годился въ кавалеры по причинѣ хромоты; тогда какъ князь Константинъ Александровичъ, во время Московскаго эфемернаго своего блеска, щеголялъ кровными лошадьми въ Англійской упряжи, коею онъ самъ правилъ съ козелъ; одѣвался какъ модная гравюра, а въ бальномъ залѣ былъ «la coqueluche des dames» *). Я сказалъ, что блескъ его былъ эфемернымъ, потому что до смерти его отца (весною 1841 г.) у него почти не болѣе было свободы и средствъ развернуться, чѣмъ у школьника, а въ 1845 году, благодаря Московскимъ игрокамъ, онъ былъ облегченъ отъ дальнѣйшихъ заботъ по управленію имѣніями. Вообще, можно сказать о немъ, что онъ былъ способенъ на все; но не доставало ему энергіи, и даже желанія, употребить впрокъ природныя свои дарованія, усовершенствованныя строгимъ и старательнымъ родитель-

*) Буквальный переводъ этой поговорки невозможенъ; приблизительный смыслъ тотъ, что онъ кружилъ женскія головы.

скимъ воспитаніемъ. Не могъ онъ также преодолѣть одну изъ прежнихъ своихъ привычекъ, весьма накладную въ настоящемъ его положеніи, когда онъ стѣснялся въ необходимыхъ потребностяхъ жизни и въ платежѣ за квартиру. Привычка эта была не иная, какъ держать поденно извощичью карету, остававшуюся иногда безъ употребленія съ утра до 3-го или 4-го часа пополудни, и на мое замѣчаніе о таковой лишней издержкѣ онъ сознавался, что въ этой послѣдней роскоши отказать себѣ не можетъ. Но за что я особенно дорожу памятью злополучнаго князя Константина Черкасскаго, это за то, что весь свѣтскій ѳиміамъ и гибельная его наклонность къ игрѣ не могли испортить благородную его натуру и довесть его до нарушенія правилъ чести. Управляя, какъ старшій сынъ *), всѣми имѣніями, по смерти князя Александра Александровича, онъ, при совершеніи раздѣльнаго акта (кажется въ 1845 году) съ братьями, князьями Евгеніемъ и Владиміромъ и при выдачѣ седьмой законной части ихъ матери, княгинѣ Варварѣ Семеновнѣ (ур. Окуневой), онъ сдалъ имъ все имѣніе безъ копѣйки долга, а о себѣ объяснилъ, что ему не причитается болѣе ничего изо всего остального имѣнія, потому-де, что онъ свою часть спустилъ въ карты, а какіе остались еще на немъ долги, то онъ ни братьямъ, ни матери въ счетъ не ставитъ. Въ Петербургѣ приходилось ему то скрываться, какъ зайцу, то сказываться больнымъ и лежать въ постелѣ, когда являлся полицейскій офицеръ для объявленія на него иска; а однажды его до того прижали, что онъ долженъ былъ тайкомъ выѣхать на время изъ города. Таково было его положеніе, когда онъ квартировалъ дверь объ дверь со мною у миловидной Француженки. Однажды, когда я возвратился домой довольно поздно, онъ позвалъ меня къ себѣ. Это меня удивило, такъ какъ обыкновенно онъ возвращался гораздо позднѣе меня. Войдя къ нему, я увидалъ, что онъ уже лежалъ раздѣтый въ постелѣ и, по его просьбѣ, я сѣлъ возлѣ его кровати. Тутъ началъ онъ съ того, что весь день не выходилъ и давно легъ, на случай прибытія квартальнаго надзирателя, чтобы отдѣлаться отъ него мнимою болѣзнью, но это было только *такъ*, въ скобкахъ, а что не въ томъ дѣло, и вслѣдъ затѣмъ онъ пустился въ подробности о какихъ-то задуманныхъ имъ съ княземъ Петромъ Дмитріевичемъ Черкасскимъ предпріятіяхъ. Слушалъ я, слушалъ, но, наконецъ, холодъ въ его комнатѣ (это было въ Ноябрѣ или въ началѣ Декабря) до того пробралъ меня, что я спросилъ его съ удивленіемъ, какъ можетъ онъ мыслить и говорить о какихъ бы то ни было дѣлахъ въ нетопленой комнатѣ, а онъ

*) Старшій въ описываемое мною время потому, что самый старшій изъ братьевъ, князь Ипполитъ, былъ убитъ на Кавказѣ.

въ добавокъ лежитъ въ одной сорочкѣ и покрытый одною простыней. «А что? И въ самомъ дѣлѣ холодненько здѣсь!» спохватился онъ. «Каналья мадамъ не хочетъ рѣшительно топить мою печку, какъ я ее о томъ ни прошу». Вскорѣ послѣ этого разговора, каналья мадамъ, придя ко мнѣ для полученія части (а не сполна) должныхъ мною денегъ, почти что слезно жаловалась, что не на что купить ей дровъ, такъ какъ кромѣ меня никто изъ квартирантовъ (всѣхъ же насъ было не болѣе трехъ или четырехъ) давно не платятъ ей ни копѣйки. Я былъ въ ея глазахъ исправнѣйшимъ жильцомъ, потому что не оставался должнымъ болѣе какъ за одинъ мѣсяцъ, за каковую мою аккуратность предназначалось для одной моей печки послѣднее полѣно изо всего ея хозяйства, а потому у меня въ нумерѣ было всегда тепло.

Выѣзжая весной 1847 г. изъ Петербурга, я оставилъ тамъ князя и уже болѣе никогда не встрѣчался съ нимъ. Ни одно изъ придуманныхъ имъ предпріятій не осуществилось, и послѣдніе его ресурсы прекратились съ отъѣздомъ оттуда князя Петра Дмитріевича, назначеннаго губернаторомъ въ Симбирскъ. Тогда, или около того времени, мать князя Константина Александровича передала въ полное его распоряженіе свое имѣніе Тульской губ., Веневскаго уѣзда, съ предоставленіемъ ему всѣхъ съ имѣнія доходовъ. Тамъ онъ прожилъ пять или шесть лѣтъ почти что безвыѣздно, сталъ одѣваться по-русски, въ красной рубашкѣ и въ поддевкѣ. Обстоятельства, сопровождавшія его смерть въ 1855 или 1856 году, покрыты нѣкоторою таинственностію. Иные говорили, что, собираясь ѣхать къ обѣду къ сосѣду Норову, онъ, брѣясь, срѣзалъ прыщикъ на губѣ, отчего будто бы сдѣлалось съ неимовѣрною быстротою воспаленіе и Антоновъ огонь, и онъ померъ дня черезъ два. Другіе увѣряли, будто, наскуча жизнію, онъ хватилъ себя по горлу бритвою. Желая отъ всей души, какъ христіанинъ, чтобы послѣдній слухъ былъ ложенъ. Весьма странно одновременное совпаденіе его смерти со смертію въ Парижѣ его сестры, злополучной, какъ и онъ самъ, Софіи Александровны Рябининой, и также не отъ совсѣмъ ясной причины: кто говорилъ, что она скончалась отъ холеры, а кто будто отъ самоотравленія.

Зима съ 1846 на 1847 годъ, которую я провелъ въ Петербургѣ, была обставлена для меня самымъ пріятнымъ образомъ, къ чему особенно способствовало нахожденіе въ немъ Зинаиды Сергѣевны и Н. А. Тимофеевой. Переѣздъ туда Зинаиды Сергѣевны изъ Москвы состоялся по случаю того, что Сергѣй Павловичъ Сумароковъ, уѣхавъ въ Венецію съ женою и двумя старшими дочерьми, по дѣлу о доставшемся его женѣ огромномъ наслѣдствѣ отъ умершаго въ Венеціи ея брата, графа

Маруцци [1]), оставилъ въ Петербургѣ меньшую свою дочь, Марію Сергѣевну, одну съ ея гувернанткою для выдержанія ортопедическаго лѣченія отъ кривизны одного ея бока или спиннаго хребта, а такъ какъ въ то время Сумароковы и Дивовы жили душа въ душу, то Сергѣй Павловичъ просилъ Зинаиду Сергѣевну сдѣлать ему великое одолженіе переѣхать въ Петербургъ на время его отсутствія, занять нанимаемый имъ по-годно домъ Тарновскаго, на Бассейной улицѣ, почти что на углу Литейной, и имѣть родственный надзоръ надъ его 14-лѣтнею дочерью [2]), на что̀ Зинаида Сергѣевна изъявила согласіе и переѣхала туда со всѣмъ своимъ домомъ и лошадьми. Присутствіе ея было тѣмъ пріятнѣе молодой Сумароковой, что послѣдняя этимъ пріобрѣтала компаньонку въ ровесницѣ ей Зинаидѣ Николаевнѣ, воспитанницѣ Дивовыхъ; а такъ какъ въ этомъ домѣ Тарновскаго оставались еще свободныя комнаты, то Зинаида Сергѣевна предложила мнѣ занять одну изъ нихъ, куда я и перебрался изъ меблированныхъ комнатъ миловидной Француженки. Само собою разумѣется, что я каждый день обѣдалъ у моей родственницы, слѣдовательно вся матеріальная часть жизни была для меня обезпечена на всю зиму, не говоря уже о пріятности находиться подъ однимъ кровомъ съ женщиной, которая оказывала мнѣ въ теченіе многихъ лѣтъ искреннюю дружбу и нѣжное вниманіе всякаго рода. Одновременно съ этимъ я ежедневно видался съ Надеждою Александровной, переѣхавшей также на зиму въ Петербургъ, чтобы быть съ сестрою, княгинею Аделаидою Александровной Голицыной, недавно предъ тѣмъ (въ Октябрѣ) разрѣшившеюся отъ беременности сыномъ, княземъ Григоріемъ Николаевичемъ. Мужъ ея, князь Николай Григорьевичъ, высокій и красивый мущина, служилъ тогда въ гвардейской конной артиллеріи. Голицыны жили очень близко къ Тарновскому дому, на Фурштатской улицѣ, примыкающей также къ Литейной; а Надежда Александровна и сестра ея, Елисавета Александровна Кикина, нанимали вдвоемъ ту часть дома княгини М. П. Волконской, что́ выходила на Большую Милліонную; и вотъ почему я сказалъ, что обстановка этой зимы была особенно родственною и комфортабельною для меня. У княгини А. А. Голицыной давно уже гнѣздился зародышъ чахотки, но, по благотворному закону природы, недугъ этотъ какъ бы пріостановился во время ея беременности; быть можетъ, съ бережливостью ходъ болѣзни не развился бы столь быстро, какъ случилось послѣ ея родовъ, но она сама была виновницей этого ускоренія. По уши влюб-

[1]) Этотъ графъ Маруцци родомъ Грекъ; отецъ его былъ когда-то нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Венеціи.

[2]) Она совершенно выздоровѣла и въ 50-хъ годахъ вышла замужъ за одного изъ сыновей князя Михаила Николаевича Голицына, строителя Московской галлереи его имени.

ленная въ мужа, она, въ порывѣ не совсѣмъ основательной ревности къ нѣкоей хорошенькой вдовѣ Фурманъ, настоятельно захотѣла быть при бракѣ мнимой своей соперницы съ г. Лабенскимъ, племянникомъ директора Эрмитажной галлереи, занимавшимъ довольно видное мѣсто въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Брачный обрядъ совершался въ сырой и холодной Римско-католической церкви, что на Невскомъ проспектѣ; но ревнивица вложила, вѣроятно, себѣ въ голову, что мужъ ея будетъ присутствовать при этой церемоніи. Тамъ она простудилась и слегла на всю зиму, съ ежедневными лихорадочными припадками по вечерамъ.

Я получилъ тогда (въ концѣ 1846 года) изъ Флоренціи скорбное извѣстіе о кончинѣ моего зятя, Джіованни Дини, мужа старшей моей сестры, графини Маріи Дмитріевны.

Имѣя свой семейный очагъ, я въ эту зиму пересталъ показываться въ великосвѣтскихъ салонахъ, за исключеніемъ княгини М. П. Волконской, у которой я часто бывалъ, и изрѣдка у Лярскихъ и у княгини М. С. Черкасской. Шаткое здоровье княгини Волконской (у нея бывали частыя удушья и признаки водяной) не дозволяло ей не токмо бывать во дворцѣ, какъ слѣдовало по ея сану, но даже выѣзжать въ свѣтъ, и она завела свой интимный кружекъ, болѣе мужской, нежели женскій, который былъ тѣмъ болѣе для меня пріятнымъ, что въ составъ его входили профессоры Академіи Художествъ: Петръ Васильевичъ Басинъ, какъ родственникъ княгининъ [1]), и извѣстный рисовальщикъ Русскихъ церковныхъ древностей, Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ. Хотя въ числѣ короткихъ знакомыхъ княгини былъ и Карлъ Павловичъ Брюловъ, но онъ хворалъ въ теченіе почти всей этой зимы и никуда не выходилъ, а когда чувствовалъ облегченіе, то запирался отъ всѣхъ посѣтителей и усидчиво трудился надъ громаднымъ своимъ произведеніемъ «Осада Пскова» [2]), оставшемся, къ несчастію, недоконченнымъ по его смерти. Этимъ затворничествомъ и усиленною работой онъ еще болѣе нанесъ вреда своему здоровью; но чтобы онъ въ то время предавался кутежамъ (какъ о томъ говорили въ его молодости),

---

[1]) Давно умершая жена П. В. Басина была въ дальнемъ родствѣ съ княг. Марьей Петровной, не считавшей этотъ бракъ семейнымъ пятномъ, и она всегда обходилась съ Басиною какъ съ близкою своей родственницей. До настоящей моей встрѣчи съ П. В. Басинымъ я не видался съ нимъ со времени моего юношества, когда отецъ мой, со всѣмъ нашимъ семействомъ, посѣтилъ Римъ въ 1822 году.

[2]) Однажды, когда кн. Марья Петровна посылала узнавать о здоровьѣ великаго художника, онъ отвѣчалъ посланному: „Доложите княгинѣ, что я все еще боленъ и никуда не выхожу, и попросите, чтобъ она молилась Богу, чтобы болѣзнь моя продлилась, потому что это единственный способъ подвинуть Осаду Пскова“.

я ни отъ кого не слыхивалъ. Своимъ человѣкомъ былъ также у княгини Маріи Петровны артистъ Русской оперы, баритонъ Артемовскій. По какому случаю пользовался онъ этою исключительностью изъ всѣхъ прочихъ театральныхъ артистовъ, не знаю; но онъ себя держалъ весьма прилично и въ свободное время занимался небезуспѣшно миніатюрною живописью на слоновой кости. Однажды я и онъ угостили княгиню и ея компанію такимъ ревучимъ исполненіемъ дуэта двухъ басовъ изъ Донидзеттіевой оперы «Марино Фаліеро» («Se pur giungi a trucidarlo»), что оглушенные нами слушатели выбѣжали изъ комнаты и оставили насъ однихъ допѣвать дуэтъ [1]).

Не досказалъ я на счетъ К. П. Брюлова, что подъ конецъ зимы онъ, немного оправившись, забѣгалъ кое-когда по утрамъ къ княгинѣ, а такъ какъ я приходилъ къ ней не ранѣе обѣденнаго времени, то никогда не заставалъ у нея нашего геніальнаго художника. Однажды только я видѣлъ его въ его мастерской, въ зданіи Академіи Художествъ, куда я сопровождалъ княгиню Марію Петровну, и довольно долго бесѣдовалъ съ нимъ, выбравъ для этого Итальянское нарѣчіе, такъ какъ мнѣ было довольно извѣстно, что онъ дорожилъ воспоминаніями объ Италіи, и мнѣ показалось, что ему пріятно было вести разговоръ на гармоніозномъ языкѣ Тасса.

Княгиня Марія Петровна была великая любительница и знатокъ по всѣмъ отраслямъ художествъ, но спеціальнѣе занималась Русскою стариной въ зодчествѣ и живописи [2]). По утрамъ ея гостиная представляла видъ рисовальнаго класса, состоявшаго изъ нея самой, ея компаніонки, отчасти воспитанницы, Маріи Александровны Михайловой, умнѣйшей особы, вышедшей замужъ много позднѣе за Вологодскаго помѣщика и вдовца Межакова [3]), г. Похвиснева, Николая Ивановича, если не ошибаюсь [4]), двоюродной моей сестры Лизы Кикиной, княги-

---

[1]) Семенъ (по отчеству забылъ) Гулакъ-Артемовскій усовершенствовался, какъ пѣвецъ, въ Италіи, и по возвращеніи его оттуда Глинка написалъ нарочно для него партицію Руслана въ своей оперѣ „Русланъ и Людмила“. Впослѣдствіи я совершенно потерялъ его изъ виду и недавно только узналъ, что онъ померъ въ Москвѣ въ началѣ настоящаго (1873) года, гдѣ было предался исключительно леченію магнетизмомъ, весьма будто бы удачно, по увѣренію одного его паціента, мнѣ знакомаго.

[2]) Объ архитектурномъ ея вкусѣ въ Русскомъ стилѣ свидѣтельствуютъ два большіе флигеля въ ея имѣніи, с. Алешнѣ Рязанской губ., въ $1^1/_2$ версты отъ Ряжска. Главный тамошній домъ она не успѣла перестроить.

[3]) Братъ Маріи Александровны былъ въ то время адъютантомъ Степана Васильевича Перфильева, начальника Московскаго жандармскаго округа.

[4]) Г. Похвисневъ, кажется, служилъ тогда въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ недавно получилъ огромное наслѣдство отъ своего дяди Захаржевскаго, убитаго въ прошломъ 1870 году однимъ изъ его слугъ въ его имѣніи Харьковской губерніи.

нина врача г. Журковскаго (онъ же и жилъ въ ея домѣ), и къ этому кружку примыкалъ иногда талантливый, какъ рисовальщикъ и музыкантъ, молодой и неженатый еще, баронъ Михаилъ Львовичъ Боде, сынъ тогдашняго президента Московской Дворцовой Конторы *); впрочемъ, оба послѣдніе чаще брали работу къ себѣ на домъ. Всѣ они, подъ руководствомъ академика Ѳедора Григорьевича Солнцева, писали акварельными и гуашевыми красками роскошныя святцы, съ Славянскимъ текстомъ и иконописными картинками, съ орнаментами, составлявшими рамку страницы, изъ коихъ каждая имѣла свою разнообразную орнаментацію. Огромный и копотный этотъ трудъ былъ чѣмъ-то въ родѣ Итальянскихъ и Французскихъ рукописныхъ часовниковъ (Horae) и молитвенниковъ съ миніатюрами XII—XIV вѣковъ, писанныхъ на пергаментѣ; но святцы, надъ которыми трудились княгиня Волконская и ея окружающіе (по рисункамъ Ѳ. Г. Солнцева), писались, для большаго удобства, на плотной веленевой бумагѣ, и всѣ фоны (т.-е. поля) фигуръ были изъ золота. Одновременно, помнится мнѣ, со святцами писался также Служебникъ, въ одинаковомъ размѣрѣ (in 12°) и съ такими же изображеніями и орнаментами. Не знаю, успѣла ли княгиня докончить до преждевременной своей смерти (осенью 1854 года) эти неподражаемыя, по моему, произведенія. Можно представить себѣ, сколько труда стоило, напримѣръ, помѣстить на пространствѣ менѣе 4-хъ вершковъ вышины и около 3-хъ ширины изображенія ежедневныхъ святыхъ, празднуемыхъ въ цѣломъ мѣсяцѣ. Чтобы выдѣлывать лики и облаченія полувершковыхъ фигуръ, надо было употреблять увеличительное стекло и имѣть неистощимый запасъ терпѣнія, и со всѣмъ возможнымъ прилежаніемъ, ближе двухъ или трехъ мѣсяцевъ невозможно было окончить таблицу со всѣми святыми 30 дней и входившими въ ихъ составъ изображеніями двунадесяти праздниковъ. Въ выдѣлываніи всѣхъ этихъ деталей особенно отличался терпѣніемъ г. Похвисневъ. Кстати разскажу одно случившееся съ нимъ свѣтское приключеніе. Отправился онъ однажды съ утреннимъ визитомъ къ молодой и красивой графинѣ Орловой-Денисовой (рожденной Никитиной); при входѣ его швейцаръ позвонилъ и передалъ явившемуся на лѣстницѣ лакею фамилію посѣтителя. Доложивъ графинѣ о немъ и возвратясь въ швейцарскую, лакей повелъ г. Похвиснева не по парадной лѣстницѣ, а боковыми коридорами и заднею лѣстницею до комнатъ, занимаемыхъ дѣтьми графини, гдѣ оставилъ г. Похвиснева одного, а самъ исчезъ. Недоумѣвающій гость могъ подумать сначала, что хозяйка дома принимаетъ

*) Баронъ М. Л. Боде женился позднѣе на одной изъ дочерей Ивана Дмитріевича Черткова, Александрѣ Ивановнѣ.

тутъ, и ждалъ ея появленія; но послѣ довольно долгаго времени, видя, что графиня не показывается и что какъ бы забыли о немъ, онъ попросилъ одну изъ нянекъ или горничныхъ напомнить графинѣ о его существованіи. Спустя нѣсколько времени, приходитъ графиня въ дѣтскую и въ изумленіи спрашиваетъ Похвиснева, какимъ образомъ онъ попалъ сюда, вмѣсто ея салона, на что онъ отвѣчаетъ, что его провелъ туда лакей. Новичекъ или небрежный ливрейный служитель доложилъ своей госпожѣ, что пришелъ г. фокусникъ, вмѣсто Похвиснева, вслѣдствіе чего графиня приказала провести его къ ея дѣтямъ, чтобы онъ позабавилъ ихъ представленіемъ своего искусства.

Я уже выказывалъ княгиню Марію Петровну съ ея религіозной стороны; затѣмъ добавлю, что на счетъ свѣтскихъ ея сужденій она разбирала всякій вопросъ или предметъ во всеобъемлющемъ его видѣ, стараясь всегда истолковывать въ паліативномъ смыслѣ тѣ предметы или обстоятельства, что̀ подвергались немилосердной насмѣшкѣ общества. Подобное, однакоже, снисхожденіе ея взглядовъ относилось только къ абстрактивнымъ и индивидуальнымъ дѣйствіямъ (т.-е. личнымъ) или проявленіямъ, отдѣльно отъ принциповъ; относительно же послѣднихъ сужденія ея были строги, но всегда безпристрастны, и она какъ бы тщательно избѣгала указывать на какую-либу отдѣльную личность, да и вообще касательно ближняго она придерживалась, какъ мнѣ кажется, мнѣнія, что на бѣломъ свѣтѣ немало мы видимъ людей понапрасну оклеветанныхъ, въ справедливости каковой аксіомы не однажды приходилось мнѣ убѣдиться изъ житейской моей практики.

Однажды, на мое объясненіе, что я не хожу въ церковь Министерства Удѣловъ, куда княгиня ѣзжала по воскреснымъ днямъ къ обѣднѣ, потому-де, что мнѣ-ли, маленькому человѣку, соваться туда, гдѣ собирается высшая знать, и что я предпочитаю посѣщать тѣ церкви, гдѣ смѣшиваюсь съ толпою плебеевъ и мелкаго люда, княгиня обратила мое вниманіе на то, что я этимъ обличаю чувство надменности въ мнимомъ смиреніи (l'orgueil de l'humilité). Мысль эта была совершенно для меня новою; но при дальнѣйшемъ наблюденіи надъ собою я открылъ, что дѣйствительно подъ личиною смиренія и будто бы умаленія себя гнѣздится нерѣдко горделивое о себѣ чувство, которое можно перевести тѣмъ же изреченіемъ, но наоборотъ, т. е. мнимымъ смиреніемъ, истекающимъ изъ надменности (l'humilité de l'orgueil). Какъ свѣтское, салонное лицо, княгиня Марія Петровна была истинная «grand'dame», но чуждая спѣси, слабостей и мелочныхъ разсчетовъ аристократической касты. Когда, напримѣръ, навѣщали Петербургъ деревенскіе ея сосѣди и Рязанскіе провинціальные ея знакомые

(иногда изъ мелкопомѣстныхъ), она не только не гнушалась ими въ столицѣ, но окружала ихъ всякимъ вниманіемъ и привѣтливостію: сажала за столъ на первыя мѣста рядомъ съ собою, хотя бы за обѣдомъ сидѣли у нея министры и высшіе сановники, возила съ собою въ министерскую ложу своего свекра и доставляла имъ случаи быть во дворцѣ во время какихъ нибудь экстренныхъ церемоній или торжествъ. Съ художниками и артистами, принятыми въ ея салонъ, она обходилась съ тою же предупредительностію и любезностію (*elle faisait autant de frais de conversation*, фраза непереводимая буквально по русски), какъ съ находившимся иногда тутъ графомъ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ (тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ) или графомъ М. Ю. Віельгорскимъ и старикомъ г. Лабинскимъ. Мнѣ кажется, что сужденіе мое не будетъ пристрастнымъ, если скажу, что на сколько человѣческая натура можетъ подходить въ совершенству, таковою была эта женщина. Во многомъ она сходилась съ В. И. Ланскою. Подобные типы родятся вѣками.

Въ числѣ немногихъ ежедневныхъ почти посѣтителей княгини Волконской былъ капитанъ л. г. егерскаго полка, Иванъ Алексѣевичъ Бартоломей, человѣкъ второй, такъ сказать, молодости, весьма ученый, нумизматъ и оріенталистъ, и я дивился, какъ съ подобнымъ призваніемъ къ наукѣ могъ онъ довольствоваться фронтовою службою и игрою носка. Но кромѣ того, въ немъ была та странность, что онъ былъ убѣжденный візіонеръ, вѣровалъ въ существованіе домовыхъ и подобныхъ тому явленій. Онъ разсказывалъ, что было время, когда онъ, занимаясь усидчиво за письменнымъ столомъ, постоянно видѣлъ стоявшую неподвижно у дверей его кабинета маленькую, худенькую старушенку, съ трясущеюся головой. Онъ такъ привыкъ видѣть ее тамъ, что не обращалъ болѣе на нее вниманія; будучи однажды не въ духѣ и наскучившись ея присутствіемъ, онъ бросился на нее, но она исчезла, грозя ему пальцемъ. А въ другой разъ, читая въ постели при свѣчѣ, вдругъ видитъ онъ, что поднимаются драпри въ дверяхъ спальни, и выходитъ сѣдая и пепелистая фигура съ бородою; подходитъ въ довольно близкомъ къ нему разстояніи такъ, что онъ могъ всю ее разсмотрѣть и такимъ же порядкомъ удаляется и исчезаетъ. Капитанъ Бартоломей увѣрялъ насъ, что онъ въ то время не помышлялъ засыпать и что все это происходило на яву, и потому крѣпко вѣрилъ въ явленія домовыхъ, но отнюдь не страшился ихъ, а также, что всѣ эти сверхъестественныя для прочихъ людей явленія ничего дурнаго никогда ему не предвѣщали.

Единственный разъ въ жизни, что я встрѣтился съ княземъ Одоевскимъ (директоромъ въ то время Румянцовскаго музея) было въ салонѣ кн. М. П. Волконской. Узнавъ отъ находившагося тутъ Итальянскаго учителя пѣнія г. Негри, что князь Одоевскій заклятой врагъ Итальянской музыки, я уже отъ этого не расположился къ нему, и впечатлѣніе, воспринимаемое мною изъ свѣтскаго его обхожденія и бесѣды съ хозяевами дома, не уменьшили несимпатичнаго моего къ особѣ его чувства. Онъ показался мнѣ натянутымъ и какъ бы съ поползновеніемъ поважничать и несловоохотливымъ. Онъ подсѣлъ къ фортепіано и сталъ брать одни только аккорды, въ родѣ модуляцій церковной музыки. Онъ прославился филантропическою своею дѣятельностію и кромѣ того пользовался довольно значительною извѣстностію какъ литераторъ и музыкантъ. О степени заслуженности его репутаціи въ послѣднихъ двухъ отрасляхъ не имѣлъ я случая судить.

Изъ обходившихся постоянно со мною самымъ родственнымъ образомъ былъ Андрей Ивановичъ Сабуровъ. Хотя мы не состояли ни въ какомъ прямомъ съ нимъ родствѣ, но онъ, какъ племянникъ Александра Ульяновича Тимоѳеева (мужа тетки моей Прасковьи Артемьевны), считалъ себя въ связи съ нашимъ семействомъ *). Узнавъ отъ княгини Маріи Петровны, что стѣсненныя обстоятельства заставляютъ меня искать профессіи реставратора картинъ при эрмитажѣ, Андрей Ивановичъ предложилъ мнѣ, черезъ княгиню, мѣсто управляющаго линіею Царицинской желѣзноконной дороги (соединяющей Волгу съ Дономъ) съ высокимъ годовымъ окладомъ въ 20 т. р. асс., такъ какъ онъ былъ учредителемъ этой дороги и искалъ надежнаго на сказанную должность человѣка. Недоставало у меня духа предпріимчивости и не хотѣлось мнѣ забиваться въ такую даль отъ Петербурга, да и дѣло это было совершенно незнакомое для меня; пуще же всего я излѣнился для всякаго серьеознаго труда и потому имѣлъ неблагоразуміе отказаться отъ столь выгоднаго мѣста. Нѣсколько лѣтъ спустя, я, быть можетъ, принялъ бы съ охотою подобное предложеніе вмѣсто того, чтобы коптѣть губернаторскимъ чиновникомъ особыхъ порученій; но таковой случай болѣе не возобновлялся.

Княгиня Волконская передавала мнѣ слѣдующее небезынтересное обстоятельство. Во времена Петра I-го, или одной изъ первыхъ императрицъ, его преемницъ, мѣсто, на которомъ нынѣ стоитъ западная часть Зимняго дворца (противъ адмиралтейскаго бульвара) принадле-

*) У Александра Ульяновича Тимоѳеева были двѣ сестры, вышедшія замужъ одна за Сабурова, а другая за Чубарова.

жало Кикинымъ, и съ той поры Кикины не переставали предъявлять протесты противъ этого захвата ихъ собственности. Слѣдуя примѣру дѣдовъ, княгиня Марія Петровна не пропускала десятилѣтней давности безъ подобнаго же оффиціальнаго протеста, не считая себя въ правѣ, какъ сама выражалась, отказаться отъ того, что̀ дѣды ея считали законнымъ своимъ достояніемъ, при всемъ томъ понимая, что формалистика эта никуда не поведетъ. При каждомъ таковомъ ея протестѣ она сама, когда являлась ко двору, заявляла о томъ шутя Государю Николаю Павловичу, который, также шутя, поощрялъ будто бы княгиню продолжать безнадежную ея тяжбу.

Въ Англійскомъ отелѣ сестеръ Бенсонъ поселился на зиму Лондонскій акварельный ландшафтистъ Аткинсонъ, метода коего (или точнѣе жанръ) отличалась отъ всего, видѣннаго мною дотолѣ. Не вдаваясь ни въ какія подробности и избѣгая даже, на сколько было ему возможно, писать деревья (въ чемъ онъ не былъ мастеромъ, какимъ былъ знаменитый въ Италіи акварелистъ Нѣмецъ Корроди), онъ преимущественно гнался за прозрачностью воздушной перспективы и отдаленныхъ предметовъ, особенно гористаго горизонта, нерѣдко изображалъ закатъ солнца и особенно водяныя отраженія (морей и озеръ), въ каковыхъ предметахъ онъ достигалъ до такихъ сильныхъ эфектовъ, что акварели его можно было принять за масляныя картины. Н. А. и я были поражены этой художественной новизною. Она наслѣдовала отъ своей матери талантъ рисованія *); мы упросили г. Аткинсона принять насъ обоихъ въ ученики, и въ теченіе всей зимы почти что ежедневно работали подъ его надзоромъ по нѣскольку часовъ. Такъ какъ я вообще ничего не умѣлъ дѣлать иначе какъ запоемъ, то совершенно оставилъ пѣніе и пристрастился къ акварельной живописи, и этотъ періодъ продолжался до 1853 года. Впрочемъ, манія эта довольно своевременно смѣнила прежнее пѣніе, потому что послѣ 1847 года (когда минуло мнѣ сорокъ лѣтъ) голосъ мой замѣтно началъ мнѣ измѣнять. Хотя я и прежде занимался немного акварелью, но былъ самоучка и не имѣлъ никакихъ понятій о правилахъ въ этой отрасли живописи, и если я достигъ впослѣдствіи до степени изряднаго живописца водяными красками, то благодаря урокамъ г. Аткинсона, впрочемъ недешевымъ. Онъ былъ высокій, крѣпкаго сложенія мужчина, лѣтъ 55-ти, и въ немъ была та удивительная особенность, что

---

*) Тетка моя Прасковья Артемьевна весьма замѣчательно писала фигуры въ большихъ размѣрахъ акварелью и сепіею, и ея работы украшаютъ понынѣ стѣны господскаго дома въ с. Воронцовѣ. Тамъ, между прочихъ картинъ, есть копіи съ Итальянскихъ произведеній съ поясными фигурами въ натуральный ростъ.

натура его не требовала болѣе двухъ съ половиною или много трехъ часовъ сна въ сутки. Не менѣе замѣчательно было и то, что онъ до такой степени свыкся съ оттѣнками колеровъ, что писалъ при свѣчахъ, что́ я считаю истиннымъ фокусомъ, тѣмъ болѣе труднымъ, что при огненномъ освѣщеніи всѣ блѣднопалевые оттѣнки кажутся бѣлыми, свѣтло-голубые сѣроватыми, а голубыхъ оттѣнковъ невозможно почти различить отъ зеленыхъ. Художникъ этотъ прибылъ въ Россію съ цѣлью списывать горныя Сибирскія мѣстности и осуществилъ свой проектъ. Въ сопровожденіи нанятаго въ Петербургѣ въ услуженіе чиновника, знавшаго Англійскій и Русскій языки, онъ отправился въ кибиткѣ, въ трескучіе Февральскіе морозы, къ Уральскому хребту и слѣдующею за тѣмъ весною поселился на Алтаѣ. Пробывъ около трехъ лѣтъ въ Сибири, онъ возвратился на родину черезъ Англійскія Остъ-индійскія владѣнія и издалъ въ Лондонѣ свое путешествіе съ видами Сибири; оно было впослѣдствіи переведено по русски. Во время своего пребыванія въ Сибири онъ сдѣлался героемъ слѣдующаго романическаго приключенія. Когда онъ еще жилъ въ Петербургѣ у сестеръ Бенсонъ, ему приглянулась двоюродная ихъ сестра, миссъ Джейнъ, дѣвица лѣтъ около 30 и не особенно привлекательная. Она жила у кого-то въ гувернанткахъ и воскресные дни проводила у своихъ кузинъ. О началѣ этого романа намъ, постороннимъ, ничего не было извѣстно, и потому мы всѣ удивились, узнавъ спустя годъ, что г. Аткинсонъ, вдовецъ и имѣвшій въ Англіи замужнюю дочь, плѣнился этой худенькой и невзрачной дѣвицею; но самый бракъ этотъ стостоялся весьма оригинальнымъ образомъ, свойственнымъ однимъ эксцентричнымъ Британцамъ. Устроившись временно гдѣ-то на Алтаѣ, художникъ нашъ извѣстилъ свою невѣсту, чтобы она прибыла въ назначенное имъ число изъ Петербурга въ Москву, куда и онъ съ своей стороны пріѣдетъ, что́ оба исполнили аккуратно. Обвѣнчавшись тамъ, они черезъ два-три дня отправились вмѣстѣ въ Сибирь, гдѣ и родился у нихъ сынъ, названный Алтаемъ*), съ которымъ они возвратились въ Англію черезъ Остъ-Индію.

Въ Декабрѣ 1846 г. недогадливый Н. И. Гречъ помѣстилъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ» извѣстную всѣмъ балладу графини Ростопчиной (хотя ею неподписанную) подъ заглавіемъ «Насильный бракъ».

---

*) У протестантовъ необязательно при крещеніи давать имя какого нибудь изъ святыхъ, и я знавалъ во Флоренціи одну Англійскую дѣвушку, носившую имя этого города, въ память ея тамъ рожденія. Въ какое время умеръ г. Аткинсонъ, не знаю; но въ предисловіи Русскаго перевода его путешествія въ Сибири читается, что молодой Алтай Аткинсонъ имѣлъ скудныя жизненныя средства, и что слѣдовало бы Англійской публикѣ обезпечить сына за научные труды отца.

„Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткій господина зовъ“ и пр.

Называю Н. И. Греча недогадливымъ, потому что если намъ, профанамъ, простительно было не понять съ перваго взгляда политическаго смысла этихъ виршей и аллегорическихъ въ нихъ намековъ, то не должно было ускользнуть отъ проницательности стараго литератора и публициста-консерватора, каковымъ былъ Гречъ, что дѣло шло о мнимомъ порабощеніи Польши Россіею. Баллада эта въ формѣ діалога стараго барона съ его женою; мужъ сзываетъ своихъ вассаловъ судить его семейную распрю и обвиняетъ жену въ непокорности и неблагодарности, тогда какъ онъ призрѣлъ ее униженную и безмощную и, сочетавшись съ нею, окружилъ ее всѣми возможными почестями и довольствомъ.

„Съ монахомъ шепчется она,
Моя законная жена“.

говоритъ онъ, а въ отвѣтъ на эти упреки жена возражаетъ между прочимъ:

„Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знамсноваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ...
Сослалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ слугъ, друзей моихъ....
Я предана, я продана,
Я узница, а не жена

Не прошло сутокъ, какъ въ высшихъ кружкахъ раскусили настоящій смыслъ этой баллады, и многіе позахотѣли имѣть этотъ нумеръ «Сѣверной Пчелы», въ томъ числѣ и З. С. Дивова, и хотя было уже поздно вечеромъ, я побѣжалъ въ кофейню Доминика, гдѣ мнѣ, какъ знакомому, уступили этотъ нумеръ за приблизительную его цѣну, а дня черезъ два уже ни за какія деньги нельзя было его получить. Какъ раздѣлался Н. И. Гречъ съ III-мъ Отдѣленіемъ, не знаю.

Два слова кстати о цензурныхъ строгостяхъ сороковыхъ годовъ. Извѣстенъ довольно анекдотъ, что въ одной поваренной книжкѣ, гдѣ, по поводу наставленія какъ приготовлять какое-то блюдо, выраженіе находившееся тамъ «поставить въ вольный духъ», замѣнено было цензурою словами «поставить на маленькій огонь», такъ какъ «вольный духъ» имѣетъ двоякій смыслъ. Но вотъ другой куріозъ, много крупнѣе вышепомянутаго, какъ выходившій отъ духовной цензуры. Въ какой-то проповѣди, напечатанной въ Москвѣ, было сказано, что и при общемъ воскресеніи мы облечемся одеждами нетлѣнными, въ доказа-

тельство чего воскресшій Спаситель оставилъ Свои пелены во гробѣ. Все, чтò можно было бы сказать о подобной пропозиціи, это то, что метафора была черезчуръ натянута; но иначе взглянулъ Петербургскій Главный Цензурный Комитетъ. Въ порывѣ стыдливаго негодованія онъ сдѣлалъ черезъ Св. Синодъ выговоръ Московской духовной цензурѣ за пропускъ ею этой проповѣди, при замѣчаніи, что приведенное проповѣдникомъ доказательство ни къ чему не служитъ, потому-де, что «вѣроятно воскресшій Спаситель явился передъ женами-мvроносицами не нагой, а въ какой нибудь одеждѣ».!! [1]) На игрушки не было, повидимому, подобной стыдливой цензуры. Такъ наприм. я случайно присутствовалъ на аукціонѣ [2]) разныхъ, дорогихъ заграничныхъ игрушекъ, пожертвованныхъ одною высокою особою въ пользу какого-то благотворительнаго заведенія, между коими былъ механическій заяцъ, испражнявшійся (буквально) шоколадными шариками, ну точь въ точь будто-бы изъ него выходило то, чтò приличіе запрещаетъ называть по имени. Первоначальная цѣна этого зайца была въ 18 или 20 р. с. и возвышалась постепенно, пока какой-то чистокровный Русскій негоціантъ пріобрѣлъ эту диковинку за 120 р. Ненеумѣстнымъ считаю упомянуть объ одномъ карикатурномъ еженедѣльномъ листкѣ подъ названіемъ «Ералашъ», издаваемомъ нѣкіимъ талантливымъ рисовальщикомъ - аматеромъ Неваховичемъ, въ подражаніе Французскому «Charivari», но въ однѣхъ литографическихъ картинкахъ, безъ текста. Въ немъ многія Петербургскія личности и событія дня подпадали подъ сатирическій карандашъ издателя, между каковыми былъ помѣщенъ Израильскаго (какъ носился слухъ) происхожденія переводчикъ оперныхъ либретъ и полиглотъ, г. Элканъ, изображенный тамъ въ видѣ покупателя копченыхъ языковъ въ гастрономической лавкѣ съ надписью «господинъ знатокъ многихъ языковъ, особенно Еврейскаго». Остроумный этотъ листокъ прекратился къ сожалѣнію въ 1849 году со смертію издателя.

Если читатель не большой охотникъ до изящныхъ искусствъ, то воленъ пропустить слѣдующія страницы, потому что приступаю къ краткому художественному обзору.

Хаживалъ я иногда обѣдать къ П. В. Басину, всегда радушно принимавшему меня и дорожившему своими Римскими воспоминаніями. Съ нимъ я бывалъ въ Академіи Художествъ и въ строившемся еще

---

[1]) Слышано отъ профессора Московской Духовной Академіи П. С. Казанскаго, бывшаго цензоромъ духовныхъ изданій.

[2]) Аукціонъ былъ въ домѣ главноуправляющаго путей сообщеній, у Обуховскаго моста.

тогда Исакіевскомъ соборѣ, куда постороннихъ не пускали. Б. П. Васинъ кончалъ тогда расписывать малый, темный куполъ и боковыя стѣны въ алтарѣ лѣваго придѣла, и весьма жаль, что эти прекрасныя его произведенія находятся въ полумракѣ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенной публикѣ невозможно ими любоваться. Изъ сюжетовъ болѣе прочихъ поразившихъ меня своимъ исполненіемъ, назову мученическія смерти св. Екатерины и св. Дмитрія Солунскаго, св. Георгія, исповѣдующаго Христа передъ императоромъ Діоклетіаномъ и тѣмъ обращающаго императрицу, падающую къ стопамъ великомученика. Но въ чемъ этотъ художникъ превзошелъ самого себя, это въ сюжетахъ изъ жизни св. Александра Невскаго. Особенно хороши женскія фигуры, окружающія смертный одръ благовѣрнаго князя. Я уже гдѣ-то говорилъ, что П. В. Басинъ не отличается живымъ колоритомъ, отчего картины его теряютъ нѣкоторый эфектъ; но недостатокъ этотъ выкупается съ лихвою строгою правильностію его рисунка и отсутствіемъ малѣйшей афектаціи или натянутости въ позахъ фигуръ, и потому я считаю его первымъ рисовальщикомъ изъ современныхъ Русскихъ художниковъ. Весьма замѣчательна его же картина, огромнаго размѣра, представляющая нагорную проповѣдь и находящаяся подъ одною изъ арокъ, поддерживающихъ главный куполъ. Къ несчастію, картина эта въ настоящее время до того потускнѣла отъ сырости и копоти, что сдѣлалась почти неразборчивою въ ея деталяхъ. Малый куполъ и боковыя стѣны праваго боковаго придѣла расписывалъ г. Рисъ*), художникъ второстепеннаго, по разумѣнію моему, достоинства, и потому большой бѣды нѣтъ, что работа его не на виду отъ полумрака въ алтарѣ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отдать справедливость ему, какъ и П. В. Басину, въ томъ, что оба они преодолѣвали величайшее неудобство въ отсутствіи дневнаго свѣта въ этихъ малыхъ куполахъ обоихъ придѣловъ (въ нихъ нѣтъ даже боковыхъ оконъ) и расписывали купола при ламповомъ освѣщеніи. Главный куполъ расписывалъ К. П. Брюловъ, но куполъ былъ загроможденъ лѣсами, и потому ничего не видно было, и нельзя было судить о ходѣ работъ. Отъ свода фонаря (гдѣ изображенъ парящій ангелъ) до полу 8, кажется, саженей вышины, и потому устроена была машина для поднятія Карла Павловича до площадки, съ которой онъ писалъ; но въ эту зиму работа его медленно подвигалась по случаю разстроеннаго уже его здоровья. Отъ этихъ лѣсовъ нельзя было видѣть четырехъ евангелистовъ подъ куполомъ, имъ уже начатыхъ; но въ одной изъ акаде-

*) Сынъ Московскаго книгопродавца, умершаго въ глубокой старости около 1850 года.

мическихъ залъ выставлены были картоны этихъ вдохновенныхъ, гигантскихъ фигуръ, и потому можно сказать безъ всякаго пристрастія, что эти евангелисты соперничаютъ съ лучшими въ этомъ родѣ произведеніями Доминикина и Гуерчина, славящихся въ Италіи.

Надъ одною изъ арокъ (или пилястровъ, хорошо не помню), поддерживающихъ главный куполъ, видимъ и нынѣ нѣсколько отрывковъ изъ библейскаго повѣствованія объ Іосифѣ, проданномъ братьями. Это работа Маркова. Трудъ почтеннаго профессора живописи сильно грѣшитъ непропорціональною долговязностію фигуръ, longues comme des asperges [1]); но онъ, сознавая (какъ я, кажется, слышалъ) это якобы кажущееся отступленіе отъ натуры для того, кто видѣлъ эти картины, когда онѣ были выставлены первоначально въ Академіи, объяснялъ, что онъ намѣренно ихъ такъ писалъ, соображаясь съ обстоятельствомъ, что фигуры эти будутъ видны на возвышеніи 8 или болѣе саженей отъ полу, и потому долговязность ихъ скроется въ неизбѣжномъ ракурсѣ; разсчетъ его оказался невѣренъ, и выказанный порокъ бросается и теперь каждому въ глаза. Мѣстные образа главнаго предѣла писалъ Нефъ, талантливо умѣвшій согласовать строгій стиль иконописи, безъ сухости Греческой манеры, съ изящностію позъ и выраженій, и все-таки не вдаваясь въ галлерейную, нецерковную, Итальянскую живопись, подражателей коей было немало изъ Русскихъ художниковъ начала нынѣшняго вѣка, писавшихъ красивыхъ свѣтскихъ женщинъ, вмѣсто изображеній Пресвятой Дѣвы [2]). Точныя копіи съ этихъ мѣстныхъ иконъ Нефа нынѣ исполнены мозаикою. Получили также заказы для Исакіевскаго собора славившійся какъ портретистъ Штейбенъ, а изъ иностранцевъ Итальянцы Муссини и Дузи. Къ числу иностранцевъ не причисляю Плюшара (сына извѣстнаго содержателя типографіи), который также, помнится мнѣ, получилъ заказы, такъ какъ онъ родился и воспитывался въ Россіи [3]).

На одной изъ художественныхъ выставокъ въ Академіи всѣхъ восхищала граціознѣйшая «Таня» (изъ Пушкинскаго Онѣгина), нату-

---

[1]) Вытянутыя какъ спаржа.

[2]) Изъ таковыхъ были Егоровъ и отчасти даже даровитый Боровиковскій; но Шебуевъ такъ далеко въ подражаніи не заходилъ. Егоровъ, въ образахъ Пресв. Дѣвы, воспроизводилъ, безъ зазрѣнія совѣсти, портреты своихъ дочерей-красавицъ. (Слышано отъ современника).

[3]) Перечитывая это мѣсто, написанное года три тому назадъ, мнѣ кажется теперь, что я ошибся, и что Плюшаръ не получалъ никакихъ заказовъ для Исакіевскаго собора. Послѣ послѣдней моей съ нимъ встрѣчи въ Москвѣ, осенью 1844 г., я ничего болѣе о немъ не слыхалъ.

ральной величины, представленная только что вставшею съ постели, въ ночной сорочкѣ на одномъ плечѣ и въ нерѣшимости, отослать-ли письмо къ Евгенію, которое она держитъ въ рукѣ. Картина эта написана Моллеромъ и только что прислана была изъ за-границы [1]). Государь (единственный почти, какъ я уже говорилъ, покупатель Русскихъ произведеній, за исключеніемъ г. Пряпишникова) до того плѣнился этою картиной, что немедленно захотѣлъ ее пріобрѣсти, но, узнавъ, что художникъ не обозначилъ цѣны ея, велѣлъ оцѣнить ее академическимъ собраніемъ, вслѣдствіе чего ареопагъ изъ трехъ знаменитѣйшихъ профессоровъ, гг. Брюлова, Бруни и Басина, произнесъ вердиктъ, что 800 р. сер. будетъ цѣною безобидною для Моллера, и Государь купилъ картину за эту цѣну. Были на этой же выставкѣ женскіе портреты Майкова, но пестраго черезчуръ колорита, будто бы настоящія восковыя куклы, освѣщенныя изнутри. Русскіе пейзажисты, главными изъ коихъ были оба Воробьева (отецъ и сынъ) и братья Чернецовы, ничего особеннаго не выставили; послѣдніе изъ нихъ продолжали писать столь же однообразно, какъ и прежде, и мало преуспѣли, тогда какъ дебюты ихъ много обѣщали. За то увидѣли мы тутъ въ первый разъ (по крайней мѣрѣ я) волшебные, такъ сказать, пейзажи Швейцарца Калама и Голландца Кукука. Ближе подходить къ природѣ чѣмъ Каламъ почти что невозможно (какъ мнѣ кажется); не говоря уже о мастерскомъ исполненіи солнечныхъ эфектовъ (встрѣчающихся болѣе или менѣе удачно у всѣхъ ландшафтистовъ), онъ дерзнулъ изображать влагу росы на некошеной травѣ, струи порывистаго вѣтра передъ наступленіемъ грозы, склоняющаго макушки и вѣтви деревьевъ, кустовъ и даже высокой травы, между тѣмъ какъ въ прочихъ мѣстахъ пейзажа все еще царствуетъ тишина. Всѣ эти эпизоды природы выходили у художника съ неимовѣрною иллюзіею. Въ другомъ совершенно жанрѣ писалъ Кукукъ. Искусство его направлено было на лѣсныя чащи. Въ деревьяхъ его надо было дивиться механизму кисти, выдѣлывавшей мелкіе детали листьевъ, безъ ущерба общему эфекту. Былъ я однажды въ мастерской Айвазовскаго. Морскія и воздушныя его отраженія и переливы съ перваго раза всѣхъ насъ тогда изумляли; но, привыкши къ нимъ, нельзя не сознаться, что почти всѣ его позднѣйшія работы отзываются монотонностію [2]). Отчасти подражатель

---

[1]) Онъ же авторъ часто повторяемаго въ живописи и въ эстампахъ „Неаполитанскаго поцѣлуя".

[2]) Къ сожалѣнію я долженъ добавить, что, судя по выставленнымъ имъ 15 или 16 картинамъ въ прошломъ 1871 году на Московской постоянной выставкѣ, талантъ знаменитаго художника ослабѣлъ. Въ числѣ этихъ картинъ былъ видъ Каира, при лунномъ освѣщеніи, зеленоватаго совершенно оттѣнка, каковаго нѣтъ въ природѣ. Въ другой же изъ этихъ картинъ, представляющей Египетскую песчаную пустыню, стоитъ отдѣльно ка-

морской его живописи, Лагоріо, выбивается однакоже иногда изъ этой однообразной колеи и небезталантливо представляетъ чисто-пейзажную сушь, т. е. лѣсистыя и гористыя мѣстности безъ морскаго прибрежья.

Уже въ началѣ 40-ыхъ годовъ Аничкинъ мостъ украшался четырьмя бронзовыми конями, вырывающимися изъ рукъ мускулёзныхъ конюховъ, работы, какъ извѣстно, барона Клодта; но въ то время не всѣ четыре группы были разныя, а были по одинаковой парѣ каждой группы, т. е. всего двѣ только модели. Пара повторенныхъ группъ была подарена Государемъ Николаемъ Павловичемъ Неаполитанскому королю (во время пребыванія царской фамиліи въ Неаполѣ и Сициліи, зимою съ 1845 на 1846 годъ) и понынѣ свидѣтельствуетъ въ странѣ, бывшей колыбелью художествъ, объ успѣхѣ ваянія въ Россіи; а въ замѣнъ этихъ повторенныхъ коней неистощимая изобрѣтательность барона Клодта поставила на Аничкиномъ мосту двѣ группы, изъ коихъ каждая новой совершенно модели, такъ что всѣ четыре группы теперь разнообразны. Видѣлъ я классическихъ двухъ мраморныхъ коней древнегреческаго ваянія въ Римѣ, на площади Квиринала (приписываемыхъ Фидіасу или Праксителю), также бронзовую конную статую Марка-Аврелія, въ Римѣ же, и четырехъ Византійскихъ бронзовыхъ коней надъ входомъ церкви св. Марка въ Венеціи: но всѣ они безжизненны въ сравненіи съ творчествомъ Русскаго художника, и соперничать съ нимъ конечно не можетъ и Фальконетъ, усадившій Петра І-го на мясистаго и головастаго коня *). Кстати о художникахъ.

Проживалъ тогда въ Петербургѣ, въ семействѣ княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, привезенный ею изъ Парижа молодой графъ Максъ Фредро, мать коего, графиня Прасковья Николаевна, была дочь разорившагося графа Николая Николаевича Головина; она и сестра ея графиня Елисавета Николаевна Потоцкая (жена графа Льва Севериновича) были изъ числа іезуитскихъ Петербургскихъ прозели-

---

кое-то невозможное дерево, ярко-медянковаго колера, каковымъ только пишутъ попугаевъ, и отзывающееся мазаньемъ какого-нибудь недоучившагося новичка; да и къ какой древесной породѣ принадлежитъ этотъ пустынный субъектъ, рѣшить невозможно.

*) Въ бытность мою въ Петербургѣ въ 1860 г., проходя однажды по 1-й линіи Васильевскаго острова, разсматривалъ я сквозь щели запертыхъ воротъ двора, примыкающаго къ Литейной барона Клодта, колоссальную, сидящую статую Державина (не менѣе 8 или 9 арш., какъ предполагаю, вышины, имъ только что отлитую для Казани. Подошелъ ко мнѣ какой-то мѣщанинъ или лавочникъ съ вопросомъ, кого представляетъ этотъ истуканъ? И когда я пояснилъ ему, что это былъ нѣкій великій стихотворецъ, синій кафтанъ съ бородкою, покачавъ головою, промолвилъ: „Вишь-ты, подумаешь, какіе диковинные богатыри рожались въ прежнія времена". (Онъ принималъ размѣръ статуи за настоящій ростъ).

токъ. Отецъ графа Макса Федро былъ Полякъ и видный изъ себя мужчина, но безъ состоянія; онъ былъ когда-то флигель-адъютантомъ по Польской арміи (возстановленной, какъ извѣстно, послѣ 1815 года) и взялъ значительное довольно приданое за женой, такъ какъ несостоятельность ея отца оказалась уже по его смерти. О супругахъ Фредро я упоминалъ, что они жили въ 1825 году во Львовѣ, гдѣ я ихъ видѣлъ во время обратнаго моего проѣзда, съ моимъ наставникомъ г. Слоаномъ, изъ Одессы во Флоренцію. Позднѣе они переселились въ Парижъ и прожили тамъ, повидимому, свое состояніе. Единственный ихъ сынъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, по смерти родителей перебивался въ Парижѣ (какъ мнѣ разсказывали) рисованьемъ для иллюстрированныхъ изданій, по каковой части онъ владѣлъ недюжиннымъ талантомъ. По желанію княгини М. П. Волконской я его познакомилъ съ нею, и какъ онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ (*tout-à-fait comme il faut*), то онъ очень понравился ей. Бывалъ онъ также у Зинаиды Сергѣевны. Съ поддержкою княгини В. С. Голицыной онъ пошелъ въ гору: сначала былъ причисленъ ко двору великой княгини Маріи Николаевны (открывшей у себя во дворцѣ рисовальный классъ для всѣхъ желающихъ), а позднѣе дали ему какую-то особенную должность въ Академіи Художествъ. Такимъ образомъ существованіе его было обезпечено, и нынѣ онъ имѣетъ какое-то придворное званіе.

Касательно опернаго сезона той зимы, вмѣсто знаменитой Полины Віардо-Гарція была примадонна Джулія Босси, артистка соединявшая сильный и пространный голосъ съ пріятнымъ тембромъ и съ правильною вокализаціею. Теноромъ былъ Гуаско, пѣвецъ съ могучимъ груднымъ органомъ, пользовавшійся извѣстностью въ Италіи, для котораго Донидзетти написалъ партицію одной изъ своихъ оперъ [1]). Баритономъ былъ Коллини, также изъ довольно извѣстныхъ въ Италіи, прекрасно исполнявшій утомительно-высокую (полутеноровую) партицію Карла V-го въ оперѣ Эрнани, композитора Верди; а басомъ-баритономъ оставался все тотъ же, спавшій съ голоса, Тамбурини; но онъ бралъ игрою [2]).

Возвращаюсь къ разсказу. Съ приближеніемъ весны, двоюродная моя сестра, княгиня А. А. Голицына дошла до такого изнеможенія, что не вставала съ дивана. Намъ всѣмъ ясно было, что болѣзнь съ

[1]) Въ этомъ же 1847 году газеты извѣстили, что Донидзетти одержимъ душевнымъ недугомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ умеръ сумасшедшимъ.

[2]) Обворожительная Эрминія Фреццолини, Маріо и Тамберликъ ангажированы были для Петербургской оперы въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда меня не было уже въ Петербургѣ.

каждымъ днемъ усиливается; но чахоточные не сознаютъ своего положенія, и когда медики порѣшили, что нужно было везти ее въ теплый климатъ, надо было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ она ждала минуты отъѣзда и какъ она торопила всѣ приготовленія: молодая натура хотѣла жить во что бы ни стало, и она какъ бы забыла о существованіи новорожденнаго своего первенца, остававшагося съ отцемъ, такъ какъ князь Николай Григорьевичъ не могъ, по служебнымъ и другимъ причинамъ, сопровождать жену за-границу. Удивительны, право, эти доктора: паціентъ на ладонъ дышетъ, а они посылаютъ его за тридевять земель, какъ бы для того только, чтобы онъ не умиралъ на ихъ рукахъ! Надежда Александровна взяла на себя попеченіе везти сестру въ Италію: попеченіе тѣмъ болѣе тяжкое и безотрадное, что она видѣла всю безполезность столь утомительнаго для больной путешествія. Въ Апрѣлѣ выѣхала она изъ Петербурга съ страдалицею, для которой устроена была постель въ четырехмѣстной каретѣ. Пробывъ съ мѣсяцъ въ Ишлѣ, она оттуда была перевезена въ Іюнѣ во Флоренцію, прямо къ моей матери, ужаснувшейся при видѣ молодой своей племянницы въ подобномъ состояніи. Такъ какъ мудрыми эскулапами мѣстопребываніемъ для больной была назначена Пиза, то Надежда Александровна, давъ ей вздохнуть дня два-три во Флоренціи, повезла ее въ сказанный городъ по недавно передъ тѣмъ устроенной желѣзной дорогѣ; но во время этого краткаго переѣзда (всего $2\frac{1}{2}$ часа) агонія больной началась въ вагонѣ, и добрый братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ, пріѣхавшій напередъ ихъ въ Пизу, чтобы заготовить имъ квартиру, встрѣтилъ уже въ вокзалѣ того города одинъ трупъ нашей двоюродной сестры. Княгиню Аделаиду Александровну предали землѣ въ Ливорнѣ, въ Греческой кладбищенской церкви, и отпѣваніе совершалъ тотъ самый почтенный отецъ Іоахимъ Валламонте, о которомъ не разъ упомянуто въ этихъ Запискахъ.

Похоронивъ сестру, Надежда Александровна возвратилась во Флоренцію и прожила въ домѣ моей матери до Ноября, а потомъ переѣхала съ неразлучною своею Анною Егоровною Гарботль мѣсяца на два въ Римъ, а въ Январѣ или въ Февралѣ обѣ онѣ, примкнувъ къ княгинѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской, поѣхали въ Неаполь и оттуда предприняли путешествіе на Востокъ, сначала моремъ въ Александрію, а потомъ въ Каиръ, и съ карованомъ черезъ песчаныя пустыни къ Святымъ мѣстамъ. Лѣтомъ 1848 года Надежда Александровна возвратилась въ Россію черезъ Константинополь и Одессу, а осенью посѣтила насъ въ Знаменскомъ. Но такъ какъ дальнѣйшія подробности о ея странствованіяхъ по морю и по сушѣ не входятъ въ мою про-

грамму, то возвращаюсь къ моимъ похожденіямъ, передавъ предварительно слѣдующее, весьма замѣчательное обстоятельство. Надежда Александровна вычитала въ концѣ 1846 или въ началѣ 1847 года въ «*Revue des deux mondes*», что существовало предсказаніе извѣстнаго астролога XVI-го вѣка Нострадамуса, что около конца перваго пятидесятилѣтія XIX вѣка (кажется, это было такъ) произойдетъ во Франціи переворотъ и что «Галльскій пѣтухъ» (*le coq galois*, гербъ, какъ извѣстно, короля Людвика Филиппа Орлеанскаго) будетъ низверженъ, что̀ дѣйствительно и случилось черезъ годъ съ небольшимъ послѣ помѣщенія этого предсказанія въ упомянутомъ журналѣ. Но остальная часть того же пророчества была весьма темная и непримѣнимая къ событіямъ дня.

Такъ какъ всему хорошему въ мірѣ бываетъ конецъ, то участь эта постигла и мой зимній сезонъ въ сѣверной Пальмирѣ. Наступили теплые дни, почка у вѣковыхъ липъ въ Лѣтнемъ саду начала надуваться, и Зинаида Сергѣевна стала поговаривать объ отъѣздѣ въ Москву. Тутъ только я, какъ будто бы, вспомнилъ, что у меня въ Знаменскомъ живутъ беременная жена и десятилѣтняя уже дочь; а провелъ я всю зиму въ разлукѣ съ ними безъ всякой опредѣленной цѣли и по одному лишь эгоистическому чувству, что въ Питерѣ хорошо мнѣ жилось. Говорю, что я жилъ тамъ безъ видимой причины, потому что высочайшій отказъ о причисленіи просроченныхъ процентовъ къ капитальной суммѣ залога Костромскаго моего имѣнія (дѣло, по которому я пріѣхалъ съ осени въ Петербургъ) послѣдовалъ еще въ Ноябрѣ или въ началѣ Декабря, а фіаско моей попытки поступить въ картинные реставраторы Эрмитажа постигло меня около того же времени (если не ранѣе), такъ что я уже помирился съ обѣими неудачами, слѣдовательно не дѣла̀ задерживали меня. Правда, что я однажды являлся къ графу Л. А. Перовскому и просилъ его о какомъ нибудь мѣстѣ въ его министерствѣ, основываясь на прежнемъ его сослуженіи и дружбѣ съ братомъ моимъ, графомъ Петромъ Дмитріевичемъ, но получилъ отъ него уклончивый отвѣтъ, формулированый тѣмъ, что онъ не знаетъ, какое можетъ дать мнѣ мѣсто; а я болѣе не настаивалъ, между тѣмъ какъ, при поддержкѣ въ высшемъ округѣ, на которую я могъ разсчитывать, примись я, какъ слѣдовало, за дѣло, нѣтъ почти сомнѣнія, что я успѣлъ бы достигнуть своей цѣли. А, нельзя, такъ нельзя! подумалъ я и, убаюкиваясь этою успокоительною мыслію, проводилъ все утро за акварельными пейзажами, а вечера за преферансомъ до́ма или гдѣ нибудь въ гостяхъ. Да и безъ картъ и безъ гостей весело текло время въ средѣ молоденькихъ дѣвицъ, коими окружила себя общежительная

моя кузина Дивова. Кромѣ ея воспитанницы Зинаиды Николаевны, коей было 18 или 19 лѣтъ [1]), группа эта состояла изъ граціозной, темноокой хозяйской 15-ти лѣтней дочери, Маріи Сергѣевны Сумароковой, нѣкоей m-lle Августины Симонъ, съ Еврейскимъ типомъ (поступившей къ Зинаидѣ Сергѣевнѣ въ качествѣ пѣвицы и фортепіанщицы), и изъ двухъ свѣжевыпущенныхъ институтокъ, Александры Петровны Есауловой (племянницы Маріи Павловны Сумароковой) и Варвары Васильевны Лениной, сестра коей Екатерина Васильевна, умнѣйшая, но не красивая личность, также взята была въ домъ въ это время моею кузиною, и долго впослѣдствіи жила при ней въ качествѣ компаніонки и чтицы [2]). Обѣ институтки были стройныя, миловидныя и наивныя дѣвицы. Сближеніе мое съ ними открыло незнакомую мнѣ дотолѣ сторону институтскаго воспитанія, располагающаго къ восторженности. Одна изъ нихъ разсказывала мнѣ, между прочимъ, какъ она и нѣкоторыя изъ ея подругъ влюбились въ священника, ихъ законоучителя, и какъ онѣ говаривали ему, что онъ настоящій Іисусъ Христосъ. Слышалъ я также отъ нея впервыя объ обожаніи какой-нибудь изъ классныхъ дамъ, и какъ воспитанницы ревновали другъ дружкѣ этихъ «божественныхъ», какъ онѣ ихъ называли, и какъ эти канальи божественныя кокетничали съ ихъ обожательницами и эксплуатировали ихъ выманиваніемъ разныхъ подарковъ. О таковой восторженности и о такихъ продѣлкахъ не слыхалъ я никогда отъ дѣвушекъ домашняго воспитанія.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, ходилъ я прощаться съ почтеннымъ старцемъ Петромъ Ивановичемъ Жилемъ [3]), этимъ живымъ памятникомъ семейной нашей жизни до роковой эмиграціи изъ Россіи. Восьмидесятилѣтній Жиль былъ еще бодръ духомъ и памятью и слѣдилъ за Французскою современною литературою, но былъ изнуренъ постояннымъ почти старческимъ поносомъ, вслѣдствіе чего не сходилъ съ креселъ почти что весь день. Стоически ожидая недалекой своей кончины, онъ сказалъ мнѣ: «cela a trop bien été jusqu' à présent pour que ça puisse durer». (Здоровье мое было слишкомъ удовлетворительно по сю пору, чтобы могло долго продлиться). Однакоже онъ прожилъ еще безъ малаго два года и умеръ въ первыхъ мѣсяцахъ 1849 года.

[1]) Воспитательница Зинаиды Николаевны, хорошенькая Елисавета Павловна Гоффаръ, уже отошла тогда отъ нея и позднѣе вышла за Француза-дагеротиниста (а потомъ фотографа) Пешеса.

[2]) Признаю за Екатериной Васильевной Лениной ту немаловажную, по моему, заслугу, что она сумѣла привить кузинѣ моей вкусъ къ Русской беллетристикѣ, тогда какъ до того Зинаида Сергѣевна интересовалась одною только Французскою литературою.

[3]) Напоминаю, что онъ былъ воспитателемъ брата моего, 13 годами старше меня.

Не имѣя своихъ дорожныхъ экипажей, Зинаида Сергѣевна взяла для себя и своей свиты отдѣльный дилижансъ, при кондукторѣ *) и потому могла останавливаться и ночевать гдѣ хотѣла, какъ того требовалось для двухлѣтняго ея сына, Сергѣя Николаевича. Кромѣ дилижанса, былъ еще фургонъ, на козлахъ котораго я помѣстился, рядомъ съ однимъ изъ прислуги. Человѣка при мнѣ не было: камердинеръ мой Василій Ваваевъ спился въ Петербургѣ, и я его бросилъ тамъ, давъ ему передъ тѣмъ даровую отпускную, хотя онъ ея не заслуживалъ. Такъ какъ фургонъ предшествовалъ нашимъ дилижанснымъ путешественницамъ на цѣлую станцію, чтобы заготовлять обѣдъ и ночлегъ, то меня однажды приняли за курьера генеральши, и когда вся компанія собралась садиться обѣдать, то хозяйка станціонной гостинницы, подозвавъ меня въ сторону, указала мнѣ на сервированный для меня кувертъ въ сосѣдней комнатѣ. (Это была повидимому обычная любезность содержателей почтовыхъ гостинницъ, состоявшая въ томъ, что курьеры пользовались безплатнымъ у нихъ столомъ). Выходка эта возбудила сильное негодованіе въ добрѣйшей моей кузинѣ, но для меня это было очень забавно. Однажды (кажется въ Твери), когда всѣ пили чай, завязался оживленный разговоръ между мною и моими пріятельницами-барышнями (всѣ онѣ, за исключеніемъ молодой Сумароковой, ѣхали съ Зинаидою Сергѣевною). Въ пылу разсужденій и жестикуляцій, я не обращалъ сначала особеннаго вниманія на то, что чувствовалъ какую-то влажную теплоту на моихъ колѣняхъ, думая, что облилъ себя чаемъ, однакоже обтерся носовымъ платкомъ; но влага возобновляется, а я все сильнѣе и сильнѣе работаю платкомъ, какъ вдругъ фыркнутъ мои насмѣшницы: ха-ха-ха, хи-хи-хи, такъ и падаютъ онѣ отъ хохоту на стульяхъ, а я все не понимаю, чему онѣ хохочутъ, пока самъ не увидалъ и особенно не почувствовалъ, что невыразимые мои промокли не хуже, чѣмъ если бы я нырнулъ одѣтый въ прудъ. Это случилось оттого, что я выливалъ горячій чай на блюдечко, а въ немъ была исконная (т. е. съ фабрики) скважина, изъ которой билъ непрерывный фонтанъ и орошалъ мои панталоны, къ величайшей потѣхѣ нашихъ проказницъ.

Къ крайнему моему удивленію, я засталъ въ Москвѣ Радзиковскаго уже женатымъ на дочери Русской акушерки. За женой онъ взялъ, кажется, 5000 рублей; но этимъ онъ лишь на столько поправилъ

*) Кондукторомъ былъ вольноотпущенный, бывшій камердинеръ Николая Андріяновича, Сергѣй, тогда служившій кондукторомъ въ 6-мъ (кажется) заведеніи дилижансовъ. Дочь его, Зина, горничная и крестница Зинаиды Сергѣевны, подходитъ къ категоріи тѣхъ нынѣ рѣдкихъ слугъ, привязанность коихъ не пріобрѣтается деньгами.

свои дѣла, что расплатился кое-какъ съ долгами, а въ жизненной обстановкѣ и въ коммерческихъ оборотахъ остался чѣмъ былъ прежде.

Въ Знаменскомъ я засталъ своихъ поселившимися въ недавно оконченномъ домѣ [1]), за исключеніемъ тещи моей, захотѣвшей жить въ двухъ, кое-какъ отдѣланныхъ для нея комнатахъ въ старомъ большомъ людскомъ флигелѣ. Причиною того могло быть желаніе, чтобы я жилъ вмѣстѣ съ моимъ семействомъ въ новомъ домѣ, такъ удобно расположенномъ, что намъ обоимъ негдѣ было помѣщаться. Въ боковомъ маломъ флигелѣ, новой также стройки (нынѣ обращенномъ въ рабочую избу), помѣстился недавно прибывшій изъ Одессы шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ съ своимъ семействомъ, за исключеніемъ дочери Лизы, оставленной (не знаю почему) въ Одессѣ у какой-то Француженки [2]). Старшему изъ троихъ сыновей моего шурина, Сережѣ, было тогда 11 лѣтъ; второму, Сашѣ, было 8 или 9 лѣтъ, а меньшему, Ванѣ (Jeannot), около 6 лѣтъ. Это былъ прелестный ребенокъ, точь-въ-точь типъ Французской гравюры изящной дѣтской головки. Наиспособнѣйшимъ изъ всѣхъ троихъ обѣщалъ быть Саша, но въ своемъ дѣтствѣ онъ былъ хилаго здоровья; впослѣдствіи онъ поправился. При нихъ былъ дядькою Итальянецъ, родившійся въ Одессѣ и хорошо говорившій по-русски, Андрей Францовичъ Синьорини [3]), одна изъ тѣхъ чистыхъ натуръ, правдивость коихъ доходитъ до дѣтской наивности, а безразборчивая довѣрчивость ко всему слышанному казалась бы невѣроятною, еслибъ не объяснялась тѣмъ, что подобныя натуры судятъ о другихъ по себѣ. Такіе рѣдкіе типы заслуживаютъ глубокаго уваженія, а между тѣмъ они подвергаются иногда осмѣянію со стороны свѣта. Марія Сергѣевна цѣлый день не отходила отъ своихъ дѣтей; она была первоначальною ихъ учительницей по всѣмъ почти предметамъ, и по окончаніи уроковъ копалась съ ними въ маленькомъ ихъ цвѣтникѣ, устроенномъ ими и ею подъ окнами ихъ флигеля, куда они пересаживали разные кустарники и полевые цвѣты, и только по вечерамъ она приходила съ дѣтьми къ намъ въ домъ часа на два. Нарышкины держали свой особенный столъ и хозяйство и приходили обѣдать къ намъ только въ дни именинъ или рожденія кого-нибудь изъ насъ.

---

[1]) Большинство матеріала стараго дома послужило для новаго. Старый былъ построенъ въ половинѣ прошлаго вѣка дѣдомъ моей жены, Васильемъ Сергѣевичемъ Нарышкинымъ, и въ немъ были связи (нижнія) и брусья сосновые и дубовые, толщиною въ $^3/_4$ арш. и до того твердые, что отъ нихъ отскакивалъ топоръ. Преданіе говорило, что лѣса эти были изъ Смоленскаго имѣнія Нарышкиныхъ.

[2]) Алексѣй Ивановичъ Нарышкина провелъ три или четыре года въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, по откупнымъ дѣламъ его свояка, одного изъ братьевъ Абазъ, женатаго на Варварѣ Сергѣевнѣ Цуриковой.

[3]) Нынѣ онъ хозяинъ одного изъ лучшихъ красильныхъ заведеній въ Москвѣ.

11-го Іюня 1847 года, въ 7 часовъ пополудни, родился сынъ мой Митя. Вышелъ онъ на свѣтъ въ то самое время, какъ «Борей былъ разъяренъ»; но богъ вѣтровъ не являлся на сей разъ «съ бѣлыми власами», какимъ былъ при рожденіи Александра Павловича, такъ какъ день былъ лѣтній; но была ужаснѣйшая въ нашихъ и даже въ отдаленныхъ мѣстностяхъ буря, переломавшая множество строеваго лѣса въ борахъ. Когда въ этотъ день, послѣ обѣда, начались у жены моей настоящія муки, бывшій у насъ въ гостяхъ почтенный нынѣшній Тарускій протопопъ (еще не имѣвшій тогда этого сана) Михайло Ивановъ Февралевъ (законоучитель нашей дочери и другъ нашего дома) сказалъ мнѣ: «Пойдемте-ка мы съ вами, графъ, помолиться; оно будетъ дѣльнѣе, нежели оставаться намъ здѣсь». Сельская наша церковь Знаменія Пресвятой Богородицы стоитъ на бугрѣ, за садомъ, на склонѣ къ первому пруду. Когда мы взошли въ нее, она была освѣщена послѣднимъ лучемъ солнца, вырывавшимся изъ-за черной тучи, предвѣстницы грозы. Помолившись предъ иконою «Заступницы усердной, Матери Бога Вышняго» за благополучные роды моей жены, отецъ Михаилъ взошелъ въ алтарь, растворилъ настежъ царскія врата и оставилъ ихъ такъ и по нашемъ выходѣ; и едва мы возвратились домой, какъ жена разрѣшилась сыномъ. «Какъ назвать его?» спросила она меня. «Конечно, Дмитріемъ, отвѣчалъ я, въ память моего отца». Тутъ вмѣшалась Марья Сергѣевна. «Да вонъ что, Michel, сказала она, вѣдь былъ уже у васъ прежде Дмитрій и не остался живымъ». (Дѣйствительно, года два передъ тѣмъ, жена родила сына, названнаго именемъ моего отца, но умершаго тотчасъ послѣ крестинъ своихъ). «Такъ не лучше ли назвать его другимъ именемъ, наприм., Сергѣемъ?» Воспоминаніе это привело, повидимому, мою жену въ раздумье; но я поспѣшилъ отвѣчать: «Нѣтъ, мой другъ, позволь уже назвать его Дмитріемъ». Она согласилась и, благодаря Бога, сыну нашему уже минуло теперь 25 лѣтъ. Отцемъ крестнымъ былъ шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ, а заочною матерью крестной записана была Зинаида Сергѣевна.

Довольно странно, что цифра 7 играетъ какую-то особенную роль въ семейныхъ нашихъ событіяхъ. Мать моя родилась въ 1777 году и умерла 77 лѣтъ; я родился въ 1807 году, поступилъ на службу въ 1827 году и женился, когда было мнѣ 27 лѣтъ; дочь наша родилась въ 1837 году и умерла 17 лѣтъ, а сынъ нашъ родился въ 1847 году.

Когда жена моя начала оправляться отъ родовъ, я съѣздилъ не на долго въ Порзни. (Напоминаю, что хотя мое имѣніе было уже два года подъ опекою и по нѣскольку разъ продавалось въ Костромскомъ Губернскомъ Правленіи, но я все-таки получалъ изъ оброчной суммы

аккуратно 12.000 рубл. асс. въ годъ, благодаря дружескому участію незабвеннаго А. А. Миронова, продолжавшаго быть Юрьевецповольскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и склонившаго моихъ крестьянъ къ особенному, помнится мнѣ, окладному сбору въ мою пользу).

Бываютъ минуты въ жизни, не ознаменованныя, повидимому, ничѣмъ особенно важнымъ, но остающіяся, тѣмъ не менѣе, неизгладимыми въ нашей памяти до гробовой доски; потому что мимолетные эти эпизоды относятся всецѣло къ сердечнымъ ощущеніямъ семейнаго быта. Однимъ изъ таковыхъ эпизодовъ былъ день моего выѣзда изъ Знаменскаго. Простившись со всѣми, я сѣлъ въ тарантасъ и, поднявшись на гору, около нашей сельской церкви, выѣхалъ уже на Кузмищевскую дорогу (она же и большая Серпуховская), какъ вдругъ я увидѣлъ бѣжавшую изо всей мочи, изъ калитки сада по оранжерейной плотинѣ, мою ненаглядную Анетину (ей минуло тогда 10 лѣтъ) безъ шляпки и махающую мнѣ обѣими ручками. Я остановился, и она запыхаясь вскочила въ тарантасъ и бросилась мнѣ на шею. «Не утерпѣла», сказала она, «захотѣлось еще разъ тебя поцѣловать».—«Полноте, барышня, пора намъ ѣхать», замѣтилъ, не знаю съ какой стати, мой недавно нанятый личарда (крѣпостной человѣкъ и бывшій передъ тѣмъ лакей Варвары Ивановны Ланской, въ память коей я его взялъ къ себѣ въ услуженіе, но вскорѣ послѣ сего я его расчелъ за нетрезвость). Какъ это, подумалъ я, онъ не раздѣляетъ моего восторженнаго настроенія, вызваннаго этою сценой! И я имѣлъ глупость досадовать на него втайнѣ. А неодобрительный его отзывъ произошелъ, быть можетъ, отъ неулетучившихся еще изъ его мозга утреннихъ винныхъ паровъ, черезъ призму коихъ выходка моей Анетины показалась ему несогласною съ приличіями салоннаго обхожденія, подмѣченнаго имъ изъ-за дверей лакейской великосвѣтской передней. Но въ этой мгновенной сценѣ небезважно было и то, что пылкая любовь къ отцу взяла верхъ надъ всегдашнимъ повиновеніемъ волѣ матери и гувернантки, касательно того, чтобы не выбѣгать, хоть бы только къ цвѣтникамъ около дома, безъ ихъ дозволенія. Если эти подробности покажутся кому нибудь скучными, пусть пропуститъ ихъ и перейдетъ къ послѣдующей нити разсказа; но я дорожу ими, при всемъ томъ, что воспоминаніе о нихъ потрясаетъ меня по сю пору, и передавать все это на бумагѣ для меня наслажденіе, отъ котораго ни за что не откажусь. Кстати скажу слова два о неотлучной Анетининой компаніонкѣ, собачкѣ «Мабель». Незадолго передъ тѣмъ, какой-то прохожій крестьянинъ завернулъ на Знаменскій господскій дворъ и, увидѣвъ нашу Анночку, предложилъ ей купить собачку, которую онъ несъ

подъ мышкой. Собачка была изъ породы триксъ (basset), приземистая по длинному своему росту и криволапая, бѣлая съ свѣтложелтыми пятнами. Не было такихъ животныхъ, какихъ бы наша сердобольная дѣвочка не любила (une véritable petite mère aux bêtes), а о собакахъ нечего и говорить. Крестьянинъ охотно продалъ свою ношу за 25 коп. сер., и черезъ два-три дня, самыя уже интимныя отношенія установились между Мабелькою и ея новою хозяйкой, какъ, къ немалой скорби послѣдней, собачка исчезла, но не надолго: она опять вернулась, неся этотъ разъ въ зубахъ своего щенка, съ которымъ она пробѣжала около 7 верстъ отъ мѣста прежняго своего жилища села Истомина, до Знаменскаго. Это одно изъ доказательствъ, что процессъ мышленія свойственъ иногда собакамъ. Инстинктъ у этой сабаченки былъ неимовѣрно развитъ. Такъ напримѣръ, когда она бывало заспится, и Анночка уйдетъ гулять далеко въ лѣсъ, то стоило только разбудить Мабельку и сказать ей «Анетина гуляетъ», и собаченка стремглавъ выпрыгивала бывало изъ окна (если дверь заперта) и, обнюхавъ слѣды вокругъ дома, непремѣнно отыскивала свою хозяйку. А то, бывало, Анетина укажетъ рукою или концемъ палки на какое нибудь мѣсто въ саду и скажетъ: «Мабель, рой», и послушное животное примется рыть безъ устали, пока госпожа ея не скажетъ «довольно», и собачка прекращала свою землекопную работу.

Нѣкій Англичанинъ, докторъ Мичельсъ, служившій у насъ военнымъ медикомъ въ началѣ 30-ыхъ годовъ, разсказывалъ мнѣ слѣдующій удивительный случай собачьяго размышленія. Однажды, гуляя по Лондонскимъ улицамъ, г. Мичельсъ наткнулся на измученную собаченку съ переломленною ногою. Сжалившись надъ нею, онъ принесъ ее на рукахъ домой, выправилъ разбитую кость и сдѣлалъ надлежащую перевязку. Нога срослась, и медикъ, привязавшійся къ своей четвероногой паціенткѣ, которая водворилась у своего благодѣтеля, опечалился, когда, въ одинъ прекрасный день, собака пропала. Однакоже, по прошествіи нѣсколькихъ дней, докторъ Мичельсъ слышитъ, что кто-то скребется у входной запертой его двери; онъ отпираетъ ее, и каково его изумленіе, при видѣ прежней своей собаки, приведшей къ нему другую, съ переломленною ногою! Изъ этого почти что можно было допустить, что собаки сообщаютъ другъ другу свои мысли и соображенія.

Въ Москвѣ неизмѣнно преданный мнѣ Радзиковскій вызвался сопровождать меня въ моей отчасти артистической экскурсіи, называемой мною такъ, потому что вышепомянутый Ѳ. Г. Солнцевъ указывалъ мнѣ на одну древнѣйшую церковь, постройки XII вѣка, стояв-

шую отдѣльно въ полѣ неподалеку отъ Боголюбскаго монастыря (въ окрестностяхъ Владимира), и просилъ меня, буде возможно, срисовать для него эту зодческую рѣдкость, что̀ я въ настоящую поѣздку охотно и исполнилъ.

Церковь эта современна, какъ мнѣ показалось, Владимирскому Дмитріевскому собору, то есть относится къ XII-му вѣку; она вся изъ бѣлыхъ булыжныхъ или известковыхъ плитъ, называемыхъ (не знаю почему) Болгарскимъ камнемъ, съ высѣченными на наружныхъ стѣнахъ барельефными, аллегорическими фигурами, заимствованными изъ Апокалипсиса. Церковь одноглавая и стилемъ своимъ схожа (какъ и матеріаломъ) съ Владимирскимъ Дмитріевскимъ соборомъ; но она четвереугольная, тогда какъ Дмитріевскій соборъ круглый или осмиугольный [1]). Никакого жилаго строенія около нея нѣтъ: она отстоитъ въ двухъ (помнится мнѣ) верстахъ отъ ближайшаго селенія, и въ ней бываетъ служба разъ только въ годъ, по случаю храмоваго ея праздника Покрова Пресв. Богородицы. Благодаря этой запущенности и одинокости, она избѣгла искаженій позднѣйшихъ иноваторовъ, чего не избѣгъ Дмитріевскій соборъ, плитныя стѣны коего замаскированы слоями клеевой краски, въ мое время лиловато-лазуревой. Къ сожалѣнію, я не могъ войти внутрь этой церкви, такъ какъ стражи при ней не имѣлось.

Тутъ же я завернулъ въ сосѣдній, извѣстный въ исторіи Боголюбскій монастырь, гдѣ дотолѣ я никогда не бывалъ и гдѣ показываютъ мѣсто, на которомъ палъ истекавшій кровью Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, выбѣжавшій изъ сосѣдняго терема, уже пораженный руками убійцъ. Мѣсто это, въ родѣ портика съ 4-мя (кажется) пилястрами, носящее дѣйствительно отпечатокъ глубокой старины и составлявшее повидимому нижній ярусъ колокольни [2]). Увлекшись при этомъ слухѣ археологическими наблюденіями, я кстати остановился въ Суздалѣ (такъ какъ этотъ городъ, а равно и Шуя, и Лухъ, были на пути въ Порзни), и тамъ срисовалъ древнія архіепископскія палаты, нынѣ полуразрушенныя, въ одной части коихъ помѣщалось въ описываемое мною время духовное училище. Если не ошибаюсь, никто до меня не срисовывалъ этого громаднаго древняго зданія. Договорю

[1]) Дмитріевскій соборъ напоминаетъ отчасти баптистеріумъ въ Пизѣ. Я уже замѣтилъ въ прежнемъ мѣстѣ, что древнѣйшія Итальянскія церкви, какъ Венеціанская Св. Марка и Пизанскій каѳедральный соборъ (il Duomo), были построены Греческими зодчими и потому стилемъ подходятъ къ нашимъ древнимъ церквамъ.

[2]) Много позднѣе я гдѣ-то читалъ, что брызги крови будто-бы виднѣются и по нынѣ на одной изъ этихъ пилястръ.

кстати, что вниманіе мое было особенно обращено на кафельную, разноцвѣтную, старинную печь, огромнаго размѣра, въ одной изъ запустѣлыхъ комнатъ этихъ палатъ, съ разными вычурными орнаментами. Лѣтъ десять позднѣе я узналъ отъ графа Д. Н. Толстаго, что графъ Уваровъ, какъ любитель Русской старины, пріобрѣлъ эту диковину во время своего нахожденія въ 1852 году въ Суздалѣ въ составѣ ученой коммиссіи для открытія гробницы князя Пожарскаго въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ и перевезъ ее въ свое имѣніе Можайскаго уѣзда.

Во время полуторамѣсячнаго моего пребыванія въ Порзняхъ, Радзиковскій возвратился въ Москву, а я предпринялъ вторую археологическую экскурсію, подъ путеводительствомъ добраго моего Порзнинскаго протопопа о. Іоанна, въ Балахнинскій уѣздъ, смежный съ нашимъ Юрьевецповольскимъ, въ село Пуриху (правильнѣе Пуреху), бывшее вотчиною доблестнаго освободителя Москвы и всей Русской земли въ 1612 году, князя Пожарскаго. Въ тамошней приходской нынѣ церкви (бывшей въ старину Спасопреображенскимъ монастыремъ) я дѣйствительно нашелъ разныя церковныя достопримѣчательности, изъ коихъ особенно важными были два вклада стольника князя Петра Дмитріевича Пожарскаго: напрестольное Евангеліе, съ верхнею серебровызолоченною доскою, замѣчательной по времени работы, по листамъ коего написано рукою вкладчика обычное тогда заклинаніе, грозившее Божіимъ судомъ тому, кто посмѣетъ взять эту святыню изъ церкви, и серебровызолоченный 8-конечный крестъ съ мощами. Запершись одинъ на цѣлые почти два дня въ церкви, я срисовалъ эти вещи и отослалъ мои рисунки Ѳ. Г. Солнцеву. Въ этой-же церкви виситъ точная копія съ хоругви ополченія 1612 года, подлинникъ коей былъ подаренъ (какъ мнѣ тамъ разсказывали) государю Николаю Павловичу тогдашнею помѣщицею этого имѣнія, графинею (незамужнею) Дмитріевою-Мамоновою *).

До описываемой поры моей жизни (мнѣ тогда стукнуло 40 лѣтъ), я былъ попеременно фанатикъ - дилетантъ, пѣвецъ, стремившійся подвизаться на оперныхъ подмосткахъ, и вмѣстѣ съ этимъ реставраторъ выцвѣтшихъ и облупившихся картинъ; за тѣмъ я сдѣлался усидчивымъ акварельнымъ пейзажистомъ, а съ 1847 года начинается періодъ страстнаго садоводства; далѣе являюсь подъ видомъ усерднаго служаки по слѣдственной части и ревниваго обличителя помѣщичьяго, а иногда и чиновничьяго произвола, и напослѣдокъ, какъ финалъ безсвязной

*) Имѣніе это нынѣ досталось по наслѣдству г. Фонъ-Визину.

вообще моей пестрой дѣятельности, выкажу себя въ видѣ запоздалаго литератора, спѣшащаго схватывать налету тамъ и сямъ кое-какія верхушки разнообразныхъ научныхъ предметовъ. А изо всего этого выходитъ общій итогъ, что характеристику мою можно довольно вѣрно опредѣлить Англійскою поговоркою «Jack of all trades, and master of none» [1]).

Отецъ мой былъ извѣстный довольно садоводъ еще въ Россіи и, позднѣе, во Флоренціи; а по его смерти мать моя, практическая любительница, если не научная садоводка, безъ урона поддерживала до своей кончины славу нашего Флорентинскаго сада. Итакъ, наклонность къ этой части перешла ко мнѣ, повидимому, въ силу Французской пословицы «chien de chasse—chasse de race»; но дотолѣ я занимался садоводствомъ лишь отрывками, немного, въ 1826 году при моемъ отцѣ во Флоренціи, потомъ во время мимолетныхъ моихъ посѣщеній Бѣлкина, а позднѣе у себя въ Порзняхъ, хотя и безъ особаго увлеченія. Теперь же въ Знаменскомъ, которое сдѣлалось, по ухудшавшимся все болѣе и болѣе моимъ обстоятельствамъ, постояннымъ моимъ мѣстопребываніемъ въ теченіе пяти лѣтъ (1847—1852), наклонность эта обнаружилась, и я предался ей съ обычнымъ моимъ ко всякой новой фантазіи запоемъ, тѣмъ болѣе, что матеріалы были тутъ готовы и созидать почти что было нечего. Кромѣ воздушнаго фруктоваго сада, возобновленнаго послѣ прежняго, погибшаго почти что до чиста отъ лютыхъ морозовъ съ 1835 на 1836 годъ, я только поддерживалъ остальное, а вновь завелъ несуществовавшую почти цвѣточную часть и развелъ орнаментальныя плантаціи на голомъ совершенно дворѣ, передъ вновь выстроеннымъ домомъ. Фруктовый садъ я началъ сажать еще съ осени 1846 года, на пространствѣ около двухъ десятинъ, и въ 1852 году, когда я переселился одинъ въ Рязанскую губернію, у меня было уже съ тысячу (какъ полагаю), хорошо выхоленныхъ, прямоштамбовыхъ (посредствомъ мало принятой у насъ вообще правильной стрижки «*la taille*») яблочныхъ и грушевыхъ корней [2]). Засталъ я тамъ также оранжерею въ трехъ отдѣленіяхъ: абрикосовую, персиковую (обѣ въ шпалерахъ) и цвѣточную; но послѣдняя была почти что пустая, а

[1]) Попытчикъ всякаго рода ремесла и не изучившій никакого.

[2]) И этотъ многолѣтній мой трудъ почти что весь погибъ отъ необыкновенно суровой зимы съ 1866 на 1867 годъ, послѣ чего я бросилъ заниматься новыми посадками и пришелъ къ заключенію, что въ здѣшней полосѣ Россіи наши фруктовые сады обыкновенно вымерзаютъ въ каждыя 30 лѣтъ. Въ этой садоводской катастрофѣ неразъяснимо для меня то, что четыре бывшіе у меня экземпляра южныхъ породъ (нѣчто въ родѣ Крымскихъ ранетокъ), весьма туго росшихъ и казавшихся неакклиматизированными, выдержали безвредно эту зиму.

предъ оранжереей выставлялись на лѣто три ряда персиковыхъ деревьевъ, въ кадкахъ, отлично выдержанныхъ, и 30 или 40 Шпанскихъ вишневыхъ деревьевъ, также въ кадкахъ, которыя всѣ переносились на зиму въ оранжерейный задній пристѣнокъ. Оранжерейныя (шпалерныя) персиковыя и абрикосовыя деревья были еще современны дѣду моей жены, Василію Сергѣевичу Нарышкину, и слѣдовательно въ 1847 году имъ не могло быть менѣе 50 лѣтъ; но до окончанія ихъ существованія (одновременно съ разрушившеюся оранжереей), въ началѣ 60-хъ годовъ, деревья эти не переставали приносить плоды. И не надо воображать, чтобы роскошнымъ состояніемъ ихъ, какъ и тѣхъ, чтò выставлялись на лѣто на площадку, они были обязаны искусству какого-нибудь ученаго изъ Нѣмцевъ-мусьé; вовсе нѣтъ. Какъ во времена тестя моего, умершаго въ 1818 году, такъ и при управленіи дѣтскимъ имѣніемъ его вдовою, на сколько извѣстно мнѣ, единственнымъ садовникомъ былъ дворовый ихъ человѣкъ и старикъ уже въ мое время, Илья Николаевъ *). Быть-можетъ, онъ въ своей молодости и былъ отданъ въ ученье къ кому-нибудь въ Москвѣ, но практическое его по этой отрасли мастерство было удивительно, впрочемъ, исключительно по фруктово-оранжерейной части только, а по цвѣто-оранжерейной и воздушной онъ былъ несвѣдущъ. Всю оранжерею я засталъ въ плачевномъ уже состояніи, т.-е. относительно самаго строенія; впослѣдствіи я ее кое-какъ передѣлывалъ, подпиралъ и мѣстами поправлялъ; но такъ какъ выстроить всю ее заново не хватало никогда у меня средствъ, то она въ одинъ прекрасный день, въ 60-хъ годахъ, рухнула, и всѣ мои растенія померзли. Лишеніе этого постояннаго удовольствія было однимъ изъ самыхъ чувствительныхъ, постигнувшихъ меня. Предавшись исключительно цвѣточной части, я нанималъ первоначально Московскихъ и изъ другихъ мѣстъ садовниковъ; но въ концѣ-концовъ всѣ они въ подметки не годились моему дворовому самоучкѣ Семену Максимовичу, недáвно передъ тѣмъ, т.-е. въ 1847 году, бывшему конюхомъ и доѣзжачимъ при борзыхъ собакахъ Осипа Августиновича Тридона, коего читатель, чай, помнитъ.

О, сколькими, могу сказать счастливыми, часами въ деревенскомъ уединеніи семейной моей жизни, я обязанъ этой незатѣйливой, но изящной по культурѣ и ассортиментамъ цвѣтущихъ растеній моей оранжерейкѣ, въ теченіе 14 лѣтъ! Сколько было наслажденій, когда, послѣ томительнаго по нѣскольку дней ожиданія, даже нетерпѣливаго, начинала, наконецъ, надуваться бутонная оболочка въ первый разъ рас-

*) Братъ того Павла Николаевича, дядьки малолѣтнихъ Нарышкиныхъ, который сѣкъ прутикомъ своихъ ученыхъ скворцовъ, когда они завирались.

цвѣтавшей разновидности, кальцеоларій, цинерарій, пеларгоніумовъ или глоксоній! И не выдержишь, бывало, чтобы не предупредить процесса природы и, не взирая на просьбы моего Максимыча воздержаться, сорвешь, бывало, оболочку бутона, чтобы преждевременно опредѣлить, чѣмъ именно отличается эта разновидность отъ прежнихъ, уже извѣстныхъ.

Не безъ интереса, какъ предполагаю, прочтутъ будущіе владѣльцы Знаменской усадьбы нѣкоторыя подробности о старинной части тамошняго сада; незаинтересованные въ этомъ отношеніи пусть перейдутъ къ дальнѣйшей нити разсказа.

Исполинскія липы старой части этого сада свидѣтельствуютъ, что первоначальная посадка его относится къ періоду, предшествовавшему владѣнію этимъ имѣніемъ В. С. Нарышкина, дѣда моей жены [1]). По толщинѣ и росту многихъ изъ этихъ деревьевъ можно было бы считать ихъ почти что двухвѣковыми; но такъ какъ они образуютъ регулярный садъ, съ перекрещивающимися аллеями (*en quinconce*), то, что̀ называлось въ старину «jardin à la française», то надо думать, что распланировка этой части сада относится къ Петровскому еще времени, когда подражаніе во всемъ иностранному взошло въ моду, и никакъ не ранѣе. А что эта часть сада существовала уже до упомянутаго дѣда моей жены, подтверждается ея отдаленностію (въ 1/4 версты) отъ стараго господскаго дома, въ которомъ жилъ Василій Сергѣевичъ и который мною и перестроенъ въ 40-хъ годахъ. Съ другой же стороны, нельзя не предположить, что въ первой половинѣ (а быть можетъ, и въ первой четверти) прошлаго вѣка эта часть сада прилегала къ прежнему барскому дому; ибо верхній конецъ аллей сходится въ одинъ пунктъ на открытой нынѣ лужайкѣ, окаймленной березовою рощицею. Если бы не было тутъ дома, то зачѣмъ бы посажены были эти аллеи, безъ связи со всякимъ жилымъ строеніемъ? Но о существованіи его не сохранилось даже изустныхъ преданій. Въ древнихъ юридическихъ актахъ я случайно наткнулся на указаніе, что въ концѣ XVII вѣка село Игнатовское (позднѣе Знаменское) принадлежало окольничему Александру Савостьяновичу Хитрово; но въ какое время и по какому случаю имѣніе это перешло въ родъ Нарышкиныхъ, неизвѣстно. Между этимъ отдаленнымъ, регулярнымъ садомъ и господскимъ нынѣшнимъ домомъ стояла, по преданію, церковь, тамъ гдѣ теперь яблоновый садъ. И дѣйствительно, когда я распахивалъ это мѣсто подъ

[1]) В. С. Нарышкинъ былъ офицеромъ въ Измайловскомъ полку во время переворота 1762 г., возведшаго Екатерину на престолъ. Напоминаю, что онъ былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Воронцовой, сестрѣ графа Артемія Ивановича, отца моей матери.

травосѣяніе и копалъ ямы для посадки фруктовыхъ деревьевъ, то мнѣ попадалось множество кирпичныхъ, и даже кафельныхъ, обломковъ, послѣдніе изъ коихъ съ изящными барельефными орнаментами, что̀ и доказываетъ, что тутъ было или жилое строеніе, или церковь. Вступая изъ сада, черезъ такъ-называемые Красные ворота, въ величавый проспектъ изъ березъ, ведущій къ Окѣ, мы видимъ по обѣимъ сторонамъ въ началѣ проспекта по одной небольшой саженой рощицѣ, одна изъ коихъ носила, по словамъ одного сторожила, названіе Васильевской (въ честь вѣроятно дѣда моей жены), а другая, Марьиной, въ честь, быть можетъ, его дочери Маріи Васильевны Олсуфьевой, умершей тому около 12 лѣтъ. Къ традиціямъ позднѣйшаго времени относится названіе одной мѣстности «у монаха»; такъ называютъ густо заросшую бузиною куртину, на краю первой лужайки (налѣво, идя отъ дома къ Краснымъ воротамъ), на склонѣ къ 3-му пруду, возлѣ гигантскихъ осокорей. Тутъ, въ первомъ десятилѣтіи настоящаго вѣка, устроена была доморощеннымъ механикомъ и живописцемъ, дворовымъ человѣкомъ Абакумовымъ, деревянная въ настоящій ростъ фигура сидящаго монаха, который, по надавленіи ногою пружины, вставалъ и кланялся.

Въ Октябрѣ того же 1847 года я вторично ѣздилъ въ Порзни для полученія слѣдуемаго мнѣ оброка, или по другой, не помню, причинѣ, и эта поѣздка была для меня прощальная; но я этого тогда не подозрѣвалъ. Въ Москвѣ было уже въ то время нѣсколько случаевъ холеры, разразившейся въ сильныхъ, какъ извѣстно, размѣрахъ, въ слѣдующемъ 1848 году. Когда эта эпидемія впервыя явилась въ Россіи, въ 1830 и 1831 годахъ, я нисколько не боялся ея; но въ этотъ разъ она произвела на меня такой страхъ и нервное потрясеніе, что во время моего проѣзда изъ Москвы въ Порзни, когда я подъѣзжалъ къ Шуѣ, мнѣ мнилось, что у меня уже начинаются признаки этой страшной болѣзни, и я, будучи здоровъ, слегъ въ постель въ Шуѣ на постояломъ дворѣ и послалъ за медикомъ. Это было первое появленіе того нервнаго разстройства, которое повторялось позднѣе неоднократно въ болѣе сильныхъ (и почти что комическихъ) размѣрахъ, особенно въ началѣ 60-хъ годовъ, во время послѣдняго моего путешествія за границу. Къ счастію, призванный въ Шуѣ военный эскулапъ былъ человѣкъ свѣдущій по своей части и неохотникъ обогащать аптекарей ненужными для паціента рецептами. Онъ сразу понялъ, въ чемъ было дѣло, и ничего болѣе не прописалъ, какъ лавровишневыя капли и поставилъ при томъ мнѣ горчишники, чтобы успокоить волненіе, въ которомъ я находился; онъ всячески старался урезонить мою ни на чемъ не основанную мнительность. Не смотря на это, я все-таки побоялся

пуститься въ дальнѣйшій путь одинъ и далъ знать въ Порзни (около 55 верстъ отъ Шуи), чтобы прибылъ ко мнѣ мой любимецъ, старикъ бурмистръ Макаръ Ивановъ, который не замедлилъ явиться въ сопровожденіи добраго Порзнинскаго протопопа, отца Іоанна. Послѣдній, сопутствуя мнѣ до Порзней въ моемъ тарантасѣ, не могъ въ деревенской своей наивности понять, что̀ это за штука этотъ нервный недугъ, отъ котораго здоровый повидимому человѣкъ можетъ слечь въ постель. Въ Порзняхъ, какъ ни увѣщевали меня мои добрые друзья Мироновы быть пободрѣе духомъ, я валялся дома на постели по цѣлымъ почти днямъ и сидѣлъ, опять-таки безъ всякой надобности, на строгой діэтѣ одного куринаго бульона. О подобномъ нервномъ состояніи можно было бы сказать словами Лермонтова, что «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». И дѣйствительно, кризисы эти доходили впослѣдствіи до такихъ размѣровъ, и всеобщее потрясеніе моральной системы становилось столь мучительнымъ (при неизмѣнной идеѣ, что могу быть внезапно пораженъ смертельнымъ нервнымъ ударомъ), что я боялся иногда лишиться разсудка.

Послѣ двухъ или трехнедѣльнаго пребыванія въ Порзняхъ, я рѣшился однакоже пуститься въ обратный путь. На первой подставѣ до Шуи (такъ какъ между этимъ городомъ и Лухомъ не было почтоваго тракта), въ большомъ селѣ Васильевскомъ (графа Шереметева), былъ со мною слѣдующій трогательный случай, свидѣтельство крестьянской ко мнѣ привязанности, ничѣмъ, право, мною незаслуженной, развѣ только негативными моими помѣщичьими качествами и дѣйствіями, т. е. что я не былъ притѣснителемъ крестьянъ.

Сильно развитая льнопрядильная промышленность въ сѣверныхъ уѣздахъ Владимирской и южныхъ уѣздахъ Костромской губерніи (смежныхъ межъ собою) находитъ себѣ сбытъ на мѣстѣ, на ежедневныхъ, очередныхъ, разъ въ недѣлю, базарахъ въ городахъ Шуѣ и Лухѣ, въ посадѣ Пучежѣ, въ окрестныхъ съ ними торговыхъ большихъ селахъ, напр. въ Верхней и Нижней Ландихѣ, Лежневѣ, Пистякахъ, Мытѣ, Палихѣ, Парскомъ и въ бывшихъ моихъ Порзняхъ. Одинъ изъ торговыхъ крестьянъ моего села, Кузовлевъ (кажется, по имени Василій), скромную личность коего желательно мнѣ передать потомству, возвращаясь домой съ одного изъ такихъ базаровъ, засталъ меня въ упомянутомъ с. Васильевскомъ и, расцѣловавшись со мною (патріархальная привычка, обычная мнѣ при встрѣчѣ со всякимъ изъ моихъ крестьянъ), въ то время какъ я уже выходилъ изъ избы, чтобы сѣсть въ свой тарантасъ, заявилъ мнѣ съ таинственнымъ видомъ, что имѣетъ нужду поговорить о чемъ-то важномъ со мною наединѣ. (Я долженъ добавить, что онъ

былъ въ то время маленько *подъ-шофе*, но не болѣе какъ на первомъ взводѣ). Когда я выслалъ изъ горницы моего человѣка [1]), Кузовлевъ, бросившись передъ мною на колѣна, началъ: «Вотъ что̀, батюшка; поторговалъ я сегодня, слава-ти Господи, хорошо; выручилъ синенькую, и вотъ она. Не откажи мнѣ, батюшка, въ милости принять ее изъ моего къ тебѣ усердія». На это я ему отвѣчалъ, что недоимокъ за нимъ и за его семействомъ никакихъ не состоитъ, сколько было мнѣ извѣстно, а такъ какъ забирать преждевременно въ оброкъ необычно въ моемъ вотчинномъ правленіи, то я не могу принять его приношеніе. Но онъ продолжалъ настойчиво и со слезами просить меня о томъ же, и я вынужденъ былъ наконецъ взять его пятирублевку (стараго выпуска), каковую немедленно спряталъ въ шкатулку для храненія на всегда въ моемъ семействѣ. Вѣроятно (хотя по давности времени не припомню), я предписалъ въ мое вотчинное правленіе зачислить все-таки эти деньги въ будущій оброкъ съ этого усерднаго мужичка.

Въ Москвѣ я захватилъ съ собою многолѣтняго моего друга Англичанина Путо̀, коему все по прежнему не везло, и онъ проживалъ тогда тамъ безъ всякаго дѣла, такъ какъ тюлевая его фабрика перешла уже, кажется, въ руки одного иностраннаго негоціанта г-на Нельтинга, повѣреннаго г. Шита, хозяина многихъ тогда виноградныхъ винныхъ складовъ въ обѣихъ столицахъ, снабжавшаго Путо̀ передъ тѣмъ деньгами на покупку матеріала въ сырцѣ для хода этой фабрики. Вдвоемъ съ г-мъ Путо мы пріѣхали въ Знаменское наканунѣ (кажется) моихъ имянинъ, 7 Ноября, во время всенощной у насъ въ домѣ.

По случаю наступившаго осенняго, охотничьяго сезона, одинъ изъ крупныхъ (хотя изъ не весьма близкихъ) нашихъ сосѣдей, князь Николай Яковлевичъ Голицынъ, проводившій всегда лѣто въ своемъ имѣніи, селѣ Рощѣ, стоялъ нѣсколько дней со всей своей охотою въ Знаменскомъ [2]). Кромѣ удовольствія, доставляемаго намъ его обществомъ, стоянка его была далеко не накладною: онъ забиралъ у насъ овесъ, и сѣно, и солому, и сверхъ денегъ у насъ оставался въ барышѣ еще навозъ; а на нашей кухнѣ готовилъ ему обѣдъ (всегда утонченный, но поздній, по возвращеніи въ сумеркахъ съ охоты) его же поваръ, и къ своему столу онъ приглашалъ иногда и насъ.

Князь Н. Я. Голицынъ личность, настолько оригинальная, что невозможно не попытаться набросать ея очеркъ даже съ нѣкоторыми

---

[1]) Тогда былъ при мнѣ крѣпостной мой мальчикъ, отданный въ ученіе по кондитерской части Радзиковскому.

[2]) Жена его, княгиня Вѣра Дмитріевна, урожденная княжна Голицына, была вскорѣ послѣ того звѣрски умерщвлена нѣкіимъ Зыковымъ.

деталями. Служебное его поприще не было ничѣмъ особенно замѣчательно. Въ 1812 году онъ былъ молодымъ офицеромъ въ конной гвардіи, вмѣстѣ съ Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, нѣкіимъ Куликовскимъ (оставшимся на всегда въ самыхъ интимныхъ съ нимъ отношеніяхъ и женившимся далеко уже немолодымъ человѣкомъ на баронессѣ Мантейфель, одной изъ падчерицъ графа Гудовича) и съ Христофоромъ Ѳедоровичемъ Солдейномъ, иначе Солданомъ *). Послѣ того онъ находился одно время въ Варшавѣ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и въ Польской войнѣ 1831 года, будучи генералъ-маіоромъ, командовалъ какой-то кавалерійскою бригадою, былъ контуженъ въ ногу и вышелъ въ отставку. Добрѣйшаго и большей прямоты души человѣка, какъ онъ, трудно было встрѣтить; въ житейскихъ же своихъ привычкахъ онъ былъ методиченъ и пунктуаленъ до крайности. Въ Москвѣ, гдѣ онъ проводилъ зимы, онъ жилъ соотвѣтственно своему званію и состоянію; но кругъ его интимныхъ былъ довольно ограниченъ: самъ былъ домосѣдъ и въ гости ни къ кому почти не ѣздилъ. Другихъ дѣтей кромѣ нынѣшняго князя Александра Николаевича (женатаго на Елисаветѣ Александровнѣ Чертковой) не было, кажется, у него никогда. Молодой князь, коему было тогда (въ 1847 году) 17 или 18 лѣтъ, готовился поступить юнкеромъ въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Выказанная методичность князя Николая Яковлевича не стѣсняла впрочемъ ни въ чемъ его приближенныхъ и высказывалась преимущественно въ его туалетныхъ привычкахъ, отчасти ночныхъ и рано-утреннихъ, и въ его занятіяхъ у себя въ кабинетѣ; а упорное домосѣдство, при цвѣтущемъ состояніи его здоровья, превратилось въ лѣнь и неохоту трогаться съ мѣста своего жительства. Отъ этой привычки никто изъ его домашнихъ не зналъ заранѣе, въ какой день они выѣдутъ изъ деревни въ Москву. Другая характерная черта въ немъ была та, что онъ не сочувствовалъ общему прогрессу вещей въ видѣ желѣзныхъ дорогъ и отрицалъ даже существованіе нѣкоторыхъ улучшеній, бывшихъ явными для всякаго. Что̀ до желѣзныхъ дорогъ, то онъ находилъ ихъ лишними. «И къ чему торопиться?» говаривалъ онъ: «не все ли равно, что доѣдешь до мѣста пораньше, или попозже?» Въ Тарусѣ издавна была уѣздная почтовая контора, и въ описываемое время строилось Московско-Тульское шоссе, по одной части коего, отъ Москвы до Серпухова, мы уже давно катались. Однакоже князь Николай Яковлевичъ упорствовалъ въ непризнаваніи ни Таруской почтовой конторы, ни Серпуховскаго шоссе. «Это

*) Тотъ самый что̀ былъ нашимъ бригаднымъ генераломъ въ 4-й гусарской дивизіи, въ Турецкой войнѣ 1828 и 1829 годовъ.

васъ только такъ морочатъ, говаривалъ онъ, потому что хотя по официальнымъ бумагамъ тамъ и показывается контора, но въ сущности ея нѣтъ, а сидитъ въ Тарусѣ какой-то маленькій Адлербергъ и бѣгаетъ по городу справляться, напримѣръ, не отправляется ли кто нибудь по своимъ дѣламъ въ Калугу и, узнавъ, что есть, проситъ его взять кстати съ собою всѣ накопившіяся у него письма, чтобы доставить въ тамошнюю почтовую контору». Вслѣдствіе подобнаго предубѣжденія, хотя Таруса находится отъ с. Рощи только въ какихъ нибудь 20 верстахъ, князь Николай Яковлевичъ не иначе отправлялъ свою корреспонденцію, какъ съ нарочно посылаемымъ въ Серпуховъ, т. е. болѣе чѣмъ за 40 верстъ, почтовую контору въ которомъ онъ, повидимому, признавалъ существующею. А на счетъ Серпухово-Московскаго шоссе онъ говаривалъ, что это все насъ морочитъ графъ Клейнмихель и что никакого шоссе тамъ нѣтъ.

И вотъ почему, когда приходило время трогаться изъ Рощи въ Москву, князь посылалъ въ с. Тарутино (болѣе 30 верстъ отъ Рощи), за давно знакомымъ яму ямщикомъ, который являлся въ Рощу съ 12 или болѣе лошадьми (вѣроятно для одновременнаго отправленія княжескаго обоза) и тамъ ждалъ дальнѣйшихъ приказаній, и во все это время онъ и его лошади оставались на княжескомъ содержаніи. На вопросъ же его домашнихъ о времени отъѣзда князь отвѣчалъ «увидимъ», и меня увѣрили, что такая процедура длилась будто бы иногда до двухъ недѣль. Для отсылки къ нему оброка изъ деревни онъ одинаково не довѣрялъ почтовымъ конторамъ, и съ денежнымъ пакетомъ отправляли не одного, а двухъ надежныхъ людей, потому-де, что если одного убьютъ дорогой, то чтобы другой могъ уцѣлѣть. Всѣ эти черты его характера переданы мнѣ моимъ другомъ О. А. Тридономъ, бывшимъ на интимной ногѣ въ домѣ князя и неизмѣннымъ его товарищемъ много лѣтъ въ его охотничьихъ осеннихъ упражненіяхъ. Бывало, разсказывалъ Тридонъ, когда мы засидимся иногда немного позднѣе обыкновеннаго въ салонѣ княгини Вѣры Дмитріевны, часу до перваго по полуночи, и всѣ начнемъ расходиться, князь Николай Яковлевичъ заявлялъ (къ удивленію слышавшихъ это въ первый разъ), что такъ какъ вставать на охоту надо было въ 5 часовъ утра, то не стоило уже и ложиться. И онъ дѣйствительно приступалъ въ своей уборной къ слѣдующимъ туалетнымъ занятіямъ безъ пособія камердинера. Начиналось съ обливанія ледяной водой макушки головы, безволосой и лоснившейся какъ тыква, а за тѣмъ шло обтираніе ея полотенцомъ, операція продолжавшаяся по крайней мѣрѣ до получаса. Затѣмъ начиналось умываніе шеи и верхней части тѣла, а за тѣмъ и

неутомимое обтираніе этихъ частей. Остальное затѣмъ время до отъѣзда на охоту было распредѣлено между причесываніемъ къ макушкѣ рѣдкихъ волосъ, торчавшихъ кое-гдѣ на затылкѣ, и приглаживаніемъ своей фуражки щеткой съ такимъ постоянствомъ, что ворсъ сукна стирался преждевременно. По природной ему гуманности, князь не хотѣлъ будить своего камердинера преждевременно, и чесаніе скудныхъ своихъ волосъ было послѣднею операціею передъ тѣмъ, чтобы одѣваться. Тогда, покончивъ самъ со своею лысиною, онъ передавалъ гребень своему камердинеру, отъ руки котораго долженъ былъ непремѣнно произойти окончательный, но единственный, какъ я слышалъ, взмахъ. Сказано уже мною, что князь Николай Яковлевичъ жилъ прилично своему состоянію, но весьма скромно, и единственный значительный его расходъ состоялъ въ содержаніи псовой охоты, доведенной, впрочемъ, до рѣдкаго совершенства, но стоившей ему, сколько помнится мнѣ, чуть ли не 20 т. р. въ годъ. Роскошь, съ которою она была составлена, можно было назвать разумною. Ловчій, доѣзжачіе, стремянные, борзятники со сворами, словомъ, весь этотъ охотничій людъ, не былъ у князя нарядженъ, какъ бывало у другихъ содержателей псовой охоты, въ ярко-пестрые фиглярскіе казакины съ галунами, съ откидными рукавами и въ шапкахъ казацкаго покроя; а были всѣ они въ темносинихъ армякахъ или въ хорошихъ, дубленыхъ полушубкахъ, крытыхъ сукномъ, и въ синихъ суконныхъ картузахъ, а подъ ними всѣми были не кое-какія дешевыя клячи, пародіи надъ Донцами, а были настоящіе, сильные, горскихъ или извѣстныхъ Донскихъ заводовъ, гунтеры *), на покупку которыхъ князь не щадилъ денегъ; нѣкоторые изъ этихъ скакуновъ мало уступали чистокровному, цѣнному Донцу, ходившему подъ самимъ хозяиномъ. Ловчій, онъ же управлявшій всею охотою, какъ въ полѣ, такъ и по хозяйственной части дома, нѣкто Иванъ Семеновъ, былъ лицо важное, не изъ крѣпостныхъ, а чуть-ли не Московскій мѣщанинъ, получалъ что-то въ родѣ 600 рублей въ годъ, на полномъ содержаніи съ своимъ семейстомъ. Во время зимняго пребыванія князя въ Москвѣ, когда онъ садился обѣдать, возлѣ него подъ столомъ ставился ящикъ, куда онъ кидалъ хлѣбныя мякишныя булетки, которыя онъ каталъ пальцами въ продолженіи обѣда и когда весь этотъ ящикъ наполнялся, его отсылали въ с. Рощу, на кормъ особенно любимыхъ княземъ собакъ.

Въ теченіе всей зимы князь рѣдко выѣзжалъ изъ дому, но случалось, что выходилъ въ шубѣ на крыльцо, и тогда тотчасъ подска-

*) Гунтеръ, Англійское названіе особенной породы чистокровныхъ (съ примѣсью скаковой) охотничьихъ лошадей, извѣстной масти.

кивалъ къ крыльцу одинъ и тотъ же знакомый ему ванька (а не лихачъ), въ грошовыя сани котораго князь молча усаживался, и ванька повезетъ его куда ему самому вздумается, и такимъ аллюромъ и на столько времени, какъ заблагоразсудится; когда же онъ обратно довозилъ до крыльца своего молчаливаго сѣдока, то послѣдній расплачивался съ нимъ, не распрашивая даже сколько ему приходится получить, но по своему собственному соображенію; надо однакоже предполагать, что плата была щедровата и возраженій не было, потому что таже сцена повторялась при новомъ появленіи князя на крыльцѣ, да и тотъ же ванька караулилъ его изъ за угла.

Не менѣе оригинальными были и нѣкоторыя его сужденія. Однимъ изъ его имѣній давно управлялъ человѣкъ, извѣстный княгинѣ Вѣрѣ Дмитріевнѣ и Тридону съ весьма непохвальной стороны; оба они старались уговорить князя разсчитать этого человѣка; но князь не соглашался, потому что «съ этимъ-то я навѣрно знаю, сколько онъ украдетъ у меня въ годъ; а найми я новаго, такъ съ непривычки я не сумѣю счесть, сколько онъ будетъ воровать и буду, пожалуй, въ бо́льшемъ черезъ это накладѣ».

Однимъ изъ неразлучныхъ товарищей князя на охотѣ и его домашнимъ гостемъ во весь осенній сезонъ былъ нѣкто Тарускій мелкопомѣстный дворянинъ и самъ отчаянный охотникъ, старикъ Николай Адріяновичъ Жихаревъ, почтенная, но также оригинальная личность, коей приличествуетъ посвятить нѣсколько словъ. Онъ былъ любимъ всѣмъ уѣздомъ, и ради обезпеченія скудныхъ его средствъ къ существованію мѣстное дворянство выбирало его въ исправники въ теченіи стольких лѣтъ, что онъ посѣдѣлъ въ этой должности, каковую онъ однакоже отправлялъ со всегдашнею дѣятельностію, безукоризненно, и не нажилъ ни копѣйки *). Природнаго ума (но безъ всякой культуры, юмора и острословія) была у него палата; любилъ онъ выкидывать кое-какіе фарсы, но семейная его безпечность была такова, что, не будь стороннихъ добрыхъ людей, дѣти его не были бы помѣщены въ учебныя заведенія. Какъ псовый охотникъ, онъ былъ издавна закадычнымъ другомъ нашего Тридона и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду не пропускалъ 1-го числа Апрѣля, чтобы какъ нибудь не мистифиро-

*) Служебная дѣятельность Н. А. Жихарева относится къ эпохѣ много предшествующей описываемому времени. Въ 1847 году Тарускимъ исправникомъ былъ Александръ Александровичъ Сумароцкій, усадьба коего была рядомъ съ Жихаревскою въ селѣ Безобразовѣ. Третій же владѣлецъ этого села былъ богатый помѣщикъ Александръ Николаевичъ Жихаревъ, жена коего была рожденная княжна Шаховская (Вѣра Павловна), не родственникъ исправнику Жихареву.

вать легко поддававшагося на обманъ Француза. Однажды, во время мятели въ это самое число, зашелъ въ людской флигель въ Знаменскомъ незнакомый никому крестьянинъ и просилъ позволенія отогрѣться и переждать снѣжную бурю. Отогрѣваясь онъ сталъ разсказывать собравшейся дворнѣ, что доро́гой изъ Тарусы, на опушкѣ Крыжей (лѣсокъ, принадлежащій владѣльцамъ Знаменскаго) лежалъ матерой, этакой-то здоровенный волкъ. Находившійся въ числѣ слушателей, Иванъ Шумаевъ (камердинеръ Тридона и вмѣстѣ съ тѣмъ его помощникъ по аптекарской части и доѣзжачій на охотѣ) поспѣшилъ извѣстить объ этомъ своего барина. Надо сказать, что нашъ Осипъ Августиновичъ неоднократно жаловался, что хотя онъ охотился уже болѣе 20 лѣтъ по Тарускому уѣзду, но что никогда не удавалось ему затравить волка [1]). Съ бьющимся сердцемъ прибѣжалъ онъ самъ въ людской флигель разспрашивать прохожаго мужичка. По выслушаніи отъ него подтвержденія разсказаннаго прежде дворнѣ, взяло Француза нашего все-таки сомнѣніе, не новая ли это продѣлка старика Жихарева, о чемъ и сталъ онъ вывѣдывать у крестьянина. «Помилуйте, батюшка», сказалъ тотъ, «и какое мнѣ дѣло до исправника? Да и въ городѣ ли онъ теперь, не знаю; а что самъ я видѣлъ звѣря, такъ дѣйствительно видѣлъ, и могу указать гдѣ». Этого было достаточно для нашего экзальтированнаго охотника; да онъ уже какъ-то разсчитывалъ (быть можетъ), что исправникъ былъ въ это утро не въ Тарусѣ, а у себя въ Безобразовѣ, и потому взялъ съ собою своего Ивана (оба съ ружьями на готовѣ) и полетѣлъ въ саняхъ, захвативъ съ собою, вѣроятно, и крестьянина, для указанія имъ мѣста. Остановившись по указанію послѣдняго и оглядѣвшись, охотники наши напали на что-то въ родѣ слѣдка, пошли по немъ въ лѣсную чащу, и вдругъ, передъ ними сидитъ на снѣгу на корточкахъ не кто иной, какъ старый фарсёръ Жихаревъ (на столько онъ былъ заранѣе увѣренъ, что Тридонъ не вытерпитъ) съ высунутымъ языкомъ и съ привѣтствіемъ: «А что̀, дуракъ, опять попался!» — «Это, шистый діяболь, Николай Адріянишъ», заревѣлъ взбѣшенный Французъ: «je pressentais bien que cela ne pouvait être que lui [2]) И какъ я это забиль, что сегодня первый Априль». За всѣмъ тѣмъ они оставались до конца искренними друзьями.

[1]) Не мѣшаетъ кстати разсказать, что, узнавъ однажды, что на господское (Знаменское) гумно повадился ходить по ночамъ волкъ, Тридонъ отправился туда подстеречь звѣря. Засѣлъ онъ въ ригѣ, или около воротъ ея и при лунномъ свѣтѣ увидя наконецъ мохнатое животное, однимъ выстрѣломъ повалилъ его на земь; но оказалось, что вмѣсто лѣснаго хищника лежалъ густопсовой породы любимый Тридоновъ кобель, повадившійся ходить ночью на мѣсто около гумна, гдѣ валялась какая-то неприбранная падаль. Итакъ, сверхъ горя быть убійцею ненахваленной имъ борзой собаки, пришлось еще ему, въ добавокъ, сдѣлаться нескончаемымъ предметомъ насмѣшекъ своихъ собратій по охотѣ.

[2]) „Я какъ бы предчувствовалъ, что тутъ продѣлка Николая Адріяновича“. Живой

Дабы покончить съ обществомъ села Рощи, добавлю, что воспитатель молодаго князя Александра Николаевича, Французъ г. Фавель былъ такъ себѣ, какимъ бывало большинство гувернеровъ той націи въ Русскихъ аристократическихъ семействахъ. Но бывали и худшіе, и я знавалъ одного, который былъ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ его соотечественникъ, никто иной, какъ прежній парикмахеръ-куафёръ. У г. Фавеля были, по крайней мѣрѣ, довольно изящныя манеры; но въ педагогической его подготовкѣ (какую имѣлъ мой пріятель Тридонъ, кончившій во Франціи курсъ въ классическомъ учебномъ заведеніи) я сильно сомнѣваюсь, да и не совсѣмъ я увѣренъ, зналъ ли онъ даже Латинскій языкъ. Нрава онъ былъ открытаго, владѣлъ салоннымъ жаргономъ и не прочь отъ жуирства; но особенною его чертой было идолопоклонство Наполеону, всевозможныя изображенія коего и его битвъ покрывали стѣны комнаты г. Фавеля въ раскрашенныхъ литографіяхъ.

При молодомъ же князѣ былъ дядькою нашъ (т.-е. изъ Знаменскихъ дворовыхъ людей) чопорный всегда, старичекъ Павелъ Николаевичъ, бывшій когда-то также дядькой при всѣхъ дѣтяхъ Елисаветы Ивановны Нарышкиной; онъ же былъ и великій любитель и воспитатель (какъ прежде говорено было) скворцевъ, коихъ онъ наказывалъ прутикомъ, когда пернатые его ученики завирались. Его опредѣлилъ въ домъ князя Голицына, конечно, нашъ Осипъ Августиновичъ.

Всю эту зиму въ 1847 на 1848 годъ я провелъ безвыѣздно въ Знаменскомъ, чего мнѣ никогда еще дотолѣ не случалось. Не скажу, однакоже, чтобъ я очень этимъ скучалъ. То былъ лихорадочный періодъ моей акварельной живописи, да и въ промежуткахъ я все болѣе и болѣе разводилъ мою коллекцію оранжерейныхъ растеній и выписывалъ новыя сѣмена. Итакъ, въ пищѣ для зимней домашней моей дѣятельности не было недостатка. Домъ нашъ былъ люденъ, такъ какъ шуринъ мой Нарышкинъ поселился въ маленькомъ нашемъ флигелѣ. Марья Сергѣевна всегда почти приходила со своими тремя мальчиками къ намъ въ большой домъ и тамъ проводила часть вечера. Алексѣй Ивановичъ часто отлучался въ Москву, для пріискиванія тамъ себѣ рода службы. По утрамъ я завелъ рисовальный классъ, учениками коего были моя Анетина и Саша Нарышкинъ, почти двумя годами моложе моей дочери; оба они выказывали необыкновенную способность къ рисованію и къ слѣдующей веснѣ уже весьма бойко чертили ландшафтные сюжеты съ тѣнью. И это преподаваніе также меня очень занимало. Въ хозяйство

во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Тридонъ часто вставлялъ Французскія фразы въ Русскій разговоръ, не заботясь о томъ, понималъ ли его собесѣдникъ Французскій языкъ.

я вовсе не входилъ: имъ вполнѣ завѣдывалъ, какъ и прежде, Осипъ Августиновичъ и, при скудныхъ мѣстныхъ средствахъ, онъ велъ дѣло, на сколько было возможно, весьма удовлетворительно.

Съ сосѣдними помѣщиками мы изрѣдка видались, да и нѣкоторые изъ нихъ, по примѣру князя Н. Я. Голицына, проводили зимы въ Москвѣ, а князь Александръ Михайловичъ Хилковъ путешествовалъ въ то время (съ осени 1846 года) внѣ отечества, съ своимъ другомъ Львомъ Николаевичемъ Волковымъ и только позднею весною 1848 года возвратился изъ Египта и Святыхъ мѣстъ. Неизмѣнными и неподвижными оставались для сбора всего уѣзднаго Тарускаго общества дома Веселовскихъ и почтенной старухи Авдотьи Ивановны Нарышкиной. Въ противоположность ей, сестра ея, кн. Анна Иван. Щербатова, замкнуто жила въ своемъ помѣстьѣ, с. Высокинцахъ, на р. Протвѣ.

Для встрѣчи новаго 1848 года, я устроилъ танцовальный вечеръ, для чего выписалъ изъ Серпухова тапёра Никифора Антоновича Кунцевича, того самаго, что̀ былъ нѣкогда (въ 1833 году) нашимъ акомпаніаторомъ на фортепіано въ домашнихъ спектакляхъ. Царицею этой танцовальной вечеринки была молодая Таруская дѣвица, Елисавета Борисовна Алексѣева, мать коей, давно умершая, была Француженка, случайно попавшая когда-то въ Тарусу и вышедшая замужъ (въ 20-хъ годахъ) за тамошняго стряпчаго [1]). Но душею нашего бала былъ пріѣхавшій изъ Москвы студентъ университета, Полякъ Юлій Вудвиловичъ, родственникъ нашей Юльи Ивановны Гофманъ, гувернантки нашей Анночки. Пріятель мой Тридонъ уже тогда начиналъ ухаживать слегка за Юліей Ивановной и косо посматривалъ на ея развязнаго въ пріемахъ кузёна. Кстати уже договорю, что этотъ Вудвиловичъ пріобрѣлъ впослѣдствіи порядочную практику, какъ врачъ, въ Москвѣ, и началъ было жить съ изящною обстановкой, но попался въ 1863 году въ Польскія тайныя продѣлки и былъ сосланъ административнымъ порядкомъ просвѣжиться въ Колу или въ Архангельскъ (кажется такъ), а оттуда въ Вятку, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, но теперь онъ возвращенъ и продолжаетъ практиковать (если не ошибаюсь) въ Москвѣ [2]).

---

[1]) Дѣвушка эта была рѣдко встрѣчаемой красоты, высокаго роста, граціозная донельзя и превосходно сложена. Она вышла послѣ 1849 года за какого-то чиновника или помѣщика въ Алексинѣ и вскорѣ умерла въ родахъ. Мать ея была (кажется) когда-то компаньонкою Анны Михайловны Хитровой (дочери свѣтлѣйшаго князя Кутузова), проживавшей лѣтомъ съ мужемъ въ своемъ имѣніи, Тарускаго уѣзда, въ селѣ Истоминѣ.

[2]) Этотъ же Вудвиловичъ является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ талантливомъ романѣ Лажечникова (сына автора „Послѣдняго Новика“), подъ заглавіемъ „Внучка панцырнаго боярина“, съ незначительнымъ измѣненіемъ фамиліи. Повѣсть эта относится къ послѣднему Польскому возстанію 1863 года, и въ ней почти все, что̀ относится до г-на Вудвиловича, вѣрно.

ЗАБОТА МОЛОДАГО СУВОРОВА

объ унтеръ-офицерахъ и солдатахъ.

(Моск. Архивъ Министерства Юстиціи, кн. С. № 5/1515. Л. 18, № 103).

Понеже обрѣтающійся при комиссіи, правящій экзекуторскую должность лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, порутчикъ Александръ Суворовъ доношеніемъ представлялъ, что имѣющіеся при комиссіи для карауловъ и посылокъ лейбъ-гвардіи и армейскихъ полковъ ундеръ-офицеры и солдаты надлежащей порціи не получаютъ, а въ протчихъ мѣстахъ такимъ же ундеръ-офицерамъ порціальныя деньги производятся, и требовалъ о томъ резолюціи:

Того ради, обрѣтающимся въ комиссіи пріуготовленія уборовъ членамъ *), справясь съ тѣми мѣстами, гдѣ такія дачи производятся онымъ ундеръ-офицерамъ и солдатамъ, для безотлучной ихъ при комиссіи бытности, кормовыя противъ протчихъ, при таковыхъ же дѣлахъ обрѣтающихся, производить безъ излишества, и съ того времени, какъ они при комиссіи находятся, а кормовыхъ денегъ не получали, оныя имъ выдать, записавъ въ расходѣ съ роспискою.

А сколько тѣхъ ундеръ-офицеровъ и солдатъ обрѣтается, тому съ поданнаго отъ вышеписаннаго порутчика Суворова реестра пріобщить копію, о чемъ онымъ членамъ письменный приказъ и при ономъ съ реестра копія даны сего-жъ 30 Апрѣля. (*Годъ не означенъ*).

Сообщено С. А. Панчулидзевымъ.

*) Что̀ это была за комиссія „приготовленія уборовъ", не знаемъ. П. Б.

О РАЗБОЙНИКѢ КУДІАРѢ.

(Древняя рукопись).

....„Кровью сіе имя стяжася, кровью купися, отъ крове родися, кровью воспитася и возрасте кровью“...

Стефанъ Яворскій.

I.

Прежде разсмотрѣнія предлагаемой рукописи, живописующей древніе подвиги удалыхъ станичниковъ, по преимуществу въ предѣлахъ теперешней Курской губерніи, надо объяснить, откуда появился этотъ отрывокъ разбойничьей лѣтописи, почему его слѣдуетъ отнести къ Кудіару, и сказать нѣсколько словъ о Кудіарѣ.

Имя Кудіара окружено такимъ ореоломъ славы, въ сравненіи съ которымъ даже Ермакъ, Разинъ, Булавинъ, Некрасовъ, Пугачовъ и другіе герои этого рода, какъ бы совсѣмъ не пользуются симпатіями народа. По крайней мѣрѣ всѣ они забыты, а имя Кудіара, переживъ рядъ вѣковъ, и по сіе время славится во многихъ областяхъ Россіи, въ сказаніяхъ и въ народныхъ пѣсняхъ. Нѣкоторыя же изъ этихъ сагъ стали и достояніемъ литературы [1]). Почти нигдѣ не сохранилось ни урочищъ, ни жилыхъ мѣстъ, которыя носили бы имена Ермака, Разина, Булавина, Некрасова и Пугача, тогда какъ многія области Россіи еще и теперь пестрятъ всевозможными Кудіаровыми урочищами, какъ напр. „Кудіаровы горы“, „Кудіаровы лѣса“, „Кудіаровъ логъ“, „Кудіаровы курганы“ и т. д. Ихъ особенно много въ сосѣдней съ Курской Воронежской губерніи [2]). Среди урочищъ его имени особымъ почетомъ народа пользуются „Кудіаровы могилы“. Рѣдкая мѣстность, входившая въ черту древняго Московскаго царства, не со-

---

[1]) Костомаровъ. Кудіаръ, историческій романъ.—Ворон. Губерн. Вѣдомости 1850, №№ 11, 28, 29, 50; 1851—№№ 1, 15, 16, 22, 30; 1863—№ 1; 1864 г. №№ 51—52; 1865 г. № 33.—Воронеж. Листовъ 1865 г., № 4.—Сарат. Справ. Лист. 1873, года. — Газета Донъ 1873 и др.

[2]) Воронежскій Юбилейный Сборникъ, изд. Вор. Губ. Стат. Комит., стр. 731. Въ Задонскомъ уѣздѣ, близъ села Лозы, въ 20 вер. отъ Задонска, есть „Кудеяровъ лѣсъ“. Въ Воронежскомъ, Задонскомъ и Бобровскомъ уѣздахъ есть ямы, лога и курганы, называемые Кудеяровыми; Бобровскаго уѣзда, у села Анны, Кудеярово поле и т. д.

хранила своей Кудіаровой могилы съ ея поэтическою сагой, и между ними въ особенности замѣчательны въ Козельскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, и въ Ясеневой Засѣкѣ, въ 18 верстахъ отъ Тулы. Въ Воронежской губерніи тоже есть интересныя Кудіаровы могилы [1]). Курганы эти вовсе не означаютъ могилы самого Кудіара, который умеръ въ небольшой землянкѣ одного изъ своихъ городищъ, на низовьяхъ Волги, въ теперешней Саратовской губерніи [2]). По нѣкоторымъ народнымъ сказаніямъ, тамъ же умерла и его незаконная жена, знаменитая красавица Маша, дочь Воронежскаго крестьянина Демьяна Иванова, которую на церковной паперти Кудіаръ отбилъ у ея жениха [3]). Подъ именемъ Кудіаровыхъ могилъ слѣдуетъ понимать могилы Кудіаровъ, т.-е. удалыхъ сообщниковъ Кудіара, хороненныхъ на мѣстахъ ихъ битвъ съ царскими ратными людьми и вообще въ ихъ борьбѣ съ „добрыми людьми". Такихъ сообщниковъ у него было великое множество, и могилы ихъ, по справедливости, слѣдуетъ называть могилами Кудіаровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и теперь разбойники носятъ почетное прозвище „Кудіаровъ". Въ различныхъ областяхъ Россіи существуютъ и различныя сказанія объ этомъ богатырѣ.

По однимъ сказаніямъ, Кудіаръ былъ Русскій бояринъ, по другимъ—онъ былъ Татарскій баскакъ [4]), то-есть откупщикъ и сборщикъ дани. Въ Курской губерніи тоже сохранились Кудіаровы урочища [5]). Но и помимо того, во многихъ мѣстахъ Россіи, какъ напр. въ Московской, Тверской, Калужской, Тульской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской губ., сохранились „жилыя мѣста" его имени: Кудіаровы селенія, Кудіаровы деревни, Кудіаровы городища. Давно поросшія бурьяномъ, давно мертвыя, городища эти все еще населены живыми легендами и пользуются не только суевѣр-

---

[1]) Въ Павловскомъ уѣздѣ, близъ села Ливенки, въ Шиповомъ казенномъ лѣсу есть огромная могила, съ признаками разныхъ окоповъ, помѣщеній, гдѣ будто бы находились кладовыя и конюшни Кудіаровы.

[2]) Въ Саратовской губ., по преданію, у Кудіара былъ притонъ на горѣ Богатыркѣ или Крутцѣ. Въ развалинахъ землянки, гдѣ жилъ Кудіаръ, находили кости человѣческія, кинжалы, пики, бердыши, кольчуги, монеты, Татарскія кольца и перстни и др.

[3]) Преданіе это см. въ Ворон. Губ. Вѣд. за 1851 г., соч. Тиманскаго. Вор. Юбил. Сборн. 732. Мѣсто убійства Сергѣя, жениха Маши, и ея двухъ братьевъ (отбивавшихъ ее отъ Кудіара) находится въ Бобровскомъ уѣздѣ, у села Анны, имѣнія графа Левашова, и называется „Кудеярово поле". По преданію, Маша умерла въ Саратовскомъ краѣ и схоронена близъ нынѣшняго села Рѣпнаго. Можетъ быть, тамъ сложилъ свою буйную голову и Кудіаръ, перебравшись въ Саратовскія степи изъ Воронежскаго края.

[4]) Вор. Юбил. Сборн. 732. Въ Рязанской губ. говорятъ, что Кудіаръ былъ не Ордынецъ, а опальный опричникъ, убивавшій Московскихъ купцовъ. Въ Вор. и Сарат. губ. Кудіаръ извѣстенъ за Татарина, знавшаго по-русски. Вор. Юбил. Сборн., стр. 329: Кудіаръ, какъ передаетъ преданіе, былъ Татарскій сборщикъ податей, отличавшійся громаднымъ ростомъ и силою.

[5]) Вор. Юб. Сборн., изданіе Вор. Губ. Ст. Ком., 1886 г., стр. 731.

нымъ страхомъ, но и любовнымъ уваженіемъ народа. Въ губерніяхъ смежныхъ съ Курскою, Орловской [1]) и Воронежской [2]), они тоже сохранились во множествѣ. А вслѣдствіе этого, въ собственныхъ предѣлахъ теперешней Курской губерніи Кудіаровы городища встрѣчаются только на западной ея окраинѣ, т.-е. въ мѣстности самой отдаленной отъ его притоновъ Орловскихъ и Воронежскихъ. Изъ такихъ укрѣпленныхъ городковъ Кудіаръ единовременно могъ дозирать и Ногайское сумежье, и предѣлы Московскіе, и Литовскую грань, которая въ той мѣстности при Іоаннѣ III шла рѣкою Семью и рѣкою Клевенью, что̀ отдѣляла теперешній Рыльскій и Путивльскій уѣзды отъ тогдашней Литовской королевской земли. Описаніе одного изъ подобныхъ, и именно Курскихъ, городковъ сохранилось въ подлинной рукописи разбойниковъ, ниже помѣщаемой.

Близкій потомокъ могучихъ Татарскихъ завоевателей, покорившихъ себѣ полміра, Кудіаръ, несомнѣнно, былъ одаренъ этого рода геніемъ, независимо отъ своей личной богатырской доблести. Постоянныя побѣды его надъ старо-Русскою земскою ратью ясно доказываютъ, что онъ былъ и талантливый организаторъ. Дружины его были не только многочисленны, почти также какъ царскія, но и хорошо организованы. Онѣ раздѣлялись на отряды, имѣли подъ-атамана, есауловъ, кошевыхъ, пищиковъ; онѣ были обезпечены оружіемъ, конями, одеждою и провіантомъ. Онѣ были знакомы съ „военною хитростью“ и съ развѣдочною службой того времени. А главное, его дружины были воодушевлены его же могучимъ, побѣднымъ духомъ. Подобно государевымъ крѣпостямъ, у Кудіара имѣлись свои крѣпости и городки. А равно, подобно государевымъ „почтовымъ ямамъ“, у Кудіара имѣлись и свои ямы или „ставки лошадей“. Ютились они повсюду, въ самыхъ глухихъ тайникахъ и лѣсныхъ крѣпяхъ, по верхамъ и яругамъ, не говоря о тѣхъ селеніяхъ, лошади коихъ, конечно, всегда были къ его услугамъ. Подобная ставка лошадей существовала и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Курскимъ рубежемъ, у теперешняго села Бѣлоколодскаго [3]). Благодаря этимъ-то „под-

[1]) Въ Елецкомъ уѣздѣ есть тоже деревня Кудіарова.

[2]) Мѣсто, гдѣ Кудіаръ основалъ свой притонъ въ Бобровскомъ уѣздѣ, Вор. губ., было замѣтно еще въ 40-хъ годахъ этого столѣтія. Послѣ часовой ходьбы изъ села Ясырокъ по маленькимъ извилистымъ тропинкамъ, можно было видѣть мѣстожительство Кудіара, въ видѣ поляны, изрытой ямами и окруженной четырехугольнымъ широкимъ рвомъ. Другой притонъ Кудіара былъ въ Усманскомъ лѣсу; это его городище помѣщается почти въ самомъ центрѣ и теперь обширнаго лѣса. Третій притонъ Кудіара былъ въ Павловскомъ уѣздѣ, въ Шиловскомъ лѣсу. Тамъ же сохранились огромныя могилы, окопы, ямы отъ разныхъ помѣщеній, гдѣ находились конюшни и кладовыя Кудіара. Четвертый притонъ Кудіара былъ въ Задонскомъ уѣздѣ: въ тридцати верстахъ отъ города есть село Горяиново, называемое Кудіарово село; мѣстность отличается гористостью. Въ Коротоякскомъ уѣздѣ, между с. Боршевымъ и с. Костянскимъ, есть „Кудіарово городище“ и т. д.

[3]) Вор. Юбил. Сборникъ, 730. Въ Задонскомъ уѣздѣ, въ 6 верстахъ отъ села Бѣлоколодскаго, по дорогѣ въ г. Липецкъ, и теперь есть „Кудіаровъ логъ“, гдѣ, по преда-

ставнымъ лошадямъ", Кудіаръ и совершалъ свои, уму непонятные, быстрые наѣзды въ мѣстности до того удаленныя отъ его вертепа, что тамъ, гдѣ его и во снѣ не видали, вдругъ появлялся онъ самолично. Потому-то такіе его изгоны, сопровождаясь матеріальными удачами, и въ его вѣнокъ вплетали новыя и новыя лавры. Въ тоже время подставы эти вполнѣ позволяли Кудіару не обзаводиться лишними городищами въ восточной части Курской стороны, смежной съ Орловскою.

Всѣ легенды единогласно свидѣтельствуютъ, что Кудіаръ былъ человѣкъ родовитый и славный храбростью, физическою силой, исполинскимъ ростомъ и своимъ богатствомъ. Грозный, какъ врагъ, онъ былъ вѣрнымъ другомъ. Сказанія и пѣсни восхваляютъ Кудіара, какъ заступника угнетенныхъ и какъ могучаго покровителя народа и всей его бѣдноты - босоты.

Будучи современникомъ Грознаго, Кудіаръ не могъ быть Татарскимъ баскакомъ, такъ какъ при Іоаннѣ IV, смирившемъ улусы Крымскій и Ногайскій, покорившемъ царства Касимовское, Казанское, Астраханское и Сибирское, конечно, не могло быть и рѣчи о баскакахъ среди его собственной державы. Но въ тоже время вполнѣ вѣроятно, что по происхожденію своему Кудіаръ принадлежалъ къ тѣмъ славнымъ богатырямъ и знатнымъ Татарскимъ князьямъ, покорителямъ Руси, которые только одни, и именно въ силу своего могущества и богатства, и могли быть баскаками или откупщиками дани въ завоеванныхъ областяхъ и даже цѣлыхъ царствахъ. А впослѣдствіи многіе изъ такихъ крупныхъ Татарскихъ вельможъ (отъ коихъ нѣкогда зависѣло избраніе и самыхъ великихъ хановъ, владѣвшихъ міромъ), стали родоначальниками извѣстнѣйшихъ фамилій Русскихъ бояръ. Повидимому и Кудіаръ принадлежалъ къ подобному же знатному роду Татарскихъ вельможъ. Въ своемъ историческомъ романѣ „Кудіаръ" Костомаровъ (очевидно, не безъ основанія) описываетъ Кудіара какъ вельможнаго Тульскаго боярина, славнаго своимъ ратнымъ мужествомъ, физическою силой, исполинскимъ ростомъ, а равно богатствомъ. Въ лучшую пору своей жизни Іоаннъ IV весьма благоволилъ къ этому боярину Кудіару, и онъ нерѣдко „накидывалъ на него службишки немалыя". Грозный не разъ избиралъ его своимъ посломъ въ Польскую корону, въ Литву, въ Запорожскую Сѣчь, въ Крымскіе и Ногайскіе улусы и т. д. И всѣ эти службы Кудіаръ, перенося „тѣсноты" и даже смертныя опасности, выполнялъ усердно и успѣшно. Когда же душевный недугъ омрачилъ разумъ Іоанна и, вслѣдствіе этого, онъ сталъ казнить своихъ вѣрнѣйшихъ и ближайшихъ бояръ, изводя крамолу, то его опала легла и на Кудіара. При этомъ даже чудесная сила Кудіара, которую тотъ не жалѣючи тратилъ на пользу отечества, явилась одною изъ причинъ, по которой Іоаннъ искалъ его гибели. Подъ видомъ потѣхи въ честь царя, по случаю прибытія иноземныхъ пословъ, Іоаннъ заставилъ Кудіара выйти

нію, была у Кудіара „ставка лошадей". И мѣсто это, съ крутыми, почти отвѣсными, берегами, было надежнымъ убѣжищемъ"...

на единоборство съ медвѣдемъ чудовищныхъ размѣровъ. Онъ надѣялся такимъ образомъ избавиться отъ своего слуги, въ непоколебимую вѣрность котораго не хотѣлъ вѣрить. Но Кудіаръ и безоружный одолѣлъ медвѣдя. Тогда Грозный послалъ его въ Крымъ съ грамотою, гдѣ говорилось, что гибель этого посланца была бы пріятна царю. Вслѣдствіе этого, Кудіара на вѣкъ заточили въ одной басурманской крѣпости. Но и оттуда онъ спасся, разломавъ желѣзные затворы, и появился на Москвѣ. Не подозрѣвая на себя злаго умысла, онъ снова былъ готовъ на вѣрную службу. По словамъ Костомарова, окончательная размолвка его съ Іоанномъ произошла послѣ того, какъ Грозный, въ припадкѣ душевнаго недуга, велѣлъ повѣсить жену Кудіара, вблизи коей его принудили обѣдать. Это-то наругательство и было причиной возмущенія вѣрнаго боярина. Собравъ толпы недовольныхъ, Кудіаръ поднялъ знамя междуусобной брани. И тотчасъ же лѣса и яруги при-Московскихъ областей переполнились удалыми станичниками. Они жгли и грабили посады, города, монастыри, разбивали обозы и царскія рати. Впрочемъ и изъ ратныхъ людей многіе добровольно переходили на сторону добраго и щедраго боярина Кудіара.

Среди старинныхъ дворянъ Курской губерніи есть родъ М—хъ, давно вышедшій изъ с. Семьяни, теперешней Тульской губерніи (т.-е. мѣста жительства Кудіара). Въ родословномъ древѣ этихъ дворянъ, въ числѣ предковъ, современныхъ Іоанну IV, упоминается и Кудіаръ. Въ этой же фамиліи сохранялась и древняя рукопись „Кладъ Кудіара“. Рукопись эта (недавно утерянная) писана на толстой синей бумагѣ четкимъ, красивымъ полууставомъ. Она поражала перечнемъ баснословнаго количества кладовъ, зарытыхъ Кудіаромъ въ различныхъ областяхъ Россіи. Судя по ней, въ Курской сторонѣ особенно много вкладовъ находится по долинѣ р. Реута. На поляхъ рукописи имѣются странныя помѣты, въ видѣ условныхъ знаковъ, а въ текстѣ помѣщены рисунки особенно цѣнныхъ предметовъ, находившихся въ числѣ кладовъ. Справедливость и точность описанія этихъ кладовъ несомнѣнна, такъ какъ только на основаніи этой рукописи, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Щигровскомъ уѣздѣ, Мелехинской волости, въ лѣсномъ яру, что близъ д. Борисовки, былъ выкопанъ значительный кладъ золотой монеты. Въ этой же мѣстности и теперь возвышается обширный „курганъ Кудіара“, гдѣ, по сказанію народа, а также и по описанію упомянутой рукописи, закопаны великіе клады золотой и серебряной монеты и церковныхъ вещей въ трехъ сундукахъ, поверхъ коихъ положено чумное тѣло. Помимо Кудіаровой записи, какъ бы продолженіе ея, у М—хъ сохранилась и другая древняя рукопись, списокъ съ коей ниже слѣдуетъ.

Рукопись эта интересна во многихъ отношеніяхъ. Мало того, что она устами самого же разбойника знакомитъ насъ со многими подробностями такого важнаго историческаго явленія, какъ правильно организованные разбои, потрясавшіе государственный организмъ древней Россіи, но она еще указываетъ и на тѣ скрывавшіяся отъ насъ причины, благодаря которымъ зло

это держалось такъ долго и могло принимать такіе невѣроятные размѣры. Интересна она и потому, что эта рукопись можетъ служить типическимъ образцомъ тѣхъ записей кладовъ, которые велись пищиками самыхъ именитыхъ станичниковъ древней Россіи. Но, можетъ быть, главное значеніе этого небольшого документа то, что, благодаря ему, наконецъ, является возможность угадать настоящее имя таинственнаго Кудіара.

II.

Извѣстно, что организованныя шайки разбойниковъ стремились завести у себя казацкіе порядки. Они также, какъ и вольные казаки, назывались станичниками, жили въ укрѣпленныхъ городкахъ, которые надо было „доставать головами", вершили свои дѣла „кругомъ", имѣли своего атамана и есауловъ. Потому-то, какъ у казаковъ былъ свой войсковой писарь или пищикъ, такъ и у разбойниковъ былъ свой пищикъ или писарь. Безъ такого пищика всегда хмѣльныя и неграмотныя скопища гультяевъ были какъ безъ рукъ. Многолѣтніе и самые удачные труды ихъ, преисполненные несказанныхъ опасностей, не могли бы принести имъ никакой пользы безъ ихъ пищика. Не рискуя имѣть при себѣ сокровища, добытыя на бою, который ежечасно могъ возобновиться и окончиться не въ ея пользу, а часто не имѣя ни цѣли, ни физической возможности возить съ собою такія непомѣрныя тяжести, и особенно при своихъ столь частыхъ и неожиданныхъ передвиженіяхъ, вольница волею-неволею была вынуждаема закапывать свои сокровища въ землю. И, конечно, подобные тайники избирались въ самыхъ недоступныхъ и глухихъ мѣстахъ и вообще мало извѣстнаго края. Въ виду этого, понятно, что пищикъ, ведшій запись и самихъ предметовъ, составлявшихъ тотъ или иной кладъ, и подробное описаніе мѣстности, гдѣ клады находились, и „примѣтъ", по коимъ хотя бы со временемъ можно было отыскать скрытое сокровище, былъ необходимѣйшимъ членомъ всякой значительной шайки гультяевъ. По свидѣтельству актовъ Ново-Оскольскаго края, въ Курской сторонѣ еще и при Петрѣ Великомъ свирѣпствовали подобныя шайки разбойниковъ, и у нихъ, помимо атамана и есаула, имѣлся и особый пищикъ, на которомъ лежала обязанность переписывать „грабительные пожитки". Конечно, въ такихъ многотысячныхъ скопищахъ, какъ тѣ, коими верховодилъ Кудіаръ, пищики были еще болѣе необходимы: безъ нихъ и самъ атаманъ не только во всей точности не могъ знать, что̀ у него сохранится въ томъ или иномъ его кладѣ, но онъ даже и приблизительно не могъ бы запомнить то мѣсто, гдѣ закопаны его клады, во всей буквальности безчисленные. Нѣтъ сомнѣнія, что прилагаемая рукопись есть подлинная запись пищика, принадлежавшаго къ сборищу Кудіара. Относится же она къ той эпохѣ, когда изъ областей примосковскихъ Кудіаръ со своими полчищами отошелъ въ Курскую украйну, гдѣ одновременно и на большей свободѣ онъ могъ грабить предѣлы земли Московской и земли Литовской.

При чтеніи этой древней рукописи, невольно проникаешься мыслью, что упоминаемый въ ней „атаманъ Иванъ Өедоровичъ“ и есть нашъ славный Кудіаръ. Пищикъ его, то-есть своего рода личный секретарь и любимецъ атамана, какъ человѣкъ болѣе другихъ образованный и безусловно близкое и довѣренное лицо, долженъ былъ знать не только обычное прозвище своего атамана, какимъ, несомнѣнно, является слово Кудіаръ, но и то его христіанское имя Ивана Өедоровича, которое, по обычаю того времени, хотя и чрезвычайно [1]) тщательно скрывалось ото всѣхъ, но которое обязательно должно было быть у всякаго. По объясненію профессора Срезневскаго [2]), слово Кудіаръ значитъ кудесникъ, чудодѣй. И конечно, тѣ чудныя дѣла, бывшія совсѣмъ не по разуму и не подъ силу обыкновенному человѣку, которыя поражали воображеніе современниковъ атамана Ивана Өедоровича, вполнѣ могли стяжать этому необыкновенному человѣку (даже еще и съ его молодости) славу чудодѣя, кудесника—Кудіара [3]). Такимъ образомъ Кудіаръ есть не имя, а прозвище: а также очевидно, что у пищика Кудіарова не могло быть причины скрывать его истиннаго христіанскаго имени. И, наоборотъ, у него были важныя причины непремѣнно упомянуть его настоящее имя, и особенно въ подобной записи. Вѣдь, въ сущности, эта тайная запись предназначалась только для Ивана Өедоровича. Слѣдовательно скрывать въ ней отъ него же самого его собственное имя не было и малѣйшей причины, тогда какъ упоминовеніе въ документѣ, относящемся только лично до могучаго и родовитаго боярина, его простонароднаго прозвища было бы не только неумѣстно, но даже и обидно. Упоминовеніе настоящаго имени главнаго обладателя этихъ сокровищъ, въ такой важной записи, охранявшей цѣлость несмѣтныхъ богатствъ, добыванію коихъ была посвящена вся жизнь многихъ тысячъ станичниковъ, богатствъ, кои обыкновенно закапывались въ клады „съ заклятіемъ“ и съ разнаго рода мистическими обрядами, было необходимо въ смыслѣ старо-религіозномъ,

---

[1]) Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусск. народа въ XVI и XVII ст. Костомаровъ, стр 505. Въ XVI и XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ множество именъ или прозвищъ, которыя существовали вмѣстѣ съ крещенымъ именемъ и употреблялись чаще послѣдняго, такъ что и въ дѣловыхъ бумагахъ назывался человѣкъ не христіанскимъ своимъ именемъ, а прозвищемъ, напр.: первый, смирный, девятый, злодѣй, козелъ, паукъ, Русинъ, злоба, шестакъ, неупокой, нехорошко и т. д. (А. И. II. 213, III—192, IV—19—75, I—76, 83, 85, II—154. Врем. XVIII, стр. 54). Даже священники носили такія имена (Доп. 1 - 392). Иногда было три имени: прозвище и два крещеныхъ имени; одно явное, другое тайное, извѣстное только тому, кто его носилъ, духовнику, да самымъ близкимъ. Это дѣлалось по вѣрованію, что лихіе люди, зная имя человѣка, могутъ ему дѣлать вредъ чародѣйственными способами. Случалось, что человѣка, котораго всѣ знали подъ именемъ Дмитрія, послѣ кончины, на погребеніи, духовные поминали Өедоромъ, и только тогда оказывалось, что онъ былъ не Дмитрій, а Өедоръ.

[2]) И. И. Срезневскій. Святилища и обр. языч. богослуж. древн. Слав., стр. 67, пр. 4. „Кудо—кудеса (ср. чудо—чудеса), кудесникъ—Кудіаръ“.

[3]) Кудіаръ назывался и Кудояръ. Вор. Юбил. Сборн. 1886 г., стр. 729.

такъ какъ „настоящее имя“ имѣло глубоко-религіозное рѣшающее значеніе во многихъ старыхъ обрядахъ, дошедшихъ изъ глубины язычества. И подобные мистическіе обряды, гдѣ первенствующее значеніе имѣло „настоящее имя“, почитались безусловно необходимыми, не только между людями, но даже и между божествами, о чемъ свидѣтельствуютъ самые древніе миѳы. Но и помимо приведенныхъ соображеній, и обстоятельства времени, и обстоятельства мѣста, и всѣ другія обстоятельства, достаточно ясно свидѣтельствуютъ, что атаманъ Иванъ Ѳедоровичъ и не могъ быть кѣмъ-нибудь инымъ, какъ Кудіаромъ. Напр. Кудіаръ—современникъ Іоанна IV и Иванъ Ѳедоровичъ—современникъ Іоанна IV. И какъ тотъ, такъ и другой, такъ сказать, въ одно и тоже время пребываютъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ—въ предѣлахъ Курской украйны, и понынѣ сохранившей урочища Кудіаровскія. Кудіаръ былъ бояринъ, „господинъ“, а подъ-атаманы его—господа, и его вторые атаманы въ рукописи чествуются „господами“. Кудіаръ имѣлъ подъ рукою многотысячныя скопища, и атаманъ Иванъ Ѳедоровичъ имѣетъ все тѣже многотысячныя скопища. Какъ у Кудіара были городища, такъ и у Ивана Ѳедоровича были городища. И они такъ обширны и знатны, что самъ же пищикъ называетъ ихъ „городами“, имѣвшими особыя прозвища и извѣстныя даже на Москвѣ. Подобно Кудіару, Иванъ Ѳедоровичъ нимало не страшится ни ближайшихъ царскихъ крѣпостей, ни воеводъ, съ ихъ ратными людьми, сознавая свои необычайныя силы. А потому они или добровольно садятся въ осаду, то-есть затворяются въ свои же укрѣпленныя городища, или же въ „крѣпости“, т.-е. въ силѣ и крѣпости, иначе—силóмъ пробиваются на ту или на иную сакму, болѣе для нихъ выгодную. Но нерѣдко скопища эти одновременно занимали укрѣпленныя городища и рыскали по сакмамъ. А помимо того, летучіе отряды ихъ, въ видѣ постоянныхъ заставъ у бродовъ и переѣздовъ, охватывали цѣлые округи, какъ напр. „отъ рѣки Воръ-скла до р. Воръ-склицы... по рыжному шляху“. Въ тоже время другіе ихъ, совершенно самостоятельные, т.-е. иначе говоря, тоже весьма многочисленные отряды, со вторыми атаманами, ходили и въ предѣлы Литовскіе, въ Кролевецъ. Словомъ, и по своему времени, и по мѣсту своей дѣятельности, и по высоко-геройскому духу, и по царственному могуществу, атаманъ Иванъ Ѳедоровичъ не можетъ быть инымъ, какъ Кудіаромъ, который во времена Іоанна только одинъ и прославился подобными подвигами. Изъ рукописи видно, что на Москвѣ также хорошо знали, чтó творится въ городищѣ атамана Ивана Ѳедоровича, какъ въ его притонѣ знали то, чтó творится въ Москвѣ. А потому, едва, напр., Крымскій посолъ собирался выѣзжать изъ Москвы „съ выходною казной“, какъ Иванъ Ѳедоровичъ уже и готовился его встрѣтить. При этомъ онъ до подлинности зналъ, и по какой сакмѣ пойдетъ этотъ посолъ, и какія именно сокровища везетъ онъ съ собою. Едва царскіе ратные люди задумаютъ идти „по головы“ станичниковъ. какъ тѣ и это узнаютъ своевременно и принимаютъ мѣры для избѣжанія бѣды. И, конечно, все это было чрезвычайно на руку станичникамъ. И вѣсти эти шли до разбойниковъ не отъ какой-нибудь мелкой сошки (при-

казныхъ, готовыхъ за алтынъ выпустить изъ тюрьмы любого „вязника“), а отъ самыхъ главныхъ и важныхъ бояръ, какимъ, напр., былъ князь Глинскій. А также, неизвѣстно, насколько эти услуги атаману Ивану Θедоровичу Кудіару были безкорыстны; но извѣстно, что не только во времена Грознаго, но и несравненно позднѣе, когда и нравственность была уже не та, да и порядки были построже, весьма знатные люди еще самолично выѣзжали на разбой. И творилось это не гдѣ нибудь въ „заглазной“ украйнѣ, а буквально въ виду Московскаго Кремля и его царскихъ теремовъ. Такъ, „въ 1688 г. князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій и Иванъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ. Лобанова били кнутомъ и отняли 400 дворовъ крестьянъ безповоротно. А Микулина били кнутомъ, отняли всѣ имѣнія и вотчины и сослали въ Сибирь“ [1])... Что же касается собственно до князя Михаила Глинскаго, то именно онъ-то болѣе другихъ и былъ склоненъ и къ личному разбою, и къ корыстному участію въ разнаго рода разбойничьихъ предпріятіяхъ, не говоря уже о весьма возможныхъ политическихъ причинахъ. Такой человѣкъ, какъ онъ, мучившій тѣхъ, кого законъ повелѣвалъ ему охранять и снимавшій съ шеи нищаго его сумку, конечно и не могъ не прельститься тѣми несмѣтными сокровищами, какими обладалъ атаманъ Иванъ Θедоровичъ. Потому, очевидно, Глинскій былъ соучастникъ въ этихъ страшныхъ подвигахъ Кудіара, своего славнаго современника, величайшаго и богатѣйшаго разбойника, который когда-либо появлялся на свѣтъ Божій. И только, имѣя свои выгоды, свою опредѣленную „часть“ въ его опасномъ, но и выгодномъ дѣлѣ, такой преступный корыстолюбецъ, какимъ былъ Глинскій, и могъ посылать изъ Москвы въ дикую степь, въ ужасный вертепъ разбойниковъ, особыхъ верховыхъ, „своихъ поѣзжиковъ“ Чрезъ нихъ онъ постоянно пересылалъ вѣсти о томъ, что царская рать собирается по головы станичниковъ и чтобы пріятель его, Иванъ Θедоровичъ Кудіаръ, не прозѣвалъ бы и Крымскаго посла, идущаго съ великою казной и т. д. Разбои Глинскаго увѣковѣчены даже и въ лѣтописяхъ. Въ Псковской лѣтописи говорится: „И той князь Михаилъ Глинскій, большой воевода, съ людьми своими, идучи дорогою (на Ливонскіе Нѣмцы), сильно грабилъ своихъ, и на рубежѣ люди его деревни Псковскія земли грабили и животы сѣкли, да и дворы жгли христіанскіе. И царь и великій князь Иванъ Васильевичъ про то опалился и велѣлъ обыскать кого грабили дорогою и на немъ инымъ доправити тѣ грабежи“ [2])... При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи тождества Кудіара съ атаманомъ Иваномъ Θедоровичемъ немалое значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что рукопись о кладахъ Кудіара и рукопись о кладахъ атамана Ивана Θедоровича издревле сохранялись въ одномъ и томъ же семейномъ архивѣ, какъ документы, очевидно, относившіеся къ одному и тому же родственному лицу и дополнявшіе другъ друга. А потому едва ли есть основаніе усомниться, что и Кудіаръ и Иванъ Θедоровичъ есть одно и то-

---

[1]) Истор. описаніе Троицкой лавры.

[2]) Псковскія лѣтописи, изд. Погодина, 1837, стр. 194.

же лицо. А слѣдовательно и древняя рукопись и есть подлинная запись пищика Кудіарова.

III.

Первые листы этой рукописи, пережившей половину тысячелѣтія, оторваны. Мыши тоже порядочно попортили ее. Чтеніе ея особенно затруднительно, по отсутствію знаковъ препинанія и по отсутствію буквъ ѣ, ъ, ь. При этомъ цѣлыя выраженія и отдѣльныя слова, вышедшія изъ употребленія, не всегда понятны. Но, не смотря на все это, рукопись эта весьма дорога любителю отечественной старины. Для удобства чтенія она переписана современными буквами, и по возможности въ ней разставлены знаки и недостающія буквы. Многія слова объяснены въ примѣчаніи, непонятныя выраженія сопровождаются вопросительнымъ знакомъ. Слова вставленныя по требованью смысла заскобены. Мѣста попорченныя обозначены точками.

IV.

Древняя рукопись.

....отъ города [1]) на полдень городили курганъ въ нижнихъ воротахъ поразовомъ (въ) право. Подли того валу дорога, влѣву нижнихъ воротъ вышла отъ острова [2]), вни колодезя. А по той дорогѣ чеботарное дерево [3]). Тамъ на немъ положенъ камень, на камнѣ признаки: чеботарное дерево.... въ мѣрѣ около дерева за двѣнадцать сажень, отъ города 23 сажня, ниже нашего Городища-колодезь [4]) большой упалъ въ рѣку; а выше городища—суходоля. Отъ лѣсу (у) верхнихъ воротъ камень положили. На немъ признаки: пять граней. Подъ нимъ пивной котелъ денегъ. Въ нижнихъ воротахъ могила, за городомъ до саженя [5]). Отъ города идучи въ лѣвую сторону отъ могилы поставили сундукъ. Въ немъ путный [6]) котелъ денегъ. Отъ верхнихъ воротъ на колодезь мостъ мощенъ [7]). Поверхъ того стоитъ дубъ. На дубу примѣта семь выплавковъ. Тотъ дубъ въ старину разбилъ громъ, и отъ того дуба восемь сажень.... Коли былъ [8]) Крымскій посолъ въ Москву, взялъ выходъ нашъ засиленъ(?) По семъ намъ на годъ [9]) *прислалъ къ намъ съ Москвы Глинской князь сво-*

[1]) Т. е. отъ разбойничьяго городища.

[2]) Лѣсной островъ—отдѣльный лѣсокъ.

[3]) Чеботарное дерево—липа, лубокъ, который у чеботарей т. е. у сапожниковъ, и теперь идетъ на подѣлку чеботовъ.

[4]) Колодезь—ручей.

[5]) Т. е. приблизительно съ сажень.

[6]) Путный, дорожній, походный т. е. маленькій котелъ, который увязывался у сѣдла.

[7]) Мостъ въ этомъ случаѣ—гать.

[8]) Когда былъ.

[9]) Годъ иногда значитъ Рождество, святки и время гаданій.

его поньчика къ Ивану Федоровичу. Пишетъ, Иванъ Федоровичъ, пошелъ посолъ въ Крымъ. И мы скинули [1]) съ тѣхъ становъ: ту казну отбили на «Бокаевомъ шляху» [2], межъ красныхъ городовъ положили. Положили ту казну на Красномъ городищѣ [3]), въ Нижнихъ воротъ за городомъ, положили семнадцать тысячъ, двадцать саженъ отъ городища. Во всякомъ сажни клали по камню жернами межъ ними. На казнѣ признака свиня [4]) свинцу положена. У тѣхъ нижнихъ воротъ ровъ. И тутъ черезъ него мостъ. Вправу... косаго сажня въ землю у верхъ его—путный котелъ денегъ серебра, а подъ нимъ винный кубъ серебра. У города кубъ, а за городомъ другой. Передъ передними вороты—поляна, что̀ къ мосту черезъ колодезь, за мостомъ поляна, въ концѣ мосту. На полянѣ могила. Въ той могилѣ пивной кубъ серебра. На немъ признаки—свинцовая свиня. Вышь тою мосту дубъ-дурень, желтоватъ, семь выплавковъ. И отъ того дуба восемь саженъ могила-долгая. Въ той могилѣ семьдесятъ возовъ воску. На немъ признака—девять сковородъ. Размѣренъ пополамъ отъ дуба и до могилы, стоитъ кубъ серебра. На немъ признаки: паносили (песку) ... изъ колодезя былъ съ камушками красными и желтыми. Да подкараулили мы два Татарина. На Муравской сакмѣ [5]) мы ихъ уфатили и стали ихъ пытать. И они

---

[1]) Т. е. мы съѣхали со стана.

[2]) По лѣвому берегу рѣки Днѣпра издревле существовала „свиная дорога,.. шедшая съ Крыма на Москву. Проходя и по Западной части Курской стороны, называлась она свиною потому, что она удивительно пряма—„какъ свинья бѣгаетъ“. Когда же по ней прошелъ на Москву ханъ Бокай, который и перешелъ р. Семь (въ предѣлахъ Курской губ.) у Городищенскаго Городища, то дорогу эту прозвали „Бокаевымъ шляхомъ“. А послѣ того какъ воевода Путивльскій Григорій Григ. Ромодановскій при царѣ Өедорѣ Алекс. въ 1634 г. прошелъ съ Русскою ратью отъ Путивля къ Чигирину по этому (какъ наилучшему) шляху, то эта нижняя часть Бокаева шляха и прозвалась „Ромодановскимъ шляхомъ“. Но верхняя сѣверная часть того же шляха и сейчасъ безразлично прозывается въ чертѣ Курской губ. то „свиною дорогою“, то Бокаевымъ шляхомъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится.... „А тою свиною дорогою приходили Бѣлогородскіе (т. е. Акерманскіе) Татарове, на Рыльскія, Корочанскія, на Болховскія и на Орловскія мѣста Бокай-Мурза какъ Польскихъ городовъ, Оскола, Бѣлгорода и Курска, не было“... Бокаевъ шляхъ отъ Курска къ Харькову идетъ на с. Клепалы а на Сѣверъ къ Орлу черезъ село Гномоздино, Почейное, Селино, Глубокое и т. д.

[3]) Среди Курскихъ урочищъ сохранилось и много всякаго рода Красныхъ, въ Бѣлгор. уѣз. 1 стана есть и Красный Острожекъ, и именно на р. Ворсклѣ, въ 27 в. отъ города.

[4]) И теперь свинецъ продается въ слиткахъ, что̀ называется „свинья—свиня“.

[5]) Муравская сакма идетъ изъ Екатеринославской губ. отъ урочища Муравска, гдѣ былъ и городокъ того же имени, теперь слобода Монастыровка, на Москву. Она прорѣзаетъ всю Курскую губернію съ Юга на Сѣверъ и переходитъ р. Семь въ 40 в. отъ Курска у Мѣловаго-Брода,

сказывали: идетъ посолъ Крымской, былъ въ Москвѣ съ подарками везетъ бочку «земчугу» да семнадцать блюдъ царскаго стола. И мы его разбили между Воръ-скла и Воръ-склицы. И тамъ добро положили на Красномъ Городищѣ у переднихъ воротъ въ конецъ валка, косого саженя [1]). А съ того валка бочку земчугу. Когда наши господа ходили по Кролевцу, вѣдомость получили, что идутъ по наши головы со многою силою. И мы Московскую дорогу минули, въ той тѣснотѣ не просидѣли, пошли въ крѣпости на Муравскую сакму и пришли къ круглинкому лѣску. Тотъ мы лѣсокъ подмѣтили—полуденную сторону. На всякомъ дубу клали по три вырубовъ. А (съ этой стороны лѣсъ) Еругинъ сѣкли: на дубѣ семь вырубовъ, по дубамъ Ивана Степаныча кошевой [2]). На немъ признаки положили. Отъ той грани высоко стоитъ пивной кубъ серебра. Да съ полуночной стороны копали мы погребъ, засыпали его и топтали конями. На немъ положили признаки—три пушечныхъ .... (ядра). Съ восточной стороны того-же лѣска стоитъ курганъ. И на томъ курганѣ мы (сдѣлали) два жеребья вскопали съ восточной стороны. Да пошли мы на «Бокаевъ шляхъ» и положили камень, чтобы своихъ нѣтевыхъ [3]) .... (увѣдомить). И на камнѣ положили 12 граней. Пошли. Настигли къ Муравской сторонѣ ... но насъ къ Сакменки [4]) не допустили: осадили (насъ) на пристѣнку [5]) вышелъ колодезь. А вышедши изъ Пристѣнку развернулся озеромъ и пошелъ протокомъ и вышелъ протокомъ. И мы, смертушку свою видя, сдѣлали заговоръ, чтобы наша казна не досталась .... (осаждающимъ царскимъ ратнымъ людямъ). Сносили чересы [6]) и хоены [7]). Насыпали ихъ пив-

---

[1]) Т. е. въ землю, на глубину косого сажня.

[2]) Кошъ по казацки и по разбойнически значитъ обозъ. Кошевой завѣдующій телѣжнымъ обозомъ. „Дубы Ивана Степаныча" могутъ означать дубы, кои имѣли „знаменье" т. е. особую мѣту кошеваго Ивана Степанова и которые указывали путь-дорог по лѣснымъ яругамъ, годную для проѣзда обоза.

[3]) Т. е. кого нѣтъ—отставшихъ отъ партіи.

[4]) Сакменками называются поперечныя дороги, соединяющія два шляха или двѣ сакмы. Есть и деревня Сакменка въ 45 в. отъ города Стараго-Оскола на колодцахъ.

[5]) Въ чертѣ Курской губерніи есть еще нѣсколько урочищъ и селеній Пристѣнныхъ. Такъ въ Бѣлогор. уѣздѣ 3 стана есть деревня Пристѣнная, р. Сѣверскій Донецъ. 18 в. Бѣлгород. уѣзда 1 стана с. Пристѣнъ (Маслово) р. Сѣверный Донецъ 18 вер. Обоянск. уѣз. 2 ст. сельцо Пристѣнь, рѣка Пѣна 37 вер. Тимск. уѣзда 4 ст. с. Пристѣнное р. Донецкая-Селища и т. д. Именно это Пристѣнное и находится на сакмѣ. Пристѣнками называются отвѣсные берега овраговъ.

[6]) Народъ, а особенно солдаты и теперь носятъ „череса". Это коженый узкій кошелекъ, который перевязывается черезъ ногу, между колѣномъ и икрою правой ноги.

[7]) Хоенъ повидимому родъ кожанаго мѣшка-гам..а, носимаго не на ногѣ, а на шеѣ, на горлѣ, которое народъ часто называетъ хайло, хайно.

ной котелъ и поставили его къ Пристѣнку. Къ нему положили по обѣ стороны ручья грани. И нашъ *господинъ* учинилъ вѣдомость [1] .... (что) пришли къ намъ на очистку кони [2] ..... (Мы) побѣжали. И пришли *наши господа*, которые казну привезли изъ Литвы. Стали обыскивать тотъ колодезь на три плоти [3]). Середній плотъ выше всѣхъ. На той плотѣ мы копали погребъ [4]). Въ немъ положили все свое доброе данное [5]) ... На немъ признаки: пять возовъ каменьевъ, сосну цѣликомъ. На *томъ стану* (прежде) *стояли три года.* А сторожу держали между р. «*Воръ-Скломъ*» и «*Воръ-Склицы*». Другая сторожа на Рыжной дорогѣ [6]), на растаняхъ [7]), на сумежну. Въ немъ признаки: шесть сабель ... Да на тѣхъ растаняхъ, у дуба ...а отъ дуба на растаняхъ двѣнадцать паръ сошниковъ: тулья въ тулью, подъ дерномъ. Подъ ними винный кубъ серебра. Да съ Литовской стороны полѣву сторону ѣдучи возли еружки. Изъ еружки вышелъ колодезь, вышь колодезя стоитъ дубъ. И къ дубу прислонили камень. *На камнѣ лукъ выгнутъ, стрѣлою въ могилу* [8]). И той могилы длинна..... двѣнадцать тысячъ выходной казны [9]). Съ полуденной стороны стоитъ ясень, сбочь ясеня верченъ камень. На восточную сторону отъ камня—путной котелъ денегъ.

---

[1]) Т. е. получилъ извѣстіе, которое передалъ и всей шайкѣ.

[2]) Т. е. для очистки мѣстности отъ нашего присутствія, пришла кавалерія помимо пѣшей рати.

[3]) Плотою называется каждый отдѣльный протокъ воды, изъ коихъ образуется рѣчка или большой ручей-колодезь.

[4]) Среди Курскихъ урочищъ, тоже повидимому разбойничьихъ, существуютъ и Погребенскіе, напр. во Льговскомъ у. 4 стана есть д. Негребенки, р. Локня 31 в.

[5]) Т. е. конскую сбрую.

[6]) Рыжная дорога—Рижская.

[7]) Въ Курской губ. и теперь перекрестки большихъ дорогъ наз. растанями. Впрочемъ тутъ существуютъ и особыя урочища, называемыя этимъ же именемъ.

[8]) Нѣсколько древнихъ шляховъ въ Курской сторонѣ именуются „сагайдаками“ будто-бы потому, что Запорожскій гетманъ Конашевичъ Сагайдачный, какъ союзникъ Поляковъ, въ смутное время шелъ по нимъ въ Москву. Но очевидно „сагайдаки“ много древнѣе упомянутаго гетмана. Къ тому же Сагайдачный шелъ по одному шляху и только на Сѣверъ. Въ Курской сторонѣ Сагайдаковъ три, и одинъ изъ нихъ идетъ съ Запада на Востокъ къ городу Коротояку, куда Сагайдачный и не ходилъ. Вспомнимъ, что въ числѣ почетнѣйшихъ трофеевъ Кіевскаго вел. князя, разбившаго Половцовъ, былъ и т. наз. „Половецкій сагайдакъ“. Древніе камни съ лукомъ и стрѣлами, о коихъ упоминаетъ рукопись и которые еще встрѣчаются въ степи, въ сущности изображаютъ „сагайдаки“. Не отъ нихъ-ли древніе шляхи называются Сагайдаками? Самъ Конашевичъ носилъ названіе „Сагайдачнаго“ за свою зоркость и искусство стрѣлять изъ лука-сагайдака.

[9]) Великіе князья Московскіе платили Крымскимъ Татарамъ „дани—выходы...“

Ѣдучи въ Русь [1]) къ Солотенной [2]) съ правой стороны вышелъ гребень. На томъ гребнѣ кубъ положили (и) пушку: девятнадцать саженъ отъ Солотенки. А та пушка насыпана талерами и залита оловомъ. Сбочь ее, съ полуночной стороны саженъ прокопали ровъ. Между тѣхъ прокоповъ отмѣрено четыре сажени ногами и поставили пивной котелъ денегъ. Отъ пушки къ пушкѣ по три сковороды, да ломанный котелъ. Съ полуденной стороны отъ ложка̀ съ лозами и съ осинами и съ полями и съ полуночной стороны—сухая верхняя дубровка. Тутъ у насъ караулъ былъ. На западную сторону вышелъ колодезь. Тотъ мы колодезь запечатали [3]) каменемъ и иструбомъ дубовымъ. Выше его, на крутой горкѣ полтора саженя грани косаго сажня. Межъ граней и колодезей *положили книгу* [4]) (глубиною) косаго сажня въ землю. Вверхъ его путный котелецъ денегъ. На немъ признаку — свиня свинцу. *Попамятуй братецъ*! Долгая яружка связалася ... съ яружкою ... Тутъ мы привезли кочку шестьми коньми ниже куста. А подъ кочкою ссыпанъ земчугъ ... Да и поѣхали ... (по этой) корытинѣ [5]). И наша корытина ни во что вышла [6]). А въ корытинѣ посадили ракитовъ кустъ—ни вѣсть принялся, ни вѣсть нѣтъ. И наша корытина рублена 30 саженей [7]), а поперекъ шесть саженей. И вверхъ корытины—дубъ со скредью [8]). И подъ тѣмъ дубомъ положенъ пивной котелъ денегъ. А на немъ признаки: трое конскихъ желѣзъ [9]). Съ Крымской стороны

---

[1]) Русь—Сѣверъ отъ Крыма.

[2]) Солотенныхъ урочищъ много есть въ Курской губ., рѣка Солотенка и рѣка Сухая Солотинка.

[3]) Т. е. запечатлѣли, замѣтили.

[4]) *Книга желѣзная.* Помимо рукописей, всегда имѣвшихся у разбойниковъ подъ рукою, въ хорошо организованныхъ шайкахъ станишниковъ велися еще и особыя книги, гдѣ со всѣми подробностями описывались и вещи кладовъ, и мѣста ихъ нахожденія. Такія записи назывались „желѣзною книгою“, потому что были переплетены въ металлическія доски, съ металлическими пряжками на ремняхъ и сохранялись въ котлахъ, накрытыхъ сковородами при главнѣйшемъ кладѣ. Описанія подобной желѣзной книги и самаго способа храненія кладовъ въ высшей степени интересны и имѣются въ рукописи „Попутчикъ Сагайдачнаго“, не такъ давно найденной Курской губ. Щигр. уѣз. въ селѣ Озернѣ на чердакѣ дома г-на Рышкова. Самое восклицаніе: *Попамятуй братецъ*! доказываетъ всю важность подобной книги въ глазахъ пищика.

[5]) Корытина, ложбина корытообразная.

[6]) Т. е. вышла въ чистое поле разлужисто

[7]) Вырублено на 30 саженей въ длину.

[8]) Дубъ оскребенный.

[9]) Въ Курской губерніи и по сіе время употребляются конскія желѣзныя путы, коими съ помощью замка съ высокою дужкою сковываютъ переднія ноги лошадей, и по преимуществу такія путы и называются конскими путами.

курганецъ—могилою. Тамъ ссыпанъ пивной кубъ серебра. На немъ признаки: трое сошники... По концамъ (курганецъ) хрящемъ сыпанъ. Съ Крымской стороны—крутая а съ Московской—рохва [1]). Да поѣхали съ Крымской (стороны), да на дорогѣ жъ стоялъ дубъ. И мы у того дуба утерли [2]) вѣтя и положили винный кубъ серебра [3]) ....(и) не доложили. И мы доложили (его) плащами. Вбили въ вѣть сабельный конецъ. На кореню подъ нимъ подъ однимъ дерномъ—трое конскихъ желѣзъ. Да поѣхали.... Въ растаняхъ положили трубы: двѣ золота, а двѣнадцать (трубъ) земчугу. А признакъ имъ сошники [4]) съ Крымской стороны.

Конецъ [5]).

Ростиславъ Марковъ.

---

[1]) Съ Сѣвера пологого, а съ Юга обрывистый курганъ. Такой типъ могилъ описывается еще Геродотомъ у Скиѳовъ.

[2]) По курски утереть—значитъ обрубить.

[3]) Въ виду частаго упоминовенія въ этой рукописи о зарываніи въ землю кладовъ въ котлахъ-кубахъ (т. е. четыреугольныхъ), въ котлахъ пивныхъ, въ котлахъ винныхъ, въ котлахъ путныхъ и въ другихъ котлахъ, умѣстно отмѣтить массу урочищъ и селеній Курской губерніи, называемыхъ и теперь Котлевскими: Льгов. уѣз. 2-го стана слоб. Котлевка р. Котлевка 28 вер. Льговскаго уѣзда 2-го стана село Котлевка на рѣкѣ Котлевкѣ 29 в; Ново-Оск. уѣзда, 3-го стана хуторъ Котельная-Плата при колодцѣ Ново-Оск. уѣз. 3-го стана слобода Котельная-Плата при колодцѣ, Обоянскаго уѣз. 1-го ст. с. Котельниково р. Верхъ-Польной 12 вер.

[4]) Сошники—желѣзные наконечники сохи.

[5]) Въ данномъ случаѣ слово „конецъ" очевидно относится не ко всей этой древней рукописи, а лишь къ приведенной нами отдѣльной главѣ. Въ старину во многихъ рукописяхъ каждая глава рукописи имѣла особое заглавіе или начало и свой конецъ только къ этой главѣ.

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ *).

1833—1844.

31-го Марта 1833 года князь Ливенъ былъ смѣненъ талантливымъ и блестящимъ Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ, и положеніе дѣлъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія рѣзко перемѣнилось. Наступили Николаевскія времена: повсюду быстро стали выдвигаться люди съ «трезвеннымъ» направленіемъ; кто хотѣлъ успѣвать, тотъ долженъ былъ отрезвиться отъ прежнихъ увлеченій, а восторженностью и склонностью къ пневматологіи можно было лишь окончательно повредить себѣ на службѣ. Мистики и «квакеры-беверлеи» стали не нужны; къ нимъ начали относиться съ недовѣріемъ и даже съ усмѣшкой. Лишь въ почтовомъ вѣдомствѣ, которымъ завѣдывалъ князь А. Н. Голицынъ, еще долгое время оставались люди Александровскаго закала. Но Ю. Н. Бартеневъ не сознавалъ происшедшей перемѣны. Увольненіе его отъ службы совершилось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: чинъ коллежскаго совѣтника былъ ему данъ «вслѣдствіе особаго удостоенія Комитета г.г. Министровъ». Полный силъ и всякихъ начинаній, онъ искалъ болѣе широкаго примѣненія своей педагогической опытности.

Оставивъ свою жену въ Костромской деревнѣ, Ю. Н. пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ находится въ тѣсномъ общеніи съ литературнымъ кружкомъ, ведетъ знакомство съ своимъ землякомъ, Л. Надеждинымъ, съ Н. А. Полевымъ, котораго знакомитъ съ сочиненіями Сковороды; пишетъ какую-то статью «о вліяніи кометъ на землю», занимается своими любимыми мистиками, и въ тоже время предается «безумствамъ страстей». А между тѣмъ его Петербургскіе доброжелатели хлопочутъ о пріисканіи ему мѣста. На что разсчитывалъ въ это время Бартеневъ, видно изъ слѣдующихъ писемъ.

Письма Ѳ. И. Прянишникова.

1.

Давнымъ давно не откликивались мы другъ другу, любезнѣйшій Юрій, какъ будто между нами необозримая степь, въ которой исчезаетъ голосъ человѣческій; но степей не знаетъ дружба, начатая въ

---

*) См. выше, стр. 395.

дѣтскихъ лѣтахъ, продолжавшаяся въ юношествѣ и окрѣпнувшая въ полномъ возрастѣ. Хотя ты и не писалъ ко мнѣ; но я увѣренъ, что сердце твое часто вспоминало о мнѣ. Будь и ты увѣренъ, что если я молчалъ, то сердце мое говорило съ тобой. Дай же мнѣ руку, въ прикосновеніи которой я ощутилъ бы огонь дружбы, согрѣвавшей меня столько десятковъ лѣтъ. Сѣтуй на меня, но не сомнѣвайся въ перемѣнѣ чувствъ: одно я заслужилъ, другое обидитъ меня; а обидѣть ты не захочешь меня.

Теперь къ дѣлу. Ты пожелалъ быть помощникомъ попечителя Кіевскаго округа. Г. Брадке, попечитель, въ Петербургѣ, и я знакомъ съ нимъ, на ногѣ и у него. Къ своей просьбѣ присовокупилъ живое участіе князя. Вотъ отвѣтъ: помощника теперь нѣтъ и долго не дадутъ Кіевскому попечителю по малости округа; но г. Брадке предлагаетъ другое мѣсто, гдѣ ты будешь полнымъ хозяиномъ: мѣсто директора Безбородкинскаго Лицея въ Нѣжинѣ, отстоящемъ отъ Кіева 100 верстъ. Жалованье 3000 и помѣстительная квартира съ отопленіемъ. (Вѣроятно дадутъ полныя 4/т., которыя получалъ прежде; но это мое предположеніе). Климатъ прекрасный, близость отъ Кіева, сосредоточенность надзора и прекраснѣйшій начальникъ Брадке. Все это n'est pas à dédaigner. Ты будешь въ своей сферѣ учебной и ученой. Способности и христіанскія правила твои получатъ упражненіе: осѣменять 50 умовъ и сердецъ сѣменами просвѣщенія и доброй нравственности. По вызову князя, я познакомилъ съ нимъ г. Брадке, которому его сіятельство рекомендовалъ тебя въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и получилъ тотъ же отзывъ, какой и мнѣ сказанъ и тѣже предложенія о директорствѣ Нѣжинскомъ. Князь и я будемъ ждать твоего отвѣта. Подумай-ка, друже Юринька, и молви мнѣ слово для передачи и Брадке, и князю. Въ ожиданіи обнимаю тебя отъ всего сердца и цѣлую ручку Екатерины Степановны. Твой душевно преданный

Ѳ. Прянишниковъ.

29-го Генваря 1834.
С.-Петербургъ.

2.

13 Февраля 1834.
С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій Юрій.

Отвѣтъ твой на письмо мое отъ 29-го Января, получилъ я въ Воскресенье 11-го Февраля въ одиннадцать часовъ утра, а г. Брадке выѣхалъ того же дня въ 7 часовъ утра же, по Бѣлорусскому тракту, а не чрезъ Москву. Нужно ли послѣ этого объяснять умному уму твоему, что я не имѣлъ физической возможности предложить ему твои вопросы, относительно условій къ принятію предлагаемаго мѣста? За

неимѣніемъ сей возможности буду говорить собственныя мои мысли и соображенія.

1-е. Демагогическихъ правилъ, которыми, по дошедшимъ до тебя свѣдѣніямъ, зараженъ Нѣжинскій Лицей, г. Брадке врагъ и по обязанности, и по внутреннему убѣжденію. Дѣйствуя въ духѣ монархическомъ и искореняя зловредныя правила, ты будешь дѣйствовать соотвѣтственно образу мыслей попечителя, и слѣдовательно заслужишь одобреніе его и правительства.

2. Ты любишь вводить въ служеніе твое военную дисциплину; это же любить и г. Брадке, которому она сдѣлалась обычною по долговременной службѣ его военной, оставленной имъ года съ два не болѣе. Онъ служилъ въ свитѣ полковникомъ, должность занималъ оберъ-квартирмейстра корпуснаго и въ послѣднюю Польскую войну былъ начальникомъ штаба авангарда.

3. Правила г. Брадке суть правила умнаго, дѣятельнаго гражданина и практическаго христіанина; характера кроткаго, но съ твердою волею. Въ должности онъ начальникъ полный и противурѣчій не терпитъ; дома онъ пріятель искренній добрымъ подчиненнымъ и готовъ выслушивать всѣ противорѣчія и объясненія.

4. Дабы ознакомить тебя съ образомъ мыслей его по предмету воспитанія, прилагаю экземпляръ циркулярнаго предложенія его, изъ котораго увидишь ты откровенность его и прямоту. По прочтеніи возврати мнѣ, ибо не моя собственность.

5. Кажется, что не будетъ препятствія назначить тебѣ въ дополненіе къ штатнымъ 3/т., еще 1/т.. чтобы составить полныя 4/т., которыя получалъ ты въ Костромѣ. Это даже и водится: не отнимають то, чтò Государь пожаловалъ.

6. На отпускъ, вѣроятно, также согласятся, разумѣя непродолжительный.

7. Пріѣзжать въ Петербургъ теперь не для чего. Можешь побывать, когда пойдетъ дѣло объ опредѣленіи, тѣмъ болѣе, что мѣсто еще не очищено, а только предполагается.

8. Если рѣшился на принятіе мѣста, совѣтую написать къ г. Брадке письмо, которымъ ты ознакомилъ бы его съ твоими понятіями; по опытности твоей, ты будешь имѣть многое сказать. Упомянешь и о жалованьѣ, разумѣя прибавку не 3100 р., а только ту, какая составитъ 4/т.

9. Спеціальность рекомендаціи князя, сколько упомню, состояла въ томъ, что «г. Бартеневъ есть человѣкъ умный, образованный и способный; правилъ честныхъ и даже болѣе — христіанскихъ. Я съ нимъ въ перепискѣ и люблю читать письма его; князь Сергій Михай-

ловичъ былъ прежде предубѣжденъ, но, осмотрѣвъ гимназію его и познакомясь съ нимъ, отдалъ полную ему справедливость, намѣреваясь даже ввѣрить ему учреждаемую въ Москвѣ гимназію; ce n'est pas un homme à dédaigner» *).

10. Г. Самсоновъ былъ у меня, и я ему все объяснилъ, но избавилъ отъ труда быть моимъ секретаремъ (въ перепискѣ съ друзьями я люблю писать самъ), а чтобы удовлетворить твоему желанію, очинилъ перо особымъ очиномъ и написалъ съ такимъ тщаніемъ, какого не помню лѣтъ десятокъ по болѣе.

11. Буду ожидать и твоего увѣдомленія и не премину писать къ маменькѣ, которая хорошо знакома съ г. Брадке.

12. Воистину это Авраамово переселеніе, особенно по отдаленности отъ имѣнія; и потому спокойно и непринужденно и зрѣло обдумай.

13. Странно, что ты писалъ ко мнѣ въ день твоего рожденія, и мнѣ пришлось отвѣчать также въ день рожденія моего.

Обнимаю тебя всею душею и, желая всѣхъ благъ, остаюсь, какъ прежде такъ и теперь, твой другъ Теодоръ. Екатеринѣ Степановнѣ, свидѣтельствуя мое душевное почтеніе, цѣлую ручки. Жена будетъ отвѣчать сама, а пока усердно кланяемся обоимъ».

*

Демократическій духъ, внушившій Юрію Никитичу такое опасеніе и изобличенный уже ревнителями просвѣщенія въ родѣ Рунича и Магницкаго въ Петербургскомъ и Харьковскомъ университетахъ, проявился въ Нѣжинской гимназіи по слѣдующему поводу.

Въ 1827 году старшій профессоръ политическихъ наукъ, М. В. Билевичъ, завидуя успѣху младшаго профессора Римскаго права, Н. Г. Бѣлоусова, подалъ на него въ конференцію гимназіи рапортъ. Въ немъ онъ заявилъ, что «примѣтилъ въ нѣкоторыхъ ученикахъ нѣкоторыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія на основаніяхъ права естественнаго, которое читается не по системѣ де-Мартини, а на основаніи философіи Канта и Шада». Бѣлоусовъ представилъ конференціи свои записки съ рѣзкою отповѣдью Билевичу; «этотъ послѣдній (писалъ онъ) не можетъ быть судьей его лекцій уже потому, что о Кантовой философіи никакого понятія не имѣетъ; записки же его, Бѣлоусова, какъ видно, составлены по системѣ де-Мартини». Тогда Билевичъ заявилъ, что записки, представленныя Бѣлоусовымъ, подложны, и самъ представилъ тетради, отобранныя имъ у двухъ учениковъ. Вмѣсто того, чтобы сразу прекратить это грязное дѣло, конференція отдала записки

*) Это человѣкъ, котораго обходить не слѣдуетъ.

на разсмотрѣніе протоіерею Волынскому, который нашелъ «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ записокъ мысли, при наученіи юношества къ сбивчивымъ и ложнымъ понятіямъ ведущія». Начали допрашивать учениковъ, чтобы выяснить вопросъ о подлинности записокъ. Обнаружились вещи несодѣяныя. Правда, Бѣлоусовъ отбиралъ тетради учениковъ для исправленія; но записки, представленныя Билевичемъ, были написаны подъ его диктовку.

И. Я. Ландражинъ, профессоръ Французской словесности, Зиглеръ, профессоръ Нѣмецкой словесности, и Шипалицкій, старшій профессоръ математическихъ наукъ, явно стали на сторону Бѣлоусова. Но жалоба на вольномысліе была слишкомъ удобнымъ предлогомъ для обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ. Зиглеръ былъ изобличенъ въ томъ, что, переводя статью Канта «о высокомъ и прекрасномъ», говорилъ пренебрежительно о Русскомъ обычаѣ носить тѣльные кресты и часто вдавался въ разсужденія о предметахъ политическихъ. Ландражинъ давалъ ученикамъ читать сочиненія Вольтера, Гельвеція, Монтескье, Локка и Пирона(!). Разъ, когда онъ предложилъ ученикамъ переводить съ Русскаго на Французскій статьи по своему выбору, ученикъ Зміевъ переводилъ ему Рылѣевскую оду.

Все это дѣло о вольнодумствѣ приняло такіе размѣры, что въ 1830 году въ Нѣжинъ присланъ былъ членъ Главнаго Правленія Училищъ д. с. с. Э. Б. Адеркасъ. 30 Октября того же года послѣдовало рѣшеніе: «Шипалицкаго и Бѣлоусова за вредное на юношество вліяніе, а Ландражина и Зиглера и за дурное поведеніе отрѣшить отъ должности съ занесеніемъ въ формуляръ, дабы они и впредъ не могли быть терпимы нигдѣ на службѣ по ученому вѣдомству». Бѣлоусовъ, благодаря своему родству съ Киселевскими, именитыми Кіевскими гражданами, избавился отъ ссылки. Чтò сталось съ другими, намъ неизвѣстно; но Ландражинъ былъ отправленъ въ тюрьму, семья же его осталась въ Нѣжинѣ.

Весною 1834 года Юрій Никитичъ рѣшился отправиться въ Нѣжинъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ условіями той должности, которую ему предлагали. Кстати онъ захотѣлъ пожить въ Кіевѣ, куда уже давно переселилась его покровительница, Александра Петровна Хвостова. Въ Нѣжинѣ онъ ознакомился во всѣхъ подробностяхъ съ вышеизложенной исторіей и убѣдился, что не можетъ занять предлагаемую должность. Вопреки отвращенію своему къ демократическому духу, онъ здраво взглянулъ на дѣло и, самъ стѣсненный въ средствахъ, помогъ женѣ Ландражина. Такой поступокъ тѣмъ болѣе привлекателенъ, что, когда Ландражинъ въ 1832 году изъ тюрьмы обращался въ конференцію съ просьбою выдать его женѣ квартирныя деньги, которыя слѣдо-

вали ему съ 1824 г., то конференція, признавъ законность просьбы, отказала ему, по заявленію законоучителя: «нечего-де поддерживать семью человѣка явно неблагонадежнаго.»

Въ Кіевѣ Ю. Н. видѣлся и съ Бѣлоусовымъ. Мѣсяца три прожилъ онъ тамъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ А. П. Хвостовой. Окончательно рѣшивъ не принимать предлагаемой должности, онъ осенью тронулся въ Москву и по пути заѣхалъ въ Глинкинскую пустынь, къ нѣкоему игумену Филарету. Отъ него онъ взялъ рекомендательное письмо къ знаменитому Фотію. Звѣзда Юрьевскаго архимандрита въ то время уже закатилась; но самъ онъ оставался лицомъ крупнымъ.

Письмо игумена Филарета къ Фотію.

«Ваше высокопреподобіе о Христѣ Господѣ, возлюбленный нашъ отецъ архимандритъ.

Молчитъ старецъ[1]), а я, все движимый любовію о Христѣ, поминаю и пишу съ желаніемъ у Господа о ниспосланіи благодати и милости. Сей податель съ 21-го года мнѣ знакомъ и былъ нѣсколько разъ въ разговорахъ и назиданіяхъ духовныхъ со мною, что̀ и понынѣ помнитъ. Мимоѣздомъ заѣхалъ и къ намъ. Я что̀ было прилично говорилъ съ нимъ, приводя къ разговору и свидѣтельство отъ божественныхъ писаній; мнится мнѣ, что онъ принималъ говоренное съ вѣрою и любовію. Дай Богъ ему, чтобы и впредь послужило на пользу и къ назиданію душевному. Въ благонадежіи продолженія любви братской о Христѣ остаюсь вашего высокопреподобія смиренный послушникъ, строитель іеромонахъ Филаретъ.

Сентября 1-го 1834-го года.
Глинкинская пустынь[2]).

Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ[3]) прошу изъявитъ смиренное почтеніе приснопомнителя ея благодѣяній строителя і. Филарета».

*

У игумена Филарета взялъ Бартеневъ сочиненія Ефрема Сирина, о возвращеніи которыхъ говоритъ Филаретъ въ нижеслѣдующемъ письмѣ, которое, полагаемъ, не безъинтересно, какъ свидѣтельство о перемѣнившемся настроеніи общества.

«Милостивый государь, сущій въ благоволеніи къ намъ, Юрій Никитичъ! Радъ, слава Богу, что дождался отъ васъ письма и чрезъ оное извѣстился, гдѣ вы теперь находитесь. Жаль, что вы за болѣзнію, по ва-

[1]) Кто именно это, не знаемъ. П. Б.

[2]) Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда, среди лѣса. П. Б.

[3]) Орловой, благодѣтельницѣ тогдашняго духовенства. П. Б.

шему намѣренію и понынѣ не могли быть въ Петербургѣ, но хотя отослали письмо къ нашему великому благодѣтелю, князю Александру Николаевичу; видно изъ дѣла, *что кой-что по просьбѣ моей, бывшей чрезъ васъ къ князю, подѣйствовало.* Дай Богъ вамъ, чтобы были вы здоровы, и ваши домашніе, которые въ письмѣ вашемъ мнѣ изъявляють почтеніе въ любви о Христѣ; *буди имъ миръ и благословеніе отъ Господа* въ успѣхъ добрый, въ христіанскія добродѣтели, въ приближеніе къ Богу. Радуюсь, что ваша супруга добрая васъ жалѣетъ въ болѣзни и много печется о выздоровленіи вашемъ. За присланные царскіе портреты премного благодаренъ, тожъ и за чай; но книжку мою прошу любве ради Божія прислать. Я по оной безпокоюсь, ибо оная мнѣ, для назиданія общаго, весьма нужна; да и достать трудно что̀ въ оной написано: я съ трудомъ едва могъ собрать и переписать въ оную, посему-то я объ ней и безпокоюсь.

Думаю, что вамъ за болѣзнію и читать сію назидательную и таинственную, ищущимъ разума таинственнаго, книгу некогда. Въ оной до церкви вѣрныхъ ничего не касается и таинствъ церкви; но по части храма душевнаго, и таинствъ разума, и отрожденія духовнаго, въ познаніи благодати Св. Духа дѣйствій на души, и храмѣ душевномъ и истинѣ. Но увы! что въ нонѣшнее лютое время, а болѣе мнящіеся просвѣщенные о духовномъ просвѣщеніи и разумѣ Божественномъ и слышати не хотятъ, но еще стараются и затмить сію духовную мудрость и просвѣщеніе. Правда, чего не понимаютъ, тому и не вѣрятъ, какъ изъ Писанія Св. явствуетъ: утаилъ Господь сія отъ премудрыхъ и разумныхъ міра сего и открылъ младенцамъ, сіе есть побѣждающимъ и побѣдившимъ злобу, и страсти, и распявшимъ себѣ міру; симъ-то тайны царствія Божія открываются. *Аще и вы отъ подвизающихся о Христѣ, то дерзайте вѣрою и терпѣніемъ, и благодать Господня содѣйствуетъ вамъ въ познаніи истины и въ приближеніи къ Богу.* Сего блага истинный вамъ съ вашими есть желатель и усерднѣйшій богомолецъ, убогій старецъ строитель іеромонахъ Филаретъ».

Генваря 10-го 1835-го года.
Глинкинская Богородицкая общежитейная пустынь.

Видя невозможность получить должность по Министерству Народнаго Просвѣщенія, Бартеневъ искалъ мѣста правителя дѣлъ коммиссіи по сооруженію храма Христа Спасителя. Но ему не посчастливилось и въ этомъ дѣлѣ.

1835-й годъ Юрій Никитичъ провелъ въ Костромской деревнѣ. Нижеслѣдующее письмо показываетъ, что его научно-богословскіе интересы нисколько не слабѣли.

Письмо Θ. А. Голубинскаго [1]).

«Милостивый государь, достопочтеннѣйшій Юрій Никитичъ! Приношу вамъ покорнѣйшую блкгодарность за присланныя вами книги, Plan de Dieu, Fournier[2]) и Дамирона [3]), и за обязательное письмо ваше, въ которомъ въ немногихъ чертахъ заключено многое. Замѣчаніе ваше о гр. де-Местрѣ совершенно справедливо. По отправленіи къ вамъ прежняго письма я имѣлъ случай читать Вечера Петербургскіе, о которыхъ прежде думалъ много, основываясь на нѣкоторыхъ сужденіяхъ въ ихъ пользу, данныхъ достоуважаемымъ философомъ Баадеромъ [4]). Дѣйствительно въ этой книгѣ видны обширныя познанія автора, живая ревность къ защищенію славы Божіей, сильное чувство и обличеніе заблужденій и грѣховъ человѣческихъ, увлекающій слогъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ много односторонности, недовѣрчивости, ультракатолицизма. Сужденія его о Библейскомъ Обществѣ, объ авторѣ книги L'homme de désir и о подобныхъ предметахъ обличаютъ въ немъ слишкомъ ограниченный взоръ на вещи, кои выше его.

Дамирона позвольте мнѣ подержать у себя до Августа или Сентября. Молитора двѣ части мы имѣемъ, Ботеня [5]) ожидаемъ.

На замѣчанія *Менцеля*, помѣщенныя въ присланномъ вами Litteratur-Blatt, который при семъ возвращаю къ вамъ съ благодарностію, былъ довольно основательный отвѣтъ въ V-й книжкѣ Blätter aus

---

[1]) Нѣкоторыя письма Голубинскаго къ Ю. Н. Бартеневу помѣщены въ „Р. Архивѣ" 1880, III, 405—430.

[2]) Raoul Fournier 1562—1627. Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: Méditations chrétiennes, Discours académiques de l'origine de l'âme, Philosophie chrétienne.

[3]) Jean-Philibert Damiron, Французскій философъ, род. 1794, ум. 186?. Его Cours complet de la philosophie появился въ 1833 году. Онъ принадлежалъ къ такъ называемой эклектической школѣ. Можетъ быть, Голубинскій пишетъ о его Essai sur l'histoire de la philosophie en France en XIX siècle. 1838. Оба сочиненія эти пользовались въ свое время большимъ почетомъ и до сихъ поръ не утратили своего значенія.

[4]) Баадеръ, Баварскій философъ (1765—1841), обладавшій большими свѣдѣніями въ медицинѣ и естественныхъ наукахъ и посвятившій себя возстановленію католичества, состоялъ въ перепискѣ съ княземъ А. Н. Голицынымъ.

[5]) Аббатъ Louis-Eugène-Marie Bautain, философъ и теологъ (1796—1866). Изъ его сочиненій особымъ почетомъ пользовалась „Экспериментальная Психологія" (1839). Восхваленію ея посвящены многія страницы Крымскаго дневника Ю. Н. Бартенева; въ ней, по свидѣтельству достопочтеннаго Г. П. Смирнова-Платонова, наши профессора академій и семинарій искали оплота противъ нечестія и скептицизма. Вѣроятно Θ. А. пишетъ о Réponse d'un chrétien aux paroles d'un croyant (1834) или Philosophie du christianisme,

Prevorst 1834 г.*) Касательно исторіи выступленія язвъ на тѣлѣ (zur Geschichte Stigmatisirter) тамъ между прочимъ было написано: «Сообщившій эту исторію далекъ отъ суевѣрія, потому что онъ объясняетъ это напечатлѣніе на тѣлѣ язвъ, которое суевѣръ назвалъ бы божественнымъ, изъ дѣйствія силы воображенія. Безчисленное множество примѣровъ, къ коимъ особенно должно отнести родимыя пятна, напечатлѣвающіяся на тѣлѣ младенца во время беременности матери, доказываетъ, что воображеніе можетъ сильно дѣйствовать на тѣло человѣческое, можетъ его изуродовать и дать ему другой видъ... Къ подтвержденію этого служитъ написанное *Шубертомъ* въ Утреннемъ Листкѣ (№ 270, 1833 г.). Ясновидящая Преворстская посредствомъ соприкосновенія съ чужимъ больнымъ тѣломъ такъ преобразовалась въ натуру онаго, что ощущала въ сильной степени всѣ его страданія и боли, и на ея тѣлѣ, въ виду ея врача и всѣхъ бывшихъ у нея, вынаруживались всѣ тѣ болѣзненныя явленія, къ коимъ было предрасположеніе въ тѣлѣ человѣка, съ которымъ она была приведена въ соприкосновеніе, посредственно или непосредственно. Въ другихъ случаяхъ иногда преображеніе души въ созерцаемый ею съ сильнымъ участіемъ образъ производило то, что на поверхности кожи выступали, вмѣсто ранъ видимыхъ у другаго человѣка, кровью налившіяся мѣста (Stigmata), и боль, чувствуемая другимъ, переносилась въ тѣло того, кто на него смотрѣлъ». По случаю приведеннаго у Менцеля отрывка изъ Упнекаты издатель Листковъ Преворстскихъ замѣчаетъ, что «конечно хорошо обращать вниманіе на ученія древнихъ народовъ, и въ числѣ ихъ на Индійцевъ; впрочемъ не должно думать, будто вся мудрость происходитъ изъ Индіи, и нужно въ Индійскомъ ученіи отдѣлять примѣси и басни отъ первоначальной истины. Къ симъ баснямъ надобно отнести ученіе о душепреселеніи.

Гете я не хочу ни осуждать, ни преждевременно представлять обитающимъ въ свѣтѣ вѣчномъ. Онъ былъ великій человѣкъ для здѣш-

---

*) Позволимъ себѣ вкратцѣ напомнить читателямъ нашимъ объ этой ясновидящей. Ея исторія произвела въ свое время переполохъ несказанный. Лишь въ настоящее время, благодаря клиническимъ наблюденіямъ надъ гипнотикати и нервными больными, ея болѣзнь становится отчасти понятною. Фридерика Гауфе (1801 — 1829) родомъ изъ Преворста, Виртембергской деревушки, на 18-мъ году заболѣла лихорадкой, сопровождаемой странными видѣніями и жестокими нервными болями. Отъ леченія магнетизмомъ она впадала въ экстазическое состояніе, находясь въ которомъ она видѣла будто бы духовъ и говорила на непонятномъ языкѣ. Лѣчилъ ее докторъ Кёрнеръ, описавшій ходъ ея болѣзни въ двухтомной книгѣ. Изъ многочисленной литературы, посвященной толкамъ объ этомъ странномъ явленіи, наиболѣе пользовалась извѣстностью работа *Эшенмайера*: Тайны внутренней жизни, разъясненныя исторіей Преворстской визіонерки (1833). Ю. Б.

няго міра, въ которомъ удостоился почти обоженія (apothéosé); но что̀ съ нимъ дѣлается тамъ, объ этомъ совершенно не знаетъ ни рецензентъ (въ Листкѣ Литературномъ), ни Гуфеландъ... Спасеніе души стяжавается единственно посредствомъ вѣры въ Того, Который единъ есть спасеніе всѣхъ и Который единъ будетъ спасеніемъ и по ту сторону гроба какъ для язычниковъ удобопріемныхъ для благодати, такъ и для какого нибудь великаго писателя, каковъ Гёте. Мы не сомнѣваемся въ возможности конечнаго возстановленія всякой твари (стр. 19—24, fünfte Sammlung).

Душевно желая вамъ, достопочтеннѣйшій Юрій Никитичъ, болѣе и болѣе возрастать въ живомъ познаніи Господа Спасителя и съ Его благословеніемъ и помощію мужественно шествовать къ доброму концу по стезѣ трудной, сквозь опыты строгіе, въ кои, кажется, Онъ вводитъ васъ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Θеодоръ Голубинскій».

1836-го года, Февраля 10-го дня.

Не имѣя возможности получить мѣсто по Министерству Народнаго Просвѣщенія, Ю. Н. обратился наконецъ съ просьбою къ своему благодѣтелю принять его въ почтовое вѣдомство, и 15 Іюня 1836 года онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ А. Н. Голицынѣ съ годичнымъ жалованьемъ въ 3½ т. р. Но благопріятели Бартенева желали ему дать болѣе опредѣленное и прочное служебное мѣсто.

Письмо Θ. И. Прянишникова къ А. Я. Булгакову*).

«Письмо это вручитъ вамъ, почтеннѣйшій Александръ Яковлевичъ, Юрій Никитичъ Бартеневъ. Онъ мнѣ соученикъ по школѣ, товарищъ по службѣ и другъ по сердцу. Узнавъ коротко, нельзя не полюбить его: все благородное близко его сердцу, все высокое доступно его уму. Если можно заподозрить меня въ пристрастіи по 31-лѣтней дружбѣ, то есть другіе цѣнители: князь Александръ Николаевичъ удостоилъ его и пріязнію, и довѣренностію неофиціальною. Формы тѣснятъ духъ его; онъ отбросилъ ихъ и потому часто бываетъ оригиналенъ тамъ, гдѣ получитъ увѣренность, что цѣнятъ людей по внутреннему достоинству. Юрій Никитичъ желалъ познакомиться съ вами. Примите его въ доброе расположеніе и подарите его вашею пріязнію. Душевно преданный

Θ. Прянишниковъ».

Іюля 1836.
С.-Петербургъ.

---

*) Московскому почтъ-директору. П. Б.

А. Я. Булгаковъ обѣщалъ похлопотать о доставленіи Юрію Никитичу мѣста. Вакація на должность помощника почтдиректора въ Вильнѣ открывалась въ Октябрѣ. Октябрь наступилъ, но, какъ видно изъ слѣдующаго письма, Бартеневъ ожидаемаго мѣста не получилъ.

Письмо Ѳ. И. Прянишникова.

«На два прелюбезныя письма твои, другъ Юрій, я не отвѣчалъ до сихъ поръ потому, что желалъ сообщить о дѣлѣ твоемъ не гадательное, а рѣшительное. Скучна неизвѣстность, но еще по моему скучнѣе безпрестанная перемѣнчивость въ видахъ. Теперь во услышаніе говорю тебѣ, что Имбертъ *) отказалъ отъ мѣста помощника почтдиректорскаго, и слѣдовательно вакаціи инспекторской нѣтъ, и слѣдовательно ты остаешься при особыхъ порученіяхъ до открытія удобнаго случая, который вѣрно и будетъ. Тебѣ нужно пріѣхать сюда. Князь, имѣя все въ виду инспекторство по вкусу твоему, совѣтуетъ во 1-хъ, не перевозить сюда библіотеку и другія вещи, не составляющія тебѣ необходимости въ домашнемъ быту, дабы потомъ не перевозить еще ихъ съ двойными издержками; во 2-хъ, пріѣхать сюда по зимнему пути, чтобы не тратиться на экипажи, да и въ прогонныхъ. Зимній путь дешевый. Совѣты благія и отеческія. Итакъ мы увидимъ тебя гостемъ нашимъ и будемъ бесѣдовать въ зимніе вечера сладко. Съ терпѣніемъ перенеси неудачу: мóжетъ быть она ведетъ къ лучшему. О Шетадамовѣ плàчу. Если не мои слова, то самъ онъ, Иванъ Александровичъ, можетъ увѣрить, что я съ своей стороны все употребилъ. Грѣшно тебѣ считаться со мной письмами. Какъ видишь: ты написалъ 4, я 3. Велика ли разница? Но ты свободенъ и спокоенъ, а я? Когда ты дашь просторъ свѣтлому началу любви? Она довѣрчива, хотя иногда и легковѣрна, а ты испытывалъ 30 лѣтъ и все не вѣришь. Жму руку твою и цѣлую въ чело твое, которое открыто какъ истина».

Письмо архимандрита Аѳанасія.

«Думаю, вы заждались отвѣта моего, достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Юрій Никитичъ. Чтò дѣлать? Не отъ меня то зависѣло. Только въ прошедшую Субботу выпало свободное утро, которымъ я и воспользовался. Князь принялъ меня болѣе нежели милостиво; нѣтъ, ласково и радушно. Передо мной былъ у него Симеоновскій священникъ,

*) Виленскій почтдиректоръ, родственникъ братьевъ Булгаковыхъ, по ихъ матери Екатеринѣ Любимовнѣ Шумлянской, ур. Имбертъ. П. Б.

съ которымъ разговаривалъ онъ въ залѣ, а меня, по прочтеніи письма, потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ болѣе четверти часа бесѣдовалъ со мною, о чемъ? думаете вы. Прежде всего о васъ, при чемъ между прочимъ спросилъ меня: не правда ли, что Юрій Никитичъ человѣкъ оригинальный, и присовокупилъ: я его очень люблю. О письмахъ вашихъ отозвался, что они доставляютъ ему самое пріятное занятіе. Разговоръ о васъ непримѣтнымъ образомъ склонился къ предмету самому интересному для свѣтло-благочестивой души князя, и признаюсь, я удивился тому одушевленію, съ какимъ говорилъ князь о чудныхъ обстоятельствахъ страданій г. Эммерихъ и о чудесахъ новопрославленнаго угодника Божія Митрофана [1]). За доставленіе случая столь важнаго для меня приношу вамъ живѣйшую благодарность, молю Бога, чтобы подалъ мнѣ способъ хотя сколько-нибудь заплатить за любовь вашу. Есмь преданнѣйшій вамъ архимандритъ Аѳанасій.

Февраля 2-го 1837.

Почтеннѣйшей и любезнѣйшей Екатеринѣ Степановнѣ свидѣтельствую нижайшее почтеніе. Если не поставите въ тягость, прошу сказать тоже почтеннѣйшему Ивану Дмитріевичу, а чрезъ него и душевно уважаемой мною Елисаветѣ Антоновнѣ [2]).

P. S. Митрополитъ Московскій, которому обязанъ я вызовомъ на чреду, по спросѣ, силенъ ли я въ Греческомъ языкѣ, принялъ меня въ составъ Комитета исправленія и перевода Кормчей. На мою долю достались правила VII-го Вселенскаго Собора. Съ нетерпѣніемъ жду васъ въ Петербургъ».

*

Но, не смотря на благоволеніе князя Голицына, Юрій Никитичъ не спѣшилъ ѣхать въ Петербургъ. Онъ прибылъ туда, если не ошибаемся, лишь весною 1837 года. Зиму же этого года (кажется) онъ провелъ опять въ Москвѣ, посвящая свои досуги чтенію духовныхъ книгъ и благотворительности.

Письмо Ѳ. А. Голубинскаго.

«Милостивый государь, достопочтенный Юрій Никитичъ! Христосъ воскресе! Привѣтствую васъ съ радостію Воскресенія Христова и душевно желаю вамъ познать силу Воскресенія Его чрезъ общеніе въ страданіяхъ Его и погруженія въ смерть Его. Безъ сего всѣ высокія знанія не помогутъ.

---

[1]) Мощи св. Митрофана были открыты въ 1832 году.

[2]) Это сестра Евгеніи Антоновны Селивановской (ур. Гизетти), супруга И. Д. Бартенева и мать сенатора. П. Б.

Благодарю васъ за незабвенные ночные часы, которыми вы подарили меня въ Лаврѣ. Благодарю васъ за слово: «нужно чаще размышлять о смерти и о вѣчности». Благодарю васъ за другую книгу о болѣзненномъ страданіи Господа нашего Іисуса Христа: она была пищею душѣ моей въ великіе дни воспоминанія о страстяхъ Христовыхъ. Ахъ, какъ мы далеки еще отъ любви къ язвамъ Господнимъ! Безъ сомнѣнія отъ того, что сами не любимъ страдать. Какъ мало извѣстенъ намъ или, лучше сказать, мнѣ—смыслъ сего спасительнаго совѣта: «Покойся въ страданіи Христовомъ и люби пребывать во святыхъ Его ранахъ. Ибо если съ благоговѣніемъ прибѣгнешь къ ранамъ и дражайшимъ язвеннымъ знакамъ Іисуса, то ощутишь въ скорби своей великое подкрѣпленіе» (О подраж. Христу, кн. 11). Въ благодарность за эту драгоцѣнную книгу, вами мнѣ подаренную, осмѣливаюсь посовѣтовать вамъ отыскать Акаѳистникъ Почаевскій и въ немъ акаѳистъ страстямъ Христовымъ, и въ добрый часъ прочесть сей акаѳистъ, писанный, какъ говоритъ древнее преданіе, Св. Димитріемъ Ростовскимъ. Ваше сердце ощутитъ силу и цѣну сего изліянія души, горѣвшей любовію къ Спасителю.

Это письмо вручитъ вамъ одна изъ бѣдныхъ дочерей г. Савичева [1]), въ которыхъ вы приняли Христіанское участіе, бывши въ нашемъ посадѣ, и которыя слезно благодарятъ васъ за ваше пособіе, полученное ими въ такое время, когда нужды ихъ доходили до крайности. Вы услышите отъ самой писмоподательницы, какъ страждущій жестокою болѣзнію отецъ ихъ удостоился видѣть предъ своей постелью Преп. Сергія. Нижайше прошу васъ не отказать ей въ вашемъ ходитайствѣ предъ великодушнѣйшимъ, благотворительнѣйшимъ княземъ. Мало надежды на успѣхъ; но сердце царево въ рукѣ Божіей. Часто Господь утѣшаетъ страждущихъ неожиданными милостями. А эти бѣдныя дѣвицы не потеряли вѣры и упованія на Него; терпятъ и болѣзни, и уничиженія, и нерѣдко голодъ, и все не ослабѣваютъ въ усердіи къ Отцу сирыхъ.

Уже три недѣли, какъ я отдалъ переписывать переводъ 1-й ч. извѣстной вами книги, но еще не получилъ переписанныхъ тетрадей; надѣюсь скоро получить, и какъ скоро или отъ васъ, или изъ письма сей письмоподательницы узнаю, что вы въ Петербургѣ, то не премину послать оныя къ вамъ по почтѣ. Тогда же надѣюсь возвратить вамъ и Iocelyn.[2]) Тихіе, сладкіе звуки! Немного я прочелъ, и изъ этого не-

---

[1]) О сестрахъ Савичевыхъ см. „Р. Архивъ". 1880, III, 414—419.

[2]) Поэма Ламартина, героемъ которой бѣдный священникъ. П. Б.

многаго особенно тронуло меня описаніе разлуки молодаго Iocelyn съ материнскимъ домомъ.

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое душевное почтеніе незабвенному Василью Ѳедоровичу. Съ усерднѣйшимъ почтеніемъ и благодарностію къ вамъ имѣю честь быть, милостивый государь, Юрій Никитичъ, вашъ покорнѣйшій слуга Ѳедоръ Голубинскій.

1837 г. Апр. 21 д.

P. S. Не угодно-ли вамъ будетъ взглянуть на приложенный при семъ переводъ церковной пѣсни Stabat Mater?»

*

Голубинскій, родомъ изъ Костромы, вѣроятно былъ извѣстенъ Юрію Никитичу съ ранней его молодости. Живучи въ Москвѣ безъ опредѣленной должности, бывшій Костромской директоръ помышлялъ о книгоиздательствѣ, какъ показываетъ письмо къ нему другаго Костромича.

Письмо П. П. Свиньина.

(Въ Маѣ 1837 г.)

«Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Если враждебная судьба разлучила насъ съ вами въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ, убѣждая меня въ неблагопріятномъ вашемъ по мнѣ расположеніи, то послѣднее предложеніе, сдѣланное вами чрезъ сестру Елисавету Петровну, доказываетъ неизмѣнность мнѣнія вашего о пользѣ и выгодахъ, кои можетъ доставить мнѣ изданіе *Живописнаго путешествія по Россіи*, и еслибъ порученіе ваше дошло до меня въ свое время черезъ г. Пенскаго, то, безъ сомнѣнія, я вступилъ бы съ вами въ близкія по сему предмету сношенія предпочтительно предъ всѣми, уважая просвѣщенный умъ вашъ и любовь къ отечеству. Къ сожалѣнію отдаленность немало затруднитъ теперь исполненіе нашего предпріятія, и сверхъ того, платя вамъ, милостивый государь, откровенностію за лестное для самолюбія моего предложеніе ваше, долженъ сознаться, что у меня уже идутъ переговоры съ извѣстнымъ Т. de la Croix (изъ Митавы), который сдѣлалъ мнѣ предложеніе издать мое путешествіе въ самомъ роскошномъ видѣ, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, доставляя мнѣ каждый годъ по *двадцати пяти тысячъ* рублей *).

Но если, почему либо ни-есть, не состоится наше съ нимъ предпріятіе, то я съ величайшимъ удовольствіемъ обращусь къ вамъ, не желая имѣть лучшаго товарища въ изданіи моего путешествія. Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Пав. Свиньинъ».

Адресъ ко мнѣ: въ Галичъ Павлу Петровичу Свиньину.

---

*) П. П. Свиньинъ былъ извѣстенъ хвастливостью. П. Б.

Въ это время Юрій Никитичъ состоялъ съ покровителемъ своимъ княземъ Голицынымъ въ оживленной перепискѣ. Приведемъ на образецъ нѣкоторыя изъ его писемъ къ нему.

30 Ноября (1836).

«Ваше сіятельство, милостивѣйшій государь!

Въ одномъ изъ писемъ моихъ, кажется № 59-й, я имѣлъ честь бесѣдовать съ вами, сіят. князь, о многихъ истинахъ, которыя приходятъ въ сознаніе человѣка чрезъ вкушеніе. Начиная съ физіологическихъ началъ, то-есть отъ чувствъ, я восходилъ потомъ далѣе и, протоняя болѣе и болѣе мой благородный вегикулъ, я съ дерзновеніемъ наконецъ осмѣлился коснуться и тѣхъ важнѣйшихъ требъ, кои составляютъ достояніе и принадлежность существъ болѣе совершеннѣйшихъ, болѣе облагодатствованныхъ на лѣствицѣ творенія нежели, какъ мы, человѣки. Я разумѣю здѣсь любовь Божію, усвоенную, какъ даръ, произведеніямъ Его болѣе даровитымъ, которыя принимаютъ оный непосредственно изъ нѣдръ Самаго Господа. Золотоносныя же розсыпи нашего любленія крайне тощи; ибо, проникнутое страстностію своекорыстіемъ, самоугожденіемъ, оно теряется въ безмѣрной массѣ мусора безумныхъ и низкихъ побужденій, всякаго рода и вида. Остановя полетъ мой по туманнымъ идеаламъ области недоступной еще духу облеченному въ земную корку плотяности и крови, коснемся на этотъ разъ предметовъ болѣе близкихъ къ намъ, болѣе нами проникнутыхъ. Сіятельный князь, весьма еще я далекъ, отъ того, чтобъ изчерпать всѣ тайны, которыя, пролившись, такъ сказать, во внѣшнюю натуру изъ нѣдръ Самаго Бога, сосредоточились въ послѣдствіи въ великой силѣ вкушенія.

Внѣшняя природа есть истеченіе самаго Божества. Она представляетъ намъ нынѣ остывшій міръ идей, нѣкогда свѣтовыхъ, нѣкогда полныхъ жизнію. Не одинъ лишь всемірный потопъ оплотянилъ бѣдную планету нашу, порождающую нынѣ волчцы и терніе; нѣтъ, грѣхъ человѣческій остановилъ стремленіе и дивное ея назначеніе просіявать, нѣкогда, какъ солнце и питать въ нѣдрахъ своихъ тварей свѣтлыхъ жизнію, крѣпкихъ безсмертіемъ.

Но и въ падшемъ своемъ состояніи, натура представляетъ намъ неисповѣдимо-великую идею художественности въ цѣломъ. Она заключаетъ въ себѣ свое откровеніе, которое однакожъ познаёмъ мы эмпирически, то есть, чрезъ вкушеніе.

Откровеніе это есть великая цѣпь тайнъ разнородныхъ и неизчислимыхъ по своей производимости и многосложности. Типъ оныхъ скрывается въ самомъ Божествѣ; здѣсь же на землѣ, оличаясь въ четырехъ принципіяхъ, познаются онѣ единственно вкушеніемъ. Сладость, горечь, соленость, кислота суть эти четыре великія принципіи; безчи-

сленное ихъ сочетаніе, усвоенное порознь каждому предмету, не служить-ли и къ безчисленному прославленію имени Божія на землѣ? Въ существѣ своемъ онѣ неисповѣдимы, онѣ понятны намъ только въ количественномъ своемъ содержаніи. Когда бъ мы встрѣтили на примѣръ Ескимосца, жителя самыхъ отдаленныхъ полярныхъ странъ, открытыхъ для любознательности человѣческой недавними только путешествіями Росса и Парри, Ескимосца, никогда на своей родинѣ не вкушавшаго ни сладкаго, ни соленаго, то какое бы человѣческое краснорѣчіе могло растолковать ему о разности сихъ субстанцій, предположивъ, что Ескимосецъ мой былъ бы на этотъ разъ самъ Кювье оледѣнѣлаго своего отечества?

Но если-бы кто нибудь вздумалъ улыбнуться моему простодушному удивленію столь обыкновеннымъ вещамъ въ натурѣ, каковы соленость и сладость, то таковому я поспѣшилъ бы сказать, что здѣсь этѣ сущности обозрѣваются мною какъ проявленія непостижимой премудрости Божіей. Онѣ въ своемъ основаніи, какъ и прежде сказано, обѣ неисповѣдимы; категоріи ихъ безмѣрно разнствуютъ одна отъ другой, но обѣ онѣ суть блага на земли, блага неизчислимыя въ своемъ разнообразномъ вращеніи; онѣ нѣкоторымъ образомъ счастливятъ всѣхъ движущихся и чувствующихъ тварей, а первая, какъ свѣтъ, какъ любовь, золотитъ и стихійный бытъ человѣка, царя природы. Здѣсь не столько удивительно еще распредѣленіе и приспособленіе сихъ сущностей къ разновидиднымъ нуждамъ человѣчества на землѣ, сколько разность ихъ собственныхъ субстанцій, совершенно отдѣляющихъ ихъ одну отъ другія. Сладость проницается ли соленостію, такъ чтобъ потеряла свою самобытность, и vice versa соленость потеряетъ ли свое самозначеніе, растворяемая сладостію? Это, такъ сказать, міры вовсе не похожіе одинъ на другій, міры не поглощаемые одинъ другимъ, міры имѣющіе поддоны свои въ нѣдрѣ Самаго Бога. Жаль, что не удалось никогда прочитать мнѣ объ этомъ у Якова Бёма, который разсматривалъ этѣ сущности въ прототипномъ ихъ основаніи и во свѣтѣ лица Божія; но во всякомъ случаѣ осмѣлюсь вамъ, сіятельный князь, сказать и сказать добросовѣстно, что я многое тутъ вижу, чего въ словѣ не могу передать, можетъ быть потому не могу, что смутно и слабо вижу.

Къ стати здѣсь сказать нѣсколько словъ объ атомистической системѣ, такъ много удовлетворяющей современное поколѣніе и которая водитъ его безъ Бога по чудесамъ мірозданія. Краски и вкусы опредѣляются здѣсь какими-то инфузоріями; организація атомовъ въ первыхъ и устройство животныхъ для опредѣленія вторыхъ суть по ихъ мнѣнію намеки къ рѣшенію труднаго вопроса. Особенно съ того вре-

мени, когда извѣстный Нѣмецкій естествоиспытатель (имени его теперь не помню, за неимѣніемъ при себѣ книгъ моихъ) открылъ въ недавнее время вещи великія въ царствѣ наливчатыхъ, которыхъ первый видъ онъ назвалъ монадою: ибо въ одну геометрическую точку, сдѣланную перомъ, ихъ бы совмѣстилось огромное количество.

Выше мною сказано, что сладость и соленость въ существѣ своемъ неисповѣдимы, и мы можемъ ихъ понимать токмо въ количественномъ содержаніи; здѣсь утѣшительныя явленія представляются для взора наблюдателя, и вотъ, напримѣръ, сладость, она совпадаетъ въ вещественности, какъ любовь Божія, съ духомъ человѣческимъ. Какъ та, такъ и другая распространяются по землѣ въ разныхъ видахъ количества. Сахарный тростникъ, лоза виноградная не суть ли вмѣстилища ея по превосходству? Но она скрывается и въ быліяхъ менѣе благородныхъ; ее могли нѣкогда подозрѣвать въ свекловицѣ, могли въ слабыхъ ощущеніяхъ находить въ нѣкоторыхъ древесныхъ жидкостяхъ клена, бука и тому подобныхъ; но можно ли было ожидать, что свекловица выгонитъ со временемъ изъ Европы колоніальный сахаръ, а выварка древесныхъ жидкостей замѣнитъ его въ Сѣверной Америкѣ?

Но еслижъ перейти къ остальнымъ двумъ сущностямъ, горечи и кислотѣ, то какое опять обширнѣйшее поле представится для наблюденія! Если нѣкоторые достойные мыслители внѣшній свѣтъ натуры, полагаемый во всѣхъ даже школьныхъ физикахъ среднимъ звеномъ между стихійнымъ и духовнымъ мірами, считаютъ синонимою съ плотскимъ человѣческимъ разумомъ, освѣщающимъ въ человѣкѣ собственный внутренній его міръ; то горечь и кислота не означаютъ ли какихъ либо силъ, невѣдомыхъ еще для насъ въ мірѣ типическомъ по недостатку органовъ нашихъ для наблюденія?

Горечь въ матеріальномъ мірѣ намъ понятна, таже горечь въ мірѣ душевномъ постижима; но что̀ она означаетъ въ мірѣ духовномъ? Это же можно сказать и о сладости. Но прочія двѣ сущности непереводимы изъ міра вещественнаго: обѣ онѣ таинственны.

Въ мірѣ явленій соленость, претворяя натуру человѣка въ огненное свойство, тингируется кислотою, какъ прохладою, горечь умиротворяется сладостію; всѣ мы это видимъ и даже утвердительно знаемъ, ежели ограничиться вещественностію. Платонъ сказалъ нѣкогда, что начала вещей у Бога. Высота его велика, когда онъ говоритъ о мірѣ идей источныхъ. Знаменитый Пиѳагоръ вымолвилъ: что̀ въ низу, то и въ верху. Слово замѣчательное, показывающее, что ключа къ натурѣ искать должно въ нѣдрѣ Самого Божества. Горечь не преобразуетъ ли намъ состоянія адскаго? Сладость—бытъ блаженства; соленость не относится ли къ области очищенія; а кислота—сила транзитуарная, умиротворяющая рѣзкія и положительныя свойства трехъ первыхъ?

Не можно ли въ безконечномъ сочетанiи этихъ силъ, принимая ихъ въ духовномъ значенiи, подсмотрѣть прогрессiю самыхъ очищенiй и наказанiй духовнаго мiра?

Но если перейти къ элементарнымъ планетнымъ силамъ, тогда бы разсужденiямъ нашимъ не было конца. Вотъ огонь, который здѣсь мы видимъ, какъ явленiе; но по словамъ Пордеча и другихъ достойныхъ мужей, онъ въ духовномъ мiрѣ не окрашенъ такъ свѣтомъ, какъ на землѣ. Знаменитый Лапласъ, написавшiй механику вселенной (въ этомъ отношенiи послѣднюю фазу вѣдѣнiя для цѣлаго человѣчества), изобрѣтшiй счисленiе вѣроятностей (науку, которая для будущихъ внуковъ нашихъ, сближая болѣе и болѣе нравственные вопросы и самую зыбкость человѣческихъ постановленiй, чтобъ послѣ освѣтить ихъ непреложенными законами возможной на земли истины, вдохнутой Самимъ Творцомъ въ мiръ нравственный, глубиною своею поглотитъ всѣ математическiя исчисленiя, доселѣ извѣстныя) Лапласъ добросовѣстно сознавался, что онъ ничего еще не знаетъ въ обширной области творенiя, хотя и успѣлъ подмѣтить въ оной нѣкоторые наружные законы ближайшихъ къ намъ тѣлъ небесныхъ.

Новѣйшiе астрономы утверждаютъ единогласно, что если движенiе мiровъ видимыхъ и кажется намъ нѣсколько неправильнымъ, то это отъ того, говорятъ они, что наша собственная вселенная, то есть солнце наше съ своими планетами и ихъ спутниками, очень далеко отстранена отъ того неизмѣримаго пространства, гдѣ наиболѣе роятся облагодатствованныя обильнѣйшимъ свѣтомъ тѣла небесныя: отъ того они намъ и кажутся какъ бы въ какомъ-то неправильномъ сочетанiи. Ядро или централизацiя всего мiрозданiя предполагалась доселѣ въ млечномъ пути. Старикъ Гершель въ первомъ слоѣ онаго нашелъ уже 40 миллiоновъ солнцевъ, освѣщающихъ свои системы планетныя; впослѣдствiи этотъ же неутомимый старецъ усмотрѣлъ массу и втораго таковаго же слоя; но когда Баварскiй оптикъ Фраунгофъ усовершенствовалъ телескопъ, тогда уже сынъ сего знаменитаго астронома подсмотрѣлъ и третiй слой въ пути млечномъ: бѣловатыя туманныя пятна на небѣ высказались въ усовершенствованномъ инструментѣ мирiадами солнцевъ. Нѣтъ беднѣе вселенной, по словамъ новѣйшихъ наблюдателей, какъ наша, и она, какъ бы образована въ какомъ-то захолустьѣ, вовсе не на пути къ правильнымъ тѣламъ небеснымъ. И ежели бы рука Вседержительнаго Промысла сдунула ее въ ничтожество, то въ массѣ мiровъ этой пустоты вовсе бъ и не замѣтили: такъ ничтожна она и такъ угловато отстранена отъ болѣе правильнаго, собраннаго въ великолѣпныя купы, мiрозданiя.

Но trèves de discussion. Отъ сладости я перешелъ къ астроно-

мiи; и какъ здѣсь не сказать: où ma vertu va-t-elle se nicher? Это дѣло не мое, да и логика письма моего отъ этого видимо храмлетъ. Съ вами, с. к., я обыкновенно увлекаюсь и на бумагѣ, какъ въ личныхъ разговорахъ, и вся эта длинная рацея, когда бъ вы знали для чего составлялась? Надобно жъ однако высказать. И такъ приступаю.

Во время пребыванiя моего въ Петербургѣ, я имѣлъ счастiе девять разъ быть приглашеннымъ къ благословенной трапезѣ вашей... Хотя это mauvais genre, с. к., считать обѣды, но они у меня стоятъ высоко, ибо суть зарубки на моемъ сердцѣ, означающiе столько же проявленiй несказаннаго прiятства бесѣды вашей и въ нѣкоторомъ смыслѣ особенной довѣренности къ наименьшему изъ подчиненныхъ вашихъ. За однимъ изъ таковыхъ обѣдовъ, кажется, предпослѣднимъ, ѣли мы малиновое варенье. В. с. сказали, что вы до него охотникъ; я тогда же подумалъ, что въ нашей холодной гиперборейской сторонѣ есть одна ягода, называема княженина, похожая видомъ на малину, но другого свойства. Обилiе арома, нѣжная кислота и своего рода сладость отличаютъ эту любимицу Помоны отъ всѣхъ ей подобныхъ; скудная для десертовъ сѣверная наша гастрономiя высоко ее уважаетъ. Подумавши, я вызвался предложить вамъ этого варенья. В. с. были такъ милостивы, что потѣшили меня вашимъ согласiемъ, и я, пришедши домой, въ тотъ же день написалъ было къ женѣ о заготовленiи онаго; но вообразите мой désapointement, когда, по прiѣздѣ въ Кострому, я нашелъ, что у жены моей не приготовлено ни одной ягодки, ибо нынѣшнiй годъ эта усладительная сущность (все еще здѣсь сбиваюсь на философскiй языкъ и не хочу понижать тона) не заблагоразсудила воплотиться въ органическую форму натуры, и вотъ я былъ поставленъ въ необходимость не сдержать предъ вами своего слова.

Впрочемъ я не унылъ духомъ и какъ феодальный баронъ смѣло приступилъ къ рыцарскимъ эсплорацiямъ въ сосѣднихъ погребахъ и подвалахъ; время и трудъ все преодолѣли, и я сочинилъ для особы в. с. большую банку, вмѣщающую почти съ полпуда онаго. Радуюсь, какъ ребенокъ, что сдержалъ свое слово, и что могу теперь усладить васъ вареньемъ, въ образцовомъ терпѣнiи вашемъ, м. г., читать настоящее длинное мое посланiе, которое началъ я съ высока изложенiемъ вамъ философическаго синтеза моего о стихiяхъ мiра, и какъ будто новый гiерофантъ, посвященный въ таинства великой Изиды, смѣло приподымалъ и разоблачалъ священный покровъ ея. Но видно, что на землѣ все высокое имѣетъ обыкновенную свою участь, и правъ великiй Наполеонъ (котораго однакожъ в. с. не называете великимъ), когда сказалъ, что отъ высокаго до смѣшного одинъ только шагъ. Мое письмо есть тому доказательствомъ яснымъ.—Но бьетъ уже

4 часа за полночь, все мирно вокругъ меня спитъ, вездѣ тишина и спокойствіе, и я прерываю бесѣду мою съ в. с., чтобъ съ новымъ удовольствіемъ продолжать ее въ другое время. Теперь же берегъ, с. к. Оканчиваю рукопись мою изъявленіемъ обычныхъ чувствъ высокаго уваженія и неизмѣнной преданности, съ которыми и пребыть честь имѣю, ваше сіятельство, милостивый государь, и пр.

Податель этой посылки, в. с., есть почтальонъ Борисовъ, нашъ Костромичъ; онъ находился при мнѣ во время пребыванія моего въ Костромѣ. Я имѣю важныя причины, чтобъ онъ самъ принесъ вамъ съ нимъ посланное въ свое время, и чтобъ в. с. лично на него взглянуть изволили и извѣстилъ васъ объ этой спеціальности моего покорнѣйшаго прошенія.

6-го Февраля 1837.

Весьма я доволенъ, что посланное мною варенье понравилось вашему сіят.; пусть оно будетъ хотя слабымъ прообразованіемъ той сладости, которую я постоянно вкушаю отъ благоволительнаго и живительнаго для меня вниманія вашего. Вы изволите писать, что вы «здоровы и прошли осень невредимо, по милости Божіей; а больныхъ здѣсь было много». Эти слова прозвучали мнѣ крѣпко на сердцѣ; тайный и внутренній ихъ смыслъ отзывается какимъ-то постояннымъ опасеніемъ. Петербургская осень по климату своему становится похожа на карантинъ и ежели изъ онаго выходимъ благополучно, то уже съ радостнымъ какимъ-то удивленіемъ спѣшимъ благодарить Господа за наше избавленіе. Что это за жизнь? Нужна всегдашняя и необходимая искусственность для огражденія себя отъ климата зловреднаго. Недавно получилъ я извѣстіе отъ Самсонова, что племянникъ его, молодой малый, только-что недавно женившійся и вышедшій въ отставку изъ военной службы, пораженный тѣмъ же климатомъ, вдругъ умираетъ, едва пріѣхавши въ Петербургъ изъ Польши. Добрый нашъ врачъ Пѣшехоновъ, сдѣлавшій столько пользы женѣ моей, тотъ самый, о которомъ я имѣлъ счастіе недавно только просить ваше сіят., имѣлъ у себя въ Петербургѣ двухъ братьевъ. Эти молодые люди, подававшіе о себѣ необыкновенную надежду, оба пали, въ нѣкоторомъ смыслѣ, жертвами климата Петербургскаго. Теперь Пѣшехоновъ возненавидѣлъ градъ Св. Петра и не хочетъ уже болѣе служить въ томъ мѣстѣ, гдѣ недавно еще меньшій братъ его, не болѣе какъ въ три дня пораженный, накормилъ собою мокрый и болотистый грунтъ ненасытной и всегда угрюмой столицы. Что это за жизнь, повторю, когда припоминаю себѣ тяжкую искусственность Петербургскую.

Однажды, въ Маѣ мѣсяцѣ, я имѣлъ честь ѣхать съ вами въ каретѣ. Мы пробирались тогда въ Эрмитажъ, для списанія, по волѣ Го-

сударя, съ в. с. портрета и помѣщенія его въ большой перспективно-исторической картинѣ, составляемой нашимъ Костромичемъ Чернецовымъ. Предъ отправленіемъ вашимъ въ Эрмитажъ, вы были необыкновенно со мною милостивы и любезны; въ это время конференція наша была въ пріемной залѣ в. с., ибо въ кабинетѣ вашемъ что-то тогда передѣлывали. Вы послали своего камердинера отыскивать полученныя вами иллюминованныя картинки, изображающія разрѣзы комнатъ и виды орлинаго зáмка вашего на берегахъ Чернаго моря. Съ удовольствіемъ на лицѣ вы развернули тогда и планъ вашего сада, нарочно, по словамъ вашимъ, отысканный и приготовленной вами для показанія мнѣ. Въ это время является нѣкто factotum князя Сергія Михайловича, Данзасъ, показываетъ вамъ табакерку Московскаго князя и, по его приказанію, проситъ у васъ совѣта, какъ ее украсить: в. с. съ удовольствіемъ распространились въ совѣтѣ, находя, что жемчугъ послужитъ лучшимъ украшеніемъ, чѣмъ брилліанты и проч. Словомъ, въ этотъ день вы были очень свѣтлы, любовны и словоохотны; любовность ваша подогрѣла и мой сангвинизмъ, отчего и я не уставалъ говорить съ вами. Вотъ сажаемся мы въ карету; готовность моя выливаться предъ вами въ словѣ не только не уменьшилась, но подогрѣтая, какъ сказано, предшествовавшею лаской в. с., едва не обратилась у меня въ полуметръ или въ рифмованную прозу. Вотъ, думалъ я, счастливый случай занять князя моими импровизаціями: вниманіе его ничѣмъ теперь не развлекается, онъ въ необходимости исключительно уже заняться моими идеями и просмаковать ихъ, такъ-сказать, на просторѣ: на тотъ разъ я даже привелъ себѣ на память Датскаго астронома Тихобраге, который, разъѣзжая со своимъ королемъ въ каретѣ, выигралъ чрезъ то къ себѣ впослѣдствіи еще бóльшую его довѣренность и благоволеніе. Такъ и со мною случится, думалъ я про себя. Наспиртовавшись подобными замыслами, я разлился въ разговорѣ съ вами; и вотъ, предъ однимъ вопросительнымъ знакомъ моего медоточиваго періода, я остановился за отвѣтомъ вашимъ; гляжу вамъ въ глаза—нѣтъ отвѣта! Не смотря на таковую странность, я опять принимаюсь за мою матерію, и вотъ я нарочно уже навожу ее на такой пунктъ, который непремѣнно требовалъ отвѣта вашего. Что же? Смотрю опять на васъ, и все-таки нѣтъ отвѣта! Нечего было дѣлать: подобравши и спрятавши свое самолюбіе, я закусилъ языкъ и внутренно сталъ себѣ доказывать, что и добрый нашъ князь не изъятъ отъ непостижимыхъ капризовъ своенравной Петербургской аристократіи. Карета остановилась у крыльца; входимъ на лѣстницу, и въ первой комнатѣ Эрмитажа в. с. звонкимъ своимъ голосомъ повелительно сказать мнѣ изволили, что развивающаяся болѣзнь вашего горла, равно какъ и совѣты врачей, обязывали васъ

хранить молчаніе и не давать мнѣ отвѣтовъ. И это называется жить въ Петербургѣ, гдѣ среди весны, сидя въ каретѣ, люди должны опасаться вымолвить слово, чтобы не встрѣтиться со струей зловреднаго воздуха Ингерманландіи, который не животворить даже и въ Маѣ мѣсяцѣ! Однажды я пришелъ къ в. с. и въ Іюнѣ; на тотъ, однако, разъ въ кабинетѣ вашемъ мнѣ показалось что-то необыкновенно пріятно; но я тотъ же часъ и разочаровался, когда узналъ, что оный былъ порядочно натопленъ. Экій климатецъ! Экая Аркадія! Экое небо!

Но я долженъ, однако, остановить полугрѣховный ропотъ мой. Жизнь есть должность, говорили мудрые язычники; и христіанину-ли искать прохлады и нѣги въ томъ мірѣ, который, по справедливости, названъ смирительнымъ домомъ для вѣчности? Красное солнышко благодати освѣтить и согрѣть можетъ человѣка и во всякомъ мѣстѣ; на людяхъ и смерть красна, говаривали наши добрые предки, и слѣдовательно,—да будетъ воля Божія! Не желая болѣе дразнить своей ипохондріи и оставляя ее мириться, какъ она хочетъ, сама съ собою, я перейду къ другимъ предметамъ.

Въ самый день поѣздки нашей въ Эрмитажъ, я приносилъ къ в. с. для показанія семь Нѣмецкихъ книжекъ; названіе ихъ Blätter aus Prevorst. Это родъ психическаго журнала, издаваемаго Кёрнеромъ, издателемъ жизни извѣстной Преворстской зрительницы. Тогда я сказалъ в. с., что намѣренъ заняться въ Костромѣ повтореніемъ Нѣмецкаго языка, дабы впослѣдствіи переводить вамъ любопытнѣйшія статьи этого замѣчательнаго журнала. На повѣркѣ, однако, оказалось, что Костромскій климатъ враждебствуетъ съ Нѣмецкою филологіей; ибо я не сдержалъ своего слова. Впрочемъ, я постарался отыскать въ здѣшней губерніи одного Нѣмца, любящаго заниматься назидательными переводами и окончившаго уже нѣсколько томовъ преложенія извѣстнаго Нѣмецкаго творенія Stunden der Andacht. Этотъ добросовѣстный Нѣмецъ, еще въ Августѣ получившій отъ меня нѣсколько изъ вышеупомянутыхъ книжекъ, принялся за дѣло по моему указанію и перевелъ кое-что изъ оныхъ. И вотъ на первый разъ представляю вамъ рукопись о снахъ, которую онъ мнѣ недавно только-что доставилъ. Я не нашелъ возможности выправить и свѣрить переводъ съ подлинникомъ, потому что книжки были у Нѣмца; а онъ живетъ или, лучше сказать, служитъ не въ Костромѣ, а въ одномъ изъ уѣздныхъ городковъ губерніи. Во всякомъ, однако, случаѣ я рѣшился этотъ переводъ послать къ вамъ; можетъ быть, вы полюбопытствуете пробѣжать его. Впослѣдствіи я перешлю къ вамъ и продолженіе, которое, думаю, будетъ любопытнѣе, ибо въ ономъ трактуется о видѣніяхъ. Теперь беру смѣлость перевести васъ къ другому предмету.

Въ проявленіи довѣрчиваго ко мнѣ благоволенія, в. с. удостоивали иногда меня прочтеніемъ нѣкоторыхъ любопытныхъ статей, прилежно собираемыхъ вашею неустающею любознательностью. Нѣкогда возведенный волею Монарха на управленіе Министерствомъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, вы, с. к., постарались тотъ же разъ испросить отъ щедротъ Государя ближайшія, обильнѣйшія и не всѣмъ общія средства слѣдить современное направленіе умовъ въ Европѣ. Нѣкоторые изъ достойнѣйшихъ представителей окняженнаго талантомъ и христіанствомъ мышленія не отказались споспѣшествовать вамъ въ этомъ дѣлѣ. Между министромъ просвѣщенія на Сѣверѣ и Германскими учеными завязалась, вслѣдствіе этого, интереснѣйшая, по предметамъ и изложенію, переписка. Просвѣщенные мужи трудолюбивой Германіи не филологическимъ вздоромъ занимали министра-христіанина: ему не было посылаемо тѣхъ сладострастныхъ драмъ, похищенныхъ у Индѣйскаго пантеизма, которыя такъ приманчивы языческому направленію умовъ кипящаго буйною отвагой современнаго поколѣнія.

Однажды дали вы мнѣ прочесть рапортъ къ в. с. знаменитѣйшаго изъ современныхъ Европейскихъ мыслителей Баадера. Въ ономъ заключалось практическое изложеніе тѣхъ истинъ, что всякое страданіе въ физическомъ мірѣ имѣетъ своего представителя въ мірѣ невещественномъ. Слушая со вниманіемъ таковыя важныя вещи, я не былъ, однако, пораженъ нечаянностью: мнѣ сдавалось, что я объ этомъ гдѣ-то читалъ прежде, что̀ въ тоже время вамъ и замѣтилъ. В. с. изволили возразить мнѣ, что для васъ показалось это очень странно, потому что того рапорта ни у кого не было кромѣ васъ. Вы изволили три раза сдѣлать мнѣ сіе замѣчаніе. Я не смѣлъ тогда противорѣчить в. с.; но, пріѣхавши въ Кострому и прилежно осматривая свои бумаги, нашелъ, однако, у себя этотъ документъ въ одной тетрадкѣ, подъ таковымъ названіемъ: «Выписка изъ записокъ кавалера Барбереня 1785 года». Въ концѣ же тетрадки есть статья, въ видѣ отрывка: «О вышнемъ назначеніи животнаго магнетизма». Ее-то, в. с., при семъ имѣю честь препроводить для прочтенія. Мнѣ кажется, что въ ней есть нѣчто общее съ изложеніемъ Баадера.

Исполнивъ добросовѣстно мою обязанность, я уже непосредственно обращусь теперь къ себѣ и осмѣлюсь занять высоконачальническое вниманіе мелкими подробностями, касающимися до вашего подчиненнаго. Разрѣшенія изъ Опекунскаго Совѣта на продажу имѣнія еще и до сихъ поръ (7 Февраля) не получено въ Гражданскую Палату. Тоска моя по васъ (не по Петербургу) увеличивается со дня на день. Очень хочется повидаться съ вами! Между тѣмъ я успѣлъ уже выдать брату моему двѣ довѣренности, скрѣпленныя надлежащими формами по разнымъ

предметамъ, и которыхъ составленіе требовало немалаго соображенія. Одинъ проектъ вольной также заготовленъ. Племянницѣ выдано, что было мною предположено. Бо́льшую часть своего скарба, уклавши на четырехъ подводахъ, я отправилъ 7-го еще Генваря въ Петербургъ; вчера получилъ извѣстіе, что обозъ мой прибылъ благополучно въ столицу и уже сложенъ на квартирѣ моей, которую начальническая милость ваша мнѣ усвоила. Тамъ теперь проживаетъ и принадлежащій мнѣ человѣкъ, ожидающій моего возвращенія. Мнѣ сдается, в. с., что я васъ утомилъ длиннымъ и вялымъ письмомъ моимъ, а поэтому я и остановлюсь здѣсь, засвидѣтельствовавъ предъ вами обычныя мои чувствованія.—Во время изложенія настоящей провинціальной моей хартіи, я имѣлъ счастіе получить новое письмо ваше; едва не со слезами я благодарю васъ за этотъ лестный знакъ милостиваго ко мнѣ вниманія и буду имѣть честь отвѣтствовать вамъ на оное письмо въ свое время. Никогда еще я такого ласковаго письма отъ васъ не получивалъ. Господь да поможетъ мнѣ, хотя сколько-нибудь оправдать ваше ко мнѣ благоволеніе».

Наконецъ Юрій Никитичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь занялъ очень оригинальное положеніе. Началась дружба между людьми столь различными по своему общественному положенію. Съ одной стороны другъ царской семьи еще со временъ Екатерины Великой, канцлеръ Россійскихъ орденовъ, завѣдующій въ тоже время самою живою вѣтвью внутреннихъ сношеній (т. е. почтою и ея перлюстраціею), съ другой скромный коллежскій совѣтникъ, бывшій директоръ захолустной гимназіи. Надо сказать, что вліяніе свое Бартеневъ не употреблялъ во зло. Обиженные и угнетенные всегда находили черезъ него доступъ къ его вельможному другу. Приведемъ, какъ образецъ, письмо его къ князю о бѣдномъ чиновникѣ Куракинѣ; оно достойно вниманія, ибо полно истиннаго краснорѣчія.

Ваше сіятельство, милостивѣйшій государь!

> Но ктожъ молчанье сохранитъ,
> Когда восторгомъ сердце полно?
> Печаль робка, печаль безмолвна;
> А радость громко говоритъ.

Въ прошедшій Понедѣльникъ, 20-го Сентября, явившись къ вамъ въ извѣстные 3 часа послѣ полудня, *я очень былъ обрадованъ рѣшеніемъ вашимъ* на счетъ бѣднаго Куракина. Это отрывистое начальническое слово, проговоренное на ходьбѣ (ибо вы въ это время что-то укладывали, собираясь въ дорогу), сказанное въ поспѣшности, можетъ быть, при нѣкоторомъ для всякаго другаго неуловимомъ побужденіи сдѣлать и мнѣ пріятное, *огласило воздухъ, смолкло.* Зыбкая храмин

человѣческаго мышленія, вмѣщающая дивные останки духа, снова заработала обычнымъ разнообразіемъ предметовъ; память, воображеніе безпрестанно подстилали вещество для разговора. Онъ закипѣлъ обычною своею занимательностію, время таяло непримѣтно, и наконецъ стоическая своевременность, столь вамъ свойственная, вдругъ перервала потокъ рѣчей, свѣжихъ, поучительныхъ, всегда разнообразныхъ, всегда наставительныхъ для слушающаго. Не было тогда и въ поминѣ прежняго рѣшенія о темной судьбѣ ничтожнаго бѣдняка Куракина, вы не считали уже за нужное болѣе распространяться объ этомъ рѣшеніи, однажды выговоренномъ; повторю: *слово огласило воздухъ, смолкло.*

Да и есть-ли чѣмъ тутъ заниматься, сіятельнѣйшій князь? Что значитъ лицу званія вашего втолкнуть на какую нибудь низшую инстанцію низкаго по міру искателя оной; изъ густо сплоченной стѣны желающихъ, что значитъ мощной рукѣ вашей выхватитъ блѣдный мозаикъ, изнуренный бѣдностію, истомленный ожиданіемъ? Какой трудъ и подвигъ выговорить вамъ высоконачальническое ваше рѣшеніе тамъ, гдѣ всемощное время какъ бы само даже указуетъ вамъ на упраздненный служебный интервалъ, а пространство опредѣляетъ и мѣрку подобнаго замѣщенія? Слѣдовательно, по афоризмамъ служебной стратегіи, это такъ не важно, даже низко, ничтожно, чтобъ останавливаться нашимъ вниманіемъ, чтобы дѣлать для себя значительнымъ предметомъ изслѣдованія. *Слово рѣшенія однажды огласило воздухъ, смолкло.*

Но знаете ли, сіятельнѣйшій князь, о послѣдствіяхъ такого слова? Вѣдаете ли его важность, когда оно оглашаетъ ближнему радость и благовѣстіе, когда подобное слово, проникая весь отдѣльный міръ семейства, навѣваетъ на него успокоеніе, располагаетъ его къ нѣгѣ молитвы, вводитъ его во святую импровизацію вздоховъ и благословеній? О, слово это плодотворно! Оно важно предъ Богомъ, оно спасительно изрекающему оное. На страшномъ судѣ Великаго Зиждителя судебъ человѣческихъ подвигъ, столь повидимому ничтожный, можетъ быть, выше еще оцѣнится, чѣмъ тѣ блистательные разсчеты плотянаго сердца, разстанавливающаго опричниковъ своихъ по мѣстамъ злачнымъ, по холмамъ высокимъ.

Оставя высоту риторическихъ украшеній, я сойду въ колею обыкновеннаго разсказа и просто опишу вамъ причины, обязавшія меня сдѣлать здѣсь нѣсколько дидактическихъ наведеній (inductions) по предмету опредѣленія бѣдняка Куракина.

Начну съ обѣда. La véritable charité commence toujours par soi-même. Какое мнѣ было угощеніе въ прошедшій Понедѣльникъ (20-го Сентября) въ домѣ вашего сіятельства! Какъ яствы вашей трапезы были вкусны, благовонны; какъ взглядъ обязательнаго хозяина былъ

цвѣтущъ, свѣтелъ. Въ первый разъ только я тогда замѣтилъ, что и оффиціальный фракъ мой былъ не застегнутъ, а черный галстукъ не давилъ шеи. Какая роскошь вкушенія, когда на душѣ бываетъ свѣтло, а въ сердцѣ тепло! Отъ чего жъ это? Не бродитъ ли тутъ фантазія? Не приторная ли лесть подсыпается ловкимъ школьнымъ директоромъ вельможному его хозяину? Нѣтъ, да избавитъ насъ Господь! Нѣтъ, нѣтъ, но потому что *слово рѣшенія однажды огласило воздухъ, смолкло.....*

Въ прошедшій Вторникъ, 21-го Сентября, ранёнько проснулся я со свѣжимъ вѣтеркомъ мыслей, и въ первый еще разъ безъ страха отъ холеры. Въ шесть часовъ я послалъ молодаго человѣка, у меня живущаго, отыскивать бѣднаго Куракина, извѣстить его о исполненіи давно ожидаемаго желанія, а самъ сѣлъ тотъ же часъ писать къ ректору Шульгину о томъ, какъ дѣло кончилось и какъ бѣднякъ предварительно былъ опредѣленъ. Вотъ что молодой человѣкъ разсказалъ мнѣ по своемъ возвращеніи:

«Насилу я могъ отыскать Куракина: не одинъ разъ долженъ былъ спотыкаться въ Египетской тьмѣ и лабиринтѣ перегородокъ, черныхъ лѣстницъ, поворотовъ, дверей и проч., пока не дошелъ до тѣсной каморки, гдѣ витало, какъ птицы небесныя, семейство бѣдняка». Хотя рано пришелъ мой посланный, но хозяина каморки уже не засталъ дома. Онъ успѣлъ, однакожъ, нѣсколько осмотрѣть мѣстность хозяйскую: закоптѣлое окошко въ стѣнѣ, едва пропускающее дневный свѣтъ, изгрызанную временемъ и нетопленную лежанку, на которой торчалъ полуразломанный самоваръ, какъ бы сердясь или, можетъ быть, стыдясь пришельца, что въ немъ уже давнымъ давно не разводили огня. Самоваръ—это вѣрное мѣрило благоденствія всякаго бѣднаго! Словомъ, все показывало посланному, что отсутствіе всѣхъ внѣшнихъ благъ крѣпко вгнѣздилось въ смиренную обитель нищеты и столичнаго убожества, убожества страшнѣйшаго, нежели гдѣ либо. Женщина молодая и пригожая съ робостію и привѣтомъ встрѣтила моего посланнаго; двое маленькихъ дѣточекъ, миленькихъ какъ херувимчики, со страхомъ прижались къ дрожащимъ колѣнамъ матери, пугаясь человѣка имъ чуждаго; ибо, по ребяческому своему инстинкту, онѣ гораздо прежде еще различили смѣлую и торопливую походку незнакомца, а не ту тяжелую и медленную поступь отягченнаго бременемъ заботъ и нужды жалкаго ихъ отца. «Мужа моего нѣтъ дома», сказала женщина Малороссійскимъ акцентомъ, «онъ имѣетъ привычку выходить каждый день къ заутренямъ. Что̀ вамъ надобно?» продолжала она, озираясь робко.—«Я, сударыня, пришелъ къ вамъ отъ Юрія Никитича извѣстить и вмѣстѣ поздравить мужа вашего съ исполненіемъ его желанія, съ благополучнымъ опредѣленіемъ на мѣсто». Бѣдная женщина слушала

рѣчь, кажется, безъ вниманія; легкія судороги пробѣжали по пріятному лицу, зрачки глазъ не дѣлали движенія; она слушала, слушала и тогда, какъ уже перестали говорить ей; наконецъ, глаза стали туманиться, уводняться, и крупныя капли слезъ, первыхъ слезъ радости, послѣ 9-ти мѣсячнаго прискорбнаго ожиданія, дружно брызнули градомъ. Бѣдная женщина зарыдала; заплакалъ съ нею и мой посланный.

Ваше сіятельство! Картина эта вѣрна во всѣхъ ея подробностяхъ. Она упоительнѣе для души всѣхъ прыжковъ обворожительной Тальони съ ея ненаглядными грасами; видѣть сладкую росу утѣшенія на семействѣ бѣдномъ, благочестивомъ есть зрѣлище достойное любящаго сердца христіанина; что̀ я говорю? Зрѣлище! Нѣтъ, это есть даже мзда высшая для любви, желанная для добродѣтели. .

Слово рѣшенія однажды огласило воздухъ, смолкло.

Жена Куракина сказала моему посланному, что мужъ ея сегодня же въ 10 часовъ утра намѣревался у меня побывать. Онъ и дѣйствительно пришелъ въ назначенное время. Куракинъ не старый еще лѣтами, но сгорбившійся отъ трехлѣтняго ожиданія, съ почтенными страдальческими морщинами на челѣ, прямо подошелъ ко мнѣ, выпрямился и упалъ въ ноги; жена его успѣла уже передать ему благовѣстіе вашего сіятельства. Вотъ что Куракинъ между прочимъ сумѣлъ промолвить мнѣ въ рѣдкіе промежутки раскачавшагося отъ радости сердца.

Три года уже, какъ онъ лишился своего мѣста, по извѣстному обстоятельству, т. е., болѣзни, засадившей его въ домъ ума лишенныхъ. Проходя Жилблазовское поприще по нашей не всегда гостепріимной Скиѳіи, онъ до голыхъ нитокъ протеръ свой заношенный фракъ, а милая половина его износила уже весь скудный гардеробъ уѣздной почтмейстерши; впрочемъ все обстояло благополучно и не мѣшало имъ, какъ истинно-Русскимъ патріотамъ, продолжать свою честную оберъ-офицерскую династію разумноженіемъ миленькихъ сердцу дѣточекъ. Вотъ познакомился онъ въ Кіевѣ съ нынѣшнимъ Воронежскимъ архіепископомъ Антоніемъ и даже улучилъ время съ нимъ сблизиться, проживши съ его преосвященствомъ цѣлый мѣсяцъ въ одномъ домѣ.

Намѣреваясь пуститься въ далекій путь, онъ заѣхалъ къ нему въ Воронежъ, для принятія его архипастырскаго благословенія и, можетъ, болѣе существеннѣйшаго напутствія. Преосвященный не опозналъ своего бѣднаго пріятеля; отпуская его въ дорогу, онъ снялъ съ груди своей заповѣдный маленькій образъ святителя Митрофанія и благословилъ имъ витязя на трудное столичное домогательство; велѣлъ подать хлѣбъ и соль и, положивъ на оный красненькую ассигнацію, мирно отправилъ путника въ предлежащее странствіе. Но прежде чѣмъ

выступилъ мой витязь плачевнаго образа за порогъ, Антоній проговорилъ ему пророчественное слово: «Въ столицѣ ты нѣсколько мѣсяцевъ жестоко потерпишь отъ тѣсноты и туги», сказалъ онъ; «но знай, что получишь наконецъ мѣсто, столь тебѣ необходимое и желанное и проживешь остатокъ дней своихъ благополучно и счастливо» (это разсказывалъ мнѣ самъ Куракинъ).

Вотъ онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Нужда натолкнула его на митрополита Филарета, сейчасъ же давшаго ему письмо къ вашему сіятельству назадъ тому уже 9-ть мѣсяцевъ. Ваше сіятельство были къ бѣдному милостивы и тотъ же разъ велѣли опредѣлить его къ мѣсту, но по пословицѣ Русской: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, бѣднякъ проходилъ въ уловленіи мѣста, какъ выше сказано, 9-ть цѣлыхъ долгихъ и тощихъ мѣсяцевъ; голосъ его былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; вездѣ его не замѣчали по причинѣ его низости, а иногда спѣсь засмотрѣвшагося на себя себялюбія отбрасывала его изъ переднихъ въ тридесятое государство. Первый визитъ сдѣлалъ онъ одному изъ значительнѣйшихъ сановниковъ духовнаго вѣдомства. Особа эта облегчила себя подвигомъ лично взглянуть на бѣдняка и откровенно и благоснисходительно благоволила объявить ему, что она по старости лѣтъ своихъ и по правиламъ Св. Отецъ не мѣшается уже въ дѣла житейскія, т. е. въ дѣла тьмы, неустройства и ошибокъ человѣческихъ; со смиреніемъ погладивъ властительскую свою бороду, она смиренно и съ достоинствомъ уволила отъ себя моего паціента. Вотъ наша сороконожка нашла входъ, т. е. проползла, и до другой столь же важной особы въ духовномъ званіи. Увѣнчанный званіемъ старецъ обрѣлъ себя на тотъ разъ въ мягкихъ и близкихъ къ своему ближнему чувствахъ; онъ призвалъ передъ себя труженика и началъ говорить съ нимъ о тщетѣ всего подлуннаго. «Въ Петербургѣ, вѣщалъ онъ (это точныя слова его) только тѣмъ удача, кто богатъ и знатенъ; бѣднякамъ же нѣтъ здѣсь мѣста, примолвилъ онъ со вздохомъ. Удались же отсюда, чадо; вотще будеши искати и трудитися».—Бѣднякъ послушалъ благого совѣта и безъ оглядки побѣжалъ отъ краснорѣчиваго витіи. Наконецъ сороконожка моя посягаетъ взползти и подняться на великое Монгольфіерово восхожденіе; послѣ тщетныхъ усилій онъ осмѣлился уже въ слухъ для себя и для немногихъ друзей своихъ вымолвить завѣтную тайну, что у него есть въ Петербургѣ родственникъ (отецъ жены его былъ нѣкогда роднымъ дядею статсъ-секретаря NN). Сжавши благородное негодованіе отринутаго родства, онъ потекъ въ путь на вѣрную удачу и заступленіе; но увы, нѣтъ удачи, нѣтъ заступленія: съ бѣднымъ родственникомъ не захотѣли даже и промолвить слова. (Hear, слушайте, слушайте, в. с.!) Ну, бѣднякъ, иди ко

мнѣ, ближній мой, становись рядомъ со мною, пропоемъ къ обоюдному утѣшенію извѣстную пѣснь бѣднаго. Пусть добрая душа, къ которой пишется настоящее письмо, послушаетъ и нашей пѣсни, какъ она услышала нѣкогда носившееся слово бѣдности безпомощной и безотрадной.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ[1]).

Мнѣ ничего уже не оставалось дѣлать, какъ только впасть въ уныніе, продолжалъ мой труженикъ; но вотъ отъ здѣшнихъ студентовъ нечаянно слышу единодушную похвалу ихъ ректору Университета, Шульгину, и онъ даетъ мнѣ извѣстное рекомендательное письмо, которое дошло до князя и ущедрило мои желанія. «Какъ же ты питался, mon vieux, какъ говорилъ Наполеонъ, добрый мой старинушка?» спросилъ я его. Нѣкоторыя благодѣтельныя лица помогали мнѣ въ моей нуждѣ, отвѣтствовалъ онъ; даже самъ князь А. Н. благоволилъ присылать мнѣ значительную денежную помощь до пяти разъ; потомъ Ѳ. П.[2]) ходко пошелъ по этимъ же золотымъ ступенямъ своего начальника, слѣдя его сіятельство. Этими деньгами я и платилъ за квартиру; изрѣдка попивали съ женкою чаекъ и прославляли нашего Отца небеснаго и благодарили отцевъ земныхъ въ чаяніи благъ грядущихъ.

Но письмо становится чрезмѣрно длинно, и мнѣ еще остается сказать вашему сіят. объ одной сценѣ. Вчера жена бѣдняка принесла къ Катѣ моей просфору, вынятую за здоровье ваше. Живши возлѣ Таврическаго сада, пылкая Малороссіянка (не спавши, по словамъ мужа, цѣлую ночь, начинавшая молиться, начинавшая говорить, и все безъ успѣха), ранымъ рано побѣжала въ Лавру, тамъ отслужила обѣдню, отслужила благодарственный молебенъ и успѣла еще утромъ прибѣжать къ намъ, повалиться въ ноги женѣ моей, залиться горючими слезами и вымолвить благословеніе виновнику ихъ счастія. Катя сказала мнѣ, что она нашла въ ней достойную женщину. Мирное лицо ея, оторопѣвшее въ скорбяхъ, было не безъ граціи; одежда гораздо хуже, нежели у Петербургской нищей. Мы бы съ мужемъ могли еще потерпѣть, при помощи Божіей, шептала она женѣ моей; но вотъ что̀ всегда доводило особенно меня до ропота, или какъ выразилась она, становилось невыносимо, когда видишь, бывало, дѣточекъ своихъ голодныхъ (стало быть, говорила мнѣ тихонько жена моя, это случалось съ ней неоднократно).

---

[1]) Переводъ В. А. Жуковскаго изъ Уланда, 1816-го года.

[2]) Прянишниковъ, директоръ Почтоваго Департамента.

Но конецъ письму, конецъ разсказу, конецъ скорбямъ: продолжительность утомительна. Теперь все весело, все успокоено надеждою, все окрылено мощнымъ участіемъ, ибо

Слово рѣшенія однажды огласило воздухъ, смолкло...

Нѣтъ, не смолкло, сіятельнѣйшій князь, не смолкло слово; оно, гремитъ воскресительною мелодіею въ устахъ бѣдныхъ; оно гармонически оглашается въ небольшомъ кругѣ негнушающихся тѣсноты и худобы человѣческой; оно звонко вопіетъ въ уши виновника утѣшеній, внятно говоритъ ему во святилище души его: *блаженъ ты, разумѣваяй нища и убога, въ день смерти твоея избавитъ тя Господь*! Аминь. Да будетъ, да будетъ!»

Письмо князя А. Н. Голицына.

«Увѣдомьте меня о Куракинѣ, очистилась ли ему какая вакансія? Отъ чего такъ долго не представляетъ контора, ежели бывшій почтъ-директоръ Кологривской подалъ въ Августѣ просьбу объ увольненіи? Но какъ Куракинъ отъ обѣщанія получить мѣсто не будетъ отъ того сытъ, а я знаю, что онъ терпитъ большую нужду въ пропитаніи: то посылаю ему сто рублей отъ меня, которыя ему вручите, покуда онъ опредѣленъ будетъ.»

Царское Село,
12 Октября 1837 года.

Чѣмъ занимался Юрій Никитичъ, кромѣ посредничества въ дѣлахъ благотворенія, видно изъ нижепомѣщаемыхъ дневниковъ[1]). Они, полагаемъ, любопытны, изображая внутреннюю жизнь князя А. Н. Голицына, одного изъ послѣднихъ могиканъ Александровской эпохи.

Суббота, 13-го Ноября 1837.

Въ назначенное время я пришелъ къ князю; вскорѣ за мною появился и Ник. Андр. Загрядскій. Мы однако немножко пождали князя, потому что въ это время была у него племянница графиня Салтыкова[2]), только что пріѣхавшая изъ своихъ деревень. Вскорѣ мы взошли къ князю. Онъ открылъ бесѣду съ нами продолженіемъ чтенія извѣстнаго сочиненія l'Enfant de Dieu. Чтеніе прерывалось обоюдными вопросами

[1]) Сличи Записки Ю. Н. Бартенева въ „Русскомъ Архивѣ" 1886 года.

[2]) Графиня Екатерина Михайловна (1808—1882), дочь князева брата, Михаила Николаевича отъ третьей супруги его Натальи Ивановны Толстой. Деревни ея находились, если не ошибаемся, въ Смоленской и Могилевской губерніяхъ. Особенно славилось имѣніе Кисловичи, Мстиславскаго уѣзда, гдѣ и былъ схороненъ ея мужъ, графъ Левъ Григорьевичъ Салтыковъ, 18 Января 1857 года. Ю. Б.

и отвѣтами, иногда замѣчаніями князя, открывавшими его сердце вполнѣ и вмѣстѣ его воззрѣнія на многіе важные предметы духовной и практической жизни. Всѣ наши говоры впрочемъ стремились къ этому началу, и эта бесѣда съ чтеніемъ сильное сдѣлала впечатлѣніе на мое сердце. Авторъ продолжалъ толкованіе на шесть дней творенія, приспособляя этотъ Божественный Fiat*) къ творчеству Божіему въ душахъ человѣческихъ. Авторъ разсматриваетъ человѣка съ высокой точки; даже самое мертвенное тѣло наше составлено изъ квинтъ-ессенціи здѣшней натуры, когда она еще была не въ падшемъ состояніи. Душа по его мнѣнію состоитъ изъ звѣздной сущности или натуры ангельской, духъ человѣческій есть интегралъ самого Божества. Душѣ, по мнѣнію автора, усвоены внутреннія чувства, sens internes; чувства эти суть уже силы.

Авторъ настаиваетъ на хожденіи въ присутствіи Божіемъ; это поклоненіе должно быть дѣйствительно по тѣхъ поръ, пока обратится въ страдательное отъ Бога. Дѣйствительность поклоненія надобно понимать въ томъ смыслѣ, чтобъ воля или сердце наше трезвилось и понуждалось въ самосознаніи и въ воспроизведеніи актовъ воспоминанія о Богѣ; страдательность же или пассивность, даруемая намъ, какъ выше сказано, Господомъ, есть уже въ нѣкоторомъ смыслѣ апоѳеозъ молитвы: ибо дары Божіи, увлажая силы души или по словамъ автора внутреннія ея чувства, окрыляютъ тогда молитву, дѣлаютъ ея свѣтлою, а самосознаніе вкушаетъ сладость неизреченную, покой и миръ Божій. Потому, страдательна, говорю молитва, что человѣкъ тогда ничего, такъ сказать, не дѣлаетъ, а все Богъ. Авторъ настаиваетъ, чтобъ не искать этихъ услажденій прежде времени, ибо что̀ преждевременно попадаетъ во внутреннія чувства души, то бываетъ ненадежно, шатко и способно привести человѣка къ самомнѣнію и даже гордости. Иллюминативная жизнь весьма опасна, говоритъ авторъ, поелику служитъ привольемъ для сѣтей дьявола, между тѣмъ какъ простое прилѣпленіе центра сердечнаго къ Господу болѣе изъято подобныхъ искушеній; міръ и плоть суть обыкновенныя тутъ препятствія. За то чище подвигъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ работа безопаснѣе.

Я нѣсколько распространился въ изложеніи мнѣній читаемаго нами автора, потому что бы измѣняемость памяти не истребила изъ памяти моей прочтеннаго нами; прочія же вещи упомяну здѣсь кратко. Хотя и онѣ очень важны, но я имѣю всѣ средства переспросить князя, а о

---

*) Fiat—да будетъ. Понятію безусловнаго творчества міра изъ ничего противоположны языческія ученія о возникновеніи вселенной изъ хаоса или ея истеченія изъ Божества.

томъ что прежде написано и князь мой не въ состояніи былъ бы мнѣ разсказать, ибо книга не его и дана ему на короткій лишь срокъ. Ни отъ какого автора, такого, такъ сказать, спрыскиванія на духъ мой я не получивалъ, какъ отъ этого смиреннаго Enfant de Dieu. Я весь былъ огненное вниманіе и прилѣпленіе, но отнюдь не показывалъ этого; всѣ вопросы и отзывы мои были нѣсколько дѣтскіе и даже свободные, такъ что князь близокъ былъ на меня прикрикнуть и даже останавливалъ меня своими замѣчаніями, очень сильными, по методѣ князя. Вотъ напримѣръ каковы были его возгласы: comme vous êtes baroque, mon cher ami; или: mais vous avez des idées tout-à-fait charnelles и проч. Знайте, возлюбезнѣйшій мой наставникъ и князь, что при Загрядскомъ, или при комъ бы то ни было, съ кѣмъ я не близокъ, я никогда не обнаружу своихъ настоящихъ чувствованій. Но которому отдаю полную справедливость, это моя заповѣдная библія: она открывается только для васъ и для тѣхъ, коихъ избрала душа моя въ повѣренные сердца. Сегодня Вторникъ и вечеръ, а посмотрите, какъ чиста моя дикція въ настоящей меморіи; пусть это покажетъ вамъ, какъ крѣпко начерталось на сердцѣ читанное слово, которое я вздумалъ излагать по прошествіи трехъ уже сутокъ времени. Въ эту же ночь я имѣлъ нѣкоторый опытъ, который нѣсколько показалъ мнѣ теорію автора.

Теперь еще крѣпче упомяну о нѣкоторыхъ случаяхъ. На замѣчаніе Ник. Андр. князь далъ намъ толкованіе, въ какомъ духѣ должно принимать и выслушивать подобныя сочиненія. На другое замѣчаніе его же князь пояснилъ свою теорію животнаго магнетизма, я говорю свою, ибо князь имѣетъ собственное ему принадлежащее на это воззрѣніе. Вотъ она вкратцѣ. Остановка тѣлесныхъ отправленій: душа, какъ она есть, начинаетъ жить міровою жизнію, иногда надобно отстать отъ магнитизированія, не надлежитъ дѣлать вопросовъ и надсажать душу, если она сама и охотно не врубается въ міровую сферу. Событіе о прокаженной душѣ нечистыми желаніями и помыслами. Иллюминативная жизнь, въ чтеніи упоминаемая, дала поводъ князю разсказать духовную коннекцію свою съ покойникомъ Кошелевымъ. Какой образъ вѣдѣнія Кошелева по духовному пути. Иллюминизмъ, сады, луга и аллеи, видѣніе Спасителя, какъ сперва, какъ послѣ, сочиненія Жанъ-Лакруа, доставленыя нѣкогда мною; пѣніе; какъ князь участвовалъ въ этомъ пѣніи, событіе съ анонимомъ, видѣвшимъ въ Петербургѣ не-Петербургскій міръ. Фотій служитъ обѣдню у князя. Жемчужина, кольцо изъ платины, ломаетъ камень изъ перстня съ рубрикою имени Іоанна; еще что до Іоанна касалось, но я забылъ; встрѣча его въ домѣ

князя, сквозный вѣтеръ, взглядъ князя на Фотія[1]) и почему онъ подавался его симагреямъ. Сегодня кончился мѣсяцъ со времени возвращенія князя изъ Царскаго Села, и вотъ уже 19 меморій. Разъ отъ разу дѣлаются онѣ обширнѣе, онѣ поглощаютъ все мое время, но я не скучаю доселѣ; я съ радостію прекратилъ свои знакомства. Въ прошедшее Воскресенье, Понедѣльникъ и Вторникъ занимался часу до втораго за полночь, но усталости и изнеможенія не чувствую. Эти дни имѣю скорбь на сердцѣ по причинѣ болѣзни Кати, къ которой въ Понедѣльникъ докторъ пріѣзжалъ два раза въ день, а во Вторникъ до обѣда она лежала въ постели. Аттенція князя къ своему камердинеру[2]).

Среда, 17-го Ноября.

Пріѣзжаю къ князю въ назначенное время, но его не было дома; впрочемъ онъ скоро возвратился изъ Капитула. Приходитъ и Загрядскій. Князь открылъ бесѣду чтеніемъ извѣстнаго трактата Бевеленда, все продолжая прежнюю книгу. Я находилъ себя въ какомъ-то трезвенномъ состояніи и былъ охотно расположенъ ко вниманію. Въ эту бесѣду мы прочитали четыре главы у автора. Все еще идетъ аппликація Моисеева Шестоднева къ постройкѣ Божіей въ душахъ человѣческихъ; авторъ все изъясняетъ духовно и въ приспособленіи къ спасенію. Даже самыя четыре рѣки, текущія въ раю, имѣютъ у него значительный и таинственный смыслъ. Паденіе Адамово представлено у автора съ нѣкоторыми особенностями. Змѣй былъ красивѣйшее и смышленнѣйшее животное изъ всѣхъ находившихся въ Божественномъ вертоградѣ. Онъ наружностію своею болѣе всѣхъ походилъ на человѣка; онъ возбудилъ въ Адамѣ желаніе имѣть подругу. Сотвореніе Евы есть уже нѣкоторое слѣдствіе паденія Адамова. До этого паденія Адамъ имѣлъ тинктуру женственности въ самомъ себѣ. Магическое воспроизведеніе дѣтей было въ Адамѣ самою высшею и лучшею способностію изъ всѣхъ качествъ или даровъ, принятыхъ имъ непосредственно отъ самого Господа. Это по моему замѣчанію есть спеціальность нашего автора, ему одному принадлежащая, между тѣмъ какъ все прочее находятся и у другихъ мистиковъ. Ева, оличась въ особенномъ субъектѣ, прообразовала здѣсь силы: разумичную, испытательную, самоглядную, находившіяся нѣкогда въ самомъ Адамѣ. Врагъ человѣческаго рода удобнѣе нашелъ ходъ приразиться къ Евѣ и чрезъ ея согласіе ввести первородный грѣхъ въ міръ.

---

[1]) Объ отношеніи Фотія къ князю см. „Р. Архивъ" 1895, III, 485.
[2]) Такъ называетъ Бартеневъ князева секретаря Г. С. Попова. Ю. Б.

Это дало поводъ автору состояніе перваго полупаденія Адамова сравнить съ тѣмъ положеніе христіанина, когда онъ, отрѣшась отъ грубыхъ погрѣшностей и ходя даже въ присутствіи Божіемъ, не столько еще возвышенъ, чтобъ совсѣмъ и начисто предать себя Господу, воплотить Его въ себя, мыслить, желать и поучаться въ Немъ лишь одномъ, но еще оставляетъ мѣсто своей Евѣ увлекаться любознательностію и самоглядностію, думая, что спокойствіе его въ Богѣ есть праздность, и чрезъ то совершенно мѣшалъ Господу творить и доканчивать въ немъ дѣло свое, которое бы привело того человѣка къ совершенному соединенію его съ творцемъ своимъ и сдѣлало бы полнымъ причастникомъ Божественнаго естества. Здѣсь припомнимъ мы Филарета, какъ онъ объяснилъ въ толкованіи своемъ на Книгу Бытія эту способность Адамову, которую имѣлъ онъ до своего паденія производить себѣ подобныхъ. Князь назначалъ намъ придти къ себѣ въ Субботу поутру въ 10 часовъ; я выпросилъ у него, чтобъ онъ отмѣнилъ это приказаніе до 11-ти: причина всему цирульникъ, живущій на Васильевскомъ островѣ. Простота моя соблазнила нарумяненый формализмъ Загрядскаго, и это подало поводъ разсказать князю два анекдота о цирульникахъ; одинъ о лицѣ неизвѣстномъ, какомъ-то Англійскомъ купцѣ, другой о себѣ самомъ; это было за обѣдомъ. Послѣ обѣда говорили о Бёмѣ и Пордечѣ. Нужно-ли мнѣ здѣсь замѣтить, что мнѣ никакъ не хочется спорить съ Загрядскимъ о этихъ двухъ авторахъ, которыхъ я добросовѣстно изучалъ въ жизни моей? Если переписать Пордеча стоило князю 300, то здѣсь считаю нужнымъ замѣтить, что и я моему переписчику подарилъ за тоже самое дѣло серебряные часы въ 60 или 80 рублей; кромѣ того впослѣдствіи Пордечъ мнѣ обошелся и въ нѣсколько тысячъ, ибо братъ Самсонова, переписывавшій мнѣ Пордеча, взошелъ на меня по этому случаю въ доносъ, который заставилъ меня неоднократно ѣздить и въ Москву, и въ Петербургъ, а впослѣдствіи и выдти въ отставку съ совершеннымъ почти разстройствомъ маленькаго моего достоянія, что̀ князю въ свое время было извѣстно.

Я охотно занимался своимъ дѣломъ и легъ въ три часа ночи, снарядивъ для завтрашняго чтенія, что̀ нужно. Прелестный иностранный графинчикъ и стаканъ полированнаго, окрашеннаго и накладнаго стекла.

Суббота, 27 Ноября.

Въ исходѣ втораго часу я и Николай Андреевичъ явились по обыкновенію. Принялись за чтеніе своего мудраго и чистаго псевдонима. Авторъ распространялся о свойствѣ семи міровъ или вселенныхъ съ ихъ обитателями, которые состоятъ подъ управленіемъ Святыя Дѣ-

вы; въ послѣднемъ изъ оныхъ открываются святымъ небожителямъ тайны естества и сущности Бога и Творца нашего. Звѣзда Оріонъ есть удѣлъ Архангела Михаила; Плеяды содержатся подъ вліяніемъ святаго человѣчества Господа нашего Іисуса Христа; Утренняя Звѣзда вмѣщаетъ въ себѣ возлюбившихъ чистую и безкорыстную любовь или перемѣнившихъ грязное ощущеніе и преслѣдованіе плотяности на дѣвственное поклоненіе Господу въ духѣ и истинѣ. Марія Магдалина есть царица этого благодатнаго міра. Но славная Сіонская гора, можетъ быть крайній предѣлъ человѣческаго усовершенствованія, гора, неудобовосходимая человѣческими помыслы, обрѣтается лишь въ солнцѣ, какъ центрѣ и правителѣ всей планетной системы нашей. Юпитеръ, по словамъ автора, населенъ даровитыми изъ земпородныхъ, умами крѣпкими, геніями возвышенными, между тѣмъ какъ его спутники вмѣщаютъ въ себѣ людей обдержимыхъ также высокимъ разумомъ, уступающихъ можетъ быть въ даровитости одному лишь генію. Бывшіе представители на землѣ скупости, любочестія, любоначалія имѣютъ пребываніе въ планетѣ Сатурна. Всѣ эти данныя автора, выхваченныя, такъ сказать, мною изъ того порядка обстоятельнаго и правильнаго изложенія, въ которомъ предлагаются у самого автора, могутъ доставить обильную пищу сарказмическому настроенію нынѣшняго поколѣнія; но это меня нисколько не удерживаетъ вѣрить въ простотѣ моему автору, котораго сказанія о прочихъ предметахъ христіанской жизни исполнены глубины, премудрости и помазанія. Здѣсь болѣе о читанномъ я распространяться уже не буду, потому что князь самъ мнѣ указалъ методу по этому предмету, о чемъ въ своемъ мѣстѣ и было сказано. Князь день ото дня читаетъ прекраснѣе и внятнѣе; обветшалый Французскій языкъ и притомъ въ переводѣ 1730 года почти не замѣтенъ въ одушевленной дикціи чтенія князева. Этотъ разъ послѣ него читалъ я, потомъ Ник. Андр.—Николай Андр. въ чтеніи своемъ останавливался на каждой ошибкѣ языка, каждой опечаткѣ типографской, отъ чего я иногда теряю терпѣніе. Нынѣ, готовясь закончить главу, ибо обѣдъ приближался и каждую минуту ожидали сестрицу князеву *), дабы идти за столъ, Николай Андреевичъ, торопясь читать, вдругъ поперхнулся на какой-то строчкѣ, и въ то самое время отворяются двери приходящей сестрицѣ. Князь, видя это, засмѣялся, взялъ поспѣшно книгу, и начатое слово Никол. Андреевичъ принужденъ былъ проглотить самъ. Подлинно, надлежитъ любить такъ предметъ, какъ князь его любитъ, чтобы съ такимъ доброхотствомъ выносить несовершенство нашихъ чтеній à tour de rôle. Князь иногда морщится, когда я нашего автора

*) Дѣвица Елисавета Михайловна Кологривова, единоутробная сестра князя А. Н. Голицына. Столкновеніями съ нею наполненъ весь Крымскій дневникъ Бартенева. Ю. Б.

провaживаю на почтовыхъ по казенной надобности; онъ также морщится и тогда, когда и Загрядскій на тему авторскую выпѣваетъ свой медленный и монотонный cantabile.

Мнѣ пришла идея вообразить, что знаменитый современный Французскій астрономъ Араго изъ своего института переселился бы на время въ Пошехонскій уѣздъ Ярославской губерніи. Вотъ раздушенный нашъ Французъ долженъ бы былъ разсказывать чудеса міроздaнія, столь удачно имъ подмѣченныя, теорію двойныхъ звѣздъ столь таинственныхъ, теорію, которая прославила не одно современное имя, урочища магнитныхъ матокъ, разселившихся по разнымъ мѣстамъ земнаго шара и о существованіи которыхъ только лишь нынѣшнее поколѣніе стало догадываться; долженъ бы былъ, говорю, разсказывать о предметахъ столь новыхъ, заманчивыхъ, не истощенныхъ еще преслѣдованіями стараго ума человѣческаго; а слушатели его не Гумбольты бы были, а просто Пошехонскіе наши мужички, знавшіе бы, напримѣръ, Французскій языкъ по Нижегородскому нарѣчію. И вотъ эти мужички, выпивши каждый по семи паръ чаю и закусивши сытнымъ растягаемъ, слушали бы Араго, зѣвали и, можетъ быть, рыгали при одушевленной импровизаціи знаменитаго современника. Каково бы было состояніе Араго при этихъ условіяхъ? Не было ли бы оно для него тѣмъ ужаснымъ феноменомъ, который такъ недавно напугалъ насъ при совокупномъ чтеніи?

Но подобный фактъ, въ безмѣрныхъ однако пропорціяхъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ повторился на землѣ нашей. Небесная премудрость, въ лицѣ Бога и человѣка посѣтившая землю, обставляла себя можетъ быть, еще худшими по коснѣнію ума слушателями, чѣмъ простолюдины Русскіе. Но она благодушно сносила нашу немощь и тѣмъ показала человѣчеству, что и оно долженствуетъ и слѣдовательно можетъ носить крестъ этотъ: крестъ тяжкій до невѣроятности и нестерпимо-болѣзненный для ума тонкаго, свѣтлаго и просвѣщеннаго, когда онъ, по стеченію неизбѣжныхъ обстоятельствъ, обставляется людьми его непонимающими, неимѣющими съ нимъ созвучія и часто даже его гнетущими и преслѣдующими.

Идемъ за столъ. Я чувствую себя какъ-то грустнымъ. Московское блюдо карасей въ сметанѣ на столѣ княжескомъ. Послѣ обѣда разговоръ начался свѣдѣніемъ, что нѣкто г-жа Б., Англичанка родомъ, посѣтила больную дѣвицу Шумлянскую, сестру Булгакова, въ которой принимаетъ участіе князь нашъ. Эта одержима мономаніею филантропіи. Она самобытнымъ своимъ проявленіемъ уничтожаетъ положительные и главные тезисы моей философіи. Доселѣ я думалъ и не безъ основанія, что всѣ человѣки, разумѣя ихъ въ гражданскомъ смыслѣ,

раздѣляются на два лишь рода: на давантусовъ и обирантусовъ. Но эта г-жа доказываетъ мнѣ, что есть еще въ человѣчествѣ третье звено или модификація: ибо она сама, т. е. г-жа Б., есть и обирантусъ и давантусъ. И вотъ примѣръ. Однажды приходитъ она къ одной дамѣ и проситъ у нея взаймы денегъ отъ лица графини Потемкиной, доброй и почтенной женщины, но которая и во снѣ не видѣла просить въ займы этихъ денегъ. Г-жа Б., получа деньги, отыскала какихъ-то крестьянъ, пришедшихъ будто бы на работу въ Петербургъ и за неотысканіемъ оной голодавшихъ отъ этой необходимой праздности; между тѣмъ какъ лѣтомъ, еслибъ только они взялись снашивать дрова съ барокъ, то и тогда-бъ могли заработать большія деньги....

Понедѣльникъ, 6-го Декабря.

Сегодняшній день князь приказалъ намъ явиться къ обѣднѣ: нынѣ, въ Николинъ день, Русскіе празднуютъ тезоименитство милостиваго своего Государя. У князя назначена обѣдня и благодарный молебенъ; завтра день рожденія князева. Сегодня звали его на обѣдъ сперва министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельродъ, потомъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта Новосильцовъ; князь отъ обоихъ этихъ обѣдовъ отказался, ибо расположился говѣть нынѣшніе дни. Я люблю говѣть въ эти дни, говорилъ мнѣ и Загрядскому князь, и это одно изъ прекрасныхъ средствъ философской утилитарной системы. Е. с. свѣтло встрѣчаетъ и проводитъ дни эти, когда, еслибъ не говѣлъ, то томился бы до сыта суетою, добывалъ индижестію, путался и уставалъ отъ репрезентаціи, многочисленной, докучливой. Теперь этою методою онъ рѣшаетъ вопросъ легчайшимъ образомъ. Никто не смѣетъ его обезпокоивать; для равныхъ себѣ имѣетъ прекраснѣйшую и опрятную отговорку; душа выигрываетъ чрезъ то просторъ, если не успокоеніе. Нѣтъ суеты, бѣготни въ домѣ; ближайшая и нижайшая кліентель не имѣетъ уже этой всероссійской казенной причины подгулять, почарствовать и проч. и проч. Все въ домѣ князевомъ смирно, тихо, маятникъ обыденности идетъ обыкновеннымъ ходомъ. Какъ вы думаете, однако, препочтеннѣйшіе читатели, нужна ли для этого энергія, чтобъ не пошумѣть самому и умѣть сдержать другихъ въ высокосные дни своего тезоименитства и рожденія? Знаете ли, господа, что въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, при извѣстномъ настроеніи духа, сущая напасть подобныя христіанскія вакханаліи.

Вотъ я пріѣзжаю въ домъ княжескій, спрашиваю у служителя: обѣдня давно началась? Не спрашивалъ ли меня князь? повторилъ я съ робостію. Спрашивать не спрашивалъ, а два раза выходилъ изъ церкви и кругомъ оглядывался. Вотъ я побѣжалъ чрезъ залу и сталъ въ свой уголокъ, который сейчасъ же уступилъ мнѣ Гаврило Степановичъ. Въ церкви уже отошло «яко до Царя всѣхъ подымемъ», и на-

чалась эктенія съ обычными прошеніями. Вмѣсто согласованія себя съ общею молитвою, безпокойный мой помыслъ подмывалъ меня только узнать, въ церкви ли Загрядскій; на паперти его однакожъ не было. Я тогда только успокоился, когда увидѣлъ, что мой Загрядскій выкатился къ «Достойно». Отошла обѣдня, отошелъ молебенъ, и вотъ я вздумалъ сдѣлать обычный coup de grâce его сіятельству: подошелъ къ нему прямо и пренизко принесъ ему мое поздравленіе. Князь улыбнулся и тотъ же разъ замѣтилъ мнѣ: ты, братецъ, поздно пришелъ въ церковь.

Къ чему это все написано? спросятъ нѣкоторые. А вотъ къ чему, милостивый государь, что эта повидимому мелочь служитъ мнѣ къ обнаруженію одной чертинки князева характера, чертинки хотя и неважной, но которая у него составляетъ элементъ наружной жизни. Князь, послѣдовательно огребаясь ото всего лишняго въ жизни, нечувствительно втянулся во внѣшній порядокъ; въ этомъ порядкѣ онъ любитъ составлять центръ и, что̀ того еще болѣе, не устаетъ быть двигателемъ онаго. Выборъ служителей и умѣнье обставить ими себя много ему въ томъ способствовали. Все у князя дѣлается по числу, мѣрѣ и вѣсу. Такая психическая домашняя мануфактура даже веселитъ его; но врядъ ли это одна эта видимая выгода; не способствуетъ ли это князю и въ другихъ болѣе важныхъ занятіяхъ? Внѣшній этотъ порядокъ не есть ли у него симульяръ внутренняго? Не служитъ ли это только одною рамкою или окраиною занятій болѣе важныхъ, болѣе сердечныхъ? Но я пока помолчу объ этомъ; можетъ быть, скажется это въ своемъ мѣстѣ. Князь началъ обычное наше чтеніе, то есть продолженіе сочиненія Enfant de Dieu. Его откровенія были таковы: большая планета Юпитеръ управляется апостоломъ Павломъ; планетою Марсомъ завѣдываетъ архидіаконъ Стефанъ, первый мученикъ христіанства. Свѣтлый Меркурій, планетка ближайшая къ солнцу, управляется по его сказанію извѣстною дѣвицею, Антуанетою Буриньонъ*), гдѣ и знаменитый, но отвергаемый школою, Яковъ Бёмъ имѣетъ свое господствованіе. Дѣти, не получившія крещенія, населяютъ спутниковъ Сатурна. Земля назначена для людей осужденныхъ; она же будетъ служить достояніемъ и духовъ отверженныхъ, когда легіоны ихъ, послѣ вѣчности вѣчностей, тронутся покорнымъ самосознаніемъ предъ Творцемъ ихъ, и неистощимая благость Божія осѣнитъ ихъ крыломъ своего милосердія.

Чтеніе прерывалось разговорами и разсказами; они были занимательны. Покойный Родіонъ Александровичъ Кошелевъ переписывался съ знаменитымъ и незабвеннымъ Лафатеромъ; эта переписка послѣ его

---

*) Знаменитая визіонерка, род. въ Лилѣ 1616, ум. 1680. Она считала себя призванною возстановить истинный духъ Евангельскій. 25 томовъ ея сочиненій были изданы ея ученикомъ Пуаретомъ въ Амстердамѣ, въ концѣ XVII вѣка. Ю. Б.

смерти досталась князю *). Лафатеръ обыкновенно писалъ на лоскуточкахъ небольшихъ бумажекъ, четкимъ на манеръ нашего устава письмомъ. Переписка была очень лаконическая и на Французскомъ языкѣ. Лафатеръ писалъ афоризмами, и слогъ его былъ сжатъ и съ отступленіемъ всякой письменной или эпистолярной формы. Не задолго, кажется мнѣ, до мученической своей кончины Лафатеръ писалъ къ Кошелеву, что онъ имѣетъ ему сообщить очень важныя вещи и хотѣлъ бы, чтобъ Кошелевъ или самъ къ нему нарочно для того пріѣхалъ, или чтобъ нашелъ вѣрное средство или надежнаго посредника, дабы Лафатеръ въ полной надеждѣ могъ сообщить ему тѣ свѣдѣнія.

Я самъ видѣлъ эту переписку у князя, перечитывалъ ее и помню самое это письмо, о которомъ здѣсь упоминается. Старикъ Кошелевъ одряхлѣлъ уже и врядъ ли тогда не былъ слѣпъ, когда получилъ этотъ вызовъ отъ Лафатера, и онъ ничего не сдѣлалъ ни того, ни другаго. При разсужденіи, что̀ бы за такія вещи были, которыя Лафатеръ хотѣлъ сообщить Кошелеву, князь разсказалъ намъ слѣдующую любопытную свою догадку или, лучше сказать, не догадку, а весьма важное событіе. Въ одинъ день Лафатеръ занимался обычными своими упражненіями и вотъ видитъ, что дверь въ его кабинетъ вдругъ отворяется и входитъ къ нему юноша съ благородною осанкою, съ чертами лица прекрасными и величественными. Лафатеръ спрашиваетъ его, кто онъ такой и какая причина его прихода. Лафатеръ, величественно отвѣчаетъ незнакомецъ, я есмь Іоаннъ Богословъ и пришелъ къ тебѣ для бесѣды и утѣшенія. Тутъ Іоаннъ началъ разсказывать ему невѣдомыя тайны премудрости Божественной, началъ ему повѣствовать о Іисусѣ Христѣ, своемъ Господѣ и Учителѣ. Сердце Лафатерово горѣло и возносилось, слушая столь сладостные для него глаголы, и вотъ онъ въ простотѣ своей говоритъ Богослову: Сдѣлаешь ли ты мнѣ милость, апостолъ Божій, согласишься ли ты написать мнѣ хоть что-нибудь изъ этой сладкой и дивной своей бесѣды? Охотно, сказалъ Іоаннъ, и вотъ Лафатеръ подаетъ ему карандашъ и листъ бумаги, на которой Іоаннъ пишетъ, потомъ вдругъ исчезаетъ изъ глазъ изумленнаго и обрадованнаго Лафатера. Это событіе разсказывалъ князю извѣстный знаменитый проповѣдникъ Госнеръ, нѣкогда проживавшій по волѣ и вызову самого Государя въ Петербургѣ. Онъ даже, по словамъ своимъ, имѣлъ и частичку этого самаго карандаша, которымъ апостолъ писалъ свои сказанія Лафатеру. Не эти-то ли вещи, продолжалъ князь, Лафатеръ и хотѣлъ сообщить старцу Кошелеву, котораго онъ уважалъ за благочестіе?

*) Любопытно знать, бралъ ли Лафатеръ съ Кошелева деньги за свою переписку съ нимъ, какъ дѣлалъ этотъ знаменитый Швейцарецъ съ молодымъ Карамзинымъ. (См. Переписку ихъ, изд. Я. К. Гротомъ). Лафатеръ убитъ солдатомъ въ 1801 году. П. Б.

20-го Генваря 1838 года. Четвертокъ.

Обѣдаю у князя съ Гавр. Степанов. Князь чувствуетъ нѣсколько себя нездоровымъ. Читаю ему письмо племянницы, проэктъ письма къ племяннику, который онъ поправляетъ; прочитываю поэтическое письмо сороконожки [1]), потомъ длинное посланіе тайнаго совѣтника Мельникова, прошу ходатайства князя земляку и бывшему своему сосѣду полковнику Захарову; князь благоволительно выслушалъ и отвѣтствовалъ мнѣ, что посмотритъ. Гавр. Степ. подмѣтилъ во мнѣ Шотландскій методизмъ, что все якобы дѣлается у меня по прикосновенію духа, а онъ этого не понимаетъ, потому что человѣкъ-де свѣтскій. Приличіе воспрещаетъ начертать здѣсь очеркъ Попова, типъ темпераментальнаго и суетливаго Татарскаго добродушія съ заносчивыми требованіями, приличіе, говорю, воспрещаетъ потому, что мы суть служащіе у одного общаго хозяина; но перу можно было здѣсь разгуляться, ибо рѣзкость характера и темперамента очевидны. Послѣ обѣда князю сдѣлалось лучше, и онъ поразсвѣтился.

21-го Генваря. Пятница.

Князь потребовалъ меня къ себѣ благосклонною записочкою. Пьемъ чай. Мнѣніе мое о Таліони развеселило князя. Прочитываю ему отрывокъ изъ странствованія по Палестинѣ Испанскаго Жида Веньямина Тудельскаго, который разсказываетъ о сокровищахъ, хранящихся въ подземныхъ каморахъ царскихъ гробницъ въ Іерусалимѣ. Это служитъ подтвержденіемъ прежде разсказаннаго княземъ одного страннаго случая, именно появленія богатаго Еврея во Франкфуртѣ; подробности опишу въ послѣдствіи, также и объ отношеніи этого событія къ Штиллинговой автобіографіи.—Читаю князю Аталу Шатобріана; я привезъ это сочиненіе для того, чтобъ сдѣлать занимательную диверсію въ скукѣ недуга князева. Является Вѣра Алексѣевна [2]) съ своею suivante. Прозрѣніе мое въ даръ душевности этой дамы происходитъ болѣе отъ того, что я имѣлъ въ жизни случай слѣдить и наблюдать двухъ человѣкъ подобнаго характера, темперамента и даже почти наружности. — Направленіе и развитіе разговорнаго юморизма; нѣчто объ Англичанкѣ

---

[1]) Т. е. чиновникъ Куракинъ. См. выше. Ю. Б.

[2]) Вѣра Алексѣевна Муравьева, урожд. Горяинова, не пожелавшая сопровождать своего мужа, Артамона Захаровича (брата графини Канкриной) въ Сибирь. Намъ не удается выяснить, въ какомъ родствѣ она находилась съ княземъ А. Н. Голицынымъ. Она играетъ видную роль въ Крымскихъ дневникахъ Ю. Н. Бартенева. Спутница ея, Марья Владимировна Волоцкая—ея племянница. Ю. Б.

и двухъ ея пансіонахъ, изъ коихъ одинъ для служанокъ, другой для бѣдныхъ и голодныхъ сѣверныхъ Цирцей. Въ Вѣрѣ замѣтна ловкость, разумъ, знаніе такта и какая-то страстность въ отправленіяхъ. Suivante ея—Божья коровка, но болѣе разумѣетъ себя сдерживать и, кажется, составляетъ омегу обыденнаго существованія Вѣрина, т. е. дополняетъ и вершаетъ его. Въ обѣихъ дамахъ проскальзываетъ иногда аффектація, и онѣ крѣпко ищутъ въ князѣ. Здѣсь естественно набѣгаю на вопросъ, для чего князь обставляетъ себя этими женщинами. Вотъ отчего, скажу однако въ краткомъ очеркѣ. Оптическій обманъ, кто подумаетъ, чтобы князь кѣмъ себя обставлялъ: у князя если есть теплота, она сжата во внутренности; по наружности же князь есть строгій формалистъ, часто холодный, ставящій не очень высоко всѣхъ женщинъ, какъ бы онѣ около него ни финтили. Около моего свѣтлаго солнца, сколько мнѣ извѣстно, обращается вотъ какая планетная система: племянница, Плещеева, потомъ Турчанинова *), сестра, Муравьева, графиня Віельгорская и сестра Булгакова. Не говорю уже о планетныхъ спутникахъ; но и въ планетахъ есть бо̀льшая или меньшая ясность. Этотъ планетный міръ иногда мятется вселенскою судорогою; ревнованіе, зависть, подозрѣніе, совмѣстничество, словомъ все волнуетъ эту солнечную систему. Бывали примѣры, что даже сама коноводка Плещеева плакивала отъ досады, когда князь отымалъ у нея день, чтобъ передать Муравьевой. Сестра смотритъ на все наблюдательнымъ окомъ, иногда косится, стрѣльнетъ рикошетцомъ, но болѣе молчитъ и робѣетъ. Опять повторю вопросъ: для чего же князь обставляетъ себя этими женщинами?

Въ князѣ нашемъ есть множество разнородныхъ и разноцентренныхъ потребностей. Первая и главнѣйшая есть Энохіянское хожденіе въ присутствіи Божіемъ; шаги его, можетъ быть, не скоры, но тверды. Вся теплота его отдана Богу; этотъ океанъ замѣтно заливаетъ въ немъ всѣ прочія озера, пруды и источники. Добросовѣстныя и роскошнѣйшія траты сердца князя всѣ для Бога, а для этихъ госпожъ остается еще въ немъ нѣсколько застоевъ и лужъ, гдѣ онѣ, какъ домашняя живность, бродятъ и обмакиваютъ однѣ лишь ноги.

Оставя амплификаціи, скажу понятнѣе: кромѣ религіозности существо князево зазнало и другія потребности; въ немъ развито множество началъ, и вотъ эти дамы суть какъ бы коробки какія, гдѣ мой добрый князь иногда прячетъ перлы свѣтлаго своего ума и любящаго сердца.

*) Объ Аннѣ Александровнѣ Турчаниновой, производившей чудеса своимъ лѣченіемъ, разсказано будетъ особо. Ю. Б.

Съ Плещеевой онъ практикуетъ какъ бы съ разумичной какой-то сестрою; старуха эта не безъ достоинствъ; она напоминаетъ ему лица всегда для него присныя, Кошелева и Лѣнивцова; онъ иногда у нея и скучаетъ, но остается вѣренъ своему сгибу, Плещеевой и сіестѣ [1]). Турчанинова есть женщина, которая служитъ для него, какъ для артиста, этюдомъ психической антропологіи. Cela me fouette le sang, говорятъ Французы; такъ и князю нашему: ему иногда нужны сильныя впечатлѣнія; блѣдная и ограненная жизнь столичная утомляетъ его своею прѣлостію; Турчанинова же есть инстигаторъ въ женщинахъ; она находитъ средство безпрестанно толкать и поддерживать вниманіе князево, она озадачиваетъ его оригинальностію взгляда на вещи и умѣньемъ магически сосредоточивать волю для раскрытія сокровищъ міра ненагляднаго. Сестру свою любитъ князь для того, чтобъ практиковать съ нею любовь родственную и часомъ вступать въ дружескій бой съ требованіями и претензіями родства, основаннаго на плоти и крови. Племянница князева Самойлова есть существо самобытное, въ достоинствахъ котораго изчезаетъ ея мужъ, какъ изчезаетъ шмель предъ пчелиною маткою.—Боится бойкая, ловкая и часто огнистая графиня[2]) смѣлою рукою нарѣзывать свои мнѣнія и, можетъ быть, князь нашъ и любитъ ее за то, что замѣчаетъ въ ней отсутствіе той вялости, которая нѣсколько видна въ его племянницѣ. Графиня бойко и неусыпно ищетъ любви дядиной и скоро находитъ ее въ готовомъ сердцѣ князевомъ.—Муравьева! О, эту женщину любитъ князь для того, чтобъ практиковать свой юморизмъ; въ Вѣрѣ есть расположеніе и къ религіозности, она любезна, умна; князь отдыхаетъ съ нею, разсказывая ей неизбѣжные шкандалы, на которые иногда поневолѣ натыкается въ высшемъ обществѣ. Въ Вѣрѣ много любви; она имѣетъ случай практиковать ее; кто знаетъ, не сильнѣе-ли, не ярче-ли разгорается пламя и слѣдовательно въ той же степени уменьшается копоть и дымъ?—Графиня Віельгорская есть для князя какъ бы субъектъ Расиновой драмы. Начать съ того, что она есть обломокъ или мозаикъ истинной аристократіи; дама, говорятъ, почтенная, мыслящая, образованная. Когда она ѣздила въ чужіе края, то любопытствовала видѣть Эмерикъ, Зрительницу Преворста; все это импонируетъ князю, и онъ охотно отдаетъ должную дань любознательности женской, столь рѣдкой въ наше время.—Сестра Булгакова есть въ нѣкоторомъ смыслѣ предметъ милосердія князева; существо болящее, одичалое, безмощное, оно потому любимо княземъ, что носитъ на себѣ залоги примѣрнаго его великодушія. Есть чудное

[1]) Sieste—послѣобѣденный отдыхъ.
[2]) Графиня Салтыкова.

свойство въ душѣ человѣческой, чтобъ прилѣпляться къ тѣмъ, коимъ мы наиболѣе благодѣтельствуемъ; въ этомъ случаѣ она поступаетъ противъ обыкновенной логики, которая возможность этаго факта усвоиваетъ обратному отношенію. Но въ сестрѣ Булгакова есть еще и другія свойства: болѣзнь проточила ея тѣлесную оболочку, и это подало поводъ развиться въ ней нѣкоторымъ силамъ, не общимъ для обыкновенной толпы. Князь примѣтно взглядывается въ это развитіе, пополняющее для него скудный запасъ подобныхъ вѣдѣній, не щедро разлитыхъ въ плотяномъ человѣчествѣ. Я забылъ еще о княгинѣ Кочубей, и съ этой дамою князь знакомъ коротко. Но теперь довольно объ этомъ было говорено, и я спѣшу накидать еще нѣсколько бѣглыхъ, но окончательныхъ и общихъ очерковъ. Князь управляетъ этимъ женскимъ монастырькомъ ловко и искусно; постоянная метода его христіански разъединять ихъ всѣхъ, но безъ омрачающихъ послѣдствій; и вотъ отъ того этотъ малый міръ съ разноцентренными своими требованіями весьма спокоенъ и доволенъ.

Я сказалъ, что князь разъединяетъ, чтобъ лучше управить, и вотъ онъ приступаетъ къ этому, перебирая знакомыхъ своихъ по одиночкѣ. Когда онъ которую изъ нихъ посѣщаетъ, тогда всегда дѣлаетъ хозяйку исключительнымъ предметомъ своего благоволительнаго и лестнаго вниманія; онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ изолируетъ и претворяетъ себя на этотъ разъ совсѣмъ для своей восхищенной слушательницы. Аттенція, участіе, созвучіе все употребляется имъ, чтобъ убаюкивать свою пріятельницу, которая восхищается щедрою дозою обязательнаго его преслѣдованія; и почему знать, можетъ быть, разставаясь съ княземъ, иная сама въ себѣ все думаетъ, что онъ одну только ее такъ любитъ, что онъ съ одною только ею занимается промѣномъ этого исключительнаго, обильнаго благоволенія? Но князь это дѣлаетъ со всѣми à tour de rôle, и вотъ отъ чего малое стадо это весело, довольно и покойно. Не похожъ ли здѣсь князь на искуснаго фермера, который корзинку своего обычнаго расположенія, какъ обыденнаго корму, ставитъ домашней своей птицѣ; замѣситъ въ ней пищу, сдѣлаетъ посыпку, и вотъ куры подходятъ къ корзинѣ (только берутся мѣры, чтобъ подходили въ разное время), питаются, клохчутъ и сытыя возвращаются на свою насѣсть? Нечего дѣлать, сказалъ мнѣ однажды князь, надобно же нѣкоторое искусство въ обращеніи съ женщинами и особенно строгая и неизмѣняемая правильность въ посѣщеніяхъ: тогда менѣе будетъ у нихъ ревности и зависти. Но я заключу свой вечеръ. Князь былъ доволенъ Аталою и съ любовію отпустилъ насъ по домамъ.

22-го Генваря, Суббота.

Являюсь къ князю поранѣе и читаю ему письмо друга моего Смѣльскаго. Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать пространную выписку изъ письма. Князь отозвался и о письмѣ, и о Смѣльскомъ въ благосклонныхъ выраженіяхъ. Хорошо онъ пишетъ, сказалъ мнѣ князь, и видно, что тебя любитъ. Здѣсь повторилъ я князю мое желаніе, чтобъ эта добрая и слабая душа сочетала нѣкогда свой жребій съ предполагаемымъ уединеніемъ и отлюженіемъ отъ всѣхъ дѣлъ князя. Пришелъ Загрядскій, и вотъ князь намъ разсказалъ, что̀ ему Чаплыгинъ передалъ объ одномъ колодникѣ, который былъ перенесенъ на большое разстояніе отъ мѣста своего заключенія. Я вызвался читать Санта-Круца и охотно прочиталъ первую книгу. Я былъ очень въ живомъ и веселомъ расположеніи духа. Князь разсказывалъ намъ о землетрясеніяхъ, потомъ рѣчь перешла на современную политику. Князь заставилъ меня прочитать одинъ отрывокъ изъ извѣстнаго журнала la Mode, гдѣ сарказмическія аллюзіи на бракосочетаніе Французской принцессы съ герцогомъ Виртембергскимъ превзошли всякое вѣроятіе; написано остро, замысловато, колко. Князь разсказалъ намъ городскіе слухи: Французскій король писалъ царю о замужствѣ дочери une lettre autographe; Государь замолчалъ и не отвѣтствовалъ ему. Для меня король Филиппъ есть политическая нелѣпость: отнять престолъ отъ истиннаго наслѣдника съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться самому гражданиномъ и королемъ, есть болѣе блестящій фарсъ, нежели польза и истина. La souveraineté du peuple есть идея для грядущаго поколѣнія. Я, видно, принадлежу къ старому, ибо не могу согласить ее съ моими понятіями, воззрѣніями и требованіями сердца. Пиѳагоръ сказалъ: что̀ въ верху, то и въ низу; внѣшній міръ есть отпечатокъ внутренняго невидимаго міра; въ невидимомъ есть одинъ Господь, глава и дѣлатель; идея ѳеократіи передана намъ свыше; она какъ-то и натуральна, и понятна. Царя же народа понять трудно. Хотя и можно подставить подобную идею воображенію, но не иначе какъ въ какой нибудь утопіи, которая въ падшемъ человѣчествѣ существовать никогда не можетъ. Странно, что на этой идеѣ, на этомъ подножіи возникаетъ теперь и опаснѣйшая религіозная ересь. Неохристіанизмъ аббата Ламенне́*) сильно волнуетъ и увлекаетъ умы.

*

---

*) Félicité Robert de Lamennais (1782—1854) въ своемъ журналѣ, основанномъ послѣ 1830 года, l'Avenir, приводилъ мысль о необходимости проникновенія католичества демократическими идеями, за что былъ осужденъ папою въ 1832 г. Изъ памфлетовъ его, направленныхъ противъ церкви и монархіи, Ю. Н. Бартеневу могли быть извѣстны Paroles d'un croyant (1834) и Affaires de Rome (1836). Ю. Б.

Личныя отношенія къ первому вельможѣ того времени, безпрестанное посѣщеніе великолѣпнаго дома его (на Фонтанкѣ, № 20, гдѣ впослѣдствіи жили министры Двора графы Адлерберги), не могли долго удовлетворять Ю. Н. Бартенева. Видимо желалъ онъ имѣть прочное служебное положеніе въ почтовомъ вѣдомствѣ, не ограничиваясь отвлеченными разсужденіями съ своимъ сіятельнымъ другомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее

Письмо Ѳ. И. Прянишникова.

«Примирися съ соперникомъ твоимъ, дондеже еси *на пути*, да не предастъ тя судія слузѣ, а слуга ввергнетъ *въ темницу*».

Дологъ или коротокъ путь нашей жизни, мы не знаемъ; можетъ быть, оба мы, или одинъ изъ насъ, уже при самомъ концѣ его. Но мы знаемъ, что если не примиримся во временной жизни, то въ вѣчной ожидаетъ насъ темница духовная ибо души связанныя гнѣвомъ на землѣ будутъ связаны имъ и на небесахъ. Это приговоръ непреложный, приговоръ страшный. Отъ насъ зависитъ подвергнуться ему или избѣгнуть его. Во имя Христа, примирителя всяческихъ, я вызываю васъ, любезный Юрій Никитичъ, на миръ. Не будемъ исчислять, кто болѣе и кто менѣе виноватъ. При этомъ расчетѣ каждый изъ насъ посадитъ въ судьи своего *я*; а этотъ судья и пристрастенъ, и жестокъ. Лучше изберемъ въ посредники Того, Кто самъ есть источная любовь и въ сердца обращающихся къ Нему вливаетъ любовь, а съ нею и прекрасный плодъ ея—миръ. *Слезно молилъ я Господа, и Онъ даровалъ мнѣ великую милость: силу простить васъ.* Теперь душа моя свободна отъ всякаго негодованія противъ васъ. Благодарю и славлю Бога, освободившаго меня отъ непріязни. За тѣмъ прошу и умоляю васъ простить меня въ томъ, въ чемъ вы находите меня виноватымъ. Тогда оба мы, въ мирѣ и любви, приступимъ къ подвигу покаянія съ твердою надеждою, что милосердый Господь отпустилъ согрѣшенія наши.

Но мало того, чтобы, въ минуту благодатнаго осѣненія, почувствовать себя свободнымъ отъ гнѣва и ощутить любовь. Это есть только даръ Божій; надобно умѣть сохранить его; утрата сего дара есть новый грѣхъ. Чтобы достигнуть сего сохраненія, необходимо избѣгать *тѣхъ случаевъ*, которые вводятъ въ искушеніе непріязни. Важность предмета требуетъ откровеннаго изъясненія моихъ мыслей. *Главнымъ и единственнымъ почти источникомъ неудовольствій вашихъ противъ меня было то, что вы требуете отъ меня безусловнаго исполненія вашей воли; и отказъ въ томъ, чего я не могу исполнить по обязанностямъ службы, или по совѣсти, или по обстоятельствамъ,*

вы принимаете доказательствомъ нерасположенія къ вамъ, приписываете недостатку дружбы. Причины неправильности сего требованія такъ ясны и просты, что я считаю излишнимъ и говорить о нихъ; но считаю христіанскою обязанностію обратить серьезное вниманіе ваше на доховную сторону подобнаго домогательства. Любовь христіанина желаетъ одного, чтобы *воля друга его подчинена была волѣ Бога, то-есть волѣ истины, свѣта, порядка*, а не его волѣ человѣческой, грѣховной, страстной, безпорядочной. Такое желаніе *не только грѣховное, но сатанинское*, ибо я поставляю *себя* на мѣсто *Бога.* Охотно готовъ я подчинить разумъ мой уму просвѣщенному; волю мою тому, чья воля самого *стоитъ въ законѣ Господнемъ*, и совѣсть мою готовъ исправлять по увѣщаніямъ совѣсти, Богомъ освѣщаемой и руководимой. Внѣ этого безусловная покорность принадлежитъ только въ гражданскомъ порядкѣ: Государю, начальству и законамъ. Посему не будемъ требовать другъ отъ друга того, чего требовать не должно и грѣшно. Неоднократно говорилъ я вамъ, любезный Юрій Никитичъ, и теперь повторяю, что Провидѣніе поставило васъ въ наисчастливѣйшее положеніе. Вы любимы безцѣннымъ начальникомъ вашимъ, пользуетесь назидательными бесѣдами его, занимаетесь подъ собственнымъ его руководствомъ. Съ благодарностію къ Богу, наслаждайтесь симъ положеніемъ *и не мѣшайтесь ни въ лица, ни въ дѣла*, до *васъ не принадлежащія* и за которыхъ отвѣтственность лежитъ не на васъ, а на другихъ. Думая дѣлать добро, мы часто дѣлаемъ зло; ибо добро неразрывно съ порядкомъ, а гдѣ безпорядокъ, тамъ уже вѣрно есть зло. И такъ, если вы захотите войти со мной *въ пріязненныя отношенія, ограничимъ ихъ взаимною любовію, бесѣдою умною и полезною, веселостію кроткою и благонравною.* Тогда жить мы будемъ во славу Бога и въ радость ближнимъ. Миръ вамъ! Обнимаю васъ любовію».

24 Февраля 1840. С.-Петербургъ.

Бартеневъ не отвѣчалъ на это письмо, и старая дружба его съ Ѳ. И. Прянишниковымъ (тогда уже директоромъ Почтоваго Департамента) разорвалась на нѣсколько лѣтъ. Ю. Б.

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ статьѣ „Изъ воспоминаній и разсказовъ“, „Русскій Архивъ“ 1897 г, тетрадь 6-я:

1. Къ стр. 290. Пестель былъ Таврическимъ губернаторомъ съ 22 Января 1845 г. до 11 Ноября 1854 г.

2. Къ стр. 292. Не лишнее указать, что Браилко (отецъ автора статьи) Иванъ Яковлевичъ, былъ Таврическимъ губернаторомъ съ 6 Марта 1845 г. до 16 Іюля 1859 г.

3. Къ стр. 293. Местмахеръ, баронъ Павелъ Ѳедоровичъ, былъ Одесскимъ градоначальникомъ съ 13 Дек. 1857 г. до 3 Марта 1861 г., а передъ тѣмъ служилъ по карантинному или таможенному вѣдомству въ Одессѣ.

4. Къ выноскѣ на стр. 309. Англійскій пароходъ „Тигръ“ былъ взятъ не противъ Пересыпи, низменности справа (глядя на Одессу съ моря), а противъ высокаго морского берега, слѣва отъ Одессы, на которомъ расположены частныя дачи.

Григорій Тройницкій.

*

Въ 8-й тетради, стр. 631 вмѣсто *les coeurs* надо *les cours*; вмѣсто *gougat* надо *goujat*; вмѣсто *responsansibilité*—*responsabilité*.

Стр. 632, вмѣсто *du moin*—*du moins*.

Стр. 634, вмѣсто *строщать*—*стращать*.

*

Въ статьѣ Александры Александровны Милорадовичъ, въ „Русскомъ Архивѣ“, вып. 9-й, на стр. 31-й надо читать такъ: „Ей (царицѣ Марьѣ Владимировнѣ) присылаютъ къ большой ея каптанѣ (а не комнатѣ, какъ напечатано) на двери и на окна 4 сорока соболей“. *Каптана*—зимній возокъ. Тамъ же (строка 11-я сверху) вмѣсто 1624 надо 1625.

На стр. 11-й, строка 20-я вмѣсто *царской* надо *женской*.

На стр. 22-й, строка 23-я вмѣсто *подъ свѣчами* надо *надъ свѣчами*.

На стр. 30-й, вмѣсто *помяло* надо *повезло*.

Кромѣ того пропущены слова на стр. 29-й: „видно, что была надежда, что царица поправится“ и на стр. 30-й: „надъ стуломъ все еще хлопочутъ столяры“.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЕЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1897 года
(выпуски 9, 10, 11 и 12).

ПРИЛОЖЕНА КНИГА

„АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ „РУССКОМЪ АРХИВѢ“
1897 года*).

*) 12 выпусковъ или тетрадей „Русскаго Архива“ составляютъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Римская цифра общаго ко всему годовому изданію Указателя означаетъ книгу, Арабская—страницу.

*

*

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1898 года.
(ГОДЪ 36-Й).

Основанный въ 1863 году, въ эпоху пробужденія Русскаго народнаго самосознанія, вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ разгаръ политическаго броженія на западной нашей окраинѣ, которое было вызвано зложелательствомъ Европейскимъ и поддержано своей-землѣ-несвоеземствомъ нѣкоторыхъ нашихъ дѣятелей, „Русскій Архивъ“ остается вѣренъ своей цѣли: разрабатывать ниву родной исторіографіи, освѣщая настоящее примѣрами прошедшаго, сберегая письменныя свидѣтельства Русской умственной жизни и расцространяя, по мѣрѣ силъ, уваженіе къ трудамъ предковъ, безъ котораго невозможны прочные успѣхи просвѣщенія. Изданіе наше возникло и ведется въ память и по мысли А. С. Хомякова, утверждавшаго, что исторію слѣдуетъ изучать не только съ древнѣйшихъ поръ, восходя къ текущей дѣйствительности, но въ тоже время уходя отъ современности въ глубь прошедшаго и отыскивая непрерывнаго звѣна причинъ и послѣдствій.

Въ 1898 году будутъ печататься въ „Русскомъ Архивѣ“: Записки **графа М. Д. Бутурлина, В. С. Стерлиговой, графа А. Г. Бобринскаго, Ю. Н. Бартенева,** сенатора **Лебедева,** бумаги **графовъ Н. П. и Д. Н. Шереметевыхъ,** братьевъ **А.** и **К. Булгаковыхъ,** письма **В. А. Жуковскаго, А. С. Пушкина, А. С. Хомякова,**

выписки изъ Прусскаго государственнаго архива и пр., статьи **И. А. Бычкова, А. Л. Зиссермана, Е. И. Козубскаго, Л. Н. Майкова, В. И. Саитова, А. Н. Сиротинина, П. Л. Юдина** и другихъ.

Къ „Русскому Архиву" 1898 года прилагается одна книга „Архива Князя Воронцова". Подписчики благоволятъ означать въ своихъ требованіяхъ, какую именно книгу желаютъ они получить изъ 26-ти, содержаніе которыхъ напечатано на оберткахъ „Русскаго Архива" за 1897 годъ. (выпуски 1-й и 2-й).

«Русскій Архивъ» въ 1898 году будетъ выходить **двѣнадцатью выпусками**. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** р. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** р.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895** и **1896** по 7 р. съ пересылкою по 8 р.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни. Для личныхъ объясненій съ издателями— по **четвергамъ** въ тоже время.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

«Русскій Архивъ» въ 1898 году будетъ выходить по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которыя составятъ три большія книги. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** р. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** р.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р. Годы **1890**, **1891**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** и **1896** по 7 р. съ пересылкою по 8 р.

☞ Сборникъ «Девятнадцатый Вѣкъ», книга вторая. Осталось нѣсколько экземпляровъ. Получать можно по 1 р., съ пересылкою 1 р. 30 к.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни. Для личныхъ объясненій съ издателями—по **четвергамъ** въ тоже время.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.